
ЛЕ
IV-75
т. 4
Градовский А.
Собр. сочин.
Спб., 1900.

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл: 6
инв: 267
шк: Е
полка: 6
место: 9
№ 3082

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Д. ГРАДОВСКАГО

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1900.

2936

Четвертый томъ собранія сочиненій А. Д. Градовскаго содержитъ появившееся въ 1886 году сочиненіе подъ заглавіемъ: *Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ*, томъ I, *часть историческая*. С.-Петербургъ. Типографія М. М. Стасюлевича. 1886.

Какъ видно изъ введенія къ этому сочиненію (см. ниже, стр. 37), авторъ имѣлъ въ виду слѣдующія части своего труда посвятить догматическому изложенію началъ и формъ государственнаго устройства главныхъ державъ Европы и Америки. Онъ предполагалъ во второй части остановиться на изложеніи общихъ началъ конституціоннаго государства, независимо отъ различія отдѣльныхъ его формъ, дать въ третьей части обозрѣніе учрежденій конституціонныхъ монархій, и посвятить четвертую часть—республикамъ и федераціямъ.

А. Д. Градовскому не удалось закончить задуманный имъ обширный трудъ. Уже послѣ его смерти, въ 1894 году, появились въ печати читанныя имъ въ 1885 году лекціи по государственному праву важнѣйшихъ европейскихъ державъ [1]). Эти лекціи содержатъ въ себѣ догматическое изложеніе современнаго конституціоннаго устройства и поэтому могутъ считаться продолженіемъ напечатанной еще при жизни автора исторической части. Онѣ будутъ напечатаны въ слѣдующемъ, пятомъ, томѣ собранія сочиненій А. Д. Градовскаго.

---

[1]) *Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ.* Лекціи, читанныя въ 1885 г. А. Д. Градовскимъ. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый томъ „Государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ *развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы*. Издавая его въ свѣтъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ относительно общей цѣли и плана этой книги.

Развитіе и распространеніе конституціонныхъ учрежденій въ XIX столѣтіи было результатомъ нѣкоторыхъ общихъ условій политической, національной, духовной и экономической жизни европейскихъ народовъ. Ознакомленіе съ ними необходимо для каждаго, желающаго ознакомиться не только съ юридической системой западныхъ учрежденій, но и съ условіями ихъ возникновенія. Такое знакомство будетъ всегда полнѣе и, такъ сказать, *жизненнѣе*.

При связи и взаимодѣйствіи событій новой европейской исторіи мнѣ казалось полезнымъ изложить ихъ въ *цѣльномъ* очеркѣ, а не въ отдѣльности, по странамъ. Послѣдній пріемъ представляетъ свои выгоды, давая возможность освѣщать событія бо́льшими подробностями національной исторіи. Но, независимо отъ того, что этотъ пріемъ значительно расширилъ бы рамки труда и потребовалъ бы безполезныхъ повтореній, онъ не далъ бы возможности представить читателю цѣльной и связной картины политическаго перерожденія Европы. Цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы, по прочтеніи каждой главы, относящейся къ отдѣльному періоду политической исторіи Европы, у читателя оставалось цѣльное впечатлѣніе о поступательномъ или попятномъ движеніи конституціонныхъ учрежденій во всѣхъ европей-

скихъ государствахъ. Насколько достигнута эта цѣль — судить, конечно, не мнѣ.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только одна Англія не только сохранила средневѣковыя представительныя учрежденія, но и развила ихъ въ формы новой конституціонной монархіи. Прочія государства или утратили средневѣковыя учрежденія, или, сохранивъ ихъ, подобно Венгріи, остались на почвѣ прежнихъ отношеній.

Поэтому исторія развитія конституціонныхъ учрежденій въ Англіи представляетъ особый интересъ, и имъ посвящена первая половина этого тома. Хотя русская литература и обогатилась въ этомъ (1885) году переводомъ капитальнаго труда Гнейста [1]), но и предлагаемый очеркъ можетъ быть не излишнимъ. Великая заслуга Гнейста состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на органическую связь мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій Англіи, выяснилъ значеніе мѣстнаго самоуправленія, какъ основанія политической свободы Англіи, и раскрылъ значеніе общественныхъ силъ, создавшихъ и поддерживающихъ британскую конституцію. Но, увлекаясь любимою темою и часто впадая въ преувеличенія, Гнейстъ недостаточно останавливается на *политической* сторонѣ этой конституціи и мало даетъ для исторіи парламента. Можно сказать, что его исторія англійской *конституціи* (Verfassungsgeschichte) сводится къ исторіи *управленія* (Verwaltungsgeschichte).

Я старался восполнить этотъ пробѣлъ, руководствуясь для средневѣковой исторіи классическимъ сочиненіемъ Стёббса, а для періода Тюдоровъ и Стюартовъ лучшимъ до сихъ поръ трудомъ Галлама. Не мало полезныхъ указаній для средневѣковой исторіи нашелъ я и въ трудахъ нашего спеціалиста по англійскому праву, профессора Ковалевскаго. По новѣйшей исторіи Германіи, я воспользовался нѣкоторыми частями моего сочиненія: *Германская конституція*.

Исторія развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на континентѣ Европы я началъ со времени первой французской революціи. Но этому историческому обозрѣнію предпосланъ краткій очеркъ развитія политическихъ *идей*, имѣвшихъ вліяніе на направленіе умовъ въ исходѣ XVIII вѣка. Конституціонная исторія Европы доведена, главнымъ образомъ, до установленія новыхъ представительныхъ учрежденій въ Австро-Венгріи, когда конституціонное управленіе было при-

[1]) Переводъ С. А. Венгерова.

нято послѣднимъ изъ важнѣйшихъ государствъ Европы. Это не исключило указаній на важнѣйшія изъ позднѣйшихъ событій, указаній, необходимыхъ для связи исторической части моего труда съ частью догматическою.

Излагая перемѣны въ государственномъ устройствѣ какъ Англіи, такъ и континентальныхъ державъ, я, для объясненія ихъ, останавливался и на главныхъ событіяхъ общей политической исторіи. Это, конечно, увеличило объемъ моего труда и усложнило мою задачу. Объемъ этого тома заставилъ меня ограничить библіографическія указанія, такъ какъ примѣчанія были мнѣ необходимы для подробностей біографическихъ, для разъясненія фактовъ и терминовъ, заключающихся въ текстѣ, и т. д.

Трудъ, имѣющій такую обширную задачу, вѣроятно представляетъ не мало недостатковъ, которые, конечно, и будутъ указаны критикой, въ интересахъ дѣла.

А. Градовскій.

С.-Петербургъ.
20 ноября 1885 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

ВАЖНѢЙШИХЪ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ.

Т. I.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Идея представительныхъ учрежденій.

I. Государства западной Европы и Америки, въ отношеніи своихъ формъ, политическихъ и административныхъ, представляютъ великое разнообразіе. При изученіи ихъ, мы встрѣчаемся съ монархіями и демократіями. Демократіи, въ свою очередь, распадаются на два вида: демократіи непосредственныя, въ коихъ главныя права верховной власти осуществляются самимъ народомъ въ его собраніяхъ, и демократіи посредственныя, гдѣ отправленіе законодательной власти ввѣряется народнымъ представителямъ. Мы видимъ государства, въ коихъ государственная власть сосредоточена въ общихъ для всей страны центральныхъ установленіяхъ, обезпечивающихъ *политическую централизацію* страны (Англія, Франція, Италія, Испанія и др.); рядомъ съ этимъ, мы находимъ государства *сложныя*, съ значительною политическою автономіею частей (Швейцарія, С.-Американскіе и Мексиканскіе штаты, Германская имперія и друг.). Столь же различны и формы управленія. Иныя государства, какъ, напримѣръ, Англія, представляютъ примѣръ широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія; другія, подобно Франціи, доселѣ остаются типомъ административной централизаціи.

Несмотря на это разнообразіе формъ правленія и управленія, въ означенныхъ странахъ одинаково восприняты нѣкоторыя общія начала, вслѣдствіе чего они образуютъ особенный *типъ* государствъ, извѣстный подъ именемъ *конституціоннаго*. Изученіе этихъ общихъ началъ европейскихъ и американскихъ государствъ должно предшествовать изслѣдованію отдѣльныхъ формъ правленія, не только во избѣжаніе повтореній, но и потому, что, безъ уясненія ихъ, непонятны будутъ отдѣльные институты западнаго публичнаго права.

II. Общія начала западныхъ политическихъ формъ на континентѣ Европы явились плодомъ стремленій и идей, господствовавшихъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Конечная цѣль, къ которой они клонились, было установленіе общественной и политической свободы и гражданскаго равенства, въ противоположность абсолютизму и сословной іерархіи стараго порядка. Королевская и вообще государственная власть создалась въ упорной и безпощадной борьбѣ съ феодальнымъ порядкомъ, для которой она нуждалась въ сильныхъ и часто произвольныхъ средствахъ. Она конфисковала и сосредоточила въ своихъ рукахъ общія права власти, прежде соединенныя съ вотчинными правами феодальныхъ владѣльцевъ и общинными правами городовъ. Законодательство, отправленіе правосудія, право войны и мира, установленіе налоговъ и другія права суверенитета сосредоточились въ рукахъ монарховъ, осуществлявшихъ ихъ или непосредственно, или чрезъ подчиненныя имъ установленія. Мѣстные обычаи, вотчинныя юрисдикціи, нѣкоторыя права самоуправленія сохранились настолько, насколько это было допущено центральною властью и не стѣсняло ея правъ. Рядомъ съ политическою централизаціею, развивалась и централизація административная, какъ орудіе и подспорье первой. Она была необходима, во-первыхъ, для того, чтобы вытѣснить феодальную аристократію и старыя общинныя власти изъ всѣхъ, по возможности, сферъ управленія и создать классъ должностныхъ лицъ, непосредственно и исключительно подчиненныхъ велѣніямъ центральной власти. Во-вторыхъ, она явилась орудіемъ осуществленія общихъ національныхъ и государственныхъ цѣлей, порожденныхъ развитіемъ народностей и обширныхъ государствъ.

Вызванные настоятельными потребностями времени, формы и способы управленія „стараго порядка“ заключали въ себѣ важные недостатки, плоды которыхъ обнаружились впослѣдствіи. Во-первыхъ, съ упадкомъ и вырожденіемъ мѣстныхъ корпорацій, союзовъ и сословій, съ появленіемъ новыхъ задачъ управленія, кругъ дѣятельности государственной власти расширялся непрерывно. Въ дѣйствительности онъ не имѣлъ границъ. Всѣ отправленія жизни умственной и духовной, область промышленности и торговли, въ ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ, одинаково подчинялись дѣйствію государственной власти. Притомъ формы и способы этого дѣйствія нерѣдко тягостно отзывались на умственныхъ и хозяйственныхъ интересахъ страны. Они могутъ быть опредѣлены однимъ словомъ—опека, въ смыслѣ прямого и принудительнаго воздѣйствія государствъ на всѣ проявленія общественной жизни. Государство считало своимъ призваніемъ поддерживать одни исповѣданія, воспрещая и даже преслѣдуя

другія, лишая иновѣрныхъ не только политическихъ, но и гражданскихъ правъ; оно поощряло одни виды умственнаго труда и противодѣйствовало другимъ; одни направленія философской, научной или литературной мысли пользовались его поддержкой, другія—вызывали преслѣдованія и запрещенія. Оно покровительствовало однимъ видамъ промышленности, оставляя безъ вниманія и даже воспрещая другія. Покровительствуемыя производства были поставлены въ нелучшія условія. Законы и административныя распоряженія опредѣляли число рабочихъ на фабрикахъ, установляли образцы полотенъ, суконъ и другихъ матерій, способы ихъ окраски и т. д. Наблюденіе за исполненіемъ этихъ правилъ было поручено органамъ администраціи, часто придирчивымъ и склоннымъ къ произволу. Фабрикантамъ и заводчикамъ, за нарушеніе установленныхъ правилъ, грозили строгія наказанія—конфискація произведеній, штрафы, закрытіе заведеній, выставленіе у позорнаго столба. Движеніе торговли направлялось запретительными и покровительственными мѣрами, имѣвшими цѣлью поддержаніе такъ-называемаго „торговаго баланса“, т.-е. равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ.

Такъ сложились постепенно черты государственнаго всемогущества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и возможность великихъ злоупотребленій власти. Раззорительныя войны, тягостные и неравномѣрно распредѣленные налоги, частый произволъ въ дѣйствіяхъ агентовъ власти, религіозныя преслѣдованія, отсутствіе простой личной безопасности вызывали всеобщія жалобы.

Къ этому присоединялось одно важное обстоятельство. Государственная власть, конфисковавъ у феодальной аристократіи и привилегированной буржуазіи ея политическія права, оставила, однако, въ пользу высшихъ сословій, духовенства и дворянства, а также привилегированныхъ городскихъ корпорацій разныя общественныя преимущества, выгодныя для высшихъ классовъ, не стѣснительныя для власти государственной, но весьма обременительныя для низшихъ сословій. Дворянство и духовенство пользуются разными барщинами, оброками и повинностями, истощавшими и безъ того скудныя средства крестьянскаго населенія. Въ общей суммѣ, цифра этихъ оброковъ, десятинъ, повинностей и барщинъ превышала количество податей, вносившихся въ пользу государства. Промышленный трудъ былъ монополизированъ въ пользу цеховыхъ и иныхъ корпорацій, члены которыхъ, пріобрѣтая свои права покупкою или при помощи родственныхъ связей и денежныхъ взносовъ, пользовались этими правами наслѣдственно, въ ущербъ рабочимъ классамъ и самой промышленности.

Привилегіи временъ „стараго порядка“, повидимому, должны

были служить къ установленію прочной связи между короною и высшими классами и однимъ изъ вѣрныхъ орудій господства надъ классами низшими. На дѣлѣ онѣ привели къ результатамъ противоположнымъ. Тѣсный союзъ монархической власти съ привилегированными классами обращалъ ее въ представительницу не общихъ національныхъ пользъ, а частныхъ сословныхъ интересовъ, которымъ приносились въ жертву важнѣйшія государственныя цѣли. Попытки экономическихъ и финансовыхъ реформъ Тюрго, въ началѣ царствованія Людовика XVI, разбились о сопротивленіе классовъ привилегированныхъ. Недовольство, возбуждаемое въ народѣ привилегіями высшихъ классовъ, распространилось и на монархическую власть, которая казалась неразрывно съ ними связанною. Съ другой стороны, привилегіи дворянства и духовенства первоначально имѣли свое серьезное основаніе и объясненіе въ феодальную эпоху, когда, при отсутствіи центральной власти, мѣстное населеніе могло искать защиты, правосудія, нравственной и матеріальной помощи только у феодальныхъ господъ и церкви. Впослѣдствіи, когда феодальное дворянство утратило свое политическое значеніе, его привилегіи получили значеніе произвольныхъ милостей, дарованныхъ въ ущербъ государственнымъ и народнымъ пользамъ.

III. Этими условіями объясняются стремленія, овладѣвшія европейскими обществами въ XVIII вѣкѣ и выражавшіяся въ двухъ словахъ: свобода и равенство. Первымъ изъ нихъ обозначалась политическая сторона движенія, поскольку оно было направлено противъ абсолютизма; вторымъ — его общественная сторона, поскольку оно направлялось противъ сословныхъ привилегій. Мы обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на первую сторону, такъ какъ она тѣсно связана съ развитіемъ конституціоннаго начала на континентѣ Европы.

Понятіе свободы слишкомъ обширно, чтобы оно могло само по себѣ объяснить значеніе и развитіе конституціоннаго начала. Даже въ эпоху, предшествовавшую французской революціи, какъ и во время революціи, понятія о свободѣ различались въ двухъ направленіяхъ, изъ коихъ одно связано съ именемъ Руссо, а другое—Монтескьё. Коренное различіе между двумя направленіями было, такъ сказать, предсказано Монтескьё [1]). „Многіе“, говорилъ онъ, „смѣшиваютъ *властъ* народа съ *свободою* народа“. Дѣйствительно, ученіе Руссо представляетъ такое смѣшеніе. Правда, основнымъ положеніемъ его теоріи является ученіе о *неотчуждаемости* свободы; первоначаль-

---

[1]) *Духъ законовъ* Монтескьё появился въ 1748, *Общественный договоръ* Руссо въ 1762 году.

ный договоръ, въ силу котораго люди переходятъ изъ естественнаго состоянія въ общественное, по его формулѣ, имѣетъ цѣлью „найти такую форму общежитія, которая защищала бы общею силою личность и имущество каждаго члена союза; и чрезъ которую каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, только самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ и прежде“ [1]. Но эта цѣль достигается, по ученію Руссо, чрезъ „полное отчужденіе каждаго со всѣми его правами всему обществу“; ибо если каждый отдаетъ себя вполнѣ, то отчужденіе происходитъ на равныхъ условіяхъ и никому нѣтъ выгоды сдѣлать его обременительнымъ для другихъ.... Наконецъ, каждый, отдаваясь всѣмъ, не отдается никому, и такъ какъ нѣтъ члена союза, надъ которымъ каждый не пріобрѣталъ бы тѣхъ же правъ, какія уступлены ему надъ собою, каждый получаетъ равное тому, что̀ потеряно, и больше силы для сохраненія того, что̀ имѣетъ.

Такимъ образомъ, „равное отчужденіе каждаго въ пользу всѣхъ“ разрѣшаетъ для Руссо вопросъ о свободѣ. Затѣмъ, вопросъ о гарантіяхъ „для личности и имущества“ каждаго разрѣшается и устраняется самъ собою при помощи слѣдующей формулы общественнаго договора: „каждый изъ насъ отдаетъ въ общность свою личность и свою власть подъ высшимъ руководствомъ *общей воли* (de la volonté générale), и, сверхъ того, мы принимаемъ каждаго, какъ нераздѣльную часть цѣлаго“.

Ученіе объ „общей волѣ“ является центромъ всей теоріи Руссо. Ей, не смотря на всѣ формы правленія (точнѣе—управленія), принадлежитъ государственный суверенитетъ, неотчуждаемый и недѣлимый [2]; при хорошемъ устройствѣ государства, она не можетъ заблуждаться [3]; поэтому, въ принципѣ, суверенитетъ не долженъ имѣть предѣловъ и ограниченій [4], и немногія смягченія, допускаемыя Руссо, вытекаютъ изъ соображеній цѣлесообразности больше, чѣмъ изъ принциповъ права. Человѣкъ дѣлается свободнымъ чрезъ участіе во власти и какъ часть „суверена“, которому принадлежатъ неограниченныя полномочія надъ его членами—таковъ конечный выводъ изъ ученія Руссо, не только основателя демократической тео-

---

[1] *Du contrat social*, кн. I, гл. VI.

[2] Тамъ же, кн. II, гл. I, п. 2.

[3] Тамъ же, гл. III.

[4] Тамъ же, гл. IV. Comme la nature donne à chaque homme un pouvoir absolu sur tous ses membres (?), le pacte social donne au corps politique un pouvoir absolu sur tous les siens; et c'est ce même pouvoir qui, dirigé par la volonté générale, porte, comme j'ai dit, le nom de souveraineté“.

ріи XVIII вѣка, но и провозвѣстника якобинскихъ ученій временъ французской революціи.

Теорія Монтескьё направлена къ другой цѣли—къ изслѣдованію условій, при которыхъ въ государствѣ можетъ быть обезпечена *политическая свобода*, которая, по его мнѣнію, состоитъ въ спокойствіи духа, проистекающемъ изъ мнѣнія, которое каждый имѣетъ о своей безопасности. Такая свобода является *результатомъ* извѣстныхъ условій государственнаго устройства, которыя не связаны непремѣнно съ одною изъ формъ правленія. „Демократія и аристократія", говоритъ онъ, „не суть государства свободныя, по самой своей природѣ. Политическая свобода встрѣчается только въ правительствахъ умѣренныхъ". Главнымъ условіемъ „умѣренныхъ" правительствъ, какъ извѣстно, онъ ставитъ *раздѣленіе властей*, образецъ котораго онъ указываетъ въ Англіи, и въ которомъ долго видѣли философскій камень политики.

Не останавливаясь здѣсь на разборѣ теоріи раздѣленія властей, какъ средства обезпеченія политической свободы, мы укажемъ на главную мысль Монтескьё, положенную въ основаніе его ученія объ умѣренныхъ правительствахъ. Главная цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, состоитъ въ нѣкоторомъ ограниченіи государственнаго могущества, въ установленіи извѣстныхъ гарантій для личности гражданина.

Въ такомъ именно смыслѣ теорія раздѣленія властей была понята великимъ нѣмецкимъ философомъ Кантомъ. Въ извѣстной своей брошюрѣ, „*Къ вѣчному миру*" (*Zum ewigen Frieden*, 1795 года), онъ признаетъ первымъ условіемъ такого мира введеніе во всѣхъ государствахъ республиканской формы (die bürgerliche Verfassung in jedem Staate soll republicanisch sein).

„Но", продолжаетъ Кантъ, „дабы республиканское устройство *не смѣшивали* (какъ это обыкновенно случается) съ демократическимъ, необходимо замѣтить слѣдующее. Формы государства могутъ быть раздѣлены *или* по различію лицъ, обладающихъ верховною властью, *или* по способу, какимъ народъ управляется его главою. Первая форма есть, собственно говоря, форма *господства* (die Form der Beherrschung—forma imperii), и таковой можетъ быть только три вида, въ коихъ или *одинъ*, или *нѣкоторые*, или *всѣ*, образующіе гражданское общество, обладаютъ верховною властью (автократія, аристократія, демократія). Вторая форма есть форма *управленія* (die Form der Regierung—forma regiminis) и касается *способа*, коимъ государство пользуется своими полномочіями и который основанъ на конституціи (актъ общей воли, чрезъ который толпа обращается въ народъ).

Въ этомъ отношенiи форма можетъ быть республиканскою или деспотическою.

„Республиканизмъ есть государственный принципъ (das Staatsprincip) отдѣленiя властей исполнительной отъ законодательной. Смѣшенiе этихъ властей образуетъ деспотизмъ".

Изъ приведенной выдержки видно, что Кантъ заимствуетъ отъ Монтескьё принципъ раздѣленiя властей и, сверхъ того, беретъ отъ Руссо идею „первоначальнаго договора", такъ какъ, по его словамъ, конституцiя есть „актъ общей воли, чрезъ который толпа обращается въ народъ". Но, въ отличiе отъ Руссо, Кантъ не только не видитъ въ демократiи нѣкотораго идеала государственнаго устройства, но утверждаетъ, что она, въ собственномъ смыслѣ этого слова (*народоправленiе*), есть *деспотизмъ*.

„Республиканизмъ", продолжаетъ онъ, „возможенъ только въ условiяхъ представительнаго правленiя [1]), ибо только оно установляетъ и обезпечиваетъ раздѣленiе властей. Въ дѣйствительности всякая непредставительная форма есть отсутствiе формы (ist eine Unform), потому что законодатель не можетъ быть и исполнителемъ своей собственной воли. Первыя двѣ формы (автократiя и аристократiя) сами по себѣ недостаточны, ибо онѣ открываютъ поле деспотизму, но онѣ, по крайней мѣрѣ, даютъ возможность установить правленiе *въ духѣ* представительной системы. Такъ Фридрихъ II говорилъ, что государь есть первый слуга государства; въ демократiяхъ же всѣ хотятъ быть господами" [2]).

И такъ, раздѣленiе властей должно было явиться средствомъ, чрезъ которое *употребленiе* власти было бы согласно съ извѣстными началами свободы. Но въ чемъ состоитъ свобода и отдѣльные ея виды, требующiе такого обезпеченiя? Отвѣтъ на это получался изъ сочиненiй Монтескьё и Локка, изъ положительныхъ законовъ Англiи и С. Америки и, главное, изъ практическихъ стремленiй, возникшихъ въ XVIII вѣкѣ. Если, съ одной стороны, никогда система государственной и административной опеки не была такъ сильна, какъ въ этомъ столѣтiи, то, съ другой, никогда съ такою силою не развивалось критическое отношенiе къ государственному вмѣшательству. Огражденiе личной свободы и собственности, вѣротерпимость, свобода печати, свобода промысловъ и труда—все это сдѣлалось предметомъ страстныхъ толковъ и постоянныхъ разсужденiй. Права личности, гарантiи которыхъ требовали отъ государства, были намѣчены гораздо раньше, чѣмъ они были провозглашены въ учредительномъ собра-

---

[1]) Которое отвергалъ Руссо.

[2]) Imm. Kant's *Werke*. VII, I, стр. 241—246.

ніи 1789 года. Но послѣднее признало ихъ необходимымъ элементомъ каждой „конституціи". „Всякое общество", говоритъ 16 ст. декларации, „въ которомъ гарантія правъ не установлена и раздѣленіе властей не опредѣлено, не имѣетъ конституции (n'a point de constitution)".

Наконецъ, самыя свойства представительнаго правленія требовали участія общества въ составленіи законовъ и въ контролѣ за ихъ исполненіемъ. Но участіе народа въ отправленіи высшей власти разсматривалось какъ средство для лучшаго осуществленія главной цѣли: раздѣленія властей и гарантіи личныхъ правъ, т.-е. въ конечномъ результатѣ къ установленію *границъ* государственной власти, къ опредѣленію объема принадлежащихъ ей правъ, условій и формъ ея дѣйствія, словомъ, къ ограниченію какъ власти, такъ и области дѣйствія государства.

Въ этомъ именно смыслѣ значеніе конституціонныхъ учрежденій было понято въ политической и исторической литературѣ XIX столѣтія. Установленіе границъ для государственнаго всемогущества въ противоположность безграничной власти античнаго и особенно римскаго государства—такова идея новаго государства, по единогласному почти мнѣнію историковъ и публицистовъ. Иные писатели видятъ въ этомъ стремленіи свидѣтельство успѣха въ общественной и политической жизни, другіе—сопоставляютъ современную и римскую идею о государствѣ къ выгодѣ послѣдней.

Такъ Момзенъ, характеризуя направленіе римской прогрессивной партіи (Fortschrittspartei) послѣ изгнанія царей, говоритъ слѣдующее:

„Строгое понятіе единства и всемогущества (Allgewalt) гражданской общины во всѣхъ ея дѣлахъ, этотъ центръ тяжести италійскихъ учрежденій, предоставляло одному пожизненному представителю общины (т.-е. царю) страшную власть, которую ощущалъ, конечно, врагъ страны, но не меньше того и гражданинъ. Злоупотребленіе и угнетеніе не могли быть терпимы, и отсюда необходимымъ послѣдствіемъ было стремленіе ограничить эту власть. Но величавое (das Grossartige) въ этихъ попыткахъ реформъ и революціяхъ состоитъ въ томъ, что никогда *не предпринимаютъ ни ограничить общину какъ таковую*, ни отнять у нея соотвѣтствующіе органы, что никогда не пытаются *противопоставить общинѣ такъ называемыя естественныя права личности*, но что вся буря направляется противъ формы представительства общины. Ограниченіе не государственнаго, но чиновнаго могущества (Beamtenmacht) есть кличъ римской прогрессивной партіи отъ времени Тарквиніевъ до Гракховъ; и при этомъ

не забываютъ никогда, что народъ долженъ не управлять, но быть управляемъ [1]).

Дѣйствительно, въ конституціонныхъ теоріяхъ и въ самыхъ конституціяхъ видно стремленіе „ограничить государство, какъ таковое“ (т.-е. независимо отъ формъ правленія) и „противопоставить“ ему извѣстныя права личности. Этими началами, въ крайнихъ ихъ выраженіяхъ, объясняются многіе недостатки современнаго политическаго строя на западѣ Европы. Но, въ общихъ своихъ основаніяхъ, эти стремленія объясняются нѣкоторыми условіями.

Во-первыхъ, въ римскомъ государствѣ не возникали нѣкоторые вопросы, получившіе важное значеніе въ новой Европѣ. Въ немъ, при исключительно національномъ характерѣ религіи, не возникали вопросы о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти, поставленные только съ появленіемъ христіанства; въ обществѣ гражданъ, содержимыхъ по преимуществу трудомъ рабовъ или питавшихся на счетъ государства, не возникалъ вопросъ о свободѣ промысловъ и торговли; въ немъ не могло возникнуть вопроса о свободѣ петицій, собраній, союзовъ, печати и т. д. [2]).

Во-вторыхъ, характеръ большинства европейскихъ учрежденій зависѣлъ отъ условій ихъ возникновенія и распространенія на континентѣ Европы. Въ этомъ отношеніи континентальная Европа представляетъ существенныя отличія отъ дѣйствительнаго отечества конституціонныхъ учрежденій, т.-е. отъ *Англіи*.

Разсмотрѣніе условій и хода политическаго развитія этой страны, сдѣлавшейся образцомъ для другихъ государствъ, покажетъ намъ, насколько учрежденія, воспринятыя на континентѣ Европы, соотвѣтствуютъ началамъ ихъ образца.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенности англійской и континентальной исторіи.

I. Мнѣніе объ „особенности“ англійскихъ учрежденій сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Когда желаютъ объяснить причины неудачи многихъ „писанныхъ“ конституцій на континентѣ Европы, эти причины обыкновенно видятъ въ томъ, что оригинальныя начала и учрежденія англійскаго публичнаго права думали распространить на такія

---

[1]) Т. Mommsen, *Römische Geschichte*, I, стр. 243. Еще рѣзче высказывается Ihering, *Geist des römischen Rechts*, II, стр. 246.

[2]) Эта сторона была особенно подробно разсмотрѣна Констаномъ, въ его *Cours de politique constitutionnelle*, II, стр. 539 и слѣд.

страны, которыя не представляли къ тому никакихъ историческихъ условій. Своеобразность англійскихъ учрежденій не подлежитъ, конечно, сомнѣнію; не подлежитъ также сомнѣнію, что начала эти проведены весьма послѣдовательно во всѣхъ частяхъ государственнаго устройства и управленія Англіи—чего не въ состояніи было сдѣлать ни одно европейское государство.

Но „особенность“ англійскаго строя имѣетъ свои границы, также какъ и оригинальность англійскаго характера. При полной своеобразности послѣдняго, въ немъ нельзя не открыть чертъ германскаго происхожденія, вліянія офранцуженныхъ норманновъ, дѣйствія извѣстныхъ культурныхъ началъ, общихъ всѣмъ народамъ германской и латинской расы. Точно также особенности англійскихъ политическихъ учежденій и ихъ исторіи не свидѣтельствуютъ противъ общности ихъ первоначальныхъ основаній съ главными началами общественнаго и государственнаго быта континентальной Европы.

Въ большей или меньшей степени, вся западная Европа испытала на себѣ вліяніе *германскихъ* учрежденій, принесенныхъ въ области павшей имперіи ея завоевателями и наслѣдниками. Учрежденія Англіи, въ періодъ англо-саксонскій, представляютъ развитіе общихъ германскихъ началъ въ ихъ наиболѣе чистомъ видѣ.

Большинство государствъ западной Европы пережило продолжительную эпоху господства *феодальной* системы, въ той или другой ея формѣ. Феодализмъ, зачатки котораго можно видѣть и въ англосаксонскій періодъ, былъ принесенъ въ Англію ея норманскими завоевателями, хотя примѣненіе этой системы существенно отличалось отъ формъ, принятыхъ феодализмомъ на континентѣ Европы.

Въ государствахъ латинскихъ и германскихъ рано выработались формы участія сословій въ государственныхъ дѣлахъ. Французскіе états généraux, имперскіе сеймы въ Германіи, Landstände въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, кортесы въ испанскихъ королевствахъ, венгерскіе сеймы представляютъ много аналогій съ англійскимъ представительствомъ въ его первоначальныхъ формахъ. Хартіи и записи, которыя инымъ земскимъ чинамъ удается получить отъ королей, по важности своей не уступаютъ знаменитой великой хартіи Іоанна Безземельнаго. Бароны, вынудившіе короля Іоанна дать въ 1215 году великую хартію, получили не больше магнатовъ, вынудившихъ у венгерскаго короля Андрея II „золотую буллу“ (1222); права аррагонскихъ кортесовъ были не меньше правъ англійскаго парламента; земскіе чины Франціи, въ иныя эпохи, обнаруживали духъ столь же мятежный, какъ сподвижники Симона Монфортскаго; борьба нѣмецкихъ владѣтелей съ ихъ Landstände бывала столь же упорна, какъ борьба Генриха III.

Наконецъ и Англія переживала періоды если не абсолютизма, то сильнаго *личнаго* управленія чрезъ прерогативу королей. Имена Генриховъ VII и VIII, Маріи Кровавой и Елисаветы достаточны для установленія параллели съ Францискомъ I и Карломъ V.

Хотя развитіе абсолютной монархіи на континентѣ Европы и объясняется важными причинами, но оно не изгладило воспоминаній о старыхъ формахъ государства. Это ясно доказывается воззрѣніями главнаго проповѣдника теоріи „раздѣленія властей" и началъ англійской конституціи—Монтескьё. Указывая на политическое устройство Англіи, онъ самъ видитъ въ немъ не теоретическій идеалъ, но плодъ нѣкоторыхъ *историческихъ* началъ, общихъ всей западной Европѣ.

II. Въ главѣ VIII кн. XI своего труда Монтескьё старается установить историческую связь англійскихъ учрежденій съ старыми установленіями во всѣхъ монархіяхъ Европы. Они имѣютъ, въ его понятіяхъ, одинъ общій источникъ—германскіе обычаи, описанные Тацитомъ; первоначальная форма этого „готическаго правительства" (du gouvernement gothique) также вездѣ одинакова. Это правительство было смѣшеніемъ феодальной аристократіи и монархіи. Оно имѣло тотъ недостатокъ, что низшіе классы были порабощены; но оно было правительствомъ хорошимъ и въ немъ заключалась возможность сдѣлаться лучшимъ. Обычаи (coutumes) мало-по-малу освободили городъ и крестьянство; „въ скоромъ времени гражданская свобода народа, привилегіи дворянства и духовенства и власть королей оказались въ такомъ согласіи, что я не думаю, чтобы было на землѣ правительство такъ хорошо уравновѣшенное (si bien tempéré), какъ то, которое существовало въ каждой части Европы, *въ то время, когда оно существовало*". Сверхъ того, послѣднія книги *Духа законовъ* посвящены изслѣдованію древнѣйшихъ основъ того „готическаго правительства", которое установилось въ Европѣ. Наконецъ, Монтескьё утверждаетъ, что основы этого правительства *существуютъ* въ европейскихъ монархіяхъ.

„Три власти не распредѣлены и не смѣшаны въ нихъ по образцу конституціи, о которой мы говорили (англійской). Каждая изъ монархій имѣетъ особенное распредѣленіе, сообразно которому онѣ болѣе или менѣе приближаются къ политической свободѣ, и если бы онѣ къ ней не приближались, монархія выродилась бы въ деспотизмъ" [1]).

Другими словами, европейскія монархіи не вырождаются въ деспотизмъ постольку, поскольку въ нихъ воспроизведено начало „готическаго правительства". Въ этой формѣ Монтескьё высказы-

---

[1]) Кн. XI, гл. VII.

ваетъ мысль, очень распространенную въ его время (и раньше), что монархія, въ той формѣ, какую ей дали Ришельё и Людовикъ XIV, не соотвѣтствуетъ преданіямъ Франціи, но что она есть искаженіе старой, законной формы. Самъ Монтескьё очень ясно намекаетъ на это въ VIII кн., гл. VI, говоря объ условіяхъ порчи монархическаго принципа.

„Монархія", говоритъ онъ между прочимъ, „идетъ къ гибели (se perd), когда монархъ, относя все единственно къ себѣ, привлекаетъ государство въ столицу, столицу ко двору, дворъ единственно къ своему лицу".

Въ этихъ словахъ легко увидѣть комментарій на знаменитое восклицаніе Людовика XIV—„государство, это я!"

Мысль о томъ, что монархія Людовика XIV не есть истинная форма французскаго государства, выражалась уже современниками великаго короля. Такъ Фенелонъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1710 года, говорилъ: „необходимо вспомнить объ истинной формѣ королевства и умѣрить деспотизмъ, причину всѣхъ нашихъ бѣдствій". Герцогъ С.-Симонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, съ какою настойчивостью держалась въ общественномъ мнѣніи мысль о земскихъ чинахъ. Современникъ Монтескьё, извѣстный маркизъ д'Аржансонъ (1694—1757) въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что вездѣ говорили о необходимости земскихъ чиновъ; всѣ были проникнуты этою мыслью. [illegible]

Не менѣе настойчиво держались воспоминанія о земскихъ чинахъ въ Германіи, хотя и здѣсь они или вовсе исчезли, или оставались въ видѣ gloria obsequii, какъ называлъ ихъ Мозеръ [1]). Но воспоминанія не установляли дѣйствительной исторической преемственности между сословными собраніями и новѣйшимъ представительствомъ.

III. Особенностей англійскаго государственнаго устройства должно искать не въ его элементахъ, но, прежде всего, въ ходѣ ихъ историческаго развитія. „Важнѣйшая черта англійской конституціи", говоритъ авторъ талантливаго очерка ея исторіи, „есть ея *развитіе* (the most important feature of the englisch constitution is its growth)" [2]). Въ этомъ именно отношеніи исторія политическихъ учрежденій на континентѣ Европы представляетъ контрастъ. „Особенность нѣмецкой исторіи", говоритъ О. Гирке, „что у насъ не было той преемственности (Kontinuität), которая отчасти въ Англіи связывала старое съ новымъ. Большинство нашихъ великихъ учрежденій пережило себя въ одностороннемъ извращеніи, вмѣсто того, чтобы,

[1]) Otto Gierke, *Das deutsche Genossenschaftsrecht*, стр. 818 и слѣд.
[2]) Cyril Ransome, *Rise of constitutional government in Engla: d, 1883.*

прежде старческаго окостенѣнія, наполниться новымъ содержаніемъ; новыя идеи создавали для себя новыя формы, вмѣсто того, чтобы медленно измѣнять старыя. Нѣмецкое развитіе не похоже, подобно англійскому, на постепенную отстройку расширяющагося, сообразно потребностямъ, зданія; напротивъ, распадающіяся и обваливающіяся зданія часто разрушались до основанія и ихъ обломки употреблялись, самое большее, какъ кирпичи для новыхъ построекъ. Не изъ старой имперіи должно было выйти непосредственное государственное единство, не изъ императорства—государственная идея, не изъ ленныхъ и господскихъ должностей—государственное управленіе, не изъ старыхъ народныхъ общинъ—средневѣковая свобода городовъ, не изъ средневѣковыхъ корпорацій—новая ассоціація, хотя тѣ же самыя народныя силы дѣйствуютъ въ столь родственныхъ явленіяхъ" [1]).

Слова Гирке примѣнимы почти ко всѣмъ государствамъ европейскаго континента, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которымъ принадлежитъ починъ въ установленіи новаго порядка. Нигдѣ мы не видимъ преемственнаго развитія политическихъ учрежденій. Повсемѣстно почти *феодализмъ* получаетъ форму частно-господскаго союза, упраздняющаго государственную власть и самое государство, возрожденіе котораго совершается чрезъ побѣду королевской власти надъ вассалами [2]); городскія вольности выражаются въ формѣ политической независимости городовъ и находятъ себѣ конецъ въ развитіи государственной опеки и централизаціи. Повсемѣстно возрождающаяся монархія дѣйствуетъ при участіи *земскихъ чиновъ* и повсемѣстно почти эта сословная организація каменѣетъ въ своихъ исключительныхъ привилегіяхъ; вездѣ сословія обнаруживаютъ неспособность къ общему дѣйствію, вслѣдствіе соперничества частныхъ интересовъ, которое привело сословное представительство къ плачевному концу. Наконецъ, вездѣ учрежденія абсолютно-монархической эпохи

---

[1]) „Феодальное государство", говоритъ Ротъ, „отличается отъ прежнихъ и позднѣйшихъ учрежденій тѣмъ, что оно уничтожаетъ непосредственное подчиненіе подданнаго главѣ государства и ставитъ на его мѣсто многочисленную цѣпь зависимостей, причемъ стоящій внизу связывается только чрезъ непосредственно надъ нимъ стоящаго съ высшимъ феодальнымъ государемъ (Lehensherrn), представляющимъ единство государства; второй отличительный признакъ состоитъ въ томъ, что *свободный*, т.-е. не состоящій въ наслѣдственной зависимости, является не подданнымъ (Unterthan), но *вассаломъ*, что онъ подчиненъ королю не какъ представителю государственнаго единства, а какъ *лицу* (als Person), и не въ силу лежащей на каждомъ подданномъ обязанности, но въ силу *договора* (Vertrag)". *Geschichte des Beneficialwesens*, предисловіе.

[2]) *Das deutsche Genossenschaftsrecht*, Gierke, I, стр. 819 и слѣд.

переживаютъ себя, выродившись въ односторонности военно-бюрократическаго управленія и утративъ способность руководить народами съ ихъ новыми потребностями.

И такъ, развитіе феодализма предполагало *крушеніе* королевско-императорской власти, въ той формѣ, какую думалъ дать ей Карлъ Великій; развитіе новой монархической власти сословной эпохи предполагало *крушеніе* феодализма и городскихъ вольностей; установленіе абсолютной монархіи обусловливалось *крушеніемъ* и отмѣною сословнаго представительства въ видѣ земскихъ чиновъ. Установленіе новаго порядка вещей не совершилось при иныхъ условіяхъ; ему предшествовало, въ той или другой степени, *крушеніе* стараго порядка. Въ тотъ моментъ, когда во Франціи вспыхнула революція 1789 года, въ странѣ не было уже учрежденій, способныхъ держать власть и отправлять ее. Не было фактически власти королевской, и она безсильно сложила свои прерогативы предъ учредительнымъ собраніемъ. Не было дворянства, сильнаго политическими привилегіями, вѣковымъ участіемъ въ управленіи страною и корпоративнымъ духомъ. Оно обратилось въ придворную знать, со всѣми ея недостатками, и въ минуту переворота способно было только или на самоотреченіе въ пользу нарождавшейся демократіи или къ эмиграціи. Не было и церкви, сильной нравственнымъ авторитетомъ, чистотою ученія и нравовъ и строгою внутреннею дисциплиною. Высшіе слои духовенства образовали часть придворной аристократіи, жили одними съ нею наслажденіями и явно сочувствовали свѣтскому безвѣрію, воспитанному Вольтеромъ и энциклопедистами. Низшее духовенство, бѣдное и тѣснимое, но знакомое съ революціонными идеями вѣка, приставало къ тѣмъ слоямъ, которые готовились выступить на революціонное поприще. Только гоненіе конвента возбудило въ немъ религіозное чувство.

Ниже мы увидимъ, что и другія государства Европы, въ бо̀льшей или меньшей степени, находились въ томъ же положеніи.

IV. Различіе конституціоннаго движенія въ Англіи и на континентѣ Европы, въ указанномъ выше отношеніи, вело за собою различіе и въ другихъ отношеніяхъ. Англійскія учрежденія по бо̀льшей части представляютъ развитіе историческихъ началъ. Историки англійскихъ революцій, какъ Маколей и Гизо, имѣютъ основаніе называть ихъ революціями *охранительными*, въ томъ смыслѣ, что конечною ихъ цѣлью являлось провозглашеніе и подтвержденіе исконныхъ началъ англійскаго права. Напротивъ, континентальныя конституціи, не исключая и пожалованныхъ (октроированныхъ), одинаково имѣютъ цѣлью установить *новый* порядокъ вещей, къ которому должны приспособиться историческія учрежденія, поскольку они уцѣлѣли.

Англійскія государственныя учрежденія или англійская конституція, въ обширномъ смыслѣ этого слова, съ незапамятныхъ временъ являлись способомъ сочетанія (въ разной степени и формѣ) историческихъ элементовъ государства: королевской власти, наслѣдственной знати, джентри и низшихъ сословій, дѣйствующихъ, по степени своего значенія и вліянія, въ народномъ представительствѣ, въ отправленіи безвозмездныхъ должностей по управленію графствъ, въ приходскомъ управленіи, въ исполненіи обязанностей присяжныхъ и т. д.

Европейскія конституціи не только провозглашаютъ начало равенства, въ смыслѣ *равноправности*, которая установилась и въ Англіи, но учрежденіе конституціоннаго режима совпадаетъ съ дѣйствительнымъ перерожденіемъ обществъ въ демократическомъ направленіи. Вслѣдствіе этого и условія приспособленія новыхъ учрежденій къ общественнымъ условіямъ были гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ Англіи, съ ея традиціонными, хотя во многихъ отношеніяхъ отжившими для Европы формами. Съ другой стороны, и устоявшимъ отъ разгрома элементамъ предстояло освоиться въ совершенно новыхъ формахъ. Составныя части англійскаго парламента — король, лорды и общины—имѣютъ свое традиціонное значеніе. Напротивъ—король, палата господъ и палата депутатовъ происхожденія новаго и долженствуютъ быть новыми, представляя государственную идею новѣйшаго происхожденія.

Въ-третьихъ, наконецъ, постановленія англійскихъ хартій и статутовъ, каковы великая хартія, statutum de tallagio non concedendo, прошеніе о правахъ, билль о правахъ и др., являются *однимъ изъ элементовъ* англійскаго публичнаго права, но не единственнымъ и даже не первенствующимъ. Ими опредѣляются вольности гражданъ Англіи, устанавляются границы, въ предѣлахъ которыхъ должна дѣйствовать государственная власть, но ими не умаляется сила этой власти и ея крѣпость. Утвержденіе и огражденіе личной свободы не было главною *цѣлью* англійскихъ законовъ, какъ говорилъ Монтескьё. Бывали въ исторіи Англіи эпохи, когда англичане боролись за свою свободу, и эти эпохи отмѣчены знаменитыми актами, извѣстными всему образованному міру. Но конечною цѣлью государственныхъ законовъ Англіи является созданіе крѣпкаго государства, располагающаго сильными органами и службою на его пользу всѣхъ слоевъ общества. Эта цѣль была достигнута чрезъ установленіе и развитіе системы *самоуправленія* въ графствахъ, городахъ и приходахъ, системы, объясняющей внутренній смыслъ англійской конституціи.

Между тѣмъ, въ эпоху перенесенія въ Европу конституціонныхъ учрежденій, коихъ образцами явились Англія и Америка, преиму-

щественное, если не единственное вниманіе было обращено на политическій элементъ англійскаго устройства. Вопросы внутренняго управленія оставались нерѣшенными фактически и даже юридически; иногда они рѣшались, какъ мы увидимъ ниже, въ смыслѣ противномъ политической свободѣ; въ большинствѣ случаевъ органы управленія оставались при прежнемъ устройствѣ. Главное вниманіе было обращено на преобразованіе центральнаго правительства и на ограниченіе *общихъ* правъ государственной власти. Это объясняется многими причинами. Во-первыхъ, руководители движенія во Франціи направляли свои усилія противъ выродившагося абсолютизма, какого не знала Англія, а потому ограниченіе абсолютизма вообще являлось главною цѣлью усилій. Во-вторыхъ, военная диктатура Наполеона, установившаяся на мѣстѣ безсильной и дискредитировавшей себя ужасами террора и растлѣніемъ директоріи республики, вызвала стремленіе къ національной и политической свободѣ, проявившееся въ эпоху всеевропейской борьбы противъ завоевателя. Въ-третьихъ, эти стремленія усиливались въ виду общеевропейской реакціи, восторжествовавшей съ 1815 года и руководимой Меттернихомъ. Наконецъ, въ эпоху крушенія стараго порядка, когда все историческое представлялось отжившимъ или разсматривалось, какъ препятствіе къ достиженію благополучія, умы невольно обращались къ ученіямъ *естественнаго права*, какъ права вѣчнаго, предустановленнаго и непреходящаго. Въ этомъ естественномъ правѣ составители деклараціи 1789 года нашли указаніе на цѣль и предѣлы власти государства.

„Цѣль всякаго политическаго союза“, говорится здѣсь, „есть *охраненіе* (conservation) естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію“.[1]).

Всѣ эти права, въ существѣ, сосредоточиваются въ одномъ словѣ: свобода. Но должно узнать, въ чемъ она состоитъ.

„Свобода“, продолжаетъ декларація, „состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другому; поэтому отправленіе (l'exercice) естественныхъ правъ каждаго человѣка имѣетъ только тѣ границы, коими обезпечивается другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ“[2]).

И такъ, цѣлью законодательства является установленіе условій *сосуществованія* (коэкзистенціи) членовъ „политическаго“ общества. Но для того, чтобы законодатель не пошелъ дальше этой цѣли, установляется слѣдующее правило:

---

[1]) Ст. 2.
[2]) Ст. 4.

„Законъ можетъ воспрещать только дѣйствія, *вредныя* для общества. Все невоспрещенное закономъ не можетъ быть запрещено, и никто не можетъ быть принужденъ дѣлать то, что законъ не предписываетъ“ [1]).

Закону, слѣдовательно, дозволяется *воспрещать* дѣйствія, *вредныя* для общества; но остается открытымъ вопросъ, насколько онъ можетъ *требовать* дѣйствій, для общества полезныхъ. Во всякомъ случаѣ, для удержанія законодателя на указанномъ пути, декларація постановляетъ:

„Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ его составленіи лично или чрезъ своихъ представителей“ [2]).

V. Поставленное въ эти границы и руководимое такими началами, конституціонное движеніе получило тотъ отпечатокъ *либерализма*, который остался на немъ до окончательнаго его торжества. Въ этомъ, въ свое время, состояла его сила; въ этомъ же главный источникъ критическаго къ нему отношенія въ позднѣйшее время. Въ борьбѣ съ отжившими учрежденіями и съ злоупотребленіями „стараго порядка“ либеральная доктрина соединяла въ общемъ дѣйствіи всѣ образованные и вліятельные классы общества. Для разрѣшенія политическихъ, общественныхъ и національныхъ вопросовъ, она предлагала формулу, которая могла быть принята вліятельнѣйшими классами, отвращавшимися и отъ абсолютизма, и отъ радикальныхъ принциповъ демократіи. Установленіе новаго государственнаго порядка чрезъ конституціонный актъ, въ которомъ были бы опредѣлены полномочія государственной власти и ихъ границы; провозглашеніе и обезпеченіе извѣстныхъ правъ личныхъ, имущественныхъ и общественныхъ, которыхъ государственная власть не могла бы нарушать произвольными мѣрами; распредѣленіе отдѣльныхъ функцій власти между особыми и различно устроенными органами, которые могли бы сдерживать другъ друга въ законныхъ границахъ и тѣмъ обезпечивать законность и свободу; участіе народа въ отправленіи законодательной, судебной и отчасти административной власти для обезпеченія общественныхъ интересовъ и для контроля надъ дѣйствіями властей правительственныхъ — таковы главныя начала этой программы. Ими опредѣляется и черта, отдѣляющая новое государство отъ установленій стараго порядка.

Но не ими могло быть опредѣлено содержаніе и направленіе государственной *дѣятельности*. Провозглашеніе и утвержденіе новыхъ

---

[1]) Ст. 5.
[2]) Ст. 6.

формъ имѣло значеніе перваго шага на новомъ пути. Обновленное государство встрѣтилось съ трудными и важными задачами, разрѣшеніе которыхъ заставляетъ себя ждать и вызываетъ критическое отношеніе къ государственнымъ формамъ, привѣтствованнымъ въ свое время, какъ залогъ лучшаго будущаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРИМѢНЕНІЕ НОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ НА КОНТИНЕНТѢ ЕВРОПЫ.

I. При оцѣнкѣ значенія конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы, должно имѣть въ виду нѣкоторыя условія, въ которыхъ они примѣнялись. Важнѣйшими изъ этихъ условій должны быть признаны слѣдующія.

Во-первыхъ, переходъ отъ *политическихъ* учрежденій стараго порядка къ новымъ государственнымъ формамъ совпалъ съ процессомъ *общественнаго* перерожденія, съ измѣненіемъ условій общественнаго быта, особенно же быта экономическаго. Развитіе *демократическихъ* началъ и *соціальнаго* вопроса составляетъ характеристическій признакъ нашего времени. До окончательнаго почти торжества конституціоннаго начала на континентѣ Европы, т. е. до 1848 года, *политическая* сторона реформъ стояла, въ общемъ мнѣніи, на первомъ планѣ. Въ 1848 г. революція политическая встрѣтилась съ соціальною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетвореніе возраставшихъ требованій демократіи и разрѣшеніе соціальнаго вопроса сдѣлались проблемою нашего времени.

Во-вторыхъ, конституціонныя преобразованія въ большинствѣ государствъ Европы коснулись, главнымъ образомъ, высшихъ учрежденій, видоизмѣняя *форму правленія*; но они мало измѣнили систему внутренняго *управленія*, которое остается основой англо-американскихъ учрежденій.

Въ-третьихъ, конституціонныя учрежденія, въ періодъ господства классической теоріи парламентаризма, распространялись въ эпоху относительнаго Европейскаго мира (1815—1848). Но съ того времени, въ періодъ разрѣшенія національнаго вопроса въ Италіи и Германіи, въ борьбѣ государствъ за первенство, Европа снова вступила въ періодъ или войны, или вооруженнаго мира, въ которомъ армія, уже по численности своей, является важнымъ условіемъ обладанія властью.

Мы разсмотримъ эти условія въ отдѣльности.

II. Конституціонное движеніе выдвинуло на политическое поприще *средніе* классы общества, міросозерцанію и интересамъ кото-

рыхъ оно въ особенности соотвѣтствовало. Съ паденіемъ старыхъ привилегированныхъ сословій, упраздненное мѣсто господствующаго класса было занято буржуазіей, къ которой примыкали сверху извѣстныя части прежняго дворянства и снизу все выдвигавшееся образованіемъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ. Понятія и интересы этого класса предопредѣлили характеръ государственной дѣятельности.

Значеніе буржуазіи опиралось, главнымъ образомъ, на ея экономическомъ превосходствѣ, которое въ *политическомъ* отношеніи было обезпечено имущественнымъ *цензомъ*, опредѣлявшимъ право на участіе въ политическихъ дѣлахъ. При значительной высотѣ этого ценза, большая масса народонаселенія осталась внѣ политической жизни и почти безъ средствъ защиты своихъ интересовъ. Но всякая государственная форма можетъ разсчитывать на свою прочность только при томъ условіи, если всѣ классы обществъ будутъ видѣть въ ней способъ защиты своихъ правъ и осуществленія своихъ пользъ. Изъ всѣхъ формъ правленія меньше всего устойчивости имѣетъ та, въ которой власть дѣлается достояніемъ одного класса и является орудіемъ его своекорыстныхъ стремленій. Противъ нея будетъ народное чувство и она часто находится въ опасности отъ происковъ честолюбцевъ, стремящихся къ высшей власти и обращающихъ въ свою пользу народное неудовольствіе. Въ неограниченной монархіи имѣется власть, независимая отъ классовъ и имѣющая возможность пользоваться своимъ могуществомъ для общей пользы. Въ ея могуществѣ всѣ классы общества, въ особенности же классы низшіе, могутъ видѣть опору и защиту отъ конечной зависимости ихъ отъ другихъ классовъ.

Вотъ почему, не смотря на злоупотребленія органовъ власти, возможныя въ неограниченной монархіи, она представляетъ больше условій устойчивости, нежели государственная форма, опирающаяся на господствѣ одного класса. Послѣдняя или гибнетъ отъ взрыва народнаго неудовольствія, или становится жертвою счастливаго честолюбца, при равнодушіи массъ. Судьба многихъ конституціонныхъ формъ на западѣ Европы доказываетъ это; сверхъ того, буржуазія не имѣла за собою условій, поддерживавшихъ авторитетъ двухъ высшихъ сословій стараго порядка—силы преданія и нравственной власти. Она есть часть народа и, въ свое время, выступила отъ имени цѣлаго народа. Ея устами было провозглашено начало народнаго самодержавія, во имя народной воли былъ сломленъ старый порядокъ. Господство буржуазіи имѣетъ чисто фактическія основанія и не на нихъ, конечно, могли быть поставлены преграды для успѣховъ демократіи [1]). Но успѣхи демократіи сопровождаются расширеніемъ изби-

[1]) Постепенное развитіе равенства, говоритъ *Токвиль*, есть провиденціальный фактъ. Оно имѣетъ всѣ черты такого факта: оно повсемѣстно, прочно и еже-

рательнаго права, т.-е. пониженіемъ ценза, привлеченіемъ къ избирательнымъ ящикамъ новыхъ классовъ избирателей, въ конечномъ результатѣ *всеобщею подачею голосовъ*.

Всеобщее избирательное право есть *политическое* средство разрѣшенія общественныхъ противорѣчій и борьбы классовъ. При его помощи, новыя государственныя учрежденія могутъ утвердиться на болѣе широкомъ и прочномъ основаніи, чѣмъ въ условіяхъ ценза. Но устраненіе господствующихъ классовъ имѣетъ и свою оборотную сторону. Въ каждомъ обществѣ только извѣстный элементъ его способенъ къ жизни политической и, тѣмъ болѣе, къ руководству и надзору за отправленіемъ ея. *Какъ* образуется эта часть — есть вопросъ, рѣшаемый условіями каждаго государства. Иногдѣ эта часть является въ видѣ наслѣдственной аристократіи; иногда политическое вліяніе закрѣпляется посредствомъ болѣе или менѣе высокаго ценза въ пользу богатыхъ и просвѣщенныхъ классовъ; въ демократическихъ условіяхъ, этотъ „политическій" элементъ страны долженъ выйти изъ всеобщаго голосованія. Однако, простое провозглашеніе всеобщаго избирательнаго права не обезпечиваетъ качества и достоинства выборовъ. Послѣднія зависятъ отъ уровня образованія массъ, отъ степени развитія ихъ политическаго смысла, отъ ихъ экономическаго достатка, словомъ, отъ многихъ условій, коими опредѣляется сознательность голосованія и пользованіе имъ къ выгодѣ государства, какъ цѣлаго. До настоящаго времени и при современныхъ условіяхъ народнаго образованія, достатка, политическаго образованія и воспитанія начало всеобщей подачи голосовъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, въ Германіи и въ Америкѣ остается проблемой, разрѣшеніе которой не предвидится въ близкомъ будущемъ. Одинъ изъ талантливыхъ современныхъ публицистовъ г. А. Фулье, довольно вѣрно указываетъ на нѣкоторую „антиномію", присущую всеобщей подачѣ голосовъ и демократіи. „Прогрессъ", говоритъ онъ, „не можетъ совершаться безъ соперничества и подбора (sélection) какъ между разными народами, такъ и между гражданами одного и того же государства. Орудіемъ этого подбора является извѣстное *неравенство*, дающее возможность высшимъ по качествамъ элементамъ побѣдить въ борьбѣ. Съ дру-

---

дневно ускользаетъ отъ человѣческой власти; всѣ событія и всѣ люди служили для его развитія. Благоразумно ли было думать, что движеніе столь давнее можетъ быть задержано однимъ поколѣніемъ? Можно ли думать, что, послѣ разрушенія феодализма и побѣды надъ королями, демократія отступитъ предъ буржуазіей и богатыми? Остановится ли она теперь, когда она сдѣлалась столь сильною, и противники ея столь слабыми? — *De la démocratie en Amérique, Avertissement*.

гой стороны, демократія основана *на равенствѣ*, примѣненіе котораго понижаетъ часто качество лицъ, призываемыхъ къ государственному дѣлу" [1]).

Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что не одна эта „антиномія" способна повести къ пониженію качествъ народнаго представительства. Не отъ однихъ качествъ представительства зависитъ успѣшное его дѣйствіе, но и отъ свойства задачъ, которыя ему предстоитъ выполнить. Примѣненіе всеобщей подачи голосовъ есть, какъ мы сказали, результатъ извѣстныхъ *политическихъ* требованій возрастающей демократіи. Совокупность *общественныхъ* ея требованій тяготѣетъ къ рѣшенію того, что обозначается общимъ, хотя и неопредѣленнымъ названіемъ *соціальнаго вопроса*.

III. Появленіе народныхъ массъ на политическомъ поприщѣ само по себѣ должно было сопровождаться возбужденіемъ вопросовъ экономическихъ, наиболѣе близкихъ и важныхъ для этихъ массъ. Бѣдность и финансовый гнетъ при старомъ порядкѣ побуждали народъ къ участію въ революціи. Руководители послѣдней искали выхода въ общихъ средствахъ свободы и равенства. Въ условіяхъ тогдашняго времени они имѣли свои основанія. Причина экономическихъ бѣдствій массы не лежала ли въ обременительныхъ феодальныхъ повинностяхъ, въ произвольныхъ и притѣснительныхъ дѣйствіяхъ фиска, въ безконтрольномъ распоряженіи національнымъ достояніемъ, въ раззорительныхъ привилегіяхъ высшихъ классовъ, въ стѣснительныхъ монополіяхъ промышленныхъ и торговыхъ корпорацій? Если такъ, то *отмѣна* привилегій, монополій и повинностей являлась первымъ средствомъ къ устраненію зла. Затѣмъ, огражденіе правъ личности и собственности каждаго общимъ и равнымъ для всѣхъ закономъ представлялось средствомъ обезпеченія матеріальныхъ интересовъ каждаго и общихъ условій экономическаго благосостоянія.

Но событія не оправдали этой надежды. Съ паденіемъ прежнихъ промышленныхъ корпорацій и союзовъ, съ расширеніемъ условій личной предпріимчивости, а слѣдовательно и конкурренціи, съ успѣхами международной торговли условія производства измѣняются кореннымъ образомъ. Вмѣсто совокупности болѣе или менѣе мелкихъ и не требовавшихъ большихъ затратъ предпріятій промышленность постепенно сосредоточивается въ крупныхъ предпріятіяхъ, въ обширныхъ промышленныхъ центрахъ, куда стягивается масса рабочаго люда, оставившаго свою прежнюю родину по неимѣнію

---

[1]) Alfred Fouillé, *La philosophie du suffrage universel. Revue des deux mondes*. 1884. Сентябрь, вып. 1.

труда. Противоположеніе между классомъ предпринимателей и классомъ рабочихъ становится рѣзче, чѣмъ въ прежнемъ строѣ мелкихъ предпріятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливается и хозяйственная зависимость послѣднихъ отъ первыхъ. Не смотря на тягостную во многихъ отношеніяхъ зависимость рабочихъ отъ хозяевъ въ условіяхъ прежней цеховой и корпоративной организаціи, послѣдняя всетаки представляла извѣстныя условія для защиты и помощи членамъ корпорацій. Теперь каждый былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, въ условіяхъ свободнаго обмѣна услугъ и конкурренціи. Новѣйшія формы ассоціацій еще виднѣлись въ будущемъ, до настоящаго времени процессъ ихъ развитія далеко не законченъ. Если прибавить къ этому, что рабочія массы вступили въ XIX вѣкъ обѣднѣвшими еще при старомъ порядкѣ, раззоренными въ эпоху войнъ республики и имперіи и обезсиленными торговыми и промышленными кризисами, какъ послѣдствіями этихъ войнъ, то понятно будетъ, что онѣ были недостаточно подготовлены къ свободному обмѣну услугъ и къ свободной конкурренціи.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, англичанинъ Карлейль сдѣлалъ мимоходомъ слѣдующее зловѣщее замѣчаніе: „Корпораціи всѣхъ родовъ исчезли. Вмѣсто своекорыстныхъ союзовъ, у насъ (во Франціи) очутилось двадцать четыре милліона людей, не связанныхъ никакими корпораціями, такъ что правило: „человѣкъ, помогай самъ себѣ“, произвело тѣсноту, давку, изъ которой люди выходятъ съ помертвѣлыми лицами и раздробленными членами—словомъ, изображаютъ такой хаосъ, куда страшно заглянуть“.

Соціальный вопросъ, выросшій въ условіяхъ новаго индустріальнаго общества до небывалыхъ прежде размѣровъ, представляетъ какъ бы антитезу вопросу политическому, въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ былъ либеральнымъ ученіемъ. Мы видѣли, что послѣднее стремилось и стремится ограничить, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, права государства, т.-е. устранить государственный абсолютизмъ. Конституціонными постановленіями, гарантіями извѣстныхъ правъ личности и общественныхъ союзовъ, раздѣленіемъ властей опредѣляется *организація* конституціоннаго государства. Но предопредѣляется ли ими его *дѣятельность* и ея пространство? Мы видѣли, что ученіе либеральной школы ограничивало дѣйствіе государства *охраненіемъ* „прирожденныхъ“ и законно пріобрѣтенныхъ правъ. *Невмѣшательство* государства являлось какъ бы необходимымъ дополненіемъ перваго начала. Напротивъ, соціалистическія ученія (насколько они не отвергаютъ государства), отправляясь отъ практическихъ вопросовъ экономической жизни, требуютъ государственнаго воздѣйствія на

условія, въ коихъ находятся нынѣ рабочіе классы. Затѣмъ они оставляютъ открытымъ вопросъ о дальнѣйшей организаціи государства.

Находятся ли, однако, предѣлы *правъ* и границы *дѣятельности* государства въ такой необходимой связи, какъ это представляется съ перваго взгляда? Теоретически, этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ отрицательно. То, что въ наше время называется „правомѣрнымъ государствомъ“ (Rechtsstaat), однимъ изъ видовъ котораго является государство конституціонное, по идеѣ своей не есть государство, поставившее себѣ исключительною цѣлью охраненіе юридическаго порядка.

Одинъ изъ главныхъ представителей теоріи „правомѣрнаго государства“, Р. Ф. Моль, даетъ этому понятію другое содержаніе. Дѣятельность государства, по ученію Моля, предполагаетъ прежде всего признаніе за гражданами ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ и условій ихъ свободной дѣятельности, необходимыхъ для осуществленія ихъ цѣлей (личная свобода, свобода мысли, совѣсти, передвиженія, право союзовъ). Этими началами Моль ограничиваетъ всемогущество государства въ его распоряженіи личными и общественными силами. Такимъ образомъ, *ближайшею* цѣлью государства является поддержаніе юридическаго порядка; этотъ порядокъ есть благо самъ по себѣ и *условіе* для достиженія другихъ благъ. Во-вторыхъ, его цѣль состоитъ въ вспомоществованіи и въ поддержкѣ къ осуществленію всѣхъ разумныхъ человѣческихъ цѣлей, въ тѣхъ случаяхъ и поскольку онѣ не могутъ быть достигнуты собственными средствами недѣлимыхъ и ихъ союзами. Въ этихъ опредѣленіяхъ Моля заключается, конечно, отрицаніе государственнаго всемогущества, его безмѣрной дѣятельности и произвольныхъ ея формъ. Въ этомъ смыслѣ онъ противопоставляетъ идею правомѣрнаго государства идеѣ государства полицейскаго (Polizeistaat), осуществившейся въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ XVIII вѣкѣ. Но съ другой стороны, охраненіе юридическаго порядка не является единственною цѣлью государства даже въ идеалѣ, какъ, напримѣръ, въ индивидуалистической теоріи Вильгельма Гумбольдта.

Еще яснѣе высказалъ эту мысль Ф. Ю. Шталь. „Понятіе правомѣрнаго государства“, говоритъ онъ, „состоитъ не въ томъ, что государство только поддерживаетъ юридическій порядокъ и не имѣетъ административныхъ (культурныхъ) цѣлей, или даже только охраняетъ права отдѣльныхъ лицъ. *Понятіе правомѣрнаго государства обозначаетъ не цѣль и содержаніе государства, но только порядокъ и характеръ осуществленія ихъ*“. Въ этомъ смыслѣ Шталь противополагаетъ правомѣрное государство государствамъ патріархальному, вотчинному, полицейскому и „народному“ по Руссо и Робеспьеру,

съ ихъ понятіями о всемогуществѣ и непогрѣшимости общей воли.

Государство продолжаетъ охранять личную и общую безопасность, не будучи вооружено ни правомъ произвольныхъ арестовъ, ни исключительными судилищами, ни правомъ конфискаціи имущества. Оно продолжаетъ наблюдать за путешествующими, не прибѣгая къ стѣсненію отлучекъ и къ паспортной системѣ. Оно охраняетъ свои права относительно церквей и при условіяхъ вѣротерпимости. Можетъ ли, въ этихъ же условіяхъ, быть распространена дѣятельность государства на область экономическихъ явленій, въ особенности же явленій, порожденныхъ условіями, въ которыя поставлены цѣлые *классы* общества?

Примѣръ Англіи, гдѣ парламентъ давно взялъ въ свои руки законную помощь рабочимъ классамъ, долженъ бы дать право отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Но на континентѣ Европы государственное „вмѣшательство", если не всегда на практикѣ, то въ теоріи, тщательно устранялось изъ области экономическихъ отношеній. Во Франціи и Германіи либеральная экономическая доктрина, проповѣданная Сэемъ, Дюнуайе, Фр. Бастіа, де-Молинари и др., отвергала государственное вмѣшательство, во-первыхъ, въ силу воспоминаній о государственной регламентаціи временъ стараго порядка, во-вторыхъ, изъ опасенія передъ соціалистическими ученіями, поскольку послѣднія требовали такого вмѣшательства (Луи Бланъ во Франціи, Лассаль въ Германіи). Въ наше время извѣстныя попытки экономическихъ реформъ кн. Бисмарка прямо получили названіе „государственнаго соціализма", причемъ это названіе принято какъ врагами, такъ и сторонниками реформъ, обоими безъ достаточнаго основанія.

Самое понятіе „государственнаго соціализма" заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Въ точномъ смыслѣ оно должно бы означать, что государство возьметъ на себя осуществленіе соціалистической программы или, точнѣе, одной изъ многихъ соціалистическихъ программъ, которыя всѣ одинаково имѣютъ въ виду кореннымъ образомъ измѣнить основанія нынѣшняго общественнаго и государственнаго порядка. Слѣдовательно, государство, сдѣлавшееся „соціалистическимъ", въ итогѣ будетъ трудиться надъ саморазрушеніемъ. Такая задача, независимо отъ невыгодныхъ практическихъ послѣдствій для руководителей нынѣшнихъ государствъ, трудно исполнима уже потому, что соціалистическія ученія до сихъ поръ стремятся выяснить *зачаточныя*, основныя формы „будущаго общества", оставляя пока въ сторонѣ высшія и сложныя формы союзовъ, хотя и приглашаютъ современныя „государства" къ содѣйствію ихъ требованіямъ. Извѣстно, наконецъ, что экономическіе проекты кн. Бисмарка

не заключаютъ въ себѣ ничего соціалистическаго, если не считать „соціализмомъ“ введеніе чиновниковъ въ администрацію по взаимному страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ.

Слово „государственный соціализмъ“ есть боевой лозунгъ, брошенный во время борьбы партій, для привлеченія на свою сторону одной части населенія и для устрашенія и устраненія другой. Но если государственное „вмѣшательство“ будетъ имѣть своимъ предметомъ серьезныя мѣры помощи рабочимъ классамъ и огражденія ихъ интересовъ, въ видахъ предотвращенія ихъ физическаго и нравственнаго вырожденія, для распространенія между ними знаній и нравственныхъ понятій, для улучшенія ихъ гигіеническихъ условій, для возможнаго обезпеченія ихъ на случай несчастій и отъ послѣдствій промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, то подобныя мѣры получатъ значеніе мѣръ *государственныхъ*, безъ посторонняго предиката, обыкновенно затемняющаго дѣло.

Но при осуществленіи подобной задачи необходимо имѣть въ виду нѣсколько вопросовъ, безъ разграниченія которыхъ и призваніе государства въ области экономическихъ отношеній останется неяснымъ.

Во-первыхъ, вопросъ о томъ, насколько исчерпаны средства, которыя могутъ быть даны *свободными* соединеніями людей, т.-е. ассоціаціями, этими новыми формами средневѣковыхъ союзовъ. Извѣстно, что провозглашеніе политической свободы не сопровождалось одновременнымъ развитіемъ свободы общественной. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что новыя правительства, разрушивъ старыя формы союзовъ, недовѣрчиво относились къ новымъ. Ассоціаціи и другіе виды соединеній были поставлены въ условія если не воспрещенныхъ закономъ обществъ, то союзовъ едва терпимыхъ, даже игнорируемыхъ законодательствомъ. При такихъ условіяхъ, ассоціаціи являлись съ характеромъ противогосударственнымъ и дѣйствія ихъ нерѣдко носили революціонный характеръ, особенно въ моменты острой борьбы рабочихъ съ хозяевами. Въ настоящее время отношеніе законодательствъ къ ассоціаціямъ видоизмѣнилось, но развитіе ихъ идетъ еще медленными шагами. Можетъ быть, законодательству предстоитъ перейти отъ усвоенной имъ пассивной роли зрителя развитія ассоціацій къ роли регулятора, какъ это мы видимъ уже въ новыхъ измѣненіяхъ промысловаго устава Германіи.

Затѣмъ, предстоитъ практически опредѣлить, что̀ можетъ быть сдѣлано способами свободнаго соглашенія рабочихъ съ предпринимателями и землевладѣльцами, ибо противоположеніе „труда и капитала“ и ихъ естественный антагонизмъ имѣютъ свои предѣлы, установляемые общностью разумно понятыхъ интересовъ. Есть гра-

ница стремленію держать рабочихъ на положеніи движущейся машины и въ условіяхъ „желѣзнаго закона“ задѣльной платы. Собственная выгода предпріятія побуждаетъ пользоваться трудомъ рабочихъ, поставленныхъ въ хорошія гигіеническія условія, имѣющихъ извѣстную долю образованія и, сверхъ того, заинтересованныхъ въ предпріятіи, хотя бы посредствомъ такой зачаточной мѣры, какъ участіе въ прибыляхъ. Сверхъ того, необходимо выдѣлить изъ „соціальнаго вопроса“, по существу своему *экономическаго*, сильную примѣсь *политическаго* свойства, вносимую въ него антагонизмомъ партій, противныхъ „либеральной буржуазіи“. Послѣдняя заслуживаетъ, конечно, многихъ упрековъ за свою безпечную, во многихъ отношеніяхъ своекорыстную экономическую политику. Но не малая доля отвѣтственности возложена на нее страстями классовъ и партій, которыхъ она нѣкогда лишила господствующаго положенія и которые теперь стремятся обратить соціальный вопросъ въ свою пользу и противъ своего исконнаго врага. Рядомъ съ соціализмомъ подлиннымъ является соціализмъ аристократическій, католическій, христіанскій (въ лютеранской Пруссіи); можно предполагать, что къ этой же категоріи относится и соціализмъ государственный въ томъ видѣ, какъ онъ проповѣдуется теперь въ Германіи.

За всѣмъ этимъ, на государствѣ, конечно, останутся важныя задачи. Но и при разрѣшеніи ихъ необходимо имѣть въ виду, насколько извѣстныя цѣли могутъ быть достигнуты мѣрами общими и насколько требуется государственное содѣйствіе опредѣленнымъ классамъ спеціально. Упадокъ или повышеніе общаго благосостоянія зависитъ отъ мудрой международной политики, не ввергающей страну въ непрерывныя войны, влекущія за собою промышленные и торговые кризисы; отъ общаго направленія торговой и промышленной политики, отъ состоянія путей сообщенія, отъ количества и качества народныхъ школъ, отъ справедливаго и разумнаго распредѣленія податей и бережливости въ ихъ расходованіи, отъ удовлетворительнаго состоянія администраціи и судовъ,—словомъ, отъ всей совокупности условій, при которыхъ благосостояніе создается и поддерживается само собою, дѣйствіемъ всѣхъ производительныхъ силъ страны. Затѣмъ, остается великое число мѣръ, которыми государство можетъ воздѣйствовать на условія, въ коихъ находятся низшіе классы. Конечно, эти мѣры не могутъ быть подведены подъ какую-либо общую формулу, имѣющую значеніе всеобщаго цѣлебнаго средства. Самъ „соціальный вопросъ“ развивался и развивается постепенно, представляя новыя стороны, новыя условія и новыя требованія. Но самый вопросъ, въ смыслѣ категоріи явленій sui generis, въ смыслѣ совокупности нуждъ, желаній, надеждъ, страстей и даже мечтаній

опредѣленныхъ классовъ существуетъ, и отъ способовъ постепеннаго рѣшенія его зависитъ и дальнѣйшее развитіе государственныхъ формъ, усвоенныхъ западною Европою.

IV. Если всеобщая подача голосовъ и дѣйствія государства въ области экономическихъ отношеній являются способами общей политики, чрезъ которые новыя учрежденія могутъ быть утверждены въ новыхъ общественныхъ условіяхъ, то преобразованіе *мѣстныхъ* учрежденій является средствомъ къ проведенію общихъ началъ во всѣхъ частяхъ государственной организаціи. Между тѣмъ, установленіе конституціонныхъ формъ на континентѣ Европы не сопровождалось обыкновенно такою реформою мѣстнаго управленія, которая могла бы явиться дѣйствительною опорою новыхъ центральныхъ учрежденій и серьезною школою для политическаго, такъ сказать, слоя народонаселенія, какою являются учрежденія англійскія.

Во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ административная централизація и бюрократическія формы управленія получили новую силу именно послѣ переворотовъ, создавшихъ новый порядокъ вещей. Провозглашеніе начала народнаго самодержавія не только не привело къ развитію учрежденій мѣстныхъ, но разрушило остатки старыхъ союзовъ, усилило значеніе центральной власти, какъ органа „народной воли“. Между тѣмъ какъ въ Англіи парламентъ получилъ значеніе представительства мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ, во Франціи народное представительство явилось отличною отъ департаментовъ и общинъ силою, не находящею себѣ опоры въ мѣстныхъ союзахъ, опирающеюся непосредственно на „волю народа“ и дѣйствующею на пассивныя „провинціи“.

Но главная доля „всемогущества“ центральной власти по необходимости сосредоточивается въ рукахъ исполнительной власти, такъ какъ представительныя учрежденія, по свойству своихъ задачъ, призваны не къ управленію, а къ законодательству и къ контролю надъ управленіемъ. Власть исполнительная дѣйствовала на мѣстахъ чрезъ ею назначенныхъ агентовъ, обставленныхъ не имѣвшими серьезнаго значенія совѣтами. Вслѣдствіе этого форма *управленія*, дѣйствовавшая въ странѣ, имѣла характеръ нѣкоторой диктатуры, отправляемой центральною властью изъ Парижа чрезъ своихъ полномочныхъ агентовъ. Отправленіе этой диктатуры переходило изъ рукъ одного правительства въ руки другого. Теченіе ея прерывалось или революціями, производимыми народнымъ представительствомъ при поддержкѣ *парижскаго* народа, или государственными переворотами, совершавшимися противъ палатъ и того же народа въ пользу счастливыхъ узурпаторовъ, какими были два Наполеона. Въ послѣднее время, послѣ установленія третьей республики, французское законодательство сдѣ-

лало нѣсколько шаговъ въ другомъ направленіи. Предоставленіе выбора мэровъ городскимъ совѣтамъ, преобразованіе и расширеніе правъ департаментскихъ совѣтовъ должны были явиться первыми шагами къ самоуправленію. Но послѣднее, въ качествѣ дѣйствительнаго завѣдыванія дѣлами управленія мѣстнымъ населеніемъ и дѣйствительной политической школы, развивается не въ „совѣтахъ“ и собраніяхъ и не въ должностяхъ выборныхъ мэровъ, а въ цѣлой *системѣ должностей*, подобныхъ англійскимъ мировымъ судьямъ, шерифамъ и т. д. Безъ такихъ должностей (мы не говоримъ здѣсь объ ихъ формѣ) „совѣты“ обратятся въ мѣстные парламенты, являющіеся блѣднымъ отраженіемъ парламента центральнаго, живущіе его политическими страстями, и вмѣсто того, чтобы *давать* странѣ способъ выражать свои мнѣнія и заявлять о своихъ нуждахъ въ представительствѣ центральномъ, эти „совѣты“ будутъ *получать* вдохновенія и указанія отъ центральныхъ палатъ. Послѣднія будутъ имѣть въ нихъ такіе же послушные органы, какіе исполнительная власть имѣетъ въ своихъ префектахъ и подпрефектахъ. Въ этихъ условіяхъ не могутъ образоваться и дѣйствительныя политическія партіи, руководимыя въ своихъ дѣйствіяхъ практическими нуждами страны.

Въ другихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, установленіе конституціонной монархіи не отразилось непосредственно на системѣ управленія. Революція 1848 года, принесшая этому государству форму ограниченной монархіи, оставила нетронутою систему внутренняго управленія, издавна здѣсь установившуюся въ видѣ бюрократическаго режима, съ слабымъ участіемъ мѣстно-сословнаго представительства. Старый организмъ сословно-бюрократическаго государства былъ увѣнчанъ новѣйшими представительными учрежденіями. Только чрезъ 24 года послѣ переворота 1848 года началось дѣйствительное и постепенное преобразованіе мѣстнаго управленія на началахъ самоуправленія. То же самое видимъ мы и во многихъ другихъ государствахъ: преобразованіе мѣстныхъ учрежденій является послѣдствіемъ, и не всегда непосредственнымъ, общей политической реформы. Это имѣетъ свои серьезныя основанія, такъ какъ форма мѣстныхъ учрежденій по общему правилу подчиняется требованіямъ общаго политическаго устройства [1]). Но это не ослабляетъ значенія того факта, что устройство мѣстнаго управленія по началамъ, соотвѣтствующимъ общимъ формамъ новаго государства, принадлежитъ къ числу неразрѣшенныхъ еще задачъ. Тѣмъ менѣе

---

[1]) Подробно этотъ вопросъ разсмотрѣнъ мною во введеніи къ III т. моего сочиненія: *Начала Русскаго Государственнаго Права.*

можно говорить о поколѣніяхъ, выросшихъ въ условіяхъ новаго управленія и воспитавшихся не въ духѣ старыхъ учрежденій.

V. Распространеніе конституціонныхъ учрежденій на континентѣ Европы совпадаетъ съ періодомъ относительнаго *внѣшняго мира*, установившагося въ этой части свѣта послѣ паденія Наполеона I и военной гегемоніи Франціи (1815—1848). До того времени вліяніе французскаго революціоннаго правительства и имперіи на окружающія государства имѣло болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее значеніе. Революціонный терроръ и затѣмъ военный деспотизмъ Наполеона скорѣе отвращали народы отъ идей, шедшихъ изъ Франціи, чѣмъ привлекали ихъ къ „великой націи". Правда, въ періодъ войнъ революціи, консульства и имперіи, карта Европы передѣлывалась, создавались новыя государства, возводились на престолъ новыя династіи, вводились конституціи, но послѣднія были столь же эфемерны, какъ самыя государства и династіи. Онѣ рушились вмѣстѣ съ имперіею, и Вѣнскому конгрессу не стоило большихъ усилій возстановить старый порядокъ, насколько вообще онъ могъ быть возстановленъ.

Но именно съ 1815 года конституціонное движеніе получаетъ характеръ движенія внутренняго, самостоятельнаго и почти повсемѣстнаго. Австрійскій императоръ Францъ I говорилъ, въ 1820 году, венгерской депутаціи: „весь міръ безумствуетъ и, оставивъ древніе свои законы, требуетъ воображаемыхъ конституцій".

Это явленіе объяснялось нѣсколькими причинами. Во-первыхъ, побѣда надъ французскою революціею и Наполеономъ I не устранила вліянія тѣхъ идей XVIII столѣтія, дѣйствіе которыхъ было общимъ для всѣхъ государствъ Европы. Отвращаясь отъ якобинства и отъ военнаго деспотизма Наполеона, европейскія общества вышли, однако, изъ періода войнъ революціи и имперіи съ сочувствіемъ идеямъ, проповѣданнымъ Монтескьё, Беккаріей, Филанджіери, Фихте, Кантомъ,—словомъ, представителями умственнаго движенія, совершавшагося во всѣхъ странахъ Европы. Идея свободы личной и политической сочеталась затѣмъ съ идеями національной независимости и единства, къ развитію которыхъ данъ былъ такой толчокъ въ борьбѣ съ завоевателемъ. Сверхъ того, для конституціоннаго движенія, до тѣхъ поръ революціоннаго въ самомъ его существѣ, дана была и нѣкоторая историческая формула въ видѣ французской хартіи 1814 года, въ которой историческія права короны были согласованы съ нѣкоторыми принципами 1789 года. Эта формула нашла себѣ примѣненіе и въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ-Дармштатъ, 1818—1820 г.г.).

Стремленія эти встрѣтили, какъ извѣстно, рѣшительное противо-

дѣйствіе отъ коалиціи европейскихъ правительствъ, руководимыхъ вѣнскимъ дворомъ, въ качествѣ главнаго оплота реакціи. Всякія попытки нововведеній и всякія стремленія къ національной независимости и политическому единству сдерживались или подавлялись строгими мѣрами въ Италіи и въ Германіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ продолжительную эпоху мира, обезпеченнаго тою же реакціонною политикою, изъ опасенія новаго Наполеона, общее вниманіе, силою вещей, обращалось на внутреннія дѣла каждой страны. Народы не имѣли повода забыться въ военной славѣ и внѣшнемъ могуществѣ отечества, подобно французамъ временъ консульства и имперіи. Они ожидали осуществленія всѣхъ своихъ надеждъ отъ пріобрѣтенія политической свободы, чрезъ которую, по ихъ ожиданіямъ, можно было осуществить и національное единство (durch Freiheit zur Einheit, какъ говорили въ Германіи). Пока общая политическая система 1815—1848 года оставалась неизмѣнною, руководители политическаго движенія не имѣли повода убѣждаться въ противномъ. Они терпѣли неудачи, но самыя неудачи поддерживали силу ихъ убѣжденій. Вслѣдствіе этого, періодъ съ 1815 по 1848 годъ можетъ быть названъ героическимъ періодомъ конституціонализма, когда руководители его выступали съ полною вѣрою въ идеалъ, практическаго примѣненія котораго они не успѣли еще испытать.

Но съ 1848 года положеніе вещей видоизмѣняется. Подобно тому, какъ въ эту эпоху политическая революція встрѣтилась съ революціею соціальною, такъ національное движеніе встрѣтилось съ *милитаризмомъ*, который долженъ былъ унаслѣдовать задачи національной партіи и разрѣшить ихъ по своему. Если соціальная революція въ Парижѣ выдвинула Луи Блана и поставила его рядомъ съ Ламартиномъ, то начавшаяся реакція выдвинула Луи Бонапарта, какъ президента республики, впослѣдствіи подготовившаго и совершившаго государственный переворотъ въ пользу имперіи.

Вторая французская имперія должна была возстановить традиціи первой и, слѣдовательно, разорвать трактаты 1815 г. и возвратить Франціи ея гегемонію, утраченную въ періодъ реставраціи и эпохи „мира, во что бы то ни стало“ — этого лозунга Людовика-Филиппа. Имперія пошла своимъ естественнымъ путемъ, не смотря на слова Наполеона III: „имперія — это миръ“. Крымская война 1853—1856 годовъ надолго устранила Россію отъ участія въ европейскихъ рѣшеніяхъ, обративъ ее къ вопросамъ внутреннимъ. Миръ 1856 года былъ заключенъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ императора. Затѣмъ, итальянскій вопросъ былъ подвинутъ къ своему рѣшенію не союзами итальянскихъ патріотовъ, столько разъ терпѣвшихъ крушеніе, но дипломатическими дѣйствіями графа Кавура, опиравшагося на содѣй-

ствіе патріотовъ и вооруженную поддержку Франціи. Дѣйствительные и непоправимые удары могуществу Австріи были нанесены при Мадлжентѣ и Сольферино. Затѣмъ объединеніе Италіи сдѣлалось вопросомъ времени, хотя самъ Наполеонъ отсрочивалъ его, поддерживая свѣтскую власть папы. Для самой Италіи процессъ ея объединенія не привелъ къ установленію военнаго режима, не смотря на временную поддержку со стороны Франціи, въ 1859 г. Либеральная политика графа Кавура, поддержаннаго сильнымъ національнымъ движеніемъ и содѣйствіемъ народнаго героя — Гарибальди, наложила отпечатокъ на дальнѣйшее развитіе національнаго единства. Притомъ Пьемонтъ и его династія, ставшіе во главѣ національнаго дѣла, всегда должны были играть роль анти-Австріи на итальянскомъ полуостровѣ. Но въ общемъ ходѣ императорской политики во Франціи итальянская кампанія имѣла значеніе нѣкотораго эпизода, связаннаго съ конечною цѣлью этой политики.

Военная слава и блескъ внѣшнихъ предпріятій были такою же потребностью для второй имперіи, какъ для первой. Но войны первой имперіи были результатомъ вызова коализированной Европы, брошеннаго революціонной Франціи, плодомъ неудержимаго движенія народныхъ силъ и выводомъ изъ принциповъ новаго публичнаго права, разносимыхъ арміями Наполеона. Войны второй имперіи вызывались предлогами второстепенными, не связанными съ вопросами внѣшняго величія и внутренняго благосостоянія Франціи. Поэтому и внѣшній блескъ имперіи не могъ быть продолжителенъ. Крымская война, сирійская и китайская экспедиціи, итальянская война создали для имперіи особый престижъ. Франція была, повидимому, вновь возведена на степень величайшей военной державы; центръ тяжести европейской политики опять былъ перенесенъ въ Парижъ; изъ новогоднихъ рѣчей императора выводились заключенія о судьбахъ европейскаго мира на текущій годъ. Но уже мексиканская экспедиція, предпринятая для поддержанія „латинской идеи" въ Америкѣ, экспедиція, имѣвшая плачевный (чтобы не сказать болѣе) исходъ, поколебала созданный на шаткихъ основаніяхъ престижъ имперіи. Истинный милитаризмъ долженъ былъ утвердиться по сю сторону Рейна.

Здѣсь для развитія его имѣлись серьезныя условія. Вопросъ о единствѣ Германіи, оставшійся конечною цѣлью нѣмецкихъ патріотовъ еще со времени освободительной войны противъ Наполеона Перваго, не былъ и не могъ быть разрѣшенъ безсильными учрежденіями германскаго союза (1815—1866), закрѣпившаго, напротивъ, политическое раздробленіе этой страны. Единство Германіи не могло быть создано иноземною помощью, такъ какъ ни одна изъ великихъ дер-

жавъ Европы, а въ особенности Францiя, не пожелала бы содѣйствовать созданiю могущественной серединной державы. Въ предѣлахъ самаго союза, раздробленiе Германiи совпадало съ интересами первенствующаго de jure государства—т.-е. Австрiи. Путь самостоятельнаго народнаго движенiя былъ испробованъ въ 1848 году и кончился полною неудачею. Затѣмъ государство, на которомъ покоились надежды большинства нѣмецкихъ патрiотовъ, т.-е. Пруссiя, было слишкомъ могущественно, чтобы разыграть роль Пьемонта и слиться съ Германiею, какъ Пьемонтъ слился съ Италiею. Самое прусское государство не имѣло предъ собою династiй пришлыхъ, подчиненныхъ иноземному влiянiю, непопулярныхъ, съ какими имѣли дѣло Кавуръ, Риказоли, Фарини, Гарибальди и другiе въ Италiи. Савойскiй домъ въ Италiи былъ единственною нацiональною династiею на Апеннинскомъ полуостровѣ. Баварцы, Вюртембергцы, Баденцы, Саксонцы и другiе были столь же привязаны къ своимъ династiямъ, какъ Пруссаки къ Гогенцоллернамъ. Наконецъ, политическое раздробленiе Италiи имѣло для народа большее значенiе, чѣмъ партикуляризмъ въ Германiи. Въ Италiи онъ былъ сопряженъ съ отсутствiемъ всякихъ свободныхъ учрежденiй (кромѣ Пьемонта), съ тягостнымъ для нацiональнаго чувства господствомъ иноземцевъ, съ наличностью такого государства, какъ Папская Область, съ застоемъ въ умственной и промышленной жизни. Въ Германiи партикуляризмъ ближайшимъ образомъ означалъ отсутствiе международнаго *могущества*. Безопасность союза была ограждена; всѣ государства (за исключенiемъ Австрiи) имѣли свободныя учрежденiя. Умственная жизнь была широко развита. Промышленно-торговые интересы были обезпечены средствами таможеннаго союза. Въ партикуляризмѣ многiе видѣли залогъ внутренняго процвѣтанiя Германiи, какъ многiе видятъ это и до сихъ поръ.

При этихъ условiяхъ находятъ свое объясненiе слова Бисмарка, произнесенныя имъ въ прусскомъ ландтагѣ, что вопросы, поднятые нацiональною партiею, рѣшаются *желѣзомъ и кровью*. Оставалось узнать предѣлы въ употребленiи этихъ средствъ. Что предѣлы эти были достаточно широки—можно было предвидѣть съ самаго начала. Новая германская федерацiя долженствовала образоваться дѣйствiемъ прусскаго военнаго могущества, противъ тогдашняго союза и противъ Австрiи. Первымъ опытомъ примѣненiя этихъ средствъ явилась датская война (1864), когда Пруссiя, при содѣйствiи искусно привлеченной къ дѣлу Австрiи, ввела войско въ Шлезвигъ-Гольштейнъ, изгнавъ войска союзныя, производившiя тамъ экзекуцiю противъ Данiи. Затѣмъ послѣдовало совмѣстное владѣнiе герцогствами (condominium), затѣмъ раздѣлъ ихъ между побѣдителями (по гаштейнскому

договору), споръ между послѣдними и знаменитая война 1866 года между Австріею и ея союзниками, съ одной стороны, и Пруссіею и ея союзниками—съ другой.

Призракъ стараго союза былъ изгнанъ, Австрія исключена изъ Германіи; нѣсколько бывшихъ государствъ (Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау, Франкфуртъ-на-М.) было включено въ составъ Пруссіи и, подъ ея главенствомъ, учрежденъ Сѣверо-Германскій союзъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширились и задачи прусской политики. Во-первыхъ, дѣло „единства“ не было еще закончено; по требованію императора французовъ, южно-нѣмецкія государства не были включены въ новый союзъ; рѣка Майнъ указывала границы между тѣмъ, что уже было сдѣлано, и тѣмъ, что предстояло еще совершить. Но движеніе за Майнъ неизбѣжно означало войну съ Франціею и война эта должна была, кромѣ присоединенія новыхъ государствъ къ Сѣверо-Германскому союзу, повести за собою и ослабленіе Франціи, какъ исконнаго врага (Erbfeind) нѣмецкой націи. Политика Ришельё, Людовика XIV и Наполеона I должна была получить возмездіе въ предстоявшей борьбѣ, къ которой Германія усиленно готовилась.

Она вспыхнула въ 1870 г. по вызову самой Франціи. Результаты ея извѣстны. Страшныя потери людьми и матеріальными средствами, неслыханная контрибуція въ 5 милліардовъ, утрата двухъ прекрасныхъ провинцій—таковы послѣдствія войны для Франціи. Небывалая, со времени Наполеона I, военная слава выпала на долю Пруссіи; ея руками была создана новая имперія, въ составъ которой вошли и южно-нѣмецкія государства. Но задача „меча“, которымъ была создана имперія, не исчерпалась внѣшнимъ ея образованіемъ. Предстояло утвердить и сохранить созданное.

Партикуляристическія стремленія въ самой Германіи, вражда католической партіи къ „протестантской“ имперіи, опасенія возмездія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, со стороны Франціи, усиленіе соціалистической партіи,—все это указывало на необходимость крѣпкой военной организаціи и упроченія военнаго могущества имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, образованіе въ серединѣ Европы невиданной до тѣхъ поръ военной силы вызвало усиліе къ созданію такихъ же военныхъ силъ и въ другихъ государствахъ. Состояніе „вооруженнаго мира“, знакомое Европѣ еще со временъ Наполеона III, обращается какъ бы въ состояніе нормальное. Ростъ военныхъ бюджетовъ и численнаго состава армій, лихорадочный интересъ къ улучшеніямъ въ военномъ дѣлѣ, къ изобрѣтеніямъ новыхъ средствъ истребленія—свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Это напряженное состояніе объясняется не тѣмъ только, что въ серединѣ Европы образовалось государство, располагающее 18-ью кор-

пусами, но и тѣмъ, что такое государство естественно вступаетъ на путь міровой политики и расширяетъ кругъ интересовъ, которые оно считаетъ себя призваннымъ защищать и осуществлять. Объединенная Италія находится въ иномъ положеніи, вслѣдствіе большей ограниченности интересовъ итальянской народности и большей опредѣленности послѣдней. Части „неискупленной Италіи“ могутъ служить предлогомъ къ шумнымъ манифестаціямъ радикальныхъ партій, но не серьезнымъ поводомъ къ воинственнымъ предпріятіямъ правительства. Затѣмъ предѣлы и значеніе итальянскихъ интересовъ въ другихъ частяхъ Европы довольно ограничены. Напротивъ, часть „неискупленной“ Германіи достаточно велика, чтобы дать поводъ къ грознымъ войнамъ. Еще обширнѣе кругъ германскихъ интересовъ, по самой распространенности нѣмецкаго племени и сложности его отношеній.

Современники основанія „военной имперіи германскаго народа“ слишкомъ близко стоятъ къ событіямъ послѣднихъ десятилѣтій, чтобы судить объ исходѣ возбужденныхъ ими вопросовъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Во всякомъ случаѣ, эти вопросы, вмѣстѣ съ вопросами экономическими, являются важнѣйшими изъ тѣхъ проблемъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависятъ дальнѣйшее развитіе и примѣненіе представительныхъ учрежденій на западѣ Европы. Воинственная политика, независимо отъ ея международнаго значенія, кладетъ свой отпечатокъ и на внутреннія дѣла страны. Преобладаніе военныхъ интересовъ надъ всѣми другими, проведеніе принциповъ военнаго управленія въ другихъ частяхъ администраціи, ослабленіе значенія народнаго представительства — обыкновенныя ея послѣдствія. Въ этомъ смыслѣ, оно можетъ быть названо противоположностью порядку конституціонному. Не даромъ Кантъ ставилъ послѣдній въ число условій вѣчнаго мира, т.-е. такой системы международныхъ отношеній, о которой трудно думать въ нынѣшнемъ положеніи Европы, волнуемой *страстями* національными, религіозными и общественными.

Все сказанное выше приводитъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя опредѣлятъ и планъ первой книги этого труда.

Развитіе конституціонныхъ учрежденій въ Англіи представляетъ извѣстную (хотя и не безусловную) преемственность, благодаря которой измѣненіе политическихъ учрежденій вызывалось и сопутствовалось измѣненіями общественнаго строя, служившаго основою государственныхъ учрежденій.

На континентѣ Европы введеніе новыхъ учрежденій сопрово-

ждалось крушеніемъ стараго порядка, государственнаго и общественнаго, и перерожденіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній.

Въ Англіи государственный порядокъ являлся выраженіемъ существующихъ общественныхъ отношеній; на континентѣ установленіе новыхъ государственныхъ формъ являлось какъ бы преддверіемъ послѣдующихъ измѣненій общественныхъ.

Поэтому исторія англійскихъ учрежденій, съ самыхъ древнихъ временъ, продолжаетъ сохранять особый интересъ, какъ исторія непрерывно развивающагося государственнаго тѣла, въ которой можно найти объясненія и условія зарожденія началъ, перенесенныхъ впослѣдствіи, въ видѣ готовыхъ формулъ, въ другія государства. Мы представимъ въ первомъ отдѣлѣ слѣдующей части краткій, но, по возможности, полный очеркъ этой исторіи до того момента, когда она дѣлается предметомъ вниманія всей Европы, т.-е. до исхода второй англійской революціи.

Напротивъ, въ исторіи конституціонныхъ учрежденій на континентѣ Европы главный интересъ возбуждаетъ процессъ ихъ *распространенія* во всѣхъ государствахъ западной Европы въ XIX вѣкѣ. Исторія старыхъ земскихъ чиновъ можетъ быть интересна съ общеисторической точки зрѣнія и для сравненія съ средневѣковымъ строемъ Англіи, но не для объясненія новыхъ представительныхъ учрежденій, съ которыми они имѣютъ мало общаго. Существенно важный вопросъ для послѣднихъ состоитъ въ томъ, насколько они, новыя по своимъ формамъ, наполнятся новымъ содержаніемъ, выработаннымъ измѣняющимися общественными условіями и удовлетворятъ послѣднимъ. Поэтому во второмъ отдѣлѣ слѣдующей части мы ограничимся историческимъ очеркомъ конституціоннаго движенія въ XIX вѣкѣ, поскольку это необходимо для объясненія распространенія новыхъ учрежденій на западѣ Европы.

Слѣдующія затѣмъ части будутъ посвящены *догматическому* изложенію началъ и формъ государственнаго устройства главныхъ державъ Европы и Америки. Мы остановимся, во-первыхъ, на изложеніи общихъ началъ конституціоннаго государства, независимо отъ различія отдѣльныхъ его формъ (часть вторая); третья часть будетъ посвящена обозрѣнію учрежденій конституціонныхъ монархій; четвертая—республикамъ и федераціямъ. Этотъ порядокъ казался намъ наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ КОНСТИТУЦІОННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Развитіе англійской конституціи [1]).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Первыя основанія конституціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

АНГЛО-САКСЫ.

(449—1066).

I. Островъ, на которомъ находится соединенное королевство—Англія и Шотландія, представлялъ всѣ условія для самостоятельнаго развитія учрежденій, которыя принесли съ собою германскіе завоеватели его—юты, англы и саксы.

Первобытные обитатели этой страны принадлежали къ кельтическому племени и носили названіе бриттовъ. Извѣстно, что уже Юлій Цезарь проникъ въ Британію, но завоеваніе ея совершилось при импера-

---

[1]) Стёббсъ, *The constitutional history of England*, vol. I—III. 1874, 1883, 1878. Гнейстъ, *Englische Verfassungsgeschichte*, 1882. Глассонъ, *Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre*, vol. I—VI, 1882—1883. Кемблъ, *The Anglo-Saxons in England*, vol. I—II. 1849. Фримэнъ, *History of the Norman conquest of England* etc., vol. I—VI. 1847. Ог. Тьерри, *Исторія завоеванія Англіи Норманнами*. Русскій перев. 1859 года. И. Сокальскій, *Англо-саксонская сельская община*. 1871. М. Ковалевскій, *Исторія полицейской администраціи*, etc. Прага. 1877. Его же, *Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ*. Москва 1880. Галламъ, *L'Europe au Moyen Age*. Франц. перев. 1828.

торѣ Клавдіи (41—54 по Р. Х.) и окончательно при Домиціанѣ (81—96), благодаря подвигамъ Агриколы (40—93 по Р. Х.), который былъ и правителемъ завоеванной области (78—86), пока онъ не былъ отозванъ завистливымъ Домиціаномъ. Въ теченіе 300 лѣтъ римляне владѣли Британіею. Когда Константинъ Великій организовалъ окончательно управленіе имперіи, Британія была причислена къ галльской префектурѣ и составляла третій изъ ея діоцезовъ. Главнымъ ея городомъ былъ Іоркъ (Eboracum). Но, не смотря на то, что римляне въ продолженіе 300 лѣтъ владѣли Британіею, можно сказать, что римское вліяніе въ Англіи было слабѣе, чѣмъ въ другихъ римскихъ провинціяхъ, потому что Британія была завоевана римлянами позже и покинута ими раньше другихъ областей имперіи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы римляне не употребляли всевозможныхъ усилій для романизаціи Британіи. Въ ней можно найти нѣсколько городовъ римскаго происхожденія [1]), равно какъ остатки римскихъ построекъ. Римляне селились не только въ качествѣ солдатъ арміи, но и въ качествѣ колонистовъ. Управленіе было организовано на римскихъ началахъ.

Въ числѣ лицъ, управлявшихъ Британіею, можно назвать знаменитыхъ римскихъ юристовъ Папиніана, Павла и Ульпіана. Но, очевидно, римское населеніе—колонисты и солдаты—не слились съ бриттами, такъ что когда римляне оставили Британію, бритты оказались въ такомъ же общественномъ состояніи, въ какомъ застали ихъ римляне, хотя они были крещены, и мы встрѣчаемъ бриттскихъ епископовъ на соборахъ въ Арлѣ (314) и Сардикѣ (344). Послѣ удаленія римлянъ, бритты выдерживаютъ постоянно нападенія со стороны сѣверныхъ сосѣдей, пиктовъ и скоттовъ, а также со стороны морскихъ разбойниковъ, нападавшихъ съ запада. Наконецъ, внутреннія междоусобія привели островъ въ такое состояніе, что одинъ изъ королей, Вортигернъ, былъ принужденъ обратиться за помощью къ ютамъ. Двое старшинъ ютскаго племени (Генгистъ и Горза) въ 449 г. явились на помощь къ Вортигерну и, дѣйствительно, разбили его враговъ, но черезъ нѣкоторое время обратили оружіе противъ самихъ же бриттовъ. Вотъ какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ бриттскій поэтъ: „разбивъ враговъ нашихъ, они торжествовали вмѣстѣ съ нами радость побѣды; мы наперерывъ праздновали ихъ прибытіе. Но да будетъ проклятъ день, въ который мы ихъ полюбили“. Успѣхъ ютскихъ старшинъ привлекъ въ Англію родственныя ютамъ племена—саксовъ и англовъ. Первые явились (въ 477 г.)

---

[1]) Кентербери (Durovernum), Лондонъ, Іоркъ и друг.

подъ предводительствомъ Эллы (Aella) и его сыновей, вторые—подъ предводительствомъ—Иды.

Завоеванiе Британiи ютами, саксами и англами сопровождалось такими свирѣпостями и насилiями, какихъ не знали континентальныя провинцiи Рима, гдѣ духовенству христiанскому удавалось смягчать свирѣпость варваровъ. Ничего другого и нельзя было ожидать отъ этого полудикаго племени. Его отечество у устья Эльбы представляло низменную, болотистую мѣстность, покрытую лѣсами, не содѣйствующую развитiю мирныхъ занятiй. Напротивъ, привольная жизнь морскихъ разбойниковъ привлекала саксовъ. Самое названiе ихъ происходитъ отъ короткаго меча. Исторiя представляетъ ихъ рослыми, съ свирѣпыми сѣрыми глазами, флегматичными, по обычаю всѣхъ варваровъ весьма обжорливыми и склонными къ пьянству. Но въ то же время они представляли и привлекательныя черты: любовь къ личной свободѣ, уваженiе къ женщинамъ, строгую семейную жизнь, отсутствiе сладострастiя, способность переносить воинскiя трудности. Ихъ предводители сходны съ удалыми норвежскими морскими королями, характеръ которыхъ выразился въ извѣстныхъ воинскихъ пѣсняхъ [1]).

Передъ натискомъ этихъ племенъ ничего не сохранилось: не уцѣлѣло ни первобытное устройство, ни (за немногими исключенiями) римскiя учрежденiя. Но, тѣмъ не менѣе, общая опасность соединила бриттовъ и они упорно отстаивали свои земли. Весь процессъ завоеванiя продолжался 131 годъ. Первое государство, основанное ютами, былъ Кентъ съ главнымъ городомъ Кентербери, отъ имени котораго примасъ англиканской церкви получилъ названiе Кентерберiйскаго (451 г.). Затѣмъ въ 491 году саксы основали Суссексъ, т.-е. южное саксонское государство, въ 516 г.—Вессексъ, наконецъ въ 526 г.—Эссексъ. Таковы три государства, основанныя саксами. Примѣръ счастливыхъ завоевателей увлекъ и другое родственное саксамъ племя—англовъ. Они, подъ предводительствомъ Иды, въ 547 г. основали у рѣки Гумбера королевство Нортумберландъ, но это королевство не представляло единства, такъ какъ оно раздѣлялось на двѣ части: Деиру и Берницiю. Въ 571 г. англы основали Восточную Англiю и, наконецъ, въ 584 г. Мерсiю (Марка). Такимъ образомъ, болѣе 130 [2]) лѣтъ продолжается завоеванiе, которое почти совершенно искоренило бриттовъ и обратило ихъ въ рабство. Кельтскiй элементъ нашелъ убѣжище въ Корнвалисѣ и Уэльсѣ

---

[1]) Ср. Тэнъ, *Histoire de la littérature anglaise*, I.

[2]) Можетъ быть, больше, если принять 597 годъ какъ послѣднiй въ завоеванiи страны.

(Валлисѣ), другіе отправились на родственную галламъ почву въ Галлію и укрѣпились въ провинціи Бретань (Арморика).

II. Въ завоеванной саксами Британіи могли безпрепятственно развиваться старо-германскія учрежденія. И дѣйствительно, въ англо-саксонскихъ учрежденіяхъ можно видѣть старо-германскія черты во всей ихъ чистотѣ. Единственное внѣшнее вліяніе на общественный и политическій бытъ англо-саксовъ могло принадлежать только христіанской церкви. Почти чрезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ первые вожди саксовъ явились въ Британію, прибыли сюда и первые 40 миссіонеровъ, посланные папою Григоріемъ Великимъ (590—604). Во главѣ ихъ былъ поставленъ св. Августинъ († 607), первый кентерберійскій архіепископъ. Этельбертъ, король Кента, женатый на Бертѣ, дочери короля парижскаго Кариберта (христіанкѣ), первый съ своимъ народомъ принялъ новую вѣру (597). Распространеніе христіанства въ другихъ англо-саксонскихъ государствахъ продолжалось не менѣе 80 лѣтъ [1]). Поэтому учрежденія саксовъ сложились въ условіяхъ первобытной, такъ сказать, независимости.

Политическое устройство англо-саксовъ опредѣлялось порядкомъ занятія завоеванныхъ земель, развитіемъ общинныхъ учрежденій и организаціею отдѣльныхъ государствъ, основанныхъ завоевателями. При раздѣленіи завоеванной территоріи на нѣсколько самостоятельныхъ королевствъ, мѣстныя учрежденія каждаго изъ нихъ естественно имѣли большее значеніе, чѣмъ установленія *центральныя*, въ особенности же чѣмъ установленія, общія для всей гептархіи, соединенной въ первый разъ въ одно государство королемъ западныхъ саксовъ изъ рода Цердика—Экбертомъ Великимъ (800—836). Но развитіе единства и могущества Англіи было прервано вторженіями датчанъ (съ 787 г.) и вызванною ими борьбою народностей. Напряженіе силъ, необходимое для этой борьбы, дало новыя силы королевской власти. Царствованіе Альфреда Великаго (871—901), остановившаго успѣхи датчанъ и заключившаго съ ними миръ, положило прочное основаніе англо-саксонскому государству. Послѣднее, вмѣстѣ съ властью своихъ королей, доходитъ до высшей степени своего развитія въ періодъ времени отъ смерти Альфреда до кончины Эдгара (959—975). Слабость послѣдующихъ королей саксонской династіи привела къ тому, что англо-саксонскій престолъ былъ занятъ королями датскими (Канутъ Великій, 1016—1035; Гарольдъ 1035—1039; Гардиканутъ 1039—1042). Во-вторыхъ, королевская власть, сохраняя номинально значеніе, какое она прі-

[1]) Эссексъ принялъ христіанство въ 604 году; Эстъ-Англія—въ 629; Нортумберландъ—въ 625; Вессексъ—въ 635; Суссексъ—въ 680.

обрѣла при Альфредѣ и Эдгарѣ, утрачивала его вслѣдствіе (главнымъ образомъ) развитія силы крупныхъ тановъ. Поэтому наибольшую важность для исторіи англійскаго права представляютъ *мѣстныя* учрежденія этой страны, ибо они пережили норманнское завоеваніе и сдѣлались основою англійскаго самоуправленія. Эти учрежденія имѣли свое основаніе въ условіяхъ заселенія Англіи завоевателями и образованія поземельныхъ отношеній.

III. Завоеваніе Британіи англо-саксами сопровождалось *колонизаціею* этой страны племенемъ завоевателей. Не одна дружина или войско, сопровождавшія вождей, занимали покоренныя области, какъ это случилось впослѣдствіи съ норманнами: завоеватели являлись съ своими женами, дѣтьми, родственниками и даже рабами [1]). Этотъ фактъ былъ обиленъ послѣдствіями. Во-первыхъ, англо-саксы, *переселяясь* въ Британію, могли воспроизвести здѣсь основныя начала своего національнаго быта; они являлись на новую почву въ видѣ *народа*, обладавшаго своими обычными учрежденіями, сходными съ учрежденіями всѣхъ германскихъ племенъ. Племена, постепенно занимавшія разныя области Британіи, переносили сюда и свое *соціальное* устройство, въ видѣ извѣстныхъ всѣмъ германскимъ народностямъ классовъ *благородныхъ*, *свободныхъ*, *зависимыхъ и рабовъ*, видоизмѣненныхъ впослѣдствіи новыми отношеніями. Наконецъ, германскіе обычаи выразились и въ способѣ распредѣленія земель между завоевателями. Учрежденіемъ *новымъ* или, по крайней мѣрѣ, учрежденіемъ, получившимъ новое развитіе послѣ переселенія англо-саксовъ въ Британію, было учрежденіе *королевской власти*. Въ прежнемъ своемъ отечествѣ саксы, равно какъ и другія сѣверныя нѣмецкія племена (Фризы, Дитмарсы и др.), не знали этого института. Онъ явился въ видѣ результата новыхъ общественныхъ условій [2]) и не сразу: Генгистъ и Горза называются еще герцогами; Цердикъ и Цинрикъ (495) носятъ названіе альдерменовъ (старшинъ) [3]). Затѣмъ нѣсколько столѣтій отдѣляютъ время перваго основанія королевства отъ соединенія гептархіи подъ власть одного короля — Экберта Великаго (827). Но между начальнымъ и конечнымъ пунктомъ развитія королевской власти находится промежуточная ступень власти *бретвальды*, главы союза нѣсколькихъ мелкихъ племенъ. Названіе бретвальды [4]) является уже вскорѣ послѣ завоеванія. Затѣмъ въ VI и началѣ VII вѣка Этельбертъ Кентскій (560 —

---

[1]) Стёббсъ, ук. соч. I, стр. 64 и слѣд.

[2]) Гнейстъ, ук. соч., стр. 11 и слѣд., Стёббсъ, I, стр. 66.

[3]) Стёббсъ, ib.; Глассонъ, ук. соч. I, стр. 46 и слѣд.

[4]) Bretvalda, старшина.

616) носитъ титулъ бретвальды и распространяетъ свое главенство на Эссексъ и Суссексъ. Послѣ долгой борьбы разныхъ королевствъ за первенство, оно утверждается въ родѣ Цердика, основателя династіи западныхъ саксовъ (Вессексъ) и предка Экберта Великаго.

Политическія и гражданскія учрежденія англо-саксовъ развились въ условіяхъ политическаго раздробленія страны. Но они достигли развитія, настолько полнаго, что ихъ начала могли быть выражены и опредѣлены *въ законодательныхъ* памятникахъ. Письменное законодательство явилось впервые въ Кентѣ, т.-е. въ первомъ изъ королевствъ, основанныхъ саксами. Король Этельбертъ, принявшій христіанство, былъ первымъ законодателемъ своего государства (560—616). Его законы были дополнены и развиты Лотаромъ и Эдрикомъ (Кадрикомъ) и, наконецъ, Витредомъ (696). Законы Вессекса установлены королемъ Иною (688—722). Предполагаютъ, что Оффа, король Мерсіи (757—794), далъ подобные же законы своему государству; но они не дошли до насъ. При сходствѣ обычаевъ и учрежденій всѣхъ саксонскихъ племенъ, эти законы являются общими источниками для изученія саксонскаго права въ періодъ гептархіи. Послѣ объединенія королевствъ законодательная дѣятельность усилилась. Важнѣйшими памятниками этого періода являются: 1) законы Альфреда Великаго, котораго называли legum anglicanorum conditor; 2) Этельстана (924—941), Эдгара (959—975) и Канута (1016—1035). Наибольшею знаменитостью пользовались законы послѣдняго законнаго англо-саксонскаго короля Эдуарда Исповѣдника (1042—1066). Но они не дошли до насъ въ подлинникѣ: то, что извѣстно подъ именемъ этихъ законовъ, есть сборникъ, составленный уже послѣ норманнскаго завоеванія.

Обозрѣніе саксонскихъ учрежденій должно начать съ *мѣстнаго* устройства: во-первыхъ, потому, что оно находится въ тѣсной связи съ *общественною* организаціею англо-саксовъ, и, во-вторыхъ, потому, что оно является истиннымъ основаніемъ центральныхъ учрежденій. При разсмотрѣніи этого устройства, прежде всего должно принять во вниманіе *поземельное* устройство; у всѣхъ германскихъ племенъ права и обязанности опредѣлялись землевладѣніемъ.

IV. Земли, въ областяхъ, постепенно занятыхъ англо-саксами, раздѣлялись на двѣ главныя части. Одна изъ нихъ шла въ *жеребьевый* надѣлъ, между членами общины (bocland); другая оставалась въ распоряженіи государства (folkland). Система жеребьеваго надѣла тѣсно связана съ военнымъ и общественнымъ устройствомъ завоевателей. Вожди (heretoga) и старшины (ealdormen'ы) являлись въ страну съ войскомъ, которое было вооруженнымъ народомъ; въ военномъ отношеніи оно дѣлилось на сотни (hundreds). Земля занималась

цѣлою сотнею, какъ военною и общественною единицею; отдѣльные поселки были исключеніемъ. Каждая семья (родъ) получала свой участокъ. Были ли эти надѣлы однообразны и систематичны? Гнейстъ, опираясь на изслѣдованія Кембля [1]), говоритъ, что размѣръ надѣла (hida, mansus) равнялся minimum 33 саксонскимъ акрамъ или 40 норманнскимъ [2]). Но Стёббсъ [3]), принимая во вниманіе различіе въ численности племенъ и неодинаковыя условія страны, отвергаетъ такое симметрическое дѣленіе.

Отдѣльность *владѣнія* каждымъ жребіемъ, предоставленнымъ семьѣ (роду), не подлежитъ сомнѣнію; сомнительнымъ, для первыхъ временъ поселенія, остается *право собственности*. Но къ тому времени, какъ появляются первые саксонскіе законы, значеніе этихъ надѣловъ выяснилось и установилось. Подъ именемъ bocland разумѣлись земли, владѣемыя на правѣ полной собственности и наслѣдственно. Выраженіе bocland передается, при переводѣ законовъ, латинскими выраженіями: libera terra, terra hereditaria, allodium [4]). Terra libera свободна отъ всякихъ повинностей, за исключеніемъ повинностей воинской, исправленія укрѣпленій и мостовъ. Эти три повинности носятъ названіе trinoda necessitas. Права на эту землю укрѣпляются письменною записью въ книгахъ, откуда и названіе bocland (terra codicillaris).

Подъ именемъ folkland назывались земли, находившіяся въ распоряженіи государства. Онѣ образовались, можетъ быть, изъ бывшихъ фискальныхъ владѣній, захваченныхъ завоевателями. Однѣ изъ нихъ находились въ прямомъ распоряженіи короля; другія отданы были въ распоряженіе общинъ. Но верховнымъ ихъ собственникомъ оставалось государство. Онѣ составляли постоянный фондъ страны, the standing treasury of the country, какъ говоритъ Стёббсъ; для отчужденія ихъ требовалось согласіе витенагемота. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы изъ folkland'а не могли быть производимы пожалованія и надѣлы. Беда Достопочтенный [5]) даже жалуется на расточительность королей, раздававшихъ земли монастырямъ. Но пожалованія изъ folkland'а рѣдко обращались въ полную собственность владѣльца; они сохраняли характеръ временнаго владѣнія, обусловленнаго разными повинностями сверхъ trinoda necessitas.

---

[1]) Kemble, The Anglo-Saxons in England.

[2]) Ук. соч., стр. 2.

[3]) Ук. соч. I, стр. 72 и слѣд., особ. 74.

[4]) Стёббсъ, I, стр. 75; Глассонъ, I, стр. 145 и слѣд.

[5]) Beda Venerabilis (674—735), авторъ знаменитой *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*.

V. Неравенство въ землевладѣніи проявилось въ Англіи съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Вліяніе его на общественный строй естественно усиливалось по мѣрѣ того, какъ начала первоначальной *племенной* организаціи уступали мѣсто началамъ организаціи *территоріальной*. Даже въ періодъ племенной организаціи, построенной на кровныхъ и личныхъ связяхъ, землевладѣніе было признакомъ всѣхъ политическихъ правъ [1]). Впослѣдствіи имъ опредѣлялось мѣсто человѣка въ обществѣ, его достоинство, его права и обязанности—словомъ, *сословныя* различія. Послѣдними опредѣлялась степень свободы, съ одной, и зависимости, съ другой стороны.

Вопросъ о сословныхъ различіяхъ у англо-саксовъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ: во-первыхъ, потому, что границы между сословіями не были твердо установлены; во-вторыхъ, потому, что одинъ и тотъ же классъ представлялъ много оттѣнковъ. Благодаря послѣднимъ, довольно трудно опредѣлить, какіе классы должны быть отнесены къ разряду безусловно свободныхъ и какіе относились въ разрядъ классовъ зависимыхъ.

Съ одной стороны, говоритъ Стёббсъ, всѣ люди были свободны, за исключеніемъ полныхъ рабовъ; съ другой—всѣ были несвободны, за исключеніемъ подходившаго подъ полное опредѣленіе свободнаго (freeman), собственника земли, не обязаннаго за нее зависимостью другому. Всякій, кто стоялъ въ отношеніяхъ личной зависимости, какъ постоянной, такъ и временной, разсматривался какъ несвободный [2]).

Мы имѣемъ, однако, признаки, по которымъ все народонаселеніе тогдашней Англіи можетъ быть распредѣлено по разрядамъ, довольно опредѣленнымъ. Эти признаки суть: 1) степень правъ гражданскихъ; 2) землевладѣніе, которымъ опредѣлялась — 3) степень правъ политическихъ и отчасти гражданскихъ.

На основаніи одного перваго признака, все народонаселеніе раздѣлялось на свободныхъ и рабовъ, раздѣлявшихся на нѣсколько видовъ [3]). Свободные вообще раздѣлялись на имѣвшихъ землю, державшихъ землю отъ другихъ и безземельныхъ. Послѣдніе находились подъ защитою или въ зависимости отъ какого либо состоятельнаго лица. Къ двумъ послѣднимъ разрядамъ относились дружинники (comitatus) короля и альдерменовъ; лица, нанимавшія земли у другихъ лицъ, вообще безземельные, безродные и бездомные, искавшіе покро-

---

[1]) Стёббсъ, I, стр. 74 и слѣд.

[2]) Стёббсъ, I, стр. 78 и слѣд.

[3]) Сюда относились 1) полные рабы (theow); этотъ разрядъ образовался изъ рабовъ, привезенныхъ саксами изъ своего отечества, и бриттовъ, обращенныхъ въ рабство; 2) наймиты (esne) и 3) обращенные въ рабство за долги (wite-theow).

вительства у других лицъ (впослѣдствіи и обязанные къ тому) подъ условіемъ службы; господинъ обязывался, въ случаѣ совершенія ими преступленій, представлять ихъ къ суду, и самъ имѣлъ извѣстную долю юрисдикціи надъ ними [1]). Опредѣленіе ихъ юридическаго положенія представляется затруднительнымъ потому, что законы касались ихъ мало, имѣя въ виду, прежде всего, опредѣленіе правъ и обязанностей полноправныхъ членовъ общества, т.-е. землевладѣльцевъ.

Этотъ классъ свободныхъ людей обнималъ много разрядовъ, начиная съ владѣльца простого надѣла (mansus) до знатнаго альдермена или тана, владѣвшаго обширными помѣстьями и окруженнаго сотнями слугъ. Гнейстъ сдѣлалъ замѣчательную попытку классификаціи этого элемента англо-саксонскаго общества, хотя его систематизація представляется, можетъ быть, слишкомъ догматической, въ виду разнообразія дѣйствительныхъ отношеній [2]).

Первое мѣсто въ общественной іерархіи представлялъ классъ, носившій въ эпоху полнаго развитія саксонскаго государства названіе *тановъ*. Это названіе происходитъ отъ саксонскаго thegnian—служить, и показываетъ, что танство образовалось изъ разряда королевскихъ должностныхъ лицъ. Но означенный классъ получаетъ этотъ характеръ лишь постепенно, по мѣрѣ того какъ *служебная* аристократія вытѣснила аристократію родовую [3]). Ихъ вира въ нѣсколько разъ больше виры обыкновеннаго свободнаго человѣка; они призываются къ занятію важнѣйшихъ должностей; они владѣютъ значительными помѣстьями и обыкновенно пользуются въ ихъ предѣлахъ извѣстными правами юрисдикціи. Въ свою очередь этотъ классъ подраздѣляется на высшихъ и низшихъ тановъ: thani majores и medemes. Высшіе, *королевскіе* таны, занимаютъ важнѣйшія должности при дворѣ и въ центральномъ управленіи, владѣютъ землею въ размѣрѣ не меньшемъ 40 гуфовъ и вира за ихъ убійство положена въ 1200 шиллинговъ (въ 6 разъ больше обыкновенной); меньшіе таны владѣютъ землею въ размѣрѣ не меньшемъ 5 гуфовъ, ихъ вира опредѣлена въ 600 шилл. и они призываются, по предположенію Гнейста, къ занятію должностей въ графствахъ.

Остальная масса свободныхъ безразлично носитъ названіе ceorls; въ нее должны быть включены, съ точки зрѣнія гражданскаго права, и безземельные, о коихъ сказано выше. Но затѣмъ она состояла изъ

---

[1]) Стёббсъ, I, стр. 80 и слѣд.

[2]) Ук. соч., стр. 75 и слѣд.

[3]) Этотъ процессъ описанъ у Стёббса, и конечный его результатъ выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „the more ancient nobility finally merged into the nobility of service, and the eorl and aethel were lost in the *thegn*". I, VI, § 65.

мелкихъ землевладѣльцевъ, принимавшихъ участіе и въ управленіи, особенно же въ дѣлахъ сотенъ.

VI. Политическая жизнь сосредоточивается, конечно, въ классѣ свободныхъ людей, и степень ихъ участія въ дѣлахъ государства опредѣляется сословными ихъ различіями. Главнѣйшіе виды этого участія, согласно общимъ началамъ германскаго политическаго устройства, были: 1) отправленіе военной службы; 2) участіе въ судѣ; 3) охраненіе мира. Къ этому присоединялось обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ вообще важныхъ дѣлъ, касавшихся мѣстности и всего государства.

Въ условіяхъ первоначальнаго устройства всѣ свободные люди были призваны къ отправленію обязанностей предъ государствомъ и къ участію въ управленіи въ разныхъ его формахъ. Войско было „вооруженнымъ народомъ“, въ которомъ обязаны были участвовать всѣ свободные и на собственный счетъ; гемоты для отправленія правосудія и для рѣшенія другихъ общихъ дѣлъ составляются изъ всѣхъ свободныхъ; охраненіе мира лежитъ на обязанности общинъ и ихъ должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, непосредственная связь каждаго свободнаго (не-раба) съ государствомъ является общимъ правиломъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи англо-саксонской исторіи эти условія видоизмѣняются.

Отправленіе воинской повинности всѣми свободными на собственный счетъ, при обѣднѣніи массы свободныхъ, фактически становится невозможнымъ. Хотя принципъ народнаго ополченія сохраняетъ свою силу, но въ дѣйствительности войско составляется, главнымъ образомъ, изъ вооруженныхъ дружинъ тановъ. Гемоты, въ особенности же собранія графствъ и общіе совѣты—обращаются въ собранія знатнѣйшихъ. Наконецъ, рядомъ съ учрежденіями народнаго суда, развивается *вотчинная* юрисдикція.

Эти условія видоизмѣняютъ постепенно черты стариннаго устройства, приводятъ къ ослабленію королевской власти и самого государства, открывая путь къ норманнскому завоеванію. Но нельзя сказать, чтобы главныя основанія мѣстнаго, въ особенности, устройства были видоизмѣнены настолько, чтобы дальнѣйшее развитіе государства опредѣлялось не-національными началами. Напротивъ, какъ до, такъ и послѣ завоеванія, англійское государство сохраняетъ свой національный типъ, для изученія котораго должно разсмотрѣть его отдѣльные элементы, начиная съ простѣйшихъ.

VII. Въ англо-саксонскій періодъ учрежденія видоизмѣняютъ свой патріархально-родовой типъ, начала котораго уступаютъ мѣсто принципамъ территоріальнымъ. Семья и семейно-родовой союзъ сохраняютъ свое значеніе. Земельныя общины первоначально образовыва-

лись, вѣроятно, лицами, соединенными кровнымъ родствомъ или представленіемъ объ общемъ происхожденіи. Члены семьи были связаны извѣстными обязанностями другъ къ другу: семья платила виру въ случаѣ совершенія убійства однимъ изъ ея членовъ и получала таковую, если одинъ изъ ея членовъ былъ убитъ; члены семьи являлись соприсяжниками въ судѣ для цѣлей обвиненія и защиты; ей принадлежала опека надъ малолѣтними и т. д. Но она не имѣла *политическаго* значенія, потому что ей не принадлежала *юрисдикція* надъ ея сочленами и, какъ таковая, она не была представлена въ государствѣ [1]).

Основаніемъ политическаго устройства являлся поземельный союзъ и притомъ въ двоякой формѣ: союза свободныхъ людей, развившагося изъ прежней родовой *марки*, и союза господскаго. Въ первомъ случаѣ оно носитъ названіе township (tûn-scipe), во второмъ—manor, вотчины. Можетъ быть, округи township'овъ и вотчинъ имѣютъ отношеніе и къ подраздѣленію народонаселенія на *десятни* (tithing) для цѣлей военно-полицейскихъ. Но прямая связь между *территоріальными* единицами (община и вотчина), съ одной, и военнымъ дѣленіемъ народа, съ другой стороны, не можетъ быть установлена съ такою ясностью, какъ связь *сотни* съ территоріальнымъ дѣленіемъ страны. Сотня, при постепенной замѣнѣ прежнихъ родовыхъ и племенныхъ началъ устройства началами территоріальными обратилась въ земельный округъ. Значеніе десятни, какъ территоріальнаго округа, не могло развиться въ той же степени уже потому, что округи вотчинъ, получившихъ такое значеніе для цѣлей полицейскихъ, не совпали бы съ ними по своей неравномѣрности [2]). Затѣмъ границы этихъ первоначальныхъ единицъ совпадаютъ также и съ границами приходовъ. Въ township'ахъ, равно какъ и въ вотчинахъ (manors), были положены основанія мѣстнаго управленія, охраненія мира, вольной поруки (frankpledge) и поруки владѣльческой, развитіе которой, для полицейской цѣли охраненія мира, совершается параллельно съ распаденіемъ сельской общины и увеличеніемъ числа безземельныхъ [3]).

Сотня есть старинное германское дѣленіе, о которомъ упоминаетъ еще Тацитъ [4]), носившее разныя названія у народовъ нѣмецкаго и

---

[1]) Стёббсъ, I, стр. 81 и слѣд.

[2]) Ср. Гнейстъ, ук. соч., стр. 41 и слѣд.; Стёббсъ, I, стр. 86. Ковалевскій, *Исторія полицейской администраціи*, стр. 22 и слѣд., примѣч.

[3]) Вопросъ о развитіи круговой поруки и владѣльческаго ручательства принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ въ исторіи англо-саксонскаго и вообще германскаго права. См. на русскомъ языкѣ указанную монографію М. М. Ковалевскаго.

[4]) *Germania*, VI, XII.

скандинавскаго племени [1]). Сотенныя собранія (gemot'ы) были установлены для рѣшенія гражданскихъ тяжбъ, разбирательствъ по мелкимъ проступкамъ, утвержденія нѣкоторыхъ договоровъ и т. п. Сверхъ того, сотня вспомоществовала *шерифу* при его объѣздахъ (turnus) съ судебно-полицейскими цѣлями: для преслѣдованія воровъ, для представленія лицъ, требуемыхъ въ судъ, для принятія мѣръ къ охраненію мира и т. д. Собранія сотни (hundred gemote) созывались каждый мѣсяцъ, т.-е. 12 разъ въ годъ. Въ составъ ихъ входили землевладѣльцы округа или, по ихъ порученію, управители ихъ имѣній, священникъ, управители королевскихъ имѣній и по 4 „лучшихъ людей" изъ каждаго township'а. По старому германскому началу, отправленіе правосудія принадлежало собранію, подъ руководствомъ должностного лица, назначеннаго королемъ. Въ принципѣ, слѣдовательно, судьями были всѣ свободные люди (liberi homines) союза. Но впослѣдствіи, какъ отъ уменьшенія числа свободныхъ людей, могущихъ являться въ собранія, такъ и отъ неопредѣленности постановленій о составѣ сотенныхъ съѣздовъ, установилось число 12 мужей, безъ сомнѣнія,—тановъ. Такимъ образомъ, мы находимъ начатки *представительства* въ первой единицѣ мѣстнаго управленія. Вопросъ о предсѣдательствѣ въ сотенныхъ собраніяхъ до сихъ поръ принадлежитъ къ числу спорныхъ [2]).

Гнейстъ, въ виду того, что источники не позволяютъ, по его мнѣнію, предполагать о существованіи сотеннаго *герефы*, какъ общей для всѣхъ волостей должности, останавливается на предположеніи, что предсѣдательство на сотенныхъ судахъ принадлежало *ширгерефѣ*, за исключеніемъ волостей экзимированныхъ или имѣвшихъ своихъ спеціальныхъ герефовъ.

Но это мнѣніе нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ и подтвержденіяхъ. Оно исходитъ изъ того общаго предположенія, что должностныя лица въ сотняхъ непремѣнно были назначаемы королемъ. Но, во-первыхъ, *предсѣдательство* въ сотенномъ собраніи могло принадлежать и *выборному* лицу. Въ законахъ Генриха I, имѣвшихъ цѣлью подтвердить старые обычаи, прямо постановлено, что „praesit autem .... hundreto unus de melioribus et vocetur aldremannus, qui Dei leges et hominum jura vigilanti studeat observantia promovere [3]). Хотя aldermannus, о которомъ говоритъ законъ Ген-

---

[1]) Hundert, Hundertschaft, Herade или Hundrade (у скандинавовъ).

[2]) См. Стёббсъ, I, стр. 103—104. Гнейстъ, *Verfassungsgeschichte*, стр. 53 и прим. 2 а.

[3]) *Select Charters and other illustration of English constitutional history etc., arranged and edited by* W. Stubbs 4 ed. 1881, стр. 106.

риха I, и не разсматривается какъ постоянное должностное лицо, но изъ этого никакъ нельзя вывести заключенія о томъ, что въ англо-саксонскій періодъ сотни не имѣли своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, герефовъ, сотенныхъ альдерменовъ (hundretsalderman), соотвѣтствующихъ франкскимъ centenarii. Притомъ шерифамъ весьма трудно было объѣзжать всѣ сотенныя собранія, происходившія каждый мѣсяцъ. Для устраненія этого возраженія, Гнейстъ прибѣгаетъ къ другимъ предположеніямъ, въ свою очередь требующимъ доказательствъ.

Большинство англійскихъ *городовъ* являются единицами, равнозначащими сотнѣ въ отношеніи своего управленія и суда. Вмѣстѣ съ сотнями они состоятъ подъ юрисдикціею собраній графствъ. Одинаковое значеніе имѣютъ и liberties, слободы, т.-е. владѣльческіе округи, изъятые изъ подъ юрисдикціи сотенныхъ судовъ. Юрисдикція въ слободахъ предоставлена владѣльцу, совокупность правъ котораго носитъ названіе soca и saca; отсюда названіе sochmani для лицъ, состоящихъ подъ юрисдикціею и охраною владѣльца (hlâford). Судъ отправляется собраніемъ sochman'овъ, подъ предсѣдательствомъ управителя. Но liberties не изъяты изъ подъ юрисдикціи графствъ.

Графства (scires) и ихъ учрежденія составляютъ особенность англо-саксонскаго права, что объясняется ихъ происхожденіемъ. Въ періодъ гептархіи единственнымъ подраздѣленіемъ королевства были сотни. Графства образовались изъ королевствъ, соединившихся подъ державою Экберта. Такъ, графства Суссексъ, Кентъ, Эссексъ, Миддлесексъ и Сѣррей суть приблизительно старыя королевства; Норфолькъ и Суффолькъ—подраздѣленія Эстъ-Англіи и т. д. [1]). Этимъ объясняется какъ неравномѣрность въ объемѣ графствъ, такъ и значеніе гемотовъ графствъ и управленія ими.

Вмѣстѣ съ графствами, и ихъ собранія имѣютъ преемственную связь съ старыми королевствами. Поэтому за собраніями графствъ остались нѣкоторыя права прежнихъ народныхъ собраній; они являются не только собраніями графствъ (scirgemote), но и *народнымъ* собраніемъ (folkgemote). Компетенція собранія простиралась на всѣ уголовныя дѣла, на тяжбы между членами разныхъ сотенъ, на дѣла, переносимыя изъ судовъ сотенныхъ, и тяжбы между могущественными людьми. Въ немъ обсуждались и рѣшались также важнѣйшія дѣла по общему управленію графствомъ, не исключая

[1]) Подробный разборъ происхожденія графствъ см. у Стѣббса, I, стр. 109 и слѣд. Но историческія начала примѣнялись не вездѣ одинаково. Ср. Гнейстъ, ук. соч., стр. 35 и слѣд. Гнейстъ показываетъ, что историческое дѣленіе установилось на югѣ и западѣ Англіи; въ обширныхъ областяхъ Мерсіи и Нортумберланда дѣленіе графствъ установилось административнымъ порядкомъ. Всѣхъ графствъ было 32.

дѣлъ церковныхъ. Собраніе созывалось два раза въ годъ. Законы Альфреда и Эдгара повелѣваютъ созывать ширгемоты дважды въ годъ (послѣ Пасхи и предъ осеннимъ Михайловымъ днемъ). На гемотахъ должны быть епископъ и альдерманъ для веденія дѣлъ духовныхъ и свѣтскихъ. Это было подтверждено и въ законахъ Эдуарда Исповѣдника [1]). Въ принципѣ въ собраніе должны были созываться всѣ свободные люди изъ сотенъ. Но въ дѣйствительности оно составлялось изъ тановъ, владѣвшихъ пятью и больше hid'ами земли или занимавшихъ должности на службѣ короля, или крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Для судебнаго разбирательства, требовавшаго знанія дѣла, повидимому, установилось нѣкоторое представительство изъ 12 тановъ. Предсѣдательство на собраніи принадлежало альдерману (впослѣдствіи графу), какъ намѣстнику короля. Въ отсутствіе графа, оно принадлежитъ его помощнику—*шерифу*. По дѣламъ духовнымъ предсѣдательство принадлежало епископу.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія *управленія*, королевство англосаксовъ, даже послѣ своего объединенія, представляетъ нѣкоторую федерацію, связанную единствомъ королевской власти и нѣкоторыхъ общихъ учрежденій, сила которыхъ колеблется, то возвышаясь, какъ при Альфредѣ Великомъ и его преемникахъ до смерти Эдгара (975 г.), то падая подъ ударами датскихъ завоевателей и вліяніемъ внутреннихъ раздоровъ.

VIII. Королевская власть установилась и развилась у англо-саксовъ на тѣхъ же началахъ, какъ и у другихъ германскихъ народовъ [2]). Постепенно развивавшіяся права короля вытекали изъ общаго значенія его должности, какъ главы *всего* народа. Власть его проявлялась въ отношеніяхъ, наиболѣе важныхъ для потребностей народовъ той эпохи. Ему принадлежала власть военная, для цѣлей внѣшней защиты страны, высшая власть по отправленію правосудія и права по охраненію мира, какъ вообще, такъ и особо относительно мѣстъ и лицъ, находившихся подъ спеціальною защитою короля. Въ этомъ смыслѣ короли являлись господами, защитниками и охранителями народа (hlâford и mundborh).

Въ отношеніи *военномъ*, имъ принадлежало ближайшимъ образомъ *предводительство* войскомъ, которое въ принципѣ составлялось изъ всѣхъ свободныхъ людей, обязанныхъ военною службою, а впослѣдствіи изъ тановъ и приводимыхъ главнѣйшими изъ нихъ дружинъ

---

[1]) Ita vero *bis* folkemote . . . celebrari debet per annum per universos comitatus, et provincias et patrias universas totius regni praedicti, pro pace, et stabilitate, et confirmatione regni, ut praedictum est, super plenam vitam.

[2]) См. Вайцъ, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, I; О. Гирке, ук. соч., стр. 48 и слѣд.

Но не королю лично принадлежало право объявленія войны; по старому германскому обычаю, вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались на народныхъ собраніяхъ, ибо самое войско было—вооруженный народъ. Впослѣдствіи, съ уменьшеніемъ числа свободныхъ и способныхъ на свой счетъ нести воинскую службу, право рѣшенія этихъ вопросовъ принадлежало танамъ, участвовавшимъ въ собраніи. Затѣмъ раскладка и отбываніе повинности установляется и отбывается по графствамъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ королевскихъ должностныхъ лицъ—альдермана (графа) и шерифа.

Въ отправленіи *правосудія* должно отличать исполнительныя дѣйствія и руководство отъ судебнаго разбирательства и постановленія приговора. Послѣднія принадлежатъ гемотамъ по сотнямъ и графствамъ. Первыя принадлежатъ королю и его должностнымъ лицамъ въ графствахъ. Мѣры къ преслѣдованію и представленію преступниковъ, руководство въ судебныхъ собраніяхъ сотенъ и графствъ, исполненіе постановленныхъ приговоровъ возлагаются на графовъ, шерифовъ и другихъ должностныхъ лицъ. Королю принадлежитъ право высшаго наблюденія за отправленіемъ вотчинной юрисдикціи. Ему приносятся жалобы на отказъ въ правосудіи и неправыя рѣшенія, разсматриваемыя на народныхъ собраніяхъ, а позже въ витенагемотахъ подъ предсѣдательствомъ короля. Королевскому суду въ витенагемотѣ подлежали, въ первой и послѣдней инстанціи, дѣла о *королевскихъ танахъ*, изъятыхъ изъ подъ юрисдикціи судовъ графствъ.

Королевскія права по *охраненію мира* имѣли двоякій источникъ. Во-первыхъ, миръ, въ ранній періодъ исторіи, охранялся въ предѣлахъ мѣстныхъ союзовъ средствами поземельно-родовой общины, способами временной защиты и родовой мести. Во-вторыхъ, въ отличіе отъ этого *народнаго* мира, особый *королевскій* миръ былъ установленъ: 1) для лицъ, особо нуждавшихся въ такой защитѣ, какъ вдовы, духовенство, монахини, евреи, иностранцы; 2) для нѣкоторыхъ мѣстъ, въ коихъ не могли быть примѣнены общія средства „охраненія мира“, какъ резиденціи короля, церкви и монастыри, жилища королевскихъ тановъ; 3) для извѣстнаго времени, когда *мѣстныя* средства охраненія мира оказывались недостаточными и должны были замѣниться дѣйствіемъ *общей* государственной власти: во время народныхъ собраній, сбора ополченія, съѣздовъ на рынки и т. д. Но распаденіе первоначальныхъ общинныхъ союзовъ, необходимость ограниченія родовой мести, обезземеленіе значительной массы населенія, появленіе бездомныхъ, безпріютныхъ лицъ, стоящихъ внѣ союзовъ, вызвало необходимость расширенія правъ королевскаго мира. Послѣдній замѣнилъ постепенно миръ народный.

Эта замѣна повлекла за собою и видоизмѣненіе средствъ къ охра-

нению мира. Прежняя система мести и „платы за голову“ (композиціи) замѣнилась штрафами и уголовными наказаніями. Система родственнаго поручительства и защиты постепенно замѣнилась поручительствомъ обязательнымъ, въ особенности же поручительствомъ *владѣльческимъ*, ставившимъ лицо, отдавшееся подъ такое поручительство, въ зависимость отъ его hlâford'а и управителя послѣдняго. Развившаяся уже при саксонскихъ короляхъ, система поручительства получила особую силу при датскомъ королѣ Канутѣ Великомъ. Каждый, достигшій 12-лѣтняго возраста, долженъ былъ искать себѣ поручителя или въ союзѣ сотни и десятни, или въ частномъ владѣльцѣ (танѣ). На землевладѣльцевъ легла отвѣтственность за проживающихъ у нихъ въ домѣ или на ихъ земляхъ людей. Сверхъ того, на землевладѣльцевъ и общины были возложены обязанности по поимкѣ, задержанію и представленію людей, виновныхъ въ нарушеніи мира. Эта система, въ измѣненномъ видѣ, получила дальнѣйшее развитіе послѣ завоеванія Англіи норманнами. Но права англійскаго короля, какъ высшаго охранителя мира, и самое учрежденіе „королевскаго мира“ установились въ періодъ англо-саксонскій.

Наконецъ, королю принадлежали извѣстныя права относительно *церковнаго* управленія. Какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, церковь пользовалась великимъ значеніемъ и обширными привилегіями. Въ обществѣ, едва вышедшемъ изъ язычества, она одна представляла и распространяла начала христіанской нравственности; въ періодъ раздробленія Англіи, она была главнымъ связующимъ началомъ между народами разныхъ королевствъ. Она обладала прочно установившеюся іерархіею, власть которой опиралась на авторитетъ римской куріи. Благочестивая щедрость королей и частныхъ лицъ обогащала монастыри и церкви вкладами, землями, привилегіями. Но король являлся главнымъ защитникомъ церкви и, какъ таковой, оберегалъ ея права по отношенію къ государственнымъ властямъ и права государства по отношенію къ церкви. Поэтому, ему принадлежало право назначенія епископовъ и утвержденія постановленій духовныхъ соборовъ. Затѣмъ духовенство, въ отношеніи владѣемыхъ имъ земель и исполненія общихъ требованій законовъ, составляло одинъ изъ классовъ англійскаго народа и подчинялось военной, судебной и полицейской власти короля.

IX. Совокупность указанныхъ правъ составляла содержаніе королевской прерогативы по управленію государствомъ. Соотвѣтственно имъ опредѣлялось личное положеніе короля и его права на извѣстныя имущества и доходы.

Личность короля была ограждена отъ покушеній на его жизнь особенно высокой вирой, именно въ 7,200 ш. въ пользу королевскаго

семейства; сверхъ того, столько же платилось народу, лишившемуся своего вождя (такъ наз. cynebot). Королевское достоинство вообще сосредоточивалось наслѣдственно въ одномъ привилегированномъ родѣ, имѣвшемъ право на наслѣдованіе престола. Но это не исключало возможности *выбора*, въ предѣлахъ рода, лица наиболѣе любимаго народнымъ собраніемъ или утвержденія народнымъ согласіемъ правъ лица, вступающаго на престолъ. Въ этомъ отношеніи англо-саксонское право сходно съ обычаями другихъ германскихъ народовъ, у которыхъ начало наслѣдственности не получило окончательнаго развитія и соединялось съ началомъ выборнымъ. Вслѣдствіе этого, въ ученой литературѣ возможны мнѣнія противоположныя, какъ въ пользу господства выборнаго начала (Фримэнъ), такъ и въ пользу наслѣдственности. Провозглашеніе новаго короля сопровождалось торжественными обрядами: коронаціею, мvропомазаніемъ, принесеніемъ клятвы королемъ въ соблюденіи правъ и обычаевъ страны и присягою подданныхъ.

Отправленіе королевской власти и поддержаніе внѣшняго достоинства короля требовали предоставленія ему извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ. Таковыя получались: 1) отъ опредѣленныхъ имуществъ и 2) отъ нѣкоторыхъ сборовъ, шедшихъ въ пользу короля.

1) Король имѣлъ собственныя свои обширныя имущества, коими онъ могъ располагать по своему усмотрѣнію, подобно всѣмъ владѣльцамъ bocland'а. Сверхъ того, въ его пользованіе были отведены особыя, доменныя земли. Наконецъ, ему, съ согласія витенагемота, принадлежало распоряженіе folkland'омъ, который, подъ конецъ этого періода, обратился въ королевскій доменъ.

2) Въ пользу короля поступали пени, штрафы за преступленія и нарушенія мира, различные таможенные сборы, доходы съ монетной регаліи, сборы съ лицъ, состоявшихъ подъ его особою защитою, какъ, напр., съ евреевъ; въ казну поступали безхозяйныя земли, вещи, выброшенныя при кораблекрушеніяхъ; въ силу своего военнаго права, король могъ требовать исполненія разныхъ повинностей: по укрѣпленію и исправленію городовъ и замковъ, по снаряженію кораблей (въ прибрежныхъ поселеніяхъ); ему же принадлежали доходы съ лѣсовъ и особыя привилегіи по охотѣ.

Но ему не принадлежало право установленія *податей*, такъ какъ оно было бы несогласно съ понятіями германской свободы. Единственная подать, постепенно установившаяся въ этомъ періодѣ, былъ сборъ для откупа отъ датчанъ—danegeld [1]).

---

[1]) Въ такъ наз. законахъ Эдуарда Исповѣдника говорится относительно этого предмета: Danegeldi redditio propter piratas primitus statuta est... Ad eorum quidem insolentiam reprimandam, и т. д. Ср. Глассонъ, I, стр. 52, прим. 25.

X. Для отправленія своей власти, король располагаетъ органами и учрежденіями, дѣйствующими по его полномочію.

Во-первыхъ, съ его властью былъ тѣсно связанъ цѣлый могущественный классъ англо-саксонскаго общества, т.-е. классъ тановъ и, въ особенности, тановъ „королевскихъ", коимъ поручались важнѣйшія должности. Находясь подъ особой защитой короля, огражденные высокой вирой за ихъ убійство, пользуясь выгодами королевскаго мира для своихъ границъ, они сами были важной опорой для власти королевской, пока ослабленіе послѣдней не увеличило ихъ собственной власти на счетъ королевской прерогативы.

Во-вторыхъ, короли дѣйствовали чрезъ учрежденія и лица, какъ состоявшія при нихъ, такъ и отправлявшія ввѣренную имъ власть на мѣстахъ. Въ раннюю эпоху при англійскихъ короляхъ, равно какъ и при короляхъ франкскихъ, установились должности, въ которыхъ, по обычаю эпохи, обязанности по управленію смѣшиваются съ придворными. Таковы: камерарій (camerarius, burthegn), конюшій (horsthegn, stabulator), маршалъ, завѣдывавшій королевскими лошадьми, вооруженіями и военною дружиною короля, дворецкій (гофмейстеръ, discthegn), кравчій (pincerna) и т. д. Но не съ этими должностями соединяются главныя права по управленію. Они являются болѣе почетными отличіями тановъ, ихъ занимающихъ, чѣмъ должностями правительственными. Главнѣйшими изъ нихъ (если не считать слабо въ то время развитую должность королевскаго *канцлера*) являются должности по *мѣстному* управленію, т.-е. альдермены (графы) и шерифы.

Альдермены (въ датскую эпоху эрлы—earl, графы) учредились въ окончательномъ своемъ видѣ послѣ соединенія Англіи въ одно королевство. Соотвѣтственно историческому происхожденію графствъ, альдермены явились намѣстниками короля въ объединенныхъ королевствахъ или ихъ подраздѣленіяхъ. Первоначально должность альдерменовъ возлагалась или на потомковъ прежнихъ королей, или на знатныхъ тановъ; впослѣдствіи она сдѣлалась, можетъ быть, наслѣдственною [1]). Этимъ опредѣлился ея аристократическій характеръ. Въ качествѣ представителя короля, альдерменъ предсѣдательствовалъ въ собраніи графствъ, совмѣстно съ нимъ распоряжался отправленіемъ воинской повинности, велъ къ королю военный контингентъ графствъ, руководилъ собраніями графствъ по дѣламъ судебнымъ и считался первымъ охранителемъ мира. Но дѣйствитель-

---

[1]) При Канутѣ Великомъ датскіе ярлы во многихъ графствахъ заняли мѣста англо-саксонскихъ и вытѣснили прежнія фамиліи. При немъ же видоизмѣнилось значеніе должности ярловъ, получившихъ особенную военную власть.

ная власть по управленію графствомъ сосредоточивается въ рукахъ помощника альдермена, королевскаго чиновника *шерифа* (schirgerefa), назначаемаго королемъ и отвѣтственнаго предъ нимъ; чрезъ него отправляются королевскія права по воинской повинности, по преслѣдованію преступниковъ и лихихъ людей, по исполненію судебныхъ рѣшеній, по взысканію штрафовъ, по сбору королевскихъ доходовъ, по отправленію натуральныхъ повинностей. Къ общимъ „герефамъ", завѣдывавшимъ управленіемъ графствъ, должно присоединить „герефовъ", назначавшихся въ городъ, въ порты, въ лѣсные округа и т. д.

Королевское управленіе не имѣло, однако, характера управленія личнаго и власть короля не была неограниченная. На мѣстахъ ея отправленіе было ограничено участіемъ если не всѣхъ свободныхъ людей, то вліятельнаго класса въ правосудіи, въ раскладкѣ повинностей и рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ. Въ дѣлахъ общегосударственныхъ король отправлялъ свои права при участіи *витенагемота*.

По своему составу и значенію витенагемотъ (буквально—собраніе мудрыхъ) рѣзко отличался отъ позднѣйшихъ парламентовъ. Въ немъ нельзя найти слѣдовъ представительства; участіе въ немъ опредѣляется *личнымъ* значеніемъ каждаго его члена и приглашеніемъ короля. Онъ не былъ учрежденіемъ, призваннымъ, подобно позднѣйшимъ парламентамъ, не только къ участію въ дѣлахъ государственныхъ, но и къ защитѣ народныхъ вольностей, добытыхъ въ борьбѣ съ королевскою властью. Онъ созывался королями по старому обычаю, установившемуся въ условіяхъ патріархальнаго управленія [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, витенагемотъ имѣлъ важное вліяніе на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ.

Онъ состоялъ, во-первыхъ, изъ прелатовъ церкви, во-вторыхъ, изъ альдерменовъ графствъ и, въ третьихъ, изъ главнѣйшихъ тановъ, особенно тановъ королевскихъ, облеченныхъ различными должностями; поэтому они и носятъ въ актахъ названіе ministri. Такимъ образомъ, преобладаніе тановъ и высшихъ должностныхъ лицъ въ совѣтахъ государства—въ собраніяхъ сотенъ и графствъ—получаетъ полное выраженіе въ высшемъ совѣтѣ государства—въ витенагемотѣ. Число его членовъ не было и не могло быть особенно велико. Такъ, въ X вѣкѣ, во время полнаго блеска англо-саксонскаго государства, нѣкоторые витенагемоты имѣли слѣдующій составъ. Въ 931 году въ

---

[1]) Въ отношеніи *фактическаго* состава витенагемота согласны между собою писатели различныхъ направленій, какъ Стёббсъ и Фримэнъ. Спорнымъ является только вопросъ о томъ, имѣли ли *по праву* всѣ свободные люди участіе въ совѣтѣ (какъ предполагаетъ Фримэнъ), или съ самаго начала участіе въ этомъ совѣтѣ было ограничено „мудрѣйшими".

„собраніи мудрыхъ“ участвовали 2 архіепископа, 17 епископовъ, 5 аббатовъ, 15 альдерменовъ и 59 ministri; въ 934 году—2 архіепископа, 17 епископовъ, 4 аббата, 12 альдерменовъ и 52 ministri; сходно съ этимъ былъ составленъ витенагемотъ и въ 966 году (при королѣ Эдгарѣ). По общему правилу витенагемотъ созывался три раза въ годъ.

Участвуя съ королемъ въ отправленіи государственныхъ дѣлъ, витенагемотъ, вмѣстѣ съ королемъ, имѣлъ *рѣшительный* голосъ по этимъ дѣламъ. По крайней мѣрѣ, *воля* короля рѣдко отдѣлялась отъ *мнѣнія* витенагемота и всякое постановленіе имѣло обыкновенно значеніе акта воли короля и его „мудрыхъ“, sapientes [1]).

Участіе витенагемота распространялось, во-первыхъ, на дѣла законодательныя, причемъ въ законодательныхъ актахъ прямо упоминается о согласіи епископовъ, альдерменовъ и „витановъ“ [2]). Власть его простиралась и на *духовныя* дѣла. По кончинѣ короля, ему принадлежало право выбора или призванія новаго короля; въ исторіи того времени имѣются примѣры и *низложенія* королей витенагемотомъ. Затѣмъ онъ участвуетъ въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, подлежавшихъ разрѣшенію короля. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ отправляетъ высшую судебную власть, обсуждаетъ важнѣйшія мѣры по управленію. Его согласіе требуется на пожалованіе земель изъ folkland'а, на установленіе чрезвычайныхъ налоговъ (напр. danegeld). Въ витенагемотѣ происходило избраніе альдерменовъ графствъ и ихъ смѣщеніе, пока фактически не развилась наслѣдственность этой должности. Наконецъ, витенагемотъ участвовалъ и въ назначеніи епископовъ.

XI. Такова была внѣшняя сторона этой древней организаціи. Но практическое ея значеніе зависѣло отъ соотношенія дѣйствовавшихъ въ ней силъ. Никакая конституція не опредѣляла этого соотношенія. Исчисляя права короля и витенагемота, необходимо имѣть въ виду, что пользованіе ими зависѣло отъ фактической силы королевской власти, съ одной, и степени вліянія витенагемота, съ другой стороны. Въ періодъ постепеннаго роста королевской власти, при короляхъ сильныхъ, личное королевское управленіе имѣло великое значеніе.

---

[1]) Это видно изъ слѣдующихъ формулъ: „Haec est voluntas regis et principium ejus; или: „haec sunt institutiones quas rex Edmundus et episcopi sui cum sapientibus suis instituerunt“. Иногда постановленіе объявляется какъ совѣтъ витенагемота, утвержденный королемъ: Haec sunt constituta quae Edgardus rex consilio sapientium suorum instituit; или какъ рѣшеніе витенагемота, постановленное по совѣту короля: „haec sunt judicia quae sapientes consilio regis Athelstani instituerunt“. Ср. Стеббсъ, I, стр. 126; также Глассонъ, I, стр. 43.

[2]) Указаніе это можно найти въ древнѣйшихъ памятникахъ. Ср. *Select Charters*, стр. 61, постановленіе вессекскаго короля Ины, 690 года.

Своею, фактически, властью короли жаловали земли изъ folkland'а, давали привилегіи, принимали мѣры внутренней безопасности и т. д. Но, въ общемъ итогѣ, король и витенагемотъ оставались въ согласіи. Развитіе королевской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ и силы государства заканчивается при королѣ Эдгарѣ (959—975). Съ его смертью, англо-саксонское государство вступаетъ въ періодъ упадка. Номинально, преемники Эдгара пользуются тѣми же правами, какъ и онъ. Они окружаютъ себя большею пышностію и блескомъ, чѣмъ прежніе, дѣйствительно могущественные короли. На дѣлѣ ихъ власть клонится къ упадку [1]). Какъ бываетъ во времена упадка, истинная сила власти замѣняется произволомъ, а произволъ королей не останавливаетъ самовластія сильныхъ.

Уже вскорѣ послѣ смерти Эдгара, страна не выдерживаетъ новаго натиска датскихъ завоевателей, явившихся сначала съ цѣлью грабежа, а потомъ (988) подъ предводительствомъ Олафа Норвежскаго и Свена Датскаго. Вмѣсто сопротивленія, король Этельредъ (978—1016), по совѣщанію съ своими sapientes, откупился отъ грозныхъ конунговъ деньгами и предоставилъ имъ мѣста для поселенія. Но пираты, а равно и „поселенцы", продолжали свои грабежи и насилія послѣ перемирія, что̀ и вызвало въ 1002 году страшную месть англичанъ. Въ день св. Бриція, всѣ датчане, съ ихъ женами и дѣтьми, были перебиты. Этимъ заговоромъ руководили королевскія должностныя лица. Отвѣтомъ на день св. Бриція было новое и на этотъ разъ неудержимое даже откупомъ нашествіе грознаго Свена (1004). Этельредъ, боявшійся собирать народное ополченіе, на вѣрность котораго онъ не надѣялся, и вообще неспособный къ мѣрамъ рѣшительнымъ [2]), продолжалъ задерживать натискъ врага денежными подарками, для полученія которыхъ королевскіе чиновники вымучивали у подданныхъ послѣднее достояніе. Имѣя два года роздыха (1007—1009), король рѣшился приготовиться къ защитѣ и снарядилъ флотъ. Но послѣдній погибъ отъ измѣны начальника, бури и раздоровъ англичанъ. Несчастная страна беззащитно встрѣтила нашествіе свирѣпаго удальца Тёркилля. Два года грабилъ онъ Англію, которая по новому обычаю откупалась отъ пиратовъ.

---

[1]) Ог. Тьерри, назв. соч.: „Какъ ни велика казалась Англія, управляемая единымъ королемъ, котораго почетные титулы писались въ нѣсколько строкъ, въ сущности государство не могло оказывать внѣшнему врагу столь сильнаго сопротивленія, какъ въ тѣ времена, когда, заключаясь въ немногихъ областяхъ, управляемыхъ безъ пышности и деспотизма, она видѣла въ началѣ своихъ народныхъ постановленій эти простыя слова: „я, Альфредъ, король саксовъ западныхъ".

[2]) Rex pulchre ad dormiendum factus, какъ говоритъ про него Вильгельмъ Мальмесберійскій.

Этельредъ первый показывалъ примѣръ трусости. Короля не вразумила и мученическая смерть Эльфега, архіепископа Кентерберійскаго, не согласившагося ни дать выкупъ за себя, ни посовѣтовать королю уплатить врагамъ большую сумму денегъ. Наконецъ Тёркилль принялъ христіанство и поступилъ на службу къ королю (1012). Но за Тёркиллемъ явился Свенъ, съ сыномъ своимъ Канутомъ, съ твердымъ намѣреніемъ завоевать Англію. Этельредъ остался вѣренъ прежнему поведенію: трусости предъ врагомъ и вымогательству съ подданныхъ. Народъ предпочелъ, наконецъ, покориться завоевателямъ, нежели безплодно терпѣть вымогательство королевскихъ чиновниковъ. Войско Свена быстро прошло по странѣ, и свирѣпый датчанинъ принялъ титулъ короля Англіи. Этельредъ бѣжалъ изъ Англіи и укрылся въ Нормандіи, у брата своей жены, герцога Ричарда (1014).

Самый бракъ короля съ Эммой Норманнской былъ заключенъ (въ 1002) для предотвращенія нападенія со стороны Нормандіи, герцогъ которой уже обращалъ вниманіе на страну, дававшую такую богатую добычу его единоплеменникамъ, морскимъ королямъ. Но королева-норманнка не принесла счастья Англіи.

Между тѣмъ, Свенъ, признанный королемъ Англіи, внезапно умеръ въ томъ же году (1014). Наслѣдникъ его, Канутъ, будущій король Англіи, находился въ Даніи. Англичане отправили къ Этельреду пословъ, приглашая его снова на престолъ, но подъ условіемъ не возобновлять злоупотребленій. Этельредъ, чрезъ сына своего Эдуарда (будущаго короля съ 1042 по 1066), отправленнаго въ Англію, поклялся исполнять свои королевскія обязанности (1015). Въ теченіе года онъ съ перемѣннымъ успѣхомъ боролся противъ Канута. Послѣ его смерти не возвели, однако, на престолъ его сына Эдуарда (находившагося тогда въ Нормандіи), но отдали корону побочному сыну Этельреда—Эдмунду, прозванному Желѣзнымъ Бокомъ. Такъ упала популярность старой династіи. Можетъ быть, впрочемъ, что на устраненіе Эдуарда повліяли и военныя достоинства Эдмунда, столь необходимыя въ критическія минуты. Мужественно и твердо взялся онъ за дѣло и поправилъ обстоятельства англичанъ настолько, что принудилъ Канута къ заключенію мира, въ силу котораго земли на югъ и западъ отъ Темзы остались за саксами, а на сѣверъ и востокъ—за датчанами.

Но Эдмундъ вскорѣ умеръ, и престолъ саксонскій опять сдѣлался вакантнымъ; англичанамъ представлялся случай возвратить на него потомство Этельреда. Этого однако не случилось. Канутъ, частью задобривъ, частью запугавъ старшинъ англо-саксонскихъ, заставилъ признать себя королемъ (1017) и правилъ Англіею до 1035 года.

Въ лицѣ его Англія получила короля разумнаго и твердаго, хотя нерѣдко жестокаго. Отчасти для возстановленія внутренней тишины, отчасти для обезпеченія датскаго владычества отъ возстанія англосаксовъ, онъ усилилъ власть мѣстныхъ правителей, замѣнивъ альдерменовъ прежняго времени своими „эрлами", усилилъ систему поручительства и отвѣтственности за нарушеніе мира, велъ счастливыя внѣшнія войны. Сама судьба, казалось, примирила его съ законною династіею. Вдова Этельреда и мать Эдуарда, королева Эмма, по совѣту брата своего Ричарда и собственному разсчету, вышла замужъ за Канута.

Но иноземный завоеватель, не имѣя средствъ Вильгельма Норманнскаго, не могъ быть основателемъ народной династіи. Раздоры за престолъ начались тотчасъ послѣ смерти Канута. Покойный король хотѣлъ оставить корону младшему своему сыну, Гардикануту (Канутъ Сильный), рожденному отъ Эммы. Но онъ находился въ Даніи, а датчане, жившіе въ Англіи, нуждались въ немедленномъ выборѣ короля. Они избрали старшаго сына Канута—Гарольда, но выборъ не былъ принятъ на югѣ Англіи. Здѣсь признали Гардиканута. На сторону послѣдняго сталъ и могущественный танъ Годвинъ, саксъ родомъ и возведенный Канутомъ изъ пастуховъ на высшія должности за услуги, нѣкогда оказанныя имъ одному изъ датскихъ военачальниковъ во время войны съ Эдмундомъ Желѣзнымъ Бокомъ. Партіи согласились на томъ, чтобы Гарольду были отданы области на сѣверъ отъ Темзы, а Гардикануту—югъ. Но послѣдній опасался прибыть въ Англію, и отданныя ему области оставались подъ управленіемъ тана Годвина и Эммы. Недовольная этимъ знать низложила Гардиканута и признала королемъ Гарольда, немедленно изгнавшаго Эмму.

Старая династія была забыта и появленіе ея представителей не могло вызвать народнаго движенія. Это показало слѣдующее обстоятельство. Когда королева Эмма, не устававшая въ измѣнахъ и интригахъ, послала, какъ говорятъ, приглашеніе своимъ сыновьямъ отъ Этельреда (находившимся въ Нормандіи) прибыть въ Англію, съ увѣреніемъ, что англо-саксы готовы свергнуть датское иго, младшій изъ ея сыновей, Альфредъ, послушалъ приглашенія, не удостовѣрившись въ подлинности его, сѣлъ на суда съ нѣсколькими сотнями норманновъ. По прибытіи въ Англію, онъ былъ встрѣченъ Годвиномъ. Но послѣдній, опасаясь можетъ быть, новыхъ чужеземцевъ, покинулъ Альфреда, который погибъ вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ спутниковъ.

Дѣло не измѣнилось и со смертью Гарольда (1039 г.). Подъ давленіемъ датчанъ, англо-саксы выбрали извѣстнаго намъ Гардиканута

(1039—1042 гг.) и согласились дольше переносить угнетеніе и вымогательства иноземцевъ. Наконецъ, по смерти Гардиканута, англичане рѣшились возвратить престолъ сыну Этельреда—Эдуарду. Выборъ этотъ совершился подъ вліяніемъ Годвина, который, какъ утверждаютъ, предварительно пріобрѣлъ обѣщаніе Эдуарда вступить въ бракъ съ прекрасною дочерью ярла—Эдиѳью. Итакъ, англичане возвратили себѣ отпрыскъ національной династіи: но призванный король, взросшій въ Нормандіи, явился на престолъ чуждымъ своему народу. Онъ усвоилъ себѣ взгляды, стремленія, нравы и языкъ норманнскаго двора, его пріютившаго (съ 13 по 38 годъ его жизни). Это было извѣстно въ Англіи. Съ короля взяли обѣщаніе не привозить съ собою много норманновъ. Дѣйствительно, онъ прибылъ съ немногими изъ своихъ любимцевъ. Но затѣмъ ихъ явилось чрезвычайно много. Они наполнили дворъ и занимали важныя должности, даже духовныя. Приверженность короля къ его норманнскимъ любимцамъ и поведеніе послѣднихъ вызвали даже цѣлое возстаніе, въ руководительствѣ которымъ обвиняли Годвина и его сыновей. Съ трудомъ состоялось примиреніе короля съ его подданными и до конца жизни онъ оставался чужимъ среди родного ему народа, хотя и сблизился потомъ съ Годвиномъ и съ его сыномъ Гарольдомъ. Наконецъ, молва гласила, что онъ, во время изгнанія, клятвенно обѣщался оставить непринадлежавшій ему престолъ Англіи Вильгельму, герцогу норманнскому [1]). Самъ Гарольдъ, для котораго въ умахъ англичанъ готовился престолъ послѣ смерти бездѣтнаго Эдуарда, попавши во власть Вильгельма въ Нормандіи, долженъ былъ дать ему клятву содѣйствовать выполненію завѣщанія Эдуарда. Гарольдъ повѣрилъ тайну Эдуарду, но затѣмъ сохранилъ ее, давъ себѣ обѣщаніе не соблюдать вынужденной клятвы. Но самъ Вильгельмъ, за 15 лѣтъ до завоеванія имъ Англіи, пріѣхалъ (1051 г.) посѣтить короля Эдуарда и какъ бы взглянуть на то владѣніе, которымъ онъ намѣревался овладѣть. Норманны, любимцы короля, заставили своего герцога забыть, что онъ не въ Нормандіи. Чрезъ полтора десятилѣтія престолъ Англіи перешелъ къ завоевателю.

XII. Когда на поверхности государства происходятъ явленія, подобныя вышеописаннымъ, слѣдуетъ заключить, что основанія его не тверды. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе англо-саксонскихъ учрежденій предъ норманнскимъ завоеваніемъ не имѣло уже чертъ свободы, вы-

[1]) Вильгельмъ Незаконнорожденный, впослѣдствіи Вильгельмъ Завоеватель, былъ сынъ герцога Роберта, прозваннаго Дьяволомъ, и Арлеты, дочери одного фалезскаго кожевника. Отправляясь въ Палестину, для искупленія грѣховъ, Робертъ уговорилъ норманнскихъ бароновъ избрать его преемникомъ. Послѣ смерти Роберта и прійдя въ годы, Вильгельмъ прочно утвердилъ свою власть.

несенной „изъ лѣсовъ Германіи", какъ выразился Монтескьё. Первая черта, обращающая на себя вниманіе въ этомъ періодѣ, есть именно великое *уменьшеніе* числа *свободныхъ*, могущихъ принимать участіе въ собраніи сотенъ и графствъ и въ войскѣ. Обезземеленіе значительной части населенія и установленіе ея зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и тановъ есть важнѣйшее изъ явленій этой эпохи, явленіе, подготовлявшее для Англіи феодализмъ въ зачаточной его формѣ.

Черты феодализма, установлявшагося въ Англіи, отличаются отъ признаковъ феодализма континентальнаго. На континентѣ власть господина надъ подвластными приняла форму *сеньората*, т.-е. образовалась изъ совокупности господскихъ и верховныхъ правъ, сила которыхъ постепенно уничтожила общую связь населенія съ королевскою властью. Въ Англіи юридическая зависимость лицъ, живущихъ на землѣ владѣльца, установляется, во-первыхъ, чрезъ владѣльческое поручительство въ охраненіи мира (см. выше), во-вторыхъ, чрезъ юрисдикцію въ экзимированныхъ владѣніяхъ, по пожалованію короля. Но, мало по малу, юрисдикція крупныхъ владѣльцевъ, при слабости центральной власти, распространяется не только на зависимыхъ, но и на свободныхъ людей округа. „Пришло время,—говоритъ Стёббсъ,—когда крупный мѣстный землевладѣлецъ былъ облеченъ правомъ представлять короля, какъ судью и landrica во всемъ округѣ, и отправлять юрисдикцію надъ мелкими собственниками".

Уменьшеніе числа свободныхъ повліяло на составъ сотенныхъ и графскихъ собраній и на отправленіе воинской повинности. Отправленіе послѣдней было нѣкогда *личною* обязанностью свободнаго и вмѣстѣ съ землевладѣніемъ являлось признакомъ этой свободы [1]). Войско было вооруженнымъ народомъ. Но постепенно эта личная повинность обратилась въ поземельную и, при сосредоточеніи земельныхъ владѣній въ рукахъ крупныхъ тановъ, войско обратилось въ совокупность дружинъ, приводимыхъ танами. Этимъ объясняется военная слабость государства, съ одной, и своеволіе сильныхъ тановъ, съ другой стороны. Правда, короли располагаютъ еще собственными своими вооруженными людьми, своими слугами и подручниками. Но это королевское войско не могло быть велико. Для содержанія его нужны были значительныя средства, а средства государства, состоявшія главнымъ образомъ въ земляхъ folkland'a, быстро исчезали, вслѣдствіе щедрыхъ раздачъ танамъ и церкви, ко-

---

[1]) Стёббсъ, I, стр. 190: „The service was the obligation of freedom, of which the land was the autward and visible sign".

торая владѣла уже одной третью земель королевства. Самъ Канутъ, для поддержанія и охраненія власти, долженъ былъ прибѣгнуть къ образованію особеннаго отряда изъ 3000 вооруженныхъ челядинцевъ (huskarls).

Но и танамъ не удалось составить прочнаго господствующаго класса. Не успѣло танство сложиться въ періодъ процвѣтанія англосаксонской монархіи, какъ новое датское завоеваніе внесло въ него чуждый и враждебный ему элементъ. Датскіе „ярлы" вторглись въ среду господствующихъ классовъ и надолго внесли въ него раздвоеніе и вражду, которыхъ не могло исцѣлить время.

Церковь, не смотря на великія ей услуги Англіи (см. выше), пришла въ разстройство и сама была помѣхою къ государственнымъ преобразованіямъ. Хотя римскій дворъ неблагосклонно смотрѣлъ на англійскую церковь, главнымъ образомъ вслѣдствіе ея стремленій къ независимости, но въ ней было много пороковъ, вызывавшихъ справедливое негодованіе папъ, руководимыхъ такими совѣтниками, какъ Григорій Гильдебрандъ [1]). Симонія, распущенность нравовъ духовенства не искупались подвигами отдѣльныхъ представителей церкви, подобныхъ Дунстану и Эльфегу. Богатое земельными владѣніями, духовенство принимало участіе въ политическихъ проискахъ, въ борьбѣ тановъ, обременяя въ то же время государство и народъ своими привилегіями. Противъ распущенности духовенства выступало строгое и аскетическое направленіе другой его части. Но эта часть, какъ замѣчаетъ Гнейстъ, тяготѣла къ Риму, и отъ папской власти ожидала возрожденія церкви.

Такимъ образомъ, элементы, изъ коихъ образовалась центральная власть, находились въ полномъ разстройствѣ. Связь, установленная нѣкогда между королевствами Экбертомъ, Альфредомъ Великимъ и преемниками послѣдняго, порывалась, начиная съ главнаго звена— съ королевской власти.

Неспособный, хотя и злоупотреблявшій своею властью король, бѣжавшій отъ страха предъ врагомъ и народнымъ неудовольствіемъ и не имѣвшій потомъ возможности передать престолъ своему законному

---

[1]) Григорій Гильдебрандъ, впослѣдствіи папа Григорій VII, былъ приближеннымъ совѣтникомъ папы Николая II и подъ его вліяніемъ совершилось избраніе папы Александра II, который далъ Вильгельму Норманнскому благословеніе на завоеваніе Англіи.

Должно, впрочемъ, принять во вниманіе, что недоброжелательство римскаго двора къ Англіи было вызвано и отмѣною ежегодной дани, извѣстной подъ именемъ „римской деньги" (Rom feah), или „динарія св. Петра", установленной Канутомъ, съ цѣлью задобрить римскаго первосвященника. Со вступленіемъ на престолъ Эдуарда „динарій" не собирался.

сыну; господство чуждой и ненавистной династіи; наконецъ, король—саксъ по происхожденію и норманнъ по воспитанію и чувствамъ — такова картина королевской власти послѣ смерти Эдгара. „Витаны“, собиравшіеся для совѣщанія съ королемъ, не имѣютъ прочныхъ связей съ народомъ, надъ которымъ они господствуютъ и именемъ котораго дѣйствуютъ. Дѣйствительная жизнь оставалась еще въ мѣстныхъ союзахъ, въ сотняхъ и въ графствахъ. Здѣсь остатки свободныхъ людей участвуютъ въ собраніяхъ графствъ и сотенъ, отправляютъ правосудіе по старымъ законамъ и обычаямъ; исконныя формы суда примѣняются даже къ округамъ, состоящимъ подъ частною юрисдикціею; на мѣстахъ рѣшаются важнѣйшіе для населенія вопросы; здѣсь сохраняютъ свое значеніе и даже получаютъ дальнѣйшее развитіе исконные обычаи и законы—leges terrae.

„Кентъ, Девонширъ, Нортумберландъ и другія части королевства“, говоритъ Стёббсъ, „имѣютъ свою корпоративную жизнь, которой Англія не имѣетъ или которую она не можетъ проявить въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ. Витенагемотъ представляетъ мудрость націи, но не сосредоточиваетъ ни ея могущества, ни ея воли“ [1]).

Этимъ объясняется, почему послѣ норманнскаго завоеванія *мѣстныя* учрежденія Англіи не только сохранились, но и послужили основаніемъ къ дальнѣйшему развитію англійскаго *самоуправленія*. Но не они могли предохранить государство отъ завоеванія. „Корпоративная жизнь“ на мѣстахъ не дала Англіи силъ противиться вражескому нашествію. Разстройство центральной власти и ослабленіе народнаго единства дали свои горькіе плоды. Разбитымъ, порабощеннымъ и униженнымъ саксамъ оставались только частныя и безплодныя возмущенія и горькія жалобы, заносившіяся и въ хроники. Тяжело читать эти жалобы, въ которыхъ слышится голосъ націи, какъ бы обреченной на конечную гибель. „Чтò скажу о тебѣ, чтò передамъ потомству!“ восклицаетъ одинъ лѣтописецъ: „горе тебѣ, Англія! Скажу, что ты лишилась своего народнаго короля и подпала власти иноземца; что твои дѣти бѣдственно погибли; что твои правители и совѣтники побѣждены, ограблены, умерщвлены“.

Но исторія сглаживаетъ слѣды пережитыхъ бѣдствій. Въ конечномъ результатѣ англійская нація не только не погибла, но обогатилась новымъ элементомъ, стоявшимъ выше ея по культурѣ—элементомъ *норманнскимъ*.

---

[1]) Назв. соч. I, стр. 211.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЛАДЫЧЕСТВО НОРМАННОВЪ.

(1066 — 1215).

I. По смерти Эдуарда Исповѣдника, витенагемотъ назначилъ королемъ сына Годвинова—Гарольда, который при королевскомъ дворѣ игралъ такую же роль, какъ палатные мэры при французскихъ короляхъ. Но Вильгельмъ рѣшилъ осуществить свое намѣреніе силою. Получивъ согласіе и одобреніе отъ папы, онъ сталъ составлять войско прежде всего изъ своихъ норманнскихъ вассаловъ, потомъ велѣлъ кликать кличъ по всей Франціи, обѣщая почести и богатую добычу. Со всѣхъ сторонъ Франціи стеклись искатели приключеній; составилось огромное войско въ 60,000 человѣкъ.

Вотъ какъ описываетъ Тэнъ, въ своей исторіи англійской литературы, отплытіе этого громаднаго войска изъ устьевъ Соммы: „27-го сентября 1066 г. при устьѣ Соммы можно было полюбоваться величественнымъ зрѣлищемъ: четыреста большихъ судовъ и болѣе 1,000 транспортныхъ ботовъ готовились къ отплытію съ 60,000 дессантнаго войска. Солнце вставало во всемъ блескѣ послѣ продолжительныхъ дождей: звучали трубы; крики многочисленной арміи достигали неба, а у берега, въ устьѣ широко разлившейся рѣки, въ необозримой дали раскинувшагося за нею сверкающаго моря, сколько бы ни окинуть глазомъ, виднѣлись, торчавшіе какъ лѣсъ, мачты да паруса и начинающееся при южномъ вѣтрѣ движеніе громаднаго флота. Народъ, который этотъ флотъ несъ на себѣ, выводилъ свое происхожденіе изъ Норвегіи, доводился съ родни тѣмъ самымъ саксамъ, противъ которыхъ отправлялся теперь сражаться, но съ нимъ находилась тьма авантюристовъ, сошедшихся со всѣхъ сторонъ изъ близка и далека, съ сѣвера и юга, изъ Мэна и Анжу, изъ Пуату и Бретани, изъ Иль-де-Франса и Фландріи, изъ Аквитаніи и Бургундіи, да въ массѣ своей и самъ-то народъ этотъ былъ французскій. Дѣйствительно, нація, которая явилась въ Англію подъ именемъ норманновъ, собственно была, по культурѣ, учрежденіямъ, привычкамъ, нравамъ и религіознымъ взглядамъ—французская“.

Это страшное войско и разбило саксовъ, не смотря на геройство Гарольда, въ битвѣ при Сенлакѣ (Senlak) недалеко отъ Гастингса (13 октября 1066 г.).

Нѣтъ событія, которое бы вызвало столько разнорѣчивыхъ взглядовъ, какъ завоеваніе Англіи норманнами и его послѣдствія. При прежнихъ средствахъ исторіи, при отсутствіи исторической критики,

казалось, что норманны какъ бы замѣнили англо-саксовъ, и одинъ изъ историковъ не безъ ироніи замѣчаетъ, что какой нибудь лондонскій купецъ говоритъ: „наши предки норманны". При помощи исторической критики не трудно было доказать, что саксы не были истреблены и что борьба національностей и послѣ завоеванія норманновъ шла очень медленно, и много времени нужно было для окончательнаго утвержденія завоевателей. Но въ конечномъ итогѣ представлялось, что норманнскія учрежденія сдѣлались господствующими, вытѣснили все англо-саксонское, пока въ XIII вѣкѣ не началось реакціи противъ норманнскаго режима. Англо-саксонская раса стала низшею и подчиненною управляющимъ норманнамъ, какъ выражено въ одной хроникѣ: господа происходятъ отъ норманновъ, а простой народъ—отъ саксовъ. Этотъ взглядъ проводитъ Ог. Тьерри въ своемъ безсмертномъ сочиненіи *Исторія завоеванія Англіи норманнами.* Тотъ же взглядъ еще ранѣе проведенъ Вальтеръ-Скоттомъ въ его романѣ *Ивангоэ.* Самъ Тьерри былъ наведенъ на свою мысль этимъ романомъ. Послѣдующіе англійскіе ученые употребили много труда и усилія, чтобы доказать, что англо-саксонскія учрежденія уцѣлѣли въ главныхъ чертахъ, что не норманны ассимилировали англо-саксовъ, а наоборотъ; что англо-саксонское обычное право (common law) осталось въ основаніи англо-саксонскихъ учрежденій, а не норманнское. Таковъ взглядъ Фримэна и Стёббса.

Взглядъ этотъ въ основаніи своемъ вѣренъ, такъ какъ въ лицѣ норманновъ въ Англію явилось *войско*, а не народъ, подобный англо-саксамъ, завоевавшимъ Британію. Войско, силою вещей, должно было ассимилироваться съ народомъ. Но это не измѣняло порядка *первоначальнаго* установленія владычества норманновъ. Что норманнское завоеваніе сопровождалось всѣми послѣдствіями, которыя влечетъ за собою вообще всякое завоеваніе страны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Мы видимъ тѣ же жестокости и истребительныя наклонности, какія описываются при покореніи саксами бриттовъ. Еслибы даже не было хроникъ,—мы имѣемъ драгоцѣнную и неподкупную кадастровую книгу „страшнаго суда" 1086 года, гдѣ, при описаніи разныхъ владѣній, на каждомъ шагу встрѣчаемъ выраженія: „такое-то владѣніе сдѣлалось пустымъ", „такое-то мѣсто опустѣло" и т. д. [1]) Картина завоеванія не измѣняется отъ предположенія, что Вильгельмъ Завоеватель не имѣлъ разсчета истребить саксовъ, что онъ вступалъ на престолъ какъ истинный претендентъ; это вѣрно только въ отношеніи послѣдующихъ его мѣръ къ устройству страны. Но это не

---

[1]) Modo omnino sunt vasta; ex maxima parte vasta; vastum est; haec omnia sunt vasta..

мѣшало ему смотрѣть на саксовъ какъ на *мятежниковъ* и принимать противъ нихъ самыя жестокія мѣры. Въ обоихъ случаяхъ тѣ же послѣдствія—истребленіе саксовъ, изгнаніе мятежниковъ и конфискація ихъ имуществъ. Но презумпція *законности* власти новаго короля давала точку опоры саксамъ, желавшимъ сохранить свои имущества выраженіемъ покорности, клятвою въ вѣрности, денежными приношеніями,—словомъ, способами искупленія (редемпціи) мнимой вины своего народа. Этимъ объясняется, почему много земель осталось за саксами. Но значеніе и сила господствующаго класса перешли на первое время къ завоевателямъ.

Первоначальное отношеніе норманновъ и саксовъ было отношеніемъ расъ завоевателей и завоеванныхъ. Норманны боялись слiянія съ саксами; они опасались, чтобы дѣти ихъ не утратили норманнскихъ обычаевъ и привычекъ, чтобы какая нибудь няня-саксонка не совратила ихъ своими пѣснями. Поэтому дѣтей своихъ они отправляли для воспитанія въ Нормандію, гдѣ ихъ учили французскому языку и французскимъ манерамъ. Къ саксамъ они относились, какъ раса высшая къ низшей; въ ихъ глазахъ саксы были невѣжественными, грубыми варварами. Независимо отъ симпатій и антипатій расъ, характеръ управленія опредѣлялся и практическими соображеніями. Норманны, послѣ завоеванія, расположились въ Англіи какъ бы военнымъ станомъ, стояли въ непрерывной стражѣ. Необходима была предосторожность, чтобы удержать саксовъ въ повиновеніи и предотвратить внезапныя возмущенія. Въ первое время эта новая раса должна была держаться героическими и даже жестокими средствами, что̀ и отразилось въ общемъ характерѣ норманнскаго управленія.

Но въ отношеніи дальнѣйшихъ своихъ послѣдствій, норманнское завоеваніе и вліяніе имѣло свои хорошія послѣдствія, на которыя указываетъ Стеббсъ. Норманнское управленіе, по его мнѣнію, дало бо̀льшую силу всей системѣ національныхъ учрежденій; оно дало толчокъ къ развитію свободы и чувства политическаго единства; оно содѣйствовало развитію юридическаго смысла и организаторской силы въ народѣ, какъ чрезъ посредство развитой норманнской юриспруденціи, такъ и вслѣдствіе взаимныхъ отношеній побѣдителей и побѣжденныхъ.

II. Послѣ внѣшняго завоеванія Англіи норманнами, около 1070 г. [1]), Вильгельму Завоевателю предстояло опредѣлить свои отношенія какъ къ зависимымъ отъ него саксамъ, такъ и къ тому норманнскому

---

[1]) Въ этомъ году былъ взятъ Честеръ, послѣдній городъ, противившійся Завоевателю.

войску, съ которымъ онъ совершилъ завоеваніе. Въ этомъ двоякомъ его отношеніи обнаружилась большая политическая проницательность. Что касается отношеній его къ завоеваннымъ, то мы видѣли выше, что завоеваніе сопровождалось тяжелыми послѣдствіями для саксовъ, на которыхъ смотрѣли какъ на мятежниковъ, противившихся своему законному королю. Тѣмъ не менѣе, Вильгельмъ оставался вѣренъ тому началу, что онъ вступилъ на престолъ не по праву завоевателя, побѣдителя, а какъ законный наслѣдникъ, и, слѣдовательно, королевская власть въ его рукахъ есть не что̀ иное, какъ продолженіе власти англо-саксонскихъ королей. Поэтому, при самомъ своемъ появленіи и въ теченіе всего своего царствованія, онъ обѣщаетъ сохранять старые англійскіе законы и обычаи. Въ четвертый годъ своего правленія, онъ принялъ даже мѣры, чтобы старые обычаи и законы Англіи были приведены въ извѣстность [1]). Законы эти являлись для саксовъ и англовъ такимъ же предметомъ ссылки на ихъ стародавнія права, какъ впослѣдствіи magna charta libertatum. До самаго изданія послѣдней, ссылки дѣлаются на законы Исповѣдника, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ даетъ обѣщаніе соблюдать bonae leges Edwardi Confessoris [2]). Еще важнѣе и практически труднѣе для Завоевателя было установленіе новой общественной организаціи, которая соотвѣтствовала бы условіямъ новаго управленія и привычкамъ спутниковъ Вильгельма. Общественная организація, къ которой норманны привыкли въ своемъ отечествѣ, которая уже утвердилась и достигла значительнаго развитія во всей Франціи, была организація *феодальная*. Ее принесли съ собою норманны и на англійскую почву. Въ извѣстномъ отношеніи Вильгельма и его армію можно считать основателями феодализма въ Англіи. Но, съ другой стороны, норманнское завоеваніе несомнѣнно положило конецъ развитію феодализма, въ той формѣ, въ какой онъ установлялся уже въ англо-саксонскій періодъ, и Вильгельмъ положилъ твердыя основанія государственному *единству* новаго королевства.

Это видимое противорѣчіе разрѣшается простыми соображеніями. На континентѣ Европы, феодализмъ имѣлъ двоякое значеніе: 1) онъ былъ извѣстною системою *общественной* организаціи, началами которой опредѣлялись формы землевладѣнія, совокупность повинностей, взаимныхъ правъ и обязанностей феодальныхъ владѣльцевъ къ сюзерену и іерархія общественныхъ классовъ; 2) феодализмъ былъ

---

[1]) *Select Charters*, стр. 81.

[2]) Hoc quoque praecipio et volo, ut omnes habeant et teneant legem Edwardi regis in terris et in omnibus rebus, adauctis iis quae constitui ad utilitatem populi Anglorum. *Select Charters*, стр. 84.

системою *политической*, установившеюся подъ вліяніемъ могущества вассаловъ и крайней слабости королевской власти. Существо ея опредѣляется смѣшеніемъ *суверенитета* съ собственностью, т.-е. предоставленіемъ владѣльцу земли надъ ея жителями всѣхъ или почти всѣхъ правъ, образующихъ то, что теперь носитъ названіе суверенитета. Этимъ разрывалась связь населенія съ властью центральною; этимъ обусловливается политическое раздробленіе во всѣхъ странахъ Европы. Это же начиналось и въ Англіи.

Вильгельмъ Завоеватель организовалъ и надолго утвердилъ въ Англіи гражданскій, такъ сказать, феодализмъ. Объявивъ себя верховнымъ собственникомъ земли, онъ инфеодировалъ земельныя владѣнія церкви и вассаламъ норманнткаго и саксонскаго происхожденія. Чрезъ это онъ подчинилъ весь землевладѣльческій классъ условію феодальнаго, условнаго владѣнія одинаково. Саксы, удержавшіе за собою земли, сохранили ихъ въ видѣ лена, по милости короля, а не на условіяхъ полной собственности. Затѣмъ, владѣніе землею было обусловлено отбываніемъ цѣлой системы повинностей (особенно воинской) въ пользу короля. Основаніемъ для распредѣленія повинностей между всѣми классами народа явилась *кадастровая книга*, о которой мы скажемъ ниже. Но прежде мы укажемъ на способы, коими Вильгельмъ измѣнилъ начала феодальной системы въ ея примѣненіи къ Англіи. Замѣтимъ при этомъ, что въ самой Нормандіи власть герцоговъ издавна была сильнѣе, чѣмъ королевская власть во Франціи.

Главнымъ и существеннымъ дѣйствіемъ его въ этомъ направленіи является, во-первыхъ, то, что онъ уничтожилъ значеніе феодальной іерархіи, т.-е. устранилъ, по мѣрѣ возможности, то явленіе, которое причиняло не мало неудобствъ на континентѣ, особенно во Франціи, т.-е. систему *многостепенныхъ* леновъ, основанную на различіи непосредственныхъ вассаловъ, подвассаловъ и т. д. Благодаря этой самой системѣ, во Франціи непосредственная связь между вассалами второй и третьей степеней и королемъ была порвана, потому что каждый изъ этихъ вассаловъ приноситъ homagium и fidelitas не королю лично, а своему сюзерену. Этимъ обезпечивается полная независимость крупныхъ владѣтелей и могущественныхъ вассаловъ. Послѣдніе часто бываютъ сильнѣе своего короля. Но въ Англіи вся земля принадлежитъ королю, и всѣ вассалы одинаково держатъ землю отъ него. Всѣ одинаково приносятъ присягу въ вѣрности непосредственно королю, и въ отношеніи политическомъ всѣ одинаково зависятъ отъ него. Въ 1086 г. Вильгельмъ Завоеватель, готовясь къ отъѣзду на континентъ, заставилъ всѣхъ вассаловъ одинаково при-

нести ему присягу на вѣрность [1]). Это не устраняло, впрочемъ, различія между непосредственными вассалами короны и ленниками послѣднихъ (subtenentes). Но права tenentes in capite надъ subtenentes въ политическомъ отношеніи не были велики, и магнаты являлись какъ бы орудіемъ королевской власти надъ массою рыцарства.

Чрезъ это политическая власть сосредоточилась въ рукахъ короля въ Англіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ. Въ то время, когда Капетинги во Франціи почти утратили свою власть, въ Англіи короли достигаютъ высшаго могущества. Первые Капетинги боятся выѣзжать изъ своихъ замковъ; германскіе императоры должны вступать въ сдѣлки съ своими вассалами; въ Испаніи и въ Ломбардіи мы встрѣчаемся съ полнымъ раздробленіемъ страны; въ Англіи король дѣлается самымъ сильнымъ и могущественнымъ носителемъ власти, а не простымъ „primus inter pares“.

Вторымъ существеннымъ условіемъ, ослаблявшимъ политическое значеніе феодализма въ Англіи, являлась величина и распредѣленіе леновъ. Послѣдніе, по замѣчанію Галлама, вообще были меньше владѣній, коими располагали вассалы короны французской; графство Честеръ не могло идти въ сравненіе съ графствомъ Тулузскимъ или Гвіенскимъ. Сверхъ того, самыя владѣнія, предоставленныя завоевателемъ своимъ tenentes in capite, обыкновено были разбросаны въ разныхъ графствахъ. Такъ Робертъ графъ Мортонъ получилъ 248 manors въ Корнваллисѣ, 54 въ Суссексѣ, 96 въ Іоркширѣ, 99 въ Нортгэмптонѣ и т. д. Владѣнія, раздѣленныя такимъ образомъ, замѣчаетъ Галламъ, хотя и составляли, вмѣстѣ взятыя, большое пространство земли, но не были удобны для цѣлей сопротивленія и мятежа. Точно также владѣнія subtenentes обыкновенно были раздѣлены въ разныхъ графствахъ.

III. Съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ условій, Завоеватель поло-

---

[1]) То же повторяется и въ вышеприведенномъ постановленіи Вильгельма. „Statuimus etiam ut omnis liber homo foedere et sacramento affirmet, quod infra et extra Angliam Willelmo regi fideles esse volunt, terras et honorem illius omni fidelitate cum eo servare, et ante eum contra inimicos defendere“. Тамъ же, стр. 83 и слѣд.

Въ „Саксонской хроникѣ“ подъ 1086 извѣстія о присягѣ всѣхъ „держащихъ“ земли королю и признанія себя его людьми и вассалами (ejus homines facti sunt, et omnes se illi subdicere ejusque facti sunt vasalli). Глассонъ, II, стр. 140, прим. 18. *Select Charters*, стр. 82.

Формула homagium'а, произносившаяся при полученіи подлена отъ непосредственнаго вассала, всегда должна заключать въ себѣ оговорку, что обязанность служить господину и быть ему вѣрнымъ не разрѣшаетъ отъ вѣрности королю и его наслѣдникамъ: „salva fide debita domino Regi et haeredibus suis“.

жилъ основаніе феодальной системы въ Англіи, въ отношеніи распредѣленія земель, способовъ ихъ держанія, раздѣленія и іерархіи общественныхъ классовъ.

Способомъ для окончательнаго распредѣленія земель и владѣній, послѣ хаоса, порожденнаго ужасами завоеванія, и для установленія основаній для повинностей и податей, явился поземельный розыскъ, производство котораго король поручилъ особой коммиссіи изъ высшихъ должностныхъ лицъ [1]). Коммиссія работала шесть лѣтъ и объѣхала всѣ графства, за исключеніемъ пяти сѣверныхъ. Въ каждомъ графствѣ и въ сотняхъ она подъ присягой допрашивала бароновъ, ихъ людей и прочихъ мѣстныхъ жителей, какъ норманновъ, такъ и англичанъ, относительно пространства и состоянія ихъ владѣній (omnes Franci et Angli de hundredo juraverunt). Результатомъ этого розыска была знаменитая кадастровая (писцовая) книга, которую саксы называли „книгою страшнаго суда“ (Domesday Book), такъ какъ ею закрѣплены были послѣдствія завоеванія и саксы или вовсе лишились собственности, или лишились собственности свободной [2]).

На основаніи этой переписи можно составить понятіе и о числовомъ отношеніи общественныхъ классовъ, которое, впрочемъ, незначительно измѣнилось со временъ Эдуарда Исповѣдника [3]).

Во главѣ общества находимъ 600 коронныхъ вассаловъ, т.-е. лицъ и духовныхъ корпорацій, которыя являлись непосредственными духовными и свѣтскими вассалами короля (tenentes in capite). Изъ нихъ около 40 лицъ были надѣлены большими помѣстьями, хотя и разсѣянными въ разныхъ графствахъ (см. выше). Они образовали разрядъ великихъ бароновъ (barones majores). Четыреста составили разрядъ меньшихъ бароновъ (barones minores). Остальное число приходилось на владѣльцевъ духовныхъ. По разсчету фактическихъ владѣльцевъ указанныхъ участковъ и съ причисленіемъ владѣній, значеніе коихъ спорно, число лицъ, относившихся къ этому разряду, было 1,400 [4]).

Второй классъ составляли вассалы подручные (subtenentes), въ

---

[1]) Willelmus rex fecit describi omnem Angliam, quantum terrae quisque baronum suorum possidebat, quot feudatos milites, quot carrucas, quot villanos, quot animalia, immo quantum vivae pecuniae quisque possidebat in omni regno suo, a maximo usque ad minimum; et quantum redditus quaeque possessio reddere poterat; et vexata est terra multis cladibus inde procedentibus. *Select Charters*, стр. 81.

[2]) Vocatur Domes day quia nulli parat, sicut nec magnus dies judicii.

[3]) Гнейстъ, назв. соч., стр. 102 и слѣд.

[4]) Разсчетъ этотъ, предложенный Эллисомъ (*A general introduction to Domesday Book*, 1833), принимается Гнейстомъ условно. Глассонъ (II, стр. 146) принимаетъ его прямо.

числѣ 7,871. Въ него вошло много саксовъ, сохранившихъ свои земельныя владѣнія, но поставленныхъ подъ власть норманнскихъ tenentes in capite для удержанія ихъ въ повиновеніи.

Остальную массу населенія, отчасти подлежавшую воинской повинности, отчасти обложенную денежными сборами (tallagium), составляли: 1) свободные люди (liberi homines), въ числѣ 10,097; 2) лица, находившіяся подъ юрисдикціею крупныхъ землевладѣльцевъ (sochemanni), въ числѣ 23,072; 3) горожане (burgenses), въ числѣ 7,968 [1]); 4) земледѣльцы, сидѣвшіе какъ на владѣльческой, такъ отчасти и на своей землѣ (villani), въ числѣ 108,407; 5) батраки и рабочіе (bordarii), въ числѣ 82,119; 6) рабы (servi), въ числѣ 25,156.

IV. При такихъ условіяхъ создалась въ Англіи сильная королевская власть, могуществу которой нельзя было найти равнаго примѣра на континентѣ Европы. Король Англіи не былъ безсильнымъ и номинальнымъ „сюзереномъ“ феодальнаго общества. Съ самаго начала онъ явился государемъ, который самыя учрежденія феодализма обратилъ на пользу своей власти и номинальныя права континентальныхъ сюзереновъ сдѣлалъ правами дѣйствительными.

а) Верховныя права короля на всю землю (terra mea) дали королю обширную власть надъ вассалами и явились обильнымъ источникомъ доходовъ, къ которымъ были такъ склонны короли норманнскіе. Ленное владѣніе жаловалось подъ условіемъ службы, а потому, независимо отъ того, что ленъ могъ быть отнятъ за нарушеніе ленной вѣрности и неисполненіе обязанностей, при каждой перемѣнѣ владѣльца, король имѣлъ право вступаться въ распоряженіе леномъ и извлекать изъ этихъ правъ извѣстныя выгоды.

Ленъ возвращался или могъ быть возвращенъ королю какъ въ случаѣ смерти владѣльца, не оставившаго наслѣдниковъ (escheat), такъ и въ случаѣ обвиненія его въ нарушеніи вѣрности, измѣнѣ и другихъ важныхъ преступленіяхъ. Норманнскіе короли широко пользовались этимъ страшнымъ правомъ для своихъ фискальныхъ цѣлей. При переходѣ лена къ наслѣдникамъ умершаго владѣльца или къ другому лицу, съ согласія короля, способность новаго владѣльца къ отправленію воинской повинности доказывалась представленіемъ королю извѣстнаго количества оружія и одежды или просто опредѣленной суммы денегъ. Отсюда возникло право сбора съ перехода леновъ (relevium) и, какъ дополненіе къ нему, сборъ при вступленіи во

[1]) При Эдуардѣ Исповѣдникѣ ихъ было 17,105; такъ опустошительно подѣйствовало завоеваніе на страну.

владѣніе (prima seisina)[1]). Вильгельмъ Завоеватель установилъ норму relevium'а въ 100 шиллинговъ. Королю принадлежало право опеки надъ малолѣтними наслѣдниками владѣльца (custodia minorum), слѣдовательно, право управлять леномъ лично или чрезъ имъ назначеннаго опекуна (custos). Еще шире были его права въ томъ случаѣ, если наслѣдство переходило къ *дочери* умершаго вассала. Кромѣ общихъ правъ опеки, королю принадлежало право распоряжаться ея рукой, и сюзерены, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ Европы, часто торговали рукой наслѣдницъ, взимая за разрѣшеніе брака крупныя суммы.

Наконецъ, сверхъ повинностей, связанныхъ съ отправленіемъ воинской повинности, королю принадлежало право требовать отъ своихъ вассаловъ вспомоществованій (auxilia, aids) въ особыхъ случаяхъ. По давнимъ обычаямъ, общимъ во всей феодальной Европѣ, вассалы должны были „помогать" королю: 1) при выкупѣ его изъ плѣна; 2) при посвященіи старшаго сына его въ рыцари (pour fair fitz chevaler) и 3) при выдачѣ старшей дочери его замужъ. Но размѣръ этихъ aids, даже въ законныхъ случаяхъ, не былъ установленъ [2]); затѣмъ короли и, въ подражаніе имъ, tenentes in capite, требовали aids и въ случаяхъ совершенно необычныхъ, позволяя себѣ всякія вымогательства.

б) Поставленный во главѣ дисциплинированнаго военнаго класса, король былъ облеченъ *военною* властью, фактически сильнѣйшею, чѣмъ англо-саксонскіе короли, располагавшіе выродившимся народнымъ ополченіемъ или дружинами своевольныхъ тановъ. Завоеватель потребовалъ для себя службы всѣхъ вассаловъ и свободныхъ людей, съ правомъ располагать войскомъ *внутри и внѣ* Англіи. На основаніи кадастра (см. выше), было (хотя и не вполнѣ точно) опредѣлено, какое количество „щитовъ" должны выставить какъ коронные вассалы, такъ и подвассалы, подъ круговой отвѣтственностью тѣхъ и другихъ. Сборъ войска производился по распоряженіямъ короля, и начальство надъ нимъ принадлежало или ему непосредственно, или назначеннымъ имъ коннетаблю и маршалу.

в) Въ рукахъ короля сосредоточилась высшая власть по отправленію *правосудія*. Мы увидимъ ниже, что формально и въ норманнскій періодъ сохранился старый порядокъ отправленія правосудія

---

[1]) Relevium (отъ латинскаго relevare), по объясненію Дюканжа (Glossaire), имѣетъ тотъ смыслъ, что ленъ, *упавшій* со смертью владѣльца, можетъ быть *поднятъ* наслѣдниками, съ согласія короля, или взятъ послѣднимъ и *выкупленъ* первыми. Отсюда rachatum, reacapitum, какъ выраженія, тождественныя съ relevium. См. Глассонъ, II, стр. 208 и слѣд.

[2]) Глассонъ II, стр. 191 и слѣд.

въ сотняхъ и графствахъ. Формально было обѣщано и соблюденіе старыхъ законовъ. Но самое измѣненіе гражданскихъ отношеній, введеніе новыхъ учрежденій, наплывъ новыхъ понятій, непрерывныя коллизіи между правомъ норманнскимъ и саксонскимъ, злоупотребленіе шерифовъ и владѣльцевъ, пользовавшихся правами вотчинной юрисдикціи, дѣлали необходимымъ прямое дѣйствіе королевской власти и извѣстной централизаціи власти судебной. Отправленіе послѣдней было поручаемо королевскому совѣту, изъ котораго впослѣдствіи выдѣлились знаменитые англійскіе суды, о коихъ будетъ сказано ниже.

Верховенство въ дѣлахъ судебныхъ не имѣло, однако, такого значенія для Англіи въ этотъ періодъ ея исторіи, какъ право короля по „охраненію мира“ или его полицейская власть. Способы къ охраненію общей безопасности и тишины должны были усилиться въ странѣ, потрясенной завоеваніемъ и въ которой только что утвердившійся классъ завоевателей находился въ постоянной опасности отъ порабощеннаго населенія. Сверхъ того, злоупотребленія и даже звѣрскія жестокости побѣдителей требовали дѣйствія сильной власти, способной сдержать дикіе инстинкты завоевателей. Подъ вліяніемъ этихъ условій развилась постепенно система полицейскихъ мѣръ, давшихъ королю и его должностнымъ лицамъ своего рода диктатуру, открывшую дорогу къ великимъ злоупотребленіямъ.

Первою изъ этихъ мѣръ явилась преобразованная система поручительства владѣльческаго и общиннаго [1]). Мѣра эта, какъ мы видѣли, установилась еще при прежнихъ короляхъ и, въ особенности, при Канутѣ. Но въ норманнскій періодъ поручительство принимаетъ характеръ строго обязательнаго и кругового (для общинъ и сотенъ). За исполненіемъ этой обязанности слѣдитъ шерифъ, провѣряющій, во время своихъ объѣздовъ (turnus), выполненіе правилъ о порукѣ. Съ объѣздами шерифа соединяются и *слѣдственныя* его обязанности, равно какъ и отправленіе полицейской юрисдикціи по мелкимъ проступкамъ при содѣйствіи собраній въ сотняхъ (courts leet въ экзимированныхъ округахъ).

Затѣмъ, для особеннаго огражденія норманновъ, было постановлено, что если французъ будетъ найденъ убитымъ въ предѣлахъ сотни и убійца его не будетъ найденъ, то сотня платитъ за него высокую пеню. Но для того, чтобы жители сотни не обошли законъ, скрывъ или уничтоживъ слѣды французскаго происхожденія убитаго, было постановлено, что каждый убитый, найденный въ округѣ, будетъ считаться *не*-англичаниномъ, пока не будетъ доказано противное, т.-е.

---

[1]) *Select Charters,* стр. 84.

англійское происхожденіе убитаго (nisi legaliter constaret de englescheria interfecti).

Въ связи съ этимъ постановленіемъ должно упомянуть о другомъ, имѣющемъ также и фискальное значеніе, т.-е. о постановленіи о лѣсахъ и охотѣ. Вильгельмъ Завоеватель включилъ въ число королевскихъ доменовъ большое число лѣсовъ прежде всего ради ихъ цѣнности и затѣмъ въ силу той страсти къ охотѣ, которую онъ имѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ присвоилъ право охоты исключительно себѣ и тѣмъ лицамъ, которыя получатъ отъ него особое дозволеніе. Нарушеніе этихъ правилъ влекло за собою жестокія наказанія [1]). Но правила были вызваны не одною страстью къ охотѣ, а тѣмъ, что лѣса, въ то время обширные, служили мѣстомъ для собраній саксовъ и подготовленія заговоровъ. Мы увидимъ, что эти законы вызвали неудовольствіе самихъ вассаловъ, и charta de foresta, ограничивавшая ихъ примѣненіе, вызвала такое же удовольствіе, какъ и magna charta.

Развитие полицейскихъ мѣръ и правилъ, часто касавшихся частностей общественной жизни, вызвало и особыя формы ихъ *санкціи*. Этими формами явились суммарное, внѣ судебной процедуры поставленное разбирательство и *штрафы*, размѣръ которыхъ опредѣляется усмотрѣніемъ короля или его должностного лица. Лицо, подвергшееся преслѣдованію въ этомъ порядкѣ, какъ бы выходило изъ подъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ и отдавалось „на милость короля“ (in misericordia regis) и облагалось штрафами по усмотрѣнію самого короля или его должностныхъ лицъ (отсюда и названіе этихъ штрафовъ—amerciaments). Право административныхъ взысканій получило видъ произвольной карательной власти короля, распространявшейся на множество случаевъ, на всякіе виды нарушенія мира и неповиновенія властямъ.

г) *Законодательная власть* отправлялась королемъ самостоятельно. Даже древнія формулы, предшествовавшія законамъ англосаксонскихъ королей, по большей части вышли изъ употребленія или ставятся въ заголовкахъ законовъ въ видѣ простой формальности. Законы получаютъ, по большей части, видъ королевскихъ прокламацій, хартій, распоряженій; они начинаются обыкновенно словами: „praecipio“, „prohibeo“ и т. п. Только съ Генриха II начинается существенная перемѣна.

---

[1]) „Онъ велѣлъ“—говоритъ одинъ лѣтописецъ—„выкалывать глаза тому, кто убьетъ оленя или лань; запрещеніе это распространено и на кабановъ; онъ даже издалъ постановленія, обезпечившія полную неприкосновенность и зайцамъ. Король Вильгельмъ любилъ дикихъ звѣрей, какъ будто былъ ихъ отцомъ“.

д) Главною побудительною причиною къ завоеванію Англіи было, конечно, желаніе добычи. Жажда богатства манила разсчетливаго норманна и его спутниковъ гораздо болѣе, чѣмъ жажда славы и даже простое честолюбіе. Поэтому усилія Вильгельма и ближайшихъ его преемниковъ были направлены къ увеличенію королевскихъ имуществъ и къ умноженію источниковъ королевскихъ доходовъ.

Прежде всего были возсозданы и даже вновь образованы королевскіе *домены*. Въ составъ ихъ вошло свыше 1,000 помѣстій (manors), кромѣ особо причисленныхъ къ доменамъ парковъ, лѣсовъ и т. п. Пространство королевскихъ владѣній увеличивалось также поступленіемъ въ казну выморочныхъ леновъ, а также конфискаціями, на которыя были такъ изобрѣтательны норманнскіе короли. Конечно, изъ этого фонда происходили также раздачи земель королевскимъ вассаламъ. Но въ итогѣ, въ первое время, королевскія имущества увеличивались и доходы съ нихъ были весьма велики.

Богатство королей увеличивалось многочисленными источниками доходовъ, приведенными подъ искуснымъ управленіемъ королевскаго казначейства (scaccarium) въ цѣлую систему. Одни изъ нихъ были связаны съ ленными правами короля. Сюда относились доходы съ вакантныхъ леновъ, съ перехода леновъ къ новымъ владѣльцамъ, съ леновъ, взятыхъ въ опекунское управленіе, за дозволеніе наслѣдницамъ леновъ вступать въ бракъ, чрезвычайныя субсидіи (aids) и т. п. Другіе доходы были соединены съ отправленіемъ королевской власти въ области управленія и суда. Сюда относились сборы и пошлины (fines), за дозволеніе разбираться въ судахъ не графства, а королевскихъ, за право судиться съ присяжными, за перенесеніе дѣла изъ одной инстанціи въ другую, и т. д. Характеромъ этого правосудія и объясняется знаменитое постановленіе „великой хартіи“: „nulli vendemus... justitiam“. Короли продавали право пользоваться ихъ судами; продавалось также право неподсудности (franchises). Въ тѣхъ случаяхъ, когда право вотчиннаго суда было сомнительно, владѣлецъ „подтверждалъ“ его при помощи особеннаго сбора. Продается королевская милость: городъ и гильдіи покупаютъ свои хартіи и права, должностныя лица—свои должности; наконецъ, самое управленіе отдается на откупъ то должностнымъ лицамъ, то городскимъ корпораціямъ. Каждое движеніе и дѣйствіе администраціи было предусмотрѣно и обложено пошлинами съ тѣхъ, кто долженъ былъ пользоваться услугами должностныхъ лицъ. Обильнымъ источникомъ доходовъ являлось право штрафовъ (см. выше). Не останавливаемся на другихъ, болѣе случайныхъ и незначительныхъ источникахъ.

V. При указанныхъ выше условіяхъ, управленіе должно было получить характеръ *личнаго* королевскаго управленія. Дѣйствительно,

личное дѣйствіе королевской власти во всѣхъ частяхъ суда и администраціи никогда не имѣло въ Англіи такой силы, какъ въ этотъ періодъ. Но непосредственное дѣйствіе власти короля въ сложномъ уже тогда механизмѣ государства имѣло свои предѣлы, тѣмъ болѣе, что въ тогдашней Нормандіи была своя система учрежденій и управленія. Завоеватель принесъ съ собою извѣстныя начала управленія и должностей, изъ коихъ впослѣдствіи развились высшія учрежденія Англіи. Король оставался центромъ и главною движущею силою управленія, но по опредѣленнымъ дѣламъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ дѣйствовалъ чрезъ должности и учрежденія, полномочія которыхъ были основаны на его порученіи (коммиссіи).

а) Во-первыхъ, король раздѣляетъ отправленіе своей власти съ нѣкоторыми высшими должностными лицами, образующими также, вмѣстѣ съ другими лицами, совѣтъ короля (aula regia или curia regis, въ тѣсномъ смыслѣ). Должностей этихъ насчитывается первоначально шесть. Важнѣйшими съ точки зрѣнія государственнаго управленія были: 1) „*Великій судья* всей Англіи“ (summus justitiarius totius Angliae). Названіе этой должности не опредѣляетъ ея значенія. Justitiarius былъ намѣстникомъ короля (lieutenant general of the king); онъ управлялъ государствомъ въ отсутствіе короля; ему принадлежало главное завѣдываніе дѣлами правосудія и финансами. 2) *Канцлеръ* (cancellarius regis), назначавшійся изъ высшаго духовенства, члены котораго по своему образованію, знакомству съ законами и обрядами дѣлопроизводства, одни, въ то время, могли занимать эту должность. Первоначально она была соединена съ должностью королевскаго капеллана. Чрезъ него поступали и отъ него исходили важнѣйшія дѣла, требовавшія письменныхъ распоряженій короля. Онъ былъ однимъ изъ членовъ казначейства (см. ниже), участвовалъ въ отправленіи правосудія. При Генрихѣ I (1100—1135), одинъ изъ канцлеровъ, Рожеръ-ле-Пуръ (Roger le Poor), епископъ Салисберійскій, организовалъ судебную часть и занялъ мѣсто главнаго судьи (1107—1139). Остальныя должности имѣли придворно-хозяйственное и военное значеніе. Таковы: 1) великій сенешаль или майордомъ (lord high steward); 2) великій камерарій (lord great chamberlain); 3) великій коннетабль (lord high constable) и 4) великій маршалъ (marescalcus Angliae). Впослѣдствіи получила самостоятельное значеніе должность казначея (treasurer). Если исключить должность казначея, получившую самостоятельное значеніе во второй половинѣ періода, то мы получимъ 6 основныхъ должностей, которыя вмѣстѣ съ 6 юстиціаріями составляли королевскую курію (curia regis), въ которой обсуждались и рѣшались важнѣйшія дѣла.

б) Въ составѣ куріи и въ связи съ нею образовалось важнѣйшее

изъ тогдашнихъ центральныхъ учрежденій—*казначейство* (scaccarium, exchequer), вѣроятно образованное по образцу казначейства норманнскаго [1]); вѣроятно также, что казначейство было одною изъ формъ засѣданія королевской куріи по финансовымъ дѣламъ. Но изъ всѣхъ тогдашнихъ учрежденій казначейство, въ виду первенствующаго значенія финансовыхъ дѣлъ въ норманнскій періодъ, имѣло наиболѣе опредѣленную организацію и выработанный порядокъ дѣлопроизводства. И то и другое описано въ знаменитомъ „Діалогѣ о Казначействѣ", важномъ памятникѣ XII столѣтія [2]).

Названіе scaccarium происходило отъ формы и устройства стола, за которымъ засѣдали бароны казначейства, напоминавшее шахматную доску [3]). Предсѣдательство въ казначействѣ принадлежало великому юстиціарію [4]). Между прочими членами первое мѣсто занималъ канцлеръ [5]); ему принадлежитъ храненіе государственной печати (custodia sigilli regis); затѣмъ слѣдовали: конетабль (constabularius), маршалъ, камерарій, и большой штатъ служащихъ: казначей (thesaurius), счетчикъ (calculator), клеркъ, писцы и т. п.

Компетенція казначейства была весьма обширна и дѣятельность его касалась почти всѣхъ сторонъ тогдашняго государственнаго управленія. Ближайшимъ образомъ казначейство завѣдывало пріемомъ суммъ, поступавшихъ въ казну, денежными выдачами, производившимися по указу короля (writ), и счетоводствомъ по поступленіямъ и выдачамъ. Затѣмъ въ казначействѣ производился учетъ должностнымъ лицамъ, завѣдывавшимъ королевскими доходами (см. выше) на мѣстахъ, въ особенности *шерифамъ*, учитывавшимся въ казначействѣ по поступленію доходовъ съ доменовъ, леновъ, съ секвестро-

---

[1]) Относительно происхожденія scaccarium'а см. Гнейстъ, назв. соч., стр. 178, примѣч. 1. Стёббсъ, назв. соч., I, стр. 377 и слѣд. Глассонъ, II, стр. 334 и слѣд. спеціальный трудъ: Madox, *The history and antiquities of the exchequer of the kings of England* vol. I и II. 1769.

[2]) „Dialogus de Scaccario" написанъ Ричардомъ, епископомъ Лондонскимъ и казначеемъ, сыномъ Нигеля, епископа Элійскаго, занимавшаго ту же должность, и внукомъ Рожера Салисберійскаго, главнаго организатора этого учрежденія. „Діалогъ" написанъ въ 1178 году, въ царствованіе Генриха II. Онъ былъ напечатанъ Мэдоксомъ въ приложеніи къ его сочиненію: *The history and antiquities of the exchequer*. Ср. *Select Charters*, стр. 168—248.

[3]) Dialogus de scaccario L. I, I. Scaccarium tabula est quadrangula, etc.... Quae est ratio hujus nominis? Nulla mihi verior ad praesens occurit, quam quod scaccarii lusilis similem habet formam.

[4]) Dialogus, L. I, IV. Ex officio principaliter residet, immo et praesidet, primus in regno, capitalis scilicet Justicia.

[5]) Тамъ же. L. I, V. Cancellarius in ordine illo primus est: et sicut in curia sic ad scaccarium magnus est: adeo ut sine ipsius consensu vel consilio nil magnum fiat, vel fieri debeat.

ванныхъ имѣній, судебныхъ сборовъ и т. д. Наконецъ, рѣшенію казначейства подлежатъ вопросы финансовой юрисдикціи, по начетамъ казны (debitum regis) на должностныхъ и частныхъ лицъ. Въ этихъ случаяхъ засѣданіе казначейства обращалось въ судебное присутствіе [1]). Исконное и важное значеніе казначейства сохранилось за нимъ и впослѣдствіи. И въ настоящее время званіе „перваго лорда казначейства“ (конечно, измѣнившагося въ своемъ составѣ и значеніи) соединяется съ должностью перваго министра Англіи.

в) Если казначейство и нельзя считать вполнѣ особымъ отъ curia regis учрежденіемъ, то оно, по крайней мѣрѣ, издавна имѣло свою компетенцію и твердо установившійся порядокъ дѣлопроизводства. Не то должно сказать о судебныхъ учрежденіяхъ. Судебная власть отправлялась главнымъ образомъ на мѣстахъ, въ графствахъ, сотняхъ, въ вотчинныхъ судахъ; случаи и дѣла, подлежавшіе сужденію короля, разсматривались въ его куріи, обыкновенно подъ личнымъ его предсѣдательствомъ [2]). Члены куріи, поскольку они участвовали въ отправленіи правосудія, носили названіе юстиціаріевъ, тогда какъ члены казначейства назывались баронами. Образованіе постоянныхъ судебныхъ учрежденій относится ко второй половинѣ этого періода, т.-е. къ царствованію Генриха II и окончательно ко времени Эдуарда I.

г) Сила личнаго управленія и обильныя финансовыя средства давали королямъ возможность обходиться безъ народныхъ совѣтовъ, хотя бы въ той формѣ, какую имѣлъ витенагемотъ. Это учрежденіе исчезло вмѣстѣ съ создавшими его условіями. Новая феодальная аристократія была еще недостаточно тверда въ завоеванной странѣ, чтобы имѣть притязаніе на прямое участіе въ управленіи, хотя бы въ видѣ феодальныхъ совѣтовъ, знакомыхъ континенту Европы. Источники свидѣтельствуютъ, правда, о сборѣ вассаловъ въ торжественные дни (три раза въ годъ), когда король надѣвалъ свою корону; но эти собранія не были законосовѣщательными учрежденіями. Даже не соглашаясь съ Гнейстомъ, который видитъ въ нихъ придворно-военные парады, нельзя признать за ними какую либо степень вліянія. Стёббсъ также соглашается съ тѣмъ, что функціи національныхъ совѣтовъ были болѣе номинальны, чѣмъ реальны. Онъ допускаетъ только, что принципъ изданія законовъ съ „согласія и совѣта“ собранія сохранился при норманнскихъ короляхъ. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ принципъ возродился лишь при Генрихѣ II.

---

[1]) Процедура по этимъ дѣламъ подробно описана въ „Dialogus“, L. II.

[2]) Тамъ же. L. I, IV. Habet enim hoc (scaccarium) commune cum ipsa domini Regis Curia, in qua ipse in propria persona jura decernit, quod nec recordationi, nec sententiae in eo latae licet alicui contradicere.

д. Духъ саксонскихъ учрежденій сохранился въ установленіяхъ мѣстныхъ. Старые суды и собранія графствъ и сотенъ, съ участіемъ въ нихъ свободныхъ людей, были оставлены законами Завоевателя. При Генрихѣ I было подтверждено, что собранія графствъ и городовъ (scyresmot и burgemot) должны быть созываемы дважды въ годъ, а сотенныя (hundreta vel wapentagia)—каждый мѣсяцъ [1]). Но значеніе этихъ собраній должно было уменьшиться вслѣдствіе обстоятельствъ, устранить которыя не могли всякія подтвержденія старыхъ обычаевъ. Во-первыхъ, число дѣлъ, поступавшихъ на личное разсмотрѣніе короля, постоянно увеличивалось. Тяжбы по гражданскимъ дѣламъ, при измѣнившихся условіяхъ землевладѣнія, требовали примѣненія феодальныхъ правъ, какъ для огражденія тяжущихся, такъ и въ интересахъ казны. Во-вторыхъ, изъ области уголовныхъ дѣлъ были изъяты многіе важные случаи и, сверхъ того, развитіе полицейской юрисдикціи (см. выше) расширило власть королевскихъ шерифовъ и самого короля. Въ-третьихъ, сильное развитіе вотчинной юрисдикціи умаляло значеніе и ограничивало компетенцію судовъ сотенныхъ и даже графствъ. Нужны были органическіе законы Генриха II, затѣмъ Эдуарда I и его преемниковъ, чтобы возсоздать, въ новыхъ формахъ, связь между центральными и мѣстными учрежденіями. Въ норманнскій періодъ главнымъ орудіемъ королевскаго управленія на мѣстахъ была должность *шерифа*, скоро вытѣснившая своего номинальнаго начальника—*графа*, обратившагося въ должность почетную. Чрезъ шерифа король наблюдаетъ за отправленіемъ воинской повинности и понуждаетъ къ отбыванію ея; шерифъ завѣдуетъ королевскими доходами и имѣніями, подъ контролемъ казначейства; онъ имѣетъ обширныя полномочія по охраненію мира; онъ руководитъ отправленіемъ правосудія. Для обезпеченія казенныхъ интересовъ, должность эта отдавалась на откупъ за возможно бо̀льшую цѣну, что̀ не исключало и другихъ откупщиковъ, которымъ отдавались отдѣльныя статьи королевскихъ доходовъ. Жадные норманны наперерывъ стремились получить должность шерифа или взять иной откупъ и возмѣщали на народонаселеніи высокія суммы, уплаченныя въ казначействѣ.

Но, съ другой стороны, откупы открыли нѣкоторый путь къ городской свободѣ. Города и отдѣльныя гильдіи брали на откупъ причитавшіеся съ нихъ королевскіе доходы и за это получали право самоуправленія и подтвержденіе ихъ старыхъ обычаевъ. Нѣкоторые города этимъ путемъ добивались правъ имѣть своего *выборнаго* шерифа. Такъ Лондонъ, взявшій при Генрихѣ I на откупъ графство

---

[1]) *Select Charters*, стр. 105.

Миддлессексъ, получилъ право избирать шерифа и былъ освобожденъ отъ юрисдикціи королевскихъ судовъ [1]). Постепенно большинство городовъ образовали такія самооброчащіяся, такъ сказать, единицы (firma burgi, fee-farm).

VI. Развитіе королевскаго могущества до указанной выше степени не было вызвано органическими условіями той страны, которою призваны были управлять потомки Завоевателя. Оно не соотвѣтствовало ни „добрымъ" законамъ и обычаямъ англо-саксовъ, ни феодальнымъ обычаямъ норманновъ. Вызванное обстоятельствами временными, оно держалось личною политикою первыхъ королей. Поэтому судьба личнаго королевскаго управленія связана съ судьбою отдѣльныхъ представителей власти въ Англіи.

Въ 1087 г. умеръ Вильгельмъ Завоеватель, едва успѣвшій закончить покореніе Англіи; старшій сынъ его, Робертъ, наслѣдовалъ ему въ Нормандіи, а Вильгельмъ II Рыжій поспѣшилъ въ Англію, гдѣ онъ былъ избранъ своими приверженцами въ короли; третій же сынъ, Генрихъ Боклеркъ, получилъ отъ отца денежную награду. Правленіе Вильгельма II (1087—1100) мало отличалось отъ предъидущаго правленія его отца; онъ продолжалъ ту же суровую политику и систему жестокостей довелъ до высшихъ предѣловъ; не зная границъ для своего деспотизма, онъ лично позволялъ себѣ всякія злоупотребленія. Неожиданная смерть застигла его на охотѣ, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ стрѣлою, какъ предполагаютъ, спутникомъ короля, Готье Тиреломъ.

Трупъ Вильгельма Рыжаго лежалъ еще въ лѣсу, какъ братъ его Генрихъ бросился въ Винчестерскій замокъ, требуя ключей отъ казны. Права Генриха на корону были сомнительны. По договору, заключенному между Вильгельмомъ Рыжимъ и старшимъ его братомъ, Робертомъ, престолъ Англіи долженъ былъ, по смерти Вильгельма, перейти къ послѣднему; договоръ былъ скрѣпленъ клятвою бароновъ Нормандіи и Англіи. Но Робертъ былъ далеко; въ 1096 году онъ принялъ участіе въ первомъ крестовомъ походѣ, въ коемъ онъ пробылъ три года. Извѣстіе о смерти брата застало его въ дорогѣ. Партія Генриха пересилила приверженцевъ Роберта и выбрала Генриха королемъ [2]). Права новаго короля были поддержаны въ особенности духовенствомъ, которому Генрихъ оказывалъ большое вниманіе. За свою образованность онъ получилъ отъ духо-

---

[1]) *Select Charters*, стр. 108.

[2]) Вильгельмъ Мальмесберійскій. Occiso vero rege Willelmo . . . (Henricus) in regem electus est, aliquantis tamen ante contraversiis inter proceres agitatis atque sopitis. (*Select Charters*, стр. 96).

венства прозваніе Beau Clerc'а. Въ пользу его было и то обстоятельство, что онъ родился и выросъ въ Англіи, а потому могъ имѣть больше приверженцевъ въ разныхъ классахъ, чѣмъ незнакомый Англіи Робертъ.

Но торжественное избраніе и коронованіе не успокоили Генриха. Для утвержденія своей власти, онъ рѣшился польстить баронамъ и саксамъ разными обѣщаніями. При коронаціи онъ далъ обѣщаніе соблюдать права церкви и хранить миръ народа, исправлять всякія злоупотребленія и отправлять правосудіе милостиво и справедливо [1]). Вслѣдъ затѣмъ онъ далъ своимъ подданнымъ хартію, въ которой баронамъ обѣщаны были разныя льготы, за исключеніемъ правилъ о лѣсахъ [2]), и подтверждались законы Эдуарда Исповѣдника, съ измѣненіями, сдѣланными Вильгельмомъ Завоевателемъ [3]). Извѣстно, что хартія эта не имѣла практическаго значенія; существуетъ извѣстіе, что даже списки съ нея, торжественно разосланные въ графства, съ приложеніемъ большой королевской печати, были отобраны. Король, какъ говоритъ Матвѣй Парижскій, безстыдно нарушилъ (impudenter violavit) свое обѣщаніе. Только чрезъ сто слишкомъ лѣтъ о хартіи Генриха I вспомнили бароны, которымъ суждено было добыть отъ его правнука хартію болѣе важную.

Но въ данную минуту пожалованіе такой хартіи казалось необходимымъ для пріобрѣтенія поддержки бароновъ. Не менѣе благопріятное впечатлѣніе на покоренныхъ саксовъ долженъ былъ произвести бракъ молодого короля на Эдиѳи [4]), отпрыскѣ саксонской династіи. Чрезъ нее престолъ Англіи снова перешелъ въ знаменитый родъ Цедрика Саксонскаго, по женскому поколѣнію.

Предосторожности эти были не излишни, такъ какъ власть Генриха не была еще утверждена. Старшій братъ его, прибывшій наконецъ въ Нормандію, рѣшился силою возвратить себѣ корону Англіи. Онъ высадился съ войскомъ въ Англію, гдѣ къ нему пристало много враговъ Генриха. Но послѣднему удалось помириться съ братомъ, подъ условіемъ платы ежегодной пенсіи въ 2,000 ливровъ. Не успѣлъ, однако, король заключить миръ съ братомъ, какъ возстаніе части бароновъ, подъ предводительствомъ Роберта Белема, снова заставило Генриха защищать свою власть.

Утвердившись, наконецъ, на престолѣ, Генрихъ скоро забылъ свои обѣщанія и правилъ въ духѣ прежнихъ норманнскихъ королей.

---

[1]) *Select Charters*, стр. 99.

[2]) Хартія 1100, ст. 10. Forestas communi consensu baronum meorum in manu mea retinui, sicut pater meus eas habuit (*Select Charters*, стр. 101).

[3]) Тамъ же, ст. 13.

[4]) Названной потомъ, въ угоду норманнамъ, Матильдою.

Страна, только что выдержавшая междоусобіе, должна была вынести тягость внѣшней войны, предпринятой Боклеркомъ противъ своего брата—Роберта, съ цѣлью захвата Нормандіи. Робертъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и погибъ въ заточеніи. Захватъ Нормандіи вовлекъ Генриха въ войну съ Франціею, король которой вступился за сына Роберта, молодого Гильома, нашедшаго у него убѣжище. Войны требовали расходовъ, тяжкимъ бременемъ ложившихся на измученныхъ и раззоренныхъ саксовъ. Саксонскія хроники наполнены горькими жалобами на всякія утѣсненія и раззоренія [1]). Когда въ 1120 году оба сына Генриха утонули во время переѣзда въ Нормандію, отзывы современниковъ показывали мѣру ихъ недовольства и злорадства [2]).

Въ отношеніи конституціоннаго развитія, царствованіе Боклерка не было плодотворно. Но онъ умѣлъ утвердить королевскую власть на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ его предшественникъ. Хотя саксы тяготились его суровымъ управленіемъ, но они еще больше ненавидѣли норманнскую аристократію и поддерживали короля въ борьбѣ съ нею. Генриху удалось сломить сопротивленіе бароновъ и жестоко наказать ихъ предводителей. Администрація его принимаетъ болѣе стройный видъ; казначейство, въ отношеніи порядка дѣйствій и дѣлопроизводства, организуется подъ управленіемъ Рожера, епископа Салисберійскаго, юстиціарія королевства (1107—1135). Духовенству, руководимому въ началѣ Ансельмомъ, примасомъ Кентерберійскимъ (1093—1109), удается занять вліятельное положеніе въ королевствѣ. Оно пользуется имъ какъ для защиты собственныхъ привилегій, такъ и для огражденія нѣкоторыхъ народныхъ интересовъ. Въ одной церкви королевская власть встрѣчаетъ постоянную и правильную сдержку. Благодаря государственнымъ людямъ, вышедшимъ изъ ея среды, управленіе получило нѣкоторый стройный видъ и пріобрѣло извѣстныя черты законности.

Со смертью Генриха Боклерка открывается смутный періодъ англійской исторіи. Разомъ двое претендентовъ предъявляютъ свои притязанія на корону Англіи: Стефанъ графъ Блуа, сынъ Адели, дочери Вильгельма Завоевателя, и дочь Генриха I, императрица Матильда, находившаяся замужемъ за германскимъ императоромъ Ген-

---

[1]) Ог. Тьерри, назв. соч.; Галламъ, *L'Europe au Moyen-Age*, (II, стр. 70); *Select Charters*, стр. 97. Подъ 1004: „Non facile potest narrari miseria quam sustinuit isto tempore terra Anglorum propter exactiones regias". Тѣ же жалобы повторяются и въ слѣдующіе годы.

[2]) „Гордый (Вильгельмъ, старшій сынъ Генриха) помышлялъ о будущемъ царствованіи. Но Богъ сказалъ: не будетъ такъ, нечестивецъ, не будетъ. И голова его, готовившаяся къ золотой коронѣ, разбилась о морскіе утесы".

рихомъ V и въ 1125 году овдовѣвшая. Стефанъ (1135—1154) первый принесъ присягу Матильдѣ, когда Генрихъ объявилъ ее въ 1126 году своею наслѣдницею. Присягнули ей и важнѣйшіе вассалы какъ Англіи, такъ и Нормандіи. Вскорѣ послѣ того Генрихъ отдалъ Матильду замужъ за Жофруа, молодого графа Анжуйскаго, по прозванію Плантагенета (отъ своего обыкновенія украшать шляпу вѣткой дрока, planta-genista). Въ 1133 г. отъ этого брака родился сынъ, названный въ честь дѣда Генрихомъ. Король Генрихъ, послѣ рожденія внука, еще разъ созвалъ своихъ норманнскихъ и англійскихъ бароновъ и потребовалъ отъ нихъ подтвержденія прежней присяги. Бароны подтвердили свое обѣщаніе новою клятвою. Но не успѣлъ король умереть, какъ Стефанъ поспѣшно явился въ Англію и былъ избранъ на престолъ тѣми же баронами и епископами, которые недавно присягали Матильдѣ.

Новый король былъ лично любимъ за свою храбрость, щедрость и ласковое обращеніе. Но этихъ качествъ и расположенія, ими вызываемаго, не было достаточно для основанія прочной власти. Власть Стефана, основанная на захватѣ, держалась широкими уступками вассаламъ. Король сыпалъ деньгами и щедро раздавалъ земли, но щедрость вызывала новыя требованія: король дѣлалъ болѣе существенныя уступки. При самомъ вступленіи на престолъ, онъ далъ торжественное обѣщаніе хранить и соблюдать прежнія права [1]). Затѣмъ, въ томъ же году, онъ, въ присутствіи важнѣйшихъ прелатовъ и бароновъ (подписавшихся свидѣтелями), подтвердилъ эти права въ болѣе пространной редакціи [2]). Къ удовольствію бароновъ, смягчены были строгіе законы о лѣсахъ и охотѣ. Но эти уступки не предотвратили происковъ друзей Матильды, ни междоусобной войны, начатой претенденткою (1139—1142), и во время которой она успѣла было овладѣть короною и Лондономъ. Только жестокость и безразсудство „эмпрессы" спасли Стефана и возвратили ему англійскую корону. Нормандія осталась за сыномъ Матильды. Но мелкая война не прекращалась почти до смерти Стефана. Незадолго предъ кончиной, послѣ смерти единственнаго своего сына Евстафія, Узурпаторъ купилъ у своего соперника миръ договоромъ, въ силу котораго престолъ Англіи, послѣ смерти Стефана, переходилъ къ Генриху,

---

[1]) Sciatis me concessisse et praesenti carta mea confirmasse omnibus baronibus et hominibus meis de Anglia omnes libertates et bonas leges quas Henricus rex Anglorum avunculus meus eis dedit et concessit (намекъ на хартію Генриха 1100 г.) et omnes bonas leges et bonas consuetudines eis concedo quas habuerunt tempore Regis Eduardi. *Select Charters*, стр. 119.

[2]) Тамъ же, стр. 120—121.

съ тѣмъ, чтобы приверженцы Генриха болѣе не тревожили Стефана.

При этихъ условіяхъ, своеволіе бароновъ, на помощь которыхъ одинаково должны были опираться соперники, дошло до крайнихъ предѣловъ. Въ Англіи повторились картины континентальной Европы временъ „кулачнаго права". Частныя войны, раззорявшія народъ, грабежи, убійства и истязанія, безнаказанно производимые владѣльцами „крѣпкихъ замковъ"—все соединилось для того, чтобы англичане вспомнили о сравнительно спокойныхъ временахъ Генриха Боклерка.

Рѣдкій изъ монарховъ вступалъ на престолъ при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ Генрихъ II (1154—1189), первый изъ знаменитой династіи Плантагенетовъ. Въ Англіи онъ не имѣлъ соперниковъ, какъ по отсутствію претендентовъ, такъ и потому, что страна утомилась и истощилась въ бурное правленіе Узурпатора. Затѣмъ онъ возсоединилъ Англію съ Нормандіею, раздѣленныя въ періодъ междоусобія. Сверхъ того, бракъ съ Елеонорою, разведенною супругою французскаго короля Людовика VII, принесъ ему Аквитанію и Пуату, т.-е. все побережье Франціи отъ устья Луары до Пиренеевъ. Владѣнія его во Франціи были обширнѣе владѣній французскаго короля. Въ Англіи онъ могъ воспользоваться своимъ могуществомъ для возстановленія порядка и силы законовъ. При немъ, затѣмъ, началось и завоеваніе Ирландіи. Самъ король, по природѣ своей, былъ характера твердаго, большой законникъ и разумный правитель. Первыя его мѣры произвели хорошее впечатлѣніе именно въ этомъ смыслѣ [1]).

Королю предстояло прежде всего искоренить злоупотребленія, такъ гибельно отразившіяся на состояніи государства. Возможность частныхъ войнъ устраняется или, по крайней мѣрѣ, ограничивается срытіемъ укрѣпленныхъ замковъ: говорятъ, что ихъ было срыто отъ 126 до 375. Другіе доводятъ эту цифру до 1,115 [2]). Значительныя части королевскихъ доменовъ, розданныхъ Стефаномъ или просто разобранныхъ сильными вассалами, были возвращены въ казну. Были приняты мѣры противъ злоупотребленія правителей. Но не этими отрицательными мѣрами Генрихъ II заслужилъ видное мѣсто въ исторіи Англіи. Оно принадлежитъ ему какъ творцу многихъ *орга-*

---

[1]) „Publicae quoque disciplinae in primis sollicitudinem habuit; et ut legum vigor in Anglia revivisceret qui sub Rege Stephano extinctus sepultusque videbatur, cura propensiore sategit". *Select Charters*, стр. 128.

[2]) ...„castella nova quae in diebus avi sui nequaquam exstiterant, complanari praecepit, praeter pauca in locis opportunis sita quae vel ipse retinere vel a pacificis ad regni munimen retineri voluit". Тамъ же.

ническихъ законовъ, содѣйствовавшихъ дальнѣйшему развитію Англіи.

Въ числѣ этихъ органическихъ мѣръ должно поставить окончательное учрежденіе *объѣздныхъ судей*, какъ орудія исправленія злоупотребленій на мѣстахъ, отправленія правосудія и охраненія мира при содѣйствіи мѣстнаго населенія и централизаціи судебной части. Объѣзды юстиціаріевъ существовали и раньше Генриха II, и можно установить извѣстную ихъ аналогію съ missi dominici Карла Великаго и великими бальи (grands baillis) временъ Филиппа Августа и Людовика Святого. Въ самой Нормандіи объѣзды для наблюденія за отправленіемъ правосудія и за охраненіемъ мира входили въ обязанность великаго сенешаля [1]). Но объѣзды, установленные Генрихомъ II, остались органическимъ учрежденіемъ Англіи.

Уже въ 1166 г. кларендонскими ассизами установлены были подробныя правила касательно сохраненія мира и преслѣдованія его нарушителей; въ этомъ постановленіи заключалась инструкція странствующимъ судьямъ (justitiarium errantium) и шерифамъ [2]). Мы возвратимся къ этимъ постановленіямъ ниже. Затѣмъ, въ 1170 г., король, вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ на злоупотребленія шерифовъ, назначилъ надъ ними строжайшее слѣдствіе, порученное коммиссіи бароновъ [3]). Наконецъ, въ 1176, на собраніи въ Нортгэмптонѣ, Англія была раздѣлена на 6 округовъ, которые періодически должны были объѣзжать объѣздные судьи (justitiarii itinerantes, justices in eyre), по три на каждый округъ [4]). Инструкціями, данными судьямъ, на нихъ возлагались разнообразныя порученія какъ по части судебной, такъ и по наблюденію за администраціею и финансовымъ управленіемъ [5]).

Установляя институтъ объѣздныхъ судей, какъ особой коммиссіи по королевской куріи, Генрихъ II учредилъ и особое отдѣленіе этой куріи для дѣлъ судебныхъ. Оно носило названіе королевской скамьи (bancum). Впослѣдствіи оно образовало особое учрежденіе вмѣстѣ съ двумя другими судами: казначействъ и общихъ тяжебъ (см. ниже, Отд. II).

Въ связи съ учрежденіемъ объѣздныхъ судей, положено было начало институту, который впослѣдствіи получилъ всемірную извѣстность — именно институту присяжныхъ (jury). Первоначально это

---

[1]) Глассонъ, II, стр. 339 и слѣд.

[2]) *Select Charters*, стр. 143 и слѣд.

[3]) *Select Charters*, стр. 148 и слѣд.

[4]) Росписаніе округовъ и списокъ лицъ, назначенныхъ для объѣздовъ, см. у Глассона II, стр. 346, прим. 15. Позже число округовъ было уменьшено до 4-хъ.

[5]) *Select Charters*, стр. 150 и слѣд.

великое учрежденіе имѣло двоякое значеніе. Во-первыхъ, „12 добрыхъ мужей“ изъ сотни и по 4 отъ каждаго тауншипа (villata) содѣйствуютъ раскрытію преступленій, показывая подъ присягою (per sacramentum) на лихихъ людей ихъ округа [1]). Лицо, обвиняемое присяжнымъ показаніемъ, должно явиться или быть представлено въ судъ и подвергаться испытанію огнемъ или водою. Невыдержавшій испытанія подвергался наказанію, а выдержавшій, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ представить ручательство въ „добромъ поведеніи“. Это учрежденіе послужило основаніемъ такъ называемаго большого или *обвинительнаго жюри*. Во-вторыхъ, показаніе 12 „добрыхъ мужей“ явилось средствомъ *доказательства*, постепенно вытѣснившимъ испытаніе желѣзомъ и водою и, въ особенности, судебный поединокъ. Послѣдній былъ осужденъ церковью на Латеранскомъ соборѣ 1216 года. Но раньше того знаменитый юстиціарій Генриха II, Ранульфъ Гланвиллъ, распространялся о преимуществахъ свидѣтельствъ 12 мужей сравнительно съ поединкомъ [2]). По изслѣдованіямъ Бинера [3]), примѣненіе этого доказательства получило мѣсто первоначально въ гражданскомъ процессѣ, а затѣмъ распространилось и на уголовный. Впослѣдствіи изъ способа доказательства постановленіе присяжныхъ получило значеніе рѣшенія о вопросахъ факта и дѣятельность жюри явилась самостоятельнымъ элементомъ въ отправленіи правосудія, по словамъ Брактона: „veritas in juratore, justitia et judicium in judice“ [4]). Должно замѣтить, что институтъ присяжныхъ примѣнялся въ судахъ королевскихъ и не находилъ себѣ мѣста въ судахъ патримоніальныхъ. Популярность этого института распространилась и на королевскіе суды.

Чрезъ институтъ присяжныхъ возстановилось въ новой формѣ участіе мѣстнаго населенія въ отправленіи правосудія, и установилась связь между центральною властью и мѣстными учрежденіями. Возстановленіе въ новой формѣ старыхъ саксонскихъ началъ совершилось и въ другой сферѣ. Образованіе войска изъ феодальныхъ дружинъ достигало своей цѣли въ первую эпоху завоеванія, когда норманнское войско, въ сознаніи общей опасности, подчинялось строгой дисциплинѣ. Но времена Стефана Узурпатора доказали, что си-

---

[1]) Assiza de Clarenduno, I. сходно съ Assiza Northamptonia, I.

[2]) Глассонъ, II, стр. 482. *Select Charters*, стр. 161.

[3]) Biener, *Das englische Geschwornengericht*, III т. 1852—1855. См. также Бруннера, *Die Entstehung der Schwurgerichte*, 1871. Бруннеръ показываетъ, что *обвинительное* жюри развилось изъ аналогическихъ франко-норманнскихъ учрежденій. Объ этомъ см. ниже, Отд. II.

[4]) Брактонъ (1216—1272), ассизный судья при Генрихѣ III и авторъ трактата: *De legibus et consuctudinis Angliae libri quinque.*

стема феодальныхъ ополченій легко можетъ обратиться противъ короля и королевства. Возстаніе бароновъ противъ Генриха II (въ 1173), возстаніе, въ которомъ участвовали его собственные сыновья, показало, что мятежный духъ вассаловъ не исчезъ и при твердомъ управленіи новаго короля. Два средства должны были создать для послѣдняго независимыя отъ феодальныхъ ополченія. Во-первыхъ, возможность замѣны *личной* воинской повинности денежнымъ сборомъ на содержаніе вооруженныхъ людей (щитовой сборъ, scutagium). Мѣра эта была въ употребленіи раньше Генриха II, но обобщена въ его царствованіе [1]). Но болѣе общая мѣра, которой суждено было видоизмѣнить самый характеръ военныхъ силъ страны, состояла въ распространеніи воинской повинности на всѣхъ свободныхъ людей королевства. Этимъ путемъ было постепенно возстановлено старое саксонское народное ополченіе, хотя и въ новой формѣ *милиціи*. Начало этой важной перемѣны было положено уставомъ 1181 года (Assize of Arms) [2]). Въ силу этого устава, каждый владѣлецъ лена (feodum) долженъ былъ выставлять воина въ желѣзныхъ латахъ, въ шлемѣ, со щитомъ и копьемъ; и каждый вассалъ долженъ былъ имѣть столько латъ, сколько во владѣніи его состояло леновъ (quot habuerit feoda militum). Та же обязанность возлагалась на каждаго *свѣтскаго* владѣльца (liber laicus) земельнаго имущества или дохода въ 16 марокъ; свободный владѣлецъ имущества или дохода въ 10 марокъ обязывался имѣть панцырь, желѣзный шишакъ и копье. Но существеннѣйшимъ постановленіемъ Assize of Arms являлось правило, по которому всѣ горожане и всѣ свободные люди [3]) обязывались имѣть камзолы, желѣзные шишаки и копья. Наблюденіе этой обязанности возлагалось на объѣздныхъ судей.

VII. Глубокія и органическія перемѣны, произведенныя въ царствованіе Генриха II, требовали и иныхъ условій для дѣйствія королевской власти. Не смотря на потребность въ покоѣ и порядкѣ послѣ хаоса временъ Узурпатора, не смотря на общее расположеніе къ личности короля, власть его не могла быть такъ безпредѣльна, какъ могущество первыхъ норманнскихъ королей. Побѣжденная нѣкогда масса уже оправлялась отъ погрома, произведеннаго завоева-

---

[1]) См. Dialogus de scaccario, I, IX. *Quid scutagium, et quare sic dictum est.* Fit interdum, ut imminente vel insurgente in regnum hostium machinatione decernat rex de singulis feodis militum summam aliquam solvi, marcam scilicet vel libram unam; unde militibus stipendia vel donativa succedant. Mavult enim princeps stipendiarios, quam domesticos bellicis opponere casibus. Haec itaque summa, quia nomine scutorum solvitur, scutagium nuncupatur. (*Select Charters*, стр. 201).

[2]) *Select Charters*, стр. 154 и слѣд.

[3]) ...omnes burgenses et tota communa liberorum hominum... Ст. 3.

ніемъ: она начинала сознавать свои права и общіе свои интересы; сочувствіе ея было уже необходимо въ постоянной борьбѣ съ вассалами. Послѣдніе не забыли своихъ вольностей временъ Стефана. Оппозиціонное ихъ настроеніе часто поддерживалось вліяніемъ и примѣромъ бароновъ Нормандіи, которая опять была соединена съ Англіею. Королевской власти предстояло создать для себя точки опоры на двухъ различныхъ полюсахъ.

Масса населенія вообще была удовлетворена твердымъ и разумнымъ правленіемъ Генриха II. Чрезъ своихъ объѣздныхъ судей, чрезъ строгій контроль казначейства, онъ подавлялъ своеволіе шерифовъ, злоупотребленія вассаловъ надъ ихъ подвассалами, землевладѣльцевъ надъ людьми, сидѣвшими на ихъ земляхъ и подчиненныхъ ихъ юрисдикціи. Онъ довольно охотно давалъ хартіи городамъ и привлекалъ на свою сторону расположеніе городскихъ сословій [1]). Но для общихъ дѣлъ государства, для проведенія органическихъ преобразованій необходимо было содѣйствіе господствующаго класса, сила котораго начинала уже чувствоваться. Способомъ этого содѣйствія явилась организація *большого совѣта* (magnum consilium), образованнаго изъ прелатовъ церкви и важнѣйшихъ бароновъ. „Совѣты" короля Генриха II не были уже болѣе или менѣе парадными, но и безформенными собраніями вассаловъ, какъ прежде. Напротивъ, кругъ лицъ, приглашаемыхъ въ совѣтъ, опредѣляется точнѣе; ихъ „согласіе и совѣтъ" признаются необходимыми для силы королевскихъ уставовъ.

Необходимость „согласія и совѣта" обнаружилась, главнымъ образомъ, во время знаменитой церковной распри (см. ниже), когда, для подтвержденія и признанія правъ короля въ области церковнаго управленія, понадобилось содѣйствіе прелатовъ и бароновъ, созванныхъ въ Кларендонъ (1164). Такъ называемыя „кларендонскія конституціи" были постановлены по соглашенію съ епископами, графами и баронами, поименно названными въ началѣ „конституцій", и „многихъ другихъ знатныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ" (et multis aliis proceribus et nobilibus regni, tam clericis quam laicis [2]).

Кларендонское собраніе, созванное для рѣшенія важнаго и щекотливаго вопроса объ отношеніяхъ государства къ церкви, было наиболѣе многочисленное. Другія постановленія издаются съ согласія прелатовъ, графовъ и бароновъ всей Англіи [3]), или „по совѣту и съ

[1]) *Select Charters*, стр. 165—168. Вообще Генрихъ далъ 37 хартій городамъ, тогда какъ за прежнее (норманнское) время ихъ было дано 15.

[2]) *Select Charters*, стр. 137 и слѣд.

[3]) Напримѣръ, постановленіе кларендонскихъ ассизовъ 1166 (см. тамъ же стр.

согласія“ какъ этихъ, такъ и вообще знатныхъ лицъ [1]). Такимъ образомъ, старинное начало общихъ совѣтовъ возродилось въ формѣ *феодальной* куріи, впослѣдствіи развившейся въ парламентъ.

Могущество королевской власти, возсозданное Генрихомъ II, встрѣтилось, однако, съ не менѣе могущественною силою—силою *церкви*. Первоначально обѣ силы находились въ тѣсномъ союзѣ. Вильгельмъ совершилъ свое завоеваніе съ благословенія папы. Норманнское духовенство, явившееся съ Завоевателемъ, участвовало въ дѣлежѣ добычи и въ полученіи мѣстъ на ряду съ свѣтскими спутниками Вильгельма. Архіепископъ Ланфранкъ (1070—1089) дѣйствовалъ въ области церковнаго управленія съ такою же ревностью, какъ норманнскіе короли въ области управленія свѣтскаго. Такой вѣрный союзникъ королевской власти не замедлилъ получить существенныя привилегіи, сверхъ пожалованія землями и другими выгодами. Важнѣйшею изъ нихъ было раздѣленіе судовъ свѣтскихъ и духовныхъ, установленное Вильгельмомъ. Чрезъ это была установлена особенная подсудность духовенства и расширены права епископскаго суда [2]).

Но обычныя права короля въ церковномъ управленіи, права, признанныя даже въ англо-саксонскій періодъ, были удержаны. По прежнему король утверждалъ постановленія церковныхъ соборовъ, участвовалъ въ назначеніи епископовъ и аббатовъ, давалъ свое согласіе на обнародованіе папскихъ распоряженій (placet) и т. д. Сверхъ того, власть норманнскихъ королей увеличилась новыми правами, вытекавшими изъ ихъ сюзеренныхъ прерогативъ. Земли, розданныя духовенству, были подчинены общимъ условіямъ ленной зависимости; по своимъ землямъ, духовенство несло обязанности по воинской повинности; какъ вассалы короля, прелаты подлежали его суду; духовенство подлежало и финансовымъ повинностямъ.

Но духовенство продолжало расширять свои привилегіи на счетъ королевской прерогативы и успѣвало въ этомъ, или благодаря услугамъ, оказаннымъ королямъ (какъ Генриху I), или пользуясь смутами, какъ во времена Стефана Узурпатора, когда соборъ духовенства, подъ предсѣдательствомъ папскаго легата, своею властью обна-

---

143 и слѣд.) ...de assensu archiepiscoporum, episcoporum, abbatum, comitum, baronum, totius Angliae.

[1]) Напримѣръ, постановленія о лѣсахъ (Assisa de foresta 1184 г., см. тамъ же, стр. 156 и слѣд.): per consilium et assensum archiepiscoporum, episcoporum, et baronum, comitum *et nobilium* Angliae, apud Wudestoke (т.-е., собранныхъ въ Вудстокѣ, мѣстопребываніи короля). На собраніи въ Нортгэмптонѣ 1176 (см. выше), сверхъ прелатовъ, графовъ и бароновъ участвовало и рядовое рыцарство — milites et homines regis.

[2]) *Select Charters*, стр. 85.

родовалъ много новыхъ каноновъ и даже задумалъ потребовать по одному дѣлу къ отвѣту самого короля. Возраставшая сила архіепископовъ, прямое вліяніе римской куріи, дѣйствовавшей въ Англіи чрезъ своихъ легатовъ, грозили серьезною опасностью королевской прерогативѣ. Римская курія сдѣлалась высшею апелляціонною инстанціею во всѣхъ распряхъ.

Возстановить силу королевскихъ правъ въ этой области было дѣломъ весьма труднымъ, даже для такого государя, какъ Генрихъ II, тѣмъ болѣе, что оно осложнилось личною его распрею съ примасомъ королевства, Ѳомою Бекетомъ.

Распря была вызвана разнообразными мотивами, но ея предметы вращаются около главнаго пункта—исключительной подсудности духовенства, которою оно пользовалось часто для безнаказаннаго совершенія преступленій [1]. Генрихъ рѣшился искоренить эти злоупотребленія, но для этого нужно было устранить судебныя привилегіи духовенства. Король надѣялся найти помощника въ лицѣ Ѳомы Бекета, который вышелъ изъ простого званія, выросъ при королевскомъ дворѣ, достигъ званія канцлера и, въ 1162 году, по желанію короля, былъ избранъ примасомъ королевства. Но поведеніе Бекета тотчасъ измѣнилось. Изъ веселаго и угодливаго придворнаго онъ обратился въ человѣка строгой жизни и суроваго защитника привилегій духовенства. Онъ сложилъ съ себя званіе канцлера, чтобы свободнѣе служить церкви. Между архіепископомъ и королемъ началась глухая борьба, причемъ Бекетъ не щадилъ усилій противъ короля и придворной партіи. Послѣдняя платила ему тѣмъ же.

Въ 1164 произошло неважное по существу, но обильное послѣдствіями событіе. Одинъ священникъ, по обвиненію въ распутствѣ и смертоубійствѣ, былъ потребованъ въ королевскій судъ. Архіепископъ призналъ это требованіе незаконнымъ и велѣлъ позвать его къ духовному суду. Послѣдній приговорилъ его къ лишенію доходовъ, наказанію розгами и интердикту на нѣсколько лѣтъ. Эта мѣра архіепископа вызвала сильное неудовольствіе свѣтской аристократіи и короля. Послѣдній воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отмѣнить судебныя привилегіи духовенства. Но предварительное совѣщаніе по этому предмету не привело ни къ какимъ результатамъ.

Тогда король, опираясь на содѣйствіе папы Александра III [2], по-

---

[1]) По словамъ Ог. Тьерри, въ первые годы правленія Генриха II считалось до 100 смертоубійствъ, совершенныхъ духовными, бывшими тогда еще въ живыхъ.

[2]) Александръ III, въ свою очередь, былъ поддержанъ Франціею и Англіею противъ его соперника, Виктора, который былъ признанъ нѣмецкимъ императоромъ.

велѣвшаго прелатамъ повиноваться королю, созвалъ въ Кларендонъ (см. выше) собраніе бароновъ и прелатовъ, коимъ предложены были мѣры къ возстановленію прежнихъ обычаевъ и особенно законовъ Генриха I (хотя эта ссылка была не совсѣмъ удачна).

Результатомъ этихъ совѣщаній явились знаменитыя *кларендонскія конституціи* (1164) въ 16 статьяхъ [1]). Главнѣйшими изъ этихъ постановленій являются слѣдующія:

1) Архіепископы, епископы и всѣ лица, получающія ленъ непосредственно отъ короля (tenentes in capite), въ силу этого обязаны исполнять всѣ лежащія на нихъ обязанности и отвѣтствовать предъ королевскими судьями и должностными лицами (respondent Justitiis et ministris).

2) Ни одинъ изъ tenentes in capite, ни изъ его должностныхъ лицъ, не можетъ быть отлученъ отъ церкви и на земли ихъ наложенъ интердиктъ, безъ согласія короля или, въ его отсутствіе, главнаго юстиціарія [2]).

3) Духовные, обвиняемые въ какомъ либо преступленіи и позванные на королевскій судъ, должны являться на зовъ и отвѣчать по предметамъ, которые судъ признаетъ себѣ подсудными (quod ibidem sit respondendum).

4) Король признанъ верховнымъ апелляціоннымъ судьею и относительно судовъ духовныхъ. Апелляціи на рѣшенія послѣднихъ должны быть приносимы въ слѣдующемъ порядкѣ: на рѣшеніе архидіакона епископу, на епископа—архіепископу, на рѣшеніе послѣдняго — королю, по указанію котораго споръ (contraversio) долженъ быть конченъ въ архіепископской куріи. Переносъ дѣла въ иное учрежденіе (ulterius procedere), т.-е. въ римскую курію, не дозволяется безъ разрѣшенія короля.

5) Въ случаѣ вакансіи высшихъ духовныхъ должностей [3]), связанные съ ними доходы поступаютъ въ пользу короля. Онъ созываетъ прелатовъ (potiores personas ecclesiae) для выборовъ, которые производятся въ капеллѣ короля и съ его согласія. Избранный долженъ принести королю ленную и подданническую присягу, въ исполненіи всѣхъ ленныхъ обязанностей, поскольку, впрочемъ, послѣднія не противорѣчили обязанностямъ духовнаго званія (salvo ordine suo).

---

[1]) *Select Charters*, стр. 137—140.

[2]) Извѣстно, что отлученіе и интердикты были страшнымъ оружіемъ въ рукахъ духовенства въ средніе вѣка.

[3]) Cum vacaverit archiepiscopatus, vel episcopatus, vel abbatia, vel prioratus... Тамъ же, стр. 140.

Кларендонскія конституціи были подписаны всѣми, за исключеніемъ Бекета, который просилъ отсрочки. Но онѣ были обнародованы безъ подписи архіепископа. Послѣдній продолжалъ свое сопротивленіе, и борьба велась съ двухъ сторонъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Для Бекета она закончилась его убійствомъ (1170), совершоннымъ нѣсколькими рыцарями, думавшими исполнить волю короля, выраженную въ нѣсколькихъ неосторожныхъ словахъ [1]); но она не закончилась для короля, противъ котораго были теперь римскій дворъ, народное чувство, вознесшее Бекета на степень мученика, и безчисленныя средства нравственнаго вліянія духовенства. Король долженъ былъ уступить и отказаться отъ нѣкоторыхъ существенныхъ началъ кларендонскихъ конституцій.

„Отношеніе къ церкви“, говоритъ Гнейстъ, „сдѣлалось ахиллесовой пятой норманнскаго абсолютизма“. Но оружіе, направленное въ эту пяту, находилось въ рукахъ не одного духовенства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЕЛИКАЯ ХАРТІЯ.

(1215—1272.)

I. Періодъ времени отъ смерти Генриха II (1189) до конца царствованія его внука, Генриха III (1272), можетъ быть отмѣченъ именемъ „Великой Хартіи Вольностей“, которою были опредѣлены главныя начала публичнаго права Англіи. Короткое управленіе Ричарда Львиное-Сердце (1189—1199) было промежуточнымъ періодомъ, когда дурныя стороны норманнскаго управленія обнаружились въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ правленіе способнаго Генриха II, но недовольные не имѣли еще возможности сосредоточить свои силы и проявить ихъ въ чемъ-нибудь, кромѣ частныхъ распрей. Правленіе Іоанна-Безземельнаго (1199—1216) совпало съ временемъ, когда общее неудовольствіе вызывалось не только недостатками системы управленія, но и личными свойствами короля, вызвавшаго противъ себя возстаніе, которое вынудило его дать возставшимъ знаменитую хартію. Но Хартія, установившая начала если не вполнѣ

---

[1]) Получивъ преувеличенныя извѣстія о дѣйствіяхъ Бекета, король, in furore, assensus, какъ говорится въ жизнеописаніи Бекета, вскричалъ: „какъ! человѣкъ, ѣвшій мой хлѣбъ, человѣкъ, пріѣхавшій къ моему двору на хромой лошади, поднимаетъ ногу, чтобы меня лягнуть! Онъ оскорбляетъ своего короля..., и ни одинъ изъ этихъ малодушныхъ слугъ, которыхъ я кормлю, *не отомститъ* тому, кто наноситъ мнѣ такую обиду!“

новыя, то непримѣнявшіяся королями, ихъ „подтверждавшими", должна была сдѣлаться предметомъ ожесточенной борьбы. Исторія этой борьбы наполняетъ все царствованіе Генриха III. Правленіе Эдуарда I (1272—1307) представляетъ двойственный характеръ. Съ одной стороны, Эдуардъ I проявляетъ замѣчательные таланты законодателя и правителя; съ другой стороны, его повелительный характеръ не выноситъ ограниченій, налагаемыхъ Великою Хартіею. Только черезъ 25 лѣтъ послѣ своего вступленія на престолъ, онъ вынужденъ былъ уступить и подтвердить Хартіи своего дѣда и отца. Такимъ образомъ, борьба за Хартію длилась *восемьдесятъ лѣтъ*, въ теченіе которыхъ были рѣшены безповоротно главные вопросы государственнаго устройства Англіи. Вотъ почему этотъ періодъ представляетъ своеобразныя черты и всегда будетъ привлекать къ себѣ вниманіе историковъ англійской конституціи.

II. Царствованіе Ричарда Львиное-Сердце, въ его отношеніи къ внутренней жизни Англіи, не представляетъ цѣльной и опредѣленной картины. Король, почти не жившій въ Англіи, правившій ею чрезъ намѣстниковъ, извѣстный народу, съ одной стороны, своими военными подвигами и сказочными приключеніями, а съ другой—обременительными поборами, которыми эти приключенія оплачивались; правители, вѣрные королю и во многихъ отношеніяхъ способные, но чуждые странѣ, которою они управляли, вызывавшіе неудовольствіе и порождавшіе распри [1]); интриги и происки королевскаго брата Іоанна, поддерживавшаго эти раздоры ради своихъ выгодъ,—таковы наружныя условія этого царствованія.

Не смотря на это, оно можетъ считаться нѣкоторымъ продолженіемъ царствованія Генриха II въ отношеніи преобразованій внутренняго управленія. Система розыска (рекогниціи) чрезъ объѣздныхъ судей получила дальнѣйшее развитіе въ постановленіи 1194 года de forma procedendi in placitis Coronae Regis. Этимъ важнымъ закономъ дано новое развитіе учрежденію большого жюри, распространеннаго, въ извѣстномъ отношеніи, на цѣлое графство. Прежде чѣмъ объѣздные судьи приступали къ своимъ розыскамъ по королевскимъ

---

[1]) Главными дѣятелями и правителями въ царствованіе Ричарда были: 1) канцлеръ Вильгельмъ Лоншанъ (Longchamp), долго пользовавшійся довѣріемъ короля и занимавшій мѣсто великаго юстиціарія (намѣстника). Но онъ былъ непопуляренъ и нелюбимъ баронами, чѣмъ воспользовался братъ короля, который, вмѣстѣ съ епископами, графами, баронами и гражданами, „отставилъ" Лоншана отъ намѣстничества въ пользу Вальтера, архіепископа руанскаго, утвержденнаго и королемъ (1191). Ita factum est ad securitatem regni, прибавляетъ лѣтописецъ. Но Лоншанъ оставался канцлеромъ до 1197 года. 2) Ричардъ Фицъ-Ниль (Fitz-Neal), казначей. 3) Губертъ Вальтеръ, архіепископъ кентерберійскій, юстиціарій,

дѣламъ (placita coronae), въ каждомъ графствѣ (de toto comitatu) должно было избрать 4 рыцарей (milites), которые, по принесеніи присяги, избирали двухъ рыцарей изъ каждой сотни, а послѣдніе также избирали по десяти воиновъ отъ сотни. За отсутствіемъ рыцарей, избирались вообще свободные люди (liberi et legales homines). Эти 12 лицъ должны были давать отвѣты на статьи инструкціи (respondeant de omnibus capitulis de toto hundredo).

Во-вторыхъ, означеннымъ закономъ ограничена компетенція шерифовъ по королевскимъ дѣламъ, въ виду многочисленныхъ жалобъ на ихъ злоупотребленія. Именно, для наблюденія интересовъ короны и отправленія дѣлъ по placita coronae, установлены *выборныя* должностныя лица (позднѣйшіе *коронеры)* въ качествѣ „стражей" этихъ placita [1]). Сверхъ того, шерифамъ воспрещено было занимать должность юстиціарія въ своемъ графствѣ [2]).

Система показаній и содѣйствія „legalium et liberorum hominum" была, въ большей противъ прежняго времени степени, примѣнена къ раскладкѣ сборовъ, какъ, напримѣръ, въ 1198 г., при раскладкѣ и взысканіи налога, потребованнаго королемъ [3]).

Не останавливается также и ростъ городовъ, особенно Лондона, политическое значеніе котораго ясно обнаружилось во время смутъ 1191 г. Граждане Лондона, вмѣстѣ съ прелатами и баронами, принимаютъ участіе въ низложеніи великаго юстиціарія Лоншана. Степень ихъ участія опредѣляется тѣмъ, что королевскій братъ, новый юстиціарій и прочіе прелаты и бароны дали лондонцамъ торжественное обѣщаніе соблюдать и хранить ихъ вольности [4]). Впослѣдствіи лондонцы доказали свое могущество еще осязательнѣе. Вообще, въ короткое время правленія Ричарда II, королемъ было пожаловано 17 хартій 16 городамъ. Правда, эти пожалованія по прежнему совершались за деньги, въ которыхъ такъ нуждался король; но это не мѣшало развитію городскихъ правъ и вольностей.

Но важнѣйшими фактами въ царствованіе какъ Ричарда II, такъ и его отца, должно считать тѣ незримыя перемѣны, которыя совершались въ отношеніяхъ и стремленіяхъ общественныхъ классовъ. Первымъ изъ нихъ является ассимиляція побѣдителей и побѣжден-

---

[1]) Praeterea in quolibet comitatu eligantur tres milites et unus clericus *custodes* placitorum coronae, ст. 20. *Select Charters*, стр. 260.

[2]) Et nullus vicecomes sit justitiarius in vicecomitatu suo, etc., ст. 21. Тамъ же.

[3]) *Select Charters*, стр. 256 и слѣд.

[4]) Iohannes comes, frater regis, et archiepiscopus Rothomagensis et omnes episcopi, comites et barones regni qui aderant, concesserunt civibus Lundoniarum communam suam et juraverunt quod ipsi eam et dignitates civitatis Lundoniarum custodirent illibatas quam diu regi placuerit. Тамъ же, стр. 252.

ныхъ. Двѣ расы уже не противопоставлены другъ другу въ видѣ двухъ враждебныхъ лагерей. Путемъ брачныхъ союзовъ, чрезъ ежедневныя отношенія, хозяйственныя и административныя, чрезъ совмѣстное дѣйствіе въ мѣстномъ управленіи норманны и саксы сблизились между собою. Различіе между tenentes in capite и подвассалами, между которыми было столько саксовъ, сглаживается, благодаря учрежденіямъ и духу рыцарскихъ орденовъ, общимъ воинскимъ предпріятіямъ и крестовымъ походамъ. Офранцуженная въ началѣ періода, церковь возстановляетъ свое національное значеніе чрезъ массу низшаго духовенства, чрезъ множество духовныхъ клерковъ, занимавшихъ мѣста во всѣхъ частяхъ управленія, чрезъ монашескіе ордена, многочисленные и многолюдные. Въ общемъ итогѣ, мы присутствуемъ при образованіи новаго національнаго языка и развитіи *чувства народности,* общаго всѣмъ классамъ населенія. Потомки норманнскихъ завоевателей настолько вошли въ составъ англійской народности, что относятся къ новымъ „пришельцамъ" изъ Нормандіи и норманнскимъ любимцамъ короля съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ относились къ нимъ англо-саксонскіе таны временъ Эдуарда Исповѣдника.

Соединенные уже общностью національнаго и политическаго чувства, всѣ классы англійскаго общества были соединены и общностью неудовольствія противъ произвола и тяжкихъ злоупотребленій въ управленіи, касавшихся всѣхъ одинаково. Если горожанинъ и поселянинъ страдали отъ тяжести повинностей и оброковъ, произвольно налагаемыхъ и еще произвольнѣе взимаемыхъ, то высшіе классы жаловались на злоупотребленія ленными правами короля, на произвольное распоряженіе феодальными участками, на тяжкіе поборы при переходѣ леновъ, на произвольныя „субсидіи" и другія вымогательства. Всѣ одинаково страдали отъ произвола въ примѣненіи полицейско-карательной власти, и жаловались на тяжесть „штрафовъ" и другихъ взысканій. Нуженъ былъ сильный организаторскій умъ новаго Генриха II, чтобы дать этимъ стремленіямъ нормальный исходъ. Но престолъ перешелъ въ руки худшаго изъ королей, когда-либо занимавшихъ престолъ Англіи.

III. По смерти Ричарда I, престолъ долженъ былъ перейти къ сыну старшаго по немъ брата, Готфрида—Артуру Британскому (по праву заступленія). Но бароны по старымъ обычаямъ и понятіямъ предпочли совершеннолѣтняго дядю малолѣтнему племяннику. Можетъ быть также, что бароны, возводя на престолъ Іоанна, не имѣвшаго на то прямыхъ правъ, надѣялись на исправленіе злоупотребленій,

которое онъ имъ обѣщалъ при коронаціи [1]). Во всякомъ случаѣ Іоаннъ занялъ престолъ безъ затрудненій.

Но свойства новаго короля не замедлили обнаружиться; лучше сказать, событія показали, что онъ остался вѣренъ себѣ. При жизни отца, онъ участвовалъ въ мятежахъ и замыслахъ противъ него; въ царствованіе своего брата, Ричарда, онъ измѣннически строилъ противъ него козни. Вступленіе его на престолъ сопровождалось новымъ преступленіемъ. Опасаясь соперничества своего племянника, онъ заключилъ его въ крѣпкій замокъ; здѣсь несчастный ребенокъ былъ убитъ. Молва приписывала убійство повелѣнію Іоанна; всѣ видимые признаки говорили въ пользу такого обвиненія. Человѣкъ, не остановившійся предъ подобнымъ дѣломъ, не могъ задуматься надъ нарушеніемъ коронаціонной присяги. Не даромъ, какъ свидѣтельствуетъ Матвѣй Парижскій, архіепископъ убѣждалъ его не брать на себя королевскаго сана, если онъ не думаетъ исполнить то, въ чемъ поклялся [2]).

Филиппъ-Августъ, король французскій, воспользовался обвиненіемъ, предметомъ котораго сдѣлался Іоаннъ, чтобы позвать его на судъ пэровъ Франціи [3]). Іоаннъ не явился на зовъ и былъ приговоренъ къ лишенію его леновъ во Франціи. Для исторіи Англіи важно не это дѣло и не постановленный королемъ приговоръ, но то, что эта тяжба была эпизодомъ въ начавшемся уже процессѣ объединенія Франціи, съ одной, и обособленія Англіи, съ другой стороны. Много еще силъ и крови было потрачено, прежде чѣмъ французскіе короли достигли своей цѣли. Но въ данный моментъ было важно то, что при началѣ этой роковой для двухъ сторонъ борьбы на престолѣ Франціи находился государь великихъ политическихъ способностей и непреклоннаго характера, а престолъ Англіи былъ занятъ королемъ столь же тщеславнымъ, сколько неспособнымъ и трусливымъ (Маколэй).

Французскій король тотчасъ привелъ въ исполненіе свои рѣшенія. Нормандія, Турэнь, Мэнъ, Пуату и Анжу—колыбель династіи Плантагенетовъ, были присоединены къ короннымъ владѣніямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ провинцій были впослѣдствіи возвращены англій-

---

[1]) См. извлеченіе изъ интереснаго разсказа Матвѣя Парижскаго въ *Select Charters*, стр. 270 и слѣд.: In hac coronatione rex Iohannes *triplici* involutus est sacramento; quod videlicet sanctam ecclessiam et ejus ordinatos diligeret et eam ab incursione malignantium indemnem conservaret, et quod, perversis legibus destructis, bonas substitueret, et rectam justitiam im regno Angliae excerceret.

[2]) ...nisi in mente habeat opere quod juraverat adimplere. Тамъ же.

[3]) Іоаннъ былъ вассаломъ французскаго короля по своимъ владѣніямъ на континентѣ: Нормандіи и многимъ другимъ.

скимъ королямъ, но Нормандія навсегда была присоединена къ Франціи. Утрата владѣній англійскихъ королей во Франціи имѣла благотворное значеніе для Англіи. Блакстонъ и Маколэй одинаково признаютъ, что чрезъ это англійская народность пріобрѣла новыя условія свободнаго развитія, и вниманіе самихъ королей по необходимости обратилось къ внутреннимъ дѣламъ страны. Но если англичане въ XVIII и XIX вѣкѣ могли такъ трезво судить объ этихъ событіяхъ, то въ данный моментъ рѣшеніе Филиппа-Августа нанесло тяжкій ударъ власти Іоанна въ самой Англіи. Іоаннъ рѣшился отстаивать свои права силою оружія. Попытки его были, однако, неудачны и требовали только усиленныхъ налоговъ и субсидій, которые увеличивали общее раздраженіе. Оно усиливалось еще тѣмъ, что послѣ завоеванія Нормандіи, Пуату и Анжу Филиппомъ-Августомъ, многіе изъ вассаловъ англійскаго короля бѣжали въ Англію и находили здѣсь болѣе чѣмъ радушный пріемъ Іоанна. При холодности отношеній послѣдняго къ мѣстной аристократіи, „пуатевинцы" образовали кругъ его личныхъ друзей; имъ доставались должности, конфискованные или вакантные лены, выгодныя невѣсты.

Дерзость и жадность новыхъ любимцевъ раздражали всѣ классы одинаково. Неудовольствіе зашло такъ далеко, что недоставало только лица, которое могло бы сдѣлаться его выразителемъ и органомъ. Такимъ лицомъ явился природный англичанинъ Стефанъ Лангтонъ, избранный въ 1207 году въ примасы королевства.

Въ 1205 году умеръ бывшій архіепископъ кентерберійскій, извѣстный намъ Губертъ Вальтеръ. Онъ, вмѣстѣ съ опытнымъ юстиціаріемъ Фитцъ-Петеромъ, правилъ государствомъ въ первые годы царствованія Іоанна. Они же поддерживали, сколько могли, миръ въ королевствѣ и въ церкви. Послѣ смерти Губерта, кентерберійская каѳедра два года оставалась вакантною. Наконецъ, въ 1207 году на нее былъ избранъ англичанинъ Стефанъ Лангтонъ, соученикъ и другъ могущественнаго тогда папы Иннокентія III. Король отказался утвердить его. Земли, принадлежащія къ каѳедрѣ, и доходы съ кентерберійскаго монастыря остались въ казенномъ управленіи. Но Иннокентій, утвердившій выборъ, не склоненъ былъ терпѣть сопротивленіе, котораго онъ не сносилъ въ государяхъ болѣе могущественныхъ и твердыхъ, чѣмъ Іоаннъ. По его приказу, епископы лондонскій, элійскій и ворчестерскій явились къ королю и объявили ему, что если Лангтонъ не будетъ признанъ и допущенъ къ отправленію своихъ обязанностей, то на королевство будетъ наложенъ интердиктъ и самъ король отлученъ отъ церкви [1]). Королю пред-

[1]) Послѣдствія интердикта, какъ извѣстно, состояли въ томъ, что отправленіе

стояло начать борьбу, болѣе серьезную, чѣмъ была борьба Генриха II съ Ѳомою Бекетомъ. Не имѣя силы характера своего отца, онъ не задумался, однако, принять вызовъ.

Въ апрѣлѣ 1208 года интердиктъ былъ наложенъ на Англію [1]). Король, съ своей стороны, велѣлъ конфисковать имущества духовенства [2]). Папа, ad exstirpandum radicitus ecclesiae scandalum, велѣлъ отлучить отъ церкви самого короля (1209). Два года продолжалось это трудное положеніе. Король вымогалъ деньги на войну съ Филиппомъ-Августомъ съ духовенства и съ другихъ сословій; окруженный злыми и неправедными совѣтниками (consiliariis iniquissimis), которые потакали его произволу [3]), онъ не зналъ границъ своей власти. Интердиктъ и отлученіе, какъ это обыкновенно бывало въ средніе вѣка, не были средствами цѣлительными: они только усиливали бѣдствія страны. Въ 1211 году, папа прислалъ въ Англію двухъ легатовъ: Пандульфа и Дуранда, для примиренія короля съ архіепископомъ, находившимся въ изгнаніи. Попытка примиренія не привела ни къ какому результату. Пандульфъ торжественно разрѣшилъ подданныхъ короля отъ присяги [4]) и удалился. Послѣ такого шага оставалось только низложить короля. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году папа, „тронутый бѣдствіями Англіи“ (prorter desolationem regni Angliae), рѣшился на этотъ шагъ, и Филиппъ-Августъ, по предложенію Иннокентія III, готовъ былъ предпринять дѣло Вильгельма Завоевателя.

Іоаннъ смирился и, перейдя отъ вызывающей дерзости къ безграничному повиновенію, совершилъ дѣло, небывалое въ лѣтописяхъ Англіи. Въ 1213 году онъ принесъ папскому легату Пандульфу ленную присягу папѣ и обратилъ Англію въ ленъ папскаго престола. Архіепископъ Лангтонъ былъ допущенъ въ Англію и вступилъ въ свою должность.

Этимъ поступкомъ Іоаннъ примирился съ папой и отклонилъ отъ себя на время грозу со стороны Франціи. Но внутреннія затрудненія не были устранены. Съ одной стороны, чувство униженія, уже пережитаго Англіею, усилилось новымъ оскорбленіемъ—признаніемъ ленной зависимости страны отъ папскаго престола. Съ другой стороны, союзъ короля съ папой былъ угрозою для вольностей Англіи.

богослуженія останавливалось во всемъ королевствѣ, за исключеніемъ крещенія младенцевъ и причащенія умирающихъ.

[1]) *Select Charters*, стр. 273.

[2]) Тамъ же, стр. 274.

[3]) ...qui regi in omnibus placere cupientes, consilium non pro ratione sed pro voluntate dederunt. Тамъ же, стр. 275.

[4]) ...a fidelitatibus suis et homagio. Тамъ же.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Лангтонъ, природный англичанинъ, знатокъ правъ и обычаевъ своей страны, уважаемый во всѣхъ классахъ народа, сдѣлался органомъ послѣдняго въ борьбѣ съ королемъ. Онъ указалъ и на почву для общаго дѣйствія. Старые обычаи и забытая хартія Генриха I Боклерка (1100 г.; см. выше, стр. 83) сдѣлались теперь такимъ же лозунгомъ, какъ „земскіе чины" во Франціи, въ концѣ XVIII вѣка.

Самъ Іоаннъ, помирившись съ папою, обратилъ все свое вниманіе на внѣшнюю политику, думая отомстить Филиппу-Августу и поддержать претензію своего племянника Оттона на императорскую корону [1]). Но войска послѣдняго, шедшія на Францію съ сѣвера, потерпѣли жестокое пораженіе при Бувинѣ (1214 года). Испуганный Іоаннъ, находившійся въ Пуату, поспѣшно возвратился въ Англію. Здѣсь онъ думалъ упрочить свое положеніе разными уступками. Онъ объявилъ и подтвердилъ полную свободу церковныхъ выборовъ [2]), объявилъ, что идетъ въ крестовый походъ и принялъ крестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ новой присяги отъ своихъ подданныхъ, за три года разрѣшенныхъ отъ нея во время церковной распри; эти мѣры должны были внести раздвоеніе въ партіи враговъ короля. Но духовенство и бароны, одинаково руководимые Лангтономъ, остались въ согласіи. На требованіе присяги они отвѣчали требованіемъ хартіи и приготовленіями къ войнѣ. Ополченіе ихъ, названное „войскомъ Бога и Святой Его Церкви", готовилось къ наступленію. Въ немъ участвовали и граждане Лондона. Друзья короля были немногочисленны и безсильны.

Король обѣщалъ разсмотрѣть требованія и дать на нихъ отвѣтъ. Въ день, назначенный для отвѣта (27 апрѣля 1215), бароны, со своими ополченіями, собрались въ Брэклеѣ. Король, находившійся въ Оксфордѣ, объявилъ, что готовъ выслушать ихъ жалобы и требованія. Но, вмѣсто отвѣта, онъ предложилъ посредничество папы и 8 лицъ, изъ коихъ 4 были бы выбраны баронами, а 4—назначены имъ. Отвѣтъ долженъ былъ послѣдовать 10 мая. Въ этомъ пріемѣ ясно

---

[1]) Оттонъ (IV) одинъ изъ двухъ императоровъ, избранныхъ двумя враждебными нѣмецкими партіями нѣмецкихъ князей послѣ смерти Генриха VI (1190 — 1197). Гогенштауфенская партія избрала младшаго брата Генриха VI—Филиппа-Швабскаго, гвельфская—Оттона, третьяго сына Генриха-Льва, герцога баварскаго и саксонскаго. Двоецарствіе продолжалось съ 1198 по 1208, когда Филиппъ погибъ насильственною смертью. Но въ 1212 Оттонъ былъ низложенъ папой Иннокентіемъ III, поддержаннымъ и французскимъ королемъ. Императорская корона досталась сыну Генриха VI—знаменитому впослѣдствіи Фридриху II. Но Оттонъ надѣялся возвратить себѣ престолъ при поддержкѣ англійскаго короля.

[2]) *Select Charters*, стр. 288 и слѣд.

было желаніе Іоанна выиграть время. Поэтому уже 5 мая бароны отказались отъ повиновенія королю и начали междоусобную войну. Королевскіе замки одинъ за другимъ переходили въ руки ополченія; 24 мая бароны торжественно вошли въ Лондонъ, при громкихъ привѣтствіяхъ горожанъ. Король былъ лишенъ власти и столицы. Онъ рѣшился вступить въ переговоры съ возставшими.

Съѣздъ и свиданіе были назначены на 9 іюня, но отложены до 15. Въ этотъ навсегда памятный въ исторіи Англіи день королю были предложены статьи (capitula), заключавшія въ себѣ изложеніе требованій бароновъ и проектъ хартіи [1]). Король утвердилъ и то и другое на упомянутомъ съѣздѣ, происходившемъ на лугу (in prato), называемомъ Рунимедъ (quod vocatur Runingmede), на правомъ берегу Темзы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Виндзора.

IV. Великая Хартія, въ отличіе отъ прежнихъ хартій, была *мирнымъ договоромъ*, заключеннымъ между двумя воевавшими сторонами. Хартія Генриха I была актомъ королевскаго пожалованія. „Свидѣтели", подписавшіеся на ней, удостовѣряли только ея подлинность. Напротивъ, соблюденіе Великой Хартіи обезпечивается *двустороннею* клятвою короля и бароновъ: Juratum est autem *tam* ex parte nostra (regis) *quam* ex parte baronum, quod haec omnia supradicta bona fide et sine malo ingenio observabuntur [2]). Для наблюденія за исполненіемъ хартіи образованъ былъ комитетъ изъ 25 бароновъ, съ правомъ послѣднихъ, въ случаѣ нарушенія хартіи, секвестровать королевскіе замки, земли и другія владѣнія, не касаясь личности короля, королевы и ихъ дѣтей [3]).

Въ этой средневѣковой формѣ было внесено въ англійское устройство начало ограниченія королевской власти, принципъ закономѣрнаго повиновенія,—словомъ, начало нѣкотораго государственнаго договора, опредѣляющаго взаимныя отношенія управляющихъ и управляемыхъ.

Общее государственное значеніе Великой Хартіи выразилось въ ея *содержаніи*. „Золотая Булла" Андрея II Венгерскаго (1222) подтверждаетъ и опредѣляетъ права *магнатовъ*, но не говоритъ о какихъ-либо вольностяхъ прочихъ классовъ населенія. Напротивъ, Великая Хартія въ первой статьѣ, послѣ подтвержденія правъ и вольности церкви, содержитъ слѣдующее общее постановленіе:

„Даруемъ также *всѣмъ свободнымъ людямъ* нашего королевства,

---

[1]) Статьи (Capitula quae Barones petunt et dominus Rex concedit) и хартію см. въ *Select Charters*, стр. 290—306.

[2]) Хартія, ст. 63.

[3]) Capitula, ст. 49; Хартія, ст. 61.

за насъ и наслѣдниковъ нашихъ, на вѣчныя времена (in perpetuum), всѣ нижеприписанныя вольности, которыя они и ихъ наслѣдники будутъ имѣть и коими будутъ пользоваться отъ насъ и наслѣдниковъ нашихъ".

Конечно, при исчисленіи этихъ „вольностей", при *сословномъ* тогда строѣ англійскаго народа, большинство постановленій должно было касаться сословныхъ и феодальныхъ отношеній. Но, во-первыхъ, и въ самой хартіи многія статьи касаются обезпеченія общихъ вольностей и начинаются со словъ: liber homo [1]), nullus liber homo [2]), или просто: nullus [3]), или liceat unicuique [4]) и т. д. Во-вторыхъ, нѣкоторыя статьи сословнаго характера имѣли въ дѣйствительности общее значеніе, какъ, напримѣръ, статьи 12 и 14 о субсидіяхъ и щитовыхъ деньгахъ. Въ-третьихъ, съ видоизмѣненіемъ строя англійскаго общества, жизненное значеніе получило главнымъ образомъ то, что̀ касалось liberi homines вообще, причемъ этотъ терминъ имѣлъ дѣйствительный смыслъ въ условіяхъ англійскихъ учрежденій.

V. Въ отдѣльности постановленія Великой Хартіи содержатъ въ себѣ:

1. Ограниченіе ленныхъ правъ короля, въ особенности тѣхъ, которыя были орудіемъ злоупотребленій и вымогательства, именно правъ по опекѣ, по отдачѣ замужъ вдовъ и сиротъ, относительно relevium'a и субсидій.

2. Особое подтвержденіе правъ и вольностей какъ Лондона, такъ и прочихъ городовъ и мѣстечекъ [5]).

3. Обезпеченіе личной свободы отъ произвольнаго примѣненія карательной власти короля и его должностныхъ лицъ. Сюда относится знаменитая 39 статья, въ силу которой никакой свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, наказанъ или заключенъ въ тюрьму иначе, какъ по приговору себѣ равныхъ или по законамъ страны [6]). Сюда же относится постановленіе, что судъ обязанъ каждому оказывать правосудіе, въ которомъ никому не можетъ быть отказано и которое не можетъ быть ни отложено, ни продано [7]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, хартія постановляетъ ограниченіе административно-

---

[1]) Ст. 20, 27, 34.

[2]) Ст. 39.

[3]) Ст. 16, 54.

[4]) Ст. 42.

[5]) Ст. 13.

[6]) Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur..., aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicium parium suorum vel (et) per legem terrae.

[7]) Ст. 40. Nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus rectum aut justitiam.

карательной власти короля, т.-е. право штрафовъ, amerciaments, которою злоупотребляли короли и самъ Іоаннъ Безземельный [1]).

4. Ограниченіе финансовыхъ правъ короля, т.-е. наложеніе произвольныхъ сборовъ съ вассаловъ. Во-первыхъ, въ хартіи подтверждаются размѣры повинностей, кои вассалы и города обязаны давать королю. Во-вторыхъ, относительно чрезвычайныхъ пособій, хартія постановляетъ, что король можетъ требовать вспомоществованія отъ вассаловъ въ трехъ случаяхъ: 1) при посвященіи старшаго сына его въ рыцари; 2) при выдачѣ старшей его дочери замужъ; 3) въ случаѣ плѣна короля, для выкупа. Въ остальныхъ случаяхъ всякія вспомоществованія могутъ быть наложены на вассаловъ только съ ихъ согласія [2]). Король обязался созывать вассаловъ и испрашивать ихъ согласія въ двухъ случаяхъ: 1) для взиманія чрезвычайныхъ пособій (auxilium), за исключеніемъ трехъ случаевъ, указанныхъ выше; 2) для установленія, вмѣсто воинской ленной повинности денежнаго сбора (scutagium). Въ этихъ двухъ случаяхъ король обязался приглашать въ общій совѣтъ (commune consilium) высшихъ вассаловъ и высшее духовенство личными письмами, а прочихъ—чрезъ указы, на имя шерифовъ [3]).

5. Великая Хартія обезпечиваетъ свободу передвиженія и выѣзда въ другія государства, столь важную для торговли и промысловъ [4]).

6. Въ видѣ обезпеченія силы Великой Хартіи, она была утверждена присягой какъ королемъ, такъ и вассалами. Такимъ образомъ, она была возведена на степень основного договора, опредѣляющаго отношенія между королемъ и націею. Но для реальнаго обезпеченія означеннаго договора былъ учрежденъ особый наблюдательный комитетъ изъ 25 бароновъ (со включеніемъ мэра города Лондона). Комитетъ долженъ былъ наблюдать за исполненіемъ Великой Хартіи и, въ случаѣ ея нарушенія, призывать вассаловъ къ сопротивленію, съ правомъ занимать королевскіе замки и земли (не касаясь особы короля, его супруги и дѣтей), пока ихъ законныя требованія не будутъ удовлетворены. Эта мѣра, очевидно, была организаціею

---

[1]) Штрафы должны были соотвѣтствовать мѣрѣ вины и быть налагаемы съ участіемъ сосѣдей обвиняемаго—per sacramentum proborum hominum de visneto (vicinitas). Для бароновъ установлена бо́льшая гарантія: comites et barones non amercientur nisi per pares suos, et non nisi secundum modum delicti. Ст. 20, 21.

[2]) Ст. 12. Nullum scutagium vel auxilium ponatur in regno nostro, nisi per commune consilium regni nostri, nisi ad corpus nostrum redimendum, et primogenitum filium nostrum militem faciendum, et ad filiam nostram primogenitam semel maritandam, etc.

[3]) Ст. 14.

[4]) Ст. 41, 42.

средневѣковаго права возстанія и сдѣлалась безполезною съ развитіемъ парламентскихъ учрежденій.

Великая Хартія, по словамъ Галлама [1]), доселѣ остается краеугольнымъ камнемъ англійской свободы; все сдѣланное впослѣдствіи было только дополненіемъ, комментаріемъ къ этому акту [2]). Въ этихъ словахъ много справедливаго; въ Великой Хартіи выразился извѣстный minimum тѣхъ политическихъ требованій, какія выработались въ англійской націи. Все остальное наростало на этотъ первоначальный кристаллъ. Но это наростаніе далеко не было простымъ механическимъ процессомъ; напротивъ, существо англійской свободы и англійскихъ учрежденій измѣнялось подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій національной жизни.

VI. Сходная по формѣ и въ частностяхъ содержанія съ другими средневѣковыми хартіями, дававшимися разнымъ „чинамъ", Великая Хартія получила значеніе *національнаго* акта, сдѣлавшагося исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія конституціонныхъ учрежденій въ Англіи. Но именно вслѣдствіе первостепеннаго значенія своего, Великая Хартія могла получить практическое примѣненіе только послѣ долгой борьбы между королевскою властью и господствующими классами. Уже самъ Іоаннъ Безземельный отказался отъ хартіи, которую поклялся соблюдать. Онъ былъ поддержанъ папой, для котораго ленная зависимость Іоанна была, конечно, выгоднѣе національной свободы Англіи: Иннокентій III поспѣшилъ освободить короля отъ присяги (24 августа 1215 года) и въ разрѣшительной буллѣ Великая Хартія называется „унизительнымъ, отвратительнымъ, позорнымъ и неправеднымъ договоромъ"; виновники его были объявлены хуже сарацинъ; Лангтонъ былъ суспендированъ. Папская булла придала бодрости Іоанну и его приверженцамъ. Со всѣхъ сторонъ собиралось королевское ополченіе. Комитетъ 25 бароновъ [3]) въ отчаяніи обратился къ иноземной помощи, предложивъ англійскую ко-

---

[1]) Назв. соч., II, стр. 83 и слѣд.

[2]) Такое же значеніе придавалъ Великой Хартіи и лордъ Чатамъ (Питтъ Старшій). „Вашимъ предкамъ, англійскимъ баронамъ,—говорилъ онъ въ палатѣ лордовъ,—обязаны мы нашими законами и учрежденіями. Ихъ добродѣтели были грубы и неразвиты, но велики и прямы. Ихъ разумъ не былъ утонченъ подобно вашимъ нравамъ, но они имѣли довольно сердца, чтобы различать право отъ неправа, достаточно толку, чтобы раздѣлить истинное отъ ложнаго; они поняли человѣческія права и имѣли достаточно мужества, чтобы постоять за нихъ". Чатамъ указывалъ на обще-національное значеніе постановленій Великой Хартіи. Бароны, говоритъ онъ, не присвоили выговоренныхъ ими правъ себѣ однимъ, но сдѣлали ихъ общимъ благомъ и достояніемъ всего народа.

[3]) Личный составъ этого комитета см. въ *Select Charters*, стр. 306.

рону Людовику, французскому наслѣдному принцу. Людовикъ принялъ предложеніе и вторгся въ Англію.

Только смерть Иннокентія III (16 іюля 1216) и самого Іоанна (19 октября 1216) остановила развитіе междоусобія, усложненнаго иноземнымъ вмѣшательствомъ. На англійскомъ престолѣ былъ теперь беззащитный ребенокъ, девятилѣтній Генрихъ III. Правителемъ государства и опекуномъ короля былъ назначенъ вліятельный и всѣми уважаемый Вильямъ Маршалъ, графъ Пемброкъ. Ему удалось короновать малолѣтняго Генриха и привлечь на его сторону многихъ изъ враговъ Іоанна. Сверхъ того, графъ поспѣшилъ возстановить силу Великой Хартіи (12 ноября 1216), но съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями. Но Людовикъ Французскій не думалъ отказываться отъ своихъ правъ. У него были приверженцы, было и войско. Успѣхи его на нѣкоторое время поставили въ опасность тронъ Генриха. Только въ слѣдующемъ году дѣло было выиграно въ его пользу. Въ битвѣ подъ Линкольномъ (20 мая 1217) королевскія войска разбили армію и приверженцевъ Людовика; затѣмъ 24 августа англійскій флотъ, подъ предводительствомъ Губерта де-Бурга уничтожилъ морскія силы претендента. Пемброкъ вошелъ въ Лондонъ, и вслѣдъ затѣмъ начались переговоры о мирѣ, который, наконецъ, былъ заключенъ 11 сентября въ Ламбетѣ, при содѣйствіи папскаго легата Гуало (Gualo).

Всеобщее замиреніе сопровождалось новымъ подтвержденіемъ Великой Хартіи, съ нѣкоторыми измѣненіями и изданіемъ новой Хартіи о лѣсахъ (charta de foresta).

Редакція Великой Хартіи 1217 можетъ быть признана окончательною [1]).

Существеннѣйшее измѣненіе въ Великой Хартіи по редакціямъ 1216 и 1217 годовъ состояло въ устраненіи ея *конституціонныхъ*, такъ сказать, постановленій, касавшихся субсидій и щитовыхъ денегъ, созыва commune consilium и наблюдательнаго комитета 25 бароновъ [2]). Къ этимъ началамъ возвратились впослѣдствіи, послѣ долгой борьбы. Но въ данную минуту было бы трудно осуществить ихъ въ формѣ, установленной Великою Хартіею. Commune consilium, по 14 ст., долженъ былъ состоять изъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и великихъ бароновъ, приглашаемыхъ поименно королевскими письмами (sigillatim per litteras nostras); затѣмъ остальныхъ tenentes in capite (т.-е. „малыхъ бароновъ") должно было созывать общимъ приказомъ чрезъ шерифовъ и бальи. Въ этомъ видѣ,

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 27.

[2]) Ст. 12, 14, 61.

при многочисленности бароновъ и прочихъ tenentes, commune consilium обратился бы, по замѣчанію Гнейста, не въ учрежденіе народнаго представительства, а въ польскій сеймъ. Затѣмъ наблюдательный комитетъ былъ учрежденіемъ, имѣвшимъ свое значеніе послѣ междоусобной войны; но онъ не могъ быть введенъ въ составъ установленій постоянныхъ, ибо онъ отдалъ бы страну въ руки олигархіи, вооруженной правомъ возстанія. Цѣль же Пемброка состояла въ утвержденіи нормальныхъ учрежденій, способныхъ успокоить страну.

Кромѣ подтвержденія Великой Хартіи, другимъ средствомъ успокоенія страны явилось болѣе точное опредѣленіе границъ королевскихъ лѣсовъ, которыя были часто распространяемы на чужія земли, смягченіе строгихъ законовъ объ охотѣ, устройство способовъ лучшаго завѣдыванія лѣсами и т. д. Для этой цѣли была предназначена Хартія о лѣсахъ (6 ноября 1217 года), представляющая во многихъ отношеніяхъ благопріятный контрастъ такой же хартіи Генриха II [1]).

VII. Умиротвореніемъ страны закончилось дѣло графа Пемброка; чрезъ два года послѣ того онъ умеръ. Съ нимъ вмѣстѣ сошла со сцены партія, державшаяся политики примирительной. Сотрудникъ его, легатъ кардиналъ Гуало, уѣхалъ въ Италію. Королевство опять могло подпасть иноземному вліянію, съ одной, и сдѣлаться жертвою внутреннихъ смутъ, съ другой стороны. Папскимъ легатомъ, по отъѣздѣ Гуало, сдѣлался знакомый намъ Пандульфъ, честолюбивый и пронырливый. Но Лангтону, возвращенному въ 1218 г. на свое мѣсто, удалось добиться отозванія легата и обѣщанія, что при его жизни не будетъ назначено другого (1221 г.; Лангтонъ умеръ въ 1228 г.).

Оставалось, однако, еще много элементовъ раздора внутри страны. Еще жива была старая феодальная партія, предводительствуемая Вильгельмомъ Омалемъ (Aumale), Петромъ Маулеемъ и другими. Дѣло графа Пемброка перешло въ руки человѣка меньшихъ достоинствъ, но твердаго и опытнаго, Губерта де-Бурга, истребившаго флотъ Людовика Французскаго. Вмѣстѣ съ Петромъ де-Рошъ (новымъ опекуномъ короля и винчестерскимъ епископомъ) выступили они противъ внутреннихъ партій и всѣми силами старались утвердить власть молодого короля. Въ 1220 году они снова короновали его. Затѣмъ строгими мѣрами старались возстановить порядокъ, нарушаемый частными возстаніями. Были, впрочемъ, по-

---

[1]) *Select Charters*, стр. 348—351. „Ассизы о лѣсахъ“ при Генрихѣ II см. тамъ же, стр. 157 и слѣд.

воды къ общему неудовольствію. Казна, обѣднѣвшая при смутахъ прежняго времени, вынужденная теперь нести бремя новыхъ экспедицій противъ мятежниковъ и противъ Франціи (по поводу Гаскони), нуждалась въ чрезвычайныхъ средствахъ. Они могли быть доставлены только новыми субсидіями и сборами [1]). Народъ и вассалы роптали. Наконецъ, на Рождество въ 1224 году, юстиціарій потребовалъ отъ собранія бароновъ 15-ую долю движимыхъ имуществъ. Собраніе согласилось только подъ условіемъ новаго подтвержденія Хартіи.

Хартія была подтверждена 11 февраля 1225 года въ новой редакціи, безъ измѣненія ея содержанія. Существенная перемѣна состояла въ томъ, что въ отличіе отъ Великой Хартіи, имѣвшей форму *договора*, Хартія 1225 являлась добровольнымъ *пожалованіемъ* короля [2]). Можетъ быть, эта перемѣна имѣла цѣлью примирить короля съ Хартіею и связать его совѣсть. Цѣль эта, какъ увидимъ ниже, не была достигнута.

Чрезъ два года Генрихъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ. Сверхъ естественнаго стремленія къ самостоятельности, король руководился и совѣтами Губерта де-Бурга, видѣвшаго въ епископѣ—опекунѣ короля—опору для иноземныхъ вліяній, усиливавшихся при королевскомъ дворѣ. Но первые шаги эманципированнаго короля не обѣщали спокойныхъ дней въ будущемъ. Великая Хартія, при этомъ торжественномъ случаѣ, не была подтверждена; Хартія о лѣсахъ была отмѣнена. Единственнымъ выигрышемъ національной партіи было удаленіе Петра де-Роша, который отправился въ крестовый походъ, изъ коего онъ вернулся только въ 1231 году. Затѣмъ управленіе осталось въ рукахъ Губерта де-Бурга, который дѣйствовалъ по прежнимъ началамъ.

Но и онъ не могъ сдерживать возраставшаго неудовольствія. Безмѣрныя и часто унизительныя требованія Рима и возраставшее вліяніе иноземныхъ любимцевъ короля вызывали оппозицію, руководителемъ которой былъ Ранульфъ, графъ Честерскій. Король самъ усилилъ элементы недовольства.

Въ 1231 году явился изъ крестоваго похода Петръ Винчестерскій. Прибытіе его послужило сигналомъ къ паденію Губерта де-Бурга. Мѣсто его было отдано бывшему „крестоносцу“, въ которомъ король нашелъ болѣе орудіе, нежели совѣтника. Послушное орудіе было нужно ему, во-первыхъ, для содѣйствія его иноземнымъ

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 36 и слѣд.

[2]) Spontanea et bona voluntate nostra dedimus et concessimus... *Select Charters*, стр. 353.

любимцамъ, во-вторыхъ —для тѣхъ плановъ внѣшней политики, которые манили короля.

VIII. Симпатіи и замыслы Генриха III клонились въ такую сторону, куда не могли слѣдовать за нимъ желанія его подданныхъ, и вовсе не вытекали изъ внутреннихъ условій Англіи. Поэтому здѣсь должно показать предметы этой политики, непонятной и несочувственной англичанамъ XIII вѣка.

Мать короля, вдовствующая королева, вышла замужъ за одного изъ бароновъ Пуату, и ея вліянія было достаточно, чтобы вовлечь короля въ нескончаемыя распри съ Франціею. Затѣмъ его сестра, Изабелла, вышла замужъ (1235) за германскаго императора Фридриха II (Гогенштауфена). Этимъ бракомъ король думалъ пріобрѣсти поддержку въ императорѣ, такъ же, какъ, съ другой стороны, онъ имѣлъ ее въ папѣ, въ качествѣ его вассала (см. выше). Наконецъ, чрезъ собственный свой бракъ (1236) съ Элеонорой Прованской, онъ сдѣлался близкимъ свойственникомъ Людовика IX (Святого) Французскаго [1]). Эти союзы привлекли вниманіе Генриха къ континентальной политикѣ, стоившей такъ много его народу и ему самому. Затѣмъ наплывъ иноземцевъ, особенно изъ Пуату (poictevins), осыпаемыхъ милостями, награждаемыхъ мѣстами, доходами и довѣріемъ, раздражалъ національное чувство всѣхъ классовъ общества.

Епископъ винчестерскій, такъ искусно устранившій Губерта де-Бурга, не былъ столь же счастливъ въ отношеніи къ національной оппозиціи. На требованіе субсидій бароны отвѣчали отказомъ, собрались подъ предводительствомъ Ричарда, графа Пемброка (сына регента) и начали междоусобную войну. Графъ былъ смертельно раненъ и умеръ въ темницѣ (1234). Но чрезъ нѣсколько дней послѣ пораженія Пемброка, въ новомъ совѣтѣ, Эдмундъ Святой, примасъ королевства, пригрозилъ королю отлученіемъ и, поддержанный баронами, потребовалъ отставки Петра де-Роша.

Король долженъ былъ уступить. Но ходъ дѣлъ не измѣнился къ лучшему. Отпустивъ своего довѣреннаго совѣтника, онъ рѣшился обходиться безъ оффиціальныхъ совѣтниковъ. Коронныя должности не замѣщались; номинально король управлялъ самъ. Но онъ подчинялся всевозможнымъ вліяніямъ, кромѣ національнаго. Оппозиція также не умолкала. Ею теперь руководили два духовныхъ лица: Св. Эдмундъ, архіепископъ, и Робертъ Гросстестъ (Grosseteste), вы-

[1]) Элеонора была дочь Раймунда Беренгара IV Прованскаго и сестра французской королевы. Она была привезена въ Англію своимъ дядею, Вильгельмомъ, епископомъ Валенскимъ, который тотчасъ пріобрѣлъ вліяніе на короля.

дающійся членъ англійскаго духовенства. Ее приходилось выслушивать на совѣтахъ, созываемыхъ по поводу денежныхъ нуждъ, а пренія о субсидіяхъ сопровождались жалобами на дурное управленіе и требованіями подтвержденія Хартіи. Такъ въ 1237 году, по поводу требованія 30-ой деньги, Генрихъ вынужденъ былъ подтвердить какъ Великую, такъ и Лѣсную Хартіи—scilicet tam in magna carta nostra quam in carta nostra de foresta [1]).

Но подтвержденіе Хартій не измѣняло управленія на дѣлѣ. Увлекаемый своими планами внѣшней политики, король вовлекалъ страну въ тяжкія жертвы. Двойственныя его отношенія къ папѣ и къ императору привели къ тому, что когда Иннокентій IV низложилъ Фридриха II, Англія, какъ папскій ленъ, должна была поплатиться тяжкими приношеніями дѣлу св. Петра. Король безропотно принималъ приказанія папы, вовлекавшія его въ устройство новыхъ экспедицій, заставлявшія его поддерживать дѣла, чуждыя Англіи, между тѣмъ какъ на границахъ страны возникали важныя затрудненія со стороны Уэльса и Шотландіи. На совѣтахъ грознѣе и грознѣе раздавались голоса, требовавшіе устраненія папской тиранніи, законнаго управленія и соблюденія Хартій.

Но оппозиція не имѣла еще центра и вождя, подобнаго Лангтону. Силы ея были уже велики, но дѣйствія безпорядочны; цѣли были намѣчены, но не было найдено общей формулы для ихъ выполненія. Въ эту критическую минуту Англія нашла себѣ вождя въ лицѣ Симона, графа Монфорскаго и Лейчестерскаго. Симонъ не былъ природнымъ англичаниномъ, подобно Лангтону, но судьба связала его имя съ важнѣйшимъ теперь элементомъ англійскаго парламента, т.-е. съ *палатою общинъ*.

IX. Симонъ Монфорскій [2]) былъ младшій сынъ Симона IV Монфора, извѣстнаго предводителя католическаго ополченія въ крестовомъ походѣ противъ альбигойцевъ. Замокъ Монфоръ находился между Парижемъ и Шартромъ, и Монфоры издавна принадлежали къ числу вѣрнѣйшихъ вассаловъ королей французскихъ. Во время борьбы Людовика VI (Толстаго) съ Генрихомъ Боклеркомъ, Амори IV Монфоръ, вмѣстѣ съ своими родственниками, бился въ рядахъ французскихъ войскъ, побѣжденныхъ, однако, Боклеркомъ (1124). Сынъ Амори, Симонъ III, былъ современникомъ Генриха II и вассаломъ его (по Эврё); въ непрекращавшейся борьбѣ Генриха II съ коро-

---

[1]) *Select Charters*, стр. 365.

[2]) Родился въ 1208, убитъ въ 1265. Кромѣ общихъ сочиненій Стёббса, II, стр. 55 и слѣд.; Галлама, *L'Europe au Moyen Age*. II; Ранке, *Englische Geschichte*, I,—должно упомянуть о прекрасной біографіи Симона, соч. Рейнгольда Паули, *Simon von Monfort*, 1867.

лемъ французскимъ Симонъ III по необходимости долженъ былъ лавировать между двумя соперниками и извлекать, по возможности, выгоды изъ ихъ распри. Кажется, онъ и успѣлъ въ этомъ.

Въ то же время онъ, чрезъ свой бракъ съ сестрою могущественнаго вассала Генриха II, графа Роберта Лейчестерскаго, пріобрѣлъ своему потомству права на наслѣдованіе лейчестерскимъ леномъ. Права на Лейчестеръ перешли впослѣдствіи на второго сына Симона III, т.-е. на крестоносца Симона IV. Іоаннъ Безземельный утвердилъ его въ этихъ правахъ; по смерти его матери, лейчестерскій ленъ былъ раздѣленъ между графомъ Винчестерскимъ и Монфоромъ. Но онъ не вступалъ во владѣніе этимъ леномъ, который долженъ былъ дать такую знаменитость его сыну. Военные успѣхи Симона IV принадлежали континенту. Носились слухи, что англійскіе бароны, находившіеся уже въ распрѣ съ Іоанномъ (1210), предлагали ему корону. Въ силу ли этихъ слуховъ, или потому, что Симонъ, какъ предводитель крестоносцевъ въ альбигойской войнѣ, громилъ Раймунда VI Тулузскаго, свойственника Іоанна, но послѣдній лишилъ Монфора его лена, отдавъ его графу Честерскому. Симонъ, однако, долго не выключалъ изъ своего титула названіе лена, котораго онъ никогда не видѣлъ. Онъ исключилъ его впослѣдствіи, вѣроятно по требованію папы, какъ леннаго господина Англіи.

Старшій сынъ Симона — Амори, достигшій высшихъ должностей при французскомъ дворѣ, назывался коннетаблемъ Франціи, графомъ Монфорскимъ и Лейчестерскимъ. Но дѣйствительное владѣніе леномъ оставалось за Ранульфомъ Честерскимъ. Послѣ его смерти (1232) и заключенія мира съ Франціею (1231), Генрихъ III возстановилъ владѣніе леномъ въ родѣ Монфоровъ; Амори уступилъ его своему младшему брату, Симону. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ молодой Симонъ могъ вступить въ дѣйствительное владѣніе своими замками.

Пребываніе его въ Англіи началось съ приключеній болѣе романическаго, чѣмъ политическаго характера. Статный, храбрый и красивый рыцарь [1]) плѣнилъ сестру короля — Элеонору, овдовѣвшую по смерти перваго своего мужа, Вильяма Пемброка Младшаго (1231). Монфоръ былъ увлеченъ ею. Король ничего не имѣлъ противъ брака. Но Элеонора, по смерти мужа, дала обѣтъ, въ присутствіи двухъ прелатовъ, постричься. Однако, основываясь на томъ, что Элеонора еще не надѣла кольца, обручавшаго ее Христу, король согласился на бракъ и даже самъ велъ невѣсту къ вѣнцу. Бракъ совершился тайно, 7 января 1238 года, въ придворной капеллѣ.

[1]) **Паули, ук. соч. стр. 30, прим. 3.**

Свойственникъ одновременно короля и нѣмецкаго императора, графъ Лейчестеръ могъ, казалось, пріобрѣсти большое значеніе въ своемъ новомъ отечествѣ. Но въ глазахъ англійскихъ бароновъ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ иноземныхъ любимцевъ, которые были имъ такъ ненавистны; въ глазахъ духовенства, сверхъ того, бракъ Лейчестера представлялся не-каноническимъ. Наконецъ, и самъ графъ мало думалъ о пріобрѣтеніи политическаго вліянія. Ближайшею его цѣлью было—получить для своей жены разрѣшеніе отъ произнесеннаго ею обѣта. Это было необходимо и для того, чтобы нѣсколько успокоить поднявшуюся противъ него бурю. Собственный братъ короля, Ричардъ Корнваллійскій, сталъ во главѣ недовольныхъ и готовился къ возстанію; бароны отвергли посредничество папскаго легата и шумно требовали исключенія Лейчестера изъ совѣта короля, куда онъ только-что былъ принятъ.

Лейчестеръ рѣшился лично отправиться въ Римъ. На пути въ „вѣчный городъ" онъ видѣлся съ другимъ своимъ свойственникомъ по женѣ, императоромъ Фридрихомъ II. Незадолго предъ этимъ, императоръ одержалъ блестящую (хотя и безплодную) побѣду надъ миланцами и ихъ союзниками при Кортенуовѣ (1237); теперь онъ осаждалъ Бресчію и Алессандрію. Графъ Симонъ имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Кремонѣ, и, можетъ быть, его ходатайство въ эту минуту имѣло вліяніе и на рѣшеніе римской куріи.

Папа Григорій IX далъ графу диспенсацію 10 мая 1238 года. Въ октябрѣ графъ возвратился въ Англію и былъ ласково принятъ королемъ; въ февралѣ 1239 онъ былъ торжественно введенъ во владѣніе Лейчестерскимъ графствомъ и принятъ въ совѣтъ короля.

Счастливый графъ вступилъ, повидимому, въ кругъ приближенныхъ любимцевъ короля, какъ вдругъ неожиданный поступокъ послѣдняго надолго оттолкнулъ отъ него Симона и явился предвѣстіемъ болѣе серьезныхъ столкновеній.

Въ іюнѣ 1239 года королева подарила своего супруга сыномъ, будущимъ королемъ Эдуардомъ I. Какъ близкій свойственникъ короля и обергофмейстеръ, Симонъ долженъ былъ участвовать въ предстоящихъ торжествахъ. Онъ участвовалъ уже въ крестинахъ принца. Но вдругъ король запретилъ ему и его женѣ (т.-е. своей сестрѣ) не только дальнѣйшее участіе въ церемоніяхъ, но и самое пребываніе въ королевской резиденціи, подъ тѣмъ предлогомъ, что Симонъ долженъ быть отлученъ за незаконный бракъ. Во время объясненій по этому поводу, король жестоко оскорбилъ и свою сестру, и ея мужа. „Ты соблазнилъ мою сестру до брака,—говорилъ онъ послѣднему; узнавъ это, я отдалъ ее тебѣ противъ моей воли, чтобы избѣгнуть

скандала; ты подарками и обѣщаніями купилъ себѣ въ Римѣ диспенсацію“ и т. д.

Объясненіе этой выходки Паули ищетъ въ томъ, что въ 1239 г. (20 марта) послѣдовалъ окончательный разрывъ между папой Григоріемъ IX и императоромъ Фридрихомъ II; противъ послѣдняго произнесено было отлученіе. Хотя Генрихъ III еще недавно поддерживалъ императора, но теперь, предъ грозой папской власти, спѣшилъ очистить себя отъ всякихъ подозрѣній въ сношеніяхъ съ отлученнымъ. Но Симонъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Папская партія при дворѣ настаивала на его устраненіи, и графъ былъ принесенъ ей въ жертву. Вмѣстѣ съ женою своею, онъ нашелъ убѣжище во Франціи, гдѣ онъ оставался до 1240 года.

X. Эта первая размолвка провела уже черту между Симономъ и тѣми „провансальскими“ любимцами короля, на вліяніе которыхъ такъ жаловались въ Англіи. Позднѣйшія отношенія и поведеніе графа утвердили его связь съ національною англійскою партіею. Одинъ изъ главныхъ представителей этой партіи, Робертъ Гросстестъ, линкольнскій епископъ и ученый оксфордскій канцлеръ, завязалъ близкія, дружескія отношенія къ графу и его женѣ. Чрезъ него они сблизились съ могущественнымъ тогда орденомъ францисканцевъ. Епископъ ободрялъ графа и во время постигшаго его несчастія. Его настояніямъ графъ былъ обязанъ возможностью возвратиться въ Англію и ласковымъ пріемомъ при дворѣ.

Но въ теченіе довольно долгаго времени Симонъ не выдвигался на политическое поприще. Едва возвратившись въ Англію, онъ сталъ готовиться къ участію въ крестовомъ походѣ, въ которомъ онъ находился до 1241 г. По возвращеніи въ Англію, онъ засталъ обстоятельства нѣсколько измѣнившимися. Смерть папы Григорія IX (1241) и почти двухлѣтній роздыхъ отъ великой континентальной политики, выдвинули на первый планъ внутренніе вопросы.

Національная партія, утомленная такъ называемымъ личнымъ управленіемъ Генриха III, руководимаго любимцами и свойственниками по женѣ, выражала теперь свои требованія довольно ясно. Она требовала возстановленія значенія государственныхъ должностей, участія въ замѣщеніи ихъ, удаленія „провансальцевъ“, экономіи въ расходахъ и соблюденія хартій. Въ ея стремленіяхъ видѣлись уже черты будущихъ „оксфордскихъ провизій“. Но, вмѣсто того, чтобы воспользоваться роздыхомъ отъ папской политики для разрѣшенія внутреннихъ несогласій, Генрихъ III предпринимаетъ экспедицію противъ Людовика IX, для защиты довольно отвлеченныхъ правъ своихъ на нѣкоторыя провинціи Франціи. Большой совѣтъ отказалъ ему въ субсидіяхъ на экспедицію; тогда король рѣшился предпринять

ее при содѣйствіи нѣкоторыхъ прелатовъ и бароновъ, которыхъ онъ къ тому побудилъ отчасти обѣщаніями, отчасти угрозами. Въ числѣ ихъ находился и Симонъ Монфорскій. Но англійское войско потерпѣло пораженіе (при Таильбургѣ, 1242), и только благодаря мужеству графовъ Лейчестерскаго, Салисберійскаго и Норфолькскаго самъ Генрихъ избѣжалъ плѣна. Съ трудомъ удалось заключить съ Франціею перемиріе на пять лѣтъ.

Король возвратился въ Англію (1243), испытавъ внѣшнюю неудачу и готовясь встрѣтить сильныя неудовольствія внутри. Папскій престолъ былъ занятъ теперь Иннокентіемъ IV, рѣшившимся продолжать политику Иннокентія III и Григорія IX. Борьба съ Фридрихомъ II загорѣлась съ новою силою; императорскія войска были въ Италіи и шли на Римъ, но папа укрылся въ Ліонъ и отсюда произнесъ приговоръ о низложеніи императора (1245), что̀ вызвало сильныя междоусобія въ Германіи и въ Италіи. Но Англія, интересы которой были такъ далеки отъ континентальныхъ раздоровъ, должна была принести тяжкія жертвы, тѣмъ болѣе, что Генрихъ III надѣялся извлечь изъ новыхъ политическихъ комбинацій нѣкоторыя династическія выгоды.

Съ большею еще силою обнаружилось и вліяніе королевскихъ любимцевъ. Если духовенство жаловалось на жадность итальянцевъ, изобрѣтавшихъ всевозможные поборы въ пользу римскаго престола и захватывавшихъ важныя мѣста въ духовной администраціи, то свѣтскіе бароны съ гнѣвомъ видѣли, какъ подымалась власть пришельцевъ. Дядя королевы, Бонифацій, успѣвшій уже занять мѣсто примаса, ея братья, Амедей, графъ Савойскій, Ѳома и Петръ, не только пользовались богатыми доходами, но и вовлекали короля въ путаницу тогдашней континентальной политики; съ 1246 года, когда скончалась Изабелла, мать короля, къ этому кругу прибавились сыновья королевы, Вильгельмъ Валенскій, пожалованный графствомъ Пемброкскимъ, и Эймаръ, возведенный въ санъ винчестерскаго епископа. Ихъ совѣты были пагубны для короля, несмотря на болѣе разумные взгляды королевскаго брата Ричарда Корнвалисскаго.

Вліяніе любимцевъ вызывало дорогія предпріятія и расточеніе казны, а послѣднее требовало созванія большого совѣта, уже получившаго названіе парламента. Требованія парламента, раздраженнаго внѣшнимъ и внутреннимъ положеніемъ страны, становились съ каждымъ годомъ настойчивѣе и тѣмъ больше расходились съ цѣлями королевской политики [1]).

[1]) Стёббсъ, II, стр. 65 и слѣд.

Графъ Симонъ не принималъ еще участія въ распряхъ. Съ 1243 по 1248 годъ онъ жилъ въ уединеніи, поддерживая и развивая свои связи съ духовенствомъ, особенно же съ францисканцами чрезъ Роберта Гросстеста и Адама Марча. Только въ 1248 году король воспользовался его способностями, назначивъ его намѣстникомъ въ Гасконь, гдѣ отношенія вассаловъ къ коронѣ, вслѣдствіе колеблющихся отношеній между Франціею и Англіею, были весьма дурны. Графъ исполнилъ данное ему порученіе съ твердостью и на пользу короля, несмотря на то, что послѣдній, увлекаемый своими иностранными совѣтниками, ставшими на сторону гасконскихъ бароновъ, самъ ставилъ ему препятствія и однажды публично его оскорбилъ. Но Симонъ былъ поддержанъ въ своемъ направленіи Гросстестомъ и Марчемъ. Гасконское намѣстничество оставило въ немъ воспоминаніе о личныхъ несправедливостяхъ короля и его глубоко не-національной политикѣ.

Раздоры короля съ англійскими баронами продолжались; каждое новое внѣшнее предпріятіе являлось поводомъ къ созванію парламента; каждое созваніе парламента было поводомъ къ представленію жалобъ и требованій. Въ 1253 году король, по случаю крайней нужды въ деньгахъ, получилъ субсидію подъ условіемъ торжественнаго подтвержденія хартій [1]); при помощи субсидій онъ могъ предпринять экспедицію въ Гасконь противъ Альфонса Кастильскаго, вторгшагося въ эту провинцію, оставивъ управленіе своей женѣ и брату, Ричарду Корнвалисскому (1254).

Кратковременное управленіе Ричарда ознаменовано почти первымъ созваніемъ *выборныхъ* рыцарей отъ графствъ (26 апрѣля 1254 г.) для обсужденія новыхъ субсидій [2]). Этотъ созывъ послужилъ, можетъ быть, примѣромъ Симону Монфорскому при другихъ обстоятельствахъ и для другихъ цѣлей.

XI. Но судьба королевской власти въ Англіи зависѣла теперь отъ условій внѣшней политики, въ которую Генрихъ былъ вовлеченъ своимъ династическимъ честолюбіемъ, искуснымъ подстрекательствомъ папъ и совѣтами любимцевъ.

Борьба Иннокентія IV съ Фридрихомъ II разрѣшилась въ пользу папы. Императоръ, оставивъ Германію въ рукахъ своего сына Конрада IV, которому были противопоставлены сначала Генрихъ Распе (1247), а потомъ Вильгельмъ Голландскій, попытался утвердить свою власть въ Италіи. Но здѣсь онъ нашелъ неудачи и смерть (1250). Съ этой минуты начинается для Германіи смутное время, сначала

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 68. Противъ нарушителей хартій было произнесено отлученіе. *Select Charters*, стр. 373 и слѣд.

[2]) *Select Charters*, стр. 375.

двукоролевья (1250—1254), а затѣмъ междуцарствія (1257—1273). Властолюбивой политикѣ папы открылось широкое поприще. Открылись и новые поводы пользоваться англійскими силами.

По смерти Фридриха II, братъ короля, Ричардъ Корнвалисскій, сталъ получать отъ папы заманчивыя предложенія: то предполагалось выставить кандидатуру Ричарда на императорскій престолъ, то подносилась ему сицилійская корона. Ричардъ отклонялъ эти предложенія, какъ потому, что усматривалъ за ними корыстныя цѣли св. отца, такъ и потому, что не хотѣлъ выступать противъ Гогенштауфеновъ, съ коими онъ былъ или въ дружественныхъ, или въ родственныхъ отношеніяхъ. Тогда папа вошелъ въ переговоры съ самимъ королемъ, тщеславіе котораго ему хорошо было извѣстно. Сицилійская корона, въ видѣ папскаго лена, была предложена второму его сыну—Эдмунду (1254). Король охотно согласился, какъ потому, что предложеніе соотвѣтствовало общимъ его видамъ на континентѣ, такъ и потому, что оно разрѣшало его (по волѣ папы) отъ обѣта идти въ крестовый походъ (1255).

Но эти планы не находили себѣ сочувствія въ Англіи. Уже изъ гасконской своей экспедиціи король возвратился обремененный 350,000 марокъ долга. Теперь предстояли новыя жертвы деньгами. Папа требовалъ войскъ и денегъ для завоеванія Сициліи и Апуліи, находившихся въ управленіи извѣстнаго Манфреда. Королю предстояло выплатить еще 135,000 марокъ. Парламентъ, не смотря на производимое на него давленіе и даваемыя обѣщанія, продолжалъ отказывать въ субсидіяхъ.

Усложненія не остановились на этомъ. Въ Шотландіи, гдѣ престолъ былъ занятъ молодымъ Александромъ III, племянникомъ Генриха, бароны возстали противъ молодого короля. Александръ бѣжалъ въ Англію. Съ другой стороны, приведенный уже въ личную зависимость отъ Англіи, Уэльсъ возсталъ, подъ предводительствомъ молодого и храбраго князя Левеллина II. Обѣ стороны заключили союзъ, и ихъ соединенныя силы поражали жалкіе отряды, которые могли быть выставлены противъ нихъ англійскимъ королемъ.

Въ перспективѣ возникалъ еще одинъ вопросъ, разрѣшеніе котораго, въ духѣ континентальной политики Генриха, потребовало бы еще бо̀льшихъ жертвъ отъ Англіи. Изъ двухъ противу-императоровъ Германіи, Конрадъ Гогенштауфенъ умеръ въ 1254 г., а Вильгельмъ Голландскій—въ 1256 г. По смерти послѣдняго, имперскимъ князьямъ предстояло сдѣлать новый выборъ. Папа, подъ страхомъ отлученія, воспретилъ избирать малолѣтняго Конрадина Гогенштауфена [1]) и реко-

---

[1]) Сына Конрада IV и внука Фридриха II.

мендовалъ Ричарда Корнвалисскаго. Часть избирателей выбрала Ричарда, другая часть—Альфонса X, короля кастильскаго (1257). Ни тотъ, ни другой не были фактически императорами, и для Германіи открывался длинный періодъ (1257—1273) междуцарствія; для Англіи открывалась перспектива новыхъ жертвъ кровью и деньгами.

Но жертвы представлялись тѣмъ болѣе тяжелыми, что страшный неурожай 1257 года произвелъ въ Англіи голодъ, какого не видала еще страна.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ въ апрѣлѣ 1258 были созваны въ Вестминстеръ „proceres et fideles regni nostri pro negotiis nostris arduis nos et regnum nostrum contingentibus“. Конечно, negotii касались прежде всего сицилійской короны, пріобрѣтеніе которой требовало новыхъ субсидій. Но proceres и fideles явились на соборъ съ твердымъ намѣреніемъ преобразовать систему управленія. Король, въ нравственномъ отношеніи, не имѣлъ опоры. Единственный человѣкъ, который могъ бы дать ему разумные совѣты и имѣть вѣсъ на соборѣ, братъ его, Ричардъ, находился на континентѣ. Собственный сынъ короля — Эдуардъ — находился подъ вліяніемъ графа Симона. Ближайшимъ совѣтникомъ короля былъ единоутробный братъ его, всѣмъ ненавистный Вильгельмъ Валенскій, сынъ Гуго де-Марша, подбившаго Генриха на несчастную гасконскую экспедицію и въ 1242 году перешедшаго неожиданно на сторону французовъ, въ битвѣ при Понсѣ. Напротивъ, оппозиція была руководима вліятельными графами Глочестеромъ и Лейчестеромъ. Послѣдній прибылъ въ собраніе съ сознаніемъ великихъ несчастій Англіи и съ чувствомъ горькихъ обидъ, перенесенныхъ имъ отъ короля и придворной партіи. Въ ней не было людей, способныхъ къ политикѣ примирительной.

Въ самомъ началѣ совѣщаній, Вильгельмъ Валенскій нашелъ случай безцѣльно оскорбить графа Симона, значеніе котораго въ рядахъ оппозиціи было ему извѣстно. Онъ публично назвалъ его старымъ лгуномъ и измѣнникомъ. „Нѣтъ, нѣтъ, Вильгельмъ“, воскликнулъ Симонъ, „я не измѣнникъ и не сынъ измѣнника: наши отцы не схожи!“ Противники схватились за мечи, и только вмѣшательство короля прекратило эту сцену.

Засѣданія собора были вообще бурны [1]). Прелаты и бароны выступили со своими жалобами (gravamina) и требованіями. Существо ихъ въ томъ видѣ, какъ они были изложены Рожеромъ Бигодомъ (Roger Bigod), говорившимъ отъ имени бароновъ, состояло въ періодическомъ созваніи совѣта, въ изгнаніи „провансальцевъ“ и въ учрежденіи коммиссіи для преобразованія управленія. Король принужденъ былъ

[1]) Стёббсъ, II, стр. 75. The meeting was a stormy one.

согласиться на эти требованія. Оставалось дать имъ опредѣленную форму. Для обсужденія этого вопроса и былъ созванъ къ 11-му іюня 1258 г. парламентъ, названный впослѣдствіи сторонниками Генриха III „сумасшедшимъ парламентомъ“ (insane parliamentum, the mad parliament).

Здѣсь бароны и прелаты должны были представить свои жалобы и желанія; здѣсь же назначено было избрать комитетъ изъ 24 лицъ (12 по назначенію короля и 12 по избранію бароновъ) для выработки проекта реформъ, причемъ король обѣщалъ подчиниться его рѣшенію [1]).

XII. Парламентъ собрался въ Оксфордѣ. Онъ походилъ на военный станъ больше, чѣмъ на законодательное собраніе, такъ какъ бароны предвидѣли возможность гражданской войны. Королю немедленно была представлена петиція, въ которой изложены были жалобы бароновъ на многочисленныя злоупотребленія управленія, съ просьбою ихъ исправленія [2]). Затѣмъ избранъ былъ комитетъ изъ 24 лицъ. Въ отличіе отъ „наблюдательнаго комитета“, созданнаго Великою Хартіею, новый комитетъ долженъ былъ имѣть значеніе посредника между королемъ и баронами, а потому состоялъ на половину изъ лицъ, назначенныхъ первымъ, и на половину изъ выборныхъ отъ послѣднихъ. Но соотношеніе этихъ двухъ элементовъ комитета, по ихъ качеству, было неодинаково.

Король назначилъ своихъ родственниковъ, свойственниковъ и лицъ, бывшихъ нелюбимыми народомъ орудіями его управленія; бароны выбрали вліятельнѣйшихъ вельможъ: графовъ Лейчестера (Симона), Герефорда и Норфолька; Рожера Мортимера, Гуго Бигода, Гуго Деспенсера, Вальтера Кантилупа и друг. [3]). Составленный такимъ образомъ комитетъ, принявъ обѣщаніе отъ короля и его сына (Эдуарда) исполнить его постановленія, приступилъ къ работамъ. Предложенія его, принятыя королемъ, получили названіе **оксфордскихъ провизій** (мѣръ, условій).

Оксфордскія провизіи, въ дѣйствительности, были проектомъ новой конституціи Англіи, конституціи, которая, по своему олигархическому устройству, противорѣчила бы всѣмъ преданіямъ Англіи. Созванный въ минуту сильнѣйшаго раздраженія противъ великихъ злоупотребленій управленія, оксфордскій парламентъ зашелъ со своими требованіями такъ же далеко, какъ впослѣдствіи долгій парламентъ въ

---

[1]) Et quicquid per viginti quatuor utrimque electos et super hoc juratos, vel majorem partem eorum, circa hoc ordinatum fuerit, inviolabiliter observabimus. *Select Charters*, стр. 381.

[2]) Тамъ же, стр. 382—386. Значительное число статей начинается со словъ: „petunt remedium“.

[3]) Тамъ же, стр. 383.

своей „ремонстраціи“ (см. ниже, отд. III, гл. II). Парламентъ хотѣлъ быть не только высшимъ національнымъ совѣтомъ, согласіе котораго требовалось бы по дѣламъ законодательнымъ и финансовымъ, но онъ хотѣлъ взять въ свои руки самое *управленіе*, оставивъ за королемъ тѣнь власти.

Король долженъ былъ отправлять свою власть чрезъ постоянный совѣтъ изъ 15 лицъ, избираемыхъ довольно сложнымъ порядкомъ. Именно, комитетъ 24-хъ раздѣлялся на двѣ свои составныя части (см. выше). Королевская часть должна была избирать двухъ лицъ изъ части баронской, а послѣдняя избирала также двухъ лицъ изъ части королевской. Эти четыре лица избирали 15 королевскихъ совѣтниковъ. Затѣмъ бароны совмѣстно избирали 12 лицъ, которыя должны были представлять ихъ въ парламентѣ; другой комитетъ изъ 24 лицъ избирался баронами для обсужденія дѣлъ по субсидіямъ; наконецъ, существовавшему уже комитету 24-хъ было поручено устроить дѣла церкви [1]). Парламентъ должно было созывать три раза въ годъ.

Такимъ образомъ, власть управленія сосредоточилась въ рукахъ комитетовъ изъ бароновъ. Отъ нихъ же стали въ зависимость и высшія государственныя должности: великаго юстиціарія, канцлера и казначея. Эти должностныя лица назначались на годъ и отвѣчали передъ королемъ и совѣтомъ [2]).

Если бы начала этой конституціи утвердились въ Англіи, ее ожидала бы судьба всѣхъ олигархій. Подобно тому, какъ въ аристократической Венеціи, политическая власть перешла бы въ руки замкнутаго сословія, которое образовало бы нѣчто въ родѣ „большого совѣта“, отправлявшаго свою власть чрезъ получающія отъ него полномочія правительственныя и судебныя учрежденія и обратившаго власть *дожей* въ призракъ. Наоборотъ, феодальная олигархія, подобно аррагонской, ослабивъ на время власть королевскую, поставивъ рядомъ съ нимъ выборнаго великаго юстиціарія, впослѣдствіи пала бы отъ народнаго неудовольствія или равнодушія и открыла бы дорогу абсолютизму. Англію ожидало бы или окаменѣніе аристократической Венеціи, или развитіе абсолютизма, подобно испанскому. Но она была предохранена отъ того и другого исхода ходомъ событій и проницательностью Симона Монфорскаго.

XIII. Оксфордскія условія не могли быть приняты королемъ искренно. Не мало было и трудностей въ исправленіи злоупотреб-

---

[1]) Списокъ лицъ, избранныхъ въ означенные комитеты, см. у Стёббса, II, стр. 84, прим. 4. Комитеты состояли приблизительно изъ однихъ и тѣхъ же лицъ.

[2]) *Select Charters*, стр. 390 и слѣд.

леній, съ которыми боролись бароны. Не безъ труда было выполнено одно изъ требованій „провизій"—передача охраненія королевскихъ замковъ природнымъ англичанамъ. Иноземцы сопротивлялись, но, наконецъ, должны были уступить и бѣжать изъ Англіи. Съ большимъ трудомъ и при энергическомъ содѣйствіи графа Симона было заключено перемиріе съ Шотландіею, Уэльсомъ и Франціею. Но еще больше усилій требовалось для успокоенія страны. Во-первыхъ, въ самомъ временномъ правительствѣ обнаружились несогласія. Одна партія, руководимая графомъ Глочестеромъ, считала свою цѣль достигнутою, получивъ въ свои руки власть и фактическое право назначенія должностныхъ лицъ. Великимъ юстиціаріемъ былъ сдѣланъ Гуго Бигодъ, замѣненный въ 1260 году Гуго Деспенсеромъ, также членомъ феодальной партіи. Напротивъ, усилія Симона Монфорскаго направлялись къ ограниченію королевской власти органическими мѣрами и чрезъ участіе въ управленіи прочихъ классовъ населенія. Во-вторыхъ, неудовольствіе олигархическою формою новаго правительства обнаружилось съ самаго начала. Среднее и мелкое рыцарство (communitas bacheleriae Angliae) выступило съ протестомъ, обращеннымъ къ принцу Эдуарду. Они обвиняли бароновъ въ своекорыстной политикѣ и требовали другихъ преобразованій. Петиція была подана въ 1259 г., въ октябрьскомъ парламентѣ, на которомъ присутствовалъ Эдуардъ, бывшій тогда въ согласіи съ графомъ Симономъ [1]). Наконецъ, король, пользуясь внутренними замѣшательствами и надѣясь на свои иноземныя связи, два раза выхлопотавшій себѣ отъ папъ разрѣшеніе отъ присяги „провизіямъ", велъ дѣло къ крушенію новаго правительства. Нѣсколько лѣтъ (1258—1263) наполнено внутренними происками и борьбою партій, которая однажды (1261) готова была закончиться примиреніемъ короля съ его вассалами.

Не смотря, однако, на непопулярность олигархическаго правительства, не смотря на попытки короля найти себѣ опору въ массѣ рыцарства, система его дѣйствій не могла дать Генриху успѣха. Было очевидно, что всѣ его усилія клонятся къ тому, чтобы освободить себя не только отъ оксфордскихъ провизій, но и вообще отъ прежде признанныхъ конституціонныхъ ограниченій. Дважды удалось ему получить разрѣшеніе отъ присяги соблюдать оксфордскія провизіи: сначала отъ папы Александра IV, потомъ отъ Урбана IV. Неоднократно ѣздилъ онъ во Францію, стараясь поддержать себя посредничествомъ Людовика IX. Всякій разъ, когда ему удавалось нейтрализировать партіи, онъ возвращался къ прежней системѣ, смѣ-

---

[1]) *Select Charters*, стр. 332 и слѣд.

щалъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ съ согласія совѣта, отдавалъ эти должности своимъ иноземнымъ любимцамъ, допускалъ злоупотребленія въ назначеніи шерифовъ и въ отправленіи должности послѣднихъ.

Параллельно съ этимъ росло значеніе Симона Монфорскаго. Не только бароны, но масса духовенства, рыцарства и горожанъ видѣла въ немъ своего заступника и выразителя ихъ нуждъ. Теперь онъ не имѣлъ и въ собственной средѣ соперника, способнаго противостоять ему: старый графъ Глочестеръ умеръ въ 1263 году, а молодой его сынъ сталъ подъ знамена Симона. Въ рыцарствѣ, духовенствѣ и въ городахъ популярность графа была безраздѣльна. Духовенство прославляло его въ рѣчахъ, рыцарство—въ пѣсняхъ [1]).

Въ 1263 году междоусобная война фактически началась. Симонъ овладѣлъ многими королевскими замками, торжественно вступилъ въ Лондонъ и принудилъ короля еще разъ подтвердить оксфордскія провизіи. Но король возложилъ еще надежду на Людовика IX; ему было предоставлено рѣшеніе великой англійской распри. Тотчасъ послѣ Рождества (1263 года) Генрихъ съ своимъ сыномъ отправился въ Амьенъ, сопровождаемый большою свитою и депутаціею отъ партіи Симона. Людовикъ, 23 января 1264, произнесъ свое рѣшеніе [2]) въ пользу Генриха III. Оксфордскія провизіи были осуждены, хотя Людовикъ IX и призналъ силу всѣхъ предыдущихъ хартій и приглашалъ короля къ примиренію съ баронами. Конечно, эти гарантіи, какъ показывалъ опытъ, были слабы. Въ Англіи рѣшеніе Людовика вызвало неудовольствіе [3]).

Подкрѣпленный рѣшеніемъ французскаго короля, король явился въ Англію. Но Симонъ, поддерживаемый почти всею страною, рѣшился на сопротивленіе. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ приготовленіяхъ и въ частныхъ стычкахъ. Наконецъ, 14 мая оба войска встрѣтились при Люисѣ (Lewes), и король, потерпѣвъ рѣшительное пораженіе, достался въ плѣнъ своему противнику [4]).

XIV. Побѣда Симона, не смотря на ближайшее ея значеніе, не могла дать Англіи новаго и прочнаго правительства. Нельзя было управлять государствомъ чрезъ плѣннаго короля; нельзя было, при условіяхъ англійской исторіи, упразднить королевскую власть. Правительство Симона, признаннаго протекторомъ государства, по су-

---

[1]) Паули, ук. соч., стр. 118, прим. 1.

[2]) Т. наз. Mise d'Amiens. Ср. *Select Charters*, стр. 406—409.

[3]) „O rex Franconum, multorum causa dolorum,
Judex non rectus, ideo fis jure rejectus".

Паули, ук. соч., стр. 127, прим. 2.

[4]) Описаніе битвы при Люисѣ см. у Паули, ук. соч., стр. 138 и слѣд.

ществу своему было правительствомъ революціоннымъ. Его власть была властью диктатора, выдвинутаго переворотомъ. Но отъ эпохъ, подобныхъ тѣмъ, какія переживала теперь Англія, остаются извѣстныя начала, которымъ суждено осуществиться впослѣдствіи. Дѣятели такихъ временъ какъ бы предвосхищаютъ извѣстные принципы, потомъ дѣлающіеся основаніями учрежденій. Въ этомъ смыслѣ подобныя эпохи являются поворотными пунктами въ исторіи народовъ.

Если Великая Хартія установила извѣстныя *границы* королевской власти, то Симонъ Монфорскій намѣтилъ формы *участія націи* въ государственныхъ дѣлахъ, формы, ненайденныя со времени Великой Хартіи.

Генрихъ III, какъ мы видѣли, не смотря на свое стремленіе къ личному управленію, не смотря на то, что „конституціонныя постановленія Великой Хартіи“ (см. выше) были опущены при ея подтвержденіи силою обстоятельствъ, принужденъ былъ часто созывать общій совѣтъ, приглашая въ него прелатовъ и бароновъ. Совѣтъ получилъ уже названіе парламента [1]). Но парламентъ, по началамъ феодальнаго права, все еще составлялся изъ лицъ, призываемыхъ королемъ по ихъ владѣнію и должности; въ немъ не имѣли мѣста не только представители городовъ, но и представители низшаго рыцарства. Можно, правда, указать нѣсколько случаевъ призванія выборныхъ отъ рыцарства для участія въ парламентѣ. Но случаи эти были рѣдки, и выборные были призываемы по спеціальнымъ вопросамъ. Напротивъ, выборные, созванные въ 1265 году Симономъ Монфорскимъ, должны были образовать самостоятельный элементъ въ парламентѣ и участвовать въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ.

Созывъ представителей объяснялся, ближайшимъ образомъ, практическою необходимостью. Власть новаго правительства была шатка. Со всѣхъ сторонъ грозили ей серьезныя опасности. Папа Климентъ IV, по примѣру своихъ предшественниковъ, осудилъ оксфордскія условія и отлучилъ отъ церкви мятежныхъ бароновъ; войско, собранное во Франціи женою короля и вторымъ его сыномъ Эдмундомъ, готово было высадиться въ Англіи; значительная часть свѣтскихъ магнатовъ отстала отъ Симона; въ самомъ правительствѣ уже начинались несогласія между графами Лейчестеромъ и Глочестеромъ. Графъ Симонъ опирался, главнымъ образомъ, на духовенство, рыцарство и города, соединенные общею преданностью какъ ему, такъ и дѣлу національной независимости.

---

[1]) Извѣстіе Матвѣя Парижскаго, подъ 1246 годомъ: „Medio vero quadragesimae... edicto regio convocata convenit ad *Parlamentum* generalissimum totius regni Anglicani nobilitas, etc.“ *Select Charters*, стр. 328.

Этими условіями объясняется составъ знаменитаго парламента, созваннаго Симономъ именемъ короля къ 20 января 1265 года, для обсужденія мѣръ къ умиротворенію страны и утвержденія новаго порядка.

Изъ бароновъ были приглашены только лица, преданныя новому правительству—всего 5 графовъ и 18 бароновъ; изъ духовенства были приглашены архіепископъ іоркскій, 12 епископовъ, 10 аббатовъ, 9 пріоровъ и 5 декановъ; нѣсколько позднѣе пригласительныя письма были посланы къ 55 аббатамъ, 26 пріорамъ, гроссмейстеру Тампліеровъ и пріору Страннопріемнаго ордена (Hospitallers).

Затѣмъ шерифамъ предписано было прислать (quod venire faciant) по два рыцаря для каждаго графства. Отъ городовъ Іорка, Линкольна и прочихъ городовъ (burgi Angliae) предписано прислать по два горожанина отъ каждаго. Наконецъ, отъ пяти портовъ королевства [1]), имѣвшихъ свое особенное управленіе и вольности, было призвано по четыре выборныхъ [2]).

Если созваніе представителей отъ графствъ и городовъ объясняется указанными практическими условіями, то изобрѣтена ли его *форма* самимъ графомъ Симономъ?

Было высказываемо предположеніе, что графъ руководился примѣромъ аррагонскихъ кортесовъ, съ которыми онъ, какъ уроженецъ юга Франціи, могъ познакомиться, особенно при помощи своего отца. Дѣйствительно, въ аррагонскихъ кортесахъ принимали участіе представители рыцарствъ и городовъ. Но начало *сословнаго* представительства, въ той или иной формѣ, распространялось уже въ Европѣ. Не оно, однако, имѣло прямое вліяніе на рѣшеніе Симона. Въ самой Англіи онъ видѣлъ начало представительства *въ мѣстныхъ учрежденіяхъ*, примѣняемое въ отправленіи правосудія, въ охраненіи мира, въ раскладкѣ податей, и т. д. Призваніе представителей отъ графствъ не было, какъ мы видѣли, новостью. Такъ въ 1213 году Іоаннъ Безземельный велѣлъ шерифамъ прислать въ С.-Альбансъ по четыре „добрыхъ" рыцаря отъ каждаго графства, для обсужденія, вмѣстѣ съ баронами, дѣлъ королевства [3]). Затѣмъ, въ 1226 году отъ восьми графствъ были созваны представители рыцарства (по 4), для представленія и разсмотрѣнія жалобъ на шерифовъ по нарушенію

---

[1]) Пять портовъ (*Cinque Ports*) были слѣдующіе города: Сандвичъ, Дувръ, Гастингсъ, Ромни и Гайтъ. Они вмѣстѣ съ Лондономъ показали особенную преданность дѣлу Симона.

[2]) ...et de quinque Portubus, de qualibet civitate et burgo quatuor homines. Стёббсъ, II, стр. 96 и слѣд. *Select Charters*, стр. 415.

[3]) *Select Charters*, стр. 276 и слѣд.; см. также стр. 287: venire facias...ad loquendum nobiscum de negotiis regni nostri.

ими Великой Хартіи[1]). Указъ 1226 прямо говоритъ о выборѣ представителей. Мы видѣли, далѣе, что въ 1254 также были созваны представители отъ графствъ [2]). Наконецъ, самъ графъ Симонъ, еще въ 1261 г., велѣлъ созвать по три рыцаря отъ графствъ въ парламентъ, засѣдавшій въ Альбансѣ, а король, съ своей стороны, велѣлъ прислать ихъ въ Виндзоръ [3]).

Такимъ образомъ, призывъ представителей къ участію въ парламентѣ не представляется новостью. Но важны были обстоятельства, при которыхъ былъ созванъ парламентъ Симона и его форма. Парламентъ 1265 года былъ созванъ въ минуту грознаго кризиса, въ моментъ сильнѣйшаго возбужденія національнаго чувства во всей странѣ, словомъ—въ такую минуту, которая никогда не изглаживается изъ народной памяти. Во-вторыхъ, форма, въ которой былъ образованъ парламентъ Симона, была и болѣе полною, и болѣе систематическою, чѣмъ форма прежнихъ созывовъ. Кромѣ представителей отъ всѣхъ графствъ, мы видимъ въ немъ представителей отъ городовъ и пяти портовъ. На этихъ началахъ и въ этихъ границахъ развилось все позднѣйшее представительство Англіи. Наконецъ, изъ характера призывной грамоты (summons), обращенной одинаково къ баронамъ и прелатамъ, съ одной, и къ городамъ и къ графствамъ, съ другой стороны, можно заключить, что выборные отъ графствъ и общинъ должны были сдѣлаться постояннымъ элементомъ парламента.

Факты подтверждаютъ, такимъ образомъ, то, что́ осталось въ памяти народа; созывъ выборныхъ въ 1265 году является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи англійскаго представительства, и Симонъ Монфорскій признается основателемъ англійской палаты общинъ.

XV. Правленіе Монфора не было продолжительно. Плѣнный король и его старшій сынъ Эдуардъ нетерпѣливо сносили диктатуру графа. Въ самомъ правительствѣ начались раздоры. Молодой графъ Глочестеръ, сначала подчинившійся Симону, пошелъ по слѣдамъ своего отца и началъ противодѣйствовать графу. Часть вассаловъ, оставшихся вѣрными королю, собирала свои силы, чтобы свергнуть протектора. Во главѣ ихъ находился непримиримый врагъ Симона—Мортимеръ. Къ нему присталъ и Глочестеръ. Нравственное значеніе оппозиціи усилилось съ того времени, какъ въ станъ Мортимера при-

---

[1]) ...ad terminandum contentiones ortas inter quosdam vicecomites nostros et homines comitatuum suorum super quibusdam articulis contentis in carta libertatis eis concessae. *Select Charters*, стр. 357.

[2]) См. стр. 115.

[3]) *Select Charters*, стр. 405 и слѣд.

былъ принцъ Эдуардъ, бѣжавшій изъ подъ надзора Симона 28 мая 1265 года. Обѣ стороны опять возобновили войну. Въ битвѣ при Ившамѣ (4 августа) Симонъ былъ разбитъ и убитъ [1]). Память его долго жила въ народѣ и въ духовенствѣ, которые видѣли въ немъ мученика и святого [2]) и ставили его на ряду съ Ѳомою Бекетомъ [3]). Эти свидѣтельства подтверждаются и тѣмъ, что побѣдители при Ившамѣ, въ числѣ постановленій, изданныхъ въ Кенильвортѣ (см. ниже), помѣстили статью о воспрещеніи признавать графа святымъ [4]).

Но для исторіи Англіи важно то, что его мысль осуществилась, хотя и не скоро, въ развитіи позднѣйшаго представительства. Самъ побѣдитель при Ившамѣ, король Эдуардъ I, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ этого дня, принужденъ былъ воротиться къ парламенту Симона. Въ данную минуту, побѣдители пользовались своимъ успѣхомъ. Въ 1266 году партія бароновъ-побѣдителей обнародовала свои постановленія, составленныя при Кенильвортѣ (dictum de Kenilworth) и принятыя королемъ [5]). Постановленія эти могутъ быть раздѣлены на три категоріи. Одни изъ нихъ касаются возстановленія королевской власти; вторыя — мѣръ относительно явныхъ приверженцевъ Симона; третьи касаются прочихъ подданныхъ королевства и имѣютъ цѣлью умиротвореніе страны.

Для исторіи политическихъ учрежденій важны постановленія первой категоріи. Существо ихъ можно выразить въ немногихъ словахъ: Генриху III возвращается полная власть съ правомъ пользованія ею по законамъ и обычаямъ страны [6]); но въ то же время

---

[1]) Пространное и интересное описаніе этой войны и битвы при Ившамѣ (Evesham) см. у Паули, ук. соч., стр. 177 и слѣд.

[2]) Паули, ук. соч., стр. 184 и слѣд.

[3]) Въ одной современной пѣснѣ говорилось:

Mès par sa mort, le cuens Monfort conquist la victorie,
Come ly martyr de Canterbyr finist sa vie, etc.

Паули, ук. соч., стр. 187, прим.

[4]) Dictum de Kenilworth, ст. 8. Rogantes humiliter tam dominum legatum quam dominum regem ut ipse dominus legatus sub districtione ecclesiastica prorsus inhibeat, ne Simon comes Leycestriae a quocunque pro sancto vel justo reputetur, ... *Select Charters*, стр. 420.

[5]) Въ Кенильвортѣ укрылись остатки мятежнаго ополченія. Постановленія были изданы во время осады этого замка—in castro apud Kenilworthe. Послѣдніе приверженцы Симона принуждены были сдаться въ 1267 г.

[6]) Dicimus et providimus quod serenessimus princeps dominus Henricus...dominium suum, auctoritatem et regiam potestatem habeat, plenarie obtineat, et libere exerceat sine cujuscunque impedimento vel contradictione per quam contra jura approbata et leges ac regni consuetudines diu obtentas, dignitas regia offendatur; etc. (ст. 1).

бароны просятъ короля соблюдать вольности церкви, Великую и Лѣсную Хартіи, которыя онъ самъ утвердилъ и обѣщался соблюдать [1]). Такимъ образомъ отмѣнены были только постановленіи „сумасшедшаго“ парламента и распоряженія правительства Симона. Страна возвращалась къ исходной точкѣ своихъ вольностей—къ хартіямъ. Утверждены были также (въ 1267) нѣкоторыя „провизіи“ 1259 года [2]), за исключеніемъ правилъ о назначеніи министровъ и избранія шерифовъ.

Съ этими остатками отъ бурнаго времени Англія, по смерти Генриха III, вступила въ царствованіе Эдуарда I, прозваннаго Англійскимъ Юстиніаномъ. Но теперь молодой принцъ принялъ крестъ и на два года отправился въ Св. Землю. Онъ оставилъ своего отца мирно пользоваться возвращенною ему властью. Генрихъ, какъ говоритъ Стёббсъ, пережилъ всѣхъ своихъ враговъ и даже многія изъ своихъ затрудненій. Но скоро стали на очередь конституціонные вопросы, рѣшеніе которыхъ было отсрочено битвою при Ившамѣ.

---

[1]) Rogamus pariter et suademus eidem domino regi ut libertates ecclesiasticas, cartas libertatum et forestae, quas servare et custodire tenetur expresse et proprio juramento, plene custodiat et observet (ст. 3).

[2]) Стёббсъ, II, стр. 100. Провизіи 1259 г. см. *Select Charters*, стр. 400 и слѣд. За указанными выпусками, они были включены въ статутъ парламента въ Мальборо, 1267 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОБРАЗОВАНІЕ ПАРЛАМЕНТА И МѢСТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

(1272—1485).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ЭПОХИ.

I. Двѣсти лѣтъ, отдѣляющія смерть Генриха III отъ воцаренія Тюдоровъ, составляютъ періодъ, въ теченіе котораго складываются политическія учрежденія Англіи, въ главныхъ ихъ чертахъ. Между тѣмъ ни одинъ изъ періодовъ англійской исторіи не былъ наполненъ такими бурными средневѣковыми распрями, какъ этотъ. Мы не видимъ въ этихъ распряхъ борьбы за идеи, не только подобной борьбѣ долгаго парламента съ Карломъ I, но и сходной съ борьбою бароновъ, руководимыхъ Симономъ Монфорскимъ. Интересъ распри вращается обыкновенно около вопросовъ личныхъ и династическихъ, прикрытыхъ принципами политическими. Поэтому и борьба ведется при помощи средствъ жестокихъ и часто постыдныхъ. Пять королей [1]) были лишены престола и вмѣстѣ съ престоломъ потеряли жизнь. Законная династія была сведена съ престола въ лицѣ Ричарда II (1399); корона переходитъ къ линіи младшихъ сыновей Эдуарда III, сначала (1399—1461) въ линію Ланкастерскую (алая

---

[1]) Эдуардъ II, Ричардъ II, Генрихъ VI, Эдуардъ V и Ричардъ III.

роза), затѣмъ (1461—1485) въ линію Іоркскую (бѣлая роза) [1]). Съ 1455 года начинается послѣдняя и истребительная борьба между алой и бѣлой розами (1455—1485), въ которой старая династія похоронила свою власть, древняя аристократія—свою силу, а нація поплатилась своимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ.

Не смотря на это, учрежденія Англіи развиваются непрерывно и выдерживаютъ испытаніе какъ самовластнаго управленія Тюдоровъ (1485—1603), такъ и бурнаго революціоннаго періода. Явленіе это объясняется какъ правительственными способностями нѣкоторыхъ королей (Эдуарды I и III), такъ и свойствами силъ, призванныхъ дѣйствовать въ мѣстномъ самоуправленіи и въ народномъ представительствѣ.

II. Эдуардъ I (1272—1307) наслѣдовалъ отъ отца своего имъ же возстановленную власть. Сверхъ того, правительственныя способности Эдуарда далеко превышали дарованія его отца. Государь твердаго и рѣшительнаго характера, онъ, при всей своей склонности къ управленію личному, не нарушалъ, однако, прежнихъ хартій и обычаевъ, какъ Генрихъ III. По своимъ организаторскимъ способностямъ онъ равнялся съ Генрихомъ II; царствованіе его отличается законода-

---

[1]) Для ясности мы представимъ здѣсь родословную таблицу англійскихъ королей съ Эдуарда III.

Эдуардъ III (1327—1377).

- Эдуардъ Черный Принцъ (умеръ 1376)
  - Ричардъ II (свергнутъ въ 1399, ум. 1400)
- Ліонель герц. Кларанскій ум. 1368
  - Филиппа (жена Р. Мортимера)
    - Рожеръ Мортимеръ
      - Эдмундъ графъ Марчъ
      - Анна Мортимеръ замужемъ за Ричардомъ *Кембриджскимъ*.
- Іоаннъ *Ланкастерскій* (ум. 1399)
  - Генрихъ IV 1399-1413
    - Генрихъ V 1413-1422
      - Генрихъ VI 1422-1461
        - Эдуардъ (убитъ въ 1471)
  - Іоаннъ (ум. 1410)
    - Іоаннъ (ум. 1440)
      - *Маргарита* вышла замужъ за *Эдмунда Тюдора* графа Ричмонда
        - Генрихъ VII Тюдоръ.
- Эдмундъ *Іоркскій*
  - Эдуардъ Іоркскій уб. 1415
  - Ричардъ *Кембриджскій* казн. 1415
    - Ричардъ Іоркъ (ум. 1460)
      - Эдуардъ IV (1461 и 1483).
        - Эдуардъ V уб. 1483
        - Ричардъ уб. 1483
        - Елисавета, супруга Генриха VII Тюдора.
      - Георгъ Кларанскій уб. 1478
      - Ричардъ III Глочестеръ уб. 1485
- Ѳома Глочестеръ убитъ 1397.

тельною дѣятельностью, что доставило ему названіе англійскаго Юстиніана. Обаяніе новаго короля поддерживалось въ началѣ и счастливыми войнами. Уэльсъ былъ присоединенъ къ англійскимъ владѣніямъ и званіе „принцевъ Уэльскихъ" обратилось въ титулъ наслѣдниковъ англійскаго престола; Шотландія была приведена въ ленную зависимость отъ короля Англіи; сама Франція испытала силу англійскаго оружія. Сверхъ того, страна, утомленная междоусобіями временъ Генриха III, долго не подавала признаковъ политической жизни. Нужно было, съ одной стороны, новое поколѣніе людей, а съ другой—новыя затрудненія для королевской власти, чтобы вопросы, оставшіеся неразрѣшенными со времени Симона Монфорскаго, опять были поставлены на очередь.

Царствованіе Эдуарда I, въ его отношеніи къ вольностямъ страны и къ народному представительству, можетъ быть раздѣлено на двѣ части. Первая и бо̀льшая его часть (1272—1295) представляетъ картину личнаго управленія короля, но управленія, согласованнаго, съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, съ утвержденными хартіями и старыми обычаями страны. Вторая часть является періодомъ внѣшнихъ затрудненій, распри съ духовенствомъ и съ баронами и общаго неудовольствія, для успокоенія котораго потребовались новыя подтвержденія хартій, новыя ограниченія финансовыхъ правъ короля и содѣйствіе парламента въ полномъ его составѣ.

Созваніе парламентовъ или, точнѣе, magnum consilium изъ прелатовъ и бароновъ, до такой степени вошло въ обычай въ продолжительное царствованіе Генриха III, что и Эдуардъ I обращался къ нему во всѣхъ важныхъ случаяхъ, особенно для совѣщанія по главнѣйшимъ изъ своихъ законовъ. По частнымъ вопросамъ и для отдѣльныхъ совѣщаній были созываемы и выборные люди отъ графства и городовъ. Такъ было въ 1275, 1282, 1283 и 1290 гг., когда выборные отъ сословій призывались для общихъ или для частныхъ совѣщаній по отдѣльнымъ вопросамъ, денежнымъ и законодательнымъ и другимъ. Но общій парламентъ, составленный какъ изъ элементовъ *большого совѣта* (magnum consilium), такъ и изъ представителей отъ графствъ и городовъ, былъ созванъ въ 1295 году, въ весьма трудныхъ для короля обстоятельствахъ. Неудачная война во Франціи, возстаніе въ Уэльсѣ и разрывъ съ Шотландіею требовали чрезвычайныхъ мѣръ для устраненія опасностей и новыхъ субсидій. На Ивановъ день (24 іюня) былъ созванъ совѣтъ изъ духовныхъ властей и бароновъ. Совѣтъ собрался 1 августа. Хотя онъ и называется парламентомъ, но въ немъ недоставало представителей отъ низшаго духовенства, графствъ и городовъ. На обсужденіе его былъ предложенъ планъ посредничества съ Франціею, приня-

таго на себя двумя папскими легатами. Но обсужденіе субсидій, въ коихъ нуждался король, было предоставлено парламенту, созванному указами отъ 30 сентября.

Порядокъ созыва и характеръ парламента 1295 года знаменательны для исторіи Англіи. Во-первыхъ, въ призывныхъ письмахъ и указахъ (summons) ясно выражается взглядъ на парламентъ, какъ на учрежденіе, призванное обсуждать общія дѣла королевства, по правилу, что „касающееся всѣхъ всѣми должно быть одобрено“ [1]). Во-вторыхъ, сословія и представители сословій призываются не къ отдѣльному, но къ *совмѣстному* совѣщанію. Поэтому архіепископъ и епископы, сверхъ *личныхъ* приглашеній въ парламентъ, получили приказъ, не собирая низшаго духовенства для особыхъ совѣщаній въ мѣстныхъ конвокаціяхъ—какъ это было въ 1283 году [2]) и въ другихъ случаяхъ—*предупредить* подчиненное имъ духовенство явиться въ парламентъ, причемъ пріоры и архидіаконы обязывались прибыть лично, а капитулы и прочее духовенство—въ лицѣ представителей [3]). Представители отъ графствъ и городовъ должны были (какъ и въ другихъ случаяхъ) имѣть *полномочія* отъ своихъ избирателей, говорить и дѣйствовать ихъ именемъ [4]). Въ-третьихъ, парламентъ созывался для обсужденія, рѣшенія и исполненія дѣлъ, причемъ, однако, роль „коммонеровъ“ нѣсколько ограничена. Прелаты и бароны, т.-е. члены magnum consilium созываются ad tractandum, ordinandum et faciendum, „коммонеры“ *ad faciendum* quod tunc de communi consilio ordinabitur. Впослѣдствіи представители общинъ получили равныя права съ прочими членами большого совѣта.

Парламентъ 1295 г. назначилъ королю необходимыя для него субсидіи. Война съ Шотландіею приняла благопріятный оборотъ; но, ободренный успѣхомъ въ Шотландіи и отчасти во Франціи, Эдуардъ задумалъ, въ союзѣ съ нѣмецкимъ императоромъ и Фландріею, нанести рѣшительный ударъ французскому королю Филиппу Красивому. Потребовались новыя субсидіи, и для полученія ихъ необходимо было созваніе новаго парламента. Онъ былъ созванъ въ ноябрѣ

---

[1]) Summons духовенству: Sicut lex justissima... hortatur et statuit ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur. *Select Charters*, стр. 484 и 485.

[2]) *Select Charters*, стр. 466 и слѣд.

[3]) *Praemunientes* priorem et capitulum ecclesiae vestrae etc. *Select Charters*, стр. 485.

[4]) ...quod dicti milites *plenam et sufficientem potestatem pro se et communitate comitatus* praedicti, et dicti cives et burgenses *pro se et communitate* civitatum et burgorum praedictorum divisim ab ipsis tunc ibidem habeant,...(Тамъ же, стр. 486). Ср. Summons 1290... ita quod sint... cum plena potestate pro se et tota communitate comitatus praedicti, ad consulendum et consentiendum pro se et communitate. ... (Тамъ же, стр. 477 и 478).

1296 г. тѣмъ же порядкомъ и въ томъ же составѣ, какъ и парламентъ 1295 г. Бароны и коммонеры готовы были дать королю субсидіи; но въ духовенствѣ встрѣтились неожиданныя затрудненія.

Папа Бонифацій VIII, задумавшій разыграть роль Иннокентія III въ христіанскомъ мірѣ, въ февралѣ 1296 года издалъ свою знаменитую буллу „Clericis laicos", которою духовнымъ воспрещалось платить мірянамъ какіе-либо сборы съ церковныхъ доходовъ. Булла не была издана противъ Эдуарда, но она поставила его въ трудное положеніе. Духовенство, съ архіепископомъ кентерберійскимъ во главѣ, отказалось отъ назначенія субсидій. Отказъ духовенства былъ сигналомъ къ великой распрѣ, которую Эдуардъ думалъ сначала разрѣшить строгими и произвольными мѣрами. Опала, положенная на духовенство, поборы съ его имущества, конфискація *шерсти* [1]), принадлежавшей купцамъ, и другіе произвольные поборы—таковы были способы дѣйствія короля. Но онъ встрѣтился съ рѣшительнымъ сопротивленіемъ, готовымъ перейти въ междоусобную войну. Маршалъ и коннетабль Англіи, Бигодъ (Bigod), графъ Норфолькъ и Богёнъ (Bohun), графъ Герефордъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Винчельсеемъ, стали во главѣ недовольныхъ. Эдуардъ могъ снова сдѣлаться свидѣтелемъ событій, которыя онъ пережилъ въ молодости. Но на этотъ разъ между баронами не было Симона Монфора, и Эдуардъ не былъ Генрихомъ III. Распря могла быть улажена взаимными уступками и соглашеніями.

Конституціоннымъ результатомъ ея явились два важные акта. Во-первыхъ, 10-го октября 1297 года были подтверждены хартіи Великая и Лѣсная [2]).

Въ этомъ важномъ актѣ [3]), носящемъ названіе confirmatio cartarum, сверхъ общаго подтвержденія хартій, содержатся и нѣкоторыя новыя постановленія, вызванныя дѣйствіями самого Эдуарда. Сюда относятся, во-первыхъ, отмѣна вызвавшаго всеобщее неудовольствіе чрезвычайнаго налога на шерсть (malatolta, maletote), т.-е. сбора по 40 су съ мѣшка [4]); король обѣщается не взимать этого налога безъ общаго согласія, оставляя за собою и наслѣдниками право на

---

[1]) Королю статутомъ 1275 года былъ предоставленъ сборъ съ шерсти, главнаго тогда предмета отпускной торговли Англіи (*Select Charters*, стр. 451 и слѣд.). Но въ 1297 г. король прибѣгъ къ захвату шерсти изъ купеческихъ складовъ.

[2]) Confirmatio cartarum состоялась въ отсутствіи короля, находившагося въ Фландріи, куда онъ отправился 22 августа 1297 года. Согласіе на „подтвержденіе" было дано его сыномъ, Эдуардомъ. Король утвердилъ грамоту и велѣлъ приложить къ ней большую печать въ Гентѣ, 5 ноября 1297 года.

[3]) Онъ написанъ и изданъ на старомъ французскомъ языкѣ.

[4]) Ст. VII: cest asavoir de chescun sak de leine quarante soudz...

пошлины (la custume) съ шерсти, шкуръ и выдѣланныхъ кожъ (leines, peaus et quirs), и прежде предоставленныя королю par la communaute du roiaume, въ 1275 году. Во-вторыхъ, король подтверждаетъ всѣмъ сословіямъ и подданнымъ королевства не взимать иначе, какъ съ общаго согласія (fors qe par commun assent de tut le roiaume) и на общую пользу (et a commun profit de meisme le roiaume) никакихъ субсидій, сборовъ и пошлинъ (aides, mises, ne prises), *кромѣ старыхъ и обычныхъ* [1]).

При неопредѣленности понятія о „старыхъ и обычныхъ“ сборахъ, финансовой власти короля все еще оставался довольно широкій просторъ. Парламентамъ предстояла еще продолжительная борьба за нынѣшнія ихъ привилегіи по установленію налоговъ. Поэтому принципъ, выраженный въ другомъ документѣ, извѣстномъ подъ именемъ statutum de tallagio non concedendo, долго еще не получилъ дѣйствительнаго значенія. Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ статутѣ [2]).

Онъ есть латинская версія confirmatio cartarum, написанной на французскомъ языкѣ, и притомъ версія не подлинная; онъ сообщается хроникеромъ Вальтеромъ Гемингборомъ (Hemingburgh). Правда, петиція о правахъ 1627 г. (см. ниже) ссылается на него какъ на статутъ; въ этомъ же качествѣ онъ признанъ рѣшеніемъ королевскаго суда 1637 года. Но дѣйствительныя и подлинныя ограниченія королевской власти содержатся во французскомъ оригиналѣ. Поэтому и выраженіе статута, что *никакой* налогъ и *никакая* субсидія (nullum talliagium vel auxilium) не могутъ быть установлены и взимаемы безъ общаго согласія, является пожеланіемъ, которому нескоро суждено было осуществиться. Но и confirmatio cartarum содержала въ себѣ ограниченія настолько существенныя, что имъ были положены прочныя основанія для дальнѣйшаго развитія парламентскихъ привилегій.

Послѣднія десять лѣтъ царствованія Эдуарда были годами тревожными, и король довольно часто принужденъ былъ прибѣгать къ новымъ уступкамъ. Такъ, въ 1300 году, изданы были дополнительныя статьи къ хартіямъ (articuli super cartas), съ цѣлью устранить многія злоупотребленія, вызывавшія общія жалобы, и ввести улучшенія въ разныя части суда и управленія. Сюда относятся ограниченіе правъ короля по „продовольствію“ (purveyance), ограниченіе исключительной юрисдикціи коннетабля и маршала, улучшеніе ин-

---

[1]) Ст. VI ...sauve les auncienes aides et prises dues et custumees.

[2]) Стёббсъ, II, стр. 147 и слѣд.; *Select Charters*, стр. 497 и слѣд.

ститута присяжныхъ, установленіе выборныхъ шерифовъ и т. д. [1]). Только къ концу своего царствованія король возстановилъ въ своемъ королевствѣ миръ и, опираясь на парламентъ, могъ принять даже рядъ мѣръ противъ притязаній папъ. Эдуардъ скончался 7 іюля 1307 года.

III. Долгое правленіе Эдуарда I является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Англіи. Съ одной стороны, при этомъ королѣ заканчивается продолжительная борьба за Великую Хартію; съ другой стороны, его организаціонныя мѣры, какъ увидимъ ниже, установили формы народнаго представительства, высшаго и мѣстнаго управленія, а также судебной власти. Поэтому его царствованіе обошлось безъ тѣхъ глубокихъ потрясеній, какія испытывала страна при его предшественникахъ и преемникахъ. Самый кризисъ 1297 былъ вызванъ случайными обстоятельствами, не ослабившими силы и значенія королевской власти въ управленіи страной.

Въ другомъ положеніи находился его сынъ и наслѣдникъ, Эдуардъ II (1307—1327). Мало способный къ управленію, непостоянный, часто легкомысленный, онъ не могъ вліять на окружающихъ подобно своему отцу. Болѣе всего онъ былъ склоненъ къ наслажденіямъ [2]). Такой государь долженъ былъ сдѣлаться центромъ, а потомъ и жертвою придворныхъ интригъ. Печальная особенность царствованія Эдуарда II состоитъ въ томъ, что важные конституціонные вопросы возникаютъ и рѣшаются по поводу борьбы изъ за личныхъ и придворныхъ интересовъ, а потому подобныя рѣшенія мало способствовали устойчивости учрежденій.

Элементы борьбы находились въ классѣ и въ лицахъ, близкихъ королю. Слабый Эдуардъ, съ самаго почти начала своего царствованія, подчинился руководству своего любимца Гавестона, родомъ гасконца. Послѣдній вооружилъ противъ себя партію туземныхъ магнатовъ, во главѣ которыхъ стоялъ двоюродный братъ короля, Ѳома Ланкастерскій, сынъ Эдмунда крестоносца, второго сына Генриха III [3]). Партія недовольныхъ пріобрѣла союзника въ женѣ короля, Изабеллѣ, дочери Филиппа Красиваго французскаго [4]).

Распри начались съ самаго воцаренія Эдуарда, который при коро-

---

[1]) Объ этихъ предметахъ будетъ сказано ниже, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

[2]) He makes amusement the employment of his life, какъ говоритъ Стëббсъ, II, стр. 326.

[3]) См. выше, стр. 116.

[4]) Эдуардъ женился на Изабеллѣ въ 1308 году. Бракъ этотъ очень важенъ для объясненія предлога къ столѣтней войнѣ съ Франціею, начавшейся при Эдуардѣ III (см. ниже).

націи долженъ былъ принести присягу по новой конституціонной формулѣ и обѣщать соблюденіе правъ и вольностей какъ церкви, такъ и государственныхъ сословій [1]). Но дѣйствія новаго короля не показывали его намѣренія управлять страной по новой присягѣ. Среди бароновъ обнаруживались уже сильныя неудовольствія, заставившія короля отложить коронацію. Ближайшая причина этихъ неудовольствій крылась въ свойствахъ новаго королевскаго любимца.

Гавестонъ, знакомый уже баронамъ по его вредному вліянію на Эдуарда II при жизни его отца, изгнанный послѣднимъ изъ Англіи, былъ приближенъ къ королю и получилъ высокое назначеніе. По его настоянію были удалены старые совѣтники Эдуарда I—канцлеръ Бальдокъ и казначей Вальтеръ Лангтонъ; послѣдній былъ даже заключенъ въ тюрьму. Король выдалъ за фаворита свою родную племянницу Маргариту, сестру молодого графа Глочестера. Отправляясь на время во Францію, онъ поручилъ ему управленіе государствомъ. Такое быстрое и незаслуженное возвышеніе иностраннаго авантюриста само по себѣ способно было раздражить гордую англійскую аристократію. Неудовольствіе усиливалось слухами о корыстныхъ видахъ фаворита.

Большой совѣтъ, созванный по поводу коронаціи, собрался 28 апрѣля 1308 года и настоялъ на изгнаніи Гавестона изъ Англіи. Король сдѣлалъ его правителемъ Ирландіи и осыпалъ другими милостями. Лишившись, хотя и на время, своего любимца, король остался безъ другихъ опытныхъ совѣтниковъ и лицомъ къ лицу съ могущественною оппозиціею. Во главѣ послѣдней стоялъ, какъ мы видѣли выше, Ѳома Ланкастерскій. Двоюродный братъ короля, дядя королевы, коннетабль Англіи, владѣлецъ графствъ Ланкастерскаго, Лейчестерскаго и Дерби, женатый на наслѣдницѣ графствъ Линкольна и Силисбери, онъ былъ первымъ изъ магнатовъ Англіи. Но свойства его характера стояли ниже его положенія. Человѣкъ жестокаго и необузданнаго нрава, безъ политическаго смысла, отличавшаго Симона Монфорскаго, онъ былъ желаннымъ предводителемъ олигархическаго кружка, но никогда не могъ возвыситься на степень народнаго вождя, хотя обстоятельства и поставили его защитникомъ справедливыхъ интересовъ націи. Однако, не смотря на всѣ свои недостатки, онъ былъ любимъ за свою доступность, щедрость къ бѣднымъ и къ церкви. Трагическая его смерть положила основаніе ланкастерской легендѣ и возвела его на степень святого. Во всякомъ случаѣ роль, имъ съигранная, была выше его достоинствъ,

---

[1]) Стеббсъ, II, стр. 329 и слѣд.

и причины временнаго его торжества надъ Эдуардомъ лежали въ поведеніи послѣдняго.

Послѣ изгнанія Гавестона, король не измѣнилъ своей политики. Отношенія къ Шотландіи, подчиненіе которой стоило такъ много труда Эдуарду I, измѣнились къ невыгодѣ Англіи. Денежныя средства добывались отъ иностранныхъ банкировъ и путемъ незаконныхъ поборовъ, возбуждавшихъ общее неудовольствіе. Наконецъ, парламентъ былъ созванъ въ 1309 году. Онъ собрался подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія; обѣщая королю субсидіи, онъ, отъ имени всѣхъ представленныхъ въ немъ сословій, представилъ королю петицію (въ 11 пунктахъ) съ изложеніемъ жалобъ на злоупотребленія и съ просьбою ихъ исправить. Предложеніе короля о возвращеніи Гавестона было отвергнуто.

Но король нашелъ средство пополнить казну и возвратить любимца безъ согласія парламента. Папа собственною властью разрѣшилъ королю на три года сборъ 10-й деньги съ духовенства. Онъ же, повидимому, содѣйствовалъ и возвращенію Гавестона. Послѣдній возвратился въ іюлѣ 1309 года. Собранный въ концѣ мѣсяца парламентъ былъ успокоенъ нѣкоторыми уступками короля. Успокоена была и партія графа Ланкастерскаго, за исключеніемъ графа Варвика. Но уже въ октябрѣ Гавестонъ такъ вооружилъ противъ себя могущественнаго графа, что послѣдній, вмѣстѣ съ графами Линкольномъ, Варвикомъ, Оксфордомъ и Аронделемъ, отказался явиться въ совѣтъ, созванный королемъ. Совѣтъ былъ созванъ въ слѣдующемъ году, и, не смотря на запрещеніе короля, графы явились на него съ своими вооруженными дружинами.

IV. Король былъ поставленъ въ то же положеніе, какъ дѣдъ его въ 1258 году. Требованія, предъявленныя баронами, напоминали „оксфордскія провизіи". Королю представлены были петиціи съ требованіемъ исправленія злоупотребленій и преобразованія управленія. Для той и другой цѣли потребовано было избраніе учредительнаго комитета изъ бароновъ и прелатовъ. Епископы должны были выбрать двухъ графовъ, графы — двухъ епископовъ; четыремъ избраннымъ лицамъ предоставлялось избрать двухъ бароновъ; эти шесть лицъ вмѣстѣ должны были избрать 15 другихъ. Такъ составился комитетъ, которому поручено было издать правила и уставы (ordinances) „къ чести и выгодѣ святой церкви, къ достоинству короля, къ пользѣ короля и его народа и согласно съ присягой, принесенной королемъ". Поэтому и члены комитета получили названіе „распорядительныхъ лордовъ" — „lords ordainers", или просто: „the ordainers".

Составъ комитета былъ по преимуществу оппозиціонный. Въ теченіе года онъ издалъ нѣсколько „ординансовъ", касавшихся важ-

нѣйшихъ предметовъ, особенно же финансоваго управленія. Распоряженія комитета были приняты парламентомъ 1311 года и обнародованы вмѣстѣ съ 25 новыми статьями, спеціально касавшимися злоупотребленій по управленію и особенно Гавестона [1]).

Подобно своему дѣду, Эдуардъ принялъ и утвердилъ эти постановленія; подобно ему, онъ остался при твердомъ намѣреніи ихъ нарушить прежде всего въ пользу своего любимца, приговореннаго къ изгнанію. Въ январѣ 1312 года онъ отправился на сѣверъ Англіи и вызвалъ сюда Гавестона, возстановивъ ему и утраченныя владѣнія. Оппозиція приняла эту мѣру за вызовъ къ войнѣ. Архіепископъ отлучилъ отъ церкви Гавестона и его сообщниковъ; графъ Ланкастеръ, съ четырьмя союзными графами, бросился на сѣверъ, разбилъ Гавестона, осадилъ его въ замкѣ Скорборо, гдѣ онъ укрылся, и принудилъ къ сдачѣ. Плѣнный, но подъ охранной грамотой графа Пемброка, Гавестонъ долженъ былъ явиться въ парламентъ. Но на пути онъ былъ захваченъ графомъ Варвикомъ и обезглавленъ въ присутствіи графа Ланкастера.

Конецъ борьбы изъ за Гавестона предвозвѣщалъ другія кровавыя драмы. На первое время миръ былъ заключенъ; но причины раздора не были устранены. Парламентъ отказывалъ въ субсидіяхъ; король занималъ деньги у кого могъ—у епископовъ, у купцовъ, даже у папы. Но займы далеко не покрывали его расходовъ. Оставалось прибѣгнуть къ незаконнымъ поборамъ, вызвавшимъ ропотъ и сопротивленіе. Только въ 1313 году королю удалось получить субсидіи въ обмѣнъ за общую амнистію. Не прошло, однако, года, какъ положеніе вещей снова сдѣлалось угрожающимъ: несчастная война съ Шотландіею, голодъ, эпидеміи и другія бѣдствія поддерживали броженіе въ странѣ. Въ теченіе восьми лѣтъ страна почти не знала покоя. Здѣсь не мѣсто слѣдить за раздорами партій, за колебаніями короля между новыми любимцами (Деспенсерами—отцомъ и сыномъ), съ одной, и подчине-

---

[1]) Гавестонъ былъ изгнанъ съ лишеніемъ гражданскихъ правъ; равнымъ образомъ были изгнаны финансовый агентъ короля, Фрискобальди, и другіе иноземные агенты; любимецъ короля, Бомонъ, уволенъ изъ совѣта, а его сестра удалена отъ двора. Затѣмъ, „ординансы" отмѣняли незаконные сборы, пошлины и захваты подъ королевскіе лѣса. Устранялись также многія злоупотребленія по судебной части. Далѣе, постановлялось, что высшія должности въ Англіи, Ирландіи и Гаскони должны быть замѣщаемы съ согласія большого совѣта, въ коемъ назначенныя лица должны были приносить присягу. Король долженъ довольствоваться обычными доходами; не начинать войны, не собирать войска, не оставлять королевства безъ согласія бароновъ, собранныхъ въ парламентѣ. Наконецъ, парламентъ долженъ быть созываемъ разъ или два въ годъ. Кромѣ этихъ постановленій, ординансы заключали въ себѣ и другія, о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, они выдвигали на первый планъ парламентъ *бароновъ*.

ніемъ его партіи бароновъ, руководимой Ланкастеромъ, съ другой стороны.

Въ 1322 году графъ Ланкастерскій былъ разбитъ при Боробриджѣ, взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ въ собственномъ своемъ замкѣ. Кровь Гавестона была отомщена. Король могъ бы дать странѣ прочный миръ, во-первыхъ потому, что природа его не принадлежала къ числу деспотическихъ, во-вторыхъ потому, что новые его любимцы, Деспенсеры, подавали ему благоразумные совѣты. Сама страна желала мира и съ неудовольствіемъ смотрѣла на козни и распри олигархіи.

Парламентъ, въ полномъ его составѣ, былъ созванъ въ маѣ 1322 г. Въ немъ находились и представители отъ Уэльса. Сословія единодушно отвергли олигархическую форму управленія; „ординансы" были отмѣнены. Но зато былъ провозглашенъ важный принципъ публичнаго права Англіи, именно, что „всѣ предметы, касающіеся состоянія нашего господина короля и его наслѣдниковъ, состоянія королевства и народа, должны быть обсуждаемы, опредѣляемы и установляемы въ *парламентѣ* нашего господина короля и съ согласія прелатовъ, графовъ, бароновъ и общинъ королевства, согласно обычаю".

Но этому принципу мирнаго парламентскаго управленія пришлось дожидать своей очереди еще нѣсколько лѣтъ. Кровь Гавестона оставила свой слѣдъ; кровь Ланкастера оставила слѣдъ болѣе глубокій. Деспенсеры возбудили противъ себя много неудовольствій, чему способствовали дурное управленіе короля и несчастныя войны съ Шотландіею. Приверженцы казненнаго графа ждали случая для мести; духовенство громко выражало свое неудовольствіе и прославляло „святого Ланкастера". Во главѣ недовольныхъ вскорѣ стала сама королева, увлеченная въ эту партію своимъ любимцемъ Рожеромъ Мортимеромъ. Въ 1325 году она удалилась во Францію, а въ 1326 году высадилась въ Англіи, объявивъ себя мстителемъ за графа Ланкастерскаго и врагомъ Деспенсеровъ. Король былъ покинутъ почти всѣми и попалъ въ руки враговъ.

Плачевный конецъ его царствованія есть дѣйствительно исторія „мести" королевы Изабеллы за графа Ланкастера. Деспенсеры были казнены; той же участи подвергся и графъ Арондель. Самъ Эдуардъ былъ низложенъ парламентомъ, созваннымъ Адамомъ Орлтономъ, епископомъ Герефордскимъ и орудіемъ Мортимера. Престолъ былъ отданъ молодому сыну Эдуарда II—Эдуарду III, которому суждено было пережить тяжкія испытанія: убійство отца, совершонное по приказу его матери, и четырехлѣтнее господство клятвопреступной

матери и ея любовника, пока послѣдній не былъ разбитъ и повѣшенъ (1330).

V. Послѣ безславнаго во всѣхъ отношеніяхъ царствованія Эдуарда II, Англія снова возвысилась въ блестящее и продолжительное правленіе Эдуарда III (1327—1377). Военное значеніе Англіи поднялось не только относительно Шотландіи, которая снова приведена была въ ленную зависимость отъ англійской короны, но и относительно Франціи. Война, начатая Эдуардомъ III съ Филиппомъ VI Валуа [1]), не имѣла уже характера оборонительныхъ войнъ, какія вели нѣкоторые предшественники Эдуарда; она имѣла цѣлью *завоеваніе* Франціи, соединеніе короны Капетинговъ съ короною Плантагенетовъ. Такая борьба имѣла національное значеніе, и Эдуарду удалось удовлетворить народному самолюбію англичанъ. Въ 1340 году, въ союзѣ съ фландрскими городами, онъ выигралъ большую морскую битву при Слюйсѣ; затѣмъ, въ 1346 г., онъ высадился въ Нормандіи и началъ войну сухопутную. Предводительствуемыя старшимъ сыномъ короля, Эдуардомъ (Чернымъ Принцемъ), англійскія войска одерживали побѣду за побѣдой и, наконецъ, нанесли французамъ рѣшительное пораженіе при Креси (1346); въ слѣдующемъ году они взяли Калэ. Но еще счастливѣе были англичане при наслѣдникѣ Филиппа VI— Іоаннѣ Добромъ (1350—1364). Несчастный король былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ „Чернымъ Принцемъ" при Пуатье (1356). Плѣнный король былъ привезенъ въ Лондонъ, оставивъ за собою анархію, страшную борьбу партій и крестьянское возстаніе (жакерію). Съ великимъ трудомъ удалось Дофину (Карлу V) заключить миръ на тяжкихъ для Франціи условіяхъ. Только подъ конецъ царствованія Эдуарда, знаменитому Бертрану Дю-Гесклену удалось возвратить нѣкоторыя изъ утраченныхъ Франціею провинцій.

Пробудившееся чувство народнаго достоинства выразилось и въ отношеніяхъ къ *папскому престолу*. Папы продолжали смотрѣть на Англію какъ на обильный источникъ дохода и какъ на зависимую отъ нихъ, въ силу ленной присяги Іоанна Безземельнаго, страну. Нѣсколько постановленій, изданныхъ при Эдуардѣ III, показали, что страна рѣшилась сбросить съ себя эту зависимость. Такъ въ 1351 году былъ изданъ законъ противъ лицъ, получавшихъ (или, точнѣе, поку-

---

[1]) Со смертью Карла IV, во Франціи пресѣклась династія Капетинговъ (1328). По французскому закону о престолонаслѣдіи женщины исключались отъ наслѣдованія престола, и корона перешла къ двоюродному брату Карла IV — Филиппу (сыну Карла Валуа, брата Филиппа Красиваго). Но Эдуардъ III основывалъ свои притязанія на томъ предположеніи, что законъ исключалъ отъ престолонаслѣдія его мать (Изабеллу), но не мужеское ея поколѣніе. Война началась въ 1338, и, съ перерывами, длилась до 1453 г.

павшихъ) духовныя должности въ Римѣ [1]); другой статутъ (1353) воспрещалъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, обращаться къ „иноземнымъ судамъ“ по предметамъ, подлежащимъ рѣшенію короля и королевскихъ судовъ. По начальнымъ словамъ указа, коимъ возбуждалось преслѣдованіе противъ этихъ лицъ, актъ носитъ названіе *praemunire* (т.-е. praemunire facias; испорченное praemonire). Наконецъ, когда папа Урбанъ V задумалъ возстановить ленную зависимость Англіи, король, единодушно поддержанный парламентомъ, издалъ новый законъ praemunire (1365), и затѣмъ (1366) объявилъ себя свободнымъ отъ всякой ленной зависимости и платежа дани [2]).

Не меньше было сдѣлано Эдуардомъ и въ отношеніи внутренняго, особенно же мѣстнаго управленія, какъ мы увидимъ ниже.

Но эта напряженная дѣятельность внѣ и внутри государства встрѣчалась съ большими препятствіями, отчасти зависѣвшими отъ свойства внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ. Войны требовали издержекъ, не покрывавшихся обыкновенными доходами короны; внутреннія преобразованія требовали поддержки всѣхъ сословій. Грозныя бѣдствія, какова была *черная смерть* (1349), опустошившая Англію и измѣнившая ея общественныя условія [3]), останавливали развитіе страны. Сверхъ того, не было недостатка и въ жалобахъ на нѣкоторыя произвольныя мѣры правительства, на тяжесть налоговъ, на излишнее обложеніе шерсти и т. д.

Поэтому Эдуардъ III чаще всѣхъ своихъ предшественниковъ и многихъ другихъ преемниковъ обращался къ содѣйствію парламента. Въ теченіе своего царствованія онъ созывалъ его не менѣе 70 разъ. Сословія, призываемыя для совѣщанія, особенно же третье сословіе, на содѣйствіе котораго часто опирался король, сознали свое значеніе. Бывали случаи, когда требованія лордовъ и общинъ шли дальше законныхъ границъ.

При усиленной и многолѣтней дѣятельности парламентовъ въ царствованіе Эдуарда III представлялось много поводовъ къ установленію и опредѣленію правъ народнаго представительства; съ другой стороны, нужда въ деньгахъ нерѣдко заставляла короля дѣлать парламентамъ уступки въ обмѣнъ за субсидіи. Конечно, далеко не всѣ пріобрѣтенія парламента были прочны; бывали примѣры, что король, уступивъ по нуждѣ настояніямъ палатъ, вслѣдъ затѣмъ отказы-

---

[1]) Актъ, посредствомъ котораго папа надѣлялъ кого-либо церковною бенефиціею, назывался провизіею (provision), а лица, получавшія провизію, назывались *провизорами* (provisors). Противъ нихъ и былъ направленъ статутъ 1351 г.

[2]) Краткій отчетъ о совѣщаніяхъ короля съ парламентомъ по этому предмету, см. Стеббсъ, II, стр. 433, прим. 2.

[3]) См. тамъ же, II, стр. 416 и слѣд.

вался отъ сдѣланныхъ уступокъ, коими умалялась королевская прерогатива. Такъ было въ 1341 году, когда палаты въ своихъ требованіяхъ зашли далеко. Но, во всякомъ случаѣ, царствованіе Эдуарда III является періодомъ, когда выяснились и опредѣлились важнѣйшія начала парламентскаго права Англіи въ его отношеніяхъ къ правамъ короны. Мы разсмотримъ ихъ ниже, при обозрѣніи отдѣльныхъ установленій средневѣковой Англіи. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ на важнѣйшіе пункты, въ коихъ совершилось развитіе парламентскихъ правъ. Независимо отъ болѣе точнаго опредѣленія финансовой власти парламента, отъ установленія болѣе строгаго различія между закономъ и распоряженіемъ, измѣнилась и самая организація парламента. Сверхъ того, онъ пріобрѣлъ важное средство вліянія на управленіе чрезъ привлеченіе министровъ къ отвѣтственности. Въ царствованіе Эдуарда произошло раздѣленіе парламента на *двѣ* палаты [1]). Раздѣленіе это соотвѣтствовало и историческому происхожденію парламента. Прелаты и лорды издавна составляли magnum consilium; рыцари отъ графствъ и представители отъ городовъ призывались въ его составъ и пополняли его. Собранныя вмѣстѣ, сословія, какъ свидѣтельствуютъ источники, нерѣдко совѣщались отдѣльно, особенно по вопросу о субсидіяхъ, которыя каждое сословіе давало за себя. Такъ, въ 23 году царствованія Эдуарда I графы, бароны и рыцари дали королю 11-ую часть доходовъ, духовенство—10-ую, горожане—7-ую. Въ слѣдующемъ году дворянство и духовенство дали 12-ую, города—8-ую долю; въ 33 году дворянство назначило 30-ую, города—20-ую долю. Постепенно установилось общее правило, по которому графства давали 15-ую, а городъ—10-ую. Позднѣйшее раздѣленіе совершилось путемъ естественнымъ. Но чрезъ него „общины" сдѣлались сначала самостоятельнымъ элементомъ парламента, а впослѣдствіи пріобрѣли въ немъ первенствующее значеніе. Затѣмъ документальное извѣстіе о *выборѣ спикера* палаты относится къ 1376 году, когда общины избрали на эту должность сэра Петра де-ла-Мара.

Парламентъ 1376 года, извѣстный въ исторіи подъ именемъ „добраго" (Good Parliament), совершилъ еще одно важное пріобрѣтеніе въ пользу народнаго представительства, именно, установилъ право *обви-*

---

[1]) Вѣроятно съ 1341 года. Ср. Стёббсъ, III, стр. 430 и слѣд. Галламъ (II, стр. 189 и слѣд.) предполагаетъ, что оно совершилось раньше. Это вѣрно въ томъ отношеніи, что „сословія", собиравшіяся вмѣстѣ, совѣщались отдѣльно, о чемъ мы говоримъ въ текстѣ. Факты изъ царствованія Эдуарда II убѣждаютъ въ этомъ. Во всякомъ случаѣ, относительно парламента 1343 года мы имѣемъ документальное извѣстіе, что лорды собрались въ Бѣлой палатѣ (White Chamber), а рыцари и коммонеры—въ Крашеной (Painted Chamber). Послѣдніе, окончивъ совѣщаніе, передали свой отвѣтъ чрезъ спикера Вильяма Трёсселя (Trussel).

нения (impeachment) нижнею палатою предъ палатою лордовъ должностныхъ и другихъ лицъ, виновныхъ въ дурномъ управленіи.

Подъ конецъ своего долгаго царствованія, престарѣлый Эдуардъ сдѣлался крайне слабъ. Онъ подпалъ подъ вліяніе недостойныхъ любимцевъ, каковы были Латимеръ, Невиль и помогавшіе послѣднимъ въ денежныхъ операціяхъ Ричардъ Лайонсъ и трое другихъ банкировъ. Сверхъ того, король, по смерти своей жены, привязался къ одной изъ ея придворныхъ дамъ, Алисѣ Перрерсъ. Она пользовалась королевскимъ расположеніемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей и дѣйствовала за-одно съ Латимеромъ и Лайонсомъ.

Неудовольствія обнаружились задолго до созванія парламента. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было возбужденіе обвиненія противъ Латимера, Лайонса и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Этотъ смѣлый по тому времени шагъ объясняется тѣмъ, что оппозиція въ парламентѣ была поддерживаема старшимъ сыномъ короля, знаменитымъ Чернымъ Принцемъ. Принцъ, всегда бывшій почтительнымъ сыномъ, вызванъ былъ на оппозицію вреднымъ вліяніемъ, которое имѣлъ на ослабѣвшаго короля третій его сынъ, Джонъ Ланкастерскій. Честолюбивый герцогъ не только пріобрѣлъ неограниченное вліяніе въ управленіи, но и стремился, повидимому, къ коронѣ. Здоровье Чернаго Принца было уже крайне слабо; сынъ его, Ричардъ, былъ еще въ дѣтствѣ. Второй сынъ короля, Ліонель, умеръ въ 1368 году, оставивъ дочь, вышедшую замужъ за графа Марча (Мортимера). Устраненіе Ричарда отъ престола составляло, какъ утверждаютъ, цѣль происковъ Джона Ланкастерскаго. Имѣя такія цѣли, Джонъ окружалъ своего отца недостойными любимцами, послушными его волѣ. Болѣе всего благоволилъ онъ Латимеру. Черный Принцъ и его партія рѣшились воспользоваться элементами недовольства, накопившимися въ странѣ и выразившимися въ парламентѣ. Спикеромъ нижней палаты былъ избранъ де-ла-Маръ, рыцарь, находившійся на службѣ графа Марча. Подъ его руководствомъ были составлены и представлены обвиненія противъ Латимера, Невиля, Лайонса и другихъ. Они были осуждены. Первый успѣхъ ободрилъ палату. Противъ Алисы Перрерсъ изданъ былъ ординансъ, воспрещавшій ей и другимъ женщинамъ вмѣшиваться въ теченіе судебныхъ дѣлъ, извлекая изъ этого выгоды. За нарушеніе ординанса положена конфискація имуществъ и изгнаніе изъ государства. Но подобныя мѣры не могли еще имѣть прочнаго успѣха. Черный Принцъ, потратившій послѣднія силы на содѣйствіе „доброму парламенту", умеръ въ томъ же 1376 году. Джонъ Ланкастеръ возвратилъ себѣ прежнее вліяніе и отомстилъ врагамъ. Де-ла-Маръ посаженъ былъ въ тюрьму и пробылъ въ ней до воцаренія Ричарда II. Парламентъ 1377 г. уничто-

жилъ постановленія „добраго парламента". Дѣло Латимера, Невиля и другихъ возобновилось при Ричардѣ II.

VI. Не смотря на важное значеніе царствованія Эдуарда III для конституціонной исторіи Англіи, оно оставило по себѣ зачатки многихъ усложненій, значеніе которыхъ должно было обнаружиться или въ будущемъ, или въ ближайшія царствованія. Къ числу этихъ явленій должно отнести:

1) Зарожденіе протестантскихъ ученій, направленныхъ противъ римской іерархіи, ея догматовъ, обрядовъ и злоупотребленій. Важнѣйшимъ проповѣдникомъ новаго ученія былъ Виклефъ (Wycliff или Wiclef), величайшій изъ предшественниковъ Гусса и Лютера [1]). Проповѣдь Виклефа имѣла двоякое значеніе: постоянное и временное. Съ одной стороны, Виклефъ далъ первый толчокъ тому національно-реформаціонному движенію, которому не суждено было останавливаться, не смотря на всѣ жестокія гоненія; во-вторыхъ, ученіе Виклефа ближайшимъ образомъ содѣйствовало развитію секты *ллолардовъ* [2]), въ ученіи которыхъ крайнія религіозныя воззрѣнія были соединены съ крайними соціальными понятіями, что̀ давало имъ большое значеніе въ народныхъ массахъ. Въ царствованіе Эдуарда III лоллардизмъ пользовался, однако, поддержкою парламента и двора, въ виду раздоровъ съ римскою куріею и недовольства духовенствомъ, о чемъ мы скажемъ ниже.

2) Соціальныя ученія лоллардистовъ пали на благопріятную почву, вслѣдствіе бѣдственнаго положенія низшихъ классовъ. Конечно, рабство и разные другіе виды личной зависимости постепенно уничтожались въ Англіи и уничтожались незамѣтно. Но при распаденіи общинъ и развитіи крупнаго землевладѣнія увеличивалось число бездомныхъ и нищихъ, противъ которыхъ принимались строгія мѣры. Вскорѣ и „свободнымъ" сельскимъ рабочимъ стала угрожать серьезная опасность. Черная смерть 1349 года (см. выше) произвела страшныя опустошенія въ странѣ. Цѣлые округи остались безъ обработки, опустѣли многіе приходы. Число земледѣльцевъ уменьшилось до такой степени, что землевладѣльцы не въ состояніи были давать цѣнъ, требуемыхъ оставшимися въ живыхъ рабочими. При этихъ условіяхъ землевладѣльцы, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, находили для себя болѣе выгодымъ сдавать участки своей

---

[1]) Виклефъ (род. въ 1324, ум. въ 1387 г.), родомъ изъ Іоркшира, былъ священникомъ въ Лоттервартѣ (Ланкастерское гр.).

[2]) Названіе лоллардовъ или лоллардистовъ происходитъ отъ основателя секты Вальтера Лолларда (родомъ также англичанина), сожженнаго инквизиціей въ Кёльнѣ (1322).

земли въ краткосрочную аренду. Классъ фермеровъ сталъ быстро развиваться въ Англіи. Но вопросъ о рабочихъ рукахъ не былъ этимъ разрѣшенъ. Спросъ на нихъ былъ великъ, цѣны высоки. Тогда парламентъ прибѣгъ къ принудительнымъ мѣрамъ. Рядомъ статутовъ о земледѣльцахъ (statutes of labourers, 1349 и слѣд. гг.), воспрещавшихъ имъ отлучки изъ своихъ приходовъ, установлявшихъ таксу за трудъ, они были отданы во власть землевладѣльцевъ, что̀ и вызвало впослѣдствіи грозное возстаніе.

3) Оставивъ горючіе матеріалы внизу, царствованіе Эдуарда III приготовило ихъ и наверху. Зная по опыту, что условія раздоровъ въ царствованіе его отца коренились въ могуществѣ отдѣльныхъ его вассаловъ, Эдуардъ III задумалъ, посредствомъ браковъ, соединить великіе лены въ собственномъ своемъ семействѣ. Первоначально планъ его удался вполнѣ. Наслѣдникъ его, Черный Принцъ, женился на Іоаннѣ Кентской, наслѣдницѣ графа Вудстока; самъ онъ былъ уже герцогомъ Корнвалисскимъ и княземъ Уэльскимъ. Второй сынъ короля—Ліонель—женился на наслѣдницѣ графа Ольстерскаго, которая, сверхъ того, должна была наслѣдовать треть владѣній графовъ Глочестера и Гертфорда; самъ онъ былъ сдѣланъ герцогомъ Кларанскимъ. Третій сынъ Эдуарда—Джонъ—женился на кузинѣ своей, Бланкѣ Ланкастерской, наслѣдовавшей отъ Ѳомы Ланкастера (см. выше) $^4/_5$ его владѣній; сверхъ того, онъ получилъ графство Ричмондъ и герцогство Ланкастерское. Двѣ наслѣдницы Богёна, графа Герефорда [1]), вышли замужъ одна за Генриха Болингброка (сына Джона Ланкастерскаго), другая—за младшаго сына короля—Ѳому Вудстока (впослѣдствіи Герцога Глочестера). Наконецъ, дочь герцога Кларанскаго была отдана за Эдмунда Мортимера, графа Марча, потомка убійцы Эдуарда II.

Этотъ семейный распорядокъ долженъ былъ обезпечить династіи мирное господство надъ страною. Но расчеты оказались ошибочны. Въ числѣ великихъ владѣній семьи Эдуарда мелькнуло роковое имя Ланкастера и мелькнуло не даромъ. Носитель его, Джонъ Гаунтъ, третій сынъ короля, человѣкъ властолюбивый, хитрый, принялъ его какъ нѣкоторое наслѣдіе графа Ѳомы. Уже при жизни отца онъ имѣлъ на него сильное вліяніе, и вліяніе вредное. Смерть двухъ старшихъ его братьевъ, сначала Ліонеля (1368), а потомъ доблестнаго Чернаго Принца, развязала ему руки. Неохотно подчинился онъ закону, провозглашавшему наслѣдникомъ престола Ричарда, малолѣтняго сына Чернаго Принца. Но если не онъ, то его

---

[1]) Одного изъ Ordainers (см. выше стр. 135).

сынъ долженъ былъ сдѣлаться королемъ Англіи, каковы бы ни были на то средства.

VII. Эдуардъ III былъ послѣднимъ изъ великихъ королей династіи Плантагенетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его царствованіе закончились главныя организаціонныя работы по образованію центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Въ народной памяти эпоха „трехъ Эдуардовъ" (собственно двухъ: I и III) является временемъ роста и утвержденія конституціонныхъ учрежденій страны. Они дополняются и развиваются въ частностяхъ до конца періода, но творческія силы, создавшія средневѣковыя англійскія учрежденія, очевидно, изсякаютъ. Династическія распри колеблютъ значеніе королевской власти; междоусобія подрываютъ и уничтожаютъ силы старой аристократіи; значеніе духовенства колеблется вслѣдствіе внутренняго разстройства іерархіи и возникновенія національной оппозиціи католичеству, которой не въ силахъ сдержать самыя жестокія преслѣдованія. Военному могуществу страны наносился сильный ударъ несчастнымъ исходомъ французскихъ войнъ. Утомленная нація охотно подчиняется деспотизму Тюдоровъ, подъ управленіемъ которыхъ Англія вступаетъ въ эпоху *новой* исторіи Европы.

Судьба Ричарда II (1377—1399) сходна съ судьбою Эдуарда II. Долгій періодъ смутъ, кончившихся низложеніемъ короля—такова внѣшняя черта этого сходства; къ ней можно прибавить и личную неспособность къ управленію, почти одинаковую въ двухъ короляхъ. Но ясны и черты различія. Большинство затрудненій, съ коими пришлось бороться Эдуарду II, было создано имъ самимъ; большинство затрудненій, съ коими не справился Ричардъ II, были созданы обстоятельствами и зародились въ царствованіе его предшественниковъ. То, противъ чего боролся „добрый парламентъ" въ 1376 г., дало свои плоды при Ричардѣ II. Различенъ былъ и исходъ событій. Низложеніе Эдуарда II имѣло значеніе смѣны неспособнаго и деспотическаго короля; низложеніе Ричарда имѣло значеніе низложенія *династіи* и предоставленіе, волею парламента, престола другой династіи, не имѣвшей на то прямого права. Событие 1399 года имѣетъ характеръ революціи, которой причины крылись въ общемъ положеніи страны больше, чѣмъ въ личномъ характерѣ Ричарда. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ Галлама, приписывающаго переворотъ 1399 только произвольнымъ дѣйствіямъ Ричарда, котораго онъ сравниваетъ съ Іаковомъ II [1]). Благодаря бо́льшему запасу фактическихъ

---

[1]) „Однимъ словомъ", говоритъ онъ, „правленіе Ричарда, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, было совершенно тиранническимъ, и тѣ же принципы, за которые Іаковъ II поплатился трономъ, поставили нашихъ предковъ въ еще бо́льшую не-

данныхъ, Стёббсу удалось установить болѣе безпристрастный взглядъ на событія этого царствованія.

Ричардъ вступилъ на престолъ 11 лѣтъ отъ роду; возрастъ короля предвозвѣщалъ долгій періодъ опеки и регентства; послѣднее не было, однако, учреждено. Король остался подъ опекой своей матери, вдовствующей принцессы Уэльской; для управленія государствомъ былъ *избранъ* собраніемъ бароновъ *постоянный совѣтъ* (17 іюля 1377 г.). Дяди короля [1]) не вошли въ его составъ; не былъ включенъ въ него и графъ Марчъ, отецъ предполагаемаго наслѣдника престола [2]). Совѣтъ образовался изъ двухъ епископовъ [3]), двухъ графовъ [4]), двухъ бароновъ [5]), двухъ баннеретовъ и четырехъ рыцарей. Въ составъ его вошли также канцлеръ и казначей. Составъ совѣта былъ результатомъ компромисса между разными партіями и оставался въ этомъ видѣ недолго.

Образованіе выборнаго совѣта открыло дорогу прямому вліянію парламента на управленіе. Онъ собрался въ октябрѣ 1377 года при трудныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ. Война съ Франціею продолжалась и военное счастье обратилось противъ англичанъ; французы сожгли городъ на южномъ берегу Англіи. Возбужденіе, произведенное этими событіями, усилило недовольство, оставленное распрями „добраго парламента“ съ Эдуардомъ III. Общины избрали своимъ спикеромъ знакомаго намъ Петра де-ла-Мара, выпущеннаго изъ тюрьмы, въ которую посадилъ его Эдуардъ III за Алису Перрерсъ. Парламентъ требовалъ преобразованія личнаго состава совѣта, назначенія лицъ для воспитанія короля, контроля надъ дворцовымъ хозяйствомъ и обезпеченія въ томъ, что постановленное парламентомъ не будетъ измѣняемо безъ его согласія.

Желанія парламента въ большей части были выполнены. Король назначилъ двухъ казначеевъ [6]) изъ лондонскихъ купцовъ; въ составъ совѣта были назначены новые члены; затѣмъ было постановлено, что никто изъ лицъ, подвергшихся обвиненію въ прошлое

обходимость низложить Ричарда, если они не хотѣли отказаться отъ всякой мысли о свободѣ“. Назв. соч., II, стр. 262.

[1]) Джонъ Ланкастерскій, Эдмундъ графъ Кембриджскій (впослѣдствіи герцогъ Іоркскій) и Ѳома Вудстокъ (впослѣдствіи герцогъ Глочестеръ).

[2]) Мортимеръ, графъ Марчъ, мужъ Филиппы, дочери герцога Ліонеля Кларанскаго (см. выше).

[3]) Куртнэ, епископъ лондонскій, противникъ Джона Ланкастера, и Ральфъ, епископъ салисберійскій, союзникъ Джона.

[4]) Эдмундъ Марчъ и Ричардъ Арондель, люди разныхъ партій.

[5]) Лорды Латимеръ и Кобгамъ.

[6]) Вильямъ Вальвортъ и Джонъ Филипотъ—вліятельные граждане Лондона.

царствованіе, не могъ занимать мѣста въ совѣтѣ. Постановленіе это было направлено противъ Латимера (см. выше), сохранившаго вліяніе и при новомъ правленіи; онъ былъ удаленъ. Дѣло Алисы Перрерсъ возобновлено, и она приговорена была къ изгнанію и къ конфискаціи имущества.

Парламентъ получилъ, такимъ образомъ, средства прямого вліянія на управленіе. Королевскій совѣтъ состоялъ изъ лицъ, имъ указанныхъ; казначейская часть отдана была въ руки двухъ довѣренныхъ лондонскихъ гражданъ. Но эти мѣры не устранили ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ затрудненій. Война съ Франціею, „подобная нескончаемому и раззорительному процессу“ (по выраженію Галлама), тяготѣла надъ страною; расточительность двора истощала безъ того скудныя средства; наконецъ, раздоры придворныхъ партій и особенно интриги Джона Ланкастера порождали массу злоупотребленій и неудовольствій. Джонъ Ланкастеръ, не участвуя въ совѣтѣ, имѣлъ, однако, фактически вліяніе на дѣла финансовыя и военныя; онъ былъ дѣйствительнымъ центромъ политики и интригъ, въ коихъ онъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли.

Парламентскія лѣтописи Англіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свидѣтельствуютъ объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ: о требованіи субсидій со стороны нуждающагося двора и требованіи улучшеній въ управленіи и финансоваго контроля со стороны парламента. Наконецъ, дѣйствительныя и неотложныя нужды правительства побудили парламентъ, въ 1380 году, установить (подъ условіемъ обѣщанія реформъ въ управленіи) поголовную подать (poll-tax); но эта мѣра была ближайшимъ поводомъ къ грозному возстанію 1381 года.

Причины возстанія 1381 года весьма разнообразны. Онѣ коренились прежде всего въ религіозномъ движеніи, главнымъ представителемъ котораго былъ Виклефъ. Личность Виклефа, конечно, непричастна возстанію. Великій реформаторъ издавна завоевалъ себѣ вліятельное положеніе въ странѣ и даже при дворѣ. Онъ выступилъ въ парламентѣ 1366 года для защиты достоинства страны и короля отъ притязаній Урбана V; ему, вмѣстѣ съ епископомъ Гильберомъ, было поручено веденіе переговоровъ съ папою въ 1374 г.; онъ пользовался поддержкою Эдуарда III, Чернаго Принца, а потомъ его вдовы, матери Ричарда II. Чрезъ него лоллардизмъ получилъ точку опоры при дворѣ. Но въ доктринахъ лоллардизма заключалось, какъ мы видѣли, много демократическихъ началъ. Многіе ученики и послѣдователи Виклефа проповѣдовали ихъ въ церквахъ, на площадяхъ, на рынкахъ. Между ними особенно выдавался священникъ Джонъ Балль (Ball). Затѣмъ, положеніе земледѣльцевъ, благодаря касавшимся ихъ „статутамъ“ (см. выше), злоупотребленіямъ землевла-

дѣльцевъ, фискальныхъ, судейскихъ и другихъ чиновниковъ было весьма тяжко. Поголовная подать 1381 года была послѣднею каплею. Неудовольствіе быстро распространилось и на многіе города. Главнымъ органомъ ея явился Уатъ-Тайлеръ, сообщившій возстанію нѣкоторое единство. Сама столица досталась на время мятежникамъ. Ненависть ихъ была направлена противъ духовенства и поземельной аристократіи [1]). Убійства, грабежи, пожары обозначали ихъ путь, и возстаніе 1381 года напомнило французскую жакерію послѣ битвы при Пуатье. Не смотря на безпорядочность возстанія, предметъ его былъ весьма опредѣленный: уничтоженіе феодальныхъ барщинъ, пониженіе и равномѣрное опредѣленіе повинностей, затѣмъ требованіе общей амнистіи.

Возстаніе, какъ извѣстно, было остановлено ловкимъ маневромъ молодого короля. Онъ самъ выѣхалъ къ мятежникамъ; въ его глазахъ были убиты лордъ-мэръ Лондона [2]) и предводитель возставшихъ, Уатъ-Тайлеръ. Но король, встрѣченный громкими кликами сочувствія, обѣщалъ мятежникамъ исполненіе ихъ желаній; щедро были розданы освободительныя хартіи. Обѣщана амнистія и другія мѣры на пользу возставшихъ. Мятежники, обнадеженные словомъ короля и лишившіеся своего предводителя, разошлись. Но, вмѣсто исполненія обѣщаній, ихъ ожидала кровавая расправа. Черезъ двѣ недѣли послѣ переговоровъ съ мятежниками, вышелъ указъ, повелѣвавшій всѣмъ земледѣльцамъ оставаться на мѣстахъ и отбывать положенныя повинности; вслѣдъ затѣмъ уничтожены и отмѣнены были хартіи, данныя королемъ; осенью началось возмездіе: бывшихъ мятежниковъ погибло до семи тысячъ. Въ ноябрѣ собрался парламентъ.

VIII. Настроеніе парламента было враждебно одинаково и къ мятежникамъ, и къ правительству. Составленный изъ господствующихъ классовъ, парламентъ осудилъ и мятежъ, и требованія возставшихъ; онъ одобрилъ отмѣну хартій, данныхъ королемъ мятежникамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указалъ на злоупотребленія въ отправленіи правосудія, въ финансовомъ управленіи и въ общей администраціи. Особенною рѣшительностью и смѣлостью отличалось представленіе палаты общинъ [3]). „Правду сказать“, говорилось въ немъ,

---

[1]) Извѣстенъ демократическій припѣвъ мятежниковъ:

„When Adam delved, and Eve span,
Who was then the gentleman?“
Когда Адамъ копалъ, а Ева пряла,
Гдѣ былъ тогда джентльменъ?

[2]) Извѣстный намъ Вальвортъ (см. выше).

[3]) Оно приведено въ выдержкахъ Галламомъ, II, стр. 232 и слѣд.

между прочимъ, „неслыханныя обиды, причиняемыя съ нѣкотораго времени самымъ бѣднымъ общинамъ, заставили ихъ возстать и были причиною бѣдствій послѣдняго мятежа; есть основаніе опасаться еще бо̀льшихъ безпорядковъ, если своевременно не будутъ найдены способы противъ названныхъ обидъ и притѣсненій. Да будетъ же угодно нашему господину королю и благороднымъ пэрамъ королевства, нынѣ собраннымъ въ этомъ парламентѣ, придумать средства и преобразованія, дабы состояніе и достоинство, во-первыхъ, короля, а также лордовъ были сохранены, какъ этого всегда желали общины, и чтобы общинамъ былъ возвращенъ миръ; и да сдѣлаютъ это, удаливъ дурныхъ министровъ и совѣтниковъ, какъ только они будутъ открыты, и замѣнивъ ихъ лучшими и болѣе способными и положивъ конецъ несправедливымъ мѣрамъ, вызвавшимъ послѣднее возстаніе; въ противномъ случаѣ, нельзя себѣ представить, чтобы это королевство могло просуществовать долго, не испытавъ величайшихъ бѣдствій. И ради Бога (pour l'amour de Dieu), пусть не забудутъ поставить подлѣ короля и въ его совѣтѣ лучшихъ господъ и рыцарей, какихъ только можно будетъ найти въ королевствѣ".

Исходъ событій 1381 года должно разсматривать въ отношеніяхъ соціальномъ и политическомъ. Въ первомъ отношеніи, эти событія, не смотря на жестокость, съ которою было подавлено возстаніе, несомнѣнно ускорили отмѣну крѣпостного права (villenage), независимо отъ какого-либо общаго о томъ закона. Законы временъ Ричарда II, равно какъ и статуты Эдуарда III, должны были усилить закрѣпощеніе. Мы видѣли, что парламентъ 1381 года усердно содѣйствовалъ королю въ отмѣнѣ данныхъ имъ отпускныхъ грамотъ; грамоты эти, говорили лорды и общины, не могли быть даны безъ ихъ согласія, а „они никогда не дадутъ его, чтобы не погибнуть вмѣстѣ и въ одинъ день". Затѣмъ, подъ страхомъ наказанія за измѣну, были воспрещены всякія шумныя сборища. Въ двѣнадцатый годъ царствованія Ричарда II было постановлено: ни одинъ земледѣлецъ или служитель не можетъ оставить предѣлы „сотни" безъ позволенія за королевскою печатью, и каждый, кто до 12-лѣтняго возраста занимался землedѣліемъ, не можетъ уже переходить къ другимъ промысламъ.

Послѣ того (1391), общины просили, чтобы вилланамъ было запрещено посылать своихъ дѣтей въ школы, и чтобы господамъ было дозволено сыскивать и возвращать вилланов, ушедшихъ въ городъ. Король не согласился на эти прошенія [1]).

---

[1]) Галламъ, II, стр. 435 и слѣд.; Стёббсъ, II, стр. 483, прим. 2; III, стр. 602 и слѣд.

Не смотря на эти мѣры и на такое направленіе самого парламента, крѣпостное право исчезаетъ въ Англіи постепенно, но неудержимо. Сами ландлорды отказываются отъ барщины, находя болѣе выгоднымъ сдачу земель въ аренду или наймы, или обращая натуральную повинность вилланов въ денежную. Въ XV вѣкѣ отпускныя грамоты являются весьма часто. Слова, коими онѣ начинаются, показываютъ, что въ сознаніи общества крѣпостное право является несправедливостью [1]). Съ другой стороны, владѣніе землями, коими пользовались крестьяне отъ владѣльца, обусловливается не барщиной, а нѣкоторыми повинностями, занесенными въ вотчинную книгу (roll), списки съ которой (копіи) выдавались крестьянамъ сенешалемъ (steward) ландлорда. По титулу владѣнія, такіе крестьяне назывались *копигольдерами* (copyholders), въ отличіе отъ *фригольдеровъ*, свободныхъ собственниковъ [2]). Эти новые, лично свободные люди увеличили число йоменовъ и содѣйствовали развитію силы общинъ. Положеніе земледѣльческаго и другихъ рабочихъ классовъ Англіи ухудшается послѣ войнъ Бѣлой и Алой Розы и съ измѣненіемъ общихъ условій земледѣлія, промышленности и торговли Англіи. Но законодательная и правительственная политика выражается въ мѣрахъ противъ бродяжничества (законы объ осѣдлости, law of settlement) и законахъ о бѣдныхъ (poor law). Они получили особенное развитіе въ слѣдующемъ періодѣ.

IX. Ближайшія *политическія* послѣдствія событій 1381 года не были благопріятны, хотя, повидимому, усилія парламента были направлены къ этой цѣли. Общины не добились амнистіи, которая была дана уже въ слѣдующемъ году, по случаю бракосочетанія короля. Разсмотрѣніе способовъ исправленія злоупотребленій было обѣщано, но не привело къ желанному концу. Раздоры феодальныхъ партій и придворныя интриги не прекращались. Правда, Джонъ Ланкастеръ, разочарованный въ любви къ нему народа, явно доказавшаго ему свою ненависть въ 1381 году, сошелъ со сцены, предоставивъ политическую роль своему сыну (будущему Генриху IV). Но чрезъ нѣсколько времени феодальная партія сгруппировалась вокругъ новыхъ руководителей. Во главѣ ея стали: другой дядя короля, Ѳома Глочестеръ (Вудстокъ), Генрихъ Дерби (Генрихъ IV), недовольный королемъ и по семейнымъ отношеніямъ, и за то, что Ричардъ призналъ своимъ наслѣдникомъ молодого Мортимера (см. выше), Ѳома Бошанъ графъ Варвикъ, Ѳома графъ Нот-

---

[1]) Cum ab initio omnes homines natura liberavit Deus, et postea jus gentium quosdam sub jugo servitutis constituit, nos, и т. д. Глассонъ, IV, стр. 186 и слѣд.

[2]) Глассонъ, IV, стр. 190 и слѣд.

тингамъ и друг. Духовенство было недовольно королемъ за скрытую поддержку, оказываемую виклефитамъ; во главѣ недовольныхъ стоялъ Ѳома Арондель, братъ графа.

Со своей стороны, король, еще не вышедшій изъ подъ опеки, избралъ себѣ своихъ совѣтниковъ и друзей. Первое мѣсто между ними принадлежитъ Михаилу де-ла-Полю, графу Суффольку, человѣку скромнаго происхожденія, но большихъ достоинствъ, который не могъ, однако, справиться съ затрудненіями, не имъ созданными [1]). Онъ былъ сдѣланъ канцлеромъ въ 1383 году. Затѣмъ возвысился Ле-Скропъ (Scrope), другъ Джона Ланкастерскаго. За ними слѣдовали де-Веръ и Борлей, имѣвшіе нѣкоторыя личныя достоинства, но неспособные къ управленію. Но и при болѣе способныхъ и популярныхъ совѣтникахъ, положеніе дѣлъ не могло бы исправиться: легкомысліе, расточительность, заносчивость самого короля способны были создать затрудненія даже тамъ, гдѣ ихъ не было [2]).

Между тѣмъ внѣшнія и внутреннія затрудненія были велики. Война съ Франціею и Кастиліею велась съ урономъ для Англіи; страдала ея торговля, ея берега были открыты для нападеній. Внутри лоллардизмъ дѣлалъ быстрые успѣхи, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры; общее недовольство росло, благодаря тяжести субсидій и податей, злоупотребленіямъ администраціи и расточительности двора. Періодъ времени отъ 1381 г. до 1388 г. есть лѣтопись борьбы парламента и правительства; усилія парламента направляются къ

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 484 и слѣд.

[2]) Не приписывая бѣдствій этого царствованія однимъ личнымъ свойствамъ Ричарда II (см. выше), не безполезно будетъ привести его характеристику, сдѣланную Галламомъ (ук. соч., II, стр. 237):

„Ричардъ II, характеръ котораго развивался тогда (въ 1381 и слѣд. гг.), быстро разрушалъ надежды, возбужденныя присутствіемъ духа, обнаруженнымъ при свиданіи съ мятежниками при Блэкгитѣ (см. выше). Онъ не былъ лишенъ способностей, какъ это иногда предполагали. Если судить объ умственныхъ способностяхъ по нѣкоторымъ блестящимъ чертамъ больше, чѣмъ по общему результату—Ричардъ былъ человѣкъ большихъ способностей. Онъ соединялъ съ глубокою скрытностью искусство быстро и рѣшительно уловить моментъ для дѣйствія. Онъ далъ тому поразительныя доказательства, не только во время возстанія, но и въ другихъ случаяхъ. Но его обыкновенное поведеніе не соотвѣтствовало талантамъ, обнаруживаемымъ имъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и сдѣлало эти таланты недостаточными для его безопасности. Непомѣрная гордость, необузданность, возмутительное пристрастіе къ самымъ недостойнымъ любимцамъ—таковы были господствующія черты его характера“. Къ нимъ должно присоединить страсть къ удовольствіямъ и расточительность. Тщеславный въ своихъ вкусахъ, онъ страстно любилъ праздники и пышныя зрѣлища—господствующая страсть его вѣка—и его представляютъ живущимъ обыкновенно въ такой роскоши, съ которою не могла сравниться рыцарская пышность Эдуарда III.

одной общей цѣли: внести порядокъ въ финансовое и дворцовое управленіе и подчинить высшую администрацію своему контролю. Ближайшимъ образомъ политическій интересъ эпохи сосредоточивается на процессѣ, возникшемъ по обвиненію Ла-Поля и другихъ королевскихъ совѣтниковъ въ дурномъ управленіи. Уже по требованію парламента 1385 г. была назначена коммиссія изъ 9 лордовъ для исправленія злоупотребленій въ администраціи и дворцовомъ хозяйствѣ. Задача коммиссіи не могла быть выполнена вслѣдствіе противодѣйствія, главнымъ образомъ, Ла-Поля. Въ парламентѣ 1386 года оппозиція рѣшилась на болѣе смѣлый шагъ. Засѣданія парламента были открыты, въ присутствіи короля, Ла-Полемъ. Но настроеніе сословій обнаружилось тотчасъ при обсужденіи субсидій. Король, избѣгая борьбы или задумывая распустить парламентъ, уѣхалъ въ Эльтгамъ. Отсюда онъ издалъ патентъ о возведеніи своего любимца де-Вера въ герцоги Ирландіи. Такое возвышеніе одного изъ ненавистныхъ парламенту лицъ дало новый толчокъ оппозиціи. Обѣ палаты представили королю прошеніе объ удаленіи канцлера Ла-Поля и казначея. Король гнѣвно отвѣчалъ, что онъ по требованію палатъ не уволитъ даже поваренка изъ своей кухни, и велѣлъ палатамъ приступить къ ихъ занятіямъ. Палаты съ твердостью отвѣчали, что онѣ не приступятъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, прежде чѣмъ король не прибудетъ въ мѣстопребываніе парламента и не уволитъ указанныхъ ему лицъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, которые вели Глочестеръ и архіепископъ Арондель, король уступилъ, подъ вліяніемъ угрозы низложенія и судьбы Эдуарда II. Обвиненіе противъ Ла-Поля (Суффолька) было допущено, и канцлеръ приговоренъ къ пенѣ и тюремному заключенію. Искренно или притворно, но самъ король, выслушавъ обвинительныя статьи противъ Ла-Поля, воскликнулъ въ засѣданіи парламента: „увы, Михаилъ, смотри, что ты сдѣлалъ!“ Вслѣдъ за осужденіемъ канцлера, парламентъ настоялъ на учрежденіи коммиссіи изъ 14 лицъ, облеченныхъ на годъ чрезвычайными полномочіями по исправленію злоупотребленій. Ричардъ согласился на эту уступку неохотно и съ оговоркой, смыслъ которой раскрылся скоро. Уже въ 1387 г. онъ выпустилъ Ла-Поля изъ тюрьмы и собралъ партію, противную преобразовательной коммиссіи. Совѣтниками его явились Борлей, архіепископъ Невиль, де-Веръ, верховный судья Трессильянъ и лордъ-мэръ Лондона Бремберъ. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ судей мнѣнія о законности постановленій парламента 1386 года. Подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, давленія, судьи объявили всѣ означенныя постановленія незаконными и даже измѣнническими. Но такое „объявленіе“ было сигналомъ къ вооруженному сопротивленію. Общее дѣло парламента взяли въ свои руки

пять лордовъ, получившихъ названіе *апелляціонныхъ* (the lords Appellants — по тогдашней терминологіи: *обвинителей*). Этими лордами были: Глочестеръ, Генрихъ Дерби (Генрихъ IV), Ноттингамъ, Варвикъ и Арондель. Они внесли 39 пунктовъ обвиненія противъ „злыхъ“ совѣтниковъ короля—Ла-Поля, Невиля, де-Вера, Трессильяна и Бремберa, въ парламентъ 1388 года, прозванный *безпощаднымъ* (merciless). Изъ пяти обвиненныхъ на лицо былъ одинъ Бремберъ; прочіе укрылись или бѣжали. Въ отношеніи тогдашнихъ обычаевъ и формъ процедуры замѣчательно, что Бремберъ потребовалъ въ палатѣ лордовъ судебнаго поединка. „Апелляціонные лорды“ согласились и бросили свои перчатки; вслѣдъ затѣмъ лорды, рыцари, сквайры и другіе стали бросать свои перчатки, покрывшія полъ палаты, „подобно снѣжнымъ хлопьямъ“. Всѣ восклицали о своей готовности доказать на головѣ „проклятаго измѣнника“ справедливость обвиненій. Но затѣмъ лорды опредѣлили, что поединокъ въ такихъ случаяхъ не можетъ быть допущенъ. Бремберъ былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ.

Такіе же приговоры были произнесены и надъ другими обвиняемыми. Суффолькъ (Ла-Поль) и де-Веръ были приговорены къ смерти, отъ которой они избавились только тѣмъ, что раньше суда бѣжали. Ла-Поль умеръ во Франціи; судья Трессильянъ былъ повѣшенъ; той же участи подверглись Борлей и три другихъ лица. Фактическая власть перешла къ Глочестеру, который пользовался ею цѣлый годъ.

Но въ слѣдующемъ году (1389) король окончательно объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и безъ сопротивленія взялъ власть въ свои руки. Трудно объяснить, какъ и почему совершилась такая перемѣна [1]). Однако, она не предвозвѣщала никакихъ бѣдствій для Англіи. Поведеніе короля было благоразумно и умѣренно. Въ совѣтъ его были призваны лица, до тѣхъ поръ ему враждебныя. Примиренію партій содѣйствовалъ Джонъ Ланкастеръ, возвратившійся въ Англію и употребившій свою опытность и вліяніе на доброе дѣло. Первыя мѣры короля вызвали общее удовольствіе [2]). Между королемъ и парламентомъ установилось видимое согласіе, благодаря которому въ теченіе этого періода было издано нѣсколько полезныхъ законовъ.

X. Періодъ относительнаго мира продолжался до 1394 г., когда характеръ короля снова началъ измѣняться. Но рѣшительная пере-

---

[1]) Галламъ отказывается объяснить эту крупную перемѣну; онъ дѣлаетъ лишь предположеніе, что Ричардъ былъ обязанъ успѣхомъ несогласію своихъ враговъ (ук. соч., II, стр. 249 и слѣд.).

[2]) Omnes Deum glorificaverunt qui sibi talem regem sapientem futurum providere curavit. Стеббсъ, II, стр. 504, прим. 4.

мѣна въ политикѣ произошла въ 1396 году, когда, послѣ смерти первой своей жены, Ричардъ женился на дочери французскаго короля Карла VI, принесшей съ собою и нравы французскаго двора. Ричардъ, самъ наклонный къ роскоши, началъ прежнюю свою жизнь, и расточительность двора снова опустошила казну. Понадобились субсидіи, а на требованіе послѣднихъ парламентъ отвѣчалъ прошеніемъ объ исправленіи различныхъ злоупотребленій. Какъ и прежде, особенною настойчивостью отличалась петиція общинъ, въ которой указывалось на расточительность двора. Ричардъ въ гнѣвѣ потребовалъ имени составителя петиціи. Оказалось, что ее составлялъ нѣкто Гекси (Haxey), священникъ и агентъ графа Ноттингама. По требованію короля, Гекси былъ приговоренъ къ смерти, отъ которой онъ избавился, благодаря заступничеству Аронделя (епископа).

Необыкновенная уступчивость, обнаруженная палатою общинъ по дѣлу Гекси, показала Ричарду, что для устраненія послѣднихъ элементовъ оппозиціи и расширенія его власти насталъ благопріятный моментъ. Ричардъ воспользовался имъ съ тою же поспѣшностью, какую онъ обнаружилъ въ 1389 году.

Прежде всего онъ рѣшился уничтожить остатки оппозиціи, особенно въ лицѣ „апелляціонныхъ лордовъ“, погубившихъ его любимцевъ въ 1388 году. Партія эта была уже разрознена. Графъ Дерби (Генрихъ IV) помирился съ королемъ и вмѣстѣ со своимъ отцомъ, Джономъ Ланкастеромъ, былъ при дворѣ. Графъ Ноттингамъ поссорился съ Варвикомъ и былъ назначенъ губернаторомъ Калэ. Оставались Глочестеръ, Арондель и Варвикъ. Король подозрѣвалъ ихъ въ замыслахъ противъ его особы и рѣшился предупредить ихъ. Они были приглашены на королевскій пиръ 8 іюля. Глочестеръ и Арондель не явились подъ разными предлогами; Варвикъ явился и былъ арестованъ. Чрезъ нѣсколько времени были взяты Арондель и Глочестеръ; послѣдній былъ отправленъ подъ стражей въ Калэ.

Въ сентябрѣ 1397 года былъ созванъ парламентъ, въ коемъ должна была рѣшиться участь плѣнниковъ. Восемь лордовъ, присовѣтовавшихъ Ричарду арестовать названныхъ лицъ, должны были внести противъ нихъ обвиненіе *въ измѣнѣ*, по поводу ихъ дѣйствій въ 1387 и 1388 годахъ. Для предупрежденія народнаго возстанія, была собрана военная сила; самые выборы въ палату общинъ были произведены подъ явнымъ давленіемъ короля, шерифовъ и преданной королю знати.

Засѣданія парламента открылись въ Вестминстерѣ рѣчью канцлера, объяснившаго, что цѣль созыва палатъ состоитъ въ возстановленіи правъ короля и отмѣнѣ всѣхъ постановленій, ее ограничи-

вающихъ. Парламентъ не только пошелъ на встрѣчу требованiямъ короны, но даже превзошелъ ихъ. Постановленія „коммиссіи реформы" 1386 г. и акты помилованія „апелляціонныхъ лордовъ" были отмѣнены. Затѣмъ началось преслѣдованіе лицъ, дѣйствовавшихъ во время кризиса 1388 года. Палата общинъ возбудила обвиненіе противъ архіепископа кентерберійскаго (Аронделя—брата графа); онъ былъ приговоренъ къ изгнанію. Графъ Арондель былъ приговоренъ къ смертной казни и обезглавленъ [1]); графъ Варвикъ подвергнутъ пожизненному заключенію. Оставался главный дѣятель 1388 г.—Ѳома Глочестеръ (Вудстокъ), младшій дядя короля. Онъ былъ, какъ мы видѣли, отправленъ въ Калэ. Здѣсь, еще до суда, онъ былъ убитъ; но приговоръ былъ произнесенъ надъ нимъ и послѣ смерти.

И король, и парламентъ были внѣ себя отъ радости отъ исхода процесса. Лорды, содѣйствовавшіе королю, были награждены титулами. Графъ Ноттингамъ получилъ герцогство Норфолькъ, Генрихъ Дерби сдѣлался герцогомъ Герефордомъ, Ле-Скропъ—графомъ Вильтшейромъ, и т. д. Самъ парламентъ, засѣданія котораго были отсрочены, разошелся, давъ торжественную клятву поддерживать всѣ статуты и постановленія, сдѣланные въ этомъ парламентѣ, а также жить и умереть, спасая короля, его свободу и права [2]).

XI. Мѣры и постановленія вестминстерскаго парламента имѣли отрицательный характеръ: предполагаемые враги короля были осуждены, разныя постановленія 1386 и слѣдующихъ годовъ отмѣнены. Но постановленія парламента, собраннаго 28 января 1398 года въ Шрюсбери (Shrewsbury), имѣли болѣе важное значеніе, ибо они давали королю новыя права и почти неограниченную власть. Во-первыхъ, всѣ акты парламента 1388 года были отмѣнены; затѣмъ общины, съ согласія лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ, назначили королю пожизненныя субсидіи и сборы съ шерсти, кожъ и другихъ предметовъ; наконецъ, послѣднимъ актомъ этого парламента [3]) явилось учрежденіе комитета изъ 18 лицъ, избранныхъ палатами [4]), и которымъ парламентъ ввѣрялъ всѣ свои полномочія. Обезпеченный въ матеріальныхъ средствахъ, избавленный отъ контроля парламента и даже поддерживаемый „комитетомъ", составленнымъ изъ его привержен-

---

[1]) Замѣчательно, что приговоръ палаты былъ объявленъ Джономъ Ланкастеромъ, сынъ котораго (также участвовавшій въ этомъ подобіи „суда") чрезъ два года низложилъ Ричарда.

[2]) „A vivre et murir; sauvant au roy sa regalie et liberte et le droit de sa corone". Стеббсъ, II, стр. 519.

[3]) Который Стеббсъ называетъ „самоубійственнымъ" (suicidal parliament).

[4]) 10 отъ лордовъ свѣтскихъ, 2 графа, въ качествѣ прокураторовъ (proctors) духовенства и 6 коммонеровъ.

цевъ, король пріобрѣталъ неограниченную власть. Еслибы эти постановленія вошли въ силу, то вся вѣковая борьба англійскихъ сословій оказалась бы безплодною. Парламентъ 1398 года разрушилъ бы дѣло не только людей 1388 г., но и всѣхъ ихъ предшественниковъ, начиная съ бароновъ, добывшихъ Великую Хартію. Реакція въ своихъ цѣляхъ и способахъ зашла слишкомъ далеко; Ричардъ II поспѣшно положился на чувства парламента, избраннаго и составленнаго подъ явнымъ давленіемъ властей. Страна не раздѣляла этихъ чувствъ, что доказывается необыкновенною легкостью, съ какою совершонъ былъ переворотъ 1399 года. Предлогомъ къ нему явилась личная распря короля съ Генрихомъ Герефордомъ; но дѣйствительныя его причины и условія успѣха Генриха лежали гораздо глубже.

Генрихъ Герефордъ и герцогъ Норфолькъ (графъ Ноттингамъ) были послѣдними изъ апелляціонныхъ лордовъ, пережившихъ бури прошлыхъ лѣтъ. Оба вошли, наружно, въ милость короля, которой они вскорѣ были лишены безъ серьезнаго повода. Между ними произошла ссора, вызвавшая вмѣшательство короля. Оба противника были приговорены имъ къ изгнанію. Можетъ быть, король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удалить изъ Англіи послѣднихъ людей 1388 года. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что поведеніе его относительно Генриха Герефорда приняло характеръ личной мести. Въ январѣ 1399 года умеръ отецъ Генриха — Джонъ Ланкастеръ. Генрихъ былъ его законнымъ наслѣдникомъ. Но король, по совѣщаніи съ указаннымъ выше парламентскимъ комитетомъ, опредѣлилъ лишить Генриха Ланкастерскаго герцогства. Обиженный Генрихъ вошелъ въ сношенія съ своимъ соизгнанникомъ — архіепископомъ Аронделемъ и приготовился силою возвратить отнятое у него достояніе.

Воспользовавшись отсутствіемъ Ричарда, отправившагося въ Ирландію, Генрихъ и Арондель высадились (4 іюля 1399) въ Англіи. Успѣхъ возстанія былъ скоръ; онъ непонятенъ, если не принять въ расчетъ общаго недовольства противъ Ричарда. Король возвратился въ Англію и принужденъ былъ покориться. Парламентъ, созванный въ сентябрѣ, низложилъ Ричарда, поставивъ ему въ вину по большей части дѣйствія и мѣры, которыя были такъ горячо одобрены „самоубійственнымъ парламентомъ“ 1398 года [1]. Королю поставлена была въ вину отмѣна прощенія „апелляціонныхъ лордовъ“, его несправед-

[1]) Этотъ парламентъ состоялъ, впрочемъ, изъ людей весьма шаткихъ убѣжденій: „большинство лицъ, которыхъ парламентскіе протоколы называютъ въ числѣ давшихъ Ричарду II священный залогъ ихъ вѣрности, клялись тѣми же мощами Глочестеру и Аронделю десять лѣтъ назадъ и, два года спустя, принесли присягу въ вѣрности Генриху Ланкастеру“. Галламъ, II, стр. 257.

ливости къ Глочестеру, нарушеніе конституціи, злоупотребленія прерогативою, произвольныя обложенія и т. д. [1]). Рѣшеніе о низложеніи короля было провозглашено 30-го сентября 1399 года.

Престолъ дѣлался вакантнымъ. Ближайшее право на него имѣлъ потомокъ Ліонеля Кларанскаго (второго сына Эдуарда III, см. выше), Эдмундъ Мортимеръ. Онъ былъ признанъ въ своихъ правахъ и бездѣтнымъ Ричардомъ II. Но вопросъ объ его правахъ былъ обойденъ молчаніемъ въ парламентѣ 1399 года; только чрезъ 60 лѣтъ, забытыя притязанія потомства Ліонеля сдѣлались предлогомъ истребительной войны и новаго династическаго переворота. Парламентъ 1399 года отдалъ престолъ Генриху Ланкастерскому, не имѣвшему законныхъ на то основаній, хотя онъ, требуя престола для себя, выставлялъ ихъ два [2]). Успѣхъ Генриха въ парламентѣ 1399 года зависѣлъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и успѣхъ его высадки, т.-е. отъ общаго недовольства правленіемъ Ричарда II и популярности его противника, нанесшаго ему рѣшительный ударъ въ трудную для страны минуту. Престолъ былъ отданъ Генриху; Ричардъ кончилъ свою жизнь въ 1400 году [3]).

XII. Царствованіе Ричарда II знаменательно въ исторіи Англіи потому, что имъ заканчивается періодъ правленія Плантагенетовъ, въ собственномъ смыслѣ; съ его смертью видоизмѣняется положеніе и соотношеніе политическихъ силъ этой страны. До низложенія Ричарда II, Плантагенеты вступали на престолъ въ силу своихъ династическихъ, наслѣдственныхъ правъ. Низложеніе Эдуарда II было мѣрою противъ дурного короля, но не противъ его династіи; престолъ былъ отданъ Эдуарду III, который оставилъ его своему внуку отъ старшаго сына. Двѣ слѣдующія династіи—Ланкастерская (алая роза) и Іоркская (бѣлая роза)—достигаютъ престола *узурпаціею*, осно-

---

[1]) Списокъ этихъ обвиненій см. у Стёббса, II, стр. 527—529.

[2]) Во-первыхъ, Генрихъ защищалъ свои притязанія тѣмъ, что онъ, по женской линіи происходилъ отъ брата Эдуарда I — Эдмунда, короля сицилійскаго и отца Ѳомы Ланкастера (см. выше). Но это основаніе было весьма шатко, потому что самъ Эдмундъ былъ младшимъ братомъ Эдуарда I, и ланкастерской партіи пришлось поддерживать басню о томъ, что Эдмундъ былъ *старшимъ* братомъ Эдуарда I и устраненъ отъ престола по физическимъ своимъ недостаткамъ. Затѣмъ, Генрихъ происходилъ отъ Эдмунда по *женской* линіи и самъ отрицалъ права Мортимеровъ, потому что они происходили отъ Ліонеля Кларанскаго также по *женской* линіи, т.-е. отъ Филиппы, дочери Ліонеля. Сверхъ того, Генрихъ ссылался на то, что Богъ привелъ его къ возстановленію своихъ правъ въ то время, когда королевству грозило разрушеніе отъ недостатка правительства и законовъ. Но это основаніе не имѣло значенія въ вопросахъ о престолонаслѣдіи.

[3]) Обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни и смерти весьма загадочны. См. Стёббсъ, III, стр. 26.

ванною на шаткихъ правахъ и освященною рѣшеніемъ парламента. Во-вторыхъ, въ періодъ времени отъ 1215 до 1399 года, государственныя сословія соединены между собою общностью интересовъ и цѣлей. Магнаты, прелаты и общины борятся за Великую Хартію и вольности страны противъ притязаній короны, и въ этой борьбѣ вырабатываются политическія, судебныя и административныя учрежденія Англіи. Съ низложеніемъ Ричарда начинается *смутный* періодъ англійской исторіи, кончающійся крушеніемъ феодальнаго дворянства, церкви и двухъ династій въ теченіе одного столѣтія (1399—1485).

Между тѣмъ, съ формальной стороны, все благопріятствовало, повидимому, мирному развитію представительныхъ учрежденій и конституціоннаго правленія. Въ лицѣ Ланкастерскаго дома на англійскомъ престолѣ явилась не только *новая династія*, обязанная своею властью парламенту, но и династія, представлявшая извѣстные политическіе *принципы*, благопріятные развитію представительныхъ учрежденій. „Ланкастерскіе“ принципы въ средневѣковой Англіи играли роль сходную съ тою, какую играли принципы Орлеанскаго дома во Франціи въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Главный теоретикъ этой доктрины, Фортескью, о коемъ мы скажемъ ниже, оставилъ намъ изображеніе умѣренной монархіи, въ которой можно уже раскрыть черты государственнаго строя, составлявшаго предметъ удивленія Монтескьё.

Со вступленіемъ на престолъ Генриха IV (1399—1413), для Англіи, повидимому, открывался періодъ мирнаго развитія ея учрежденій и спокойнаго пользованія пріобрѣтенными націею правами. Но положеніе новаго короля, возведеннаго на престолъ переворотомъ, было крайне шатко. Не смотря на правительственныя способности Генриха IV, онъ принужденъ былъ бороться съ великими препятствіями. Власти его почти непрерывно грозили заговоры и мятежи честолюбивыхъ вельможъ. Король долженъ былъ защищать свои права рѣшительными, иногда жестокими мѣрами. Но въ борьбѣ съ врагами онъ имѣлъ опору въ одномъ парламентѣ, который часто пользовался затрудненіями короля, для расширенія собственной власти. Уступки, которыя король принужденъ былъ дѣлать парламенту, по самому ихъ свойству, не могли обратиться, по условіямъ того времени, въ нормальныя права палатъ [1]). Затѣмъ, Генрихъ IV, получившій престолъ, между прочимъ, при содѣйствіи высшаго духовенства, недовольнаго Ричардомъ II за потворство, оказываемое при дворѣ лоллардистамъ, поспѣшилъ отдать „еретиковъ“ въ руки ихъ враговъ. Же-

---

[1]) Мы возвратимся къ этому предмету ниже.

стокіе законы противъ ересей ведутъ свое начало съ Генриха IV. Чрезъ это король утратилъ свою популярность въ низшихъ классахъ. При такихъ условіяхъ должно удивляться, что Генрихъ не только сохранилъ свою власть, но даже расширилъ ее и утвердилъ настолько, что могъ передать ее своему наслѣднику. Короткое царствованіе Генриха V (1413—1422) навсегда останется въ народной памяти. Но слава Генриха V основана, главнымъ образомъ, на внѣшнихъ его подвигахъ, на изумительныхъ успѣхахъ войны съ Франціею, поставившей эту страну на край погибели. Національное самолюбіе англичанъ было удовлетворено, и имя Генриха стало въ ряду съ именами другихъ представителей народной славы. Но достаточно было чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, чтобы положеніе вещей измѣнилось. Преждевременная смерть Генриха отдала престолъ его девятимѣсячному наслѣднику. Долгое регентство, слабоуміе короля, распущенность въ управленіи, борьба партій, страшное крестьянское возстаніе, подъ предводительствомъ Джона Када, принявшаго имя Мортимера (1450 г.), потеря французскихъ владѣній, новое „протекторство", ввѣренное Ричарду Іоркскому, междоусобная война, начатая послѣднимъ (1455 г.), неистовства королевы Маргариты и ея партіи, своеволіе вельможъ, особенно знаменитаго „дѣлателя королей", графа Варвика, потеря престола, доставшагося сыну Ричарда Іоркскаго, Эдуарду—таковы главнѣйшія событія, пережитыя Англіею и Генрихомъ VI до окончательнаго бѣгства послѣдняго въ Шотландію (1461) [1]). Эдуардъ IV, добрую половину своего царствованія принужденъ былъ отражать попытки возвратить престолъ Генриху, дѣлу котораго помогалъ теперь тотъ же графъ Варвикъ, который сдѣлалъ королемъ Эдуарда IV, и собственный братъ короля, Георгъ герцогъ Кларанскій. Побѣда при Барнетѣ избавила короля отъ страшнаго Варвика [2]). Въ томъ же году было поражено и войско Маргариты при Тьюксбери. Цвѣтъ старой англійской аристократіи палъ въ этой битвѣ; по современному свидѣтельству, „бароны норманнскаго происхожденія, послѣ битвы при Тьюксбери, стали столь же рѣдки, какъ теперь волки" [3]).

Эдуардъ поддерживалъ свою власть строгими и даже жестокими мѣрами. Но полнаго спокойствія онъ не достигъ. Въ собственной

---

[1]) Послѣ неудачныхъ попытокъ возвратить ему престолъ, онъ былъ взятъ Эдуардомъ IV въ плѣнъ въ битвѣ при Барнетѣ (1471) и умеръ въ Тауэрѣ въ 1473 году. Вѣроятно, что онъ былъ убитъ. Стеббсъ, III, стр. 211.

[2]) Онъ былъ убитъ въ сраженіи.

[3]) „I take it, after the battle of Tewkesbury, a Norman baron was almost as rare a being in England, as a wolf is now".

его семьѣ шли раздоры. Братья его, Георгъ Кларанскій [1]) и Ричардъ Глочестерскій [2]), всегда враждовавшіе, наконецъ пришли къ открытому разрыву въ 1476 году. Георгъ удалился отъ двора. Но противъ него—вѣроятно, по внушенію Ричарда—было возбуждено обвиненіе посредствомъ билля of attainder, грознаго оружія, которымъ пользовалась королева Маргарита противъ враговъ Ланкастерскаго дома. Самъ король поддерживалъ обвиненіе. Герцогъ былъ осужденъ. Относительно смерти его ходили различныя догадки. Но судьба герцога отразилась на дѣтяхъ Эдуарда. По смерти короля (1483), малолѣтній наслѣдникъ его, Эдуардъ V, былъ отданъ подъ опеку Ричарду. Послѣдній приказалъ задушить молодого короля и его брата. Престолъ достался Ричарду, который, однако, не удержался на немъ дольше двухъ лѣтъ. Отпрыскъ Ланкастерскаго дома, Генрихъ Тюдоръ, графъ Ричмондъ [3]), въ свою очередь попыталъ счастья и вырвалъ корону у узурпатора. Въ битвѣ при Босвортѣ (22 августа 1485) Ричардъ былъ разбитъ и убитъ. Корона перешла въ домъ Тюдоровъ, которые открываютъ эру новой исторіи въ Англіи.

Судьба двухъ средневѣковыхъ династій не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ *королевской власти* въ Англіи. Напротивъ, именно въ теченіе этого періода, понятія о королевской прерогативѣ становятся точнѣе и опредѣленнѣе. Изъ періода нескончаемыхъ смутъ королевская власть выходитъ торжествующею и дѣлается грознымъ орудіемъ въ рукахъ Тюдоровъ. Но плачевная судьба династій Ланкастерской и Іоркской объясняется ближайшимъ образомъ тѣмъ, что онѣ были связаны съ судьбою двухъ господствующихъ сословій, одинаково перерождавшихся и клонившихся къ упадку.

Великія событія прежней англійской исторіи, Великая Хартія и многочисленныя ея подтвержденія и ограниченіе королевской прерогативы соединены съ именами вождей феодальной аристократіи и духовенства. Они были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вождями націи, потому что умѣли слить свое дѣло если не съ пользами народа, то съ пользами всѣхъ „свободныхъ людей“. Послѣ низложенія Ричарда II, оба сословія вырождаются и теряютъ свою политическую силу. Правамъ феодальнаго дворянства наносится сильный ударъ процессомъ освобожденія вилланов; старая поземельная связь tenentes in capite съ народонаселеніемъ разрывается. Аристократія тратитъ остатокъ своихъ силъ на междоусобія, на заговоры и возстанія; представители

---

[1]) Участвовавшій въ мятежѣ Варвика, бѣжавшій послѣ битвы при Барнетѣ, но потомъ прощенный.

[2]) Будущій Ричардъ III.

[3]) Правнукъ Іоанна, незаконнаго брата Генриха IV, отъ Маргариты, внуки Іоанна, вышедшей за Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда. См. таблицу.

старыхъ фамилій становятся, наконецъ, такъ рѣдки, „какъ волки". Генрихъ VII успѣлъ собрать въ свой первый парламентъ едва 29 пэровъ, изъ коихъ нѣкоторые были возведены въ пэрское достоинство имъ самимъ. Духовенство—нѣкогда мощная и популярная сила—постепенно теряетъ свое значеніе. Не смотря на то, что прелаты нерѣдко стояли за національные интересы, вліяніе церкви подрывается, во-первыхъ, тѣмъ, что ея значеніе во многомъ опиралось на поддержку *иноземнаго* авторитета, на власть папъ. Вліяніе римской куріи дѣлалось ненавистнымъ въ Англіи по мѣрѣ того, какъ въ ней пробуждалось національное сознаніе. Затѣмъ чрезмѣрное богатство высшаго духовенства и монастырей, образъ ихъ жизни, злоупотребленія духовныхъ судовъ и властей вызывали сильное недовольство въ рядахъ низшаго духовенства. Послѣднее—приниженное, бѣдное, но близко стоявшее къ народу—подняло наконецъ свой голосъ противъ притязаній римскаго двора и пороковъ собственной іерархіи. Первые провозвѣстники реформаціи вышли изъ низшаго духовенства. Жадно выслушивались проповѣди лоллардистовъ, въ которыхъ народъ находилъ отголосокъ собственныхъ чувствъ и изображеніе собственныхъ бѣдствій. Напрасно старались остановить успѣхи ереси Ланкастерскіе короли своими жестокими законами. „Лоллардизмъ" не былъ искорененъ и нашелъ себѣ выраженіе въ суровомъ пуританствѣ. Опытъ показалъ, что достаточно было одного толчка, чтобы разрушить зданіе римско-католической церкви въ Англіи.

Утрата нравственнаго и политическаго вліянія не могла быть вознаграждена тѣмъ, что свѣтская аристократія и духовенство сохраняли въ своихъ рукахъ огромныя богатства, что многіе графы были богаче королей и что графъ Варвикъ могъ кормить ежедневно три тысячи человѣкъ. Почва ежедневно уходила изъ подъ ногъ первенствующихъ сословій. На ихъ мѣсто выступала сила зарождавшихся общинъ, еще не сознавшая себя вполнѣ, но готовая раздѣлить власть съ высшими классами. Но развитіе ея совершилось въ слѣдующемъ періодѣ.

Въ періодъ разстройства общественныхъ силъ трудно ожидать органическихъ законодательныхъ работъ. Дѣйствительно, во время правленія домовъ Ланкастерскаго и Іоркскаго мы не встрѣчаемся съ реформами, подобными преобразованіямъ Эдуарда I и III. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ періодъ былъ безплоденъ: парламентское и мѣстное устройство сдѣлали важные успѣхи въ частностяхъ, на которые мы укажемъ ниже. Но къ концу періода чувствуется ослабленіе жизненной силы въ странѣ, истерзанной междоусобіями, раз-

вратившейся въ борьбѣ своекорыстныхъ партій и одичавшей въ частныхъ войнахъ.

Знаменитый Галламъ заключаетъ свою исторію средневѣковой Англіи слѣдующимъ замѣчаніемъ относительно царствованія Эдуарда IV: „времена (слѣдовавшія за воцареніемъ Эдуарда) темны и смутны; они даютъ столь же мало данныхъ для исторіи конституціи, какъ и для общей исторіи. Въ нихъ не встрѣчается лѣтописца, имѣющаго какое-нибудь значеніе; парламентскіе протоколы, коими мы до сихъ поръ руководствовались, суть простое собраніе частныхъ биллей или петицій, касающихся торговли. Царствованіе Эдуарда IV есть первое, когда не было издано ни одного билля для удовлетворенія жалобъ или поддержанія свободы подданныхъ. Протоколы, если не ошибаюсь, не содержатъ въ себѣ ни одной петиціи этого рода. Развѣ общины потеряли свое старое мужество? Развѣ онѣ не смѣли дѣлать представленій? Или этотъ пропускъ въ протоколахъ сдѣланъ умышленно? Трудно рѣшить этотъ вопросъ. Но мы не можемъ, безъ сомнѣнія, думать, чтобы правительство, скрѣпленное кровью, пролитою на поляхъ битвъ и на эшафотѣ, направляемое монархомъ жестокимъ и безъ принциповъ, не давало поводовъ къ справедливымъ порицаніямъ въ парламентѣ“ [1]).

Характеръ управленія Тюдоровъ служитъ, кажется, достаточнымъ отвѣтомъ на эти вопросы. Эдуардъ IV открылъ дорогу монархіи Генриха VII, напрасно называемой „новою“ (new monarchy).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общественные классы.

I. Послѣ того, какъ Англія пережила смутное время Стефана Узурпатора, учрежденія ея пришли въ такое разстройство, что только энергія и организаторскія способности Генриха II возстановили въ ней правильную государственную жизнь. Событія второй половины XV вѣка напомнили англичанамъ времена Узурпатора; но они не привели къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Въ видѣ удивительной противоположности прежнему времени,—говоритъ Гнейстъ,— при всѣхъ замѣшательствахъ обнаруживается, однако, связь прочныхъ составныхъ частей нынѣшняго государства. Подъ громъ оружія, суды, объѣздные судьи и присяжные дѣйствуютъ непрерывно,

---

[1]) Въ послѣднія пять лѣтъ царствованія Эдуарда IV (1478—1483) парламентъ *вовсе* не собирался. Онъ былъ созванъ незадолго до смерти короля.

юрисдикція канцлера отправляется въ то время, какъ знать сражается въ королевскомъ совѣтѣ интригами, а въ полѣ—обнаженнымъ оружіемъ.

Время отъ 1272 до 1485 года есть періодъ утвержденія англійскихъ государственныхъ учрежденій и сліянія высшихъ установленій съ низшими. Если высшія установленія преобразуются подъ вліяніемъ новыхъ условій народнаго представительства, если феодальный commune consilium получаетъ видъ современнаго парламента, то, съ другой стороны, мѣстное самоуправленіе получаетъ новый видъ чрезъ развитіе института присяжныхъ, въ видѣ большого и малаго жюри, должности мировыхъ судей, съ ихъ обширною компетенціею по дѣламъ судебнымъ, по охраненію мира и полицейской администраціи, чрезъ преобразованіе милиціонной системы и мѣстныхъ налоговъ. Совокупность этихъ учрежденій и образовала *англійскую конституцію*, въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ которой главныя начала публичнаго права были проведены послѣдовательно отъ высшихъ до низшихъ установленій.

Взаимная и органическая связь учрежденій (особенно свободныхъ) установляется прежде всего чрезъ соотвѣтствіе ихъ съ тѣми общественными силами, которыя призваны въ нихъ дѣйствовать. Система бюрократическаго управленія можетъ быть построена на началахъ механическихъ, ибо дѣйствіе ея опирается на силу, стоящую какъ бы внѣ общества и господствующую надъ нимъ. Но въ народѣ, развивающемся къ политической свободѣ, соотвѣтствіе между государственными учрежденіями и организаціею общества является первымъ условіемъ крѣпости и жизненной силы первыхъ. Въ странахъ, обладающихъ уже зачаткомъ политической свободы, какова была средневѣковая Англія, вліяніе общественнаго склада на строй учрежденій неизбѣжно. Поэтому здѣсь должно, въ общихъ чертахъ, представить общественный строй Англіи въ занимающее насъ время [1]).

---

[1]) Ср. Стёббсъ, т. II, стр. 165 и слѣд.; III, стр. 500—620. Гнейстъ, назв. соч., стр. 424—446. Изслѣдованіе соотношенія средневѣковыхъ классовъ и сословій, основанное на изслѣдованіи ихъ *экономическаго* положенія, можно найти въ трудѣ проф. Ковалевскаго: *Общественный строй Англіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ*, М. 1880 г. Для объясненія общественнаго строя Англіи, должно имѣть въ виду *экономическія* его основы, въ послѣднее время сдѣлавшіяся предметомъ такихъ трудовъ, какъ Охенковскаго, *Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters*, 1879 г. Нассе, *Die Mittelalterliche Feldgemeinschaft*, 1869 г. Но, признавая важность экономическаго положенія разныхъ классовъ при опредѣленіи ихъ относительнаго значенія, нельзя, однако, видѣть въ немъ единственное мѣрило этого значенія и упускать изъ виду факторы нравственнаго и политическаго порядка. Доказательствомъ тому служитъ средневѣковая исторія Англіи.

Общая схема общественной организаціи Англіи соотвѣтствуетъ тѣмъ разрядамъ сословій, какія установились еще въ англо-саксонскій періодъ и, въ иной формѣ, утвердились послѣ норманнскаго завоеванія. Но въ положеніи сословій и классовъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ политическаго, нравственнаго и экономическаго значенія, произошли существенныя перемѣны, отразившіяся и на складѣ государственныхъ учрежденій.

II. Во главѣ общества попрежнему поставлена знать, tenentes in capite, великіе бароны, приглашаемые въ большой королевскій совѣтъ, sigillatim per litteras nostras. Свѣтская знать, съ внѣшней стороны, пріобрѣла, въ средніе вѣка, болѣе почетное и вліятельное положеніе, чѣмъ въ прежній періодъ. Титулы, которыми она украшается, сдѣлались разнообразнѣе и пышнѣе. Къ прежнимъ титуламъ бароновъ и графовъ присоединились титулы герцоговъ [1]), маркизовъ, виконтовъ. Земельныя владѣнія многихъ аристократическихъ фамилій, благодаря брачнымъ союзамъ, пожалованіямъ и т. д., расширились. Богатство нѣкоторыхъ герцоговъ и графовъ превосходило богатство короля; среднимъ числомъ расходы знати превосходили расходы обыкновенныхъ бароновъ и мелкаго рыцарства въ 10 и больше разъ [2]). Соединяя въ своихъ рукахъ обширныя помѣстья и другія богатства, знатныя фамиліи имѣли огромное и наслѣдственное вліяніе на мѣстахъ, поддерживаемое системою *майоратовъ*, которая такъ способствуетъ росту и непрерывному воспроизведенію наслѣдственной аристократіи [3]). Вліяніе это основывалось не только на экономическомъ преобладаніи знатныхъ фамилій и на общемъ значеніи знати, но и на остаткѣ феодальныхъ преданій, привычекъ и отчасти учрежденій, видоизмѣнившихъ теперь свою форму. Англійская знать, какъ замѣчено выше, не имѣла правъ, коими пользовалась феодальная знать на континентѣ Европы. Она не пользовалась въ своихъ владѣніяхъ верховными правами и не могла требовать отъ подвластныхъ военной службы въ свою пользу. Но она

---

[1]) Первый герцогскій титулъ былъ пожалованъ королемъ Эдуардомъ III его сыну Черному Принцу. Впрочемъ, титулы не обозначали дѣйствительнаго могущества лица, ихъ носившаго: „Дѣлатель королей" Варвикъ довольствовался титуломъ графа.

[2]) По придворному календарю Эдуарда IV (т. наз. „Черной книгѣ" — Black-Book), годовой расходъ короля и дворянства исчислялся въ слѣдующей постепенности: король — 13,000 фунтовъ; герцогъ — 4,000; маркизъ — 3,000; графъ — 2,000; виконтъ — 1,000; баронъ — 500; баннеретъ — 200; рыцарь (knight bachelor) — 100; сквайръ — 50. Стёббсъ, III, стр. 526 и 527.

[3]) Распредѣленіе разныхъ фамилій по графствамъ, въ коихъ онѣ пользовались наслѣдственнымъ вліяніемъ, см. у Стёббса, III, стр. 528 и слѣд.

воспроизвела феодальные обычаи и нравы, насколько это было возможно.

Замки знатныхъ господъ по большей части были укрѣплены, и короли, безъ согласія коихъ никто не имѣлъ права строить укрѣпленій, раздавали эти дозволенія довольно щедро. Отъ послѣднихъ годовъ царствованія Генриха III дошло до насъ извѣстіе о 20 такихъ дозволеніяхъ; отъ Эдуарда I—44; отъ Эдуарда II—58; отъ Эдуарда III—180; отъ Ричарда II—52. При Ланкастерской и Іоркской династіяхъ разрѣшенія эти давались весьма рѣдко. Въ пышныхъ и укрѣпленныхъ замкахъ аристократія возсоздавала для себя обстановку, напоминавшую королевскій дворъ; замки были дворомъ въ маломъ видѣ. Знатный владѣлецъ имѣлъ своихъ должностныхъ лицъ [1]) и множество служилыхъ людей, искавшихъ у него пропитанія и защиты. Изъ обычая жаловать „служилому человѣку" прокормленіе и одежду развилось учрежденіе гербовой одежды (livery—ливрея), которою обозначалась принадлежность лица, ее носившаго, къ дому магната, подъ покровительствомъ котораго оно состояло. Чрезъ „ливрею" установлялась связь между магнатами, тщеславіе и властолюбіе которыхъ удовлетворялось множествомъ зависимыхъ отъ нихъ лицъ, и лицами, искавшими покровительства сильныхъ не только для защиты своихъ правъ, но и для дѣлъ недозволенныхъ. Особый и вредный видъ представительства состоялъ въ незаконной поддержкѣ покровительствуемыхъ въ тяжебныхъ дѣлахъ (maintenance). Она была вызвана отчасти казуистикой и дороговизною судебнаго производства, вслѣдствіе чего правосудіе было часто недоступно лю-

---

[1]) Въ той же „Черной книгѣ" Эдуарда IV (ср. Стёббсъ, III, стр. 538, прим. 3) указано *среднее число* лицъ, составлявшихъ придворный штатъ короля и магнатовъ разныхъ степеней.

Королевскій штатъ состоялъ изъ 16 рыцарей, 24 клэрковъ, 160 сквайровъ, 240 йоменовъ, 20 младшихъ клэрковъ, 16 грумовъ, 40 конюховъ, всего 516 лицъ.

Штатъ магнатовъ состоялъ:

	Рыцарей	Клэрковъ.	Сквайровъ.	Йоменовъ.	Младш. клэрк.	Грумовъ.	Конюховъ.	Всего.
Герцогъ	6	—	60	100	—	40	24	230
Маркизъ	4	—	60	100	—	60	—	224
Графъ	—	—	30	60	—	40	—	130
Виконтъ	—	—	20	40	—	24	—	84
Баронъ	—	—	4	16	—	6	—	26
Баннеретъ	—	—	—	3	—	6	—	24
Рыцарь	—	—	—	—	—	—	—	16
Сквайръ	—	1	—	2	—	2	2	16

дямъ бѣднымъ и побуждало ихъ искать поддержки сильныхъ людей. Но въ примѣненіи своемъ maintenance вело къ вреднымъ послѣдствіямъ.

При помощи „сильныхъ“ поддерживались ябедническіе процессы, раззорявшіе бѣдный людъ; часто сами „истцы“ являлись подставными лицами вельможъ, чрезъ нихъ обдѣлывавшихъ свои дѣла; еще чаще, благодаря maintenance, вѣдомые воры и лихіе люди оставались безнаказанными. Законы Эдуардовъ I и III содержатъ въ себѣ строгія правила противъ этихъ злоупотребленій. Но зло, глубоко вкоренившееся, долго еще не исчезло.

Ливрея и покровительство (livery and maintenance) были два средства, чрезъ которыя магнаты не только поддерживали свое вліяніе на мѣстахъ, но и пользовались имъ для незаконнаго воздѣйствія на мѣстные суды и мѣстное управленіе; въ смутныя эпохи „ливрейные люди“ были главнымъ подспорьемъ для мятежей и междоусобныхъ войнъ. Напрасно статуты и распоряженія королей, начиная съ Ричарда II, старались ограничить право магнатовъ раздавать „ливреи“. При Генрихѣ IV (въ 1403 г.) дѣло дошло до того, что Перси дали свои ливреи мятежникамъ. „Ливреи и покровительство“, говоритъ Стёббсъ, „отдѣльно и вмѣстѣ, были знакомъ раздоровъ и угнетенія и двумя великими источниками зла, для исправленія котораго была учреждена юрисдикція Звѣздной Палаты при Генрихѣ VII“ (Тюдорѣ) [1].

Опираясь на свое мѣстное и общегосударственное значеніе, знать пользовалась важными политическими преимуществами. Ея члены призывались въ королевскій совѣтъ; ими замѣщались главныя государственныя должности; они, вмѣстѣ съ духовенствомъ, составляли commune consilium, а послѣ—палату лордовъ. Долгое время magnum consilium имѣлъ право цѣлаго парламента, а впослѣдствіи выборы въ палату коммонеровъ производились подъ сильнымъ вліяніемъ магнатовъ. Первые спикеры нижней палаты были изъ слугъ лордовъ [2]. Личныя привилегіи магнатовъ были обезпечены правомъ привилегированной подсудности верхней палатѣ; они пріобрѣли особенныя привилегіи по праву охоты, по „огораживанію“ и учрежденію парковъ (enclosure of parks), и т. д.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущество англійской аристократіи имѣло нравственныя и политическія основанія. Она не составляла замкнутой и исключительной касты. Во время великихъ кризисовъ національной жизни, она становилась во главѣ народныхъ движеній. Въ

---

[1]) Ук. соч., III, стр. 536.

[2]) Такъ Петръ де-ла-Маръ (1376) былъ steward графа Марча, Ѳома Гунгерфордъ былъ steward герцога Джона Ланкастерскаго.

ней, въ первую особенно половину среднихъ вѣковъ, находился центръ сопротивленія противъ злоупотребленій королевскаго управленія. Она добыла и сберегла Великую Хартію; она принудила Эдуарда I подтвердить и дополнить ее. Въ смутныя времена борьба за существенныя начала англійскаго строя соединяется съ именами извѣстнаго круга аристократическихъ фамилій. Горсть лордовъ, противящихся искаженію „добрыхъ законовъ“ и требующихъ исправленія злоупотребленій, называется „распорядительными лордами“ при Эдуардѣ II, лордами „апелляціонными“ при Ричардѣ II. Нравственная сила аристократіи въ этотъ періодъ покоилась на общемъ сознаніи, что въ ней содержится главная преграда къ нарушенію и конечному разрушенію вольностей страны.

III. Ближайшимъ къ свѣтской знати (по степени политическаго вліянія) сословіемъ было *духовенство.* Источники его власти были разнообразны. Во-первыхъ, она основывалась на общей въ средніе вѣка силѣ церковнаго авторитета. Руководительница религіозной жизни народа, церковь стояла во главѣ и умственной его жизни. Ея вліяніе проникало глубоко въ общество—въ иныхъ отношеніяхъ глубже вліянія свѣтской знати, располагавшей средствами феодальной и поземельной зависимости, въ которой отъ нея находились низшіе классы. Располагая такими же средствами, церковь, сверхъ того, была сильна особенною и самостоятельною организаціею. Чрезъ низшее духовенство, черное и бѣлое, она дѣйствовала на народъ; чрезъ высшее она принимала участіе въ управленіи государствомъ. Она была сильна и корпоративнымъ своимъ духомъ. Начиная отъ послѣдняго клэрка и простого монаха и кончая примасомъ королевства, все духовенство было связано въ одно цѣлое единствомъ цѣли, дисциплиною римско-католической церкви, общностью привилегій, исключительною юрисдикціею духовныхъ судовъ, правомъ общихъ совѣщаній въ „конвокаціяхъ“ (духовныхъ соборахъ) и общностью возникавшихъ отсюда интересовъ. Опираясь на свой нравственный авторитетъ, духовенство располагало и обширнѣйшими матеріальными средствами. Если даже не довѣрять вполнѣ жалобамъ лоллардистовъ и самого Виклефа на чрезмѣрное богатство и распущенность высшаго и монашествующаго духовенства, то изъ показаній несомнѣнныхъ видно, что высшее духовенство и монастыри, по своимъ огромнымъ земельнымъ владѣніямъ, соперничали со свѣтскою знатью. Они соперничали съ нею и роскошью, хотя чрезмѣрно „открытый“ образъ жизни епископовъ и аббатовъ богатѣйшихъ монастырей совпадалъ съ цѣлями благотворительными. Если свѣтская знать кормила сотни, а иногда и тысячи „ливрейныхъ людей“, то въ монастыряхъ и за открытымъ столомъ аббатовъ находили пріютъ

и пищу сотни странниковъ и бѣдняковъ. Затѣмъ, на церкви въ средніе вѣка лежала законная обязанность общественной благотворительности. Законы „о бѣдныхъ“ суть плодъ реформаціи, конфисковавшей имущество духовенства. Наконецъ, независимо отъ своего нравственнаго, сословнаго и экономическаго значенія, духовенство было важнымъ факторомъ *національной* жизни. Въ борьбѣ за вольности страны, имена прелатовъ встрѣчаются на ряду съ именами свѣтскихъ магнатовъ. Архіепископъ Лангтонъ руководитъ баронами, возставшими противъ Іоанна Безземельнаго; Гросстестъ поддерживаетъ оппозицію при Генрихѣ III и вдохновляетъ Симона Монфортскаго; Стратфордъ, въ качествѣ винчестерскаго епископа, участвуетъ въ борьбѣ противъ Эдуарда II, а потомъ, въ качествѣ примаса королевства, ведетъ ее съ Эдуардомъ III; епископъ Арондель вмѣстѣ съ братомъ своимъ являются дѣятельными членами оппозиціи противъ Ричарда II и т. д. Образованіе и государственная опытность епископовъ открываютъ имъ и высшія государственныя должности, каковы особенно должности канцлера и казначея королевства.

Но значеніе двухъ высшихъ сословій для дальнѣйшаго развитія англійской конституціи не могло быть прочно, и если бы оно было непреодолимо въ средніе вѣка, то устройство этого королевства не получило бы нынѣшняго своего вида. Въ отличіе отъ континентальныхъ аристократій, англійская знать не обратилась, какъ мы видѣли, въ замкнутую корпорацію. Составъ ея постоянно обновлялся и измѣнялся. Старыя фамиліи вымирали или истреблялись въ междоусобныхъ войнахъ. Новыя лица, вышедшія изъ простого рыцарства и даже изъ горожанъ, получали старые титулы и помѣстья. Въ этомъ должно видѣть одно изъ важныхъ условій постояннаго значенія англійской аристократіи, которая не оттолкнула отъ себя народа исключительными преимуществами и замкнутостью, какъ это случилось на континентѣ Европы. Но этимъ же объясняется, почему англійское представительство не получило *сословнаго* характера, подобно немощнымъ „чинамъ“ континентальной Европы, такъ быстро отжившимъ свой вѣкъ, и почему въ мѣстномъ управленіи Англіи установились начала земскаго самоуправленія. Въ концѣ періода мы присутствуемъ при процессѣ перерожденія старой феодальной аристократіи, погибающей въ самоистребительной войнѣ за обладаніе короною, въ новую политическую аристократію, отодвигаемую затѣмъ силою среднихъ классовъ.

Но если феодальная аристократія переродилась въ новую знать, то средневѣковая церковь погибла въ слѣдующемъ періодѣ окончательно. Достаточно было королевской вспышки Генриха VIII, чтобы

разорвать всѣ связи съ римскимъ дворомъ и преобразовать церковь.

IV. Сословіе, получившее большее значеніе въ мѣстномъ управленіи и включившее въ себя нѣсколько классовъ, было сословіе средняго и низшаго рыцарства (найты и сквайры). Хотя по своимъ земельнымъ „держаніямъ“ они находились въ извѣстной зависимости отъ большихъ бароновъ, но въ другихъ отношеніяхъ могли состязаться съ ними. По древности рода многіе найты могли соперничать съ высшею аристократіею, составъ которой нерѣдко пополнялся людьми новыми. Вліяніе аристократическихъ фамилій на мѣстахъ было весьма велико, но онѣ утрачивали его, посвящая свои силы войнамъ вдали отъ отечества, придворной службѣ, междоусобіямъ и вопросамъ высшей политики. Напротивъ, найты и сквайры дольше оставались на мѣстахъ, изъ роду въ родъ хозяйничали на дѣдовскихъ владѣніяхъ и пріобрѣтали прочную силу на мѣстахъ. Изъ нихъ образовался тотъ господствующій классъ, на которомъ покоится сила самоуправленія въ графствахъ; изъ нихъ назначались шерифы и мировые судьи, избирались коронеры.

Въ формахъ и условіяхъ англійскаго феодализма, имъ удалось образовать самостоятельный и многочисленный классъ общества. Мы видѣли выше, что система феодальныхъ держаній, основанная Вильгельмомъ Завоевателемъ, основана на томъ общемъ началѣ, что вся земля принадлежитъ королю и всѣ вассалы обязаны ему непосредственно одинаковою вѣрностью. Этимъ были устранены политическія послѣдствія феодальной іерархіи, давшей такіе горькіе плоды на континентѣ Европы. Но и въ Англіи не была устранена система субъ-инфеодаціи и различіе между коронными вассалами и, зависѣвшими отъ нихъ въ отношеніи разныхъ повинностей, подвассалами. Этимъ путемъ, въ другой формѣ, могла быть создана система многостепенныхъ „держаній“. Англійскіе вассалы, вѣроятно, съ политическими цѣлями, а иногда по нуждѣ въ деньгахъ, довольно охотно раздавали свои земли въ лены новымъ держателямъ, послѣдніе отдавали части своихъ земель третьимъ, и т. д. Но эта система (не говоря о политическихъ ея невыгодахъ) отразилась вредно на интересахъ высшихъ вассаловъ. Tenentes in capite жаловались, что ихъ феодальныя права на розданные лены утрачивались въ пользу вассаловъ 2-й и 3-й степени; послѣдніе жаловались, что, вслѣдствіе раздачи земель, имъ не съ чего отбыть лежащихъ на нихъ службъ.

Поэтому въ одной изъ хартій Генриха III было постановлено, что никто (nullus liber homo) не можетъ отдать или продать (vel vendet) другому части своей земли, свыше нормы, необходимой ему самому

для отбыванія повинностей въ пользу главнаго сеньора лена [1]). Но статутъ Эдуарда I (1290 г.), извѣстный подъ именемъ Quia Emptores и изданный имъ по настоянію высшихъ вассаловъ [2]), положилъ конецъ этому порядку, постановивъ, что всякій, пріобрѣвшій часть лена, будетъ держать его отъ главнаго сеньора (de eodem capitali domino) и обязанъ нести въ пользу его всякія службы и повинности (eadem servitia et consuetudines); равнымъ образомъ, если часть вновь пріобрѣтенной земли будетъ отчуждена третьему лицу, послѣднее также разсматривается какъ непосредственный вассалъ высшаго сеньора [3]).

Устраняя, такимъ образомъ, *политическія* послѣдствія субъ-инфеодаціи, статутъ Quia Emptores открылъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, полную возможность отчужденія и продажи земель, прямо разрѣшивъ таковыя [4]). Вслѣдствіе этого, раздробленіе собственности мелкой, конечно въ видѣ феодальныхъ „держаній" (формы которыхъ постоянно смягчались), сдѣлало быстрые успѣхи въ Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ряды „рыцарствъ" открылись для другихъ свободныхъ людей. Горожане, фригольдеры и др. охотно пріобрѣтали имѣнія обѣднѣвшихъ рыцарей. Искусно, при помощи юридическихъ тонкостей англійскихъ юристовъ, обходили они всѣ препятствія, сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ, а главное, съ держаніемъ „рыцарскихъ" имѣній. Званіе рыцаря, сопряженное съ обязанностью воинской службы, не было заманчиво для горожанина, разбогатѣвшаго торговлею или другими промыслами и помышлявшаго о мирныхъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ. Уклоненіе отъ рыцарскаго посвященія, препоясанія мечомъ и цѣлованія (акколады), продолжалось, не смотря на всѣ мѣры королей. Королевская администрація нашла, наконецъ, болѣе выгоднымъ взимать сборы за разрѣшеніе отъ „посвященія" и довольствоваться денежными повинностями съ помѣстій [5]).

---

[1]) Ковалевскій, *Общественный строй* и т. д., стр. 37.

[2]) Dominus rex... ad instantiam magnatum regni sui, concessit, providit et statuit. *Select Charters*, стр. 478.

[3]) Et si partem aliquam earundem terrarum seu tenementorum suorum alicui vendiderit, feoffatus illam teneat *immediate* de capitali domino... Тамъ же.

[4]) ...liceat unicuique libero homini terram suam seu tenementum sive partem inde pro voluntate sua vendere. Тамъ же.

[5]) Ср. Стёббсъ, III, стр. 545. Проф. Ковалевскій (ук. соч., стр. 40 и слѣд.) держится иного взгляда. Доказывая главную свою мысль, что Англія и въ средніе вѣка была страною исключительно крупнаго землевладѣнія, ибо мелкіе владѣльцы находились въ ленной зависимости отъ аристократіи, духовенства и короля, проф. Ковалевскій утверждаетъ, что королямъ удалось въ теченіе столѣтій удержать на практикѣ то правило, что владѣніе землею связано съ несеніемъ рыцарскихъ обязанностей и пользованіемъ соотвѣтствующими имъ правами и т. д. Въ доказа-

Такимъ образомъ, „рыцари и сквайры“ не только не обратились въ замкнутое сословіе, подобно дворянству на континентѣ Европы, но образовали открытый для всѣхъ сословій помѣстный классъ, *джентри* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Образованіе его въ *политическомъ* отношеніи совершилось при Генрихѣ VI, чрезъ опредѣленіе (1430) *ценза* въ 40 шилл. дохода для участія въ выборахъ представителей отъ графства [1]).

Съ джентри соприкасался классъ свободныхъ людей разныхъ наименованій и занятій. Къ нему принадлежатъ мелкіе свободные собственники не-рыцарскихъ имѣній [2]), фригольдеры и *йомены*, какъ они назывались въ средніе вѣка [3]). Понятіе yeomanry, впрочемъ, шире понятія фригольдеровъ. Если послѣдніе составляли классъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ, то классъ йоменовъ вообще включалъ въ себѣ разные виды „свободныхъ людей“. Изъ него набирались свободные слуги и „ливреи“ магнатовъ; изъ него составлялась та знаменитая королевская пѣхота, предъ которою не устояли феодальныя ополченія Франціи; многіе изъ этого класса занимались торговлею и промыслами, и чрезъ него, какъ говоритъ Стёббсъ, сельское населеніе связывалось съ городскимъ. Но главнѣйшимъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ йоменства, является въ этомъ періодѣ значительный классъ *фермеровъ*, развивавшійся при условіяхъ, указанныхъ выше. Впослѣдствіи классъ фригольдеровъ, въ полити-

---

тельство проф. Ковалевскій указываетъ на фактъ, приводимый Стёббсомъ (III, стр. 546), что въ парламентскихъ спискахъ XV вѣка преобладаютъ лица, извѣстныя подъ именемъ „armigeri“, т.-е. рыцари (?) землевладѣльцы,—въ большинствѣ случаевъ не болѣе какъ недавно облагороженные коммонеры.

Намъ кажется, что послѣдній фактъ не только не имѣетъ ничего общаго съ занимающимъ насъ вопросомъ, но свидѣтельствуетъ о противномъ. Въ указанномъ проф. Ковалевскимъ мѣстѣ, Стёббсъ говоритъ о томъ, что, вслѣдствіе уменьшенія класса рыцарей, ихъ обязанности перешли на *сквайровъ* (were discharged by the squires). Послѣдніе, подъ названіемъ „armigeri“, и являются представителями отъ графствъ; изъ нихъ избираются даже спикеры палаты общинъ. Но именно этотъ фактъ и свидѣтельствуетъ объ успѣшности уклоненія новыхъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній отъ „посвященія“, о чемъ Стёббсъ говоритъ на стр. 545: And *few* became knights who were not desirous of following the profession of arms. Отсюда—продолжаетъ онъ—трудность обязать собранія графствъ избирать въ представители посвященныхъ рыцарей. Въ „добромъ парламентѣ“ (1376, см. стр. 140) *половина* депутатовъ отъ графствъ состояла изъ сквайровъ, невозведенныхъ въ рыцарское достоинство (unknighted). Ср. III, стр. 400. Иногда, какъ мы увидимъ ниже, избирались и простые йомены.

[1]) Объ этомъ предметѣ будетъ сказано ниже.

[2]) Т.-е. имѣній, свободныхъ отъ рыцарскихъ повинностей, по обложенныхъ другими податями и повинностями.

[3]) Въ старыхъ актахъ, до XV вѣка, они называются также: valetti, vadletti. Стёббсъ, III, стр. 555 и слѣд.

ческомъ отношеніи, тѣсно соединяется съ джентри чрезъ законъ 1430 года о цензѣ. Въ общемъ итогѣ есть основаніе довѣрять показанію Фортескью, что Англія въ то время была богата средними и мелкими собственниками, составлявшими дѣйствительную силу страны.

V. Особымъ элементомъ, какъ въ мѣстномъ управленіи, такъ и въ народномъ представительствѣ, являются *города*. Весьма трудно представить очеркъ *общаго* ихъ положенія, такъ какъ каждый изъ значительныхъ городовъ Англіи имѣетъ свою особую исторію; всѣ они, притомъ, различаются въ степени и значеніи пріобрѣтенныхъ ими правъ. Но изъ разсмотрѣнія ихъ положенія можно сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія [1]).

Англія не знала того могущественнаго движенія городовъ, которое на континентѣ Европы выдвинуло на политическую сцену „третье сословіе“ и привело къ образованію городскихъ республикъ съ политическою автономіею. Въ Англіи немногіе города успѣли получить хартіи, образовавшія изъ нихъ особыя графства, т.-е. освобождавшія изъ подъ юрисдикціи судовъ и должностныхъ лицъ графства и дававшія избраннымъ ими должностнымъ лицамъ права шерифа [2]). Такіе инкорпорированные города составляли исключеніе изъ другихъ городовъ, самоуправленіе коихъ имѣло хозяйственное и подчиненно-административное значеніе.

Но если не въ цѣляхъ и не въ конечномъ результатѣ движенія городскихъ общинъ, то въ ходѣ ихъ развитія можно найти черты сходства между континентальными и англійскими городами. Въ средніе вѣка, при отсутствіи общихъ и твердыхъ нормъ публичнаго и административнаго права, вольности и права отдѣльныхъ сословій и союзовъ *создавались* самодѣятельностью ихъ, *добывались* или *завоевывались*. На континентѣ Европы, гдѣ слабость центральной власти въ феодальную эпоху открывала широкій просторъ „автономной“ дѣятельности сословій и корпорацій, послѣднія добивались политической автономіи путемъ возстанія. Въ Англіи, гдѣ королевская власть была сильна, городскія общины могли добиться меньшаго, но процессъ развитія ихъ правъ былъ приблизительно одинаковъ здѣсь и тамъ. Поэтому и характеръ добытыхъ правъ носитъ отпечатокъ

---

[1]) Спеціальное изслѣдованіе по исторіи англійскихъ городовъ можно найти въ обширномъ трудѣ Merewether'a и Stephen'a, *History of the boroughs and municipal corporations etc*, 3 vol. 1835 г.

[2]) Лондонъ получилъ такую хартію въ царствованіе Генриха I (см. выше). Затѣмъ слѣдовали хартія Бристоля (1373), Іорка (1396), Ньюкэстля на Тэйнѣ (1400), Норвича (1403), Саутгемптона (1448), Ноттингама (1449), Ковентри (1451), Кентербери (1461). Позже получили право „корпорированныхъ графствъ“ нѣкоторые другіе города.

привилегій, усвоенныхъ отдѣльными союзами и корпораціями, хотя въ видѣ этихъ привилегій возникаютъ начала общей гражданской свободы, развившейся впослѣдствіи.

Средневѣковыя общины на континентѣ Европы добываютъ свои права (хотя и не всѣ одинаково) путемъ *возстанія* противъ своихъ сеньоровъ; англійскіе города преимущественно *покупаютъ* ихъ, хотя затѣмъ имъ случается отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, какъ, напримѣръ, Лондону, Іорку и нѣкоторымъ другимъ. Мы видѣли выше, что англійскіе города пріобрѣтаютъ право на мѣстное самоуправленіе путемъ взятія на откупъ королевскихъ доходовъ и сборовъ, причитывавшихся съ общины (firma burgi, fee farm). Право на самостоятельныя раскладку, взиманіе и внесеніе податей въ казначейство (scaccarium) послужило основаніемъ права избирать должностныхъ лицъ, отвѣтственныхъ предъ казначействомъ (reeve, bailiff). Самостоятельность въ финансовомъ отношеніи обосновывала и независимость въ отношеніи завѣдыванія хозяйственными дѣлами города, получившаго и гражданскія права корпораціи по пріобрѣтенію, распоряженію и пользованію общинными имуществами. Затѣмъ города получали право составлять для полицейскихъ и судебно-полицейскихъ цѣлей особый округъ съ своею court leet (см. выше). Это право также пріобрѣталось за большіе подарки, особенно со времени Іоанна Безземельнаго. Финансовое, хозяйственное и судебно-полицейское единство города выражалось въ персоналѣ избранныхъ должностныхъ лицъ (бальи, въ главнѣйшихъ городахъ мэръ, городской совѣтъ), въ правѣ имѣть городскую печать и издавать мѣстныя постановленія (bylaws) въ предѣлахъ общихъ законовъ.

Эти главныя черты воспроизводятся въ городскихъ хартіяхъ, коими особенно богатъ разсматриваемый періодъ [1]). Но между mini-

[1]) Гнейстъ (*Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung etc*, изд. 2, 1863 г., II, стр. 860) приводитъ слѣдующія цифры относительно городовъ, получившихъ хартіи, и число хартій (такъ какъ хартіи измѣнялись или подтверждались):

	Число городовъ.	Число хартій.
При Генрихѣ III	52	114
„ Эдуардѣ I	46	62
„ Эдуардѣ II	38	42
„ Эдуардѣ III	75	128
„ Ричардѣ II	66	88
„ Генрихѣ IV	60	60
„ Генрихѣ V	35	42
„ Генрихѣ VI	69	98
„ Эдуардѣ VI	59	74
„ Ричардѣ III	19	22

mum'омъ и maximum'омъ городскихъ вольностей имѣются различныя степени, и почти каждый городъ представлялъ свои особенности. Наибольшія права получилъ, конечно, могущественный Лондонъ, учрежденія котораго сдѣлались типомъ городскихъ преимуществъ, особенно для „корпорированныхъ графствъ“, поскольку отдѣльные города успѣли ихъ получить. Получивъ хартію отъ Генриха I, Лондонъ получилъ и важное право избирать своего мэра. Въ 1191 году упоминается о мэрѣ Fitz-Alwin'ѣ, сохранившемъ эту должность пожизненно. При Іоаннѣ Безземельномъ лондонскіе граждане получили право избирать своего мэра ежегодно; сверхъ того, въ помощь мэру избиралось съ 1200 года 25 гражданъ. По раздѣленіи города на 25 частей (wards), эти выборные получили названіе *альдерменовъ.* Mayor и aldermaneria образовали то правящее городомъ установленіе, которое и сохранилось въ Лондонѣ. Затѣмъ мэры появляются и въ другихъ привилегированныхъ городахъ: Іоркѣ, Винчестерѣ и другихъ.

Но характеръ городскихъ учрежденій въ главнѣйшихъ городахъ Англіи опредѣлялся не только общими правами, предоставленными имъ, но и развитіемъ въ ихъ предѣлахъ привилегированныхъ, торговыхъ и промышленныхъ корпорацій, гильдій и цеховъ, или, какъ они назывались въ Англіи, гильдій купеческихъ (merchant guilds, gilda mercatoria) и ремесленныхъ (craft guilds). Образованіе гильдій въ Англіи было вызвано тѣми же условіями, какъ и на континентѣ Европы. Начало ихъ и здѣсь и тамъ теряется въ глубокой древности [1]). „Братства“, „товарищества“ (guildoniae, confratriae, consortia, conjurationes, и т. д.) образовывались для цѣлей религіозныхъ, для взаимной помощи и защиты въ общемъ занятіи и интересѣ. Въ періодъ разложенія старыхъ родовыхъ отношеній и исчезновенія института родственной защиты, сама жизнь вызвала *вольные* союзы, необходимые среди общей безурядицы, слабости государственнаго порядка и гнета сильныхъ. Они служили одинаково и охраною возникавшей городской свободы, и боевымъ средствомъ противъ феодальной аристократіи; они служили впослѣдствіи и для организаціи торговли и ремеслъ. Но позже они являлись орудіемъ своекорыстной политики гильдейскихъ и цеховыхъ корпорацій, средствомъ не только для сосредоточенія права торговли и ремеслъ въ тѣсномъ кругѣ лицъ, но и правъ городского гражданства, слѣдовательно, и права на управленіе городомъ, вмѣстѣ съ политическими правами въ томъ же тѣсномъ кругѣ.

---

[1]) Для сравнительнаго изученія этого вопроса см. Wilda, Das Gildewesen im Mittelalter; Maurer, Geschichte der Städteverfassung in Deutschland, т. II. Сводъ различныхъ мнѣній представляетъ Гирке, ук. соч., I, стр. 220 и слѣд.

Исторія Англіи не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. И здѣсь гильдейская знать постепенно захватила въ свои руки гегемонію и, затѣмъ, при содѣйствіи самой государственной власти, образовала изъ себя замкнутый кругъ привилегированнаго гражданства. Подъ ея вліяніемъ измѣнились первоначальныя условія, опредѣлявшія право горожанина на участіе въ городскихъ дѣлахъ. Такими условіями первоначально являлись: 1) личная свобода; въ число горожанъ не включались люди *зависимые*, т.-е. виланы и другія лица; 2) *осѣдлость*, признакомъ которой являлось самостоятельное домохозяйство въ собственномъ или наемномъ жилищѣ. Затѣмъ права гражданства пріобрѣтались рожденіемъ, бракомъ съ гражданкою города и ученичествомъ (какъ условіемъ вступленія въ цехъ); 3) платежъ налоговъ и отбываніе всѣхъ городскихъ повинностей (paying scot); 4) несеніе городскихъ службъ, въ особенности по судебной и политической части (bearing lot). При этихъ условіяхъ отъ городского гражданства исключались несвободные, иноземцы, гости, поденщики и т. п. Но гражданство, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, составлялось изъ всѣхъ *фрименовъ* города.

Мало по малу кругъ гражданства съуживается, доступъ въ него дѣлается труднѣе, и право управленія сосредоточивается въ рукахъ привилегированнаго класса. Въ Лондонѣ процессъ образованія такого класса закончился при Эдуардѣ IV, когда право активнаго гражданства сосредоточилось въ самопополняющейся корпораціи лицъ, коимъ дано было право носить одежду (livery) разныхъ гильдій. „Ливрейные люди" (liverymen) избирали лорда-мэра, шерифа, различныхъ другихъ должностныхъ лицъ города и представителей въ парламентѣ. За прочими гражданами осталось право избирать альдерменовъ и членовъ гражданскаго совѣта по частямъ города; но альдермены избирались по жизнь. Тѣ же явленія видимъ мы и въ другихъ городахъ тогдашней Англіи [1]).

---

[1]) Въ Лейчестерѣ, съ 1489 года, мэръ, 24 альдермена и 48 совѣтниковъ образовали замкнутую корпорацію. Въ Ворчестерѣ управленіе находилось въ рукахъ купеческой гильдіи; болѣе 24 альдерменовъ и 48 совѣтниковъ были „ливрейными" ея людьми. Такимъ же аристократическимъ характеромъ отличалось и устройство Іорка. При Генрихѣ VIII управленіе городомъ было отдано ремесленнымъ гильдіямъ, причемъ 13 старшихъ гильдій избрали по два, а 15 младшихъ—по одному члену городского совѣта. Въ прочихъ городахъ, если не вездѣ юридически, то фактически, установилось различіе между городскою знатью (capital burgesses) и прочими фрименами. Изъ знати составлялся городской совѣтъ (town council), самъ, вслѣдствіе этого, обратившійся въ замкнутую корпорацію. Этимъ объясняются и уродливости городского представительства въ парламентѣ, на которыя Англія жа-

Въ политическомъ отношеніи, значеніе городовъ (за исключеніемъ могущественнаго Лондона) уступаетъ значенію джентри въ графствахъ. Причиною тому было меньшее развитіе политическихъ интересовъ въ классѣ горожанъ, своекорыстныя стремленія привилегированныхъ корпорацій, соперничество городовъ, а въ отдѣльныхъ городахъ—разныхъ корпорацій и учрежденій [1]). Если внутренняя жизнь каждаго отдѣльнаго города представляла довольно мало условій для образованія единства общины, то еще меньше было этихъ условій для установленія единства между всѣми городами Англіи.

Независимо отъ неблагопріятныхъ для такого единства условій, заключавшихся въ самомъ строѣ городовъ, ихъ должно искать также въ *безпорядочности городского представительства въ парламентѣ*. Двѣ существенныя черты отмѣчаютъ этотъ безпорядокъ: во-первыхъ, произволъ въ выборѣ городовъ, отъ коихъ призывались представители; во-вторыхъ, отсутствіе точныхъ правилъ о порядкѣ избранія депутатовъ.

Выборъ городовъ, отъ коихъ призывались представители, и опредѣленіе ихъ числа принадлежали усмотрѣнію королей, которые руководились измѣнявшимися условіями политики и собственными взглядами на значеніе городовъ. Такъ, Эдуардъ I въ 1283 г. призывалъ на совѣщаніе депутатовъ отъ 21 города; въ 1295 имъ были призваны депутаты отъ новыхъ 94 городовъ, въ 1298—еще отъ 12 и т. д.; вообще, къ концу царствованія Эдуарда I депутаты призывались отъ 165 городскихъ общинъ. Затѣмъ число городовъ, надѣленныхъ избирательными правами, уменьшается. Между царствованіемъ Ричарда II и Эдуарда IV нормальное число ихъ было 99, со включеніемъ Лондона, что давало 200 городскихъ депутатовъ. Затѣмъ число городовъ съ правами представительства было крайне неравномѣрно распредѣлено между отдѣльными графствами. Въ однихъ графствахъ не было ни одного города, надѣленнаго этимъ правомъ; въ другихъ оно принадлежало 3, 4, 6, 7, 9 и даже 12 городамъ [2]). Такимъ образомъ, городскіе депутаты не представляли интересовъ городского класса, въ его цѣлости; при отсутствіи правилъ

ловалась два вѣка, пока не послѣдовало реформы 1832 года и муниципальной реформы 1835 года.

[1]) „Во внутренней жизни городовъ“, говоритъ Гнейстъ, „часто проявляется оживленное движеніе, иногда даже ожесточенная борьба, но не между „трудомъ и капиталомъ“, а между торговлею и промыслами, между промысломъ и промысломъ, гильдіею и гильдіею, магистратомъ и гильдіями, магистратомъ и гражданами“. То же самое, впрочемъ, совершается и въ континентальныхъ городахъ.

[2]) Стёббсъ, II, стр. 245 и слѣд., стр. 644; III, стр. 448 и слѣд.; Гнейстъ, *Verfassungsgeschichte*, стр. 388 и слѣд.

о порядкѣ выборовъ, при злоупотребленіяхъ правящихъ корпорацій, должностныхъ лицъ, можно сказать, что они плохо представляли и свои города.

Этимъ объясняется, почему, не смотря на численное преобладаніе городскихъ депутатовъ въ палатѣ общинъ, не смотря на то, что сами короли, увеличивая это число, хотѣли создать въ горожанахъ поддержку для своей власти, дѣятельною силою въ нижней палатѣ были представители отъ графствъ, рыцари и сквайры. Когда рѣчь идетъ о побѣдахъ, одержанныхъ общинами, о добытыхъ ими парламентскихъ привилегіяхъ, всегда должно имѣть въ виду, что руководящая роль въ этихъ общинахъ принадлежала предкамъ нынѣшней „джентри“ [1]).

VI. Свѣтская знать, прелаты, джентри, горожане—таковы *политическіе классы* средневѣковой Англіи. Изъ нихъ составлялся тотъ кругъ „свободныхъ людей“, которые, въ большей или меньшей степени, участвовали въ образованіи конституціи и мѣстныхъ учрежденій Англіи. За чертою, опредѣлявшею этотъ кругъ граждански свободныхъ и политически полноправныхъ классовъ, находились разряды людей, не имѣвшихъ политическаго значенія.

Въ условіяхъ средневѣкового строя, пользованіе общественными и политическими правами обусловливалось владѣніемъ землею, въ той или другой формѣ, или принадлежностью къ городскимъ корпораціямъ, или къ привилегированному сословію духовенства. Кто не подходилъ подъ эти условія, тотъ стоялъ внѣ активныхъ классовъ, пользуясь только общею защитою законовъ.

И эти классы представляютъ извѣстные оттѣнки; одни разряды соприкасаются съ „свободными людьми“; другіе ограничены въ своихъ гражданскихъ правахъ. Главнѣйшими изъ этихъ разрядовъ являются: 1) фермеры и съемщики земли, о коихъ сказано выше; по правамъ личной свободы они соприкасаются съ фригольдерами и, до извѣстной степени, входятъ въ классъ йоменовъ, но они не пользуются правами политическими ни въ общемъ, ни въ мѣстномъ управленіи; 2) классъ городскихъ рабочихъ, лично свободныхъ, но не имѣвшихъ правъ городского гражданства; 3) вилланы, находившіеся въ крѣпостной зависимости; ихъ число, какъ мы замѣтили выше, постоянно уменьшается. Постепенно освобождающіеся крѣпостные переходятъ въ разряды лично свободныхъ людей: копигольдеровъ, фермеровъ, городскихъ рабочихъ, сельскихъ промышленниковъ, мелкихъ торговцевъ и т. д.

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 537 и слѣд.

Но изъ этихъ же преимущественно разрядовъ выдѣлялись тѣ бездомные, безземельные, лишенные средствъ къ существованію и работы люди, которые впослѣдствіи сдѣлались предметомъ законодательства „о бѣдныхъ". Въ средніе вѣка, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, попеченіе о бѣдныхъ лежало на владѣльцахъ, на мѣстныхъ союзахъ и церкви. Мѣры общественнаго призрѣнія и государственной помощи еще не возникали. Государственная власть дѣйствовала пока мѣрами отрицательными. Онѣ направлялись противъ лицъ, выходившихъ изъ союзовъ, изъ подъ попеченія ландлордовъ и духовныхъ владѣльцевъ, т.-е. противъ лицъ, обозначаемыхъ названіями бродягъ (beggars) и нищихъ. Противъ нихъ были направлены законы объ осѣдлости (law of settlement), имѣвшіе цѣлью предотвратить „бродяжничество". Но законодательство еще не касалось мѣръ попеченія о бѣдныхъ, *осѣдлыхъ* въ городахъ и на земляхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ И СУДЫ.

I. Постепенное образованіе господствующаго класса въ лицѣ джентри имѣло рѣшительное вліяніе на формы мѣстнаго управленія. Для новаго господствующаго класса потребовался соотвѣтствующій его условіямъ округъ. Основною единицею стараго самоуправленія, построеннаго, въ принципѣ, на дѣятельности всѣхъ свободныхъ людей, была *сотня*; графства являлись нѣкоторымъ союзомъ сотенъ. Теперь, напротивъ, самоуправленіе покоится, главнымъ образомъ, на дѣятельности союза мѣстнаго землевладѣльческаго класса, и округомъ этого союза является *графство*, новыя учрежденія котораго соотвѣтствуютъ мѣстной общественной организаціи.

Существо перемѣны, совершившейся въ теченіе этого періода въ управленіи графствъ, состоитъ въ томъ, что дѣятельность старыхъ судовъ и собраній графствъ (county court) постепенно вытѣсняется и замѣняется дѣятельностью новыхъ должностныхъ лицъ и личными повинностями, налагаемыми на разные классы мѣстнаго населенія. Два главныхъ обстоятельства вызвали эту перемѣну. Во-первыхъ, образованіе новыхъ формъ „охраненія мира", возложеннаго теперь

---

[1]) Стёббсъ, III, стр. 603. It is probable and indeed certain, that for the poor *who remained at home* no such legislation was needed: in the towns the guilds and in the country the lords of the land, the clergy, and the monasteries, discharged the duty и т. д.

на *мировыхъ судей*, компетенція которыхъ расширяется и другими предметами; во-вторыхъ, дальнѣйшее развитіе института объѣздныхъ судей, сопряженное съ измѣненіемъ характера процесса, съ отдѣленіемъ вопросовъ факта, рѣшаемыхъ присяжными, отъ вопросовъ права, рѣшаемыхъ судьями. Цѣлостный прежде кругъ вѣдомства собраній графствъ раздѣлился между отдѣльными учрежденіями и должностными лицами, постепенно вытѣснившими какъ собранія графствъ, такъ и *шерифа*, подъ руководствомъ котораго дѣйствовали эти собранія.

Въ первой половинѣ разсматриваемаго періода суды графствъ сохраняли свое значеніе по дѣламъ судебнымъ, полицейскимъ и финансовымъ; неизмѣненнымъ оставался и ихъ составъ. Въ одномъ изъ указовъ Генриха III (1231 г.), король, предвозвѣщая прибытіе объѣздныхъ судей въ графство Іоркъ, повелѣваетъ шерифу (vicecomiti) созвать (summonire) ко дню ихъ пріѣзда „архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, пріоровъ, графовъ, бароновъ, рыцарей и всѣхъ libere tenentes, затѣмъ отъ каждой общины и вотчины (villa, township) по четыре legales homines вмѣстѣ съ управляющимъ (praepositus, reeve) и отъ каждаго города (de quolibet burgo) по 12 горожанъ (legales burgenses) [1]. Этотъ составъ представляется важнымъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, онъ указываетъ на корпоративное значеніе графствъ и объясняетъ, что должно понимать подъ часто встрѣчающимся въ памятникахъ выраженіемъ communitas comitatus [2]; во-вторыхъ, онъ объясняетъ источники представительной системы въ Англіи. Схема парламентскаго представительства была уже дана представительствомъ мѣстнымъ, такъ какъ суды графствъ были парламентами въ маломъ видѣ, прежде чѣмъ рыцари и горожане были призваны въ magnum consilium.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы суды графствъ всегда собирались въ указанномъ составѣ. Напротивъ, означенный составъ требовался въ случаяхъ особенныхъ. Отчасти вслѣдствіе измѣненія отношеній между сословіями, нормальный составъ этихъ собраній постепенно

---

[1]) *Select Charters*, стр. 358.

[2]) Напримѣръ, въ указѣ Эдуарда I о сборѣ 13-й деньги, данной королю Нортгемптонскимъ парламентомъ, говорится слѣдующее: Rex militibus, liberis hominibus et *toti communitati* comitatus Suthamtoniae, salutem. De eo quod nuper *per quatuor milites ex parte communitatis comitatus* praedicti usque Northamtoniam missos *curialiter* concessistis nobis facere subsidium etc. Тамъ же, стр. 469. Или въ призывной грамотѣ въ парламентъ 1295 г. предписывается выслать по два рыцаря (milites) отъ графствъ, съ надлежащими полномочіями, которыя давали бы имъ право дѣйствовать за себя и все графство, pro se et tota communitate comitatus; или ad consulendum et consentiendum pro se et communitate illa и т. д. Тамъ же, стр. 481 и слѣд.

сократился и измѣнился. Бароны и прелаты были освобождены отъ явки въ собраніе, если они не были спеціально потребованы (nisi eorum praesentia specialiter exigatur). Каждому свободному человѣку дозволено было посылать въ собраніе, вмѣсто себя, уполномоченнаго (attornatum); города, какъ мы видѣли, посылали по 12 уполномоченныхъ, и исполненіе этой обязанности требовалось отъ нихъ для отправленія судебныхъ дѣлъ съ юстиціаріями; простые рыцари освобождались отъ посѣщенія собраній особыми королевскими повелѣніями, къ явному ущербу для дѣлъ, что̀ и было предметомъ жалобъ еще при Генрихѣ III [1]). Эти факты показываютъ, что, независимо отъ обыкновенныхъ явленій уклоненія отъ общественныхъ обязанностей, сами предметы, для которыхъ собирались суды графства, уже утратили прежнее значеніе.

II. Первымъ изъ этихъ предметовъ были дѣла судебныя. Но съ преобразованіемъ королевскихъ судовъ и съ развитіемъ функцій объѣздныхъ судей, участіе мѣстнаго населенія въ судѣ ограничивается все болѣе выполненіемъ обязанностей *присяжныхъ* въ большомъ и маломъ жюри.

Мы видѣли выше [2]), что обязанности большого жюри развились въ связи съ порядкомъ розыска (inquest) воровъ, разбойниковъ, ихъ пособниковъ и укрывателей, возлагаемаго на объѣздныхъ судей. Разслѣдованіе это, по правиламъ Нортгемптонскихъ ассизовъ, совершалось на основаніи присяжныхъ показаній (per sacramentum) двѣнадцати рыцарей *изъ сотни* (de hundredo), а гдѣ таковыхъ не было—12 свободныхъ законныхъ мужей и четырехъ лицъ отъ каждаго тауншипа (villa). Наказомъ объѣзднымъ судьямъ 1194 года (при Ричардѣ I) составъ этотъ опредѣленъ еще подробнѣе [3]). Но съ сосредоточеніемъ судебныхъ обязанностей въ судахъ графствъ и въ виду того, что опросъ присяжныхъ по сотнямъ представлялъ большія затрудненія и потерю времени (Гнейстъ), обязанности по розыску

---

[1]) Такъ въ 1258 г. въ петиціи поданной королю баронами (см. выше), послѣдніе просили „средства“ противъ слѣдующаго зла: quod dominus rex large facit militibus de regno suo acquietantiam, ne in assisis ponantur, juramentis vel recognitionibus, propter quod in pluribus comitatibus pro defectu militum non potest capi aliqua magna assisa и т. д. Тамъ же, стр. 386. Ср. Стёббсъ, II, стр. 213 и слѣд.

[2]) См. стр. 87 и слѣд.

[3]) Введеніе къ наказу постановляетъ, что прежде всего (in primis) должны быть избраны 4 рыцаря изъ всего графства (de toto comitatu); они, по принесеніи присяги, избираютъ по *два* рыцаря отъ каждой сотни (de quolibet Hundredo vel Wapentacco); эти послѣдніе избираютъ по *десяти* рыцарей, а въ случаѣ недостатка рыцарей—такое же количество свободныхъ людей. Эти 12 лицъ и должны вмѣстѣ давать отвѣты на вопросы, поставленные въ наказѣ. *Select Charters*, стр. 259.

сосредоточились въ *большомъ жюри* (grand jury), какъ нѣкоторомъ комитетѣ собранія графства. Съ развитіемъ этого учрежденія, значеніе сотенъ падаетъ; ихъ показанія и обвиненія сохраняютъ лишь второстепенное, служебное значеніе, пока затѣмъ „великій розыскъ" (grand inquest) не сосредоточился окончательно въ рукахъ присяжныхъ отъ графства [1]).

Отъ присяжныхъ, участвовавшихъ въ розыскѣ, должно отличать присяжныхъ *малаго жюри*, участвовавшихъ въ отправленіи правосудія въ дѣлахъ *гражданскихъ*, а затѣмъ и *уголовныхъ*.

Участіе присяжныхъ въ дѣлахъ *гражданскихъ* явилось, какъ мы видѣли выше [2]), въ судахъ королевскихъ по нѣкоторымъ дѣламъ и какъ способъ доказательства, вытѣснившій главнымъ образомъ судебный поединокъ. Въ этомъ отношеніи восхваляетъ его Гланвиллъ, знаменитый юстиціарій временъ Генриха II [3]). Онъ довольно подробно описываетъ и порядокъ образованія состава присяжныхъ. Стороны, желавшія избѣгнуть поединка, входили съ прошеніемъ въ королевскую курію о рѣшеніи дѣлъ въ ассизахъ и изслѣдованіемъ (recognitio) чрезъ 12 мужей. Курія, признавъ просьбу заслуживающею удовлетворенія, посылала соотвѣтствующему низшему суду королевское breve de pace, пріостанавливавшее производство дѣла для разсмотрѣнія его въ ассизахъ. Затѣмъ шерифъ долженъ былъ назначить 4 рыцарей, въ свою очередь выбиравшихъ 12 legales homines. Четыре рыцаря (milites) изъ графства и сосѣдства (de comitatu et de visineto) должны избирать 12 другихъ изъ того же сосѣдства (de eodem visineto), которымъ, подъ присягою, предоставляется рѣшеніе главнаго вопроса тяжбы [4]). Дальнѣйшее развитіе этого института

---

[1]) Гнейстъ, *Verfassungsgeschichte*, стр. 294. Глассонъ, IV, стр. 402 и слѣд. Ковалевскій, *Исторія полицейской администраціи*, стр. 165 и слѣд. Послѣдній не согласенъ съ мнѣніемъ Бинера (назв. соч.), доказывающаго, что учрежденіе *большого жюри* развилось совмѣстно съ дѣятельностью „объѣздныхъ судей". Проф. Ковалевскій указываетъ, что juratores de comitatu „впервые встрѣчаются въ чрезвычайныхъ судебныхъ коммиссіяхъ и полномочіяхъ мировыхъ судей". Это справедливо; но многія англійскія учрежденія, дѣйствовавшія по исключенію, обратились въ общія, если это требовалось общими условіями. Неудобство прежняго розыска при помощи присяжныхъ отъ сотенъ могло самостоятельно вызвать перемѣны въ формахъ розыска и представленія обвиняемыхъ на судъ.

[2]) См. стр. 88 и слѣд.

[3]) „...quanto magis, говоритъ онъ, между прочимъ, ponderat in judiciis plurium idoneorum testium fides quam unius tantum, tanto majore aequitate nititur ista constitutio quam duellum. Cum enim ex unius jurati testimonio procedat duellum, duodecim ad minus legalium hominum exigit ista constitutio juramenta. *Select Charters*, стр. 161.

[4]) Т. е., кому изъ тяжущихся принадлежитъ большее право на спорную землю.

касалось порядка составленія 12 присяжныхъ, призванія ихъ къ самостоятельному рѣшенію вопросовъ факта, на основаніи показанія другихъ свидѣтелей и иныхъ данныхъ, представленныхъ на судѣ. Въ этомъ видѣ, популярное съ самаго начала, учрежденіе присяжныхъ распространилось на всю область гражданскихъ дѣлъ, рѣшаемыхъ на основаніи общаго права. Изъ области процесса гражданскаго институтъ присяжныхъ распространился и на дѣла *уголовныя*. И здѣсь онъ вытѣснилъ судебный поединокъ, ордаліи и другіе отжившіе способы доказательства. Обвиняемый получилъ право просить о разрѣшеніи вопроса его виновности или невиновности чрезъ присяжный приговоръ (veredictum) 12-ти мужей изъ сосѣдства (se ponere super patriam). Первоначально это уголовное жюри составлялось изъ лицъ, входившихъ въ составъ жюри обвинительнаго, и оба учрежденія не были раздѣлены. Въ XIV столѣтіи, въ царствованіе Эдуарда III, явились первыя постановленія о раздѣленіи обвинительнаго и малаго жюри, причемъ обвиняемому дано было право отводить лицъ, состоявшихъ уже членами жюри обвинительнаго. Въ XVI ст. уголовное жюри дѣлается уже самостоятельною частью суда; изъ способа доказательства оно постепенно обращается въ установленіе, имѣющее участіе въ судѣ, въ судебномъ слѣдствіи, въ допросѣ свидѣтелей и т. д. Развившись подъ вліяніемъ видоизмѣнявшихся условій гражданскаго и уголовнаго процессовъ и для цѣлей судебныхъ, жюри пріобрѣтаетъ, наконецъ, первостепенное *политическое* значеніе, какъ одно изъ могущественныхъ средствъ огражденія свободы и правъ англійскихъ подданныхъ. Въ этомъ отношеніи trial by jury возводится на степень не только судебныхъ, но *конституціонныхъ* учрежденій Англіи. Съ развитіемъ его, постановленіе «Великой Хартіи, что никто не можетъ быть лишенъ своихъ правъ или наказанъ nisi per judicium parium suorum vel per legem terrae, получаетъ окончательный и вполнѣ опредѣленный смыслъ.

Въ этомъ видѣ обязанности присяжныхъ получили значеніе особой *повинности*, условія отправленія которой были опредѣлены закономъ. Присяжные не были судьями одновременно факта и права, какъ лица, участвовавшія въ судахъ графства; они не были и своего рода свидѣтелями по общей ссылкѣ сторонъ. Поэтому кругъ лицъ, призываемыхъ къ отправленію этой обязанности, необходимо было опредѣлить. Въ судахъ графствъ участвовали богатѣйшія или должностныя лица графства и сотенъ; въ качествѣ присяжныхъ, при прежнихъ условіяхъ, могли быть призываемы вообще liberi homines изъ сосѣдства. Съ видоизмѣненіемъ этой обязанности, съ обращеніемъ ея въ регулярную повинность, ее предстояло распредѣлить равномѣрно, тѣмъ болѣе, что богатые умѣли уклоняться отъ нея.

Цѣль эта, до извѣстной степени, была достигнута установленіемъ *ценза въ 40 шиллинговъ* дохода (при Эдуардѣ I, въ 1293 г.).

III. Права и обязанности шерифа и мѣстныхъ судовъ по *охраненію мира* постепенно переходятъ на *мировыхъ судей.* Мы уже видѣли выше [1]), что появленіе особыхъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ для „охраненія мира", относится къ царствованію Ричарда Львиное-Сердце. Указъ 1195 г. не даетъ имъ особаго названія: они именуются просто milites или milites assignati. Они должны были понуждать жителей къ принесенію присяги въ сохраненіи мира и къ преслѣдованію его нарушителей. Вѣроятно эта мѣра (принятая великимъ юстиціаріемъ, архіепископомъ Губертомъ) имѣла временный характеръ. Въ царствованіе Іоанна Безземельнаго объ этихъ milites не упоминается. При Генрихѣ III, издавшемъ нѣсколько статутовъ объ охраненіи мира и блюстительствѣ порядка (watch and ward), долго не упоминается о custodes pacis, какъ должности, учрежденной для всего графства. Законодательство Генриха III все еще стоитъ на почвѣ прежнихъ мѣръ. Охраненіе мира, подъ надзоромъ королевскихъ шерифовъ, бальи и объѣздныхъ судей лежитъ на обязанности сотенъ, городовъ и владѣльцевъ. На мѣстахъ назначаются особые блюстители спокойствія, въ числѣ, соотвѣтствующемъ народонаселенію и объему villae [2]). Въ указѣ 1252 года, содержащемъ въ себѣ правило какъ объ охраненіи мира, такъ и о наблюденіи за исполненіемъ воинской повинности, первая обязанность возлагается, попрежнему, на особыхъ мѣстныхъ стражей [3]); исполненіе второй возлагается на шерифа, въ помощь которому назначалось два рыцаря на графство; въ городахъ къ исполненію ея призывались мэры или praepositi и бальи; въ villae учреждались одинъ или два констебля (constabularius); въ сотнѣ учреждалась должность старшаго констебля (capitalis constabularius), которому жители сотни подчинялись какъ относительно воинской повинности, такъ и относительно обязанностей по охраненію мира [4]).

Опредѣлительное учрежденіе особыхъ custodes pacis относится ко времени администраціи Симона Монфортскаго. Указъ 4 іюня 1264 года, изданный отъ имени короля, повелѣвалъ, для охраненія мира

---

[1]) См. стр. 95 и слѣд.

[2]) Статутъ 1233 г.: ...quatuor homines *ad minus* faciant vigiliam illam si villa fuerit parva, et *si magna* fuerit, *plures* eam faciant secundum quantitatem villae.

[3]) Въ civitates по 6 лицъ у каждыхъ воротъ, въ бургахъ—по 12 лицъ, въ сельскихъ общинахъ—по 4 и больше.

[4]) ...ad cujus mandatum omnes jurati ad arma de hundredis suis conveniant, et ei sint intendentes ad faciendum ea quae spectant ad conservationem pacis nostrae.

въ графствахъ, учредить особыхъ охранителей мира, пока не будетъ издано другого распоряженія [1]). Custodes были назначены королемъ, по совѣщаніи съ баронами, и должны были оставаться въ своихъ должностяхъ, пока угодно будетъ королю [2]).

Мѣра Симона Монфортскаго имѣла, вѣроятно, значеніе не столько административное, сколько политическое: побѣдителю Генриха III необходимо было вырвать власть у шерифовъ, назначенныхъ королемъ, и предоставить ее своимъ приверженцамъ. Но, подобно другой политической мѣрѣ Симона—созыву представителей въ парламентъ,—и это распоряженіе дало рѣшительный толчокъ къ развитію новыхъ формъ въ порядкѣ охраненія мира.

Процессъ постепеннаго обращенія должности „охранителей мира", custodes или conservatores pacis, въ должность *мировыхъ судей* объясняется причинами, вызвавшими развитіе послѣдней. *Охраненіе мира* попрежнему остается ближайшею цѣлью учрежденія conservatores pacis. Но цѣль эта постепенно расширяется подъ вліяніемъ новыхъ потребностей государства и народа. Во-первыхъ, ограниченіе *вотчинной* юрисдикціи издавна, какъ мы видѣли, сдѣлалось предметомъ законодательныхъ мѣръ. Недовольство патримоніальными судами росло съ каждымъ поколѣніемъ. Но ограниченіе вотчинной юрисдикціи посредствомъ *объѣздныхъ судей* только отчасти достигало этой цѣли; притомъ дѣятельность послѣднихъ, въ свою очередь, вызвала многочисленныя жалобы. Во-вторыхъ, столѣтіе, отдѣляющее опытъ Симона Монфортскаго отъ окончательнаго учрежденія мировыхъ судей (1264—1360), богато *полицейскими уставами*, вызванными новыми требованіями жизни. Таковы уставы о земледѣльцахъ, промысловые уставы, постановленія о таксахъ, законы противъ роскоши, первые уставы о полиціи нравовъ, правила по наблюденію за устройствомъ и содержаніемъ *дорогъ*, и т. д. Для примѣненія ихъ не было уже достаточно прежнихъ средствъ администраціи графства. Въ-третьихъ, суды графствъ, какъ мы видѣли, приходили въ упадокъ, а шерифы вызывали общее неудовольствіе.

Эти условія вызвали въ должности „охранителей мира" измѣненіе въ двоякомъ отношеніи: 1) ихъ компетенція была расширена новымъ родомъ дѣлъ, предоставленныхъ ихъ распоряженію и надзору; 2) *степень* ихъ власти была увеличена правомъ самостоятельной юрисдикціи по нарушенію мира, разныхъ полицейскихъ уставовъ, по уголовнымъ проступкамъ, и т. д. Если указанныя выше

---

[1]) ...donec per nos et barones nostros de statu regni nostri aliter fuerit ordinatum. *Select Charters*, стр. 411.

[2]) ...quamdiu nobis placuerit.

условія опредѣлили существо должности мировыхъ судей, то другія причины предопредѣлили порядокъ ихъ назначенія. Прежніе custodes разныхъ названій и съ разными спеціальными цѣлями, могли быть отчасти назначаемы короной, отчасти избираемы мѣстнымъ населеніемъ въ собраніяхъ графствъ. Но, съ сосредоточеніемъ въ рукахъ новыхъ должностныхъ лицъ важныхъ административныхъ и судебно-полицейскихъ обязанностей, корона удержала за собою право ихъ *назначенія*, не смотря на послѣдующія попытки парламентовъ обратить ихъ въ должности выборныя. Съ другой стороны возвышеніе мѣстной джентри дало коронѣ ясныя указанія на тотъ кругъ лицъ, которыхъ должно было назначать на такія должности.

Таковы историческіе мотивы къ знаменитому статуту 34 года царствованія Эдуарда III (1360). Обратимся къ его содержанію.

Въ каждомъ графствѣ Англіи, говоритъ статутъ, для охраненія мира будутъ назначены лордъ и съ нимъ три или четыре лица изъ почетнѣйшихъ въ графствѣ, равно какъ нѣсколько законниковъ. Они будутъ имѣть право обуздывать преступниковъ закона, мятежниковъ и другихъ нарушителей общественнаго спокойствія, преслѣдовать ихъ, задерживать, наказывать ихъ по мѣрѣ вины, заключать въ тюрьму, штрафовать ихъ благоразумно, согласно законамъ и обычаямъ королевства, по своему убѣжденію и мотивируя свои рѣшенія.

Мировымъ судьямъ предоставляется также право принимать обвиненія, производить по нимъ слѣдствія, преслѣдовать бродягъ и уклоняющихся отъ своихъ законныхъ занятій. Имъ дается право задерживать и подвергать заключенію, по жалобѣ или подозрѣнію, всякихъ опасныхъ людей и брать залогъ въ „добромъ поведеніи" на будущее время со всѣхъ людей дурной славы вездѣ, гдѣ они будутъ взяты. Имъ принадлежитъ право наказывать всѣхъ прочихъ (лихихъ людей), дабы народъ не былъ волнуемъ и обиженъ подобными мятежниками и смутчиками, чтобы миръ не былъ нарушенъ, чтобы купцы и прочіе путешественники не были обезпокоены на дорогахъ. Они могутъ также выслушивать, разслѣдовать и рѣшать по обвиненіямъ на имя короля въ фелоніяхъ и проступкахъ, согласно вышеупомянутымъ законамъ и обычаямъ страны.

Если бы статутъ 1360 года не былъ подготовленъ многочисленными и постепенными измѣненіями прежняго времени, можно было бы сказать, что онъ произвелъ цѣлую революцію въ мѣстномъ управленіи. Прежде всего отъ шерифа была отнята важнѣйшая доля его судебныхъ и полицейскихъ функцій. Особенно ограничена была его юрисдикція по дѣламъ уголовной расправы, вызывавшая наибольшее число злоупотребленій и жалобъ. Къ концу періода, статутомъ Эдуарда IV было постановлено, что шерифы подъ страхомъ

штрафа въ 40 ф. обязаны всѣ дѣла, возбуждаемыя по indictment и presentment, препровождать въ *четвертные* съѣзды мировыхъ судей; имъ воспрещено, подъ страхомъ штрафа въ 100 ф., задерживать, заключать въ тюрьму или требовать пеней безъ распоряженія судьи. За шерифомъ осталась незначительная юрисдикція по дѣламъ гражданскимъ и права по производству дознаній, слѣдствій и исполнительныхъ распоряженій по дѣламъ уголовнымъ. Вмѣстѣ съ ограниченіемъ власти шерифа, падаетъ и безъ того номинальное значеніе судовъ графствъ. Вотчинные суды и суды въ городскихъ общинахъ (court leet) постепенно, но непрерывно приходятъ въ упадокъ и выходятъ изъ употребленія. Напрасно самъ парламентъ, по инициативѣ котораго совершилась означенная перемѣна, впослѣдствіи пытается возстановить значеніе старыхъ судовъ. Король (Эдуардъ III) отвѣчалъ отказомъ на петицію парламента, не смотря на то, что жалобы парламента на дѣятельность мировыхъ судей, назначенныхъ королемъ, во многомъ были основательны.

Главная причина роста новой должности заключалась, конечно, въ тѣсной связи его съ господствующимъ въ графствахъ классомъ джентри. Но, сверхъ того, порядокъ въ „охраненіи мира" и въ отправленіи правосудія выигралъ въ быстротѣ, энергіи и дешевизнѣ при новыхъ *безвозмездныхъ* (почетныхъ) должностяхъ.

Назначеніе мировыхъ судей сосредоточилось въ рукахъ короля. Но въ самыхъ статутахъ, касающихся мировыхъ судей, были указаны категоріи лицъ, могущихъ получить такое назначеніе. По статуту 1360 года охраненіе мира въ каждомъ графствѣ поручалось одному лорду, вмѣстѣ съ нѣкоторыми почетнѣйшими жителями и нѣсколькими законниками; въ силу статута 13 года царствованія Ричарда II, мировые судьи должны были назначаться изъ зажиточнѣйшихъ найтовъ, сквайровъ и законниковъ (knigts, esquires and gentlemen of the law). Требуемая степень зажиточности оставалась, впрочемъ, неопредѣленною до Генриха VI, когда для мировыхъ судей былъ установленъ *цензъ* въ 20 фунтовъ дохода съ земельнаго имущества [1]).

IV. Коммиссія „охраненія мира" и связанныя съ нею административныя и судебно-полицейскія права сосредоточились, такимъ образомъ, въ рукахъ помѣстной джентри. Съ другой стороны, въ должности мировыхъ судей концентрировались важнѣйшія права по

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 283 и слѣд.; Гнейстъ, стр. 298 и слѣд.; Глассонъ, IV, стр. 347—360. На русскомъ языкѣ подробный очеркъ развитія мировой юстиціи въ соч. проф. Ковалевскаго—*Исторія полицейской администраціи*, стр. 188—207. Особеннаго вниманія заслуживаетъ изложеніе судьбы института „охранителей мира" между 1272 и 1360 годами.

мѣстному управленію. Съ развитіемъ ея, разнообразныя должности по охраненію мира получаютъ опредѣленную и законченную организацію. Необходимость въ чрезвычайныхъ или спеціальныхъ коммиссарахъ прекратилась.

1. Исключеніе составляетъ спеціальная должность *коронера*, созданная еще при Ричардѣ I (см. выше) наказомъ объѣзднымъ судьямъ [1]). Предназначенная для содѣйствія въ охраненіи коронныхъ и фискальныхъ правъ и въ разслѣдованіяхъ по дѣламъ о насильственной смерти, должность коронаторовъ, или коронеровъ, имѣетъ свою исторію и опредѣлялась особыми законами. Въ главныхъ своихъ чертахъ она опредѣлена законами Эдуарда I [2]). Важнѣйшими изъ обязанностей коронера съ древнихъ временъ являлись слѣдствія по дѣламъ о насильственной и неестественной смерти (unnatural and violent death). Дѣла этого рода были тѣсно связаны съ казеннымъ интересомъ, такъ какъ имущества убійцъ и самоубійцъ подлежали конфискаціи; затѣмъ раскрытіе виновныхъ въ убійствѣ было связано съ общими обязанностями по охраненію мира. Коронеръ производитъ свое дознаніе (inquest) по старому обычаю, съ участіемъ *присяжныхъ*, коихъ должно быть не менѣе 12. Дознаніе должно быть произведено „въ виду мертваго тѣла“ (super visum corporis). По произнесеніи присяжными приговора о причинахъ смерти и вѣроятныхъ ея виновникахъ, коронеръ отсылаетъ виновныхъ (если они раскрыты и задержаны) къ надлежащему суду. Если прибавить къ этому дѣла о кораблекрушеніяхъ и кладахъ [3]), то самостоятельная компетенція коронеровъ почти будетъ исчерпана. Коронеры, съ самаго начала, были должностью выборною. Таковою же остались они и впослѣдствіи. Статутъ 28 года Эдуарда III предписываетъ избирать ихъ изъ почетнѣйшихъ жителей графства. Избраніе ихъ происходило въ собраніи графства, per assensum totius comitatus.

2. Ограниченная въ указанныхъ отношеніяхъ, должность *шерифа* сохранила, однако, важное значеніе. Онъ, ex officio, остается охранителемъ мира, имѣетъ опредѣленныя обязанности по дознаніямъ, по пресѣченію преступленій и т. д. На него возлагаются различныя исполнительныя дѣйствія по отправленію правосудія—составленіе списка присяжныхъ, призывъ ихъ въ суды, вызовъ тяжущихся и обвиняемыхъ, а также представленіе ихъ, управленіе тюрьмами, исполненіе судебныхъ приговоровъ и распоряженій. Онъ предсѣда-

---

[1]) Forma procedendi in placitis Coronae Regis, ст. 20: Praeterea in quolibet comitatu eligantur tres milites et unus clericus *custodes placitorum coronae*.

[2]) De officio coronatoris (4 годъ царств.) и statutum Walliae (12 годъ царств.).

[3]) Выброшенные послѣ кораблекрушенія предметы принадлежали королю; онъ же имѣлъ право на безхозяйныя и найденныя вещи.

тельствуетъ на судахъ графствъ, по дѣламъ, оставшимся въ ихъ вѣдѣніи, и въ особенности по выборамъ. Онъ созываетъ избирателей, для избранія депутатовъ отъ графствъ въ нижнюю палату и разныхъ должностныхъ лицъ по администраціи графства: коронеровъ, лѣсныхъ смотрителей (viridarii, verderers), „conservatores pacis“ (когда ихъ предоставлено было избирать, напр. при Эдуардѣ I) и т. д. Но едва ли не самою важною отраслью обязанностей шерифа являлись дѣла финансовыя и сопряженныя съ интересами казны. Въ этомъ отношеніи онъ является главнымъ органомъ знаменитаго „казначейства“. Собираніе королевскихъ доходовъ, завѣдываніе ихъ источниками, наблюденіе за поступленіемъ сборовъ, штрафовъ и т. д. дѣлали его сильнымъ и часто тягостнымъ агентомъ фиска.

Многочисленныя злоупотребленія шерифовъ были причиною того, что парламенты требовали избранія ихъ графствами. Борьба за выборное начало шла довольно долго. При Эдуардѣ I защитники этого начала ссылались даже на законы Эдуарда Исповѣдника, въ силу которыхъ шерифовъ должно было избирать per singulas comitatus in pleno folkmote. Въ 1300 году Эдуардъ I даровалъ графствамъ право избирать шерифовъ, если эти должности не отданы въ ленъ или не наслѣдственны. Но графства слабо воспользовались своимъ правомъ, и въ 1311 г. оно было отмѣнено. Затѣмъ, при Эдуардѣ III (въ 1338 г.) король снова уступилъ это право графствамъ, чтобы отмѣнить его въ 1340 году. Назначеніе шерифовъ осталось въ рукахъ короля. Въ виду указанной связи этой должности съ казначействомъ и высшими королевскими судами, оно совершалось въ казначействѣ, по соглашенію канцлера, казначея, бароновъ казначейства и юстиціаріевъ. Главнымъ средствомъ противъ злоупотребленій шерифовъ явился и остался *годовой срокъ* ихъ службы.

3. Чрезъ должности мировыхъ судей, коронеровъ, шерифовъ, чрезъ развитіе института присяжныхъ, старый феодальный строй Англіи существенно измѣнился. Мѣстныя учрежденія, составлявшія прежде нѣкоторый комплексъ отживавшихъ собраній графствъ, эксимированныхъ вотчинъ и слободъ, значеніе которыхъ перекрещивалось всесильною властью шерифа и приводилось къ нѣкоторому единству дѣятельностью „объѣздныхъ судей“ и чрезвычайныхъ коммиссаровъ, получили теперь новый видъ. Основныя черты новой системы можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: она построена на силѣ господствующаго и среднихъ классовъ, отправляющихъ разныя и многочисленныя должности на началѣ повинности, безвозмездно, въ силу королевскаго порученія, въ предѣлахъ и на основаніи законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе этого періода было положено основаніе системѣ *мѣстныхъ налоговъ*, раскладка, взиманіе и расходованіе

которыхъ на предметы мѣстной администраціи производились на мѣстахъ.

Въ этомъ смыслѣ внутреннее управленіе Англіи получило значеніе государственное; въ этомъ отношеніи Англія отличалась отъ континентальныхъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ абсолютизмъ и его бюрократическіе органы уживались съ остатками средневѣковой сословной „особности" и привилегій, создавая тотъ порядокъ вещей, который сначала былъ поколебленъ политикою „просвѣщеннаго абсолютизма", а потомъ разрушенъ революціею. Постепенное, органическое (если и не „мирное") развитіе Англіи было обезпечено ей ближайшимъ образомъ ея мѣстными учрежденіями, которыя открыли возможность къ дѣйствительному слiянію сословій.

4. Значеніе мѣстныхъ учрежденій усилилось и въ другомъ отношеніи, не менѣе важномъ. Историческая судьба европейскихъ державъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ во многомъ зависѣла отъ характера и состава ихъ *вооруженныхъ силъ*. На континентѣ Европы, съ упадкомъ прежней системы феодальной службы и ополченій, королевская власть опирается на постоянную армію, создаваемую различными путями и средствами. Англія, благодаря своему географическому положенію, не требовала для своей защиты значительной вооруженной силы, а общественное устройство ея не представляло благопріятныхъ для развитія ея условій.

При указанной выше возможности раздробленія леновъ и пріобрѣтенія участковъ всѣми свободными людьми, весьма трудно было организовать ленную повинность на основаніяхъ твердыхъ; съ другой стороны, сами короли открыли возможность замѣнять личную службу въ войнѣ „щитовыми деньгами" (scutagium; см. выше). Вслѣдствіе этого недостатокъ войска для внѣшнихъ войнъ восполнялся наемными войсками; для охраненія внутренней безопасности, обязанность имѣть достаточное количество оружія и являться на призывъ властей была возложена на все свободное населеніе, пропорціонально его *имуществу*, размѣромъ коего опредѣлялись родъ и количество вооруженія для каждаго разряда лицъ. Розыскъ относительно размѣра имуществъ и соотвѣтствующаго рода и количества вооруженія каждаго возлагался на юстиціаріевъ или особыхъ коммиссаровъ, при содѣйствіи особыхъ присяжныхъ. По окончаніи розыска, всѣ свободные люди, обязанные повинностью, приносили присягу въ томъ, что они будутъ имѣть и содержать для службы королю надлежащее количество оружія [1]). Отсюда и названіе этихъ лицъ — jurati ad arma.

---

[1]) Et postea... faciant ...eos jurare quod ea arma habebunt secundum valentiam praedictam catallorum vel redditus, et ea tenebunt in servitio domini regis secundum hanc praedictam assisam, и т. д. Assiza 1181 г., ст. 9.

Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ „уставомъ о вооруженіи“ (Assize of arms) Генриха II (см. выше). Послѣдующіе уставы объ этомъ предметѣ находятся въ связи съ мѣрами объ охраненіи тишины и спокойствія (watch and ward). Таковъ указъ Генриха III (1252), основанный на тѣхъ же началахъ и учредившій малыхъ и главныхъ констеблей въ villae и въ сотняхъ; таковъ и указъ 1253 года. Но наибольшею извѣстностью пользуется Винчестерскій статутъ Эдуарда I (1285). Вызванный умножившимися разбоями, грабежами, убійствами и другими преступленіями и нарушеніями мира [1]), статутъ содержитъ въ себѣ правила по охраненію общественной безопасности и постановленіе объ оружіи, которое каждый свободный человѣкъ долженъ держать у себя въ домѣ, по старымъ уставамъ, для охраненія мира [2]). Въ этомъ отношеніи всѣ „люди“, сообразно ихъ имуществу, были раздѣлены на пять разрядовъ, коимъ соотвѣтствовали родъ и количество оружія. Для наблюденія за исполненіемъ этой повинности въ каждой сотнѣ (hundred) и въ каждомъ экзимированномъ округѣ (fraunchise) должны быть избраны два констебля [3]).

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ополченія, созданныя указанными уставами, немедленно замѣнили собою ленное войско и службу. Вооруженныя силы Англіи въ теченіе среднихъ вѣковъ слагались изъ трехъ элементовъ: 1) изъ вооруженныхъ вассаловъ главныхъ бароновъ (tenents in chief), служившихъ подъ начальствомъ послѣднихъ; 2) прочихъ коронныхъ вассаловъ, отправлявшихъ свою службу подъ начальствомъ шерифа; 3) свободныхъ людей, jurati ad arma, являвшихся по призыву шерифа подъ начальствомъ своихъ констеблей [4]).

Изъ этихъ трехъ элементовъ послѣдній мало по малу вытѣснилъ остальные. Вырожденіе аристократіи и ея дружинъ, злоупотребленія „ливреями“ (см. выше), плачевный исходъ разныхъ междоусобій подорвали военное значеніе аристократіи и ея тяжело вооруженной конницы. Попытка королей создать вооруженныя силы другими путями, особенно для внѣшнихъ войнъ, кончилась неудачно. Такова была система *вербовки*, производившейся особыми коммиссіями (com-

---

[1]) Pur ceo qe de jour en jour roberies, homicides, arsuns, plus sovenerement sunt fetes qe avaunt ne soleyent, и т. д.

[2]) Comaunde est ensement qe chescun home eit en sa mesun armure *pur la pees garder*, solum la aunciene assise.

[3]) *Select Charters*, стр. 470 и слѣд.

[4]) Образчикомъ распоряженій о созывѣ вооруженной силы графствъ, jurati ad arma, является указъ Генриха III (1231). Тамъ же, стр. 359.

missions of array), сопровождавшейся разными поборами, которые вызывали общія жалобы и протесты въ парламентахъ [1]; къ еще худшимъ результатамъ привела система по *контрактамъ* (service by indenture), вошедшая въ употребленіе съ Эдуарда III и открывшая, въ смутныя времена Ричарда II, Генриха VI и Эдуарда IV, широкую дорогу духу приключеній, жажды добычи и будившая самые дурные инстинкты въ лордахъ, ихъ „ливреяхъ" и наемникахъ [2]. Система наемныхъ войскъ еще раньше того не удалась въ Англіи [3].

Такимъ образомъ, *милиція* сдѣлалась не только первенствующимъ средствомъ защиты страны, но и *единственною нормальною*, признанною конституціонными законами, вооруженною силою. Это важное обстоятельство отразилось на положеніи королевской власти въ Англіи, сравнительно съ условіями ея развитія на континентѣ.

„Англійскіе короли", говоритъ г. Чичеринъ, „не имѣли достаточной силы, чтобы утвердить свою абсолютную власть на прочныхъ основахъ и сломить всякое противодѣйствіе. У нихъ не было главнаго орудія, посредствомъ котораго европейскіе монархи успѣли упрочить свое могущество—постояннаго войска. Положеніе Англіи ограждало ее отъ внѣшнихъ опасностей; паденіе аристократіи устраняло необходимость внутренней борьбы. Военная сила была ненужна, и англичане всегда смотрѣли на нее съ крайнимъ недовѣріемъ. Отсутствіе постояннаго войска они всегда считали однимъ изъ главныхъ оплотовъ своей свободы" [4].

V. Развитіе институтовъ самоуправленія, провозглашеніе и постоянное утвержденіе правъ личной свободы и правъ имущественныхъ

---

[1] Случаи учрежденія commissions of array указаны у Стёббса, II, стр. 294 и слѣд.; III, стр. 278 и слѣд. Подробный разборъ этихъ мѣръ съ конституціонной точки зрѣнія, II, стр. 564—569.

[2] Система образованія арміи по контрактамъ состояла въ томъ, что король какъ бы отдавалъ подрядъ на наборъ войскъ нѣсколькимъ лордамъ. Послѣдніе обязывались выставить опредѣленное количество людей, за опредѣленное жалованье, и служить (преимущественно за моремъ) въ теченіе опредѣленнаго срока. Стёббсъ (III, стр. 539 и слѣд.) говоритъ, что Эдуардъ III прибѣгъ къ этому средству для своихъ внѣшнихъ войнъ, убѣдившись въ непригодности прежняго леннаго ополченія; онъ думалъ воспользоваться, съ одной стороны, рыцарскимъ духомъ своихъ бароновъ, а съ другой—утилизировать ихъ стремленія къ выгоднымъ предпріятіямъ. Но это послѣднее стремленіе возобладало надъ первымъ. Англія породила людей, не уступавшихъ континентальнымъ *кондотьери*, по жаждѣ войны, добычи, грабежа и рѣзни. Воспитавшись въ этихъ чувствахъ во время континентальныхъ войнъ, они возвращались въ Англію съ тѣми же привычками и показали себя во время войнъ бѣлой и алой розы.

[3] Стёббсъ, II, стр. 287 и слѣд.

[4] *О народномъ представительствѣ*, стр. 243.

вносили въ общую систему англійскаго управленія твердыя юридическія начала. Эти начала, поскольку они могутъ быть опредѣлены въ общей формулѣ, выражались въ требованіи, что страна должна быть управляема по закону и чрезъ законы. Мы видѣли, что въ условіяхъ эпохи заключалось много препятствій къ осуществленію этихъ началъ и что развитіе ихъ далеко не было непрерывно; мы увидимъ, что средніе вѣка оставили много открытыхъ вопросовъ, которымъ суждено было разрѣшиться только въ эпоху революціи. Но общее дѣйствіе конституціонныхъ силъ Англіи направлялось къ этой цѣли.

Важное мѣсто въ этомъ процессѣ занимаетъ развитіе англійскихъ *судовъ*, которые въ этой странѣ имѣютъ значеніе не только органовъ правосудія, но и *политическихъ*, конституціонныхъ учрежденій.

Мы оставили судебныя учрежденія (см. выше, стр. 78) на степени установленій, почти не выдѣленныхъ изъ общаго состава королевской куріи. Правда, источники упоминаютъ о судѣ „королевской скамьи“ (bancum) довольно рано; судъ „общихъ тяжебъ“, вѣроятно, учредился раньше Іоанна Безземельнаго, такъ какъ Великая Хартія говоритъ о немъ какъ объ учрежденіи существующемъ и постановляетъ, что онъ не будетъ „слѣдовать за королемъ“, но останется въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ [1]).

Для самостоятельнаго значенія этихъ судовъ недоставало, однако, двухъ существенныхъ условій: особыхъ предсѣдателей и особаго состава. Предсѣдательство въ судахъ принадлежало (если король самъ не отправлялъ правосудія) великому юстиціарію; въ составъ судовъ входили члены той же королевской куріи безразлично. Образованіе этихъ судовъ въ видѣ особыхъ коллегій относится ко времени „англійскаго Юстиніана“—Эдуарда I.

Причины, вызвавшія эти преобразованія, имѣли практическое значеніе. Возраставшее количество дѣлъ, новыя и сложныя юридическія отношенія, быстрое развитіе законодательства, сложная практика, требовавшая новыхъ и спеціальныхъ свѣдѣній, показали, что невозможно отправлять правосудіе при помощи однихъ и тѣхъ же лицъ. Преобразованіе было вызвано, прежде всего, необходимостью раздѣленія труда. Затѣмъ непосредственное королевское правосудіе, хотя бы отправляемое чрезъ великаго юстиціарія, было непримѣнимо при большомъ числѣ сложныхъ дѣлъ. Наконецъ и самая должность великаго юстиціарія исчезаетъ. Со времени паденія Губерта де Бурга (1232), при Генрихѣ III [2]), она теряетъ свое значеніе и упраздняется

[1]) Communia placita non sequantur curiam nostram sed teneantur in aliquo loco certo. Ст. 17.

[2]) См. стр. 108.

силою вещей. Существо перемѣны, произведенной Эдуардомъ I, состояло въ томъ, что онъ образовалъ эти коллегіи изъ особыхъ судей и далъ имъ особыхъ предсѣдателей.

1. *Судъ королевской скамьи* (court of kings bench) былъ составленъ изъ нѣсколькихъ юстиціаріевъ подъ предсѣдательствомъ главнаго юстиціарія [1]). Въ судѣ королевской скамьи сосредоточены, во-первыхъ, *уголовныя дѣла*, входившія въ кругъ королевской юрисдикціи (placita coronae); во-вторыхъ, *охраненіе мира* и соединенная съ нимъ власть полицейская, которая принадлежала судьямъ, какъ conservatores pacis ex officio; въ-третьихъ, судъ королевской скамьи являлся высшимъ судомъ королевства, съ правомъ пересмотра и исправленія рѣшеній всѣхъ прочихъ судовъ, за исключеніемъ суда казначейства. Чрезъ эти функціи судъ пріобрѣлъ и право контроля надъ дѣйствіями не только судебныхъ, но и другихъ должностныхъ лицъ, преимущественно по дѣламъ объ охраненіи мира и полицейской администраціи.

2. *Судъ общихъ тяжебъ* (court of common pleas) получилъ въ свое вѣдѣніе дѣла гражданскія, не связанныя съ правами и интересами короны. Было употреблено не мало усилій, чтобы разграничить его компетенцію отъ круга административно-гражданскихъ дѣлъ, разсматривавшихся въ казначействѣ. Судьи послѣдняго неохотно выпускали изъ своихъ рукъ „челобитчиковы“ дѣла, и сами тяжущіеся находили иногда выгоднымъ производить ихъ въ казначействѣ. Указомъ 1282 года казначейству было запрещено вѣдать гражданскіе иски; распоряженіе это было подтверждено статутомъ 1300 года. Не смотря на это, и судьи, и тяжущіеся находили возможность, при помощи разныхъ фикцій и уловокъ, вчинать и разсматривать гражданскіе иски въ казначействѣ. Это вызывалось отчасти сильнымъ накопленіемъ дѣлъ въ судѣ общихъ тяжебъ. Благодаря развитію судебной централизаціи, въ немъ сосредоточились всѣ иски на сумму выше 40 шилл., вслѣдствіе чего мѣстнымъ судамъ были предоставлены дѣла маловажныя. [illegible].

3. *Судъ казначейства* отдѣлился отъ казначейства предположительно въ царствованіе Эдуарда II. Съ уничтоженіемъ должности „великаго юстиціарія“, главное послѣ короля мѣсто занимаетъ *канцлеръ* (см. ниже); главными должностными лицами въ казначействѣ дѣлаются *казначей* (treasurer), который становится въ рядъ высшихъ должностныхъ лицъ, и *канцлеръ казначейства*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ занятія казначейства сдѣлались настолько сложными, что отправленіе

---

[1]) Chief justice, capitalis justiciarius ad placita coram Rege tenenda. Названіе это наслѣдовано отъ „великаго юстиціарія“, но безъ его обширныхъ функцій.

собственно финансовыхъ дѣлъ должно было распредѣлить между разными отдѣленіями [1]). Тѣмъ меньше можно было оставлять за нимъ дѣла судебно-финансовыя. Для послѣднихъ учреждается особый судъ, court of exchequer, члены котораго продолжаютъ, однако, называться „баронами", а предсѣдатель суда—capitalis baro, chief baron.

Въ этомъ видѣ англійскіе суды *общаго права*, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, существовали въ теченіе вѣковъ, вплоть до коренной перемѣны, произведенной въ 1873 году. Много времени прошло до тѣхъ поръ, пока суды пріобрѣли дѣйствительную независимость и высокое политическое значеніе. Но уже въ средніе вѣка установились необходимыя для этого условія. Во-первыхъ, судьи были немногочисленны и назначались изъ среды лучшихъ знатоковъ англійскаго права. Во-вторыхъ, коллегія судей находилась въ тѣсной связи съ сословіемъ юристовъ, издавна получившимъ корпоративную организацію; изъ этого сословія выходили и судьи.

4. Образованіе сословія юристовъ въ Англіи находится въ связи съ исторіею изученія и разработки общаго права Англіи (common law). Первые законовѣдцы Англіи послѣ норманнскаго завоеванія—духовные—пренебрегали этимъ незнакомымъ имъ и съ ихъ точки зрѣнія варварскимъ правомъ. Они посвящали себя изученію права римскаго, начала котораго были такъ важны для нихъ ради примѣненія права каноническаго. Англійское право не изучалось и въ университетахъ, коими владѣло духовенство. Но „римское завоеваніе" не совершилось въ Англіи. Съ пробужденіемъ національнаго чувства и подъ вліяніемъ практической необходимости, изученіе common law началось по частной иниціативѣ. Подъ руководствомъ опытныхъ судей основались настоящія школы общаго права въ окрестностяхъ Вестминстера. Молодые люди, поступавшіе въ эти частныя школы, находили здѣсь пріютъ и даже содержаніе (отсюда и названіе ихъ—hospitia). Они слѣдуютъ за судьями въ ихъ разъѣздахъ и здѣсь получаютъ свѣдѣнія практическія. Затѣмъ сами короли берутъ подъ свое покровительство занятія національнымъ правомъ и регулируютъ положеніе школъ и учащихся. Hospitia или inns получаютъ корпоративное устройство; въ подражаніе университетамъ, въ нихъ вводятся различныя степени учащихся, допускаемыхъ также и къ судебной практикѣ [2]), а также ученыя степени—barrister и sergeant-at-law. Съ установленіемъ тѣсной связи между судами и „дворами", изъ послѣднихъ образуются настоящія корпораціи *адвокатовъ*, имѣющія двоякое значеніе: адвокатскихъ корпорацій въ собственномъ смыслѣ

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 286 и 287.

[2]) Servientes, narratores, attornati, apprentitii.

и высшихъ юридическихъ школъ, имѣвшихъ право давать степень sergeant-at-law [1]). Послѣдняя была необходима для права занимать судейскія должности въ судахъ „королевской скамьи“ и „общихъ тяжебъ“.

Корпоративная организація класса юристовъ и возраставшее его значеніе даютъ мѣсто предположенію, что они составляли если не особое сословіе (estate), то отдѣльный разрядъ (sub-estate) коммонеровъ. Но въ строѣ англійскаго общества не было условій, подъ вліяніемъ которыхъ могло бы развиться нѣчто подобное французской noblesse de robe, служившей такимъ могущественнымъ подспорьемъ королевской власти [2]).

5. Организація судовъ общаго права отразилась и на институтѣ *объѣздныхъ судей*. Важнѣйшія перемѣны въ этомъ отношеніи совершились также въ царствованіе Эдуарда I [3]). Общій результатъ перемѣнъ, совершившихся какъ при Эдуардѣ I, такъ и при его преемникахъ, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) институтъ объѣздныхъ судей былъ приведенъ въ связь съ судебными коллегіями, такъ какъ коммиссіи по объѣзду даются теперь судьямъ королевской скамьи или общихъ тяжебъ. Англія, для цѣлей объѣзда, попрежнему раздѣлена на четыре округа. 2) Объѣзды совершаются *періодически* и, сравнительно, чрезъ короткіе промежутки [4]). 3) Отправленіе многихъ, по преимуществу гражданскихъ, дѣлъ, прежде разсматривавшихся въ Вестминстерѣ, теперь совершается на мѣстахъ, при участіи мѣстныхъ жителей. Въ 18-ой ст. Великой Хартіи было постановлено, что изслѣдованія (recognitiones) по дѣламъ о наслѣдованіи земель, о завладѣніи и нѣкоторыя другія будутъ разсматриваться въ *графствахъ*, въ *ассизахъ*, двумя юстиціаріями совмѣстно съ четырьмя рыцарями, избранными собраніемъ графства. Это начало было развито новыми важными постановленіями. Второй Вестминстерскій статутъ (1285 г.) постановилъ [5]), что для разсмотрѣнія гражданскихъ тяжебъ, исчисленныхъ въ статутѣ, будутъ назначаемы по два судьи, обязанные держать въ каждомъ графствѣ ассизы три раза въ годъ; они будутъ

---

[1]) Таковы четыре знаменитые „двора“: Lincolns Inn, Inner Temple, Middle Temple, Grays Inn. Lincolns Inn названъ по имени графа Линкольна, страстнаго любителя законовѣдѣнія, который подарилъ это помѣщеніе подъ школу. Сверхъ того, при канцлерскомъ судѣ состояло около 10 приготовительныхъ школъ.

[2]) Ср. Стеббсъ, II, стр. 197—199.

[3]) Нельзя, конечно, сказать, что законодательство Эдуарда I внесло какія-либо новыя начала въ это учрежденіе. Но оно систематизировало и подтвердило правила, выработанныя прежними законами и практикою.

[4]) По силѣ второго Вестминстерскаго статута (1285 г.) три раза въ годъ: въ іюлѣ, сентябрѣ и январѣ.

[5]) Точнѣе сказать, возстановилъ и подтвердилъ силу 18-ой ст. Великой Хартіи.

разсматривать порученныя имъ дѣла при участіи двухъ почетнѣйшихъ рыцарей графства. Это постановленіе оставило въ силѣ правило, по которому всякое дѣло, подлежащее вѣдѣнію королевскихъ судовъ, разсматривалось въ Вестминстерѣ; но оно ограничивало его дѣйствіе оговоркой: „если прежде того судьи не прибудутъ на мѣсто“, *nisi* justitiarii *prius* ad partes illas venirent [1]). Послѣ 1285 г. исключеніе фактически дѣлается общимъ правиломъ. Компетенція судей, посылаемыхъ въ объѣздъ, расширяется, и они получаютъ право разсматривать и рѣшать дѣла на мѣстахъ, съ участіемъ присяжныхъ и другихъ лицъ. Хотя шерифамъ попрежнему посылаются указы о представленіи (venire facias) присяжныхъ и другихъ лицъ „ad certum diem“, для разсмотрѣнія дѣла въ Вестминстерѣ, но, въ силу оговорки nisi prius, шерифъ, зная о времени прибытія ассизныхъ судей въ графство, созываетъ лицъ, названныхъ въ указѣ, прямо въ главный городъ графства. 4) Чрезъ коммиссію nisi prius и предоставленіе объѣзднымъ судьямъ „выслушивать и кончать“ дѣла на мѣстахъ (audiendum et terminandum, oyer and terminer) измѣнилось и ихъ юридическое положеніе. Въ отправленіи своихъ коммиссій, они получили значеніе и право *всей* судебной коллегіи, отъ которой они посланы; они представляютъ теперь весь судъ, дѣйствуя его именемъ на мѣстѣ. 5) Съ установленіемъ органической связи между объѣздными судьями и вестминстерскими судами, явилась возможность соединить въ одно цѣлое и отдѣльныя коммиссіи (порученія), дававшіяся прежде, по мѣрѣ надобности, особымъ объѣзднымъ юстиціаріямъ. Коммиссіи эти представляются теперь въ слѣдующемъ видѣ: а) коммиссія объ очищеніи тюремъ (of gaol dilivery), т.-е. о разсмотрѣніи дѣлъ лицъ, содержащихся подъ стражею въ тюрьмахъ графствъ; б) коммиссія о разсмотрѣніи и окончаніи уголовныхъ дѣлъ, возбужденныхъ въ графствахъ (of oyer and terminer—съ Эдуарда III); в) коммиссія nisi prius (см. выше), со времени Генриха VI распространенная и на уголовныя дѣла; г) право держать ассизы для рѣшенія на мѣстахъ нѣкоторыхъ гражданскихъ тяжебъ; д) общая для всѣхъ судей королевства коммиссія охраненія мира.

Можно указать случаи, когда нѣкоторыя изъ этихъ коммиссій (особенно объ окончаніи уголовныхъ дѣлъ) давались особымъ лицамъ (во времена безпокойныя). Но мало по малу право получать указанныя порученія сдѣлалось привилегіею вестминстерскихъ судей. Въ

---

[1]) Глассонъ (III, стр. 257) замѣчаетъ, что эта оговорка также не представляетъ новости. Уже Брактонъ свидѣтельствуетъ, что „semper dabitur dies partibus ab Justiciariis de Banco, *sub tali conditione*, *nisi* justiciarii itinerantes *prius* venerint ad illas partes“.

этихъ условіяхъ учрежденіе объѣздныхъ судей скрѣпило связь между высшими судилищами королевствъ и мѣстными установленіями, приблизило отправленіе правосудія къ мѣстному населенію и удешевило его.

6. При обособленіи судовъ „общаго права" отъ королевской куріи, изъ вѣдѣнія ихъ вышли дѣла, которыя по необходимости подлежали личному рѣшенію короля. Эти дѣла восходили въ королевскій совѣтъ чрезъ *канцлера*, какъ первенствующее (послѣ уничтоженія должности великаго юстиціарія) должностное лицо и хранителя большой печати. Канцлеръ докладывалъ по нимъ королю и сообщалъ его рѣшенія.

Но обособленіе судовъ общаго права имѣло и другое важное послѣдствіе. Вестминстерскіе суды, въ примѣненіи общаго права, какъ въ отношеніи его содержанія, такъ и процессуальныхъ формъ, отличались тѣмъ строгимъ и отчасти казуистически узкимъ направленіемъ, которое донынѣ свойственно англійскимъ юристамъ. Вслѣдствіе этого иныя формы владѣнія имуществами, виды обязательствъ и т. д. были неизвѣстны „общему праву", а потому вытекавшія изъ нихъ права не могли быть защищены, въ случаѣ нарушенія или спора, искомъ въ общихъ судахъ [1]). Средствомъ къ защитѣ такихъ правъ сдѣлался *судъ канцлера*, постепенно [2]) пріобрѣвшій самостоятельную юрисдикцію. Въ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ и ихъ рѣшеніи по существу канцлеръ не руководствовался постановленіями „общаго права", разрѣшая дѣла „по совѣсти и внутреннему убѣжденію". Канцлерскій судъ, какъ судъ справедливости (equity) явился средствомъ смягченія строгихъ формъ общаго права. Юрисдикція его, формы и обряды процесса, юридическія начала, примѣнявшіяся къ рѣшенію дѣлъ, создавались собственною дѣятельностью канцлера. Въ этомъ отношеніи роль его сравниваютъ съ ролью римскихъ *преторовъ*.

---

[1]) Самый наглядный примѣръ представляетъ владѣніе имуществомъ по так. наз. trust (не совсѣмъ точно сравниваемому съ фидеикомиссомъ). Вслѣдствіе разныхъ условій, въ Англіи явилось много владѣній, номинальнымъ собственникомъ которыхъ было одно лицо (trustee), а дѣйствительное владѣніе и пользованіе которыхъ принадлежало другому (cestui qui trust); по большей части такими дѣйствительными собственниками являются лица юридическія. Предъ общими судами единственнымъ собственникомъ такихъ имуществъ является собственникъ номинальный, а потому они не могутъ понудить его къ исполненію его обязанностей предъ довѣрителемъ. Единственнымъ путемъ къ защитѣ правъ послѣдняго являлся канцлерскій судъ.

[2]) Вслѣдствіе чего весьма трудно опредѣлить время его возникновенія. Старѣйшій авторитетъ по этому предмету, Кокъ (Coke), относитъ его ко времени Ричарда II. Блакстонъ—ко временамъ Эдуарда III. Это мнѣніе можно считать общепринятымъ.

Но обширныя его полномочія бывали также средствомъ къ большимъ злоупотребленіямъ, тѣмъ болѣе, что граница между областью „общаго права", съ одной, и областью „справедливости", съ другой стороны, особенно въ тѣ времена, могла быть проведена съ величайшимъ трудомъ. Самое право канцлерскаго суда требовать къ своему разсмотрѣнію дѣла и вызывать стороны, въ нихъ участвующія, возникло лишь постепенно. Только при Ричардѣ II канцлерскому суду дано было право вызывать отвѣтчиковъ и другихъ лицъ посредствомъ такъ называемыхъ writs sub poena, т.-е. съ предупрежденіемъ о штрафѣ и наказаніи за ослушаніе. Пользуясь этимъ правомъ, канцлерскій судъ расширялъ предѣлы своей юрисдикціи даже на счетъ компетенціи общихъ судовъ. Парламентъ и суды нерѣдко старались поставить преграды расширявшейся власти канцлера; но она росла непрерывно.

Не должно, впрочемъ, думать, что канцлерскіе суды, пользуясь свободою въ созданіи и опредѣленіи нормъ права и процессуальныхъ формъ, обратились въ суды экстралегальные. Они не были связаны статутами, подобно судамъ общаго права; источники, изъ коихъ канцлеръ могъ черпать руководящія начала для своей дѣятельности, были разнообразны: право естественное, римское и каноническое, прецеденты и обычаи, даже просто предписанія „здраваго смысла" руководили „совѣстью" канцлеровъ. Но изъ массы этихъ источниковъ, право римское и каноническое имѣли наибольшее значеніе для канцлеровъ, какъ для лицъ, по общему правилу, *духовныхъ* [1]). Затѣмъ, подъ вліяніемъ юридическаго такта англійскихъ должностныхъ лицъ и судейскаго, такъ сказать, характера всей англійской администраціи, въ канцлерскомъ судѣ выработались твердыя и довольно точныя формы веденія и разсмотрѣнія дѣлъ. Наконецъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, канцлеръ совѣщался съ *судьями* и членами королевскаго совѣта, о чемъ упоминалось въ рѣшеніяхъ его суда [2]).

---

[1]) Должность канцлера первоначально была соединена съ званіемъ королевскаго капеллана и духовника. Первымъ канцлеромъ со времени возвышенія этой должности, какъ бы замѣнившей великаго юстиціарія, былъ знаменитый Робертъ Бöрнель (съ 1273 г.), содѣйствовавшій Эдуарду I пріобрѣсти славу „Англійскаго Юстиніана". Бöрнель возвысился до этого званія изъ королевскихъ клэрковъ. Онъ сохранялъ свою должность до 1292 года. Слѣдующіе за нимъ канцлеры были по большей части духовные.

[2]) Per decretum cancellariae ex assensu omnium justitiariorum et aliorum de consilio regis praesentium. Глассонъ, IV стр. 344.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБРАЗОВАНІЕ ПАРЛАМЕНТА.

I. Верховная власть, и въ принципѣ и на практикѣ, сосредоточивается въ рукахъ короля. Послѣдній отправляетъ ее при содѣйствіи имъ назначаемыхъ должностныхъ лицъ и своего *совѣта* (см. ниже). Но въ отношеніи иныхъ предметовъ король нуждается „въ согласіи“ сословій королевства, представленныхъ въ парламентѣ. Такова, въ главныхъ чертахъ, схема государственнаго строя средневѣковой Англіи. Уже тогда установилось различіе между *королемъ въ парламентѣ* и *королемъ въ совѣтѣ*, слѣдовательно различіе между областью дѣлъ, подлежащихъ личному рѣшенію короля, и кругомъ дѣлъ, рѣшаемыхъ съ общаго согласія палатъ и короля. Различіе это касалось, главнымъ образомъ, дѣлъ *законодательныхъ*, съ одной, и *распорядительныхъ*, съ другой стороны; но оно, какъ мы увидимъ ниже, не было единственнымъ, ибо между компетенціею короля въ совѣтѣ и короля въ парламентѣ не могло быть проведено различіе на основаніи *существа* дѣлъ. Не смотря на продолжительную практику парламентовъ, на постоянныя ихъ стремленія опредѣлить объемъ своихъ правъ, въ исходѣ среднихъ вѣковъ въ конституціонномъ правѣ Англіи осталось много „открытыхъ“ вопросовъ, которые въ періодъ Тюдоровъ рѣшались обыкновенно въ пользу личнаго королевскаго управленія, а въ періодъ Стюартовъ были разрѣшены въ пользу парламента.

Самый составъ и общее значеніе парламентовъ были опредѣлены лишь въ главныхъ чертахъ, что допускало возможность различныхъ колебаній и часто крутыхъ перемѣнъ.

Разсматривая эту важную часть государственныхъ учрежденій Англіи, всегда должно имѣть въ виду, что, при извѣстной шаткости принциповъ, *фактическое* положеніе вещей далеко не всегда соотвѣтствовало принципамъ, провозглашаемымъ парламентомъ, съ одной, или королями, съ другой стороны. Въ подтвержденіе своихъ притязаній, каждая изъ сторонъ ссылалась обыкновенно на *прецеденты*; но прецеденты были разнообразны, и въ этомъ арсеналѣ каждая изъ партій могла найти удобное для себя оружіе. Прецеденты изъ временъ бурныхъ, каковы царствованія Эдуарда II и Ричарда II, могли быть приведены въ пользу началъ, несходныхъ съ тѣми, въ пользу которыхъ можно было найти свидѣтельство изъ временъ Эдуардовъ I и III; отношенія къ парламенту королей Ланкастерской династіи, обязанной престоломъ волѣ парламента, давали иные прецеденты, чѣмъ

узурпаторское и террористическое правительство Эдуарда IV. Наконецъ, и самое образованіе парламента, медленное и постепенное, естественно задерживало развитіе и установленіе правъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались принадлежностью парламента въ полномъ его составѣ.

II. По внѣшнимъ признакамъ своего состава, средневѣковые парламенты Англіи подходили подъ типъ *сословнаго представительства*, образцы котораго мы видимъ на континентѣ тогдашней Европы. Въ составъ парламента входили: 1) tenentes in capite, свѣтскіе бароны, приглашаемые королевскими письмами; 2) духовенство высшее и низшее, и 3) представители отъ графствъ и городовъ подъ общимъ впослѣдствіи названіемъ „общинъ". Эти три составныхъ элемента представительства формально соотвѣтствуютъ тремъ „чинамъ", входившимъ обыкновенно въ составъ тогдашнихъ земскихъ чиновъ [1]. Но въ существѣ своемъ англійское представительство отличалось важными особенностями.

На континентѣ Европы земскіе чины являются собраніями *сословій*, соединенныхъ нѣкоторыми общими интересами и привилегіями, коими опредѣлялось ихъ мѣсто и значеніе въ государствѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы земскіе чины не представляли нѣкотораго государственнаго начала. Процессъ развитія новаго государства связанъ съ образованіемъ сословій, какъ союзовъ лицъ, соединенныхъ общими интересами и правами; сознаніе нѣкоторыхъ цѣлей, общихъ всѣмъ сословіямъ, вызывало ихъ къ совмѣстному дѣйствію, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ грозила общая опасность отъ злоупотребленій власти. Сословія, соединенныя общими нуждами въ собраніи

---

[1]) Во Франціи земскіе чины (états généraux) составлялись изъ трехъ сословій: духовенства (clergé), дворянства (noblesse) и представителей третьяго (городского) сословія. Въ Кастиліи кортесы составлялись изъ духовенства, свѣтскихъ бароновъ (ricos hombres) и представителей отъ городовъ (communidades). Въ Аррагоніи въ составъ кортесовъ входили: 1) духовенство; 2) великіе бароны (ricos hombres); 3) рыцарство (infanzones), и 4) представители отъ городовъ. Имперскій сеймъ Германской имперіи первоначально состоялъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ и вассаловъ имперіи (Fürstenstand) и (со времени Вильгельма Голландскаго, 1255 г.) представителей отъ имперскихъ городовъ. Впослѣдствіи, когда право избранія императора сосредоточилось въ рукахъ нѣсколькихъ *курфюрстовъ*, пріобрѣвшихъ чрезъ это особенное значеніе въ имперіи, сеймъ окончательно раздѣлился *на три коллегіи:* 1) коллегію курфюрстовъ, 2) коллегію или совѣтъ князей (Reichsfürstenrath), раздѣлявшуюся на двѣ *скамьи:* а) князей духовныхъ (Geistliche Bank), и б) князей свѣтскихъ (Weltliche Bank); 3) коллегію имперскихъ городовъ (Reichsstädte), раздѣлявшуюся на двѣ скамьи: а) городовъ рейнскихъ и б) швабскихъ. Земскіе чины (Landstände) въ *отдѣльныхъ* нѣмецкихъ государствахъ имѣли подобное же сословное устройство. Оно не было вездѣ одинаково, но основными его элементами повсемѣстно являлись прелаты, рыцарства и города.

„земскихъ чиновъ“, представляли начало *земли*, противопоставленное началу *власти*, воплощенной въ государѣ. „Государь (Landesherr) и земля (Land) сдѣлались двумя, рядомъ стоящими, носителями государственнаго права, которые, въ своемъ единеніи, представляютъ нѣмецкое государство, какъ оно образовалось въ исходѣ среднихъ вѣковъ“ [1]). Но идея „земли“ была такъ слабо и такъ непрочно представлена сословными чинами, что развитіе новыхъ государствъ, осуществленіе общихъ національныхъ интересовъ въ законодательствѣ, судѣ и управленіи, находило себѣ обезпеченіе во власти государей и ихъ правительственныхъ установленіяхъ больше, чѣмъ въ разъединенныхъ и вырождавшихся въ своихъ привилегіяхъ сословіяхъ. Поэтому развитіе новыхъ государственныхъ началъ предполагало вытѣсненіе изъ области законодательствъ и управленія элементовъ общественныхъ, въ томъ видѣ, какъ они сложились въ средніе вѣка. Эпоха реформаціи и другія политическія событія бурнаго XVI вѣка были пробнымъ камнемъ для политическаго могущества средневѣковыхъ сословій. Они не выдержали испытанія. Средневѣковыя вольности приносятся въ жертву возрастающему абсолютизму. Земскіе чины или формально отмѣняются, или приходятъ въ упадокъ и полное забвеніе. Въ Испаніи, гдѣ начало абсолютизму было положено Фердинандомъ-Католикомъ, кортесы и фуэросы гибнутъ подъ самовластіемъ Карла V и Филиппа II († 1598 г.); во Франціи земскіе чины въ послѣдній разъ собираются въ 1614 году; въ Германіи имперскій сеймъ обращается въ безсильное представительство дряхлѣющей имперіи, а въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ земскіе чины замираютъ подъ возрастающимъ могуществомъ мѣстныхъ государей. Приходитъ, наконецъ, время, когда отжившее представительство „земли“ и сильная сознаніемъ своего призванія власть перестаютъ понимать другъ друга.

Первый прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ I, на представленіе нѣкогда сильныхъ чиновъ, отвѣчалъ однимъ аргументомъ: „Мы господинъ и король (Herr und König) и можемъ дѣлать что̀ хотимъ“; не менѣе опредѣленно указалъ онъ и на цѣль своей политики: „ich stabilire die Souveraineté wie ein Rocher von Bronze“; привилегіи, на которыя ссылались чины, онъ назвалъ „старыми и давно забытыми вещами“ [2]).

Но не одинъ сословный характеръ средневѣкового представительства имѣлъ вліяніе на его судьбу. Своекорыстіе, разрозненность и соперничество сословій въ дѣлахъ, требовавшихъ общаго дѣйствія,

---

[1]) Гирке, назв. соч., I, стр. 535.

[2]) Процессъ вымиранія земскихъ чиновъ въ Германіи основательно описанъ Гирке, назв. соч., I, стр. 801—822.

были одною изъ причинъ ихъ позднѣйшаго упадка. Но отсутствіе крѣпкой связи между сословіями въ дѣлахъ государственныхъ было прямымъ послѣдствіемъ болѣе глубокой причины: недостатка совмѣстнаго дѣйствія сословій въ *мѣстномъ управленіи*. Средневѣковое государство, до окончательнаго своего крушенія, состояло изъ совокупности феодальныхъ владѣній, дробившихся на разныя вотчины соотвѣтственно степенямъ вассаловъ, таковыхъ же владѣній разныхъ прелатовъ, монастырей, церквей, изъ городскихъ общинъ, слагавшихся изъ разныхъ корпорацій, гильдейскихъ и цеховыхъ; каждое изъ этихъ владѣній и каждый союзъ имѣли свое управленіе, основанное на хартіяхъ, договорахъ, привилегіяхъ, столь же многочисленныхъ, какъ и разнообразныхъ. Если въ крупныхъ владѣніяхъ (впослѣдствіи провинціяхъ) имѣлось свое мѣстное представительство, то оно не было и едва ли могло быть приведено въ органическую связь съ представительствомъ государственнымъ. Среди этого хаоса безчисленныхъ владѣній и общинъ, съ ихъ разнообразными привилегіями, обычаями, формами администраціи и суда, медленно, но безостановочно дѣйствовала монархическая власть, *собирая землю, конфискуя въ свою пользу права управленія и суда и вытѣсняя органы стараго управленія чрезъ своихъ должностныхъ лицъ*, пока прежній политическій порядокъ не претерпѣлъ рѣшительнаго крушенія.

Въ этихъ двухъ отношеніяхъ, англійское представительство существенно отличается отъ сословныхъ чиновъ континентальной Европы. Прелаты, лорды и общины, съ внѣшней стороны, представляютъ три различныхъ сословія. Но въ Англіи не выработалось сословій замкнутыхъ, съ исключительными привилегіями. Въ трудныя минуты оказывалось гораздо больше интересовъ, соединявшихъ сословія въ общемъ дѣйствіи, чѣмъ предметовъ, ихъ разъединявшихъ. Сословное представительство не явилось здѣсь на смѣну феодальнымъ совѣтамъ вассаловъ, пришедшимъ въ упадокъ на континентѣ Европы. Въ принципѣ, англійскій парламентъ остается „большимъ совѣтомъ“, обязаннымъ подавать королю свои совѣты, выражать свое согласіе на предлагаемыя ему мѣры, отправлять съ королемъ судъ и т. д. Составленный изъ прелатовъ и бароновъ, большой совѣтъ постепенно восполняется представителями отъ графствъ и городовъ. Не сразу отдѣляются представители отъ „господъ“ духовныхъ и свѣтскихъ и образуютъ вторую палату. Въ порядкѣ этого отдѣленія нельзя не замѣтить того важнаго факта, что *рыцари* отъ графствъ соединяются въ одну палату съ выборными отъ городовъ и отдѣляются отъ магнатовъ, засѣдающихъ въ верхней палатѣ.

Причины сліянія „рыцарей“ съ горожанами весьма разнообразны. Ихъ должно искать въ измѣнившихся соціальныхъ и экономическихъ

условіяхъ (см. выше), въ сходствѣ занятій, нравовъ, образа мыслей и т. д. Но всѣ эти причины оказались бы недѣйствительными, если бы между горожанами и землевладѣльческимъ классомъ не произошло сближенія въ общемъ дѣйствіи, въ общихъ правахъ и обязанностяхъ по *мѣстному управленію.* Съ развитіемъ новыхъ учрежденій (см. выше), не многіе города въ отношеніи суда и администраціи выдѣлялись изъ графствъ; формы „охраненія мира", участіе въ отправленіи правосудія, раскладка мѣстныхъ повинностей были приблизительно одинаковы здѣсь и тамъ. Въ отношеніи завѣдыванія хозяйственными дѣлами, мѣстной администраціи, расправы, отбыванія милиціонной службы, города и графства составляли мѣстныя communitates и выраженіе это одинаково примѣнялось къ тѣмъ и другимъ [1]). Поэтому и самое названіе „палаты общинъ" (hous of commons) и „коммонеровъ" не можетъ быть понимаемо только въ сословномъ смыслѣ. Обозначая разряды лицъ, отличныхъ отъ лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ, названіе „коммонеровъ" относилось въ то же время къ представителямъ мѣстныхъ communitates—графствъ и городовъ; къ представительству призывались лица разныхъ сословій—milites, cives и burgenses; но и тѣ и другіе представляли всю communitas, давшую имъ полномочія [2]).

Этотъ двойственный характеръ англійскаго представительства, сословный и мѣстный, былъ залогомъ дальнѣйшаго его развитія. Не должно, конечно, преувеличивать значеніе второго, особенно въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда сословные преданія и интересы были еще крѣпки. Но съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ общественныхъ условій и упадкомъ сословнаго строя, вторая черта представительства выдвигается на первый планъ. Чрезъ нее оно, сохраняя свое *государственное* значеніе, пріобрѣтаетъ и значеніе *народнаго* представительства, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Практическое выраженіе этого принципа въ формахъ и условіяхъ представительства имѣло много недостатковъ; исправленіе ихъ составляетъ заслугу уже нашего столѣтія. Но за средневѣковыми отжившими формами нельзя было не видѣть живого начала, благодаря которому англійскій пар-

---

[1]) Такъ, въ призывной грамотѣ 1295 г. шерифамъ повелѣвается выслать выборныхъ рыцарей и горожанъ, съ тѣмъ, чтобы „dicti milites plenam et sufficientem potestatem pro se et *communitate* comitatus praedicti, et dicti cives et burgenses pro se et *communitate* civitatum et burgorum praedictorum divisim ab ipsis tunc ibidem habeant, etc. *Select Charters*, стр. 486.

[2]) Стёббсъ, II, стр. 173. The term „communs" is not in itself an appropriate expression for the third estate; it does not signify primarily the simple freeman, the plebs, *but the plebs organised and combined in corporate* communities, in a particular way for particular purposes".

ламентъ и особенно палата „общинъ“ могли говорить именемъ націи, въ то время какъ на континентѣ отживающіе „чины“ могли противопоставить могуществу государей только свои „привилегіи“.

III. Составными частями *полнаго* парламента являются великіе бароны и прелаты, *лично и поименно* призываемые королемъ, и *представители* отъ графствъ, городовъ и низшаго духовенства, имѣющіе полномочіе говорить именемъ своихъ довѣрителей.

Въ настоящее время всѣ эти элементы (за исключеніемъ представителей отъ низшаго духовенства) одинаково необходимы для образованія парламента. Одна палата не въ правѣ засѣдать и дѣлать постановленія безъ другой; согласіе обѣихъ палатъ необходимо для силы каждаго статута: сессія одной начинается и кончается одновременно съ сессіею другой. Но въ средніе вѣка, особенно въ первую ихъ половину, старый magnum consilium, составляемый изъ прелатовъ и бароновъ, сохранилъ свое самостоятельное значеніе и собирался безъ участія „представителей“ [1]).

До Эдуарда I, приглашеніе прелатовъ и бароновъ въ составъ „большого совѣта“ совершалось по мѣрѣ надобности. Но въ царствованіе Генриха III магнаты и прелаты успѣли настолько утвердить свое вліяніе, что согласіе ихъ на важнѣйшія законодательныя мѣры, на установленіе субсидій и т. д., сдѣлалось необходимымъ. При Эдуардѣ I большой совѣтъ созывается періодически, но въ теченіе XIV и XV вѣковъ, съ развитіемъ палаты общинъ, лорды образуютъ верхнюю палату единаго парламента. Функціи, принадлежавшія magnum consilium, по большей части, обращаются въ функціи цѣлаго парламента. За „лордами“ остаются права высшаго судилища королевства; важнѣйшія судебныя дѣла долго еще отправляются coram Rege et consilio suo in praesentia domini Regis, procerum et magnatum regni, in Parlamento suo. Но дѣла законодательныя, назначеніе субсидій, контроль надъ управленіемъ и другіе предметы постепенно переходятъ въ руки всего парламента въ полномъ его составѣ. Поэтому парламенты „бароновъ и прелатовъ“ могутъ быть разсматриваемы какъ переходное явленіе въ конституціонной исторіи Англіи. Съ одной стороны, они связываютъ позднѣйшіе парламенты съ феодальною curia regis; съ другой — развитіе ихъ вліянія при Генрихѣ III и Эдуардѣ I прокладываетъ дорогу народному представительству.

Обращаясь къ *составу* средневѣковыхъ парламентовъ, мы должны разсмотрѣть его *по сословіямъ*, его образовавшимъ, имѣя притомъ въ

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 212; III, стр. 255 и слѣд. Гнейстъ, Verfassungsgeschichte, стр. 339—359.

виду указанныя выше особенности англійскаго представительства. Такими сословіями были: 1) лорды свѣтскіе; 2) духовенство; 3) рыцари отъ графствъ; 4) представители отъ городовъ.

1. Право засѣдать въ верхней палатѣ и быть призываемымъ въ magnum consilium принадлежитъ совокупности лицъ, получившихъ, въ теченіе этого періода, названіе *пэровъ королевства.* Они носили различные титулы, опредѣлявшіе степень ихъ почетныхъ преимуществъ: герцоговъ, маркизовъ, графовъ, виконтовъ и, наконецъ, бароновъ [1]). Происхожденіе пэріи, ея источники и постепенное развитіе составляютъ весьма трудные вопросы англійскаго права. Но для освѣщенія ихъ должно имѣть въ виду общее значеніе пэровъ Англіи, въ томъ видѣ, какъ оно установилось послѣ всѣхъ преобразованій. Англійская знать не составляла *родовой* и *кастически замкнутой* аристократіи, въ родѣ французской или нѣмецкой. Англійскіе пэры имѣютъ государственное значеніе въ качествѣ совѣтниковъ короны, имѣющихъ право быть призываемыми въ королевскіе совѣты и въ высшій изъ нихъ—въ парламентъ.

Это право остается неизмѣннымъ въ теченіе вѣковъ; измѣняются, главнымъ образомъ, *основанія*, въ силу которыхъ баронъ могъ быть призванъ къ засѣданію въ magnum consilium, а потомъ въ парламентѣ. Въ условіяхъ феодальнаго строя, это право должно было принадлежать всѣмъ непосредственнымъ вассаламъ короны (tenentes in capite). Но уже въ Великой Хартіи проводится различіе между barones majores, получающими поименныя приглашенія отъ короля, и прочими tenentes in capite, приглашаемыми *вообще*, чрезъ шерифовъ и бальи [2]). Разрядъ созываемыхъ in generali не получилъ, какъ мы видѣли (см. выше), практическаго значенія; существеннымъ элементомъ англійскихъ парламентовъ сдѣлались barones majores; они, вмѣстѣ съ прелатами, входили въ составъ и „большихъ совѣтовъ“, и полныхъ парламентовъ.

---

[1]) Вопросъ о такъ называемыхъ *баннеретахъ* (bannerets), какъ членахъ верхней палаты, принадлежитъ къ числу спорныхъ. Галламъ (II, стр. 341 и слѣд.) видѣлъ въ нихъ низшій разрядъ пэровъ, впослѣдствіи слившійся съ баронами. Стёббсъ (III, стр. 440 и слѣд.) видитъ въ нихъ высшій разрядъ рыцарства, не имѣвшій права пэріи. Доказательства см. у Стёббса, тамъ же, стр. 441, прим. 2. Гнейстъ полагаетъ, что баннереты получали лишь временное значеніе, въ эпоху междоусобій, когда поднялось общее значеніе рыцарства. (Стр. 433, прим. 2а). Титулъ баннерета въ XVII ст. былъ замѣненъ титуломъ *баронета.* Первымъ баронетомъ былъ Николай Бэконъ (1611 года). Тамъ же, стр. 622, прим. 1с.

[2]) Ст. 14. Et ad habendum commune consilium regni ...summoneri faciemus... comites et majores barones sigillatim per litteras nostras; et praeterea faciemus summoneri in generali, per vicecomites et ballivos nostros, omnes illos qui de nobis tenent in capite.

Но участіе великихъ бароновъ тамъ и здѣсь, съ самаго начала развитія парламентскаго устройства, опредѣлялось двумя фактами: держаніемъ земли на феодальномъ правѣ отъ короля и приглашеніемъ (summons) отъ послѣдняго [1]). Изъ этихъ двухъ условій второе получило первенствующее значеніе. Если въ началѣ XIII вѣка оказалось невозможнымъ осуществить обѣщаніе Великой Хартіи относительно приглашенія всѣхъ tenentes in capite, то впослѣдствіи подобное же затрудненіе явилось относительно „великихъ бароновъ". Право получать королевскіе summons по владѣнію бароніею (per baroniam) было довольно шатко, такъ какъ и самое понятіе „бароніи", въ отличіе ея отъ другихъ видовъ поземельнаго владѣнія, не было достаточно опредѣлено [2]). Короли, изъ политическихъ видовъ, широко пользовались правомъ „приглашать" въ совѣтъ и въ парламенты. Количество лицъ, получающихъ такіе summons, не совпадаетъ съ числомъ бароновъ, призываемыхъ для отбыванія военной службы. Такъ, для послѣдней цѣли въ 1263 г. было созвано 118, въ 1276 г.— 165, въ 1297 г. для той же цѣли—122. Напротивъ, число лицъ, получающихъ приглашеніе въ *парламентъ*, гораздо меньше. Симонъ Монфортскій пригласилъ въ свой парламентъ всего 18 бароновъ; это, конечно, было сдѣлано по особымъ политическимъ причинамъ (см. выше). Но той же политики держится Эдуардъ I. Въ парламентъ 1295 г. онъ призвалъ 41 барона; 37 было позвано въ 1296 г.; въ 1300 г. число ихъ дошло до 98. Съ Эдуарда I эта практика утвердилась; онъ, говоритъ Стёббсъ, *создалъ* палату лордовъ, также какъ палату общинъ [3]).

Политика королей привела къ тому результату, что званіе пэра сдѣлалось независимымъ отъ держанія земли; самый разрядъ баро-

---

[1]) Форма summons въ полный парламентъ при Эдуардѣ I (1295) была слѣдующая:

Rex dilecto consanguineo et fideli suo NN, salutem. Quia super remediis contra pericula quae toti regno nostro hiis diebus imminent providendum (или по другому поводу), vobiscum et cum ceteris regni nostri proceribus habere volumus colloquium et tractatum; vobis mandamus, in fide et dilectione quibus nobis tenemini firmiter injungentes, quod die (на такой то срокъ) apud (въ такое то мѣсто) personaliter intersitis ad tractandum, ordinandum et faciendum nobiscum et cum praelatis et ceteris proceribus et alliis incolis regni nostri, qualiter sit hujusmodi periculis obviandum.

[2]) Стёббсъ, II, стр. 185—189. Ср. Галламъ (II. стр. 139 и слѣд.) и его разборъ двухъ различныхъ теорій—Сельдена и Мадокса.

[3]) II, стр. 211 и слѣд. Въ слѣдующія царствованія число „приглашаемыхъ" весьма различно. Но въ особенности ограничивается оно при Ланкастерской и Іоркской династіяхъ, хотя уже при Ричардѣ II оно колеблется между 29 и 48. Затѣмъ при Генрихѣ IV оно колеблется между 24 и 37; при Генрихѣ V между 20 и 32; при Генрихѣ VI между 15 и 42; при Эдуардѣ IV между 23 и 37. (Гнейстъ, стр. 350). Приблизительно тѣ же цифры даетъ и Стёббсъ, III, стр. 442.

новъ былъ созданъ дѣятельностью королей [1]). Чрезъ это не устранялось развитіе *наслѣдственности* пэрскаго званія, которое завершается въ концѣ среднихъ вѣковъ. Наслѣдственное вліяніе великихъ фамилій, значеніе ихъ ополченій для войска, финансовое значеніе ихъ крупныхъ владѣній, первенствующее положеніе, занимаемое ими въ мѣстномъ управленіи,—содѣйствовали этому процессу. Но такая наслѣдственная аристократія не имѣла уже ничего общаго съ аристократіею *феодальною*. Право пэра быть призваннымъ въ парламентъ основывалось уже не на „держаніи", а на королевскомъ summons, установившемъ это право, переходившее по праву первородства. Съ другой стороны, королямъ принадлежало (какъ и теперь принадлежитъ) право возводить въ званіе пэра посредствомъ патента (by patent) или посредствомъ парламентскаго статута. Такъ, въ 1387 году, Ричардъ II возвелъ въ званіе барона одного изъ своихъ любимцевъ, Бошана Гольта [2]). Въ 1432 году сэръ Джонъ Корнваль былъ возведенъ въ званіе барона Фэнгопа парламентскимъ статутомъ, что было подтверждено слѣдующими патентами. При Генрихѣ VI патенты раздавались довольно щедро. Патентованные бароны получали свое званіе наслѣдственно [3]). Признаніе наслѣдственныхъ правъ за патентованными баронами должно было распространиться и на лицъ, созывавшихся „указами". Но до царствованія Елисаветы эта практика не установилась окончательно.

Наслѣдственность пэрства имѣла, однако, свои предѣлы. Если посредствомъ королевскихъ патентовъ званіе пэровъ было открыто и для „новыхъ людей", то, съ другой стороны, упадокъ и вымираніе старыхъ фамилій, истребленіе ихъ въ междоусобіяхъ, осужденіе за „измѣну" и конфискація имуществъ, какъ послѣдствіе побѣды партіи, уменьшали число пэровъ, восполнявшееся затѣмъ новыми пожалованіями.

Къ свѣтскимъ членамъ верхней палаты причислялись также: а) гроссмейстеры рыцарскихъ орденовъ и б) канцлеръ, судьи и члены королевскаго совѣта.

а) Къ первой категоріи относились, главнымъ образомъ, гроссмей-

---

[1]) Стёббсъ, II, стр. 189. ...the baronage was ultimately and essentially defined an estate of the realm by the royal action in summons, writ and patent. Самая формула „приглашеній" съ Эдуарда III измѣнилась. Вмѣсто словъ: in fide et *homagio* quibus nobis tenemini, явились слова in fide et ligeantia etc.

[2]) Гольту не удалось, впрочемъ, занять мѣсто въ верхней палатѣ, такъ какъ онъ былъ осужденъ вмѣстѣ съ другими любимцами Ричарда посредствомъ билля of attainder (см. стр. 150).

[3]) Volumus enim vos et heredes vestros masculos de corpore vestro legitime exeuntes barones NN existere.

стеры Тампліеровъ и Страннопріимнаго ордена. Первый приглашался до упраздненія ордена въ 1308 г. Пріоръ Страннопріимцевъ сохранилъ свое мѣсто до упраздненія монастырей въ эпоху реформаціи. По двойственному, духовно-свѣтскому характеру орденовъ, названные гроссмейстеры получали summons съ духовными лордами, но засѣдали со свѣтскими [1]).

б) Судьи и члены королевскаго совѣта входили въ составъ палаты лордовъ, потому что они были необходимымъ элементомъ magnum consilium; вмѣстѣ съ баронами они составляли совѣтъ procerum и magnatum, при участіи и съ согласія котораго рѣшались важнѣйшія дѣла королевства. Они сохраняли свое значеніе и въ первое время образованія парламента и палаты лордовъ; число ихъ, сравнительно съ числомъ прочихъ пэровъ, еще значительно. Такъ, въ парламентъ 1300 года было приглашено 98 бароновъ и 38 членовъ совѣта; въ первомъ парламентѣ Эдуарда II было 30 юстиціаріевъ и другихъ членовъ совѣта; во второмъ—35 тѣхъ же лицъ. Но впослѣдствіи недолжностной элементъ верхней палаты беретъ окончательный перевѣсъ надъ должностнымъ. Съ одной стороны, элементъ „совѣтниковъ“ сливается съ прочими пэрами. При вліяніи, какое имѣли парламенты на назначеніе членовъ королевскаго совѣта (см. выше), послѣдній наполнялся пэрами свѣтскими и духовными. При созваніи парламента, они получали приглашеніе на равныхъ основаніяхъ съ прочими пэрами, образуя съ ними одну корпорацію. Особымъ отъ пэровъ элементомъ остались судьи. Они не считались пэрами; присутствіе ихъ въ парламентѣ не было безусловно необходимо для образованія и конституированія верхней палаты; имъ не принадлежали и общія права пэровъ. Но функціи ихъ въ парламентѣ были весьма важны. Имъ, какъ законникамъ, поручалась редакція статутовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые возникали по петиціямъ палатъ; ихъ мнѣніе по конституціоннымъ и законодательнымъ вопросамъ имѣло большой вѣсъ; они назначались въ число членовъ коммиссіи разсмотрѣнія петицій, учреждавшейся при открытіи парламента (triers of petitions); бывали, наконецъ, случаи, когда имъ поручалось говорить именемъ всего парламента [2]). По общему правилу, они не участвовали въ голосованіи; но иногда имъ предоставлялось право голоса.

2. *Духовенство*, какъ *сословіе*, участвовало въ парламентѣ двояко: а) въ лицѣ прелатовъ, получавшихъ личныя приглашенія; б) въ лицѣ уполномоченныхъ (proctors) отъ низшаго духовенства.

---

[1]) Стеббсъ, III, стр. 341 и слѣд.

[2]) Стеббсъ, III, стр. 446. Такъ было при низложеніи Эдуарда II и Ричарда II.

а) Основанія для участія высшаго духовенства въ національныхъ совѣтахъ были различны. Во-первыхъ, съ древнѣйшихъ временъ, *архіепископы* и *епископы*, въ силу своей должности, призываются въ королевскіе совѣты. Мы видимъ ихъ въ составѣ витенагемотовъ; они входятъ въ составъ и magnum consilium королей норманнскихъ. Независимо отъ своей должности, они являются и первостепенными вассалами короля; въ этомъ качествѣ, они имѣютъ право быть призываемыми вмѣстѣ съ другими barones majores и обязаны являться для отправленія съ королемъ правосудія и другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ 2 архіепископа (кентерберійскій и іоркскій) и 18 епископовъ были *постояннымъ* элементомъ большого совѣта и парламентовъ. Въ случаѣ вакансіи архіепископской и епископской каѳедры, приглашеніе получалъ ея администраторъ или мѣстоблюститель (the guardian of spiritualities).

Въ иномъ положеніи находились *аббаты* и *пріоры* монастырей. Они не были членами большихъ совѣтовъ ex officio; главное основаніе къ ихъ приглашенію должно видѣть въ держаніи ими земель на феодальномъ правѣ; главнѣйшимъ поводомъ къ ихъ приглашенію было назначеніе субсидій и налоговъ. Но духовенство, издавна сложившееся въ сильную корпорацію, съ правомъ самообложенія, имѣло и свои мѣстные парламенты (конвокаціи), коихъ было два: одинъ собирался въ Кентербери, другой—въ Іоркѣ. Конвокаціи достаточно обезпечивали независимость и матеріальные интересы духовенства. Участіе въ парламентахъ національныхъ представлялось обременительнымъ и даже невыгоднымъ съ точки зрѣнія сословныхъ интересовъ духовенства. Поэтому аббаты и пріоры уклоняются отъ „приглашеній“, если къ тому представляется предлогъ. Юридическимъ основаніемъ къ отклоненію „summons“ являлось отсутствіе у монастырей земель, владѣемыхъ на феодальномъ правѣ (per baroniam). Такъ, при Эдуардѣ II, пріоръ нортгемптонскаго монастыря св. Іакова, приглашенный въ парламентъ, просилъ освободить его отъ этой обязанности, такъ какъ владѣемыя монастыремъ земли пожалованы ему не на феодальномъ правѣ, а въ franche aumône (frankalmoign) [1]). Независимо отъ этого, короли сами пользовались правомъ „приглашать“ аббатовъ и пріоровъ съ тѣмъ же выборомъ, какъ и бароновъ свѣтскихъ. Сама королевская канцелярія утратила, наконецъ, основанія, по которымъ къ однимъ аббатамъ слѣдовало посылать summons, а къ другимъ нѣтъ. При уклоненіи самого духовенства отъ этой повинности, число аббатовъ и пріоровъ въ парламентѣ посто-

---

[1]) Галламъ, ук. соч., II, стр. 334 и слѣд.; Стёббсъ, III, стр. 443 и слѣд. Тамъ же см. другіе случаи.

янно уменьшается. Въ парламентъ 1295 г. было призвано 67 аббатовъ и пріоровъ; въ 1300 г. приглашено 72; въ 1301 году—80. При Эдуардѣ II число ихъ колеблется между 40 и 60; съ Эдуарда III устанавливается нормальное число—27.

б) Низшее духовенство и капитулы участвовали въ парламентѣ чрезъ представителей (procuratores, proctors), призываемыхъ посредствомъ такъ называемой *praemunientes* clause, включавшейся въ призывныя грамоты архіепископамъ и епископамъ [1]. Прокторы избирались по епархіямъ отъ капитуловъ и прочаго духовенства. Какъ видно изъ первой призывной грамоты (см. прим.), они приглашались на равныхъ правахъ съ прелатами и аббатами ad tractandum, ordinandum et faciendum; въ другихъ грамотахъ—ad faciendum et consentiendum, quae tunc de commune consilio ordinari contigerit; позже—вообще ad faciendum et consentiendum и, наконецъ, ad consentiendum [2].

Но причины, побуждавшія аббатовъ и пріоровъ уклоняться отъ участія въ парламентахъ, еще сильнѣе побуждали къ тому низшее духовенство. Сами короли не всегда считали нужнымъ призывать ихъ; praemunientes clause включалась постоянно въ summons епископамъ только съ царствованія Эдуарда III [3]). Но эта clause не всегда вела къ практическимъ послѣдствіямъ. Прокторы избирались, но не являлись въ парламентъ; субсидіи королю разсматривались и назначались въ конвокаціяхъ. Трудно даже опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ, послѣ раздѣленія палатъ, они засѣдали, участвуя, какъ это случалось, въ дѣлахъ парламента [4]). Неудивительно, что участіе представителей отъ духовенства вышло изъ употребленія и вовсе прекратилось. Только въ эпоху реформаціи, въ 1547 году, духовенство вспомнило объ этомъ обычаѣ и „умоляло“ короля присоединить его представителей къ „общинамъ“, собраннымъ въ парламентѣ. Но уже было поздно. Духовенство, отчуждавшееся въ теченіе вѣковъ отъ національной жизни, не могло думать о возсоединеніи съ

---

[1]) Въ призывной грамотѣ 1295 года, посланной на имя архіепископа кентерберійскаго (а также архіепископа іоркскаго и прочихъ епископовъ), пунктъ этотъ изложенъ слѣдующимъ образомъ:

Praemunientes priorem et capitulum ecclesiae vestrae, archidiaconos, *totumque clerum vestrae diocesis*, facientes quod iidem prior et archidiaconi in propriis personis suis, et dictum capitulum *per unum*, idemque clerus *per duos procuratores idoneos*, plenam et sufficientem potestatem ab ipsis capitulo et clero habentes, una vobiscum intersint, modis omnibus tunc ibidem ad tractandum, ordinandum et faciendum, nobiscum et cum ceteris praelatis et proceribus et aliis incolis regni nostri, qualiter sit hujusmodi periculis et excogitatis malitiis obviandum.

[2]) Галламъ, ук. соч., II, стр. 352 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 351.

[4]) Стеббсъ, III, стр. 447.

парламентомъ въ моментъ реформаціи [1]). Сами общины не забыли, что духовенство не считало себя „коммонерами“ и что оно нерѣдко проводило разныя мѣры въ противность нижней палатѣ. Такъ, въ 1376 году общины представили королю петицію о томъ, чтобы „не было издаваемо никакихъ статутовъ или ордоннансовъ по петиціямъ духовенства безъ согласія общинъ, и чтобы общины не были обязываемы никакими учрежденіями, которыя духовенство устанавливаетъ въ своихъ выгодахъ, безъ согласія общинъ: ибо духовенство не хочетъ обязываться никакимъ изъ вашихъ (королевскихъ) статутовъ и ордоннансовъ, изданныхъ безъ его согласія“ [2]). Хотя король отвѣчалъ на эту петицію уклончиво, но она указываетъ на взаимныя отношенія общинъ и духовенства, которыя не измѣнились и впослѣдствіи.

3. Существеннымъ элементомъ полнаго парламента были представители („рыцари“) отъ графствъ. Число ихъ было неизмѣнно: 37 англійскихъ графствъ посылали по два представителя—всего 74. Важная роль этого элемента въ парламентахъ побуждаетъ разсмотрѣть его происхожденіе и развитіе.

Рыцари отъ графствъ издавна выбирались для выполненія разныхъ правительственныхъ дѣлъ на мѣстахъ. Мы видѣли [3]) „рыцарей“, избираемыхъ для выполненія обязанностей большого жюри. Затѣмъ Стёббсъ обращаетъ вниманіе на другіе однородные факты. Ст. 18-ая Великой Хартіи постановляетъ, что розыски по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ производятся двумя объѣздными судьями и четырьмя рыцарями, избранными графствомъ (electis per comitatum); для производства розыска о злоупотребленіяхъ по лѣсной части, по 48-ой ст. той же Хартіи, постановляется, что въ каждомъ графствѣ должно избрать 12 присяжныхъ рыцарей; избраніе ихъ поручено „честнымъ людямъ графства“ (debent eligi per probos homines ejusdem comitatus); при Генрихѣ III, для собиранія поземельной подати (carucage), шерифамъ было предписано, созвавъ собраніе графства (convocato comitatu tuo pleno), съ его согласія и по его волѣ избрать двухъ рыцарей для раскладки и взысканія этой подати. Въ 1226 году, для разсмотрѣнія споровъ, возникшихъ въ графствахъ по поводу

---

[1]) Петиція 1547 года была представлена королю отъ нижней палаты „конвокаціи“ и заключала въ себѣ ходатайство, чтобы, „согласно съ содержаніемъ королевскаго указа (т.-е. съ praemunientes clause) и старыми обычаями королевства, челобитчикамъ дано было мѣсто въ нижней палатѣ настоящаго парламента, какъ членамъ общинъ и покорнымъ подданнымъ короля“. Галламъ, ук. соч., II, стр. 352.

[2]) Тамъ же, стр. 358.

[3]) См. стр. 88.

примѣненія нѣкоторыхъ статей Великой Хартіи [1]), шерифамъ велѣно было выслать четырехъ рыцарей, избранныхъ въ графствахъ рыцарями и другими добрыми людьми (probis hominibus). Другіе случаи выбора рыцарей отъ графства для цѣлей *политическихъ* указаны выше [2]).

При такой связи мѣстнаго представительства съ представительствомъ политическимъ, весьма трудно допустить, чтобы рыцари отъ графства представляли свое сословіе, т.-е. непосредственныхъ вассаловъ короны, которыхъ обѣщался созывать въ commune consilium король Іоаннъ [3]). Между тѣмъ этотъ взглядъ преобладалъ у писателей старой школы. Происхожденіе представительства они искали въ фактической невозможности собирать *всѣхъ* „малыхъ бароновъ“. Имъ дано было право посылать депутатовъ. Послѣдніе представляли именно рыцарство и избирались имъ. Но — говоритъ Галламъ — если бы было справедливо, что представители графствъ избирались только военными вассалами короны, и что представительная система была введена только во избѣжаніе неудобства личнаго участія въ парламентѣ, то измѣненіе, совершившееся (при Симонѣ Монфортскомъ) въ нашей конституціи, было бы незначительно. Галламъ [4]) тщательно разобралъ мнѣнія Спельмана, Брэди и другихъ [5]); на основаніи фактическихъ данныхъ, онъ высказываетъ мнѣніе, что, уже съ царствованія Эдуарда I, избраніе рыцарей всѣми свободными владѣльцами, безъ различія свойствъ *держанія*, мало отличалось (если только отличалось) отъ нынѣшней системы [6]).

Великій историкъ, съ обычною своею проницательностью, предусматривалъ истину; строго аналитически разобралъ онъ фактическія данныя. Но ему не удалось установить связь между политическимъ и мѣстнымъ представительствомъ, какъ это сдѣлали въ наше время Стёббсъ [7]) и Гнейстъ. Дѣйствительно, какъ изъ summons, посылавшихся шерифамъ, такъ и изъ протоколовъ объ избраніи „рыцарей“

---

[1]) ...ad terminandum contentiones ortas inter quosdam vicecomites nostros et homines comitatuum suorum super quibusdam articulis contentis in carta libertatis eis concessae. *Select Charters*, стр. 357.

[2]) См. стр. 123 и слѣд.; ср. Стёббсъ, II, стр. 235 и слѣд.

[3]) Ст. 14 Великой Хартіи.

[4]) Предшественникомъ Галлама въ этомъ отношеніи былъ Приннъ (Prynne). Но мнѣніе Принна было до такой степени одиноко, что Галламъ называетъ его предположеніемъ, противнымъ общему мнѣнію, но къ которому онъ присоединяется.

[5]) Изслѣдованія Галлама представляютъ особый интересъ потому, что они появились во время ожесточенной полемики изъ за парламентской реформы.

[6]) Галламъ (1777—1859) издалъ свое сочиненіе: „Европа въ средніе вѣка“ въ 1818 г. Слѣдовательно, онъ имѣлъ въ виду систему выборовъ до билля о реформѣ 1832 г.

[7]) Разборъ прежнихъ теорій см. у Стёббса, II, стр. 238 и слѣд.

явствуетъ, что они избирались въ собраніи графствъ, слѣдовательно, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, всѣми имѣвшими право участвовать въ этихъ собраніяхъ [1]).

Но если *активное* право избирателей не было ограничено требованіемъ рыцарскаго достоинства и владѣнія, то мы находимъ это требованіе въ числѣ условій *пассивныхъ*. Въ первыхъ „summons" Эдуарда I (1290 г., 1295 г. и друг.) графствамъ чрезъ шерифовъ повелѣвается избрать по два *рыцаря* (milites) надлежащихъ нравственныхъ качествъ [2]); но вслѣдствіе причинъ, указанныхъ выше [3]), въ графствахъ скоро сталъ обнаруживаться недостатокъ въ рыцаряхъ. Въ 1322 году Эдуардъ II долженъ былъ довольствоваться значительнымъ числомъ сквайровъ (armigeri) и даже йоменовъ (yeomen, valetti), присланныхъ графствами, вмѣсто „рыцарей". Summons 1324 года прямо разрѣшаетъ выбирать не-рыцарей [4]), хотя это распоряженіе не имѣло существеннаго значенія, такъ какъ въ 1324 г. не было созываемо полнаго парламента [5]). Но armigeri проникали въ парламентъ силою вещей. Въ палатѣ 1325 г. было только 27 „препоясанныхъ" (посвященныхъ) рыцарей. Короли продолжали настаивать на прежнихъ условіяхъ. Требованія ихъ усилились при Эдуардѣ III. Нѣсколько разъ предписывалось избирать „препоясанныхъ" (gladio cinctos et ordinem militarem habentes) съ воспрещеніемъ избирать другихъ (et non alios). Съ разными варіаціями и временными отступленіями, требованія эти повторяются въ другихъ summons. Тѣмъ не менѣе, въ „добромъ парламентѣ" 1376 года половина представителей отъ графствъ состояла изъ сквайровъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи выборы регулируются уже *статутами* парламента, что́ дало возможность установить нѣкоторыя общія правила. Въ 1445 г., по петиціи общинъ, состоялся статутъ, касавшійся выборовъ; въ немъ прямо постановлялось, что въ представители могутъ быть избраны важнѣйшіе рыцари (notable knights) или же сквайры и благорожденные джентльмены, могущіе получить рыцарство, но не лица изъ разряда йоменовъ и ниже. Основываясь на примѣрахъ выборовъ, производившихся въ разныхъ мѣстахъ, можно сказать, что это правило соблюдалось. Представители избирались изъ числа важнѣйшихъ сквай-

---

[1]) In pleno comitatu, per consensum totius comitatus, и т. д. Замѣтимъ при этомъ, что, не смотря на ясныя выраженія актовъ, писатели старой школы доказывали, что слова in pleno comitatu относятся только къ *рыцарямъ*. Въ настоящее время нѣтъ надобности опровергать это мнѣніе.

[2]) Discretiores et ad laborandum potentiores.

[3]) См. стр. 167.

[4]) Seu aliis, de comitatu tuo assensu et arbitrio hominum ejusdem comitatus nominandos.

[5]) Представители отъ городовъ и духовенства не были приглашены.

ровъ и джентльменовъ (notable squires and gentlemen), т.-е. лицъ, могущихъ занимать должности мировыхъ судей.

Активное право предоставлялось всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ право участвовать въ собраніи графства. Но мы видѣли выше, что эти собранія съ XIII ст. приходятъ въ упадокъ [1]). Они посѣщаются лицами, обязанными являться на нихъ по своему оффиціальному положенію, и содѣйствовать шерифу въ отправленіи его обязанностей (suitors). Поэтому выраженіе plenus comitatus, въ примѣненіи его къ избирательному собранію, имѣло бы довольно ограниченное значеніе, если бы собраніе это было составлено изъ однихъ suitor'овъ. Особое созваніе всѣхъ лицъ, имѣвшихъ право участвовать въ собраніи графствъ, было необходимо. Актъ 1406 г. постановляетъ, что выборы производятся въ собраніи графства „всѣми тамъ находящимися, какъ suitor'ами, надлежаще созванными, *такъ и другими*" [2]). Слѣдовательно, къ участію въ выборахъ допускались всѣ „свободные держатели".

Но отсутствіе точныхъ правилъ относительно условій участія въ выборахъ открывало возможность къ значительнымъ злоупотребленіямъ. Шерифы, коимъ поручалось созваніе избирателей, въ созывахъ своихъ часто руководствовались личными интересами, приглашая однихъ и устраняя другихъ; магнаты пользовались своимъ вліяніемъ для образованія избирательнаго собранія согласно своимъ видамъ; корона чрезъ шерифовъ производила давленіе на выборы; наконецъ, независимо отъ злоупотребленій властей, собраніе часто представляло безпорядочную толпу, составленную изъ лицъ, права которыхъ никѣмъ не были провѣрены.

Этими сложными причинами былъ вызванъ статутъ 8-го года царствованія Генриха VI (1430 г.), установившій для избирателей въ графствахъ *цензъ*, въ 40 шиллинговъ дохода съ земельной собственности, т.-е. цензъ, равный установленному раньше того для присяжныхъ [3]).

Оффиціальнымъ предлогомъ къ этой перемѣнѣ выставлялось то обстоятельство, что „въ послѣднее время выборы рыцарей отъ графствъ производились чрезвычайной и шумной толпой жителей этихъ графствъ, по большей части лицами незначительными и безъ собственности, думающими равняться съ достойнѣйшими рыцарями и сквайрами,

---

[1]) См. стр. 177 и слѣд.

[2]) ...toutz ceux qui illoeques sont presentz sibien (aussi bien) suterez (suitors) duement somoines pur cele cause come autres. 7 Henry IV, c. 15.

[3]) ...que les chivalers des countes... soient esluz en chescun counte par gentz demeurantz et receantz en icelles dount chescun *ait frank tenement* a le valu de XL s. par an al meins outre les reprises... 8 Henry VI, c. 7.

отъ чего могутъ происходить убійства, безпорядки, буйства (batteries) и раздоры между джентльменами и другими жителями тѣхъ графствъ".

Если вспомнить, что означенный статутъ состоялся въ малолѣтство Генриха VI и что вообще его царствованіе обильно внутренними смутами, то приведеннымъ мотивамъ легко можно повѣрить [1]). Трудно объяснять эту мѣру, какъ это дѣлаетъ Т. Э. Мей [2]), стремленіемъ феодальнаго дворянства овладѣть мѣстнымъ представительствомъ. Статутъ 1430 года слилъ въ одно цѣлое фригольдеровъ графствъ и окончательно утвердилъ принципъ *національнаго* представительства, хотя и въ ограниченной формѣ. Болѣе широкое его примѣненіе составило задачу позднѣйшихъ временъ.

Если прибавить къ означеннымъ постановленіямъ требованіе *осѣдлости* въ графствахъ, какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ, то мы получимъ понятіе о главныхъ условіяхъ избирательнаго права [3]).

4. Вмѣстѣ съ „рыцарями" или лицами, избиравшимися подъ этимъ именемъ отъ графствъ, въ составъ палаты общинъ входили *выборные отъ городовъ*. Мы видѣли выше, что англійскіе горожане не составляли одного государственнаго сословія, которое было бы представлено въ парламентѣ. Депутаты призывались отъ городовъ, какъ мѣстныхъ союзовъ (communitates), и по различнымъ основаніямъ.

Во-первыхъ, нѣкоторые города (около 30) составляли, въ большей или меньшей степени, самостоятельныя (корпорированныя) судебно-административныя единицы, съ своими court leet; во-вторыхъ, депутаты призывались отъ городскихъ поселеній, входившихъ въ составъ королевскихъ доменовъ; въ-третьихъ, къ участію въ представительствѣ призывались некорпорированныя мѣстечки, имѣвшія значеніе по числу жителей и торговлѣ; въ-четвертыхъ, наконецъ, право представительства утвердилось за „пятью портами" королевства [4]). Каждый изъ нихъ посылалъ по два представителя. Третій разрядъ мѣстечекъ, за коими избирательное право утвердилось въ силу *давности*, явился впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, самымъ больнымъ мѣстомъ англійскаго представительства.

Короли, изъ политическихъ расчетовъ, увеличивали число горо-

---

[1]) Ср. Стёббсъ, III, стр. 111.

[2]) Въ своемъ талантливомъ трудѣ: „Democracy in Europe", II, стр. 353.

[3]) Въ этомъ общемъ очеркѣ мы ограничиваемся главными чертами избирательнаго права. Прочія правила будутъ разсмотрѣны въ связи съ отдѣльными вопросами, какъ въ этомъ, такъ и во *второмъ* томѣ.

[4]) Въ 1265 году „пятью портами" назывались: Дувръ, Гастингсъ, Сандвичъ, Гайтъ (Hythe), Ромни. Впослѣдствіи къ нимъ прибавилось еще три: Винчельси, Рей (Rye) и Сифордъ. Но эти восемь городовъ продолжали называться „пятью портами" (Cinque Ports), въ противность всякой ариѳметикѣ.

довъ, пользовавшихся избирательными правами. Имъ выгоднѣе было имѣть дѣло съ робкими и уступчивыми горожанами, чѣмъ съ болѣе независимыми „рыцарями“ отъ графствъ. Еще далеко было то время, когда горожане, проникнутые пуританскимъ духомъ, составили главную силу „долгаго парламента“.

Но желаніе королей не могло создать представителямъ отъ городовъ вліятельнаго положенія въ парламентѣ. Во-первыхъ, какъ мы видѣли уже выше, представительство было крайне неравномѣрно распредѣлено между городами. Города трехъ графствъ вовсе не посылали представителей [1]); въ пятнадцати другихъ графствахъ представители посылались только отъ главнаго города каждаго графства; въ семи—правомъ представительства пользовались по два города въ каждомъ. Слѣдовательно, только въ 12 графствахъ можно говорить о достаточномъ развитіи городского представительства. Правда, это были самыя богатыя и промышленныя графства того времени [2]). Эту неравномѣрность Стёббсъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что къ представительству призывались города, расположенные въ богатыхъ графствахъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ этомъ случаѣ принималось въ расчетъ и разстояніе отъ Лондона, такъ какъ посылка депутатовъ была весьма обременительна для городовъ отдаленныхъ и бѣдныхъ.

Но, независимо отъ этихъ обстоятельствъ, неправильности въ городскомъ представительствѣ зависѣли отъ произвола шерифовъ и уклоненія самихъ городовъ отъ пользованія избирательнымъ правомъ, которое въ то время часто разсматривалось какъ тяжкая обязанность.

Шерифы, получивъ предписаніе произвести выборы рыцарей и представителей городовъ въ ихъ графствахъ, часто пропускали, по своему усмотрѣнію, города, имѣвшіе несомнѣнное право избирать депутатовъ. Такъ, Галламъ приводитъ въ примѣръ шерифа Букингамшира, который, въ царствованіе Эдуарда II, „прислалъ“ депутатовъ отъ одного города, объявивъ, что другихъ бурговъ въ его граф-

---

[1]) Ланкаширъ, Рутландъ и Герфордширъ не имѣли депутатовъ отъ городовъ съ царствованія Эдуарда III до Эдуарда VI.

[2]) Іоркширъ, Беркширъ, Норфолькъ, Гампширъ, Сомерсетъ, Корнваль, Девонъ, Дорсетъ, Суссексъ, Вильтширъ, Суррей. Изъ нихъ имѣли парламентскіе города:

Іоркширъ, Беркширъ, Норфолькъ и Гампширъ, каждое по *три*;

Суррей—*четыре*;

Соммерсетъ и Корнваль—по *шести*;

Девонъ и Дорсетъ—по *семи*;

Суссексъ—*девять*;

Вильтширъ—*двѣнадцать*.

Генрихъ VI и Эдуардъ VI прибавили 13 городовъ. Стёббсъ, III, стр. 448 и 449.

ствѣ нѣтъ, хотя три города посылали депутатовъ въ два предшествующіе парламента. При Эдуардѣ III, шерифъ Вильтшира произвелъ выборы только въ Салисбёри, объявивъ, что въ его округѣ нѣтъ другихъ городовъ, хотя *восемь* бурговъ посылали представителей изъ этого графства.

Галламъ справедливо замѣчаетъ, что подобныя злоупотребленія непонятны при ежегодныхъ въ средніе вѣка собраніяхъ парламентовъ. Но объясненіе ихъ должно искать въ томъ обстоятельствѣ, что сами „бурги" уклонялись отъ чести быть представленными въ парламентѣ. Во-первыхъ, тогдашніе депутаты получали *вознагражденіе* за проѣздъ и прокормъ, причемъ эти издержки падали на избирателей. Размѣръ вознагражденія былъ не особенно великъ [1]); но многіе города были настолько бѣдны, что съ нихъ трудно было взыскать даже эту сумму. Кромѣ того, многимъ городамъ было выгоднѣе не отдѣляться отъ графствъ относительно налоговъ, размѣръ коихъ опредѣлялся въ средніе вѣка по сословіямъ. Въ то время какъ графства платили 15-ую деньгу, города платили 10-ую, и многіе изъ послѣднихъ предпочитали платить съ графствами, а не съ городами. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ главныхъ причинъ, многіе города всѣми способами освобождали себя отъ посылки депутатовъ. Иные изъ нихъ ходатайствовали о томъ у королей [2]); но подобныя просьбы были рѣдки, въ виду трудности „хожденія по дѣлу". Напротивъ, мѣстнаго шерифа легче было склонить къ „пропуску" города во время производства выборовъ. Этимъ, въ значительной степени, объясняется, почему шерифы такъ рѣшительно объявляли, что въ ихъ графствахъ *нѣтъ* городовъ, обязанныхъ избирать депутатовъ. Иногда, впрочемъ, они отвѣчали королю, что такіе то бурги не могутъ выслать депутатовъ по бѣдности. Наконецъ, иные города, даже получивъ отъ шерифа предписаніе выбрать депутатовъ, не исполняли его. Послѣ двухъ-трехъ случаевъ такого ослушанія, проходившихъ безнаказанно, подобные города „оставались въ спокойномъ обладаніи своимъ политическимъ ничтожествомъ", какъ говоритъ Галламъ. Не смотря, однако, на всѣ эти явленія, число представителей отъ городовъ было настолько велико, что въ три раза превышало число „рыцарей" отъ графствъ. Въ концѣ періода оно дошло до 226.

---

[1]) Съ царствованія Эдуарда II, „рыцари" отъ графствъ получали по 4, а представители отъ городовъ по 2 шиллинга въ день.

[2]) Такъ Торрингтонъ (въ Девонширѣ) въ 1368 г. представилъ такое ходатайство, основываясь на своей бѣдности и на томъ, что онъ не былъ представленъ въ парламентѣ раньше 21-го года царствованія Эдуарда III. Послѣдній мотивъ былъ невѣренъ, ибо этотъ городъ посылалъ депутатовъ въ два предъидущія царствованія. Но король уважилъ петицію.

5. Разборъ отдѣльныхъ элементовъ средневѣкового парламента показываетъ намъ, какіе изъ нихъ имѣли дѣйствительное политическое значеніе въ то время и какимъ суждено было получить его въ будущемъ.

Числовое отношеніе разныхъ элементовъ парламента, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Верхняя палата	Лордовъ свѣтскихъ	отъ 40 до 50
	Духовныхъ пэровъ (архіеп. и еписк.)	20
	Аббатовъ и пріоровъ	27 [1]
	Всего	отъ 87 до 97
Нижняя палата	Рыцарей отъ графствъ	74
	Горожанъ	226
	Всего	300

Такимъ образомъ весь парламентъ составлялъ собраніе въ 400 лицъ, круглымъ числомъ. Но въ этой массѣ только нѣкоторые разряды играли выдающуюся роль. Въ верхней палатѣ она принадлежала свѣтскимъ пэрамъ, архіепископамъ и епископамъ. Аббаты и пріоры слѣдовали за своими духовными вождями, охотно уклонялись отъ явки въ парламентъ и въ слѣдующемъ періодѣ исчезли съ упраздненіемъ монастырей. „Прокторы“ отъ капитуловъ и епархіальнаго духовенства добровольно утратили свое значеніе. Въ нижней палатѣ руководящая роль принадлежала „рыцарямъ“ отъ графствъ. За этими 74 лицами шли многочисленные депутаты отъ городовъ, большинство которыхъ на мѣстахъ привыкло видѣть въ рыцаряхъ естественныхъ вождей и представителей мѣстныхъ интересовъ.

Относительное значеніе двухъ палатъ въ теченіе этого періода не опредѣлялось какимъ-либо общимъ правиломъ. Въ принципѣ „большой совѣтъ“, составленный изъ прелатовъ, бароновъ и членовъ королевскаго совѣта, былъ высшимъ законодательнымъ, судебнымъ и административно-совѣщательнымъ учрежденіемъ; „общины“ *приходили* въ составъ этого совѣта по нѣкоторымъ дѣламъ, для опредѣленныхъ цѣлей и на правахъ, не одинаковыхъ съ прелатами и баронами. Это различіе выразилось и въ призывныхъ грамотахъ, коими приглашались прелаты и бароны, съ одной, и представители отъ графствъ и городовъ (чрезъ шерифовъ) съ другой стороны.

Бароны и прелаты были приглашены въ полный парламентъ

---

[1]) „Прокторы“ отъ низшаго духовенства утратили, какъ мы видѣли, свое значеніе.

1295 г. ad tractandum, ordinandum et faciendum nobiscum et cum ceteris proceribus et aliis incolis regni nostri. Хотя форма „summons" измѣнялась, но въ общихъ чертахъ одинаково опредѣляла роль магнатовъ: отъ нихъ ожидали обсужденія предложенныхъ дѣлъ (arduis et urgentibus negotiis) и совѣта по нимъ — tractaturi et vestrum consilium impensuri.

Въ призывныхъ грамотахъ Симона Монфортскаго общины были приглашены на равныхъ основаніяхъ съ магнатами. Во второй парламентъ Эдуарда I (1275 г.) *рыцари* отъ графствъ были призваны на тѣхъ же основаніяхъ [1]). Въ 1282 году представители приглашаются ad *audiendum et faciendum* ea quae sibi ex parte nostra faciemus ostendi; въ 1283 г. они приглашаются nobiscum super hoc (т.-е. о предметахъ, указанныхъ въ приглашеніи) et aliis locuturi [2]); въ 1290 году рыцари призываются ad consulendum et consentiendum pro se et communitate illa hiis quae comites, barones et proceres praedicti tunc duxerint concordanda [3]); сходна съ этимъ и формула грамоты 1294 года. Призывная грамота 1295 года, посланная въ очень трудныхъ для короля обстоятельствахъ (см. выше), предписываетъ выслать депутатовъ ad *faciendum* quod tunc de communi consilio ordinabitur [4]). Съ прибавленіемъ слова, consentiendum, эта формула, съ царствованія Эдуарда II, сдѣлалась окончательною: „ad *faciendum* et *consentiendum* hiis quae tunc ibidem de communi consilio regni nostri favente Domino *ordinari* contigerit super negotiis praedictis.

Итакъ, функція и власть распоряженія (ordinari) остается за королемъ и его большимъ совѣтомъ, т.-е. „парламентомъ бароновъ и прелатовъ"; „общины" приглашаются только ad faciendum et consentiendum. Но вліяніе и значеніе „общинъ" постепенно усилилось при помощи средствъ, о коихъ мы скажемъ ниже.

6. Описаніе состава парламента было бы неполно, если бы мы не упомянули о должностныхъ лицахъ, исполнявшихъ разныя обязанности во время его сессіи. Этими лицами являлись предсѣдатели палатъ, клэрки, экзекуторы и особый комитетъ петицій.

а) Предсѣдательство въ верхней палатѣ принадлежало канцлеру, какъ мѣстозаступнику короля и его непосредственному органу. Онъ

---

[1]) Ad *tractandum* nobiscum et cum praedictis praelatis et magnatibus super negotiis praedictis. Подлинная грамота, призывавшая рыцарей въ этотъ парламентъ, открыта недавно и напечатана въ 1879 году. См. Стеббсъ, II, стр. 233, прим. 1, гдѣ грамота приведена вполнѣ.

[2]) *Select Charters*, стр. 465, 468.

[3]) Тамъ же, стр. 478.

[4]) Тамъ же, стр. 481, 486 и слѣд.

же предсѣдательствовалъ въ полномъ парламентѣ, до раздѣленія его на двѣ палаты. Съ отдѣленіемъ „общинъ“ отъ лордовъ, первыя естественно нуждались въ особомъ предсѣдателѣ, который, руководя ихъ занятіями, держалъ бы за нихъ и слово (avoir les paroles) предъ королемъ и лордами. Такимъ и явился ораторъ (speaker, prolocutor) нижней палаты, съ 1376 года избиравшійся ею, съ королевскаго утвержденія. Палата избирала спикера вольными голосами, но въ теченіе среднихъ вѣковъ на эту должность *постоянно* избирались „рыцари“ отъ графствъ. Избранный лично представлялся королю; обычай требовалъ, чтобы онъ, подъ предлогомъ нездоровья или неспособности, „умолялъ“ короля приказать общинамъ выбрать другого спикера [1]). Съ теченіемъ времени этотъ отказъ обратился въ чистую формальность. Но въ средніе вѣка должность спикера представляла свои опасности, ибо онъ, въ глазахъ короля, былъ отвѣтственъ за дѣйствія палаты. Примѣръ перваго выборнаго спикера, посаженнаго въ тюрьму по дѣлу Алисы Перрерсъ [2]), достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

б) Письменное дѣлопроизводство парламента сосредоточивалось въ рукахъ короннаго *клэрка*; съ 1388 г. нижняя палата получила своего клэрка. Затѣмъ каждая палата имѣла своего пристава (serjeant at arms), исполнявшаго приказы и распоряженія палаты, и экзекутора (ostiarius, uscher), охранявшаго двери палаты и относившаго ея посланія къ другой.

в) Наконецъ, для пріема и предварительнаго разсмотрѣнія петицій назначалась, при самомъ открытіи парламента, особая коммиссія. Принятіе петицій поручалось канцлерскимъ клэркамъ (receivers) разсмотрѣніе—извѣстному числу прелатовъ, бароновъ и судей, избранныхъ и назначенныхъ королемъ (triers of petitions).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОМПЕТЕНЦІЯ ПАРЛАМЕНТА.

I. Въ устройствѣ средневѣкового парламента можно найти твердо установившіяся начала нынѣшняго его устройства; точно также компетенція его, въ главныхъ ея чертахъ, совпадаетъ съ областью дѣлъ, подлежащихъ ему въ настоящее время.

Но, при опредѣленіи круга этихъ дѣлъ, должно помнить, что мы

[1]) Этотъ обычай отмѣненъ только въ прошломъ столѣтіи. Послѣднюю формулу отказа см. Глассонъ, IV, стр. 107, прим. 23.

[2]) См. стр. 140.

не имѣемъ и не можемъ имѣть дѣла съ твердо установившеюся и безспорною компетенціею закончившаго свое развитіе учрежденія. Подобно самому парламенту, и компетенція его находится въ процессѣ развитія. Возникшій въ эпоху борьбы съ королевскою властью, средневѣковой парламентъ—въ видѣ ли особаго парламента бароновъ, или въ полномъ своемъ составѣ—расширяетъ и развиваетъ свою власть постепенно, силою *самодѣятельности*, иногда путемъ узурпаціи. Въ иныхъ отношеніяхъ онъ утверждаетъ старые обычаи страны, нарушенные во времена королевскаго абсолютизма; въ другихъ случаяхъ онъ какъ бы намѣчаетъ новыя права представительства и новые пути къ ихъ развитію. Но ни одно изъ этихъ пріобрѣтеній не могло, однако, считаться безспорнымъ настолько, чтобы всякій поводъ къ борьбѣ и распрѣ съ королемъ былъ устраненъ. Судьба парламентскихъ привилегій при Тюдорахъ и революціонная борьба при Стюартахъ достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Принципъ „совѣта и согласія" собранія бароновъ, а потомъ парламента въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ проходитъ чрезъ всю исторію Англіи. Но кругъ предметовъ, по коимъ требуются „совѣтъ и согласіе", долго еще остается неопредѣленнымъ. Еще меньше опредѣленности представляетъ кругъ дѣлъ, по коимъ дѣятельность бароновъ, а потомъ парламентовъ, выражалась не въ одномъ совѣтѣ и согласіи, но въ дѣйствіяхъ положительныхъ, имѣвшихъ цѣлью утвердить контроль представительства надъ правительственною властью. Здѣсь каждый новый шагъ могъ быть только послѣдствіемъ побѣды парламентовъ надъ королевскою администраціею, и плодъ этой побѣды могъ быть удержанъ при наличности благопріятныхъ условій. Но соотношеніе политическихъ силъ въ средневѣковой Англіи измѣнялось такъ часто, а иногда и такъ внезапно, что нерѣдко „прецедентъ" прошлаго года терялъ свою силу въ настоящемъ и уступалъ свое мѣсто „прецеденту" иного характера.

Въ виду этихъ условій, при разсмотрѣніи компетенціи парламента, должно прежде всего опредѣлить, въ главныхъ чертахъ, по какимъ предметамъ требовались „совѣтъ и согласіе" парламентовъ и, затѣмъ, въ какихъ новыхъ направленіяхъ развивались ихъ значеніе и власть.

Въ первомъ отношеніи, компетенція парламентовъ была, въ главныхъ чертахъ, опредѣлена правами „парламента бароновъ и прелатовъ", наслѣдника *витенагемота*; эти права, за исключеніемъ главнымъ образомъ правъ *по суду* (оставшихся привилегіею палаты лордовъ), распространились и на полные парламенты.

Права парламента бароновъ и прелатовъ, т.-е. стараго commune consilium, были тѣсно связаны съ вассальными ихъ обязанностями

по отношенію къ королю. Такъ же, какъ и на континентѣ Европы, во Франціи, въ Испаніи и Германіи, обязанности вассаловъ могутъ быть подведены подъ три категоріи, обозначаемыя словами: cour, plaid, ost. Вассалъ долженъ былъ являться въ королевскую курію и давать королю совѣты по важнѣйшимъ дѣламъ королевства (cour); въ особенности онъ долженъ былъ помогать королю въ отправленіи судебныхъ дѣлъ, подлежавшихъ королевскому рѣшенію (plaid); онъ долженъ былъ отбывать въ его пользу воинскую или замѣняющую ее повинность (ost). На этихъ основаніяхъ развилась и компетенція стараго commune consilium, хотя въ процессѣ этого развитія дѣйствовали и многія особенности англійской исторіи, преимущественно въ эпохи революціонныя.

а) О „согласіи и совѣтѣ“ бароновъ и прелатовъ упоминается уже во времена, предшествующія великой конституціонной борьбѣ XIII вѣка. Такъ, при Генрихѣ II, кларендонскіе ассизы (1166 г.) установлены съ согласія (de assensu) прелатовъ, графовъ и бароновъ „всей Англіи“. Уставъ о лѣсахъ (assiza de foresta) 1181 года изданъ per consilium et assensum тѣхъ же лицъ. Точно также изданы Нортгемптонскіе ассизы (1176 г.) о раздѣленіи королевства на шесть объѣздныхъ округовъ [1]); въ 1179 году число означенныхъ округовъ было сокращено на четыре, съ согласія большого совѣта, собраннаго въ Виндзорѣ [2]), и т. д. Въ бурное царствованіе Іоанна Безземельнаго „совѣты“ собираются довольно часто и для разныхъ цѣлей. При Генрихѣ III „большой совѣтъ“ созывается не по однимъ вопросамъ о субсидіяхъ, но и для совѣщанія о законахъ и уставахъ. Такъ, извѣстный намъ уставъ объ охраненіи мира 1233 года [3]) изданъ съ совѣта магнатовъ [4]). Совѣтъ созывается и вообще для обсужденія государственныхъ и административныхъ вопросовъ [5]).

Независимо отъ признанной необходимости *согласія* бароновъ для разныхъ актовъ законодательной власти, магнаты пользовались своею силою, чтобы вынудить изданіе разныхъ законовъ. Конечно, подобныя дѣйствія относятся къ революціоннымъ эпохамъ или къ време-

---

[1]) ...venit dominus rex usque Narthamptoniam, et *magnum* ibi celebravit *consilium* de statutis regni sui, coram episcopis et comitibus et baronibus terrae suae et coram eis per consilium regis Henrici filii sui, et per consilium comitum et baronum et militum et hominum suorum, etc. *Select Charters*, стр. 130.

[2]) Тамъ же, стр. 131.

[3]) См. стр. 182.

[4]) ...coram nobis et magnatibus nostris, de communi consilio eorum. *Select Charters*, стр. 362.

[5]) Матв. Пар. подъ 1236 г. Eodem quoque anno IV. kalendas Maii, congregati sunt magnates Angliae Londoni ad colloquium, de negotiis regni tractaturi... Ubi cum de multis tractaretur, etc. Тамъ же, стр. 326.

намъ раздоровъ, изъ которыхъ магнаты выходили побѣдителями. Подъ ихъ диктовку была составлена Великая Хартія; по ихъ требованію подтверждалась она въ разное время; они составили „оксфордскія провизіи“; они принудили Эдуарда I подтвердить Хартію, дополнивъ ее разными постановленіями. Не смотря на побѣду королевской власти въ исходѣ царствованія Генриха III, при Эдуардѣ I и его преемникахъ упоминаніе о „совѣтѣ и согласіи“ магнатовъ является во главѣ важнѣйшихъ законовъ. Участіе ихъ дѣлается нормальнымъ условіемъ законодательной дѣятельности короля.

Въ качествѣ собранія, подающаго королю „совѣты“ по важнѣйшимъ дѣламъ и мѣрамъ, „парламентъ“ бароновъ и прелатовъ, хотя и не въ видѣ общаго правила, имѣетъ вліяніе на составъ королевскаго совѣта, на назначеніе должностныхъ лицъ, на ихъ удаленіе и т. п. Иногда, какъ мы видѣли выше, онъ стремился сосредоточить право назначенія этихъ лицъ въ своихъ рукахъ. Эти попытки были неудачны, но и нормальныя средства вліянія на составъ высшей администраціи были довольно велики.

б) Бароны и прелаты, образуя высшій королевскій совѣтъ, участвовали съ королемъ въ отправленіи *правосудія*. Ближайшимъ образомъ они призывались къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ дѣлъ, подлежавшихъ королевскому рѣшенію, въ особенности по жалобамъ на неправосудіе въ королевскихъ судилищахъ. Въ силу этихъ правъ, палата лордовъ сдѣлалась и осталась въ теченіе вѣковъ высшимъ судилищемъ королевства.

Затѣмъ, собранію магнатовъ, а потомъ палатѣ лордовъ принадлежалъ судъ надъ ея сочленами, т.-е. надъ *пэрами* королевства. Понятно само собою, что установленіе исключительной подсудности пэровъ обусловливалось постепеннымъ образованіемъ пэріи. Моментъ образованія послѣдней не можетъ быть опредѣленъ съ точностью; но въ особенности трудно установить моментъ, когда право исключительной подсудности пэровъ стало разсматриваться какъ *гарантія* для послѣднихъ противъ юрисдикціи королевскихъ судовъ и королевскаго совѣта. Опредѣлительно это право было провозглашено во время извѣстной распри Эдуарда III съ архіепископомъ Джономъ Стратфордомъ (1341 г.), котораго король требовалъ къ суду по обвиненію въ дурномъ исполненіи должности канцлера. Стратфордъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что онъ можетъ быть судимъ только пэрами. Въ парламентѣ 1341 года было избрано 12 лордовъ, для разсмотрѣнія вопроса о подсудности пэровъ. Коммиссія торжественно провозгласила, что „всѣ пэры королевства“, какъ занимающіе должности (officer), такъ и другіе, ни по своей должности (par cause de lour office), ни по другому поводу, не могутъ быть требуемы къ суду,

ни лишаемы своихъ доходовъ, земель, держаній и имуществъ, ни подвергнуты задержанію, ни тюремному заключенію, ни наказаны, и не обязаны отвѣчать и не могутъ быть судимы иначе какъ въ полномъ парламентѣ (en pleyn parlement, т.-е. въ собраніи прелатовъ и магнатовъ) и предъ пэрами (devant les piers). Распря короля съ архіепископомъ кончилась ихъ примиреніемъ; но конституціонный принципъ исключительной подсудности пэровъ былъ провозглашенъ и остался въ англійскомъ правѣ [1]).

Въ-третьихъ, наконецъ, парламентъ магнатовъ, а потомъ палата пэровъ сдѣлались судилищемъ, разсматривавшимъ дѣла по обвиненію высшихъ должностныхъ лицъ въ злоупотребленіяхъ властью. Съ образованіемъ полнаго парламента и послѣ раздѣленія палатъ, лорды разсматривали такія дѣла по обвиненіямъ, возбужденнымъ нижнею палатою. Но раньше того „обвиненія“ предлагались въ полномъ парламентѣ и разсматривались пэрами. Такъ, обвиненіе Деспенсеровъ [2]) въ 1321 г. было возбуждено въ полномъ парламентѣ, а приговоръ надъ ними постановленъ совѣтомъ пэровъ (прелатовъ, графовъ и бароновъ) [3]). Въ 1388 году обвиненіе противъ любимцевъ Ричарда II было внесено и поддержано знаменитыми пятью апелляціонными лордами [4]). При этомъ было объявлено и постановлено, что дѣла по такимъ обвиненіямъ должны быть судимы въ парламентѣ пэрами—et q'il appartient as seignurs du parlement et a lour franchise et libertee d'auncien custume du parlement, d'estre juges en tieux cas, et de tieux cas ajugger par assent du roi [5]).

в) По старымъ обычаямъ и въ силу Великой Хартіи, съ ея позднѣйшими подтвержденіями, бароны созывались для предоставленія королю субсидій (auxilia) и щитовыхъ денегъ (scutagium) въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Хотя „конституціонныя статьи“ Великой Хартіи и были выпущены въ первыхъ подтвердительныхъ грамотахъ Генриха III, но, силою вещей, право бароновъ выражать свое согласіе или несогласіе на назначеніе субсидій осталось въ силѣ [6]). Бароны

---

[1]) Разборъ распри Эдуарда III съ Стратфордомъ см. у Стёббса, II, стр. 402—406.

[2]) См. стр. 136 и 137.

[3]) Стёббсъ, II, стр. 362.

[4]) См. стр. 151 и 152.

[5]) См. Стёббсъ, II, стр. 501 и 502.

[6]) Такъ, въ 1235 году, въ указѣ о сборѣ scutagium'a, говорится: Scias quod comites et barones et omnes alii de toto regno nostro Angliae, *spontanea voluntate* sua et sine consuetudine, concesserunt nobis efficax auxilium ad magna negotia nostra expedienda. Въ 1237 году (см. въ текстѣ), въ указѣ о сборѣ 30-ой деньги съ движимыхъ имуществъ, шерифу сообщается, что: 1) по призыву короля собрались въ Вестминстерѣ архіепископы, епископы, аббаты, пріоры и бароны всего ко-

пользовались имъ въ своихъ распряхъ съ королемъ. Такъ, въ 1237 году король потребовалъ отъ бароновъ значительной субсидіи подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ сдѣлалъ большія издержки по случаю брака своей сестры, Изабеллы, съ германскимъ императоромъ, Фридрихомъ II (въ 1235 г.). Бароны отвѣчали, что бракъ королевской сестры состоялся безъ ихъ совѣта, и что они не обязаны отвѣчать за поступки, въ коихъ они не принимали участія. Королю была дана 30-ая деньга подъ условіемъ подтвержденія Хартіи. Эдуардъ I вообще не нарушалъ этихъ правъ. Но во время великой распри 1297 г., когда онъ прибѣгъ къ произвольнымъ мѣрамъ, возстаніе бароновъ и общее недовольство привели къ извѣстному намъ подтвержденію хартій [1]). Подобно позднѣйшимъ парламентамъ, и бароны прибѣгали къ разнымъ мѣрамъ контроля надъ употребленіемъ вотированныхъ ими субсидій.

II. Такимъ образомъ въ правахъ и компетенціи парламента бароновъ содержались въ зародышѣ всѣ права, коими пользовались полные парламенты или которыя были пріобрѣтены ими впослѣдствіи. Постепенность въ развитіи ихъ объясняется тѣмъ извѣстнымъ намъ обстоятельствомъ, что общины не сразу сдѣлались интегральною частью парламента. Призываемыя первоначально по отдѣльнымъ поводамъ, они постепенно получили участіе въ общихъ дѣлахъ королевства и притомъ на правахъ, не равныхъ съ пэрами.

Главною точкою опоры для развитія правъ общинъ въ парламентѣ и всего парламента была, конечно, его *финансовая* власть.

ролевства и разсуждали съ королемъ о состояніи короля и королевства; 2) что собраніе дало въ помощь королю 30-ую часть всего движимаго имущества своего. Замѣтимъ при этомъ, что хотя парламентъ состоялъ изъ однихъ прелатовъ, графовъ и бароновъ, но въ указѣ говорится, что 30-ая часть уступлена также низшимъ духовенствомъ (clerici) и свободными людьми (liberi homines) за себя и ихъ виллановъ (pro se et suis villanis). Такимъ образомъ парламентъ прелатовъ и магнатовъ дѣйствовалъ какъ бы и за другіе разряды духовенства и свободныхъ людей, не представленные въ немъ. Чѣмъ объяснить это противорѣчіе: легальною ли фикціею, въ силу которой парламентъ бароновъ представлялъ всю страну, или тѣмъ, что согласіе liberi homines было спрошено въ собраніяхъ графствъ? Трудно дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ приведенный фактъ доказываетъ общегосударственное значеніе парламента бароновъ. Точно также при Эдуардѣ I „помощь“ на бракосочетаніе королевской дочери (pour fille marier) была вотирована одними баронами, хотя эта „помощь“ была назначена въ размѣрѣ 40 з. съ каждаго рыцарскаго лена. Означенный парламентъ названъ „полнымъ“ (in pleno parlamento), но въ немъ участвовали нѣкоторые бароны, какъ поименованные въ спискѣ, такъ и непоименованные (et ceteri magnates et proceres); они выразили свое согласіе на „помощь“ за себя и все королевство (pro se et communitate totius regni quantum in ipsis est).

[1]) См. стр. 131.

Право назначать королю субсидіи и отказывать въ нихъ явилось въ рукахъ общинъ могущественнымъ орудіемъ для пріобрѣтенія другихъ важныхъ правъ. Grant of money является центральнымъ вопросомъ парламентской исторіи Англіи; разрѣшеніемъ его обусловливалось и достиженіе другихъ цѣлей. Но было бы затруднительно опредѣлить общее направленіе политики парламента. Съ одной стороны несомнѣнно, что образованіе парламента утвердило силу центральной власти, довершило развитіе королевской власти и закончило строеніе мѣстныхъ учрежденій. Сравнительно съ великими государствами тогдашней Европы, Англія обладала прочнымъ политическимъ единствомъ, выразившимся и въ единообразіи учрежденій, отъ высшихъ до низшихъ. Несомнѣнно также, что великія предпріятія королей, въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, находили полную поддержку въ парламентахъ.

Затѣмъ оппозиція, которую короли встрѣчали въ парламентѣ въ разныхъ случаяхъ, не была направлена противъ существа королевской власти; республиканскія идеи не имѣли твердой почвы въ Англіи. Тогдашній представитель наиболѣе конституціонныхъ, „ланкастерскихъ“ идей, Фортескью (см. ниже), представилъ намъ тогдашній идеалъ конституціонной монархіи. Король, въ общемъ понятіи, былъ источникомъ законовъ, правосудія и всѣхъ полномочій по управленію. Вслѣдствіе этого дѣятельность парламента, въ распряхъ съ королемъ, была направлена къ защитѣ извѣстныхъ національныхъ правъ, преступая которыя, королевская власть нарушала границы своей прерогативы, и къ устраненію злоупотребленій, вредно отражавшихся на благосостояніи народномъ. Не имѣя еще средствъ постояннаго и нормальнаго вліянія на управленіе, но поставляя извѣстныя границы королевской власти, парламентъ являлся иногда учрежденіемъ какъ бы по существу своему оппозиціоннымъ и дѣйствующимъ революціонными средствами. Вопросъ, который въ настоящее время разрѣшался бы смѣною кабинета или единичною отставкою одного изъ его членовъ, въ тѣ времена вызывалъ парламентскія бури, кончавшіяся нерѣдко кровавыми сценами.

Самые поводы къ распрямъ вызывались обстоятельствами практическими, и едва ли можно найти въ тѣ времена конституціонную теорію, настолько распространенную, чтобы принципы ея руководили парламентскими дѣятелями.

Стёббсъ пытается, съ очень основательными оговорками, привести въ систему принципы тогдашней конституціонной или національной партіи, насколько они выразились въ отдѣльныхъ ея заяв-

леніяхъ и дѣйствіяхъ. Король долженъ жить своими средствами [1]), покрывая издержки по двору и управленію обыкновенными своими доходами; законы не должны быть измѣняемы безъ согласія націи; Великая Хартія должна быть сохраняема ненарушимо, не только по буквѣ, но и какъ обильный источникъ правъ и политическихъ началъ; королевскіе министры обязаны отчетностью предъ націею по ввѣреннымъ имъ національнымъ сборамъ и налогамъ и вообще по хорошему исполненію своихъ обязанностей; жалобы, представленныя парламентомъ, должны быть удовлетворены прежде разрѣшенія субсидій; король долженъ дѣйствовать съ совѣта парламента, не идти на войну и не начинать никакого важнаго предпріятія безъ его согласія; и если онъ самъ устранится отъ его совѣта и вліянія, онъ долженъ быть принужденъ къ исполненію своей обязанности [2]). Таковы, по мнѣнію Стёббса, были нѣкоторыя изъ основныхъ убѣжденій національной партіи, въ противоположность принципамъ чистаго абсолютизма, выразившимся во взглядахъ Генриха III и Ричарда II.

Но не слѣдуетъ забывать, что эти принципы являются плодомъ научнаго обобщенія больше, чѣмъ реальнымъ фактомъ, и что дѣйствительная жизнь въ Англіи рѣдко обращалась въ сторону одной изъ этихъ формулъ исключительно. Развитіе парламентской власти совершалось сообразно ходу событій, подъ дѣйствіемъ опредѣленныхъ фактовъ и, поэтому, не безостановочно. Но общая схема развитія парламентскихъ вольностей можетъ быть выведена изъ разсмотрѣнія *путей*, коими парламентъ утверждалъ свои права. Въ этомъ отношеніи, не утратила своего значенія схема Галлама, въ которой онъ старался представить главные результаты, достигнутые парламентами въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

Результаты эти, по мнѣнію Галлама, состояли: 1) въ утвержденіи за парламентомъ исключительнаго права вотировать налоги; 2) въ спеціализированіи и ограниченіи государственныхъ расходовъ; 3) въ поставленіи вотированія субсидій въ зависимость отъ удовлетворенія жалобъ и петицій; 4) въ огражденіи народа отъ незаконныхъ распоряженій и искаженій статутовъ; 5) въ установленіи надзора за управленіемъ; 6) въ наказаніи дурныхъ министровъ, и 7) въ утвержденіи особыхъ правъ и привилегій самого парламента.

Зная колебанія, происходившія въ парламентской исторіи средневѣковой Англіи, имѣя въ виду послѣдующую исторію управленія

---

[1]) Que notre seigneur le roi vive de soen, или: viver deinz les revenues de votre roialme, какъ говорили парламенты Эдуарду III.

[2]) Стёббсъ, II, стр. 539 и слѣд.

Тюдоровъ и борьбу парламентовъ съ Стюартами, нельзя, конечно, видѣть въ этихъ пунктахъ дѣйствительныхъ и прочныхъ *результатовъ*, достигнутыхъ средневѣковыми парламентами. Но въ нихъ должно видѣть, во-первыхъ, указаніе на средства, коими развивались права народнаго представительства, а также совокупность *прецедентовъ*, на которые впослѣдствіи опирались парламенты въ ихъ борьбѣ съ королевскою властью.

III. Всѣ главные историки англійской конституціи видятъ въ финансовыхъ правахъ парламента обильный источникъ прочихъ политическихъ правъ его. Въ справедливости этого взгляда мы не замедлимъ убѣдиться. Но предварительно слѣдуетъ указать на отношеніе источниковъ „обыкновенныхъ“ королевскихъ доходовъ къ доходамъ „чрезвычайнымъ“, которые король получалъ съ согласія парламента, и на тѣ средства, къ которымъ прибѣгали короли для покрытія своихъ „чрезвычайныхъ“ расходовъ. Разсмотрѣніе этихъ предметовъ объяснитъ намъ причины и условія возникновенія парламентской борьбы.

Мы уже видѣли выше [1]), какими источниками доходовъ располагали норманнскіе короли. Здѣсь мы остановимся на тѣхъ источникахъ королевскихъ доходовъ, которые сдѣлались предметомъ парламентской борьбы и на которыхъ утвердилась финансовая власть парламента, по мѣрѣ того, какъ старые доменные и феодальные доходы короля сокращались. Между этими источниками, еще въ эпоху изданія Великой Хартіи, обращаютъ на себя вниманіе auxilia и щитовыя деньги (scutagium). Великая Хартія постановляла [2]), что auxilia [3]) и скутагіи не налагались безъ согласія commune consilium [4]). Но сверхъ этихъ сборовъ, ложившихся на королевскихъ вассаловъ, король пользовался правомъ обложенія податью прочихъ жителей королевствъ, въ особенности въ своихъ доменахъ и доменныхъ городахъ (tallagium), опредѣленіе и раскладка которой происходили обыкновенно (употребляя наше старинное выраженіе) по *сохамъ*, carrucata [5]). Бароны, въ своей петиціи 1215 года, требовали ограниченія правъ короля въ отношеніи къ Лондону и къ городамъ, имѣвшимъ хартіи [6]). Великая Хартія ограничилась подтвержденіемъ об-

---

[1]) См. стр. 77.

[2]) Ст. 12.

[3]) За исключеніемъ трехъ извѣстныхъ намъ случаевъ (см. выше, стр. 104).

[4]) Ср. ст. 32 петиціи бароновъ.

[5]) Отсюда carrucagium—названіе подати. Carruca=100 акрамъ приблизительно. Въ 1198 году Ричардъ I велѣлъ собрать съ каждой carruca (carrucata) по пяти солидовъ. *Select Charters*, стр. 256 и слѣд.

[6]) Ст. 32... Simili modo fiat de *taillagiis* et *auxiliis* de civitate Londoniarum, et de alliis civitatibus quae inde habent libertates.

щихъ вольностей и свободныхъ обычаевъ Лондона и другихъ городовъ [1]).

Указанныя постановленія Великой Хартіи были выпущены въ подтвержденіяхъ ея при Генрихѣ III. Но мы видѣли выше, что „совѣтъ и согласіе“ бароновъ постоянно требовались для установленія сборовъ съ вассаловъ. Однако, вопросъ объ обложеніи tallagium'омъ, въ особенности относительно королевскихъ доменовъ, оставался открытымъ [2]). Рядомъ съ этими средствами покрытія королевскихъ расходовъ возникаютъ подоходные сборы, въ различныхъ размѣрахъ (среднимъ числомъ $^1/_{15}$ въ графствахъ, $^1/_{10}$ въ городахъ), назначаемые съ согласія сословій [3]). Такъ, въ 1207 г. Іоаннъ Безземельный получилъ отъ своего „общаго совѣта“ 13-ую деньгу въ помощь на войну съ Франціею [4]).

Въ 1225 году Генриху III, въ обмѣнъ за подтвержденіе хартіи, дана была 15-ая часть; въ 1232 г. „общій совѣтъ“ далъ нуждавшемуся королю 40-ую часть всего движимаго имущества [5]); въ 1237 г.—тридцатую и т. д.

Подобные сборы назначались и опредѣлялись первоначально по *сословіямъ*, которыя вотировали ихъ въ различныхъ размѣрахъ. Обыкновенно для населенія графствъ они назначались въ размѣрѣ $^1/_{15}$, для городовъ—$^1/_{10}$. Приблизительно въ томъ же размѣрѣ назначало ихъ и духовенство, обыкновенно въ своихъ конвокаціяхъ.

Наконецъ, съ царствованія Эдуарда I, къ этимъ сборамъ присоединились пошлины съ торговли. Должно предполагать, что эти пошлины были въ употребленіи въ эпоху королей норманнскихъ, такъ какъ въ прошеніи бароновъ 1215 г. для купцовъ требовалась свобода передвиженія и торговли [6]). Ст. 41-ая Великой Хартіи даруетъ

---

1) Ст. 13.

2) Въ первые годы правленія Генриха III (1220 г.) посошный сборъ въ два солида съ сохи (carruca) былъ установленъ съ согласія магнатовъ и всѣхъ fideles (т.-е. вассаловъ) королевства. Конечно, и въ этомъ случаѣ магнаты выразили согласіе за себя и прочихъ fideles.

3) Первый примѣръ такого сбора, установленнаго властью короля, относится къ царствованію Генриха II и извѣстенъ подъ именемъ „Саладиновой десятины“ (1188 г.). *Select Charters*, стр. 159 и слѣд.

4) *Select Charters*, стр. 283 и 284.

5) Quadragesimam partem omnium mobilium suorum apparentium. Любопытны данныя относительно результатовъ этого сбора. Въ 1224 году сборъ 15-й части далъ 57,838 съ небольшимъ фунтовъ; въ 1233 году сборъ 40-й части принесъ 16,475 фунтовъ; въ 1237 г. сборъ 30-й части далъ 22,594 съ небольшимъ фунтовъ.

6) „Capitula“, ст. 31: Quod mercatores habeant salvum ire et venire ad emendum et vendendum, *sine omnibus malis toltis* per antiquas et rectas consuetudines.

купцамъ это право. Но въ парламентѣ 1275 года, съ участіемъ купцовъ [1]), королю была „уступлена“ въ вѣчное пользованіе пошлина съ шерсти, шкуръ и выдѣланныхъ кожъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ мѣшка шерсти $^1/_2$ марки, съ 300 шкуръ—$^1/_2$ марки и съ ласта кожъ—марка [2]). Эта пошлина вошла въ число „обычныхъ“ доходовъ королей. Но послѣдніе, начиная съ самого Эдуарда I, не довольствовались ею. Увеличивался размѣръ пошлины [3]), увеличивалось и число облагаемыхъ предметовъ. Пользуясь своими правами по регулированію иностранной торговли, Эдуардъ I установилъ пошлины съ ввозимаго вина, сукна и другихъ предметовъ, посредствомъ такъ называемой Carta Mercatoria (1303 г.).

Таковъ былъ кругъ тѣхъ субсидій, сборовъ и пошлинъ, которые парламенты предоставляли въ распоряженіе королей сверхъ собственныхъ ихъ доходовъ. Имъ опредѣляется какъ ходъ развитія англійской финансовой системы, такъ и поводы къ конституціонной борьбѣ парламентовъ съ королями.

Съ измѣненіемъ условій землевладѣнія, по мѣрѣ сближенія интересовъ сословій и введенія большаго единства въ систему налоговъ прямыхъ и косвенныхъ, постепенно устраняется разнообразіе прежнихъ сословныхъ сборовъ. Субсидіи, назначавшіяся прежде подъ именемъ aids и „щитовыхъ“ денегъ парламентами бароновъ, постепенно сливаются съ другими видами поземельныхъ податей; сборы $^1/_{15}$ и $^1/_{10}$ части постепенно сливаются въ общій подоходный налогъ; пошлины (custums) съ теченіемъ времени образовали систему косвенныхъ налоговъ, главнѣйшими изъ коихъ были помѣрные и вѣсовые (tunnage and poundage).

Ближайшая задача парламентовъ состояла въ томъ, чтобы всѣ означенные сборы, налоги и пошлины не установлялись безъ ихъ согласія, т.-е., чтобы они не были налагаемы односторонне, властью короля. Палата общинъ, въ которой сосредоточились представители главныхъ плательщиковъ налоговъ и пошлинъ, тогда уже ревниво охраняла свои права.

Борьба противъ произвольнаго установленія налоговъ не можетъ быть представлена въ цѣльной картинѣ, ибо каждый изъ тогдашнихъ налоговъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свою отдѣльную исторію.

---

[1]) Даже ad instantiam et rogatum mercatorum, какъ сказано въ актѣ.

[2]) *Select Charters*, стр. 451 и слѣд.

[3]) Такъ, въ 1294 г. Эдуардъ I, съ согласія купцовъ и по случаю войны съ Франціею, повысилъ ее до 3 и 5 марокъ съ мѣшка шерсти, до 3 марокъ съ 300 шкуръ и до 10 съ ласта кожъ. Въ томъ же году эти пошлины были понижены до 5 марокъ съ ласта кожъ.

Она длилась, не смотря на общія и торжественныя обѣщанія соблюдать вольности страны,—обѣщанія, вынуждаемыя у королей въ моменты раздоровъ, грозившихъ возстаніемъ. Общія обѣщанія не устанавливать налоговъ безъ согласія парламентовъ не исключали произвольныхъ дѣйствій по *отдѣльнымъ* налогамъ.

Въ „подтвержденіи хартій“ (1297 г.) Эдуардъ I обѣщалъ ни устанавливать, ни взимать безъ согласія парламента никакихъ налоговъ и сборовъ, кромѣ старыхъ субсидій и пошлинъ (custumees). Но онъ же, въ концѣ своего царствованія, ввелъ разныя пошлины подъ названіемъ „малыхъ“ или „новыхъ“ (nova или parva custuma). Борьба за произвольное установленіе tallagium'а длилась при Эдуардѣ II и его сынѣ. Ричардъ II не обвиняется историками въ установленіи произвольныхъ податей. Въ правленіе ланкастерской династіи, особенно при первыхъ двухъ короляхъ, отношенія королей къ парламентамъ были нормальны. Но въ концѣ періода, при Эдуардѣ IV, вымогательство денегъ получило видъ *принудительныхъ займовъ* подъ несоотвѣтствующимъ названіемъ benevolence [1]. При Ричардѣ III, въ 1484 году, они были отмѣнены [2]. Узурпаторъ подчинился рѣшенію парламента; но „займы“ въ этомъ видѣ воскресли впослѣдствіи.

Борьба между парламентами и королями вызывалась не только вопросомъ о порядкѣ *установленія* налоговъ и сборовъ, названныхъ выше. Парламенты имѣли дѣло также съ старыми правами короны, подававшими поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ, съ неконституціоннымъ пользованіемъ нѣкоторыми законными правами и, наконецъ, съ необычными способами покрытія королевскихъ расходовъ.

Примѣромъ перваго рода злоупотребленій является пользованіе правомъ на *продовольствіе*, подводы и другія повинности, на которыя король и его люди имѣли право во время разъѣздовъ (purveyance; отсюда названіе лицъ, собиравшихъ кормы, подводы и проч.—purveyors). Это старинное, но произвольное въ существѣ своемъ право сдѣлалось источникомъ величайшихъ вымогательствъ, ставшихъ предметомъ жалобъ еще при Іоаннѣ Безземельномъ. Въ „статьяхъ“ бароновъ [3]) выражено требованіе, чтобы королевскіе люди не брали насильно и безденежно хлѣба, лошадей, повозокъ, лѣса и друг.

---

1) Первый случай такого „займа“ относится къ 1473 году. Объ этомъ нововведеніи повѣствуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: nova et *inaudita impositio* muneris ut per benevolentiam quilibet daret id quod vellet, immo verius quod *nollet*. Стёббсъ, III, стр. 213, прим. 3.

2) Галламъ, II, стр. 469 и 470; Стёббсъ, III, стр. 230.

3) Ст. 18, 20, 21.

предметовъ. Эти требованія были внесены и въ Великую Хартію [1]). Но, не смотря на послѣдующія попытки ограничить это право, даже при лучшихъ короляхъ, каковъ былъ Эдуардъ III, королевскіе чиновники прибѣгали къ всевозможнымъ вымогательствамъ. Такъ, Эдуардъ III приказалъ шерифамъ оказывать содѣйствіе Вильгельму Вольсингаму, коему поручено было набрать рабочихъ для постройки капеллы въ Вестминстерѣ. Вольсингаму дано было право арестовывать и сажать въ тюрьму противившихся. Тѣмъ же порядкомъ король выстроилъ свой Виндзорскій замокъ. Такъ широко толковалось право на purveyance. Тщетны были народныя жалобы; тщетны были и обличенія такихъ лицъ, какъ архіепископъ Islip, писавшій Эдуарду III, что, при приближеніи его двора, всѣ жители приходятъ въ трепетъ и прячутъ свое имущество и что предвѣстники королевской куріи хватаютъ людей, лошадей и другой рабочій скотъ, дабы они работали безъ вознагражденія два или три дня въ пользу короля. Парламентъ боролся противъ этихъ злоупотребленій; при Эдуардѣ II purveyances были воспрещены уставами „распорядительныхъ лордовъ“ [2]). Но они возобновились съ новою силою и не мало повредили популярности Эдуарда III. При этомъ государѣ, статутомъ 1362 г., они были отмѣнены. Но въ царствованіе Ричарда II мы снова встрѣчаемся съ жалобами на нихъ,—напримѣръ, въ петиціи палаты общинъ 1381 г. Въ эпоху междоусобій, они сдѣлались страшнымъ орудіемъ вымогательствъ и притѣсненій. Окончательная отмѣна ихъ послѣдовала только при Карлѣ II.

Примѣръ злоупотребленій и даже неконституціонныхъ притязаній, возникшихъ на почвѣ старыхъ и законныхъ правъ, представляютъ коммиссіи по вербовкѣ и содержанію войскъ (commissions of array). Эти коммиссіи, говоритъ Стёббсъ, представляютъ хорошій образецъ особеннаго злоупотребленія, возникшаго изъ постепеннаго смѣшенія правъ и обязанностей съ тиранническимъ и неконституціоннымъ вымогательствомъ, причемъ злоупотребленіе это развилось съ такою постепенностью, что нельзя почти усмотрѣть, когда и гдѣ неконституціонный элементъ привзошелъ въ старые обычаи и законы. Обязанность имѣть соотвѣтствующее вооруженіе, для защиты страны и охраненія мира, лежала, какъ мы видѣли, на свободныхъ людяхъ графства по assize of arms; затѣмъ король имѣлъ право получать отъ каждой communitas денежныя контрибуціи вмѣсто слѣдовавшихъ съ нихъ контингентовъ; наконецъ, король, въ силу правъ на purveyance, могъ требовать разныхъ личныхъ и натуральныхъ повин-

---

[1]) Ст. 28—31.

[2]) См. стр. 145.

ностей отъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Изъ этихъ старыхъ правъ и обычаевъ, въ ихъ комбинаціи для цѣлей *внѣшнихъ*, по преимуществу, войнъ, развилась система commissions of array, т.-е. принудительныхъ наборовъ, съ возложеніемъ содержанія набранныхъ контингентовъ на графства и города и съ требованіемъ кормовъ, фуража, подводъ и другихъ повинностей отъ мѣстнаго населенія [1]). Вмѣстѣ съ purveyance и незаконными пошлинами, воинскія коммиссіи сдѣлались предметомъ всеобщихъ жалобъ и заняли видное мѣсто въ числѣ gravamina, представлявшихся общинами королю. Вслѣдствіе усиленныхъ представленій парламента, право это было ограничено статутомъ 1352 года, подтвержденнымъ при Генрихѣ IV (1403 г.). Но мы встрѣтимся съ этимъ злоупотребленіемъ въ другой формѣ и при другихъ условіяхъ.

Необычными способами покрытія королевскихъ расходовъ являлись также *займы*—самые разнообразные. Во-первыхъ, подъ руками королей находились невольные, такъ сказать, банкиры и заимодавцы —*евреи*. Въ Англіи, какъ и вездѣ въ средніе вѣка, евреи, не пользуясь общими гражданскими правами, находились подъ особою защитою, а слѣдовательно и въ полномъ распоряженіи королей. Послѣдніе широко пользовались этимъ условіемъ для своихъ финансовыхъ цѣлей. Евреи облагались особыми налогами, періодическими сборами при всякомъ удобномъ случаѣ [2]); огромныя суммы вымогались съ нихъ въ видѣ штрафовъ, налагаемыхъ подъ всевозможными предлогами. „Займы“ являлись, слѣдовательно, только самою мягкою формою другихъ поборовъ. Тѣснимые съ этой стороны, евреи бросались въ спекуляціи, какъ и вездѣ занимались ростовщичествомъ, вызывавшимъ противъ нихъ общее озлобленіе. Короли, пользуясь имуществомъ евреевъ, должны были, подъ вліяніемъ общаго неудо-

---

[1]) Обычай такихъ „наборовъ“ развился съ Эдуарда I. Такъ, въ 1282 году король послалъ въ Ланкастеръ набрать 1000 чел. Въ томъ же году онъ извѣстилъ графство, что имъ послано нѣсколько его слугъ для набора хорошо вооруженныхъ людей, при чемъ было опредѣлено и ихъ число для каждаго изъ названныхъ графствъ. Въ 1294 г. число ихъ не было ограничено; графства выставляли нѣсколько десятковъ тысячъ. Но при Эдуардѣ I эти коммиссіи имѣли видъ добровольной „вербовки“, и король приказывалъ своимъ коммиссарамъ исполнять свою обязанность „en la plus amiable manere e la plus curteise que vous saverez“. Навербованные люди должны были содержаться на счетъ короля. Но злоупотребленія подобными коммиссіями начались при Эдуардѣ II; при Эдуардѣ III они вызываютъ уже всеобщій ропотъ.

[2]) Генрихъ II въ 1187 году взялъ ¼ часть движимаго имущества евреевъ; въ 1210 году съ нихъ взяли 66,000 марокъ; Генрихъ III въ разное время бралъ съ нихъ крупныя суммы отъ 10 до 60 тысячъ марокъ; въ 1230 году онъ взялъ съ нихъ ⅓ движимаго имущества, и т. д.

вольствія, издавать строгіе законы противъ ростовщичества. Эдуардъ I (въ 1290 г.) долженъ былъ, наконецъ, изгнать ихъ изъ королевства (конечно, временно).

Если съ этой стороны чрезвычайные источники королевскихъ доходовъ нѣсколько изсякли, то оставалось прибѣжище у иностранныхъ банкировъ. Широкое пользованіе этимъ источникомъ начинается съ Генриха III. Итальянскіе банкиры заняли видное мѣсто, рядомъ съ „пуатевинцами" и „савоярами", какъ при королевскомъ дворѣ, такъ и въ народной ненависти. Доставляя королю деньги, они, ради возмѣщенія занятаго, брали въ свои руки сборы разныхъ податей и пошлинъ, часто незаконныхъ. Эдуардъ I, обремененный долгами отца и своими собственными, прибѣгъ къ помощи итальянскихъ банкировъ; получивъ отъ парламента пошлину на шерсть и кожи, онъ сдѣлалъ ихъ сборщиками этой пошлины. То же повторялось и въ слѣдующихъ годахъ. При Эдуардѣ III мѣсто итальянцевъ заняли фламандцы, дѣйствовавшіе въ томъ же духѣ. Не одни банкиры являлись въ роли королевскихъ кредиторовъ. Короли занимали у фландрскихъ князей, у папы; занимали въ самой Англіи у монастырей, у высшаго духовенства, у городовъ, причемъ эти займы далеко не всегда имѣли характеръ добровольный. Расплачиваться за королевскіе долги приходилось парламентамъ; уплачивая ихъ, послѣдніе, по причинамъ понятнымъ, стремились бросать взглядъ въ область королевскихъ издержекъ.

Наконецъ, къ числу необычныхъ и, кромѣ того, неправильныхъ способовъ извлеченія дохода должно отнести и злоупотребленіе правомъ чекана монеты и опредѣленія ея курса. Въ подражаніе, можетъ быть, французскимъ королямъ, и англійскіе короли такъ злоупотребляли этимъ правомъ, что впослѣдствіи довольно трудно было поднять довѣріе къ англійскимъ монетамъ. Впрочемъ, въ царствованіе Эдуарда III, эти злоупотребленія были ограничены.

IV. Опредѣленіе размѣра королевскихъ доходовъ, съ одной, и издержекъ, съ другой стороны, представляется затруднительнымъ уже потому, что отчетность по этимъ предметамъ имѣла тотъ же частно-хозяйственный характеръ, какъ и все финансовое управленіе того времени [1]).

Счетная часть сосредоточивалась въ „казначействѣ"; не смотря на государственныя формы этого учрежденія, счеты и отчетность его были приспособлены къ понятіямъ „домашняго" хозяйства. Главныя свѣдѣнія о королевскихъ расходахъ получаются изъ отчетовъ „гардеробнаго" отдѣленія (wardrobe accounts), и въ нихъ постоянные

---

[1]) Стеббсъ, II, стр. 570—579.

доходы перемѣшаны съ случайными, равно какъ и расходы. Свѣдѣнія, сообщаемыя ими, неполны. Но, во всякомъ случаѣ, можно безошибочно сказать, что цифра расходовъ постоянно превышала цифру доходовъ, особенно вслѣдствіе континентальныхъ предпріятій королей воинственныхъ и расточительности двора въ царствованія болѣе мирныя.

Такъ, при Эдуардѣ I, въ 1300 году, гардеробный отчетъ показываетъ 58,155 ф. прихода и 64,105 расхода. Излишекъ послѣдняго объясняется незначительными военными дѣйствіями противъ Шотландіи. При Эдуардѣ II отчетъ представляетъ большія колебанія, хотя вообще расходы не были значительны, по сравненію съ расходами Эдуарда III. При послѣднемъ война за французскую корону вовлекла страну въ неслыханныя издержки. Такъ, съ 1338 по 1340 годъ, они представляли сумму въ 337,104 ф. Въ 1346 г. они понизились до 154,139 ф., въ 1370 г.—представляли цифру въ 155,715 ф., по даннымъ такъ называемаго Issue Roll казначейства.

Эти цифры представляютъ интересъ по сравненію съ нормальными цифрами королевскихъ доходовъ. Мы видимъ, что при Эдуардѣ I послѣдняя равнялась 58,155 ф. Она незначительно измѣнилась впослѣдствіи. По мнѣнію Стёббса, можно принять цифру этихъ доходовъ въ 65,000 ф. для мирнаго времени; средняя цифра расходовъ въ военное время равнялась 155,000 ф. Такимъ образомъ, чрезвычайные расходы превышали нормальные доходы на 90, а иногда и 100 тысячъ ф. [1]).

„Чрезвычайные расходы“ вызывали чрезвычайные сборы. Прежде всего, всякія предпріятія въ области внѣшней политики отражались на шерстяной пошлинѣ. Нормальный доходъ съ этой статьи, примѣнительно къ размѣру, установленному актомъ 1275 г., равнялся бы

---

[1]) По исчисленію Фоке (Vocke, *Geschichte der Steuern des britischen Reiches*, стр. 18, изд. 1866 г.), *обыкновенные* доходы королей, съ Генриха III, представляются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Генрихъ III . . .	80,000 ф.
Эдуардъ I . . .	150,000
Эдуардъ II . . .	100,000
Эдуардъ III. . .	154,000
Ричардъ II . . .	130,000
Генрихъ IV . . .	100,000
Генрихъ V . . .	76,643
Генрихъ VI . . .	64,976
Эдуардъ IV, Эдуардъ V, Ричардъ III .	100,000

См. тамъ же оцѣнку этихъ доходовъ на основаніи существовавшихъ цѣнъ на предметы первой необходимости и задѣльной платы.

10,000 фунт. Но, благодаря повышеніямъ ея въ разное время, онъ доходилъ до 60, 65 и даже 86 тысячъ ф. Затѣмъ слѣдовали сборы десятой и пятнадцатой части, дававшіе (со всѣхъ трехъ сословій) около 60,000 ф.

Чрезвычайные сборы должны были, однако, находиться въ соотвѣтствіи съ платежными средствами страны. Экономическое состояніе средневѣковой Англіи не дозволяло ей выдерживать обложенія въ тѣхъ размѣрахъ, какіе нерѣдко требовались королевскимъ правительствомъ. Здѣсь—главный источникъ парламентской борьбы; цѣлью этой борьбы объясняются различные ея способы, равно какъ и права, которыя требуетъ себѣ парламентъ; она находится, наконецъ, въ тѣсной связи съ прочими требованіями парламентовъ и правами, ими добытыми.

Принципъ, въ силу котораго ни одинъ налогъ не могъ быть установленъ безъ согласія парламента, можно считать утвердившимся, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, въ смыслѣ общаго правила. Но матеріальные интересы страны не могли быть обезпечены однимъ этимъ началомъ. *Употребленіе* полученныхъ денегъ представляло не менѣе важный интересъ. Часто случалось, что короли, получивъ отъ парламента значительныя суммы, требовали отъ слѣдующаго парламента новыхъ субсидій. Парламенты роптали, но обыкновенно давали деньги, выговоривъ для себя и націи какое либо новое право или исправленіе какого либо „злоупотребленія". Тѣмъ не менѣе, въ виду крайней обременительности налоговъ, парламенты постоянно обнаруживали стремленіе подчинить своему контролю финансовое управленіе.

Попытки эти, на почвѣ средневѣковыхъ правъ, представляли большія трудности. Король считался и являлся на дѣлѣ высшимъ правителемъ страны; онъ обращался въ важныхъ случаяхъ къ парламенту, за субсидіями. Послѣдній могъ отказать въ нихъ; но, разъ согласившись на „помощь", онъ не имѣлъ средствъ слѣдить за ея употребленіемъ, не вторгаясь въ личныя дѣла короля, тѣмъ болѣе, что въ средніе вѣка ни доходы, ни расходы на содержаніе двора, съ одной, и государственное управленіе, съ другой стороны, не были точно раздѣлены. Поэтому и попытки парламентовъ въ этомъ направленіи могли (первоначально, по крайней мѣрѣ) имѣть значеніе фактическихъ вторженій въ неподлежавшую имъ область,—попытки, увѣнчивавшіяся успѣхомъ при короляхъ слабыхъ или въ минуту сильнаго народнаго возбужденія, но терпѣвшія неудачу при короляхъ сильныхъ. Тѣмъ не менѣе, попытки удачныя составляли „прецеденты"; прецедентами опредѣлялись принципы и пути будущаго развитія парламентскаго права.

Мѣры парламентовъ естественно опредѣлялись тѣми поводами къ неудовольствію, которое возбуждалось въ нихъ королевскою администраціею. Ближайшимъ изъ такихъ поводовъ была предполагаемая расточительность самого двора. Поводъ этотъ, судя по свѣдѣніямъ о расходахъ на содержаніе двора, не имѣлъ твердаго основанія. Среднимъ числомъ, на этотъ предметъ издерживалось отъ 12 до 15 тысячъ ф., что̀ составляло $^1/_5$ обыкновенныхъ доходовъ короны. Но „расточительность двора" была предметомъ общихъ толковъ, во-первыхъ, потому, что парламенту не были извѣстны отчеты по управленію; во-вторыхъ, потому, что въ связи съ содержаніемъ двора находились ненавистныя purveyances, и, въ-третьихъ, потому, что „расточительность" иныхъ королей обнаруживалась относительно любимцевъ, получавшихъ щедрыя награжденія изъ королевскихъ доменовъ и казны. Парламентъ въ разное время, особенно при Эдуардѣ II и Ричардѣ II, пытался поставить придворное управленіе подъ свой контроль, подчинивъ это управленіе лицамъ, назначеннымъ парламентомъ. Но эти попытки не привели къ прочному результату. При самомъ Ричардѣ II плачевная исторія съ Гекси [1]) ясно показала, что въ этомъ направленіи власть парламента не можетъ пока развиться.

Но если парламентъ не имѣлъ успѣха въ контролѣ надъ „обыкновенными" доходами и расходами короля, то съ нѣсколько бо̀льшимъ успѣхомъ требовалъ онъ контроля по употребленію субсидій и отчета въ израсходованныхъ суммахъ, имъ данныхъ; контроль въ сборѣ и употребленіи субсидій проявлялся въ двоякой формѣ. Во-первыхъ, назначивъ субсидіи, парламентъ нерѣдко назначалъ и лицъ для ихъ сбора и храненія; бывали, какъ мы видѣли, случаи назначенія *казначеевъ* парламентомъ [2]). Во-вторыхъ, парламентъ, назначая субсидіи, прямо опредѣлялъ, на какіе предметы и для какой цѣли онѣ должны быть израсходованы. Въ этой практикѣ виденъ уже зародышъ того, что̀ впослѣдствіи получило названіе approriation bill, хотя это важное средство финансовой власти парламента проявлялось еще въ зачаточной формѣ [3]). Но всѣ эти средства были

---

[1]) См. стр. 153.

[2]) Назначеніе лондонскихъ купцовъ Вильяма Вальворта и Джона Филипота при Ричардѣ II.

[3]) Изъ многихъ случаевъ спеціализированія субсидій можно привести постановленіе парламента 1353 года, въ силу котораго всѣ субсидіи должно было употребить исключительно на войну. Въ 1390 году пошлину на *шерсть* постановлено было расходовать въ извѣстной пропорціи, частью на личныя потребности короля, частью на войну. Именно изъ 40 марокъ съ мѣшка шерсти, 10 опредѣлялось въ пользу короля (in praesenti regis usibus), а 30 велѣно было хранить у казначеевъ, назна-

недостаточны безъ систематическаго участія парламента въ ревизіи отчетовъ. Контроль надъ расходами, не смотря на усиленныя стремленія парламента, особенно палаты общинъ, является наиболѣе слабымъ и спорнымъ въ теченіе среднихъ вѣковъ.

За неимѣніемъ приведенныхъ въ систему средствъ нормальнаго контроля надъ администраціею, парламентъ прибѣгалъ къ воздѣйствію на самый *персоналъ* должностныхъ лицъ. Способы его въ этомъ отношеніи были различны. Во-первыхъ, мы видѣли, что какъ „парламенты бароновъ", такъ и парламенты съ участіемъ „общинъ", требовали, чтобы высшія должностныя лица назначались въ парламентѣ и съ его согласія; во-вторыхъ, должностныя лица обязывались особою присягою. Но попытки перваго рода не привели къ положительному результату, хотя бывали случаи, что должностныя лица удалялись королемъ по настоянію парламента. Такъ, въ 1371 году Эдуарду III была представлена петиція отъ „графовъ, бароновъ и общинъ", ходатайствовавшихъ о неназначеніи духовныхъ лицъ на высшія свѣтскія должности, особенно же должности канцлера и хранителя „малой печати" (of the privy seal). Король согласился на эту просьбу. Канцлеръ и казначей были смѣщены и должности ихъ даны Роберту Торпу и Ричарду ле-Скропу. Въ царствованіе Генриха IV можно указать нѣсколько случаевъ, когда король удалялъ отъ себя совѣтниковъ по настоянію парламента. Мы видѣли также, что въ исторіи Англіи бывали моменты, когда назначеніе должностныхъ лицъ сосредоточивалось въ рукахъ парламента. Но въ общемъ итогѣ подобное право не могло утвердиться за парламентомъ, какъ совершенно несогласное съ понятіемъ о королевской власти.

Еще меньшее значеніе могла имѣть особая присяга должностныхъ лицъ, какъ средство чисто нравственное. Наиболѣе дѣйствительнымъ оружіемъ въ рукахъ парламента было *обвиненіе министровъ*.

Нельзя, кажется намъ, съ увѣренностью установить параллель между палатою общинъ, вчинавшею обвиненіе, и *большимъ* (обвинительнымъ) жюри въ графствахъ, хотя Гнейстъ и Стёббсъ склоняются къ этому мнѣнію [1]). Можетъ быть, форма обвиненій, воз-

ченныхъ парламентомъ, и не расходовать иначе какъ на военныя надобности (nisi cum werrae necessitas instare videtur). Въ 1382 г. всѣ пошлины tunnage and poundage были даны королю съ тѣмъ, чтобы онѣ были употребляемы для цѣлей морской защиты (sur la salve garde de la meer, et nulle part aillours), и т. д. Стёббсъ, II, стр. 592 и слѣд. При Генрихѣ IV (въ 1405 г.) субсидіи были также назначены для защиты страны; лордъ Фурнивалъ и сэръ Пелгэмъ были избраны казначеями, приведены къ присягѣ и обязаны отчетностью передъ парламентомъ. Галламъ, ук. соч., III, стр. 272.

[1]) Гнейстъ. *Verfassungsgeschichte*, стр. 373, высказываетъ это мнѣніе въ формѣ

буждаемыхъ большимъ жюри, имѣла вліяніе на обвиненія, исходившія отъ палаты общинъ, но политическая цѣль и значеніе этихъ обвиненій отличаютъ ихъ отъ первыхъ.

Общины, какъ мы видѣли, прибѣгли къ этому средству въ 1376 г., когда обвиненіе было возбуждено противъ лордовъ Латимера, Невилля, Ричарда Лайонса и Алисы Перрерсъ. При Ричардѣ II подобныя обвиненія участились. Таково было обвиненіе ла-Поля (гр. Суффолька) въ 1386 г. и Симона Борлея съ товарищами въ 1388 г. Таковъ и процессъ Суффолька при Генрихѣ VI (1450 г.), вызванный неудовольствіями по поводу возмущенія въ Мэнѣ и Анжу и отпаденія Нормандіи [1]). Рядомъ съ обвиненіемъ (impeachment), возбуждаемымъ въ процессуальныхъ формахъ, появляется и другое, болѣе грозное средство,—обвиненіе посредствомъ билля of attainder, т.-е. закона ex post facto, коимъ обвиненный присуждался къ смерти и „порчи крови“ [2]). Замѣчательно, что сами короли первые сдѣлали употребленіе изъ этого оружія. Такъ, во время войны бѣлой и алой розъ, королева Маргарита, послѣ побѣды надъ іоркистами, добилась отъ парламента, созваннаго въ Ковентри (1459 г.), осужденія по силѣ attainder герцога іоркскаго и всѣхъ его ближайшихъ сторонниковъ. Къ тому же средству прибѣгалъ и Эдуардъ IV, даже противъ собственнаго брата [3]).

V. Вооруженный правомъ согласія на субсидіи и отказа въ нихъ, парламентъ имѣлъ твердую точку опоры для расширенія своихъ правъ на другія дѣла. Затѣмъ, не смотря на недостаточность тогдашнихъ средствъ для контроля надъ государственнымъ хозяйствомъ и управленіемъ, вліяніе парламентовъ было, однако, настолько велико, что развитію ихъ правъ въ иныхъ отношеніяхъ и другими средствами открылась довольно широкая дорога.

Парламентъ пользовался своимъ вліяніемъ: 1) для устраненія

рѣшительной. „Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ communitas въ графствахъ возбуждаетъ свои presentments въ качествѣ публичныхъ обвиненій, какъ съ Эдуарда III graund inquest дѣлается законнымъ органомъ обвиненій, такъ и за communitates, собранными въ парламентѣ, не могло быть отрицаемо право обвиненія“.

Стёббсъ, II, стр. 589, высказываетъ эту мысль въ видѣ сравненія. По поводу дѣятельности палаты общинъ въ дѣлѣ лордовъ Латимера, Невилля и др. (1376 г.) онъ говоритъ: „какъ великое жюри націи, какъ присяжные recognitors народныхъ правъ и обидъ“ и т. д.

[1]) Разборъ этого процесса у Стёббса, III, стр. 144 и слѣд.

[2]) „Порча крови“ влекла за собою лишеніе правъ не только осужденнаго, но и его потомства. Поэтому имущество подвергшагося этому приговору конфисковалось.

[3]) По дѣлу герцога Кларанскаго самъ Эдуардъ IV, въ парламентѣ, созванномъ въ 1478 г., явился обвинителемъ; „общины“ одобрили билль.

злоупотребленій въ разныхъ частяхъ управленія и суда; 2) для расширенія своего участія въ законодательствѣ.

1. Важнѣйшимъ способомъ устраненія злоупотребленій въ управленіи являлись *жалобы* (gravamina) и *петиціи*, представляемыя королю. Мы видѣли, что, при открытіи парламента, король назначалъ особый комитетъ изъ судей, прелатовъ и бароновъ, для принятія и разсмотрѣнія жалобъ и петицій; сверхъ того, петиціи представлялись и ему лично, такъ какъ въ тѣ времена король часто присутствовалъ въ засѣданіяхъ верхней палаты. Судьба жалобъ и петицій въ принципѣ зависѣла, конечно, отъ воли короля. Но парламентъ воспользовался своими правами по назначенію субсидій для того, чтобы обезпечивать успѣхъ своимъ представленіямъ. Именно, онъ пытался поставить назначеніе субсидій въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія его петицій. Къ этой же мѣрѣ прибѣгали многіе „земскіе чины“ на континентѣ Европы. Въ принципѣ этотъ пріемъ былъ неконституціоненъ [1]). Не смотря на это, бывали примѣры, когда парламенты добивались разныхъ уступокъ въ обмѣнъ на субсидіи [2]).

2. Участіе парламента въ законодательствѣ выражалось въ двоякомъ отношеніи: а) въ томъ, что извѣстныя постановленія общаго значенія не могли быть изданы безъ *согласія* парламента, и б) въ томъ, что парламентъ къ концу этого періода пріобрѣлъ право законодательной *инициативы*.

а) При отсутствіи въ то время строгаго различія между предметами распорядительной и законодательной власти, различіе между *распоряженіями* (ordinances), издаваемыми королемъ въ совѣтѣ, и *статутами*, издаваемыми королемъ по совѣту и съ согласія (by the advice and assent) парламента, было еще довольно шатко. Но *формальное* различіе между тѣми и другими актами, въ особенности съ

---

[1]) При Ричардѣ II судьи, въ извѣстномъ отвѣтѣ своемъ королю (см. стр. 154), подвели этотъ пріемъ подъ понятіе государственной измѣны. Конечно, этотъ отвѣтъ не можетъ имѣть значенія безспорнаго прецедента. Но и при Генрихѣ IV этотъ пріемъ разсматривался какъ несогласный съ парламентскими обычаями, такъ какъ отвѣтъ короля давался въ послѣдній день сессіи, по окончаніи всѣхъ дѣлъ. Впрочемъ, при Генрихѣ IV рѣчь шла о томъ, чтобы возвести этотъ пріемъ на степень общаго *правила*, т.-е., чтобы король сообщалъ свой отвѣтъ на петиціи, прежде чѣмъ общины приступятъ къ вотированію субсидій. Король, по совѣщаніи съ лордами, отказалъ общинамъ.

[2]) Не говоря о болѣе отдаленныхъ временахъ, значеніе такихъ do ut des признается оффиціально. Такъ, „подтвержденіе хартій“ въ 1297 г. было дано за субсидію въ размѣрѣ $^1/_5$ движимыхъ имуществъ. Впослѣдствіи *обѣщаніе* субсидій прямо вносится въ петицію, какъ условіе выполненія желаній общинъ. Другіе примѣры — см. Гнейстъ, стр. 369, прим. 2 b.

царствованія Эдуарда III, установилось твердо. Въ общемъ понятіи, подъ именемъ статута разумѣлся (какъ и теперь разумѣется) законъ или какое либо измѣненіе въ законѣ, совершенные королемъ въ парламентѣ, внесенные въ книги статутовъ (statute roll) и не подлежащіе отмѣнѣ или пріостановкѣ въ своемъ дѣйствіи иначе, какъ съ согласія парламента. Напротивъ, распоряженіе (ordinance) есть односторонній актъ королевской воли, для котораго не требуется согласія парламента; онъ исходитъ отъ короля, по совѣщаніи съ его совѣтомъ, и обнародуется въ видѣ letters patent или хартій. Распоряженіе можетъ быть во всякое время измѣнено или отмѣнено королемъ.

Но формальное различіе между статутомъ и распоряженіемъ не устраняло условій смѣшенія ихъ относительно предметовъ, подлежащихъ рѣшенію въ законодательномъ порядкѣ, съ одной, и въ исполнительномъ, съ другой стороны. Это обстоятельство являлось поводомъ парламентской борьбы. Постановленія закона 1322 года [1]) были составлены въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, чтобы устранить всякіе поводы къ столкновенію. Но, въ теченіе разсматриваемаго періода, сами короли могли осуществлять важнѣйшія законодательныя мѣры только съ согласія парламента, въ силѣ котораго они искали для себя поддержки; съ другой стороны, палаты, для лучшаго обезпеченія петицій, получившихъ королевское согласіе, просили объ обращеніи ихъ въ статутъ.

Предложенія, вносившіяся отъ короля, и петиціи, являвшіяся основаніемъ издаваемыхъ законовъ,—таковы два главные источника статутовъ. Для юридической силы ихъ необходимо было согласіе парламента и утвержденіе короля, пользовавшагося, въ то время, не только de jure, но и de facto, правомъ абсолютнаго veto. Признаніе этого принципа выражалось и во вступительной формулѣ статутовъ, которою объявлялось, что король установилъ законъ „съ согласія прелатовъ, герцоговъ, графовъ, бароновъ и по настоянію и особому ходатайству общинъ“ или „по совѣту лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и по прошенію общинъ“. Въ этой формулѣ еще проявляется различіе между лордами, по старому обычаю являющимися высшимъ законодательнымъ совѣтомъ короля, и общинами, выступающими въ роли ходатаевъ и просителей. Но съ Генриха VI вводится въ употребленіе болѣе общая формула, указывающая, съ одной стороны, на равенство палатъ, а съ другой—на возросшее значеніе парламента, именно by the authority of parliament [2]).

---

[1]) См. стр. 137.

[2]) Выраженіе это явилось съ 11-го года царствованія Генриха VI. Полная формула, на старомъ французскомъ языкѣ, была составлена въ слѣдующихъ выраже-

Впрочемъ, не смотря на установленіе такого формальнаго различія между статутомъ и распоряженіемъ, короли съ трудомъ отказывались отъ проявленія своей законодательной власти мимо парламента и статутовъ. Бывали (хотя и рѣдко) случаи *отмѣны* статутовъ; чаще бывали случаи пріостановки дѣйствія статутовъ (суспенсивная власть) или изъятія разныхъ лицъ или категорій лицъ (диспенсивная или разрѣшительная власть) отъ дѣйствія общихъ законовъ. Но, не смотря на стремленіе парламентовъ ограничить такую прерогативу, эти важные вопросы получили разрѣшеніе только въ эпоху Стюартовъ.

3) *Петиціи*, какъ мы видѣли выше, были важнымъ матеріаломъ для законодательной власти, отправляемой королемъ въ парламентѣ, но чрезъ нихъ не установлялось еще право *законодательной инціативы* для общинъ. По распоряженію и съ согласія короля въ списки статутовъ записывались только тѣ части петицій или тѣ желанія общинъ, которыя волею короля обращались въ законъ. Редакція статутовъ возлагалась на судей и клэрковъ, которые нерѣдко (умышленно или неумышленно) заносили въ статуты не то, что содержалось въ петиціяхъ. Можетъ быть, причиною этому являлось слабое образованіе общинъ, вслѣдствіе чего онѣ не всегда ясно могли выразить свои желанія; въ другихъ случаяхъ, судьи и клэрки, можетъ быть, пользовались темнотою общинъ и составляли статуты несогласно съ ихъ петиціями. Во всякомъ случаѣ, такая процедура вызывала постоянныя жалобы общинъ.

Хотя органическія мѣры къ устраненію подобныхъ злоупотребленій относятся къ эпохѣ ланкастерской династіи, но попытки общинъ оградить свои интересы являются гораздо раньше [1]). Въ періодъ ланкастерскій требованія ихъ дѣлаются настойчивѣе и послѣдовательнѣе. При Генрихѣ IV онѣ ходатайствовали предъ королемъ, чтобы при внесеніи утвержденныхъ петицій въ книгу статутовъ присутствовало нѣсколько коммонеровъ. Король согласился на это ходатайство, которое, впрочемъ, не привело къ желанному результату. Поэтому, при Генрихѣ V общины ходатайствовали, чтобы никакой статутъ не вносился въ roll съ добавленіями или пропусками, несогласными со смысломъ ихъ петицій, представленныхъ королю чрезъ ихъ спикера [2]).

ніяхъ: nostre seignur le Roi... de ladvis et assent de les Seignurs espirituelx et temporelx et de sez Communez esteantz en son dit Parlement et par auctorite de mesme le Parlement, fist ordeigner et establier.

[1]) Стеббсъ, II, стр. 602 и слѣд.

[2]) „Покорныя и вѣрныя" общины умоляли короля обратить вниманіе, что онѣ всегда пользовались нижеслѣдующими привилегіями: что ни одинъ статутъ или за-

Въ этой петиціи важенъ ея мотивъ. Общины настаивали на томъ, что по дѣламъ законодательнымъ онѣ являются какъ *просителями*, такъ и стороною *соглашающеюся*, т.-е. дающею свое согласіе па статутъ. Поэтому всякое измѣненіе петиціи безъ согласія общинъ противорѣчитъ привилегіи палаты. Король отвѣчалъ, что никакого закона не будетъ издаваемо безъ согласія общинъ, но что онъ оставляетъ за собою королевское право соглашаться на ихъ представленія или отвергать ихъ.

Послѣдствія этого рѣшенія были весьма важны. Въ немъ содержалось правило, въ силу котораго королю предоставляется право соглашаться на петиціи или отвергать ихъ, но не измѣнять; другими словами, король могъ утвердить петицію или отвергнуть ее, но въ *полномъ ея объемѣ и содержаніи*. Чрезъ это петиціи получали значеніе *законопроектовъ*, а общины получили право настоящей *инициативы*.

Оставалось сдѣлать еще одинъ выводъ изъ этого принципа. Если петиція, по значенію своему, является законопроектомъ, то она и должна быть составлена въ видѣ готоваго проекта закона. Сдѣлать этотъ выводъ было необходимо потому, что петиціи, представляемыя общинами, по редакціи своей, обыкновенно не удовлетворяли законодательному стилю и расположенію частей, вслѣдствіе чего судьи и клэрки, редактировавшіе статуты, часто противъ своего желанія, невѣрно передавали мысль петиціи.

Ради устраненія этого неудобства, при Генрихѣ VI было узаконено, что петиціи должны быть вносимы въ видѣ готовыхъ *биллей* (bills), т.-е. законопроектовъ. Введеніе (съ Ричарда III) англійскаго языка въ парламентское дѣлопроизводство облегчило „общинамъ", обыкновенно нетвердымъ въ языкѣ французскомъ, возможность составленія такихъ биллей.

VI. Благодаря развитію указанныхъ выше правъ, парламентъ получилъ значеніе высшаго совѣта въ королевствѣ, постановленія котораго имѣютъ силу актовъ верховной государственной власти. Но

конъ не были изданы безъ ихъ согласія; что общины королевства, всегда бывшія частью королевскаго парламента, желаютъ и просятъ, чтобы отнынѣ, по жалобамъ общинъ, умоляющихъ объ исправленіи какого либо злоупотребленія, устами спикера или письменною петиціею, не было установляемо ни закона, ни статута, ни записываемо какихъ либо актовъ, измѣняющихъ букву или смыслъ того, о чемъ общины просили устами спикера или письменно, безъ согласія общинъ. При этомъ общины обращали вниманіе короля, что онѣ не имѣютъ намѣренія, ходатайствуя— самое большее—о двухъ или трехъ предметахъ, причинить какой либо ущербъ независимости высокой прерогативы короля, отъ котораго всегда будетъ зависѣть согласиться на угодное ему и отказать въ остальномъ.

значеніе парламента, какъ высшаго совѣта страны, опредѣлялось его тѣсною связью съ властью короля; послѣдній являлся „главою, началомъ и концомъ“ парламента; отъ него зависѣло его созваніе; онъ распускалъ его; ему же принадлежало и утвержденіе парламентскихъ актовъ. Поэтому фактическое значеніе парламента, не смотря на существованіе нѣкоторыхъ общихъ правилъ, обусловливалось силою королевской власти, имѣвшей неодинаковое значеніе не только въ разныя царствованія, но и въ отдѣльные моменты одного и того же царствованія.

Отъ короля зависѣло *созваніе* парламента, равно какъ опредѣленіе мѣста и времени его собранія. Нельзя сказать, чтобы король былъ связанъ въ этомъ отношеніи какими либо общими правилами, которыя имѣли бы практическое значеніе. По старому обычаю, парламенты (и преимущественно парламентъ бароновъ) созывались три раза въ годъ [1]). Но старые парламенты, имѣвшіе по преимуществу судебное значеніе, не могли служить образцомъ для парламентовъ, получившихъ важное *политическое* значеніе и созваніе которыхъ не всегда было желательно королямъ. Съ царствованія Эдуарда III парламенты настаиваютъ на томъ, чтобы ихъ созывали ежегодно. Такъ, въ 1330 году (3-й годъ царствованія Эдуарда III) было постановлено, что парламентъ долженъ быть созываемъ разъ въ годъ и чаще, если это будетъ нужно [2]). Послѣднее выраженіе („если это будетъ нужно“) подало поводъ къ очень тонкому, но невѣрному толкованію. Относя эти слова ко *всему* постановленію, королевскіе юристы толковали его въ томъ смыслѣ, что король созываетъ парламентъ, когда онъ сочтетъ это нужнымъ. Это удобное для королевской власти толкованіе получило практическое значеніе, не смотря на то, что парламенты настаивали на прямомъ смыслѣ правила 1330 года. При самомъ Эдуардѣ III оно было подтверждено въ 1362 г., но безъ особеннаго успѣха, такъ какъ въ 1364, 1367 и 1370 годахъ, равно какъ между 1373 и 1376 годами, король не созывалъ парламента. Въ первый годъ царствованія Ричарда II, общины въ своей петиціи ходатайствовали о томъ же предметѣ [3]). Королевскій отвѣтъ заключалъ въ себѣ обѣщаніе соблюдать статуты, предоставляя королю выборъ мѣста для собранія парламента. Но и при Ричардѣ бывали годы, прохо-

---

[1]) Постановленіемъ Оксфордскихъ провизій 1258 года, утверждены были обычные сроки: 6 октября, 3 февраля и 1 іюня.

[2]) Правило это впервые было установлено „распорядительными лордами“ въ 1311 г.; но „ординансы“ были, какъ мы знаемъ, отмѣнены въ 1322 году.

[3]) Que plaise à nostre dit seigneur de tenir parlement une foitz par an meynz (au moins) et ceo en lieu convenable.

дившіе безъ созыванія парламента [1]). При короляхъ ланкастерскихъ парламенты созывались регулярнѣе, поскольку это позволяли бѣдствія междоусобій, частыхъ въ царствованіе Генриха VI [2]). Наконецъ, Эдуардъ IV, въ теченіе 22-лѣтняго царствованія, созывалъ парламентъ всего 6 разъ, предвозвѣщая, такимъ образомъ, политику Тюдоровъ.

Созывая парламентъ, король посылалъ призывныя письма (summons) къ прелатамъ и баронамъ и призывныя грамоты на имя шерифовъ, повелѣвая имъ произвести выборы представителей отъ графствъ и городовъ. Выборы производились на каждый парламентъ отдѣльно. Поэтому сила депутатскихъ полномочій исчерпывалась одною сессіею, въ отличіе отъ нынѣшняго порядка, по которому полномочія даются депутатамъ на *семь* лѣтъ.

Призывныя письма и грамоты разсылались изъ королевской канцеляріи заблаговременно, обыкновенно за 40 дней до дня, назначеннаго для собранія [3]). За нѣсколькими исключеніями, это правило вообще соблюдалось и признано было обязательнымъ въ царствованіе Елисаветы. Въ грамотахъ обозначалось и *мѣсто* собранія парламента—ad certum locum, какъ говорилось въ Великой Хартіи. Но выборъ мѣста принадлежалъ королю, который соображался при этомъ съ удобствами политическими, военными и друг. Обыкновеннымъ мѣстомъ собранія парламента былъ Вестминстеръ, какъ обыкновенное мѣсто пребыванія государственныхъ установленій. Здѣсь находилось и великолѣпное зданіе, назначенное для собранія палатъ [4]). Но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, парламентъ былъ созываемъ въ другіе города. Чаще другихъ мѣстъ въ этомъ отношеніи упоминается Іоркъ; затѣмъ слѣдовали Нортгемптонъ, Линкольнъ, Винчестеръ, Салисбери и друг.

Съ того времени, какъ установилось правило, что парламентъ долженъ быть созываемъ вообще разъ въ годъ, старые „парламентскіе дни" утратили свое значеніе. Поэтому выборъ и назначеніе дня открытія сессіи принадлежалъ королю въ его совѣтѣ. Въ виду того, что самостоятельное значеніе парламента бароновъ и прелатовъ не утратилось, послѣдній нерѣдко созывался прежде полнаго

---

[1]) 1387, 1389, 1392 и 1396 гг.

[2]) При Генрихѣ VI парламентъ не созывался въ 1440 и 1441, 1443 и 1444 гг. Парламентъ 1445 года былъ отсроченъ на 1446 г. Парламентскихъ сессій не было въ 1448, 1452, 1457 и 1458 гг. Стёбсъ, III, стр. 380 и слѣд.

[3]) Сорокадневный срокъ былъ опредѣленъ еще въ Великой Хартіи, ст. 14: et praeterea faciemus summoneri ...ad certum diem, scilicet ad terminum *quadraginta dierum ad minus*, et ad certum locum.

[4]) Къ сожалѣнію, этотъ величественный памятникъ старины сгорѣлъ въ 1834 г.

парламента для предварительныхъ совѣщаній съ королемъ. Практика эта не исчезла даже при короляхъ ланкастерскихъ. Такъ, вопросъ о знаменитой французской экспедиціи Генриха V былъ предварительно обсужденъ въ собраніи магнатовъ и затѣмъ переданъ парламенту.

Порядокъ открытія парламента, формы парламентскаго дѣлопроизводства, и т. д. въ главныхъ своихъ чертахъ сходны съ позднѣйшими, хотя и представляютъ многія особенности [1]). Мы возвратимся къ нимъ въ догматической части, при разсмотрѣніи парламентскихъ обрядовъ. Здѣсь мы остановимся на главнѣйшихъ вопросахъ, касающихся взаимнаго отношенія палатъ и ихъ особенныхъ привилегій.

VII. Общины, какъ мы видѣли выше, довольно долгое время не были необходимою, интегральною частью парламента. Commune consilium прелатовъ и бароновъ является основою парламента; ихъ „совѣтъ и согласіе" были достаточны для важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Представители отъ городовъ и графствъ призываются въ *составъ* большого совѣта по вопросамъ спеціальнымъ, особенно же денежнымъ. Цѣлое почти столѣтіе проходитъ прежде, чѣмъ они образовали особую палату со своимъ спикеромъ. И до, и послѣ этого роль ихъ не была значительна, хотя о положеніи ихъ, конечно, нельзя судить по выраженіямъ ихъ петицій. Изъ того, что онѣ называютъ себя „покорными и бѣдными" общинами и умоляютъ короля „ради Бога и милосердія" [2]), никакъ нельзя заключить, чтобы положеніе общинъ соотвѣтствовало этой средневѣковой вѣжливости. Иныя грозныя петиціи общинъ, преисполнены выраженій pauvres communes и pour l'amour de Dieu, что нисколько не умаляетъ силы ихъ заявленій и требованій. Не больше можно судить объ этомъ положеніи и по лестнымъ эпитетамъ, даваемымъ общи-

---

[1]) Относительно порядка образованія парламента въ средніе вѣка и обрядовъ производства дѣлъ, имѣется любопытный документъ половины XIV вѣка подъ названіемъ „Modus tenendi Parliamenti". Къ сожалѣнію, онъ выражаетъ теоретическіе взгляды неизвѣстнаго автора, который стремится подкрѣпить ихъ ссылкою на древность. Такъ, описаніе его начинается съ увѣренія, что этотъ „modus" соблюдался при Эдуардѣ Исповѣдникѣ и, затѣмъ, при Вильгельмѣ Завоевателѣ. Между тѣмъ онъ воспроизводитъ составъ парламента въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ концѣ XIII вѣка. Ср. *Select Charters*, стр. 502—513. Короткое, но точное описаніе въ сочиненіи Т. Смита, *Angliae Descriptio*. Смитъ умеръ въ 1577 году. Болѣе подробный очеркъ у Стёббса, III, стр. 374 и слѣд. Для *выборовъ* см. Riess, *Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter*, 1884.

[2]) Vos humbles pauvres communes prient et supplient pour Dieu et en oeuvre de charité.

намъ при Ричардѣ II: „мудрыя, достопочтенныя, достойныя и разсудительныя общины“. Если эти эпитеты и давались коммонерамъ, то никакъ не потому, что общины сознали свою силу. При томъ же Ричардѣ II онѣ просятъ прислать къ нимъ лорда для наставленія, ради ихъ немощности [1]). Нерѣдко бароны и прелаты командировались изъ верхней палаты для „вразумленія“ коммонеровъ, по просьбѣ послѣднихъ.

Но подъ этими внѣшними формами крылась дѣйствительная сила, ясное пониманіе своихъ интересовъ и привычка къ медленному, но настойчивому достиженію своихъ цѣлей. Общины, „pour Dieu et en oeuvre de charité“ ходатайствуя предъ королемъ объ устраненіи какого либо злоупотребленія, обнаруживали большую настойчивость въ своихъ прошеніяхъ, не смотря на отказы короля. Послѣдніе выражались извѣстною французскою формулою „le roy s'advisera“, т.-е. король „посовѣтуется“. Общины, говоритъ Глассонъ, принимали эту формулу буквально и, предполагая, что король „посовѣтовался“, возобновляли свое ходатайство въ слѣдующую сессію.

Настойчивость, проявляемая ими во всѣхъ дѣйствіяхъ, помогла имъ завоевать себѣ равное съ баронами и прелатами положеніе, въ томъ отношеніи, что ихъ „согласіе“ было признано необходимымъ для *всѣхъ* законодательныхъ дѣлъ, обсуждавшихся въ парламентѣ [2]). Вслѣдствіе этого и въ summons, коими призывались выборные отъ общинъ, указывались столь же общіе мотивы созванія парламента, какъ и въ summons баронамъ и прелатамъ.

Самымъ, однако, важнымъ пріобрѣтеніемъ общинъ, въ этомъ направленіи, было право первенства въ вотированіи субсидій и свобода въ обсужденіи ихъ размѣра и назначенія. Съ видоизмѣненіемъ системы субсидій, сборовъ и пошлинъ [3]), палата общинъ сдѣлалась представительницею тѣхъ классовъ общества, на которыхъ по преимуществу лежали финансовыя тягости. Первенствующая роль общинъ въ назначеніи субсидій предопредѣлялась общими условіями экономическаго развитія и государственнаго хозяйства Англіи. Но рѣшительное признаніе этого первенства произошло при ланкастерской династіи, когда вообще значеніе парламентовъ усилилось до войны бѣлой и алой розъ.

---

[1]) le feblesce de leurs pouairs et sens.

[2]) Участіе общинъ по всѣмъ вопросамъ, для разрѣшенія коихъ созывался парламентъ, утверждается еще при Эдуардѣ III. Но при Ричардѣ II была объявлена королевская воля, что „совѣтъ и согласіе“ общинъ должны быть испрашиваемы по всѣмъ статутамъ, какъ денежнымъ, такъ и другимъ.

[3]) См. стр. 227 и слѣд.

Этотъ моментъ въ исторіи нижней палаты настолько важенъ, что мы остановимся на нѣкоторыхъ его подробностяхъ [1]).

Въ девятый годъ царствованія Генриха IV (1407) въ парламентѣ, собранномъ въ Глочестерѣ, король совѣщался съ прелатами и свѣтскими лордами относительно средствъ на веденіе войны. Лорды духовные и свѣтскіе отвѣчали, что, принимая во вниманіе, съ одной стороны, нужды короля, а съ другой, бѣдность его народа, слѣдуетъ назначить 10-ую часть съ движимости горожанъ и 15-ую со всѣхъ прочихъ свѣтскихъ подданныхъ; что, сверхъ того, слѣдуетъ взимать субсидіи съ шерсти, шкуръ и кожъ [2]), а также обычный сборъ съ каждой тонны вина (tunnage) и вѣсовыя съ прочихъ товаровъ (poundage) въ теченіе двухъ лѣтъ.

Выслушавъ это мнѣніе, король велѣлъ отправить посланнаго къ „общинамъ", дабы онѣ прислали нѣсколькихъ уполномоченныхъ для выслушанія постановленнаго въ совѣтѣ и передачи королевскаго рѣшенія товарищамъ. Общины прислали 12 лицъ, коимъ поручено было передать нижней палатѣ объ отвѣтѣ, данномъ королю лордами, дабы палата обдумала средства выполнить, какъ можно скорѣе, намѣренія означенныхъ лордовъ.

Общины, получивъ такое извѣстіе, были сильно встревожены, говоря и утверждая, что такая мѣра противна ихъ вольностямъ. Предметы ихъ „тревоги" будутъ ясны изъ слѣдующаго рѣшенія короля, удовлетворившаго ходатайства общинъ:

1) Что лорды будутъ имѣть право, какъ въ этомъ парламентѣ, такъ и во всѣхъ будущихъ, обсуждать вмѣстѣ, *въ отсутствіи короля*, о положеніи королевства и способахъ, въ коихъ оно нуждается.

Изъ этого видно, что общины были „встревожены" тѣмъ, что вопросъ о субсидіяхъ и положеніи королевства обсуждался лордами въ присутствіи короля, который, по старому обычаю, присутствовалъ въ палатѣ лордовъ. Постановленіе 1407 года не отмѣнило, по мнѣнію Галлама, этого обычая вообще, ибо оно имѣло въ виду, главнымъ образомъ, обсужденіе *субсидій*.

2) Что общины, съ своей стороны, будутъ имѣть право обсуждать означенное положеніе и средства, необходимыя для его исправленія.

3) Но ни лордамъ, ни общинамъ не дозволяется извѣщать короля о субсидіяхъ, *назначенныхъ* общинами съ *согласія* лордовъ, и дѣ-

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ предметѣ см. у Галлама, ук. соч., стр. 300 и слѣд., который приводитъ in extenso и относящееся сюда мѣсто парламентскихъ протоколовъ. Краткій разсказъ у Стёббса, III, стр. 61 и слѣд.

[2]) См. стр. 228 и слѣд.

лать представленія по поводу этихъ назначеній, прежде чѣмъ лорды и общины не прійдутъ къ полному соглашенію по означенному предмету, и не иначе, какъ чрезъ спикера палаты общинъ [1]) по обычаю, „дабы названные лорды и общины могли получить желаемое отъ короля“ [2]).

Такимъ образомъ, обѣ палаты получили право свободнаго обсужденія положенія королевства и средствъ къ вспомоществованію королю, т.-е. субсидій; во-вторыхъ, послѣднія должны быть *назначаемы* общинами, *съ согласія* лордовъ; поэтому, иниціатива въ опредѣленіи субсидій сосредоточилась въ рукахъ нижней палаты.

VIII. Призываемый къ вотированію субсидій, къ участію въ законодательствѣ, къ контролю надъ управленіемъ, парламентъ не могъ бы выполнять лежащихъ на немъ обязанностей и пользоваться общими своими правами, если бы для него и для отдѣльныхъ его членовъ не были созданы особенныя гарантіи, обезпечивающія свободу преній и неприкосновенность депутатовъ.

Эти важныя гарантіи установились для пэровъ, въ силу особенныхъ ихъ привилегій. Но и для членовъ нижней палаты подобныя привилегіи утверждались силою парламентской практики и настойчивостью палаты общинъ. Онѣ не были выражены въ общихъ правилахъ и не основывались на безспорныхъ законахъ. Въ началѣ каждой сессіи, вновь избранный спикеръ нижней палаты, отъ имени послѣдней, просилъ короля о подтвержденіи ея привилегій, между которыми свобода преній занимала первое мѣсто. Но „подтвержденія“ эти не всегда соотвѣтствовали тому, что̀ происходило на практикѣ.

Во-первыхъ, нижняя палата видѣла случаи арестованія своего *спикера*, а эта мѣра касалась одновременно и свободы преній, происходившихъ подъ руководствомъ спикера, и неприкосновенности депутатовъ, между которыми спикеръ занималъ первое мѣсто. Стёббсъ справедливо указываетъ, что важнѣйшіе случаи этого рода совершились подъ вліяніемъ борьбы партій. Но и при этихъ условіяхъ, подобные случаи въ исторіи Англіи были чрезвычайно рѣдки. Такъ, Петръ де-ла-Маръ, спикеръ общинъ въ „добромъ парламентѣ“ 1376 года [3]), былъ посаженъ въ тюрьму Джономъ Гаунтомъ, противъ партіи котораго онъ дѣйствовалъ. Онъ остался въ тюрьмѣ до смерти Эдуарда III и былъ выбранъ спикеромъ въ первомъ парламентѣ Ричарда II. Почти 80 лѣтъ прошло прежде, чѣмъ случай подобнаго

---

[1]) Или „устами скипера“, какъ выражаются технически (by the mouth of their speaker).

[2]) Avoir puissent leur gree.

[3]) См. стр. 140.

ареста повторился. Именно, въ 1453 году, спикеръ Томасъ Торпъ (Thorpe), горячій приверженецъ ланкастерской (царствовавшей) династіи [1]), былъ посаженъ въ тюрьму за оппозицію тогдашнему „протектору" впавшаго въ безуміе короля—герцогу Іоркскому. Парламентъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ удивительную уступчивость. Не смотря на благопріятное для палаты лордовъ заключеніе королевскаго суда, послѣдніе оставили Торпа въ тюрьмѣ; нижняя же палата поспѣшила исполнить повелѣніе короля—немедленно избрать другого спикера. Это происшествіе служило яснымъ симптомомъ приближавшейся междоусобной войны „двухъ розъ". Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, трудно указать на примѣры ареста спикера [2]).

Вопросъ о неприкосновенности *отдѣльныхъ* депутатовъ представлялъ двѣ стороны, которыя не всегда различаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ этому предмету. Во-первыхъ, члены парламента пользовались особенною защитою отъ частныхъ обидъ. Принципъ этотъ столь же старъ, какъ и англійскія учрежденія. Уже въ англосаксонскомъ законодательствѣ, лица, отправлявшіяся по обязанности въ королевскіе совѣты и въ народныя собранія, пользовались особою защитою короля. По закону Этельберта Кентскаго (600), когда король созываетъ къ себѣ свой народъ („leod") и одинъ причинитъ другому обиду, то обидчикъ обязанъ уплатить двойную пеню (a twofold „bot") и, сверхъ того, 50 шилл. королю [3]). Въ законахъ Канута постановлено: „я хочу, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ право на „миръ" [4]) въ народномъ собраніи (gemot) и отправляясь изъ собранія, развѣ онъ будетъ вѣдомый воръ" [5]). Это начало было воспринято и позднѣйшими законами. Постановленія, состоявшіяся при Генрихѣ IV и его внукѣ, сходны съ законами англо-саксонскими [6]).

Но иначе ставился вопросъ объ *арестѣ* членовъ палатъ по законнымъ поводамъ и обыкновенными властями, а равно о вызовѣ ихъ на судъ и къ исполненію обязанностей присяжныхъ. Вопросъ этотъ представлялъ двоякую важность: 1) съ точки зрѣнія государ-

---

[1]) Сверхъ того, онъ былъ барономъ казначейства.

[2]) Стёббсъ приводитъ, правда, третій случай, именно заключеніе въ тюрьму рыцаря Keighley, подавшаго Эдуарду I, въ 1301 г., петицію отъ имени всего парламента, собраннаго въ Линкольнѣ. Но этотъ рыцарь не былъ спикеромъ общинъ, въ то время еще не отдѣлившихся отъ лордовъ.

[3]) *Select Charters*, стр. 61.

[4]) Grith, спеціальный миръ, въ отличіе отъ общаго—frith.

[5]) Тамъ же, стр 74. Въ законахъ Эдуарда Исповѣдника постановлено: ad synodos venientibus, sive summoniti sint sive per se quid agendum habuerint, sit summa pax.

[6]) Привилегія эта была распространена и на прислугу членовъ обѣихъ палатъ.

ственной пользы, было неудобно отвлекать членовъ парламента отъ исполненія ихъ обязанностей; 2) арестъ членовъ парламента и вызовъ ихъ на судъ могли явиться сильнымъ политическимъ средствомъ для устраненія депутатовъ, почему либо непріятныхъ. Въ средніе вѣка этотъ вопросъ, несмотря на постановленія, издававшіяся по отдѣльнымъ (рѣдкимъ, впрочемъ) случаямъ, не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Мы возвратимся къ нему въ догматической части этого сочиненія.

Самымъ важнымъ изъ всѣхъ вопросовъ этого рода являлся, однако, вопросъ о *свободѣ преній* и заявленій, дѣлаемыхъ членами парламента при исполненіи ихъ обязанностей. Существо этой привилегіи, въ томъ видѣ, какъ она опредѣлена въ настоящее время, состоитъ въ томъ, что членъ палаты, за дѣйствія и рѣчи, совершаемыя и произносимыя имъ въ палатѣ, не отвѣтственъ предъ постороннею для палаты властью. Изъ средневѣковой исторіи Англіи извѣстны два случая, показывающіе, что этотъ принципъ не установился. Гекси при Ричардѣ II [1]) избѣгъ наказанія за сдѣланныя имъ въ палатѣ предложенія только какъ духовное лицо и благодаря заступничеству архіепископа. Но, при вступленіи на престолъ Генриха IV, Гекси подалъ „королю въ парламентѣ“ петицію, прося объ отмѣнѣ рѣшенія, противнаго правамъ и обычаямъ парламента. Король, съ согласія лордовъ, отмѣнилъ рѣшеніе. Вслѣдъ затѣмъ палата общинъ, отъ своего имени, представила подобную же петицію, прося объ отмѣнѣ рѣшенія по дѣлу Гекси, ради лучшаго огражденія свободы общинъ. Король утвердилъ петицію, и свобода рѣчи была, такимъ образомъ, признана парламентскимъ актомъ. Принципъ этотъ былъ, однако, нарушенъ чрезъ 50 лѣтъ. Въ 1451 году Томасъ Юнгъ сдѣлалъ въ палатѣ предложеніе, чтобы герцогъ Іоркскій былъ признанъ наслѣдникомъ престола въ виду того, что у короля не было (тогда) дѣтей. Онъ былъ взятъ, заключенъ въ Тоуэръ и подвергнутъ денежной пенѣ въ 1000 марокъ. Палата не усмотрѣла въ этомъ нарушенія своихъ привилегій и только чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда герцогъ Іоркскій былъ протекторомъ, Юнгъ рѣшился представить въ палату общинъ петицію, въ которой жаловался на принятую противъ него мѣру, нарушившую свободу слова, и просилъ общины доставить ему удовлетвореніе. Послѣднія препроводили петицію Юнга къ лордамъ, и король повелѣлъ, чтобы „лорды его совѣта постановили относительно челобитчика такое рѣшеніе и приняли такія мѣры, какія они, въ своемъ благоразумiи, сочтутъ приличными и справедливыми“. Такимъ образомъ, арестъ Юнга не

---

[1]) См. стр. 153.

былъ принятъ палатой въ видѣ нарушенія ея привилегій, и она не получила, въ цѣломъ своемъ составѣ, удовлетворенія. Во всякомъ случаѣ, давленіе на парламентскія пренія со стороны короны въ теченіе этого періода были гораздо рѣже, чѣмъ при Тюдорахъ и Стюартахъ.

Вліянію короны, мѣстныхъ властей и партій открывалось большое поприще при *производствѣ выборовъ*. Въ этомъ отношеніи нельзя придавать значенія тому факту, что въ теченіе этого періода встрѣчается весьма немного жалобъ королю на неправильности, допущенныя при выборахъ отдѣльныхъ депутатовъ [1]). Въ періодъ, когда должность представителя, говоритъ Стёббсъ, разсматривалась скорѣе какъ тягость, чѣмъ какъ привилегія, неудивительно видѣть, что оспариваемые выборы порождаются скорѣе трудностью найти кандидатовъ, чѣмъ соперничествомъ между послѣдними.

Такъ, въ 1321 году мэръ Линкольна представлялъ, что изъ двухъ лицъ, избранныхъ депутатами, одно „не удостоиваетъ“ явиться въ парламентъ, и что избиратели не знаютъ, что̀ дѣлать (ne se deygne venir pur riens que nous savons faire). Наконецъ избиратели нашли и выбрали другое лицо.

Но если число случаевъ, въ коихъ полномочія отдѣльныхъ депутатовъ были оспариваемы, рѣдки, то многочисленны были жалобы парламентовъ на общія злоупотребленія, допускаемыя при выборахъ, особенно *шерифами*. Онѣ раздаются во всѣ царствованія—при Эдуардѣ III такъ же, какъ и при Ричардѣ II, при Ричардѣ такъ же, какъ и при ланкастерскихъ короляхъ. Онѣ вызываютъ и общія мѣры. Главнѣйшею изъ послѣднихъ является постановленіе Генриха IV [2]), въ силу котораго избраніе депутата удостовѣрялось самими избирателями, за ихъ печатями на особомъ протоколѣ, прилагавшемся къ указу о выборахъ. Означенный актъ долженъ былъ замѣнить return шерифа и имѣть его силу (returns on indentures). Такимъ образомъ, у шерифовъ легально отнималась возможность помѣщать въ своей return (протоколѣ о выборахъ) кого имъ угодно, замѣняя избранныхъ депутатовъ своими кандидатами, какъ это случалось. Но и эта мѣра не устраняла воздѣйствія шерифовъ и мѣстной знати на выборы, чрезъ пристрастныя приглашенія въ собраніе графствъ, давленіе на избирателей, подборъ лицъ, подписывавшихъ протоколы, такъ какъ они подписывались не всѣми, и т. д. [3]).

---

[1]) Галламъ, (ук. соч., II, стр. 311) насчитываетъ ихъ всего *шесть*; Стёббсъ (III, 421 и слѣд.) принимаетъ меньшее число.

[2]) 7 Генр. IV, гл. 15.

[3]) Число печатей на сохранившихся экземплярахъ indentures не превышаетъ 40. Въ 1407 г. indenture въ Кембриджѣ удостовѣрена 12 лицами, въ Гунтингтонѣ 8.

Палата не получила еще столь важнаго для нея впослѣдствіи права провѣрять полномочія депутатовъ и кассировать незаконно произведенные выборы. Жалобы на дѣйствія шерифовъ разсматривались первоначально въ казначействѣ; такъ въ 1319 году по поводу незаконныхъ дѣйствій шерифа въ Девонширѣ, онъ былъ призванъ къ отвѣту въ казначейство. Въ самомъ громкомъ изъ дѣлъ этого рода, жалоба, принесенная королю общинами, была разсмотрѣна палатою лордовъ [1]). Статутомъ 1410 года ассизные суды были уполномочены разслѣдовать дѣла этого рода и назначать 100 ф. штрафа съ виновныхъ шерифовъ. Такимъ образомъ, дѣла о неправильныхъ выборахъ подлежатъ королю, поручающему разсмотрѣніе ихъ лордамъ или судьямъ. Только при Елисаветѣ право провѣрки депутатскихъ полномочій утверждается за палатою общинъ [2])

IX. Въ теченіе среднихъ вѣковъ опредѣлились, такимъ образомъ, главныя черты парламентскаго устройства и тѣхъ правъ, которыя развились и сдѣлались неотъемлемою его принадлежностью впослѣдствіи. Общая формула парламентскаго управленія была готова, но окончательное его установленіе зависѣло отъ нѣкоторыхъ важныхъ условій, явившихся позже. Въ средніе вѣка парламентъ сложился въ видѣ учрежденія, *ограничивающаго* въ извѣстныхъ отношеніяхъ королевскую власть; согласіе его требовалось на изданіе статутовъ; онъ вотировалъ субсидіи; онъ, разными путями, имѣлъ возможность вступаться въ ходъ управленія. Но онъ не сдѣлался еще дѣйствительнымъ его центромъ. Эта послѣдняя цѣль могла быть достигнута чрезъ установленіе органической связи между органами власти испол-

---

Въ 1411 г. indenture въ Дербиширѣ удостовѣрена 6 лицами, съ прибавленіемъ словъ: „cum multis aliis de communitate". Въ 1414 г., въ Сомерсетширѣ 16 лицъ прикладываютъ печати „ex assensu totius communitatis". Изъ этого можно заключить, что рукоприкладчиками являлись не всѣ избиратели, а нѣкоторые, удостовѣрявшіе подлинность акта, хотя такое удостовѣреніе далеко не всегда было точно. Въ Іоркширѣ встрѣчается и другая особенность: „печати" прилагались обыкновенно атторнеями лордовъ мѣстныхъ „слободъ" (franchises). Стёббсъ, III, стр. 408 и слѣд.

[1]) Именно, въ 1404 собраніе графства Готландъ избрало депутатами Джона Пенсакса и Томаса Торпа. Шерифъ въ избирательномъ протоколѣ помѣстилъ, вмѣсто Торпа, нѣкоего Ондеби. Общины подали королю петицію, ходатайствуя о разсмотрѣніи дѣла и о „примѣрномъ наказаніи" виновнаго. Лорды вытребовали какъ шерифа, такъ и Торпа. Удостовѣрившись въ подлогѣ, они приказали внести въ протоколъ имя Торпа, шерифъ былъ наказанъ штрафомъ и смѣщенъ съ должности.

[2]) Вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о неправильныхъ выборахъ, есть, впрочемъ, вопросъ цѣлесообразности и удобства больше, чѣмъ вопросъ права. Нельзя признать общимъ правиломъ, что они *должны* подлежать палатѣ. Сама Англія въ послѣднее время возвратилась къ системѣ судебнаго разбирательства. Мы возвратимся къ этому предмету въ догматической части.

нительной и парламентомъ, чрезъ развитіе великихъ политическихъ партій, попеременно располагающихъ большинствомъ въ парламентѣ, и чрезъ утвержденіе того общаго конституціоннаго правила, что король отправляетъ свои права чрезъ должностныхъ лицъ, отвѣтственныхъ передъ палатами.

Всѣхъ этихъ условій не было въ средневѣковой Англіи. Король и его совѣтъ составляли дѣйствительный центръ управленія; ни совѣтъ королевскій, ни высшія должностныя лица не были соединены съ парламентомъ и отправляли свои обязанности независимо отъ него. Попытки парламента распространить свое вліяніе на эту область имѣли еще характеръ вторженій, не всегда конституціонныхъ въ принципѣ и совершаемыхъ при помощи чрезвычайныхъ, боевыхъ, такъ сказать, средствъ; отказъ въ субсидіяхъ, преслѣдованіе, удаленіе или казнь особенно ненавистныхъ лицъ, открытое возстаніе— таковы были способы добиться контроля надъ употребленіемъ субсидій, сокращенія расходовъ и исправленія многочисленныхъ злоупотребленій. Употребленіе этихъ средствъ, невозможное при нынѣшнихъ условіяхъ государственной жизни, не доказывало и дѣйствительной, органической, такъ сказать, силы парламента. Когда для достиженія не особенно значительной цѣли требуется чрезвычайное напряженіе національныхъ силъ, можно заключить, что народное представительство еще не пріобрѣло значенія правящей въ государствѣ силы. Поэтому и чрезвычайныя средства, къ коимъ прибѣгалъ парламентъ, были успѣшны при короляхъ слабыхъ, но оказывались безуспѣшными при правителяхъ сильныхъ.

Не видно въ средніе вѣка и организованныхъ политическихъ партій, руководящихся ясными и твердыми началами, съ своимъ знаменемъ и программой. Тогдашнія партіи группируются или вокругъ двора или знатныхъ фамилій, находящихся въ оппозиціи ко двору. Правда, въ борьбѣ партій разрѣшаются извѣстные конституціонные вопросы, но рѣшенія эти не дѣлаются окончательными, и часто плоды одержанной побѣды утрачиваются отъ перемѣны въ отношеніяхъ дѣйствующихъ силъ или отъ простой ссоры между предводителями партій. „Ланкастерскіе“ принципы едва не погибли въ исходѣ царствованія Ричарда II и только неблагоразумное поведеніе короля вызвало революцію, низложившую его съ престола. Они восторжествовали при двухъ первыхъ короляхъ новой династіи; но въ несчастное царствованіе Генриха VI всѣ пріобрѣтенія прежнихъ лѣтъ поколебались, и деспотизмъ Эдуарда IV открылъ дорогу абсолютизму Тюдоровъ.

Развитіе власти послѣднихъ будетъ, однако, непонятно, если мы не разсмотримъ основаній и орудій королевской власти, въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ средніе вѣка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КОРОЛЬ И ТАЙНЫЙ СОВѢТЪ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I. Опредѣленіе истиннаго положенія власти англійскаго короля въ теченіе среднихъ вѣковъ представляетъ большія трудности. Причина ихъ кроется въ обстоятельствѣ, которое, въ общемъ своемъ значеніи, составляетъ выгодную черту политической исторіи Англіи— именно, въ постепенности развитія ея учрежденій. Въ процессѣ такого постепеннаго развитія старое нерѣдко уживалось съ новымъ, и общая картина учрежденій была преисполнена аномалій, какихъ можно найти не мало и въ современной Англіи. Самая новизна утверждалась на „прецедентахъ“—авторитетѣ временъ давно прошедшихъ; но противъ этихъ прецедентовъ сторонники другого направленія всегда могли привести рядъ другихъ, свидѣтельствовавшихъ о началахъ противоположныхъ. Если учрежденія Англіи освящены авторитетомъ давности, то, съ другой стороны, по справедливому замѣчанію Маколея, источники свѣдѣній, касающіеся древней исторіи Англіи, отравлены духомъ партій, по необходимости ищущихъ въ этой исторіи подтвержденія своихъ принциповъ.

„Французъ, говоритъ Маколей, не имѣетъ теперь никакого особеннаго интереса преувеличивать или принижать значеніе власти королей изъ дома Валуа. Привилегіи земскихъ чиновъ, областныхъ чиновъ Бретани или Бургундіи имѣютъ теперь такъ же мало практической важности, какъ устройство іудейскаго синедріона или Амфиктіонова судилища. Бездна великой революціи совершенно отдѣляетъ новую систему отъ старой. Никакая подобная пропасть не раздѣляетъ бытія англійской націи на двѣ различныя части. Наши законы и обычаи никогда не погибали въ общемъ и неисправимомъ разрушеніи. У насъ примѣры изъ среднихъ вѣковъ до сихъ поръ остаются въ силѣ и до сихъ поръ цитируются въ важнѣйшихъ случаяхъ самыми замѣчательными государственными людьми... Такимъ образомъ, въ нашемъ отечествѣ драгоцѣннѣйшіе интересы партій нерѣдко зависѣли отъ результатовъ изысканій антикваріевъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ было то, что наши антикваріи производили свои изслѣдованія въ духѣ партій... Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, каждый вигійскій историкъ старался доказать, что древнее англійское правленіе было почти республиканское, а каждый торійскій историкъ—что оно было почти деспотическое“.

Независимо отъ духа партій, старающихся представить факты древней исторіи въ выгодномъ для себя освѣщеніи, должно принять

въ расчетъ и то важное условіе, что при дѣйствительно историческомъ ростѣ учрежденій, сила и значеніе многихъ изъ нихъ утрачиваются постепенно и что формальное ихъ значеніе перестаетъ соотвѣтствовать значенію фактическому. Нерѣдко названія вещей сохраняются послѣ того, какъ учрежденія, ими обозначавшіяся, исчезли или видоизмѣнились. Явленіе это особенно замѣтно въ Англіи, гдѣ такъ неохотно отказываются отъ формъ, если ими не стѣсняется новое ихъ содержаніе. Такъ, названіе „рыцарей" попрежнему давалось депутатамъ отъ графствъ, не смотря на то, что между ними были и не „препоясанные".

Еще больше требуется осторожности въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о соотношеніи разныхъ факторовъ государственной власти, особенно между королемъ и парламентомъ. Не смотря, однако, на разнообразіе фактовъ, могущихъ дать поводъ къ различнымъ заключеніямъ, можно установить нѣкоторыя общія начала, коими опредѣлялось положеніе королевской власти въ средневѣковой Англіи.

Во-первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что представленіе о монархической власти, какъ объ источникѣ законовъ, правосудія, всякихъ судебныхъ и административныхъ полномочій, оставалось непоколебленнымъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. „Изъ всѣхъ мнѣній о средневѣковой конституціи Англіи"—говоритъ Галламъ—„наименѣе согласная съ законами и съ исторіей есть теорія, представляющая короля въ видѣ наслѣдственнаго должностного лица (magistrat), облеченнаго исполнительною властью, другими словами, въ видѣ перваго служителя государства... Средневѣковая конституція Англіи не имѣла рѣшительно никакихъ республиканскихъ формъ. Все, повидимому, имѣло свой источникъ въ монархіи, все относилось къ ея чести и достоинству. Языкъ петицій былъ всегда покоренъ, даже въ устахъ общинъ, когда онѣ были наиболѣе возбуждены; о прерогативѣ говорилось не иначе, какъ въ величавыхъ и пышныхъ выраженіяхъ".

Конечно, языкъ общинъ не всегда соотвѣтствовалъ содержанію петиціи, и формально признаваемый суверенитетъ короля могъ не соотвѣтствовать объему и содержанію его правъ. Однако, анализъ отдѣльныхъ правъ короны покажетъ, что королевская власть являлась дѣйствительнымъ средоточіемъ управленія и законодательства.

1) Для опредѣленія правъ короны въ области законодательства, прежде всего не слѣдуетъ придавать участію парламента въ этихъ дѣлахъ того значенія, котораго оно тогда не имѣло. Изъ того, что король могъ издавать статуты только „съ совѣта и согласія" парламента, не слѣдуетъ заключать, чтобы отношеніе палатъ къ королю въ этомъ отношеніи было таково, какъ въ позднѣйшее время, и осо-

бенно таково, какъ это представляется конституціонными теоріями на континентѣ Европы. Конституціонная теорія (и спеціально теорія, построенная на началѣ раздѣленія властей) предполагаетъ, что законодательная дѣятельность сосредоточена въ палатахъ, при чемъ за королемъ остается право неутвержденія (veto) предлагаемыхъ ему проектовъ. Не таково было воззрѣніе на короля въ средневѣковой Англіи. Онъ являлся источникомъ законовъ и установлялъ ихъ „съ согласія пэровъ и общинъ"; но не послѣднимъ принадлежала власть законодательная, сдерживаемая королевскимъ veto. Que le roy fist les leis par assent dez peres et de la commune, et non pas les peres et la commune. Мы видѣли, что только въ концѣ періода общинамъ удалось обезпечить свои петиціи отъ передѣлокъ и искаженій и чрезъ это получить право иниціативы законовъ. Затѣмъ при великой трудности провести матеріальное различіе между *закономъ* и *распоряженіемъ*, послѣднее, какъ увидимъ ниже, весьма часто замѣняло законъ. Наконецъ, право короля пріостанавливать дѣйствіе статутовъ и разрѣшать отъ дѣйствія законовъ, какъ мы видѣли выше, все еще принадлежало къ числу аттрибутовъ короны.

2) Королевскіе суды установились на довольно твердыхъ началахъ и въ общемъ результатѣ обезпечивали отправленіе правосудія на основаніи законовъ и обычаевъ страны. Но мы не можемъ еще говорить ни объ независимости судовъ, ни о сосредоточеніи судебной власти въ рукахъ общихъ для всѣхъ установленій. Судьи, назначаемые по королевскому усмотрѣнію, оставались въ своей должности, пока на то была воля короля (during the pleasure of the Crown). Судьи зависимые часто бывали судьями угодливыми, готовыми толковать и примѣнять законы въ направленіи, угодномъ двору. Если эта гибкость судейскаго толкованія не обнаруживалась съ такою силою въ обыкновенныхъ тяжбахъ и уголовныхъ дѣлахъ, то въ вопросахъ, соприкасавшихся съ политическими интересами, суды становились часто не на сторону закона. Но еще сильнѣйшимъ орудіемъ короля являлись суды особые, каковы были отдѣленія тайнаго совѣта, суды маршала и коннетабля (см. ниже). Отправленіе правосудія, поставленное въ такія условія, часто являлось средствомъ угнетенія подданныхъ [1]) и столь же часто было предметомъ жа-

---

[1]) Судейскій произволъ въ Англіи, въ разныя эпохи ея исторіи, являлся до извѣстной степени тѣмъ политическимъ средствомъ утвержденія абсолютизма, какимъ на континентѣ Европы являлись постоянныя арміи. Но, справедливо замѣчаетъ г. Чичеринъ, „судебная власть не могла замѣнить военной силы. При всей своей покорности, она оставалась хранительницею закона, и это чувство, которое никогда не замирало въ англійскихъ судахъ, полагало нѣкоторый предѣлъ правительственному произволу и сохраняло въ народѣ уваженіе къ судебной власти". Ср. *О на-*

лобъ въ парламентѣ, представлявшемъ королю объ исправленіи злоупотребленій этого рода. Предметомъ жалобъ были дѣйствія какъ общихъ судовъ, такъ и судовъ особенныхъ; въ петиціяхъ своихъ общины указываютъ не только на злоупотребленія частныя, но и на нарушенія коренныхъ постановленій Великой Хартіи: статьи 39-ой, обезпечивавшей личную свободу, 40-ой, постановлявшей, что король не будетъ продавать правосудія и отказывать въ немъ [1]). Указывалось также на вліяніе сильныхъ людей, на злоупотребленіе правами патримоніальной юрисдикціи и т. д. Но Англіи суждено было пережить, въ этомъ отношеніи, времена худшія, чѣмъ тѣ, въ которыя приходилось дѣйствовать „общинамъ" Эдуарда III или Ричарда II.

3) Король не могъ установлять налоговъ и сборовъ безъ согласія парламента. Это правило было, можетъ быть, важнѣйшимъ изъ началъ, утвердившихся въ публичномъ правѣ Англіи; оно было возведено на степень національнаго права и было передано потомкамъ средневѣковыхъ бароновъ и коммонеровъ, въ видѣ драгоцѣннѣйшаго наслѣдія. Въ этомъ правѣ должно видѣть важнѣйшую черту отличія средневѣковой конституціи Англіи отъ государственнаго устройства Франціи. Въ то время, какъ въ Англіи политическая свобода удержалась благодаря финансовымъ правамъ парламента, во Франціи она быстро исчезла, благодаря тому, что высшія сословія уступили Карлу VII право облагать низшіе классы налогомъ своею властью [2]). Но мы видѣли выше, что средства парламента относительно контроля надъ употребленіемъ вотированныхъ субсидій были еще слабы. Затѣмъ короли пользовались еще правомъ на „обычные" доходы и сборы, а при неопредѣленности понятія о такихъ обычныхъ сборахъ, королю открывалась возможность установлять таковые безъ согласія парламента, если онъ не встрѣчалъ дѣятельнаго сопротивленія въ пала-

---

родномъ представительствѣ, стр. 244. Впрочемъ, это замѣчаніе можетъ быть примѣнено только къ общимъ судамъ, а никакъ не къ особымъ судилищамъ, въ родѣ Звѣздной Палаты, о которой мы скажемъ ниже.

[1]) Стёббсъ, II, стр. 632—636.

[2]) Карлъ VII (1422—1461) получилъ это право послѣ событій англо-французской войны за престолъ (см. выше). Вмѣстѣ съ правомъ содержанія постоянныхъ войскъ, оно имѣло большое вліяніе на развитіе королевской власти во Франціи. Извѣстный Филиппъ де Комминъ (Commines) говоритъ по этому поводу:

Le roy Charles VII fut le premier qui gaigna ce point d'imposer tailles à son plaisir, sans le consentement des Etatz de son royaume... si ce roy eust tous jours vescu et ceulx qui lors estaient avec luy en son conseil, il eust fort avancé à ceste heure; mais a ce qui est advenu depuis et adviendra, il chargea fort son âme et celle de ses successeurs, et mit une cruelle plai sur son royaume, qui longement saignera.

тахъ и въ самой націи. Наконецъ, доходы короля долгое время были достаточны для покрытія какъ личныхъ его издержекъ, такъ и текущихъ расходовъ по управленію. Во всякомъ случаѣ, король экономный и не предпринимавшій раззорительныхъ войнъ былъ въ меньшей финансовой зависимости отъ парламента, чѣмъ короли ганноверской династіи.

4) Законодательная и финансовая власть парламентовъ и постепенно развивавшаяся власть общихъ судовъ, несмотря на шаткое еще положеніе тѣхъ и другихъ, ограничивали въ извѣстной степени власть короля. Но въ области *управленія* права его были гораздо шире. Власть правительственная безспорно принадлежала королю и только ему, хотя онъ нерѣдко совѣтовался съ парламентами о предметахъ внѣшней политики и внутренняго управленія.

Королю принадлежало право представительства націи, слѣдовательно, веденіе внѣшнихъ сношеній, объявленіе войны, заключеніе мира, другихъ договоровъ и т. д. Ему принадлежали начальствованіе надъ всѣми военными силами, морскими и сухопутными, распоряженія по организаціи и управленію ими. Онъ былъ высшій хранитель мира, и отъ него исходили общія распоряженія и мѣры противъ его нарушенія. Ему принадлежали права по регулированію торговли, по установленію мѣръ и вѣсовъ, по чекану монеты. Онъ былъ источникомъ всѣхъ почестей и привилегій. Ему же, наконецъ, принадлежало право назначенія должностными лицъ, которыя всѣ одинаково получали свои полномочія отъ короля и отправляли свою должность, пока на то была его воля.

5) Независимо отъ этихъ общихъ правъ, имѣвшихъ основаніе въ правительственной власти короля, король имѣлъ другія преимущества, источникомъ которыхъ являлось неопредѣленное, но практически чрезвычайно важное понятіе о такъ называемой *прерогативѣ*. Подъ именемъ прерогативы, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣлась совокупность правъ, принадлежащихъ исключительно королю и отправляемыхъ имъ по свободному его усмотрѣнію; эти права можно назвать королевскими привилегіями, основанными на стародавнихъ обычаяхъ и отчасти подтвержденными статутами. Въ такомъ смыслѣ говорится объ этихъ правахъ въ извѣстномъ статутѣ de praerogativa regis [1]).

---

[1]) Изданіе этого статута обыкновенно относили къ 17 году царствованія Эдуарда II. Этому мнѣнію слѣдуетъ и Глассонъ (III, стр. 64 и слѣд.). Стёббсъ (II, стр. 188, прим. 2) признаетъ, что время его изданія не можетъ быть опредѣлено точно, но полагаетъ, что онъ явился раньше. Гнейстъ (стр. 454) рѣшительно утверждаетъ, что онъ изданъ при Эдуардѣ I. Но основаній для этого предположенія не приводитъ.

Означеннымъ статутомъ, вѣроятно, для огражденія нѣкоторыхъ обычныхъ правъ короля, возникшихъ еще въ феодальную эпоху, отъ притязаній парламентовъ [1]), были подтверждены нѣкоторыя феодальныя права короля, какъ то: относительно опеки надъ несовершеннолѣтними вассалами, замужества наслѣдницъ леновъ, по опекѣ надъ безумными и сумасшедшими вассалами; статутъ распространилъ воспрещеніе субинфеодаціи леновъ, установленное статутомъ quia emptores [2]), и на tenentes in capite; онъ подтвердилъ право короля на корабли, претерпѣвшіе крушеніе, и ихъ грузъ, на нѣкоторыя рыбы, на движимость преступниковъ и бѣглыхъ, и т. п. Независимо отъ этихъ правъ, въ составъ „прерогативы" входили многія другія, основанныя на обычаѣ и подававшія поводъ къ сильнымъ злоупотребленіямъ. Къ числу ихъ можно отнести право на продовольствіе (purveyance), о которомъ мы говорили выше.

Иное значеніе имѣла прерогатива въ обширномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ правъ, вытекавшихъ изъ общаго принципа королевскаго *суверенитета.* Существо, происхожденіе и значеніе этихъ правъ не можетъ быть объяснено не только изъ текста законовъ, но и изъ обычаевъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы происхожденіемъ своимъ они были обязаны грубой силѣ, господствовавшей въ періодъ норманнскихъ королей, какъ это полагаетъ Галламъ [3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что *сила* играла великую роль въ ту эпоху; несомнѣнно также и то, что сила давала возможность злоупотреблять правами, самыми законными. Но существо и значеніе ихъ не можетъ быть объяснено этимъ путемъ.

Свойства правъ, которыя присвоивали себѣ норманнскіе короли, и способы, коими они осуществляли ихъ, свидѣтельствовали о грубомъ состояніи общества, ими управляемаго. Но конечное основаніе ихъ должно искать въ томъ, что король вообще признавался носителемъ государственной власти во всемъ ея объемѣ. Развитіе парламентскаго могущества и образованіе судовъ ограничивали эту власть въ отдѣльныхъ отношеніяхъ, но не перемѣщали центра власти въ другое учрежденіе и не касались общаго принципа королевскаго управленія.

---

[1]) Гнейстъ видитъ въ этомъ статутѣ нѣкоторый noli me tangere, поставленный въ огражденіе финансовыхъ правъ короля. Ср. Глассонъ, III, стр. 66.

[2]) См. стр. 169.

[3]) „Слово „прерогатива", говоритъ онъ, „принимаемое въ старинномъ его смыслѣ, можетъ быть опредѣлено какъ преимущество короны надъ подданнымъ, пріобрѣтенное ею вслѣдствіе превосходства ея *силы*, въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы этихъ двухъ сторонъ были противоположны. Эти прерогативы вытекали изъ природы норманнскаго управленія, похожаго больше на борьбу дикихъ звѣрей, въ которой сильнѣйшій беретъ лучшую часть, нежели на систему, построенную на началахъ общей пользы".

За королемъ оставалась сумма верховныхъ правъ, вытекавшихъ изъ его суверенитета. При чисто практическомъ развитіи англійской конституціи, принципіальная граница между властью короля и возникавшимъ авторитетомъ парламента, не могла быть установлена; между областью безспорныхъ правъ короны и признанными правами парламента оставалась область правъ спорныхъ, борьба за которыя длилась еще въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ. Даже важнѣйшія побѣды и пріобрѣтенія парламента не разрѣшали окончательно вопросовъ, изъ за которыхъ начата была борьба. Съ одной стороны, требованія парламентовъ рѣдко имѣли въ виду установленіе общихъ принциповъ, но касались конкретныхъ правъ и привилегій; съ другой стороны, сами короли, когда обстоятельства вынуждали ихъ удовлетворять требованія парламента, принимали мѣры къ огражденію своей прерогативы отъ дальнѣйшихъ ограниченій. Нерѣдко они давали отвѣты на петиціи въ выраженіяхъ уклончивыхъ, и общинамъ приходилось вести продолжительную борьбу для полученія отвѣтовъ ясныхъ и точныхъ. Въ другихъ случаяхъ короли прибѣгали къ пріему, коимъ въ свое время съ успѣхомъ пользовалось духовенство, ограждая свои церковныя привилегіи отъ ограниченій, поставляемыхъ свѣтскою властью. Уступая требованіямъ послѣдней, прелаты вводили въ формулу согласія оговорки: salva fide Dei, salvo ordine meo, salvo honore Dei и т. д. Короли, ограждая свою прерогативу, вводили подобныя же оговорки (технически: saving clauses) въ утверждаемыя ими петиціи и статуты. Такъ, въ 1300 году, Эдуардъ I, утвердивъ такъ называемыя articuli super cartas [1]), ввелъ въ статьи оговорку, que le droit et la seignurie de sa coroune savez lui soient par tout. Мы встрѣтимся съ этимъ пріемомъ и въ эпоху Стюартовъ.

При такихъ условіяхъ, борьба изъ за „темныхъ точекъ“ въ англійской конституціи, какъ называетъ ихъ Маколей, могла продолжаться и продолжалась чрезвычайно долго. Ниже мы представимъ краткій обзоръ такихъ спорныхъ предметовъ. Но предварительно мы остановимся на учрежденіи, при участіи котораго короли осуществляли свою власть и прерогативу, т.-е. на тайномъ королевскомъ совѣтѣ.

II. Происхожденіе постояннаго или тайнаго королевскаго совѣта [2])

---

[1]) См. выше.

[2]) Главные матеріалы, касающіеся процедуры и постановленій тайнаго совѣта, собраны въ трудѣ H. Nicolas: *Proceeding and ordinances of the Privy Council of England, from 10 Rich. II to 33 Henr. VIII*, семь томовъ (1834—1837). Спеціальное изслѣдованіе о тайномъ совѣтѣ: Fr. Palgrave: *An essay upon the original authority of the Kings Council* (1834). Очерки въ общихъ сочиненіяхъ:

столь же трудно прослѣдить, какъ и происхожденіе большинства англійскихъ учрежденій. Съ увѣренностью можно указать только на *условія*, вызвавшія его образованіе, и на эпоху, когда эти условія сдѣлались постоянными.

Постепенное выдѣленіе изъ старой королевской куріи трехъ судовъ общаго права [1]) и образованіе полнаго парламента въ видѣ самостоятельнаго элемента государственной власти ограничили кругъ дѣлъ, подлежавшихъ *личному* разрѣшенію короля, или рѣшеніе коихъ зависѣло отъ королевской прерогативы. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость въ особомъ учрежденіи, которое содѣйствовало бы королю въ разсмотрѣніи и рѣшеніи этихъ дѣлъ. Такимъ учрежденіемъ явился королевскій совѣтъ, носившій первоначально названіе постояннаго (Continual или Permanent Council), а впослѣдствіи тайнаго совѣта (Privy Council).

Образованіе его шло не совершенно правильнымъ ходомъ. Хотя можно указать на слѣды подобнаго учрежденія при первыхъ Плантагенетахъ, но опредѣлительно выступаетъ оно въ періодъ малолѣтства Генриха III. Пемброкъ, въ качествѣ „rector regis et regni“, управлялъ государствомъ съ участіемъ совѣта, въ составъ котораго входили папскій легатъ, великій юстиціарій, канцлеръ, вице-канцлеръ и казначей. Этотъ совѣтъ регентства обратился въ постоянный королевскій совѣтъ, составленный, кажется, изъ всѣхъ коронныхъ и придворныхъ должностныхъ лицъ, судей и особо назначенныхъ епископовъ и бароновъ. Но больше всего Генрихъ III старался наполнить его своими иноземными любимцами.

Дурное управленіе Генриха III вызвало, какъ мы видѣли выше, стремленіе парламента подчинить своему вліянію королевскій совѣтъ и поставить самое назначеніе должностныхъ лицъ и совѣтниковъ въ зависимость отъ своего согласія. Такъ, въ 1233 году графы и бароны отказались прибыть въ парламентъ и даже грозили выбрать другого короля, если онъ не удалитъ канцлера [2]) и прочихъ членовъ своего совѣта. Король въ слѣдующемъ году долженъ былъ уступить. Въ 1238 и 1244 годахъ парламентъ равнымъ образомъ настаивалъ на требованіи, чтобы совѣтъ короля былъ образованъ согласно его желанію. Въ 1249 г. магнаты уже прямо потребовали, чтобы должности великаго юстиціарія, канцлера и казначея замѣщались съ ихъ согласія; это требованіе было возобновлено въ 1255 году съ дополненіемъ, чтобы и смѣщеніе этихъ лицъ не совершалось безъ согласія

Гнейстъ, стр. 326—339. Стёббсъ, назв. соч., II, стр. 265—277, 611—616, 633 и слѣд.; III, стр. 247—256.

[1]) См. стр. 191 и слѣд.

[2]) Петра де-Роша; см. выше, стр. 107 и слѣд.

бароновъ. Наконецъ, въ бурный періодъ 1258—1265 конституція королевства готова была видоизмѣниться, главнымъ образомъ, чрезъ образованіе новыхъ совѣтовъ, зависѣвшихъ отъ бароновъ [1]).

Такимъ образомъ, уже въ царствованіе Генриха III обозначаются всѣ элементы исторіи тайнаго совѣта, которые необходимо имѣть въ виду въ отдѣльныя эпохи общей исторіи страны. Во-первыхъ, въ малолѣтство Генриха III онъ является не только въ видѣ совѣта королевскаго, но и въ видѣ совѣта *регентства*, съ особыми полномочіями. Власть тайнаго совѣта въ подобныя эпохи должно отличать отъ его полномочій въ обыкновенное время. Такъ, въ длинный періодъ малолѣтства Генриха VI совѣтъ былъ не только совѣщательнымъ учрежденіемъ, но и правительствующимъ установленіемъ, отправлявшимъ, отъ имени короля, всѣ верховныя права. Самый составъ его въ этихъ случаяхъ измѣнялся [2]).

Въ обыкновенное время совѣтъ образуется изъ коронныхъ должностныхъ лицъ и другихъ „совѣтниковъ". Но вопросъ о замѣщеніи тѣхъ и другихъ является почти постояннымъ предметомъ спора между парламентами и королемъ. Въ разное время парламенты пытаются подчинить назначеніе членовъ совѣта своему согласію, если не прямому выбору. Цѣль такихъ попытокъ очевидна. Подчиняя совѣтъ своему вліянію и опредѣляя, что никакой актъ короля не будетъ имѣть силы безъ согласія совѣта, отвѣтственнаго предъ парламентомъ, послѣдній существенно ограничивалъ прерогативу короля [3]). Съ другой стороны, понятно, почему короли такъ настойчиво сохраняли право назначенія должностныхъ лицъ и членовъ совѣта за собою. Королевская прерогатива вышла изъ борьбы торжествующею; только по временамъ косвенная зависимость должностныхъ лицъ отъ парламента давала себя чувствовать, когда общины рѣшались возбуждать противъ нихъ обвиненія — empecher et accuser per clamour des dits communes.

Совѣтъ, какъ опредѣленное учрежденіе, установляется при Эдуардѣ I, что и понятно въ виду политическихъ перемѣнъ, при немъ происшедшихъ и въ значительной мѣрѣ имъ произведенныхъ. При немъ, какъ мы видѣли, образуются окончательно три вестмин-

---

[1]) См. выше стр. 118 и слѣд.

[2]) Онъ состоялъ изъ протектора (регента), герцога Экссетерскаго, пяти епископовъ, пяти графовъ, двухъ бароновъ и трехъ рыцарей.

[3]) Такъ, при Эдуардѣ II, въ 1316 году, извѣстный намъ графъ Ланкастерскій (см. выше) принялъ должность президента совѣта подъ условіемъ, что „ни одинъ касающійся королевства актъ не долженъ быть постановленъ безъ выслушанія мнѣнія совѣта и что всякій совѣтникъ, совершившій вредное для королевства дѣйствіе или давшій вредный совѣтъ, долженъ быть смѣщенъ въ ближайшую сессію парламента".

стерскіе суда; при немъ образуется и парламентъ въ цѣломъ своемъ видѣ, т.-е. въ видѣ собранія прелатовъ, бароновъ и общинъ. Прежняя королевская курія отчасти распалась, отчасти развилась въ особыя, самостоятельныя учрежденія. Дѣла, оставшіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи короля, должно было отправлять при участіи особаго учрежденія, какимъ и явился королевскій тайный совѣтъ.

Но если общая *цѣль* такого учрежденія была достаточно опредѣленна, то отношенія его къ другимъ установленіямъ и самый составъ его, вслѣдствіе чисто практическаго пути развитія англійскихъ учрежденій, не представляются довольно ясными.

Блакстонъ, исчисляя различные „совѣты" англійскихъ королей, ставитъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) парламентъ, въ полномъ его составѣ; 2) пэры королевствъ, которые въ иныхъ случаяхъ созывались отдѣльно отъ общинъ; 3) судьи по вопросамъ судебно-юридическаго свойства и 4) тайный совѣтъ.

Изъ этихъ четырехъ видовъ королевскихъ совѣтовъ парламенты уже въ средніе вѣка получили свою организацію. Но „парламенты" бароновъ, продолжая свое существованіе, утрачивали прежнее свое значеніе и нерѣдко соединялись съ тайнымъ совѣтомъ. Даже при ланкастерскихъ короляхъ, пэры созывались въ соединенное засѣданіе съ тайнымъ совѣтомъ и, вмѣстѣ съ нимъ, составляли такъ называемый большой совѣтъ (great council). Составъ и значеніе послѣдняго не представляютъ ничего опредѣленнаго. „Большой совѣтъ" можетъ быть разсматриваемъ и какъ видъ усиленнаго тайнаго совѣта, и какъ внѣ-парламентское засѣданіе палаты пэровъ. Точно такъ же вестминстерскіе судьи, выдѣленные въ составъ особыхъ коллегій, не утратили въ то время общаго значенія королевскихъ совѣтниковъ. Король могъ совѣщаться съ ними и отдѣльно, и въ засѣданіи своего совѣта, въ составъ котораго они, ex officio, входили.

Не смотря на неопредѣленность отношеній тайнаго совѣта къ другимъ учрежденіямъ, можно сказать, что нормальный составъ его опредѣлялся кругомъ какъ должностныхъ, такъ и другихъ лицъ, призванныхъ въ совѣтъ и принесшихъ *особую присягу*. Происхожденіе этой присяги относится еще къ 1257 году [1]). Эдуардъ I установилъ для нея болѣе пространную формулу.

При этомъ общемъ условіи, въ составъ тайнаго совѣта входили:

---

[1]) Въ этомъ году отъ совѣтниковъ короля потребована была присяга, въ силу которой они обѣщались: давать королю добросовѣстные совѣты, хранить тайну, предупреждать отчужденіе старыхъ доменовъ, доставлять правосудіе богатому и бѣдному и т. д. Въ главныхъ чертахъ она сходна съ присягою, установленною Эдуардомъ I.

Должностныя лица:

а) По общему государственному управленію: 1) лордъ канцлеръ, первенствующій членъ совѣта, хранитель большой государственной печати, приложеніе которой къ важнѣйшимъ государственнымъ актамъ необходимо для ихъ силы [1]); 2) президенты (chief justices) и судьи вестминстерскихъ судовъ; 3) казначей и канцлеръ казначейства.

б) Королевскія должностныя лица: каммергеръ, гофмейстеръ, дворцовый казначей, гардеробмейстеръ и хранитель *малой* (т.-е. личной) королевской печати (lord privy seal).

в) Епископы и бароны, особо призванные королемъ къ засѣданію въ совѣтъ. Изъ нихъ архіепископъ кентерберійскій, вѣроятно, призывался въ совѣтъ постоянно.

г) При неопредѣленности состава тайнаго совѣта въ первое время его существованія, въ засѣданія его призывались и подчиненныя должностныя лица.

Ближайшее назначеніе совѣта состояло въ содѣйствіи королю относительно отправленія правосудія, поскольку король участвовалъ въ немъ, и въ разсмотрѣніи многочисленныхъ петицій, подаваемыхъ на имя государя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ участвовалъ въ отправленіи всѣхъ верховныхъ правъ короля, слѣдовательно:

1) Въ изданіи *распоряженій* (ordinances), которыя въ тѣ времена соперничали еще съ законами и касались всѣхъ частей государственнаго управленія. Сами парламенты иногда уполномочивали короля и его совѣтъ издавать распоряженія съ силою закона въ развитіе или въ измѣненіе статутовъ. Такъ, въ 1337 году вывозъ шерсти былъ воспрещенъ статутомъ, „пока королемъ и его совѣтомъ не будетъ постановлено иначе“. Точно такъ же въ 1385 году совѣтъ былъ облеченъ полномочіями по торговому законодательству [2]). Распорядительная власть совѣта имѣла большое значеніе уже потому, что „общины“, умѣвшія, въ своихъ петиціяхъ, хорошо указать на нужды страны и недостатки управленія, не могли съ такимъ же успѣхомъ указать

---

[1]) „Большая печать“, въ виду ея важности, получаетъ названіе „ключа королевства“, clavis regni. Приложеніе ея является доказательствомъ, что данный актъ получилъ утвержденіе „короля въ совѣтѣ“. Этимъ объясняется ея значеніе въ государственной исторіи Англіи. „Рѣдко“, говоритъ H. Nicolas, „заходила рѣчь о томъ, гдѣ находится королевская корона; но большая печать рѣдко находилась въ рукахъ какого либо лица даже въ теченіе одного дня, чтобы объ этомъ фактѣ не было оффиціально засвидѣтельствовано“.

[2]) Именно относительно учрежденія монополіи извѣстныхъ городовъ по складу и отпуску товаровъ (staples). Статутъ гласитъ, что stapula учреждены съ согласія парламента, но что затѣмъ мѣста, въ коихъ они будутъ учреждены, порядокъ управленія ими и т. д. будутъ опредѣлены королевскимъ совѣтомъ, и распоряженія совѣта будутъ имѣть силу парламентскихъ актовъ. Стёббсъ, II, стр. 615, прим. 3.

на средства къ ихъ удовлетворенію и исправленію. Послѣдняя задача обыкновенно выпадала на долю совѣта. Но нерѣдко онъ пользовался своими правами для изданія постановленій, противорѣчившихъ общему праву и статутамъ королевства. Въ 13-й годъ царствованія Ричарда II, общины представили королю петицію, въ которой требовали, чтобы, по закрытіи парламента, ни канцлеръ, ни совѣтъ не могли издавать никакихъ распоряженій, противныхъ общему праву и статутамъ, чтобы общее право соблюдалось относительно всего народа и чтобы никакого приговора не постановлялось безъ соблюденія законныхъ формъ. Король далъ довольно двусмысленный отвѣтъ, гласившій, что „да будетъ поступлено по прежнимъ обычаямъ, съ сохраненіемъ нашей прерогативы (т. наз. saving clause, см. выше), и если кто будетъ чувствовать себя обиженнымъ, пусть докажетъ онъ это и онъ будетъ удовлетворенъ (et droit lui soit fait).

2) Въ обсужденіи дѣлъ и мѣръ по внѣшнимъ сношеніямъ, по вопросамъ о войнѣ и мирѣ, по организаціи и распоряженію военными силами страны.

3) Въ распоряженіи по *охраненію мира*, слѣдовательно, принятіи обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ противъ его нарушенія.

4) Въ отправленіи правосудія по предметамъ исключительной юрисдикціи короля. Никакая отрасль дѣятельности тайнаго совѣта не вызывала такихъ жалобъ парламента, какъ судебная власть тайнаго совѣта, не связанная формами и процедурою судовъ общаго права. Въ особенности при Эдуардѣ III многочисленны были петиціи общинъ, имѣвшія цѣлью ограничить судебныя права совѣта, расширявшаго свои права на дѣла, подсудныя общимъ судамъ. Не смотря на успѣхъ петицій въ отдѣльныхъ случаяхъ, исключительная юрисдикція королевскаго совѣта продолжала развиваться, хотя и въ другихъ формахъ. Если юрисдикція тайнаго совѣта, въ цѣломъ его составѣ, постепенно ограничивается, то это не препятствуетъ развитію исключительной юрисдикціи учрежденій, съ нимъ связанныхъ. Такъ, юрисдикція *канцлерскаго* суда, о которомъ мы говорили выше, первоначально является одной изъ формъ правосудія, отправляемаго чрезъ королевскій совѣтъ. Въ началѣ слѣдующаго періода мы встрѣтимся съ могущественнымъ учрежденіемъ, которое было ни чѣмъ инымъ, какъ отдѣленіемъ тайнаго совѣта—т.-е. съ Звѣздною Палатою. Новая по своимъ формамъ, эта палата не была новостью въ принципѣ.

По связи съ особыми судебными правами тайнаго совѣта, должно упомянуть о другихъ видахъ юрисдикціи, отправлявшейся, въ тѣ времена, нѣкоторыми высшими должностными лицами, также входившими въ составъ тайнаго совѣта. Сюда относились, прежде всего,

особые суды *коннетабля* и *маршала*. Этимъ лицамъ подсудны были дѣла объ измѣнѣ, совершонной за моремъ, а также дѣла по преступленіямъ, совершоннымъ въ военное время лицами, состоявшими въ войскѣ. Но этотъ военный, въ принципѣ, судъ самовольно распространялъ свою юрисдикцію и на преступленія (измѣну, фелонію), совершаемыя частными лицами въ мирное время и подсудныя общимъ судамъ; онъ простиралъ свои притязанія даже на дѣла гражданскія [1]).

Долгое время парламентъ тщетно старался ограничить эти захваты. Жалобы на нихъ появляются уже при Эдуардѣ II. Во второй годъ царствованія Ричарда II, парламентъ представилъ королю петицію, въ которой, въ числѣ многихъ другихъ злоупотребленій, указывалось и на незаконную юрисдикцію коннетабля и маршала. Парламентъ ходатайствовалъ, чтобы этотъ судъ не разсматривалъ дѣлъ объ измѣнѣ и фелоніи, такъ какъ онъ судитъ по военнымъ, а не по общимъ законамъ, что̀ противно Великой Хартіи. Въ 13 году Ричарда II компетенція этого суда была ограничена статутомъ, что̀ не остановило развитія такой исключительной юрисдикціи. Она была слишкомъ удобнымъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти, чтобы послѣдняя безусловно отказалась отъ ея примѣненія. Даже при первомъ ланкастерскомъ королѣ—Генрихѣ IV—довольно громкій случай съ Беннетомъ Вильманомъ показалъ, какъ трудно было общинамъ бороться противъ произвольнаго расширенія юрисдикціи коннетабля и маршала [2]).

Возможность такихъ злоупотребленій была тѣмъ шире, что великое средство гарантіи личной свободы, writ of habeas corpus, не только не было установлено окончательно въ видѣ, данномъ ему статутомъ 1679 года [3]), но едва ли вошло въ употребленіе практически раньше Генриха VII Тюдора [4]). Особенно благопріятны были

---

[1]) Для полноты, упомянемъ, что судъ коннетабля былъ предназначенъ также для разсмотрѣнія дѣлъ, касавшихся рыцарства (о гербахъ, рангѣ и т. п.). Но значеніе его въ этомъ отношеніи умалилось съ упадкомъ рыцарства, какъ института.

[2]) Беннетъ Вильманъ былъ заключенъ въ тюрьму и потребованъ къ суду коннетабля и маршала, хотя по общимъ законамъ дѣло не было подсудно этимъ лицамъ. „Общины“ неоднократно представляли королю въ пользу Вильмана, и король, „съ согласія и совѣта“ лордовъ, повелѣлъ поступить съ заключеннымъ согласно общимъ законамъ. Вслѣдствіе этого, въ судъ королевской скамьи былъ посланъ указъ (writ), повелѣвавшій ему разсмотрѣть и рѣшить дѣло. Галламъ, стр. 383 и слѣд.

[3]) *См. ниже, отд. III, гл. II.*

[4]) Здѣсь идетъ рѣчь объ writ of habeas corpus, какъ средствѣ ограждать личную свободу отъ незаконныхъ распоряженій исключительныхъ и административныхъ судовъ.

для развитія военной юрисдикціи коннетабля времена смутныя, когда исключительныя судилища дѣлались орудіемъ торжествующихъ партій. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ исходѣ періода, при Эдуардѣ IV, юрисдикція коннетабля развилась съ особенною силой. Назначая Типтофта (Tiptoft) на эту должность, Эдуардъ IV далъ ему полномочіе вѣдать дѣла о государственной измѣнѣ, выслушивать, разсматривать и кончать ихъ „суммарно и просто, безъ судебнаго шума и парада, по удостовѣреніи въ справедливости факта“ [1]). По смерти Типтофта (1467), такимъ же полномочіемъ былъ облеченъ графъ Риверсъ. Конечно, подобная „юрисдикція“ явилась страшнымъ оружіемъ для искорененія враговъ новой династіи [2]).

Кромѣ исключительной юрисдикціи коннетабля и маршала, въ средніе вѣка сохранились и другія судилища особенныя и административныя; таковы: судъ *сенешаля*, коему были подсудны по уголовнымъ и отчасти по гражданскимъ дѣламъ лица, состоявшія на придворной службѣ, суды по проступкамъ противъ законовъ лѣсныхъ и правилъ объ охотѣ и т. д. Они также умѣли простирать свою юрисдикцію на лица и дѣла, имъ неподсудныя, и также встрѣчались съ противодѣйствіемъ общинъ, не всегда успѣшнымъ.

Исключительная юрисдикція тайнаго совѣта и должностныхъ лицъ, входившихъ въ его составъ, широкія полномочія его по дѣламъ внѣшняго и внутренняго управленія указываютъ на важное мѣсто его въ ряду другихъ установленій. Вмѣстѣ съ королемъ, онъ является дѣйствительнымъ средоточіемъ управленія. Онъ имѣетъ и много средствъ осуществить волю короля, выраженную въ совѣтѣ. Въ виду различія фактическихъ отношеній элементовъ власти въ разныя эпохи средневѣковой исторіи, довольно трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ тайный совѣтъ являлся простымъ орудіемъ короля.

Парламентъ, какъ мы видѣли, нерѣдко добивался положительнаго вліянія на назначеніе королевскихъ совѣтниковъ и должностныхъ лицъ. Въ эпохи смутъ и междоусобій, совѣтъ становился орудіемъ партій, господствовавшихъ при дворѣ и въ странѣ. Чрезъ это и совѣтъ дѣлался орудіемъ ограниченія королевской власти больше, чѣмъ средствомъ ея усиленія; такъ было въ разные періоды царствованія Ричарда II. При ланкастерской династіи, обязанной престоломъ парламенту, послѣдній нерѣдко обращаетъ совѣтъ въ нѣкоторый постоянный комитетъ палатъ. Такъ, въ 1404 году, Генрихъ IV былъ принужденъ составить свой совѣтъ по желанію парламен-

---

[1]) ...etiam summarie et de plano sine strepitu et figura judicii, sola facti veritate inspecta.

[2]) Многочисленные примѣры у Стёббса, III, стр. 283.

та [1]). То же самое онъ вынужденъ былъ сдѣлать и въ 1406 г. [2]); въ 1410 году король далъ свое согласіе на подобное же требованіе парламента. При Генрихѣ V, умѣвшемъ жить въ ладу съ парламентомъ и очаровавшемъ страну своими подвигами во Франціи, случаевъ подобнаго столкновенія не было. При Генрихѣ VI мы видимъ сначала всемощный совѣтъ регентства, права котораго усиливаются пропорціонально съ начавшимся тогда упадкомъ парламентской дѣятельности. По достиженіи совершеннолѣтія, король назначаетъ совѣтниковъ по своей волѣ, и совѣтъ дѣлается орудіемъ если не всегда короля, то всегда двора. Въ концѣ своего царствованія, Генрихъ VI усилилъ составъ совѣта преданными ему лордами. Той же политики держался и Эдуардъ IV, призывавшій въ совѣтъ бароновъ своей партіи. Съ этихъ поръ широкая власть совѣта, обратившагося въ орудіе короля, растетъ непрерывно. Почти два столѣтія нужны были для того, чтобы начала парламентскаго управленія воскресли и утвердились въ странѣ, пережившей періодъ междоусобій, правленія Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ.

III. Условія и событія политической исторіи Англіи въ средніе вѣка ясно показываютъ, съ какою осторожностью должно относиться къ различнымъ принципамъ, провозглашаемымъ въ статутахъ и хартіяхъ. Взглядъ на государственное устройство страны, составленный на основаніи оффиціальныхъ актовъ, часто не находитъ себѣ подтвержденія при изслѣдованіи фактическаго положенія вещей. Изученіе послѣдняго является необходимымъ средствомъ провѣрки того, что написано въ законахъ и хартіяхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы исторія права, исторія развитія политическихъ началъ и учрежденій могла быть замѣнена повѣствованіемъ о событіяхъ и эмпирическимъ обобщеніемъ фактовъ.

Писанные уставы и теоретическіе взгляды имѣютъ для историка мало цѣны, когда въ нихъ не выражается исторически выработанное *сознаніе*, если не всего народа, то вліятельнѣйшей его части. Историкъ можетъ обойти молчаніемъ „конституціи" республикъ цизальпинской, лигурійской и партенопейской—этихъ эфемерныхъ созданій побѣдоносной французской республики на итальянскомъ полуостровѣ [3]). Но если въ законахъ, учрежденіяхъ и въ ученыхъ трактатахъ можно признать выраженіе общаго сознанія, то историкъ по

---

[1]) Въ составъ совѣта вошли: 6 епископовъ, 1 герцогъ, 2 графа, 6 лордовъ (включая казначея и хранителя малой печати) и 7 коммонеровъ.

[2]) Совѣтъ образовался изъ 3 епископовъ, 1 герцога, 1 графа, 4 бароновъ, 3 коммонеровъ, канцлера, казначея, хранителя малой печати, сенешаля и каммергера.

[3]) См. ниже, книга II, отд. II.

необходимости ищетъ въ нихъ руководящихъ началъ всего послѣдующаго развитія страны, не смотря на то, что развитіе это задерживалось или уклонялось съ прямого пути силою внѣшнихъ событій.

Въ этомъ положеніи находится историкъ англійскихъ учрежденій. Несомнѣнные факты показываютъ ему, что начала, высказанныя въ статутахъ, въ хартіяхъ, въ произведеніяхъ публицистовъ и юристовъ, практически выражались въ цѣлой системѣ установленій, что эти установленія продолжали развиваться, не смотря на дѣйствіе началъ и учрежденій, имъ противоположныхъ. Благодаря этимъ условіямъ, Англія вышла изъ среднихъ вѣковъ съ извѣстнымъ запасомъ политическихъ убѣжденій и учрежденій, которыя воспрепятствовали Тюдорамъ и Стюартамъ обратить ее въ монархію Франциска I или Людовика XIV.

Существеннѣйшимъ изъ понятій, коими характеризуется міросозерцаніе тогдашнихъ англичанъ, является понятіе о *закономѣрности* королевской власти, т.-е. о подчиненіи короля законамъ страны. Уже современникъ Генриха III, объѣздной судья Бractонъ, высказалъ эти понятія, впослѣдствіи развитыя знаменитымъ Фортескью. Король, говорилъ Брактонъ, выше всѣхъ людей въ своемъ королевствѣ. Но самъ король находится подъ Богомъ и закономъ, ибо законъ дѣлаетъ короля [1]). Нѣтъ короля тамъ, гдѣ господствуетъ воля, а не законъ [2]).

Итакъ, король имѣетъ высшаго надъ собою—Бога; затѣмъ законъ, чрезъ который онъ сдѣланъ королемъ (per quam factus est rex), также свою курію, т.-е. графовъ (comites) и бароновъ, которые называются comites [3]), въ качествѣ какъ бы товарищей (socii) короля, а кто имѣетъ товарища, имѣетъ и господина (magistrum), и если бы король былъ безъ узды, т.-е. безъ закона, они (товарищи) должны бы наложить ее.

Но если законъ, въ ученіи Брактона, имѣетъ значеніе узды или границы королевской власти, то самый законъ долженъ быть устанавливаемъ съ согласія и совѣта законныхъ представителей страны. Принципъ „de consilio et consensu“ проходитъ во всемъ сочиненіи Брактона такъ же, какъ и въ знаменательнѣйшихъ событіяхъ политической исторіи Англіи. Брактонъ прямо противопоставляетъ принципу императорскаго Рима: quod principi placuit legis habet vigorem [4]),

---

[1]) Ipse autem rex non debet esse sub homine, sed sub Deo et sub lege, quia lex facit regem.

[2]) Non est enim rex ubi dominatur voluntas et non lex.

[3]) Т.-е. товарищами.

[4]) Усвоенный и французскими легистами, работавшими надъ возвышеніемъ королевской власти насчетъ феодальныхъ привилегій: „si veut le roi, si veut la loi“.

англійское начало: legis habet vigorem, quicquid de consilio et consensu magnatum et reipublicae communi sponsione auctoritate regis juste fuerit definitum.

Полная теорія англійской конституціи въ исходѣ среднихъ вѣковъ представлена знаменитымъ юристомъ Джономъ Фортескью[1]).

Главное его сочиненіе *De laudibus legum Angliae*[2]) важно не только потому, что оно принадлежитъ лицу, занимавшему важныя должности, и назначено было для руководства наслѣднику престола, но и потому, что въ его книгѣ проявилось сознаніе національныхъ особенностей англійскаго права. Авторъ постоянно старается указать на различіе началъ англійскаго права отъ началъ римскихъ и французскихъ и на превосходство (по его мнѣнію) первыхъ надъ послѣдними. Конечно, во многихъ случаяхъ, онъ говоритъ какъ человѣкъ партіи; въ его сочиненіяхъ выразились начала „ланкастерскія“; но этимъ началамъ, въ итогѣ, суждено было восторжествовать надъ другими.

Слѣдуя Ѳомѣ Аквинскому[3]), Фортескью различаетъ двѣ главныя формы правленія: *королевское* (dominium regale) и *политическое* (dominium politicum). Первое устанавляется личною силою правителей; второе—согласіемъ народа. Англійское королевство соединяетъ и то и другое начала. Оно имѣетъ короля, но его власть опредѣляется законами, изданными и издаваемыми съ общаго согласія. Поэтому англійское государство относится къ третьей формѣ—dominium regale et politicum.

„Король Англіи“, говоритъ Фортескью, „не можетъ измѣнить по своей волѣ законовъ страны, ибо природа его правленія не только королевская, но и политическая. Если бы она была чисто королевская, онъ могъ бы дѣлать какія ему угодно измѣненія и нововведенія въ законахъ королевства, облагать налогами и другими повинностями своихъ подданныхъ, независимо отъ ихъ желанія и согласія. Этотъ

---

[1]) Джонъ Фортескью въ 1442 году былъ назначенъ главнымъ судьей королевской скамьи. Затѣмъ онъ былъ назначенъ канцлеромъ, но вслѣдствіе событій войны бѣлой и алой розы бѣжалъ съ королевой и воспитанникомъ своимъ Эдуардомъ (сыномъ Генриха VI) во Францію. Онъ оставался здѣсь до 1471 года. Здѣсь же написалъ онъ главное свое произведеніе *De Laudibus legum Angliae*. Въ битвѣ при Тьюксбёри, въ которой погибли силы ланкастерской партіи (см. выше), онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но въ 1473 году прощенъ.

[2]) Кромѣ этого произведенія Фортескью оставилъ еще: *De natura legis naturae; The difference between an absolute and limited monarchy, as it more particularly regards the english constitution*“ и друг.

[3]) Ѳома Аквинскій (1224—1274) знаменитый представитель схоластической философіи.

родъ правленія имѣютъ въ виду гражданскіе законы [1]), говоря, что quod principi placuit legis habet vigorem. Но иначе поставленъ король, правленіе котораго есть политическое, ибо онъ не можетъ ни измѣнять законовъ королевства безъ согласія своихъ подданныхъ, ни облагать послѣднихъ, противъ ихъ воли, необычными налогами. Такимъ образомъ, народъ, управляемый законами, установленными съ его согласія и одобренія, спокойно пользуется ему принадлежащимъ, не опасаясь быть лишеннымъ собственности королемъ или кѣмъ либо другимъ. Подобное можетъ произойти и при абсолютномъ королѣ, лишь бы онъ не выродился въ тирана. О такомъ государѣ говоритъ Аристотель въ III книгѣ своей *Политики*: „для государства лучше быть управляемымъ человѣкомъ добра, нежели хорошими законами". Но какъ не всегда случается, чтобы лицо, поставленное во главѣ народа, обладало этими хорошими качествами, то св. Ѳома Аквинскій, въ книгѣ *De regimine principum*, сочиненной имъ для кипрскаго короля [2]), выражаетъ желаніе, чтобы учрежденія королевствъ были таковы, чтобы король не имѣлъ свободы тиранить свой народъ; а это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ (т.-е. въ отношеніи Англіи), когда власть короля ограничена политическими законами. Радуйтесь же, мой добрый принцъ, тому, что таковъ законъ королевства, которое вы наслѣдуете, ибо вы, равно какъ и подданные ваши, найдете въ немъ ваше спокойствіе и счастье".

Въ приведенныхъ словахъ выражается основная мысль Фортескью. Здѣсь не мѣсто останавливаться на другихъ предметахъ, въ коихъ онъ видитъ преимущество англійскихъ законовъ надъ французскими и римскими (относительно судоустройства и судопроизводства, финансоваго управленія и т. д.), такъ какъ не ими опредѣлялось отличіе самой формы англійскаго государства отъ учрежденій континентальныхъ. Королевская власть, въ ученіи Фортескью, является однимъ изъ установленій національнаго права, учрежденіемъ, поставленнымъ не надъ государствомъ, но въ государствѣ, въ качествѣ одного изъ элементовъ его. Ея права опредѣляются законами, установляемыми съ общаго согласія и ради общаго блага, ибо король существуетъ для королевства, а не наоборотъ. Власть короля установлена для покровительства законамъ, личности и собственности подданныхъ; эта власть исходитъ отъ народа, и онъ не имѣетъ права управлять имъ въ силу другой власти.

Формулы Фортескью были вѣрны относительно опредѣленія общаго

---

[1]) Т.-е. jus civile, *римское* право.

[2]) Авторство Ѳомы Аквинскаго относительно *De regimine principum* не вполнѣ доказано.

характера англійской конституціи. Вѣрно опредѣляли онѣ и господствовавшій взглядъ на основанія и происхожденіе королевской власти. Законами страны опредѣляется и объемъ правъ королевской власти и права отдѣльныхъ ея представителей на корону. „Законъ", говорили судьи при Генрихѣ VI, „есть высшее наслѣдіе (inheritance), какое имѣетъ король, ибо закономъ управляются и онъ самъ, и его подданные, и не будь закона, не будетъ ни короля, ни наслѣдованія (et si la ley ne fuit, nul roi, et nul inheritance sera)". Но онѣ не исключали примѣненія другихъ началъ во многихъ важныхъ частностяхъ этой конституціи. Самъ Фортескью признаетъ за королемъ особыя права въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ случаѣ мятежа и войны; особыми правами король пользуется въ отношеніи помилованія и амнистіи, относительно всей области „справедливости" (equity) и т. п. Мы видѣли выше, что на практикѣ почти въ каждой области правамъ парламента могли быть противопоставлены права короля и что между сферою парламентскихъ правъ, съ одной, и королевской прерогативой, съ другой стороны, оставалась область правъ спорныхъ.

„Черта, ограничивавшая королевскую прерогативу, говоритъ Маколей, хотя вообще достаточно ясная, не вездѣ была проведена съ точностью и опредѣленностью. Поэтому окраина границы составляла нѣчто въ родѣ спорной земли, на которой постоянно происходили напоръ и отпоръ, пока, наконецъ, послѣ вѣковой распри, не были поставлены явственные и прочные межевые знаки".

Напомнимъ, въ краткихъ чертахъ, эти спорные пункты.

1) Король не могъ издавать законовъ безъ согласія парламента. Но въ теченіе вѣковъ короли пользовались правомъ пріостанавливать дѣйствіе законовъ и разрѣшать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, отъ ихъ дѣйствія; сверхъ того распорядительная власть тайнаго совѣта соперничала съ законодательною властью парламента.

2) Король не могъ, безъ согласія парламента, установлять новыхъ налоговъ и повинностей. Но въ распоряженіи короля находились „обычные" сборы и повинности, при искусной комбинаціи и расширеніи которыхъ получались особые источники казенныхъ доходовъ, не смотря на противодѣйствіе парламента. Нерѣдко были случаи и положительныхъ вымогательствъ, въ видѣ принудительныхъ займовъ и т. п. Наконецъ, контроль парламента въ употребленіи назначенныхъ суммъ являлся самою слабою частью тогдашней финансовой системы.

3) Правосудіе, по общему правилу, отправлялось чрезъ вестминстерскіе суды общаго права, чрезъ объѣздныхъ судей и (въ соотвѣтствующемъ кругѣ дѣлъ) чрезъ судей мировыхъ. Участіе присяжныхъ

было признано необходимымъ. Такъ, повидимому, осуществились на практикѣ постановленія Великой Хартіи, что никто не можетъ быть арестованъ, заключенъ и наказанъ иначе, какъ по законамъ страны и по приговору себѣ равныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ должностныхъ лицъ, нарушавшихъ право личной свободы или другія права частныхъ лицъ, могли быть вчинаемы иски о вознагражденіи за вредъ и убытки и даже уголовныя преслѣдованія. Виновные въ оправданіе свое не могли ссылаться даже на распоряженіе короля. Чрезъ это въ англійскомъ правѣ утверждался принципъ, въ силу котораго король управляетъ чрезъ отвѣтственныхъ должностныхъ лицъ[1]). Но зависимое еще положеніе судей и злоупотребленія шерифовъ по составленію списка присяжныхъ, во многихъ случаяхъ вредно отражались на ходѣ правосудія. Если давленіе на судей и присяжныхъ являлось однимъ изъ видовъ злоупотребленій власти, то особые и исключительные суды были нормальными органами, чрезъ которые она могла подчинить своему прямому вліянію рѣшеніе дѣлъ, для нея важныхъ.

Въ этихъ главныхъ отношеніяхъ и продолжалась впослѣдствіи борьба парламентовъ съ королевскою властью. Петиція о правахъ, habeas corpus act, билль о правахъ, окончательно утвердили стародавнія начала англійскаго права. Но въ началѣ новой исторіи, они подверглись сильному испытанію въ правленіе Тюдоровъ. Причины, вызвавшія эти испытанія, коренились не столько въ характерѣ и политикѣ новыхъ правителей, сколько въ общихъ условіяхъ, создавшихъ ихъ могущество.

---

[1]) Галламъ, *Constitutional History etc.*, гл. VII, приводитъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что это начало было безспорно въ глазахъ судей временъ Генриха VI и Эдуарда IV по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ распоряженіямъ объ арестѣ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

РЕФОРМАЦІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТЮДОРЫ И РЕФОРМАЦІЯ [1].

(1485—1603).

I. Битва при Босвортѣ отдала англійскій престолъ династіи Тюдоровъ; подъ управленіемъ послѣдней, Англія пережила всѣ событія, коими открывается и опредѣляется исторія новаго времени. Эпоха возрожденія и реформаціи, время великихъ открытій, начало колоніальной политики, ростъ торговли и промышленности, окончательное образованіе великихъ державъ, соперничество между ними за преобладаніе въ Европѣ, религіозныя войны и гоненія, опыты новыхъ системъ торговой и промышленной политики, отражаются на внутренней исторіи Англіи и на ея учрежденіяхъ. Но не смотря на дѣйствія этихъ общихъ, міровыхъ условій, развитіе англійскихъ учрежденій не измѣняется настолько, чтобы это королевство обратилось въ монархію французскаго или испанскаго типа. Между тѣмъ внутреннія обстоятельства страны, повидимому, должны были содѣйствовать раз-

---

[1]) Основнымъ пособіемъ для этой эпохи остается трудъ Галлама: *The constitutional history of England from the accession of Henry VII to the death of Georg II, vol. I—III* (*Конституціонная исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Генриха VII до смерти Георга II*), первое изд. 1827 года, 3-е изд. 1878 (перев. на фр. яз. Гизо, т. I—V, 1828—1829). Болѣе пристрастное (въ пользу Тюдоровъ, особенно Генриха VIII), но богатое матеріалами сочиненіе Фруда (Froude): *History of England since the fall of Wolsey etc.* vol. I—XII, 1858 и слѣд. год. Съ католической точки зрѣнія написано сочиненіе Лингарда (Lingard): *Исторія Англіи* (перев. на фр. яз. въ 10 томахъ).

Въ качествѣ источниковъ важны: Кокъ (Coke), *Institutes of the laws of England*, 1-е изд. 1628; Смитъ (Th. Smith), *The commonwealth of England*, 1-е изд. 1589 г.; Ламбардъ (Lambarde), *Eirenarchia*.

витію монархіи абсолютной. Тюдоры [1]), по своимъ способностямъ и характеру, какъ бы созданы были повелѣвать. Рѣдкій изъ государей Европы могъ равняться правительственными способностями съ Генрихомъ VIII или Елисаветой. Немногія династіи встрѣчали такъ мало сопротивленія къ усиленію своей власти, какъ Тюдоры. Нація, утомленная междоусобіями, покорная и обязанная королю новая аристократія, послушная палата общинъ, угодливые суды „общаго права", всемогущія судилища, дѣйствовавшія мимо общихъ судовъ — таковы условія, при которыхъ Тюдоры создавали и укрѣпляли свою власть.

Создаваемая при благопріятныхъ условіяхъ, власть эта утверждалась и вслѣдствіе употребленія, которое дѣлали изъ нея виднѣйшіе представители новой династіи. Въ эпоху великаго религіознаго переворота, интересы реформаціи, близкіе націи, сочетались съ именами Генриха VIII и Елисаветы, сдѣлавшейся однимъ изъ оплотовъ протестантизма. Могущество величайшей католической державы сокрушилось у береговъ Англіи; гибель испанской „непобѣдимой армады"

---

1) Генеалогія Тюдоровъ представляется въ слѣдующей таблицѣ:

Генрихъ VII (1485—1509)

Артуръ 1-ймужъ Екатерины Аррагонской.	Маргарита въ супружествѣ съ Іаковымъ IV Шотландскимъ. Бабка Маріи Стюартъ.	Генрихъ VIII (1509—1547)	Марія Тюдоръ Въ 1-мъ бракѣ съ Людовикомъ XII французскимъ; затѣмъ съ Карломъ Брандономъ герцогомъ Суффолькомъ. Бабка Іоанны Грей.

Марія Кровавая (1553—1558) отъ Екатерины Аррагонской.	Елисавета (1558—1603) отъ Анны Болейнъ.	Эдуардъ VI (1547—1553) отъ Іоанны Сеймуръ.

Отъ прочихъ женъ Генриха VIII (Анны Клевской, Екатерины Говардъ и Екатерины Парръ) не осталось дѣтей.

Такимъ образомъ, Тюдоры царствовали въ слѣдующемъ порядкѣ:

Генрихъ VII	отъ	1485	до	1509
Генрихъ VIII	„	1509	„	1547
Эдуардъ VI	„	1547	„	1553
Марія	„	1553	„	1558
Елисавета	„	1558	„	1603

Въ дополненіе укажемъ на права Шотландской династіи относительно наслѣдованія англійскаго престола. Іаковъ IV († 1513), женатый на Маргаритѣ, дочери Генриха VII, оставилъ престолъ сыну своему, Іакову V. Послѣдній былъ женатъ дважды и оба раза на французскихъ принцессахъ — во второй разъ на Маріи Гизъ. Отъ послѣдней у него родилась дочь, несчастная и знаменитая Марія Стюартъ, бывшая въ замужествѣ за Франциscомъ II, французскимъ. Послѣ внезапной кончины послѣдняго (1560), она возвратилась въ Шотландію и здѣсь (въ 1565) вышла замужъ за Генриха Дарнлея, сына шотландскаго вельможи, графа Ленокса. Отъ этого брака, въ 1566 году, родился Іаковъ VI, будущій Іаковъ I Англійскій.

предвозвѣщала паденіе монархіи, во владѣніяхъ которой „не заходило солнце". Развитіе англійской торговли и промышленности, успѣхи наукъ, удивительный расцвѣтъ литературы, давшій Англіи Спенсера, Шекспира и др., удовлетворяли національной гордости и давали народу то чувство довольства, при которомъ частныя злоупотребленія не производятъ раздраженія, направленнаго противъ всей правительственной системы и, тѣмъ болѣе, противъ королевской власти. Никогда то чувство „вѣрности", какое питаютъ англичане къ своимъ королямъ, не было такъ сильно, какъ въ царствованіе Елисаветы. Имя и слава королевы были дороги даже тѣмъ сектантамъ, потомки которыхъ возвели на эшафотъ Карла I. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ нихъ [1]), приговоренный къ отсѣченію руки, взялъ оставшеюся рукою отрубленную руку, помахалъ ею надъ головою, восклицая „Боже, спаси королеву!"

Но если послѣ блестящаго управленія послѣдней изъ Тюдоровъ открывается революціонный періодъ, въ теченіе котораго мы видимъ междоусобную войну, низложеніе и казнь короля, провозглашеніе республики, изгнаніе другого короля, то причины этихъ событій нельзя видѣть только въ личныхъ качествахъ Стюартовъ.

Сопротивленіе, вызванное политикою Стюартовъ, предполагало другія условія. Во-первыхъ, главная цѣль сопротивленія, цѣль, относительно которой были согласны представители всѣхъ партій до разрыва съ королемъ Карломъ I, состояла въ охраненіи національныхъ учрежденій Англіи отъ посягательствъ новой династіи. Такимъ образомъ, основныя учрежденія Англіи не только не погибли въ правленіе Тюдоровъ, подобно испанскимъ кортесамъ или земскимъ чинамъ во Франціи, но были настолько живы въ народной памяти и нравахъ, что вліятельнѣйшая часть націи въ рѣшительную минуту возстала на ихъ защиту. Дѣйствительно, мы увидимъ, что Тюдоры, во время сильнѣйшаго развитія ихъ власти, не только не дошли до уничтоженія коренныхъ началъ англійскаго устройства, но даже сдѣлали шагъ впередъ въ развитіи англійскаго самоуправленія. Во-вторыхъ, если вѣковыя учрежденія Англіи дали поколѣніямъ XVII вѣка точку опоры въ борьбѣ со Стюартами, то, съ другой стороны, такъ называемыя злоупотребленія послѣднихъ далеко не были ихъ изобрѣтеніемъ. Не они учредили Звѣздную Палату и коммиссію по духовнымъ дѣламъ; не они расширили полномочія тайнаго королевскаго совѣта; не они изобрѣли „принудительные займы" и другіе незаконные поборы; не они дали англиканской церкви устройство, вызывавшее ярость пуританъ; не при нихъ обнаружились и первые признаки

[1]) Стёббъ (Stubbe). Ср. Галламъ, назв. соч., I, гл. V, стр. 232 и 233.

оппозиціи въ палатѣ общинъ. Произвольныя дѣйствія, въ коихъ обвиняли первыхъ двухъ Стюартовъ, были актами законными, сравнительно съ тѣмъ, что̀ позволялъ себѣ Генрихъ VIII.

Но соотношеніе между этими двумя элементами при Тюдорахъ и Стюартахъ не было одинаково. Правленіе Тюдоровъ началось въ такую эпоху, когда положеніе страны требовало сильной, почти диктаторской власти; ихъ полномочія объясняются великими потребностями времени. Они пользовались этими полномочіями и расширяли ихъ, не доходя, однако, до отрицанія основныхъ началъ конституціи. Послѣдняя надолго остановилась въ своемъ развитіи. Царствованіе Генриха VII ушло на возстановленіе внутренняго порядка, потрясеннаго войною бѣлой и алой розъ; Генрихъ VIII продолжалъ дѣло своего отца и затѣмъ началъ трудное дѣло реформаціи. Разрѣшеніе религіозныхъ вопросовъ поглощаетъ вторую половину царствованія Генриха и значительную часть правленія его преемниковъ. Только при Елисаветѣ Англія окончательно занимаетъ въ Европѣ постъ великой протестантской державы. Гибель „непобѣдимой армады" (1588 г.) является кульминаціоннымъ пунктомъ протестантской политики Елисаветы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и страна выходитъ изъ своей политической апатіи. Но когда Елисавета встрѣтилась съ оппозиціей, поднявшей голову въ палатѣ общинъ, она услышала о тѣхъ же народныхъ правахъ, о какихъ говорили коммонеры временъ Ричарда II или Генриха VI. Мудрая королева сочла нужнымъ уступить, подобно тому, какъ и отецъ ея уступалъ предъ проявленіемъ неудовольствія, грозившаго сдѣлаться всеобщимъ.

Такимъ образомъ, самовластные Тюдоры признавали границы своей власти, постановленныя обычаями и законами страны. Произвольныя ихъ мѣры оправдывались необходимостью, но не возводились на степень общаго права. Роковая ошибка Стюартовъ, какъ мы увидимъ ниже, состояла именно въ томъ, что они провозгласили начала, противныя главнымъ основаніямъ англійской конституціи, и стремились возвести злоупотребленія въ принципъ въ такое время, когда нація менѣе всего была расположена уступить свои права.

Но этимъ существеннымъ различіемъ между политикой Тюдоровъ, съ одной, и Стюартовъ, съ другой стороны, не ослабляется значеніе того факта, что время Тюдоровъ можетъ быть названо если не періодомъ абсолютной монархіи, въ томъ смыслѣ какъ она установилась во Франціи, то временемъ развитія *личнаго* королевскаго управленія, при которомъ дѣйствіе представительныхъ учрежденій отступаетъ на второй планъ. Парламенты, общіе суды, институтъ присяжныхъ и другія древнія учрежденія Англіи сохраняютъ свое значеніе, но

дѣйствіе ихъ часто парализуется и замѣняется актами королевскаго тайнаго совѣта, чрезвычайныхъ судилищъ и другихъ коммиссій.

Сильная власть, сосредоточенная въ рукахъ такихъ государей, какъ Генрихи VII и VIII, какъ Елисавета, сдѣлалась средствомъ матеріальнаго и духовнаго развитія Англіи. *Общая* исторія страны, въ связи съ общею исторіею Европы, представляетъ высокій интересъ. Но исторія политическихъ ея учрежденій скудна выдающимися событіями и перемѣнами. Главный интересъ внутренней исторіи Англіи сосредоточивается на реформаціи и на измѣненіяхъ, произведенныхъ ею въ общественномъ строѣ королевства.

II. Царствованіе Генриха VII (1485—1509) опредѣлило пути развитія королевской власти въ теченіе этого періода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утвердило эту власть на прочныхъ основаніяхъ. Условія для роста монархіи были чрезвычайно благопріятны.

Ближайшія къ Англіи государства уже сложились въ обширныя и абсолютныя монархіи. Во Франціи, съ окончаніемъ столѣтней войны съ Англіею, королевская власть дѣлаетъ быстрые и неудержимые успѣхи. Карлъ VII (1422—1461) получаетъ отъ земскихъ чиновъ право установленія налоговъ и учреждаетъ постоянную армію. Жестокая и хитрая политика Людовика XI (1461—1483) довершаетъ остальное. Въ Испаніи бракъ Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской полагаетъ основаніе могуществу испанской монархіи и абсолютной власти королей. Генрихъ VII, въ отношеніи своей политики, можетъ стать на ряду съ Людовикомъ XI и Фердинандомъ Католикомъ.

Разстройство страны и пережитыя ею бѣдствія требовали сильной власти; страна охотно подчинилась побѣдителю при Босвортѣ. Отдѣльныя, хотя и опасныя возстанія, не останавливали его. Средства, избранныя имъ для возстановленія королевской власти, были или одобряемы, или принимаемы безъ сопротивленія.

Первая категорія этихъ мѣръ была направлена противъ *знати*, въ которой король основательно видѣлъ главный источникъ междоусобій послѣдняго времени. Хотя представители старыхъ фамилій были уже немногочисленны, но казни, конфискаціи, раззорительные штрафы довершили паденіе прежней знати, на мѣсто которой выдвигалась новая, всѣмъ обязанная королю и отъ него зависѣвшая. Опасность возникновенія новой военно-феодальной силы была предупреждена строгими законами (вѣрнѣе, усиленіемъ прежнихъ законовъ) противъ „ливрей", изъ коихъ составлялись ополченія мятежныхъ магнатовъ [1]).

---

[1]) До какой степени король строго слѣдилъ за соблюденіемъ этихъ законовъ видно изъ слѣдующаго факта. Присутствуя на праздникѣ, данномъ въ его честь

Но сильнѣйшимъ орудіемъ противъ аристократіи и также для устраненія злоупотребленій, порожденныхъ предшествующими смутами, явилась знаменитая Звѣздная Палата (Star Chamber). Въ существѣ, она была отдѣленіемъ тайнаго совѣта и существовала раньше Тюдоровъ. Но при Генрихѣ VII (въ третій годъ его царствованія) она получила особенное назначеніе. Мотивомъ къ ея учрежденію выставляются злоупотребленія шерифовъ въ составленіи списковъ присяжныхъ, недобросовѣстность и подкупность послѣднихъ, безпорядки, производимые народными сборищами и остающіеся безнаказанными. Вслѣдствіе этого, канцлеръ, казначей и хранитель малой печати вмѣстѣ или двое изъ нихъ, въ соединеніи съ однимъ епископомъ, однимъ свѣтскимъ лордомъ и двумя судьями, были уполномочены требовать къ своему разсмотрѣнію уголовныя дѣла посредствомъ указа и приказа, утвержденнаго малою печатью. При такихъ широкихъ полномочіяхъ, компетенція палаты была безгранична, ибо члены ея сами рѣшали вопросъ о подсудности. Въ отправленіи правосудія, палата не была связана условіями судовъ общихъ. Она судила безъ участія присяжныхъ; общія процессуальныя формы не примѣнялись ею; судопроизводство имѣло характеръ инквизиціонный, съ примѣненіемъ пытки. Вмѣстѣ съ тѣмъ палата имѣла право приговаривать къ тяжкимъ наказаніямъ, и рѣшенія ея не подлежали обжалованію.

Такое чрезвычайное судилище было вызвано печальными условіями времени. Средства обыкновеннаго правосудія, въ самомъ дѣлѣ, не были достаточны противъ сильныхъ заговорщиковъ и мятежей, привычка къ которымъ осталась отъ времени междоусобій. Воспоминаніемъ о заслугахъ, оказанныхъ Звѣздною Палатою въ умиротвореніи страны при Генрихѣ VII, а также ролью ея въ бурныя времена реформаціи, объясняются похвалы, расточаемыя этому учрежденію такими знаменитыми писателями какъ Бэконъ и сэръ Эдуардъ Кокъ [1]). Но впослѣдствіи она не замедлила обратиться въ орудіе

графомъ Оксфордомъ, король обратилъ вниманіе на множество лицъ, одѣтыхъ въ ливреи графа. Онъ разгнѣвался и велѣлъ королевскому атторнею начать преслѣдованіе противъ Оксфорда. Графъ былъ присужденъ къ значительному штрафу, какъ утверждаютъ, въ 15000 марокъ. Галламъ, I, назв. соч., гл. I, стр. 15.

[1]) Бэконъ въ своей исторіи Генриха VII говоритъ, что подобно тому, какъ канцлерскій судъ отправлялъ *преторскую справедливость* (aequitas), такъ Звѣздная Палата отправляла *цензорскую* власть по уголовнымъ дѣламъ. Другими словами, Звѣздная Палата была, по мнѣнію Бэкона, своего рода органомъ „справедливости" въ дѣлахъ уголовныхъ, органомъ, исправлявшимъ недостатки уголовныхъ законовъ и формъ общаго судопроизводства. Но примѣненіе началъ „справедливости" въ области уголовной представляется довольно опаснымъ, ибо обезпеченіе драгоцѣннѣйшихъ правъ гражданъ зависитъ отъ твердаго соблюденія извѣстнаго

произвола, поражавшее не только „сильныхъ", но и обыкновенныхъ гражданъ, и лишавшее ихъ всякихъ средствъ и защиты законныхъ ихъ правъ. Сверхъ того, Звѣздная Палата сдѣлалась средствомъ пополненія казны, о чемъ весьма заботился славившійся своею скупостью и жадностью Генрихъ VII.

Полнота „королевскихъ сундуковъ" была условіемъ той независимости королевской власти, къ которой стремился Генрихъ, желавшій обходиться безъ соизволенія парламента на субсидіи. Король въ значительной степени достигъ своей цѣли. Нѣкоторые доходы (пошлины) были даны ему парламентомъ по жизнь; въ другихъ случаяхъ король получалъ щедрыя субсидіи. Затѣмъ чрезъ конфискаціи имуществъ разныхъ магнатовъ, чрезъ многочисленные и усердно налагаемые королевскими судами штрафы, равно какъ и при помощи „принудительныхъ займовъ", король наполнялъ свою казну и оставилъ своему наслѣднику богатыя матеріальныя средства.

За исключеніемъ постоянной арміи, Генрихъ VII оставилъ, такимъ образомъ, своему наслѣднику важныя средства къ развитію абсолютной власти. Но еще больше содѣйствовали ей условія церковнаго переворота, начавшагося при Генрихѣ VIII.

III. Величайшимъ дѣломъ, связаннымъ съ именемъ Тюдоровъ, была, конечно, *реформація.* Всѣ событія во внутренней жизни Англіи и направленіе внѣшней ея политики связываются съ этимъ переворотомъ; революція въ XVII вѣкѣ имѣла въ немъ главный свой источникъ. Вслѣдствіе этого необходимо уяснить себѣ причины и общій ходъ реформаціи, принявшей въ Англіи такія своеобразныя формы.

Послѣ многочисленныхъ изслѣдованій по этому предмету, между которыми главное мѣсто занимаетъ трудъ Фруда, нельзя, конечно, останавливаться на объясненіи реформаціи личною политикою Генриха VIII; еще меньше слѣдуетъ видѣть причины этого переворота въ желаніи короля развестись съ нелюбимою супругою. Мы увидимъ ниже, что даже бракоразводное дѣло Генриха получаетъ иное освѣщеніе при соображеніи сложныхъ династическихъ вопросовъ, занимавшихъ короля.

Тѣмъ не менѣе, есть полное основаніе раздѣлять въ исторіи и результатахъ реформаціи то, что̀ было дѣломъ королевской политики, отъ того, что̀ было плодомъ народнаго движенія. Реформаціонныя

правила: nullum crimen sine lege. Было бы проще сказать, что Звѣздная Палата была необходимымъ въ свое время *политическимъ* орудіемъ.

Сэръ Эдуардъ Кокъ заявляетъ, что Звѣздная Палата есть достопочтеннѣйшій судъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, за исключеніемъ парламента, какъ въ отношеніи качествъ судей, такъ и процедуры, ибо если его учрежденіе и старый его порядокъ будутъ соблюдаемы, вся Англія будетъ спокойна.

движенія начались въ Англіи за двѣсти лѣтъ до бракоразводнаго дѣла Генриха VIII. Король, еще оставаясь вѣрнымъ римскому престолу, преслѣдовалъ „еретиковъ“ такъ же, какъ преслѣдовалъ ихъ его отецъ и короли изъ ланкастерскаго дома. Въ то время, какъ Генрихъ VIII рѣшился порвать связи съ Римомъ, онъ былъ поддержанъ страною. Политика короля сошлась съ движеніемъ народнымъ. Два теченія встрѣтились, но не совпали. Новое оффиціальное исповѣданіе и вновь „установленная“ церковь не выразили идей, завѣщанныхъ Англіи Виклефомъ; „статьи вѣры“ не были исповѣданіемъ тѣхъ горожанъ, йоменовъ и поселянъ, которые раньше короля разорвали связи съ Римомъ и потомки которыхъ сражались подъ знаменами Ферфакса и Оливера Кромвеля. Только впослѣдствіи оффиціально „установленная“ церковь завоевала себѣ положеніе церкви національной. Но, во всякомъ случаѣ, дѣло Генриха VIII не могло бы имѣть успѣха безъ дѣйствительной поддержки въ общемъ убѣжденіи страны.

Ученіе и устройство римско-католической церкви давно уже начали терять почву въ Англіи. Громадныя имущества церквей и монастырей, притѣснительныя дѣйствія духовныхъ судовъ, властолюбіе и безнравственная жизнь духовенства нашли себѣ обличителей въ лицѣ лоллардистовъ, руководимыхъ геніальнымъ Виклефомъ. Стремленія и проповѣдь виклефитовъ находили сочувствіе въ различныхъ сферахъ и вызывались многими причинами. Въ народѣ, утѣсняемомъ духовными властями въ качествѣ духовныхъ судей, правителей, землевладѣльцевъ, собирателей разныхъ поборовъ, лоллардизмъ находилъ сочувствіе, какъ протестъ противъ одного изъ видовъ народнаго угнетенія. Новое духовное ученіе соединялось съ извѣстною соціальною программою, направленною противъ духовной и свѣтской аристократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно доставляло удовлетвореніе той духовной жаждѣ, которая не утолялась церковью, обрядовою по преимуществу и обратившеюся въ одну изъ мірскихъ силъ. Народъ отвыкалъ искать духовнаго утѣшенія у прелатовъ, стремившихся къ свѣтской власти, у монаховъ, раздражавшихъ его распутною жизнью, у священниковъ жадныхъ и развратныхъ. Значительная часть низшаго духовенства приставала къ движенію, въ которомъ она видѣла средства обновленія церкви.

Но и въ высшихъ сферахъ лоллардизмъ имѣлъ могущественныхъ сторонниковъ, по причинамъ иного порядка. Въ то время, какъ складывались и, наконецъ, сложились національныя англійскія учрежденія, церковь оставалась при своихъ обособленныхъ, средневѣковыхъ формахъ. Ея прелаты засѣдали въ верхней палатѣ парламента, по стародавнему праву своей должности и земельнымъ своимъ владѣ-

ніямъ; но они не представляли въ парламентѣ *церкви*. Духовенство, какъ таковое, уклонялось отъ участія въ общемъ народномъ представительствѣ. Оно имѣло свои *конвокаціи*, съ двумя палатами, съ духовно-законодательною властью, съ правомъ самообложенія. Напрасны были, какъ мы видѣли выше [1]), усилія королей привлечь представителей низшаго духовенства въ парламентъ.

Оставаясь внѣ парламента, внѣ общихъ учрежденій, духовенство постоянно теряло подъ собою почву. Въ то время, какъ развивалось и крѣпло національное право, духовенство было представителемъ и проводникомъ чуждыхъ Англіи началъ римскаго права. Большіе совѣты и парламенты рѣшительно протестуютъ противъ попытокъ духовенства провести начала juris civilis въ англійскіе законы. Уже при Генрихѣ III, въ 1235 году, графы и бароны отвѣтили на предложеніе духовенства касательно узаконенія незаконнорожденныхъ своимъ извѣстнымъ: nolumus leges Angliae mutare [2]). При Ричардѣ II магнаты объявляютъ, что Англія никогда, съ согласія короля и бароновъ, не будетъ управляема по римскому праву [3]). Подозрительно и гнѣвно относятся общины къ законамъ, проводимымъ духовенствомъ безъ согласія парламента, и требуютъ, чтобы ни одинъ статутъ не проходилъ безъ ихъ согласія. Въ разгаръ движенія виклефитовъ, общины требуютъ конфискаціи церковныхъ имуществъ; по настоянію парламента, Эдуардъ III удаляетъ изъ своего совѣта духовныхъ.

Король и дворъ не были глухи къ проповѣди доллардистовъ. У короля были свои счеты съ Римомъ. До второй половины XIV вѣка Англія еще считается папскимъ леномъ; денежныя и другія притязанія папъ даютъ себя чувствовать и оскорбляютъ національное самолюбіе. Въ 1366 году, король, при единодушной поддержкѣ парламента, свергаетъ съ себя послѣдніе остатки зависимости. Воодушевленіе парламента поддерживается Виклефомъ. Но устраненіе ленной зависимости не разрѣшаетъ еще церковнаго вопроса. Въ средніе вѣка свѣтская власть не пріобрѣла правъ по устроенію внѣшнихъ отношеній церкви, какъ части національнаго общества; она не получила возможности подчинить ее дѣйствію свѣтскаго закона, поскольку этого требовала польза государства. Церковь составляетъ обособленный, привилегированный союзъ, съ своимъ законодательствомъ, съ своею юрисдикціею, съ своими доходами и съ своею внѣшнею властью,

---

[1]) См. стр. 209 и слѣд.

[2]) Omnes comites et barones una voce responderunt: quod nolunt leges Angliae mutare quae huc usque usitatae sunt et approbatae.

[3]) Que ce royalme d'Engleterre n'estait devant ces heures ne à l'entent du roy nostre dit seignior et seigniors du parlement, unque ne sera rulé et governé par la ley civile.

находящеюся въ Римѣ. Законы, подобные praemunire [1]), имѣютъ значеніе средствъ обороны государства отъ вторженія церкви въ область ему принадлежащую, но не установляютъ государственнаго верховенства въ той области церковнаго устройства, которая должна принадлежать государству.

„Лоллардизмъ“ открываетъ нѣкоторыя перспективы къ усиленію свѣтской власти. Онъ, какъ мы видѣли выше, находитъ поддержку при дворѣ Эдуарда III, принца Уэльскаго, Ричарда II. Благодаря этой поддержкѣ, Виклефъ можетъ умереть спокойно даже послѣ грознаго возстанія, начатаго подъ знаменемъ его ученія. Но при новой династіи положеніе дѣлъ измѣнилось.

Генрихъ IV, получившій престолъ отъ парламента, долженъ былъ опираться на поддержку высшихъ классовъ и особенно на партію, низложившую Ричарда II. Въ числѣ сторонниковъ низвергнутаго короля были и главнѣйшіе сторонники лоллардизма. Графъ Салисбери былъ открытый „еретикъ“; къ нему примыкали Томасъ Латимеръ, Вильямъ Невилль, Клиффордъ и другіе руководители королевской партіи. По расчету или по убѣжденію, Генрихъ IV исповѣдывалъ чистый католицизмъ. Архіепископъ Арундель, помогшій ему вступить на престолъ, воспользовался этими обстоятельствами отчасти для того, чтобы поддержать интересы церкви, отчасти для уничтоженія враждебной политической партіи.

Въ 1401 году духовенство показало себя несговорчивымъ относительно субсидіи, въ которой нуждался король. Тогда Арундель созвалъ его въ конвокацію и объявилъ, что предметомъ ихъ обсужденія будутъ мѣры противъ лоллардизма. Королевскіе коммисары обѣщали, именемъ короля, всякую поддержку противъ еретиковъ. Результатомъ совѣщаній была пространная петиція относительно искорененія ереси. Процессъ, начатый противъ Вильяма Сотра (Sawtre), лоллардистскаго проповѣдника, долженъ былъ показать, что намѣренія короля серьезны. Палата общинъ подала королю петицію, ходатайствуя о наказаніи еретиковъ, дабы тѣмъ прекратить ихъ вредную проповѣдь и удержать ихъ въ христіанской вѣрѣ [2]). Король поспѣшилъ издать законъ „о сожженіи еретиковъ“ (de haeritico comburendo), вооружившій духовные суды широкими полномочіями по преслѣдованію ересей. Въ видѣ примѣра сожженъ былъ Вильямъ Сотръ (26 февраля 1401 г.). Зато 11 марта конвокація духовенства назначила королю щедрую субсидію.

---

[1]) См. выше стр. 139.

[2]) Pur legerement cesser lour malveis predications et lour tenir a foy Cristien.

Такъ, за наличныя деньги, духовенству даровано было право почти безконтрольнаго распоряженія судьбою всѣхъ заподозрѣнныхъ въ ереси. Законъ 1414 года, изданный при Генрихѣ V вслѣдствіе попытки лоллардистскаго возстанія, подтвердилъ и усилилъ законъ 1401 г. Ересь была подавлена, но не искоренена. О существованіи ея можно было судить по казнямъ, продолжавшимся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и не прекратившимся при Тюдорахъ [1]). Но глухой гнѣвъ таился въ народѣ, тѣмъ болѣе, что тяжкія преслѣдованія побуждали его вглядываться въ нравы своихъ духовныхъ судей и находить въ нихъ черты ужаснѣйшаго разврата и распутства. Сами князья церкви, ревновавшіе о возстановленіи достоинства церкви, откровенно писали папѣ о низкомъ нравственномъ уровнѣ духовенства. Знаменитый министръ Генриха VIII, кардиналъ Вольси [2]) извѣщалъ св. Отца, что священники совершаютъ отвратительныя преступленія, и притомъ совершаютъ ихъ безнаказанно, благодаря потворству духовныхъ судовъ, къ великому соблазну мірянъ. Факты превосходили всякія, самыя мрачныя характеристики. Негодованіе „міряпъ" было сильнѣе, чѣмъ думалъ Вольси. Женщины отказывались принимать причастіе отъ рукъ, оскверненныхъ пороками; духовныхъ преслѣдовали бранью на улицахъ и бросали въ ручьи. Надъ приставами и доводчиками духовныхъ судовъ совершались всякія насилія. Тщетно духовные суды преслѣдовали дѣйствительныхъ или воображаемыхъ еретиковъ казнями, доведенными до утонченной жестокости [3]). „Но, говоритъ Тэнъ, думаете ли вы, что послѣ того, какъ человѣкъ сожженъ или заключенъ, все кончено? Безъ сомнѣнія все молчитъ и скрывается; но подъ вынужденнымъ молчаніемъ живутъ продолжительныя воспоминанія и горькая злоба". Достаточно было одного удара, чтобы шаткое зданіе такой церкви пало навсегда.

IV. Воцареніе Генриха VIII (1509 — 1547) было встрѣчено съ большою радостью и надеждами, которыя должны были подавать его большія способности, хорошее образованіе и привлекательная наруж-

---

[1]) Обильные матеріалы относительно этого предмета собраны у Фруда. Краткій, но живой очеркъ у Тэна, *Histoire de la littérature Anglaise, II,* стр. 301 и слѣд., изд. 1866 г.

[2]) Томасъ Вольси (Wolsey) родился въ 1471 году и выдвинулся еще въ царствованіе Генриха VII, при которомъ онъ былъ „милостынераздавателемъ". Молодой Генрихъ VIII, въ 1510 г., призвалъ его въ тайный совѣтъ, послѣ чего возвышеніе любимца пошло быстро. Въ 1514 г. онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ Іоркскимъ; въ 1515 получилъ кардинальскую шляпу и должность канцлера. Съ неограниченною почти властью управлялъ онъ государствомъ и не пережилъ своего паденія въ 1529 г. Онъ скончался въ 1530 году.

[3]) При совершеніи одной изъ такихъ казней надъ 6 лицами, дѣтей одного изъ осужденныхъ, Джона Скривенера, заставили поджигать костеръ ихъ отца.

ность. Но ничто не предвѣщало въ немъ будущаго реформатора. Напротивъ, онъ твердо держался католическаго ученія и формъ католической церкви, въ которой видѣлъ опору своей собственной власти. Ближайшимъ его сотрудникомъ и любимцемъ былъ кардиналъ Вольси, мечтавшій о папскомъ престолѣ. Почти двадцать лѣтъ Генрихъ оставался вѣрнымъ сыномъ церкви и въ теченіе этого времени доказалъ эту преданность. Лютеръ уже началъ свою антиримскую проповѣдь; одно изъ его сочиненій (*О вавилонскомъ плѣненіи*) вызвало въ королѣ желаніе отвѣчать ему. Въ молодости Генрихъ много занимался богословскими науками. Сообщество и дружба ученыхъ гуманистовъ, Эразма, епископа Фишера, Т. Мора и другихъ, дали ему увѣренность въ его литературныхъ силахъ. Въ 1521 году, онъ, съ одобренія папы Льва X, издалъ книгу въ защиту 7 таинствъ [1]). Лютеръ написалъ грубый отвѣтъ, въ которомъ не щадилъ королевскаго самолюбія. Но папа наградилъ короля титуломъ „защитника вѣры". Нерасположеніе Генриха VIII къ реформаціи усилилось, а съ другой стороны, ласкательство папы и совѣты Вольси укрѣпляли его связь съ римскою церковью. Чрезъ нѣсколько лѣтъ это положеніе круто измѣнилось.

Какъ извѣстно, Генрихъ VIII, по волѣ своего отца, былъ женатъ на Екатеринѣ Аррагонской, дочери Фердинанда Католика. Первоначально Генрихъ VII, старавшійся всѣми средствами завязать прочныя связи съ могущественными державами, сосваталъ ее за старшаго своего сына — Артура. Бракъ состоялся, но молодой принцъ умеръ при жизни отца. Корона должна была перейти ко второму сыну короля. Расчетливый Генрихъ VII приложилъ все стараніе, чтобы не порвать родственныхъ связей съ могущественнымъ испанскимъ домомъ. Не смотря на всѣ каноническія затрудненія, не смотря на то, что женихъ былъ нѣсколькими годами моложе своей невѣсты, не смотря на письменно выраженныя самимъ женихомъ сомнѣнія относительно законности брака, онъ состоялся съ разрѣшенія папы Юлія II. Но, по молодости жениха, формальное заключеніе брака было отложено и послѣдовало только по смерти Генриха VII.

Брачный союзъ продолжался много лѣтъ, прежде чѣмъ въ душѣ короля вновь всплыли сомнѣнія, нѣкогда изложенныя имъ при заключеніи брачнаго договора. Поводы къ этимъ сомнѣніямъ были довольно сложны. Что король охладѣлъ къ своей супругѣ и увлекся одною изъ ея красивыхъ фрейлинъ—Анною Болейнъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но едва ли эта придворная исторія могла побудить Генриха сдѣлать рѣшительные шаги къ разрыву съ Римомъ, безъ другихъ серьезныхъ мотивовъ. Едва ли одно женолюбіе короля заставило его

---

[1]) *Adsertio septem sacramentorum* etc.

начать бракоразводное дѣло безъ соображеній политическихъ, которымъ онъ принесъ въ жертву свою церковную мнительность.

Екатерина Аррагонская не подарила своего мужа наслѣдникомъ, который могъ бы упрочить его династію на престолѣ Англіи. Единственнымъ плодомъ долгаго брачнаго союза была дочь—Марія, слабая и болѣзненная. Всѣ другія дѣти короля умирали. Между тѣмъ, претендентовъ на англійскій престолъ было достаточно какъ внѣ, такъ и внутри страны. Сынъ дочери Генриха VII, шотландскій король Іаковъ V имѣлъ основаніе предъявить свои права; еще жива была и имѣла могущественныхъ приверженцевъ партія дома Іоркскаго. Нѣкоторыя фамиліи основывали свои права на болѣе прямомъ происхожденіи отъ Плантагенетовъ, чѣмъ происхожденіе Тюдоровъ [1]). Одинъ изъ этихъ претендентовъ, Буккингамъ, уже поплатился головой, проговорившись о своихъ притязаніяхъ [2]). Такимъ образомъ, переходъ престола къ Маріи не спасалъ ее отъ сильныхъ претендентовъ; преждевременная кончина ея открывала путь нескончаемымъ междоусобіямъ и даже къ иноземному вмѣшательству. Эти обстоятельства должны были подѣйствовать на рѣшеніе Генриха больше, чѣмъ вліяніе Болейнъ; предположеніе это вѣроятно тѣмъ болѣе, что король, до встрѣчи съ Болейнъ, сохранялъ супружескую чистоту [3]).

Около 1526 года король рѣшился начать бракоразводное дѣло. Придворные богословы поддерживали короля въ его намѣреніи. Кардиналъ Вольси принужденъ былъ взять на себя щекотливое порученіе: побудить папу объявить незаконность брака, торжественно признаннаго законнымъ другимъ папой. Но на первый разъ многое обѣщало ходатайству успѣхъ. Быстрые успѣхи императора Карла V, племянника англійской королевы, возбуждали опасенія въ папѣ; вмѣстѣ съ королемъ французовъ—Франциском I—папа Климентъ VII рѣшился противостоять замысламъ императора. Бракоразводное дѣло, начатое противъ тетки императора, было однимъ изъ орудій противъ послѣдняго. Климентъ VII отправилъ своихъ легатовъ въ Англію, съ порученіемъ разслѣдовать дѣло и, если представятся къ тому основанія, расторгнуть бракъ.

Легатъ, кардиналъ Кампеджіо, прибылъ въ Англію. Сначала онъ убѣждалъ королеву добровольно согласиться на разводъ. Послѣ ея отказа, начался длинный и возмутительный по подробностямъ про-

---

[1]) Тюдоры происходили по женской линіи отъ второго, *побочнаго* сына Джона Гаунта (основателя ланкастерскаго дома), Джона. Онъ былъ *узаконенъ*. Внука его, Маргарита, вышла замужъ за Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда; плодомъ этого брака былъ Генрихъ VII.

[2]) Хотя противъ Буккингама могли быть приведены только неважныя вины.

[3]) Это было засвидѣтельствовано даже папскими послами.

цессъ, возмутительный тѣмъ болѣе, что легатъ не привелъ его къ концу, вслѣдствіе внезапнаго поворота въ папской политикѣ. Соединенныя усилія Климента VII и Франциска I не могли остановить успѣховъ Карла V; войска его угрожали даже Риму. Играть долѣе на бракоразводномъ дѣлѣ близкой родственницы могущественнаго императора становилось опаснымъ. Кампеджіо былъ отозванъ изъ Англіи, а между Климентомъ VII и Генрихомъ завязалась переписка, изъ которой король ясно увидѣлъ, что папа отступился отъ прежнихъ своихъ намѣреній.

Тюдоровская кровь заговорила въ королѣ. Проигравъ дѣло въ Римѣ, онъ рѣшился опереться на парламентъ, въ которомъ, независимо отъ его покорности королю, всегда были готовы оппозиціонные Риму элементы. Вольси, неудачно игравшій роль посредника между папой и королемъ, первый былъ принесенъ въ жертву гнѣву послѣдняго. Могущественный кардиналъ былъ отставленъ, осужденъ парламентомъ по требованію короля и вскорѣ умеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ палата общинъ (1529 г.) представила королю прошеніе о необходимости исправить великія злоупотребленія въ церкви. Содержаніе петиціи было таково, что подъ нею подписался бы самый ревностный лоллардистъ.

Палата указывала на обособленность церковнаго управленія, на вредъ, происходящій отъ особыхъ конвокацій духовенства, на глубокую безнравственность послѣдняго, на злоупотребленія въ духовныхъ судахъ, на непотизмъ и жадность прелатовъ, на симонію и т. д. Въ заключеніе было высказано желаніе, чтобы король былъ признанъ и сдѣлался единственнымъ главою націи, въ отношеніи какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ ея интересовъ.

Заявленія парламента шли, можетъ быть, дальше, чѣмъ того желалъ король, въ душѣ оставшійся католикомъ. Онъ не желалъ открытаго и окончательнаго разрыва съ Римомъ. Прошло еще пять лѣтъ, прежде чѣмъ совершилось это знаменитое событіе. Переговоры съ Римомъ не прекращались, хотя надежды на удовлетворительный исходъ ихъ было мало. Но умы созрѣвали для реформы. Антипатіи къ папскому престолу, прежде сдерживаемыя королемъ, высказываются открыто и въ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Рядовое духовенство, въ коемъ національное чувство всегда было сильнѣе, чѣмъ среди прелатовъ, объявляетъ короля главою церкви и дѣлаетъ постановленіе объ отмѣнѣ лепты св. Петра и аннатъ. Самъ король рѣшается на смѣлые шаги. Новый его любимецъ, прелатъ Томасъ Кромвель [1]), сильно проникнутый протестантскими понятіями, въ

[1]) Томасъ Кромвель, предокъ знаменитаго Оливера Кромвеля, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ Генриха VIII въ дѣлѣ реформаціи. Онъ былъ вы-

1532 году былъ возведенъ въ званіе примаса королевства. Въ слѣдующемъ (1533) году совершился формальный разводъ короля съ Екатериною Аррагонскою и бракъ съ Анною Болейнъ. Папа отвѣчалъ королю буллою объ отлученіи (1534).

Долго ожидавшійся разрывъ съ Римомъ наконецъ совершился. Парламентъ, поспѣшно созванный въ 1534 году, принялъ королевскія предложенія, клонившіяся къ этой цѣли. Но въ постановленіяхъ 1534 года проявляется двойственность, соотвѣтствовавшая настроенію Генриха VIII и отразившаяся впослѣдствіи на строѣ и ученіяхъ англиканской церкви. Внѣшняя, политическая, такъ сказать, сторона дѣла была разрѣшена съ настойчивостью и послѣдовательностью. Постановленія 1534 года провозглашали главенство короля въ церковныхъ дѣлахъ, подчиняли ему духовенство и его конвокаціи, отмѣняли всѣ признаки зависимости церкви отъ Рима (лепта св. Петра, аннаты). Къ прежней подданнической присягѣ королю присоединялась новая присяга—въ *суприматіи.* Наконецъ, бракъ съ Екатериною Аррагонскою объявленъ былъ недѣйствительнымъ, и дочь короля отъ этого брака—Марія отрѣшена отъ престолонаслѣдія. Но догматическая и обрядовая сторона не была тронута. Месса, таинства, ученіе о пресуществленіи и о добрыхъ дѣлахъ остались неприкосновенными.

Повидимому, такой образъ дѣйствій долженъ былъ облегчить переходъ страны къ новому положенію. Реформа 1534 года устраняла то, что̀ издавна вызывало негодованіе націи: зависимость отъ Рима и привилегированное, внѣгосударственное, такъ сказать, положеніе духовенства; съ другой стороны, она сохраняла традиціонныя вѣрованія большинства народа. Но въ дѣйствительности эти постановленія, подобно всѣмъ *полумѣрамъ*, продиктованнымъ политическими соображеніями въ дѣлахъ вѣры, создали тягостное и безвыходное положеніе для всѣхъ, искренно вѣрующихъ. Вѣрующимъ католикамъ постановленія 1534 г. оставляли католицизмъ безъ папы, т.-е. безъ вѣкового авторитета католической церкви; вѣрующимъ протестантамъ они давали внѣшнюю реформу безъ новыхъ догматовъ. Трудно описать раздвоеніе, внесенное такою реформою въ религіозную жизнь. Католики, вѣрные старому церковному авторитету, и протестанты, стремившіеся къ внутреннему преобразованію церкви, одинаково

двинутъ кардиналомъ Вольси и послѣ его паденія (1529) сдѣлался (1530) канцлеромъ и занималъ это мѣсто до 1540 года. Въ этомъ году король развелся съ четвертой своей женой Анной Клевской, на которой женился главнымъ образомъ по совѣту Кромвеля, желавшаго для короля протестантскаго союза. Только что пожалованный титуломъ графа Эссексъ, Кромвель былъ лишенъ должности и осужденъ на смерть.

дѣлались жертвою жестокихъ преслѣдованій, которыми Генрихъ VIII думалъ утвердить свое дѣло. Канцлеръ королевства, бывшій другъ короля и знаменитый мыслитель Томасъ Моръ погибъ на эшафотѣ, за вѣрность католицизму [1]); той же участи подвергся ученый епископъ Фишеръ. Для лицъ, менѣе важныхъ, воздвигались костры. Крестьяне сѣверныхъ графствъ произвели возстаніе, подавленное жестокими мѣрами (1537).

Разрывъ между оффиціальною и народною реформаціею шелъ еще глубже. Въ народѣ возродилось старое протестантское движеніе, вызванное настоящею духовною жаждою. Многочисленные факты убѣждаютъ, съ какою жадностью читалось священное писаніе, какъ бѣдняки складывались, чтобы на послѣднія деньги купить библію, когда она была вновь переведена на англійскій языкъ Тиндалемъ (1526) и разрѣшена королемъ (1536). Предъ читателями вѣчной книги раскрывался новый духовный міръ, не похожій на тотъ, который открывала имъ оффиціальная церковь, слишкомъ похожая на римскую „блудницу", столь ненавистную имъ. Но въ то время, какъ въ умахъ и душахъ народа зарождались стремленія, выразившіяся въ буряхъ первой революціи, въ королевскомъ совѣтѣ обдумывались мѣры къ возможно большему соглашенію ученій новой церкви съ догматами церкви католической. Въ данную минуту, рѣшительное вліяніе имѣли не сторонники протестантизма, подобные Кранмеру [2]), но скрытые католики, подобные винчестерскому епископу Гардинеру. Подъ вліяніемъ послѣднихъ былъ составленъ, предложенъ парламенту (1539) и принятъ послѣднимъ такъ называемый „билль о шести статьяхъ" [3]).

Билль постановлялъ: 1) о дѣйствительномъ присутствіи Іисуса

---

[1]) Моръ (More, по лат. Morus) род. въ 1480 году. Знаменитое его сочиненіе Утопія (*De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia*) вышло въ свѣтъ въ 1516 году. Казненъ въ 1535.

[2]) Томасъ Кранмеръ (1498—1556). Съ 1524 года былъ профессоромъ богословія въ Кэмбриджѣ, затѣмъ капелланомъ Генриха VIII. Въ 1531 году былъ посланъ въ Германію къ императору Карлу V, чтобы получить его согласіе на разводъ Екатерины Аррагонской съ королемъ. Въ Германіи онъ еще ближе сошелся съ корифеями реформаціи и укрѣпился въ лютеранскихъ воззрѣніяхъ. По возвращеніи въ Англію, онъ былъ возведенъ въ санъ примаса. Въ этомъ качествѣ, онъ расторгъ (въ 1533 году) бракъ короля. Но въ теченіе царствованія Генриха VIII ему не удавалось вполнѣ осуществить свои намѣренія. Главнымъ періодомъ его дѣятельности является царствованіе Эдуарда VI. Во время католической реакціи, при Маріи Кровавой, онъ былъ сожженъ. Ему также принадлежитъ переводъ или, точнѣе, новая редакція перевода библіи (1539).

[3]) Оффиціальное его названіе было: „Статутъ для разсмотрѣнія различія мнѣній о нѣкоторыхъ статьяхъ христіанской вѣры".

Христа въ пресуществленіи; 2) что причащеніе подъ двумя видами не требуется св. писаніемъ; 3) что законъ Божій воспрещаетъ браки духовенства [1]); 4) что Богъ повелѣваетъ хранить обѣты цѣломудрія; 5) что частныя мессы допускаются писаніемъ и полезны; 6) что устная исповѣдь полезна и необходима. Жестокія наказанія были установлены для всѣхъ, противившихся 6 статьямъ. Костеръ грозилъ виновнымъ противъ перваго пункта; висѣлица — лицамъ, проповѣдующимъ устно или письменно противъ другихъ статей. Священникъ, нарушившій обѣтъ цѣломудрія, подвергался конфискаціи имущества и пожизненному заключенію; повтореніе преступленія влекло смертную казнь. Тюрьма и денежныя пени грозили уклоняющимся отъ исповѣди и причастія; въ случаѣ повторенія, они подвергались смертной казни.

Такимъ образомъ, коронѣ были даны грозныя средства противъ католиковъ, съ одной, и людей, стремившихся къ коренной реформѣ церкви, съ другой стороны. Внѣшняя сторона реформы была закончена: связь съ Римомъ расторгнута и на мѣсто папскаго главенства поставлена *суприматія* короля. Дальше этого не пошли преобразованія Генриха VIII. Въ послѣдніе годы его жизни, послѣ брака его съ Екатериною Говардъ (1540), при дворѣ пріобрѣла вліяніе партія скрытыхъ католиковъ герцога Норфолька и епископа Гардинера, усердно преслѣдовавшая протестантовъ подъ видомъ защиты „шести статей". Затѣмъ дѣло реформы пріостановилось. Преобразованіе въ догматахъ и обрядахъ было произведено при Эдуардѣ VI и, послѣ кратковременной католической реакціи Маріи Кровавой, закрѣплено при Елисаветѣ. Но уже при самомъ Генрихѣ VIII реформація повлекла за собою нѣкоторыя важныя перемѣны въ общественномъ бытѣ и политическихъ учрежденіяхъ Англіи.

V. Важнѣйшею изъ этихъ перемѣнъ явился переворотъ, произведенный въ области землевладѣнія *конфискаціею церковныхъ имуществъ* вслѣдствіе упраздненія монастырей. Стремленіе къ закрытію монастырей и конфискаціи ихъ имуществъ не было новостью въ Англіи. Не восходя ко временамъ лоллардизма, можно указать на тотъ знаменательный фактъ, что еще въ то время, когда Генрихъ VIII былъ ревностнымъ католикомъ и управленіе государствомъ находилось въ рукахъ кардинала Вольси, упраздненіе монастырей и секуляризація ихъ имуществъ совершались съ разрѣшенія папы. Въ 1526 году кардиналъ испросилъ у папы разрѣшеніе закрыть нѣсколько монастырей и обратить ихъ доходы на содержаніе новыхъ учебныхъ коллегій.

---

[1]) Но Кранмеръ тайно женился въ Нюрнбергѣ, во время своей поѣздки въ Германію.

Изъ всѣхъ учрежденій католической церкви въ Англіи, монастыри были наименѣе популярными. Обвиненія духовенства въ развратѣ и всяческихъ порокахъ обращались, главнымъ образомъ, къ монашествующимъ. Всякая мѣра, направленная противъ монастырей, была бы одобрена въ общемъ мнѣніи. Притомъ монастыри были богаты. Имущества ихъ представляли желанную добычу для казны Генриха VIII, во многомъ напоминавшаго своего отца, но только не въ бережливости. Возможность пріобрѣсти огромныя денежныя средства для своей казны подвинула Генриха, столь щекотливаго въ догматическихъ вопросахъ, къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Дѣятельнымъ его сотрудникомъ явился новый канцлеръ Томасъ Кромвель.

Вскорѣ послѣ разрыва короля съ Римомъ, упраздненіе монастырей, подъ руководствомъ Кромвеля, стяжавшаго себѣ названіе „молота монаховъ", было возведено въ систему. Англія была раздѣлена на округи; въ каждый изъ нихъ были назначены ревизоры монастырей мужскихъ и женскихъ, для составленія свѣдѣній о ихъ положеніи. Донесенія ревизоровъ, въ преувеличенномъ, вѣроятно, видѣ, представили эти учрежденія гнѣздами разврата и пороковъ. Послушный парламентъ 1536 года далѣ королю право распорядиться по своей волѣ малыми монастырями. На основаніи этого акта было закрыто около 380 монастырей; огромныя земельныя имущества и богатая движимая собственность обитателей перешли въ распоряженіе короля. Гроза не коснулась, однако, главнѣйшихъ монастырей, можетъ быть потому, что ихъ пріоры и аббаты имѣли мѣсто въ верхней палатѣ и здѣсь могли отстаивать интересы своихъ учрежденій.

Но произвольныя мѣры постоянно ожесточавшагося короля вызвали, наконецъ, возстаніе въ сѣверныхъ графствахъ. Оно было подавлено жестокими мѣрами (1537). Вмѣстѣ съ тѣмъ двинулось и дѣло упраздненія монастырей. На этотъ разъ не спаслись и большія аббатства. Имущества, полученныя этимъ путемъ, могли бы обогатить короля настолько, что онъ сдѣлался бы надолго независимымъ отъ парламентскихъ субсидій. Но расточительность Генриха VIII росла вмѣстѣ съ годами. Легкомысленно расточались имущества на придворныя празднества, на подарки фаворитамъ на внѣшнія, часто безцѣльныя предпріятія. Въ короткое, сравнительно, время бывшія монастырскія земли оказались въ рукахъ зоркой джентри и усилили ея значеніе.

Въ отношеніи политическомъ и, въ особенности, для дѣла реформаціи, этотъ переворотъ имѣлъ свои благопріятныя послѣдствія. Въ массѣ собственниковъ, обогатившихся на счетъ монастырскихъ земель, реформація пріобрѣла множество союзниковъ, подобно тому, какъ въ эпоху французской революціи масса новыхъ собственниковъ,

раскупившихъ „національныя имущества", составляла преграду для легимистической реакціи. Сама Марія Тюдоръ, какъ мы увидимъ ниже, возстановляя католицизмъ, остановилась предъ возвращеніемъ церкви ея земель, и церковная реставрація, достигнутая путемъ недостойной сдѣлки, не могла быть прочною.

Не смотря на это, земельная революція 1537 года представляетъ и темныя стороны. Соглашаясь съ тѣмъ, что монастырская жизнь подавала множество поводовъ къ обвиненіямъ духовенства въ роскоши и безнравственности, нельзя терять изъ виду, что имущество монастырей было главнымъ источникомъ *благотворительности*, въ которой такъ нуждались низшіе классы Англіи. По общему свидѣтельству, въ монастыряхъ бѣдные и нищіе находили пріютъ, пищу и даже денежную помощь. Съ переходомъ монастырскихъ земель въ частныя руки этотъ источникъ благотворительности изсякъ [1]).

Между тѣмъ, вопросъ о вспомоществованіи бѣднымъ имѣлъ для Англіи, въ эпоху Тюдоровъ, весьма важное значеніе. Свидѣтельство Фортескью о значительномъ числѣ мелкихъ собственниковъ въ Англіи теряетъ свое значеніе послѣ событій войнъ алой и бѣлой розъ. Уже въ средніе вѣка образовалось много условій для обезземеленія крестьянъ, и процессъ этотъ начался задолго до воцаренія Тюдоровъ. Въ смутное же время 1445—1485 гг., когда насиліямъ всякаго рода открывается широкій просторъ, когда раззореніе многихъ идетъ въ пользу немногимъ, крупная собственность дѣлаетъ быстрые успѣхи. Въ это печальное время гибнетъ не только частная мелкая собственность, но и общественныя земли крестьянъ. Всѣми способами захватываютъ крупные землевладѣльцы общественныя земли [2]). Затѣмъ, при измѣнившихся условіяхъ сельскаго хозяйства и торгово-промышленнаго направленія страны, земледѣліе становится менѣе выгодно, чѣмъ производство шерсти. Цѣлыя селенія сгоняются для устройствъ пастбищъ и луговъ. По выраженію современниковъ, овцы пожираютъ людей. Но не одни пастбища появляются на мѣстѣ бывшихъ селеній. Его занимаютъ и парки, устроенные для охоты землевладѣльцевъ, обыкновенно страстныхъ любителей этого занятія.

---

[1]) Галламъ, назв. соч., I, гл. II, стр. 80 не безъ основанія возражаетъ противъ преувеличиваемаго часто значенія благотворительности монастырей. По его мнѣнію, безпорядочная благотворительность этихъ учрежденій скорѣе поощряла нищенство праздношатающихся, чѣмъ помогала дѣйствительно нуждающимся. Но не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ времена не было другихъ средствъ и способовъ благотворительности и что позднѣйшіе „законы о бѣдныхъ" далеко не разрѣшили этого серьезнаго вопроса.

[2]) Подробное изслѣдованіе процесса обезземеленія крестьянъ въ средніе вѣка см. въ соч. проф. Ковалевскаго *Общественный строй Англіи*, особ. стр. 80—134, содержащія въ себѣ множество фактовъ, тщательно собранныхъ изслѣдователемъ.

Что соціальное неравенство и нищета сдѣлали въ Англіи поразительные и печальные успѣхи во второй половинѣ XV вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ фактическія показанія современниковъ, такъ и горькая сатира на англійское общество, содержащаяся въ *Утопіи* Мора. Оставляя въ сторонѣ фантастическій идеалъ знаменитаго канцлера, нельзя не обратить вниманія на прозрачную критику состоянія Англіи. Въ размышленіяхъ Мора можно найти всѣ черты общественныхъ недостатковъ, подтверждаемыхъ какъ свидѣтельствами современниковъ, такъ и оффиціальными актами. Знать, погруженная въ бездѣйствіе и содержащая толпы лѣнивой челяди и дерзкихъ головорѣзовъ; народъ, подавленный тяжестью налоговъ; деревни, полныя бродягами, нищими и ворами; земледѣліе, пришедшее въ упадокъ, и поля, уступившія мѣсто пастбищамъ, ради выгодъ жадныхъ лордовъ и прелатовъ. „Что̀ вы производите?“ восклицаетъ Моръ отъ имени Рафаила Гитлодея [1]. „Воровъ, чтобы имѣть удовольствіе ихъ вѣшать“.

Эти слова были написаны въ 1516 г., слѣдовательно чрезъ тридцать лѣтъ послѣ битвы при Босвортѣ, когда событія второй половины XV вѣка дали уже свой плодъ. Тщетны были попытки остановить процессъ обезземеленія, а слѣдовательно, и развитіе нищеты. Развитіе крупной собственности умножало число бѣдныхъ; конфискаціи монастырскихъ имуществъ умаляли, если не уничтожали средства общественной благотворительности.

При этихъ условіяхъ, законодательство о бѣдныхъ должно было поставить на другую, сравнительно съ прежнимъ временемъ, почву. На эту необходимость указывало какъ возраставшее число нищихъ и бродягъ, такъ и волненія въ низшихъ классахъ. Внезапное прекращеніе помощи, вслѣдствіе закрытія монастырей, вызвало серьезное возстаніе. До 20,000 бѣдныхъ возстало подъ предводительствомъ нѣсколькихъ лицъ изъ образованнаго класса и духовенства, сохранившаго свое вліяніе на сѣверѣ. Монахи возбуждали мятежниковъ и шли впереди съ крестомъ въ рукахъ. Число возставшихъ дошло до 40,000. Мятежъ охватывалъ графство за графствомъ. Вооруженныхъ силъ, коими располагалъ король, было недостаточно для подавленія возстанія. Тогда, можетъ быть, вспомнили о маневрѣ, нѣкогда выручившемъ Ричарда II. Герцогъ Суффолькъ [2]) успокоилъ мятежниковъ заманчивыми обѣщаніями отъ имени короля. Но кровавая расправа постигла ихъ послѣ того, какъ они разошлись. Тѣмъ не менѣе, Ген-

---

[1]) Одного изъ собесѣдниковъ въ *Утопіи*.

[2]) Женатый на сестрѣ Генриха VIII, Маріи, вдовѣ Людовика XII. См. таблицу въ началѣ главы.

рихъ VIII былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не видѣть возможности новыхъ мятежей, если положеніе низшихъ классовъ не будетъ улучшено по крайней мѣрѣ законами о бѣдныхъ. Въ 27 годъ царствованія Генриха VIII явился статутъ, положившій начало новому законодательству о бѣдныхъ, приведенному потомъ въ систему Елисаветой. Законы Генриха VIII, если не относительно формы помощи бѣднымъ, то относительно ея принципа, сходствуютъ съ законами его знаменитой дочери. Именно, помощь бѣднымъ возводится уже въ повинность, лежащую на мѣстныхъ союзахъ, особенно же на приходахъ. Ниже мы возвратимся къ этому предмету.

VI. Если закрытіе монастырей и конфискація ихъ имуществъ повели къ такимъ экономическимъ послѣдствіямъ, то общее преобразованіе духовенства повело къ немаловажнымъ *политическимъ* перемѣнамъ. Съ подчиненіемъ духовенства супрематіи короля, оно естественно утратило прежнее свое политическое значеніе. Изъ самостоятельной и нерѣдко оппозиціонной силы, оно обратилось въ послушное орудіе королевской власти. Въ интересахъ реформаціи, виднѣйшіе ея представители, подобные Кранмеру, должны были превозносить значеніе королевской власти, какъ для того, чтобы имѣть твердую точку опоры для борьбы съ католицизмомъ [1]), такъ и для устраненія важныхъ догматическихъ сомнѣній. Признаніе супрематіи въ дѣлахъ церковныхъ, естественно, возбуждало вопросъ о поставленіи должностныхъ лицъ церкви, обусловленномъ рукоположеніемъ и посвященіемъ. Отрицая признанный вѣками авторитетъ, протестантскіе учителя должны были прійти къ отрицанію необходимости рукоположенія и признать королевское назначеніе или утвержденіе достаточнымъ для сообщенія правъ священства. Другими словами, назначеніе прелатовъ и священно-служителей было поставлено въ одинаковыя условія съ назначеніемъ на государственныя должности канцлера, казначея и т. д. Такова и была доктрина Кранмера и другихъ представителей реформаціи. Результатомъ ея было установленіе *государственной* церкви, окончательно устроенной и утвержденной при Елисаветѣ.

Прелаты, назначаемые королемъ, естественно не могли образовать изъ себя того самостоятельнаго и могущественнаго элемента верхней палаты, какой они представляли въ средніе вѣка. Новые архіепископы и епископы не имѣли уже ничего общаго съ Стратфордами и Арунделями. Притомъ число представителей духовенства въ верхней палатѣ значительно уменьшилось вслѣдствіе упраздне-

---

[1]) Это направленіе было общимъ для главныхъ представителей реформаціи какъ въ Англіи, такъ и въ Европѣ. Ученіе Кранмера представляло въ этомъ отношеніи полное сходство съ ученіемъ Лютера. Ср. Гервинусъ, *Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка.*

нія монастырей, аббаты которыхъ призывались въ палату лордовъ. При воцареніи Генриха VIII, эта палата состояла изъ 84 лицъ, въ томъ числѣ 36 свѣтскихъ и 48 духовныхъ пэровъ. Такимъ образомъ духовные пэры располагали большинствомъ 12 голосовъ. Затѣмъ въ число 48 духовныхъ пэровъ включалось 2 архіепископа, 19 епископовъ, 26 аббатовъ и пріоровъ и гроссмейстеръ ордена Іоаннитовъ. Съ упраздненіемъ монастырей и орденовъ, духовные пэры оказались въ меньшинствѣ. Хотя число епископскихъ каѳедръ и было нѣсколько увеличено, но это не измѣнило существа дѣла, такъ какъ, съ другой стороны, увеличивалось и количество свѣтскихъ пэровъ.

Независимо отъ числа пэровъ, самое ихъ качество, какъ мы видѣли, содѣйствовало паденію самостоятельности палаты лордовъ. Зависимые отъ короны прелаты, въ соединеніи съ новыми свѣтскими пэрами, обязанными своимъ возвышеніемъ и богатствами милостямъ короны, образовали ту палату лордовъ, услугами которой Генрихъ VIII пользовался для отправленія на эшафотъ своихъ женъ, министровъ и неугодныхъ ему лордовъ. Въ новомъ духовенствѣ зародились также тѣ доктрины абсолютизма, которыя впослѣдствіи сдѣлались точкою опоры для теорій Іакова I и породили столько распрей при его преемникѣ.

Въ общемъ итогѣ, власть, которую Генрихъ VIII оставилъ своимъ преемникамъ, была обширнѣе власти его предшественниковъ, такъ какъ прежняя королевская прерогатива усилилась новымъ элементомъ—верховенствомъ въ дѣлахъ духовныхъ. Пышный титулъ Генриха VIII соотвѣтствовалъ новому положенію вещей. Генрихъ именовался: „Божіею милостью король Англіи, Франціи и Ирландіи; защитникъ вѣры и церкви Англіи и Ирландіи, высшій глава на землѣ". Изъ англійскихъ королей онъ первый титулуется „Величествомъ". Въ отношеніи къ Генриху VIII и Елисаветѣ эти наименованія не были одними почетными отличіями.

VII. Генрихъ VIII оставилъ трехъ дѣтей: сына Эдуарда, отъ Жанны Сеймуръ, Марію, отъ Екатерины Аррагонской, и Елисавету, отъ Анны Болейнъ. Согласно его распоряженію, престолъ долженъ былъ перейти къ Эдуарду и его потомству, затѣмъ право на корону принадлежало сначала Маріи, потомъ Елисаветѣ. Въ 1547 г. Эдуардъ, тогда девятилѣтній ребенокъ, сдѣлался королемъ Англіи. Съ перемѣною правленія открылись благопріятныя условія для дальнѣйшаго распространенія и утвержденія реформаціи. Уже не задолго до смерти Генриха VIII, католическая партія, нѣкогда погубившая Т. Кромвеля, потерпѣла крушеніе. Сынъ графа Норфолька, графъ Суррейскій, задумалъ окончательно привязать больного, но еще сластолюбиваго короля къ своей партіи при помощи молодой сестры своей.

Но послѣдняя отказалась отъ исполненія этого плана. Между тѣмъ, дерзкія выходки молодого графа и нескрываемые имъ честолюбивые замыслы навлекли на него гнѣвъ короля. Суррей былъ казненъ. Отецъ его избѣгъ этой участи только благодаря смерти Генриха VIII. Въ лицѣ Норфольковъ пала главная поддержка католической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовный ея руководитель, епископъ Гардинеръ, былъ исключенъ изъ списковъ тайнаго совѣта, предназначеннаго къ управленію государствомъ въ малолѣтство Эдуарда.

Первенствующее вліяніе перешло къ дядѣ молодого монарха, Эдуарду Сеймуру, пользовавшемуся поддержкою вдовствующей королевы (Екатерины Парръ). Сеймуръ, по воцареніи Эдуарда, былъ сдѣланъ герцогомъ Сомерсетскимъ и получилъ неограниченную власть въ совѣтѣ. Новый герцогъ былъ искренній и рѣшительный протестантъ; правленіе его дозволяло Кранмеру и его сотрудникамъ повести дѣло реформаціи дальше, чѣмъ это было сдѣлано при Генрихѣ VIII. Руководимая Кранмеромъ, протестантская партія въ духовенствѣ рѣшилась произвести перемѣны въ догматической сторонѣ новой церкви. Прежде всего предстояло поднять въ массѣ протестантскія стремленія, подавленныя католическою реакціею при Генрихѣ VIII. Изъ тюремъ были выпущены заключенные въ нихъ проповѣдники, каковы Паркеръ и Латимеръ[1]). Англія сдѣлалась убѣжищемъ свѣтилъ протестантизма, гонимыхъ на континентѣ Европы. Ихъ проповѣдь, устная и письменная, имѣла сильное вліяніе въ Англіи. Распоряженія и мѣры перваго времени реформаціи были возстановлены и духовенству предписано проповѣдывать въ протестантскомъ духѣ. Затѣмъ устранено главное препятствіе къ дальнѣйшему развитію протестантскихъ ученій—извѣстныя намъ „шесть статей". Новыя ученія, принятыя конвокаціею духовенства и утвержденныя парламентомъ, выразились въ знаменитомъ „Общемъ Молитвенникѣ" (Common Prayerbook) 1549 года [2]) и въ 42 статьяхъ символа вѣры, составленныхъ Кранмеромъ при содѣйствіи Петра Мартира, Охина и знаменитаго Меланхтона.

Въ общихъ началахъ, новые догматы приближались къ протестантскимъ ученіямъ; литургія была преобразована и упрощена; безбрачіе духовенства отмѣнено; поклоненіе иконамъ осуждено, отмѣнены разные „суевѣрные" обряды. Но въ результатѣ вновь утвержденные догматы носили на себѣ характеръ компромисса между ученіями католическими и протестантскими, а потому они не могли удовлетворить ни послѣдовательныхъ протестантовъ, ни вѣрныхъ

---

[1]) Характеръ и значеніе тогдашнихъ проповѣдниковъ весьма хорошо обрисованы у Тэна, назв. соч., II, стр. 323 и слѣд.

[2]) Характеристику „Общаго Молитвенника" см. тамъ же, стр. 316 и слѣд.

католиковъ [1]). Притомъ, подобно всякой искусственной системѣ, опирающейся на силѣ свѣтской власти, новая система, для примѣненія своего, требовала принудительныхъ мѣръ, въ коихъ не было недостатка. Онѣ вызывали раздраженіе, усиленное аграрнымъ вопросомъ и злоупотребленіями знати, усердно присвоивавшей себѣ общинныя земли. Въ тотъ годъ, когда парламентъ съ восторгомъ принялъ Общій Молитвенникъ, въ Корнвалѣ, Девонширѣ и другихъ графствахъ, вспыхнуло сильное возстаніе, подъ предводительствомъ кожевника Кэта и другихъ лицъ. Возстаніе было подавлено. Въ усмиреніи его особенно отличился Джонъ Дудлей, графъ Варвикъ, одинъ изъ главныхъ соперниковъ герцога Сомерсета.

Причина, по которой во главѣ королевскихъ войскъ былъ поставленъ врагъ протектора, состояла въ томъ, что послѣдній вызвалъ сильное неудовольствіе въ знати своимъ самовластнымъ поведеніемъ. Герцога обвиняли даже, если не въ подстрекательствѣ, то въ сочувствіи мятежникамъ. Послѣднее обвиненіе имѣло основаніе развѣ въ томъ, что Сомерсетъ довольно правильно понималъ аграрныя отношенія, высказывался за необходимость ихъ улучшенія и дѣйствительно былъ любимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, Варвикъ побѣдилъ не только мятежниковъ, но и Сомерсета. Неудачи во внѣшней политикѣ окончательно поколебали власть послѣдняго. Тщетно онъ старался удержать, а потомъ возвратить потерянную власть при помощи лондонскаго населенія. Въ январѣ 1553 года онъ былъ казненъ. Мѣсто правителя государства занялъ Варвикъ, получившій титулъ герцога Нортумберландскаго.

Дѣло реформы, впрочемъ, не измѣнилось отъ этой катастрофы. Преобразованія зашли такъ далеко, что отступить отъ нихъ было трудно. Сверхъ того, матеріальные интересы знати и значительной части землевладѣльцевъ были связаны съ реформаціей до такой степени, что одна мысль о возстановленіи монастырей приводила эти классы въ трепетъ. Личные разсчеты Нортумберланда совпадали съ интересами новой церкви. Молодой король былъ такъ слабъ здоровьемъ, что постоянно можно было опасаться его смерти.

Со смертью короля, Нортумберландъ не только терялъ свою власть, но и могъ опасаться худшихъ послѣдствій, такъ какъ пре-

---

[1]) Достаточно одного примѣра: „Англиканская церковь“, говоритъ Маколей (не подозрѣвая ироніи, заключенной въ его словахъ), „удержала мѵропомазаніе и рукоположеніе, какъ назидательные обряды, но перестала считать ихъ таинствами“. Какъ могъ усвоить эту „систему“ католикъ, видѣвшій въ мѵропомазаніи и рукоположеніи именно *таинства*, и, съ другой стороны, что „назидательнаго“ могъ найти въ этихъ обрядахъ протестантъ, не считавшій ихъ таинствами?

столъ долженъ былъ перейти къ старшей дочери Генриха VIII— Маріи, ревностной католичкѣ. Въ виду этого, протекторъ, располагавшій довѣріемъ короля, предложилъ ему оставить распоряженіе объ оставленіи престола внучкѣ младшей сестры Генриха VIII (Маріи), знаменитой Іоаннѣ Грей, на которой онъ предварительно женилъ своего сына Гильфорда Дудлея. Іоанна была совоспитанницею молодого Эдуарда; она отличалась красотой и образованіемъ. Король былъ къ ней очень привязанъ и, конечно, предпочиталъ ее своимъ сестрамъ, особенно фанатической и жестокосердой Маріи. Но главнымъ мотивомъ къ его согласію на предложеніе Нортумберланда были интересы протестантизма, которому Эдуардъ, ученикъ Кранмера, былъ преданъ всей душой.

Распоряженіе умирающаго короля встрѣтило, однако, сопротивленіе въ собственномъ его совѣтѣ.

Предпріятіе Нортумберланда не могло имѣть успѣха уже потому, что права Іоанны Грей представлялись недостаточными, сравнительно съ правами Маріи. Затѣмъ, если послѣдняя и представлялась опасною для протестантизма, то интересы послѣдняго могли быть ограждены возведеніемъ на престолъ Елисаветы. И съ той и съ другой точки зрѣнія, провозглашеніе Іоанны Грей представлялось въ общемъ мнѣніи затѣею придворной партіи. Нортумберландъ былъ покинутъ многими изъ собственныхъ своихъ приверженцевъ; рѣшительность Маріи довершила остальное. Герцогъ и несчастная Грей поплатились головами за опасную игру.

Первымъ дѣломъ Маріи (1553—1558) было возстановленіе католической церкви. Торжественно признала она духовную супрематію папы и возстановила католическую іерархію, богослуженіе и жестокіе законы противъ еретиковъ. Но полная католическая реставрація встрѣчалась съ важнымъ препятствіемъ: съ вопросомъ о судьбѣ земель, нѣкогда конфискованныхъ у духовенства и перешедшихъ въ частныя руки. Марія нашла средство успокоить новыхъ собственниковъ. Было постановлено, что реставрація католицизма не повлечетъ за собою возвращенія бывшихъ монастырскихъ имуществъ. На этомъ условіи парламентъ согласился возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ, т.-е. въ данную минуту отдать на жертву учителей и сторонниковъ протестантизма. Папа Юлій III изъявилъ согласіе на такое соглашеніе и, въ 1554 году, кардиналъ Поль привезъ въ Англію буллу, разрѣшавшую страну отъ проклятія за грѣхъ отступничества. Лорды и общины, „собранные въ парламентъ", при появленіи легата, пали на колѣни, покаялись въ своемъ грѣхѣ и получили отпущеніе. Эта лицемѣрная сцена въ парламентѣ, возвращенномъ въ лоно церкви подъ условіемъ „спокойнаго владѣнія" имуществами, ограбленными

у той же церкви, была искуплена, но не членами „примирившагося парламента“ (Reconciliation Parliament), а кровью и мученіями исповѣдниковъ протестантизма [1]).

Жестокости католической реакціи въ извѣстной степени могутъ быть, если не оправданы, то объяснены тѣмъ, что Марія, для возстановленія *своей* религіи, прибѣгала къ тѣмъ же средствамъ, какъ Генрихъ VIII для установленія своей. Но существенная разница между дѣломъ Генриха и предпріятіемъ его дочери состояла въ томъ, что первый, въ главныхъ чертахъ своей задачи, былъ выразителемъ чувствъ націи, а вторая стремилась возвратить страну къ давно осужденному въ народномъ сознаніи культу. Поэтому народъ отвѣчалъ на католическую реакцію сотнями мучениковъ и гонимыхъ, а высшіе классы лицемѣрнымъ признаніемъ „мессы“. Преслѣдованіе протестантизма, начатое при такихъ условіяхъ, оказало ему существенную услугу. Казни Маріи совершили то, чего не сдѣлали казни Генриха—протестантизмъ сдѣлался національнымъ дѣломъ. Дѣло же католицизма было связано съ личностью болѣзненной Маріи. Бракъ ея съ Филиппомъ II Испанскимъ былъ привѣтствованъ какъ залогъ полнаго успѣха ихъ дѣла въ Англіи и Европѣ. Но бракъ остался безплоденъ. Самъ Филиппъ покинулъ свою супругу и скоро забылъ о ней. Одинокою и въ глубокомъ горѣ за судьбы своей религіи скончалась Марія 17 ноября 1558 года. На престолъ вступала *протестантская* Елисавета.

VIII. Долголѣтнее царствованіе этой королевы (1558—1603) было временемъ окончательнаго утвержденія англиканской церкви, со всѣми ея догматами, обрядами и внѣшнимъ строемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она внесла въ церковныя дѣла ту страстность, какою отличалась ея старшая сестра. Церковный вопросъ былъ для нея вопросомъ прежде всего *политическимъ*, тѣсно связаннымъ съ интересами ея короны и государственными выгодами Англіи.

Права ея на престолъ были сомнительны. Правда, по распоряженію Генриха VIII она призывалась къ престолонаслѣдію въ случаѣ безпотомственной кончины Маріи. Но, какъ дочь Анны Болейнъ, ради которой Генрихъ VIII развелся съ первой женой и разорвалъ связи съ Римомъ, она подвергалась всевозможнымъ униженіямъ въ царствованіе своей старшей сестры. Она оффиціально признавалась незаконною дочерью Генриха; имя ея съ надеждою произносилось протестантами; этого было достаточно, чтобы противъ нея были

[1]) Отъ 1500 до 3000 (по разнымъ даннымъ) духовныхъ лишились своихъ мѣстъ, около 300 человѣкъ погибло на кострахъ. Въ числѣ послѣднихъ были архіепископъ Кранмеръ и 4 епископа. Характеръ этого сочиненія избавляетъ насъ отъ необходимости описывать ужасающія подробности тогдашнихъ казней.

приняты самыя строгія мѣры. Можно сказать, что только величайшей своей осторожности и наружному „примиренію“ съ католицизмомъ она обязана была сохраненіемъ жизни. Вступая на престолъ, она имѣла предъ собою соперницу, которая была сильна не сама по себѣ, но поддержкою внѣшнихъ враговъ Англіи. Имя Маріи Стюартъ многіе годы тревожило королеву и служило предлогомъ къ проискамъ ея враговъ, пока трагедія 1587 года не разрѣшила этого вопроса.

Политическій взглядъ Елисаветы на задачи реформаціи имѣлъ свои хорошія и вредныя стороны. Съ одной стороны, королева не вносила въ дѣло церкви той сектантской ревности, которая является неизсякаемымъ источникомъ религіозныхъ преслѣдованій. Она довольствовалась наружнымъ признаніемъ ея *супрематіи*, повиновеніемъ законамъ и правиламъ „установленной“ церкви, поскольку это было необходимо для утвержденія ея власти, но не углублялась въ подробности догматическихъ и обрядовыхъ споровъ, въ коихъ она сама не могла бы обнаружить принциповъ достаточно твердыхъ. „Глава“ установленной церкви, она сама имѣла въ своей капеллѣ распятіе. Этимъ объясняется такъ называемая „вѣротерпимость“ Елисаветы, о которой много говоритъ Бокль [1]).

Но совершенно иначе смотрѣла королева на дѣло тамъ, гдѣ проявленіе религіозныхъ убѣжденій, несогласныхъ съ „установленною“ церковью, представляло нѣкоторую опасность для свѣтской власти и церкви, какъ государственнаго установленія. Въ этихъ случаяхъ „нонконформистовъ“ ожидали строгіе законы и жестокія наказанія. Католики и пуритане одинаково испытывали на себѣ ихъ тяжесть.

Этимъ общимъ направленіемъ объясняется совокупность тѣхъ законовъ и мѣръ, которые приняты были въ царствованіе Елисаветы для утвержденія новой церкви. Въ первый годъ ея царствованія, были изданы акты о супрематіи (act of supremacy) и объ „единообразіи“ (act of uniformity), въ силу которыхъ королева признавалась главою „закономъ установленной церкви“ [2]), отъ каждаго духовнаго и другого подданнаго, при вступленіи на общественную должность или въ нижнюю палату требовалась присяга въ признаніи супрематіи (oath of supremacy), и все населеніе обязывалось признать установленныя статьи вѣры. Догматическія ученія установленной церкви выразились окончательно въ „39 статьяхъ вѣры“, принятыхъ парламентомъ въ 1562 году [3]). „Закономъ установленная церковь“

[1]) *Отрывки изъ исторіи царствованія королевы Елисаветы*, пять главъ изъ III т. *Исторіи цивилизаціи Англіи*.

[2]) „By law established Church“. Отсюда и оффиціальное названіе англиканской церкви — Established Church.

[3]) Существо постановленій 39 статей состоитъ въ слѣдующемъ. Богослуженіе со-

нуждалась и во внѣшнихъ способахъ ея защиты. Таковымъ явилось высшее духовное судилище (High Commission-Court), учрежденное въ началѣ царствованія Елисаветы и получившее окончательную организацію въ 1583 году.

Идея этого учрежденія не была нова. Съ перенесеніемъ духовной суприматіи на короля, послѣдній получилъ право высшаго наблюденія за служителями церкви; исправленія злоупотребленій, наложенія штрафовъ и наказаній за нарушеніе духовенствомъ своихъ обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ верховнаго защитника церкви, король получилъ право искоренять ереси, ограждать церковь отъ враждебныхъ посягательствъ, наблюдать за исполненіемъ церковныхъ правилъ, и т. д. Не нова была и практика „коммиссіи". Генрихъ VIII дѣйствовалъ чрезъ особаго генеральнаго викарія церкви; при Эдуардѣ VI порученія по этимъ предметамъ возлагались на особыхъ лицъ. При Елисаветѣ коммиссія получила болѣе опредѣленное устройство.

Легко замѣтить, что названные выше предметы суприматіи короля раздѣляются на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ естественно образуютъ предметы вѣдомства особаго судилища *надъ духовенствомъ*, какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, поскольку духовенство не подчинялось вѣдѣнію общихъ судовъ. Въ отношеніи другихъ предметовъ, власть короля, какъ защитника установленной церкви, простиралась на *всѣхъ* подданныхъ королевства, поскольку послѣдніе отрицали ученія этой церкви (нонконформисты), не соблюдали ея правилъ, обрядовъ и т. д.

Эта сторона дѣятельности новаго судилища сдѣлала его особенно ненавистнымъ въ націи. Католики и пуританскія секты доставили ему много жертвъ. Но нѣтъ, кажется, надобности, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые (въ томъ числѣ Галламъ), приводить его въ связь съ испанскою инквизиціею. Дѣйствительными родоначальниками „высокой коммиссіи", были духовные суды въ самой Англіи, тѣ духовные суды, которые такъ усердно истребляли еретиковъ, на основаніи законовъ Генриховъ IV и V [1]).

„Высокая коммиссія" въ 1583 году состояла изъ 12 епископовъ,

вершается на англійскомъ языкѣ; украшенія и принадлежности богослуженія католическаго удалены изъ храмовъ; отвергнуто ученіе о чистилищѣ, поклоненіе иконамъ, святымъ и мощамъ; изъ семи таинствъ оставлено два—крещеніе и причащеніе; устная исповѣдь оставлена на волю каждаго; постановлено, что оправданіе получается чрезъ вѣру; безбрачіе духовенства отмѣнено; духовная іерархія съ епископскимъ саномъ сохранена; прибавимъ къ этому, что многое изъ отмѣненнаго въ смыслѣ *обязательнаго*, осталось въ видѣ желательнаго и „назидательнаго" или въ иной формѣ. Таковы конфирмація, рукоположеніе и т. д. Почитаніе святыхъ отмѣнено, но установлены дни для воспоминанія о подвижникахъ вѣры.

[1]) См. выше, стр. 284.

32 членовъ тайнаго совѣта, духовныхъ и свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера. Подобно Звѣздной Палатѣ, она была нѣкоторою вѣтвью тайнаго совѣта; подобно этой палатѣ, она не замедлила сдѣлаться страшнымъ политическимъ оружіемъ противъ всѣхъ „нонконформистовъ". На коммиссію возложена была обязанность изслѣдовать всѣ нарушенія и проступки противъ закона о „суприматіи", объ „единообразіи" и другихъ законовъ церкви; изслѣдовать еретическія мнѣнія, книги, преслѣдовать всякое неповиновеніе церкви, оскорбительныя для нея рѣчи, допрашивать подъ присягой всѣхъ подозрительныхъ лицъ и т. д. Коммиссарамъ духовныхъ дѣлъ было предоставлено право назначать тяжкія наказанія, причемъ обвиняемымъ, такъ же какъ и въ Звѣздной Палатѣ, не было дано общихъ средствъ защиты: форма процедуры была инквизиціонная [1]).

Въ дополненіе къ этимъ правиламъ, значительная власть по церковнымъ дѣламъ предоставлена *мировымъ судьямъ*. Имъ дано было право заключать въ тюрьму лицъ, не посѣщавшихъ установленнаго богослуженія въ теченіе мѣсяца, лицъ, возражавшихъ противъ королевской суприматіи или посѣщавшихъ собранія католиковъ и диссидентовъ. Наказанія по „praemunire" [2]) были назначены лицамъ, вводившимъ и распространявшимъ изображенія святыхъ, кресты и другія эмблемы; за посѣщеніе мессы назначался высокій денежный штрафъ или годъ тюрьмы. Дѣла этого рода разсматривались, и наказанія по нимъ назначались четвертными съѣздами мировыхъ судей.

Такъ сочетались орудія свѣтской власти и духовной суприматіи въ рукахъ короля. Способы личнаго управленія были утверждены болѣе, чѣмъ при какомъ либо изъ предшественниковъ Тюдоровъ. Они имѣли поддержку и въ самой націи. Генрихъ VIII и Елисавета были призваны дѣйствовать въ ту эпоху, когда вся Европа переживала время реформаціи, когда религіозныя войны раздирали отдѣльныя государства материка. Разрѣшеніе великой національной задачи — утвержденія протестантизма — требовало дѣйствія сильной власти. Поскольку Тюдоры служили ей, постольку они были поддерживаемы общимъ мнѣніемъ. Конечно, способы утвержденія реформаціи, форма „установленной" церкви, духъ нетерпимости, проникавшій новыя учрежденія, поселяли горькія чувства въ рядахъ диссидентовъ. Но внутреннія распри „установленной" церкви съ

---

[1]) Галламъ, назв. соч., I, гл. IV, стр. 201 и 202. Самъ первенствующій министръ Елисаветы, Бёрлей (Сесиль) возмущался дѣйствіями коммиссіи и представлялъ, что „вопросы составляются такъ искусственно, такъ полны мелочей и изворотовъ, что, по его мнѣнію, испанскіе инквизиторы не употребляютъ столько хитростей, чтобы настигнуть и схватить свою жертву".

[2]) См. выше.

пуританами забывались, какъ только раздавался повелительный голосъ Елисаветы, останавливавшей происки Рима или козни испанскаго двора. Предъ общею опасностью и въ виду общаго врага смолкали внутренніе споры сектъ; церковные раздоры уступали мѣсто національной политикѣ, а въ искусствѣ владѣть пружинами этой политики Тюдоры не имѣли себѣ равныхъ. Оно не перешло къ злополучной династіи Стюартовъ.

IX. Реформація была важнѣйшимъ изъ внутреннихъ дѣлъ Англіи въ эпоху Тюдоровъ. Она поглощала силы правительства и націи. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы жизнь политическихъ учрежденій пріостановилась. Установленія, дѣйствовавшія въ Англіи въ теченіе этого періода, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Одни изъ нихъ являются какъ бы личнымъ созданіемъ Тюдоровъ, соотвѣтствующимъ переходящимъ условіямъ эпохи, въ которую имъ суждено было дѣйствовать. Таковы Тайный Совѣтъ, съ его новыми полномочіями, Звѣздная Палата, Высокая Коммиссія и другія установленія, связанныя съ Тайнымъ Совѣтомъ, какъ орудіемъ *личнаго* королевскаго управленія. Созданныя во время, слѣдовавшее за истребительной войной алой и бѣлой розъ, развившіяся въ эпоху религіозной и общественной реформы, они видоизмѣняются или гибнутъ въ эпоху Стюартовъ. Второй разрядъ образуетъ кругъ исконныхъ и обычныхъ учрежденій страны, полученныхъ ею въ наслѣдство отъ среднихъ вѣковъ и переданныхъ парламентскимъ борцамъ XVII вѣка.

Судьба этихъ учрежденій объясняетъ, почему Англія въ XVII столѣтіи не пошла по пути континентальныхъ государствъ, видѣвшихъ окончательную гибель старыхъ представительныхъ учрежденій и мѣстныхъ вольностей.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе судьба *мѣстныхъ* установленій. Если парламентъ при Тюдорахъ какъ бы пріостановился въ своемъ развитіи, то въ мѣстномъ управленіи замѣтенъ положительный ростъ, содѣйствовавшій окончательному образованію *джентри*, какъ господствующаго политическаго класса.

Наибольшее развитіе получила должность *мировыхъ судей* — какъ установленіе, наиболѣе приспособленное къ правительственной роли мѣстной джентри. Функціи мировыхъ судей расширяются въ двоякомъ направленіи. Въ отношеніи *судебномъ*, они получаютъ новыя права по *слѣдственной* части, а также по разсмотрѣнію уголовныхъ дѣлъ въ *четвертныхъ засѣданіяхъ*, съ участіемъ присяжныхъ. Въ отношеніи *полицейскомъ*, компетенція ихъ расширилась обязанностями по примѣненію новыхъ или переработанныхъ старыхъ правилъ о полиціи рабочихъ, полиціи ремеслъ и промысловъ, по принятію мѣръ противъ бродяжничества и нищенства, по разрѣшенію на открытіе трактировъ,

питейныхъ домовъ и т. д. Подъ вѣдѣніемъ мировыхъ судей, ихъ малыхъ и четвертныхъ сессій дѣйствуютъ низшіе административные органы. Къ сессіямъ мировыхъ судей постепенно переходитъ назначеніе *констеблей*; въ сессіяхъ разсматриваются и утверждаются обязательныя постановленія по разнымъ предметамъ мѣстнаго управленія; въ сессіяхъ же разсматриваются жалобы на дѣйствія должностныхъ лицъ въ административномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, мировые судьи и ихъ съѣзды (сессіи) четвертные и малые образуютъ цѣльное учрежденіе, являющееся дѣйствительнымъ центромъ мѣстнаго *самоуправленія*.

Но характеристическою особенностью времени Тюдоровъ было созданіе новой *единицы* мѣстнаго самоуправленія, именно *приходовъ* (parish). Мы уже видѣли выше, что низшія единицы мѣстнаго управленія, *десятни*, не имѣли территоріальной опредѣленности, вслѣдствіе неопредѣленности поземельныхъ единицъ, волостей и вотчинъ (manors). Десятни не имѣли самостоятельнаго общественнаго значенія. Ихъ должностныя лица (tithingmen) являлись простыми орудіями высшихъ властей. Общественное значеніе низшихъ союзовъ сохранилось и развилось въ спеціальной формѣ церковнаго прихода. Послѣдній образуетъ настоящую единицу мѣстнаго церковнаго управленія съ своими органами, съ своимъ налогомъ (churchrate) для покрытія издержекъ по содержанію церкви, по богослуженію, отчасти по дѣламъ благотворенія.

Главное завѣдываніе церковными дѣлами въ приходахъ принадлежало настоятелю (rector) или викарію. Ближайшими его помощниками были *церковные старосты* (churchwardens), появляющіеся, подъ другимъ названіемъ, при Эдуардѣ III, и персоналъ другихъ лицъ: сакристаны, приходскіе писари (parish clerc) и друг. Для обсужденія вопросовъ объ опредѣленіи размѣра церковнаго налога, объ употребленіи его и контролѣ расходовъ, составлялось собраніе прихожанъ, въ коемъ участвовали плательщики подати, записанные въ приходскія книги. Прихожане созывались обыкновенно въ праздничные дни и, по окончаніи литургіи, собирались въ *ризницѣ* (vestry), вслѣдствіе чего и самое собраніе получило названіе *вестри*. Собраніе созывалось приходскими старостами; предсѣдательство въ немъ de jure принадлежало священнику, но обыкновенно оно избирало собственнаго предсѣдателя изъ почетнѣйшихъ прихожанъ (chairman).

Такова была единица, которою воспользовались Тюдоры для осуществленія новыхъ мѣръ общественнаго призрѣнія и завѣдыванія бѣдными. Возложеніе дѣлъ свѣтской администраціи на приходскихъ должностныхъ лицъ не было новостью. Издавна настоятели богатыхъ приходовъ включались въ число лицъ, получавшихъ коммиссію по

„охраненію мира“. Съ упадкомъ должности мѣстныхъ констеблей, иныя полицейскія обязанности возлагались на церковныхъ старостъ. Эти обязанности расширились во времена Тюдоровъ, послѣ реформаціи. Но характеристическая особенность позднѣйшаго законодательства Тюдоровъ состояла въ томъ, что ими было создано понятіе о приходѣ, какъ единицѣ *свѣтскаго* управленія, предназначеннаго прежде всего для цѣлей общественнаго призрѣнія и завѣдыванія бѣдными.

Зачатки новаго законодательства относятся, какъ мы видѣли, ко временамъ Генриха VIII (1536). Принципы этого закона сдѣлались руководящими началами позднѣйшихъ узаконеній, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ правленія Эдуарда VI, когда знать, стоявшая во главѣ правительства, возвратилась къ прежнимъ суровымъ законамъ противъ нищенства. Въ царствованіе Елисаветы, рядомъ статутовъ [1]) были положены основанія для всего позднѣйшаго законодательства о бѣдныхъ. Главныя начала этихъ статутовъ заключались въ слѣдующемъ: 1) обязанность по доставленію помощи бѣднымъ, подъ общимъ наблюденіемъ *мировыхъ судей*, возлагается на приходы и притомъ въ двоякомъ отношеніи: а) лицамъ неимущимъ, но способнымъ къ работѣ, должна быть доставляема таковая, при чемъ лица, уклоняющіяся отъ труда, должны быть принуждаемы къ нему, чрезъ помѣщеніе въ рабочіе дома и другими способами; б) лицамъ неимущимъ и неспособнымъ къ работѣ временно или совершенно, должна быть оказываема помощь изъ средствъ прихода; 2) право на полученіе помощи отъ прихода опредѣляется принадлежностью къ приходскому союзу чрезъ рожденіе или осѣдлость въ теченіе опредѣленнаго срока; 3) противъ бродягъ и нищенствующихъ удержаны строгіе законы прежняго времени; 4) для ближайшаго завѣдыванія дѣлами о бѣдныхъ, рядомъ съ приходскими старостами, учреждена особая должность назначаемыхъ мировыми судьями *надзирателей за бѣдными* (overseers of the poor); 5) для покрытія расходовъ по содержанію бѣдныхъ установленъ особый приходскій *налогъ*, сдѣлавшійся типомъ всѣхъ послѣдующихъ мѣстныхъ налоговъ. Къ платежу его привлечены всѣ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ въ приходѣ, какъ фригольдеры, такъ и копигольдеры, равнымъ образомъ арендаторы и наниматели имуществъ, т.-е. всѣ домохозяева въ приходѣ. При этихъ условіяхъ, *предметомъ* обложенія явилась „всякая видимая и приносящая доходъ собственность“ (visible and profitable property in the parish).

Законы о бѣдныхъ, разсматриваемые со стороны ихъ соціальнаго

---

[1]) 5, 14, 39 и 43-го года царств. Елисаветы.

значенія, были признакомъ глубокаго общественнаго разстройства страны, порожденнаго ростомъ крупной собственности, обезземеленіемъ крестьянства, увеличеніемъ числа бездомныхъ, бродягъ и нищихъ, что повело къ умноженію числа преступленій и частымъ мятежамъ. Затѣмъ самое содержаніе этихъ законовъ во многомъ свидѣтельствовало о жестокомъ отношеніи къ бѣднымъ, которые отдавались въ полную власть приходскихъ начальствъ и мировыхъ судей. И приходы, и мировые судьи соперничали въ стараніяхъ изгонять бѣдныхъ, „обременявшихъ приходъ", особенно послѣ изданія „законовъ объ осѣдлости", затруднявшихъ пріобрѣтеніе правъ осѣдлости въ приходѣ, а слѣдовательно, и права на общественную помощь. Самая помощь, въ особенности же помощь, оказываемая „способнымъ къ работѣ бѣднымъ", имѣла характеръ уголовно-исправительныхъ мѣръ. Такъ называемые „рабочіе дома" мало чѣмъ отличались отъ настоящихъ тюремъ, и положеніе содержимыхъ въ нихъ лицъ близко подходило къ состоянію рабства.

Но первоначальнымъ содержаніемъ законовъ о бѣдныхъ и способомъ ихъ примѣненія не исчерпывается общее историческое ихъ значеніе. Чрезъ законодательство Елисаветы открылся путь къ нормальному и постоянному дѣйствію государства, для улучшенія быта низшихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи англійское законодательство XVI вѣка опередило, можетъ быть, воззрѣнія иныхъ публицистовъ и экономистовъ XIX вѣка, усматривающихъ въ законахъ Елисаветы „соціалистическіе принципы" [1]). Пониманіе задачъ государства въ этомъ отношеніи и способовъ ихъ выполненія должно было расширяться вмѣстѣ съ общественнымъ развитіемъ страны. Дѣйствительно, взгляды современныхъ парламентовъ и правителей Англіи шире и глубже понятій, руководившихъ законодателей временъ Елисаветы. Дѣйствіе государства простирается теперь на гораздо большій кругъ общественныхъ задачъ, чѣмъ въ XVI вѣкѣ. Бѣдность и нищета извѣстнаго процента населенія разсматриваются уже какъ плодъ извѣстныхъ экономическихъ и общественныхъ условій; понятіе о способахъ къ исправленію этихъ условій законодательными

---

[1]) Такъ, не говоря о нѣкоторыхъ экономистахъ старой школы, извѣстный Фишель (*Государственный строй Англіи*) говоритъ: „послѣ двухъ статутовъ 1562 и 1572 г., законодательство напало въ 1575 г. на мысль *соціалистовъ* о „правѣ на трудъ" („droit au travail"). Замѣчаніе это (которое повторяетъ и Глассонъ, V, стр. 41) сдѣлано по поводу того, что законъ 1575 года предписалъ всякой корпоративной общинѣ доставлять надзирателямъ за бѣдными шерсть, ленъ, желѣзо и другое сырье для обработки его бѣдными, способными къ работѣ. Но картина позднѣйшихъ „рабочихъ домовъ" могла бы показать разницу между соціалистическими идеалами и принципами законовъ о бѣдныхъ.

мѣрами и усиліями общественныхъ союзовъ и самыя мѣры далеко перешли за предѣлы понятій и мѣръ временъ Елисаветы. Но законы XVI вѣка ввели вопросы, впослѣдствіи получившіе названіе соціальныхъ, въ кругъ вопросовъ практическихъ, разрѣшаемыхъ въ условіяхъ времени.

Затѣмъ статуты Елисаветы создали и новый органъ мѣстнаго самоуправленія, привлекавшій къ участію въ послѣднемъ всѣ сколько нибудь имущіе классы населенія. Если въ исходѣ среднихъ вѣковъ сложилась и окрѣпла система должностей *въ графствахъ*, если чрезъ отправленіе этихъ должностей утвердилось значеніе мѣстной джентри, то чрезъ участіе въ приходскихъ собраніяхъ, чрезъ отправленіе приходскихъ должностей къ самоуправленію въ извѣстныхъ отношеніяхъ были привлечены всѣ „домохозяева" въ мѣстности.

Кругъ дѣйствія приходскихъ учрежденій первоначально былъ ограниченъ двумя предметами: на первомъ планѣ было поставлено завѣдываніе дѣлами о бѣдныхъ; затѣмъ, почти одновременно, на обязанность приходовъ были возложены повинности по содержанію *дорогъ* и *мостовъ*. Въ царствованіе Маріи для завѣдыванія общественными дорогами была учреждена особая должность *смотрителей* (surveyers of hyghways); они должны были заботиться объ исправномъ содержаніи мостовъ и дорогъ и требовать отъ жителей прихода личныхъ и натуральныхъ повинностей (подводами, лошадьми и т. п.). Впослѣдствіи натуральныя повинности были обращены въ мѣстный налогъ, установленіе и раскладка коего производились на основаніяхъ налога въ пользу бѣдныхъ.

Приходы, образуя самостоятельныя единицы, съ своими должностными лицами, собраніями и налогами, были, однако, приведены въ связь съ общими органами управленія графствъ и спеціально съ мировымъ институтомъ. Малымъ, т.-е. состоящимъ изъ двухъ мировыхъ судей, сессіямъ предоставлено право назначенія надзирателей за бѣдными [1]), наблюденіе за ихъ дѣятельностью, утвержденіе важнѣйшихъ ихъ распоряженій и право собственныхъ распоряженій въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Малымъ же сессіямъ принадлежитъ право утвержденія приходскихъ налоговъ, приписка въ помощь недостаточнымъ приходамъ другихъ, разрѣшеніе споровъ объ осѣдлости, о разверсткѣ расходовъ между приходами и т. д. Большія (четвертныя) сессіи являются высшею въ графствѣ инстанціею, разсматривающею жалобы на неправильныя дѣйствія приходскихъ старостъ и надзирателей за бѣдными, на неправильности въ раскладкѣ налоговъ, на неуравнительность дорожной повинности.

---

[1]) *Дорожные смотрители* избирались въ теченіе этого періода приходами.

Институтъ мировыхъ судей становится, такимъ образомъ, центромъ мѣстной администраціи, полиціи, съ ея многоразличными отраслями, и суда, насколько онъ былъ предоставленъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Все болѣе и болѣе отступаютъ на задній планъ прежнія должности и учрежденія: суды графствъ, должность шерифовъ, court leet въ городахъ и экзимированныхъ округахъ, остатки вотчинной юрисдикціи. Но народное учрежденіе присяжныхъ развивается и улучшается, по крайней мѣрѣ со стороны законодательства объ этомъ предметѣ. При силѣ личнаго и часто произвольнаго управленія Тюдоровъ, трудно говорить о дѣйствительномъ, практическомъ значеніи жюри. Часты были злоупотребленія шерифовъ въ составленіи списковъ присяжныхъ; нерѣдки были случаи давленія на присяжныхъ; бывали, наконецъ, случаи, когда присяжные должны были отвѣчать за свои приговоры въ Звѣздной Палатѣ и подвергаться наказанію [1]). Но во внѣшнемъ устройствѣ этого учрежденія произошли довольно важныя перемѣны.

Во-первыхъ, присяжные, въ теченіе этого періода, окончательно сдѣлались элементомъ *суда*, съ правомъ самостоятельнаго допроса свидѣтелей и оцѣнки доказательствъ. Затѣмъ Генрихъ VIII, по вступленіи своемъ на престолъ, поспѣшилъ, подъ вліяніемъ общихъ жалобъ, возстановить значеніе *обвинительнаго* (большого) жюри, умаленное его отцемъ. Генрихъ VII предоставилъ объѣзднымъ и мировымъ судьямъ приступать къ разсмотрѣнію менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ безъ предварительнаго утвержденія обвиненія большимъ жюри. Сынъ его долженъ былъ возвратиться къ старому порядку. Затѣмъ самъ Генрихъ VIII ввелъ присяжныхъ даже въ нѣкоторые особые суды. Елисавета возвысила цензъ, требуемый отъ присяжныхъ, съ 40 шиллинговъ на 4 фунта дохода съ свободной собственности [2]).

Наконецъ, въ періодъ Тюдоровъ, утвердилась и національная военная система Англіи, т.-е. система *милиціи*, въ которой соеди-

---

[1]) Замѣчаніе Гнейста (*Verfassungsgeschichte*, стр. 467, прим. 2) относительно вмѣшательства Звѣздной Палаты въ ходъ правосудія (факты особенно хорошо собраны Галламомъ въ его сочиненіи *Constitutional history etc.*) нельзя признать основательнымъ. Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Звѣздная Палата обыкновенно довольствовалась „извиненіемъ“ со стороны присяжныхъ. Но, во-первыхъ, присяжные, будучи призваны въ означенную палату, не всегда ускользали отъ ея „правосудія“ при помощи извиненія; примѣръ тому приводитъ и Гнейстъ. Во-вторыхъ, самый фактъ призванія присяжныхъ къ отвѣту за постановленный ими приговоръ достаточно свидѣтельствуетъ о положеніи юстиціи. Что же касается до „извиненій“, при помощи которыхъ присяжные освобождали себя отъ наказаній, то они свидѣтельствуютъ единственно о нравахъ присяжныхъ, а никакъ не о нормальномъ ходѣ правосудія.

[2]) Эта перемѣна зависѣла, впрочемъ, отъ сильнаго пониженія денежнаго курса.

нились теперь всѣ прежніе виды и подраздѣленія ополченій. Рядомъ законовъ были установлены общія правила относительно числа вооруженныхъ людей и рода вооруженія каждаго, сообразно его имуществу. Для общаго завѣдыванія вооруженными силами каждаго графства постепенно установляется должность королевскихъ намѣстниковъ (*лордовъ-лейтенантовъ*), назначаемыхъ изъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ графствѣ. Первоначально должность лордовъ-лейтенантовъ явилась въ видѣ временныхъ *коммиссаровъ* короля, назначавшихся, по примѣрамъ прежняго времени, и для принудительной вербовки въ войска. Даваемыя имъ порученія явились видоизмѣненіемъ порученій, извѣстныхъ прежде подъ именемъ commissions of array [1]). Но впослѣдствіи лорды-лейтенанты обратились въ нормальную должность, связанную съ прочими учрежденіями графства и особенно съ мировымъ институтомъ. Съ одной стороны, лорды-лейтенанты были поставлены во главѣ мировыхъ судей, въ качествѣ предсѣдателей четвертныхъ съѣздовъ и хранителей ихъ архивовъ (custos rotulorum); съ другой стороны, мировымъ судьямъ предоставлено наблюденіе за исполненіемъ разныхъ обязанностей по милиціонной службѣ.

Такъ сложилась нестройная на видъ, но принаровленная къ общественнымъ условіямъ система мѣстнаго самоуправленія. Этотъ фактъ въ политической исторіи Англіи достаточно объясняетъ глубокое ея различіе отъ исторіи другихъ европейскихъ государствъ, особенно Франціи. Тамъ крушеніе феодальныхъ и городскихъ учрежденій сопровождалось постепенною замѣною прежнихъ властей королевскими чиновниками, вытѣснявшими старыя сословія и корпораціи изъ всѣхъ частей управленія. Централизація административная дѣлалась подспорьемъ и орудіемъ централизаціи политической. Сословія сохраняли привилегіи, обременительныя для народа, но теряли политическое значеніе, дававшее смыслъ привилегіямъ. Англійскія nobility и джентри не образовали замкнутой и ненавистной своими преимуществами корпораціи, но взяли въ свои руки безвозмездное отправленіе мѣстныхъ должностей и чрезъ это сохранили положеніе правящаго класса, способнаго охранить старинныя учрежденія и вольности Англіи.

X. Система мѣстнаго управленія, образованная на указанныхъ выше началахъ, предполагала и соотвѣтствующій строй высшихъ установленій: парламента и судовъ. Чрезъ это соотвѣтствіе могло осуществиться главное начало самоуправленія, какъ системы управленія „чрезъ законы и по закону". Но во время Тюдоровъ дѣйстви-

---

[1]) См. выше, стр. 189 и слѣд.

тельная сила управленія сосредоточивается въ **тайномъ королевскомъ совѣтѣ**.

При разсмотрѣніи этого учрежденія въ эпоху Тюдоровъ должно принять во вниманіе прежде всего фактъ паденія старой аристократіи, чрезъ что уничтожилась связь королевскаго совѣта съ magnum consilium, т.-е. съ парламентомъ магнатовъ и зависимость его отъ послѣдняго. Тайный совѣтъ наполняется лицами, назначаемыми въ него исключительно волею короля и притомъ вышедшими изъ рядовъ чиновничества. Съ другой стороны, слабость нижней палаты освобождаетъ тайный совѣтъ отъ того давленія, какое производили на него парламенты во время Генриха IV или V. Свободный отъ парламентскаго контроля и поставленный внѣ связи съ могущественною аристократіею, тайный совѣтъ обратился, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ совѣщательное при королѣ учрежденіе. Во время силы аристократіи и парламентовъ, тайный совѣтъ, во многомъ зависѣвшій отъ нихъ, являлся, однако, установленіемъ, ограничивающимъ королевскую власть. Теперь онъ обращается въ вспомогательное орудіе этой власти и выражаетъ собою ея могущество.

Въ *составъ* тайнаго совѣта попрежнему входятъ должностныя лица королевства и члены, особо назначенные королемъ. Въ числѣ должностныхъ лицъ должно назвать лорда канцлера, лорда казначея, лорда президента совѣта [1]), лорда хранителя малой печати, лорда великаго адмирала, лорда steward'а и нѣкоторыхъ другихъ. Къ числу этихъ лицъ прибавилась должность *королевскихъ секретарей*, впослѣдствіи получившихъ самостоятельное значеніе [2]). Затѣмъ слѣдовали почетныя, но не имѣвшія своей отрасли управленія должности маршала, каммергера и друг. Число и качество прочихъ членовъ зависѣли отъ воли короля. При Генрихѣ VIII было постановлено, что совѣтъ долженъ состоять изъ достаточнаго числа „почтенныхъ, добродѣтельныхъ, мудрыхъ, опытныхъ“ и т. д. членовъ; въ росписаніи было названо 20 такихъ лицъ, въ томъ числѣ 14 государственныхъ и придворныхъ должностныхъ лицъ, 4 пэра и 2 епископа. Но не всегда совѣтъ могъ собираться въ полномъ своемъ составѣ, такъ какъ многіе его члены (канцлеръ, казначей и друг.) имѣли другія обязанности по своимъ должностямъ. Поэтому распоряженіе постановляетъ, что въ составъ тайнаго совѣта, постоянно

---

[1]) Должность лорда президента не сдѣлалась еще постоянною. Когда она не была замѣщена, то предсѣдательство въ совѣтѣ поручалось другимъ лицамъ.

[2]) При Елисаветѣ ихъ было уже два. Изъ должности государственныхъ секретарей, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, развилось пять министерствъ, нынѣ входящихъ въ составъ кабинета.

находящагося при королѣ, входитъ 10 лицъ, изъ коихъ два должны непрерывно находиться при королѣ.

Разсмотрѣнію тайнаго совѣта предлагалось обыкновенно все, чтò подлежало разрѣшенію короля; при особенномъ развитіи королевскихъ полномочій въ эту эпоху, кругъ такихъ дѣлъ былъ весьма великъ. Въ моментъ сильнѣйшаго развитія власти Генриха VIII, послѣдній получилъ даже право издавать распоряженія *съ силою законовъ*. Именно, въ 31 годъ царствованія этого короля (1539), изданъ былъ статутъ, постановлявшій, что королевскія прокламаціи, изданныя „въ совѣтѣ“, должны быть обнародуемы и исполняемы такъ, какъ бы онѣ были постановлены парламентомъ (as though they were made by Act of Parliament). Это право было дано королю относительно духовныхъ дѣлъ и съ оговоркою, что прокламаціи не могутъ касаться собственности, свободы и личности подданныхъ и прежнихъ законовъ и обычаевъ. Онъ былъ отмѣненъ въ первый годъ правленія Эдуарда VI (1548). Впрочемъ и безъ этого закона тайный совѣтъ короля сдѣлался надолго центромъ всего управленія. При Елисаветѣ, поднявшей его на особенную высоту, въ немъ рѣшались судьбы Англіи.

Не менѣе широки были и *судебныя* полномочія разныхъ отдѣленій и делегацій тайнаго совѣта. Мы уже указали на значеніе Звѣздной Палаты и Высокой Коммиссіи. Къ нимъ должно присоединить нѣсколько спеціальныхъ и исключительныхъ судилищъ, отчасти оставшихся отъ прежняго времени и получившихъ новое устройство при Тюдорахъ, отчасти вновь учрежденныхъ въ это время. Къ числу послѣднихъ относится извѣстный Сѣверный Совѣтъ, учрежденный (1536) для графствъ, въ коихъ происходили частыя возстанія (Іоркширъ, Дургамъ, Нортумберландъ и Вестмореландъ). Эта „Вандея“ тогдашней Англіи, сосредоточившая въ себѣ оппозицію противъ реформаціи, вызвала сильныя репрессивныя мѣры, выполненіе коихъ было поручено Сѣверному Совѣту. Извѣстны также Совѣтъ княжества Уэльскаго, учрежденный для Уэльса и пограничныхъ съ нимъ марокъ, и суды, установленные въ пограничныхъ съ Шотландіею графствахъ.

При развитіи этихъ условій, столь благопріятныхъ для личнаго управленія, значеніе парламента должно было отодвинуться на второй планъ. Судя по внѣшнимъ фактамъ, таково и было положеніе народнаго представительства во время Тюдоровъ. Мы видѣли, что уже Эдуардъ IV рѣдко обращался къ парламентамъ. То же видимъ мы при Генрихѣ VII и въ началѣ правленія Генриха VIII. Парламенты почти не созывались или собирались на короткій лишь срокъ въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за битвою при

Босвортѣ (1485). Затѣмъ вообще Тюдоры обращались къ народному представительству рѣже, чѣмъ Плантагенеты всѣхъ линій. По приблизительному разсчету лорда Брума [1]), три Эдуарда (1272—1377), царствовавшіе 105 лѣтъ, собирали парламентъ 119 разъ; пять Тюдоровъ (1485—1603), въ теченіе 118 лѣтъ, собирали его 58 разъ, слѣдовательно, почти вдвое рѣже. Плантагенеты всѣхъ линій, съ Эдуарда I до Ричарда III, царствовали 205 лѣтъ. Въ теченіе этого времени парламенты созывались 193 раза. Если даже принять въ расчетъ, что при Плантагенетахъ парламенты нерѣдко созывались два и три раза въ годъ, то, по исчисленію Брума, изъ указанныхъ 205 лѣтъ 130 видѣли созывъ парламента. Тюдоры собирали его 58 разъ въ теченіе 118 лѣтъ, слѣдовательно, почти столько, сколько созывалъ его одинъ Эдуардъ III въ теченіе полувѣка. Генрихъ VII, въ теченіе 25 лѣтъ, собиралъ парламентъ 7 разъ; Генрихъ VIII, въ теченіе 37 лѣтъ—21 разъ; Елисавета, въ свое почти полувѣковое царствованіе—13 разъ.

Не менѣе знаменательна и краткость сессій Тюдоровскихъ парламентовъ. Всѣ парламенты Генриха VIII, вмѣстѣ взятые, засѣдали едва $3^1/_2$ года; всѣ сессіи парламентовъ первыхъ 20 лѣтъ его царствованія въ общей сложности равнялись едва 12 мѣсяцамъ. Политическое значеніе парламентовъ во многомъ соотвѣтствовало этимъ внѣшнимъ фактамъ. Палата лордовъ, составленная изъ пэровъ духовныхъ, назначенныхъ королемъ, и свѣтскихъ, возведенныхъ въ это званіе также королемъ [2]), покорная и даже угодливая палата общинъ—таковы элементы парламентовъ, призывавшихся болѣе для „регистрированія" королевскихъ повелѣній, нежели для подачи „совѣтовъ" и выраженія „согласія". Можно было бы наполнить не мало страницъ разсказами о томъ, какъ Генрихъ VIII и Елисавета заставляли парламенты исполнять свои желанія; какъ нарушались исконныя привилегіи палатъ; какъ члены оппозиціи посылались въ Тоуэръ; какъ сами парламенты нерѣдко шли дальше королевскихъ желаній.

Но судьба учрежденій опредѣляется не только условіями, задерживающими ихъ развитіе въ отдѣльную эпоху, но и совокупностью другихъ, обезпечивающихъ развитіе ихъ въ будущемъ. Не зная этихъ послѣднихъ условій, нельзя было бы объяснить, почему парламентъ,

---

[1]) *Political philosophy*, III, стр. 252.

[2]) Право короля жаловать пэрское достоинство сдѣлалось теперь безспорнымъ, и Тюдоры широко пользовались имъ. Число свѣтскихъ пэровъ дошло до 60. Но большинство ихъ возвысилось до этого званія волею короля. Такъ феодальная и родовая аристократія Англіи снова обратилась на нѣкоторое время въ служилую знать.

столь слабый при Тюдорахъ, могъ сдѣлаться грозной силой при Стюартахъ.

Такими условіями должно признать: 1) извѣстную совокупность политическихъ убѣжденій, воспринятыхъ всею націею; 2) характеръ событій, въ коихъ призваны были участвовать парламенты; 3) условіе и направленіе дѣятельности самихъ Тюдоровъ.

1. Къ числу убѣжденій, глубоко вкоренившихся въ народѣ, должно отнести два важнѣйшихъ: а) что законы могутъ быть установляемы и измѣняемы только съ согласія парламента; б) что при этомъ же условіи могутъ быть установляемы и взимаемы налоги. Первый изъ этихъ принциповъ былъ признаваемъ и Тюдорами. Хотя Елисавета высказывала часто, что свобода слова, предоставляемая членамъ палатъ, состоитъ въ правѣ говорить „да" или „нѣтъ", но эти „да" или „нѣтъ" считались необходимыми для принятія правительственныхъ предложеній. Область, въ которой король могъ дѣйствовать чрезъ „ордоннансы", постановленные въ совѣтѣ, была обширна; но всякій ордоннансъ имѣлъ временный характеръ, и постоянная, обязательная сила закона могла принадлежать только акту, принятому парламентомъ. Затѣмъ представлялись области, недоступныя для распоряженій. Таковы были области правъ гражданскаго и уголовнаго; таково и „общее право" (common law) Англіи, этотъ твердый фундаментъ ея гражданскаго строя. Такимъ образомъ учрежденія и законы, касавшіеся самыхъ близкихъ каждому предметовъ, не могли быть измѣнены безъ „согласія и совѣта" законныхъ представителей націи. Самъ Генрихъ VIII не рѣшался нарушать этого правила. Онъ имѣлъ много средствъ давленія на парламентъ и пользовался ими; но когда палаты отвергали правительственныя предложенія [1]), онъ подчинялся ихъ рѣшенію.

Столь же твердо установилось въ общемъ сознаніи правило, въ силу коего ни одинъ налогъ не могъ быть установленъ безъ согласія парламента. Попытка Генриха VIII (въ 1525 году) взять субсидію своею властью встрѣтилась съ такимъ сопротивленіемъ, что король принужденъ былъ отмѣнить свои распоряженія [2]). Правда, Тюдоры находили средства пополнять свою казну мимо субсидій, вотируемыхъ парламентомъ. Въ числѣ этихъ средствъ видное мѣсто занимали принудительные займы (benevolence), изобрѣтенные, какъ мы видѣли, Эдуардомъ IV. „Обычай" этотъ, отмѣненный при Ри-

---

[1]) Какъ это случилось, напримѣръ, въ 1532 году.

[2]) „Сотни тысячъ" говоритъ Маколей, „закричали, что они англичане, а не французы. Въ Кентѣ королевскіе коммиссары обратились въ бѣгство для спасенія жизни. Въ Суффолькѣ четыре тысячи человѣкъ взялись за оружіе. Коронные начальники милиціи въ этомъ графствѣ тщетно пытались собрать войско".

чардѣ III, возобновился при Генрихѣ VII, канцлеръ котораго, Мортонъ, придумалъ даже особый политико-экономическій принципъ *общеобязательности* такихъ займовъ [1]). Наслѣдники Генриха VII часто прибѣгали къ этому средству. Но какъ „займы", такъ и другіе внѣпарламентскіе способы пополненія казны оставались средствами незаконными или установленными въ обходъ законовъ.

Такимъ образомъ въ національномъ сознаніи не изглаживалось понятіе о законномъ и внѣзаконномъ, о согласномъ „съ добрыми обычаями и законами" и противномъ имъ. Этотъ фактъ весьма важенъ при оцѣнкѣ тѣхъ злоупотребленій, къ коимъ нерѣдко прибѣгали Тюдоры. Ихъ произвольные ордоннансы и произвольные поборы оставались злоупотребленіями, превышеніями власти и не были возведены на степень *права*, какъ это было во Франціи. Сами Тюдоры, благодаря своему великому политическому инстинкту, видѣли границу, до которой могло доходить ихъ самовластіе, съ одной, и готовность подданныхъ къ повиновенію, съ другой стороны. Поэтому политика ихъ никогда не имѣла цѣлью разрушеніе основныхъ учрежденій страны.

2. Если названныя условія показывали предѣлы, въ коихъ должны были сохраниться представительныя учрежденія Англіи, то другія условія требовали ихъ энергическаго *дѣйствія*. Парламенты созывались Тюдорами рѣже, чѣмъ созывали ихъ Плантагенеты. Но важность вопросовъ, для рѣшенія коихъ собирались парламенты при Тюдорахъ, часто превосходила важность дѣлъ, для коихъ собирались средневѣковые парламенты. Великій вопросъ о реформаціи былъ рѣшенъ съ согласія народныхъ представителей. Разрывъ съ Римомъ совершился при участіи парламента; супрематія короля, догматы и устройство новой церкви покоились на парламентскихъ статутахъ. На этихъ же статутахъ основывались права всѣхъ пяти Тюдоровъ, царствовавшихъ въ Англіи. Парламентъ участвовалъ въ расторженіи и узаконеніи браковъ Генриха VIII; онъ узаконялъ его дѣтей и допускалъ ихъ къ престолонаслѣдію. Если реформація, перенесшая церковное главенство на короля, въ этомъ отношеніи усилила власть послѣдняго, то, съ другой стороны, супрематія, наравнѣ съ прочими институтами національной церкви, основывалась на силѣ парламентскаго права.

Правда, въ теченіе этого періода, власть парламента не проявляется въ одномъ существенномъ отношеніи—въ правѣ обвиненія

---

[1]) Мортоновскій „принципъ" былъ выраженъ въ слѣдующей формулѣ: „кто много тратитъ, тотъ богатъ, а потому долженъ платить; кто ничего не тратитъ, тотъ дѣлаетъ сбереженія, а потому также долженъ платить".

министровъ и суда надъ ними. Въ прежнее время, какъ мы видѣли, парламенты прибѣгали къ этому средству для установленія своего вліянія на управленіе и для исправленія злоупотребленій. При Тюдорахъ парламенты находились въ иномъ положеніи и не рѣшались подражать своимъ предшественникамъ. Но сами короли привлекали ихъ къ этому дѣлу. При Генрихѣ VIII королевскія жены и опальные любимцы складывали свои головы по приговорамъ угодливыхъ парламентовъ. Старое оружіе осталось, но перешло въ руки королей. Въ революціонный періодъ оно обратилось противъ короны и ея совѣтниковъ. Страффордъ и Лодъ испытали участь Мора, Фишера, Кромвеля и другихъ.

3. Обращаясь къ парламентамъ для содѣйствія своей церковной политикѣ и для другихъ важныхъ дѣлъ, Тюдоры расширили и кругъ національнаго представительства. Конечно, они имѣли въ виду прежде всего усилить элементъ, благопріятный ихъ власти. Такимъ элементомъ являлись представители въ палатѣ общинъ. Устранивъ силу аристократической оппозиціи въ палатѣ лордовъ, Тюдоры стремились, сверхъ того, создать себѣ поддержку въ нижней палатѣ. Для этой цѣли они щедро жаловали право представительства городамъ; при одной Елисаветѣ это право было дано 62 мѣстечкамъ [1]). Избирательныя права давались по преимуществу незначительнымъ мѣстечкамъ, зависѣвшимъ отъ правительственныхъ органовъ и мѣстныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ коронѣ. Но расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ. Дѣйствительно, „гнилыя мѣстечки“ первое время посылали въ парламентъ депутатовъ, вполнѣ угодныхъ придворной партіи; но въ итогѣ они сдѣлались орудіемъ землевладѣльческой джентри, среди которой уже усиливался оппозиціонный духъ. Богатство „рыцарей и сквайровъ“ увеличилось вслѣдствіе перехода въ ихъ руки конфискованныхъ имуществъ церкви; оппозиціонный духъ какъ этихъ, такъ и городскихъ классовъ питался ученіями *пуританъ*.

Въ связи съ этой перемѣной, должно указать на другую, болѣе важную, ибо она касалась *существа* представительной системы въ Англіи. Въ средніе вѣка, когда представительство покоилось, формально по крайней мѣрѣ, на сословно-корпоративномъ началѣ, депутаты считались уполномоченными избравшихъ ихъ корпорацій— графствъ или городовъ. Они, обыкновенно, были связаны данными

---

[1]) Говоря объ увеличеніи числа членовъ нижней палаты, слѣдуетъ также имѣть въ виду, что при Генрихѣ VIII въ составъ парламента были введены представители отъ кн. Уэльскаго (27 депутатовъ) и четыре депутата отъ Палатината и города Честера. Но эта мѣра имѣла въ виду сліяніе означенныхъ мѣстностей съ Англіею.

имъ инструкціями. Поэтому, какъ графство, такъ и городъ должны были избрать своихъ депутатовъ изъ числа лицъ *осѣдлыхъ* въ мѣстности и принадлежащихъ къ „communitas". Правило это было подтверждено закономъ Генриха V. Но при Тюдорахъ оно уже такъ мало соблюдалось, что въ 1571 году былъ предложенъ билль, имѣвшій цѣлью освятить совершившуюся перемѣну. Одинъ изъ защитниковъ билля, Нортонъ, привелъ замѣчательный мотивъ, показывавшій, какъ измѣнились взгляды на задачу представительства. При избраніи депутатовъ, говорилъ онъ, необходимо имѣть въ виду общіе интересы королевства болѣе, чѣмъ частную пользу мѣстности. Поэтому къ избранію человѣка способнаго и полезнаго не должно служить препятствіемъ, что онъ не принадлежитъ къ числу жителей города. Другими словами, уже въ концѣ XVI вѣка въ Англіи было сознано одно изъ важнѣйшихъ началъ новаго политическаго представительства, выражаемое въ правилѣ, что *депутаты принадлежатъ всей націи*. Хотя о судьбѣ билля 1571 года ничего не извѣстно, но фактически старое правило продолжало отмѣняться само собою. Съ этого же времени (особенно съ 1586 г.) палата общинъ, не безъ борьбы съ королевой, присвоиваетъ себѣ право провѣрки *законности выборовъ*, прежде принадлежавшее лорду канцлеру и судамъ.

XI. Условія внутреннихъ преобразованій обыкновенно сложны и разнообразны; но въ каждую изъ великихъ эпохъ, знаменующихъ перерожденіе страны, можно указать на извѣстное явленіе въ духовной жизни общества, которое служитъ какъ бы нравственнымъ знаменемъ для всего общественнаго движенія. Такимъ явленіемъ въ Англіи XVI и XVII вѣковъ былъ *пуританизмъ*. Этимъ именемъ обозначалась совокупность протестантскихъ сектъ, несогласныхъ съ „установленною" церковью. Всѣ означенныя секты, съ прибавленіемъ другихъ, существуютъ теперь въ Англіи, не нарушая мирнаго хода гражданской жизни. Но въ разсматриваемую нами эпоху пуританство должно было имѣть и дѣйствительно имѣло другое значеніе.

Во-первыхъ, въ XVI и XVII вѣкахъ, вслѣдствіе издавна подготовлявшагося церковнаго переворота, религіозные вопросы естественно выдвинулись на первый планъ. Ни одна страна не могла считать себя спокойною прежде, чѣмъ она такъ или иначе рѣшила ихъ для себя. Всѣ умы обращались къ изслѣдованію догматовъ, къ толкованію текстовъ, къ критикѣ обрядовъ съ такою же силою и страстью, съ какою чрезъ двѣсти лѣтъ они обратились къ вопросамъ политическимъ, а еще позже къ соціальнымъ. Во-вторыхъ, съ новыми религіозными воззрѣніями были связаны и извѣстныя политическія понятія, и это обстоятельство было весьма важно для Англіи, гдѣ „установленная" церковь являлась частью политическаго порядка, вслѣд-

ствіе чего критика церковнаго устройства естественно распространялась и на государственныя учрежденія. Церковное несогласіе влекло за собою политическую оппозицію; равнымъ образомъ, большинство недовольныхъ правительственной системой естественно усиливало ряды пуританъ. Наконецъ, важнымъ условіемъ развитія новыхъ сектъ являлись воздвигнутыя на нихъ гоненія. Начало религіозной терпимости было столь же чуждо Англіи, какъ и другимъ государствамъ Европы. И вездѣ гоненія приводили къ одинаковымъ результатамъ: или къ усиленію сектъ и революціоннымъ взрывамъ, какъ въ Англіи, или къ полному упадку страны, какъ это случилось съ Испаніей. Всѣ главныя секты, дѣйствовавшія въ XVII вѣкѣ, образовались уже при Елисаветѣ.

Жестокія мѣры Генриха VIII не остановили развитія нонконформизма въ Англіи. Но ему недоставало того церковнаго строя, безъ котораго безсильно всякое исповѣданіе. Этотъ видимый порядокъ новая церковь получила чрезъ посредство Шотландіи, гдѣ реформація утвердилась благодаря усиліямъ Джона Нокса [1]). Строгій кальвинистъ по убѣжденіямъ, онъ игралъ видную роль въ Англіи при Эдуардѣ VI, когда Кранмеръ и протекторъ нуждались въ содѣйствіи великихъ проповѣдниковъ протестантизма. При Маріи Тюдоръ онъ долженъ былъ бѣжать въ Женеву, но въ 1555 году явился въ Шотландію, гдѣ, несмотря на всѣ препятствія и опасности, проповѣдывалъ свое ученіе. Тщетно старалась остановить успѣхи протестантизма правительница государства—Марія Гизъ [2]). Репрессивныя мѣры вызвали, наконецъ (въ 1559 г.), возстаніе, во главѣ котораго сталъ самъ реформаторъ, ибо, какъ говорилъ онъ, „гдѣ идетъ борьба съ сатаною, тамъ Джонъ Ноксъ долженъ быть самъ". Въ 1560 году новая церковь была организована. Догматическія ученія ея были согласны съ ученіемъ Кальвина; изъ богослуженія изгнана обрядность даже въ той степени, въ какой она удержана была въ церкви англиканской; епископскій санъ отмѣненъ и церковное управленіе, съ правомъ проповѣди, ввѣрено *пресвитерамъ*, какъ представителямъ и руководителямъ церковной общины. Основанная на этихъ началахъ, новая церковь въ самой Шотландіи выдержала упорную борьбу при Маріи Стюартъ, возвратившейся въ Шотландію по смерти Франциска II (14 августа 1561 г.). Ноксъ былъ главнымъ руководителемъ религіозной борьбы, которая, въ связи съ

---

[1]) Джонъ Ноксъ (Knox) род. въ 1505, ум. въ 1572 году.

[2]) Марія Гизъ—жена Іакова V и мать несчастной Маріи Стюартъ, въ то время находившейся въ супружествѣ за Францискомъ II, королемъ французскимъ.

другими причинами, привела къ бѣгству Маріи изъ Шотландіи и трагической смерти послѣ двадцатилѣтняго заключенія въ Англіи.

Церковь, организованная Ноксомъ въ Шотландіи, сдѣлалась образцомъ и символомъ для англійскихъ пуританъ. Церковная и политическая оппозиція въ Англіи и въ Шотландіи были связаны общими интересами, сила которыхъ обнаружилась при Карлѣ I во время заключенія знаменитаго *ковенанта* [1]). Собственно *пресвитеріанскія* воззрѣнія были приведены въ систему и проповѣдуемы Томасомъ Картрайтомъ, профессоромъ богословія въ Кэмбриджѣ. Онъ началъ свою борьбу противъ епископата и другихъ полукатолическихъ учрежденій англиканской церкви въ 1570 г. Въ 1572 г. онъ обнародовалъ свой „совѣтъ парламенту", призывая его къ кореннымъ реформамъ церковнаго устройства. Отвергая епископство, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на независимости церкви и духовенства отъ свѣтской власти и дошелъ даже до *теократическихъ* воззрѣній на отношеніе государствъ къ церкви. Но мысль англійскихъ диссидентовъ уже въ царствованіе Елисаветы пошла дальше границъ, указанныхъ Кальвиномъ, Ноксомъ и ихъ послѣдователями въ Англіи. Подъ именемъ Броунистовъ [2]) явилась секта, отвергавшая всякую церковную іерархію, провозглашавшая автономію церковныхъ общинъ [3]), имѣющихъ право назначать и смѣщать своихъ представителей и признававшая право проповѣди за всякимъ „святымъ", почувствовавшимъ на себѣ дѣйствіе благодати. Эта радикальная въ церковномъ отношеніи секта обратилась въ радикальную церковно-политическую партію *индепендентовъ*, съ которыми мы встрѣтимся ниже.

Елисавета поняла опасность, грозившую „установленной" церкви со стороны сектантовъ. Пуританская оппозиція проникла и въ парламентъ, гдѣ нѣкоторые депутаты заговорили новымъ и неслыханнымъ языкомъ. Королева прибѣгла къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Были изданы строгія распоряженія противъ незаконныхъ сборищъ пуританъ (такъ наз. prophesyings). Для предупрежденія распространенія противуцерковныхъ доктринъ, *печать* была подчинена строгой цензурѣ. Сверхъ того, по королевскому распоряженію, типографіи были оставлены только въ трехъ городахъ: Лондонѣ, Оксфордѣ и Кэмбриджѣ. Пуритане и индепенденты прибѣгли къ тайной печати, при

---

[1]) См. ниже, во главѣ II этого отдѣла.

[2]) Отъ имени основателя секты, Роберта Броуна (Brown); род. въ 1549 г., ум. въ 1630 въ тюрьмѣ. Главными продолжателями его ученія были Генрихъ Барро и Джонъ Робинзонъ (ум. въ 1626 г.). Послѣдній преобразовалъ секту броунистовъ, получившую названіе *индепендентовъ*.

[3]) Конгрегацій—отсюда названіе „конгрегаціоналистовъ".

помощи которой они распространяли свои ученія и памфлеты, съ каждымъ годомъ становившіеся болѣе фанатическими и оскорбительными. Тайные станки были открыты, и сектантамъ остался только путь устной проповѣди, которая вела къ жестокимъ наказаніямъ и часто къ смертной казни. Высокая Коммиссія дѣйствовала со всею строгостью; но пропорціонально росъ фанатизмъ сектантовъ, имѣвшихъ видъ „одержимыхъ". Такъ одинъ изъ нихъ былъ казненъ за то, что онъ утверждалъ, что въ его тѣлѣ поселилась душа Іоанна Крестителя.

XII. Какъ ни былъ великъ фанатизмъ сектантовъ, но въ царствованіе Елисаветы оппозиція не разрослась еще до размѣровъ, угрожающихъ власти короля. Фанатическія проповѣди пуританъ и ихъ нападки на церковь и правительство являлись только рѣзкимъ диссонансомъ среди чувствъ общаго довольства умнымъ и заботливымъ управленіемъ обожаемой Queen Bess. Эти чувства вызывались не отвлеченною привязанностью къ королевскому достоинству, но положительными фактами, свидѣтельствовавшими о ростѣ національнаго благосостоянія и могущества во всѣхъ отношеніяхъ.

Королева умѣла выбирать своихъ совѣтниковъ и слугъ; въ ея совѣтѣ засѣдали лица такихъ обширныхъ государственныхъ способностей, какъ Бёрлей и Вальсингамъ; во флотѣ отличались Дрэкъ, Гаукинсъ, В. Ралей и Дэвисъ; войсками предводительствовали Монтжой, Говардъ, Филиппъ Сидней; англійская литература была представлена Спенсеромъ, Шекспиромъ и др.; новые пути для философіи раскрывались Бэкономъ. Дворъ королевы былъ сборнымъ мѣстомъ ученыхъ, поэтовъ и художниковъ. Сама королева, какъ говорятъ, каждое утро читала что нибудь изъ Демосѳена и состязалась свѣдѣніями по классической литературѣ съ учеными педантами. Но блескъ двора былъ отраженіемъ общаго довольства и возраставшаго благосостоянія.

Развитіе англійской промышленности получило новый толчокъ; фламандскіе фабриканты и негоціанты, бѣжавшіе отъ преслѣдованій испанцевъ, приносили въ Англію свое искусство и свои капиталы; англійская торговля развилась настолько, что явилась возможность уничтожить ганзейскую контору. Торговля на Средиземномъ морѣ мало по малу переходила въ руки англичанъ; морской путь въ Индію открывалъ странѣ новые рынки; Ченслеръ завязалъ торговыя сношенія съ Россіею; В. Ралей занялъ на восточномъ побережьѣ С. Америки страну, названную имъ въ честь дѣвственной королевы Виргиніею и сдѣлавшуюся колыбелью англійскихъ колоній въ этой части свѣта. Осторожная и въ общемъ миролюбивая политика Елисаветы давала ея подданнымъ возможность спокойно пользоваться

новыми источниками богатства и развивать производительныя силы страны.

Быстрые и осязательные успѣхи въ просвѣщеніи, въ богатствѣ, въ искусствѣ и литературѣ давали англичанамъ полное основаніе гордиться правленіемъ своей королевы и питать къ ней ту привязанность, какою не пользовался ни одинъ англійскій монархъ ни до, ни послѣ нея. Но ростъ просвѣщенія и благосостоянія приводилъ и къ другимъ послѣдствіямъ, которыхъ не видѣла даже прозорливая королева. Богатая, гордая своими внѣшними и внутренними успѣхами страна не была похожа на истерзанную и раззоренную Англію, отдавшуюся въ руки Генриха VII. Если современники послѣдняго охотно подчинялись его деспотическимъ мѣрамъ, то современники Елисаветы не могли относиться сочувственно къ дѣятельности Звѣздной Палаты или Высокой Коммиссіи. Свободный духъ проникалъ въ среду зажиточной джентри и быстро богатѣвшихъ горожанъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ національнаго достоинства, дѣлали успѣхи и пуританскія ученія, распространявшіяся, несмотря на всѣ запретительныя мѣры, между горожанами и джентри.

Признаки возрождавшейся оппозиціи были весьма ясны, особенно въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы. Она проявлялась даже въ средѣ должностныхъ лицъ. Такъ въ 1592 году, канцлеръ ланкастерскаго графства Морисъ внесъ въ парламентъ предложеніе относительно улучшенія духовныхъ судовъ, особенно же относительно инквизиціонныхъ пріемовъ Высокой Коммиссіи. Королева, призвавъ къ себѣ спикера, напомнила ему, что она постоянно запрещала парламенту „вмѣшиваться въ дѣла, превышающія его пониманіе", что она удивлена непокорностью палаты и повелѣваетъ спикеру не допускать подобныя предложенія до обсужденія. Самъ Морисъ потерялъ свое мѣсто, былъ вычеркнутъ изъ списка барристеровъ и подвергнутъ заключенію. Но какъ ни печаленъ былъ этотъ случай для Мориса, онъ показывалъ, однако, въ какія сферы проникало недовольство.

Еще раньше, въ 1591 году, судьи королевской скамьи вошли къ канцлеру и казначею съ представленіемъ (remonstrance) о злоупотребленіяхъ исключительныхъ судовъ и нарушеніи всѣхъ правъ личной свободы. Въ „ремонстраціи" указывалось, что подданные подвергаются заключенію по распоряженію членовъ тайнаго совѣта или просто знатнаго лица, что многіе подвергались этой мѣрѣ за возбужденіе исковъ и тяжебъ на основаніи общихъ законовъ и чрезъ это были принуждаемы отказываться отъ нихъ; многіе изъ оправданныхъ общими судами были снова заключаемы и притомъ не въ обыкновенныя тюрьмы, а въ тайныя мѣста, вслѣдствіе чего они не

могли добиться правосудія; что даже должностныя лица, на коихъ возлагалось исполненіе предписаній общихъ судовъ, были подвергаемы наказанію за таковое исполненіе и чрезъ это приведены въ такой страхъ, что отказываются отъ исполненія таковыхъ. Въ заключеніе, судьи ходатайствовали, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо изъ подданныхъ Ея Величества арестованъ не по особому ея распоряженію, не по постановленію тайнаго совѣта и не за государственную измѣну, судьи были бы увѣдомляемы о причинѣ ареста. И это представленіе, характеризующее нравы эпохи, не имѣло практическихъ послѣдствій.

Не успѣшнѣе была и оппозиція въ парламентѣ. Долгое время всякое неугодное правительству предложеніе, сдѣланное членомъ парламента, влекло за собою запрещеніе палатѣ „вмѣшиваться въ дѣла, превышающія ея пониманіе“, и арестъ оппозиціонныхъ членовъ. Самъ парламентъ неохотно принималъ къ обсужденію вопросы, сколько нибудь щекотливые [1]). Но подъ конецъ своего царствованія, Елисавета, когда популярность ея значительно пострадала вслѣдствіе тяжкихъ поборовъ, возстанія въ Ирландіи, замѣшательствъ съ Испаніею, трагической исторіи съ Эссексомъ, должна была уступить парламенту въ важномъ для нея вопросѣ о монополіяхъ. Издавна королева жаловала право на продажу разныхъ предметовъ (часто первой необходимости) своимъ придворнымъ или отдавала это право на откупъ. Издавна также въ парламентѣ слышались заявленія о незаконности этихъ привилегій и вредѣ ихъ для страны. Но всякія представленія по этому предмету имѣли исходъ, описанный Вентвортомъ (Wentworth) [2]). Наконецъ въ 1601 году долго накоплявшееся неудовольствіе разразилось цѣлой бурей. Въ парламентъ былъ внесенъ билль, въ коемъ всякія монополіи прямо и рѣшительно объявлялись противозаконными. Въ теченіе четырехъ дней оппозиція

[1]) Мѣткую характеристику этого положенія сдѣлалъ Вентвортъ, самъ призванный въ 1576 г. къ отвѣту предъ комитетомъ палаты за смѣлую рѣчь. „Въ послѣднемъ парламентѣ“ говорилъ Вентвортъ, „одинъ изъ членовъ его, нынѣ занимающій мѣсто президента, произнесъ превосходную рѣчь, испрашивая отмѣны нѣкоторыхъ монополій, дарованныхъ четыремъ придворнымъ, въ ущербъ шести или восьми тысячамъ подданныхъ Ея Величества. Эта рѣчь не понравилась нѣкоторымъ совѣтникамъ короны, и авторъ ея былъ вызванъ предъ совѣтъ, гдѣ съ нимъ обошлись такъ грубо, что онъ воротился въ палату съ лицомъ, совершенно разстроеннымъ. Вся палата была до того поражена этимъ, что въ теченіе десяти, двѣнадцати, пятнадцати дней никто не осмѣливался возвысить голосъ о предметѣ, имѣющемъ какую нибудь важность. Даже о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ всякій пускался въ длинныя предисловія, умоляя, чтобы словъ его не перетолковали въ другомъ смыслѣ... Со всѣхъ сторонъ тогда повторяли въ палатѣ: „Господа! не говорите о монополіяхъ; королева разсердится, тайный совѣтъ разсердится“ и т. д.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

громила политику двора; придворные напрягали свои силы, чтобы удержать свои привилегіи. Но королева, видѣвшая дальше своихъ придворныхъ, поняла всю невозможность сопротивленія. Значительная часть монополій была отмѣнена, и королева примирилась съ своимъ парламентомъ (ноябрь 1601). Дѣло о монополіяхъ не было уже простымъ эпизодомъ парламентской исторіи; оно являлось признакомъ новаго духа, внесеннаго въ палату коммонеровъ поколѣніемъ, боровшимся съ наслѣдникомъ Елисаветы и подготовившимъ революціонный взрывъ 1641 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СТЮАРТЫ И РЕВОЛЮЦІЯ.

(1603—1688).

I. Въ теченіе XVII вѣка особенности англійской конституціи сравнительно съ государственнымъ устройствомъ континентальныхъ державъ развились до полнаго съ ними контраста. Въ главныхъ континентальныхъ государствахъ торжествуетъ неограниченная монархія; въ одной Англіи окончательно утверждаются представительныя учрежденія. Другими словами, только въ Англіи система средневѣковой монархіи, ограниченной земскими чинами, развилась въ современную монархію съ народнымъ представительствомъ. Между тѣмъ династія Стюартовъ [1]) явилась въ Англію съ идеями и стрем-

---

[1]) Іаковъ I (для Шотландіи VI) былъ, какъ мы знаемъ, правнукомъ Генриха VII Тюдора и сыномъ несчастной Маріи Стюартъ, отъ ея брака съ Дарнлеемъ. Затѣмъ генеалогія Стюартовъ, въ лицѣ главныхъ представителей династіи, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Іаковъ I.

- Генрихъ † 1611.
- Карлъ I (род. въ 1600)
  - Карлъ II.
  - Іаковъ II.
    - Марія въ супружествѣ за Вильгельмомъ Оранскимъ (царствовала вмѣстѣ съ Вильгельмомъ съ1688—1694).
    - Анна въ супружествѣ за Георгомъ Датскимъ (царствов. съ 1702—1714).
- Елисавета (род. въ 1596) (въ замужествѣ за Фридрихомъ V Пфальцскимъ, съ 1619 по 1621 королемъ Богемскимъ. Одна изъ дочерей ея, Софія, вышла замужъ за курфюрста Ганноверскаго. Чрезъ нее англійская корона, по смерти Анны, перешла въ Ганноверскую линію).

Хронологически Стюарты царствовали въ слѣдующемъ порядкѣ.

Іаковъ I 1603—1625. Карлъ I 1625—1649. Республика 1649—1660. Карлъ II 1660—1685. Іаковъ II 1685—1688.

леніями не только неблагопріятными политической свободѣ, но прямо враждебными исконнымъ учрежденіямъ страны.

Іаковъ I (1603—1625), провозглашенный королемъ Шотландіи послѣ бѣгства Маріи Стюартъ, провелъ свою молодость [1]) подъ строгой опекой фанатическихъ пресвитеріанъ. Они взяли его воспитаніе въ свои руки и образовали изъ него того ученаго до педантства богослова, какимъ онъ явился на престолѣ. Но богословская начитанность его сдѣлалась средствомъ для защиты ученій, непохожихъ на доктрины пресвитеріанъ. Нельзя не признать, что преемники Нокса сдѣлали все возможное для отвращенія своего воспитанника отъ церковно-политическаго радикализма, въ ихъ генеральныхъ и провинціальныхъ синодахъ и церковныхъ собраніяхъ. Они заставляли молодого короля терпѣливо выслушивать утомительныя проповѣди своихъ ораторовъ, которые не щадили сыновнихъ его чувствъ, громя безпощадно грѣхи его матери. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ испытывалъ ихъ назойливую опеку во всѣхъ дѣлахъ управленія, вѣчный страхъ отъ мятежей, ими возбуждаемыхъ, и постоянныя оскорбленія своего королевскаго достоинства.

Въ то время, какъ пресвитеріане извлекали изъ библіи доказательства въ пользу демократіи, король пользовался своими обширными познаніями и начитанностью въ св. писаніи для защиты неограниченныхъ правъ королевской власти. На фанатизмъ пресвитеріанъ онъ отвѣчалъ тѣми педантическими аргументами, которыми впослѣдствіи такъ раздражался англійскій парламентъ.

Притомъ семейныя его связи съ французскимъ дворомъ, давнишнее вліяніе французскихъ идей въ Шотландіи направляли его симпатіи къ политическимъ формамъ, не имѣвшимъ уже ничего общаго съ учрежденіями страны, которою онъ призванъ былъ управлять. Торжество королевской власти на континентѣ представлялось побѣдой правильнаго государственнаго порядка надъ грубыми остатками феодальнаго безначалія и своеволія. Взглядъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, былъ правиленъ въ примѣненіи къ континентальнымъ государствамъ. Но въ Англіи, гдѣ права народнаго представительства были, въ извѣстныхъ границахъ, уважаемы Генрихомъ VIII и Елисаветою, примѣненіе началъ, провозглашенныхъ Іаковомъ, требовало свойствъ націи, подобной французамъ временъ фронды, и государственныхъ людей, равныхъ Генриху IV, Сюлли и Ришельё.

Новый король не обладалъ этими способностями, хотя природа надѣлила его многими качествами, весьма важными для частнаго человѣка и обыкновеннаго общественнаго дѣятеля. По своей начитан-

---

[1]) Іаковъ родился въ 1566 году.

ности, онъ могъ бы блистать на каѳедрѣ оксфордскаго университета; по своему остроумію, находчивости въ спорахъ, часто мѣткой ироніи, онъ могъ бы быть хорошимъ проповѣдникомъ или отличаться въ богословскихъ состязаніяхъ. Можно было замѣтить, что и въ этихъ отношеніяхъ королю недоставало многаго. Достоинство его учености умалялось тяжелымъ, педантическимъ характеромъ изложенія; странный иногда выборъ предметовъ для многочисленныхъ сочиненій короля [1]) показывалъ узкость его ума, вызывавшую ироническія замѣчанія современниковъ [2]). Но на престолѣ эти недостатки не могли содѣйствовать притязаніямъ короля. Къ этому присоединялись другія условія. Природа, надѣлившая Іакова извѣстными умственными качествами, дала ему внѣшность не королевскую. Послѣ „царственной львицы", въ которой воплотилась вся повелительная натура Тюдоровъ, на престолѣ Англіи явился человѣкъ съ несоразмѣрно большою головою, съ глазами на выкатѣ, съ слабыми ногами, заставлявшими его опираться на плечо котораго нибудь изъ любимцевъ. Елисавета, несмотря на вольности, которыя она себѣ позволяла, всегда умѣла заставить другихъ помнить, что она королева. Ея увеселенія имѣли характеръ волшебныхъ праздниковъ. Увеселенія Іакова I походили на разгулъ низшаго сорта; неприличныя шутки короля, его страсть къ вину, его хвастливость и грубость часто заставляли окружающихъ забывать, что предъ ними король.

Всѣ слабости короля могли бы быть забыты, если бы его безграничнымъ притязаніямъ соотвѣтствовали высокія государственныя и національныя цѣли. Нація спокойно переносила самовластіе Елисаветы, которая дѣйствительно оставила Англію богатою, просвѣщенною и могущественною. Никогда Англія не имѣла меньше значенія въ Европѣ, чѣмъ во время Іакова. Въ общемъ ходѣ англійской исторіи это обстоятельство принесло свою пользу. Если бы, по вѣрному замѣчанію М а к о л е я, послѣ Елисаветы на англійскомъ престолѣ явился государь способный и воинственный; если бы онъ, подобно Густаву-Адольфу, сталъ во главѣ протестантскихъ державъ,—въ его распоряженіи скоро оказалась бы могущественная армія, при помощи которой онъ подчинилъ бы себѣ непокорный парламентъ. Болѣе чѣмъ миролюбивая политика Іакова избавила Англію отъ этой опасности. Но на умы современниковъ, особенно въ то время, когда

---

[1]) На ряду съ ученіемъ о королевской власти и разсужденіемъ о предопредѣленіи, Іаковъ писалъ разсужденія о вредѣ куренія табаку, объ отношеніяхъ чертей къ старымъ женщинамъ, и т. д.

[2]) Извѣстенъ не совсѣмъ приличный отзывъ Генриха IV французскаго, сказавшаго, что Іаковъ „самый умный глупецъ во всей Европѣ".

протестантскія ученія доводили ихъ до фанатизма, жалкая роль, разыгранная Іаковомъ въ началѣ тридцатилѣтней войны, дѣйствовала тягостно. Не было и внутреннихъ цѣлей, которыя оправдывали бы желанія Іакова сдѣлаться королемъ, подобнымъ Филиппу II.

При этихъ условіяхъ, для Іакова I было затруднительно подражать правительственнымъ пріемамъ Елисаветы. Но онъ сдѣлалъ больше. Тюдоры, какъ мы видѣли, умѣли согласовать свою прерогативу съ общими учрежденіями страны; королевская власть явилась однимъ изъ органическихъ установленій Англіи, основанныхъ одинаково на древнихъ обычаяхъ и законахъ. Если короли считали неотъемлемою принадлежностью короны извѣстныя прерогативы, то, съ другой стороны, опредѣленныя права признавались неотъемлемымъ и благопріобрѣтеннымъ правомъ націи. Отношенія послѣдней къ ея королямъ покоились на взаимномъ признаніи обоюдныхъ правъ и обязанностей, освященныхъ вѣками. Правда, области королевскихъ правъ, съ одной, и націи, съ другой стороны, не были точно опредѣлены; при Тюдорахъ перевѣсъ въ правахъ перешелъ на сторону королевской власти. Но ни одинъ изъ государей этой династіи не провозглашалъ, что всѣ учрежденія государства—слѣдовательно, и всѣ политическія вольности страны—суть добровольные дары короля, который не связанъ законами и можетъ ихъ отмѣнить по своему усмотрѣнію. Между тѣмъ, именно это провозглашалъ Іаковъ. И въ своихъ сочиненіяхъ и въ многочисленныхъ рѣчахъ онъ постоянно доказывалъ, что король, по происхожденію своей власти, выше законовъ; что если онъ, въ дѣйствіяхъ своихъ, руководствуется законами, то никакъ не по обязанности, но для примѣра подданнымъ и по доброй своей волѣ.

Теоріи Іакова находили отголосокъ въ части дворянства и духовенства. Мы уже видѣли выше, что руководители оффиціальной реформаціи въ Англіи, въ интересахъ своего дѣла, стремились возвысить авторитетъ королевской власти. Англиканская церковь съ ея іерархіею, съ ея тѣснымъ союзомъ съ властью свѣтскою, съ ея привилегіями, естественно искала для себя точки опоры въ суprематіи короля, въ его верховномъ авторитетѣ, поставленномъ превыше законовъ. Міросозерцаніе *кальвинистовъ*, особенно тамъ, гдѣ эта церковь восторжествовала (какъ въ Шотландіи), выразилось въ демократическихъ теоріяхъ, провозглашавшихъ народовластіе и право народовъ низлагать неправедныхъ правителей. Въ Шотландіи извѣстный Бюкананъ [1]) въ своей книгѣ *De jure regni apud Scotos* (1579), на-

[1]) Жоржъ Бюкананъ (Buchanan) род. въ 1506 г., умеръ въ глубокой старости и бѣдности въ 1582 г. Извѣстенъ какъ поэтъ и ученый. По изгнаніи Маріи Стюартъ изъ Шотландіи, онъ былъ назначенъ учителемъ къ Іакову VI и получилъ затѣмъ

писанной въ разгаръ распри Іакова I (VI) съ пресвитеріанами, явился предшественникомъ демократическихъ теорій Мильтона. „Высокоцерковная" литература въ Англіи защищала начала абсолютной монархіи въ томъ духѣ, въ какомъ развивалъ ихъ Іаковъ I. Политическія понятія этой партіи, впослѣдствіи приведенныя въ систему извѣстнымъ кавалеромъ Фильмеромъ [1]), находили горячихъ сторонниковъ уже при Іаковѣ I. Права короля на корону выводились изъ началъ божественнаго установленія и возводились къ временамъ патріарховъ, отъ коихъ они преемственно перешли къ королямъ. Власть эта абсолютна по самому своему существу. Король, —говорилъ ученый Коуэль (Cowell) въ началѣ царствованія Іакова, —въ силу своей абсолютной власти, стоитъ выше законовъ, и хотя онъ, для лучшаго и порядочнаго отправленія законодательной власти допускаетъ для совѣщанія три сословія (т.-е. парламентъ), но это есть не ограниченіе его власти, а дѣло милости. Хотя онъ при коронаціи приноситъ присягу не измѣнять законовъ страны, но онъ, не смотря на присягу, можетъ измѣнять законы или пріостанавливать ихъ дѣйствіе, если они, по его мнѣнію, вредны для государства.

Такимъ образомъ, за королемъ, сверхъ власти, признаваемой законами, осуществляемой чрезъ государственныя учрежденія, признавалась нѣкоторая абсолютная власть, поставленная выше законовъ. Если бы средства Іакова I и его характеръ соотвѣтствовали такой теоріи, англійскія учрежденія ожидала бы участь французскихъ земскихъ чиновъ или испанскихъ кортесовъ. Но независимо отъ того, что силы короля препятствовали ему осуществить свою теорію, практическія цѣли, къ которымъ стремился не только Іаковъ, но и всѣ короли изъ дома Стюартовъ, не могли сдѣлать ихъ теоріи популярными.

II. Политика первыхъ двухъ Стюартовъ не имѣла въ виду какихъ либо великихъ внѣшнихъ цѣлей. Напротивъ, англичане, во время ихъ управленія, жаловались на то, что страна является орудіемъ чужихъ замысловъ. Не было и великихъ внутреннихъ цѣлей, осуществленіе которыхъ возвышаетъ духъ націи и удовлетворяетъ

должность хранителя печати. Когда Іаковъ взялъ управленіе въ свои руки, Бюкананъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ и двора. На сочиненіяхъ Бюканана отразилось общее направленіе демократическаго кальвинизма, съ коимъ онъ познакомился во Франціи и, въ значительной мѣрѣ, изъ литературы возрожденія, обратившей умы къ идеаламъ классической древности.

[1]) Робертъ Фильмеръ извѣстенъ преимущественно по главному своему сочиненію: *Патріархъ или естественная власть королей* (*Patriarcha or the natural power of the kings*).

его. Ближайшею единственною цѣлью ихъ политики являлось утвержденіе ихъ власти, удовлетвореніе династическихъ выгодъ насчетъ исконныхъ правъ страны. Поэтому управленіе ихъ получило чисто личный характеръ и притомъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ личное управленіе Тюдоровъ. Послѣдніе ослабили власть парламента и часто заставляли его быть своимъ орудіемъ. Они перенесли власть управленія въ тайный совѣтъ и его отдѣленія. Но они умѣли сдѣлать эти установленія довольно правильными органами управленія. „Король въ совѣтѣ“ являлся нормальнымъ и авторитетнымъ институтомъ въ глазахъ націи. Напротивъ, при Стюартахъ тайный совѣтъ въ дѣйствительности теряетъ свое значеніе, уступая мѣсто совѣщаніямъ короля съ 2 или 3 фаворитами, рѣшавшими дѣло мимо совѣта. Въ это время сдѣлалось извѣстнымъ выраженіе, впослѣдствіи, при иныхъ условіяхъ, получившее другое и почетное значеніе—именно слово *кабинетъ*. Въ тѣ времена оно соотвѣтствовало понятію, передаваемому испанскимъ выраженіемъ „камарилья“. И никто не былъ такъ доступенъ фаворитизму, какъ Стюарты.

Если прежній центръ управленія—тайный совѣтъ—уступалъ свое мѣсто кабинетнымъ совѣщаніямъ, то политическія учрежденія, съ нимъ связанныя, обратились въ орудія произвольныхъ мѣръ. Мы видѣли, что Звѣздная Палата и Высокая Коммиссія явились при Тюдорахъ; но свою незавидную политическую знаменитость онѣ пріобрѣли при Стюартахъ, ибо при нихъ онѣ сдѣлались орудіями не общихъ политическихъ цѣлей, какія имѣли Тюдоры, но средствомъ для личныхъ и часто незаконныхъ преслѣдованій и вымогательствъ. Не смотря на вмѣшательство Тюдоровъ и Звѣздной Палаты въ ходъ общаго правосудія, англійскіе суды и магистратура сохраняли довольно независимое положеніе. Теперь назначеніе судей на срокъ королевскаго усмотрѣнія (durante bene placito) сдѣлалось дѣйствительной угрозой для судебныхъ должностей, и лучшіе юристы Англіи испытывали на себѣ послѣдствія нерасположенія двора по поводу приговоровъ, неугодныхъ послѣднему. Кабинетское управленіе, жестокости Звѣздной Палаты и Высокой Коммиссіи и деморализація судовъ должны были служить средствомъ для уничтоженія послѣдняго права парламента, права, предъ которымъ останавливались Тюдоры, т.-е. *права налоговъ*. Создать самостоятельные источники новыхъ доходовъ для короны было, конечно, необходимо для устраненія всякой зависимости короля отъ народнаго представительства. Поэтому вопросъ о налогахъ и субсидіяхъ, всегда игравшій важную роль въ конституціонной исторіи Англіи, теперь получилъ особенное значеніе, ибо отъ разрѣшенія его зависѣла судьба всѣхъ политическихъ правъ націи.

Предметы и программа политической борьбы въ правленіе первыхъ двухъ Стюартовъ представлялись, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ: 1) произвольное управленіе чрезъ фаворитовъ, исказившее даже учрежденіе тайнаго совѣта, заставило парламентъ прибѣгнуть къ старому оружію противъ дурныхъ совѣтниковъ короны—къ обвиненію и осужденію министровъ. Прецеденты изъ средневѣковой исторіи послужили примѣромъ парламентамъ, осуждавшимъ Бэкона, Миддльсекса, Страффорда, Лода и другихъ; 2) дѣйствія Звѣздной Палаты и Высокой Коммиссіи, уничтожавшихъ значеніе всякихъ конституціонныхъ гарантій и даже постановленій Великой Хартіи, обезпечивавшихъ *личную свободу* подданныхъ, вызвали требованіе объ уничтоженіи этихъ чрезвычайныхъ судилищъ и установленіи лучшихъ обезпеченій правъ личной свободы; 3) искаженіе судовъ общаго права чрезъ произвольную смѣну судей и назначеніе на высшія судейскія должности креатуръ двора вызвало требованіе несмѣняемости судей, какъ средства обезпеченія независимаго отправленія правосудія; 4) система произвольныхъ и неразрѣшенныхъ парламентомъ поборовъ и налоговъ вызвала требованія точнаго опредѣленія финансовой власти парламента, какъ въ отношеніи назначенія субсидій, такъ и контроля надъ ихъ употребленіемъ.

Таковы были главные предметы великой распри между Стюартами и ихъ парламентами; таковы были и пункты, относительно которыхъ были согласны всѣ почти партіи какъ въ націи, такъ и въ парламентѣ. Разрѣшеніе ихъ въ парламентскомъ смыслѣ привело къ установленію тѣхъ формъ конституціонной монархіи, въ которыхъ живетъ Англія. Но въ первую половину XVII ст. политическія распри не только осложнялись религіознымъ вопросомъ, но, въ извѣстной степени, имѣли свой корень въ церковныхъ несогласіяхъ. Первенствующая роль въ оппозиціи принадлежала пуританамъ; воззрѣнія ихъ, демократическія въ отношеніи церковнаго устройства, не были таковыми въ отношеніи устройства государственнаго. Горячіе защитники привилегій парламента и древнихъ правъ націи, они были далеки отъ воззрѣній республиканскихъ. Но въ рѣшительный моментъ борьбы, когда конституціонная распря рѣшилась силою оружія, власть перешла къ индепендентамъ, у которыхъ религіозныя и политическія убѣжденія были одинаково проникнуты демократическими началами. „Люди корня и вѣтви“ основали республику, державшуюся геніемъ военнаго диктатора. Несогласная съ обычаями и убѣжденіями націи, республика держалась до смерти Кромвеля. Въ періодъ реставраціи борьба переходитъ на чисто политическую почву и заканчивается вторичнымъ паденіемъ династіи Стюартовъ, на этотъ разъ окончательнымъ.

Моменты политической исторіи Англіи въ XVII столѣтіи представляются, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ: 1) развитіе парламентской оппозиціи и недовольства въ странѣ подъ вліяніемъ притязаній и правительственной системы Іакова I; 2) борьба парламента съ Карломъ I, заканчивающаяся междоусобною войною, казнью короля и провозглашеніемъ республики; 3) краткій періодъ республики; 4) возстановленіе ограниченной монархіи при Карлѣ II и дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ конституціонныхъ началъ; 5) попытка католической и монархической реакціи при Іаковѣ II, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ революцію 1688 года.

III. Отношенія Іакова I къ отдѣльнымъ партіямъ, какъ религіознымъ, такъ и политическимъ, опредѣлились съ самаго начала его царствованія. Внѣшнія обстоятельства складывались въ его пользу, если бы онъ хотѣлъ и умѣлъ взять на себя роль примирителя. Происки католической партіи, столь грозныя для Елисаветы, не были опасны для сына Маріи Стюартъ. Папа Климентъ VIII привѣтствовалъ Іакова со вступленіемъ на престолъ и приказалъ отпраздновать это событіе торжественною процессіей. Короли Генрихъ IV французскій и Филиппъ III испанскій искали его дружбы. Миръ съ Испаніею былъ заключенъ. Возстаніе въ Ирландіи было подавлено и новый король воспользовался плодами подвиговъ Монтжоя, коими не успѣла воспользоваться Елисавета. Небольшой кружокъ заговорщиковъ [1]), задумавшихъ отнять у Іакова престолъ во имя его дальней родственницы, Арабеллы Стюартъ [2]), былъ захваченъ прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ выполненію своего безумнаго предпріятія. Оно осталось извѣстнымъ главнымъ образомъ по трагической судьбѣ одного изъ заговорщиковъ—сэра Вальтера Ралея [3]).

Большинство католиковъ ожидало отъ Іакова терпимости. Самъ король, болѣе съ политической, чѣмъ съ теологической точки зрѣнія выражалъ сочувствіе къ католицизму. Эта религія, говорилъ онъ, болѣе другихъ имѣетъ власти надъ душами; она была бы удобнѣе другихъ для монархіи, если бы папы не обнаруживали притязаній

---

[1]) Въ числѣ ихъ были лорды Грей и Кобгамъ, братъ послѣдняго, Вальтеръ Ралей, и два католическихъ священника: Ватсонъ и Кларкъ.

[2]) Арабелла Стюартъ была дочь Карла, брата Генриха Дарнлея (мужа Маріи Стюартъ), и по отцу внучка Маргариты, дочери Генриха VII, жены Іакова IV, отъ второго ея брака съ графомъ Ангусомъ.

[3]) Вальтеръ Ралей (Raleigh), блестящій придворный Елисаветы и великій искатель приключеній, былъ приговоренъ, за участіе въ упомянутомъ заговорѣ, къ смертной казни. Но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе и висѣлъ надъ несчастнымъ въ теченіе 15 лѣтъ. Ралей былъ казненъ послѣ того, какъ порученная ему экспедиція въ Америку кончилась неудачно.

имѣть власть надъ королями. На дѣлѣ, однако, преслѣдованія католиковъ продолжались съ прежнею силою. Они наказывались главнымъ образомъ огромными пенями, восполнявшими королевскую казну и кошельки его любимцевъ. Не было, впрочемъ, недостатка и въ болѣе жестокихъ мѣрахъ. Потерявшіе всякую надежду католики рѣшились на отчаянное злодѣяніе. Составился новый заговоръ (1605), подъ главнымъ руководствомъ полковника Катсби и Фаукса, имѣвшій цѣлью взорвать парламентъ въ то время, когда въ немъ будутъ король и всѣ его министры. Заговоръ этотъ, извѣстный подъ именемъ *порохового*, едва не былъ приведенъ въ исполненіе. Раскрытый во время, онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе въ Англіи. Послѣдствіемъ его, кромѣ заслуженной казни заговорщиковъ, были жестокіе законы противъ католиковъ, которые были лишены не только политическихъ, но и гражданскихъ своихъ правъ [1]). Король, не питавшій противъ католиковъ фанатической ненависти англійскихъ протестантовъ, согласился, однако, на эти законы, и впослѣдствіи преслѣдованіе католическихъ подданныхъ Англіи явилось однимъ изъ средствъ задобрить оппозиціонныя партіи.

Но и отношенія короля къ *пуританамъ* не были поставлены на лучшія основанія. Іаковъ питалъ къ нимъ нескрываемое нерасположеніе; послѣднее объяснялось какъ воспоминаніями его молодости, такъ и тѣмъ, что свобода сужденія, въ дѣлахъ вѣры, допускаемая и требуемая пуританскими ученіями, не согласовалась со взглядами Іакова на его супрематію. Тѣмъ не менѣе пуританское движеніе, въ данную минуту, было весьма серьезно, въ виду того, что многіе взгляды диссидентовъ раздѣлялись не только многочисленными ихъ приверженцами, но и членами „установленной" церкви. Въ низшемъ духовенствѣ громко раздавались требованія объ „очищеніи" этой церкви отъ разныхъ римскихъ обрядовъ, объ улучшеніи ея устройства и способовъ образованія духовенства. Въ 1603 году королю подана была такъ называемая „петиція тысячи" [2]), въ которой эти желанія

---

[1]) Католикамъ воспрещено было являться при дворѣ и жить ближе десятимильнаго разстоянія отъ Лондона. Они лишены были права вступать въ корпораціи хирурговъ, врачей, адвокатовъ, судей и судебныхъ писцовъ, равнымъ образомъ занимать какую либо общественную или административную должность. Имъ воспрещалось быть опекунами или душеприкащиками. Супруги католики, если они не были обвѣнчаны англиканскимъ священникомъ, теряли право наслѣдовать одинъ послѣ другого; если дѣти ихъ, чрезъ мѣсяцъ по рожденіи, не были окрещены по англиканскому обряду, то родители облагались штрафомъ въ 100 ф. с. за каждаго. Католикъ, воспитанный за-границей, лишался права на наслѣдованіе имуществъ, находящихся въ Англіи. Ко всему этому должно прибавить жестокія уголовныя постановленія за нарушеніе разныхъ церковныхъ законовъ.

[2]) Названная такъ по числу подписей, которыхъ, впрочемъ, было только 827.

были изложены подробно. Іаковъ принялъ петицію, но не столько для того, чтобы удовлетворить высказаннымъ въ ней желаніямъ, сколько для того, чтобы выставить въ полномъ блескѣ свои богословскія познанія и способность къ диспутамъ.

По желанію короля, пуританскіе проповѣдники должны были явиться на диспутъ съ епископами и богословами „установленной“ церкви. Конференція собралась 14 января 1604 года подъ предсѣдательствомъ короля, желавшаго принять на себя роль посредника въ этомъ дѣлѣ. Но исходъ совѣщаній былъ предрѣшенъ въ умѣ Іакова. Оживляя, по временамъ, бесѣду не всегда умѣстными шутками, онъ утомилъ собраніе продолжительными разсужденіями, въ которыхъ онъ высказалъ и свой знаменитый афоризмъ: „нѣтъ епископа, нѣтъ и короля“ (no bishop, no king), вызвавшій восторгъ въ рядахъ высшаго духовенства. Взгляды короля на свободу церковныхъ собраній и проповѣди высказались съ достаточною ясностью [1]), равно какъ и убѣжденіе его въ необходимости епископскаго званія. Категорически высказался онъ и относительно пуританъ (т.-е. открытыхъ диссидентовъ): „я сдѣлаю ихъ конформистами или выгоню изъ страны и хуже того: пусть ихъ вѣшаютъ, и дѣлу конецъ“.

Эти угрозы, равно какъ и всѣ угрозы Іакова, не предвѣщали мѣръ, болѣе строгихъ, чѣмъ мѣры Елисаветы. Тѣмъ не менѣе преслѣдованія продолжались, и много пуританъ и индепендентовъ отправились въ новый свѣтъ, гдѣ они положили основаніе могущественной федераціи С. Американскихъ Штатовъ [2]). Но пуританскія доктрины, одушевлявшія стойкихъ колонистовъ новой Англіи [3]), неудержимо распространялись и въ самой Англіи, гдѣ приверженцы ихъ взростали въ непримиримой ненависти къ установленной церкви, перенесенной затѣмъ и на монархію.

---

[1]) „Вы хотите“ говорилъ онъ, „шотландскаго пресвитеріанства, которое сходится съ монархіею такъ же, какъ Богъ съ дьяволомъ. Тогда и Джакъ, и Томъ, и Уилль, и Дикъ будутъ имѣть право собираться и, по своему усмотрѣнію, судить обо мнѣ и моемъ совѣтѣ. Уилль встанетъ и скажетъ: „это должно быть такъ“; а Дикъ отвѣтитъ: „нѣтъ, мы хотимъ того то“. А я вамъ повторяю мое первое слово и говорю: le roi s'avisera (формула отказа), король одинъ долженъ рѣшать“.

[2]) Первое основаніе колоній „Новой Англіи“ (т.-е. пуританскихъ штатовъ Мэна, Нью-Гампшира, Вермонта, Массачусетса, Родъ-Эйланда и Коннектикута), игравшихъ такую роль въ политическомъ развитіи Америки, было положено *броунистами* (см. выше), въ 1620 году.

[3]) „Вѣра, экзальтированная преслѣдованіями“ говоритъ Лабулэ, „дала эмигрантамъ мужество, превозмогающее всѣ препятствія, настойчивость, которую не могутъ сломить ни бѣдствія, ни войны, ни самая смерть, энергію, дѣлающую человѣка способнымъ къ нечеловѣческимъ усиліямъ, потому что при безусловной увѣренности въ помощи Божіей, онъ не сомнѣвается въ собственныхъ силахъ и ничего не ожидаетъ отъ другихъ“.

Признаки усиливавшагося раздраженія проявились и въ парламентѣ, гдѣ пуританская оппозиція росла непрерывно. Король, съ своей стороны, дѣлалъ весьма многое, способное усилить это раздраженіе. Первые парламенты, созванные Іаковомъ, достаточно показали, что рѣшительныя теоріи короля о происхожденіи и пространствѣ его власти встрѣтятъ столь же рѣшительное противодѣйствіе въ народномъ представительствѣ. Уже парламентъ 1604 года выступилъ въ защиту заявленій, изложенныхъ въ петиціи „тысячи", и заявлялъ при этомъ, что „совершенно ложно мнѣніе, внушенное Е. В., что короли Англіи имѣютъ неограниченную власть дѣлать преобразованія въ дѣлахъ вѣры и издавать церковные законы безъ согласія парламента". Еще рѣзче высказывалась палата общинъ, относительно стремленій Іакова пополнять свою казну пошлинами на товары и другими неразрѣшенными парламентомъ налогами и поборами. Палата, не смотря на запрещеніе короля касаться вопроса о пошлинахъ (такъ какъ онъ былъ рѣшенъ въ его пользу судьями), жаловалась, что Іаковъ, въ мирное время и безъ согласія парламента установилъ больше налоговъ, чѣмъ его предшественники въ военное время. Дѣйствительно, англійская торговля терпѣла сильный ущербъ отъ пошлинъ, изобрѣтавшихся королемъ, постоянно нуждавшимся въ деньгахъ на чрезмѣрные расходы расточительнаго двора.

Но въ первыя десять лѣтъ правленія Іакова отношенія короля къ парламенту не обострялись до открытой вражды. Король былъ обязанъ этимъ вліянію государственнаго человѣка старой школы— Роберту Сесилю, сыну знаменитаго Бёрлея, любимаго совѣтника Елисаветы. Наслѣдовавъ отъ отца хитрость и изворотливость, вмѣстѣ съ духомъ умѣренности и благоразуміемъ, онъ умѣлъ еще ладить съ парламентами и умѣрять требованія королевскихъ фаворитовъ. Но въ 1612 году онъ умеръ. Предъ смертью, какъ говорятъ, онъ сказалъ, что ему пришлось жить въ дурное время, но онъ предвидитъ худшее. Предсказаніе его сбылось.

Уже при жизни Сесиля, когда послѣднему не удавалось уладить затрудненій короля съ парламентомъ, Іаковъ прибѣгалъ къ распущенію палатъ и даже къ аресту депутатовъ за оппозиціонныя рѣчи. Съ 1608 по 1610 гг. онъ вовсе не созывалъ палатъ. Послѣ смерти Сесиля, поддерживавшаго еще значеніе тайнаго совѣта, Іаковъ самъ сдѣлался своимъ министромъ, т.-е. въ дѣйствительности подпалъ вліянію фаворитовъ. Въ первое время послѣ смерти Сесиля, возвысился бывшій шотландскій его пажъ, красивый Карръ, пожалованный титуломъ графа Рочестера. Независимо отъ разныхъ злоупотребленій по управленію, Рочестеръ, сдѣлавшійся потомъ графомъ Сомерсетъ, вовлекъ дворъ въ позорный процессъ, потребовавшій

немедленнаго его удаленія [1]). Мѣсто Рочестера занялъ превосходившій его красотой, но также легкомысліемъ, себялюбіемъ и тщеславіемъ Джоржъ Вильерсъ. Не имѣя еще 25 лѣтъ отъ роду, онъ быстро получилъ титулы виконта, графа и маркиза Буккингама. Вскорѣ затѣмъ онъ сдѣлался герцогомъ Буккингамомъ, губернаторомъ „пяти портовъ", кавалеромъ ордена подвязки и генералъ-адмираломъ Англіи. Даже въ исторіи фаворитизма подобное возвышеніе представляло нѣчто необычайное, тѣмъ болѣе, что оно не соотвѣтствовало достоинствамъ любимца и гибельно отразилось на интересахъ самого Іакова и его сына.

Личное управленіе Іакова, подчинявшагося своимъ фаворитамъ, отразилось на всемъ ходѣ дѣлъ и на положеніи другихъ государственныхъ людей. Англійскіе судьи въ ту эпоху вообще не отличались духомъ независимости. Знаменитѣйшій изъ нихъ—сэръ Эдуардъ Кокъ—нерѣдко показывалъ примѣръ угодливости. Но были предѣлы, дальше которыхъ судьи, подобные глубокому знатоку законовъ Коку, не могли идти. Кокъ лишился своего мѣста, а во главѣ правосудія былъ поставленъ великій основатель опытной философіи, но столь же великій угодникъ Буккингама, человѣкъ „холоднаго сердца и низкой души" по выраженію Маколея — Бэконъ Веруламскій. Онъ держался милостью Буккингама и былъ имъ отданъ на жертву раздраженному парламенту, когда тотъ счелъ это для себя выгоднымъ. Другимъ дѣятелемъ, возвышеннымъ въ это время и также запятнавшимъ себя корыстью, былъ лордъ-казначей Миддльсексъ, раздѣлившій въ свое время участь Бэкона.

При общемъ направленіи своей политики, Іаковъ меньше всего могъ вынести участіе парламента въ государственномъ управленіи и его контроль. Были принимаемы всѣ мѣры, чтобы сдѣлать созывъ

---

[1]) Рочестеръ, ничего не понимавшій въ государственныхъ дѣлахъ, приблизилъ къ себѣ въ качествѣ совѣтника, молодого человѣка сомнительной репутаціи, Овербёри. Чрезъ нѣсколько времени Рочестеръ задумалъ жениться на леди Эссексъ, рожденной Говардъ, желавшей развестись съ своимъ мужемъ. Король благопріятствовалъ желаніямъ своего любимца, но Овербёри, по своимъ расчетамъ, не желалъ брака Рочестера. Тогда леди Эссексъ рѣшилась удалить соперника и, чрезъ своего дядю, хранителя печати, графа Нортгемптона, выхлопотала указъ о назначеніи и его въ посольство, отправлявшееся въ Россію. Овербёри воспротивился, доказывая, что король не имѣетъ права назначать его въ миссію противъ желанія. Король приказалъ посадить его въ тюрьму, гдѣ онъ, чрезъ полгода и умеръ, при загадочныхъ обстоятельствахъ. Бракъ Рочестера состоялся въ придворной капеллѣ. Но чрезъ нѣсколько времени возникли основательныя подозрѣнія въ отравленіи Овербёри, что подало поводъ къ позорному, по своимъ подробностямъ, процессу. Шесть человѣкъ подверглись смертной казни; графъ и графиня Сомерсетъ были также осуждены. Раздраженная нація подозрѣвала самого короля, что онъ зналъ о приготовленіи преступленія.

палатъ излишнимъ. Миролюбивая политика, доходившая до полнаго забвенія національныхъ интересовъ, избавляла короля отъ экстренныхъ расходовъ; таможенныя пошлины, установляемыя имъ безъ согласія парламента, въ силу толкованія о прерогативѣ, даннаго судьями, могли пополнять его казну. Рядомъ съ этимъ, король пользовался забытыми, но извлекавшимися теперь изъ архивовъ правами короны—по опекѣ, по выдачѣ замужъ богатыхъ наслѣдницъ и т. д. Изобрѣтались и другія средства. Званіе пэровъ продавалось за крупныя суммы. Монополіи, которыхъ Іаковъ обѣщалъ не возобновлять, умножились въ размѣрахъ, неслыханныхъ при Елисаветѣ.

Тѣмъ не менѣе казна была обыкновенно пуста. Чрезвычайная расточительность двора была первою тому причиной, жадность фаворитовъ—другою, алчность должностныхъ лицъ, въ родѣ Миддльсекса—третьею и, можетъ быть, наиболѣе важною. Недостатокъ въ деньгахъ заставлялъ Іакова обращаться къ содѣйствію парламента. Но послѣдній не походилъ уже на палаты временъ Генриха VIII.

Чрезъ два года послѣ смерти Сесиля (т.-е. въ 1614 году) былъ созванъ парламентъ, въ коемъ нижняя палата на $^2/_3$ состояла изъ депутатовъ, проникнутыхъ пуританскими и оппозиціонными взглядами. Между ними были лица, прославившіяся при Карлѣ I: Джонъ Эліотъ, Томасъ Вентвортъ, тогда еще горячій членъ оппозиціи, Джонъ Пимъ и другіе. Напрасно дворъ старался провести въ палату своихъ кандидатовъ; они повсемѣстно потерпѣли неудачу. Нижняя палата высказывала тѣ же требованія, какъ и палаты предыдущихъ парламентовъ, но болѣе рѣзко и рѣшительно. Она протестовала противъ незаконныхъ поборовъ, требовала устраненія многочисленныхъ злоупотребленій и ставила исполненіе ея желаній условіемъ назначенія субсидій.

Усилія оппозиціи на этотъ разъ были безуспѣшны. Хотя выборы произошли подъ вліяніемъ общаго во всей странѣ направленія, но депутаты, ея посланные, еще слишкомъ мало знали другъ друга и не были достаточно опытны для политической борьбы, чтобы провести желаемыя ими мѣры. Между нижнею и верхнею палатою возникли раздоры, которыми воспользовался король, чтобы распустить этотъ парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *безплоднаго* (addled). Онъ разошелся, не рѣшивъ ни одного вопроса и не назначивъ королю субсидій. Іаковъ довольствовался тѣмъ, что велѣлъ заключить въ Тоуэрѣ четырехъ главныхъ вождей оппозиціи.

Затѣмъ онъ принялъ рѣшеніе, къ которому обратился впослѣдствіи и Карлъ I, т.-е. вознамѣрился управлять страною безъ парламента. Въ теченіе семи лѣтъ (1614—1621) Іаковъ былъ свободенъ отъ давленія народнаго представительства. Но въ 1621 году вѣчная

нужда въ деньгахъ и другія усложненія побудили короля созвать парламентъ, который сдѣлался настоящимъ предтечею грозныхъ палатъ временъ Карла I.

Въ періодъ безпарламентскаго управленія причины къ неудовольствію въ націи умножились. Не говоря о злоупотребленіяхъ въ управленіи, о принудительныхъ займахъ, о монополіяхъ, о дѣйствіяхъ Звѣздной Палаты и Высокой Коммиссіи, внѣшнее положеніе Англіи возбуждало національныя страсти и доводило до изступленія пуританскую партію. Великая борьба, въ которой должна была рѣшиться участь протестантизма въ Европѣ, т.-е. тридцатилѣтняя война (1618—1648 года), уже началась. Удары католической арміи Габсбурговъ были направлены противъ Богеміи, корону которой принялъ Фридрихъ Пфальцскій, женатый на дочери Іакова. Король протестантской Англіи и тесть богемскаго короля не только ничего не дѣлалъ на пользу протестантизма, но завязывалъ дружескія отношенія съ его врагами.

Руководимый легкомысленнымъ Буккингамомъ, король задумалъ женить своего сына на дочери Филиппа III испанскаго. Онъ настаивалъ на своемъ планѣ, не смотря на величайшія трудности къ заключенію такого брака. Нужно было получить диспенсацію отъ папы, преодолѣть нерасположеніе испанскаго короля, пренебречь явнымъ неудовольствіемъ собственной націи къ браку наслѣдника престола съ испанкою и католичкою. Замѣчательно, что все это трудное и небезопасное предпріятіе осуществлялось какъ бы для того, чтобы впослѣдствіи (1623), когда дѣло было улажено, бросить его, по настоянію того же легкомысленнаго любимца, оскорбить испанскій дворъ и женить Карла на французской принцессѣ Генріеттѣ Маріи.

Пока Буккингамъ и его воспитанникъ блистали при испанскомъ дворѣ, Богемія была разгромлена императорскими войсками, битва при Бѣлой Горѣ (1620) навсегда положила конецъ чешской свободѣ, испанскія войска вторглись въ Пфальцъ и опустошали его безпощадно. Тогда только Іаковъ увидѣлъ, насколько онъ обманулся въ своихъ расчетахъ. Онъ рѣшился подать нѣкоторую помощь своему зятю и созвать парламентъ.

Послѣдній собрался въ раздраженномъ состояніи [1]). Король произнесъ воинственную рѣчь, на которую палата общинъ отвѣчала го-

---

[1]) Однимъ изъ доказательствъ этого состоянія можетъ служить слѣдующій примѣръ. До свѣдѣнія нижней палаты дошло, что нѣкто Флойдъ (католикъ), при извѣстіи о пораженіи Фридриха при Бѣлой Горѣ, позволилъ себѣ восклицанія, оскорбительныя для Фридриха и его супруги. Палата немедленно обвинила его посредствомъ билля of attainder, и Флойдъ былъ приговоренъ къ громадному штрафу, выставленію у позорнаго столба и къ вѣчному заключенію, по наказаніи кнутомъ.

товностью принести всѣ жертвы жизнью и имуществомъ. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ настроеніемъ палатъ и націи, Іаковъ снова обратился къ своей медлительной и двойственной политикѣ. Тогда парламентъ обратилъ все свое раздраженіе на внутреннія злоупотребленія. Король, не смотря на отдѣльныя шутки надъ парламентомъ, уступилъ натиску. Монополіи были отмѣнены, и чрезъ это сократился одинъ изъ обильныхъ источниковъ косвенныхъ доходовъ короля. Гнѣву палатъ былъ принесенъ въ жертву и лордъ-канцлеръ Бэконъ, котораго Буккингамъ, изъ личныхъ расчетовъ, пересталъ поддерживать. Свѣтило философіи расплачивался теперь за свою позорную судебную дѣятельность. Лихоимство канцлера было доказано въ 22 случаяхъ; онъ самъ сознался письменно въ своихъ преступленіяхъ [1]); онъ умолялъ только „сжалиться надъ сломаннымъ тростникомъ". Лорды приговорили его къ 40,000 ф. пени и къ тюремному заключенію на срокъ по усмотрѣнію короля.

Осужденіе лорда-канцлера было лишь эпизодомъ, недостаточнымъ для удовлетворенія коммонеровъ, рѣшившихся возстановить свое значеніе въ государственномъ управленіи. Рѣшимость палаты вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что интересамъ протестантизма и націи грозила бо̀льшая опасность, чѣмъ лихоимство судей. Переговоры о бракѣ принца Уэльскаго продолжались; католичка могла быть матерью будущаго наслѣдника престола. Палата рѣшилась представить королю объ опасности такого положенія и отправила къ королю депутацію изъ 12 лицъ. Гнѣвъ короля, принявшаго депутацію, выразился на первый разъ въ ироническомъ отношеніи къ депутаціи. Онъ велѣлъ приготовить для нея 12 креселъ, подобныхъ его собственному, восклицая: „мы будемъ принимать 12 королей!" Іаковъ не принялъ петиціи, велѣлъ объявить палатѣ, чтобы она не вмѣшивалась не въ свои дѣла, и пригрозилъ членамъ оппозиціи Тоуэромъ. Палата отвѣчала на королевское письмо объявленіемъ, занесеннымъ въ ея протоколы. Эту резолюцію можно считать предтечею знаменитыхъ „петицій" и „объявленія о правахъ". Она составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „вольности, права, привилегіи и юрисдикція парламента суть природное, безспорное наслѣдственное право подданныхъ Англіи; важныя и настоятельныя дѣла, касающіяся короля, государства и защиты королевства и церкви Англіи, забота о составленіи и поддержаніи законовъ, удовлетвореніе жалобъ, ежедневно возникающихъ въ этомъ королевствѣ, суть прямые и законные

[1]) „Послѣ обдуманнаго разсмотрѣнія обвинительныхъ пунктовъ", писалъ онъ, „углубляясь въ свою совѣсть и призывая къ отчету память мою, насколько я въ силахъ, сознаюсь ясно и откровенно, что виновенъ въ продажности, и отказываюсь отъ всякой защиты".

предметы разсмотрѣнія и преній въ парламентѣ; въ отправленіи и веденіи этихъ дѣлъ, каждый членъ палаты имѣетъ и долженъ имѣть свободу говорить для предложенія, обсужденія и рѣшенія ихъ; общины въ парламентѣ имѣютъ ту же свободу и вольность заниматься этими дѣлами, порядкомъ и способомъ, какіе онѣ признаютъ приличными; и каждый членъ этой палаты, равнымъ образомъ, свободенъ отъ всякаго вызова, заключенія и наказанія (за исключеніемъ налагаемыхъ самою палатой) за и по поводу какихъ либо биллей, рѣчей, замѣчаній и заявленій, касающихся какихъ либо предметовъ или предметовъ, относящихся къ парламенту и его дѣламъ; и если кто либо изъ означенныхъ членовъ дастъ поводъ къ жалобѣ или разспросу за что либо сказанное или сдѣланное въ парламентѣ, этотъ случай долженъ быть представленъ королю, съ согласія и съ мнѣніемъ всѣхъ общинъ, собранныхъ въ парламентъ, прежде чѣмъ король дастъ вѣру какому либо частному извѣщенію".

Это постановленіе палаты, какъ легко замѣтить, отрицало всѣ существенные пункты доктрины Іакова о королевской власти. Права парламента и подданныхъ, которыя въ глазахъ Іакова были милостію короля, являлись прирожденнымъ и наслѣдственнымъ достояніемъ англичанъ; участіе парламента въ государственныхъ дѣлахъ, по мнѣнію Іакова, должно было ограничиваться обсужденіемъ предложенныхъ ему законовъ и вотированіемъ субсидій, причемъ и эти права ограничивались въ своемъ объемѣ распорядительною властью короля и его правомъ установлять торговыя пошлины и другіе сборы; парламентъ заявлялъ, что онъ имѣетъ право обсуждать всѣ дѣла, „касающіяся государства, защиты королевства и церкви, составленія и охраненія законовъ и разсмотрѣнія жалобъ" [1]); наконецъ, палата установляла принципъ депутатской неприкосновенности, поскольку она необходима для отправленія обязанностей представителя. Король принялъ постановленіе палаты какъ личное оскорбленіе. Собственноручно вырвалъ онъ его изъ парламентскихъ протоколовъ и велѣлъ занести объ этомъ въ журналъ своего тайнаго совѣта (30 декабря 1621 г.). Вслѣдъ затѣмъ парламентъ былъ отсроченъ, а потомъ распущенъ. Лорды Оксфордъ и Сотгемптонъ и коммонеры Кокъ, Пимъ, Сельденъ, Филипсъ и другіе были заключены въ тюрьму, изъ которой, впрочемъ, ихъ скоро выпустили.

Іакову открылась теперь возможность безпрепятственно вести сношенія съ Испаніей и слѣдовать собственной своей политикѣ. Но мы видѣли, что онъ рѣзко измѣнилъ свои планы подъ вліяніемъ

[1]) ...the state, and the defence of the realm, and of the church of England, and the making and maintenance of laws and redress of... grievances are proper subjects and matter of... debate in parliament.

Букингама. Тщеславный и легкомысленный герцогъ, можетъ быть, изъ желанія популярности или для устраненія другихъ совѣтниковъ короля, внезапно прервалъ переговоры объ „испанскомъ бракѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ парламенту 1624 года былъ принесенъ въ жертву другой высокопоставленный лихоимецъ, Миддльсексъ, осужденный по обвиненію въ хищеніяхъ. Открыты были и перспективы войны за протестантское дѣло. Самъ Букингамъ, поддерживаемый принцемъ Уэльскимъ, ловко велъ переговоры съ вождями оппозиціи. Король получилъ значительныя субсидіи въ обмѣнъ за обѣщаніе строгаго исполненія законовъ противъ католиковъ, уничтоженія большинства монополій и устраненія злоупотребленій, указанныхъ парламентомъ.

Маневръ Букингама не могъ, конечно, устранить коренного несогласія между королемъ и парламентомъ. Онъ привелъ къ временному успокоенію и далъ старому королю возможность умереть въ наружномъ мирѣ съ націею (мартъ 1625 года). Но распря должна была вспыхнуть съ новою силою, когда временщикъ и его воспитанникъ, новый король, Карлъ I, взяли власть въ свои руки.

Картина наслѣдія, оставленнаго Іаковомъ своему преемнику, была бы неполна, если бы мы не упомянули о положеніи двухъ странъ, игравшихъ важную роль въ трагической исторіи Карла I: Шотландіи и Ирландіи. Іаковъ, какъ король шотландскій, соединилъ корону Тюдоровъ съ наслѣдіемъ своихъ предковъ. Онъ первый принялъ титулъ короля Великобританіи. Титулъ этотъ, поскольку онъ указывалъ на органическое соединеніе двухъ странъ, вызвалъ неудовольствіе въ Англіи. Но до полнаго слiянія старинныхъ соперницъ было еще далеко. Обѣ страны получили, однако, извѣстныя выгоды въ томъ отношеніи, что таможенныя заставы между ними были уничтожены и торговому обмѣну открылся бо́льшій просторъ. Тѣмъ не менѣе, Іаковъ успѣлъ вооружить противъ себя шотландскихъ пресвитеріанъ попытками склонить мѣстный парламентъ къ введенію учрежденій англиканской церкви. Мы увидимъ, къ чему привели эти попытки при Карлѣ I.

Въ Ирландіи побѣды Монтжоя, въ концѣ царствованія Елисаветы, утвердили власть ея наслѣдника. Сверхъ того, личныя условія Іакова давали ему преимущества предъ его теткой. По не вполнѣ доказанной, но пользовавшейся тогда вѣрой генеалогіи, Іаковъ происходилъ изъ рода старинныхъ королей ирландскихъ. Онъ не былъ отлученъ отъ церкви, и католики, какъ мы видѣли, надѣялись на облегченіе своей участи. Дѣйствительно, въ первое время его царствованія управленіе Ирландіею было довольно умѣренно. Но миръ продолжался недолго. Насилія администраціи и жадность англійскихъ поселенцевъ скоро вызвали возстаніе, и возстаніе перешло въ на-

стоящую войну. Жестокими мѣрами былъ подавленъ мятежъ; за подавленіемъ его слѣдовали конфискаціи земель, переходившихъ затѣмъ въ руки англійскихъ поселенцевъ. По приблизительному исчисленію, у ирландцевъ было отнято до 2 милліоновъ акровъ. Такимъ образомъ, въ Ирландіи были приготовлены элементы возстанія, задержаннаго на время сильною рукою графа Страффорда.

Къ указаннымъ печальнымъ условіямъ присоединялись скудость казны, громадные долги Іакова I, жалобы на произвольные сборы и, что самое главное, сознаніе нравственнаго разрыва, послѣдовавшаго между руководящими классами народа и династіею, не сдѣлавшеюся національною.

IV. Молодой государь, занявшій мѣсто Іакова I, возбуждалъ въ націи большія надежды. Во многихъ отношеніяхъ Карлъ I составлялъ противоположность своему отцу. Распущенность и безнравственность двора, педантство, болтливость, трусливость и нерѣшительность Іакова раздражали и утомляли парламентъ. Теперь на престолѣ явился человѣкъ чистыхъ нравовъ, державшій себя просто, но съ достоинствомъ, стремившійся, повидимому, къ добру, трудолюбивый и умѣвшій внушать къ себѣ уваженіе. Самая осанка его, истинно королевская, представляла пріятный контрастъ съ несчастною наружностью Іакова. Но политическая борьба, начавшаяся при Іаковѣ, вступила въ такой періодъ, когда прекращеніе или продолженіе ея не зависѣло уже отъ личныхъ качествъ и частныхъ добродѣтелей правителя.

Сельская джентри и коммонеры палаты съ восторгомъ привѣтствовали воцареніе Карла; но они рѣшительнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, стремились къ утвержденію власти парламента и къ искорененію злоупотребленій личнаго управленія. Король былъ проникнутъ самыми добрыми намѣреніями, но онъ держался тѣхъ же взглядовъ на происхожденіе и право королевской власти, какъ и его отецъ, обладая, въ то же время, большею рѣшимостью для проведенія этихъ взглядовъ въ управленіе. Многое изъ того, что́ коммонеры называли злоупотребленіемъ, признавалось имъ за неотъемлемое право королевской власти; то, что́ общины считали исправленіемъ злоупотребленій, часто признавалось имъ за посягательство на право короны. Король и его парламенты исходили изъ совершенно различныхъ понятій и говорили на разныхъ языкахъ, будучи одинаково увѣрены въ справедливости своихъ требованій и святости своихъ правъ.

Уже первый парламентъ Карла, созванный въ іюнѣ 1625 года, показалъ, на какую почву переносился политическій вопросъ. Искренно выражая свою преданность молодому королю, палата общинъ со

всею страстностью обратилась къ обсужденію всѣхъ государственныхъ дѣлъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, и твердо рѣшилась настоять на исполненіи своихъ желаній. Главнымъ оружіемъ ея было право назначенія субсидій. Послѣднія были нужны королю для войны съ Испаніей, которой желалъ самъ парламентъ. Но онъ обнаружилъ большую неуступчивость. Правительство требовало субсидій въ 300,000 фунтовъ; палата согласилась на 140,000; сверхъ того она не хотѣла предоставить королю таможенныхъ пошлинъ (tonnage and poundage) пожизненно, какъ это дѣлалось при его предшественникѣ. Не рѣшая этихъ вопросовъ окончательно, палата занималась разсмотрѣніемъ жалобъ, требовала исправленія злоупотребленій и просила, чтобы король окружилъ себя достойными довѣрія совѣтниками. Умѣренный и вліятельный руководитель палатской оппозиціи, Робертъ Коттонъ, протестовалъ противъ мысли, что парламентъ хочетъ подчинить себѣ королевскій совѣтъ, какъ это дѣлали мятежные парламенты Эдуарда II и Ричарда II; палата высказываетъ только свои желанія. „Мы желаемъ,“ говорилъ Коттонъ, „чтобы король, окружившій себя совѣтниками мудрыми, благочестивыми и почтенными, исцѣлилъ при ихъ помощи бѣдствія государства и никогда не руководился какими либо личными мнѣніями или совѣтами людей неопытныхъ“.

„Желанія“ палаты, какъ по неуступчивости ея въ финансовомъ вопросѣ, такъ и потому, что въ нихъ содержался намекъ на Букингама, окончательно раздражили короля. Парламентъ былъ распущенъ (12 авг. 1625 г.). Война съ Испаніею требовала, однако, матеріальныхъ средствъ. Правительство прибѣгло къ принудительному займу и снарядило экспедицію въ Кадиксъ. Но, не смотря на угрозы, заемъ далъ мало, а экспедиція кончилась неудачей. Король увидѣлъ необходимость снова созвать парламентъ (1626). Были, однако, приняты мѣры, чтобы важнѣйшіе вожди оппозиціи не явились въ палаты. Сильный врагъ Буккингама—графъ Бристоль—не получилъ призывного письма (summons). Нѣсколько коммонеровъ были назначены шерифами, а потому не могли быть избраны. Мѣра эта не смирила палатъ; напротивъ, онѣ рѣшились перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ: 21 февраля 1626 года нижняя палата внесла обвиненіе (impeachment) противъ лица, считавшагося главнымъ виновникомъ бѣдствій,—противъ герцога Буккингама.

Этотъ случай обвиненія замѣчателенъ тѣмъ, что противъ герцога не могло быть приведено ни одного осязательнаго доказательства въ совершеніи имъ дѣйствій, подходящихъ подъ понятія злоупотребленія должности или государственной измѣны. Обвиненіе было основано на *народной молвѣ* и, какъ таковое, не могло имѣть успѣха. Оно по-

казывало только мѣру раздраженія, господствовавшаго въ палатахъ, раздраженія, усиленнаго еще рѣзкими словами короля [1]). Распря заняла всю сессію, и парламентъ снова былъ распущенъ (15 іюня 1626 г.). Нѣсколько членовъ оппозиціи было арестовано.

Но война съ Испаніею и Австріею продолжалась. У короля не было хорошаго войска и денежныхъ средствъ. Сверхъ того Буккингамъ вовлекъ его въ новое предпріятіе. Кардиналъ Ришельё велъ въ это время свою истребительную войну противъ гугенотовъ; главный опорный пунктъ послѣднихъ Ла-Рошель—былъ осажденъ. Помощь угнетеннымъ протестантамъ могла сдѣлаться популярнымъ дѣломъ и раскрыть кошельки подданныхъ. Но парламентъ не хотѣли созывать. Кромѣ того, въ основѣ предпріятія лежало личное желаніе Буккингама отомстить Ришельё за то, что послѣдній не пускалъ герцога въ Парижъ, куда онъ стремился изъ за безумныхъ видовъ на красавицу королеву Анну Австрійскую [2]).

При этихъ условіяхъ, средства на походъ должно было добывать личными распоряженіями короля. Карлъ не остановился предъ этими мѣрами. Собственными распоряженіями формировалъ онъ полки, располагавшіеся въ графствахъ постоемъ и требовавшіе разныхъ обременительныхъ повинностей. Самихъ солдатъ набирали силою, и если жители жаловались на ихъ безчинство, то, съ другой стороны, солдаты роптали на подчиненіе ихъ исключительнымъ законамъ и судамъ, долженствовавшимъ охранять дисциплину. Денежныя средства, необходимыя для содержанія арміи, положено было добыть путемъ *принудительнаго займа*. На этотъ разъ произвольный характеръ мѣры обнаружился съ особенною силой.

Коммиссарамъ, коимъ поручено было собирать заемъ, вмѣнялось въ обязанность спрашивать у несоглашавшихся, почему они не соглашаются, по своему ли побужденію или по подговору другихъ лицъ и кого именно. „Это было,“ говоритъ Гизо, „въ одно и то же время вымогательство имуществъ и выпытыванье мнѣній“. Выпытыванье мнѣній имѣло печальные результаты для тѣхъ, чьи мнѣнія были несогласны съ оффиціальными. Простыхъ „свободныхъ людей“ насильно брали въ матросы; достаточные землевладѣльцы подвергались тюремному заключенію по постановленію королевскаго совѣта.

---

[1]) Карлъ сказалъ, что онъ не допуститъ преслѣдованія своихъ слугъ, особенно стоящихъ къ нему такъ близко. Палата лучше сдѣлаетъ, если займется дѣломъ о субсидіяхъ. „Если нѣтъ,“ продолжалъ король, „тѣмъ хуже будетъ для васъ самихъ; и если изъ этого выйдетъ какое нибудь несчастіе, я почувствую его, конечно, послѣ всѣхъ“.

[2]) Анна Австрійская (1601—1666), дочь Филиппа III Испанскаго, жена Людовика XIII и мать Людовика XIV.

Въ числѣ послѣднихъ оказалось пять лицъ, рѣшившихся защищать свои права судебнымъ порядкомъ [1]). Арестованные по распоряженію тайнаго совѣта, они обратились въ судъ королевской скамьи съ прошеніемъ объ указѣ habeas corpus для представленія ихъ означенному суду. Дѣло Дарнеля и прочихъ [2]) пріобрѣло великую историческую знаменитость, ибо по поводу его былъ всесторонне разсмотрѣнъ вопросъ о правѣ подданныхъ, заключенныхъ въ тюрьму, безъ объясненія основаній, требовать представленія ихъ законному суду. Никогда до того времени это право не подвергалось столь тщательному и всестороннему разбору. Лучшіе изъ тогдашнихъ юристовъ Англіи—Сельденъ, Ной, и другіе—показали всю глубину своихъ свѣдѣній. Но исходъ дѣла показывалъ, что судьи не рѣшались на постановленіе окончательное. Изъ боязни двора, они оставили Дарнеля и прочихъ въ тюрьмѣ; изъ боязни парламента и согласно собственному убѣжденію, они не признали общимъ правиломъ (какъ того хотѣлъ король), что распоряженіе тайнаго совѣта или короля объ арестѣ служитъ достаточнымъ въ глазахъ суда объясненіемъ причины ареста. Судъ предоставилъ выиграть эту тяжбу парламенту.

Созваніе послѣдняго сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе неудачи Буккингама подъ Ла-Рошелью. Легкомысленный „генералъ-адмиралъ“ принужденъ былъ ретироваться отъ береговъ Франціи, потерявъ множество солдатъ и офицеровъ. Страна была въ горѣ и негодованіи. Растерянный дворъ обратился къ совѣтамъ Коттона. Послѣдній настаивалъ на созывѣ парламента и удовлетвореніи народныхъ нуждъ. Совѣтъ его былъ принятъ, и 17 марта 1628 года собрался парламентъ, которому суждено было настоять на изданіи акта, по важности своей названнаго „второю великою хартіею“, именно прошенія о правахъ.

Не смотря на то, что король открылъ парламентъ угрожающею рѣчью, комментированною затѣмъ лордомъ-канцлеромъ, палата приступила къ своимъ занятіямъ съ величайшимъ спокойствіемъ, свойственнымъ собранію, сознающему свою силу и имѣющему предъ собою опредѣленную цѣль. Вопросъ о субсидіяхъ былъ поставленъ во главѣ другихъ. Коммонеры назначали ихъ королю щедрою рукою,

---

[1]) Это были: Томасъ Дарнель, Джонъ Корбетъ, Вальтеръ Эрлъ, Джонъ Гевинингамъ и Эдмундъ Гампденъ, двоюродный братъ знаменитаго впослѣдствіи Джона Гампдена.

[2]) Оно разсмотрѣно Галламомъ въ назв. соч., гл. VII, и особенно подробно Брумомъ (Broom; не должно смѣшивать съ лордомъ Брумомъ), *Constitutional law* etc., стр. 162—207, изд. 1866 г.

отложивъ, однако, окончательное постановленіе до разсмотрѣнія другихъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе вѣсть о рѣшеніи палаты возбудила въ королѣ и при дворѣ живѣйшую радость. Карлъ выразилъ свое удовольствіе въ выраженіяхъ нѣсколько странныхъ, но искреннихъ. Но надежда на успѣхъ была непродолжительна. Обсудивъ вопросъ о субсидіяхъ, палата обратилась къ главному своему дѣлу—къ возстановленію правъ націи, нарушенныхъ произвольными мѣрами послѣдняго времени. Положено было точнѣе опредѣлить эти права и просить короля о подтвержденіи ихъ. Однимъ изъ дѣлъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе палаты, было дѣло Дарнеля и прочихъ, какъ связанное съ существенными правами личной свободы. Для разсмотрѣнія его были вызваны судьи, обсуждавшіе дѣло въ 1626 году, и послѣ продолжительныхъ дебатовъ [1]), въ коихъ приняли участіе лучшіе ораторы и знатоки права, Диггсъ, Литтльтонъ и другіе, палата постановила резолюціи, гласившія, что:

I. Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть взятъ или содержимъ въ тюрьмѣ или инымъ способомъ ограниченъ (въ своей свободѣ) по приказу короля или тайнаго совѣта, или кого другого (or any other) безъ указанія извѣстной причины къ аресту, заключенію или иного ограниченія, по которой онъ, *на основаніи закона* (by law), долженъ быть арестованъ, задержанъ или ограниченъ.

II. Въ указѣ habeas corpus не можетъ быть отказываемо, и онъ долженъ быть даваемъ всякому просящему о томъ лицу, задержанному или заключенному въ тюрьму или инымъ образомъ ограниченному, по распоряженію короля, тайнаго совѣта или кого другого.

III. Если свободный человѣкъ подвергнется задержанію, тюремному заключенію или иному ограниченію по распоряженію короля, тайнаго совѣта или кого другого, и въ распоряженіи не будетъ указано причины, по которой, на основаніи закона, онъ долженъ быть арестованъ, заключенъ или ограниченъ въ свободѣ, и это будетъ установлено по (указу) habeas corpus, выданному сказанной сторонѣ—онъ долженъ быть освобожденъ безусловно или подъ залогъ [2]).

Эти резолюціи, въ коихъ уже можно видѣть главныя начала знаменитаго habeas corpus act'a 1679 года, были поглощены болѣе важнымъ постановленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ прошенія о

---

[1]) Брумъ, ук. соч., стр. 177 и слѣд.

[2]) Then he ought to be delivered or bailed, т.-е. по разсмотрѣніи причины и основанія ареста судомъ, коему онъ представленъ въ силу указа habeas corpus. Текстъ резолюцій см. у Брума, ук. соч., стр. 176 и слѣд.

правахъ (petition of rights), представленнаго королю отъ имени обѣихъ палатъ парламента (by the lords spiritual and temporal, and commons, in this present Parliament assembled) 28 мая 1628 г.

Петиція касается четырехъ важнѣйшихъ пунктовъ, по коимъ мѣры послѣдняго времени нарушили старые законы и статуты королевства.

I. *Произвольное наложеніе податей.* Парламентъ ссылался на статутъ de tallagio non concedendo [1]), постановлявшій, что никакой налогъ или субсидія не могутъ быть установлены и взимаемы безъ согласія парламента, и на законъ 25 года царствованія Эдуарда III, и другіе „добрые законы", постановлявшіе, что никто не можетъ быть принуждаемъ давать королю въ займы, противъ своей воли. Между тѣмъ, продолжала петиція, въ послѣднее время въ разные графства были посланы коммиссары съ требованіемъ денегъ въ пользу короля, что̀ сопровождалось вымогательствами и незаконными наказаніями.

II. *Нарушеніе правъ личной свободы.* Въ противность Великой Хартіи и статута 28 года царствованія Эдуарда III и „другихъ добрыхъ законовъ и статутовъ", нѣкоторые подданные были заключаемы въ тюрьмы безъ объясненія причинъ и оставляемы въ заключеніи, безъ судебнаго разсмотрѣнія ихъ дѣлъ.

III. *Произвольное установленіе воинской повинности* и обременительныхъ для мѣстныхъ жителей постоевъ „въ противность законамъ и обычаямъ этого королевства и къ великой обидѣ и безпокойству народа".

IV. *Произвольное установленіе чрезвычайныхъ воинскихъ судилищъ,* съ одной стороны, примѣняющихъ воинскіе законы къ солдатамъ и матросамъ, въ противность хартіямъ и статутамъ, а съ другой, потворствующихъ разнымъ тяжкимъ преступникамъ, избѣгающимъ заслуженныхъ наказаній, подъ предлогомъ неподсудности ихъ обыкновеннымъ судамъ.

Ходатайствуя предъ королемъ объ устраненіи всѣхъ означенныхъ злоупотребленій, палаты заключали „прошеніе" слѣдующими выразительными словами: „Обо всемъ этомъ (лорды и общины) нижайше ходатайствуютъ предъ В. В. *какъ о своихъ правахъ и вольностяхъ,* согласно съ законами и статутами этого королевства, и чтобы В. В. соизволили объявить, что всѣ рѣшенія, дѣйствія и мѣры, состоявшіяся ко вреду Вашего народа по упомянутымъ предметамъ, не будутъ впредь имѣть силу примѣровъ. А также да благоволитъ В. В. милостиво объявить, для вящшаго спокойствія и благоденствія Вашего народа, Вашу королевскую волю и желаніе, чтобы по всѣмъ

---

[1]) См. стр. 132.

вышеупомянутымъ предметамъ, всѣ Ваши чиновники и министры служили Вамъ согласно законамъ и статутамъ этого королевства, какъ того требуютъ достоинство В. В. и благоденствіе этого королевства".

Получивъ петицію, король сначала уклонился отъ яснаго утвержденія ея посредствомъ той формы, какою съ незапамятныхъ временъ выражалось королевское согласіе на прошенія палатъ, а именно „soit droit fait comme est désiré". Вмѣсто того, 2 іюня послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ короля, гласившій, что король считаетъ долгомъ охранять права и вольности своихъ подданныхъ такъ же, какъ право своей короны. Только чрезъ нѣсколько дней, 7 іюня, послѣ напряженной борьбы, грозившей перейти въ открытое сопротивленіе, король далъ свое утвержденіе въ обычной формулѣ.

Палаты ликовали и положили напечатать петицію для распространенія ея въ народѣ. Не останавливаясь на этомъ важномъ успѣхѣ, палата пошла дальше. Она изготовила два новыхъ представленія: одно, направленное противъ Буккингама, другое, имѣвшее цѣлью постановить, что таможенные налоги не могутъ быть взимаемы иначе, какъ въ силу закона. Король отсрочилъ засѣданія палатъ (28 августа).

До 20 января 1629 года, когда парламентъ былъ созванъ снова, произошло много важныхъ событій. Съ одной стороны, король лишился своего любимца: Буккингамъ былъ убитъ Фельтономъ. Но это не остановило короля на пути, по которому онъ рѣшился идти. Онъ окружилъ себя новыми совѣтниками, взятыми изъ числа лицъ, особенно ненавистныхъ палатамъ. Его капланъ, проповѣдникъ теорій, вызывавшихъ ярость пуританъ, д-ръ Монтегю, былъ сдѣланъ епископомъ чичестерскимъ. Лодъ, превосходившій самого Монтегю въ высокоцерковномъ ученіи, сдѣланъ епископомъ лондонскимъ, въ ожиданіи вакансіи кентерберійской каѳедры, занятой непользовавшимся королевскимъ расположеніемъ Абботомъ. Но еще важнѣе было то обстоятельство, что королю удалось привлечь на свою сторону многихъ членовъ оппозиціи. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ, конечно, Томасъ Вентвортъ, сильное и дѣловое краснорѣчіе котораго наводило прежде ужасъ на партію двора. Теперь его ожидала власть, титулъ графа Страффорда и трагическая смерть. Примѣру Вентворта послѣдовали многіе члены оппозиціи: Диггсъ, Литтльтонъ, Ной и другіе.

Лишенный многихъ изъ своихъ вождей, парламентъ собрался 21 января 1629 г.; настроеніе его было, впрочемъ, столь же рѣшительно, какъ двухъ предшествовавшихъ палатъ. Многіе изъ прежнихъ вождей оппозиціи, каковы Джонъ Эліотъ, Голлизъ, Пимъ, Ва-

лентинъ и другіе, были на своихъ мѣстахъ; сверхъ того, въ этомъ же парламентѣ, въ первый разъ выслушана была рѣчь депутата, никому еще не извѣстнаго—Оливера Кромвеля. И дворъ и палата одинаково проникнуты были рѣшимостью не уступать. Можно судить о настроеніи, господствовавшемъ при дворѣ по тому факту, что петиція о правахъ была отпечатана въ королевской типографіи не съ окончательною резолюціею короля, а съ первоначальнымъ, уклончивымъ отвѣтомъ послѣдняго. Король встрѣтилъ въ парламентѣ рѣшительное сопротивленіе по вопросу, ради котораго парламентъ былъ созванъ. Отъ него требовали назначенія королю таможенныхъ пошлинъ пожизненно, по прежде бывшимъ примѣрамъ. Палата общинъ отказывалась наотрѣзъ, не приводя, однако, ясныхъ къ тому мотивовъ. Послѣ полуторамѣсячной утомительной и безплодной, хотя и бурной сессіи, парламентъ былъ распущенъ. Въ королевскомъ объявленіи, обнародованномъ чрезъ нѣсколько времени, говорилось, между прочимъ, что „король будетъ считать за личное оскорбленіе всякія рѣчи и всякіе поступки, клонящіеся къ тому, чтобы предписать ему какой либо опредѣленный срокъ для созванія парламента“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе члены оппозиціи были заключены въ Тоуэръ. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Эліотъ умеръ въ темницѣ. До 1640 года король освободилъ себя отъ парламента.

V. Въ теченіе 11 лѣтъ Карлъ I управлялъ страною безъ участія парламента, не имѣя, однако, средствъ приступить къ открытому измѣненію государственнаго устройства. Тѣмъ произвольнѣе и самовластнѣе представлялись его дѣйствія, постоянно нарушавшія какой либо „добрый статутъ“ его королевства. Хотя главный совѣтникъ короля—графъ Страффордъ—и стремился осуществить свой *коренной* переворотъ въ государственномъ устройствѣ, но для этой цѣли у правительства недоставало двухъ способовъ: постоянныхъ денежныхъ средствъ и постоянной арміи.

Правительство болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, прибѣгало къ незаконнымъ поборамъ; но они не могли замѣнить субсидій, назначенныхъ законно собраннымъ парламентомъ, и не покрывали значительныхъ расходовъ по управленію и содержанію двора. Военныя силы короля были незначительны. Первое серьезное затрудненіе потребовало бы созыва парламента и, слѣдовательно, разрушило бы правительственную систему, не имѣвшую твердыхъ основаній. Прочности ея не содѣйствовали и новые совѣтники короля.

Томасъ Вентвортъ, сдѣлавшійся графомъ Страффордомъ, былъ, конечно, самымъ выдающимся изъ нихъ. Никто изъ приближенныхъ

---

[1]) Гизо, назв. соч., I, стр. 36; Галламъ, назв. соч., гл. VIII.

Карла не обладалъ такимъ обширнымъ умомъ и непреклоннымъ характеромъ. Онъ показалъ свою энергію сначала въ качествѣ президента Сѣвернаго Совѣта, потомъ въ качествѣ намѣстника Ирландіи, гдѣ онъ старался создать образецъ, и отчасти и средства для проведенія своего правительственнаго плана въ Англіи. Архіепископъ Лодъ, человѣкъ меньшихъ государственныхъ способностей, но твердаго характера, проникнутый богословскими взглядами, приближавшимися къ ученіямъ католическимъ, употреблялъ всю свою энергію для охраненія привилегій „установленной церкви“ и преслѣдованія нонконформистовъ. Наконецъ, судья Финчъ помогалъ правительству своими свѣдѣніями въ „прецедентахъ“ для возстановленія и взиманія незаконныхъ сборовъ.

Помощь этихъ людей не дала, однако, побѣды королю. Король, тяготившійся парламентскою оппозиціею, сдѣлалъ попытку управлять безъ парламента, но не видно, чтобы онъ твердо рѣшился измѣнить государственныя учрежденія Англіи. Вслѣдствіе этого, энергія Страффорда часто встрѣчала помѣху въ нерѣшительности и боязливости короля, колебанія котораго объясняются также тѣмъ, что новые его совѣтники не были любимы дворомъ, особенно же королевой. Страффордъ встрѣтился при дворѣ съ оппозиціей, болѣе упорной, чѣмъ оппозиція парламентская, и дѣйствовавшей худшими средствами, ибо она руководствовалась чисто личными побужденіями.

Король поддерживалъ своихъ совѣтниковъ, но ни онъ, ни они не могли создать новаго порядка вещей. Въ теченіе безпарламентскаго управленія накопилось много злоупотребленій; насчитывалось много жертвъ Звѣздной Палаты и Высокой Коммиссіи; жестокія преслѣдованія Лода прибавили не мало именъ къ длинному списку пуританскихъ мучениковъ; штрафы, налагавшіеся угодливыми судами на лицъ богатыхъ, раззоряли цѣлыя семьи и доставляли доходъ казнѣ. Страна оставалась спокойна; но какъ только правительство рѣшилось почти открыто присвоить себѣ финансовую власть, оно встрѣтилось съ энергическимъ, хотя и закономѣрнымъ противодѣйствіемъ.

Въ числѣ древнихъ правъ короны имѣлось одно, весьма важное въ тѣ времена, когда берега страны были открыты для нападенія морскимъ разбойникамъ. Королю предоставлялось право требовать отъ прибрежныхъ графствъ снаряженія опредѣленнаго количества кораблей съ достаточнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Эта повинность могла быть обращена и въ денежный сборъ. Состояніе англійской торговли и королевскаго флота при Карлѣ I требовало особыхъ мѣръ. Торговыя суда страдали отъ пиратовъ, а жалкій королевскій флотъ не могъ ихъ защитить. Но эта дѣйствительная нужда дала поводъ къ установленію незаконной подати или, точнѣе, къ *распро-*

страненію корабельной подати (ship monney) на *всѣ* графства [1]). Въ этомъ видѣ она явилась незаконнымъ налогомъ, установленнымъ безъ согласія парламента. Первый указъ по этому предмету былъ посланъ въ Лондонъ 20 октября 1634 г.; затѣмъ, въ 1635 году онъ былъ посланъ къ шерифамъ въ другія графства [2]), въ томъ числѣ и въ графство Буккингамъ. На графство была наложена сумма въ 4500 ф. с. Одинъ изъ богатыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, Джонъ Гампденъ [3]) по раскладкѣ долженъ былъ внести небольшую сумму въ 20 шиллинговъ. Но политическій принципъ, связанный съ этими 20 шиллингами, остановилъ Гампдена. Онъ рѣшился защищать свои права судомъ. И прежде него нѣкоторыя лица пытались сдѣлать то же, но были останавливаемы королевскимъ распоряженіемъ. Теперь король, увѣренный въ своихъ судьяхъ и даже желавшій, чтобы судебный приговоръ освятилъ корабельную подать, разрѣшилъ судебное разбирательство.

Процессъ Гампдена длился 13 дней; всѣ прецеденты, начиная съ датской „деньги" [4]), были разобраны и обсужены [5]). Самъ Гампденъ и его адвокатъ держались съ величайшею скромностью и хладнокровіемъ. Въ судѣ произошло раздѣленіе: противъ Гампдена подано было 7 голосовъ, за него 5. „Приговоръ этотъ", говоритъ роялистическій писатель, Кларендонъ, „принесъ больше пользы и славы осужденному джентльмену, нежели выгоды королю". Дѣйствительно, популярность Гампдена возросла до небывалыхъ размѣровъ. „Онъ", говоритъ Кларендонъ, „сдѣлался предметомъ всеобщаго разговора".

Но плоды своей рѣшимости Гампденъ пожалъ впослѣдствіи. Въ данную минуту приговоръ суда освятилъ подать, противъ которой онъ протестовалъ. Страффордъ въ своихъ письмахъ къ Лоду жаловался въ рѣзкихъ выраженіяхъ на снисходительность, съ которою обращаются съ Гампденомъ [6]). Послѣдній рѣшился покинуть Англію и отправиться въ пуританскія колоніи Америки вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Оливеромъ Кромвелемъ (1637). Но король, имѣвшій свѣдѣнія, что усиленная эмиграція пуританъ въ Америку истощаетъ

---

[1]) Мысль объ этомъ налогѣ была подана ренегатомъ Ноемъ; развитіе и примѣненіе ея принадлежитъ Финчу.

[2]) Текстъ указа у Брума, ук. соч., стр. 306 и слѣд.

[3]) Hampden, род. въ 1596 году, убитъ въ сраженіи противъ королевскихъ войскъ въ 1643 году.

[4]) См. выше, стр. 55.

[5]) Подробный и обстоятельный разборъ этого дѣла см. у Брума, ук. соч., стр. 306—370.

[6]) „Право", писалъ онъ, „если бы съ этими людьми поступить справедливо, то ихъ слѣдовало бы проучить розгой".

Англію, такъ какъ зажиточные пуритане увозятъ съ собою значительные капиталы, воспретилъ эмиграцію. Корабль, на которомъ находились Гампденъ, Пимъ и Кромвель, былъ задержанъ вмѣстѣ съ семью другими кораблями. Три вождя готовившейся революціи по-неволѣ остались въ отечествѣ, которое готовились покинуть навсегда.

Новый толчекъ для переворота пришелъ изъ страны, политически разъединенной съ Англіею, но крѣпко связанной съ нею пуританскимъ духомъ—изъ Шотландіи. Здѣсь открытое возстаніе было вызвано попыткою Лода ввести въ 1637 году англиканскую церковь въ Шотландіи. Первые звуки англиканской мессы вызвали такую ярость въ шотландскихъ пуританахъ, что дѣло скоро дошло до полнаго разрыва и возстанія (въ Эдинбургѣ, 23-го іюля 1637 г.); а для того, чтобы отстоять права шотландской церкви, всѣ представители ея заключили и утвердили актъ согласія—Ковенантъ (1-го марта 1638 г.). Этотъ актъ, кромѣ изложенія догматовъ пресвитеріанской вѣры, содержалъ въ себѣ торжественное осужденіе епископальной церкви и клятву защищать во всякомъ случаѣ короля, религію, законы и права народа. „Менѣе чѣмъ въ шесть недѣль“, говоритъ Гизо, „вся Шотландія стала подъ знамя Ковенанта“.

Борьба съ Шотландцами истощила средства короля. Королевская казна была пуста. Лордъ Нортумберландъ писалъ Страффорду, что въ казначействѣ имѣется 200 ф. При всѣхъ усиліяхъ, новые сборы не могли дать болѣе 110,000 фунтовъ. Король, долгое время не хотѣвшій слышать о парламентѣ, рѣшился, наконецъ, созвать его на 13 апрѣля 1640 г. По свидѣтельству Кларендона, искренняго рояписта, палаты состояли изъ лицъ „мудрыхъ и безпристрастныхъ“. Не смотря на присутствіе въ немъ многихъ оппозиціонныхъ членовъ, „большинство его“, какъ говоритъ Гизо, „состояло изъ мирныхъ гражданъ, непринадлежавшихъ ни къ какой партіи, недовѣрявшихъ увлеченіямъ, тайнымъ заговорамъ и необдуманнымъ предпріятіямъ и льстившихъ себя надеждою устранить зло, не раздражая короля и не подвергая опасности общественное спокойствіе“ [1]). Галламъ, недовѣрчиво относясь къ отзыву Кларендона и доказывая, что парламентъ 1640 года состоялъ приблизительно изъ тѣхъ же элементовъ какъ и долгій парламентъ, говоритъ, однако, что онъ дѣйствовалъ умѣренно и осторожно. Но намѣреніе исправить злоупотребленія должно было вызвать и вызвало сильное раздраженіе двора. Король хотѣлъ, чтобы палата прежде вотировала субсидіи, а потомъ представила ему свои петиціи, которыя онъ обѣщалъ разсмотрѣть. Но

[1]) Гизо, *Исторія англійской революціи*, I, стр. 88.

палата изъявила твердое намѣреніе идти обратнымъ путемъ. Чрезъ три недѣли послѣ созванія парламента онъ былъ распущенъ къ великому сожалѣнію лицъ, преданныхъ королю, и почти нескрываемой радости его враговъ.

VI. Роспускъ парламента не устранилъ ни финансовыхъ, ни военныхъ затрудненій. Тщетно король хотѣлъ ограничиться созывомъ „magnum consilium", составленнаго изъ однихъ *пэровъ*. Прошло уже время, когда „парламентъ бароновъ" могъ говорить и дѣйствовать именемъ всей страны. Лондонское гражданство подало королю петицію о созывѣ парламента; двѣнадцать вліятельныхъ пэровъ представили такое же прошеніе. Къ мнѣнію, изложенному въ послѣднемъ, присоединилось огромное большинство пэровъ, созванныхъ въ Іоркъ. Король, вынужденный уступить, созвалъ палаты. Парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *долгаго* (такъ какъ легально онъ не былъ распущенъ до 1660 года), собрался 3 ноября 1640 года. Первыя его дѣйствія опредѣлялись чувствами недовольства общаго какъ „пресвитеріанамъ", наполнявшимъ нижнюю палату, такъ и лордамъ, большинство которыхъ впослѣдствіи мужественно билось за короля. „Быстро", говоритъ Гизо, „были просмотрѣны и осуждены всѣ дѣйствія самовластія: монополіи, корабельные налоги, произвольные аресты, злоупотребленія епископовъ, дѣйствія исключительныхъ судовъ". Дѣло Гампдена было кассировано, и парламентъ вскорѣ отмѣнилъ произвольные акты одиннадцати-лѣтняго безпарламентскаго управленія. Вслѣдъ затѣмъ парламентъ принялъ билль, по которому палаты дожны быть созываемы каждые *три года*. Кульминаціоннымъ пунктомъ согласія парламента было осужденіе графа Страфорда, который былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ нижнею палатой, а затѣмъ судимъ и приговоренъ къ казни верхнею. Страффордъ былъ осужденъ на основаніи закона съ обратнымъ дѣйствіемъ „bill of attainder". Онъ защищался самъ и поставилъ въ замѣшательство своихъ судей, указывая на шаткость обвиненія и невозможность подвести его дѣйствія подъ понятія государственной измѣны. „Милорды", сказалъ онъ въ заключеніе, „эти господа (обвинители) увѣряютъ, что они стоятъ за благо общественное противъ моего самовластнаго произвола. Позвольте мнѣ сказать, что я стою за благо общественное, противъ ихъ самовластной измѣны. Мы живемъ подъ сѣнію законовъ—неужели мы должны умирать по законамъ, которые не существуютъ? Ваши предки заботливо включили въ наши статуты страшныя наказанія за государственную измѣну: не увлекайтесь честолюбіемъ превзойти ихъ въ искусствѣ убивать. Не опирайтесь на нѣсколькихъ кровавыхъ примѣрахъ, не ройтесь въ старыхъ протоколахъ, изъѣденныхъ червями и забытыхъ въ архивахъ, и не

будите заснувшихъ львовъ, которые могутъ впослѣдствіи точно такъ же растерзать васъ и дѣтей вашихъ". Палата лордовъ долго колебалась. Наконецъ билль прошелъ 21 апрѣля 1641 г. слабымъ большинствомъ 29 противъ 19 голосовъ. У короля оставалось еще право не утвердить его и спасти своего слугу. Но слезы королевы и придворныхъ, надежда успокоить бурю такою жертвою, поколебали Карла. Собственное письмо Страффорда утвердило его въ намѣреніи принести ее. Смертный приговоръ былъ подписанъ. Страффордъ получилъ это извѣстіе въ тюрьмѣ, отъ государственнаго секретаря. Графъ, вмѣсто отвѣта, произнесъ извѣстныя библейскія слова: „не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія" (10 мая 1641 г.). По сообщенію палатѣ рѣшенія короля (11 мая) казнь была назначена на слѣдующій день. Страффордъ твердо взошелъ на эшафотъ, помолился нѣсколько секундъ и затѣмъ обратился къ народу съ слѣдующими словами:

„Желаю этому королевству всякихъ земныхъ благъ. Счастье отечества было цѣлью моей жизни: оно остается единственнымъ моимъ желаніемъ предъ смертью. Но умоляю каждаго, кто слышитъ мои слова, подумать хорошенько, положа руку на сердце, должно ли писать начало государственной реформы кровавыми буквами—подумайте объ этомъ, воротясь домой. Дай Богъ, чтобы ни одна капля моей крови не пала ни на кого изъ васъ! Но я боюсь, боюсь, что стоите на худой дорогѣ". Чрезъ четверть часа его не стало.

Вслѣдъ за осужденіемъ Страффорда, парламентъ принялъ другую мѣру, долженствовавшую обезпечить его власть отъ возможности государственнаго переворота посредствомъ внезапнаго распущенія палатъ.

Основываясь на слухахъ о мѣрахъ, подготовляемыхъ противъ парламента въ совѣтахъ королевы, нижняя палата (7 мая) приняла билль, въ силу котораго палаты не могли быть распущены безъ ихъ согласія. Палата лордовъ, справедливо считавшая подобное постановленіе неконституціоннымъ, возвратила его коммонерамъ съ поправкою, по которой дѣйствіе предлагаемаго правила сохраняло силу на два года. Настойчивость нижней палаты заставила лордовъ уступить; смущенный король далъ свое утвержденіе.

Палаты вступили теперь на путь революціонный. Согласіе, царившее между партіями, пока дѣло шло объ исправленіи злоупотребленій и возстановленіи исконныхъ началъ англійской конституціи, прекратилось. Теперь уже обнаружилось различіе между монархистами, желавшими остаться на почвѣ древней конституціи, и партіей коренныхъ реформъ. *Кавалеры* и *круглоголовые*, родоначальники

будущихъ великихъ партій *тори* и *виговъ*, встрѣтились въ долгомъ парламентѣ.

Раздоръ былъ вызванъ глубокимъ различіемъ взглядовъ партій на результаты перваго періода борьбы. Партія, къ которой принадлежали большинство лордовъ и часть нижней палаты, считала цѣль парламента достигнутою, такъ какъ злоупотребленія были прекращены и король далъ обѣщаніе управлять страной по законамъ и съ согласія парламента. Идти далѣе значило посягать на королевскія прерогативы. Воззрѣніе другой партіи опредѣлялось иными соображеніями. Правда, говорила она, злоупотребленія исправлены, виновники понесли наказаніе, король обѣщалъ управлять страной по законамъ. Но кто можетъ ручаться, что король непремѣнно выполнитъ свое обѣщаніе? Такія обѣщанія давались и другими королями. Наиболѣе широкое обѣщаніе самого Карла, данное въ видѣ резолюціи на прошеніе о правахъ, было нарушено, и 10 лѣтъ не созывалось парламента. Поэтому необходимы болѣе надежныя гарантіи, чтобы произвольныя мѣры не могли нарушить правъ парламента. Это воззрѣніе восторжествовало въ большинствѣ нижней палаты. Страсти партій и ихъ взаимныя отношенія обострились подъ вліяніемъ извѣстія о возстаніи католическаго населенія въ Ирландіи, въ которомъ оппозиція хотѣла видѣть плодъ тайныхъ ковъ двора (октябрь 1641 г.). Наконецъ, обѣ партіи столкнулись по вопросу о такъ называемой ремонстраціи (т.-е. представленія королю о безпорядкахъ его управленія), которую предлагала представить оппозиція (22 ноября 1641 г.). „Ремонстрація", говоритъ Гизо, „не была изложеніемъ дѣйствительныхъ, вопіющихъ злоупотребленій и единодушныхъ желаній народа, но мрачная картинка прошедшихъ золъ, старыхъ злоупотребленій, всѣхъ несправедливостей короля, всѣхъ заслугъ парламента, препятствій, которыя онъ преодолѣлъ, опасностей, которымъ онъ подвергался, въ особенности же тѣхъ, которыя угрожали ему впереди и требовали отъ него отчаянныхъ усилій,— родъ воззванія къ народу, особенно къ пресвитеріанскимъ фанатикамъ, которые, возжигая страсти народа, пробужденныя ирландскимъ бунтомъ, призывали его безусловно предаться нижней палатѣ, говоря, что только одна она можетъ спасти его отъ папизма, епископовъ и короля". Не смотря на весь пылъ оппозиціи, ея предложеніе прошло большинствомъ только 11 голосовъ. Но исходъ борьбы былъ рѣшенъ главнымъ образомъ неосмотрительнымъ поступкомъ короля, велѣвшимъ арестовать 5 главныхъ членовъ оппозиціи и даже лично явившимся для этой цѣли въ засѣданіе нижней палаты [1]). Оппози-

---

[1]) Гампдена, Пима, Голлиза, Строда и Гезльрига.

ціонные члены успѣли укрыться, но съ этого времени раздоръ между королемъ и парламентомъ такъ усилился, что нельзя было привести ихъ къ согласію. Послѣ тщетныхъ попытокъ къ соглашенію споровъ изъ за набора и командованія войскомъ противъ Ирландіи (котораго палата не хотѣла предоставить королю, опасаясь, чтобы онъ не обратилъ вооруженную силу противъ нея самой), была сдѣлана послѣдняя попытка къ примиренію (17 іюня 1642 года). Палаты требовали, чтобы назначеніе членовъ королевскаго совѣта совершалось съ ихъ согласія; чтобы судьи были назначаемы пожизненно; чтобы ни одно распоряженіе короля не имѣло силы безъ предварительнаго обсужденія его въ совѣтѣ и безъ скрѣпы его подписями членовъ совѣта; чтобы распоряженія относительно милиціи, замковъ и крѣпостей королевства предъявлялись парламенту для истребованія его согласія; чтобы король не назначалъ пэровъ безъ согласія палатъ; чтобы никто изъ членовъ королевской фамиліи не вступалъ въ бракъ безъ согласія парламента и совѣта. Таковы были требованія палатъ, касавшіяся общихъ началъ государственнаго устройства. Къ нимъ присоединялись другія, вызванныя обстоятельствами и взглядами времени: объ исключеніи лордовъ-католиковъ изъ палаты, о приведеніи въ дѣйствіе строгихъ законовъ противъ папистовъ и преобразованіи „установленной" церкви согласно желанію парламента.

Главные изъ общихъ пунктовъ осуществились впослѣдствіи, когда въ Англіи установилось парламентское управленіе, когда кабинетъ сдѣлался органомъ парламентскаго большинства. Королевская прерогатива видоизмѣнилась вслѣдствіе новыхъ фактическихъ условій. Но въ данную минуту провозглашеніе указанныхъ выше началъ было бы равносильно отреченію отъ престола. Карлъ I отвергъ ихъ.

VII. Междоусобная война, наконецъ, началась. Ходъ и исходъ ея былъ уже предопредѣленъ принципами и взаимнымъ отношеніемъ парламентскихъ партій. Партія роялистовъ (кавалеровъ) по необходимости таяла, такъ какъ члены ея покидали парламентъ, чтобы сражаться въ рядахъ королевскихъ войскъ. Партія умѣренныхъ пресвитеріанъ, въ началѣ самая сильная и многочисленная, постепенно теряла подъ собою почву. Это объяснялось свойствами ихъ воззрѣній въ существѣ своемъ двойственными: въ отношеніи взглядовъ на церковное устройство они придерживались республиканскихъ воззрѣній; они отвергали церковную іерархію—санъ епископовъ, литургію и обряды установленной церкви. Но въ отношеніи политическомъ они оставались монархистами. Ложность ихъ положенія зависѣла отъ того, что они думали согласить монархическія прерогативы съ республиканскимъ воззрѣніемъ. Между тѣмъ, обстоятельства

и событія постоянно вызывали ихъ на мѣры рѣшительныя. Собственная энергія ихъ, какъ говоритъ Гизо, превосходила ихъ теоретическія воззрѣнія. Со смертью Гампдена, они лишились великаго своего вождя и робко останавливались предъ послѣдствіями собственныхъ своихъ началъ. Перевѣсъ перешелъ на сторону тѣхъ, которые сами называли себя людьми „корня и вѣтви“, т.-е къ радикальной партіи индепендентовъ. Эта секта отвергала, какъ мы видѣли, не только церковную іерархію, но и всякихъ представителей священства съ правомъ проповѣди и ученія. Въ политическомъ отношеніи индепенденты имѣли чисто республиканскія воззрѣнія; ихъ отношеніе къ королю нѣсколько напоминало отношеніе нѣкоторыхъ пророковъ къ беззаконнымъ царямъ Іудейскимъ. Все, имѣвшее связь съ кавалерами и королевскимъ дворомъ, обозначалось ими названіемъ хананеянъ, аммонитянъ и филистимлянъ, отъ которыхъ предстояло очистить страну.

Сила революціонныхъ партій обнаружилась прежде всего въ уничтоженіи епископальной англиканской церкви. Въ 1643 году распоряженіемъ парламента, ковенантъ былъ распространенъ на Англію, и съ шотландцами былъ заключенъ договоръ, извѣстный подъ именемъ „Торжественной лиги и ковенанта“ (Solemn league and covenant). Вслѣдъ затѣмъ началось жестокое гоненіе на англиканское духовенство, отказывавшееся принять ковенантъ. Бывшій архіепископъ Лодъ былъ казненъ (въ 1644 г.) послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ. Самый составъ парламента указывалъ на торжество сектантовъ. Нижняя палата, принявшая ковенантъ, состояла изъ 228 членовъ (вмѣсто 500), а палата лордовъ изъ 20 или 30. И тамъ и здѣсь индепенденты подчиняли себѣ большинство. Имъ оставалось теперь взять въ свои руки веденіе войны.

Парламентская армія, набранная преимущественно изъ городскихъ сословій, была ввѣрена графу Эссексу. Несмотря на личные таланты послѣдняго и вѣрность начатому дѣлу, армія эта не могла сравниться съ королевской; не было такой конницы, какъ королевская, находившаяся подъ начальствомъ племянника его, Рупрехта [1]); въ ея рядахъ сражались лица, для которыхъ военное дѣло оставалось призваніемъ. Парламентская армія, которая состояла, по выраженію Кромвеля, изъ лавочниковъ, лакеевъ и парикмахеровъ, не могла бороться съ конницею Рупрехта. Но даже и тогда, когда устройство и положеніе ея улучшились, военныя дѣйствія велись безъ должной рѣшительности, ибо вожди и умѣренная партія все еще сохраняли надежду на примиреніе съ королемъ и какъ бы боя-

[1]) Сына Елисаветы, бывшей королевы Богемской.

лись нанести ему рѣшительное пораженіе. Положеніе дѣлъ измѣнилось только съ той минуты, какъ на сцену выступилъ Кромвель, со своими индепендентами, образовавшими армію, какой не видѣла Англія ни до, ни послѣ Оливера. Результаты не замедлили обнаружиться. Вездѣ, гдѣ участвовали солдаты Оливера, побѣда переходила на сторону парламентскихъ войскъ. Наконецъ, когда начальствованіе арміи окончательно перешло въ руки Ферфакса и Кромвеля, Карлъ не зналъ уже удачи. Послѣ битвы при Несби (1645), Карлъ бѣжалъ въ Шотландію, но шотландцы выдали его за извѣстную сумму долгому парламенту. Судьбу королевской власти и самого короля не трудно было предугадать. Рѣшеніе участи короля находилось въ рукахъ крайней партіи въ парламентѣ и фанатической арміи. Всѣ попытки соглашенія и примиренія съ королемъ, которыя поддерживала еще партія умѣренныхъ пресвитеріанъ, кончились насильственнымъ изгнаніемъ и исключеніемъ членовъ этой партіи изъ парламента; армія требовала уничтоженія королевской власти и казни короля. И то, и другое было исполнено въ 1649 г.: Карлъ I былъ казненъ (30 января), королевская власть отмѣнена и долгій парламентъ провозгласилъ республику.

VIII. Въ теченіе небольшого, сравнительно, промежутка времени республиканское правительство, не имѣвшее твердыхъ національныхъ основаній, нѣсколько разъ измѣняло свою форму. Первыя пять лѣтъ, Англія управлялась остатками долгаго парламента, прозваннаго охвостьемъ (rump). Онъ не былъ уже парламентомъ, въ прежнемъ, легальномъ смыслѣ. Ему недоставало главы парламента—короля; палата лордовъ была упразднена; сама нижняя палата составлялась изъ небольшого сравнительно числа членовъ, оставшихся въ ней послѣ бурь междоусобной войны [1]). Эта нижняя палата присвоила себѣ верховную власть и ввѣрила власть исполнительную государственному совѣту, ею избранному. Коллективная диктатура палаты и совѣта не могла, однако, утвердить республики. Происки роялистовъ, съ одной, пропаганда и раздоры крайнихъ партій (особенно такъ называемыхъ „уравнителей"), съ другой стороны, собственныя несогласія въ правительствѣ приводили страну въ состояніе анархіи. Сверхъ того, рядомъ съ правительствомъ оффиціальнымъ, создается правительство неоффиціальное, но дѣйствительное—изъ „совѣта офицеровъ". Оно опиралось на единственную въ то время организованную силу—на армію. Только личное вліяніе Кромвеля еще удерживало эту грозную силу въ повиновеніи rump'у, пока самъ Оливеръ

---

[1]) При открытіи парламента 3 ноября 1640 г., въ нижней палатѣ было 506 членовъ. Въ провозглашеніи республики участвовало едва 100.

не убѣдился во всей безнадежности положенія, изъ котораго можно было выйти только путемъ переворота. Парламентъ былъ, наконецъ, разогнанъ Кромвелемъ (20 апрѣля 1653 г.).

Съ этого дня верховная власть перешла въ руки Кромвеля; вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются попытки обставить эту власть представительными установленіями и упрочить положеніе диктатора. Въ первый же годъ своей диктатуры, Кромвель созвалъ подобіе парламента изъ лицъ, назначенныхъ самимъ Кромвелемъ, по совѣщанію съ главными проповѣдниками и офицерами (4 іюля 1653 г.). Собраніе состояло изъ людей, одушевленныхъ хорошими намѣреніями, горячо взявшихся за исправленіе разныхъ темныхъ сторонъ англійскаго устройства, но почти ни одна изъ ихъ мѣръ не могла быть осуществлена. Депутаты сложили съ себя полномочія (12 декабря 1653 г.). Безсильный „парламентъ" 1653 года въ насмѣшку былъ названъ, по имени одного изъ его членовъ, Бэрбоновскимъ парламентомъ [1]). Онъ поднесъ Кромвелю титулъ и права протектора республики (16 декабря 1653 г.).

На слѣдующій годъ, Кромвель созвалъ парламентъ, избранный для составленія конституціи республики. Способъ избранія, предписанный Кромвелемъ, показывалъ, что протекторъ хорошо понималъ обнаруживавшіеся недостатки англійскаго представительства. Малыя „мѣстечки", коими такъ злоупотребляли Тюдоры и Стюарты, были обойдены; взамѣнъ того, право представительства получили нѣкоторые большіе города. Но наибольшее число представителей было предоставлено графствамъ. По предположеніямъ самого парламента, изъ общаго числа представителей, положенныхъ для Англіи (400), 130 предоставлялось городамъ, 270 графствамъ. Для Шотландіи и Ирландіи, соединенныхъ теперь въ общемъ представительствѣ, положено по 30 депутатовъ. Такимъ образомъ Кромвель коснулся еще въ XVII вѣкѣ больного мѣста англійскаго представительства и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предвосхитилъ начала билля о реформѣ 1832 года. Но и этотъ парламентъ, вслѣдствіе раздоровъ съ протекторомъ, былъ распущенъ (22 января 1655 г.).

Слишкомъ полтора года Кромвель правилъ страною одинъ. Внутренняя и особенно внѣшняя его политика была въ высокой степени успѣшна. Но протекторъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не видѣть, что правительство его попрежнему не имѣетъ твердыхъ основаній. Управленію его покорялись; оно, вслѣдствіе своихъ успѣховъ, вызывало удивленіе и удовлетворяло національную гордость.

---

[1]) Слово „бэрбонъ" (barebone) означаетъ *скелетъ*. Фамилію Бэрбонъ носилъ одинъ изъ отличавшихся своими чудачествами членовъ палаты.

Но учрежденія были далеки и отъ традиціонныхъ взглядовъ большинства націи, побудившихъ ее возстать на защиту этихъ учрежденій при Карлѣ I, и отъ идеала республиканцевъ, низвергнувшихъ монархію. Большинство въ правящихъ классахъ желало свободнаго парламента, какъ исконнаго достоянія націи; республиканцы видѣли въ парламентѣ высшаго представителя народной воли и народнаго самодержавія. И съ той, и съ другой точки зрѣнія диктатура представлялась незаконнымъ захватомъ власти и конфискаціею народныхъ вольностей. Не менѣе неудовольствія возбуждала и другая диктаторская мѣра протектора, объясняемая условіями революціоннаго времени, но противорѣчившая преданіямъ Англіи. Опорою англійской свободы издавна являлись ея мѣстныя учрежденія; однимъ изъ важнѣйшихъ условій ея было отсутствіе постоянной арміи и учрежденія милиціи. Между тѣмъ, Кромвель рѣшился образовать особую, имъ самимъ организованную, милицію въ графствахъ и отдать ее подъ начальство *генералъ-майоровъ*. Для этой цѣли Англія была раздѣлена на 11 округовъ. Въ каждый былъ назначенъ генералъ-майоръ, облеченный политическою, административною и отчасти судебною властью, съ подчиненіемъ непосредственно протектору и его государственному совѣту (августъ 1655 года). Затронутая въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ и привычкахъ нація роптала. Армія и „генералъ-майоры" не могли быть постоянною опорою новаго правительства. Ввести власть протектора въ кругъ нормальныхъ институтовъ, обставить ее учрежденіями, согласными съ требованіями націи, было дѣломъ въ высшей степени труднымъ, но и необходимымъ.

Въ началѣ іюля 1656 года, Кромвель рѣшился созвать парламентъ на 17 сентября того же года. Выборы были произведены подъ вліяніемъ сильнѣйшаго возбужденія. Смѣлые памфлеты республиканскихъ вождей убѣждали избирателей къ сопротивленію протектору. Партіи, самыя противоположныя, соединились для общей цѣли. Роялисты шли рука объ руку съ анабаптистами и „уравнителями". Правительство, съ своей стороны, пускало въ ходъ всякія средства для проведенія выборовъ въ духѣ, для него благопріятномъ. Усилія „генералъ-майоровъ" не увѣнчались, однако, полнымъ успѣхомъ, что видно изъ слѣдующаго факта.

Когда парламентъ былъ открытъ рѣчью протектора и члены его отправились въ свою залу, то у дверей ея оказался караулъ, требовавшій отъ нихъ особыхъ свидѣтельствъ. Оказалось, что, по распоряженію протектора, къ засѣданію въ палатѣ могутъ быть допущены только лица, получившія особое удостовѣреніе въ благонадежности отъ его совѣта. Триста членовъ получили такія свидѣтельства; сто

съ лишнимъ оказались исключенными. Не смотря на горячіе свои протесты, не всѣ исключенные были допущены въ палату.

Парламентъ, образованный при такихъ условіяхъ, направилъ свои усилія къ утвержденію власти протектора посредствомъ новой конституціи. Въ проектѣ ея были воспроизведены главныя черты старинныхъ англійскихъ учрежденій, приноровленныя, насколько это было возможно, къ новымъ понятіямъ. Титулъ короля, первоначально предложенный протектору, былъ имъ отвергнутъ, главнымъ образомъ, въ угоду арміи [1]). Но существо королевской власти, даже съ новыми полномочіями, предоставлялось протектору. Ему дано было право назначить себѣ преемника: этимъ правомъ, очевидно, была прикрыта наслѣдственность протектората. Возстановлена была и палата лордовъ подъ именемъ „другой палаты"; назначеніе ея членовъ было предоставлено протектору, съ согласія „первой палаты". Обрядъ принесенія присяги протекторомъ и врученія ему новой его власти былъ приспособленъ къ старымъ церемоніямъ коронаціи.

Но никакая сила и прозорливость не могли совершить невозможнаго: примиренія подобія монархіи съ подобіемъ республики. Націи давали поддѣльную монархію, въ то время, какъ она хотѣла монархіи настоящей и поставленной въ условія старинной конституціи: свободнаго парламента и мѣстнаго самоуправленія. Ни того, ни другого не могъ дать Англіи протекторъ. Парламентъ, умолявшій его принять титулъ короля и возстановившій существо монархіи, былъ имъ распущенъ (4 февраля 1658 года). Не одинъ Кромвель былъ виновенъ въ этомъ поступкѣ. Сама „первая палата", возстановивъ палату лордовъ подъ именемъ „другой палаты", начала съ нею борьбу безцѣльную, но показывавшую, что „другая палата" глубоко оскорбляла самымъ существованіемъ своимъ членовъ первой, республиканскія предубѣжденія которыхъ, подавленныя во время составленія новой конституціи, прорвались, когда эта конституція была приведена въ дѣйствіе. Но серьезнѣе всего было то, что искусственно возсозданная монархія явилась въ то время, когда симпатіи къ монархіи настоящей настойчиво обнаруживались съ каждымъ днемъ.

Ошибки республиканской диктатуры долгаго парламента и военный деспотизмъ Кромвеля заставили націю забыть злоупотребленія

---

[1]) 27 февраля 1657 года полковникъ Мильсъ отъ имени многочисленной депутаціи офицеровъ и генераловъ говорилъ Кромвелю: „титулъ короля не нравится арміи; онъ будетъ предметомъ позора для народа Божьяго и предметомъ радости для его враговъ; онъ грозитъ опасностью и вашей особѣ, и тремъ націямъ (Англіи, Шотландіи и Ирландіи); онъ пролагаетъ путь къ возвращенію Карла Стюарта". Подобныя же заявленія дѣлались и впослѣдствіи.

Карла I. Личность казненнаго короля представлялась умамъ въ новомъ свѣтѣ.

IX. Въ продолженіе 11 лѣтъ (отъ 1649—1660 г.) Англія перешла къ республиканскому устройству, и всѣ связи съ традиціонной монархіей были порваны. Этотъ перерывъ доказалъ, какіе корни были пущены монархіею. Въ массѣ населенія казнь короля произвела потрясающее впечатлѣніе, въ ея глазахъ король сдѣлался мученикомъ; дорогой цѣной доставались куски платка, омоченные кровью короля. Слагались и передавались изъ устъ въ уста легенды, передавались послѣднія его желанія, и въ хижинахъ деревенскихъ сквайровъ любимымъ разговоромъ были разсказы о королѣ-мученикѣ. Сила Кромвеля опиралась исключительно на армію и на крайній пуританскій элементъ націи, который наложилъ на англійскую жизнь такой отпечатокъ, котораго Англія не могла выносить. Страну, которая называлась старой веселой Англіей, пуритане заставили быть постной. Они преслѣдовали всѣ, даже невинныя удовольствія; воспрещали даже празднованіе Рождества, столь дорогое англичанамъ. Загоняли публику въ церковь слушать длинныя, скучныя и часто лицемѣрныя проповѣди. Можно провести нѣкоторую параллель между пуританскимъ режимомъ и тѣмъ, что испытывали французы въ 1793 году, во время террора. Здѣсь требовалась добродѣтель по Іереміи и Іезекіилю, тамъ по Тациту и Плутарху, или „цивизмъ“ по Робеспьеру. Этотъ режимъ, конечно, выкупался огромными личными заслугами самого Кромвеля: Англія, послѣ той жалкой роли, которую играла при двухъ Стюартахъ, стала на высотѣ могущества. Благодаря навигаціонному акту, который обезпечилъ торговыя права Англіи, Оливеръ сломилъ силу старой англійской соперницы—Голландіи. Покровительство, оказываемое протестантамъ во всѣхъ концахъ Европы, подъемъ англійской силы скоро возвысили имя англійской республики и ея протектора, такъ что даже государи католическихъ странъ боялись принять крутыя мѣры въ своей странѣ противъ протестантовъ. Внутреннія неустройства, возстанія въ Шотландіи и Ирландіи были подавлены самымъ жестокимъ образомъ. Попытки Карла Стюарта возвратить себѣ престолъ кончились полнымъ его пораженіемъ. Словомъ, внѣшняя безопасность и внутреннее спокойствіе, при его крутомъ управленіи, поддерживались болѣе, чѣмъ при комъ нибудь другомъ. Но все держалось личными талантами Кромвеля. Диктатура есть не система управленія, но—личный режимъ. Она не можетъ имѣть наслѣдника по плоти; судьба ея связана съ лицомъ диктатора. Съ смертью Кромвеля пала и его система. Сынъ его Ричардъ Кромвель имѣлъ много

достоинствъ, какъ частный человѣкъ, но онъ не имѣлъ качествъ правителя.

Получивъ власть протектора по завѣщанію своего отца, онъ, однако, не могъ занять равнаго ему положенія ни по личнымъ качествамъ, ни по внѣшнимъ. Онъ не имѣлъ значенія въ арміи, которая была господствующимъ классомъ въ странѣ; онъ долженъ былъ опираться на парламентъ, не имѣвшій достаточнаго авторитета. Шаткость его положенія скоро обнаружилась. Парламентъ, созванный имъ въ январѣ 1659 года, попытался бороться съ притязаніями арміи и былъ ею разогнанъ (22-го апрѣля). Ричардъ сложилъ съ себя власть. Но армія не имѣла въ своей средѣ новаго Кромвеля. Ей нужно было орудіе для гражданскаго управленія. По волѣ и подъ покровительствомъ офицеровъ былъ возстановленъ долгій парламентъ, разогнанный Кромвелемъ за шесть лѣтъ предъ тѣмъ. Только 40 съ небольшимъ членовъ явилось на скамьяхъ палаты. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились другіе депутаты. Но всякія притязанія возстановленнаго „охвостья“ на верховную власть встрѣчались съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ въ арміи. Высокомѣрныя рѣчи палаты вызывали презрительные отвѣты генераловъ и офицеровъ. Сцена 1653 года повторилась бы снова, если бы возстаніе роялистовъ не соединило на время палату и армію для подавленія мятежа. Но въ октябрѣ 1659 г. господство солдатчины стало проявляться въ грубыхъ формахъ. Армія силою препятствовала собранію парламента. Управленіе перешло въ руки офицеровъ и „комитета общественнаго спасенія“ (committee of safety). Это насиліе было симптомомъ анархіи, начинавшейся въ самой арміи. Только въ декабрѣ 1659 г. парламенту удалось возобновить свои засѣданія. Но въ это время судьба Англіи находилась уже не въ его рукахъ. Въ первый день новаго 1660 года чрезъ шотландскую границу вступилъ въ Англію генералъ Монкъ.

Личность Монка принадлежитъ къ числу мало объясненныхъ въ исторіи. Едва ли онъ имѣлъ твердыя убѣжденія. Въ началѣ гражданской войны онъ служилъ Карлу I; затѣмъ онъ передался на сторону парламента. Онъ служилъ вѣрно и протектору, и его сыну. Никто не подозрѣвалъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ королемъ. Направляясь въ Англію съ нѣсколькими тысячами отборнаго войска, едва ли онъ имѣлъ опредѣленный планъ. Скорѣе всего можно предположить, что онъ сдѣлался орудіемъ общественныхъ стремленій, клонившихся къ реставраціи.

Вступивъ въ Лондонъ, онъ убѣдился въ непопулярности и безсиліи охвостья; но для того, чтобы установить новое правительство, не прибѣгая къ открытому перевороту, должно было довести пар-

ламентъ до самораспущенія. Но ожидать такого акта отъ республиканской олигархіи, засѣдавшей въ охвостьѣ, было трудно. Монкъ и его офицеры настояли на возвращеніи въ палату членовъ ея, исключенныхъ въ 1648 году [1]). Вступленіе ихъ обезпечивало большинство въ пользу самораспущенія долгаго парламента, которое было, наконецъ, возвѣщено 16 марта 1660 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ были предписаны выборы въ конвентъ (convention parliament), имѣвшій собраться 25 апрѣля; съ указами объ избраніи депутатовъ были посланы приглашенія и лордамъ. Парламентъ созывался въ полномъ составѣ, но не принималъ этого имени, ибо только король могъ созвать дѣйствительный парламентъ. Огромное большинство его членовъ было проникнуто общимъ желаніемъ—возстановить древнее государственное устройство, и всѣ понимали, что въ данную минуту необходимо воспользоваться раздорами между разными начальниками арміи для установленія гражданскаго порядка и предотвращенія новой военной диктатуры.

„Партіи", говоритъ Маколей, „забыли старинныя обиды, отбросили мелочныя сомнѣнія, отложили до болѣе удобной поры всякій споръ о реформахъ, въ которыхъ нуждались учрежденія Англіи, и стали дружно, кавалеры и круглоголовые, епископалы и пресвитеріане, въ твердомъ союзѣ за древніе законы противъ военнаго деспотизма. Точное распредѣленіе власти между королемъ, лордами и общинами вполнѣ могло быть отсрочено до рѣшенія вопроса: будетъ ли Англія управляться королемъ, лордами и общинами или же кирасирами и копейщиками?"

Карлъ Стюартъ облегчилъ задачу конвента благоразумными уступками. Амнистія была обѣщана всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кого самъ парламентъ найдетъ нужнымъ лишить ея; конфискованныя республиканскимъ правительствомъ имущества должны были остаться въ рукахъ владѣльцевъ, ихъ пріобрѣвшихъ. Акты долгаго парламента, утвержденные Карломъ I, оставались въ силѣ. Такимъ образомъ, Карлъ II вступилъ въ Англію не какъ побѣдитель, не во главѣ своей или иноземной арміи, но возстановленный актомъ парламента, дружными усиліями всѣхъ партій. Молодой король высадился на родной берегъ 25 мая 1660 г.; черезъ четыре дня онъ прибылъ въ Лондонъ, а 1 іюня прибылъ въ засѣданіе ожидавшаго его парламента.

X. Реставрація 1660 года не имѣла, какъ мы видѣли, характера *реакціи*. Страна не возвратилась къ состоянію, предшествовавшему

---

[1]) Около 80 пресвитеріанскихъ депутатовъ, признававшихъ условія для мира съ королемъ достаточными, были исключены по требованію солдатъ и республиканцевъ. См. стр. 355.

созванію долгаго парламента; напротивъ, акты послѣдняго, поскольку они были общимъ дѣломъ и были утверждены королемъ, получили признаніе. Древняя конституція королевства возстановлялась въ полномъ объемѣ: признанныя законами прерогативы короля, палаты лордовъ и общинъ, учрежденія мѣстнаго управленія и судебныя установленія. Главная угроза вольностямъ Англіи, страшная армія, такъ долго державшая страну подъ игомъ, была распущена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ началахъ *финансоваго* управленія было сдѣлано важное измѣненіе. При постоянномъ упадкѣ источниковъ „обыкновенныхъ доходовъ короля“, источниковъ, бывшихъ, однако, поводомъ къ злоупотребленіямъ и распрямъ, парламентъ въ первый разъ назначилъ королю *постоянный* доходъ изъ общегосударственныхъ средствъ. Цифра дохода была опредѣлена въ 1.200.000 ф. ст. Взамѣнъ того, были отмѣнены старыя права короля по опекѣ надъ имѣніями малолѣтнихъ вассаловъ, по выдачѣ наслѣдницъ замужъ, по „продовольствію“ и т. д. Эти доходы были замѣнены, на первый разъ, акцизомъ съ пива и другихъ напитковъ. Видоизмѣненіе характера королевскихъ доходовъ и государственнаго хозяйства дало парламенту (какъ мы увидимъ ниже) новыя средства къ контролю надъ администраціею. Нація, повидимому, могла вступить въ спокойное обладаніе старинными учрежденіями своими. Самый характеръ молодого короля не обѣщалъ возвращенія временъ Страффорда и Лода. Лѣнивый, безпечный, склонный къ чувственнымъ наслажденіямъ и вовсе не наклонный къ заботамъ по управленію, Карлъ II являлся контрастомъ серьезному, трудолюбивому и повелительному Карлу I. Общественное настроеніе не вызывало той борьбы противоположныхъ принциповъ, какую мы видѣли въ первой половинѣ XVII столѣтія. Общество, измученное невольнымъ пуританскимъ постомъ и строгою военною дисциплиною, съ жадностью бросилось на наслажденія. Подобно тому, какъ французское общество, послѣ паденія Робеспьера, кинулось въ развратъ временъ директоріи, англичане временъ Карла II находили въ распущенной жизни утѣшеніе отъ террора „святыхъ“ временъ Кромвеля и его „генералъ-майоровъ“. Рѣдкій изъ дворовъ тогдашней Европы могъ превзойти въ развратѣ дворъ Карла II; но дворъ короля былъ только отраженіемъ общаго настроенія, господствовавшаго въ обществѣ и въ литературѣ. Въ такое время могли совершаться великія злоупотребленія, но трудно было ожидать упорной борьбы изъ-за началъ религіозныхъ и политическихъ.

Тѣмъ не менѣе, радость, охватившая націю при воцареніи Карла II, не была продолжительна. Горькіе уроки прошлаго не измѣнили духа Стюартовъ. Попрежнему остались они чужды той протестантской и

національной политикѣ, во имя которой Елисаветѣ прощалось ея самовластіе, а Кромвелю его деспотизмъ. Какъ бы нарочно, царствованіе Карла II совпало съ тѣмъ временемъ, когда на континентѣ Европы развивалась сила и обаяніе Франціи, подъ правленіемъ честолюбивѣйшаго изъ Бурбоновъ—Людовика XIV. При немъ королевская власть достигаетъ высшей степени могущества и дѣлается неограниченною въ полномъ смыслѣ этого слова; при немъ вліяніе французскаго языка, литературы, модъ и нравовъ распространяется по всей Европѣ; при немъ возвышается военное могущество Франціи, и гегемонія въ Европѣ, столь долго оспариваемая у Испаніи и австрійскихъ Габсбурговъ, переходитъ въ руки короля французовъ.

Въ то же время Англія, возвратившая себѣ вліятельное положеніе при Кромвелѣ, подпадаетъ подъ управленіе монарха, нисходящаго на степень „вице-короля" Людовика XIV. Французское вліяніе чувствуется въ королевскомъ совѣтѣ, во внѣшней и внутренней политикѣ; хуже всего то, что это вліяніе покупалось золотомъ и что цѣлью его было привлеченіе Англіи къ анти-протестантскому дѣлу, въ ущербъ какъ ея вліянію въ Европѣ, такъ и ея вольностямъ. Угрозою для протестантизма въ Англіи были и личныя наклонности послѣднихъ двухъ Стюартовъ. Карлъ II не имѣлъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій; но изъ всѣхъ исповѣданій онъ предпочиталъ католическое. Онъ женился на португальской принцессѣ. Бракъ его былъ безплоденъ, но по смерти его престолъ долженъ былъ перейти къ его брату, Іакову, явному католику. Первая жена его, дочь Кларендона, умерла католичкой; вторая жена его—Марія Моденская, могла обезпечить королю католическое потомство. Эта возможность тревожила не только пуританъ, но и многихъ сторонниковъ установленной церкви, принявшихъ ея ученіе и обряды. Не менѣе опасностей представляло и настроеніе крайней роялистической партіи, возвратившейся съ королемъ изъ изгнанія.

Въ 1660 году кавалеры и пресвитеріане одинаково желали возстановленія старинной монархіи. Но кавалеры, возвратившіеся съ королемъ и многіе изъ роялистовъ, пережившихъ въ Англіи революціонную эпоху, выступили на политическое поприще съ идеями и стремленіями, показывавшими, что они не желаютъ примириться съ перемѣнами, происшедшими въ массѣ націи, и что, сверхъ желанія возстановить законныя права короны, они жаждутъ мести. Палата общинъ, избранная въ 1661 году, вмѣстѣ съ лордами, возвращенными на свое мѣсто, предложила и приняла рядъ мѣръ, шедшихъ гораздо дальше цѣлей, которыя имѣлъ въ виду конвентъ 1660 г. Благодаря фанатизму реакціи, Карлъ не могъ исполнить обѣщанія относительно вѣротерпимости, торжественно объявленнаго имъ при

вступленіи въ Англію. Напротивъ, „установленная“ церковь была возстановлена въ томъ видѣ, въ какомъ могъ пожелать этого Лодъ, и диссиденты подверглись жестокому гоненію. Отдѣльныя, но сильныя реакціонныя мѣры въ области политики скоро охладили энтузіазмъ, съ коимъ нація привѣтствовала возвращеніе Карла. Дальнѣйшій ходъ управленія снова вызвалъ къ жизни оппозиціонныя силы.

Въ то время, какъ внутри Англіи диссиденты подвергались жестокимъ гоненіямъ, и „кавалеры“ готовы были предать многія изъ привилегій, завоеванныхъ парламентомъ, во внѣшнихъ отношеніяхъ страна начала испытывать униженія, способныя поколебать положеніе династій, даже болѣе популярныхъ, чѣмъ династія Стюартовъ. Дюнкирхенъ, весьма важный пунктъ для торговыхъ и военно-морскихъ интересовъ Англіи, былъ проданъ французскому королю. Благопріятствуя интересамъ Франціи, правительство Карла II объявило войну Голландіи, войну, поглотившую огромныя суммы и имѣвшую плачевный исходъ для Англіи. Благодаря разстройству англійскаго флота, голландцы, предводительствуемые знаменитымъ де-Рюйтеромъ, ворвались въ самую Темзу. Народъ былъ въ ужасѣ и негодованіи. Судьба, неблагопріятствовавшая правительству, послала Англіи два физическихъ бѣдствія — чуму, похитившую до 100,000 человѣкъ, и пожаръ, истребившій двѣ трети Лондона (1666). Настроеніе страны выразилось и въ палатѣ общинъ. Возродившаяся оппозиція напала на перваго министра, графа Кларендона. Король принесъ его въ жертву общественному раздраженію, хотя Кларендонъ и не могъ быть отвѣтственнымъ за всѣ дѣйствія правительства, противъ которыхъ онъ самъ часто возражалъ въ совѣтѣ. Отставленный королемъ и обвиненный общинами въ государственной измѣнѣ, онъ бѣжалъ на континентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Карлъ II, встревоженный настроеніемъ націи, рѣшился на шагъ, способный дать удовлетвореніе народному чувству. При содѣйствіи знаменитаго дипломата, сэра Вильяма Темпля [1]), былъ заключенъ такъ называемый „тройственный союзъ“ (triple alliance) между Англіею, Голландіею и Швеціею, съ цѣлью противодѣйствія успѣхамъ Франціи (1668 г.). Людовикъ XIV долженъ былъ уступить этой угрозѣ.

Радость націи была, однако, непродолжительна. „Тройственный союзъ“, въ глазахъ Карла II, былъ маневромъ, долженствовавшимъ успокоить общественное недовольство. Но онъ не думалъ серьезно о противодѣйствіи Франціи. Политика „тройственнаго союза“ была оставлена, какъ только пронеслась буря, вызванная прежними ошиб-

---

[1]) Род. въ 1628, ум. въ 1699.

ками. Черезъ два года послѣ заключенія знаменитаго союза, Людовикъ XIV, умѣвшій дѣйствовать на своего родственника средствами, которыя не всякій монархъ считалъ бы дозволенными, добился заключенія тайнаго Дуврскаго трактата, въ силу котораго Карлъ II обязался открыто присоединиться къ католицизму и оказывать всякую поддержку Франціи противъ Голландіи и Испаніи; взамѣнъ этого Карлъ получилъ большія субсидіи и обѣщаніе Людовика поддерживать его вооруженною силою противъ подданныхъ [1]).

Дуврскій договоръ не былъ обнародованъ; важнѣйшія его статьи не могли быть приведены въ исполненіе. Карлъ наружно остался протестантомъ. Но трактатъ отдавалъ его въ распоряженіе французскаго короля и лишалъ Англію свободы во внѣшней политикѣ. Управленіе внѣшними и внутренними дѣлами сосредоточилось въ рукахъ нѣсколькихъ приближенныхъ къ королю лицъ, образовавшихъ подобіе того, что̀ позже называлось кабинетомъ. Но поставленное внѣ связи съ парламентомъ и внѣ контроля тайнаго совѣта, это подобіе кабинета получило презрительное названіе кабали [2]).

XI. Но въ то время, какъ правительство готовилось возвратиться къ системѣ Іакова I, въ странѣ и въ парламентѣ возросли элементы оппозиціи; изъ нихъ составилась партія, извѣстная подъ именемъ *отечественной* (country party). Ближайшею цѣлью ея сдѣлалось противодѣйствіе папистской и ненаціональной политикѣ Карла, равно какъ расточительности въ управленіи и въ издержкахъ двора. Но юридическіе пункты распри оппозиціи съ правительствомъ видоизмѣнились сравнительно съ временами первыхъ двухъ Стюартовъ. Тогда на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о правѣ короля налагать подати безъ согласія парламента. Исходъ дѣла изъ за „корабельныхъ денегъ“ и воспоминаніе о долгомъ парламентѣ оградили націю отъ попытокъ этого рода. По вопросамъ финансовымъ, цѣлью парламентовъ сдѣлалось теперь расширеніе правъ палаты относительно *контроля* надъ употребленіемъ субсидій. Уже при графѣ Кларендонѣ (1666) нижняя палата, недовольная расточительностью двора и расходованіемъ денегъ не на тѣ цѣли, для коихъ испрашиваемы были субсидіи (т.-е. не на войну съ Голландіей), прибѣгала къ мѣрѣ, которая съ тѣхъ поръ вошла въ число условій парламентскаго контроля. Посредствомъ такъ называемаго

---

[1]) Главнымъ орудіемъ для заключенія этого договора была посланная Людовикомъ XIV красивая француженка Керуайль, сдѣлавшаяся въ Англіи королевскою наложницею и герцогинею Портсмутъ.

[2]) Слово кабаль составлялось изъ начальныхъ буквъ фамилій членовъ этой камарильи: Клиффордъ, Арлингтонъ, Букингамъ, Ашли и Лодердаль.

appropriation act'а палата опредѣляла какъ цѣли, для коихъ назначались субсидіи, такъ и размѣръ денежныхъ выдачъ на отдѣльные предметы. Особая коммиссія назначалась для наблюденія за исполненіемъ резолюцій палаты. Посредствомъ такой специализаціи бюджета и установленія болѣе строгой отчетности по исполненію смѣты, палата постепенно достигла того, чего тщетно добивались средневѣковые парламенты [1]). Хотя appropriation act въ окончательномъ своемъ видѣ былъ установленъ послѣ революціи 1688 года, но и при Карлѣ II парламентъ дѣлалъ серьезное употребленіе изъ новой своей власти. Въ 1669 году, казначей флота, Картретъ, былъ изгнанъ изъ палаты за противозаконную выдачу денегъ; въ 1680 году, казначей флота, Сеймуръ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности за расходованіе денегъ на предметы, неразрѣшенные палатою.

Но еще важнѣйшимъ изъ спорныхъ вопросовъ тогдашняго конституціоннаго права являлся вопросъ о такъ называемой *разрѣшительной* власти короля [2]), т.-е. о правѣ его освобождать извѣстныхъ лицъ или категоріи лицъ отъ дѣйствія законовъ. Притязаніе на это право и злоупотребленіе имъ стоило престола Іакову II. Но и при Карлѣ II правительство, имѣвшее въ виду исполнить, насколько это было для него возможно, Дуврскій трактатъ, воспользовалось этимъ предполагаемымъ и спорнымъ правомъ. Въ 1672 году (25 марта) явилась королевская прокламація объ *индульгенціи* (или терпимости), пріостанавливавшая дѣйствіе репрессивныхъ законовъ противъ католиковъ и диссидентовъ. Хотя эта декларація и была согласна съ объявленіемъ вѣротерпимости, обѣщанной Карломъ при вступленіи его въ Англію, но обстоятельства, при которыхъ она была издана въ 1672 году, давали ей другой смыслъ. Въ 1660 году „вѣротерпимость" означала бы осторожное возстановленіе англиканской церкви, преобразованіе ея учрежденій согласно требованіямъ умѣренной части пресвитеріанскаго духовенства, и терпимость къ диссидентамъ. Теперь, „декларація объ индульгенціи" явно имѣла въ виду интересы католиковъ. Она вызвала раздраженіе не только въ средѣ „установленной церкви", но и въ средѣ протестантскихъ диссидентовъ, не желавшихъ раздѣлять выгоды „съ слугами антихриста".

Парламентъ 1673 года, раздраженный ходомъ войны съ Голландіею, расточительностью въ управленіи, поглотившими огромныя субсидіи, данныя въ 1671 году, пріостановкою платежей изъ казначейства, раззорившею многихъ, ожесточенно напалъ на „кабаль".

---

[1]) См. выше, стр. 235.

[2]) См. выше, стр. 241.

Главнымъ предметомъ нападенія сдѣлалась декларація. Въ мартѣ 1673 года, парламентъ настоялъ не только на отмѣнѣ деклараціи, но и на принятіи новаго закона, извѣстнаго подъ именемъ test act'a [1]) и направленнаго главнымъ образомъ противъ католиковъ. На основаніи test act'a, ни одно лицо не могло быть допущено къ занятію какой либо государственной или общественной должности, если оно не принесло присяги въ подданствѣ и въ супрематіи, не приняло причащенія по обрядамъ англиканской церкви и не представило въ томъ удостовѣренія священника и старосты приходской церкви, вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ двухъ, „достойныхъ довѣрія", свидѣтелей. Сверхъ того (и въ этомъ заключается особенность test act'a), отъ каждаго лица, вступавшаго въ общественную или государственную должность, требовалось собственноручно подписанное заявленіе слѣдующаго содержанія: „Симъ объявляю, что я не вѣрю, что въ евхаристіи совершается пресуществленіе, ни прежде, ни послѣ освященія даровъ, совершеннаго какимъ бы то ни было лицомъ".

Этотъ актъ религіозной нетерпимости и даже инквизиціи, объясняемый политическими причинами, сохранилъ свою силу до 1829 года, когда знаменитому Роберту Пилю удалось провести, при содѣйствіи герцога Веллингтона, актъ объ эманципаціи католиковъ.

Вслѣдъ за утвержденіемъ test act'a послѣдовало паденіе „кабали". Король былъ вынужденъ заключить миръ съ Голландіею. Управленіе было ввѣрено Томасу Осборну, получившему титулъ графа Дэнби. Но не смотря на способности послѣдняго, время отъ 1673 до 1679 года было временемъ сильнаго возбужденія народнаго, служившаго предвѣстіемъ бури 1688 года. Политическія причины недовольства крылись въ двойственномъ поведеніи Карла II, въ его подчиненіи видамъ французскаго двора, въ дѣйствіяхъ, возбуждавшихъ постоянныя опасенія за судьбу національной церкви и свободы. Признакомъ этого раздраженія служила гнусная сказка о такъ называемомъ „папистскомъ заговорѣ", пущенная полусумасшедшимъ Титомъ Отсомъ, и которой всѣ повѣрили. Много невинныхъ людей сдѣлались жертвою Отса и другихъ доносчиковъ.

Взрывъ негодованія отразился прежде всего на руководящемъ министрѣ, Дэнби, хотя онъ менѣе другихъ былъ виновенъ въ дурномъ управленіи. Маколей утверждаетъ даже, что Дэнби былъ погубленъ Людовикомъ XIV, видамъ котораго онъ противодѣйствовалъ. Французское правительство пустило слухъ, что Дэнби имъ

---

[1]) Т.-е. акта объ испытаніи.

купленъ. Но хотя этотъ слухъ былъ несправедливъ, тѣмъ не менѣе дурное внутреннее управленіе объясняетъ причины обвиненія (impeachment), начатаго коммонерами противъ графа (1678).

Процессъ Дэнби замѣчателенъ потому, что онъ подалъ поводъ къ установленію нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ въ конституціонномъ вопросѣ объ отвѣтственности министровъ. Во-первыхъ, нижняя палата установила принципъ, по которому министръ отвѣтствуетъ не только за законность, но и за честность, справедливость и полезность (honesty, justice and utility) своихъ дѣйствій. Главными пунктами обвиненія противъ Дэнби явились субсидіи, получавшіяся правительствомъ отъ Людовика XIV, измѣнническія, тайныя и преступныя сношенія съ иноземной державой, расточеніе казны и приверженность папизму. Во-вторыхъ, палата лордовъ установила начало, что пророгація парламента не прекращаетъ процесса по обвиненіямъ, начатымъ нижнею палатою. Поэтому когда король распустилъ парламентъ, то новый парламентъ 1679 года продолжалъ дѣло, начатое его предшественникомъ. Въ-третьихъ, палата признала королевское помилованіе въ дѣлахъ этого рода недѣйствительнымъ. Рѣшеніе это состоялось по тому поводу, что король, для спасенія Дэнби и для успокоенія палатъ, сообщилъ имъ, при открытіи парламента, что онъ помиловалъ Дэнби, но вмѣстѣ съ тѣмъ уволилъ его отъ всѣхъ должностей. Палата рѣшила продолжать обвиненіе, не признавая силы помилованія въ дѣлахъ этого рода и постановивъ, что каждый коммонеръ, признающій означенное право, есть измѣнникъ и нарушитель привилегій палаты. Впрочемъ, этотъ послѣдній принципъ былъ окончательно признанъ въ актѣ о престолонаслѣдіи 1701 года.

Опасность положенія заставила Карла II пожертвовать своимъ братомъ, который, въ качествѣ явнаго католика, возбуждалъ противъ себя особенную ненависть „отечественной партіи“. По силѣ test act'а, онъ не могъ занимать государственныхъ должностей и принужденъ былъ сложить съ себя должность генералъ-адмирала и на время отправиться въ Брюссель. Но самою важною, въ конституціонномъ отношеніи, уступкою было утвержденіе королемъ 26 мая 1679 года „третьей великой хартіи“, т.-е. знаменитаго habeas corpus act'а.

Нарушеніе правъ личной свободы посредствомъ произвольныхъ арестовъ вызывало жалобы націи и палаты коммонеровъ почти съ самаго воцаренія Карла II. Кларендонъ широко пользовался предполагаемыми правами тайнаго совѣта заключать подозрительныхъ лицъ безъ суда. Арестованные отправлялись даже въ разныя мѣста заключенія внѣ Англіи, и чрезъ это, какъ говорили „общины“, ли-

шались покровительства законовъ. Другіе, оставаясь въ Англіи, томились много лѣтъ въ заключеніи, не имѣя возможности получить указъ habeas corpus отъ общаго суда. Однимъ изъ пунктовъ обвиненія, внесеннаго противъ Кларендона, было злоупотребленіе произвольными заключеніями. Кларендонъ палъ, какъ мы видѣли, въ 1667 году. Въ слѣдующемъ же году въ нижнюю палату былъ внесенъ билль, имѣвшій цѣлью обезпечить подданнымъ право получать указъ habeas corpus въ случаѣ ихъ ареста несудебною властью, но билль не былъ принятъ палатой. Съ этого времени билли объ этомъ предметѣ возобновлялись почти въ каждую сессію. Но они были отвергаемы палатою лордовъ. Послѣдній изъ нихъ былъ отвергнутъ въ 1675 г. Неудовольствіе правительствомъ, возраставшее въ годы, предшествовавшіе паденію Дэнби, дошло, однако, до такой степени, что палата лордовъ присоединилась къ коммонерамъ. При общемъ возбужденіи, одинъ частный случай имѣлъ вліяніе на это рѣшеніе, хотя Галламъ справедливо говоритъ, что онъ не былъ главнымъ его мотивомъ, такъ какъ мысль о необходимости такого закона созрѣла раньше.

Въ іюнѣ 1676 года, нѣкто Францисъ Дженксъ, лондонскій купецъ, произнесъ въ Гильдголлѣ (ратушѣ) рѣчь, въ которой онъ жаловался на упадокъ торговли, указывалъ на опасности, грозящія протестантизму, и предлагалъ составить и представить отъ имени городского совѣта петицію о созывѣ парламента для помощи націи и исправленія злоупотребленій. Вслѣдъ затѣмъ Дженксъ былъ позванъ въ тайный совѣтъ, распрошенъ и отправленъ въ тюрьму за то, что онъ возбуждалъ и подстрекалъ присутствовавшихъ въ Гильдголлѣ „возмутительнымъ и мятежнымъ образомъ“ (in a most seditious and mutinous manner).

Дженксъ обратился въ четвертной съѣздъ мировыхъ судей въ Вестминстерѣ съ просьбою о выдачѣ habeas corpus. Съѣздъ отказалъ просителю на томъ основаніи, что приказъ объ его арестѣ данъ высшимъ установленіемъ и что дѣло его не внесено въ списокъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда. Проситель обратился къ канцлеру, графу Ноттингаму. Послѣдній, участвовавшій въ подписаніи указа объ арестѣ Дженкса, отказалъ на томъ основаніи, что прошеніе подано въ вакаціонное время. Наконецъ, верховный судья королевской скамьи Ренсфордъ (Rainsford), уговоривъ короля, далъ просимый указъ и освободилъ Дженкса, по внесеніи имъ залога.

Для парламента, созваннаго въ 1678 году, послѣ пророгаціи, продолжавшейся два года, дѣло Дженкса было ближайшимъ предлогомъ возобновить прежніе билли. Но дѣло Дэнби и другіе предметы распри отсрочили это рѣшеніе. Билль прошелъ въ парламентѣ

1679 года. Карлъ II, которому предстояла болѣе серьезная борьба изъ за брата его, герцога Іоркскаго, котораго оппозиція хотѣла лишить права на престолъ, какъ паписта, утвердилъ билль [1]).

Habeas corpus act былъ послѣднимъ важнымъ результатомъ дѣйствій „отечественной партіи". Въ слѣдующіе два года она истощаетъ свои силы на борьбу за билль объ „исключеніи" герцога Іоркскаго (будущаго Іакова II) и уступаетъ свое мѣсто торжествующей реакціи, наступившей съ 1681 года.

XII. Отечественная партія стремилась провести свою политику дальше простой защиты вольностей страны и англійской конституціи. Одна изъ цѣлей, ею преслѣдуемыхъ, заключалась въ томъ, чтобы устранить отъ престола королевскаго брата Іакова, герцога Іоркскаго. Іаковъ былъ уже устраненъ отъ должности генералъ-адмирала test act'омъ. Но это не рѣшило вопроса о престолонаслѣдіи. Еще не было прецедента, въ силу котораго лицо, не принадлежащее къ протестантской церкви, исключалось бы отъ преемства престола. Былъ прецедентъ, свидѣтельствовавшій въ пользу противнаго начала: Марія Тюдоръ, ревностная католичка, наслѣдовала престолъ послѣ брата своего. Конечно, соединеніе свѣтской прерогативы съ духовною суприматіею надъ англиканскою церковью въ рукахъ короля-католика, являлось не только неудобнымъ, но опаснымъ. Но для устраненія этой опасности отечественной партіи предстояло открыто прибѣгнуть къ тому средству, къ коему нѣкогда обратился парламентъ, низложившій Ричарда II и отдавшій престолъ ланкастерской династіи. Къ этому не представлялось, однако, возможности. Для успѣха такой революціонной мѣры требовалось не только устраненіе Іакова, но и низложеніе Карла II. Въ условіяхъ же нормальнаго парламентскаго управленія билль объ исключеніи могъ получить силу только съ согласія короля, котораго послѣдній не хотѣлъ и не могъ дать, не смотря на то, что партія „исключителей" (эксклюзіонистовъ) выставила кандидатомъ на престолъ герцога Монмута, незаконнаго сына Карла II. Такимъ образомъ, рѣчь шла не только о передачѣ престола въ другую *линію* одной и той же династіи (какъ это случилось при Ричардѣ II), но и о созданіи *новой* династіи сомнительнаго происхожденія.

Подобное притязаніе противорѣчило всѣмъ преданіямъ монархической Англіи. Оно, въ нѣкоторой степени, представлялось и непрактичнымъ. Іаковъ былъ уже не молодъ [2]); двѣ его дочери отъ перваго брака были воспитаны въ протестантствѣ, и старшая изъ

[1]) Мы разсмотримъ его въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ догматической части.
[2]) Онъ родился въ 1633 г.

изъ нихъ, Марія, была замужемъ за Вильгельмомъ, штаттгальтеромъ Голландіи, энергическимъ защитникомъ протестантизма на континентѣ Европы; второй бракъ Іакова былъ пока безплоденъ. Поэтому можно было надѣяться, что престолъ въ близкомъ будущемъ перейдетъ къ протестантскимъ государямъ. Въ виду этихъ условій, представлялось ли необходимымъ прибѣгать къ мѣрѣ, нарушавшей основные законы монархіи? Вопросъ этотъ представлялся противникамъ билля объ исключеніи (абгоррерамъ) съ тѣмъ большею силою, что не только историческая прерогатива королей, но и теорія абсолютизма находили горячихъ защитниковъ въ рядахъ духовенства и сельской джентри.

Значительная часть духовенства англиканской церкви, въ виду условій возникновенія и организаціи послѣдней, поддерживала права королевской власти; воспоминаніе объ испытаніяхъ, пережитыхъ епископами во времена долгаго парламента и республики, привело ихъ къ ученію *о пассивномъ повиновеніи* власти, ученію, ревностно проповѣдывавшемуся съ церковныхъ и университетскихъ каѳедръ. Не было недостатка и въ политическихъ теоріяхъ, клонившихся къ той же цѣли. Если не всѣ умы могли удовлетвориться наивными доводами патріархальной теоріи Фильмера [1]), то самые тонкіе философскіе умы могли найти удовлетворительное объясненіе абсолютизма въ теоріи Гоббеза [2]). Люди, помнившіе Мильтона и сочувствовавшіе его теоріи народовластія и его горячей апологіи низложенія Карла I, встрѣчали противовѣсъ въ людяхъ, читавшихъ скучные, но обстоятельные и ученые трактаты Сальмазія. Два могучихъ теченія въ англійскомъ обществѣ, теченія, источники которыхъ можно найти въ средніе вѣка, выразились, наконецъ, въ законченныхъ доктринахъ и въ совокупности опредѣленныхъ политическихъ принциповъ, сдѣлавшихся знаменемъ двухъ организованныхъ партій, имена которыхъ получили всемірную извѣстность.

Когда въ 1680 году собрался парламентъ, въ коемъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ билля объ исключеніи, сторонники и противники билля назывались именами, обозначавшими ихъ отношеніе къ биллю. Первые назывались эксклюзіонистами, вторые абгоррерами [3]). Но въ разгаръ борьбы двухъ партій, каждая изъ нихъ получила отъ своихъ противниковъ кличку, которая потомъ была принята партіями. Въ Ирландіи railway паписты, доведенные до отчаянія преслѣдо-

---

[1]) См. выше.

[2]) Объ этомъ предметѣ будетъ сказано ниже.

[3]) Такъ какъ въ своихъ адресахъ королю, ройялисты выражали омерзѣніе (abhorrence) къ затѣямъ „исключителей“. Были и другія клички временнаго значенія.

ваніями, часто брались за разбой, и шайки ихъ назывались торіями (tory); въ Шотландіи гонимые ковенанторы, бравшіеся за подобное же ремесло, назывались вигами (whigs). Намекая на поддержку, оказываемую абгоррерами католическому наслѣднику престола, эксклюзіонисты называли ихъ торіями; указывая на затаенную вражду эксклюзіонистовъ къ установленной „высокой" церкви, абгорреры называли своихъ противниковъ вигами.

Но оба прозвища явились въ то время, когда принципы обѣихъ партій сдѣлались настолько ясными и опредѣленными, что могли послужить началомъ правильной ихъ организаціи, т.-е. дать бытіе настоящимъ партіямъ. Партія, говорилъ Боркъ, есть совокупность лицъ, соединенныхъ для служенія общими силами національному благу, по опредѣленному принципу, относительно котораго они всѣ согласны. Прилагая эту мѣрку къ средневѣковому обществу Англіи, мы не находимъ въ немъ истинныхъ партій. Конечно, *партія* бароновъ, добывшихъ Великую Хартію, партія Симона Монфортскаго, партія „распорядительныхъ лордовъ", партія ланкастерская дѣйствовали по опредѣленнымъ принципамъ, противъ которыхъ также выставлялись другія начала. Но въ средніе вѣка образованію правильныхъ партій препятствовали два обстоятельства. Во-первыхъ, участіе народнаго представительства въ государственномъ управленіи не было настолько непрерывно, чтобы поддерживать постоянный интересъ къ опредѣленнымъ началамъ, заставлять разные классы общества обдумывать ихъ и вырабатывать для себя систему понятій. Въ трудныя минуты, когда учрежденіямъ страны грозила опасность, опредѣленная партія собиралась подъ предводительствомъ намѣченнаго вождя, достигала извѣстнаго результата и снова распадалась, вслѣдствіе чего добытые результаты нерѣдко утрачивались. Во-вторыхъ (и это еще важнѣе), извѣстные принципы выставлялись часто для прикрытія личныхъ цѣлей аристократическаго кружка или честолюбивыхъ замысловъ магната. Партія искажалась въ *факцію*, и успѣхъ ея рѣдко приносилъ пользу національному дѣлу.

Происхожденіе дѣйствительныхъ партій относится къ эпохѣ реформаціи, когда великіе религіозные интересы соединяли людей и побуждали ихъ къ общему дѣйствію; религіозный переворотъ вызвалъ мощное движеніе умовъ въ области наукъ и политики. Виги и торіи являются наслѣдниками „круглоголовыхъ" и „кавалеровъ". Принципы виговъ, въ логическихъ своихъ послѣдствіяхъ, приводили къ республикѣ; ограниченные монархическими преданіями Англіи, они выразились уже въ извѣстномъ предложеніи 17 іюня 1642 г. [1]). Прин-

[1]) См. выше.

ципы торіевъ логически могли привести къ выводамъ, сдѣланнымъ Фильмеромъ изъ библейскихъ, а Гоббезомъ изъ его философскихъ посылокъ. Но въ условіяхъ англійскихъ учрежденій, всѣмъ одинаково дорогихъ, торійскія начала нашли себѣ выраженіе въ поведеніи „кавалеровъ", дружно осуждавшихъ въ долгомъ парламентѣ корабельную подать, злоупотребленія Звѣздной Палаты и Высокой Коммиссіи, политику Страффорда, но оставившихъ свои мѣста, когда „круглоголовые" коснулись существа королевской прерогативы и правъ установленной церкви. Въ принципахъ двухъ партій выразились два историческія начала англійской исторіи, и борьба ихъ обусловливаетъ историческій ростъ конституціи въ позднѣйшее время.

Въ данную минуту, т.-е. въ 1680 году, торіи не имѣли большинства въ нижней палатѣ. Билль „объ исключеніи" былъ принятъ ею, но отвергнутъ палатою лордовъ. Парламентъ былъ распущенъ. Новый парламентъ (1681) былъ собранъ въ Оксфордѣ, въ виду боязни мятежа въ Лондонѣ, народонаселеніе котораго было на сторонѣ виговъ. Послѣ безплодныхъ переговоровъ съ палатою, король, поддерживаемый торійскою реакціею въ странѣ, снова распустилъ парламентъ.

Настало время реакціи, поддерживаемой большинствомъ народонаселенія. Имя „исключителя" сдѣлалось браннымъ. Вожди виговъ подверглись гоненію. Хартіи городовъ, поддерживавшихъ „исключителей", были отняты. Самъ Лондонъ поплатился своими старинными привилегіями. Силы виговъ уходили на составленіе заговоровъ безплодныхъ, изъ которыхъ одинъ, такъ называемый Райгаусскій, кончился гибелью нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, въ томъ числѣ Росселя и Сиднея [1]). Герцогъ Монмутъ, испросившій себѣ помилованіе у Карла II, бѣжалъ на континентъ. До конца царствованія Карла II (1685), парламентъ уже не созывался. Всякая оппозиція была, повидимому, побѣждена. Но достаточно было трехъ лѣтъ правленія Іакова II, чтобы торіи соединились съ вигами для окончательнаго изгнанія Стюартовъ.

XIII. Время и характеръ Іакова II прославлены главнымъ обра-

---

[1]) Альджернонъ Сидней (Sidney) род. въ 1622 году въ Лондонѣ; онъ былъ вторымъ сыномъ графа Роберта Лейчестера. Человѣкъ горячихъ республиканскихъ убѣжденій, онъ во время гражданской войны служилъ въ войскѣ парламента и принималъ участіе въ судѣ надъ Карломъ I, но подалъ голосъ въ его пользу и при Кромвелѣ сошелъ съ политическаго поприща. При Реставраціи, онъ бѣжалъ за границу; только въ 1677 г. возвратился онъ въ Англію вслѣдствіе амнистіи. Въ 1678 году выбранъ въ нижнюю палату, гдѣ присталъ къ эксклюзіонистамъ. Послѣ пораженія этой партіи вошелъ въ заговоръ, по раскрытіи котораго былъ казненъ въ 1683 г. Главное его сочиненіе: *Разсужденія, касающіяся правительства* (*Discourses concerning government, etc*).

зомъ художественнымъ разсказомъ Маколея и многочисленными историками второй, такъ называемой, „достославной“ революціи 1688 года. Но съ конституціонной точки зрѣнія, исторія послѣдняго Стюарта не представляется сложною. Права, пріобрѣтенныя націею и парламентомъ, были уже опредѣлены при его отцѣ и братѣ. Право парламента вотировать всѣ налоги, опредѣлять расходы, наблюдать за употребленіемъ субсидій было поставлено внѣ спора; законъ о habeas corpus ограждалъ личную свободу подданныхъ; законодательная власть парламента не подвергалась сомнѣнію; учрежденія и права національной церкви были утверждены законами королевства. При этихъ условіяхъ, признаки злоупотребленія властью могли быть раскрыты во всякомъ произвольномъ распоряженіи короля съ такою ясностью, какой не существовало для парламента, вотировавшаго „петицію о правахъ“, и для долгаго парламента, уничтожавшаго такія старинныя учрежденія, какъ Звѣздная Палата и Высокая Коммиссія.

Оставался одинъ только пунктъ, возбуждавшій сомнѣніе въ самыхъ глубокихъ знатокахъ англійскаго права: *разрѣшительная* (диспенсивная) власть короля. Мы видѣли, правда, что декларація объ индульгенціи, изданная при Карлѣ II, встрѣтила сильное сопротивленіе въ парламентѣ. Послѣдній настоялъ не только на отмѣнѣ ея, но и на изданіи test act'а, какъ извѣстно, оградившаго привилегіи національной церкви. Но вопросъ о разрѣшительной власти остался неразрѣшеннымъ въ принципѣ. Такое рѣшеніе представлялось затруднительнымъ уже потому, что „разрѣшительная“ власть соприкасалась съ несомнѣннымъ правомъ короны—съ правомъ помилованія. Если король имѣетъ право отмѣнять наказанія, назначаемыя преступнику судомъ, то не имѣетъ ли онъ права, посредствомъ общаго распоряженія, отмѣнить силу карательныхъ постановленій закона въ примѣненіи къ извѣстнымъ лицамъ и къ цѣлымъ разрядамъ лицъ? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса повлекло бы за собою фактическую отмѣну test act'а, ибо лишило бы его уголовной санкціи, открывъ возможность безнаказаннаго нарушенія его.

Король понималъ свою власть именно въ этомъ смыслѣ и настойчиво рѣшился пользоваться ею ради своихъ единовѣрцевъ. Вопросъ о разрѣшительной власти занялъ, поэтому, первое мѣсто въ ряду другихъ предметовъ распри; торжество католицизма грозило и другимъ конституціоннымъ вольностямъ страны.

Мѣры короля, клонившіяся къ возстановленію католицизма, вызывали тѣмъ большее раздраженіе въ націи, что именно въ это время протестанты во Франціи подверглись небывалому гоненію. Въ годъ воцаренія Іакова II, Людовикъ XIV отмѣнилъ знаменитый

Нантскій Эдиктъ [1]), обезпечивавшій гугенотамъ ихъ гражданскія и религіозныя права. Мѣра эта, какъ извѣстно, имѣла страшныя послѣдствія. Сотни тысячъ зажиточныхъ и трудолюбивыхъ семействъ покинули родину. Тысячи гугенотовъ явились и въ Англію, гдѣ ихъ разсказы о *драгоннадахъ* [2]) вселяли въ англичанъ чувства, неблагопріятныя для „разрѣшительной власти". Но раздраженіе усиливалось еще тѣмъ, что король протестантской державы не только искалъ дружбы гонителя протестантовъ, но и сталъ къ нему въ то же отношеніе, какъ и его братъ. Французское золото должно было помогать Іакову II въ замыслахъ противъ національной церкви.

Стремясь къ своей цѣли съ рѣдкимъ упрямствомъ, король въ короткое время успѣлъ вооружить противъ себя всѣ партіи, хотя въ первое время онъ располагалъ парламентомъ, составленнымъ изъ ревностныхъ торіевъ. Парламентъ, собранный послѣ смерти Карла II, назначилъ ему пожизненно значительныя субсидіи. Чувства вѣрности были укрѣплены безумнымъ мятежомъ, произведеннымъ Монмутомъ и Аргайлемъ и быстро подавленнымъ.

Послѣ усмиренія мятежа, въ поведеніи Іакова уже обнаружились черты, отличавшія новаго короля отъ легкомысленнаго, но добросердечнаго Карла II. Жестокость судебныхъ преслѣдованій и приговоровъ надъ лицами, имѣвшими какое нибудь отношеніе къ партіи Монмута, превосходило все, что̀ видѣла Англія даже во времена кровавой Маріи. До 350 человѣкъ (въ томъ числѣ много женщинъ) было казнено; болѣе 800 продано въ неволю за море (т.-е. въ колоніи). Никакія просьбы не могли смягчить короля. Въ то же время онъ снисходилъ къ настояніямъ королевы, придворныхъ дамъ и другихъ придворныхъ, бравшихъ деньги за свое заступничество. Главный дѣятель въ „кровавыхъ ассизахъ", извѣстный Джеффризъ, своими приговорами добился мѣста верховнаго судьи Англіи.

---

[1]) Нантскій Эдиктъ былъ изданъ великимъ основателемъ династіи Бурбоновъ во Франціи, Генрихомъ IV, въ 1598 г., ради умиротворенія страны, потрясенной страшными религіозными войнами. Эдиктъ былъ обнародованъ въ качествѣ вѣчнаго и непремѣняемаго (perpétuel et irrévocable). Самъ Людовикъ XIV нѣсколько разъ подтверждалъ его, хотя какъ и онъ, такъ и Ришельё, прежде него, понемногу искажали и ограничивали его дѣйствіе. Наконецъ, 22 октября 1685 года онъ былъ отмѣненъ. Придворные поэты (въ томъ числѣ Расинъ) воспѣвали побѣду надъ ересью. Только практическій умъ Вобана раскрылъ впослѣдствіи во что̀ обошлась Франціи эта побѣда.

[2]) Подъ именемъ *драгоннадъ* (мѣры, изобрѣтенной военнымъ министромъ Людовика XIV, извѣстнымъ Лувуа) разумѣлся способъ „обращенія еретиковъ" посредствомъ *воинскаго постоя*. Пріемы этихъ „миссій въ ботфортахъ" (missions bottées), какъ ихъ называли, равно какъ и послѣдствія ихъ, понятны.

„Кровавые ассизы“ пошатнули чувства привязанности, съ которыми былъ встрѣченъ Іаковъ. Но послѣдующія мѣры привели его къ окончательному разрыву даже съ ревностными торіями. Пользуясь широко понимаемою имъ разрѣшительною властью, онъ началъ наполнять мѣста въ арміи, въ управленіи, въ совѣтѣ—католиками. Увѣщаніемъ и угрозами онъ побуждалъ протестантскихъ сановниковъ къ перемѣнѣ религіи. Дворъ наполнился ренегатами. Въ силу той же власти, онъ открылъ доступъ въ Англію католическому духовенству. На улицахъ Лондона появились давно невиданные монахи и патеры. Одинъ изъ нихъ, Питеръ, управлялъ королемъ и получилъ мѣсто въ тайномъ совѣтѣ. Силою были введены католики въ коллегіи протестантскихъ университетовъ Оксфорда и Кэмбриджа. Все свидѣтельствовало о грядущемъ возстановленіи католической церкви. Другія дѣйствія показывали, что вмѣстѣ съ католицизмомъ воскреснетъ и абсолютная власть.

Не довольствуясь субсидіями, назначенными парламентомъ, Іаковъ обратился къ произвольнымъ сборамъ, необходимымъ для усиленія арміи. Возстаніе Монмута послужило предлогомъ къ удвоенію военныхъ силъ, коими располагалъ король. Мѣста офицеровъ и генераловъ щедро раздавались католикамъ. Всякое сопротивленіе незаконнымъ сборамъ или распоряженіямъ о принятіи католиковъ на службу, въ составъ корпорацій подавлялось судьями, обязанными своимъ назначеніемъ услугамъ не судебнаго свойства и постановлявшими приговоры при участіи подобранныхъ присяжныхъ.

Скоро ревностные торіи испытали послѣдствія католической ревности Іакова. Лорды-лейтенанты и мировые судьи въ графствахъ смѣщались за отказъ „руководить“ выборами для образованія нижней палаты, которая согласилась бы на отмѣну test act'а. Половина лордовъ намѣстниковъ отказалась отъ этого порученія и была отставлена. Къ числу ихъ принадлежали члены знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ фамилій Англіи — Оксфорды, Шрьюсбёри, Дорсеты и др. Такое же рѣшительное противодѣйствіе встрѣтилъ король и въ мировыхъ судьяхъ.

Духовенство, недавно еще проповѣдывавшее ученіе о пассивномъ повиновеніи, само подало примѣръ рѣшительнаго сопротивленія. Уже въ 1686 году король возстановилъ Высокую Коммиссію подъ именемъ „Коммиссаровъ духовныхъ дѣлъ“. Теперь цѣлью ея было преслѣдованіе прелатовъ и духовныхъ, противившихся католической реакціи. Строго запрещено было проповѣдывать противъ догматовъ католической церкви. Наконецъ, 27 апрѣля 1687 года Іаковъ издалъ общую декларацію объ индульгенціи и предписалъ прочесть ее въ

церквахъ. Только въ 4 приходахъ приказаніе это было исполнено; все остальное духовенство отказалось повиноваться распоряженію.

Семь англійскихъ епископовъ представили королю петицію (написанную примасомъ), въ которой объявляли, что не считаютъ себя въ правѣ обнародовать индульгенцію, несогласную съ законами страны. Петиція была вручена королю въ его кабинетѣ. Король гнѣвно прочелъ прошеніе и съ угрозами отпустилъ епископовъ; петиція появилась въ печати и разошлась во множествѣ экземпляровъ; король велѣлъ возбудить противъ епископовъ судебное преслѣдованіе по обвиненію въ распространеніи лживаго и злонамѣреннаго пасквиля. Обвиненіе было представлено въ судъ королевской скамьи, подъ предсѣдательствомъ Джеффриза; по распоряженію тайнаго совѣта епископы были заключены въ государственную тюрьму. Исходъ этого дѣла представлялся важнымъ потому, что по поводу его, независимо отъ вопроса „о разрѣшительной власти", былъ разрѣшенъ важный конституціонный вопросъ о правѣ подданныхъ представлять королю *петиціи.* Первоначально предметомъ преній являлось обвиненіе епископовъ въ составленіи и распространеніи пасквиля, подъ понятіе котораго было подведено прошеніе епископовъ. Защита опиралась на отсутствіе фактическихъ доказательствъ обвиненія. Она могла выиграть процессъ, такъ какъ свидѣтелей при подачѣ петиціи не было, кромѣ Сондерланда (министра, въ угоду Іакову II принявшаго католицизмъ), но онъ отказался отъ дачи показаній. Пренія, при огромномъ стеченіи знатной публики, уже заканчивались, и представлялось несомнѣннымъ, что епископовъ оправдаютъ за недостаткомъ уликъ. Но, по поводу заявленія одного изъ защитниковъ (Финча), на судѣ произошло замедленіе, во время котораго пришло извѣстіе, что Сондерландъ желаетъ дать показаніе. Министръ засвидѣтельствовалъ, что онъ видѣлъ, какъ епископы подавали бумагу королю. Фактъ былъ доказанъ. Тогда защита (главнымъ образомъ знаменитый ораторъ Сомерзъ) стала на другую почву, доказывая, что подача петиціи не можетъ быть приравнена къ распространенію ложныхъ пасквилей; то, что́ сдѣлали епископы, составляетъ исконное право всякаго англичанина. Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и сдѣлала изъ процесса епископовъ средство для утвержденія одной изъ конституціонныхъ вольностей англичанъ. Присяжные совѣщались всю ночь и вынесли оправдательный вердиктъ, встрѣченный съ восторгомъ въ залѣ суда и въ странѣ.

Исходъ процесса епископовъ показалъ, что всѣ партіи возбуждены противъ короля. Переворотъ, относительно котораго вожди партіи виговъ вели переговоры съ Вильгельмомъ Оранскимъ, могъ теперь имѣть успѣхъ; неизбѣжность переворота обусловлива-

лась тѣмъ, что королева, такъ долго бывшая безплодною, родила сына. Будущность католической династіи могла быть обезпечена; всѣ надежды на естественный переходъ престола послѣ смерти Іакова къ Маріи Оранской рушились. Тщетно доказывали, что ребенокъ былъ подложный (слухъ, въ коемъ былъ виновенъ Іаковъ своимъ неосторожнымъ поведеніемъ): будущее могло дать побѣду католической партіи. Вильгельмъ Оранскій, высадившійся съ войскомъ въ Англіи (4 ноября), быстро успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Онъ былъ поддержанъ многочисленными сторонниками; измѣна однихъ и равнодушіе другихъ лишили Іакова всѣхъ средствъ къ защитѣ. Онъ бѣжалъ во Францію. Положеніе парламента, созваннаго Вильгельмомъ было, съ юридической точки зрѣнія, затруднительно. Онъ не имѣлъ права носить названія парламента, такъ какъ парламентъ можетъ быть созванъ только королемъ; акты его могли имѣть силу только съ королевскаго утвержденія. Законнымъ королемъ Англіи оставался Іаковъ. Въ этихъ обстоятельствахъ „лорды и общины" присвоили себѣ учредительную власть. Іаковъ, покинувшій королевство, былъ объявленъ отказавшимся отъ престола; на послѣдній были призваны, въ качествѣ соцарствующихъ королей, Вильгельмъ III Оранскій и его супруга Марія. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ знаменитый актъ „Объявленіе о правахъ", утвержденный королями Вильгельмомъ и Маріею. Онъ содержитъ въ себѣ: 1) изложеніе злоупотребленій, коими Іаковъ, нынѣ отказавшійся отъ трона, въ теченіе своего царствованія нарушалъ старые и добрые законы своей страны, и 2) объявлены исконныя вольности парламента и подданныхъ.

Главнѣйшія постановленія билля могутъ быть расположены въ слѣдующихъ рубрикахъ.

1. Относительно *законодательныхъ* притязаній короны постановлено, что притязанія на право: а) пріостанавливать (power of suspending) дѣйствіе законовъ и б) разрѣшать (power of dispensing) отъ ихъ дѣйствія—незаконны.

2. Относительно злоупотребленій въ области *правосудія*, постановлено: а) что учрежденіе чрезвычайныхъ судилищъ незаконно и зловредно; б) что чрезмѣрныя поручительства не должны быть требуемы, равно какъ не должны быть налагаемы чрезмѣрныя пени и необычныя и жестокія наказанія; в) что списки присяжныхъ должны быть составляемы правильно.

3. Относительно *финансовыхъ* правъ подтверждено, что установленіе и взиманіе податей и сборовъ безъ согласія парламента—незаконны.

4. Относительно *военной* прерогативы опредѣлено, что содержаніе

и наборъ постоянныхъ войскъ въ мирное время безъ согласія парламента—противозаконны.

5. Относительно *общихъ правъ подданныхъ* подтверждено и установлено: а) что право петицій есть право подданныхъ, и б) что подданные протестанты могутъ держать для защиты своей оружіе.

6. Относительно *парламента* постановлено: а) что выборъ членовъ парламента долженъ быть свободенъ; б) что парламенту обезпечивается свобода слова и преній; в) что для удовлетворенія всѣхъ жалобъ и для исправленія, укрѣпленія и сохраненія законовъ, парламенты должны быть созываемы почасту.

Кромѣ того, было объявлено, что престолъ переходитъ къ Вильгельму, „котораго всемогущій Богъ благоволилъ сдѣлать славнымъ орудіемъ освобожденія этого королевства отъ папизма и самовластія“, и супругѣ его Маріи, и что никакое лицо, которое исповѣдуетъ католическую вѣру, помирится съ римскимъ дворомъ, или которое женится на дочери католика, не можетъ занять престола.

Таковы постановленія „билля“, обезпечившія главные пункты англійской конституціи. Въ видѣ дополненія можно назвать такъ называемый „Актъ объ утвержденіи“ (1701). Вильгельмъ и Марія были бездѣтны; слѣдовательно, престолъ долженъ былъ перейти къ Аннѣ, тоже бездѣтной; въ виду этого и во избѣжаніе претендентовъ католиковъ, престолъ предоставлялся другой женской линіи Стюартовъ, царствовавшей въ Ганноверѣ [1]). Въ 1714 г. эта династія вступила на англійскій престолъ въ лицѣ Георга I. Въ актѣ объ утвержденіи заключаются пункты какъ о переходѣ англійскаго престола послѣ бездѣтной Анны, такъ и другіе добавочные пункты: было признано, что судьи могутъ быть смѣщены не иначе какъ по адресу двухъ палатъ; что лицо, занимающее оплачиваемую отъ короля должность или получающее пенсію отъ короны, не можетъ занимать мѣста въ палатѣ общинъ; что лицо, подвергшееся обвиненію (impeachment), идущему отъ палаты общинъ, не можетъ быть помиловано королемъ.

XIV. Революціею 1688 года закончилось образованіе англійскихъ учрежденій въ формахъ конституціонной монархіи. Ближайшія къ революціи событія утвердили и укрѣпили эти начала. Главнѣйшими изъ послѣдствій переворота 1688 года должно считать, во-первыхъ, постепенное образованіе *кабинета*, какъ органа исполнительной власти, приведенной теперь въ органическую связь съ парламентомъ. Развитіе *кабинета*, въ современномъ смыслѣ, было прямымъ результатомъ организаціи политическихъ партій, получившихъ теперь воз-

---

[1]) См. таблицу въ началѣ главы.

можность непосредственнаго вліянія на образованіе министерствъ, практическія средства контроля надъ его дѣйствіями и даже руководство ими чрезъ развитіе *политической* отвѣтственности кабинета предъ палатами. Старое противоположеніе „короля въ парламентѣ“ и „короля въ совѣтѣ“—противоположеніе, бывшее источникомъ великой конституціонной борьбы, сглаживается настолько, что англійскія учрежденія приводятся къ извѣстному единству. „Король, лорды и общины“ являются неразрывными элементами государственной власти, единство которой получаетъ свое выраженіе въ учрежденіи, являющемся одинаково и органомъ власти королевской, и представителемъ партіи, располагающей парламентскимъ большинствомъ.

Вторымъ важнымъ послѣдствіемъ революціи 1688 года была *свобода печати*. Разные виды личной и общественной свободы сдѣлали въ Англіи большіе успѣхи въ теченіе XVII и XVIII столѣтій. Но, кромѣ личной свободы, огражденной актомъ habeas corpus, для политической жизни страны первенствующее значеніе имѣетъ *свобода печати*, ибо чрезъ нее общественное мнѣніе получаетъ то вліяніе на ходъ законодательства и управленія, которое не можетъ быть замѣнено никакими другими средствами. Предварительная цензура прекратила свое существованіе съ 1694 года, и съ этого времени печать дѣлается въ Англіи могущественнымъ органомъ „четвертой власти“ въ государствѣ, называющейся общественнымъ мнѣніемъ [1]).

На этой ступени своего развитія, англійская конституція обратила на себя вниманіе континентальной Европы, въ тотъ моментъ, когда признаки разложенія абсолютныхъ монархій и глубокій упадокъ аристократическихъ республикъ, подобныхъ Венеціи, были указаны въ знаменитомъ трудѣ Монтескьё. Причины вліянія англійскихъ учрежденій на континентъ Европы были понятны. Изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, одна только Англія не только *сохранила* вольности, коими въ средніе вѣка пользовались всѣ континентальныя государства, но и *развила* свои средневѣковыя учрежденія на степень установленій, удовлетворявшихъ потребностямъ новаго времени. На континентѣ Европы, значительная часть государствъ—и сюда принадлежали могущественнѣйшія державы—утратила свои земскіе чины, свои старыя муниципальныя и корпоративныя вольности. Среди абсолютныхъ монархій уцѣлѣли нѣкоторыя республики. Но аристократическій и средневѣковой складъ большинства изъ нихъ не удовлетворялъ новымъ понятіямъ о политической и общественной свободѣ. Венеція какъ бы ожидала только руки, готовой

---

[1]) Объ этомъ предметѣ будетъ сказано въ догматической части.

нанести ей послѣдній ударъ; швейцарская конфедерація представляла плохо связанный аггрегатъ кантоновъ, съ стариннымъ устройствомъ, ожидавшимъ обновленія, начавшагося впослѣдствіи подъ вліяніемъ французской революціи. Самая Голландія не имѣла уже вѣса среди государствъ Европы. За атлантическимъ океаномъ не нарождалась еще та мощная демократія, учрежденія которой сдѣлались въ XIX ст. тѣмъ же, чѣмъ была для людей первой половины XVIII ст.—Англія.

Учрежденія послѣдней имѣли для поколѣній, подготовившихъ французскую революцію, двоякое значеніе. Они напоминали имъ установленія сословнаго представительства, утраченныя ихъ предками; они содѣйствовали развитію новыхъ понятій, зародившихся на континентѣ Европы. Принципы англійскаго права развились уже настолько, что могли сдѣлаться предметомъ философскихъ и научныхъ обобщеній. Творенія Локка сдѣлались основаніемъ для разсужденій Монтескьё. Вся, такъ называемая, просвѣтительная литература XVIII столѣтія имѣетъ свои корни въ сильномъ умственномъ движеніи, совершавшемся въ Англіи, съ которою знакомились главные представители французской литературы.

Но идеи, шедшія изъ Англіи, падали не на дѣвственную почву. Западная Европа не находилась въ положеніи Россіи временъ Петра Великаго, заимствовавшей просвѣщеніе и учрежденія изъ нѣмецкихъ государствъ. Западная Европа и особенно Франція, отставшая отъ Англіи въ отношеніи политическомъ, равнялись съ нею въ отношеніи умственномъ. Національныя идеи Англіи перерабатывались въ сильной умственной лабораторіи и принимали новый видъ. Онѣ одновременно расширялись и популяризировались. Онѣ расширялись потому, что принципы англійской свободы, заключенные въ формы древнихъ учрежденій, получили болѣе широкую постановку, благодаря теоретической свободѣ ума, несвязаннаго еще политическимъ опытомъ. Онѣ популяризировались потому, что французскій умъ давалъ имъ то простое и ясное выраженіе, которое дѣлаетъ отвлеченныя истины доступными обширному кругу людей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и новыя идеи, и новыя общественныя силы, подготовившія и совершившія революцію, далеко отошли отъ той исторической почвы, на которой построены учрежденія Англіи. Весь строй послѣдней есть плодъ извѣстнаго *компромисса*, духъ котораго вырабатывался долгимъ политическимъ опытомъ. Начала, возвѣщенныя въ XVIII столѣтіи, были построены непосредственно на требованіяхъ разума,—требованіяхъ чисто логическихъ, а потому безпощадныхъ, не допускавшихъ соглашеній и уступокъ. Общественные классы, на долю которыхъ выпало осуществленіе этихъ

началъ, представляли народившуюся *демократію*, въ противоположность сословному строю прежняго времени. Поэтому въ моментъ рѣшительной борьбы противниками явились не двѣ партіи, подобныя вигамъ и торіямъ, но два противоположныя, въ историческомъ смыслѣ, начала: *старый порядокъ* и *революція*. На одной сторонѣ было все, связанное съ преданіями прежняго времени, все, носившее на себѣ отпечатокъ феодальнаго происхожденія, все, соединенное съ авторитетомъ старой церкви, монархіи и аристократіи; на другой—все, ожидавшее всемірнаго обновленія отъ торжества новыхъ началъ. Вотъ почему историческая и аристократическая Англія дрогнула, когда революція заявила свои требованія; страна преданія отвѣтила на декреты національнаго собранія памфлетомъ Борка и заключила союзъ съ старымъ порядкомъ въ Европѣ.

Распространеніе конституціонныхъ учрежденій въ Европѣ и есть исторія *паденія стараго порядка*—паденія, совершавшагося подъ напоромъ новыхъ общественныхъ силъ. Очеркъ этого процесса будетъ представленъ въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ XIX ВѢКѢ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Элементы и Принципы Революціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ И ТРЕТЬЕ СОСЛОВІЕ.

I. Распространеніе конституціонныхъ учрежденій на континентѣ Европы было однимъ изъ послѣдствій французской революціи 1789 и слѣдующихъ годовъ. Но оно не было ни единственнымъ, ни прямымъ плодомъ этого взрыва. Революція заключала въ себѣ зародышъ перерожденія европейскихъ обществъ, не закончившагося до настоящаго времени. Не только политическія, но и религіозныя, экономическія, общественныя понятія и стремленія новѣйшаго времени ведутъ свое начало отъ переворота, совершившагося въ концѣ XVIII вѣка. Конституціонныя учрежденія не были также и прямымъ послѣдствіемъ французской революціи. Революціонная эпоха въ собственномъ смыслѣ (1789—1815) не была временемъ, удобнымъ для установленія системы властей, взаимно уравновѣшенныхъ и сдержанныхъ личными и общественными правами гражданъ. Первая попытка конституціонной монархіи во Франціи (1791) имѣла плачевный исходъ. Революція, совершившаяся во имя народнаго суверенитета, подготовила почву для диктатуры всемогущаго собранія (Конвента), а затѣмъ, послѣ безсильной попытки умѣренной республики, для военнаго деспотизма Наполеона I. Только послѣ паденія завоевателя, послѣ того, какъ Европа пережила тяжкій періодъ „революціи и войны“, возродилось, съ одной

стороны, стремленіе къ политической свободѣ, обезпеченной конституціонными учрежденіями, а съ другой—сознаніе нѣкоторыхъ историческихъ условій, при которыхъ эти учрежденія могутъ установиться. Хартія Людовика XVIII, не смотря на реакціонное свое происхожденіе, имѣла гораздо больше вліянія на государства, окружающія Францію, чѣмъ революціонныя конституціи конца XVIII вѣка.

Между конституціоннымъ движеніемъ въ XIX столѣтіи и революціоннымъ движеніемъ конца XVIII имѣется, однако, прямая связь въ томъ отношеніи, что установленіе конституціонныхъ учрежденій предполагало крушеніе „стараго порядка“ въ отношеніи общественномъ и политическомъ, а также появленіе новыхъ общественныхъ силъ, завоевавшихъ себѣ первенствующее положеніе въ государствѣ.

Паденіе „стараго порядка“ предвозвѣщалось не только искаженіемъ учрежденій, но и вырожденіемъ силъ, нѣкогда создавшихъ эти учрежденія и поддерживавшихся въ теченіе вѣковъ. Три силы создали старый порядокъ: *церковь*, давшая завоевателямъ римской имперіи христіанскую вѣру, сохранившая для нихъ цивилизацію древняго міра и долго стоявшая во главѣ умственнаго и нравственнаго просвѣщенія; *феодальная аристократія*, давшая народамъ, находившимся послѣ паденія монархіи Карла Великаго въ состояніи анархіи и безпомощности противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, первую сколько нибудь правильную организацію, способную доставить имъ безопасность; *королевская власть*, постепенно собравшая землю и создавшая новое государство, удовлетворявшее новымъ національнымъ потребностямъ. Совокупность этихъ общественныхъ элементовъ, въ ихъ историческомъ сочетаніи, составляла основу „стараго порядка“, учрежденія котораго соотвѣтствовали ихъ интересамъ. *Церковь* и *дворянство*, въ теченіе многихъ вѣковъ своего политическаго и нравственнаго господства, пріобрѣли многочисленныя *привилегіи*, имущественныя и сословныя; *королевская власть*, въ трудной работѣ собиранія земли и установленія новаго государственнаго порядка, завоевала себѣ права власти абсолютной, осуществлявшей свои цѣли чрезъ безусловно подчиненныя ей бюрократію и военную силу.

Революціи предшествовало вырожденіе этихъ трехъ силъ, безъ которыхъ старый порядокъ не только не могъ держаться, но и преобразоваться, согласно новымъ потребностямъ. При оцѣнкѣ дѣйствій и результатовъ революціи, необходимо видѣть въ нихъ не только плодъ извѣстныхъ теорій и плановъ людей 1789 и слѣдующихъ годовъ, т.-е. плодъ дѣйствій преднамѣренныхъ и разсчитанныхъ, но и неизбѣжное послѣдствіе соотношенія и свойства силъ, дѣйствовавшихъ въ эпоху революціи.

Если бы ходъ революціи могъ быть оцѣниваемъ исключительно

съ первой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія, необходимо было бы согласиться, что переворотъ пошелъ дальше не только *исторической* возможности, но и тѣхъ сравнительно умѣренныхъ требованій, съ какими выступило учредительное собраніе 1789 года. „Двадцать милліоновъ людей", говоритъ Тэнъ, „едва перешли умственное состояніе среднихъ вѣковъ; поэтому, въ главныхъ своихъ чертахъ, общественное зданіе, которое они могли обитать, должно было оставаться средневѣковымъ"; нужно было улучшить его, сохранивъ его основаніе и планъ [1]. Но для того, чтобы „двадцать милліоновъ людей" могли, улучшая свое общественное зданіе, сохранить его историческія основанія, необходимо было, чтобы силы, создавшія эти основанія, могли умѣрять общественное движеніе и ставить ему преграду тамъ, гдѣ оно грозило полнымъ разрушеніемъ историческаго порядка.

Англійскіе революціонеры XVII вѣка скоро почувствовали предѣлы, дальше которыхъ не можетъ идти самый смѣлый преобразователь; реставрація 1660 года совершилась силою самой націи и правящихъ ея классовъ, безъ иноземной помощи, возстановившей Бурбоновъ въ 1814 году. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, „лорды и общины", возстановившіе Стюартовъ, ревниво охраняли исконныя вольности Англіи и сдѣлали для нея нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній.

Въ иномъ положеніи находились историческія силы французскаго государства и общества. Королевская власть, достигшая при Людовикѣ XIV полнаго своего развитія, довела страну до полнаго истощенія нескончаемыми и раззорительными войнами, дурною финансовою системою, уничтожившею все, сдѣланное Кольберомъ въ первую половину правленія Людовика XIV, религіозными гоненіями, лишившими Францію многихъ тысячъ зажиточныхъ и трудолюбивыхъ семействъ, роскошью двора и подражавшей ему знати. Правленіе Людовика XIV оставило, однако, славныя воспоминанія. Повелительная личность „короля-солнца", окруженная знаменитыми государственными людьми, полководцами, литераторами, проповѣдниками, блескъ многихъ побѣдъ, полезныя предпріятія, выполненныя въ его царствованіе, заставляли забывать о многихъ бѣдствіяхъ и произвольныхъ дѣйствіяхъ.

Развратъ регентства и несчастное правленіе Людовика XV сдѣлали все, что нужно было для лишенія королевской власти ея вѣкового авторитета. Ни одно великое и успѣшное дѣло не удовлетворяло національнаго самолюбія; напротивъ, никогда Франція не испытывала

---

[1]) „Il fallait assainir celui-ci, le nettoyer, y percer des fenêtres, y abattre des clôtures, mais en garder les fondements, le gros oeuvre et la distribution générale". *Les origines de la France contemporaine*, I (*L'ancien régime*), стр. 278.

такихъ неудачъ, не переживала такого раззоренія, не несла такихъ тягостей, какъ въ періодъ съ 1715 по 1774 годъ. Всѣ дурныя стороны абсолютизма Людовика XIV усилились; дѣлъ и событій, сглаживавшихъ ихъ при великомъ королѣ, не было. Опаснѣе всего было то, что королевская власть, поставленная прежде на недосягаемую высоту, теперь уединяется въ очарованный кругъ придворной жизни и мелкихъ ея интересовъ. Людовикъ XV, не имѣвшій ни призванія, ни вкуса къ правленію, былъ прямою противоположностью своему прадѣду, страстно любившему власть и государственныя дѣла. Знаменитая поговорка Людовика XIV: „государство—это я", выражала столько же его принципы, сколько характеръ и наклонности короля. Правнукъ его, не любившій дѣлъ, жилъ со дня на день, предаваясь неслыханному разврату, руководствуясь совѣтами недостойныхъ любимцевъ и любовницъ, падая въ своемъ развратѣ все ниже и ниже, повторяя извѣстное выраженіе: „après nous le déluge".

Уединяясь въ своемъ дворѣ, король естественно слилъ свои интересы съ выгодами придворной знати. Онъ самъ называлъ себя „первымъ дворяниномъ королевства"; въ дѣйствительности, онъ былъ „первымъ изъ придворныхъ", со всѣми ихъ пороками, страстью къ наслажденіямъ и расточительностью. При Людовикѣ XIV чувствовалась сильная власть, стоявшая одинаково надъ всѣми сословіями и, до извѣстной степени, напоминавшая идеалъ неограниченной монархіи, нарисованной Боссюэтомъ. При его правнукѣ эта власть сдѣлалась однимъ изъ элементовъ двора, развращавшаго власть такъ же, какъ она развращала его.

Вырожденіе королевской власти въ данную минуту было гибельно въ особенности потому, что время Помпадуръ и Дюбарри было временемъ необыкновеннаго роста философской и политической литературы, овладѣвшей умственнымъ движеніемъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Характеръ этой литературы и самихъ писателей не напоминалъ уже времени Людовика XIV. Тогда литература была однимъ изъ предметовъ придворнаго развлеченія; сами литераторы, покровительствуемые и поддерживаемые дворомъ, являлись частью придворнаго персонала, которымъ любилъ окружать себя король. Предметы и тонъ произведеній соотвѣтствовали этимъ условіямъ. Проповѣди и ученыя произведенія Боссюэта и классическія трагедіи Расина вполнѣ соотвѣтствовали настроенію и вкусамъ двора. Духъ критики проявлялся, правда, въ произведеніяхъ Фенелона и комедіяхъ Мольера, но осторожные ихъ шаги еще не предвозвѣщали умственной революціи XVIII вѣка. При Людовикѣ XV литература обращается въ силу оппозиціонную, и дѣйствіе ея направлено на основанія стараго порядка и на критику

мрачныхъ его сторонъ. Антихристіанская проповѣдь Вольтера, вольномысленныя произведенія энциклопедистовъ, экономическія теоріи физіократовъ направлены къ общей цѣли. Правительство то преслѣдуетъ писателей и чрезъ это усиливаетъ обаяніе ихъ произведеній, то дѣлаетъ уступки подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія или заступничества фаворитовъ. Такъ, запрещенная въ началѣ „энциклопедія“ была разрѣшена по настоянію г-жи Помпадуръ. Произведенія, безусловно запрещенныя, печатаются за-границей и проникаютъ во Францію, благодаря общему сочувствію и тайному пособничеству агентовъ администраціи. Правительство, отвѣчавшее на новую проповѣдь однѣми отрицательными мѣрами, въ то же время дѣйствіями своими коментировало „*Персидскія письма*“ Монтескьё, ѣдкія сатиры Вольтера, страстную проповѣдь Руссо и экономическія изысканія физіократовъ.

Умственный и духовный разрывъ общества съ „старымъ порядкомъ“ совершился прежде, чѣмъ Людовикъ XVI занялъ престолъ своего дѣда. Молодой король, преисполненный лучшихъ намѣреній, но слабый волею и лишенный правительственныхъ способностей, началъ съ попытокъ преобразованій, опираясь на содѣйствіе знаменитаго Тюрго. Но ни одна почти изъ предложенныхъ послѣднимъ реформъ не могла быть приведена въ дѣйствіе, благодаря упорной оппозиціи привилегированныхъ сословій, овладѣвшихъ королемъ. Слабый король былъ отданъ на жертву интригамъ придворныхъ партій, съ одной, и гнетущимъ обстоятельствамъ времени, съ другой стороны. Подъ вліяніемъ первыхъ, онъ удалялъ Тюрго, приближалъ къ себѣ Калонна; подъ вліяніемъ вторыхъ, онъ обращался къ Неккеру, благонамѣренному, одно время популярному, но, въ качествѣ иностранца, мало знавшему Францію министру. Наконецъ, почти наканунѣ революціи, король призвалъ Ломени-де-Бріэнна, занимающаго такое же мѣсто среди министровъ Людовика XVI, какъ Дюбарри среди фаворитокъ Людовика XV. Новое приглашеніе Неккера и созваніе земскихъ чиновъ было актомъ банкротства отчаявшейся въ себѣ власти, не видѣвшей никакого исхода изъ положенія, созданнаго десятилѣтіями дурного управленія.

Привилегированныя сословія раздѣляли судьбу власти королевской. Послѣдняя сама, въ значительной мѣрѣ, подготовила ихъ паденіе. Въ условіяхъ монархическаго правленія, дворянство можетъ явиться опорою престола, если оно пребываетъ въ своихъ помѣстьяхъ и отправляетъ на мѣстахъ должности, въ которыхъ оно, поддерживая власть, доставляетъ мѣстному населенію ежедневныя услуги и покровительство. Французское дворянство, съ развитіемъ абсолютной монархіи, пришло въ другое положеніе. Исторія не создала во Фран-

ціи учрежденій мѣстнаго самоуправленія, подобныхъ тѣмъ, какія даютъ значеніе англійской джентри [1]). Система централизаціи и административной опеки обратила старое дворянство „въ почетнѣйшихъ жителей провинціи", неспособныхъ, однако, оказывать какую-нибудь поддержку мѣстному населенію. Самый „почетъ", коимъ пользовалось дворянство на мѣстахъ, былъ недостаточно проченъ. Силою вещей, почти все, имѣвшее достатокъ и связи, привлекалось въ столицу и ко двору и здѣсь, среди придворнаго этикета, парадовъ, празднествъ, роскоши и веселья, отвыкало отъ политической жизни, отъ пониманія практическихъ нуждъ и условій управленія.

Большинство съ увлеченіемъ отдавалось наслажденіямъ, поддерживая свою пышность пенсіями, синекурами и другими милостями двора, долгами и безжалостнымъ пользованіемъ разными феодальными повинностями, раззорявшими безъ того бѣдствующее крестьянство. Меньшинство усвоивало себѣ новыя идеи, распространяемыя литературой, подготовляло для революціи партію конституціонной монархіи, даже республиканцевъ и якобинцевъ (Кондорсе, С. Жюстъ). Вмѣстѣ взятое, высшее дворянство было однимъ изъ важныхъ дѣятелей успѣха идей XVIII вѣка въ Европѣ. Его изящные нравы, языкъ, доведенный до высшей степени простоты и изящества, сдѣлали Францію предметомъ общаго подражанія. Вмѣстѣ съ нравами и языкомъ, распространялись и идеи, имѣвшія успѣхъ при дворѣ и въ парижскихъ салонахъ; чрезъ послѣдніе утвердилось господство философовъ XVIII вѣка при другихъ дворахъ и въ другихъ аристократіяхъ. Во всякомъ случаѣ, не эта аристократія могла поставить преграду революціи и ввести революціонный потокъ въ историческое русло [2]). На *мѣстахъ* оставалось мелкое дворянство, полуобразованное, часто грубое, надмѣнное и хищное, получившее отъ народа прозвище „копчиковъ" [3]) и раздѣлявшее народное нерасположеніе

---

[1]) „Государственная администрація распространяется всюду на развалинахъ мѣстныхъ властей: іерархія чиновниковъ замѣняетъ, все больше и больше, правительство знати". Токвиль, *L'ancien régime et la révolution*, кн. I, гл. 2.

[2]) Профессоръ Герье, въ своемъ интересномъ этюдѣ *Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года*, М., 1884 г., стр. 131, замѣчаетъ, что „особенно выдаются своею несостоятельностью дворянскіе наказы. Французское дворянство, это избалованное дитя старой монархіи, *не воспитанное въ серьезной государственной школѣ, оторванное отъ всякаго общественнаго дѣла*, съ сильно развитымъ, но терявшимся въ мелочахъ чувствомъ чести и съ совершенно неразвитымъ гражданскимъ чувствомъ, обнаружило въ наказахъ свое полнѣйшее политическое ребячество". Это „ребячество" вполнѣ объясняется приведенными раньше словами проф. Герье.

[3]) Hobereau. Ср. Токвиль, назв. соч.

вмѣстѣ съ управителями и арендаторами знатныхъ господъ, извлекавшими изъ крестьянъ разныя феодальныя повинности такъ безжалостно, какъ никогда не дѣлалъ бы этого ихъ знатный и просвѣщенный господинъ. Если прибавить къ этому, что сословіе, пользовавшееся обременительными для народа привилегіями, само лишь въ незначительной степени участвовало въ платежѣ налоговъ, не смотря на то, что ему, вмѣстѣ съ духовенствомъ, принадлежала *половина* земель въ королевствѣ, то причины раздраженія противъ „привилегированныхъ" будутъ достаточно объяснены.

Духовенство, въ его отношеніяхъ къ государству и къ низшимъ классамъ, не могло быть отдѣлено отъ свѣтской аристократіи. Ближайшая причина раздраженія противъ этого сословія заключалась, конечно, въ томъ, что оно раздѣляло съ дворянствомъ его привилегіи, пользовалось разнообразными повинностями и, владѣя огромными богатствами, почти ничего не давало въ пользу государства. Въ общихъ интересахъ своихъ оно было тѣсно связано съ свѣтскою аристократіею не только въ силу сходства сословныхъ привилегій, но и вслѣдствіе того, что его ряды наполнялись представителями аристократическихъ фамилій, получавшими высшія духовныя должности. Подобно свѣтской знати, князья и прелаты церкви, епископы и аббаты богатѣйшихъ монастырей, оставляли свои епархіи и монастыри для столицы, гдѣ они не отличались отъ прочей аристократіи роскошью и образомъ жизни.

Такимъ образомъ, раздраженіе противъ „привилегій" и „привилегированныхъ" направлялось одинаково противъ свѣтской и духовной знати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденія церкви сдѣлались предметомъ горячихъ нападеній по причинамъ, болѣе общимъ. Философія XVIII вѣка направила свои удары на церковь раньше, чѣмъ она стала наносить ихъ государству и свѣтской знати; невѣріе распространилось прежде революціонныхъ идей. Для „стараго порядка" это первое нападеніе представляло большую важность. Въ числѣ преданій и историческихъ авторитетовъ, составлявшихъ опору „стараго порядка", ученія и преданія церкви занимали первое мѣсто. Въ союзѣ съ церковью короли положили первыя основанія своей власти; послѣдняя росла, поддерживаемая авторитетомъ церкви. Въ глазахъ огромнаго большинства церковь и монархія были учрежденіями, тѣсно связанными. Поэтому судьба стараго порядка во многихъ отношеніяхъ зависѣла отъ того, въ какой степени церковь способна была выдержать направленные противъ нея удары. Силы ея оказались недостаточными.

Сама монархія во многомъ способствовала ея паденію. Учрежденія церковной автономіи пали; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли для духо-

венства средства мѣстнаго вліянія. Подобно свѣтской знати, прелаты оставляли свои епархіи и монастыри для столицы и двора; народъ зналъ о духовныхъ властяхъ только по ихъ сборщикамъ „десятины“, по низшимъ агентамъ, требовавшимъ разныхъ повинностей, отправлявшимъ вотчинную юрисдикцію, обременительную для крестьянъ, и нерѣдко лишавшимъ этихъ крестьянъ послѣдняго достоянія. Руководительство въ церковной жизни осталось въ рукахъ низшаго духовенства. Но послѣднее, мало обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, съ раздраженіемъ смотрѣвшее на роскошь прелатовъ, постепенно обратилось въ оппозиціонный элементъ, отвергнувшій высокомѣрныхъ прелатовъ на выборахъ 1789 года.

Теряя власть надъ массами, церковь еще больше должна была потерять ее надъ образованными классами. Съ давнихъ уже поръ почти всякій успѣхъ ума въ области философіи, наукъ точныхъ и историческихъ совершается въ противность догматамъ и ученіямъ католической церкви; въ XVIII вѣкѣ противоположеніе *философіи* и *религіи* доходитъ до полнаго разрыва. Въ своей борьбѣ съ католическою церковью, философія владѣетъ и пользуется страшнымъ оружіемъ, изготовленнымъ самими князьями церкви. Несостоятельное въ историческомъ и научномъ отношеніи ученіе философовъ, что религія, вмѣстѣ съ другими предразсудками, изобрѣтена духовенствомъ для своекорыстныхъ цѣлей, находитъ себѣ практическое подтвержденіе въ образѣ жизни и тягостныхъ привилегіяхъ духовенства. Съ именемъ его соединяется и понятіе о нетерпимости. Свѣжо еще воспоминаніе о гоненіи на гугенотовъ. Даже въ XVIII столѣтіи общество пришло въ ужасъ отъ дѣла Каласа, разоблаченнаго Вольтеромъ. Предъ самымъ началомъ революціи, иновѣрцы не пользуются гражданскими правами. Литература испытываетъ постоянныя стѣсненія и подвергается преслѣдованіямъ во имя интересовъ церкви. Но послѣдніе представлены не глубоковѣрующими пастырями, подобными Боссюэту и Массильону, а утопающими въ роскоши и часто развратными прелатами, которыхъ даже Людовикъ XV считалъ нужнымъ иногда сдерживать. Наконецъ, высшее духовенство, поставленное въ условія столичной и придворной жизни, само начало проникаться „духомъ XVIII вѣка“, представителями котораго явились многіе дѣятели революціи, вышедшіе изъ его рядовъ.

II. Таково было положеніе двухъ привилегированныхъ сословій, составлявшихъ незначительную часть всего населенія [1]). Для буду-

---

[1]) По исчисленіи Тэна до 270,000; изъ нихъ около 140,000 приходилось на дворянство, 130,000 на духовенство, включая сюда и монашествующихъ. Общее населеніе Франціи во время революціи равнялось 18 или 19 милліонамъ. Другія цифры

щихъ судебъ монархіи вырожденіе и безсиліе этихъ сословій не имѣли, однако, рѣшающаго значенія. Сильная власть, опираясь на народныя массы, могла бы произвести необходимыя реформы, устранить ненавистныя привилегіи, облегчить положеніе низшихъ классовъ. Но положеніе и настроеніе послѣднихъ предвозвѣщало революцію, предотвратить которую, въ концѣ XVIII столѣтія, не могло тогдашнее правительство.

Наиболѣе многочисленнымъ изъ низшихъ классовъ населенія было, конечно, крестьянство. Съ внѣшней стороны, классъ этотъ представлялся свободнымъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи оставались слѣды крѣпостного права [1]. „Крестьянинъ“, говоритъ Токвиль, „приходилъ, уходилъ, покупалъ, продавалъ, договаривался, работалъ по своей волѣ“. Во-вторыхъ, крестьяне владѣли поземельною собственностью. Съ тою страстью къ землѣ, которая до сихъ поръ составляетъ отличительную черту французскихъ крестьянъ, они употребляли всѣ свои сбереженія на покупку земельныхъ участковъ. Около $^1/_3$ земель находилось въ рукахъ крестьянъ. Но именно эти условія сдѣлали ихъ наиболѣе чувствительными къ злоупотребленіямъ стараго порядка. „Когда человѣкъ нищъ, онъ ожесточается; но когда онъ одновременно собственникъ и нищій—онъ ожесточается больше. Онъ могъ покориться бѣдности, но онъ не покоряется вымогательству; а таково было положеніе крестьянина въ XVIII столѣтіи“ [2].

„Вымогательство“ испытывается имъ въ двоякомъ видѣ: онъ обремененъ свыше мѣры государственными налогами; онъ несетъ на себѣ многочисленныя феодальныя повинности, лишающія его значительной части дохода и обезцѣнивающія его землю. На крестьянствѣ и вообще на низшихъ классахъ лежала вся тяжесть налоговъ прямыхъ и косвенныхъ. Однихъ прямыхъ налоговъ было бы достаточно для обремененія народа, какъ это видно изъ краткаго ихъ обозрѣнія [3].

На первомъ планѣ должно поставить такъ называемую taille, на-

---

см. у Рихтера, *Staats- und Gesellschafts-Recht der französischen Revolution*, I, стр. 204 и слѣд., 211 и слѣд.

[1]) Токвиль, *L'ancien régime*, кн. II, гл. I. Де-Понсенъ, *Les cahiers de 1789*, стр. 141 и слѣд. Количество крѣпостныхъ и остатки крѣпостной зависимости были значительнѣе, чѣмъ полагаютъ названные писатели. Ср. Н. Карѣева, *Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи* и т. д. 1879.

[2]) Тэнъ, *L'ancien régime*, стр. 451.

[3]) Ср. Кламажеранъ, *Histoire de l'impôt en France*, I — III, 1867—1876. Н. Карѣевъ, назв. соч. и *Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ*, 1881. Моро-де-Жонесъ (Moreau-de-Jonnès), *Etat économique et social de la France, etc.*, 1867.

логъ, предоставленный Карлу VII земскими чинами. Съ 1445 года, она сдѣлалась постоянною и притомъ въ двоякой формѣ: въ видѣ налога поземельнаго (taille réelle), отъ взиманія котораго были освобождены земли дворянства, и налога личнаго (taille personnelle), отъ котораго также были освобождены дворянство, духовенство и другія привилегированныя лица. Опредѣленіе размѣра подати было предоставлено королевскому усмотрѣнію; онъ росъ вмѣстѣ съ потребностями и даже прихотями фиска. При Карлѣ VII она составляла 1.800,000 тогдашнихъ франковъ [1]). Въ слѣдующія два царствованія [2]), она возросла почти вдвое; возрастая и понижаясь въ слѣдующія царствованія, она дошла до 43 милліоновъ (81.000,000 нынѣшнихъ) при Людовикѣ XIII и затѣмъ колебалась между 40 и 50 милліонами. Въ общей раскладкѣ она давала 4 фр. на лицо, слѣдовательно, отъ 12 до 20 фр. на семейство. Къ прежнимъ же налогамъ причислялись поголовная подать (capitation) и родъ подоходнаго налога (le dixième).

Capitation была установлена Людовикомъ XIV для покрытія военныхъ издержекъ, въ 1695 году. Но затѣмъ она сдѣлалась постояннымъ налогомъ. Первоначально король хотѣлъ распространить ее на всѣ сословія и лица, не исключая наслѣдника престола. Но въ условіяхъ стараго порядка, она легла почти исключительно на низшіе классы. Въ концѣ царствованія Людовика XIV она дошла до 30 милліоновъ тогдашнихъ франковъ. Въ 1789 году capitation вмѣстѣ съ taille составляли 110 милліоновъ. Подоходной десятинѣ (le dixième) подлежали доходы съ недвижимыхъ имуществъ; она распространялась и на имущество привилегированныхъ. Но абсолютный размѣръ ея не былъ великъ: въ XVIII столѣтіи она давала около 12 милліоновъ франковъ.

Тягость двухъ главныхъ налоговъ не можетъ быть опредѣлена только ихъ размѣромъ. Для опредѣленія ея должно принять въ разсчетъ издержки взиманія, ложившіяся на плательщиковъ, вымогательства и другія злоупотребленія фискальныхъ чиновниковъ, безпощадныя мѣры противъ недоимщиковъ и т. д. Но наиболѣе обременительными являлись налоги *косвенные*.

Подати прямыя покрывали двѣ пятыхъ государственнаго бюджета. Три пятыхъ доставлялись налогами косвенными, до того многочисленными и разнообразными, что лучшіе экономисты и финансисты едва могутъ привести ихъ въ нѣкоторую систему. Мы укажемъ здѣсь на главнѣйшія ихъ категоріи; но для оцѣнки ихъ укажемъ предва-

---

[1]) 9.720,000 нынѣшнихъ.

[2]) Людовика XI и Карла VIII.

рительно на общія черты этихъ налоговъ, въ силу которыхъ они сдѣлались ненавистными населенію. Во-первыхъ, они ложились тяжкимъ бременемъ на предметы первой необходимости, или поражали важнѣйшіе источники народнаго богатства; во-вторыхъ, по способу ихъ назначенія, раскладки и взиманія, они обращались въ прямые налоги, столь же обременительные, какъ и послѣдніе; въ-третьихъ, взиманіе ихъ отдавалось на откупъ или предоставлялось многочисленнымъ агентамъ фиска, при чемъ злоупотребленія откупщиковъ и агентовъ фиска, инквизиціонные способы при контролѣ и взиманіи, раздражали населеніе и увеличивали бремя налоговъ иногда вдвое противъ нормы.

Между этими налогами въ народной ненависти первое мѣсто занимали les gabelles, т.-е. налогъ на *соль*. Въ видѣ постояннаго налога, les gabelles установляются при Карлѣ V (1364—1380); при Генрихѣ III (1574—1589) они были отданы на откупъ за 16 милліоновъ франковъ. Затѣмъ размѣръ налога увеличивался до такой степени, что уже при Ришельё цѣна соли поднялась въ *шесть разъ* противъ нормальной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, налогъ обращается въ прямую подать въ силу законовъ (1678, 1680 гг.), повелѣвающихъ каждому лицу, свыше семилѣтняго возраста, покупать не менѣе семи (а въ иныхъ провинціяхъ 12) фунтовъ соли. На семью въ 4 лица, это составляло не менѣе 18 фр. Въ Нормандіи, говорилъ Руанскій парламентъ, каждый день принимаются принудительныя мѣры противъ несчастныхъ, не имѣющихъ хлѣба, за то, что они не купили причитающагося на нихъ количества соли. Притомъ куплѐнная въ указанной нормѣ соль должна идти исключительно на ѣду (pot et salière). Для того, чтобы посолить свинину, необходимо купить другой соли и представить въ томъ свидѣтельство, подъ страхомъ значительнаго штрафа. Десятки другихъ правилъ, мелочныхъ и жестокихъ, открывающихъ путь грубому произволу и вторженію въ частную жизнь, ограждаютъ интересы казны и ведутъ къ раззоренію плательщиковъ. Полки агентовъ необходимы для контроля и взиманія; при Людовикѣ XV ихъ насчитываютъ 36,000; послѣ разныхъ улучшеній, при Неккерѣ, ихъ остается 23,000. Не смотря на это, контрабанда дѣйствуетъ успѣшно, отнимая у казны не менѣе ¼ ея доходовъ. Контрабандисты, вмѣстѣ съ другими нарушителями правилъ о соли, даютъ много работы судамъ. Въ одинъ 1780 годъ было произведено 3,436 арестовъ, коимъ подверглись 2,340 мужчинъ, 896 женщинъ, 200 дѣтей. Ежегодно, по „солянымъ“ преступленіямъ до 300 человѣкъ посылается на галеры, двѣсти другихъ приговаривается къ кнуту и инымъ наказаніямъ. Не говоримъ о множествѣ штрафовъ, часто способныхъ раззорить цѣлое семейство. Недаромъ въ

наказахъ 1789 года слышится общій крикъ противъ этого налога [1]). Одинаковую роль съ gabelles игралъ налогъ на *табакъ*. Замѣтимъ, что, вслѣдствіе дурной администраціи этой части, казна, для полученія налога, должна была допускать издержки взиманія, иногда вдвое превышавшія налогъ. Такъ, въ 1779 году для полученія 24 милліоновъ, было взыскано до 70, при чемъ излишекъ пошелъ въ пользу откупщиковъ и чиновниковъ.

Послѣ gabelles обременительнѣйшими налогами были aides, т.-е. главнымъ образомъ налогъ на вино и крѣпкіе напитки [2]). Во Франціи, гдѣ цѣлыя мѣстности живутъ винодѣліемъ, обременительный налогъ на вино неизбѣжно долженъ былъ привести къ раззоренію значительной части крестьянства. Между тѣмъ, все было сдѣлано для того, чтобы aides обратились въ одно изъ орудій раззоренія. Не успѣвалъ винодѣлъ собрать виноградъ и приготовить вино, какъ онъ уже имѣлъ дѣло съ придирчивыми досмотрщиками, высчитывавшими, сколько онъ можетъ выпить самъ и сколько *обязанъ* продать. Штрафы и другія наказанія грозили тому, кто захотѣлъ бы подарить бутылку вина, неоплаченную пошлиной. Вино, обязательно поступавшее въ продажу, оплачивалось пошлиной, во-первыхъ, производителемъ. Для того, чтобы онъ какъ нибудь не уклонился отъ пошлины, досмотрщикамъ предписывалось какъ можно чаще посѣщать погребъ и усчитывать хозяина. Такія посѣщенія, сопровождавшіяся грубымъ обращеніемъ и вымогательствомъ, были до такой степени обременительны, что многіе крестьяне бросали свое вино въ рѣку, чтобы не имѣть дѣло съ чиновниками и ихъ часто непонятными требованіями [3]). Торговецъ, купившій вино, также уплачиваетъ пошлину, послѣ чего онъ обязанъ отправить свой товаръ непремѣнно по установленному пути, въ продолженіе котораго онъ подвергается частымъ досмотрамъ, уплачиваетъ многочисленные сборы на множествѣ заставъ, на рѣкахъ и сухомъ пути, и, наконецъ, новую пошлину при въѣздѣ въ городъ

---

[1]) Де-Понсенъ, *Les cahiers de 89*, стр. 201 и слѣд.

[2]) Подъ именемъ aides первоначально разумѣлись пошлины на разные предметы и товары. Но затѣмъ главную роль между этими пошлинами занялъ налогъ на вино.

[3]) Въ „наказѣ“ третьяго сословія Манта говорится: „Право aides сдѣлалось источникомъ такихъ вопіющихъ притѣсненій и распространилось въ такой ужасающей степени, что одно имя его сдѣлалось сигналомъ смятенія для жителей городовъ и селъ. Оно поражено двумя нетерпимыми недостатками: 1) оно непонятно, неизвѣстно въ его подробностяхъ до такой степени, что требуетъ особеннаго языка; 2) оно сопровождается осмотрами и инквизиціею, нарушающею гражданскую свободу и которая могла бы, если это возможно, компрометировать августѣйшую и священную особу, во имя которой собирается означенный налогъ“. Де-Понсенъ, стр. 205 и слѣд.

(octroi). Такимъ образомъ, на пути цѣна вина быстро растетъ; она почти удвоивается на разстояніи отъ Бургундіи до Ліона. Погребщикъ или кабатчикъ платитъ новый налогъ за право розничной продажи. Прибавимъ къ этому мелкіе, но въ общемъ огромные сборы въ пользу толпы смотрителей, контролеровъ, полицейскихъ инспекторовъ и т. д. [1]), и бѣдствія въ винодѣльческихъ округахъ Франціи будутъ понятны. Владѣльцы многихъ виноградниковъ бросали ихъ и шли нищенствовать, не имѣя возможности заниматься своимъ промысломъ.

Прямые налоги вмѣстѣ съ gabelles и aides являлись главнымъ бременемъ для сельскаго населенія. Въ началѣ XVIII ст., они одни составляли 250 милліоновъ, а въ раскладкѣ 13 слишкомъ франковъ на человѣка. Вмѣстѣ съ другими налогами (100 слишкомъ милліоновъ) и издержками взиманія, ложившимися также на плательщиковъ, они, по исчисленію Моро-де-Жонеса, отнимали у плательщиковъ половину ихъ заработка. Для того, чтобы извлечь такую сумму, государство должно было содержать до 100,000 фискальныхъ чиновниковъ. Въ концѣ XVIII ст., не смотря на благія намѣренія Людовика XVI, прямые налоги возвышаются до 229 милл., а косвенные до 311 милл.

Если система государственныхъ налоговъ показывала, куда обращалась почти половина доходовъ изъ заработка низшихъ классовъ, то многочисленныя феодальныя повинности, лежавшія на крестьянской землѣ и отбывавшіяся въ пользу дворянства и духовенства, указывали, куда шла значительная часть другой половины. Происхожденіе большинства этихъ повинностей коренится въ установившемся еще въ средніе вѣка различіи между землями, владѣемыми на *ленномъ* правѣ (fiefs), и землями оброчными (censives), находившимися во владѣніи нѣкогда крѣпостныхъ крестьянъ. *Личность* крестьянина, какъ мы видѣли, постепенно освободилась, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи уцѣлѣли остатки крѣпостного права. Но крестьянская *земля* осталась обремененною многочисленными повинностями, подробное перечисленіе которыхъ было бы весьма затруднительно [2]). Главнѣйшими изъ нихъ были:

---

[1]) Моро-де-Жонесъ, назв. соч., 365.

[2]) Обозрѣніе ихъ см. у Токвиля. *L'ancien régime*, прим. въ концѣ труда. Буато (Boiteau), *Etat de la France en 1789*. Boutaric, *Traité des droits seigneuriaux*, etc. Де-Понсенъ, *Les cahiers de 89*, стр. 305—330. Тэнъ, *L'ancien régime*, стр. 531—538. Моро-де-Жонесъ, *Etat économique et social de la France*, etc., стр. 388 и слѣд. Карѣевъ, *Крестьяне и крестьянскій вопросъ*, и т. д., стр. 25 и слѣд.

Оброкъ (cens), т.-е. постоянная денежная и натуральная повинность, которой, въ силу феодальнаго права, подлежали „черныя“ земли. Cens разсматривался какъ повинность вѣчная, а потому обязанность отбывать ее переходила на всякаго владѣльца такой земли. Обременительнѣе *ценза* была другая повинность—champart—отнимавшая у крестьянина до $^1/_4$ его жатвы. Несвободная вообще, оброчная земля облагалась значительными пошлинами при переходѣ ея изъ однѣхъ рукъ въ другія. Такими пошлинами являлись: а) lods et ventes, т.-е. пошлины съ продажи оброчнаго имѣнія; б) пошлины, взимавшіяся при переходѣ земель по наслѣдству или по даренію (droit de mutation, relief); в) les reconnaissances, взимавшіяся при явкѣ новаго оброчника къ сеньору, или оброчника новому сеньору, при чемъ оброчникъ объявлялъ, какимъ количествомъ земли и на какихъ условіяхъ онъ владѣетъ. Иные сеньоры имѣли привычку se faire reconnaître каждыя десять лѣтъ; г) marciage, уплачивавшаяся при смерти сеньора. Эти сборы были связаны съ существомъ оброчной земли. Но, независимо отъ нихъ, владѣлецъ несъ въ пользу сеньора другія повинности, и сеньоръ пользовался различными правами надъ держателями оброчныхъ земель.

Онъ имѣетъ право на *барщину* (corvée), т.-е. можетъ требовать отъ подвластныхъ ему извѣстнаго числа дней работы съ ихъ волами и лошадьми; онъ вправѣ требовать, чтобы „держащіе отъ него“ мололи хлѣбъ на его мельницѣ, пекли хлѣбъ въ его пекарнѣ, давили виноградъ въ его кружалѣ, и т. д. (les banalités); ему принадлежатъ сборы съ товаровъ и продуктовъ, привозимыхъ на ярмарки и базары (leydes); онъ взимаетъ пошлины съ проѣзжающихъ по мостамъ и дорогамъ (péages) [1]). Къ этимъ правамъ должно прибавить сохранившіяся еще права вотчинной юрисдикціи съ ея сборами, множество другихъ обременительныхъ правъ (рыбной ловли, охоты), часто странныхъ [2]) и унизительныхъ.

Духовенство, сверхъ правъ, которыя оно имѣло по своимъ земельнымъ владѣніямъ, пользовалось еще многочисленными сборами въ силу привилегій церкви. Главнѣйшими изъ нихъ были: 1) сборъ

---

[1]) Еще въ 1789 году изъ общаго количества сухопутныхъ заставъ (1,169) частнымъ владѣльцамъ принадлежало 1,040; изъ 400 заставъ на рѣкахъ частные владѣльцы имѣли 386. Изъ нихъ на Сенѣ были 52 заставы, на Ронѣ 46, на Луарѣ 42, на Гароннѣ 32, и т. д. Взымавшіяся здѣсь пошлины страшно увеличивали цѣну продуктовъ. Поэтому крикъ „физіократовъ“: laissez passer получаетъ особенный смыслъ.

[2]) Напримѣръ, еще въ 1786 году парламентъ долженъ былъ запретить сеньорамъ требовать, чтобы новобрачные на праздникъ Троицы или въ иной день скакали чрезъ яму.

за требы (casuel) и 2) десятина (la dîme). Послѣдняя была особенно обременительна. Она раздѣлялась на большую десятину (les grosses dîmes), взимавшуюся съ хлѣба, вина и крупнаго скота, и малую (les minces dîmes), собиравшуюся съ мелкаго скота, шерсти, кожъ, птицы, плодовъ, овощей, льна и т. д. Въ моментъ революціи, доходъ съ десятинъ превышалъ 100 милліоновъ, не считая десятинъ, нѣкогда отданныхъ церковью свѣтскимъ владѣльцамъ на ленномъ правѣ (dîmes inféodées). Въ ряду другихъ сборовъ, десятина, по обременительности своей, соперничала съ государственными налогами и вызывала такое же раздраженіе плательщиковъ.

Повинности и десятины, возникшія въ эпоху политическаго могущества феодальнаго дворянства и церкви и объяснявшіяся ихъ услугами мѣстному населенію, лишились всякаго основанія, когда двѣ средневѣковыя силы выродились окончательно. Вмѣстѣ съ сословіями, въ пользу которыхъ отбывались повинности, онѣ дѣлались тѣмъ ненавистнѣе, чѣмъ меньше онѣ были понятны. „Феодализмъ", говоритъ Токвиль, „оставался еще самымъ важнымъ изъ всѣхъ гражданскихъ учрежденій Франціи, потерявъ значеніе политическое. Въ такомъ положеніи онъ возбуждалъ гораздо болѣе ненависти". Въ общемъ, по умѣренному вычисленію Тэна, феодальныя повинности, вмѣстѣ съ десятиной, прибавляли слишкомъ 28 фр. къ 53, которые брала казна. Плательщику, на всѣ его потребности, оставалось 18 съ небольшимъ франковъ изъ каждыхъ 100 его чистаго дохода [1]).

Послѣдствія такой финансовой и экономической системы не заставили себя ждать. Всѣ лица, изслѣдовавшія Францію стараго порядка, или оставившія ея описаніе, одинаково свидѣтельствуютъ объ изумительной бѣдности сельскаго населенія, со всѣми ея послѣдствіями. Угнетенный податями и повинностями, крестьянинъ не только не могъ улучшить своего хозяйства, но не имѣлъ часто возможности обработать свое небольшое поле. Недородъ и голодъ поражали цѣлыя мѣстности [2]). Недостатокъ припасовъ порождаетъ болѣзни и, начиная съ царствованія Людовика XIV, населеніе Франціи уменьшается: съ 19 милліоновъ (конецъ XVII вѣка) оно падаетъ на 16—17;

---

[1]) Назв. сочиненіе, стр. 542, 543. По исчисленію Моро-де-Жонеса, плательщикъ въ началѣ XVIII вѣка оставался въ дефицитѣ. Но исчисленія почтеннаго статистика въ этомъ случаѣ построены на шаткихъ основаніяхъ.

[2]) Голодъ, сдѣлавшійся хроническимъ явленіемъ въ XVIII вѣкѣ, не былъ, однако, его произведеніемъ. Моро-де-Жонесъ (ук. соч., стр. 411), считая годами *недорода*, когда цѣна на хлѣбъ превышала нормальную по десятилѣтней сложности, и годами *голода*, когда она увеличивалась вдвое, насчитываетъ 15 лѣтъ недорода и 10 лѣтъ голода въ царствованіе Людовика XIV (1643—1715). Голодъ 1709 года былъ ужасенъ.

затѣмъ оно не увеличивается. Нищенство, грабежи и разбои поражаютъ наблюдателей и безпокоятъ интендантовъ. Часты и случаи возстанія, порожденнаго голодомъ. Въ Нормандіи, одной изъ богатѣйшихъ провинцій Франціи, въ теченіе 40 съ небольшимъ лѣтъ (1725—1768) было 8 случаевъ мятежа, сопровождавшагося страшными насиліями. Съ 1770 года бунты дѣлаются хроническими, вспыхивая то здѣсь, то тамъ. Крестьянинъ, тѣснимый сборщиками податей и агентами откуповъ, лишающихъ его послѣдняго достоянія, бросаетъ землю; помѣщики не могутъ найти фермеровъ и даже половниковъ. Значительная часть (болѣе ¼, а мѣстами и больше) удобной земли остается необработанною.

Народонаселеніе стремится въ городъ. Но и здѣсь оно не находитъ средствъ къ существованію. Во-первыхъ, въ условіяхъ цеховой организаціи городскихъ промысловъ, трудъ является монополіею, ревниво охраняемою разными корпораціями, которыя, въ свою очередь, дорого заплатили за нихъ королю. Во-вторыхъ, личная подать, taille, преслѣдуетъ крестьянина и въ городѣ, хотя бы онъ не имѣлъ другихъ средствъ существованія, кромѣ дневной работы. Въ-третьихъ, городскія корпораціи и муниципалитетъ, много платящіе казнѣ, добываютъ средства къ покрытію городскихъ издержекъ разными сборами, ложащимися на тѣ же неимущіе классы. Въ этихъ условіяхъ зарождается и растетъ городской *пролетаріатъ*, показавшій свою силу уже въ мятежахъ, предшествовавшихъ революціи и, затѣмъ, сдѣлавшійся главнымъ подспорьемъ дѣятелей 1793 года.

Ни въ селахъ, ни въ городахъ, оба привилегированныя сословія не имѣютъ уже почвы. Руководительство массами переходило въ руки новаго общественнаго класса, выступившаго на сцену подъ анонимнымъ названіемъ „третьяго сословія", но скоро объявившаго себя *всею націею* и заговорившаго ея именемъ [1]).

Сознаніе необходимости измѣнить существующій порядокъ было настолько глубоко, что въ наказахъ (cahiers) депутатамъ 1789 года всѣ сословія одинаково требовали коренныхъ реформъ. Если разногласіе между „наказами" обнаруживалось въ отношеніи *положительныхъ* требованій, касавшихся новой организаціи общества, то въ от-

---

[1]) Трудно представить болѣе полную картину отживавшаго общества „стараго порядка", чѣмъ это сдѣлано Тэномъ въ первомъ томѣ его сочиненія *Origines de la France contemporaine* (*L'ancien régime*). Богатое фактами, сильное въ отношеніи метода изслѣдованія и образности изложенія, сочиненіе Тэна не умаляетъ, однако, значенія глубокаго и полнаго философскихъ обобщеній изслѣдованія Токвиля, *L'ancien régime et la révolution*. Ср. также Зибеля, *Geschichte der Revolutions-Zeit*. I. Родо (Raudot), *La France avant la révolution* etc. Мороде-Жонесъ, *Etat économique et social de la France*, etc.

ношеніи отмѣны большинства учрежденій „стараго порядка“ требованія „наказовъ“ представляютъ полное сходство [1]). Подготовленныя общимъ философскимъ движеніемъ XVIII вѣка и подъ вліяніемъ толчка, даннаго изъ Франціи, эти понятія постепенно распространяются по всему западу Европы и вездѣ приводятъ къ сходнымъ результатамъ.

III. На мѣсто сословій, первенствовавшихъ при „старомъ порядкѣ“, выдвинулась новая сила, носившая въ свое время имя „третьяго сословія“ и, въ наше время, получившая названіе „буржуазіи“, ради противоположенія ея „рабочему классу“. Но въ моментъ революціи 1789 г. общественный классъ, извѣстный подъ именемъ „третьяго сословія“, далеко не былъ тождественъ съ „буржуазіей“ средневѣковою и новѣйшею. Потомки средневѣковой буржуазіи составляли въ XVIII столѣтіи замкнутый и немногочисленный классъ привилегированной гильдейской и цеховой аристократіи городовъ. Привилегіи и монополіи этой городской аристократіи были отмѣнены революціоннымъ законодательствомъ вмѣстѣ съ привилегіями дворянства и духовенства. Затѣмъ экономическое различіе предпринимателей и рабочихъ, имущихъ и неимущихъ, капиталистовъ и пролетаріевъ, словомъ, *соціальныя* различія, не провели еще рѣзкой черты между „буржуазіею“ новѣйшей формаціи и экономически зависимыми классами.

„Третье сословіе“ обнимало собою все, противополагавшее себя учрежденіямъ стараго порядка, все, стремившееся къ уничтоженію привилегій и произвола въ управленіи, къ гражданскому равенству и къ политической свободѣ. Оно привлекало къ себѣ много лицъ изъ привилегированныхъ классовъ, усвоивавшихъ себѣ идеи XVIII столѣтія; оно было тѣсно связано съ народомъ чрезъ множество мелкихъ торговцевъ, деревенскихъ адвокатовъ и нотаріусовъ, медиковъ, учителей, трактирщиковъ, тронутыхъ просвѣщеніемъ вѣка и дѣятельно распространявшихъ его идеи.

Конечно, главнымъ ядромъ этого всеобъемлющаго сословія были

---

[1]) Важность изученія депутатскихъ „наказовъ“ 1789 г. выяснена уже Токвилемъ, назв. соч., прим.: „Собраніе этихъ наказовъ“, говоритъ онъ, „есть самый драгоцѣнный документъ, остающійся намъ отъ старой Франціи; къ нему постоянно должны обращаться желающіе узнать состояніе умовъ нашихъ отцовъ въ моментъ взрыва революціи“. Спеціальныя работы по cahiers: Шассенъ, *Le génie de la révolution*, 1863 года (радикальнаго направленія). Леонъ де-Понсенъ (Poncins), *Les cahiers de 89, ou les vrais principes libéraux*, 1866. Н. Карѣевъ, *Крестьяне* и т. д., стр. 336 и слѣд. Герье, *Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года*, М. 1884. Значительная часть наказовъ издана французскимъ правительствомъ въ *Archives parlementaires*, 1879.

классы, сильные богатствомъ и просвѣщеніемъ и воспитанные къ политической роли самою монархіею. Монархія, въ своей борьбѣ съ феодализмомъ и съ феодальными учрежденіями, воспитала вліятельный классъ легистовъ, на который она опиралась и который умѣла противопоставить наслѣдственной знати. Вмѣстѣ съ королями, легисты, наполнявшіе мѣста судебныя и администрацію, шли противъ феодальнаго обособленія и противопоставили послѣднему идею единаго государства, единаго короля и единаго закона. Для борьбы съ феодальными обычаями и мѣстными привилегіями они искали точку опоры въ римскомъ правѣ, въ этой scripta ratio, руководившей ихъ въ исканіи началъ общаго для всѣхъ права. Чрезъ нихъ въ общество, въ законы и въ управленіе проникали начала гражданскаго равенства, поскольку это было возможно при старомъ порядкѣ. Они образовали одинъ изъ вліятельнѣйшихъ классовъ общества, своего рода дворянство, ревниво относившееся къ привилегіямъ наслѣдственной знати, нетерпѣливо сносившее высокомѣріе послѣдней, пока, наконецъ, привилегіи не были уничтожены однимъ ударомъ.

Въ то время, какъ легисты вытѣсняли старое дворянство не только въ центральной, но и въ мѣстной администраціи, другая часть „третьяго сословія" захватывала въ свои руки власть, даваемую богатствомъ. Старая знать, покидавшая свои помѣстья, стремилась ко двору и раззорялась здѣсь, вслѣдствіе безумной роскоши; люди „третьяго сословія" обогащались всѣми способами, доставляемыми ихъ собственнымъ трудомъ и условіями тогдашняго управленія. Торговля, промышленныя и банкирскія операціи, выгодные подряды, откупы—все открывало дорогу той денежной аристократіи, въ салонахъ которой собирались литературные кружки, и которая сама выставляла писателей „просвѣтительнаго" направленія, подобныхъ Гельвецію [1]).

Огромныя богатства, накопленныя этою аристократіею, ставятъ отъ нея въ зависимость и правительство, и высшіе классы. Правительство, постоянно нуждающееся въ средствахъ, широко занимаетъ у нея деньги. Уже при Людовикѣ XV цифра ренты по займамъ дошла до 42 милліоновъ. При Людовикѣ XVI, въ теченіе десяти лѣтъ, было занято 1630 милліоновъ. Старая аристократія, живущая одними долгами, беретъ у „новыхъ людей" не меньше правительства. Эти

---

[1]) Возвышеніе денежной аристократіи начинается, какъ замѣчаетъ Тэнъ, со времени спекуляцій Ло. Хотя его предпріятія и кончились страшнымъ раззореніемъ государства и многихъ тысячъ семействъ, но духъ предпріятій развивался неудержимо. Въ періодъ времени съ 1720 по 1788 года отпускъ французскихъ товаровъ увеличился болѣе чѣмъ въ три раза (съ 106 по 354 милліона ливровъ). Назв. соч., стр. 401 и слѣд.

услуги оказываются не даромъ: онѣ производятъ и большую перемѣну въ настроеніи тѣхъ, которые ихъ оказываютъ.

Первоначально, въ условіяхъ общества сословнаго, новые люди добиваются подобія привилегій старой аристократіи, хотятъ создать изъ себя нѣчто похожее на родовое дворянство. Само правительство открываетъ имъ для этого пути. Нуждаясь въ деньгахъ, оно продаетъ *должности*, часто фиктивныя, но льстящія самолюбію пріобрѣтателей [1]). Но старая знать не принимаетъ въ свою среду пришельцевъ, смѣется надъ ихъ отличіями и заставляетъ ихъ чувствовать разстояніе, отдѣляющее новичка отъ дворянина, насчитывающаго длинный рядъ предковъ. Настанетъ минута, когда третье сословіе отмѣнитъ учрежденія, „оскорбляющія равенство людей".

Не одно недовольство неравенствомъ между сословіями тревожитъ людей третьяго сословія. Сдѣлавшись всеобщимъ и особенно государственнымъ заимодавцемъ, денежная аристократія начинаетъ зорко слѣдить за судьбами государственнаго хозяйства, отъ хода котораго зависитъ участь ввѣренныхъ правительству денегъ. Между тѣмъ, одинъ ростъ государственнаго долга способенъ былъ возбудить тревогу; объ этомъ ростѣ можно судить по цифрѣ рентъ, выпускавшихся въ отдѣльныя царствованія. Со времени Людовика XIII, она, къ 1789 году, увеличилась въ пять разъ [2]). Государство не только увеличиваетъ свои долги, но и не обнаруживаетъ намѣренія быть исправнымъ должникомъ. Не задумываясь, оно прибѣгаетъ къ разнымъ видамъ и степенямъ банкротства, „ко всѣмъ насильственнымъ и обманнымъ способамъ, которые могущественный должникъ употребляетъ безнаказанно относительно слабаго кредитора" [3]). Если государство и думаетъ объ уплатѣ долговъ, то кредиторы не могутъ довѣрять достоинству выпускаемой имъ звонкой *монеты*. Въ теченіе одного XVIII вѣка правительство прибѣгало къ выгодному для него уменьшенію достоинства монеты 18 разъ [4]). Не меньше разстраивалось финансовое положеніе и отъ безрасчетливаго выпуска *ассигнацій*. Уже при Людовикѣ XIV, въ 1710 году, ихъ было выпущено на 344

---

[1]) Уже при Людовикѣ XIII стоимость продаваемыхъ должностей дошла до 200 м. франковъ. Въ 1610 году было *создано* до 4000 должностей. Продавались и грамоты на дворянство. Въ 1689 году министръ финансовъ Поншартренъ пустилъ множество этихъ патентовъ по 6000 фр. Чрезъ учрежденіе новыхъ продажныхъ должностей, онъ въ теченіе десяти лѣтъ (1689—1699 г.) добылъ 350 милліоновъ. Его преемникъ, Шамильяръ, въ теченіе 8 лѣтъ, получилъ для казны 604 милліона фр. Моро-де-Жонесъ, назв. соч., стр. 376 и слѣд.

[2]) Моро-де-Жонесъ, назв. соч., стр. 381.

[3]) Тэнъ, *L'ancien régime*, стр. 405.

[4]) Моро-де-Жонесъ, назв. соч., стр. 374.

милл. фр. (552 милл. по нынѣшнему курсу), что равнялось десятилѣтней сложности тогдашнихъ государственныхъ доходовъ [1]). Правительство регентства не отставало въ этомъ отношеніи отъ своихъ предшественниковъ.

Непоправимый ударъ государственному хозяйству былъ нанесенъ завоевательною политикою Людовика XIV, войны котораго поглощали большую долю всѣхъ рессурсовъ страны. Двѣ главныя изъ этихъ войнъ стоили странѣ до 4 *милліардовъ*, именно война 1688—1697 гг., закончившаяся Рисвикскимъ миромъ и состоявшая изъ десяти кампаній, стоила 1,340,466,000 фр. Война за испанское наслѣдство, кончившаяся Утрехтскимъ миромъ (1713) и продолжавшаяся 12 кампаній, стоила 2,524,660,000 фр. По смерти своей, Людовикъ XIV оставилъ 800 милліоновъ въ казнѣ и 3 милліарда долгу [2]). Безумныя операціи регентства, расточительное правленіе Людовика XV, слабое и нерасчетливое управленіе Людовика XVI довершили раззореніе страны. Существенно важно было и то обстоятельство, что, не смотря на всѣ обыкновенные и чрезвычайные рессурсы казны, дефицитъ въ государственной росписи росъ постоянно. Въ 1770 году онъ равнялся 70 милліонамъ, въ 1783 г.—восмидесяти. Въ 1788 году въ казнѣ оставалось до 400,000 фр., половину которыхъ присвоилъ себѣ министръ Ломени-де-Бріэннъ, выходя въ отставку.

При Людовикѣ XIV перспектива неизбѣжнаго и всеобщаго банкротства не произвела бы государственнаго переворота. Страна вынесла банкротства на два милліарда въ концѣ царствованія Людовика XIV, въ два новые милліарда при Ло, частныя банкротства подъ управленіемъ извѣстнаго Дю-Тэррэ. Но въ исходѣ XVIII вѣка, „третье сословіе“ не было уже немощнымъ и безгласнымъ кредиторомъ всемогущаго должника. Не только богатства его увеличились, средства вліянія сдѣлались обширнѣе, но и сознаніе его возросло, вслѣдствіе роста литературы, говорившей языкомъ доступнымъ, изящнымъ и смѣлымъ, трактовавшей обо всемъ и пріобрѣтавшей огромное вліяніе не только вопреки, но и благодаря цензурнымъ стѣсненіямъ.

Въ обществѣ, имѣющемъ серьезное участіе въ политической жизни, богатомъ опытомъ, пріобрѣтаемымъ ежедневно и передаваемымъ изъ рода въ родъ, абстрактныя и литературныя теоріи не могутъ имѣть рѣшающаго вліянія на ходъ дѣлъ. Всѣ теоріи, распространенныя на континентѣ Европы Вольтеромъ, Монтескьё, Руссо, энциклопедистами и всей фалангой французскихъ литераторовъ,

---

[1]) Моро-де-Жонесъ, стр. 382 и слѣд.
[2]) Тамъ же, стр. 386 и слѣд.

заимствованы изъ Англіи. Между тѣмъ именно здѣсь онѣ не имѣли практическаго результата. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что англійская аристократія и джентри, воспитанныя въ практической школѣ государственнаго управленія, допуская самую широкую свободу мнѣній, увлекаясь смѣлыми гипотезами, въ рѣшительныя минуты становятся на почву „добрыхъ законовъ", оставленныхъ имъ предками [1]).

Во Франціи общественные классы издавна не имѣли уже связей съ „государственной машиной". Обреченныя на невольный досугъ, старая аристократія, среднее сословіе, денежная знать жили въ томъ отвлеченномъ мірѣ идей, изъ котораго впослѣдствіи вышли неспособныя къ жизни конституціи революціоннаго періода. Не имѣя въ своихъ рукахъ никакой „части государственной машины", усматривая въ ней одни недостатки, они съ тѣмъ большимъ рвеніемъ отдавались логическому построенію новаго общества и новаго государства. Они нашли себѣ готовыхъ руководителей въ той плеядѣ великихъ литературныхъ талантовъ, которыми такъ богата Франція XVIII вѣка, подчинившая своему вліянію остальную Европу. Въ Англіи, съ ея стариннымъ представительнымъ устройствомъ и сильнымъ механизмомъ мѣстнаго управленія, печать и литература не играли первенствующей роли въ переворотахъ и распряхъ. Свобода печати была послѣднею изъ вольностей, пріобрѣтенныхъ этою страной; „объявленіе о правахъ" ни слова не упоминаетъ о ней.

Во Франціи, гдѣ послѣдніе остатки общественной жизни укрылись въ литературѣ и гдѣ возрождавшаяся мысль находила себѣ исходъ только въ литературныхъ произведеніяхъ, значеніе литераторовъ быстро возросло. Въ теченіе XVIII вѣка они сдѣлались силою, господство которой чувствовалось всюду, начиная отъ великосвѣтскихъ салоновъ, до скромныхъ уголковъ провинціи, гдѣ перечи-

---

[1]) „Они сами", справедливо замѣчаетъ Тэнъ, „люди общественные, участвующіе въ дѣлахъ, имѣющіе долю въ управленіи, наставляемые ежедневнымъ и личнымъ опытомъ. Практика предохранила ихъ отъ химеръ теоретиковъ; они сами испытали, какъ трудно вести и сдерживать людей. Управляя машиной, они знаютъ какъ она дѣйствуетъ, чего она стоитъ, и не увлекаются соблазномъ бросить ее, чтобы испытать другую, выдаваемую за лучшую, но которая существуетъ пока на бумагѣ. Баронетъ или сквайръ, отправляющій обязанности мирового судьи въ своемъ имѣніи, безъ труда разсмотритъ въ мѣстномъ пасторѣ необходимаго сотрудника и естественнаго союзника. Герцогъ или маркизъ, засѣдающій въ верхней палатѣ подлѣ епископовъ, нуждается въ ихъ голосахъ для проведенія билля и въ ихъ содѣйствіи, чтобы присоединить къ своей партіи 15,000 пасторовъ, располагающихъ сельскими голосами. Такимъ образомъ, каждый имѣетъ въ своихъ рукахъ какую либо часть государственной машины, большую или малую, главную или подчиненную, а это даетъ имъ серьезность, предусмотрительность и здравый смыслъ". Назв. соч., стр. 363 и слѣд.

тывались и комментировались произведенія Руссо, Мабли, Дидро и ихъ многочисленныхъ послѣдователей. Парижъ сдѣлался великимъ книжнымъ рынкомъ не только для Франціи, но и для всей Европы: годовой оборотъ парижской книжной торговли достигъ 45 милліоновъ фр., тогда какъ Лондонъ продавалъ книгъ на сумму вчетверо меньшую. Часть литературныхъ произведеній, не допущенныхъ къ печати и продажѣ французскою цензурою, проникала въ страну изъ-за границы и производила тѣмъ большее впечатлѣніе. Преслѣдованія, коимъ подвергались литераторы, усиливали ихъ популярность; двери знатнѣйшихъ домовъ открывались предъ писателемъ, за которымъ только что закрылись ворота Бастиліи. Распространенность и популярность французской литературы сдѣлали изъ нея новую связующую силу той „литературной республики“ (république des lettres), которая обнимала всѣ умственныя силы образованной Европы. Подобно настоящему государству, она имѣла своего видимаго главу. Ферней, мѣстопребываніе Вольтера, долгое время былъ умственнымъ Римомъ, изъ котораго исходили декреты, совѣты и предписанія, не только для адептовъ философской церкви, но и для правителей. Зарождавшаяся демократія нашла своего Петра-Пустынника—Ж. Ж. Руссо. Друзья умѣренной свободы, обезпеченной раздѣленіемъ властей, изучали *Духъ Законовъ* Монтескьё. Сдѣлавшіеся для всѣхъ ясными недостатки финансоваго управленія, тяжесть и неравномѣрность налоговъ, вредъ различныхъ феодальныхъ повинностей, бѣдствія крестьянъ и городскихъ рабочихъ, придаютъ особенный интересъ трудамъ „экономистовъ“ (названныхъ *физіократами*), произведеніямъ Кенэ, Тюрго, Мерсье де-ла Ривьера, Гурнэ и другихъ. Къ концу вѣка не осталось уже ни одной стороны общественной, церковной и государственной жизни, не изслѣдованной философами, экономистами, публицистами и литераторами, постепенно порвавшими умственную связь общества съ его прошлымъ.

Многочисленное судейское сословіе, парламентскіе совѣтники, адвокаты, низшая магистратура, денежная аристократія, зажиточный средній классъ, литераторы, таково ядро новой силы, называвшейся „третьимъ сословіемъ“ и готовившейся выступить въ качествѣ цѣлой націи. Это ядро быстро привлекаетъ къ себѣ части высшихъ и низшихъ классовъ. Новыя идеи дѣлаютъ завоеванія среди скептическаго духовенства, которое даетъ революціи Талейрана, Фуше, Грегуара, Сійеса и другихъ; онѣ проникаютъ въ аристократію, изъ рядовъ которой выйдутъ Мирабо, Лафайетъ, Ламеты, Кондорсэ, де-Ноайяль и другіе; тысячи мелкихъ торговцевъ, трактирщиковъ, неизвѣстныхъ адвокатовъ и ходатаевъ, прикащиковъ, подмастерьевъ, унтеръ-офице-

ровъ и отставныхъ солдатъ проводятъ эти идеи въ народныя массы и поведутъ послѣднія въ день революціи.

Но въ минуту великаго общественнаго переворота, и масса націи, и руководящіе классы нуждаются въ опредѣленномъ *нравственномъ знамени*, т.-е. въ совокупности принциповъ, во имя которыхъ разрушается старый порядокъ и полагаются основанія новому.

Свойства и источники этихъ началъ могутъ быть различны, но результаты ихъ одинаковы. Въ Англіи революція 1641 года была произведена во имя *религіозныхъ* началъ партіи, овладѣвшей ходомъ событій. Пуритане и индепенденты въ долгомъ парламентѣ занимали положеніе, соотвѣтствовавшее положенію жирондистовъ и монтаньяровъ въ конвентѣ. Но, въ отличіе отъ англійской революціи, переворотъ 1789 года совершился подъ вліяніемъ идей *философскихъ*. Библія была тѣмъ источникомъ, изъ котораго „святые" Оливера Кромвеля извлекали начала демократической республики и народовластія. Разумъ и естественное право были источниками для революціонеровъ 1789 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО.

I. Переворотъ, произведенный въ умахъ философіею XVIII вѣка, касался одинаково предметовъ религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ. Конечная цѣль, къ которой онъ стремился, состояла въ освобожденіи человѣчества во имя началъ разума, отождествленныхъ съ *законами природы*, отъ понятій, выработанныхъ историческимъ опытомъ народовъ, который представлялся собраніемъ „предразсудковъ". По существу своему, это направленіе было *противоисторическимъ*. Вызванное борьбою противъ злоупотребленій церкви и религіозною нетерпимостью, безправіемъ и произволомъ въ управленіи, тягостнымъ и, во многихъ отношеніяхъ, оскорбительнымъ неравенствомъ сословій, оно привело къ установленію началъ и системъ, противоположныхъ „искусственнымъ" (т.-е. историческимъ) принципамъ и учрежденіямъ отживающаго общества. *Естественная религія*, противопоставленная положительному и опирающемуся на внѣшній авторитетъ культу [1]); *естественная свобода* и *основанный на общемъ согласіи порядокъ*, противопоставленный сложной іерархіи

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о системахъ чистаго матеріализма и атеизма, имѣвшихъ лишь кратковременное значеніе въ эпоху революціи.

и авторитету существовавшихъ государствъ; *естественное равенство*, противопоставленное исторической организаціи сословій—таковы были важнѣйшіе симптомы „возвращенія къ природѣ", обнаружившіеся также и въ области искусствъ, поэзіи, модъ и нравовъ.

Ученіе о „естественномъ правѣ", или, точнѣе сказать, новое употребленіе, сдѣланное изъ понятія о естественномъ правѣ, и новый смыслъ, ему приданный, явились однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій политическаго переворота въ XVIII вѣкѣ. Въ ученіи римскихъ юристовъ jus naturae, jus naturale занимаетъ важное мѣсто. Оно разсматривается и какъ всеобщій законъ природы, управляющій одинаково всѣми живыми существами [1]), и какъ совокупность общихъ нравственныхъ велѣній, соблюдаемыхъ всѣми народами въ качествѣ праведнаго и справедливаго [2]). Исходя изъ единаго и равнаго для всѣхъ народовъ источника, велѣнія естественнаго закона *повсемѣстны*, ибо наблюденіе показываетъ намъ, что они соблюдаются всѣми народами; они *неизмѣнны*, ибо имѣли и будутъ имѣть силу во всѣ времена; наконецъ, они безусловно справедливы.

Но всеобщія велѣнія естественнаго права не противопоставляются законамъ права положительнаго въ качествѣ безусловныхъ требованій для законодателя. Народъ или законные его органы установляютъ законы, примѣняясь къ разнообразнымъ условіямъ мѣста и времени [3]). Нѣкоторыя изъ ихъ учрежденій сами по себѣ противорѣчатъ закону естественному. По *природѣ* всѣ люди равны [4]), но законъ положительный (jus civile) установляетъ *рабство* и, несмотря на противорѣчіе съ „природой", оно является институтомъ законнымъ. Но, съ одной стороны, начала естественнаго права по необходимости привходятъ въ положительное право, поскольку въ немъ выражается общее всѣмъ народамъ сознаніе праведнаго и справедливаго; съ другой стороны, особенныя понятія каждаго народа, выразившіяся въ его національномъ правѣ, постепенно расширяются и обобщаются подъ вліяніемъ сношеній съ другими народами.

Этотъ ростъ юридическаго сознанія представлялся римскимъ юристамъ не въ видѣ теоретической возможности, но въ качествѣ поло-

---

[1]) Jus naturale est, quod natura omnia animalia docuit, nam jus istud non humani generis proprium, sed omnium animalium, quae in terra, quae in mari nascuntur, avium quoque commune est.

[2]) Jus, quod naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur. Гай, I, 1. Или... uno modo, cum id, quod semper aequum ac bonum est, jus dicitur, ut est jus naturale.

[3]) Usu exigente et humanis necessitatibus.

[4]) Jure enim naturali ab initio omnes homines liberi nascebantur.

жительнаго факта. Распространеніе римскаго владычества въ Италіи и въ другихъ земляхъ, возникновеніе гражданскихъ отношеній съ народами, постепенно входившими въ составъ римскаго государства, приводили къ необходимости смягчать и видоизмѣнять строгія формы національнаго права. Юридическія понятія, содержавшіяся въ законахъ національнаго права, мало по малу освобождались изъ своихъ узкихъ формъ и получали новое выраженіе въ преторскихъ эдиктахъ, нормы которыхъ могли быть примѣнены къ цѣлому кругу народовъ. Чрезъ промежуточную ступень juris gentium, т.-е. обобщеній, вытекавшихъ изъ *положительныхъ* правъ разныхъ народовъ при ихъ взаимодѣйствіи въ гражданскомъ оборотѣ [1]), умъ римскаго юриста возвышался до пониманія общихъ, неизмѣнныхъ началъ права естественнаго. Они, въ свою очередь, помогали ему раскрывать общую природу юридическихъ отношеній, ихъ смыслъ и цѣль и приводить къ общимъ началамъ разнообразные юридическіе институты, не смотря на различіе ихъ формъ. Чрезъ это само римское право, въ конечномъ своемъ развитіи, сдѣлалось нѣкоторой scripta ratio, космополитическимъ правомъ, постепенно поглощавшимъ разнообразные институты отдѣльныхъ народовъ.

Ученіе о естественномъ правѣ было передано въ наслѣдство народамъ новой Европы. Въ теченіе среднихъ вѣковъ оно, ни въ значеніи, ни въ примѣненіи своемъ, не произвело коренныхъ перемѣнъ въ міросозерцаніи обществъ. Въ рукахъ французскихъ юристовъ римское право явилось, правда, боевымъ средствомъ противъ феодальныхъ „обычаевъ“, средствомъ объединенія права и утвержденія абсолютной власти королей. Знаменитые юристы, дѣйствовавшіе въ учредительномъ собраніи 1789 г. и съ безпощадною логикою проводившіе въ новыхъ учрежденіяхъ начала народнаго суверенитета, государственной централизаціи и гражданскаго равенства, были наслѣдниками легистовъ временъ Филиппа Красиваго и Филиппа Долгаго. Но революціонное *употребленіе*, сдѣланное изъ началъ естественнаго права въ XVIII вѣкѣ, обусловливалось нѣсколькими новыми понятіями, введенными въ ученіе объ этомъ правѣ.

Во-первыхъ, естественное право, въ новомъ своемъ видѣ, явилось не однимъ изъ элементовъ нравственно-юридическихъ велѣній, ко-

---

[1]) Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utuntur; nam quod quisque populus *ipse sibi jus* constituit, id ipsius proprium est vocaturque jus civile, quasi *jus proprium ipsius civitatis*; quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur. Гай. I. 1.

ими управляются общества и отдѣльныя лица, но самостоятельнымъ порядкомъ, противопоставленнымъ, въ видѣ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ требованій природы и разума, законамъ и учрежденіямъ положительнымъ, имѣющимъ право на существованіе постольку, поскольку они согласны съ правомъ естественнымъ.

Во-вторыхъ, естественное право, на коемъ основывается непремѣняемый порядокъ человѣческихъ отношеній, должно быть изучаемо не въ преходящихъ и измѣнчивыхъ учрежденіяхъ историческихъ обществъ, но въ томъ состояніи людей, которое *предшествовало* образованію народовъ и государствъ, т.-е. въ состояніи *естественномъ*. Гипотеза естественнаго состоянія, въ коемъ люди подчиняются непосредственно велѣніямъ природы и разума, сдѣлалась средствомъ выясненія правъ, принадлежащихъ человѣку, и орудіемъ критики положительныхъ учрежденій, „искажающихъ“ законы природы и велѣнія разума.

Гипотеза естественнаго состоянія неизбѣжно влекла за собою гипотезу происхожденія государства изъ *договора*, заключеннаго между людьми, рѣшившимися *оставить* естественное состояніе и перейти въ состояніе государственное. Содержаніемъ этого договора опредѣлялась цѣль государства и его отношеніе къ гражданамъ; взгляды на него, какъ мы увидимъ ниже, измѣнялись и были весьма различны. Но взгляды, усвоенные людьми революціи, заключались въ томъ, что государство учреждено для охраненія естественныхъ правъ человѣка, слѣдовательно, для нѣкотораго продолженія естественнаго состоянія, обезпеченнаго политическими формами.

Договорная теорія государства не была новостью, какъ въ фактическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. *Феодальный* порядокъ, отношенія между сюзереномъ и вассалами различныхъ степеней основывались въ дѣйствительности на двустороннемъ договорѣ, обязательномъ какъ для вассала, такъ и для сюзерена. Это и сообщало феодальнымъ отношеніямъ ихъ частно-гражданскій характеръ, устраненіе котораго сдѣлалось задачею новаго государства, развивавшагося вмѣстѣ съ королевскою властью. Затѣмъ въ бурную эпоху религіозныхъ войнъ, протестантскіе въ особенности писатели, защищавшіе религіозную и политическую свободу, основывали свою аргументацію на теоріи договора. Таково сочиненіе гугенота Губерта Лангѐ *Защита противъ тирановъ*.

Но въ теченіе двухъ столѣтій, предшествовавшихъ революціи, договорная теорія сдѣлалась какъ всеобщимъ *научнымъ* средствомъ для объясненія происхожденія государствъ, такъ и основаніемъ для новыхъ политическихъ и общественныхъ требованій. Она освободилась отъ началъ частнаго, средневѣковаго договора и была возве-

дена на степень всеобщаго, политическаго начала; изъ убѣжденій единичныхъ мыслителей и публицистовъ, она перешла въ общее сознаніе. Этотъ результатъ былъ данъ долгимъ процессомъ развитія философской и политической мысли, на главныхъ моментахъ котораго мы остановимся.

II. Отличительною чертою новой философіи является ея *субъективизмъ*. Всему нравственно-міровому порядку она предпослала идею человѣческой *личности*. Личность, какъ свободно нравственное существо, есть законченный, самъ въ себѣ замкнутый міръ—микрокосмъ. Свободный и самостоятельный духъ сознаетъ прежде всего *себя*. Всѣ впечатлѣнія, получаемыя нами извнѣ, все, чтó внушается намъ воспитаніемъ или приказаніемъ, не имѣетъ для насъ значенія истины, пока внутреннее сознаніе не убѣдитъ насъ въ достовѣрности получаемаго. Поэтому первое отношеніе личности къ окружающему ее есть отношеніе *отрицательное*—мы ничего не знаемъ достовѣрно и во всемъ сомнѣваемся (de omnibus dubito—Декарта). Первоначально мы знаемъ только о собственномъ бытіи, въ которомъ убѣждаетъ насъ наше сознаніе или, лучше сказать, фактъ нашего *мышленія*. Cogito ergo sum. Отсюда два послѣдствія: во-первыхъ, законы внѣшняго міра могутъ быть познаны только при помощи логическихъ формъ мышленія, во-вторыхъ, *необходимость* каждаго явленія можетъ быть признана только въ видѣ *логической* необходимости, т.-е. тогда, когда умъ не въ состояніи представить себѣ *противоположнаго*.

Но познающій духъ имѣетъ дѣло съ двумя категоріями явленій. Одни изъ нихъ относятся къ области предметнаго міра, и суть продуктъ внѣ насъ лежащей субстанціи—природы. Другія суть проявленія внутренней жизни субъективнаго духа. Предметный міръ живетъ своею самостоятельною жизнью; мы не можемъ измѣнить ея теченія и остаемся къ ней въ отношеніяхъ познающаго субъекта. Второй разрядъ явленій есть произведеніе нашего я или, по крайней мѣрѣ, предполагаетъ участіе нашей дѣятельности. Здѣсь мы можемъ критически относиться къ самому *бытію* явленій, утверждая или отрицая ихъ логическую необходимость. Такимъ образомъ, всѣ явленія духовно-нравственнаго міра должны быть объяснены началами человѣческаго *разума*. Послѣднія будутъ служить имъ единственнымъ основаніемъ и мѣрою ихъ годности. Вслѣдствіе этого система новой философіи, по своему методу и исходной точкѣ, получила названіе *раціональной*.

Къ сферѣ явленій второго порядка относится и *государство*. Первый вопросъ, который поставила и должна была поставить себѣ новая философія, былъ вопросъ: *необходимо ли государство?* Греческая философія не могла поставить такого вопроса, ибо она видѣла

въ государствѣ необходимую форму человѣческаго бытія. Новая философія отвергла *естественное* происхожденіе государства по той причинѣ, что человѣкъ можетъ *мыслить себя внѣ государства* (Шталь), т.-е., что государство не вытекаетъ съ логическою необходимостью изъ природы человѣка.

Если я могу мыслить себя внѣ государства, то послѣднее, очевидно, не можетъ быть основано на внѣшней необходимости. Основанія его должны быть *сверхъопытныя;* ихъ должно искать въ метафизическомъ началѣ *личной свободы*, которая (съ метафизической точки зрѣнія) есть возможность дѣйствовать по чистымъ (независимымъ отъ опыта) представленіямъ разума. Потребности этого отрицательнаго пріема удовлетворяла теорія *естественнаго состоянія* (status naturalis, état de la nature, Naturzustand). Люди, по ученію раціональной философіи, предварительно жили въ естественномъ состояніи, въ которомъ были предоставлены условіямъ своей природы. Если внѣобщественное состояніе было первою формою человѣческаго бытія, даннаго людямъ самою природой, то понятно, что они могли *выйти* изъ него только актомъ своей *воли*. Основаніемъ гражданскаго общества является воля людей, взаимное соглашеніе которыхъ создало государство. Эта основная мысль проходитъ чрезъ всѣ политическіе трактаты XVII и XVIII вѣковъ. „Общественный порядокъ“, говоритъ Руссо, „есть священное право, служащее основаніемъ всѣмъ другимъ правамъ. Но оно *не происходитъ отъ природы*; слѣдовательно, оно основано на *соглашеніяхъ* (sur des conventions); нужно узнать, каковы эти соглашенія“. Но всякій актъ воли предполагаетъ извѣстный *мотивъ*, *форму* и *цѣль* его совершенія. Въ объясненіи этихъ вопросовъ, представители договорной теоріи расходятся между собою весьма рѣзко.

Въ развитіи договорной теоріи, по содержанію разныхъ ея направленій, должно различать нѣсколько моментовъ, которые всѣ сводятся къ двумъ главнымъ эпохамъ ея развитія: 1)—время первыхъ учителей естественнаго права и 2) — время господства ученій, подготовившихъ французскую революцію и выразившихъ, впослѣдствіи, главныя ея стремленія.

Въ объясненіи *мотива* къ образованію общества, *первые* учители естественнаго права прибѣгали къ помощи основныхъ свойствъ и стремленій человѣческой природы, изъ которыхъ государство вытекало уже съ логическою необходимостью. Затѣмъ всѣ мотивы были сведены къ требованіямъ чистаго разума (Кантъ), независимо отъ внутреннихъ или внѣшнихъ побужденій человѣка. *Форма* государства могла получить различное опредѣленіе, смотря по взгляду на существо *свободы*. Во-первыхъ, свобода могла быть разсматриваема какъ

простое качество *воли* людей, создающихъ общество. Люди, существа свободныя, создаютъ государство, но этимъ актомъ и исчерпывается ихъ свобода; они, въ силу той же свободы, могутъ поставить надъ собою абсолютную власть, т.-е. отказаться отъ своей свободы въ пользу правителя (Гоббезъ, Спиноза). Во-вторыхъ, свобода является опредѣленіемъ самого *существа* человѣка, и послѣдній не можетъ отказаться отъ своей свободы, не отказавшись, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ человѣческаго достоинства. *Свобода неотчуждаема* и должна быть сохранена въ общественномъ состояніи (Руссо). *Цѣль* общежитія опредѣляется столь же различно. Теорія общественнаго договора, выводя человѣка изъ естественнаго состоянія, подчиняла его руководству власти, осуществляющей его благополучіе во всѣхъ отношеніяхъ земного бытія; она являлась теоріею государственнаго всемогущества, такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма (Томазій, Вольфъ). Съ другой стороны, въ силу иного воззрѣнія, человѣкъ вступалъ въ общество для спокойнаго и безпрепятственнаго пользованія своими способностями, и потому назначеніе государствъ состоитъ въ охраненіи правъ, принадлежащихъ каждому (Локкъ. В. Гумбольдтъ, Кантъ).

Явившись первоначально въ качествѣ общей теоріи государства, безъ предпочтенія къ какой либо одной его формѣ, естественное право, во второмъ періодѣ его развитія, явилось основаніемъ либеральныхъ и конституціонныхъ доктринъ, получившихъ краткое, но мощное выраженіе въ знаменитой „декларацiи правъ человѣка и гражданина“ 1789 года. Принципъ *личной свободы*, въ первый періодъ развитія этого ученія служившій для внѣшняго объясненія перехода людей изъ состоянія естественнаго въ государственное, въ XVIII столѣтіи былъ признанъ *принципомъ государственнаго устройства* и какъ бы его *цѣлью*. Ближайшее разсмотрѣніе договорной теоріи покажетъ намъ подробности этого процесса.

III. Почему люди *вышли* изъ естественнаго состоянія (мотивъ)? Разрѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ взгляда отдѣльныхъ мыслителей на существо естественнаго состоянія, т. е. на положеніе человѣка *внѣ государства*. Внѣ государства человѣкъ предоставленъ своимъ естественнымъ влеченіямъ, т.-е. самому себѣ. Если человѣкъ *по природѣ* своей *не есть* существо политическое, то государственное состояніе, очевидно, результатъ *искусства*, нѣкоторое *изобрѣтеніе*, которое, въ свою очередь, могло быть вызвано или *внѣшними обстоятельствами*, давшими новое направленіе человѣческимъ стремленіямъ, или чистыми требованіями разума. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ государство является результатомъ *разсудочной* дѣятельности человѣка, который какъ бы пошелъ *противъ* собственной своей природы.

Этотъ взглядъ на возникновеніе государства присущъ даже Гроцію,

не смотря на то, что онъ признаетъ *общежительную* природу человѣка (appetitus societatis). Между тѣмъ какъ Аристотель признаетъ человѣка существомъ политическимъ въ томъ смыслѣ, что онъ по природѣ своей *предназначенъ* для государства, Гроцій принимаетъ свой appetitus societatis для опредѣленія характера *внѣгосударственнаго* состоянія. Человѣкъ общежителенъ по природѣ въ томъ смыслѣ, что ему врождено естественное влеченіе и симпатія къ другимъ. Поэтому естественное состояніе первоначально и само по себѣ есть состояніе мира и, такъ сказать, невинности. У первобытныхъ людей все было общее, и всѣ жили въ согласіи. Но развитіе потребностей, богатствъ, роскоши, поселило между людьми раздоры; право не могло уже держаться само собою. Явилась потребность въ искусственномъ установленіи, которое бы возстановило первобытную гармонію, дало бы возможность людямъ жить вмѣстѣ. Такимъ установленіемъ и явилось государство.

Стоило измѣнить первую посылку—и всѣ послѣдствія измѣнялись сами собою. Гоббезъ [1]) отбросилъ установившееся вѣками представленіе объ общежительной природѣ человѣка. Поэтому въ его ученіи теорія *контракта* является въ особенно рѣзкомъ видѣ и самый контрактъ получаетъ иное содержаніе. Ходъ его разсужденій, въ короткихъ чертахъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Человѣкъ, по природѣ своей, есть существо чувственное; онъ стремится къ тому, что́ можетъ доставить ему удовольствіе, и избѣгаетъ того, что́ влечетъ за собою страданіе и составляетъ препятствіе къ удовольствію. Стремленіе къ удовольствію и пользованіе всѣмъ, что́ его доставляетъ, есть *естественное право* человѣка. Но въ первобытномъ состояніи, при отсутствіи различія между моимъ и твоимъ, опредѣленномъ гражданскими законами, естественное право каждаго простирается *на все*, что́ только можетъ служить его потребностямъ. Такимъ образомъ, здѣсь *каждый имѣетъ право на все*, и право это имѣетъ не формальное только значеніе, въ смыслѣ отвлеченной возможности дѣлать все, что́ согласно съ нашими интересами, но *матеріальное*, въ смыслѣ возможности фактической. Одни люди сильнѣе другихъ физически; но другіе превосходятъ ихъ ловкостью, хитростью, разумомъ. Естественныя силы уравновѣшиваются, и каждый дѣйствуетъ по мѣрѣ своихъ силъ физическихъ или нравственныхъ. Отсюда вытекаетъ прямое послѣдствіе права всѣхъ на все: *война всѣхъ противъ всѣхъ* (bellum om-

---

[1]) Родился въ 1588 г. въ Мальмсбери. Видный представитель сенсуалистической философіи и горячій сторонникъ Стюартовъ. Въ 1641 году бѣжалъ во Францію и здѣсь написалъ свои *Elementa philosophica de cive*, которыя, вмѣстѣ съ изданнымъ потомъ *Левіаѳаномъ*, содержатъ въ себѣ его политическое ученіе. Умеръ въ 1679 году.

nium contra omnes), т.-е. состояніе полнаго безправія и насилія. Въ состояніи такой войны, человѣкъ вовсе не имѣетъ симпатій къ другимъ людямъ; напротивъ, онъ видитъ въ нихъ естественныхъ соперниковъ и относится къ нимъ съ чувствомъ *страха* (homo homini lupus). И такъ, естественное состояніе есть состояніе вражды и страха. Человѣкъ съ самаго начала ищетъ изъ него выхода. Въ своемъ сознаніи онъ находитъ принципы, ограничивающіе жестокое примѣненіе „естественнаго права". Совокупность ихъ составляетъ естественный законъ, *являющійся*, такимъ образомъ, ограниченіемъ первоначальнаго права человѣка. Первое изъ этихъ правилъ гласитъ: *должно искать мира*—правило естественное въ состояніи вѣчной войны. Но миръ установляется соглашеніемъ, договоромъ, въ силу котораго люди обязуются соблюдать взаимныя права. Первое условіе мира: *договоры должны быть соблюдаемы*. Гоббезъ насчитываетъ множество такихъ естественныхъ законовъ, перемѣшивая правила нравственности съ правилами юридическими. Но естественный законъ не имѣетъ твердости внѣ государства. Исполненіе его обезпечивается частнымъ соглашеніемъ, которое всегда можетъ быть устранено. Для установленія прочнаго мира необходимо *государство*, которое бы установило границы между правами всѣхъ и обезпечивало бы ихъ общею силою. Процессъ образованія государства состоитъ въ томъ, что люди отказываются отъ своего естественнаго права и переносятъ всю свою власть на правителя, который и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ *абсолютную* власть надъ подданными. Государство, вслѣдствіе подчиненія всѣхъ единой власти, является единымъ лицомъ, котораго воля почитается за волю всѣхъ и каждаго. Civitas est persona una, cujus voluntas, ex pactis plurium composita, pro voluntate habetur ipsorum hominum, ut singularum viribus et facultatibus uti posset ad pacem et defensionem communam.

Тотъ же взглядъ на естественное право и на происхожденіе государства высказываетъ и Спиноза[1]). Естественное право, въ его ученіи, тождественно съ законами природы. Оно является ничѣмъ инымъ какъ *мощью*, силою, дѣйствіе которой простирается настолько, насколько великъ ея размѣръ. Большія рыбы пожираютъ малыхъ; сильные владѣютъ слабыми; таковъ законъ природы, таковъ и законъ естественный. Поэтому картина „естественнаго состоянія", представляемая Спинозой, въ существѣ та же, что̀ нарисована Гоббезомъ. Но въ ученіи Спинозы реакція противъ такого естественнаго права

---

[1]) Род. въ 1632, ум. въ 1677 г. Мысли его о государствѣ изложены въ *Tractatus theologico-politicus* (1670 г.) и въ изданномъ по смерти его *Tractatus politicus*.

идетъ отъ *разума*, чрезъ который люди мало по малу убѣждаются въ выгодахъ общежитія. Естественное право, не смотря на формальную его безграничность, въ первобытномъ состояніи является ничтожнымъ, ибо, въ дѣйствительности, никто не обезпеченъ въ своемъ существованіи и въ пользованіи своими силами. Напротивъ, въ соединеніи съ другими людьми, человѣкъ увеличиваетъ свои силы, а слѣдовательно, и свое право. Государство образуется путемъ договора, въ силу котораго люди установляютъ надъ собою власть, и власть эта, также какъ въ ученіи Гоббеза, является абсолютною.

Итакъ, естественное состояніе признавалось какъ бы затѣмъ, чтобы осудить его. Сенсуалистъ Гоббезъ сходится въ этомъ отношеніи съ знаменитымъ духовнымъ ораторомъ Боссюэтомъ [1]). Внѣгосударственное состояніе, въ глазахъ послѣдняго, есть состояніе безправія; право и порядокъ установляются прекращеніемъ естественной свободы и установленіемъ крѣпкой власти. „Суверенитетъ", говоритъ онъ, „происходитъ отъ уступки (de la cession), сдѣланной частными лицами, когда *утомленныя* состояніемъ, гдѣ господиномъ были всѣ и никто, они дали себя убѣдить *отказаться* отъ этого права, производящаго всеобщее смятеніе, и отъ этой свободы, заставляющей всѣхъ опасаться всего, въ пользу условленнаго правительства. Въ естественномъ состояніи,—продолжаетъ онъ,—нѣтъ народа. Въ немъ, конечно, могутъ быть семьи и еще дурно управляемыя и плохо обезпеченныя; въ немъ можетъ быть собраніе лицъ, нестройная толпа, но не можетъ быть народа, ибо народъ предполагаетъ нѣчто связующее, нѣкоторый порядокъ дѣйствія и какое нибудь установленное право".

Государственный абсолютизмъ былъ прямымъ послѣдствіемъ такого воззрѣнія на естественное состояніе. Государственное состояніе, съ точки зрѣнія Гоббеза, есть противоположеніе состоянію естественному и его отрицаніе. Человѣкъ, вступая въ государственный союзъ, *отказывается* отъ своей естественной свободы въ обмѣнъ на безопасность, обезпечиваемую всесильною властью. Но дѣйствительно ли естественное состояніе представляетъ такую картину? Дѣйствительно ли люди не имѣютъ въ немъ никакихъ нравственныхъ и юридическихъ понятій? Дѣйствительно ли они переходятъ въ состояніе государственное подъ вліяніемъ страха и за безопасность отчуждаютъ навѣки свою свободу?

---

[1]) Jacques Bénigne Bossuet, знаменитый французскій проповѣдникъ и богословъ, род. въ 1627, ум. въ 1704 г. Взгляды его на государство изложены гл. обр. въ *Политикѣ, извлеченной изъ собственныхъ словъ св. Писанія* (*Politique tirée de l'Ecriture Sainte*).

Современникъ второй англійской революціи, Локкъ[1]), отвергъ положенія Гоббеза. По ученію его, люди, уже въ естественномъ состояніи, имѣютъ сознаніе права, понятія о правахъ личности и собственности. Право собственности есть право естественное; оно возникаетъ изъ начала труда, является правомъ человѣка на участокъ земли, который онъ обработываетъ, и на всѣ произведенія его труда. Поэтому люди, въ естественномъ состояніи, не имѣютъ права на все; они не могутъ установить и абсолютной власти, ибо никто не можетъ передать другому больше правъ, чѣмъ имѣетъ ихъ самъ. Государственная власть является условіемъ лучшаго обезпеченія правъ, которыя люди имѣютъ уже въ естественномъ состояніи. Ученіе Локка, возникшее на практической почвѣ борьбы англійскаго парламента съ королевскою прерогативою, явилось важнымъ источникомъ для либеральныхъ ученій, развившихся на континентѣ Европы въ концѣ XVIII столѣтія. Общій смыслъ этихъ ученій состоитъ въ томъ, что люди имѣютъ *естественныя*, прирожденныя права, съ которыми они и вступаютъ въ государство ради лучшаго ихъ огражденія. Но ученіе о *неотчуждаемости свободы* возведено на небывалую до тѣхъ поръ теоретическую высоту Ж. Ж. Руссо. Между тѣмъ, какъ Аристотель начинаетъ свою политику афоризмомъ, что „человѣкъ есть существо политическое", Руссо начинаетъ свой трактатъ *Объ общественномъ договорѣ* словами: *человѣкъ рождается свободнымъ.* Отъ этого аттрибута своей природы человѣкъ не можетъ отказаться никогда и ни въ какомъ случаѣ. Естественное состояніе, въ которомъ Гоббезъ и Боссюэтъ видѣли только безпорядокъ и смятеніе, въ глазахъ Руссо является состояніемъ идеальнымъ. Въ своей рѣчи „о происхожденіи неравенства между людьми" онъ противопоставляетъ благороднаго и свободнаго дикаря современному человѣку, испорченному цивилизаціею и установленіями гражданскаго порядка. Естественная свобода остается для Руссо идеаломъ, который долженъ быть осуществленъ и въ гражданскомъ обществѣ. Но почему же люди вышли изъ естественнаго состоянія? Почему явилась необходимость въ „общественномъ договорѣ".

Руссо не даетъ категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но изъ одного мѣста его *Contrat social* можно видѣть, что онъ ищетъ

---

[1]) John Locke, род. въ 1632, ум. въ 1704 г. Знаменитъ въ особенности своимъ философскимъ трудомъ *Опытъ о человѣческомъ сознаніи* (*Essay concerning human understanding*, изд. въ 1690 г.), выдержавшимъ множество изданій. Сторонникъ вигскихъ идей, онъ съ 1683 года жилъ въ изгнаніи (въ Голландіи), откуда онъ возвратился только въ 1689 году. Главное политическое сочиненіе его, написанное въ защиту переворота 1688 г. и послужившее руководствомъ для Монтескьё, называется: *Два трактата о правительствѣ.*

объясненія этого перехода во *внѣшнихъ* обстоятельствахъ, препятствовавшихъ людямъ довольствоваться своими силами для обезпеченія своего существованія (самосохраненія). „Я *предполагаю*", говоритъ онъ, „людей, дошедшими до такого момента, когда *препятствія*, вредныя для ихъ сохраненія въ естественномъ состояніи, своимъ сопротивленіемъ превышаютъ силы, которыя каждый недѣлимый можетъ употребить, чтобы удержаться въ этомъ состояніи. Тогда первобытное состояніе не можетъ продолжаться; человѣческій родъ погибъ бы, не измѣнивъ образа жизни".

Что̀ же случилось? Какія неожиданныя препятствія встрѣтились дикарямъ? Это остается безъ отвѣта или на степени простого „предположенія". Гораздо опредѣленнѣе высказывается въ этомъ отношеніи Кантъ (1724—1804) [1]).

Кантъ, какъ извѣстно, видитъ въ правѣ совокупность условій, при которыхъ произволъ одного совмѣщается съ произволомъ другого по всеобщему закону свободы. Всеобщій принципъ права опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „дѣйствуй внѣшнимъ образомъ такъ, чтобы свободное употребленіе твоего произвола (Willkür) могло быть совмѣщено съ свободою каждаго по всеобщему закону". Поэтому право является условіемъ *сосуществованія* людей, опредѣляющимъ порядокъ ихъ *внѣшнихъ* дѣйствій. Оно выражается въ совокупности обязательныхъ нормъ, сила которыхъ можетъ быть поддержана *внѣшнимъ принужденіемъ*. Правовой порядокъ установляется только въ государствѣ. Естественное состояніе не есть состояніе *неправды* (status injustus), но *отсутствія права* (status justitia vacuus). Всякое юридическое дѣйствіе и пріобрѣтеніе основывается тамъ на чисто *субъективныхъ* юридическихъ понятіяхъ каждаго, а потому имѣетъ случайный, временный (провизорный) характеръ, ибо ему недостаетъ *внѣшней* и всеобщей *санкціи*.

Поэтому необходимость гражданскаго состоянія опредѣляется *a priori*. Не *фактъ* злого дѣянія, а необходимость сопротивленія ему приводитъ къ юридическому порядку. Мы можемъ даже предположить людей по природѣ своей добрыми и любящими правду. Но въ разумной идеѣ такого (не юридическаго) состоянія a priori заключается предположеніе, что до установленія общественно-законнаго состоянія, отдѣльные люди, народы и государства никогда не были обезпечены отъ насильственныхъ дѣйствій другихъ, изъ коихъ каждый дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, независимо отъ мнѣнія про-

---

[1]) Идеи Канта излагаются здѣсь для общей связи, хотя онѣ не имѣли вліянія на французскую революцію, совершившуюся за восемь лѣтъ до того, какъ онъ издалъ свои метафизическія основы правоученія.

чихъ. Отсюда вытекаетъ начало: должно выйти изъ естественнаго состоянія, въ которомъ каждый поступаетъ по-своему, и соединиться со всѣми другими въ подчиненіи общественному, законному и внѣшнему принужденію (Zwang), слѣдовательно, вступить въ состояніе, въ которомъ то, что должно быть признано за каждымъ въ качествѣ своего, опредѣляется закономъ и обезпечивается достаточною внѣшнею силою.

И такъ, государственное состояніе есть апріорное требованіе *разума*. Въ ученіи Канта исчезаютъ историческіе и психологическіе мотивы общежитія, слѣды которыхъ еще имѣются у прежнихъ учителей естественнаго права. Необходимость фактическаго договора устраняется. Но идеи Канта, проложившія путь теоріямъ Фихте и Гегеля, не были идеями людей 1789 года, въ понятіяхъ которыхъ законны были единственно учрежденія, основанныя на *дѣйствительномъ* общественномъ договорѣ.

IV. Государство основывается *договоромъ*. Но каково содержаніе этого договора? Утвержденіе, что договоръ есть актъ *свободной воли* человѣка, какъ мы видѣли, еще ничего не доказываетъ. Въ силу своей свободы, человѣкъ можетъ отказаться отъ свободы. Гроцій доказываетъ, что если отдѣльному человѣку дозволено продавать себя въ рабство, то и цѣлый народъ можетъ сдѣлать то же. Гоббезъ основываетъ государственный абсолютизмъ на основномъ мотивѣ общественнаго договора. Люди, въ своемъ стремленіи къ безопасности, отказываются отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу верховной власти. Послѣдняя одна остается въ „естественномъ состояніи“, т.-е. имѣетъ право на все. Границы этого всемогущества чисто естественныя: сила властителя останавливается тамъ, гдѣ подданный предпочитаетъ смерть повиновенію. Въ ученіи Спинозы предѣлы власти опредѣляются ея силою, т.-е. такъ же, какъ и право отдѣльнаго человѣка въ естественномъ состояніи. Есть вещи, которыхъ никакая власть не можетъ предписать, ни вынудить ихъ исполненія. Въ эту область входитъ и религія. Спиноза является горячимъ защитникомъ свободы совѣсти и мысли, но не въ силу началъ позднѣйшаго „естественнаго права“.

Теорія государственнаго абсолютизма не только не противорѣчила общему направленію политической философіи, но вполнѣ соотвѣтствовала духу времени. Нужно припомнить, что на континентѣ Европы королевская власть создала государство, что отъ ея дѣятельности ожидали полнаго преобразованія общества и осуществленія всѣхъ великихъ народныхъ задачъ. Полицейское государство нашло своихъ теоретиковъ и философовъ въ разныхъ странахъ Европы. Въ Гер-

маніи представителями этого направленія были: Христіанъ Томазій и Вольфъ.

Томазій (1655—1728 г.) былъ сыномъ реформаціи въ томъ смыслѣ, что онъ тщательно отдѣлялъ церковь отъ государства и отстаивалъ свободу церкви. „Христіанская церковь“, говорилъ онъ, „не имѣетъ ничего общаго съ свѣтскимъ государствомъ, и поэтому никакая форма свѣтской администраціи не можетъ быть примѣнена къ церкви, потому что она есть общество, которое должно состоять изъ проповѣдниковъ и слушателей“... „Должность проповѣдника требуетъ любви и не можетъ быть отправляема при помощи принужденія... Гражданское общество не установлено для богослуженія, не изобрѣло его и не употребляетъ его какъ орудіе для управленія подданными“. Но, отдѣляя государство отъ церкви, даже сферу юридическую отъ нравственной, учители естественнаго права оставляли въ полномъ обладаніи государства всѣ *земныя* цѣли, осуществленіе которыхъ приводитъ къ *земному благополучію.* Цѣль государства, по ученію Томазія, состоитъ въ двухъ предметахъ. Во-первыхъ, въ гражданскомъ благополучіи (bürgerliche Glückseligkeit), которое имѣетъ въ виду благо не отдѣльнаго человѣка, а цѣлаго народа; нужно, говоритъ Томазій, дѣлать то, что́ продолжаетъ человѣческую жизнь и дѣлаетъ ее счастливою, устранять то, что́ приводитъ къ несчастью и смерти. Это—*первая* цѣль государства, которую Томазій называетъ *эвдемоніей.* Но для достиженія этой цѣли необходимо довольство во внѣшнихъ благахъ и предметахъ. Это—добавочная цѣль государства—*антаркія.* Государство „есть общество естественное, заключающее въ себѣ высшее господство ради довольства и гражданскаго благополучія“.

Въ системѣ Вольфа (1679—1754 г.) теорія благополучія имѣетъ болѣе широкое основаніе. Кореннымъ началомъ его общественной философіи является понятіе *совершенствованія.* „Совершенствуйся и способствуй усовершенствованію другихъ“—вотъ первое предписаніе закона нравственнаго и естественнаго. Оно служитъ основаніемъ одинаково и *правъ* и *обязанностей* человѣка. Человѣкъ, въ силу самой своей природы, обязывается къ дѣйствіямъ, служащимъ къ совершенству какъ его самого, такъ и другихъ. Обязанности и возникающія изъ нихъ права могутъ быть разсматриваемы, во-первыхъ, по отношенію человѣка къ самому себѣ, во-вторыхъ, по отношенію къ другимъ. По отношенію къ себѣ, человѣкъ долженъ заботиться о совершенствованіи своего духа, тѣла и внѣшняго положенія. Отсюда возникаютъ такъ называемыя *права личности,* которыя Вольфъ разсматриваетъ очень подробно. На первомъ планѣ поставлено *право труда,* потому что безъ труда не возможно совершенствованіе. Трудъ есть и право, и обязанность; праздность есть неправда. Но человѣкъ

не можетъ самъ достигнуть благополучія. Онъ нуждается въ помощи другихъ и самъ долженъ содѣйствовать другимъ. Этотъ недостатокъ единичныхъ и даже семейныхъ силъ побуждаетъ людей составить государство. Цѣль послѣдняго—общее благополучіе и безопасность или, какъ выражается Вольфъ, vitae sufficientia, tranquillitas et securitas. Границы государственной власти совпадаютъ съ этою цѣлью. Граждане должны ограничивать свою свободу, насколько этого требуетъ государственное благосостояніе. Но чего требуетъ общее благо, и гдѣ граница государственной власти? Этого Вольфъ не опредѣляетъ и едва ли могъ опредѣлить. Философское понятіе свободы личности падаетъ предъ матеріальнымъ недостаткомъ единичныхъ силъ для цѣли совершенствованія и переходитъ въ теорію *просвѣщеннаго абсолютизма*.

V. Съ принципами „просвѣщеннаго абсолютизма" мы встрѣчаемся въ періодѣ развитія государства, когда государственная власть беретъ на себя содѣйствіе общему благосостоянію, вторгаясь во всѣ сферы общественной жизни, преимущественно въ сферу экономическую. Она, для поддержанія своей финансовой выгоды, прибѣгаетъ къ запретительнымъ мѣрамъ, изобрѣтаетъ систему меркантильную, систему торговаго баланса, регламентируетъ промышленность, поощряетъ земледѣліе, беретъ на себя починъ въ разныхъ національныхъ предпріятіяхъ. Она, въ теченіе долгаго времени, является предметомъ всѣхъ надеждъ. Во Франціи, незадолго до революціи, весьма вліятельная школа экономистовъ ожидала великихъ общественныхъ реформъ отъ всемогущей власти. „Замѣчательно", говоритъ Токвиль, „что изъ всѣхъ идей и стремленій, подготовившихъ революцію, любовь къ политической свободѣ, въ собственномъ смыслѣ, появилась послѣ всѣхъ и исчезла прежде другихъ. Французы хотѣли реформъ прежде свободы. И для этихъ реформъ они требовали обширныхъ правъ для центральной власти".

Поле для реформъ открывалось безграничное. Сословный строй, задерживавшій мѣры государственной власти на пользу низшихъ классовъ и для цѣлей общаго благополучія; многочисленныя монополіи, повинности и оброки, стѣснявшіе свободу промысловъ, собственности и труда всѣхъ родовъ; религіозная нетерпимость, обрекавшая значительную часть населенія на безправіе и лишавшая ее защиты законовъ; устарѣлыя формы судопроизводства, жестокость слѣдственнаго процесса съ его пытками и неменьшая жестокость наказаній, примѣняемыхъ судомъ; несправедливая и обременительная система налоговъ; бѣдствія неимущихъ классовъ, невѣжество массъ,—все это сдѣлалось предметомъ изслѣдованій, все давало обильную пищу страстной проповѣди, насмѣшкѣ, направленной на

„предразсудки“, памфлету, раскрывавшему злоупотребленія. Экономическія розысканія и теоріи *физіократовъ*, анти-церковная проповѣдь Вольтера и энциклопедистовъ, критика уголовныхъ законовъ и системы наказаній Беккаріи и Монтескьё, образовали то, что́ мы называемъ „просвѣщеніемъ XVIII вѣка“, которое нашло себѣ выраженіе на первый разъ въ такъ называемомъ „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“.

Духъ реформы коренной, направленной противъ остатковъ феодальнаго общественнаго строя и руководимой началами „разума“, „естественныхъ законовъ“, „голосомъ природы“, охватилъ почти всѣ страны Европы. Въ каждомъ почти государствѣ появился государь или всемощный министръ, въ большей или меньшей степени служившій идеямъ вѣка и стремившійся посредствомъ законовъ обновить общественный порядокъ. Имена: Екатерины II въ Россіи, Іосифа II въ Австріи, Фридриха II въ Пруссіи, Тануччи въ Неаполѣ, Аранды въ Испаніи, Помбаля въ Португаліи, Струэнзе въ Даніи, указываютъ на общее направленіе вѣка.

Но „просвѣщеніе XVIII столѣтія“ не могло найти себѣ полнаго выраженія въ преобразовательныхъ попыткахъ государей и министровъ. Хотя они и руководились идеями естественныхъ законовъ и естественнаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не могли не считаться съ практическими препятствіями, которыя встрѣчались имъ на каждомъ шагу со стороны сословій, церкви, старыхъ корпорацій, провинцій и т. д. Активное или пассивное сопротивленіе ихъ часто обращали въ ничто самыя смѣлыя реформы, какъ это случилось съ преобразованіями Іосифа II въ Австріи или съ попытками Тюрго во Франціи.

Въ другихъ мѣстахъ реформа держалась личностью преобразователей, и со смертью или съ паденіемъ послѣднихъ наступала неизбѣжная реакція. Въ Испаніи, послѣ паденія просвѣщеннаго министра Карла III (1759 — 1788), Аранды (1773), восторжествовала клерикальная реакція, а при новомъ королѣ, Карлѣ IV (1788—1808), страна дошла до полнаго упадка. Въ Пруссіи, послѣ Фридриха II (1740 — 1786), король Фридрихъ-Вильгельмъ II (1786 — 1797) подпалъ подъ вліяніе фаворитокъ, подобныхъ г-жѣ Рицъ, и любимцевъ, подобныхъ Бишофсвердеру и Вельнеру, и открылъ эпоху мистической реакціи, подавившей всякую внутреннюю свободу. Сверхъ того, дѣйствія „просвѣщеннаго абсолютизма“ обыкновенно не сходились съ его теоретическими принципами. Какъ ни благодѣтельны были преобразованія Фридриха II, равныя его заслугамъ по упроченію внѣшняго могущества государства, но бюрократическія и военныя формы управленія, имъ развитыя, его собственный повелительный характеръ, излишнее пристрастіе ко всему иноземному (т.-е.

французскому), тяжесть налоговъ (особенно акцизовъ), сдѣлало то, что первое время правленія Фридриха-Вильгельма II было привѣтствовано какъ начало лучшихъ временъ [1]). Наконецъ просвѣщенный абсолютизмъ не могъ удовлетворить стремленіямъ европейскихъ обществъ и потому, что со второй половины XVIII столѣтія *политическая свобода* дѣлается не только предметомъ всеобщихъ стремленій, но и возводится въ догматъ чрезъ ученіе Руссо, завоевавшаго себѣ почти безраздѣльное господство надъ умами.

VI. Для пониманія глубокаго переворота, произведеннаго этимъ ученіемъ, и послѣдствій его необходимо имѣть въ виду главное положеніе женевскаго философа, положеніе, отличающее его отъ всѣхъ прежнихъ системъ естественнаго права. Положеніе это, какъ мы видѣли выше, состоитъ въ томъ, что *свобода неотчуждаема*. Опровергая Гроція, доказывавшаго, что если отдѣльное лицо можетъ отдать себя въ рабство другому, то цѣлый народъ имѣетъ право на отчужденіе своей свободы въ пользу монарха, Руссо прежде всего останавливается на значеніи слова отчуждать (aliéner). „Отчуждать", говоритъ онъ, „значитъ отдавать или продавать". Отдѣльный человѣкъ, дѣлаясь рабомъ другого, не отдаетъ себя, но продаетъ за средства къ пропитанію (pour sa subsistance). Другими словами, онъ получаетъ извѣстный *эквивалентъ* за проданное благо. Народъ такого эквивалента не получаетъ и получить не можетъ. Затѣмъ, если каждый можетъ отдать *себя*, то онъ не можетъ располагать своими дѣтьми, которыя рождаются неизбѣжно людьми свободными. „Отказаться отъ своей свободы, значитъ отказаться отъ качества человѣка (à sa qualité d'homme), отъ правъ человѣчества, даже отъ своихъ обязанностей. Нѣтъ возможнаго вознагражденія для того, кто отказывается отъ всего". Наконецъ, народъ, прежде чѣмъ отдать себя кому бы то ни было, долженъ сдѣлаться *народомъ*, а таковымъ онъ становится въ силу *общественнаго договора* (pacte social), содержаніе и природа котораго предопредѣляютъ форму союза, учреждаемаго народомъ [2]).

Если свобода *неотчуждаема*, то естественное состояніе должно *продолжаться* и послѣ соединенія людей въ государство. Мы видѣли, что Руссо не объясняетъ, вслѣдствіе какихъ причинъ люди оставили состояніе естественной свободы, столь привлекательнаго автору рѣчи о „происхожденіи неравенства между людьми". Но цѣлью *договора*, учреждающаго государство, является охраненіе общими силами правъ естественной свободы. Люди, приступающіе къ учрежденію государ-

---

[1]) См. Филиппсонъ, *Geschichte des preussischen Staatswesens*, etc., I, стр. 92 и слѣд., изд. 1880.

[2]) *Du contrat social*; кн. I, гл. IV и V.

ства, ставятъ себѣ для разрѣшенія слѣдующую задачу: „Найти форму союза, которая бы защищала и покровительствовала общею силою личность и имущество каждаго, и чрезъ которую каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы только себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ и прежде“.

Мы не будемъ разсматривать, какъ самъ Руссо разрѣшилъ эту задачу и какъ онъ создалъ теорію народнаго суверенитета, послужившую основаніемъ республиканскому деспотизму конвента [1]). Содержаніе первоначальнаго договора могло быть опредѣлено актомъ народной воли, лишь бы оно не противорѣчило коренному его принципу: равенству условій для всѣхъ его участниковъ.

Но какъ возвратиться къ началамъ „общественнаго договора“ въ условіяхъ обществъ, жившихъ въ вѣковыхъ формахъ государственнаго устройства, привыкшихъ къ сословнымъ различіямъ, къ власти аристократіи и духовенства, къ суверенитету королей и къ учрежденіямъ, которыхъ начало терялось въ глубинѣ среднихъ вѣковъ? Вопросъ этотъ представлялъ въ умахъ людей XVIII столѣтія двѣ стороны: отрицательную и положительную. Историческія учрежденія монархіи и аристократіи, церкви и старыхъ корпорацій, провинцій и городовъ одинаково отступаютъ отъ началъ естественнаго права, одинаково являются плодомъ обмана и насилія со стороны однихъ, невѣжества и предразсудковъ со стороны другихъ. Всѣ учрежденія, поскольку они не оправдываются правами естественной свободы, началомъ „общаго блага“ и не являются прямымъ выраженіемъ „общей воли“, должны быть уничтожены, какъ незаконныя въ самомъ своемъ существѣ. Гражданское общество, построенное на началахъ свободнаго договора, мысленно противопоставлялось современному обществу, построенному на преданіяхъ или на „предразсудкахъ“. Народы, послѣ долгой исторической жизни, представлявшей зрѣлище „нарушенія или презрѣнія естественныхъ правъ человѣка“, какъ выражалась декларація 1789 года, должны были возвратиться къ природѣ и потребовать себѣ правъ, ею данныхъ.

Возвращеніе общества къ его „естественнымъ основаніямъ“ предполагало, однако, необходимость новаго *договора*, который явился бы подлиннымъ актомъ „общей воли“, возстановленной въ своихъ правахъ. Для этого договора нѣтъ пока началъ и формулъ. Они вездѣ, ибо источникъ ихъ въ природѣ, объясняемой разумомъ; но ихъ, въ то же время, нѣтъ нигдѣ, ибо, по замѣчанію самого Руссо, „человѣкъ родился свободнымъ и всюду онъ находится въ цѣпяхъ“. Женевскій философъ напомнилъ человѣче-

---

[1]) Ср. выше, стр. 6 и слѣд.

ству объ утраченныхъ имъ правахъ [1]); онъ отыскалъ начала, коими должно руководствоваться при его заключенiи; но самый договоръ, а равно и соотвѣтствующая ему форма общества остались искомыми. Предпосылки Руссо скоро навели, однако, умы на разрѣшенiе загадки. Слово, недоговоренное въ *Contrat social*, было досказано людьми, совершившими французскую революцiю: „*общественный договоръ есть конституцiя*".

Этимъ пониманiемъ „конституцiи" объясняется огромное, безграничное, можно сказать, влiянiе этого слова на нѣсколько поколѣнiй, видоизмѣнившихъ политическiй строй Европы. Въ конституцiи видѣли не только средство исправленiя общественнаго порядка, устраненiя злоупотребленiй и обновленiя государственныхъ формъ, но возстановленiе нѣкогда утраченныхъ titres du genre humain, торжество естественныхъ законовъ человѣческихъ обществъ надъ „искусственной" ихъ организацiей, созданной, какъ говорили, обманомъ и державшейся насилiемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦIЯ И КЛАССИЧЕСКIЕ ИДЕАЛЫ.

I. Идеальный мiръ, носившiйся въ воображенiи философовъ XVIII вѣка, повидимому, осуществился вдалекѣ отъ старой Европы — въ бывшихъ англiйскихъ колонiяхъ Америки. Свергнувъ съ себя владычество метрополiи, колонисты основали, актомъ своей воли, великую демократическую и федеративную республику. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось передовымъ умамъ Францiи, видѣвшимъ въ освободительной американской войнѣ (1776—1783) какъ бы первый шагъ къ эманципацiи человѣчества [2]). Въ дѣйствительности англiйскiе колонисты наслѣдовали историческiя вольности Англiи; они были подтверждены имъ многочисленными хартiями англiйскихъ королей; не смотря на демократическiя формы новыхъ обществъ, создавшихся въ Америкѣ, главныя начала „общаго права" дѣйствовали и здѣсь, и тамъ; въ распряхъ своихъ съ англiйскимъ парламентомъ, колонисты постоянно опирались на права, наслѣдованныя ими отъ англiйскихъ

---

[1]) „Le genre humain avait perdu ses titres; Jean-Jacques les a retrouvés".

[2]) „Американская революцiя", говоритъ Токвиль, „имѣла дѣйствительно большое влiянiе на французскую, но она обязана этимъ влiянiемъ не столько тому, что̀ тогда дѣлали въ Соединенныхъ Штатахъ, сколько тому, что̀ думали въ то время во Францiи... Американцы, казалось, приводили въ дѣйствiе то, что̀ задумано было нашими писателями".

предковъ [1]). Практическіе колонисты не желали сойти съ этой почвы даже наканунѣ разрыва съ метрополіею.

Конгрессъ 1774 года, имѣвшій порученіе сдѣлать послѣднюю попытку къ предотвращенію открытаго разрыва съ Англіею, рѣшился, въ числѣ прочихъ мѣръ, составить и обнародовать декларацію правъ. При обсужденіи этого акта, члены конгресса колебались относительно *основаній* правъ, которыя они готовились возвѣстить. Были голоса, требовавшіе, чтобы эти права были возвѣщены въ качествѣ правъ *естественныхъ*. Но большинство, руководимое Самуиломъ Адамсомъ [2]), рѣшилось остаться на почвѣ исторической и практической. Въ самомъ введеніи въ декларацію было сказано, что депутаты конгресса дѣлаютъ нижеслѣдующее объявленіе, „подражая тому, чтó ихъ англійскіе предки сдѣлали въ подобномъ случаѣ (намекъ на „объявленіе“ 1688 г.)“.

Уступка противоположной партіи состояла единственно въ томъ, что объ „естественномъ правѣ“ упоминалось въ числѣ прочихъ источниковъ вольностей колонистовъ. Именно, объявленіе гласитъ, что: „Жители англійскихъ колоній С. Америки имѣютъ слѣдующія права, основанныя на неизмѣнныхъ законахъ природы, началахъ англійской конституціи и ихъ различныхъ хартіяхъ“.

Въ исчисленіи правъ нельзя найти ни одного, которое не основывалось на англійскомъ common law и статутахъ, съ надлежащими на нихъ ссылками.

Только въ 1776 году, когда разрывъ между Англіею и ея колоніями совершился, конгрессъ обнародовалъ (4 іюля 1776 г.) знаменитую декларацію о независимости—этотъ первый актъ „Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ“. Конгрессъ взывалъ уже къ общимъ началамъ, правамъ и къ извѣстнымъ „вѣчнымъ“ истинамъ, на коихъ покоилось право возставшихъ колоній. Но для оцѣнки деклараціи необходимо имѣть въ виду два важныхъ обстоятельства.

Во-первыхъ, она имѣла цѣлью оповѣстить всѣ иноземныя державы о разрывѣ колоній съ Англіею и о вступленіи Соединенныхъ Штатовъ въ рядъ независимыхъ государствъ. Это ясно видно изъ первыхъ словъ объявленія:

„Когда“, говорится здѣсь, „ходъ человѣческихъ вещей ставитъ народъ въ необходимость разорвать политическія связи, соединявшія его съ другимъ народомъ, и занять между другими державами земли отдѣльное и равное съ другими мѣсто, на которое онъ имѣетъ право въ силу законовъ природы и Бога природы, уваженіе, которое онъ обязанъ

---

[1]) Подробно объ этомъ предметѣ будетъ сказано ниже, въ отдѣлѣ о федераціяхъ.
[2]) Род. въ 1722, ум. въ 1803 г.

имѣть къ мнѣнію человѣческаго рода, требуетъ, чтобы онъ изложилъ и объявилъ предъ свѣтомъ причины, принуждающія его къ этому разрыву".

Такимъ образомъ, декларація 1776 года имѣла значеніе акта *международнаго*, и конгрессъ, по необходимости, долженъ былъ сойти съ почвы исторической. Ссылки на англійское обычное право и статуты королевства, умѣстныя въ распряхъ колоній съ британскимъ парламентомъ, были излишни для народа, рѣшившаго занять „отдѣльное и равное съ другими державами мѣсто". Законные представители американскаго народа изложили „мотивы разрыва" языкомъ независимой державы.

Мотивы разрыва изложены въ двоякомъ видѣ. Сначала конгрессъ обращаетъ вниманіе „человѣчества" на нѣкоторыя очевидныя, по его мнѣнію, истины, коими опредѣляется устройство обществъ. Затѣмъ онъ исчисляетъ всѣ дѣйствія англійскаго правительства, противорѣчащія этимъ истинамъ.

Первая часть мотивовъ довольно коротка и по своей формѣ отличается отъ „деклараціи" 1789 года.

„Мы считаемъ", говорилъ конгрессъ, „безспорными и очевидными слѣдующія истины: что всѣ люди сотворены равными; что Творецъ далъ имъ извѣстныя неотчуждаемыя права; что между этими правами на первое мѣсто должно поставить жизнь, свободу и стремленіе къ благополучію; что, для обезпеченія этихъ правъ, люди установили правительства, коихъ справедливая власть исходитъ отъ согласія управляемыхъ; что всякій разъ, когда форма какого либо правительства дѣлается разрушительною относительно цѣлей, для коихъ оно установлено, народъ имѣетъ право его измѣнить или отмѣнить и установить новое правительство, учредивъ его власти въ формѣ, которая кажется народу наиболѣе способною доставить ему безопасность и благополучіе. Благоразуміе скажетъ, правда, что не слѣдуетъ мѣнять правительства, установившагося издавна, подъ предлогами незначительными и по причинамъ преходящимъ; опытъ показываетъ также, что во всѣ времена люди болѣе расположены страдать, пока бѣдствія выносимы, нежели прибѣгать къ самоуправству, ниспровергая учрежденія, къ коимъ они привыкли. Но когда длинный рядъ злоупотребленій, клонящихся неизмѣнно къ одной цѣли, ясно показываетъ намѣреніе привести народъ подъ иго абсолютнаго деспотизма, этотъ народъ имѣетъ право и обязанъ свергнуть подобное правительство и озаботиться о новыхъ обезпеченіяхъ своей безопасности въ будущемъ. Таково было терпѣніе этихъ колоній въ ихъ бѣдствіяхъ, такова теперь необходимость, принуждающая ихъ измѣнить старую систему правительства".

Въ подробномъ исчисленіи злоупотребленій англійскаго правительства, конгрессъ не ссылается уже на естественныя права. Хотя обвинительные пункты, имъ представляемые, составлены въ общихъ выраженіяхъ, но каждый изъ нихъ, очевидно, относится къ очень опредѣленнымъ постановленіямъ англійскихъ статутовъ или колоніальныхъ хартій. Въ качествѣ изложенія „общихъ истинъ", они были бы непонятны большинству тогдашнихъ правительствъ Европы. Министры короля французскаго или прусскаго не могли усмотрѣть нарушенія „вѣчныхъ и неотчуждаемыхъ правъ", въ томъ, что Георгъ III:

„Содержалъ среди насъ (колонистовъ), въ мирное время, постоянныя арміи, безъ согласія нашихъ законодателей; что онъ стремился сдѣлать солдатъ независимыми отъ гражданской власти и даже поставить ихъ выше послѣдней", или, что король, вмѣстѣ съ другими лицами (т.-е. съ министрами), направлялъ свои усилія къ тому, чтобы „обложить насъ налогами безъ нашего согласія, лишить насъ, во многихъ случаяхъ, права суда съ присяжными", и т. д.

Но если правительства тогдашней Европы не могли усмотрѣть въ дѣйствіяхъ короля Георга III ничего такого, чего они не дѣлали бы сами и даже не считали бы своимъ *правомъ*, то образованная часть общества, воспитанная философіею XVIII вѣка, усвоившая начала естественнаго права и не останавливавшаяся на историческомъ происхожденіи положительныхъ законовъ, съ увлеченіемъ созерцала актъ народной воли, создававшей новое государство.

Болѣе сильное вліяніе на умы французовъ могли имѣть жадно изучавшіяся *конституціи отдѣльныхъ штатовъ*. Идея народовластія и начала „общественнаго договора" выразились въ постановленіяхъ штатовъ, преобразовавшихъ свое устройство послѣ объявленія независимости. Два главныхъ начала съ одинаковою ясностью выражаются въ нихъ: 1) государство основывается свободнымъ договоромъ гражданъ; 2) цѣль государства есть охраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка.

Такъ, конституціи Пенсильваніи (1776) и Массачузетса (1779—1780) являются какъ бы предвѣстіемъ актовъ французскаго учредительнаго собранія 1789 года. Во введеніи содержится объясненіе цѣли правительства, которое установляется для обезпеченія существованія государства, для покровительства всѣхъ лицъ, его составляющихъ, и доставленія имъ возможности спокойнаго пользованія ихъ естественными правами и счастливою жизнью. Государство образуется добровольнымъ соединеніемъ людей. „Оно есть общественный договоръ, чрезъ который весь народъ соглашается съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ, а каждый гражданинъ съ цѣлымъ народомъ,

что всѣ будутъ управляемы извѣстными законами для общей пользы" [1]). Соотвѣтственно этому, форма правленія и отправленіе государственной власти должны быть согласованы съ естественными правами свободы и равенства, изложенными въ особыхъ объявленіяхъ о правахъ [2]). Всякая власть принадлежитъ народу и, слѣдовательно, происходитъ отъ него; должностныя лица суть его повѣренные, его слуги и обязаны ему отчетностью во всякое время [3]). Вслѣдствіе этого, всякія наслѣдственныя отличія, а тѣмъ болѣе наслѣдственность въ отправленіи власти, объявлены несовмѣстимыми съ естественнымъ правомъ. „Идея человѣка, рождающагося правителемъ, законодателемъ или судьей, нелѣпа и противна природѣ", говоритъ Виргинская декларація. Для лучшаго обезпеченія правъ гражданъ, функціи государственной власти—законодательная, судебная и исполнительная—должны быть *раздѣлены* между тремя отдѣльными и независимыми властями [4]). Такимъ образомъ, теорія *раздѣленія властей*, согласно ученію Локка и Монтескьё, была примѣнена къ государственному устройству отдѣльныхъ штатовъ, хотя и не въ тѣхъ предѣлахъ и не въ томъ смыслѣ, какъ этого хотѣлъ авторъ *Духа законовъ* [5]).

Учредительная власть народа и принципы естественнаго права могли найти себѣ широкое примѣненіе въ штатахъ Сѣверной Америки. Бывшимъ колоніямъ Англіи не приходилось ниспровергать вѣковой аристократіи, привилегированной церкви и освященной столѣтіями королевской власти. Демократія издавна была въ учрежденіяхъ и правахъ „Новаго Свѣта". Въ этомъ состояло первое изъ существенныхъ отличій американскихъ колоній отъ старой Европы, готовившейся къ революціи. Во-вторыхъ, не смотря на пространныя „декларація правъ" колонистовъ, построенныя на началахъ естественнаго права, новый государственный строй штатовъ и права ихъ

---

[1]) Ср. конст. Мэриланда, ст. 1: „Всякое правительство получаетъ свои права отъ народа, *основано единственно на договорѣ* и установлено для общей пользы". Ср. конст. Сѣв. Каролины, ст. 1; Виргиніи, деклар., ст. 3; Делавара, введеніе.

[2]) См. самую раннюю изъ этихъ декларацій въ конст. Виргиніи (12 іюня 1776). Она представляетъ значительное сходство съ французскою деклар. 1789 г. Подобныя же декларація въ конст. Пенсильваніи, Массачузетса и Сѣв. Каролины.

[3]) Виргинія, деклар., ст. 2; Мэриландъ, конст., ст. 4.

[4]) Массачузетсъ, декл. правъ, ст. 30; Нью-Іоркъ, конст. 1777, ст. 2, 17, 25; Пенсильванія, конст. 1776, гл. II, ст. 2—4; Делаваръ, конст., ст. 2, 6, 12; Мэриландъ, деклар., ст. 6; Виргинія, деклар., ст. 5, конст. ст. 1; Сѣв. Каролина, деклар. (1776), ст. 4; Южная Каролина, конст. ст. 2, 11; Георгія, конст., ст. 1.

[5]) Объ этомъ предметѣ будетъ сказано подробно въ догматической части, кн. I, отд. III.

гражданъ, по своему содержанію, являются прямымъ развитіемъ конституціонныхъ учрежденій Англіи, въ демократической формѣ, согласной съ общественными условіями освободившихся колоній. Гарантія личной свободы, habeas corpus, судъ присяжныхъ, независимость судей, народное представительство въ видѣ *двухъ* палатъ (для огромнаго большинства колоній), единоличная исполнительная власть губернатора,—таковы главныя черты этого порядка, установленнаго колонистами, наслѣдовавшими вольности своей метрополіи и давшими имъ то практическое выраженіе, къ которому такъ способна англосаксонская раса.

Но для „Старой Европы" вообще, и для французскаго общества, въ особенности, борьба американцевъ за ихъ независимость была какъ бы сигналомъ борьбы за свободу, составлявшую предметъ общихъ стремленій.

Трезвый и глубокій наблюдатель, Веньяминъ Франклинъ, писалъ изъ Парижа, куда онъ былъ посланъ для переговоровъ о помощи возставшимъ колоніямъ:

„Вся Европа на нашей сторонѣ; по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ общее одобреніе и сочувствіе. Люди, живущіе подъ произвольнымъ правленіемъ, тѣмъ не менѣе любятъ свободу и сочувствуютъ ей. Они отчаяваются завоевать ее въ Европѣ; они съ увлеченіемъ читаютъ конституціи нашихъ колоній, сдѣлавшихся свободными... Здѣсь вошло въ поговорку, что наше дѣло есть *дѣло человѣческаго рода*, и что мы, сражаясь за нашу свободу, боремся за свободу въ Европѣ".

Франклинъ не ошибался. Юноша Лафайетъ, первый изъ французовъ, бросившихся на помощь Америкѣ, писалъ впослѣдствіи: „никогда вниманіе людей не обращалось на дѣло, столь прекрасное; это была послѣдняя битва свободы и пораженіе послѣдней не оставляло ей ни убѣжища, ни надежды".

Сверхъ того, Англія, въ борьбѣ со своими колоніями прибѣгала къ средствамъ, возстановлявшимъ противъ нея все образованное общество. На англійское золото покупались войска у разныхъ мелкихъ германскихъ государей (особенно въ Гессенѣ), и несчастныя толпы наемниковъ отправлялись въ далекую Америку сражаться за чуждое имъ дѣло. Крикъ негодованія раздался въ Европѣ; Шиллеръ клеймилъ поведеніе „князей" съ такою же силою, какъ и французы, поклонявшіеся Франклину. „Старый порядокъ" показывалъ себя съ наихудшей стороны.

Возбужденіе общественнаго мнѣнія во Франціи принуждало дворъ стать на сторону американцевъ. Лафайетъ, не дожидаясь рѣшенія двора, отправился въ армію Вашингтона, снарядивъ корабль на свой счетъ и увлекая за собою графа Сегюра и виконта де-Ноайяля, буду-

щаго дѣятеля въ ночь 4 августа 1789 года. Давленіе общественнаго мнѣнія, желаніе унизить старую соперницу и отплатить за потерю французскихъ колоній въ 1763 году, разсчетъ на будущія выгоды отъ молодой республики побудили, наконецъ, и правительство помочь американцамъ деньгами и войскомъ. Небольшая армія, подъ начальствомъ Рошамбо, была отправлена сражаться подъ командою Вашингтона. Помощь Франціи дала побѣду колоніямъ. Въ 1783 году Англія заключила съ ними миръ и признала ихъ независимость. Чрезъ четыре года готова была федеральная конституція 13 соединенныхъ штатовъ, начинавшаяся съ знаменательныхъ для тогдашнихъ европейскихъ обществъ словъ: „мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ... дѣлаемъ, предписываемъ и установляемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки“.

II. Актъ народнаго полновластія создавалъ въ Америкѣ новое государство и новую государственную форму. Либеральная аристократія и образованная часть высшей буржуазіи видѣли осуществленіе конституціоннаго идеала въ его демократическомъ видѣ, свободномъ отъ условій аристократической Англіи. Но Лафайеты и Ноайяли, офицеры бывшей арміи Рошамбо, выдающіеся юристы, поклонники Монтескьё и Вашингтона, не вполнѣ олицетворяли новыя и значительныя силы, готовившіяся выступить на политическое поприще. Если руководящія сферы, имѣвшія до революціи вліяніе на политику по своему образованію, богатству, рожденію и связямъ, руководствовались идеями Монтескьё и примѣромъ Америки, то настоящіе революціонеры, явившіеся на смѣну „конституціоналистамъ“ учредительнаго собранія 1789—1791 годовъ, беззавѣтно отдавались республиканскимъ теоріямъ Руссо. Но самъ Руссо, когда и поскольку онъ хотѣлъ пояснить свои отвлеченныя теоріи естественнаго состоянія и общественнаго договора практическими примѣрами, обращался къ *древнимъ республикамъ*. Спарта, Аѳины и республиканскій Римъ были для него тѣмъ же, чѣмъ Англія для Монтескьё. Ликургъ, Солонъ, Сервій Туллій, Брутъ, Цинцинатъ, Камиллъ, Лициній, Гракхи, были въ его глазахъ образцами законодателей и государственныхъ людей, которымъ онъ охотно противопоставлялъ ничтожество и неспособность новѣйшихъ правителей и законодателей [1]). Въ отношеніи условій политической свободы, какъ она создалась въ Англіи и была перенесена въ Америку, Руссо кореннымъ образомъ расходится съ авторомъ *Духа законовъ*. Онъ отрицаетъ начало *раздѣленія властей*, въ которомъ Локкъ и Монтескьё видѣли средство огражденія законной свободы; онъ отвергалъ учрежденіе *народнаго представи*-

---

[1]) См. особенно его разсужденіе о польскомъ правительствѣ.

вительства, усматривая въ немъ способъ порабощенія народа [1]). Непосредственная демократія, въ которой народъ прямо и непрерывно отправляетъ законодательную власть и назначаетъ органовъ власти исполнительной, являющихся простыми орудіями его воли,— такова форма правленія, согласная съ началами „общественнаго договора“ [2]). Народъ является *сувереномъ* (souverain); актъ, въ силу котораго онъ дѣлается народомъ, есть „общественный договоръ“; *правительство* (gouvernement) *учреждается* народомъ; оно основано не на договорѣ, а на простомъ порученіи народномъ.

Но самъ народъ-самодержецъ неограниченъ въ своихъ правахъ. Онъ не связанъ не только какими либо законами, но даже „общественнымъ договоромъ“; ему принадлежитъ право во всякое время измѣнять форму государства. Тѣмъ менѣе можетъ онъ быть связанъ какими либо правами отдѣльныхъ гражданъ, его составляющихъ. Такимъ образомъ, начало государственнаго *всемогущества*, въ томъ видѣ, какъ оно выразилось въ *античномъ государствѣ*, особенно въ Спартѣ, было прямымъ послѣдствіемъ теоріи народовластія, предложенной Руссо [3]).

Для автора „общественнаго договора“ учрежденія древнихъ республикъ и дѣянія ихъ законодателей и героевъ были обильнымъ источникомъ вдохновенія; для почитателей *Contrat social* Плутархъ и Тацитъ, Цицеронъ и Светоній были историческимъ комментаріемъ къ логическимъ разсужденіямъ женевскаго философа. Молодыя поколѣнія, воспитывавшіяся въ строго-классической школѣ, выносили изъ нихъ удивленіе къ древности, доводимое до энтузіазма страстною проповѣдью Руссо, Морелли, Мабли и другихъ. Для огромнаго большинства читающихъ и мужчинъ и женщинъ, „Жизнеописанія“ Плутарха сдѣлались тѣмъ же, чѣмъ была Библія для пуританъ временъ

---

1) Суверенитетъ, говоритъ Руссо, не можетъ быть представленъ по той причинѣ, по которой онъ не можетъ быть отчужденъ... Съ той минуты, какъ народъ дастъ себѣ представителей, онъ болѣе не свободенъ, онъ не существуетъ... Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ; онъ сильно ошибается: онъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента; какъ только они выбраны, онъ рабъ, онъ ничто. *Du contrat social*, кн. III, гл. 15.

2) „Актъ, посредствомъ котораго народъ подчиняется правителямъ (à des chefs), есть не больше какъ порученіе (commission), должность, въ которой правители, простые чиновники (officiers) суверена (т.-е. народа), отправляютъ во имя его власть, которая имъ ввѣрена и которую народъ можетъ измѣнить, ограничить и взять назадъ, когда ему угодно“. Тамъ же, кн. III, гл. 1.

3) Тэнъ (назв. соч.) вѣрно разбираетъ эту теорію, но дѣлаетъ невѣрное обобщеніе, представляя ее послѣднимъ выводомъ *всей* политической доктрины XVIII вѣка. Между тѣмъ, она имѣетъ такое же отношеніе къ программѣ сторонниковъ конституціонной монархіи, какъ С. Жюстъ или Робеспьеръ къ Лафайету и Мунье.

Кромвеля [1]). Походить на республиканскихъ героевъ Греціи и Рима, заслужить славу Аристида, Ѳемистокла, Брута или Цинципата, сдѣлаться „гражданиномъ“ въ античномъ смыслѣ этого слова, дождаться новаго Ликурга, было предметомъ желаній и надеждъ подроставшихъ поколѣній [2]).

Это сильное теченіе не совпадало, конечно, съ стремленіями, руководившими борцами за политическую свободу въ Англіи и Америкѣ. Учрежденія и вольности этихъ двухъ странъ, въ разныхъ формахъ, служили выраженіемъ одного общаго начала: начала *личной свободы.* Оно было внесено въ Европейскую исторію германскими племенами и выразилось въ учрежденіяхъ двухъ германскихъ народностей въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ. Великій успѣхъ Монтескьё объясняется тѣмъ, что онъ сильнѣе всѣхъ писателей XVIII столѣтія затронулъ чувство свободы, пробуждавшееся подъ вліяніемъ недо-

---

[1]) Вліяніе классическихъ идеаловъ на французскую революцію подробно и основательно разсмотрѣно Лораномъ, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, т. XII. Лоранъ справедливо объясняетъ это вліяніе *латинскимъ* характеромъ французской народности и тѣмъ значеніемъ, какое римскіе учрежденія, законы и литература издавна имѣли въ этой странѣ. Сама монархія взросла при помощи легистовъ, воспитанныхъ на римскомъ правѣ. Но если легисты извлекли изъ Corpus Juris теоріи абсолютизма, то люди 1789 г. изъ Тита-Ливія, Тацита, Цицерона и другихъ вынесли свои республиканскія понятія.

[2]) Одинъ изъ членовъ конвента писалъ въ 1798 году: „воспитаніе дѣлаетъ все; благодаря ему, переносятъ теперь деспотизмъ въ Греціи, гдѣ нѣкогда боготворили равенство. Мы сами подняли наши согбенныя головы, потому что счастливая безпечность нашихъ королей дозволила намъ образоваться въ школѣ Спарты, Аѳинъ и Рима. Дѣтьми мы посѣщали Ликурга, Солона, двухъ Брутовъ и удивлялись имъ; въ зрѣломъ возрастѣ мы только и думали подражать имъ“.

„Можно сказать“, писала знаменитая г-жа Роланъ, „что въ воспитаніи, мною полученномъ, и въ идеяхъ, мною усвоенныхъ, все было согласовано для вдохновленія меня республиканскимъ энтузіазмомъ. Въ моихъ чтеніяхъ я увлекалась преобразователями неравенства. Я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ, Гракхомъ въ Римѣ; подобно Корнеліи, я упрекала бы моихъ сыновей, что меня зовутъ только тещей Сципіона. Я удалялась съ народомъ на Авентинскую гору и подавала голосъ съ трибунами“.

„Міръ“, восклицалъ С. Жюстъ, „пустъ со времени Римлянъ; ихъ память наполняетъ его и предвозвѣщаетъ свободу“. Имена римскихъ героевъ постоянно на языкѣ Робеспьера и другихъ революціонеровъ. Женщины, читавшія Плутарха, мѣняли свои христіанскія имена на имя Корнеліи или Лукреціи; другія назывались просто „Римлянка“ (Romaine).

Въ 1793 году въ засѣданіе конвента является депутація отъ молодыхъ гражданъ секціи „Муція Сцеволы“. Ораторъ—*семилѣтній* мальчикъ, при рукоплесканіяхъ конвента, повѣствуетъ о подвигѣ знаменитаго Римлянина. Эта сцена даетъ Дантону поводъ сдѣлать предложеніе объ учрежденіи „игръ санкюлотовъ“ (jeux sans-culottides) въ подражаніе олимпійскимъ играмъ. „Такими учрежденіями“, прибавилъ онъ, „мы побѣдимъ міръ“.

вольства, злоупотребленій абсолютизма, административнаго произвола, стѣсненій свободы совѣсти, мысли и труда. Монтескьё указалъ континентальнымъ народамъ образецъ государственнаго устройства, результатомъ учрежденій котораго являлась личная свобода. Онъ сочеталъ этотъ современный ему образецъ съ преданіями „готическаго правительства", общаго, въ свое время всѣмъ германо-романскимъ народамъ; воспоминанія о средневѣковыхъ вольностяхъ, о земскихъ чинахъ, о парламентахъ, призванныхъ хранить законы и напоминать о нихъ, если они приходили въ забвеніе, были оживлены имъ одновременно съ изображеніемъ англійской конституціи, представлявшей полное развитіе началъ „готическаго правительства". Если англійская конституція и средневѣковыя учрежденія были для Монтескьё положительнымъ средствомъ выясненія его идеала, то отрицательнымъ къ тому способомъ служило ему изображеніе *деспотизма*, какъ необходимаго результата *порчи* правительствъ, уклоняющихся отъ началъ „умѣренной формы". Мрачныя краски, которыхъ онъ не пожалѣлъ при изображеніи восточныхъ деспотій, должны были служить этой цѣли. Авторъ *Духа законовъ* имѣетъ въ виду показать, къ чему приходятъ народы и правительства, устранившіе изъ своихъ учрежденій начала *законности* и не обезпечивающіе политическую свободу посредствомъ раздѣленія властей, призванныхъ сдерживать другъ друга.

Но началамъ свободы и „умѣреннаго правленія" суждено было прокладывать себѣ дорогу и укрѣпляться въ общемъ сознаніи постепенно и съ трудомъ. Политическая свобода, какъ понималъ ее Монтескьё, является не только плодомъ учрежденій, но и продолжительнаго политическаго опыта, гражданскаго воспитанія народа. Въ эпоху революціонную, теорія „умѣренной формы", предполагающей сильно развитое чувство законности, духъ компромисса и правильное дѣйствіе властей въ принадлежащей имъ области, не имѣетъ практическаго примѣненія. Общество, поставившее себѣ цѣлью уничтоженіе прежнихъ учрежденій и порядковъ, охотнѣе воспринимаетъ теорію государственнаго всевластія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы это всевластіе было предоставлено ему. Вотъ почему теорія народнаго суверенитета имѣла такой успѣхъ во Франціи. Страна была подготовлена къ тому и гражданскимъ своимъ воспитаніемъ. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не знало такой централизаціи; нигдѣ дѣйствіе власти не шло такъ далеко и не простиралось на такую широкую область; нигдѣ управляемые не были такъ пріучены видѣть въ правительствѣ единственный источникъ добра и зла, единственнаго руководителя во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Это всевластіе обращалось въ данное время въ личную пользу управляю-

щихъ и привилегированныхъ классовъ; но если обратить его на общую пользу, предоставивъ народу тотъ суверенитетъ, принадлежавшій неограниченному королю?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ и давало ученіе Руссо, подкрѣпленное примѣрами римскихъ народныхъ собраній и знаменитыхъ трибуновъ. Въ условіяхъ новаго общественнаго договора каждый „отчуждаетъ себя въ пользу всѣхъ на равныхъ условіяхъ“ и, слѣдовательно, ничего не теряетъ, ибо даетъ другимъ столько же, сколько получаетъ отъ нихъ. Каждый участвуетъ въ составленіи „общей воли“, а общая воля не можетъ заблуждаться, ибо никто не желаетъ зла себѣ самому, и всегда имѣетъ въ виду общую пользу. Вооружившись этими афоризмами, народъ и его руководители спокойно бросились въ величайшій изъ когда либо бывшихъ переворотовъ. Нуженъ былъ терроръ конвента и военный деспотизмъ Наполеона, чтобы умы снова обратились къ идеѣ „умѣренной формы“. На первый разъ не столько начало свободы, сколько идеи *равенства*, коими прикрывались стремленія къ уничтоженію сословной іерархіи и привилегій, были лозунгомъ народной массы и новыхъ ея вождей.

III. Имѣя въ виду исходную точку французской революціи, необходимо остановиться, въ заключеніе, на главныхъ моментахъ *распространенія* новыхъ учрежденій на западѣ Европы и, слѣдовательно, на періодахъ конституціоннаго движенія въ XIX вѣкѣ.

Политическая исторія Европы, отъ начала французской революціи до нашего времени, можетъ быть раздѣлена на пять періодовъ.

1. Первый періодъ (1789—1815) можетъ быть названъ *революціоннымъ*, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Франція разрушаетъ свой прежній государственный и общественный порядокъ, провозглашаетъ новыя начала государственнаго устройства и безпощадно осуществляетъ ихъ посредствомъ мѣръ революціоннаго правительства. Въ моментъ торжества послѣдняго во Франціи, главныя европейскія державы соединяютъ свои силы для подавленія революціи, и молодая республика отчаянными усиліями отражаетъ нападеніе и затѣмъ переходитъ въ наступленіе, разрушая старыя государства, созидая новыя республики, распространяя всюду начала своего государственнаго устройства. Наконецъ, война дѣлается, повидимому, единственнымъ призваніемъ Франціи. Внутренніе ея перевороты завершились образованіемъ *имперіи*. Но въ понятіяхъ европейскихъ правительствъ, имперія являлась выраженіемъ тѣхъ же революціонныхъ началъ, и, независимо отъ властолюбивыхъ стремленій Наполеона, война вызывалась постоянно всѣми политическими условіями Европы. Возможность мира явилась только послѣ низверженія завоевателя. Такимъ образомъ, *двадцать-два года* (1792—1814) ушли на борьбу съ новымъ

порядкомъ вещей, установившимся во Франціи. Въ теченіе этого времени система международныхъ отношеній глубоко измѣнилась. Вѣнскому конгрессу удалось лишь приблизительно возсоздать прежній порядокъ. Но формы политическаго устройства, установленныя Франціею въ подвластныхъ ей земляхъ или явившіяся результатомъ народныхъ движеній въ борьбѣ съ Франціею (какъ, напримѣръ, испанская конституція), пали сами собой. Тѣмъ не менѣе, конституціонныя стремленія пролагаютъ себѣ пути въ слѣдующемъ періодѣ (1815—1830).

2. Усилія дипломатовъ вѣнскаго конгресса были направлены къ возможно полному возстановленію прежняго порядка. Руководствуясь началами законности (легитимности), они возстановляли старыя династіи, открывая и обезпечивая имъ возможность возвратиться къ началамъ прежняго управленія. Постоянныя совѣщанія и соглашенія правительствъ должны были обезпечить всѣ государства отъ революціи; новая система государствъ, основанная на началахъ *политическаго равновѣсія*, должна была предотвратить опасности войны и гегемоніи одного государства надъ другими. Въ этихъ отношеніяхъ время отъ 1815 г. до 1830 г. можетъ быть названо эпохой *реставраціи* и *реакціи*. Но въ европейскихъ обществахъ, вышедшихъ изъ періода войнъ имперіи, содержалось нѣсколько условій, неблагопріятныхъ реставраціи. Во-первыхъ, вліятельнѣйшая часть общества усвоила себѣ идеи XVIII вѣка, и если она отвращалась отъ системы французскихъ террористовъ и военнаго деспотизма Наполеона, то съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ отдавалась она идеямъ „умѣреннаго правленія“, возвѣщеннымъ въ *Духѣ законовъ*. Если Монтескьё былъ забытъ въ періодъ революціи, то, послѣ паденія имперіи, конституціонныя идеи воскресли съ новою силою. Онѣ нашли себѣ выраженіе и въ хартіи Людовика XVIII, и въ произведеніяхъ школы французскихъ конституціоналистовъ (Констанъ, Ланжюинэ и друг.). Въ самой Германіи нѣсколько государствъ получили хартіи. Подобныя стремленія не могли найти удовлетворенія въ правительственной системѣ Меттерниха, въ дѣйствіяхъ испанскаго или неаполитанскаго королей. Сверхъ того, искусственная система государствъ, созданная вѣнскимъ конгрессомъ, прямо противорѣчила *національнымъ* стремленіямъ, получившимъ сильный толчокъ во время борьбы съ Наполеономъ. Въ условіяхъ установленной системы и съ точки зрѣнія правительствъ, руководимыхъ Меттернихомъ, эти стремленія являлись разрушительными и подавлялись всѣми мѣрами. Въ умахъ народовъ, силою вещей, они сочетались съ понятіемъ политической свободы. Революціи въ Италіи и тайныя общества въ Германіи показали это. Но до 1830 года соединенныя усилія европейскихъ правительствъ

останавливали національное и политическое движеніе. Только въ концѣ періода, дѣйствія Россіи, Англіи и Франціи въ дѣлѣ грековъ показали, что вѣнскіе принципы начинаютъ терять почву.

3. *Іюльская революція* 1830 года имѣла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важное значеніе для Европы. Французская нація, одностороннимъ актомъ своей воли, отмѣнила разныя постановленія вѣнскаго конгресса. Бурбоны были свергнуты, престолъ отданъ орлеанской династіи; конституція 1814 года была измѣнена. Іюльское возстаніе отозвалось въ Бельгіи, соединенной съ Голландіею и теперь отложившейся отъ послѣдней. Въ Англіи долговременное владычество торіевъ уступило мѣсто господству виговъ, и избирательная реформа, которой тщетно добивались въ теченіе XVIII вѣка, была проведена Греемъ и Росселемъ (1832). Новыя правительства во Франціи и Англіи явились опорою для конституціонныхъ партій въ Испаніи и Италіи. Въ Германіи еще четыре изъ второстепенныхъ государствъ получили хартіи. Но этимъ и ограничились ближайшія послѣдствія іюльской революціи. Само правительство Людовика-Филиппа не имѣло ни средствъ, ни наклонности принять на себя поддержку національныхъ и либеральныхъ стремленій въ другихъ частяхъ Европы; у себя дома оно старалось закончить эру революцій, основавъ государственный порядокъ на поддержкѣ среднихъ классовъ. Поэтому національныя движенія въ Италіи легко могли быть подавлены австрійскимъ оружіемъ, а въ Германіи они были остановлены крутыми мѣрами. Во всякомъ случаѣ, съ 1830 года, европейское согласіе, выразившееся въ системѣ 1815—1830 годовъ, не возстановлялось. Франція и Англія съ слѣдовавшими за ними Испаніею и Португаліею, представляли государства, въ учрежденіяхъ своихъ отличныя отъ государствъ европейскаго востока, вѣрнаго еще началамъ священнаго союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, время отъ 1830 до 1848 года было періодомъ сильнаго умственнаго движенія, временемъ развитія новыхъ экономическихъ отношеній, успѣха демократическихъ и національныхъ идей, соціалистическихъ системъ—всего, что̂ съ такою силою, хотя и безпорядочно, выразилось въ революціяхъ 1848 года.

4. Періодъ, открывающійся 1848 годомъ и продолжающійся до *крымской войны* (1853—1856), въ отношеніи осязательныхъ своихъ результатовъ для конституціонныхъ учрежденій, не соотвѣтствуетъ тому, что̂ можно было бы ожидать отъ силы революціоннаго движенія, обнявшаго всю почти западную Европу. За годомъ революціи слѣдуютъ годы реакціи, продолжающейся до крымской войны, видоизмѣнившей отношенія европейскихъ державъ. Въ отношеніи идей и общественныхъ стремленій, 1848 годъ содержитъ въ себѣ почти все, выразившееся въ событіяхъ и перемѣнахъ позднѣйшаго времени.

Тогда было провозглашено и примѣнено во Франціи коренное начало новѣйшей демократіи—всеобщая подача голосовъ; тогда соціальныя идеи, до тѣхъ поръ остававшіяся въ кругу литературныхъ и ученыхъ произведеній, перешли въ область практическихъ, хотя и неудачныхъ опытовъ; тогда, наконецъ, двѣ націи, итальянская и германская, сдѣлали опытъ своего объединенія въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ, какіе не были доступны прежнимъ поколѣніямъ. Но ближайшіе результаты революціи не соотвѣтствовали ея началу. Франція провозгласила всеобщую подачу голосовъ какъ бы для того, чтобы избрать президентомъ республики Наполеона Бонапарта и освятить произведенный имъ государственный переворотъ. Германія, послѣ тщетныхъ попытокъ создать новую имперію, возвратилась къ старому союзному устройству. Въ Италіи національное движеніе было подавлено, и только Пьемонтъ получилъ и удержалъ конституціонную хартію. При поддержкѣ Россіи, Австрія подавила революцію въ Венгріи и отмѣнила собственную конституцію 1849 года. Такимъ образомъ, положительные результаты 1848 состояли въ томъ, что Пруссія, могущественнѣйшее изъ германскихъ государствъ, получило конституціонное устройство, хотя примѣненіе этой конституціи было ввѣрено реакціонному министерству Мантейфеля; въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ конституціи были измѣнены въ болѣе демократическомъ духѣ; швейцарская федерація получила нынѣшній видъ свой; въ Италіи, Пьемонтъ обратился въ конституціонную монархію. Но разложеніе стараго порядка въ Германіи и Испаніи—порядка, державшагося главнымъ образомъ силою Австріи—продолжалось, и онъ рушился вмѣстѣ съ союзомъ съ Россіею, которая много лѣтъ и часто въ противность собственнымъ интересамъ поддерживала политику вѣнскаго двора.

5. Крымская война является моментомъ рѣзкаго поворота въ судьбѣ Италіи и Германіи, вслѣдствіе (главнымъ образомъ) перемѣны, происшедшей въ судьбѣ Россіи. Двойственная и враждебная намъ политика Австріи во время войны оттолкнула отъ нея старую ея союзницу; помощь, оказанная ей въ 1849 году, искупалась теперь слишкомъ дорогою цѣной. Съ другой стороны, великіе внутренніе вопросы государства требовали всего вниманія новаго государя Россіи; итальянскій и нѣмецкій вопросы могли быть подняты при благопріятныхъ условіяхъ. Уже на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, знаменитый пьемонтскій министръ, графъ Кавуръ, умѣлъ поставить его въ рядъ вопросовъ международныхъ. Чрезъ три года послѣ того австрійскому могуществу въ Италіи, при содѣйствіи Франціи, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. За исключеніемъ венеціанской области, Италія, въ теченіе двухъ лѣтъ, образовала единое государство, съ

конституціонными учрежденіями. Въ то же время на юго-восточной границѣ Австріи возникло другое конституціонное государство—Румынія, получившая свое устройство отъ коммиссіи европейскихъ державъ, подписавшихъ парижскій миръ. Затѣмъ и Австрія рѣшилась измѣнить свое внутреннее устройство. Перемѣны, введенныя патентомъ 1861 года, были первымъ къ тому шагомъ. Событія Австро-Прусской войны (1866), выбросившія Австрію изъ Германіи и создавшія Сѣверо-Германскій союзъ, заставили Австрію сдѣлать новыя уступки на этомъ пути и отказаться отъ Венеціи. Такимъ образомъ, конституціонныя учрежденія утвердились и въ монархіи Габсбурговъ, представлявшей послѣдній на западѣ Европы оплотъ прежнихъ государственныхъ формъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Революція и Имперія [1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДЕКЛАРАЦІЯ ПРАВЪ.

I. „Опытъ показываетъ“, говоритъ Токвиль, „что самый опасный моментъ для дурного правительства есть тотъ, въ который оно начинаетъ преобразовать себя“. Дѣйствительно, никогда правительству не нужно столько твердости, проницательности и послѣдовательности, какъ тогда, когда оно берется устранить массу вѣкового зла, желая, въ то же время, сохранить главныя начала государственнаго устройства, на которыхъ основана его власть.

Для французскаго правительства такимъ моментомъ было царствованіе Людовика XVI (1774—1793). Послѣ безславнаго во всѣхъ отношеніяхъ управленія Людовика XV, французскій престолъ былъ занятъ монархомъ, воодушевленнымъ лучшими намѣреніями, повидимому, твердо рѣшившимся исправить всѣ части управленія и облегчить положеніе низшихъ классовъ, но слабымъ волею и легко подчинявшимся вліянію двора [2]). Первый же опытъ реформъ предопредѣлилъ судьбу всего правленія молодого короля. Въ сотрудники себѣ

---

[1]) Кромѣ общихъ сочиненій по исторіи французской революціи, каковы труды Тьера, Минье, Мишле, Карлейля, Луи-Блана, Эдгара Кине, Зибеля, Тэна и друг., исторія *учрежденій* этой эпохи изложена въ трудахъ Шеффнера, *Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs*, IV; Карла Рихтера, *Staats-und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution* (I и II, 1865); Лафферьера, *Essai sur l'histoire du droit français*, II; Дювержье-де-Горáннъ, *Histoire du gouvernement parlementaire.*

[2]) Обзоръ преобразовательныхъ попытокъ Людовика XVI, съ 1774 по 1787 гг., представляетъ сочиненіе Э. Семишона (Semichon), *Les réformes sous Louis XVI*, Paris, 1876.

онъ избралъ людей, готовыхъ и способныхъ содѣйствовать его цѣлямъ. Между ними Тюрго, по своимъ знаніямъ и образованію, пріобрѣлъ европейскую репутацію [1]). Главнымъ предметомъ преобразованій, какъ и слѣдовало ожидать, были финансы и разныя части промышленныхъ и хозяйственныхъ отношеній. Высокообразованный экономистъ, Тюрго, вмѣстѣ съ старымъ королевскимъ другомъ, Мальзербомъ, готовились осуществить то, на чемъ издавна настаивали Кенэ, и другіе физіократы. Преобразованіе налоговъ, съ распространеніемъ ихъ на всѣ сословія, пропорціонально ихъ имуществу и на основаніи кадастра; отмѣна обременительнѣйшихъ феодальныхъ повинностей и барщинъ; упраздненіе внутреннихъ заставъ; мѣры къ пониженію цѣнъ на хлѣбъ и облегченія для торговли хлѣбомъ; отмѣна цеховыхъ привилегій и провозглашеніе свободы труда; бережливость въ государственныхъ расходахъ — таковы финансовыя и экономическія мѣры, предложенныя Тюрго. Къ нимъ должны были присоединиться мѣры по уравненію сословій въ правахъ, по ограниченію правительственнаго произвола, особенно въ отношеніи ненавистныхъ lettres de cachet, объявленіе вѣротерпимости для протестантовъ и друг.

Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ были приведены въ дѣйствіе къ общему восторгу образованнаго общества. Старикъ Вольтеръ, при встрѣчѣ съ Тюрго, хотѣлъ поцѣловать руку, „подписавшую свободу народа“. Но всѣ эти начинанія разбились о сопротивленіе привилегированныхъ классовъ, двора, королевы и королевскихъ братьевъ. Министры вышли въ отставку (1777), и король утѣшалъ себя только повтореніемъ своей любимой фразы, что только онъ и Тюрго преданы народу [2]). Большинство преобразованій было отмѣнено.

Финансовыя затрудненія заставляли, однако, короля и дворъ искать, если не органическихъ мѣръ къ исправленію государственнаго хозяйства, то *человѣка*, способнаго своимъ кредитомъ и опытностью вывести правительство изъ бѣдственнаго положенія. Такимъ человѣкомъ, казалось, явился Неккеръ, богатый женевскій банкиръ, другъ парижскихъ философовъ, пользовавшійся кредитомъ и популярностью въ среднемъ сословіи, но подозрительный знати и духовенству въ качествѣ протестанта и плебея. Лично честный и благо-

---

[1]) Тюрго (Anne-Robert-Jacques), баронъ де л'Онъ (l'Aulne), род. въ 1727. ум. въ 1781 г. Сынъ президента парламента и парижскаго прево Михаила Тюрго (1690—1751). Прежде вступленія въ министерство прославился въ качествѣ Лиможскаго интенданта (въ 1761 г.) важными и благодѣтельными преобразованіями въ своей провинціи. На русскомъ языкѣ имѣется интересный очеркъ его управленія: *Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго* и т. д., Г. Е. Аѳанасьева. Одесса, 1884. Здѣсь же имѣются указанія на главнѣйшіе труды о Тюрго.

[2]) „Il n'y a que moi et Turgot qui soyons les amis du peuple“.

намѣренный, онъ мало зналъ Францію, а при значительномъ тщеславіи и поверхностности неспособенъ былъ къ кореннымъ мѣрамъ, къ которымъ, сверхъ того, не допустили бы его знать и дворъ. Въ первое время онъ удачно пополнялъ дефицитъ посредствомъ займовъ, которые онъ успѣвалъ заключать, благодаря своему кредиту и популярности. Но проценты по долгамъ ложились новымъ бременемъ на казну, доходы не увеличивались, а уменьшались; война съ Англіею за независимость Америки подорвала рессурсы государства [1]). Неккеръ былъ поставленъ въ необходимость, если не принять рѣшительныя мѣры, то раскрыть странѣ истинное положеніе вещей. Послѣдняя цѣль была достигнута изданіемъ, въ 1781 году, знаменитаго отчета о финансахъ (compte rendu).

„Отчетъ" произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Въ первый разъ читающее общество увидѣло дѣйствительное положеніе финансовъ; въ первый разъ оно увидѣло также, куда идутъ налоги и подати, и какъ пенсіи, синекуры, высокіе оклады и разныя выдачи придворнымъ и знати поглощаютъ государственныя средства.

Неккеръ не могъ устоять противъ поднятой имъ бури. Онъ уступилъ свое мѣсто Калонну. Вмѣсто человѣка, имѣвшаго, по крайней мѣрѣ, достоинство бережливости, управленіе финансами перешло къ министру, полагавшему, что роскошь двора пріобрѣтетъ ему кредитъ. Дѣйствительно, въ нѣсколько лѣтъ онъ значительно увеличилъ государственный долгъ, обременилъ плательщиковъ новыми податями и безпечно велъ государство къ банкротству. Послѣднее обнаружилось въ концѣ 1786 года. Франція, говоритъ Зибель, оказалась въ слѣдующемъ положеніи. Доходъ ея равнялся 357 милліонамъ, расходъ 442 милліонамъ, не считая 27 милл. пенсій, 72 милл. недобора отъ прошлаго года и таковаго же въ 21 милл., предполагавшагося на 1787 г. Дефицитъ доходилъ, такимъ образомъ, до 200 милліоновъ; объ увеличеніи податей нельзя было и думать.

Въ этихъ условіяхъ Калоннъ рѣшился на коренныя преобразованія, имѣвшія цѣлью, главнымъ образомъ, распространить налоги на имущества всѣхъ сословій. Идея преобразованій принадлежала Тюрго, но Калоннъ не имѣлъ его способностей и, сверхъ того, духъ оппозиціи развился въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ во всѣхъ классахъ общества. Это показало настроеніе собранія *нотаблей*, т.-е. представителей знати, высшаго духовенства и должностныхъ лицъ, призванныхъ королемъ [2]). Созывъ нотаблей, не возобновляв-

---

[1]) Союзный договоръ съ возставшими колоніями былъ заключенъ 6 февраля 1778 года. Война стоила Франціи 1.750.000 фр.

[2]) Всѣхъ нотаблей было до 150 человѣкъ.

шійся съ 1626 года, казался смѣлымъ шагомъ правительству и двору. „Король", возвѣщалось въ одномъ оффиціозномъ изданіи, „соизволяетъ приблизиться къ націи". „Король подалъ въ отставку", восклицали нѣкоторые придворные. На самомъ дѣлѣ мѣра эта предвозвѣщала паденіе стараго порядка.

Сильная оппозиція, съ которою встрѣтился Калоннъ въ имъ самимъ созванномъ собраніи, проистекала прежде всего отъ желанія нотаблей сохранить привилегіи своихъ сословій. Но она происходила также отъ недовѣрія къ правительству, дѣйствія котораго довели страну до раззоренія. Нотабли сдѣлались органомъ общаго мнѣнія, получившаго себѣ выраженіе и въ *провинціальныхъ собраніяхъ*, возстановленныхъ Людовикомъ XVI. Требованіе контроля надъ финансовымъ управленіемъ, протесты противъ незаконности налоговъ, устанавливаемыхъ безъ участія народныхъ представителей, громко высказываемое желаніе созыва *земскихъ чиновъ*, обвиненіе Калонна въ расточительности и представленіи ложныхъ отчетовъ—послышались въ отвѣтъ на предложенія министра, который думалъ дать имъ значеніе предписаній. Калоннъ долженъ былъ подать въ отставку и уѣхать въ Лондонъ, уступивъ свое мѣсто архіепископу тулузскому Ломени-де-Бріенну (1787 г.).

Развратный и невѣрующій Ломени былъ образчикомъ той испорченной части французскаго духовенства, которая такъ содѣйствовала паденію своего сословія. Въ собраніи нотаблей онъ былъ горячимъ противникомъ Калонна во имя интересовъ своего сословія. Сдѣлавшись министромъ, онъ попытался провести нѣкоторые его планы въ томъ же собраніи, однако, неуспѣшно. Нотабли были распущены. Вопросы, поставленные Калонномъ при открытіи собранія, остались нерѣшенными. Между тѣмъ изъ рѣчи павшаго министра, произнесенной имъ при открытіи собранія, видно было, что само правительство считаетъ положеніе вещей серьезнымъ. Калоннъ заявлялъ, что оно не можетъ быть исправлено ни займами, ни новыми налогами: для предупрежденія банкротства, говорилъ онъ, нужно *уничтожить злоупотребленія*: proscrire les abus. Новый министръ надѣялся установить нѣсколько налоговъ при содѣйствіи парижскаго парламента. Но послѣдній, въ свою очередь, сдѣлался органомъ общественнаго мнѣнія и, на нѣкоторое время, пріобрѣлъ популярность.

На приказъ регистрировать новые налоги, парламентъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отпоромъ, мотивируя свое постановленіе тѣмъ, что онъ не получалъ отъ народа такихъ полномочій [1]) и желаетъ, чтобы король созвалъ земскіе чины. Король прибѣгнулъ къ торжественному

---

[1]) Il „n'a jamais été chargé par les peuples de les remplacer".

засѣданію въ своемъ присутствіи (lit de justice) и приказалъ внести указы. Но вслѣдъ затѣмъ парламентъ возобновилъ свой протестъ, поддержанный громкимъ сочувствіемъ парижскаго населенія, настроеніемъ котораго пользовался честолюбивый родственникъ короля—герцогъ Орлеанскій. Ломени рѣшился сослать членовъ парламента въ Труа (Troyes). Мѣра эта, не принесшая выгоды правительству, сверхъ того взволновала столицу и всю магистратуру королевства. Протесты и представленія послѣдовали отъ судовъ высшихъ и низшихъ; народныя волненія начали принимать угрожающій видъ. Взиманіе нерегистрированныхъ налоговъ сдѣлалось невозможнымъ. Ломени (ноября 1787) попытался прибѣгнуть къ содѣйствію имъ же сосланнаго парламента. Послѣдній былъ возвращенъ въ Парижъ; созваніе земскихъ чиновъ было обѣщано, безъ указанія впрочемъ его срока [1]); но предварительно парламентъ долженъ былъ регистрировать заемъ въ 440 милліоновъ, который предполагалось реализировать въ теченіе пяти лѣтъ; въ этотъ срокъ должно было установиться равновѣсіе между доходами и расходами и, судя по намекамъ канцлера Ламуаньона, въ 1792 году предполагалось созвать земскіе чины.

Предложеніе о займѣ было сдѣлано также въ королевскомъ засѣданіи. Но по окончаніи его, оппозиція, поддерживаемая герцогомъ Орлеанскимъ, произвела настоящую бурю, послѣдствіемъ которой было рѣшеніе уничтожить парламенты, замѣнивъ ихъ новыми и удобными для министерствъ учрежденіями—cours plénières. Это рѣшеніе было послѣднимъ актомъ борьбы правительства съ парламентомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сигналомъ къ революціи.

Послѣ ареста нѣкоторыхъ членовъ парламента, совѣтникъ Дюваль Д'Эпремениль [2]) съ товарищами обнародовалъ протестъ, въ которомъ, на основаніи старыхъ французскихъ законовъ, отрицалось право короля издавать законы и установлять налоги безъ согласія земскихъ чиновъ, осуждались lettres de cachet, провозглашались права парламентовъ и провинціальныя вольности и т. д. Ломени отвѣтилъ на это арестомъ многихъ совѣтниковъ, радикальнымъ преобразованіемъ всѣхъ парламентовъ и другихъ судовъ (8 мая 1788 г.). Но всѣ судебныя установленія встрѣтили указъ рѣшительнымъ сопротивленіемъ; важнѣе всего было то, что оно было поддержано населеніемъ. Во

---

[1]) „Я никогда не побоюсь явиться въ среду моихъ подданныхъ“, говорилъ король... „Но мнѣ одному принадлежитъ право судить о пользѣ и необходимости такихъ собраній, и я не потерплю, чтобы отъ меня нескромно требовали того, чего должно ожидать отъ моей мудрости и любви къ моему народу, пользы котораго неразрывно связаны съ моими собственными“.

[2]) Впослѣдствіи одинъ изъ первыхъ эмигрантовъ.

многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Бретани, Беарнѣ, Дофинэ, дѣло дошло до открытаго возстанія. Для подавленія возстанія, у правительства не было уже военной силы. Армія, особенно нижніе чины, давно уже были раздражены тягостями службы, недостаточностью содержанія, дурнымъ обращеніемъ и невозможностью повышенія, въ виду монополіи дворянства на офицерскіе чины [1]). Притомъ философія XVIII вѣка нашла себѣ доступъ и въ эту среду. Солдаты отказывались стрѣлять; если они, наружно повинуясь дисциплинѣ, вступали въ бой съ мятежниками, то давали себя обезоруживать. Нерѣдко бывали случаи „братанья“ съ народомъ, и еще чаще дезертировали солдаты изъ своихъ полковъ [2]).

Слабость правительства усиливала смѣлость сопротивлявшихся его распоряженіямъ. Провинціальные чины „трехъ сословій“ Дофинэ (Гренобль) представили королю рѣшительную петицію о созывѣ земскихъ чиновъ. На первый разъ правительство отвѣтило имъ запрещеніемъ говорить объ этомъ предметѣ и послало 20,000 войска для усмиренія провинціи. Но маршалъ де-Во́, поставленный во главѣ этого войска, представлялъ, что на армію невозможно положиться. Депутаты трехъ сословій Дофинэ созвали, *во имя народнаго самодержавія*, общее собраніе сословій въ Греноблѣ и объявили, что подати не будутъ уплачиваемы, пока король не созоветъ земскихъ чиновъ (іюль 1788 г.). Примѣръ Дофинэ находилъ подражателей. Неурожаи, смуты и слабость власти отзывались гибельно на состояніи казны. Въ послѣднее время управленія Ломени-де-Бріенна, въ казнѣ, какъ мы видѣли, оставалось до 400,000 франковъ. Банкротство было неизбѣжно. Наконецъ, въ августѣ 1788 года, король уволилъ Ломени и призвалъ популярнаго Неккера. Послѣдній поправилъ на нѣкоторое время финансы, пріостановилъ распоряженія относительно парламента и убѣдилъ короля созвать земскіе чины. Собраніе послѣднихъ было первоначально назначено на 1 мая 1789 г.

II. При обсужденіи правительственныхъ мѣръ по созванію земскихъ чиновъ 1789 года, при оцѣнкѣ поведенія избирателей и инструкцій, данныхъ ими депутатамъ, мы встрѣчаемся съ большими трудностями, особенно если бы пожелали произнести приговоръ надъ политическими дѣятелями тогдашней Франціи. Съ одной стороны, правительство потеряло почву и утратило способность руководить

---

[1]) Многіе знаменитые генералы революціи и имперіи вышли изъ нижнихъ чиновъ, въ ряду которыхъ они остались бы безъ революціи. Гошъ былъ унтеръ-офицеромъ, Ожеро́ солдатомъ съ 1774 года, Мюратъ солдатомъ съ 1787, Журданъ тоже съ 1787, Массена съ 1775, Сультъ съ 1785, Ней съ 1788, Бернадотъ съ 1780 и т. д.

[2]) Въ 1789 въ окрестностяхъ одного Парижа было до 16,000 дезертировъ.

общественнымъ движеніемъ; съ другой стороны, избиратели и будущіе ихъ представители, лишенные всякаго политическаго опыта, призывались къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго устройства Франціи. Этимъ объясняется, почему ни тамъ, ни здѣсь не было яснаго взгляда на задачу созываемыхъ чиновъ. Прежде всего должно имѣть въ виду, что въ теченіе двухъ почти столѣтій земскіе чины вышли изъ употребленія во Франціи, вслѣдствіе чего ни для правительства, ни для націи не существовало живого преданія, которое могло бы объяснить смыслъ этого учрежденія. Англійскіе революціонеры временъ Карла I знали, что́ такое парламентъ, по непрерывному преданію многихъ вѣковъ. Французы имѣли такое же представленіе о земскихъ чинахъ, какъ и о „Мартовскихъ поляхъ" Карла-Великаго. Къ отсутствію преданія присоединялось и неясное пониманіе цѣли чиновъ.

Фактически правительство рѣшилось созвать чины потому, что оно истощило всѣ имѣвшіяся у него средства къ исправленію своего положенія и схватилось за мысль о генеральныхъ штатахъ, какъ за послѣднюю для себя надежду. Но, по очень понятной причинѣ, оно желало сохранить монархіи ея историческое положеніе и дать земскимъ чинамъ только то, чѣмъ они нѣкогда пользовались. „Etats généraux", говорилъ нѣкогда канцлеръ л'Опиталь [1]), „даютъ королю совѣты и представляютъ ему свои желанія и жалобы". Этотъ взглядъ еще въ 1787 году былъ высказанъ въ засѣданіи парламента канцлеромъ Ламуаньономъ [2]). Но силою вещей правительство должно было обѣщать созываемымъ чинамъ болѣе широкій кругъ дѣйствія, ибо дѣло шло объ „устраненіи злоупотребленій", которыя привели страну въ безвыходное положеніе. Исправить же послѣднія можно было только органическими мѣрами и законами.

Этимъ объясняется какъ неясность, такъ и двойственность взглядовъ на земскіе чины, взглядовъ, выраженныхъ въ оффиціальныхъ документахъ, какъ-то въ знаменитомъ докладѣ Неккера королю (27 декабря 1788 г.), въ созывной грамотѣ короля и друг. Король непосредственно или устами своего министра признаетъ, что онъ нуждается въ содѣйствіи своихъ вѣрноподданныхъ для преодолѣнія всѣхъ затрудненій относительно финансовъ и *„для установленія постояннаго и прочнаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія"*. Черты

---

[1]) Михаилъ л'Опиталь (Michel de l'Hospital) род. въ 1504, умеръ въ 1573 г., знаменитый канцлеръ Франціи (съ 1560 г.).

[2]) „Король Франціи", говорилъ онъ, „не можетъ найти въ представителяхъ трехъ сословій ничего, кромѣ болѣе обширнаго *совѣта*, составленнаго изъ членовъ семьи, которой онъ есть глава, и онъ всегда будетъ высшимъ рѣшителемъ (arbitre suprême) ихъ представленій и жалобъ".

этого „постояннаго и прочнаго порядка“ также намѣчены. Король не будетъ установлять налоговъ безъ согласія земскихъ чиновъ; онъ будетъ созывать ихъ по-часту, совѣтуясь съ ними о срокѣ новаго созыва; расходы, не исключая и расходовъ на содержаніе короля, будутъ точно опредѣлены; король приметъ, по совѣщанію съ чинами, мѣры противъ безпорядковъ, порождаемыхъ въ финансовомъ управленіи злоупотребленіями или неспособностью министровъ; его величество съ нетерпѣніемъ ждетъ совѣтовъ земскихъ чиновъ о мѣрѣ свободы, которую можно предоставить печати; король идетъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ своихъ подданныхъ, приглашая земскіе чины разсмотрѣть важный вопросъ о lettres de cachet; его величество предпочитаетъ постоянные совѣты земскихъ чиновъ преходящимъ совѣтамъ министровъ.

Совокупность такихъ обѣщаній и намековъ, очевидно, указывала на *новый* порядокъ, имѣвшій мало общаго съ земскими чинами стараго порядка. Оставалось, однако, неяснымъ, какъ и въ какой формѣ онъ установится. Это не помѣшало, при всеобщемъ и поразительномъ наканунѣ революціи оптимизмѣ, королевскимъ указамъ и докладу Неккера произвести всеобщій восторгъ. Многочисленные адресы королю и благодарственныя письма Неккеру выражали это [1]). Но названія для „постояннаго и прочнаго порядка“, о которомъ говорилось въ оффиціальныхъ документахъ, не было найдено. Оно было произнесено въ *наказахъ*, данныхъ избирателями своимъ депутатамъ (cahiers).

Нѣтъ ничего разнорѣчивѣе „наказовъ“ относительно терминовъ, коими означался новый порядокъ, указаній на порядокъ его установленія, даже предположеній о его видѣ. Но существо дѣла вездѣ остается одно и то же: избиратели поручаютъ своимъ депутатамъ выработать для Франціи *конституцію*. Въ большинствѣ наказовъ встрѣчается именно это выраженіе. Въ другихъ оно называется „контрактомъ“, „хартіею“ и т. д. Зная, какой смыслъ имѣло слово „конституція“ [2]) для людей XVIII вѣка, намъ понятно будетъ, чего ожидали составители „наказовъ“ отъ своихъ депутатовъ. Конституція должна была явиться выраженіемъ созданнаго національною волею государственнаго порядка, въ коемъ обезпечено было бы участіе націи въ законодательствѣ и управленіи и были бы ограждены из-

---

[1]) Мятежные еще недавно чины Дофинэ писали Неккеру: „трогательный докладъ, сдѣланный вами о формѣ земскихъ чиновъ, живо насъ тронулъ. Никогда не говорилось о правахъ людей и проектахъ лучшаго изъ королей съ бо̀льшимъ чувствомъ и достоинствомъ. Какое высокое назначеніе быть близъ престола органомъ правды и защищать ее съ такимъ благороднымъ мужествомъ!“

[2]) См. выше.

вѣстныя личныя права. Этому общему понятію о конституціи не противорѣчитъ тотъ фактъ, что многіе наказы требуютъ „возвращенія націи ея исконныхъ правъ", т.-е., другими словами, возстановленія стариннаго устройства Франціи. При тогдашнемъ состояніи историческихъ знаній во Франціи, старые земскіе чины идеализировались и тенденціозно представлялись въ ложномъ свѣтѣ. Не только въ земскихъ чинахъ XIV вѣка, но и въ Майскихъ поляхъ видѣли органъ „народнаго самодержавія", права коего были, впослѣдствіи, „похищены" правительствомъ.

Такимъ образомъ, депутаты должны были явиться уполномоченными націи для „возрожденія Франціи" посредствомъ новаго государственнаго устройства. Само правительство, не произнося слова „конституція", говорило о прочномъ порядкѣ во всѣхъ частяхъ управленія, который предполагалось установить при содѣйствіи земскихъ чиновъ. Въ виду такой цѣли, необходимо было опредѣлить составъ представительства, т.-е. устройство органа „націи", которая призывалась къ совѣщанію съ королемъ. Въ этомъ отношеніи распоряженія правительства оказались несостоятельными.

При совершенно новыхъ общественныхъ условіяхъ, правительство созывало земскіе чины, не собиравшіеся съ 1614 года, т.-е. въ теченіе 175 лѣтъ. Въ эпоху неудержимаго успѣха началъ гражданскаго равенства, оно собирало чисто *сословное* учрежденіе, павшее въ свое время отъ розни и соперничества отдѣльныхъ чиновъ. Самый порядокъ созванія чиновъ и выбора депутатовъ былъ уже мало извѣстенъ. Земскіе чины старой Франціи созывались каждый разъ особымъ порядкомъ, и для возстановленія выборной процедуры потребовались архивныя работы. Наконецъ былъ установленъ порядокъ примѣнительно къ правиламъ 1614 года.

Но первый существенный вопросъ для работъ будущаго собранія относился къ порядку совѣщаній и голосованія. Депутаты, избранные по *сословіямъ* (дворянство, духовенство, третье сословіе), будутъ ли совѣщаться и голосовать также по сословіямъ (par ordre) или совмѣстно, рѣшая дѣло большинствомъ соединенныхъ депутатовъ (par tête)? Отдѣльныя совѣщанія и голосованія, какъ показалъ опытъ, парализировали дѣйствія земскихъ чиновъ; сверхъ того, этотъ порядокъ рѣзко противорѣчилъ принципу *національнаго* представительства, котораго желала Франція. Съ другой стороны, раздѣльность голосованія представляла свои выгоды. Соединенные въ одну палату, депутаты, большинствомъ голосовъ, могли бы (что и случилось) принимать самыя спѣшныя и несправедливыя рѣшенія, въ ущербъ другимъ сословіямъ и государству [1]). Во всякомъ случаѣ, правительство

[1]) Такъ, въ наказѣ дворянства Бюжэ (Bugey) справедливо говорилось, что

должно было рѣшить этотъ вопросъ предварительно, не предоставляя рѣшеніе его случайностямъ. Въ наказахъ высказаны относительно этого предмета весьма различные взгляды, при чемъ во многихъ инструкціяхъ рѣшеніе вопроса предоставлено депутатамъ. Впрочемъ, значительная часть наказовъ третьяго сословія, уже признавшаго себя *всею* націею, категорически высказывается за поголовное голосованіе. Въ иныхъ наказахъ слышатся даже угрозы, осуществившіяся въ знаменитомъ засѣданіи 20 іюня 1789 г. [1]). Министерство, съ своей стороны, ограничилось предоставленіемъ третьему сословію двойного числа депутатовъ и тѣмъ какъ бы приглашало это сословіе занять первенствующее положеніе въ собраніи. Но эта мѣра, очевидно, не имѣла бы смысла безъ поголовнаго голосованія, котораго депутаты третьяго сословія добились собственною силою.

Не менѣе важенъ и столь же мало разрѣшенъ былъ вопросъ объ отношеніи депутатовъ къ даннымъ имъ наказамъ. Въ условіяхъ сословнаго представительства, когда депутаты были представителями своихъ сословій и призывались говорить ихъ именемъ, дѣйствія выборныхъ по необходимости связывались данными имъ инструкціями. Обязательность послѣднихъ (mandat impératif) являлась важнымъ средствомъ огражденія интересовъ отдѣльныхъ сословій и провинцій. Но теперь генеральные штаты собирались для общенаціональнаго дѣла и притомъ для составленія *конституціи*. Могли ли они выполнить свою задачу, будучи связаны отдѣльными инструкціями, содержавшими часто противорѣчивыя требованія? Вопросъ этотъ, очевидно, былъ упущенъ изъ виду какъ правительствомъ, такъ и составителями „наказовъ". Послѣдніе, въ общемъ своемъ направленіи, составлены въ видѣ *обязательныхъ инструкцій* (mandats impératifs), къ точному исполненію которыхъ депутаты обязывались *присягой*.

Но логическимъ выводомъ изъ начала обязательности наказовъ являлась непосредственная, учредительная власть самой націи, дѣй-

---

„совѣщанія земскихъ чиновъ въ соединенномъ собраніи сословій были бы подвержены ужасающимъ превратностямъ; въ нихъ можно будетъ видѣть каждое сословіе по очереди угнетеннымъ и угнетающимъ, надменнымъ своимъ успѣхомъ, ожесточеннымъ своими неудачами и представляющимъ позоръ отвратительнаго раздора въ собраніи мира и братства". Еще пространнѣе говорятъ объ этомъ предметѣ наказы Жіена и Клермона въ Бовоази. Ср. Понсенъ, ук. соч., стр. 91 и слѣд.

[1]) „Голоса", говоритъ оксерскій наказъ, „будутъ считаться поголовно, а не по сословіямъ... въ случаѣ, если два другихъ сословія или одно изъ нихъ не захотятъ голосовать этимъ порядкомъ, или удалятся, депутаты третьяго останутся собранными и будутъ совѣщаться о предметахъ, по коимъ они созваны, не смотря на протесты депутатовъ другихъ сословій, *такъ какъ третье сословіе по существу составляетъ націю*". Понсенъ, ук. соч., стр. 85.

ствующей чрезъ своихъ *уполномоченныхъ* [1]). Проведеніе такого начала представляло, прежде всего, матеріальныя затрудненія, такъ какъ въ наказахъ не могла быть изложена конституція Франціи; ее предстояло еще выработать, по общему соглашенію. Затѣмъ наказы признавали, что выработанная конституція нуждалась въ утвержденіи короля, слѣдовательно, и въ его согласіи какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Поэтому многіе наказы, составленные въ видѣ обязательныхъ инструкцій, признаютъ, что „многое должно предоставить мудрости депутатовъ". Другіе прямо различаютъ приказанія безусловныя отъ условныхъ, или предметы основные и предметы, которые трудно рѣшить въ одну сессію. По содержанію своему, приказанія безусловныя являются въ двоякомъ видѣ. Въ однихъ наказахъ содержатся основные принципы будущей конституціи, отъ которыхъ депутаты не въ правѣ отступать ни въ какомъ случаѣ [2]). Въ другихъ, депутатамъ воспрещается вотировать налоги, прежде чѣмъ будутъ изданы законы о личной свободѣ и признаны права націи по установленію налоговъ и періодичность собраній земскихъ чиновъ. Въ третьихъ, требуется особая декларація правъ человѣка, въ видѣ основного закона.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя общія требованія наказовъ предопредѣлили ходъ работъ въ учредительномъ собраніи. Но въ отдѣльности содержаніе наказовъ, несходныхъ и часто противорѣчивыхъ, требовало большаго простора для депутатовъ. Послѣдніе, по необходимости, захватили въ свои руки учредительную власть [3]).

III. Земскіе чины, открытіе которыхъ было возвѣщено на 27 апрѣля, собрались 5 мая 1789 года. Уже на составѣ ихъ отразилось настроеніе избирателей. Изъ 300 почти депутатовъ духовнаго сословія

---

[1]) Такъ, дворянство Сентонжа говорило въ своемъ наказѣ: „мы объявляемъ нашимъ депутатамъ, что они суть только наши *повѣренные* (mandataires), предъявители нашей довѣренности, истолкователи нашей воли. Согласно съ этими началами, которыя всегда будутъ нашими, мы *приказываемъ* (ordonnons) нашимъ депутатамъ ни въ чемъ не отступать отъ распоряженій и инструкцій, нами данныхъ; въ случаѣ, если бы они не сообразовались съ ними въ точности, мы отъ нихъ откажемся и объявимъ ихъ недостойными нашего довѣрія". Понсенъ. ук. соч., стр. 56 и слѣд.

[2]) Напримѣръ: исполнительная власть предоставляется королю; законодательная—королю и націи; послѣдней принадлежитъ право вотировать налоги; депутаты неприкосновенны; личная свобода обезпечена; министры отвѣтственны; судьи несмѣняемы; земскіе чины созываются періодически.

[3]) Обязательность инструкцій была отмѣнена декретомъ національнаго собранія 8 іюля 1789 года для того, чтобы снять съ депутатовъ, связанныхъ инструкціями, несогласными съ принципами, принятыми собраніемъ, ихъ отвѣтственность предъ избирателями. Постановленіе собранія состоялось, по предложеніи Сійеса, большинствомъ 700 голосовъ противъ 28. Ср. Faustin-Adolphe Hélie, *Les constitutions de la France*, etc, стр. 24 и слѣд.

только $^1/_3$ принадлежала къ высшему духовенству; $^2/_3$ составляли городскіе и сельскіе священники. Изъ такого же, приблизительно, числа дворянскихъ депутатовъ, около 125 принадлежали къ придворной знати, 140 къ провинціальному дворянству, остальные къ судебному сословію. Наиболѣе знаменателенъ былъ составъ депутатовъ отъ третьяго сословія; изъ 600 слишкомъ депутатовъ, около 150 принадлежало къ судейскому сословію, 210 къ адвокатурѣ, около 80 къ торговому классу, около 40 къ земледѣльцамъ и фермерамъ. Такимъ образомъ, значительнѣйшею группою являлись депутаты изъ судейскаго и адвокатскаго сословія. Въ видѣ исключенія, насчитывалось нѣсколько дворянъ (въ томъ числѣ Мирабо) и сверхштатныхъ (sans exercice public) духовныхъ (въ томъ числѣ Сійесъ). Центръ тяжести власти переносился въ третье сословіе, а въ послѣднемъ преобладаніе принадлежало людямъ идей, готовыхъ довести свои принципы до конца.

Уже при открытіи земскихъ чиновъ обнаружилось, что правительство безсильно руководить ихъ дѣятельностью. Рѣчь короля была безцвѣтна; рѣчь канцлера, Барантена, составлена въ общихъ выраженіяхъ; докладъ Неккера о финансахъ продолжался три часа, но не привелъ къ опредѣленному результату. Ясна была только полная безпомощность правительства. Даже въ эту минуту оно не поправило прежде сдѣланнаго имъ упущенія: вопросы о порядкѣ собраній, о подачѣ голосовъ, о привилегіяхъ высшихъ сословій остались неразрѣшенными.

Собраніе было предоставлено самому себѣ и въ первое время не могло дѣйствовать. Депутаты дворянства и духовенства держались въ сторонѣ и старались выиграть время для сохраненія своихъ привилегій. Депутаты третьяго сословія еще мало сблизились для рѣшительныхъ дѣйствій. Но надъ самимъ собраніемъ тяготѣла сила, которая скоро должна была двинуть его впередъ. Печать, освобожденная отъ цензуры, уже обнаружила свое дѣйствіе во время выборовъ; теперь сотни памфлетовъ, газетъ, летучихъ листковъ поддерживали общественное броженіе. Энергически побуждали они третье сословіе, какъ истиннаго представителя націи, покончить съ „старымъ порядкомъ“ и привилегіями высшихъ сословій. Барнавъ, Сійесъ, Кондорсе, Мирабо, Шанфоръ, Волней, Серванъ, десятки анонимовъ работали перомъ, пока не настало время дѣйствія [1]). Подъ покровительствомъ

---

[1]) Между этими брошюрами особенную знаменитость пріобрѣла брошюра Сійеса: *Что такое третье сословіе?* (*Qu'est-ce que le tiers-état?*) — страстный памфлетъ противъ привилегированныхъ классовъ и провозглашеніе правъ третьяго сословія, какъ *всей* націи.

герцога Орлеанскаго, народныя сборища жадно выслушивали въ Пале-Роялѣ рѣчи десятковъ импровизированныхъ ораторовъ. Основались политическіе клубы; изъ провинцій приходили извѣстія о мятежахъ и образованіи союзовъ, клявшихся помогать „третьему сословію" въ его дѣлѣ.

Прошелъ, однако, мѣсяцъ, прежде чѣмъ третье сословіе рѣшилось дѣйствовать. Только 12 іюня депутаты этого сословія, по предложенію Сійеса, постановили приступить къ повѣркѣ своихъ полномочій, пригласивъ къ тому же два другихъ „чина". Этимъ было осуществлено уже раньше заявленное требованіе третьяго сословія; выполненіе его должно было привести къ обращенію земскихъ чиновъ въ національное собраніе. Не смотря на противодѣйствіе двора и большинства депутатовъ другихъ сословій, провѣрка полномочій была заключена 16-го іюня, а 17-го депутаты третьяго сословія, въ качествѣ представителей 96% націи, объявили себя, по предложенію того же Сійеса, національнымъ собраніемъ (Assemblée Nationale). Шумное одобреніе нѣсколькихъ тысячъ зрителей привѣтствовало это рѣшеніе [1]).

Оно являлось, однако, двойною узурпаціею. Во-первыхъ, „третье сословіе" присвоило себѣ право національнаго собранія безъ согласія короля и двухъ другихъ сословій и тѣмъ рѣшило само собой вопросъ о порядкѣ совѣщаній и голосованія [2]). Во-вторыхъ, оно объявило себя уполномоченнымъ націи, т.-е. implicite, провозгласило народный суверенитетъ. Принципъ старой монархіи палъ уже 17 іюня. Съ этого дня начинается распаденіе привилегированныхъ сословій. Тщетно ожидали они отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ. Попытка воспрепятствовать собранію третьяго сословія, заперевъ залу засѣданія, кончилась знаменитой сценой присяги въ мячевомъ залѣ (Jeu de Paume). Депутаты, по предложенію Мунье, поклялися не расходиться прежде, чѣмъ они дадутъ Франціи конституцію (20 іюня) [3]).

---

[1]) „Собраніе", сказано въ деклараціи 17 іюня, „совѣщаясь послѣ провѣрки полномочій, признаетъ, что оно составлено уже изъ представителей, посланныхъ по крайней мѣрѣ 96/100 *націи*". Такая масса депутатовъ не можетъ бездѣйствовать изъ за отсутствія депутатовъ нѣсколькихъ бальяжей и нѣкоторыхъ сословій. Затѣмъ только депутатамъ, провѣрившимъ свои полномочія, принадлежитъ участіе въ образованіи національной воли, и всѣ представители, коихъ полномочія провѣрены, *обязаны* присутствовать въ этомъ собраніи; отсюда слѣдуетъ, что только этому собранію принадлежитъ право представлять и истолковывать волю націи. „Между трономъ и этимъ собраніемъ не можетъ быть veto, власти отрицательной. Посему собраніе объявляетъ, что общее дѣло національнаго возрожденія можетъ и должно быть начато наличными депутатами, и что они должны преслѣдовать его непрерывно и безпрепятственно" и т. д.

[2]) См. выше.

[3]) Декларація собранія, извѣстная подъ именемъ „присяги Jeu de Paume", составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Два другія сословія поняли, куда переходитъ теперь власть; значительная часть духовенства (до 150) и часть дворянства присоединились къ третьему сословію. Другая часть, вмѣстѣ съ дворомъ, убѣдила короля сдѣлать послѣднюю попытку къ спасенію стараго порядка; 23 іюня король явился въ собраніе чиновъ съ цѣлымъ рядомъ рѣшеній. Онъ обѣщалъ отмѣну нѣкоторыхъ налоговъ, уничтоженіе lettres de cachet и цензуры, преобразованія въ юстиціи и въ арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что совѣщанія сословій должны происходить отдѣльно. Предлагая свои предположенія собранію, онъ настойчиво приглашалъ принять ихъ, говоря, что въ противномъ случаѣ онъ одинъ позаботится о благѣ своихъ народовъ [1]). Въ заключеніе, онъ отдалъ сословіямъ приказъ разойтись.

Депутаты двухъ высшихъ сословій повиновались приказу: но третье сословіе осталось на мѣстахъ. Когда церемоніймейстеръ напомнилъ имъ о волѣ короля, то Мирабо воскликнулъ: „скажите вашему господину, что мы здѣсь по волѣ народа и что насъ можно изгнать отсюда только силою штыковъ". Вслѣдъ затѣмъ, собраніе, по предложенію Мирабо, объявило личность депутата неприкосновенною [2]).

Король, рѣшительность котораго истощилась въ засѣданіи 23 іюня, уступилъ. Страшныя волненія въ Парижѣ и въ провинціяхъ усиливали опасность; 25 іюня еще часть высшаго дворянства, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ, и часть высшаго духовенства пристали къ собранію, вскорѣ объявившему себя *учредительнымъ* (Assemblée Constituante). Такимъ образомъ, оно признало за собою полномочіе дать Франціи конституцію.

Разложеніе стараго порядка и разрывъ націи съ прошлымъ шли быстрыми шагами. На каждую попытку остановить ходъ революціи,

---

„Національное собраніе, принимая во вниманіе, что будучи призвано учредить конституцію королевства, содѣйствовать возрожденію общественнаго порядка и поддержать истинныя начала монархіи—ничто не можетъ ему воспрепятствовать продолжать свои совѣщанія, въ какомъ бы мѣстѣ оно ни было принуждено собираться, и, наконецъ, что вездѣ, гдѣ собраны его члены, тамъ находится и собраніе, *постановляетъ*:

Всѣ члены этого собранія тотчасъ принесутъ торжественную присягу никогда не расходиться и собираться вездѣ, гдѣ укажутъ обстоятельства, пока конституція королевства не будетъ установлена и утверждена на прочныхъ основаніяхъ, и, по принесеніи присяги, всѣ члены въ отдѣльности утвердятъ подписью это непоколебимое рѣшеніе".

1) „Seul je ferai le bien de mes peuples".

2) Лица, посягающія на эту неприкосновенность, объявлены безчестными и измѣнниками противъ *націи*; дѣйствія ихъ приравнены къ преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь (crime capital).

парижское населеніе, находившееся во власти клубовъ и демагоговъ, отвѣчало мятежомъ. Когда 12 іюля въ Парижъ пришло извѣстіе объ отставкѣ Неккера, удаленнаго по настоянію феодальной партіи, Камиллъ Демуленъ поднялъ возстаніе, быстро охватившее столицу и кончившееся взятіемъ государственной тюрьмы (Бастиліи). Съ этого дня власть надъ столицею окончательно переходитъ въ руки вновь организованнаго муниципалитета [1]), національной гвардіи, во главѣ которой былъ поставленъ Лафайетъ, и революціонныхъ клубовъ. Новыя общественныя силы, противопоставлявшія себя старому порядку, дали себѣ и внѣшнюю эмблему, въ видѣ трехцвѣтнаго (сине-красно-бѣлаго) знамени, принятаго по предложенію Лафайета [2]).

Паденіе прежняго правительства, на мѣсто котораго не было еще поставлено новыхъ учрежденій, естественно сопровождалось анархіей, обострившеюся страстями бѣдствующаго и голоднаго народа. Мятежи въ Парижѣ и другихъ центрахъ, неистовства крестьянъ, сожигавшихъ замки владѣльцевъ, грабившихъ монастыри и убивавшихъ дворянъ и чиновниковъ, свидѣтельствовали, что событія не ждутъ „возрожденія" Франціи, обѣщаннаго ей законодателями. Наиболѣе близкій для народа вопросъ о феодальныхъ повинностяхъ и десятинахъ оставался безъ движенія, и крестьяне сами разрѣшали его истребленіемъ вотчинныхъ книгъ, грамотъ и хартій, пожарами, грабежами и убійствами. Подробный докладъ объ этихъ событіяхъ былъ представленъ собранію 3 августа 1789 года. Послѣ прочтенія доклада, неизвѣстный еще бретонскій депутатъ Керангаль, въ сильной рѣчи, доказалъ собранію, что событія, о которыхъ говорилось въ докладѣ, суть послѣдствія бездѣйствія самого собранія, не покончившаго еще съ феодальнымъ порядкомъ. На слѣдующій день, по предложенію виконта де-Ноайяля, всѣ сословія единодушно отказались отъ привилегій: дворянство отъ барщины и другихъ повинностей, вотчиннаго суда и права охоты, духовенство отъ десятинъ, горожане отъ цеховыхъ и гильдейскихъ привилегій. Объявленіе равноправности и начало равномѣрнаго распредѣленія налоговъ закончило эту знаменитую ночь 4 августа, эту послѣднюю ночь феодальнаго порядка [3]).

IV. Теперь, въ моментъ сильнѣйшаго революціоннаго энтузіазма, были, наконецъ, провозглашены начала новаго общественнаго и государственнаго порядка, свидѣтельствовавшія также о разрывѣ націи съ ея прошлымъ. Эти начала были выражены въ знаменитой декла-

---

[1]) Или коммуны (commune).

[2]) Синій и красный суть цвѣта города Парижа; бѣлый—цвѣтъ Бурбоновъ. Такимъ образомъ, трехцвѣтное знамя должно было служить эмблемой союза націи съ королемъ.

[3]) Наиболѣе подробное и краснорѣчивое ея описаніе у Мишле.

раціи правъ человѣка и гражданина (Déclaration des droits de l'homme et du citoyen), принятой собраніемъ по настоянію и предложенію Лафайета (26 августа 1789).

Двоякое значеніе, которое имѣла декларація въ понятіи руководителей революціи, проявляется во введеніи къ этому акту, въ которомъ излагаются мотивы, побудившіе собраніе издать его.

Представители французскаго народа, говорится здѣсь, рѣшились издать эту декларацію, принимая во вниманіе, „что забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть *единственныя причины* общественныхъ несчастій и порчи правительствъ". Такимъ образомъ, причина несчастій Франціи и порчи ея правительства состоитъ въ забвеніи, въ теченіе многихъ вѣковъ, правъ человѣка. Возрожденіе страны зависитъ отъ ихъ провозглашенія. Поэтому представители народа

„Рѣшились изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка, дабы это объявленіе, будучи постоянно въ виду всѣхъ членовъ общественнаго тѣла, непрерывно напоминало бы имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; дабы дѣйствія властей законодательной и исполнительной, будучи ежеминутно сравниваемы съ цѣлью всякаго политическаго установленія, были бы чрезъ это болѣе уважаемы; дабы требованія (réclamations) гражданъ, основанныя отнынѣ на началахъ простыхъ и безспорныхъ, обращались всегда къ поддержанію конституціи и къ общему счастью".

Такимъ образомъ, „декларація" явилась совокупностью принциповъ, поставленныхъ не только надъ обыкновенными законами, но и надъ самою *конституціею*. Она не была, подобно англійскому объявленію 1688 года, провозглашеніемъ исконныхъ правъ англійской націи, основанныхъ на статутахъ и прецедентахъ; она не была изложеніемъ англійскихъ вольностей въ формѣ естественныхъ законовъ, подобно американскимъ деклараціямъ; она не сходна и съ такъ называемыми „основными правами" (Grundrechte) гражданъ, включаемыми обыкновенно въ современныя конституціи; она явилась самимъ *естественнымъ закономъ*, поставленнымъ надъ всякимъ положительнымъ правомъ, независимымъ отъ условій мѣста и времени, примѣнимымъ ко всѣмъ людямъ и, по авторитету своему, высшимъ, чѣмъ авторитетъ самой *учредительной* власти. Въ этомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ, декларація должна была сдѣлаться актомъ *революціоннымъ*, подчинявшимъ всѣ учрежденія и всѣ дѣйствія властей постоянному обсужденію съ точки зрѣнія „цѣли" политическаго общества, и открывала возможность противопоставлять велѣніямъ положительныхъ (хотя бы и конституціонныхъ) законовъ „требованія гражданъ, основанныя на началахъ простыхъ и *безспорныхъ*". События

послѣдующихъ лѣтъ показали результаты такого сопоставленія, хотя, разумѣется, не одна „декларація правъ“ породила ихъ. Но она явилась показателемъ политическаго направленія страны и дала ему готовую формулу.

Содержаніе декларации соотвѣтствуетъ введенію. Первое ея постановленіе гласитъ:

„Люди *рождаются и остаются* свободными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ“.

Такимъ образомъ, государство образуется изъ лицъ одинаково свободныхъ и равныхъ. Призваніе его опредѣляется 2-ю статьею, въ которой сказано:

„Цѣль всякаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“.

Составленное изъ свободныхъ и равныхъ людей, соединившихся съ цѣлью охраненія естественныхъ правъ, „политическое общество является народомъ (nation), которому принадлежитъ *верховенство*“.

„Принципъ всякаго суверенитета“, говоритъ ст. 3, „содержится въ націи. Никакое учрежденіе или лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ народа“.

Этими тремя началами предопредѣляется устройство государства. „Декларація“ не высказывается въ пользу той или иной *формы правленія*, монархіи или демократіи. Но составители ея имѣли въ виду провозгласить начала, коими должна руководствоваться *всякая* государственная власть и которыя должны быть воспроизведены въ каждомъ государствѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ естественнаго права. Безусловность этихъ требованій ясно выражена въ ст. 16:

„*Ни одно* общество, въ коемъ не установлена гарантія правъ и не опредѣлено раздѣленіе властей, *не имѣетъ конституціи* (n'a point de constitution)“.

Въ понятіяхъ и на языкѣ того времени это выраженіе означало, что государственный строй „такого общества“ противорѣчитъ естественному праву и первоначальному договору, т.-е., что онъ *несправедливъ* по самому существу своему.

Для осуществленія справедливости, каждое государственное устройство должно покоиться на признаніи естественной свободы и равенства людей, народнаго суверенитета и имѣть своею цѣлью огражденіе естественныхъ правъ. Отсюда истекаютъ слѣдующія логическія послѣдствія:

1. Призванное къ обезпеченію свободы государство само не должно ограничивать ее стѣснительными предписаніями и произвольными мѣрами. Для этого оно должно имѣть въ виду, во-первыхъ, содер-

жаніе свободы. Послѣдняя состоитъ въ правѣ дѣлать все, что́ не вредитъ другому, или, точнѣе говоря, что̀ не препятствуетъ другому пользоваться равными для всѣхъ естественными правами. Во-вторыхъ, *эта мѣра свободы* должна быть опредѣлена нормою объективною, равною для всѣхъ, т.-е. закономъ. Въ-третьихъ, самый законъ можетъ воспрещать только дѣйствія, вредныя для общества. Все, невоспрещенное закономъ, позволено, и никто не можетъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не предписываетъ [1]).

2. Сверхъ этого общаго правила, декларація установляетъ положительныя запрещенія разныхъ мѣръ и дѣйствій, ограничивавшихъ личную свободу въ отдѣльныхъ отношеніяхъ. Сюда относятся воспрещеніе произвольныхъ арестовъ (особенно посредствомъ тайныхъ королевскихъ предписаній—lettres de cachet), жестокихъ наказаній. законовъ съ обратнымъ дѣйствіемъ; воспрещеніе религіозныхъ преслѣдованій и цензурныхъ ограниченій [2]). Провозглашается также неприкосновенность собственности, съ признаніемъ за государствомъ права отчужденія частныхъ имуществъ на общественное употребленіе, подъ условіемъ „справедливаго и предварительнаго вознагражденія“ собственника [3]).

3. Законъ, опредѣляющій мѣру свободы каждаго и содержащій въ себѣ гарантію естественныхъ правъ. долженъ быть, въ силу принципа народнаго верховенства, „выраженіемъ общей воли“. Учредительное собраніе не пошло, однако, въ этомъ отношеніи, такъ далеко, какъ Руссо. Оно не обратило законодательной власти въ исключительный аттрибутъ народной воли, осуществляемой народомъ *непосредственно*; оно признало и принципъ представительства. „Всѣ граждане, говоритъ декларація, имѣютъ право, *лично или чрезъ своихъ представителей*, участвовать въ составленіи закона“. Но законодательная власть должна издавать законы, равные для всѣхъ [4]).

4. Призванные къ участію въ законодательствѣ, граждане имѣютъ право, лично или чрезъ представителей, участвовать въ завѣдываніи *финансовою* частью. Логическій ходъ относящихся сюда постановленій деклараціи есть слѣдующій. Для охраненія правъ человѣка и гражданина необходима общественная сила (force publique). Послѣдняя установляется для общаго благополучія, а не для частной пользы тѣхъ, кому она ввѣрена. Затѣмъ, для содержанія этой силы и для покрытія издержекъ по управленію, необходимы общіе налоги: они

---

[1]) Ст. 4 и 5.
[2]) Ст. 7—11.
[3]) Ст. 17.
[4]) Ст. 6.

должны быть равномѣрно распредѣлены между всѣми гражданами, сообразно ихъ средствамъ. Для того, чтобы общественная сила служила общей пользѣ и чтобы налоги распредѣлялись равномѣрно, граждане лично, или чрезъ своихъ представителей, имѣютъ слѣдующія права: а) опредѣлять необходимость налога; б) свободно соглашаться на него; в) слѣдить за его употребленіемъ; г) опредѣлять его размѣръ, основанія раскладки, взиманія и его срокъ [1]).

5. Если полномочія всякой власти происходятъ отъ народа, то отсюда понятно и третье послѣдствіе народнаго суверенитета: въ обществѣ не можетъ быть *безотвѣтственныхъ* агентовъ власти. „Общество", говоритъ 15 ст. деклараціи, „имѣетъ право требовать отчета у всякаго агента своей администраціи".

Таковы постановленія знаменитой „деклараціи", сдѣлавшейся знаменемъ французской революціи. Обнародованная 27 августа 1789 года, она должна была послужить основаніемъ для будущей конституціи королевства. Начала, провозглашенныя въ ней, получили названіе „принциповъ 1789 года" (principes de 1789). Конституція, основанная на такихъ началахъ, по существу своему могла быть только *демократической и республиканской*, хотя декларація и не провозглашаетъ именно этой формы правленія.

Провозглашая суверенитетъ народа и природное равенство людей, декларація не могла дать какихъ либо логическихъ основаній для наслѣдственной и самостоятельной королевской власти; въ обществѣ, преобразованномъ по принципамъ деклараціи, не могло быть мѣста для какой либо аристократіи. Изъ трехъ историческихъ элементовъ англійскаго парламента, два — король и палата лордовъ — явились несогласными съ началами права естественнаго. Другими словами, предпосылки деклараціи заключали въ себѣ тотъ логическій выводъ, что демократическая республика есть единственная законная и справедливая форма правленія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ КОНСТИТУЦІИ.

(1791—1799).

I. Послѣ взятія Бастиліи, ночи 4 августа и деклараціи правъ, всѣ элементы стараго общества пали не только фактически, но и юридически. Но конституція, долженствовавшая установить новый

[1]) Ст. 12—14.

государственный порядокъ, явилась, въ окончательной своей формѣ, только чрезъ два года (3 сентября 1791 г.). По содержанію своему, она явилась итогомъ отдѣльныхъ законовъ и декретовъ, посредствомъ которыхъ учредительное собраніе создавало, по частямъ, новый порядокъ или расчищало ему дорогу.

Конституціоннымъ актомъ 1 октября 1789 г. собраніе установило главныя начала новаго политическаго устройства [1]). Постановленіе это можетъ быть названо временною конституціею, содержавшею въ себѣ основные принципы полной конституціи. Она постановляла:

1) что всѣ власти исходятъ отъ народа; 2) что правительство Франціи есть монархическое, но что въ странѣ нѣтъ власти выше закона, въ силу котораго управляетъ и король; 3) что собраніе постоянно (т.-е. собирается само собою и не можетъ быть распущено раньше срока), состоитъ изъ одной палаты и избирается на два года; 4) ему принадлежитъ законодательная власть; королю принадлежитъ *задерживающее* veto; 5) налоги могутъ быть установляемы и взимаемы только въ силу декрета собранія; 6) исполнительная власть не можетъ издавать временныхъ законовъ: министры и другіе агенты исполнительной власти отвѣтственны; 7) судебная власть отдѣлена отъ исполнительной и законодательной.

Такимъ образомъ, основныя начала новой конституціи были объявлены безъ согласія короля: собраніе поставило свою „учредительную" власть выше королевской. Король, которому были представлены на утвержденіе декларація правъ и законъ 1 октября, отказался утвердить ихъ безъ оговорокъ. Національное собраніе (5 октября) объявило, что *конституціонные* законы не нуждаются въ королевской санкціи, и отправило къ королю депутацію съ просьбою принять названные декреты. Людовикъ XVI долженъ былъ уступить, тѣмъ болѣе, что резолюція собранія совпала съ страшнымъ возстаніемъ 5 и 6 октября 1789 года, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ перемѣщеніе королевской резиденціи изъ Версаля въ Парижъ, гдѣ король сталъ въ положеніе плѣнника. Вслѣдъ затѣмъ, 9 октября, перенесло свое пребываніе въ Парижъ и національное собраніе.

Подъ вліяніемъ народныхъ возстаній и давленія клубовъ, разрушеніе стараго порядка пошло быстро.

Сословныя привилегіи уже пали въ ночь 4 августа 1789 года [2]). Вслѣдъ затѣмъ учредительное собраніе приступило къ переустройству сильнѣйшаго послѣ королевской власти учрежденія — т.-е.

---

[1]) Фостенъ-Эли, *Les constitutions de la France*, стр. 44.

[2]) Хотя эти декреты были утверждены королемъ только 3 ноября 1789 года. Титулы и другія почетныя отличія были отмѣнены декретомъ 20—23 іюня 1790 г.

церкви. Лишить церковь матеріальнаго могущества и подчинить ее новой государственной власти настолько, чтобы революція не встрѣчала въ ней препятствій—таковы были двѣ цѣли учредительнаго собранія. Первая цѣль была достигнута отмѣною десятинъ, бенефицій, упраздненіемъ монастырей и конфискаціею церковныхъ имуществъ [1]). Для достиженія второй должно было служить такъ называемое „гражданское устройство церкви" (Constitution civile du clergé) [2]).

Если первый рядъ мѣръ былъ проведенъ съ довольно большимъ успѣхомъ, то „гражданское устройство духовенства" явилось неудачною и несправедливою мѣрою, внесшею расколъ въ церковь, породившею возстаніе Вандеи и ужасы позднѣйшей католической реакціи. „Законы о гражданскомъ устройствѣ" содержали въ себѣ постановленія двоякаго характера. Съ одной стороны, они отмѣняли дѣйствовавшія правила объ отношеніяхъ государства къ церкви, основанныя на *конкордатахъ*, изъ коихъ первый былъ заключенъ съ папскимъ престоломъ Францискомъ I въ 1516 году. Съ отмѣною конкордатовъ законодательство возвращалось къ *прагматической санкціи* Карла VII (1438), которою обезпечивалась бо̀льшая степень свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ [3]). Но въ какихъ формахъ должны были выразиться права вновь создаваемой для государства власти? Принципъ народнаго самодержавія давалъ прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Духовныя власти должны получать свои полномочія отъ народа; духовенство должно входить въ общую массу „гражданъ"; церковныя учрежденія должны быть частью установленій государственныхъ.

Эти требованія выразились въ основныхъ началахъ „гражданскаго устройства", которыя могутъ быть сведены къ четыремъ:

1) Старыя епархіи упраздняются; границы новыхъ совпадаютъ съ границами вновь созданныхъ департаментовъ (см. ниже) [4]).

2) Мѣста епископовъ и священниковъ замѣщаются по *выбору* [5]).

3) Выборы производятся гражданами, безъ различія свѣтскихъ и духовныхъ [6]).

---

[1]) Церковныя имущества были конфискованы декретомъ 2—3 ноября 1789 г. Фостенъ-Эли, ук. соч., стр. 55 и слѣд.

[2]) Конституціонный декретъ національнаго собранія 12 іюля—14 августа 1790 г. Фостенъ-Эли, ук. соч., стр. 125 и слѣд.

[3]) Ср. Фридберга, *Die Gränzen zwischen Staat und Kirche* etc., стр. 488 и слѣд., изд. 1872 г.

[4]) Декретъ 12 іюля—14 августа, тит. I, ст. 1 и 2.

[5]) Декр., тит. II, ст. 1, 3.

[6]) Избраніе епископовъ совершается въ формахъ, предписанныхъ для выборовъ департаментской администраціи.

4) Въ отношеніи своихъ духовныхъ обязанностей, всѣ епископы *равны*; въ своей юрисдикціи они не подчиняются папѣ и не нуждаются въ его утвержденіи [1]).

Замѣчательно, что учредительное собраніе думало воспроизвести въ этомъ „гражданскомъ устройствѣ“ начала древнѣйшей христіанской церкви. Но оно имѣло дѣло съ вѣковымъ устройствомъ католической церкви, которое оно потрясало въ самомъ основаніи. Расколъ въ духовенствѣ обнаружился уже во время преній о „гражданскомъ устройствѣ“; онъ усилился съ той минуты, какъ декретами собранія было предписано требовать отъ духовенства присяги новому устройству и сверхъ того *гражданской* присяги (serment civique). Папа не только воспретилъ духовенству приносить такую присягу, но и потребовалъ, чтобы лица, принесшія ее, отказались отъ нея (мартъ, апрѣль 1791 г.). Смущеніе проникло не только въ духовенство, но и въ массы вѣрующихъ. Уже въ октябрѣ 1791 года коммиссары собранія свидѣтельствовали объ опасномъ настроеніи въ департаментахъ Вандеи и двухъ Севръ. Только 1/3 духовенства подчинилась новому устройству.

II. Нанося ударъ старѣйшему изъ французскихъ учрежденій, собраніе, безъ труда и съ одобренія короля, уничтожило старое дѣленіе Франціи на провинціи, связанныя съ историческими воспоминаніями. Въ этомъ отношеніи, національное собраніе довершило дѣло административной и политической централизаціи, издавна начатое королями. Закономъ 14—18 декабря 1789 г. старое устройство городовъ и всѣхъ общинъ (villes, bourgs, paroisses, communautés) было замѣнено однообразнымъ муниципальнымъ учрежденіемъ, основаннымъ на выборномъ началѣ. Управленіе въ общинахъ ввѣрено мэру [2]) и муниципалитету (corps municipal), состоящему изъ 3 до 21 члена, по числу населенія [3]). Для защиты интересовъ общины и веденія ея дѣлъ назначался прокуроръ, въ многолюдныхъ общинахъ имѣвшій помощника. Закономъ 22 декабря 1789 прежнее дѣленіе на историческія провинціи было замѣнено дѣленіемъ на 83 депар-

---

[1]) Лаферрьеръ, *Essai sur l'histoire du droit français*, II, стр. 68 и слѣд., изд. 1859 г.

[2]) Ст. 4.

[3]) Изъ 3 въ общинахъ съ населеніемъ ниже 500

Изъ 3	въ общинахъ съ населеніемъ ниже				500
„ 6	съ населеніемъ отъ		500	до	3,000
„ 9	„	„	3,000	„	10,000
„ 12	„	„	10,000	„	25,000
„ 15	„	„	25,000	„	50,000
„ 18	„	„	50,000	„	100,000
„ 21	„	„	свыше		100,000

Парижъ получилъ особое устройство. Декретъ 21 мая 1790 г.

тамента, 574 округа (districts) и 4730 кантоновъ. Уцѣлѣла только первоначальная единица—община, но и въ этомъ отношеніи стремленіе къ нивеллировкѣ выразилось въ уничтоженіи естественнаго различія между городами и сельскими общинами. И тѣ, и другія одинаково были подведены подъ опредѣленіе общинъ или муниципалитетовъ (municipalités), коихъ было учреждено 44,828.

Новое дѣленіе довершало, какъ мы замѣтили, административное и политическое единство страны. Историческія особенности провинцій утратились при короляхъ настолько, что, по замѣчанію Токвиля, учредительное собраніе, раздѣляя страну на департаменты, рѣзало не живое тѣло, а трупъ. Но эту характеристику нельзя признать безусловно вѣрной. Старыя особенности и привилегіи сохранялись еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, дорожившихъ ими. Само учредительное собраніе сочло нужнымъ утѣшать разныя провинціи въ утратѣ привилегій слѣдующими словами:

„Такъ какъ національная конституція и общественная свобода выгоднѣе провинціямъ, чѣмъ привилегіи, коими иныя изъ нихъ пользовались и *пожертвовать* которыми необходимо для тѣснѣйшаго соединенія всѣхъ частей государства, то симъ объявляется, что всѣ особенныя привилегіи провинцій, княжествъ, земель, кантоновъ, городовъ и союзовъ жителей отмѣняются навсегда и пребудутъ слитыми въ *общемъ правѣ французовъ*“.

Не даромъ также Людовикъ XVI, благодаря собраніе за эту работу, заявлялъ, что представителямъ націи нужно было не мало усилій и авторитета надъ умами, чтобы „приступить къ перемѣнѣ такой важности и чтобы побѣдить, *во имя разума*, сопротивленіе привычки и частныхъ интересовъ“. Опытъ показалъ, впрочемъ, что сила „привычекъ и частныхъ интересовъ“ въ англійскомъ самоуправленіи представляетъ гораздо большій оплотъ „для національной конституціи и общественной свободы“, чѣмъ 83 департамента съ 44,828 „муниципалитетами“ новой Франціи.

Принципъ самоуправленія былъ, впрочемъ, положенъ въ основаніе новыхъ мѣстныхъ учрежденій. Но съ уничтоженіемъ всякихъ историческихъ союзовъ и мѣстныхъ корпорацій, основою новыхъ установленій явилось „мѣстное населеніе“, какъ часть самодержавнаго народа, осуществляющаго свои права чрезъ *выборныхъ* должностныхъ лицъ. Впрочемъ, право выбора, а, слѣдовательно, участіе въ управленіи было ограничено извѣстными реквизитами и цензомъ. Къ неудовольствію демократической партіи и при ея ропотѣ, національное собраніе предоставило выборное право такъ называемымъ citoyens actifs. Для занесенія въ списки послѣднихъ требовалось французское гражданство, 25-лѣтній возрастъ, дѣйствительная осѣдлость въ

кантонѣ въ теченіе года, платежъ прямого налога, въ размѣрѣ трехъдневной заработной платы, и несостояніе въ услуженіи.

Количество „активныхъ" гражданъ во всей Франціи составило 4 милліона лицъ. Они, въ своихъ первичныхъ собраніяхъ (assemblées primaires), призывались къ избранію „выборщиковъ" (électeurs), коимъ ввѣрялось избраніе членовъ національнаго собранія, департаментской и окружной администраціи. Для выборщиковъ были установлены болѣе высокія требованія. Именно, выборщиками могли быть избраны *въ городахъ* собственники или узуфруктуаріи недвижимой собственности, доходъ съ которой опредѣленъ въ податныхъ спискахъ (rôles de contribution) въ количествѣ, равномъ 200—150 днямъ заработной платы; квартиранты (locataires d'une habitation) допускались къ выбору, если доходъ съ нанимаемаго ими помѣщенія былъ оцѣненъ въ 150—100 дневную рабочую плату [1]). Въ *селахъ* отъ выборщиковъ требовалось: собственность или узуфруктъ земельнаго имущества съ доходомъ въ 150 дн. зараб. платы—или аренда недвижимаго имущества съ доходомъ въ 400 дн. зар. пл. Такимъ образомъ, чрезъ *цензъ и двустепенные выборы* національное собраніе ограничило примѣненіе народнаго суверенитета, столь громко провозглашеннаго въ „деклараціи правъ". Но изъ „активныхъ гражданъ" не образовалось того господствующаго и политическаго класса, который держалъ въ своихъ рукахъ судьбы Англіи. Новыя мѣстныя учрежденія въ первое время революціи привели къ анархіи, чтобы впослѣдствіи уступить мѣсто системѣ централизаціи и административной опеки временъ Наполеона I [2]).

III. Наиболѣе удачною и органическою мѣрою національнаго собранія было видоизмѣненіе системы *налоговъ* прямыхъ и косвенныхъ. Не отрицая бѣдственнаго финансоваго положенія Франціи въ революціонную эпоху, объясняемаго общими политическими трудностями, пережитыми страной, нельзя не признать, что *принципы* налоговъ, установленные учредительнымъ собраніемъ, соотвѣтствовали требованіямъ равномѣрности, возвѣщеннымъ деклараціею правъ. Во-первыхъ, національное собраніе весьма ясно установило принципъ, осуществленіе котораго останется идеаломъ финансовой науки, именно, что прямые налоги, какъ представляющіе наиболѣе условій къ равномѣрной ихъ раскладкѣ между плательщиками сообразно средствамъ послѣднихъ, должны быть разсматриваемы какъ *нормальный* источ-

---

[1]) Смотря по количеству жителей въ городѣ: доходъ въ размѣрѣ 200 дневной заработной платы требовался въ городахъ, съ населеніемъ выше 6000 жит., въ размѣрѣ 150 дневной—въ городахъ съ населеніемъ ниже 6000 жит.

[2]) Законы 22 декабря 1789 г. и 26 февраля 1790 г. Послѣдній содержитъ въ себѣ таблицу раздѣленія страны на 83 департамента.

никъ государственныхъ доходовъ. „Принципы“, говорилъ депутатъ Камюсъ, „установляютъ налоги *прямые*; *необходимость* требуетъ налоговъ косвенныхъ“. Во-вторыхъ, національное собраніе видоизмѣнило и терминологію финансоваго законодательства; оно ввело выраженіе contribution (которое точнѣе было бы передать словомъ „субсидія“), вмѣсто подати (impôt), въ тѣхъ соображеніяхъ, что contribution предполагаетъ для своего установленія согласіе плательщиковъ, лично или чрезъ представителей. Въ-третьихъ, оно привело всѣ подати къ большему единству, отмѣнивъ налоги „стараго порядка“ [1]).

На основаніи этихъ началъ, учредительное собраніе установило, во-первыхъ, систему прямыхъ налоговъ, которые постепенно выразились въ видѣ *четырехъ* contributions directes, именно: 1) налоги съ земельныхъ имуществъ (contribution foncière); 2) личнаго налога и сбора съ имуществъ движимыхъ; 3) налогъ съ оконъ и дверей, и 4) налогъ съ патентовъ на право промысловъ.

Изъ этихъ четырехъ налоговъ, собраніе первоначально установило первый (20, 22 и 23 ноября 1790 г.); популярность его обусловливалась тѣмъ, что при „старомъ порядкѣ“ земельныя имущества дворянства и духовенства не несли государственныхъ тягостей къ явному обремененію низшихъ классовъ; затѣмъ, въ виду необходимости пополнить оскудѣвшую казну, былъ установленъ налогъ съ движимыхъ имуществъ (contribution mobilière) и притомъ въ троякой формѣ: а) личной подати, одинаковой для всѣхъ гражданъ, въ размѣрѣ трехъ-дневной заработной платы; б) подати, имѣвшей значеніе нѣкотораго налога на роскошь—съ прислуги и лошадей; в) сбора съ предполагаемаго дохода съ капиталовъ, въ основаніе раскладки котораго полагался размѣръ квартирной платы.

Этими налогами думало первоначально обойтись національное собраніе. По крайней мѣрѣ, его принуждали къ этому. Изъ всѣхъ налоговъ „стараго порядка“, наибольшую ненависть возбуждали налоги *косвенные*, какъ вслѣдствіе своей обременительности, такъ и вслѣдствіе страшныхъ злоупотребленій финансовой администраціи и откупщиковъ. Національное собраніе принуждено было отмѣнить большинство изъ нихъ. Но при экономическомъ переворотѣ, совершав-

---

[1]) Ср. Конституціонный законъ 6 ноября 1789 года, установляющій принципъ пропорціональности налоговъ; законъ 1 декабря 1790 г. о поземельномъ налогѣ (contribution foncière) вмѣстѣ съ инструкціею о его раскладкѣ и взиманіи. Напеч. въ сборникѣ Батби и Вюатрена, *Lois administratives françaises*, 1876 г., стр. 352 и слѣд. Законъ 18 февраля 1791 г. о налогахъ съ движимости и доходахъ (contribution mobilière) съ инструкціями. Тамъ же, стр. 423 и слѣд. Законъ 17 марта 1791 года, отмѣняющій aides и другіе подобные сборы и установляющій патентный сборъ съ промысловъ. Тамъ же, стр. 452 и слѣд.

шемся тогда во Франціи, всѣ разсчеты на прямые налоги оказывались тщетными. Собраніе вынуждено было прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ выпускъ ассигнацій, быстро потерявшихъ свою цѣну. Для восполненія рессурсовъ казны былъ созданъ промысловый налогъ (impôt des patentes). Послѣ временной отмѣны этого налога конвентомъ, онъ былъ возстановленъ при директоріи. Такимъ образомъ, начало гражданскаго равенства было проведено въ той области, которая при „старомъ порядкѣ" наиболѣе отражала на себѣ сословныя различія и злоупотребленія финансовой администраціи.

Не менѣе рѣшительны, хотя и не во всемъ удобны, были измѣненія *въ судебномъ устройствѣ.* До революціи, судебная власть во Франціи сосредоточивалась, какъ извѣстно, въ парламентахъ, изъ коихъ наибольшимъ значеніемъ пользовался парламентъ парижскій [1]). Образуя высшія судебныя инстанціи въ своемъ округѣ, съ именемъ „суверенныхъ судовъ", парламенты были могущественнымъ орудіемъ королевской власти въ ея борьбѣ съ феодализмомъ. Они явились главнымъ органомъ великаго класса *легистовъ*, составлявшихъ какъ бы гражданскую армію королей. Развиваясь подъ защитою власти королевской, они завоевали себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимое положеніе. Несмѣняемость должностныхъ лицъ, установленная Людовикомъ XI, усиленная впослѣдствіи *продажностью* должностей, образовала изъ нихъ могущественныя корпораціи, нерѣдко пользовавшіяся своими правами противъ самовластныхъ распоряженій королей. Пользуясь своимъ правомъ дѣлать *представленія* (remontrances) при внесеніи королевскихъ ордоннансовъ въ списки законовъ, парламенты часто заставляли брать назадъ распоряженія, нарушавшія старые законы или вредныя для страны. Королямъ не одинъ разъ приходилось устранять сопротивленіе парижскаго парламента посредствомъ такъ называемыхъ lit de justice, т.-е. засѣданій, происходившихъ въ личномъ присутствіи короля, при которомъ не дозволялось дѣлать представленій. При Людовикѣ XV, подпавшемъ подъ власть Дюбарри и д'Эгильона, распри парламентовъ съ королемъ кончились уничтоженіемъ большинства этихъ судилищъ, замѣненнаго (1771) новыми трибуналами [2]). Людовикъ XVI возстановилъ парламенты, и при немъ они сдѣлались органомъ оппозиціи, предвѣщавшей революцію.

Тѣмъ не менѣе узко-сословный и корпоративный духъ парламентовъ, недостатки судопроизводства, въ коемъ сохранялись обветшалыя

---

[1]) Юрисдикція парижскаго парламента распространялась и на большій сравнительно съ другими округъ. Всѣхъ парламентовъ было 15 въ главныхъ городахъ важнѣйшихъ провинцій. Очеркъ ихъ см. у Шеффнера, ук. соч., II.

[2]) Названныхъ парламентами Мопу, по имени канцлера, ихъ организовавшаго. Ср. Шлоссеръ, *Исторія XVIII столѣтія.*

формы, казуистика, стяжательность и высокомѣріе судейскаго сословія дѣлали его ненавистнымъ въ глазахъ народа и просвѣщенной буржуазіи. Кратковременная популярность, пріобрѣтенная парижскимъ парламентомъ въ его распряхъ съ королевскими министрами, не спасла отжившаго учрежденія, духъ котораго рѣзко расходился съ принципами начавшейся революціи. Если первый сигналъ къ послѣдней былъ данъ парижскимъ парламентомъ устами д'Эпремениля, то отсюда же вышло и противодѣйствіе начинаніямъ учредительнаго собранія.

Парламенты, не смотря на свои недостатки, представляли условія для независимаго отправленія правосудія. Но рядомъ съ ними развилась юрисдикція правительственныхъ учрежденій, во главѣ коихъ былъ поставленъ *королевскій совѣтъ* (государственный совѣтъ). Одно изъ его отдѣленій (conseil des parties) получило обширныя права по судебной части, особенно вслѣдствіе права требовать къ своему разсмотрѣнію извѣстные роды дѣлъ, подсудныхъ общимъ судамъ (эвокація) и отмѣны (кассаціи) окончательныхъ рѣшеній [1]). Подчиненныя мѣста представляли величайшее разнообразіе, при чемъ значительная доля судебной власти оставалась за разнаго рода патримоніальными судами. Количество общихъ судебныхъ властей было недостаточно велико для скораго и дешеваго отправленія правосудія, а число особыхъ юрисдикцій возросло до такой степени, что часто трудно было опредѣлить подсудность дѣлъ. Наконецъ, недостатки *судопроизводства*, формы котораго не обезпечивали существенныхъ правъ тяжущихся и подсудимыхъ, увеличивали недовольство, вызванное отжившими началами судоустройства.

Въ *наказахъ* депутатамъ было отведено много мѣста для указанія недостатковъ судоустройства и судопроизводства; вмѣстѣ съ тѣмъ наказы довольно подробно указываютъ начала желательныхъ преобразованій. Можно сказать, что новые законодатели Франціи въ этомъ отношеніи явились органомъ общихъ желаній [2]).

Учредительное собраніе рѣшилось однимъ ударомъ покончить съ старымъ судоустройствомъ. Декретомъ 3 ноября 1789 г. парламенты были распущены въ „безсрочныя вакансіи" (vacances indéfinies), изъ коихъ они уже не возвращались. Всѣ патримоніальные, особые и исключительные суды положено было уничтожить. Въ основаніе но-

---

[1]) Ордоннансы о порядкѣ эвокаціи (1737) и кассаціи (1738).

[2]) Краткій обзоръ общихъ желаній по преобразованію судебной части, см. у де-Понсена, назв. соч., стр. 244—257. Относительно желаній по преобразованію уголовнаго судопроизводства см. А. Эсменъ (Esmein), Histoire de la procédure criminelle en France, etc. Paris, 1882, стр. 404 и слѣд.

ваго судоустройства положены были не имѣвшія ничего общаго со „старымъ порядкомъ“ начала [1]).

Изъ вопросовъ, разрѣшенныхъ тогда учредительнымъ собраніемъ, остановимся на двухъ, имѣющихъ наибольшее политическое значеніе: на вопросѣ о порядкѣ назначенія судей и участія присяжныхъ въ рѣшеніи дѣлъ. И въ томъ, и другомъ отношеніи учредительное собраніе отступило отъ англійскихъ понятій.

Мы видѣли, что однимъ изъ важнѣйшихъ конституціонныхъ принциповъ Англіи явилась *несмѣняемость* назначаемыхъ королемъ судей. Принципъ этотъ былъ торжественно подтвержденъ актомъ 1701 г.; онъ былъ воспроизведенъ въ федеральной конституціи С. Америки. Воспоминанія о „суверенныхъ“ судахъ стараго порядка, боязнь образованія корпорацій, способныхъ оказывать противодѣйствіе революціоннымъ цѣлямъ, и, наконецъ, увлеченіе началомъ народнаго самодержавія побудили учредительное собраніе пойти по другой дорогѣ. Величайшіе юристы того времени, Дюпоръ и Тронше, горячо возстали противъ несмѣняемости судей. Мы возвратимся къ этому предмету въ догматической части, но замѣтимъ, что собраніе отвергло начало несмѣняемости и приняло доктрину Тронше, предложившаго замѣщать судей *по избранію* народному, срокомъ на 6 лѣтъ [2]).

Отвергнувъ несмѣняемость судей, учредительное собраніе только отчасти приняло институтъ *присяжныхъ*. Въ Англіи и въ С. Американскихъ Штатахъ присяжные призываются къ участію какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Мы видѣли выше, что учрежденіе присяжныхъ въ Англіи первоначально было допущено въ гражданскомъ процессѣ и затѣмъ было введено въ процессъ уголовный. Напротивъ, учредительное собраніе приняло это учрежденіе только въ примѣненіи къ уголовнымъ дѣламъ. Сильна была партія, настаивавшая на необходимости участія присяжныхъ во всѣхъ дѣлахъ. Дюпоръ, Барнавъ, Редереръ, Песіонъ, Барреръ и Робеспьеръ [3]) защищали это предложеніе. Первый изъ нихъ, настойчиво и краснорѣчиво, развивалъ мысль о необходимости отдѣленія во всякомъ процессѣ вопросовъ факта (рѣшаемаго присяжными) отъ вопросовъ права; отправляясь отъ принципа народнаго самодержавія, онъ доказывалъ, что народъ долженъ быть допущенъ къ непосредственному участію

---

[1]) Новая судебная организація установлена закономъ 16—24 августа 1790 г., дополненнымъ законами 2—11 сентября 1790 г. и 1 декабря того же года, также закономъ 20 января—25 февраля и 6—27 марта 1791 года.

[2]) Зак. 16 авг. 1790 г., тит. II, ст. 4.

[3]) Въ 1793 году высказавшійся противъ участія присяжныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ.

во всѣхъ дѣлахъ, доступныхъ его пониманію; таковыми являются вопросы *факта*, какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ процессѣ; примѣры римскаго, англійскаго и с.-американскаго процесса приводились въ подкрѣпленіе этой мысли. Но сильная аргументація Тронше, доказывавшаго, что въ условіяхъ французскаго права и гражданскаго процесса нѣтъ возможности отдѣлить вопросы факта отъ вопросовъ права, и что англійскій процессъ представляетъ особенности неизвѣстныя французскимъ законамъ [1]), побѣдила сторонниковъ Дюпора. Но, ограничивая область дѣйствія присяжныхъ уголовными дѣлами, учредительное собраніе не ограничилось введеніемъ одного судебнаго (малаго) жюри; дѣла о преданіи суду были предоставлены большому (обвинительному) суду присяжныхъ.

Руководствуясь этими началами, учредительное собраніе опредѣлило и основанія будущаго судоустройства [2]). Основаніями этими являются: 1) безвозмездность правосудія, отправляемаго судьями, избранными народомъ и утвержденными королемъ; 2) учрежденіе *мировыхъ судей*, главная цѣль коихъ должна была состоять въ окончаніи возникавшихъ гражданскихъ дѣлъ примиреніемъ сторонъ [3]); 3) учрежденіе трибуналовъ съ присяжными для разсмотрѣнія уголовныхъ и окружныхъ судовъ для гражданскихъ дѣлъ; 4) *равенство судовъ* въ смыслѣ отсутствія ихъ іерархической зависимости. Опасаясь возникновенія могущественныхъ судебныхъ корпорацій, на подобіе прежнихъ парламентовъ, учредительное собраніе отвергло учрежденіе апелляціонныхъ инстанцій, но допустило апелляцію въ *другой судъ*; 5) учрежденіе *кассаціоннаго суда* для установленія единства въ судебной практикѣ и охраненія правильности въ примѣненіи законовъ [4]). Начала этой организаціи видоизмѣнились впослѣдствіи, но перемѣны, произведенныя учредительнымъ собраніемъ, навсегда отмѣнили старое судоустройство Франціи.

Наконецъ, начало равенства и новыхъ принциповъ политической свободы выразилось также въ учрежденіи гражданской гвардіи (garde civique), фактически возникшей послѣ взятія Бастиліи.

IV. Такимъ образомъ, весь общественный, административный и судебный строй Франціи былъ видоизмѣненъ отдѣльными декретами

---

[1]) Формулы, допущеніе свидѣтельскихъ показаній по всѣмъ гражданскимъ искамъ безъ ограниченія цѣны и т. д.

[2]) Декретъ 16 августа 1790 г.

[3]) Сверхъ того, мировой судья, съ двумя изъ своихъ товарищей или съ двумя ассессорами составлялъ судъ *исправительный* по проступкамъ, неподсуднымъ общимъ судамъ.

[4]) Кассаціонный судъ былъ образованъ (декр. 19 іюля 1791 года) по плану Тронше, который и былъ первымъ его президентомъ.

и законами національнаго собранія прежде, чѣмъ была принята королемъ и обнародована первая конституція Франціи (3 сентября 1791 года). За исключеніемъ главъ, относящихся къ организаціи высшихъ государственныхъ властей, она содержала въ себѣ начала, установленныя и провозглашенныя въ указанныхъ выше декретахъ. Но и политическіе отдѣлы конституціи были уже обнародованы въ видѣ отдѣльныхъ конституціонныхъ законовъ. Сюда относятся: законъ о сухопутной арміи [1], о доменахъ [2], о правѣ войны и мира [3], о флотѣ [4], объ обнародованіи законовъ [5], о вооруженныхъ силахъ вообще [6], объ организаціи министерствъ и опредѣленіи правъ и обязанностей каждаго изъ (*шести*) министровъ [7], объ учрежденіи верховнаго національнаго суда по государственнымъ преступленіямъ (10 мая 1791 г.) и законы о созывѣ новаго законодательнаго собранія и его организаціи (май—іюнь 1791 г.).

Если начала, на коихъ установлялся новый гражданскій порядокъ, утвердились, не смотря на всѣ реакціонныя попытки позднѣйшаго времени, то *политическая* часть конституціи, т.-е. организація государственныхъ властей, была построена на весьма шаткихъ основаніяхъ. Ни условія, при которыхъ появились учрежденія конституціонной монархіи, ни самое ихъ устройство не обѣщали имъ долговѣчности.

Дѣйствія учредительнаго собранія, уличные мятежи и анархическое состояніе провинцій привели въ крайнее смятеніе значительную часть дворянства и духовенства. Давно отвыкшіе отъ всякой политической роли, безсильные противопоставить силу силѣ [8], французскіе дворяне не походили на англійскихъ „кавалеровъ", мужественно боровшихся за дѣло короля въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Неспособные къ борьбѣ, они искали спасенія въ эмиграціи, надѣясь на иноземную помощь. Кобленцъ сдѣлался центромъ эмиграціи и безсильныхъ интригъ, коими эмигранты губили короля и его семью. Окруженный революціонными полчищами, наэлектризованными пышными обѣщаніями „деклараціи правъ" и декретовъ учредительнаго собранія, поджигаемыми революціоннымъ краснорѣчіемъ Марата,

---

[1]) 28 февр.—21 марта 1790 г.

[2]) 9 мая—21 сент. 1790 г.

[3]) 22—27 мая 1790 г. „Право войны и мира принадлежитъ націи. Война можетъ быть объявлена декретомъ національнаго собранія".

[4]) 7 іюля 1790 г.

[5]) 5 ноября 1790 г.

[6]) 12 декабря 1790 г.

[7]) 25 мая 1791 г.

[8]) См. Тэнъ, *Les origines de la France contemporaine*, I. (*L'ancien régime*), особ. стр. 215 и слѣд.

Робеспьера, Дантона, Демулена и множества клубныхъ ораторовъ, король жилъ въ постоянномъ страхѣ, не имѣя воли принять какое либо рѣшеніе. Онъ уступалъ подъ революціоннымъ движеніемъ, не оставляя въ то же время надежды на иноземную помощь и скорое торжество эмиграціи, вооружавшейся болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Только одинъ разъ появилась надежда на примиреніе короля съ учредительнымъ собраніемъ и націей. Въ годовщину взятія Бастиліи, 14 іюля 1790 года, былъ устроенъ знаменитый праздникъ федераціи, на коемъ происходило освященіе знаменъ новыхъ департаментовъ и была принесена новая гражданская присяга. Блестящій праздникъ, на которомъ участвовалъ и король, былъ, казалось, праздникомъ мира. Но событія шли своимъ роковымъ порядкомъ. Надежда на спасеніе монархіи терялась съ каждымъ днемъ. Смерть Мирабо (2 апрѣля 1791) лишила короля послѣдней его опоры въ національномъ собраніи. Послѣ того, какъ король отказался утвердить законъ о гражданской присягѣ духовенства, положеніе его сдѣлалось опаснымъ. Онъ рѣшился бѣжать (21 іюня 1791 года). Узнанный на границѣ, онъ былъ привезенъ въ Парижъ и временно отрѣшенъ отъ престола впредь до утвержденія имъ конституціи, которую онъ не могъ принять искренно.

V. Конституція состояла изъ небольшого введенія и семи титуловъ (titres), изъ коихъ *одинъ*, по обширности своей, раздѣлялся на пять главъ (chapitres), а главы 1—4 на отдѣлы (sections). Этотъ обширный титулъ заключалъ въ себѣ постановленія объ организаціи и отношеніи государственныхъ властей (des pouvoirs publics), т.-е. самую важную часть конституціи [1].

Во введеніи объявляется еще разъ, что учредительное собраніе уничтожаетъ безповоротно (irrévocablement) всѣ „учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ“, слѣдовательно, всѣ сословныя отличія, продажность и наслѣдственность должностей, гильдіи и цехи и религіозные обѣты. Первый титулъ содержитъ въ себѣ гарантію разныхъ началъ свободы и равенства, извѣстныхъ уже намъ изъ декларацiи правъ, а также различныя обѣщанія относительно учрежденій

---

[1]) Прочіе титулы содержали въ себѣ:

I. Основныя начала, гарантированныя конституціей.

II. Раздѣленіе государства и постановленіе о гражданахъ.

IV. О вооруженныхъ силахъ.

V. О налогахъ.

VI. Объ отношеніяхъ французской націи къ другимъ народамъ.

VII. О ревизіи конституціи.

Въ заключеніи содержались нѣкоторыя общія постановленія, не вошедшія въ указанные титулы.

общественнаго призрѣнія, народнаго просвѣщенія, общаго всѣмъ гражданамъ, и дарового правосудія, изданія общаго кодекса гражданскихъ законовъ и т. д. Второй титулъ провозглашаетъ нераздѣльность государственной территоріи, подтверждаетъ раздѣленіе ея на департаменты, округи и кантоны и затѣмъ переходитъ къ правиламъ о пріобрѣтеніи, условіяхъ пользованія и утраты правъ французскаго гражданства.

Всѣ гражданскія отношенія построены на началахъ того равенства, которое исключаетъ какія бы то ни было различія классовъ. Единая территорія, раздѣленная (distribué) для удобствъ управленія на департаменты, округа и кантоны; единая масса гражданъ (citoyens), одинаково обязанныхъ принести гражданскую присягу (serment civique) въ вѣрности націи, закону и королю [1]), распредѣленная, съ точки зрѣнія ихъ мѣстныхъ отношеній, по общинамъ,—таковы два основанія обновленнаго государства. Безусловно единое государство требуетъ и единаго суверена. Права этого самодержца и устройство его органовъ составляютъ предметъ третьяго титула конституціи, наиболѣе для насъ важнаго.

„Суверенитетъ", гласитъ первая его статья, „единъ, нераздѣленъ, неотчуждаемъ и не подлежитъ давности. *Онъ принадлежитъ народу*; никакая часть народа и никакое лицо не могутъ присвоить себѣ его отправленіе".

Это начало, совершенно согласное съ демократическимъ ученіемъ Руссо, немедленно ограничивается въ его примѣненіи.

„Народъ", гласитъ статья 2, „отъ котораго исключительно исходятъ всѣ власти, можетъ отправлять ихъ *только* посредствомъ делегаціи". Такимъ образомъ, начало непосредственной демократіи было исключено изъ французскихъ учрежденій. Народу, собранному въ первичныя и избирательныя собранія, дозволялось только *избирать* выборщиковъ и депутатовъ [2]).

„Французская конституція", продолжаетъ ст. 2, „есть конституція *представительная*. Представители (націи) суть *законодательный корпусъ и король*". Что законодательный корпусъ являлся представителемъ націи, это понятно само собою. Но объявить наслѣдственнаго монарха „представителемъ", т.-е. уполномоченнымъ націи,

---

[1]) Приводимъ формулу знаменитой гражданской присяги (Конст. 1791 г., тит. II, ст. 5): „Клянусь быть вѣрнымъ націи, закону и королю и поддерживать всѣми моими силами конституцію королевства, установленную учредительнымъ національнымъ собраніемъ въ 1789, 1790 и 1791 годахъ". Принесеніемъ этой присяги обусловливалось право активнаго гражданства. Конст., тит. III, гл. I, отд. II, ст. 2.

[2]) Тит. III, гл. I, отд. IV, ст. 1. Les fonctions des assemblées primaires et électorales se bornent à élire; elles se sépareront aussitôt après les élections faites...

значило идти наперекоръ не только преданіямъ Франціи, но и общимъ понятіямъ о монархической власти, которая по существу своему не есть власть „делегированная“.

Между этими двумя „представителями“ націи конституція раздѣлила государственную власть, конечно, не въ одинаковой мѣрѣ. Въ каждой статьѣ конституціи чувствуется, что дѣйствительнымъ уполномоченнымъ народа является законодательное собраніе, а власть королевская оставлена въ положеніи института терпимаго, но окруженнаго всевозможными ограниченіями.

Законодательный корпусъ долженъ былъ состоять изъ 745 депутатовъ, избранныхъ двустепенною подачею голосовъ на два года по троякому основанію: пространству, народонаселенію и количеству платимыхъ налоговъ. *Двѣсти сорокъ семь* депутатовъ избиралось 83 департаментами, по три отъ каждаго (за исключеніемъ Парижа); *двѣсти сорокъ девять* избиралось департаментами по количеству населенія. Для этого все наличное населеніе королевства было раздѣлено на 249 умственныхъ долей, и каждый департаментъ избиралъ столько депутатовъ, сколько приходилось на него долей. Наконецъ, 249 деп. избиралось департаментами, сообразно долямъ прямыхъ налоговъ. Законодательному корпусу предоставлено право собираться собственною властью, и король не имѣлъ права роспуска [1]). Въ качествѣ представителя единой и нераздѣльной народной воли, законодательный корпусъ образуетъ *одну* палату. Конституція предоставляетъ *исключительно* ему право предлагать и декретировать законы. Король не имѣетъ права иниціативы и вооруженъ только *задерживающимъ* (суспенсивнымъ) veto, подобно президенту американской республики. Затѣмъ, исключительно же законодательному собранію принадлежитъ право опредѣлять государственные расходы, устанавлять налоги, производить ихъ раскладку между департаментами, наблюдать за ихъ употребленіемъ; учреждать и упразднять государственныя должности, опредѣлять, по предложенію короля, количество сухопутныхъ и морскихъ силъ, порядокъ ихъ образованія, содержанія и управленія; издавать постановленія относительно управленія національными имуществами и отчужденія ихъ; преслѣдовать министровъ и другихъ должностныхъ лицъ за преступленія по должности, и т. д. [2]).

Война могла быть объявлена только законодательнымъ корпусомъ; ему же была предоставлена ратификація договоровъ мирныхъ, союз-

---

[1]) Тит. III, гл. I, ст. 1, 2, 4 и 5.
[2]) Тамъ же, гл. III, отд. I, ст. 1.

ныхъ и коммерческихъ [1]). Своею властью опредѣлялъ онъ мѣсто своихъ засѣданій и срокъ сессіи; онъ одинъ могъ отсрочивать свои засѣданія [2]). Въ сравненіи съ такимъ „уполномоченнымъ", король представлялся немощнымъ носителемъ „исполнительной" власти. Пользуясь терминологіею Руссо, учредительное собраніе провозгласило различіе между законодателемъ (которымъ у Руссо долженъ быть самъ „суверенъ", т.-е. народъ, а во Франціи—законодательный корпусъ), и *правительствомъ* (gouvernement). „*Le gouvernement* est monarchique", говоритъ 4 ст. III тит. и продолжаетъ: „исполнительная власть *поручается* королю и отправляется, подъ его авторитетомъ, министрами и другими отвѣтственными агентами". Такимъ образомъ, „уполномоченный" народа облекается исполнительною властью какъ бы для того, чтобы тотчасъ передовѣрить ее „министрамъ и другимъ отвѣтственнымъ агентамъ". Если эта статья должна была воспроизвести начала конституціонной монархіи, то цѣль ея не была достигнута.

Конституція 1791 года не предоставляла королю ни права созыва палаты, ни права роспуска, ни права иниціативы законовъ; она давала ему только право задерживающаго veto [3]). Обезоруженный относительно законодательнаго собранія, онъ не получилъ такихъ правъ по части исполнительной. Французскому королю были сохранены права *неприкосновенности и неотвѣтственности*, но подъ условіемъ лишенія его правъ по управленію. Въ управленіи общемъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать чрезъ министровъ, фактически зависимыхъ отъ собранія; въ управленіи мѣстномъ, онъ имѣлъ должностныхъ лицъ, *выбранныхъ* мѣстнымъ населеніемъ, и по отношенію къ которымъ онъ не пользовался серьезными іерархическими правами. Онъ могъ *отмѣнять* ихъ распоряженія, противныя законамъ и его приказамъ; въ случаѣ „упорнаго неповиновенія" (désobéissance persévérante) или въ случаѣ, если ихъ дѣйствія могли компрометировать общественную тишину и спокойствіе, ему предоставлялось право временнаго отрѣшенія ихъ отъ должности. Но это распоряженіе короля представлялось на усмотрѣніе законодательнаго собранія. Послѣднему принадлежало право утверждать или отмѣнять распоряженіе короля, распустить виновную административную коллегію и

---

[1]) Тамъ же, ст. 2 и 3.

[2]) Ст. 4.

[3]) Тит. III, гл. III, отд. III, ст. 2. Если, послѣ королевскаго отказа, двѣ слѣдующія легислатуры (каждая легислатура продолжалась 2 года) представятъ отвергнутый декретъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, король будетъ считаться давшимъ свое согласіе.

предать виновныхъ суду [1]). Но „департаментская“ администрація не имѣла возможности сложиться въ бурную революціонную эпоху; дѣйствительное „отправленіе суверенитета“ перешло въ руки сорока слишкомъ тысячъ общинъ, а въ послѣднихъ оно досталось безпокойному, но энергическому и рѣшительному меньшинству, терроризировавшему удалявшееся отъ дѣлъ большинство [2]).

Такимъ образомъ, то, что сама конституція разумѣла подъ именемъ „исполнительной власти“, было уничтожено ея постановленіями. Характеръ послѣднихъ *объясняется* многими причинами. Въ нихъ слышится голосъ раздраженной націи, только что одержавшей побѣду надъ абсолютизмомъ; въ нихъ выражается многими годами воспитанное недовѣріе къ исполнительной власти, злоупотребленія которой вызвали революцію; наконецъ, въ нихъ отражались и современныя страсти и опасенія, вызванныя двойственною политикою двора, приготовленіями эмигрантовъ и политикою державъ, подготовлявшихъ первую коалицію противъ Франціи. Этими опасеніями вызваны разныя постановленія, содержаніе и тонъ которыхъ оскорбительны для достоинства короля. Конституція предусматриваетъ случай, когда король станетъ во главѣ арміи для ниспроверженія конституціи, или не воспротивится такому предпріятію, начатому отъ его имени, или, оставивъ государство, не возвратится по приглашенію законодательнаго корпуса въ теченіе срока, назначеннаго послѣднимъ. Въ этихъ и двухъ другихъ случаяхъ, король считается отказавшимся отъ престола [3]).

Вооружая народное представительство многочисленными средствами борьбы съ королевскою властью, конституція 1791 года не открывала, однако, способовъ соглашенія и дружнаго дѣйствія раздѣленныхъ властей. Она тщательно устранила могущественное средство, которымъ обезпечивается правильный ходъ англійскихъ учрежденій, т.-е. *кабинетъ*. Когда революція 1688 года сосредоточила власть управленія въ парламентѣ, практическій смыслъ англичанъ указалъ имъ на необходимость образованія „кабинета“ изъ первенствующихъ членовъ господствующей въ парламентѣ партіи.

Наблюдатель поверхностный откроетъ въ этой перемѣнѣ только средство обезпеченія власти парламентскаго большинства. Но, въ дѣйствительности, образованіе кабинета изъ членовъ господствующей въ палатахъ партіи является серьезнымъ средствомъ *ограниче-*

---

[1]) Тит. III, гл. IV, отд. II.

[2]) Ср. Тэнъ, *Les origines*, II (*La révolution*, I), стр. 250 и слѣд., изд. 1878.

[3]) Если онъ не принесетъ конституціонной присяги или если онъ откажется отъ присяги, имъ данной. Тит. III, гл. II, отд. I, ст. 5—7.

нія ея всемогущества. Когда политическая партія призывается не только къ оппозиціи, къ критикѣ правительственныхъ дѣйствій и къ „обвиненію“ министровъ, но и къ практическимъ дѣламъ управленія чрезъ должностныхъ лицъ, взятыхъ изъ ея среды, она фактически ставится въ положеніе власти отвѣтственной. Она дѣйствуетъ чрезъ министровъ, отвѣтственныхъ предъ страною. Неудачная политика министерства можетъ отнять у ихъ партіи довѣріе страны и передать власть въ руки оппозиціи. Вожаки партіи, занимающіе министерскіе посты, силою вещей, принуждены дѣйствовать въ полномъ сознаніи *этой* отвѣтственности, а потому болѣе осмотрительно и обдуманно, чѣмъ предводители „оппозиціи“, не несущіе отвѣтственности.

Отдѣленіе кабинета отъ палатъ возможно въ государствахъ, гдѣ королевская власть преобладаетъ надъ народнымъ представительствомъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, или дѣйствительно независимо отъ нихъ, какъ въ Америкѣ. Конституція 1791 года ввѣрила почти всѣ права верховной власти законодательному корпусу, не заставивъ его осуществлять эти права чрезъ фактически отвѣтственное министерство, взятое изъ его среды. Напротивъ, она категорически запретила членамъ учредительнаго собранія и депутатамъ будущихъ собраній занимать министерскіе посты въ теченіе срока ихъ полномочій и двухъ слѣдующихъ по прекращеніи ихъ лѣтъ [1]. Министрамъ было предоставлено мѣсто въ собраніи [2], но они являлись сюда въ качествѣ лицъ, чуждыхъ палатѣ, для представленія объясненій, для отвѣтовъ по запросамъ, столь частымъ при сильно развитой подозрительности къ „исполнительной власти“.

VI. Политическія учрежденія, созданныя при такихъ условіяхъ, не были способны къ жизни. Въ одномъ изъ заключительныхъ постановленій конституціи, творцы ея ввѣрили ея охраненіе „вѣрности законодательнаго собранія, короля и судей, бдительности отцовъ семейства, женамъ и матерямъ, привязанности молодыхъ гражданъ и мужеству всѣхъ французовъ“. Наконецъ, учредительное собраніе, провозглашая „неотчуждаемое право націи“ на *ревизію* конституціи, обставило осуществленіе этого права разными предосторожностями противъ спѣшныхъ перемѣнъ [3]. Но свидѣтели безпристрастные пред-

---

[1]) Тит. III, гл. II, отд. IV, ст. 2.

[2]) Тит. III, гл. III, отд. IV, ст. 10.

[3]) Тит. VII. Первымъ двумъ легислатурамъ воспрещено было приступать къ ревизіи конституціи. Затѣмъ, ревизія могла послѣдовать только послѣ того, какъ поправка была предложена въ *трехъ* послѣдовательныхъ легислатурахъ; въ четвертой легислатурѣ, собраніе, усиленное 249 лишнихъ членовъ отъ департаментовъ,

сказывали ей скорое крушеніе. Американскій посланникъ въ Парижѣ, самъ принимавшій участіе въ событіяхъ американской революціи (Моррисъ), свидѣтельствовалъ, что, по общему убѣжденію, новая конституція непримѣнима. Она была и ненавистна большинству самихъ ея авторовъ. Для послѣдовательныхъ теоретиковъ „народнаго самодержавія" конституція содержала въ себѣ слишкомъ много монархическихъ началъ. Для монархистовъ она была слишкомъ республиканскою. Для Людовика XVI она была оскорбленіемъ. Сами авторы ея, въ порывѣ совершенно непонятнаго великодушія, устранили себя отъ ея примѣненія. Было постановлено, что ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не можетъ быть избранъ въ слѣдующее законодательное собраніе. Чрезъ это была устранена сравнительно умѣренная часть французскаго общества. Выборы въ Assemblée Nationale Législative отдали власть людямъ новымъ, по большей части молодымъ и, въ большинствѣ, проникнутымъ республиканскими убѣжденіями.

Сессія законодательнаго собранія открылась 1 октября 1791 г.; 10 августа 1792 г. уже пала конституціонная монархія, и затѣмъ само законодательное собраніе распустило себя, пригласивъ гражданъ избрать національный конвентъ. Такимъ образомъ, крушеніе порядка, созданнаго въ 1791 году, совершилось менѣе чѣмъ въ годъ. Условія его заключались какъ въ свойствахъ учрежденій, такъ и въ политическихъ обстоятельствахъ, въ коихъ дѣйствовали эти учрежденія.

Мѣры и постановленія учредительнаго собранія создали, какъ мы видѣли, двухъ непримиримыхъ враговъ новаго порядка вещей. Съ одной стороны, *аристократія*, лишенная своихъ привилегій и находившаяся подъ вѣчнымъ страхомъ жестокой народной расправы, бросается за-границу, гдѣ, подъ предводительствомъ Конде и графа д'Артуа [1]), образуетъ ополченіе и побуждаетъ иноземныя державы возстановить во Франціи старый порядокъ. Съ другой стороны, не присягнувшая часть *духовенства*, многочисленная и вліятельная, дѣйствуетъ на массы, возбуждая ихъ къ сопротивленію новому порядку. Наконецъ, первенствующія державы Европы, встревоженныя быстрымъ успѣхомъ революціонныхъ идей и дѣйствіями французскихъ революціонеровъ, готовятся къ борьбѣ, которой суждено было кончиться чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ. Трудно опредѣлить, кому принадлежала иниціатива войны: европейскимъ ли державамъ, стремившимся

могло приступить къ разсмотрѣнію предложенной поправки. Такимъ образомъ, конституціи 1791 года обезпечивалось 12 лѣтъ существованія. На дѣлѣ она не просуществовала и года.

[1]) Брата Людовика XVI и будущаго короля Карла X.

подавить революцію во Франціи, или жирондистамъ, видѣвшимъ въ войнѣ средство низвергнуть монархію [1]). Неизбѣжность войны заключалась въ универсальномъ характерѣ французской революціи, въ опасеніи потрясеній, которыми грозилъ этотъ переворотъ европейскимъ державамъ, и въ страхѣ за только что завоеванную политическую свободу, которой могла лишить Францію европейская коалиція. Сравнительно съ этою общею причиною, матеріальныя причины къ войнѣ [2]) имѣли значеніе предлоговъ.

Положеніе короля въ этихъ условіяхъ было безвыходно, и поведеніе его, по необходимости, было двойственно. Присягнувъ конституціи 1791 года, онъ долженъ былъ противодѣйствовать проискамъ эмиграціи и подавлять замыслы неприсяжныхъ священниковъ; какъ глава націи, онъ обязанъ былъ противодѣйствовать образовывавшейся коалиціи европейскихъ державъ. Но, съ другой стороны, онъ не могъ искренно подчиниться новому порядку; онъ не могъ идти противъ людей, ополчавшихся на защиту старыхъ правъ монархіи и церкви, и объявлять войну европейскимъ государямъ, въ числѣ которыхъ былъ германскій императоръ, братъ его жены [3]). Нуженъ былъ сильный характеръ и опредѣленный планъ дѣйствій, чтобы выйти изъ этого двойственнаго положенія: ни того, ни другого не было у Людовика XVI.

Король не могъ найти твердой точки опоры и въ самомъ собраніи. Въ немъ уже не было друзей старой монархической власти. Умѣренная сторона этого собранія состояла изъ сторонниковъ конституціонной монархіи, въ томъ видѣ, какъ ее создала конституція 1791 года. Она имѣла свой органъ въ клубѣ фёльяновъ и была довольно многочисленна, но не въ ея рукахъ находилась политическая сила. Послѣдняя принадлежала двумъ республиканскимъ партіямъ, находившимъ могущественную поддержку и въ революціонныхъ клубахъ, и въ парижской коммунѣ. Изъ этихъ двухъ партій, преобладающее значеніе принадлежало группѣ, названной Жирондой, по имени департамента, отъ котораго были избраны талантливѣйшіе ея представители. Къ жирондистамъ принадлежали журналистъ Бриссо, Кондорсе, блестящій ораторъ Верньо, Гюаде́, Бюзо, Роланъ, генералъ Дюмурье и друг. Душою этого кружка была пылкая и проникнутая республиканскими убѣжденіями г-жа Роланъ. Воспитанные на классическихъ образцахъ и увлекаясь примѣромъ С. Аме-

---

[1]) Какъ это доказываетъ Зибель.

[2]) Споры изъ за Авиньонскаго округа, принадлежавшаго папѣ и насильственно присоединеннаго къ Франціи, потери, понесенныя вслѣдствіе революціи и отмѣны феодальныхъ правъ, разными нѣмецкими князьями въ ихъ французскихъ владѣніяхъ и т. д.

[3]) Леопольдъ II.

рики, жирондисты понимали свободу только въ условіяхъ республики, какъ естественной формы народнаго самодержавія. Они воспользовались своимъ могуществомъ для низверженія монархіи. Но затѣмъ они оказались безсильными для защиты и утвержденія этой республики въ борьбѣ съ крайними демократическими партіями, съ роялистическимъ возстаніемъ въ Вандеѣ и европейскою коалиціею. Будущая демократія террористовъ была представлена группою, получившею названіе Горы (la Montagne), куда принадлежали Кутонъ, Тюріо, Камбонъ, Базиръ, Шабо и друг.

Не располагая еще большинствомъ въ законодательномъ собраніи, крайніе республиканцы опирались на городъ Парижъ и революціонные клубы. Парижъ избралъ своимъ мэромъ, вмѣсто монархиста Бальи, республиканца Песіона [1]). Прокуроромъ коммуны избранъ былъ горячій республиканецъ Мануэль, субститутомъ его Дантонъ, синдикомъ Рёдереръ и т. д. Революціонные клубы образовали теперь настоящія федераціи для борьбы съ правительствомъ и господства надъ самимъ собраніемъ [2]). Господствующее между ними положеніе занялъ клубъ якобинцевъ, имѣвшій отдѣлы во всѣхъ пунктахъ Франціи и насчитывавшій до 400,000 членовъ. Руководящая роль принадлежала въ немъ Робеспьеру. Дантонъ и его другъ Камиллъ Демуленъ руководили другимъ демократическимъ клубомъ—кордельеровъ. Значеніе клуба фёльяновъ пало вмѣстѣ съ его партіею. Органомъ партій и клубовъ явились многочисленныя газеты, между которыми выдавались изданія К. Демулена [3]) и особенно *Другъ Народа* Марата. Торжеству республиканскихъ партій содѣйствовала и начинавшаяся апатія общества, отчасти уставшаго отъ возбужденія, пережитаго въ послѣдніе три года, въ значительной степени уже терроризированнаго клубами и крайними партіями и вообще отвыкшаго отъ общественной дѣятельности въ условіяхъ режима Ришельё и Людовика XIV. Уже одно уклоненіе массы избирателей отъ выборовъ [4]) свидѣтельствовало о крайнемъ равнодушіи массъ. Не встрѣчая сопротивленія ни сверху, ни снизу, республиканскія партіи смѣло шли къ своей цѣли. Голодъ и финансовыя затрудненія поддерживали общее броженіе.

---

[1]) Побѣдившаго на выборахъ Лафайета, также желавшаго занять важное тогда мѣсто мэра.

[2]) „Средство агитаціи во время учредительнаго собранія, клубы сдѣлались господами при законодательномъ“, говоритъ Тьеръ.

[3]) *Les révolutions de France et de Brabant, Tribunes des patriotes, Les vieux cordeliers.*

[4]) Такъ, изъ 30,000 парижскихъ избирателей для выбора мэра явилось едва 7000 и Песіонъ былъ выбранъ 6000 голосами противъ 1000.

Ближайшими поводами къ раздору между законодательнымъ собраніемъ и королемъ сдѣлались мѣры противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ и вопросъ о войнѣ. Законодательное собраніе настаивало, чтобы эмигрантамъ было предписано возвратиться во Францію къ 1 января 1792 г. подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имуществъ; чтобы неприсяжные священники были лишены своихъ пенсій, а сопротивляющіеся были бы подвергаемы тюремному заключенію; наконецъ, жиронда настаивала на объявленіи войны Австріи и Пруссіи [1].

Король отказалъ въ своемъ утвержденіи декретамъ объ эмиграціи и духовенствѣ; онъ противился войнѣ, пока могъ. Но надежды его исчезали по мѣрѣ того, какъ возвышалось въ собраніи вліяніе жирондистовъ. Въ мартѣ 1792 года, фёльяны были окончательно побѣждены, и король долженъ былъ образовать министерство изъ жирондистовъ [2]. Когда на энергическія представленія послѣдняго о разоруженіи эмигрантовъ и исполненіи другихъ требованій Франціи, Австрія и Пруссія отвѣчали отказомъ, война была объявлена (20 апрѣля 1792). Вмѣстѣ съ тѣмъ, законодательное собраніе принимало мѣры противъ духовенства и создавало для себя новую военную силу. Противъ неприсяжнаго духовенства состоялся (26 апрѣля) декретъ, грозившій имъ ссылкой и изгнаніемъ; затѣмъ, подъ предлогомъ празднованія дня взятія Бастиліи, положено было призвать въ Парижъ изъ провинцій 20,000 національныхъ гвардейцевъ [3]. Король отказалъ въ своемъ утвержденіи тому и другому декрету. Министерство, послѣ того какъ Роланъ написалъ и обнародовалъ рѣзкое письмо къ королю, подало въ отставку (12 іюня). Король попытался составить кабинетъ изъ фёльяновъ, но республиканская партія уже была готова къ дѣйствію. Въ годовщину знаменитой присяги въ Мячевомъ залѣ (20 іюня), мятежныя предмѣстья, подъ предводительствомъ пивовара Сантерра и мясника Лежандра напали на королевскій дворецъ, ворвались въ него и хотѣли принудить короля дать свое согласіе на декреты собранія. Король выносилъ всевозможныя оскорбленія и угрозы, но не далъ согласія; подъ-конецъ онъ былъ освобожденъ національною гвардіею, приведенною Песіономъ,

---

[1]) Крайніе республиканцы (особенно Робеспьеръ) были противъ войны, отъ которой они опасались возвышенія двора и монархіи. Кинэ, I, стр. 332.

[2]) Въ составъ его вошли: Роланъ—министръ внутрен. дѣлъ; Серванъ—военный министръ; Клавьеръ—финансовъ; Дюрантонъ—юстиціи; Лакостъ—морской мин.; Дюмурье—иностранныхъ дѣлъ.

[3]) Или федератовъ. Между ними особенную извѣстность пріобрѣли федераты Марсельскіе; они пустили въ ходъ знаменитую пѣснь Руже-де-Лиля, получившую названіе Марсельезы.

двусмысленное поведеніе котораго сдѣлало возможнымъ возстаніе 20 іюня.

Жизнь короля была спасена, спокойная твердость его изумила всѣхъ, но власть его погибла въ этотъ день. Новый ударъ долженъ былъ сдѣлаться послѣднимъ. Попытка Лафайета, внезапно прибывшаго въ Парижъ изъ сѣверной арміи, поддержать силу конституціи 1791 года, осталась безплодной выходкой. Въ теченіе мѣсяца якобинцы и республиканская партія приготовлялись къ послѣдней битвѣ. Изъ Марселя, Бреста и другихъ городовъ были призваны въ Парижъ даже не „федераты", а освобожденные галерные невольники; „комитеты возстанія" были организованы всюду; начало военныхъ дѣйствій было неудачно для Франціи, что́ усиливало возбужденіе противъ короля и королевы, которыхъ обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ врагомъ. Національное собраніе объявило „отечество въ опасности" и положило собрать новую армію въ 400,000 человѣкъ (11 іюля). Затѣмъ 23 іюля сардинскій король также объявилъ войну Франціи. Враги угрожали странѣ со всѣхъ сторонъ. При такомъ возбужденіи, надменный и угрожающій манифестъ главнокомандующаго австро-прусскими силами, герцога Брауншвейгскаго (25 іюля), произвелъ потрясающее впечатлѣніе на патріотовъ, уже съ 14 іюля представляющихъ собранію адресы о низложеніи короля. Требованіе это, 3 августа, было представлено отъ всѣхъ секцій Парижа. Пока собраніе обсуждало эти адресы, подъ вліяніемъ извѣстія о бомбардировкѣ пруссаками Тіонвиля, парижское населеніе, возбужденное Дантономъ, Камилломъ Демуленомъ и другими вожаками клубовъ, рѣшилось на послѣдній ударъ. Ночное возстаніе 10 августа низложило Людовика XVI; защитники его погибли. Онъ самъ съ семействомъ своимъ искалъ спасенія въ національномъ собраніи и въ одной изъ боковыхъ его ложъ выслушалъ принятый, по предложенію жирондиста Верньо, декретъ о временномъ отрѣшеніи „главы исполнительной власти" (т.-е. короля) отъ его должности [1]), о назначеніи мѣстопребыванія королевскому семейству, гдѣ оно должно было находиться подъ „охраной гражданъ и закона", и созваніи *національнаго конвента*, для принятія мѣръ, „къ обезпеченію народнаго суверенитета и царства свободы и равенства" [2]).

Въ тотъ же день, другимъ декретомъ, право назначенія министровъ временно было предоставлено національному собранію. Ему

---

[1]) Король и его семейство были помѣщены въ Тамплѣ, нѣкогда служившемъ помѣщеніемъ упраздненному при Филиппѣ Красивомъ ордену Тампліеровъ (рыцарей Храма).

[2]) Предложеніе о низложеніи короля и созывѣ конвента было уже сдѣлано въ собраніи наканунѣ (9 августа) Песіономъ.

же предоставлено право назначить воспитателя наслѣднику престола.

VII. Политическая исторія Франціи, во время владычества *конвента* (собравшагося 21 сентября 1792 г.), представляетъ двѣ стороны. Съ одной — Франція, повидимому, получаетъ конституцію, соотвѣтствующую крайнимъ демократическимъ принципамъ и обезпечивающую всѣ вольности народа; съ другой—страна подпадаетъ владычеству революціоннаго правительства, дѣйствующаго способами устрашенія (террора), болѣе номинально, чѣмъ въ существѣ прекратившагося только послѣ переворота 9 Термидора, т.-е. 27 іюля 1794 года [1]).

Диктатура вызывалась общимъ положеніемъ Франціи, имѣвшей дѣло съ европейскою коалиціею и съ внутреннимъ возстаніемъ. Потребность въ сильномъ и энергическомъ правительствѣ сознавалась націею, готовой на всякія жертвы для отраженія врага и до фанатизма возбужденной внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Но жестокость революціоннаго правительства увеличивалась тѣмъ, что послѣднее имѣло въ виду не только отраженіе вражескаго нашествія и подавленіе вандейскаго возстанія, но и утвержденіе *республики*, построенной на крайнихъ демократическихъ началахъ и сочувственной незначительному меньшинству населенія.

„Десятое августа", говорилъ Дантонъ, „раздѣлило Францію на двѣ партіи: одну, привязанную къ королевской власти, другую, желающую республики. Послѣдняя, крайнюю немногочисленность которой вы не должны скрывать отъ себя, есть единственная, на которую вы можете разсчитывать въ борьбѣ". Другими словами: только республиканцы могутъ спасти Францію, а потому имъ должны быть предоставлены всѣ средства къ дѣйствію; являясь единственными представителями народныхъ интересовъ, они, для спасенія народа, имѣли право на все. Salus publica suprema lex esto. „Революція", говорилъ впослѣдствіи Робеспьеръ, „есть *война свободы* противъ ея враговъ; цѣль революціоннаго правительства состоитъ въ установленіи свободы... Оно основывается на священнѣйшемъ изъ всѣхъ законовъ, на спасеніи народа, на самомъ непререкаемомъ изъ всѣхъ правъ— на необходимости". Говорятъ, заявлялъ Робеспьеръ, что „терроръ есть орудіе деспотической власти. Ваше правительство похоже ли на деспотизмъ? Да, какъ мечъ, блещущій въ рукахъ героя свободы,

---

[1]) Исторія Франціи во время Террора подробно разработана Мортимеромъ Терно: *Histoire de la terreur*. Множество данныхъ въ новомъ сочиненіи Валлона, *Histoire du tribunal révolutionnaire;* любопытныя частности у Добана (Dauban), *La démagogie en 1793 à Paris* и *Paris en 1794 et 1795*. Такъ же Adolphe Schmidt, *Tableaux de la révolution française*. Де-Барантъ, *Histoire de la convention nationale*.

похожъ на тотъ, коимъ вооружены приспѣшники тираніи. Правительство республики есть *деспотизмъ свободы* противъ тираніи".

При такихъ началахъ, революціонное правительство менѣе всего могло заниматься утвержденіемъ конституціонныхъ формъ, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе свободы и правъ *всѣхъ* гражданъ, по скольку дѣйствія ихъ не вредятъ другимъ. „Гражданами" Франціи могли быть признаны одни республиканцы, доказавшіе свой „цивизмъ" и вѣрность господствующей партіи. „Общественное покровительство", говорилъ Робеспьеръ, „должно быть оказываемо только мирнымъ гражданамъ, а въ республикѣ нѣтъ гражданъ, кромѣ республиканцевъ. Роялисты, заговорщики для нея *иностранцы*, лучше сказать—*враги*... Внутренніе враги не суть ли союзники враговъ внѣшнихъ?"

Истребленіе жирондистовъ, дантонистовъ и другихъ республиканскихъ партій показало, что и „республиканцы" не были обезпечены отъ „деспотизма свободы" больше роялистовъ и шуановъ. При этихъ условіяхъ, конституція 24 іюня 1793 года могла быть и была только эпизодомъ въ исторіи революціоннаго правительства, не имѣвшимъ никакого вліянія на его дѣйствія и направленія.

Она явилась на свѣтъ чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ паденія монархіи и чрезъ восемь послѣ провозглашенія республики. Въ теченіе этого времени, система террора фактически успѣла уже прочно утвердиться. Извѣстная бойня на 2 сентября 1792 г., имѣвшая цѣлью, главнымъ образомъ, обезпечить выборъ республиканцевъ въ конвентъ, уже намѣтила пути революціоннаго правительства. Процессъ и казнь короля (21 января 1793), вырванная „Горою" и якобинцами у жирондистовъ, обезпечили господство крайнихъ республиканцевъ и, какъ выразился Маратъ, сожгли корабли за революціоннымъ правительствомъ. Учрежденные декретами 30 марта и 6 апрѣля 1793 года *комитеты* революціоннаго правительства [1]) и страшный *революціонный трибуналъ* вооружили правительство всѣми средствами неограниченной власти, соединенными теперь номинально въ рукахъ конвента, фактически же въ рукахъ его комитетовъ. Затѣмъ настало время „очищенія" самой республиканской партіи и порабощенія конвента; 31 мая 1793 года, революціонныя толпы, ворвавшись въ конвентъ, заставили его исключить 34 жирондистовъ [2]).

---

[1]) Комитетовъ, учрежденныхъ въ составѣ конвента, было 16; изъ нихъ два: комитетъ общественнаго спасенія (du salut public) и комитетъ общественной безопасности (de sûreté générale et de surveillance) назывались *большими* комитетами и держали въ своихъ рукахъ политическую власть; прочіе (финансовъ, законодательства, народнаго просвѣщенія, торговли и продовольствія, и т. д.) имѣли спеціальное назначеніе.

[2]) Большинство изъ нихъ было казнено 31 октября. Другіе кончили жизнь самоубійствомъ или погибли ужасною смертью.

Вмѣстѣ съ побѣдою надъ жирондистами, въ руки „Горы“ перешло и дѣло конституціи, проектъ которой долженъ былъ составить жирондистъ Кондорсе [1]). Теперь составленіе его было поручено коммиссіи изъ крайнихъ республиканцевъ; редакцію принялъ на себя Эро-де-Сешель, которому пылкое республиканство не могло замѣнить знаній и образованія [2]).

Но если прежде Гора задерживала конституціонныя работы, выжидая паденія Жиронды, то, послѣ 31 мая, она торопила свою коммиссію; работа была готова чрезъ нѣсколько дней. И конституція, и предшествующая ей декларація правъ провозглашали начала, долженствующія удовлетворить требованія крайней демократіи.

Декларація правъ, во вступленіи и въ 35 статьяхъ, освящаетъ не только начало народнаго самодержавія, но и *право возстанія*. Она издается съ тою цѣлью, чтобы „народъ никогда не позволялъ тираніи угнетать и унижать себя“ [3]). Когда правительство нарушаетъ народныя права, „возстаніе есть священнѣйшая и необходимая обязанность для всего народа и *для каждой его части*“ [4]). Угнетеніе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если даже одинъ изъ членовъ общественнаго тѣла угнетенъ [5]). Провозглашая право возстанія въ такихъ размѣрахъ, декларація еще настойчивѣе говоритъ о суверенитетѣ народа [6]). „Да будетъ каждое лицо, захватившее суверенитетъ, тотчасъ казнено свободными людьми“. Само собою разумѣется, что всѣ права личной свободы, неприкосновенность лицъ и собственности, свобода печати, совѣсти и т. д., провозглашены въ болѣе пышныхъ выраженіяхъ, чѣмъ въ деклараціи 1789 г.

Народъ долженъ быть суверененъ въ болѣе прямомъ и широкомъ смыслѣ, чѣмъ по конституціи 1791 года. „Суверенный народъ есть совокупность гражданъ“ [7]), а право гражданства не обусловлено цен-

---

[1]) Кондорсе (кончившій потомъ самоубійствомъ) представилъ свой проектъ 15-го февраля. Но онъ не имѣлъ успѣха.

[2]) О послѣднемъ свидѣтельствуетъ его записка къ Дезальне, первоначально напечатанная въ *Quarterly review*, а потомъ у Зибеля. „Обязанный съ четырьмя моими товарищами приготовить къ понедѣльнику планъ конституціи, я прошу васъ немедленно достать намъ *законы* Миноса, которые должны находиться въ какомъ нибудь сборникѣ греческихъ законовъ: мы имѣемъ въ нихъ настоятельную необходимость“.

[3]) Afin que tous les citoyens... ne se laissent jamais opprimer et avilir par la tyrannie.

[4]) Деклар., ст. 34.

[5]) Ст. 35.

[6]) Ст. 23—27.

[7]) Конст., ст. 7.

зомъ [1]). Народъ отправляетъ свой суверенитетъ въ первичныхъ (primaires) собраніяхъ [2]).

Правами суверенитета, непосредственно отправляемыми народомъ, являются: 1) избраніе депутатовъ законодательнаго корпуса; 2) избраніе выборщиковъ въ избирательныя собранія, коимъ поручается назначеніе администраторовъ, посредниковъ (arbitres) по дѣламъ гражданскимъ, уголовныхъ и кассаціонныхъ судей; 3) *обсужденіе законовъ*, предлагаемыхъ законодательнымъ корпусомъ.

Государственными властями являются: 1) законодательный корпусъ; 2) исполнительный совѣтъ. Первый образуется изъ депутатовъ, избранныхъ прямою и всеобщею подачею голосовъ, по одному на 40,000 жителей, срокомъ на одинъ годъ [3]). Ему принадлежитъ право предлагать законопроекты и издавать декреты [4]). Конституція опредѣляетъ, какіе предметы должны быть опред ляемы законами и какіе— декретами [5]). Въ числѣ первыхъ имѣются дѣла, которыя едва ли могутъ быть рѣшаемы въ первичныхъ собраніяхъ—напримѣръ, объявленіе войны. Впрочемъ, конституція ограничила въ этомъ отношеніи народное самодержавіе тѣмъ, что для силы законовъ не требовалось *положительнаго* согласія народа. По ст. 59, если въ теченіе 46 дней послѣ разсылки законопроекта, въ *большинствѣ* департаментовъ не послѣдуетъ возраженій отъ $^1/_{10}$ (по крайней мѣрѣ) первичныхъ собраній, то законъ считается принятымъ. Въ противномъ случаѣ (ст. 60) законодательный корпусъ долженъ созвать первичныя собранія [6]). Затѣмъ, посредствомъ декретовъ, законодательному корпусу открывалась возможность регулировать не только исполнительныя, но и законодательныя дѣла.

Исполнительная власть ввѣрялась „исполнительному совѣту" (conseil exécutif). Онъ долженъ былъ состоять изъ 24 лицъ, назначаемыхъ законодательнымъ корпусомъ, изъ списка кандидатовъ, предложенныхъ избирательными собраніями, по одному отъ каждаго департамента. Каждый годъ половина его членовъ замѣнялась новыми [7]). Ему предоставлялось общее руководство управленіемъ и надзоръ за нимъ, вмѣстѣ съ правомъ назначенія должностныхъ лицъ общей администраціи.

---

[1]) Конст., ст. 4.

[2]) Тамъ же, ст. 2.

[3]) Тамъ же, ст. 21—23, 40.

[4]) Тамъ же, ст. 53.

[5]) Тамъ же, ст. 54, 55.

[6]) Въ иной формѣ такое право принадлежитъ народу въ Швейцаріи (referendum). Объ этомъ предметѣ будетъ сказано въ догматической части.

[7]) Тамъ же, ст. 62—64.

Мѣстное управленіе раздѣлялось на три степени: 1) муниципальное для общинъ; 2) посредствующее для округовъ (districts), и 3) департаментское. Муниципальныя власти избираются гражданами общины; окружныя и департаментскія власти избираются въ особыхъ избирательныхъ собраніяхъ. Члены послѣднихъ избирались въ опредѣленной пропорціи [1]) собраніями первичными. Имъ предоставлялось, сверхъ избранія администраторовъ округовъ и департаментовъ, предложеніе кандидатовъ въ члены „исполнительнаго совѣта", выборъ публичныхъ посредниковъ [2]), уголовныхъ судей [3]) и членовъ кассаціоннаго суда [4]).

Декларація правъ, право суверенитета, широкое выборное начало должны были основать республиканское управленіе. Но конституціи 1793 г. суждено было остаться на бумагѣ. Не въ минуту отчаянной борьбы съ европейскою коалиціею и внутренними врагами республики согласился бы конвентъ или, лучше сказать, партія Горы, сложить свои полномочія и уступить мѣсто новому собранію. Конституція была принята 1.801,918 гражданъ, увлеченныхъ республиканскими теоріями или терроризированныхъ агентами конвента и мѣстными клубами. Пышно было отпраздновано ея принятіе въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ делегатовъ отъ первичныхъ собраній (августъ 1793). Списокъ конституціи былъ торжественно положенъ въ ковчегъ. Но вслѣдъ затѣмъ (12 августа), по искусно вызванной инціативѣ самихъ „делегатовъ", постановлено было, чтобы конвентъ не расходился до окончанія войны. По предложенію Базира, 24 августа, конвентъ издалъ декретъ, постановлявшій, „что Франція будетъ находиться въ революціи, пока ея независимость не будетъ признана". Диктатура „большихъ" комитетовъ конвента была освящена и получила новую силу.

Законъ 10 октября 1793 г. утвердилъ за комитетомъ спасенія права временного революціоннаго правительства и пріостановилъ дѣйствіе конституціи. Террористическое правительство получаетъ свою окончательную организацію 4 декабря 1793 г. Комитетъ общественнаго спасенія, революціонный трибуналъ, коммисары конвента, посланные въ департаменты съ диктаторскими полномочіями, мѣстные революціонные комитеты и клубы были органами правительства. Казни, конфискаціи имущества, избіеніе массами, жестокіе законы „о подозрительныхъ", чрезвычайные законы, установлявшіе таксы

---

1) Конст., ст. 37.
2) Тамъ же, ст. 91.
3) На одинъ годъ. Ст. 97.
4) Также на одинъ годъ. Ст. 100.

на припасы (maximum), реквизиціи, произвольный выпускъ ассигнацій, раззорившій страну, были правительственными средствами.

Что касается цѣлей диктатуры, то они могутъ быть раздѣлены на два разряда. Съ одной стороны, рядъ диктаторскихъ мѣръ. въ связи съ законами о „поголовномъ ополченіи" и организаторскимъ талантомъ Карно, завѣдывавшимъ военными дѣлами, возбудилъ въ націи ту энергію и далъ ей ту силу, которыя сломили первую коалицію, отразили внѣшнее нашествіе, отдали въ руки республики Бельгію и подавили внутреннія возстанія. Но, съ другой стороны, революціонная диктатура явилась средствомъ осуществленія тѣхъ политическихъ и общественныхъ идей крайнихъ республиканскихъ партій, объявившихъ „войну" не только „старому порядку" и его приверженцамъ, но и главнымъ началамъ европейскихъ обществъ. „Добродѣтельная республика", проектированная въ умѣ Робеспьера, С. Жюста и Кутона, требовала полнаго „возрожденія" націи въ духѣ идеализированныхъ республикъ древняго міра; во имя разума, она требовала полнаго разрыва со всѣми „предразсудками". „Общая воля", представляемая добродѣтельною частью республиканской партіи. была возведена на степень непогрѣшимаго судьи добродѣтельнаго и разумнаго [1]). При этихъ условіяхъ кругъ „враговъ республики" и „порочныхъ" ея членовъ расширялся съ чрезвычайною быстротою. Не только старая аристократія, но все зажиточное, образованное и воспитанное подпадало подъ дѣйствіе законовъ „о подозрительныхъ", чтобы потомъ дать пищу революціоннымъ судилищамъ, произносившимъ одни смертные приговоры. Собственность, неприкосновенность которой такъ пышно провозглашалась въ декларація правъ, была лишена всякаго обезпеченія. Свобода совѣсти, которую декларація 1793 года ставила внѣ сомнѣнія [2]), не могла существовать при „войнѣ" противъ духовенства и католической религіи. Христіанскій культъ былъ отмѣненъ; церковная проповѣдь была запрещена, и воспрещеніе это оправдывалось коммисарами конвента при помощи странныхъ софизмовъ [3]). Культъ Разума, затѣмъ культъ Высочай-

---

[1]) Характеристично донесеніе генерала Дюгомье послѣ взятія Тулона и кровавой расправы съ его жителями. „Этотъ памятный день", писалъ генералъ, „отомстилъ за общую волю частной и порочной волѣ, безуміе которой причинило величайшія бѣдствія".

[2]) Ст. 7. „Необходимость провозглашать эти права (свободу печати, сходокъ и вѣроисповѣданій) предполагаетъ или присутствіе деспотизма, или свѣжее о немъ воспоминаніе".

[3]) Одинъ изъ нихъ писалъ: „Всякій человѣкъ, осмѣливающійся проповѣдывать какое нибудь религіозное правило, кто бы онъ ни былъ, становится чрезъ это виновнымъ предъ народомъ. Онъ нарушаетъ... общественное равенство, не дозволяющее одному лицу публично превозносить свои идеальныя стремленія надъ таковыми же своего сосѣда". Тэнъ, ук. соч., IV, (*La révolution*, III), стр. 85, прим. 1.

шаго Существа обозначали два момента въ отреченіи отъ христіанства: одинъ атеистическій, другой торжество деизма, взятаго Робеспьеромъ подъ свое покровительство. Возрожденное общество, открывавшее новую эру въ исторіи человѣчества, нуждалось въ новомъ лѣтосчисленіи и въ республиканскомъ календарѣ [1]).

Самый конвентъ, номинально сосредоточившій въ своихъ рукахъ всѣ права власти, былъ порабощенъ своими комитетами. Возстанія 31 мая и 2 іюня, рѣшившія судьбу жирондистовъ, уже показали, чего должны ожидать депутаты, противные Горѣ. Въ октябрѣ 1793 года прежде исключенные жирондисты были обвинены и казнены съ 42 другими, вновь исключенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конвентъ принужденъ былъ исключить изъ своей среды 73 депутатовъ, протестовавшихъ противъ исключенія жирондистовъ. Этихъ двухъ ударовъ было достаточно для терроризаціи большинства членовъ конвента. „Равнина" (или „Болото"), къ которой принадлежало до 450 депутатовъ, или уклонялась отъ засѣданій, или безмолвствовала. Уже 1 апрѣля 1793 года конвентъ постановилъ, что не смотря (sans avoir égard) на неприкосновенность депутатовъ, онъ будетъ декретировать обвиненія тѣхъ изъ нихъ, противъ которыхъ явятся достаточныя предположенія о ихъ сношеніяхъ съ врагами свободы, равенства и республиканскаго правленія. Затѣмъ, 10 ноября (20 брюмера) конвентъ попытался нѣсколько оградить своихъ сочленовъ, постановивъ, что ни одинъ депутатъ не можетъ быть подвергнутъ обвиненію, не будучи выслушанъ въ средѣ собранія. Но они могли быть арестуемы по докладу комитетовъ. Декретъ 10 ноября былъ, однако, противенъ интересамъ демагоговъ, готовившихся къ новымъ избіеніямъ. Чрезъ два дня они заставили отмѣнить декретъ, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что декретъ 10 ноября установилъ *несправедливое различіе* между депутатами и прочими гражданами. Послѣдствія этого „равенства" понятны. Въ вѣчномъ страхѣ за свою безопасность, большинство послушно отдавало монтаньярамъ и революціонному трибуналу своихъ сочленовъ. Послѣ Жиронды, очередь дошла до самихъ якобинцевъ и монтаньяровъ. Въ мартѣ (жерминаль) 1794 года, С. Жюстъ, въ докладѣ конвенту отъ имени комитета общественнаго спасенія, уже предвозвѣстилъ грядущія казни, раздѣливъ всѣхъ враговъ республики на три разряда: крайнихъ револю-

[1]) Такъ какъ мы будемъ встрѣчаться ниже съ этимъ календаремъ, то здѣсь небезполезно напомнить его основанія.

Начало новой эры положено съ 22 сентября 1792 г. (Первый годъ республики). Затѣмъ годъ раздѣленъ на 12 мѣсяцевъ:

Три весеннихъ: Жерминаль, Флоріаль, Преріаль; *три лѣтнихъ*: Мессидоръ, Термидоръ, Фруктидоръ; *три осеннихъ*: Вандемьеръ, Брюмеръ, Фримеръ; *три зимнихъ*: Нивозъ, Плювіозъ, Вентозъ.

ціонеровъ, развратныхъ и умѣренныхъ. Конвентъ послушно выдавалъ требуемыхъ депутатовъ; пали Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Анахарсисъ Клоотцъ, Эро-де-Сешель и много другихъ соперниковъ Робеспьера.

Наконецъ, закономъ 22 преріаля (10 іюня) конвентъ, по докладу Кутона, предоставилъ комитету спасенія, коммисарамъ конвента и публичному обвинителю (Фукье-Тенвилю) требовать къ суду революціоннаго трибунала *всѣхъ* „подозрительныхъ" безразлично. Власть комитета спасенія и усиленнаго въ своемъ устройствѣ и полномочіяхъ революціоннаго трибунала тяготѣла теперь надъ каждымъ депутатомъ. Изъ доклада Кутона объ этомъ предметѣ было ясно, какъ будетъ дѣйствовать комитетъ и трибуналъ [1]). Никогда гильотина не истребляла столько жертвъ, какъ въ послѣдніе два мѣсяца владычества террористовъ (преріаль-термидоръ II года; май—іюль 1794 г.).

VIII. Реакція была неизбѣжна. Она вызывалась прежде всего потребностью въ нѣкоторой личной безопасности, ибо никто не могъ предвидѣть, гдѣ остановится политика „очищенія" республики [2]). Затѣмъ общее требованіе *жизни*, по картинному выраженію Мишле [3]), жизни, подавленной террористическимъ правительствомъ, должно было громко заявить о себѣ. Наконецъ, обширный классъ новыхъ собственниковъ, составившійся изъ пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, и другихъ элементовъ, былъ уже настолько великъ, что онъ могъ противопоставить свои силы санкюлотамъ Робеспьера и С. Жюста. Толпы „золотой молодежи" (jeunesse dorée) Фрерона, бывшаго якобинца, по-своему олицетворяли впослѣдствіи эту новую силу, появленіе которой уже чуялъ Робеспьеръ [4]).

---

[1]) „До сихъ поръ", говорилъ Кутонъ, „правосудіе не проявляло достаточной энергіи (!). Представляютъ себя справедливыми относительно отдѣльныхъ лицъ: это нелѣпо. Нужно быть справедливымъ относительно республики. Суды назначены для наказанія *враговъ республики* и они учреждены въ интересахъ не частныхъ лицъ, но отечества. Для враговъ республики нужно лишь столько времени, чтобы распознать ихъ. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы ихъ *уничтожить*. Снисходительность къ нимъ—отвратительна; милосердіе—отцеубійственно (parricide). Тотъ, кто хочетъ подчинить общественное спасеніе (salut public) выдумкамъ юристовъ или формуламъ судовъ,—глупецъ или негодяй".

[2]) Не задолго до катастрофы, одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Робеспьера спрашивалъ „останется ли 20 человѣкъ отъ Горы?" Въ теченіе 45 дней, предшествовавшихъ 22 преріаля, было гильотировано 577 человѣкъ, съ этого числа до 9 термидора на гильотинѣ погибло 1356; въ общихъ парижскихъ тюрьмахъ (не считая особыхъ мѣстъ заключенія) 23 преріаля было 7320 заключенныхъ. Изъ нихъ было гильотинировано, выпущено или умерло отъ болѣзней 1653. Не смотря на это, къ 9 термидора въ общихъ тюрьмахъ политическихъ заключенныхъ было 7800.

[3]) *Histoire du XIX siècle*, I.

[4]) „Нужно", говорилъ онъ въ своихъ секретныхъ замѣткахъ, найденныхъ послѣ

Ударъ былъ нанесенъ диктатору прежде всего бывшими членами его собственной партіи; 9 термидора (27 іюля), Тальенъ, Фуше, Фреронъ, Колло-д'Эрбуа, Барреръ и друг. побѣдили Робеспьера въ конвентѣ и быстро уничтожили его партію [1]). Но наслѣдіе террористическаго правительства было тяжело для его преемниковъ. Правительство, уничтожающее диктатуру съ цѣлью установить нормальный порядокъ и обезпечить гражданскую свободу, должно имѣть большой нравственный авторитетъ и опираться на могущественный классъ общества, горячо преданный дѣлу порядка и свободы. Конвентъ не имѣлъ этого авторитета и не располагалъ такою общественною силою.

Собраніе, свергнувшее иго террористовъ, само было повинно въ ужасахъ террора; въ его средѣ оставались преступнѣйшіе изъ террористовъ; самое 9 термидора было совершено Тальеномъ, свирѣпствовавшимъ въ Бордо, Фрерономъ и Фуше, стершими съ лица земли Ліонъ и Тулонъ, Вадье, Колло-д'Эрбуа и Бильо-Варреномъ, свирѣпыми членами комитета спасенія, и Баррeромъ, „Анакреономъ Гильотины". Свергнувъ Робеспьера, Кутона и С. Жюста съ ихъ партіей, конвентъ долженъ былъ послѣдовательно принести въ жертву реакціи и другихъ террористовъ; во имя той же послѣдовательности, онъ долженъ былъ, давъ странѣ новую конституцію, сложить съ себя полномочія.

Но онъ не могъ преслѣдовать террористовъ, не осуждая самого себя и не возстановляя противъ себя сильную еще партію якобинцевъ; онъ боялся сложить съ себя полномочія, опасаясь выборовъ, которые дали бы большинство партіямъ, враждебнымъ республикѣ. Этимъ двойнымъ страхомъ предъ якобинцами и подымавшими голову роялистами объясняется поведеніе конвента въ теченіе многихъ мѣсяцевъ послѣ 9 термидора. Цѣлый годъ прошелъ прежде, чѣмъ Франція получила опредѣленное устройство. Возстановленіе конституціи 1793 года было немыслимо по самымъ ея свойствамъ; изданіе новой конституціи требовало торжества умѣренныхъ республиканцевъ, которое было еще далеко.

Въ теченіе переходнаго времени, конвентъ успѣлъ, правда, отмѣнить нѣкоторыя террористическія мѣры и ограничить силу революціонныхъ партій. Власть комитетовъ была ограничена и составъ ихъ

его смерти, „смотрѣть, какъ на враговъ, на людей порочныхъ и богатыхъ. Нужно побѣдить *буржуа*, отъ которыхъ происходятъ всѣ внутреннія опасности. Нужно собрать санкюлотовъ въ городахъ, дать имъ жалованье, разъярить (colérer), вооружить и просвѣтить ихъ".

[1]) Исторія этого переворота подробно разсказана въ спеціальномъ трудѣ г. Д'Эрико (D'Héricault), *La révolution de Thermidor*, Paris, 1876.

измѣненъ; Парижъ получилъ новое муниципальное устройство, вслѣдствіе чего уничтожена была власть революціонной коммуны, отмѣнена была плата въ 40 су, установленная нѣкогда Дантономъ для посѣтителей секціонныхъ собраній Парижа, для привлеченія въ нихъ санкюлотовъ; клубъ якобинцевъ былъ закрытъ; умѣренная партія въ конвентѣ была подкрѣплена возвращеніемъ въ него 73 исключенныхъ въ октябрѣ 1793 года членовъ; главные дѣятели революціоннаго трибунала вмѣстѣ съ „публичнымъ обвинителемъ" Фукье-Тенвилемъ, были казнены; той же участи подвергся свирѣпѣйшій изъ коммисаровъ конвента — Каррье, прославившійся своими *ноаядами* въ Нантѣ. Якобинцы не принадлежали, однако, къ партіямъ, уступающимъ свою власть безъ боя. Пораженные 9 термидора, они собирали свои силы для отчаянной борьбы.

Поводъ къ ней представился, когда конвентъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился принять обвиненіе противъ Колло-д'Эрбуа, Бильо-Варрена, Вадье и Баррера. Парижскія предмѣстья уже достаточно были взволнованы голодомъ и дороговизною; возбужденныя якобинцами, толпы вооруженнаго народа ворвались въ конвентъ, 12 жерминаля III года [1]), требуя хлѣба, конституціи 1793 года и освобожденія арестованныхъ. Возстаніе было подавлено генераломъ Пишегрю. Но имя Пишегрю, освободившаго конвентъ, указывало на другую опасность, грозившую республиканцамъ.

Генералъ уже тогда выражалъ роялистическія убѣжденія, а роялисты, освобожденные отъ страха комитета спасенія, возвращались во Францію въ большомъ числѣ. Соединившись съ своими единомышленниками, пользуясь озлобленіемъ и негодованіемъ, оставленными послѣ себя коммисарами конвента и мѣстными революціонными комитетами, они организовали теперь *бѣлый* терроръ на югѣ, преслѣдуя и убивая попадавшихся имъ якобинцевъ. Извѣстія о бѣломъ террорѣ и быстрые успѣхи роялизма, заставлявшіе бывшихъ террористовъ опасаться не только за власть, но и за существованіе свое, привели къ новому возстанію 1 преріаля [2]), имѣвшему цѣлью снова овладѣть конвентомъ и сдѣлать его орудіемъ возстановленія террора. Возстаніе сопровождалось ужасными сценами; одинъ изъ депутатовъ былъ убитъ и голова его на пикѣ была поднесена къ предсѣдательствовавшему въ тотъ день Буасси д'Англа, не хотѣвшему оставить президентскаго кресла. Д'Англа поклонился головѣ и остался на мѣстѣ. Съ трудомъ было подавлено возстаніе, кончив-

---

[1]) 1 апрѣля 1795 года.
[2]) 20 мая 1795 года.

шееся гибелью многихъ членовъ Горы, обвиненныхъ въ возбужденіи возстанія [1]).

Торжество конвента въ дни 12 жерминаля и 1 преріаля не давало ему прочной власти. Преслѣдуя якобинство, конвентъ сходилъ съ почвы, на которой выросло собственное его могущество; власть его оставалась глубоко антипатичною большинству населенія, обращавшемуся уже къ католическимъ и монархическимъ учрежденіямъ. Богослуженіе, вопреки декретамъ, совершалось открыто; о республиканскомъ календарѣ никто не хотѣлъ слышать; неприсягнувшіе священники были окружены почетомъ; воскресенье праздновалось попрежнему; права несчастнаго сына Людовика XVI провозглашались открыто; сама „золотая молодежь", въ страшный для конвента день 1 преріаля, не торопилась на выручку правительства, разсуждая о томъ, кто хуже: мятежники предмѣстій или конвентъ?

Между тѣмъ, возстановленіе монархіи въ данную минуту было бы гибельно не только для конвента, но и для того многочисленнаго класса собственниковъ — пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, изъ коихъ составилась новая буржуазія. Она хотѣла правительства твердаго и способнаго оградить существенныя для нея пріобрѣтенія революціи: гражданское равенство, частную свободу и собственность; она хотѣла государственнаго устройства, основаннаго на преобладаніи среднихъ классовъ. Этимъ цѣлямъ, повидимому, должна была удовлетворить конституція 5 фруктидора III года республики [2]), выработанная, главнымъ образомъ, Буасси д'Англа.

IX. Конституціи предпослана декларація правъ, составленная въ духѣ „объявленія" 1789 года; къ ней прибавлено и „объявленіе" *обязанностей*, заключающее въ себѣ, впрочемъ, скорѣе нравственные совѣты, чѣмъ положительныя правила [3]). Народное самодержавіе признано основаніемъ государственнаго устройства [4]). Совокупность гражданъ образуется изъ всѣхъ французовъ, достигшихъ 21 года и платящихъ какую либо прямую подать (contribution directe) [5]); отъ ценза освобождены французы, сдѣлавшіе одну или нѣсколько кампаній для „утвержденія республики" [6]). Изъ гражданъ

---

[1]) Гужонъ, Роммъ, Субрани и нѣкоторые другіе кончили жизнь самоубійствомъ, другіе погибли на гильотинѣ и въ ссылкѣ.

[2]) 22 августа 1795 года.

[3]) Напримѣръ: „никто не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, если онъ не добрый сынъ, добрый отецъ, братъ, супругъ, другъ" (ст. 4). „Кто, не нарушая законовъ, обходитъ ихъ хитростью или ловкостью, тотъ вредитъ общей пользѣ; онъ дѣлаетъ себя недостойнымъ расположенія и уваженія согражданъ" (ст. 7).

[4]) Декл., ст. 17, 18 и 19.

[5]) Конст., ст. 8.

[6]) Конст., ст. 9.

по кантонамъ образуются „первичныя собранія“, въ коихъ могутъ принимать участіе лица, *осѣдлыя* въ кантонѣ въ теченіе года [1]). Но въ первичныхъ своихъ собраніяхъ народъ имѣетъ только слѣдующія права: 1) право обсужденія *конституціонныхъ* поправокъ, и 2) право избранія: а) мировыхъ судей и ихъ асессоровъ; б) муниципальной администраціи, и в) выборщиковъ въ избирательныя собранія.

Такимъ образомъ, первичныя собранія устранены отъ *политическихъ* выборовъ; послѣдніе устроены въ *двухъ* степеняхъ, по примѣру конституціи 1791 г. Каждое первичное собраніе избираетъ по 1 выборщику на 200—300 избирателей, по 2 на 300—500, по 3 на 500—700, по 4 на 700—900—смотря по числу избирателей, образующихъ первичное собраніе. Для выборщиковъ установлено требованіе 25-лѣтняго возраста и цензъ, равный установленному конституціею 1791 года [2]). Избирательное собраніе можетъ заниматься только *выборами*; ни одно изъ нихъ не имѣетъ права сноситься съ другимъ. Выборщики избираютъ: 1) членовъ законодательнаго корпуса; 2) членовъ кассаціоннаго суда; 3) присяжныхъ верховнаго суда (les hauts jurés); 4) администраторовъ департамента; 5) президентовъ, публичнаго обвинителя и секретаря уголовнаго суда, и 6) судей гражданскихъ трибуналовъ.

Законодательная власть ввѣрена законодательному корпусу; но послѣдній, послѣ того какъ Франція испытала невзгоды отъ всемогущества единаго собранія, раздѣленъ на двѣ палаты: совѣтъ пятисотъ и совѣтъ старѣйшинъ (Conseil des anciens). Въ видахъ огражденія совѣтовъ отъ порабощенія ихъ комитетами, постановлено, что ни подъ какимъ предлогомъ законодательный корпусъ не можетъ поручать отправленія предоставленныхъ ему правъ одному или многимъ изъ своихъ сочленовъ или иному лицу [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, законодательному корпусу воспрещено отправлять судебныя и административныя функціи [4]). Для предупрежденія быстрыхъ поворотовъ въ законодательной дѣятельности, принята система *частичнаго* обновленія корпуса; каждый годъ выбываетъ 1/3 депутатовъ. Никто не можетъ быть депутатомъ болѣе какъ 6 лѣтъ сряду, послѣ чего устанавливается интервалъ въ 2 года.

Въ совѣтъ 500 могутъ быть избраны лица, достигшія 30 лѣтъ и

---

[1]) Конст., ст. 11 и 17. Сверхъ этого, по ст. 16, молодые люди могутъ быть внесены въ списки гражданъ, если они умѣютъ *читать и писать*. Но дѣйствіе этого правила было отсрочено до 12 года республики. Слѣдовательно, оно не было примѣнено.

[2]) См. выше и ср. ст. 33 и 35.

[3]) Ст. 45, 67.

[4]) Ст. 46.

въ теченіе 10 лѣтъ предъ выборами осѣдлыя во Франціи [1]). Совѣтъ старѣйшинъ, составленный изъ 250 лицъ [2]), долженъ былъ заключать въ себѣ людей, умудренныхъ опытомъ. Право быть избраннымъ въ этотъ совѣтъ предоставлялось лицамъ, достигшимъ 40-лѣтняго возраста, женатымъ или вдовымъ и осѣдлымъ на территоріи республики въ теченіе 15 лѣтъ предъ выборами [3]).

Оба совѣта облечены законодательною властью, но каждому принадлежатъ особыя функціи. Только совѣтъ пятисотъ имѣетъ право *иниціативы* законовъ; только совѣтъ старѣйшинъ имѣетъ право ихъ *утвержденія* [4]). Во избѣжаніе спѣшныхъ предложеній, совѣтъ пятисотъ не могъ принять резолюціи иначе, какъ послѣ трехъ чтеній, раздѣленныхъ промежуткомъ въ 10 дней. Исключеніе сдѣлано для дѣлъ, признанныхъ неотложными (propositions urgentes) мотивированнымъ постановленіемъ совѣта. Совѣтъ старѣйшинъ долженъ былъ принимать къ своему разсмотрѣнію резолюціи совѣта пятисотъ, не иначе какъ удостовѣрившись въ конституціонности ихъ формы. Обсужденіе резолюціи должно было также происходить въ трехъ чтеніяхъ, отдѣленныхъ 5 днями промежутка. Затѣмъ, совѣту старѣйшинъ предоставлялось принимать или отвергать законопроектъ въ цѣломъ его объемѣ, безъ права поправокъ.

Въ видахъ обезпеченія безопасности законодателей отъ посягательствъ народныхъ сборищъ, отъ которыхъ такъ страдалъ конвентъ, совѣту старѣйшинъ было предоставлено право переносить засѣданія совѣтовъ въ другое мѣсто [5]). Неприкосновенность депутатовъ обезпечена многочисленными постановленіями, опредѣлявшими также порядокъ преданія ихъ суду за преступленія [6]). *Исполнительная* власть ввѣрена *директоріи*, состоявшей изъ пяти членовъ, изъ коихъ одинъ выбывалъ каждый годъ (частичное обновленіе). Въ директоры могли быть избраны граждане, достигшіе 40 лѣтъ и не бывшіе какъ членами законодательнаго корпуса, такъ и министрами. Членъ директоріи, выходящій по очереди, не могъ быть вновь избранъ раньше

---

[1]) Требованіе 30-лѣтняго возраста пріостановлено до 7 года республики.

[2]) Изъ этого видно, что общее число депутатовъ зак. корп. установлено примѣнительно къ числу, положенному конституціею 1791 г. для зак. собранія (745); но оно раздѣлено между двумя палатами.

[3]) Ст. 83.

[4]) Буасси д'Англа въ своемъ докладѣ называлъ совѣтъ 500 „воображеніемъ" и совѣтъ старѣйшинъ „разумомъ" республики.

[5]) Судьба захотѣла, чтобы совѣтъ старѣйшинъ воспользовался этимъ правомъ на пользу Бонапарта. Переворотъ 18 брюмера былъ совершенъ въ С. Клу, куда былъ переведенъ законодательный корпусъ подъ предлогомъ готовившагося будто бы возмущенія въ Парижѣ.

[6]) Ст. 110—123.

5 лѣтъ. Избраніе директоровъ поручалось законодательному корпусу, при чемъ совѣту пятисотъ предоставлено предложеніе кандидатовъ въ двойномъ числѣ противъ вакантныхъ мѣстъ, а совѣту старѣйшинъ выборы изъ числа предложенныхъ кандидатовъ. Предсѣдательство въ директоріи принадлежало, по очереди, каждому директору на три мѣсяца. Директоріи предоставлялась высшая исполнительная власть, назначеніе министровъ, другихъ высшихъ агентовъ администраціи и право распоряжаться вооруженными силами республики, безъ права командовать арміею.

Такова была организація первенствующихъ въ республикѣ властей. Въ ихъ устройствѣ, соотвѣтствующемъ принципу раздѣленія властей, равно какъ и въ двустепенныхъ выборахъ, съ высокимъ цензомъ для выборщиковъ, должна была выразиться идея умѣренной республики. *Ревизія* конституціи также обставлена строгими формами. Достаточно сказать, что иниціатива пересмотра принадлежала совѣту старѣйшинъ съ одобренія совѣта пятисотъ. Учредительное собраніе (assemblée de révision) созывалось только въ томъ случаѣ, если предложеніе о пересмотрѣ было принимаемо законодательнымъ корпусомъ въ трехъ сессіяхъ, т.-е. въ теченіе 9 лѣтъ.

Учреждая „умѣренную республику", авторы конституціи 1795 г. желали рѣзко отдѣлить ее отъ якобинскихъ идеаловъ, съ одной, и монархическихъ принциповъ, съ другой стороны. Съ этой точки зрѣнія интересны *боевыя*, такъ сказать, статьи, помѣщенныя въ концѣ конституціи подъ именемъ „общихъ постановленій". Въ нихъ имѣются правила, очевидно, направленныя противъ якобинцевъ и противъ роялистовъ. Воспрещеніе корпорацій и ассоціацій, противныхъ общественному порядку, особенно съ названіемъ „народныхъ"; воспрещеніе связи и сношеній между отдѣльными политическими обществами, ношенія эмблемъ, коллективныхъ петицій, вооруженныхъ и невооруженныхъ сборищъ; наконецъ, постановленіе, что граждане могутъ отправлять свои политическія права только въ „первичныхъ собраніяхъ"—все это достаточно указывало на свѣжія воспоминанія о якобинскомъ клубѣ и неистовствахъ парижской черни. Съ другой стороны, постановленія о томъ, что французская эра начинается 22 сентября, что нація не потерпитъ возвращенія французовъ, покинувшихъ отечество послѣ 15 іюля 1789 года, что имущества эмигрантовъ безповоротно принадлежатъ республикѣ и что нація гарантируетъ права собственности пріобрѣтателямъ національныхъ имуществъ—должны были отнять надежды у роялистовъ.

Между тѣмъ, роялистическая партія получила бо́льшую свободу дѣйствій. Несчастный сынъ Людовика XVI, ребенокъ, которому по праву принадлежала корона, умеръ 8 іюля 1795 года, замученный

палачомъ, даннымъ ему въ „воспитатели", Симономъ, другомъ Робеспьера. Пока онъ былъ живъ, республика держала ближайшаго претендента на престолъ заложникомъ. Теперь право на престолъ переходило къ брату казненнаго короля — Людовику XVIII, находившемуся въ Англіи. Надежды эмиграціи оживились. Настроеніе націи было благопріятно монархіи. Выборы въ новый законодательный корпусъ могли принести роялистическое большинство. Конвентъ, обязанный разойтись послѣ того, какъ конституція 1795 года была принята народомъ [1]), рѣшился продлить свое существованіе другимъ способомъ. Декретомъ конвента было постановлено [2]), что въ силу правила объ обновленіи законодательнаго корпуса по третямъ, націи предоставляется, на первый разъ, избрать $^1/_3$ депутатовъ. Такимъ образомъ $^2/_3$ конвента оставалось на своихъ мѣстахъ. Для спасенія приличія, народу было предоставлено „выбрать" эти $^2/_3$ изъ наличныхъ членовъ конвента. Эта мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, была сигналомъ къ возстанію. Огромное большинство изъ якобинцевъ парижскихъ секцій вооружилось. Конвентъ собралъ себѣ защитниковъ изъ санкюлотовъ и части линейныхъ войскъ. Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ Баррасъ. Но онъ (5 октября или 13 вандемьера) передалъ начальство генералу Бонапарту. Послѣдній быстро подавилъ возстаніе; но изъ этого употребленія военной силы онъ извлекъ урокъ и для себя. На первый разъ онъ получилъ начальство надъ итальянскою арміею и открылъ рядъ тѣхъ кампаній, которыя привели его къ престолу.

X. Новое правительство, наконецъ, образовалось. Умѣренные республиканцы преобладали въ совѣтахъ; напротивъ, въ директоріи три члена изъ пяти [3]) принадлежали къ старой якобинской партіи, а два [4]) къ умѣреннымъ. Но поставленные среди непримиримой борьбы партій, ни конвентъ, ни директорія не имѣли твердой точки опоры. Уже 13 вандемьера показало, какими средствами будетъ держаться новое правительство. Не имѣя твердой поддержки въ избирателяхъ, страшась монархической реакціи, оно, при всякой опасности, спасалось *государственными переворотами* (coups d'état) и подъ конецъ держалось возстановленною системою террора, замѣнивъ гильотину *депортаціею* въ Кайенну и другія убійственныя для здоровья мѣстности.

Республика, спасенная картечью въ день 13 вандемьера и подавившая въ 1796 году опасное коммунистическое возстаніе Бабёфа,

[1]) Она была принята 914,853 голосами.
[2]) По предложенію депутата Бодена.
[3]) Баррасъ, Рёбель (Rewbel) и Карно.
[4]) Ла-Ревельеръ-Лепо и Летурнеръ.

снова нуждалась въ „спасеніи" послѣ того, какъ роялистическая партія собрала свои силы, образовала свою ассоціацію (клубъ Клиши), провела большинство своихъ депутатовъ въ совѣты и посадила въ директорію роялиста Бартелеми (май 1797). Самъ знаменитый организаторъ французской арміи, Карно, человѣкъ строгихъ и честныхъ правилъ, разошелся съ своими товарищами по директоріи, особенно съ безнравственнымъ и продажнымъ Баррасомъ [1]). Директорія рѣшилась опереться на военную силу. Бонапартъ снова „спасъ республику", но не лично, а чрезъ генерала Ожеро (будущаго герцога Кастильоне), котораго онъ прислалъ въ Парижъ подъ предлогомъ передачи знаменъ, взятыхъ у непріятеля. Ожеро (18 фруктидора, т.-е. 4 сентября 1797 г.) окружилъ зданіе совѣтовъ солдатами, арестовалъ 11 старѣйшинъ, 42 пятисотенныхъ, директоровъ Бартелеми и Карно и возстановилъ власть республиканцевъ [2]).

Ободренная этимъ успѣхомъ, новая директорія тотчасъ запретила множество враждебныхъ ей журналовъ, депортировала ихъ редакторовъ и сотрудниковъ, арестовала и депортировала роялистовъ, выговорила себѣ право объявлять осадное положеніе и вводить войска въ мѣстопребываніе совѣтовъ, смѣнила нѣсколько сотъ администраторовъ и судей по департаментамъ, замѣнивъ ихъ своими чиновниками, и кассировала всѣ „роялистическіе" выборы. Республика опять была „спасена" нарушеніемъ конституціи во имя „общественнаго блага" [3]).

Послѣ 18 фруктидора, конституція 1795 г. сдѣлалась такою же вывѣскою, какою была конституція 1793 г. Комитетъ спасенія возродился въ директоріи, опиравшейся на военную силу. Но едва прошла опасность отъ роялизма, какъ она возродилась со стороны якобинцевъ, къ которымъ директорія по необходимости должна была от-

---

[1]) „Измѣнивъ", говоритъ Ланфре́, „по очереди всѣмъ партіямъ, отказавшись отъ всѣхъ мнѣній, Баррасъ представлялъ только одну вещь: безнравственность. Но такова была общая испорченность общественная и частная, что онъ былъ еще силою". *Histoire de Napoléon I*, т. I, стр. 424.

[2]) Арестованные были отправлены въ Кайенну. Карно удалось бѣжать въ Германію.

[3]) Люди 1797 г. заговорили языкомъ людей 1793 г. Докладчикъ о мѣрахъ къ „спасенію", предлагаемыхъ директоріею, Буле-де-ла-Мёртъ, восклицалъ въ совѣтѣ пятисотъ: „Мы находимся въ состояніи *войны*: враги и друзья республики стоятъ другъ противъ друга... Необходимо спасти отечество... Медленныя и судебныя формы не могутъ быть соблюдаемы относительно заговорщиковъ. Сегодня вы *побѣдители*, но если вы не воспользуетесь побѣдой, то завтра вы будете *побѣжденны*". „Можно-ли", говорилось въ посланіи директоріи, „колебаться между участью *нѣсколькихъ лицъ* и судьбою республики?" Хорошее собраніе этихъ мнѣній у Лорана, назв. соч., XIII (*La révolution française*, I), стр. 107—118.

носиться снисходительно. Крайняя партія, разсѣянная послѣ 9 термидора и заговора Бабёфа, парализированная строгими законами противъ клубовъ и сборищъ, собрала свои силы. „Анархическіе" выборы 1798 года перепугали директорію. Еще достаточно сильная въ то время, она быстро приняла свои мѣры; 22 флореаля правительство кассировало въ 49 департаментахъ выборы не только депутатовъ, но и судей, публичныхъ обвинителей, присяжныхъ верховнаго суда и т. д. Но въ слѣдующемъ году, директорія лишилась всякой силы. Внѣшнія неудачи, дороговизна, отсутствіе кредита, негодованіе арміи лишали ее всякой поддержки. Нація, истомленная и запуганная, находилась въ летаргіи. Якобинцы дружно воспользовались этой минутой. Легкая побѣда на выборахъ дала имъ большинство въ совѣтѣ пятисотъ; якобинскій клубъ, подъ другимъ названіемъ, былъ открытъ въ „Манежѣ". Революціонныя силы снова приведены были въ движеніе и возстаніе 30 преріаля выбросило изъ директоріи трехъ „умѣренныхъ" [1]), замѣстивъ ихъ избранниками якобинцевъ [2]).

Такъ государственные перевороты временъ директоріи подготовляли болѣе существенный переворотъ 18 брюмера, отдавшій власть въ руки Бонапарта. Если прибавить къ этому глубокую безнравственность партій и общества, вышедшихъ изъ террора, воспитавшаго въ націи готовность подчиняться всякой силѣ, и полное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, отсутствіе кредита и порядка, безопасности лицъ и имуществъ, то 18 брюмера будетъ понятно. Терроръ 1793 г. былъ ужасенъ; но онъ олицетворялся въ „неподкупномъ" Робеспьерѣ; скрытный терроръ директоріи олицетворялся въ продажномъ и развратномъ Баррасѣ. Въ моментъ паденія республики 1795 года изъ числа директоровъ Баррасъ сносился съ Людовикомъ XVIII, Сійесъ, видѣвшій дальше Барраса, съ разными генералами, пока не остановился на Бонапартѣ. Мулэнъ и Гойе́ были личности ничтожныя, а Рожеръ-Дюко впослѣдствіи съ удовольствіемъ сдѣлался третьимъ консуломъ. Что касается членовъ пятисотеннаго совѣта и двухъ директоровъ, взывавшихъ къ конституціи, попранной 18 брюмера, то побѣдитель отвѣтилъ имъ: „Вы взываете къ конституціи! Пристойно ли вамъ взывать къ ней? Можетъ ли она быть еще обезпеченіемъ французскому народу? Вы попрали ее 18 фруктидора, 22 флореаля, 30 преріаля. Конституція? Она призывается всѣми партіями и нарушается всѣми. Она презирается всѣми; она не можетъ быть для насъ средствомъ спасенія, потому что она

---

[1]) Ла-Ревельера-Лепо, Мерлена и Трельяра.

[2]) Гойе́, Мулэномъ и Рожеромъ-Дюко.

никѣмъ не уважается. Конституція? Не во имя ли ея вы позволяли себѣ всяческую тиранію?“ [1]).

XI. Успѣхъ диктатора объясняется еще и свойствомъ тогдашней французской *арміи*. Живыя силы націи давно сосредоточивались въ ней. Непричастная до 18 фруктидора къ борьбѣ партій, мужественно и съ самоотверженіемъ, среди всякихъ лишеній, сражавшаяся за республику, выдвинувшая рядъ знаменитыхъ генераловъ, она составляла дѣйствительную опору Франціи. Терзаемая партіями внутри, республика была грозна вовнѣ. Силы первой коалиціи сломились объ арміи патріотовъ. Прусскій король заключилъ съ республикою отдѣльный миръ (въ Базелѣ) въ 1795 году. Въ Бельгіи (Австрійскія Нидерланды) самовластныя реформы императора Іосифа II, отмѣнявшія старыя провинціальныя вольности и раздражавшія духовенство, вызвали возстаніе 1789 года; 30 ноября бельгійскія провинціи заключили союзъ для защиты своихъ правъ, обычаевъ, привилегій и вѣры своихъ отцовъ [2]), а 11 января 1790 года былъ учрежденъ „державный конгрессъ Соединенныхъ Бельгійскихъ Штатовъ“ и объявлена ихъ независимость отъ Австріи. Возстаніе было усмирено императоромъ Леопольдомъ II (1790) отчасти силою, отчасти уступками. Но только что усмиренная Бельгія сдѣлалась главнымъ театромъ войны 1792 и слѣдующихъ годовъ. Силою оружія и при поддержкѣ, сочувствовавшихъ французскимъ идеямъ, страна постепенно была присоединена къ Франціи. Наконецъ, декретъ національнаго конвента 9 вандемьера IV года республики (1 октября 1795 г.) соединилъ Бельгію и Люттихъ (Льежъ) съ Франціею, раздѣлилъ страну на 9 департаментовъ и ввѣрилъ временное управленіе ею своимъ коммисарамъ [3]). Въ 1797 г. Австрія, по кампоформійскому миру, должна была признать это пріобрѣтеніе республики.

Въ годъ присоединенія Бельгіи (1795), французскія войска вторглись въ Голландію. Почва для республиканской арміи была подготовлена въ этой странѣ событіями недавней революціи, направленной противъ штатгальтера соединенныхъ провинцій, Вильгельма V, и подавленной прусскими войсками подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго (1787). Побѣдами Пишегрю, Моро, Макдональда и другихъ, Голландія, при содѣйствіи мѣстныхъ демократовъ, была обращена въ Батавскую республику (1795). Въ 1798 году она получила устройство, подобное французскому, съ директоріею во главѣ

---

[1]) Бонапартъ забылъ упомянуть о 13 вандемьера, когда онъ также „попралъ“ въ угоду конвенту права избирателей, и о томъ, что 18 фруктидора было произведено посланнымъ имъ Ожеро.

[2]) Дюфо, *Collection des constitutions*, III, стр. 88.

[3]) Дюфо, III, стр. 97 и слѣд.

(статсъ-бевиндъ). Подобно французской, и батавская республика была объявлена „единой и нераздѣльной", съ уничтоженіемъ старинныхъ вольностей отдѣльныхъ провинцій (штатовъ) Голландіи.

Но еще большее распространеніе получили республиканскія учрежденія въ Италіи, гдѣ демократическія идеи и партіи были поддержаны побѣдами Бонапарта и его генераловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширялись предѣлы Франціи. Преобладанію австрійскаго дома на полуостровѣ наносились жестокіе удары. Первымъ испыталъ силу французскаго оружія пьемонтскій и сардинскій король (Амедей III), приставшій къ союзу противъ Франціи въ 1792 году. Нѣсколько рѣшительныхъ побѣдъ [1]) отдали въ руки республики Ниццу и Савойю; чрезъ нѣсколько времени новый король [2]) принужденъ былъ предоставить управленіе Пьемонтомъ французскимъ властямъ, а самъ удалился на островъ Сардинію. Быстры были успѣхи Бонапарта и въ другихъ частяхъ Италіи. Рядъ побѣдъ отдалъ въ его руки Ломбардію, заставилъ Австрію, по леобенскому перемирію (18 апрѣля 1797), утвержденному кампоформійскимъ миромъ (17 октября 1797 г.), отдать Франціи австрійскія Нидерланды (Бельгію) и Ломбардію. Послѣдняя, по волѣ завоевателя [3]), образовала Цизальпинскую республику (30 іюня 1797) и получила конституцію, почти списанную съ французской 1795 года [4]). Вслѣдствіе этого, мы находимъ въ ней декларацію правъ и обязанностей, признаніе народнаго суверенитета, двустепенные выборы, законодательный корпусъ, раздѣленный на совѣтъ старѣйшинъ (изъ 40—60 депутатовъ) и большой совѣтъ (изъ 80—120 деп.), директорію изъ пяти лицъ [5]). Подобно Франціи, территорія республики была раздѣлена на департаменты и округи. Замѣчательно, что даже „боевыя статьи" конституціи 1795 г. были помѣщены въ этой копіи, хотя въ Ломбардіи не было якобинцевъ. Впрочемъ, на первый годъ „директорія" была назначена Бо-

---

[1]) При Милезимо, Монтенотѣ и Мондови (апрѣль 1796).

[2]) Карлъ Эммануилъ V (1796—1802).

[3]) Какъ это и было прямо выражено въ прокламаціи Бонапарта.

„Цизальпинская республика", говорится здѣсь, „была въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ владычествомъ австрійскаго дома; французская республика заняла его мѣсто *по праву завоеванія*; отнынѣ она отказывается отъ него, и Цизальпинская республика дѣлается свободною и независимою".

[4]) Объ этомъ также засвидѣтельствовано въ пышной прокламаціи Бонапарта: „Директорія французской республики... даетъ Цизальпинскому народу свою *собственную конституцію*, — плодъ просвѣщенія самой просвѣщенной въ Европѣ націи (!)".

[5]) Въ порядкѣ выбора директоровъ законодательнымъ корпусомъ сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ французскаго образца. Ср. конст., ст. 131 и слѣд.

напартомъ [1]). Въ составъ Цизальпинской республики вошла и имѣвшая нѣсколько дней существованія республика Циспаданская, составленная изъ бывшихъ самостоятельныхъ государствъ и отчасти изъ нѣкоторыхъ владѣній папскаго престола: Болоньи, Феррары, Модены и Реджо.

Даруя мнимую самостоятельность цизальпинской республикѣ, Бонапартъ уничтожилъ древнюю аристократическую республику Венеціи, которую онъ отдалъ Австріи, въ видѣ вознагражденія за Ломбардію. Другая аристократическая республика, Генуэзская, получила отъ завоевателя конституцію, также списанную съ французской, и названіе Лигурійской [2]). И здѣсь имѣется „декларація“ правъ, смѣшная копія съ французской [3]), объявленіе обязанностей, раздѣленіе народныхъ собраній на первичныя и избирательныя, совѣтъ старѣйшинъ (изъ 30 членовъ), другой совѣтъ (изъ 60), директорія изъ пяти членовъ и т. д. Подобную же конституцію получила и Лукка. Возстаніе въ Римѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ занятіе „вѣчнаго города“ генераломъ Бертье (февраль 1798), изгнаніе папы и провозглашеніе „римской республики“ съ тою же конституціею 1795 года [4]). Впрочемъ, можетъ быть, изъ уваженія къ римскимъ преданіямъ, французскія учрежденія названы были другими именами. Первичныя собранія названы „комиціями“; первый совѣтъ (составленный изъ 72 членовъ)—„трибунатомъ“; совѣтъ старѣйшинъ (изъ 32)—„сенатомъ“; директоры—„консулами“. Эти названія, какъ увидимъ ниже, пригодились и для Бонапарта.

Рядомъ съ этимъ, Франція подала руку и демократической партіи въ Швейцаріи, стремившейся къ низверженію отжившихъ аристократическихъ правительствъ (особенно въ Бернѣ), освобожденію сельскаго населенія отъ преобладанія городовъ и къ установленію болѣе крѣпкой федеративной связи между частями союза. Какъ и во всемъ, французская республика поступила „трансцендентально“, по выраженію Карлейля. Вмѣшавшись въ швейцарскія распри (генералъ Брюнъ), она, въ союзѣ съ демократическою партіею, провозгласила въ привыкшей къ мѣстной автономіи странѣ „единую и нераздѣльную“ Гельветическую республику, съ единою дирек-

---

[1]) Текстъ цизальпинской конституціи напечатанъ въ полезномъ изданіи Дюфо и друг.: „*Collection des constitutions*“. 1823, т. IV.

[2]) Дюфо, IV, стр. 335 и слѣд.

[3]) „Лигурійскій народъ“, говорится здѣсь, „признавая, что причина его бывшаго уничиженія заключается въ подчиненіи его правительству аристократическому, наслѣдственному и раздѣленному на классы, рѣшился отнынѣ составить одну семью“, и т. д.

[4]) Дюфо, IV, стр. 388.

торіею (мартъ 1798). Въ свою пользу французская республика пріобрѣла отъ союза Женеву.

Настала очередь и для юга Италіи. Неаполитанскій король, Фердинандъ IV, неспособный и жестокій государь, руководимый совѣтами королевы Каролины [1]) и ея наперстницы леди Гамильтонъ [2]), вмѣшался въ коалиціонную войну противъ Франціи, прежде чѣмъ союзники приступили къ дѣйствію. Бонапартъ, намѣреваясь нанести ударъ Англіи на востокѣ, отплылъ въ Египетъ (19 мая 1798); вслѣдъ затѣмъ французскій флотъ былъ уничтоженъ Нельсономъ при Абукирѣ (1 и 2 августа 1798). Это дало неаполитанскому королю сигналъ вторгнуться въ римскія владѣнія для возстановленія власти папы.

Римъ былъ взятъ и опустошенъ неаполитанцами, подъ предводительствомъ австрійскаго генерала Мака. Но вскорѣ генералъ Шампіоне́ нетолько выгналъ неаполитанцевъ, но и ворвался въ неаполитанскія владѣнія, принудилъ перепуганный дворъ къ бѣгству въ Сицилію, и, вмѣстѣ съ мѣстными демократами, учредилъ Партенопейскую республику, давъ ей французскія учрежденія (январь 1799). Такимъ образомъ, въ Италіи, еще недавно раздѣленной между многими владѣльцами, не осталось ни одного государя.

Событія 1799 года на время разрушили созданія французской республики. Новая коалиціонная война, въ которой русскими войсками предводительствовалъ великій Суворовъ, ведена была съ большимъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ изгнаніемъ французовъ, падали и республиканскія учрежденія Италіи. Легкости успѣха содѣйствовало и народное отвращеніе къ завоевателямъ, одною рукою дававшимъ мнимую свободу, а другою производившимъ страшные грабежи, взимавшимъ непомѣрные поборы и контрибуціи. На югѣ Италіи насилія завоевателей могли быть забыты развѣ въ виду неистовствъ возвратившагося правительства Фердинанда IV, сравнительно съ которыми подвиги Каррье въ Нантѣ могутъ быть названы актами милосердія [3]).

Но участь не только Италіи, но и всей Европы была теперь связана съ судьбою человѣка, находившагося пока въ Египтѣ. Въ октябрѣ 1799 года дѣла коалиціи приняли дурной оборотъ, между тѣмъ какъ 9 октября Бонапартъ внезапно прибылъ изъ Египта. Ровно чрезъ мѣсяцъ 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября), государственный переворотъ поставилъ его во главѣ Франціи; 19 брюмера, преданная

---

[1]) Дочери Маріи Терезіи.

[2]) Жены англійскаго посла въ Неаполѣ.

[3]) Въ короткое время до 4000 самыхъ образованныхъ людей обоего пола погибло отъ руки палача или въ тюрьмѣ.

Бонапарту часть совѣта пятисотъ, вмѣстѣ съ совѣтомъ старѣйшинъ, учредила временное „консульство", составленное изъ трехъ консуловъ (Бонапарта и двухъ бывшихъ директоровъ—Сійеса и Рожера-Дюко́). Консуламъ была предоставлена вся исполнительная власть; для приданія законности ихъ дѣйствіямъ и изготовленія новой конституціи, при консулахъ были учреждены двѣ коммиссіи, изъ 25 членовъ каждая. Члены ихъ были назначены изъ числа депутатовъ распущеннаго законодательнаго корпуса. Относительно принциповъ новой конституціи не могло быть никакихъ сомнѣній.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ [1]).

(1799—1814).

I. Внѣшняя форма, данная военной диктатурѣ Бонапарта, называлась конституціей 22 фримера VIII года республики или 13 декабря 1799 г. Она была составлена по плану знаменитаго Сійеса, назначеннаго, вмѣстѣ съ Бонапартомъ и Рожеромъ-Дюко́, однимъ изъ трехъ консуловъ республики. Ему спеціально было поручено составленіе проекта новой конституціи.

Участникъ или близкій свидѣтель всѣхъ политическихъ переворотовъ и бурь 1789 года, Сійесъ поставилъ себѣ цѣлью возможно большее уравновѣшеніе властей и проектировалъ планъ, воспроизводившій въ преувеличенномъ видѣ принципы конституціонной монархіи. Всѣ части будущаго государственнаго зданія были приведены въ кажущееся равновѣсіе. У народа было отнято право выборовъ, хотя суверенитетъ признанъ за нимъ и ему предоставлялось въ особенныхъ „довѣренныхъ спискахъ" указывать на лицъ, достойныхъ къ занятію общественныхъ должностей; у законодательной власти было отнято право иниціативы, ввѣренное власти исполнительной; самое *обсужденіе* и *принятіе* законопроекта было раздѣлено между трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ. Права главы исполнительной власти—„великаго избирателя", были ограничены назначеніемъ двухъ консуловъ, одного по гражданской, другого по военной части, и затѣмъ ему предоставлялись одни почетныя преимущества и права внѣшняго представительства. Наконецъ, высшимъ храни-

---

[1]) Ср. Тьеръ, *Histoire du consulat*, кн. I; Ланфрэ, *Histoire de Napoléon I*; Рихтеръ, назв. соч.

телемъ конституціи долженъ былъ явиться „охранительный сенатъ“, которому, сверхъ права отмѣны противоконституціонныхъ законовъ и распоряженій, предоставлялось право избирать въ свою среду всякаго гражданина, который затѣмъ лишался права занимать другія должности [1]).

Легко замѣтить, что это „равновѣсіе“ властей могло быть нарушено малѣйшимъ насиліемъ прерогативъ одной изъ нихъ. Наполеонъ Бонапартъ, довольный вообще планомъ Сійеса, остановилъ все свое вниманіе на должности „великаго избирателя“, очевидно, готовившейся ему. Но именно онъ не могъ помириться съ этимъ положеніемъ. „Вашъ великій избиратель“, говорилъ онъ Сійесу, „есть лѣнивый король (roi fainéant), а время лѣнивыхъ королей прошло. Какой человѣкъ съ умомъ и сердцемъ захочетъ выносить такое бездѣйствіе за 6 милліоновъ содержанія и помѣщеніе въ Тюльери? Какъ! Назначать людей дѣйствующихъ (т.-е. консуловъ) и самому не дѣйствовать? Это немыслимо?“ Дѣйствительно, проектъ о „великомъ избирателѣ“, въ тотъ моментъ, когда Франція, по внѣшнимъ и внутреннимъ своимъ условіямъ, нуждалась въ сильной, почти диктаторской власти, не могъ имѣть успѣха. Но Наполеонъ воспользовался этими условіями для утвержденія личнаго своего могущества, при внѣшней обстановкѣ представительныхъ учрежденій. Планъ Сійеса остался основаніемъ конституціонныхъ работъ, но конституція была выработана коммиссіею, оставленною консуламъ распущенными 19 брюмера „совѣтами“. Желанія Бонапарта служили ей главнымъ руководствомъ.

Народное самодержавіе оставалось верховнымъ началомъ публичнаго права Франціи; самая конституція 1799 года была принята народнымъ голосованіемъ (3.011,007 голосовъ). Но отправленіе этого верховенства введено въ границы, болѣе тѣсныя, чѣмъ тѣ, какія установлены въ конституціонныхъ монархіяхъ, не знающихъ народнаго суверенитета. Естественная и обычная форма участія народа въ отправленіи государственной власти есть избраніе имъ своихъ представителей и извѣстной части должностныхъ лицъ. Но конституція 1799 г. исключала именно эту форму. Согласно формулѣ Сійеса, что „*довѣріе* должно идти снизу, и *власть* сверху“, народъ былъ призванъ указывать, какія лица *достойны* занимать государственныя должности и, поэтому, могутъ быть *назначаемы*.

---

[1]) Тьеръ, назв. соч., стр. 37. „Dans cette conception singulière, mais profonde, qui ne reconnaît une image *effacée*, obscurcie peut-être à dessein, de la monarchie représentative? Ce Corps législatif, ce Sénat, ce grand Electeur, c'étaient bien une chambre basse, une chambre haute, un roi, le tout reposant sur une sorte de suffrage universel, mais avec de telles précautions que la démocratie, l'aristocratie, la royauté, admises dans cette constitution, y étaient aussitôt annulées qu'admises“.

Это указаніе совершалось въ слѣдующей формѣ. Каждый совершеннолѣтній французъ вносился въ гражданскіе списки (régistre civique) своего общиннаго округа. Каждый изъ внесенныхъ въ списки и осѣдлыхъ въ теченіе года въ округѣ принималъ участіе въ общинномъ съѣздѣ. Съѣздъ указывалъ лицъ, способныхъ вести общественныя дѣла. Имена этихъ лицъ заносились въ довѣренные списки (listes de confiance), въ числѣ, равномъ $^1/_{10}$ всѣхъ гражданъ округа. Изъ нихъ назначались должностныя лица *окружного* управленія.

Граждане, занесенные въ окружной списокъ, указывали изъ своей среды $^1/_{10}$ гражданъ, для внесенія въ *департаментскій* списокъ, по которому должны были производиться назначенія на департаментскія должности. Наконецъ, граждане, занесенные въ департаментскіе списки, назначали изъ своей среды $^1/_{10}$ для внесенія въ списокъ *національный*, по которому производились назначенія на должности государственныя.

Этимъ исчерпывалось отправленіе народнаго суверенитета. Но даже и въ этой формѣ, необходимость народнаго довѣрія была ограничена. Именно, по ст. 14, внесеніе въ довѣренные списки необходимо для назначенія только на должности, прямо исчисленныя въ конституціи и законахъ; по всѣмъ другимъ назначеніямъ правительству былъ предоставленъ полный просторъ [1]).

Во главѣ государственныхъ учрежденій, номинально и по рангу, поставленъ охранительный сенатъ (sénat conservateur)—это оригинальное произведеніе Сійеса. Онъ не былъ введенъ въ кругъ законодательныхъ и исполнительныхъ учрежденій: ему ввѣрялось охраненіе конституціи и избраніе должностныхъ лицъ, не подлежащихъ назначенію исполнительной власти. Въ качествѣ „хранителя конституціи“, онъ имѣлъ право отмѣнять всѣ акты, представленные ему въ качествѣ неконституціонныхъ трибунатомъ [2]) или правительствомъ. Къ числу этихъ актовъ отнесены также „довѣренные списки“ [3]). Онъ избиралъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ „довѣренные списки“, членовъ законодательныхъ учрежденій, консуловъ, судей кассаціоннаго суда, счетныхъ коммисаровъ [4]). Поставленный на такую высоту, сенатъ не образуется изъ членовъ назначенныхъ или выборныхъ. Общее число сенаторовъ положено въ 80. Но на первый разъ оно ограничено 60; двумъ выходящимъ консуламъ [5]), вмѣстѣ со вторымъ

---

[1]) Ср. ст. 2, 6—14.

[2]) См. ниже.

[3]) Ст. 21.

[4]) Ст. 20.

[5]) Сійесу и Дюко.

и третьимъ новыми [1]), предоставлено назначить *большинство* сената, который затѣмъ долженъ былъ пополняться самоизбраніемъ въ слѣдующей формѣ. Избраніе производится сенатомъ изъ трехъ кандидатовъ, изъ коихъ одинъ предлагается законодательнымъ корпусомъ, другой — трибунатомъ, третій — первымъ консуломъ; но выборы не имѣютъ мѣста въ томъ случаѣ, если три названныя власти предлагаютъ одного и того же кандидата: сенатъ *обязанъ* принять его. Первый консулъ, выходя въ отставку или по истеченіи срока его полномочій, дѣлается сенаторомъ по праву и *обязательно.* Это постановленіе—блѣдный отблескъ той системы „поглощенія“ сенатомъ слишкомъ вліятельныхъ гражданъ, о которой думалъ Сійесъ; сенаторъ, по ст. 18, не могъ занимать другихъ должностей. Наполеонъ не далъ, однако, поглотить себя. Второй и третій консулы, выходя изъ должности, могутъ въ теченіе мѣсяца пользоваться своимъ правомъ на званіе сенатора. Должность сенатора сдѣлана *пожизненною.*

Законодательная власть раздѣлена по конституціи 1799 года еще больше, чѣмъ по конституціи 1795 г. Три ея момента: *предложеніе, обсужденіе проекта* и *принятіе его* принадлежатъ разнымъ властямъ [2]). Важнѣйшій изъ нихъ—*иниціатива,* принадлежитъ правительству (т.-е. первому консулу), поручающему составленіе проектовъ государственному совѣту (conseil d'état), также оригинальному созданію Сійеса. Правительство можетъ во всякое время взять обратно предложенный имъ проектъ. *Обсужденіе* проекта предоставлено трибунату, составленному изъ 100 членовъ, возобновляемому по $^1/_5$ каждый годъ, при чемъ выходящіе трибуны могутъ быть избраны вновь. По обсужденіи проекта, трибунатъ посылаетъ изъ своей среды трехъ ораторовъ въ законодательный корпусъ для изложенія мнѣнія трибуновъ. Законодательный корпусъ образованъ изъ 300 членовъ (съ ежегоднымъ возобновленіемъ по $^1/_5$). Онъ призывается къ *вотированію* законовъ, безъ *преній,* тайною подачею голосовъ, по выслушаніи заключеній ораторовъ отъ трибуната, съ одной, и отъ правительства, съ другой стороны. Такимъ образомъ, законодательная власть была низведена на послѣднюю степень. Оба учрежденія были лишены права иниціативы и права поправокъ; затѣмъ въ трибунатѣ происходили пренія безъ голосованія; въ законодательномъ корпусѣ—голосованіе безъ преній. Этого было достаточно, чтобы убить значеніе преній и сдѣлать машинальнымъ голосованіе. Въ видѣ насмѣшки,

---

[1]) Камбасересъ и Лебренъ.

[2]) Ср. ст. 25. „Новый законъ будетъ обнародованъ только тогда, когда проектъ его будетъ предложенъ правительствомъ, сообщенъ трибунату и декретированъ законодательнымъ корпусомъ“.

трибунату было предоставлено право выражать свои „желанія“ (voeux) относительно законовъ, которые слѣдовало бы издать или отмѣнить, и относительно улучшеній въ разныхъ частяхъ администраціи. „Но“, заботливо прибавляла ст. 29, „означенныя желанія не имѣютъ никакихъ необходимыхъ послѣдствій и не обязываютъ установленныя власти къ *ихъ обсужденію*“. Другими словами, „установленныя власти“ могли отвѣтить на „желанія“ трибуната полнымъ молчаніемъ. Не большее значеніе имѣло и право трибуната представлять сенату о „противоконституціонныхъ“ актахъ правительства и законодательной власти: „охранительный сенатъ“ не былъ учрежденіемъ, способнымъ удовлетворять такимъ представленіямъ. Наконецъ и публичность (гласность) была почти изгнана изъ этихъ учрежденій; она вовсе была устранена изъ сената, а въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ число постороннихъ ограничено 200. Единственнымъ утѣшеніемъ членовъ этихъ двухъ совѣтовъ „націи“ было большое жалованье, назначенное имъ: 15,000 фр. трибунамъ, 10,000 фр. членамъ законодательнаго корпуса.

Центръ тяжести государственныхъ учрежденій лежалъ во *власти исполнительной*, а права послѣдней сосредоточивались въ первомъ консулѣ. „Правительство“, гласила 39 ст., „ввѣряется *тремъ консуламъ*, избираемымъ на *десять* лѣтъ, съ неограниченнымъ правомъ новаго ихъ избранія“ (indéfiniment rééligibles). Права исполнительной власти ввѣрены отчасти лично первому консулу, отчасти тремъ совмѣстно. *Лично* первому консулу предоставлено право обнародованія законовъ, назначенія и увольненія членовъ государственнаго совѣта, министровъ, посланниковъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, офицеровъ арміи и флота, членовъ мѣстной администраціи и правительственныхъ коммисаровъ при судахъ. Ему же предоставлено назначеніе судей, кромѣ мировыхъ судей и членовъ кассаціоннаго суда [1]), но безъ права ихъ смѣнять. Такимъ образомъ, весь правительственный персоналъ и военная сила были отданы въ распоряженіе перваго консула. Всѣ другія права по управленію также были предоставлены первому консулу лично, такъ какъ его товарищамъ данъ былъ лишь *совѣщательный* голосъ (voix consultative), съ безобиднымъ правомъ вписывать свои мнѣнія въ протоколы совѣщаній— „послѣ чего рѣшеніе перваго консула достаточно“, знаменательно прибавляетъ ст. 42.

Всевластіе перваго консула не могло быть ограничено и *отвѣтственностью министровъ*, установленною конституціею 1799 года.

[1]) Мировые судьи избирались гражданами округовъ (ст. 60), а члены кассаціоннаго суда назначались сенатомъ.

Законъ требовалъ контрасигнатуры министра для силы правительственныхъ распоряженій (ст. 55); министры были отвѣтственны за конституціонность этихъ распоряженій, за конституціонность и законность собственныхъ распоряженій и за неисполненіе законовъ и общихъ постановленій правительства. Они могли быть привлечены къ отвѣтственности по предложенію трибуната и постановленію законодательнаго корпуса. Но при слабости этихъ установленій едва ли могла зайти рѣчь объ осуществленіи подобнаго права. Прочія должностныя лица административнаго вѣдомства, въ силу статьи 75, такъ долго державшейся въ французскомъ правѣ [1]), могли быть привлечены къ отвѣтственности за преступленіе по должности только съ разрѣшенія государственнаго совѣта, т.-е. того же перваго консула.

II. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ военную и правительственную власть, первый консулъ быстро примѣнилъ начала новой конституціи ко всѣмъ частямъ управленія. Онъ упростилъ и упрочилъ систему той административной централизаціи, къ которой Франція была подготовлена своею исторіею и для которой революція создала всѣ необходимыя средства. Закономъ 28 плювіоза VIII года, страна получила новое административное дѣленіе, примѣненное къ системѣ, принятой учредительнымъ собраніемъ. По конституціи 1795 года, Франція была раздѣлена на департаменты, *кантоны* и общины [2]). Законъ VIII года возвратился къ системѣ *округовъ* (arrondissements), такъ какъ, по замѣчанію Редерера [3]), кантоны были слишкомъ многочисленны и требовали множества администраторовъ. Такимъ образомъ, страна была раздѣлена на департаменты, округи и общины (муниципалитеты). При новомъ дѣленіи, кантоны сохранили свое значеніе въ видѣ дѣленій спеціальныхъ, т.-е. въ видѣ округовъ для мировой юрисдикціи и для производства выборовъ.

Принципъ новаго административнаго устройства былъ ясно опредѣленъ Редереромъ: „совѣщаться—дѣло *многихъ*, дѣйствовать—дѣло *одного*“. Если прибавить къ этому, что „одинъ“ долженъ быть лицомъ *назначеннымъ*, то система административной централизаціи будетъ понятна сама собою. Префекты въ департаментахъ, подпрефекты въ округахъ и мэры въ общинахъ назначаются первымъ консуломъ. Вся сила управленія сосредоточена въ рукахъ этихъ единоличныхъ агентовъ. Но для нѣкоторыхъ предметовъ въ каждой изъ мѣстныхъ единицъ установлены „совѣты“, такъ же, какъ и первый консулъ, обставленные представительными собраніями. Въ депар-

---

[1]) Она отмѣнена только въ 1870 году.

[2]) Конст. III года, ст. 3 и 5.

[3]) Члена государственнаго совѣта, докладчика законопроекта.

таментахъ имѣются генеральные совѣты, сверхъ чисто административныхъ „совѣтовъ префектуръ“, коимъ, въ первой инстанціи, ввѣрены дѣла административной юстиціи; въ округахъ установлены окружные совѣты; въ муниципалитетахъ—совѣты муниципальные. Даже и эти совѣты, съ ихъ скромными функціями, не были учрежденіями выборными. Въ силу „органическаго сенатусъ-консульта“ 1802 г., учредившаго пожизненное консульство [1]), члены муниципальныхъ совѣтовъ назначаются первымъ консуломъ изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ на каждое вакантное мѣсто [2]) кантональными собраніями [3]). Притомъ кандидаты должны быть избраны изъ числа 100 крупнѣйшихъ плательщиковъ, списокъ коихъ составляется и обнародуется префектомъ. Окружныя избирательныя собранія равнымъ образомъ представляютъ двухъ кандидатовъ на каждое вакантное мѣсто окружныхъ совѣтниковъ [4]), а департаментскія собранія—на мѣста генеральныхъ совѣтниковъ [5]).

Идеи, руководившія правительствомъ въ устройствѣ гражданскаго управленія, выразились и въ его отношеніяхъ къ *церкви*. Всѣ дѣйствія прежнихъ правительствъ показали, какъ трудно искоренить въ народѣ его вѣковыя вѣрованія. Ни учредительное собраніе съ своимъ „гражданскимъ устройствомъ церкви“, ни конвентъ, отмѣнившій католическую религію, ни директорія, съ своею неопредѣленною политикою, не достигли своихъ цѣлей. Католицизмъ фактически воскресъ и даже обновился въ жестокихъ гоненіяхъ, имъ пережитыхъ. Необходимость его оффиціальнаго признанія и возстановленія была очевидна. Первый консулъ ясно сознавалъ и *политическое* значеніе религіи [6]). Но возстановленіе *католицизма* предполагало соглашеніе съ *папой*, а соглашеніе это должно было состояться на основаніяхъ, выгодныхъ для правъ свѣтской власти. Мысль правительства была далека отъ начала полнаго отдѣленія церкви отъ государства, принятаго въ С. Американскихъ Штатахъ, гдѣ конгрессу воспрещено издавать законы, касающіеся религіи. Докладчикъ по дѣлу о конкордатѣ, знаменитый Порталисъ, прямо заявилъ, что „*дозволеніе* какого либо исповѣданія предполагаетъ разсмотрѣніе на-

---

[1]) См. ниже.

[2]) Муниципальные совѣты возобновлялись каждыя 10 лѣтъ (!) по одной $1/2$.

[3]) Sénatus-consulte organique ect. 1802, ст. 10.

[4]) Тамъ же, ст. 28.

[5]) Тамъ же, ст. 30.

[6]) За десять дней до битвы при Маренго (5 іюня 1800), Бонапартъ говорилъ миланскому духовенству: „Никакое общество не можетъ существовать безъ нравственности, а нѣтъ доброй нравственности безъ религіи. Общество безъ религіи—корабль безъ компаса“.

чалъ, коими лица, его исповѣдующія, связываются въ церковное общество". Съ другой стороны, правительство не хотѣло церкви, имѣющей притязаніе на исключительное господство, какою сдѣлалась католическая церковь во Франціи, послѣ отмѣны нантскаго эдикта. *Вѣротерпимость*—одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній революціи—была признана и консульскимъ правительствомъ. Католицизмъ долженъ былъ стать въ рядъ другихъ исповѣданій, *признанныхъ* государствомъ, по „разсмотрѣніи ихъ началъ", и пользующихся защитою его законовъ. *Признавая* вѣроисповѣданіе, государство требовало для себя извѣстныхъ гарантій, между которыми участіе въ назначеніи пастырей церкви занимало первое мѣсто. Порталисъ прямо заявлялъ, что власть государства не прочна, если на его территоріи находятся люди, имѣющіе большое вліяніе на умы и совѣсть гражданъ, и если эти люди не принадлежатъ ему, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Другими словами: возстановленіе католической церкви и духовной надъ нею власти папы, съ одной, и утвержденіе извѣстныхъ правъ государства надъ духовенствомъ и церковною администраціею, съ другой стороны,—такова была мысль, руководившая Наполеономъ при заключеніи знаменитаго конкордата.

Къ заключенію его представлялись важныя препятствія, пока первый консулъ не возстановилъ военнаго могущества Франціи и не заключилъ мира съ ея врагами. Эти трудности не устранялись и тѣмъ, что новый папа, Пій VII (кардиналъ Кьярамонте), былъ тогда въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ. Но блестящій успѣхъ новой кампаніи въ Италіи, полное пораженіе Австрійцевъ при Маренго (15 іюня 1800), при Бленгеймѣ и, затѣмъ, по возобновленіи кампаніи, при Гогенлинденѣ (3 декабря 1800), сгладили всѣ препятствія. Австрія поспѣшила заключить миръ въ Люневилѣ (9 февраля 1801 г.), а Наполеонъ могъ приступить къ дѣятельнымъ переговорамъ о конкордатѣ. Аббатъ Бернье, предъ тѣмъ много сдѣлавшій для умиротворенія Вандеи, и Како (Cacault), французскій уполномоченный въ Римѣ, были главными дѣятелями въ переговорахъ вмѣстѣ съ Спиной и Казелли, со стороны папскаго престола. Переговоры шли успѣшно, и 15 іюля 1801 г. конкордатъ былъ подписанъ. Но первому консулу предстояло еще преодолѣть сильную внутреннюю оппозицію прежде, чѣмъ конкордатъ и относящійся къ нему органическій законъ [1]) были приняты законодательными учрежденіями, и примиреніе съ Римомъ торжественно отпраздновано на пасху въ 1802 году.

Главныя начала новаго церковнаго законодательства Франціи состояли въ слѣдующемъ:

---

[1]) Органическій законъ 18 жерминаля X года.

1) Государству предоставляется право надзора за отправленіемъ духовными властями ихъ правъ въ предѣлахъ французской территоріи. Поэтому разрѣшеніе (placet) главы государства требовалось для обнародованія и приведенія въ дѣйствіе папскихъ буллъ и распоряженій, для отправленія обязанностей нунціевъ или легатовъ папскаго престола и для обнародованія постановленій церковныхъ соборовъ, при чемъ на французской территоріи разрѣшеніе требуется для самого собранія общихъ или мѣстныхъ соборовъ. 2) Округи епархій установляются свѣтскою властью, по соглашенію съ папой: на этомъ основаніи учреждается десять митрополій и 50 епископій. Приходы, по возможности, должны совпадать съ округами мировыхъ судей. 3) Назначеніе архіепископовъ и епископовъ предоставляется главѣ государства; папѣ принадлежитъ право посвященія (institution canonique) назначенныхъ главою государства епископовъ и архіепископовъ. Послѣдніе, съ согласія правительства, поставляютъ приходскихъ священниковъ. 4) Всѣ должностныя лица церкви получаютъ содержаніе отъ государства и пользуются отведенными имъ домами со всѣми принадлежностями. 5) Они, прежде посвященія своего, приносятъ присягу на вѣрность государству и обязуются блюсти учрежденія галликанской церкви; въ богослуженіе введена обязательная молитва за республику и консуловъ. 6) Для огражденія интересовъ государства, правъ и интересовъ частныхъ лицъ, а равно и правъ другихъ вѣроисповѣданій, „признанныхъ" государствомъ, на злоупотребленіе католическими властями ихъ духовными правами, предоставлено приносить *жалобы въ государственный совѣтъ* (appel comme d'abus) [1]).

Возстановленіе католической іерархіи не влекло за собою отказа отъ тѣхъ пріобрѣтеній революціи, которыхъ не могъ коснуться первый консулъ, при всемъ его могуществѣ. Бывшія имущества церкви и монастырей не были имъ возвращены; назначеніе духовенству жалованья отъ государства подтверждало дѣло 1789 года. Затѣмъ конкордатъ возстановлялъ только бѣлое духовенство; монастыри остались упраздненными, и правило, по которому „государство не признаетъ религіозныхъ обѣтовъ", оставлено въ силѣ; но для приходского духовенства возстановлена обязанность безбрачія. Въ-третьихъ, *бракъ*

---

[1]) Поводами къ appel comme d'abus органич. зак. 18 жерм. X года признаетъ: „превышеніе или злоупотребленіе властью, нарушеніе законовъ и уставовъ республики, правилъ, освященныхъ канонами, принятыми во Франціи, посягательство на вольности, привилегіи и обычаи галликанской церкви, а равно всякое дѣйствіе, которое, при отправленіи культа, можетъ компрометировать честь гражданъ, произвольно смущать ихъ совѣсть, обратиться въ угнетеніе ихъ, или въ обиду, или въ общественный скандалъ".

попрежнему оставленъ въ силѣ *гражданскаго акта*, совершаемаго предъ гражданскими властями [1]). Духовенству дозволено давать брачное благословеніе только лицамъ, представившимъ удостовѣреніе въ совершеніи ими брачнаго договора гражданскимъ порядкомъ. Въ-четвертыхъ, права возстановленной церкви ни въ чемъ не могли нарушать началъ вѣротерпимости и правъ всѣхъ признанныхъ исповѣданій на государственное покровительство [2]).

Сохраняя извѣстныя пріобрѣтенія революціи, первый консулъ, чрезъ новое устройство іерархіи, получилъ обширную власть въ церковномъ управленіи, такъ же, какъ и въ управленіи гражданскомъ. Централизація тамъ и здѣсь была утверждена на прочныхъ основаніяхъ. Затѣмъ и іерархію чиновниковъ, и іерархію церковную оставалось дополнить возсозданіемъ общественныхъ отличій. Къ этой цѣли было направлено учрежденіе ордена *почетнаго легіона*. Мысль о внѣшнихъ отличіяхъ возникала и раньше консульства; національный характеръ французовъ не мирился съ началами республиканскаго равенства. Но осуществленіе ея представилось возможнымъ только послѣ ряда войнъ и, первоначально, ради награжденія воинскихъ заслугъ. Въ конституцію 1799 года была включена статья (87), постановлявшая, что, „воинамъ, оказавшимъ блестящія заслуги при защитѣ республики, будутъ назначены національныя награды“. Чрезъ нѣсколько дней [3]) законъ установилъ для солдатъ почетные значки, ружья, мушкеты; для офицеровъ и генераловъ—почетныя сабли, сопряженныя съ двойнымъ содержаніемъ. Наконецъ, по заключеніи Люневильскаго и Амьенскаго мира, Бонапартъ рѣшился учредить общій для военныхъ и гражданскихъ лицъ орденъ почетнаго легіона. Законъ 29 флореаля X года (19 мая 1802) учредилъ его [4]) и открылъ возможность къ образованію новаго должностного дворянства—возможность, которою широко воспользовался будущій императоръ Франціи.

III. Идея имперіи содержалась уже въ конституціи VIII года.

---

[1]) Конституція 1791 года, тит. II, ст. 7.: „Законъ разсматриваетъ бракъ какъ гражданскій договоръ“.

[2]) Люціанъ Бонапартъ, въ докладѣ своемъ въ законодательномъ корпусѣ, говорилъ: „правительство возстановляетъ католическую церковь; но, объявляя эту религію общественною, оно устраиваетъ параллельнымъ образомъ другія исповѣданія, *ибо въ дѣлѣ совѣсти большинство не дѣлаетъ закона*“. „Католицизмъ во Франціи“, говорилъ Порталисъ, „въ настоящее время есть религія *членовъ* правительства, но не правительства; онъ есть религія большинства французскаго народа, но не *государства*: этихъ двухъ вещей нельзя смѣшивать“.

[3]) 4 нивоза VIII года (25 декабря 1799).

[4]) Хотя въ законодательномъ корпусѣ онъ былъ принятъ весьма слабымъ большинствомъ.

Послѣдующія конституціи, развивая эту идею въ подробностяхъ, окружая главу государства большимъ блескомъ, не во многомъ увеличили его власть, которою онъ пользовался юридически, а еще больше фактически.

Конституція VIII года была измѣнена „органическимъ сенатусъ-консультомъ“ 16 термидора X года (4 августа 1802). Уже самый порядокъ измѣненія конституціи показалъ, какъ безмолвно подчинилась революціонная Франція первому консулу. Основной законъ былъ измѣненъ постановленіемъ сената, и перемѣны, имъ произведенныя, утверждены народнымъ голосованіемъ [1]). Свойства этихъ перемѣнъ будутъ видны изъ разсмотрѣнія новыхъ правилъ о народныхъ собраніяхъ и государственныхъ властяхъ.

„Народный суверенитетъ“ уже по конституціи 1799 года былъ ограниченъ правомъ составлять списки лицъ, достойныхъ вниманія правительства. Но въ порядкѣ составленія этихъ списковъ и въ образованіи избирательныхъ коллегій было еще нѣкоторое подобіе выборовъ. Теперь и это подобіе было замѣнено иной системой. Собранія гражданъ, по закону X года, представляются въ двоякомъ видѣ: собраній кантональныхъ, состоящихъ изъ всѣхъ осѣдлыхъ гражданъ кантона, и двухъ „избирательныхъ коллегій“—окружной и департаментской.

Предсѣдатель кантональнаго собранія назначается первымъ консуломъ на пять лѣтъ; по истеченіи срока, онъ можетъ быть назначаемъ вновь неограниченное число разъ. Помощниками его, для счета голосовъ, являются два старѣйшихъ годами жителя кантона и два крупнѣйшихъ изъ мѣстныхъ плательщиковъ налоговъ. Это „бюро“ назначаетъ секретаря. Для отправленія принадлежащихъ ему дѣлъ, кантональное собраніе раздѣляется на секціи; предсѣдатель секціи назначается предсѣдателемъ кантональнаго собранія; счетчиками являются одинъ старѣйшій изъ избирателей и одинъ крупнѣйшій плательщикъ податей. Собраніямъ и секціямъ, противъ которыхъ приняты такія предосторожности, предоставлено единственно право рекомендовать первому консулу по два кандидата на разныя должности [2]). Они же „избираютъ“ членовъ избирательныхъ коллегій (collèges électoraux).

Члены окружныхъ избирательныхъ коллегій избираются по одному на 500 осѣдлыхъ жителей округа; общее число ихъ не можетъ быть меньше 120 и больше 200. Члены департаментскихъ коллегій избираются по одному на 1000 осѣдлыхъ жителей департамента; общее

[1]) 3.568,885 голосами.

[2]) См. выше.

ихъ число не можетъ быть меньше 200 и больше 300. Выборщики департаментскіе должны быть избраны изъ списка 600 крупнѣйшихъ въ департаментѣ плательщиковъ податей. Списки составляются и публикуются по распоряженію министра финансовъ. Разъ избранные, выборщики той и другой коллегій сохраняютъ свое званіе пожизненно [1]). Предсѣдатели собраній назначаются на каждую сессію первымъ консуломъ. Сверхъ того, послѣдній можетъ назначить въ составъ окружной коллегіи 10, а департаментской — 20 членовъ. Обѣ коллегіи представляютъ первому консулу по два кандидата на вакансіи членовъ окружныхъ и департаментскихъ совѣтовъ, по принадлежности. Кромѣ того департаментская коллегія представляетъ двухъ гражданъ, заносимыхъ въ списки лицъ, изъ коихъ должны быть назначаемы сенаторы, а обѣ коллегіи (каждая отдѣльно) представляютъ также двухъ гражданъ, для занесенія ихъ въ списокъ, по которому производится назначеніе членовъ законодательнаго корпуса.

При всей ограниченности „функцій" означенныхъ коллегій, противъ нихъ были приняты предосторожности. Коллегіи могли собираться только по созыву правительства; онѣ, ни прямо, ни косвенно, не могли сноситься между собою; правительство могло распустить ихъ и, въ этомъ случаѣ, для составленія ихъ производились новые выборы. Такъ далеко отошли учрежденія консульства отъ началъ народнаго представительства.

Въ ряду государственныхъ властей на первомъ мѣстѣ поставлены консулы. Должность консуловъ сдѣлана теперь *пожизненною*. Въ случаѣ вакансіи должностей 2-го и 3-го консула онѣ замѣщаются сенатомъ, по „представленію" перваго консула. При этомъ власть сената поставлена въ тѣсныя границы: если онъ не согласится на назначеніе перваго и второго изъ представленныхъ ему первымъ консуломъ лицъ, то третье обязательно должно быть имъ принято. Первому консулу предоставлено назначить себѣ преемника съ соблюденіемъ формъ, указанныхъ для „представленія" 2-го и 3-го консуловъ. Если бы послѣдній былъ назначенъ при жизни Бонапарта, то, по принесеніи установленной присяги [2]), занималъ мѣсто въ се-

---

[1]) Они могли быть лишены своего званія только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: 1) когда они теряли вообще право гражданства; 2) когда они, безъ законной причины, не являлись въ три послѣдовательныя сессіи; 3) если они, совершивъ что либо „противное чести и отечеству", лишались этого званія, по предложенію правительства, постановленіемъ коллегіи (большинствомъ $^3/_4$).

[2]) Присяга была составлена въ характеристическихъ выраженіяхъ, долженствовавшихъ напоминать о демократическомъ происхожденіи власти перваго консула:

„Клянусь охранять конституцію, уважать свободу исповѣданій, противиться

натѣ. Власть перваго консула увеличена предоставленнымъ ему правомъ помилованія [1]), правомъ ратификаціи мирныхъ и союзныхъ договоровъ [2]), правомъ „представлять“ сенату о назначеніи какъ недостававшаго въ немъ числа членовъ [3]), такъ и послѣдующихъ вакансій и, сверхъ того, правомъ назначать на сенаторскія мѣста своею властью лицъ, „отличавшихся талантами и заслугами“ [4]).

Сенатъ обращался въ коллегію, отчасти фактически, отчасти юридически, назначенную первымъ консуломъ. Новый взглядъ на сенаторское званіе выразился и въ постановленіи, отмѣнявшемъ несовмѣстимость должности сенатора съ другими должностями. Теперь сенаторамъ дозволено было занимать мѣста консуловъ, министровъ, посланниковъ и т. д. Умаленный въ своей самостоятельности, сенатъ получилъ, однако, чрезвычайно важныя права, данныя ему съ цѣлью обратить его въ орудіе перваго консула въ дѣлахъ *политическаго* законодательства и чрезвычайныхъ политическихъ мѣръ.

Отдѣленіе *политическихъ* законовъ и мѣръ отъ законовъ обыкновенныхъ и общихъ административныхъ распоряженій представляетъ *характеристическую* особенность учрежденій консульства и имперіи. Она обращаетъ на себя вниманіе потому, что мы находимъ ее и въ учрежденіяхъ второй имперіи (1852 г.).

Политическіе законы издаются сенатомъ въ видѣ „органическихъ сенатусъ-консультовъ“. Постановленія сената въ области политическаго управленія получили названіе „сенатусъ-консультовъ“. *Инціатива* по тѣмъ и другимъ предметамъ принадлежитъ *правительству* [5]). Предварительное обсужденіе сенатусъ-консультовъ этого рода происходитъ въ тайномъ совѣтѣ (conseil privé), которому въ дѣлахъ политическихъ предоставлена роль, подобная власти государственнаго совѣта, въ дѣлахъ общихъ [6]). „Органическими сенатусъ-консультами“ сенатъ, 1) опредѣлялъ все непредусмотрѣнное конституціею, но необходимое для ея дѣйствія (т.-е., другими словами, *пополнялъ* конституцію); 2) изъяснялъ сомнительныя статьи

возстановленію феодальныхъ учрежденій, никогда не вести войны, иначе, какъ для защиты и славы (?) Республики, и употреблять власть, которою я буду облеченъ, только для счастья народа, отъ котораго и для котораго я ее получу“.

[1]) Ст. 86.

[2]) Ст. 58.

[3]) До положеннаго конст. 1799 г. недоставало 14 членовъ.

[4]) Съ тѣмъ только, чтобы общее число сенаторовъ не превышало 120.

[5]) Ст. 56.

[6]) Ст. 57. Тайный совѣтъ былъ составленъ изъ консуловъ, 2 сенаторовъ, 2 министровъ, 2 членовъ государственнаго совѣта и 2 grands officiers почетнаго легіона. Всѣ означенные члены назначались первымъ консуломъ.

конституціи; 3) учреждалъ управленіе колоній [1]). Простыми „сенатусъ-консультами“ сенатъ могъ, въ случаѣ надобности:

1) пріостановить дѣйствіе учрежденія *присяжныхъ* въ опредѣленныхъ департаментахъ; 2) пріостановить, гдѣ это окажется нужнымъ, дѣйствіе *конституціи;* 3) отмѣнять *рѣшенія судовъ,* посягающихъ на безопасность государства; 4) распустить законодательный корпусъ и трибунатъ [2]).

Къ этимъ же предметамъ причислены: 1) назначеніе консуловъ (см. выше) и 2) опредѣленіе срока, въ теченіе котораго лица, задержанныя правительствомъ по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ и не представленныя (согласно ст. 46 конст. 1799 г.) суду въ теченіе 10 дней, должны быть представлены подлежащимъ судамъ. Въ силу этого пункта сенатъ, нѣкоторымъ образомъ, являлся „охранителемъ личной свободы“—функція, которую ему не удалось выполнить ни во время консульства, ни во время имперіи.

Наконецъ, сенату оставлено право, посредствомъ своихъ *опредѣленій* (arrêtés), назначать, указаннымъ выше порядкомъ, членовъ законодательнаго корпуса, трибуната и кассаціоннаго суда.

Сравнительно съ этимъ первенствующимъ орудіемъ перваго консула, прочія учрежденія поставлены на второй и третій планъ. Число членовъ трибуната уменьшено до 50 и члены распредѣлены по тремъ отдѣленіямъ (sections), обратившимся въ коммиссіи, разсужденія которыхъ уже не безпокоили правительство, подобно преніямъ болѣе многолюднаго собранія. Въ устройствѣ законодательнаго корпуса сдѣлано улучшеніе, такъ какъ каждому отдѣльному департаменту предоставлено число членовъ, соотвѣтственно населенію департамента [3]). Судебная власть подчинена особому надзору. Министръ юстиціи получилъ званіе великаго судьи (grand-juge), съ правомъ засѣдать въ сенатѣ и въ государственномъ совѣтѣ. „Когда правительство найдетъ это удобнымъ“, онъ предсѣдательствуетъ въ кассаціонномъ судѣ и апелляціонныхъ трибуналахъ. Ему принадлежитъ надзоръ за трибуналами и мировыми судьями, съ правомъ дѣлать имъ замѣчанія. Дисциплинарная власть надъ апелляціонными гражданскими трибуналами и трибуналами уголовными предоставлена кассаціонному суду, предсѣдательствуемому по этимъ дѣламъ, „великимъ судьею“. Въ случаяхъ важныхъ, ему предоставлялось временно уда-

---

[1]) Ст. 54.

[2]) Ст. 55, п. 1, 2, 4 и 5.

[3]) По конституціи 1799 года, члены законодательнаго корпуса назначались изъ общаго „національнаго списка“, безъ отношенія къ департаментамъ. Ст. 31 заключала въ себѣ только ту оговорку, что отъ каждаго департамента долженъ быть, по крайней мѣрѣ, *одинъ* членъ.

лять судей отъ должности и вызывать ихъ къ „великому судьѣ“, для представленія отчета объ ихъ „поведеніи“ (conduite). „Несмѣняемость“ судей этимъ путемъ была обращена въ призракъ.

IV. Пожизненное консульство было наградою Наполеону Бонапарту за блестящія кампаніи 1800 –1801 года и заключеніе Амьенскаго мира. Учрежденіе имперіи было вызвано болѣе сложными причинами. Подъ управленіемъ перваго консула Франція начала пользоваться внутреннею безопасностью и забывать бури революціонной эпохи; промышленность и земледѣліе оживали; собственники успокоились относительно „Гракховъ“, съ одной, и замысловъ эмиграціи, съ другой стороны. Но учрежденіе пожизненнаго консульства, съ правомъ, предоставленнымъ первому консулу назначить себѣ преемника, побуждали эмиграцію и англійское правительство къ отчаяннымъ мѣрамъ. Надежды на реставрацію, въ которой Бонапартъ разыгралъ бы роль Монка, пали. Письма Людовика XVIII къ Наполеону, въ коихъ онъ побуждалъ его, возстановивъ порядокъ во Франціи, увѣнчать свою славу реставраціею Бурбоновъ, вызывали холодные и ироническіе отвѣты Бонапарта. Англійское министерство и эмиграція рѣшились дѣйствовать путемъ заговоровъ, направленныхъ противъ *жизни* перваго консула. Орудіями извѣстнѣйшаго изъ этихъ заговоровъ явились Жоржъ Кадудаль и генералъ Пишегрю (1804). Заговоръ былъ открытъ, участники его схвачены, но гнѣвъ перваго консула со всею силою обратился теперь на роялистовъ. Для терроризаціи ихъ онъ рѣшился прибѣгнуть къ судебному убійству молодого герцога Энгьенскаго, ложно обвинявшагося въ участіи въ заговорахъ. Герцогъ былъ схваченъ на баденской территоріи, привезенъ во Францію и, послѣ подобія военнаго суда, разстрѣлянъ (21 марта). Вскорѣ послѣ того былъ осужденъ Кадудаль и его товарищи [1]). Но положеніе перваго консула, съ личностью котораго былъ связанъ теперь весь внутренній порядокъ Франціи, какъ казалось, не могло быть обезпечено, если онъ не займетъ мѣста между коронованными главами Европы и если *имъ* основанная династія не отниметъ разъ на всегда у Бурбоновъ ихъ наслѣдственныхъ правъ. Вѣнецъ, врученный Наполеону, обезпечивалъ, казалось, Франціи гражданскія пріобрѣтенія революціи и ея политическую независимость. Эта мысль руководила націею, независимо отъ честолюбія Наполеона, стремившагося къ учрежденію наслѣдственной монархіи и старательно подготовившаго ее.

Самая процедура учрежденія имперіи, рѣчь трибуна Кюре въ засѣданіи 30 апрѣля 1804, „органическій сенатусъ-консультъ“ 18

---

[1]) Пишегрю кончилъ жизнь самоубійствомъ въ тюрьмѣ.

мая 1804 г., учреждавшій монархію, плебисцитъ, утвердившій (3.521,675 голосами изъ 3.580,254) наслѣдственную императорскую власть въ семействѣ Бонапарта, были театральнымъ представленіемъ, въ которомъ роль дѣйствующихъ лицъ была заранѣе опредѣлена главнымъ руководителемъ судьбы Франціи.

„Органическій сенатусъ-консультъ" 18 мая 1804 года, „поручалъ" управленіе „республики" (!) императору, принимавшему титулъ „императора французовъ" [1]). Званіе это дѣлалось наслѣдственнымъ, соотвѣтственно чему учреждался и императорскій домъ, какъ совокупность лицъ, могущихъ быть призванными къ престолонаслѣдію. Старшій сынъ императора получилъ титулъ „императорскаго принца"; прочіе князья мужского пола носили титулъ „princes français". По достиженіи 18-лѣтняго возраста, они дѣлались членами сената и государственнаго совѣта. Власть императора въ существѣ мало увеличилась сравнительно съ прежними „конституціями". Но значеніе прочихъ учрежденій измѣнилось.

Прежде всего учрежденіе имперіи повлекло за собою установленіе новаго дворянства и титуловъ. Наполеонъ, думавшій быть наслѣдникомъ Карла Великаго, окружилъ себя блестящимъ штатомъ должностей. Первое мѣсто между ними занимали такъ-называемыя „великія имперскія званія" (les grandes dignités de l'empire). Таковыми были: великій избиратель (grand électeur), великій канцлеръ имперіи, государственный канцлеръ (по иностраннымъ сношеніямъ), великій казначей, коннетабль и великій адмиралъ. Носители этихъ званій пользовались ими пожизненно. Второй разрядъ составляли „великія имперскія должностныя лица" (les grands officiers de l'empire); къ этому разряду причислялись: а) 16 имперскихъ маршаловъ; б) 8 инспекторовъ и генераловъ артиллеріи, инженеровъ, кавалеріи и флота; в) нѣкоторыя гражданскія должности. „Великія должностныя лица" были также несмѣняемы.

Вслѣдъ затѣмъ возстановлены были титулы князей, графовъ, бароновъ; явились придворныя званія, и тщеславію французскаго общества открылось широкое поприще. Несправедливо было бы сказать, что учрежденіе новой знати, съ феодальнымъ оттѣнкомъ и даже съ майоратами, было дѣломъ одного славолюбія Наполеона. Въ значительной степени имъ руководилъ вѣрный политическій расчетъ: путемъ этихъ отличій онъ привлекъ къ своему двору много стараго дворянства, забывшаго утѣхи Версаля въ блескѣ новаго двора.

Въ устройствѣ сената произошли довольно важныя перемѣны.

---

[1]) Императоръ титуловался: „Napoléon, par la grâce de Dieu et les constitutions, empereur des français".

Нѣкоторыя лица (принцы крови и носители „великихъ званій") получили право засѣдать въ немъ по праву; 80 изъ его членовъ назначались императоромъ по извѣстнымъ намъ департаментскимъ спискамъ; сверхъ того, императоръ могъ жаловать званіе сенатора, кому хотѣлъ. Президентъ сената назначался императоромъ. Составленному такимъ образомъ сенату безопасно было ввѣрить нѣкоторыя функціи по „охраненію конституціи и свободы гражданъ".

Новая конституція указывала, въ какихъ случаяхъ сенатъ можетъ воспротивиться обнародованію законовъ. Противоконституціонными законами признавались: 1) законы, клонящіеся къ возстановленію феодальнаго порядка; 2) противные законамъ о рентахъ съ національныхъ имуществъ; 3) законы, не обсуженные въ установленныхъ формахъ; 4) наносящіе ущербъ правамъ императора и сената. По обсужденіи такого закона, сенатъ могъ выразить *мнѣніе*, что онъ не долженъ быть обнародованъ. Императоръ, выслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта, могъ или присоединиться къ мнѣнію сената или обнародовать законъ.

Столь же призрачными являлись права сената по „охраненію" свободы личной и печати. Для охраненія первой, въ составѣ сената учредилась коммиссія (изъ 7 членовъ) о личной свободѣ [1]). Таковая же учреждалась для охраненія свободы печати. Въ догматической части этого труда мы увидимъ, въ чемъ состояли ея права. Здѣсь, для общей связи, замѣтимъ, что обѣ коммиссіи не имѣли никакого значенія.

Значеніе трибуната уменьшилось еще больше. Раздѣленный на три секціи (законодательства, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ) онъ окончательно лишенъ былъ права обсуждать законопроекты въ общихъ своихъ собраніяхъ [2]).

Затѣмъ, въ 1807 г., онъ вовсе былъ упраздненъ сенатусъ-консультомъ 19 августа, и секціи его образованы въ видѣ коммиссій при законодательномъ корпусѣ.

Право назначенія лицъ судебнаго вѣдомства окончательно сосредоточилось въ рукахъ императора. „Правосудіе", гласитъ ст. 1 сенатусъ-консульта 18-го мая 1804 г., „отправляется отъ имени императора имъ установленными должностными лицами".

Такъ создалась та политическая, административная и судебная система, въ которой выразилась мысль имперіи. Глава сенатусъ-консульта 1804 года, посвященная присягѣ императора, мѣтко воспроизводитъ эту систему, въ краткомъ перечнѣ лицъ и учрежденій, центромъ которыхъ являлся императоръ.

[1]) Commission sénatoriale de la liberté individuelle.

[2]) Ст. 97.

„Въ теченіе двухъ лѣтъ по воцареніи или по достиженіи совершеннолѣтія“, говоритъ ст. 52, „императоръ, сопровождаемый верховными должностными лицами имперіи, министрами и высшими чинами, приноситъ присягу *французскому народу*, на евангеліи и въ присутствіи сената, государственнаго совѣта, законодательнаго корпуса, трибуната, кассаціоннаго суда, архіепископовъ, епископовъ, высшихъ чиновъ почетнаго легіона, счетнаго суда, президентовъ апелляціонныхъ судовъ, президентовъ кантональныхъ собраній, президентовъ консисторій и мэровъ 36 главнѣйшихъ городовъ имперіи“.

Предъ этими лицами, представлявшими учрежденія, чрезъ которыя мысль и воля императора проводилась во всѣ части законодательства, управленія свѣтскаго и духовнаго, центральнаго и мѣстнаго, военнаго и гражданскаго, императоръ клялся:

„Охранять цѣлость территоріи республики (?); уважать и заставлять уважать законы о конкордатѣ и свободу исповѣданій; уважать и заставлять уважать равенство въ правахъ, политическую и гражданскую свободу, безповоротность продажи національныхъ имуществъ; не взимать никакого налога, не установлять никакой пошлины иначе, какъ въ силу закона; охранять учрежденіе почетнаго легіона; управлять единственно въ видахъ пользы, счастья и славы французскаго народа“.

Императоръ, въ силу самыхъ „конституцій“ консульства и имперіи, не могъ сдержать обѣщаній, касавшихся *политической* свободы. Всѣ учрежденія, имъ созданныя, были направлены къ тому, чтобы уничтожить эту свободу или создать тотъ „призрачный конституціонализмъ“, образчики котораго можно найти и въ новѣйшее время. Но вѣротерпимость, гражданское равенство, равномѣрность налоговъ были обезпечены законами и учрежденіями имперіи, такъ же какъ и права лицъ, пріобрѣвшихъ „національныя имущества“. Новый гражданскій порядокъ французскаго общества выразился въ знаменитомъ code civil (Code Napoléon), великолѣпной работѣ лучшихъ французскихъ юристовъ [1]), основанной на приготовительныхъ трудахъ конвента [2]). Этому уложенію суждено было совершить въ Европѣ завоеванія, болѣе прочныя, чѣмъ какія были совершены арміями Наполеона.

Такимъ образомъ, извѣстныя пріобрѣтенія революціи, пріобрѣтенія, важныя для массы народонаселенія, были обезпечены послѣдней и

---

[1]) Троншé, Порталисъ, Трельяръ, Бигó-де Прéаменё и Малевиль.

[2]) Въ работахъ по гражданскому уложенію въ конвентѣ руководящую роль игралъ Камбасерéсъ, впослѣдствіи второй консулъ и архиканцлеръ имперіи. Ему содѣйствовали Трельяръ и Берльé. Но духъ и направленіе работъ по уложенію 1804 года рѣзко отличаются отъ опытовъ конвента.

выразились въ новомъ гражданскомъ порядкѣ. Для Франціи, Наполеонъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ *закончилъ* революцію. Его гражданскіе законы, его административная, судебная, финансовая и церковная системы остались, въ главныхъ своихъ частяхъ, неприкосновенными для переворотовъ, измѣнявшихъ *политическія* учрежденія страны. Но, въ отношеніи другихъ европейскихъ державъ, Наполеонъ попрежнему представлялъ начало революціи, грозившей историческимъ династіямъ и старому общественному порядку, революціи, поддерживаемой силою арміи и военнымъ геніемъ завоевателя. Примиреніе между двумя сторонами, представлявшими совершенно противоположныя начала, было невозможно. Напрасно будемъ мы искать причинъ войны въ безграничномъ честолюбіи Наполеона или въ ковахъ Питта. Она вызывалась общимъ положеніемъ европейскихъ государствъ. Борьба кончилась крушеніемъ имперіи; но пока она продолжалась, Наполеонъ успѣлъ во многомъ измѣнить Европу, и всѣ усилія вѣнскаго конгресса не могли возстановить стараго порядка во всей его чистотѣ.

V. Внѣшніе успѣхи перваго консула отразились прежде всего на судьбѣ Италіи, гдѣ власть французовъ временно была свергнута побѣдами Суворова. Первый консулъ возвратилъ утраченное, но устройство бывшихъ „республикъ" измѣнилось согласно перемѣнамъ, происшедшимъ во Франціи. Цизальпинская республика была обращена въ Италійскую. Конституція новой республики (10 плювіоза X года) во многомъ сходна съ консульскими учрежденіями Франціи, особенно же въ отношеніи *исполнительной* власти, ввѣренной главнымъ образомъ президенту, избираемому на 10 лѣтъ. Делегаты новорожденной республики избрали президентомъ Бонапарта, который назначилъ вицепрезидентомъ графа Мельци [1]). Но созданіе италійской республики было предвѣстіемъ болѣе глубокихъ перемѣнъ на полуостровѣ.

Новая коалиціонная война, начатая противъ императора французовъ (1805 года), дала послѣднему средство проявить свой военный геній во всемъ его блескѣ. Повидимому, онъ рѣшился однимъ ударомъ уничтожить силы союзниковъ и изгнать Бурбоновъ изъ Италіи. Еще до начала войны, императоръ (17 марта 1805 г.) провозгласилъ себя королемъ Италіи и вѣнчался въ Миланѣ знаменитою „желѣзною короною". Въ ст. 3 этого конституціоннаго акта имѣлась зловѣщая для итальянскихъ властителей оговорка: „когда иностранныя арміи очистятъ Неаполь, Іоническіе острова и Мальту, императоръ передастъ наслѣдственную корону Италіи одному изъ своихъ закон-

---

[1]) Италійскую конституцію см. у Дюфо, IV, стр. 288 и слѣд.

ныхъ наслѣдниковъ, естественныхъ или усыновленныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Наполеонъ обѣщалъ дать итальянской монархіи конституцію, основанную на тѣхъ же началахъ, какъ и конституція французской имперіи [1]). Вслѣдъ затѣмъ, 27 марта, были изданы конституціонные законы о регентствѣ, о великихъ должностяхъ королевства и о присягѣ; 5 іюня изданъ былъ и полный конституціонный законъ, содержавшій въ себѣ постановленія: о коронныхъ имуществахъ, о вицѣ-королѣ, объ избирательныхъ коммиссіяхъ, государственномъ совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ королевства, вмѣстѣ съ уставомъ объ учрежденномъ (соотвѣтственно почетному легіону) орденѣ „желѣзной короны".

Лукка была отдана сестрѣ Наполеона, Элизѣ, въ соцарствованіи съ супругомъ ея, Баччіокки; впослѣдствіи къ ихъ владѣніямъ была присоединена и Тоскана, одно время существовавшая подъ именемъ Этрурскаго королевства, отданнаго Наполеономъ, послѣ Люневильскаго мира, одному изъ испанскихъ Бурбоновъ. Генуя (Лигурійская республика) была присоединена къ Франціи; Пьемонтъ удержанъ во владѣніи послѣдней.

Участь Неаполя была рѣшена послѣ знаменитой кампаніи 1805 года, окончившейся Аустерлицкою битвою (2 декабря 1805). Перемиріе (4-го декабря) и Пресбургскій миръ (26 декабря), заключенные съ австрійскимъ императоромъ, отдавали Наполеону не только Италію, но и разныя части австрійскихъ владѣній. Неаполитанское правительство, или точнѣе, королева Каролина, должны были понести наказаніе за участіе въ коалиціонной войнѣ. На другой день по заключеніи Пресбургскаго мира, Наполеонъ издалъ свой лаконическій декретъ, объявлявшій, что „династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать". Неаполитанскій престолъ былъ отданъ брату императора — Іосифу, который и овладѣлъ королевствомъ (15 февраля 1806), получившимъ французское устройство, съ нѣкоторыми, впрочемъ, важными отступленіями, особенно въ способѣ представительства [2]).

Не успѣлъ Іосифъ обнародовать конституцію (20 іюня 1808), ратификованную Наполеономъ (23 іюня), какъ воля брата призвала его на „престолъ Испаніи и Индіи", отдавъ неаполитанскій престолъ зятю Іосифа—Мюрату [3]).

Въ силу того же Пресбургскаго договора, венеціанскія владѣнія,

---

[1]) Дюфо, IV, стр. 302 и слѣд.

[2]) Дюфо, IV, стр. 434 и слѣд.

[3]) Мюратъ, сынъ харчевника, поступилъ въ солдаты въ 1787 г.; въ 1804 маршалъ Франціи, въ 1808 король Неаполитанскій. Разстрѣлянъ послѣ попытки возвратить себѣ утраченный престолъ въ 1815 г.

уступленныя по Кампоформійскому миру (1797) Австріи, были отданы Наполеону, который присоединилъ ихъ къ Италійскому королевству (30 марта 1806 года). Императоръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы создать въ венеціанской территоріи 12 ленныхъ герцогствъ, коими наградилъ своихъ сподвижниковъ [1]).

Единственнымъ самостоятельнымъ владѣльцемъ въ Италіи оставался еще папа Пій VII. Тѣнь независимости была оставлена ему въ виду услугъ, оказанныхъ имъ Наполеону. Онъ заключилъ съ первымъ консуломъ конкордатъ; онъ вѣнчалъ его императорской короной. Но военныя осложненія привели къ разрыву первосвященника съ императоромъ. Пользуясь своею независимостью, папа дозволялъ англійскимъ судамъ входить въ свои гавани; онъ велъ постоянныя сношенія съ Англіею и Австріею. Распря кончилась (1809) отмѣною свѣтской власти папы, его плѣномъ, обращеніемъ папскихъ владѣній во французскіе департаменты, а города Рима въ „вольный имперскій городъ".

Послѣдствія Пресбургскаго мира отозвались и на Голландіи. „Батавская республика", какъ мы видѣли, устроилась по образцу французской III года, съ директоріею (statsbevind) и двумя совѣтами (30 и 60 чл.). Подъ вліяніемъ консульства во Франціи, Голландія также измѣнила свою конституцію 16 октября 1801 г. [2]). Государственными установленіями явились статсбевиндъ изъ 12 [3]) и законодательный корпусъ изъ 35 членовъ [4]). Въ 1805 году [5]) исполнительная власть была ввѣрена пенсіонарію (должность эту занималъ умный и дѣльный Схиммельпеннинкъ), а число членовъ законодательнаго корпуса

[1]) Ленами этими были:

Названіе герцогствъ:	Кому даны:
1. Далмація	Сульту.
2. Тревизо	Мортье́.
3. Ровиго	Сава́ри.
4. Кадоре	Шампаньи.
5. Истрія	Бессьеру.
6. Фріуль	Дюро́ку.
7. Беллуно	Викто́ру.
8. Конельяно	Монсею.
9. Фельтри	Кларку.
10. Бассано	Маре́.
11. Виченца	Коленкуру.
12. Падуа	Арриги.

Статутъ 30 марта 1806 см. у Дюфо́, IV, стр. 319 и слѣд.

[2]) Дюфо́, III, стр. 122 и слѣд.

[3]) Ст. 29 и слѣд.

[4]) Ст. 49 и слѣд.

[5]) Анализъ эфемерной конституціи 1805 г. см. у Дюфо́, III, стр. 143 и слѣд.

было уменьшено до 19. Но Схиммельпеннинкъ долженъ былъ уступить мѣсто Людовику Бонапарту [1]), въ силу „договора", заключеннаго съ императоромъ и представителями „Батавской республики" 24 мая 1806 г. [2]). Страна получила новую конституцію (7 августа 1806 г.), но не долго пользовалась даже номинальною независимостью; въ 1810 году она была присоединена къ Франціи [3]).

Еще раньше Наполеонъ успѣлъ прочно утвердить свой протекторатъ въ Швейцаріи. Учрежденіе Гельветической республики, твореніе демократическихъ партій, совершенно несогласное съ федеративными преданіями страны, рушилось. Ожесточенная борьба партій казалась безъисходною, и вмѣшательство перваго консула принесло странѣ осязательную пользу. Новая конституція, извѣстная подъ именемъ „посредническаго акта" (Acte de médiation) 19 февраля 1803 года, въ которой мѣстная самостоятельность была довольно удачно согласована съ требованіями національнаго единства, дала странѣ нѣсколько лѣтъ спокойствія [4]).

VI. Если въ Италіи Наполеонъ формально игралъ роль „освободителя", то въ Германіи его завоевательная политика обнаружилась во всей ея чистотѣ. Судьба этой древней имперіи, съ ея отжившими учрежденіями, рѣшилась подъ ударами Наполеона и благодаря своекорыстной политикѣ ея государей. Для того, чтобы составить себѣ полное понятіе объ этомъ важномъ событіи, слѣдуетъ возвратиться къ началу войны 1792 г.

Столкновеніе полуфеодальной Германіи съ революціонною Франціей было неизбѣжно. Уже въ 1789 году начались взаимныя неудовольствія; постепенно подготовлялась коалиція для борьбы съ революціей и на защиту законныхъ властей. Наконецъ, 20-го апрѣля 1792 года была объявлена война между Франціей, съ одной, и Австріей и Пруссіей—съ другой стороны.

Здѣсь, конечно, не мѣсто слѣдить за ходомъ войны. Въ данномъ случаѣ важно отношеніе двухъ главныхъ германскихъ державъ къ интересамъ имперіи и отношеніе послѣдней къ европейской войнѣ.

Во-первыхъ, война была возбуждена первоначально Австріей и Пруссіей; она сдѣлалась имперскою только въ 1793 году, вслѣдствіе постановленія сейма, ратификованнаго 30-го апрѣля этого года. Во-вторыхъ, послѣ того какъ война сдѣлалась имперскою, отдѣльныя правительства считали себя въ правѣ дѣйствовать независимо отъ

---

[1]) Женатому на Гортензіи Богарнé. Отецъ Людовика Наполеона III.

[2]) Дюфó, III, стр. 145 и слѣд.

[3]) Конституцію 1806 года см. у Дюфó, III, стр. 149 и слѣд.

[4]) Объ этомъ предметѣ будетъ сказано въ догматической части, въ отдѣлѣ о федераціяхъ.

сейма и общаго согласія. Первый примѣръ былъ поданъ королемъ прусскимъ. Отвлекаемый происшествіями въ Польшѣ, онъ поспѣшилъ заключить съ французскою республикою отдѣльный миръ въ Базелѣ (1795 г.). Примѣру Пруссіи вскорѣ послѣдовали Виртембергъ, Баденъ, Баварія и Гессенъ-Кассель. Распорядительницей „имперской" войны осталась Австрія. Вынужденная заключить миръ въ Кампоформіо (1797 г.), она поспѣшила сдѣлать Франціи значительныя уступки на счетъ имперіи и увеличить нѣсколько свои династическія владѣнія. Мирный конгрессъ, долженствовавшій окончательно опредѣлить отношенія новой республики къ Священной Римской Имперіи, собрался въ Раштатѣ (9 декабря 1797 г.), но въ 1799 году разошелся по случаю новой войны.

Двумя битвами—при Маренго и Гогенлинденѣ—былъ рѣшенъ исходъ войны. Она была прекращена Люневильскимъ миромъ (февраль 1801 г.), который императоръ заключилъ за себя (то-есть за Австрію) и за имперію, съ разными извиненіями и ссылками на намѣренія Раштатскаго конгресса. На этотъ разъ потери имперіи были громадны. Она уступила Франціи лѣвый берегъ Рейна, то-есть 1.150 кв. миль съ тремя слишкомъ милліонами жителей; великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій должны были получить удовлетвореніе за потерянныя ими владѣнія въ Германіи; кромѣ того въ Германіи же должны были получить вознагражденіе государи, лишившіеся своихъ владѣній, вслѣдствіе уступки лѣваго берега Рейна. Австрія была вознаграждена венеціанскою областью и нѣкоторыми другими землями.

Понятно, какую смуту вносилъ Люневильскій трактатъ въ Германію, вслѣдствіе обязанности вознагражденія потерпѣвшихъ владѣльцевъ. Чрезвычайной имперской депутаціи, созванной для этой цѣли въ Регенсбургѣ, трудно было удовлетворить всѣ притязанія, особенно, если принять въ расчетъ, что она дѣйствовала подъ строгимъ контролемъ французскихъ уполномоченныхъ. Ея труды были окончены и утверждены въ 1803 году. Множество членовъ имперіи исчезло изъ новаго росписанія государствъ. Такъ какъ коммиссія приняла за правило вознаграждать свѣтскихъ владѣльцевъ на счетъ духовныхъ, то изъ всѣхъ владѣтельныхъ прелатовъ осталось только 6. Между ними не было уже древнихъ архіепископствъ Майнцскаго, Кельнскаго и Трирскаго. Изъ 51 вольнаго города осталось 6; 45 городовъ были розданы отдѣльнымъ государямъ.

Съ тѣхъ поръ политика Франціи относительно Германіи была поставлена въ очень опредѣленныя условія. Для германскихъ государей въ старой федераціи не было уже твердой точки опоры. Австрія и Пруссія отдѣлили свою политику отъ интересовъ имперіи; второстепенныя государства, какъ Виртембергъ и Баварія, стремились

къ утвержденію и расширенію своей независимости и державности, дозволяя себѣ при этомъ явныя нарушенія правъ прочихъ „непосредственныхъ“ [1]); мелкія государства, обреченныя на поглощеніе, нигдѣ не видѣли надежныхъ гарантій ихъ поколебленнаго права. Все побуждало среднихъ и мелкихъ государей обращаться къ содѣйствію могущественной Франціи. Среднія государства ждали отъ нея укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія своего верховенства, мелкія—какой нибудь гарантіи своего существованія. Необходимость *новаго союза*, независимаго отъ безсильной германской имперіи, союза, способнаго сколько нибудь обезпечить общее право, вошла во всеобщее сознаніе. Поговаривали о перенесеніи императорско - германскаго достоинства на Наполеона. Францъ II Австрійскій уже въ 1804 году предвидѣлъ конецъ имперіи и обезпечилъ себя, на этотъ случай, провозглашеніемъ австрійской монархіи имперіей, а себя императоромъ австрійскимъ (14 августа 1804 года).

Событія, подготовлявшія новый союзъ, быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ 1805 году составилась новая коалиція противъ Франціи—изъ Россіи, Англіи и Австріи. На этотъ разъ Виртембергъ, Баварія и Баденъ были уже на сторонѣ Франціи. Исходъ этой кампаніи извѣстенъ. Несчастная капитуляція при Ульмѣ (20-го октября) и битва при Аустерлицѣ (2-го декабря 1805 г.) принудили Австрію заключить Пресбургскій миръ (26-го декабря 1805 г.). Теперь Австрія потеряла много и на собственный счетъ. Баварія, Виртембергъ и Баденъ были награждены побѣдителемъ. Кромѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, Баварія и Виртембергъ были возведены на степень королевствъ и за всѣми тремя государствами была признана полнота державныхъ правъ (la plénitude de la souveraineté).

Это обстоятельство усилило и безъ того великую неопредѣленность отношеній между государствами западной Германіи. Новыя королевства были достаточно сильны и независимы для угнетенія слабѣйшихъ и они широко пользовались этою возможностью; но акты насилія еще не основывали для нихъ опредѣленнаго права. Мелкія государства и имперское рыцарство съ ужасомъ помышляли о своей судьбѣ и тщетно искали средствъ защиты въ омертвѣвшей имперіи.

---

[1]) Тьеръ, *Histoire de l'empire*, I, стр. 262 и слѣд. (изд. 1865 г.). Вотъ небольшой образчикъ того, что происходило въ Германіи: „Le roi de Wurtemberg, ne gardant aucune mesure, avait usurpé les terres de la noblesse immédiate, tant celles qui avaient cette qualité que celles qui ne l'avaient pas. Il s'était arrogé plus que les droits du souverain territorial, et il avait saisi beaucoup de châteaux de la noblesse, comme s'il en eût été le véritable propriétaire... Les maisons de Baden et de Bavière, molestées par lui, et autorisées par son exemple, commettaient les mêmes excès dans leur circonscription“.

Для тѣхъ и другихъ единственнымъ выходомъ было образованіе новаго союза подъ покровительствомъ французскаго императора.

Такимъ учрежденіемъ и былъ Рейнскій союзъ. Совѣщанія объ этомъ предметѣ начались уже въ мартѣ 1806 года. Затѣмъ, 12-го іюля былъ подписанъ актъ новой конфедераціи [1]), а 25-го того же мѣсяца послѣдовалъ въ Мюнхенѣ обмѣнъ ратификацій [2]).

Цѣлью Рейнскаго союза было охраненіе внѣшняго и внутренняго мира въ южной Германіи. По формѣ своей онъ былъ международнымъ союзомъ государствъ, державность которыхъ была подтверждена трактатомъ. Но онъ произвелъ новую революцію во взаимныхъ отношеніяхъ германскихъ государствъ; благодаря ему, раздробленная Германія начала группироваться въ государства большаго объема. Рейнскій трактатъ раздѣлилъ владѣнія, заключавшіяся въ территоріи новаго союза, на два разряда. Къ первому разряду были отнесены самостоятельные члены союза, за которыми была признана полная державность, съ ея четырьмя признаками: правомъ законодательства, верховной юрисдикціи, высшей полиціи и воинской конскрипціи [3]). Ко второму разряду были отнесены владѣнія, не имѣвшія суверенныхъ правъ, а потому подчиненныя, въ государственномъ отношеніи, одному изъ самостоятельныхъ государствъ. За ними были признаны нѣкоторыя владѣльческія и феодальныя права, не принадлежащія существенно къ правамъ державнымъ [4]). Такъ образовалось впервые сословіе медіатизированныхъ князей, занимавшихъ среднее мѣсто между массою поданныхъ и независимыми государями. Членами союза считались одни суверенные государи. Владѣнія ихъ быстро увеличивались. Достаточно замѣтить, что новое герцогство Гессенъ-Дармштадтское составилось изъ владѣній, принадлежавшихъ прежде 30-ти владѣльцамъ.

Въ сѣверной Германіи новый союзъ былъ принятъ за угрозу ея самостоятельности. Декларація Наполеона I отъ 1-го августа 1806 г. и актъ отреченія Франца II отъ германской императорской короны

---

[1]) Acte de la confédération du Rhin ou *traité* entre S. M. l'Empereur des Français et les membres de l'empire Germanique dénommés, conclu à Paris le 12 juillet 1806.

[2]) Первоначальный союзъ состоялъ изъ 16-ти членовъ: королей Баварскаго и Виртембергскаго, князя-примаса (Дальбергъ), великихъ герцоговъ Баденскаго, Бергскаго и Гессенъ-Дармштадтскаго, герцоговъ Нассау-Узингенскаго и Аренбергскаго, князей Нассау-Вейльбургскаго, Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго, - Гехингенскаго, Сальмъ-Сальмъ, Сальмъ-Кирбургскаго, Изенбургъ-Бирштейнскаго, Лихтенштейнскаго и Лейенскаго.

[3]) Législation, juridiction suprême, haute police, conscription militaire.

[4]) Droits seigneuriaux et féodaux non essentiellement inhérens à la souveraineté. Въ первоначальномъ союзѣ было 72 такія владѣнія.

довершили смятеніе. Если бы въ имперіи были еще какія нибудь жизненныя силы, актъ Франца II не могъ бы прекратить ея существованія. Съ юридической точки зрѣнія не все содержаніе этого акта могло имѣть законную силу. Францъ II могъ сложить съ себя званіе германскаго императора, но какое право имѣлъ онъ объявить несуществующими имперію и ея учрежденія? На основаніи законовъ страны, въ случаѣ отреченія императора, престолъ дѣлался вакантнымъ, какъ послѣ его смерти; управленіе имперіей, впредь до избранія новаго императора, переходило къ имперскимъ викаріямъ, Reichsvikarien [1]). Поэтому, вслѣдъ за отреченіемъ Франца, уцѣлѣвшій викарій имперіи —курфирстъ Саксонскій—долженъ былъ бы вступить въ отправленіе своей обязанности, созвать коллегію курфирстовъ и прочія коллегіи сейма. Но изъ историческихъ документовъ не видно, чтобы кому нибудь пришла въ голову такая мысль. Сѣверная Германія, не вошедшая въ составъ Рейнскаго союза, не думала о сопротивленіи. Она безмолвно покорилась рѣшенію Франца и стала думать объ основаніи Сѣверо-Германскаго союза. Во главѣ этого предпріятія стояла Пруссія. Гаугвицъ, до тѣхъ поръ покорный искатель милостей Наполеона, 21-го августа 1806 года предложилъ саксонскому правительству планъ учрежденія Сѣверо-Германскаго имперскаго союза (eines Norddeutschen Reichsbundes). Но этотъ планъ не имѣлъ другихъ послѣдствій, кромѣ униженія Пруссіи и увеличенія объема Рейнскаго союза.

Пруссія, послѣ Базельскаго мира (1795 г.), не только соблюдала строгій нейтралитетъ, но усердно искала дружбы и покровительства Наполеона. Повелитель Европы позволилъ ей занять Ганноверъ, владѣніе которымъ и было утверждено за нею 15-го февраля 1806 года. Но въ октябрѣ того же года послѣдовалъ разрывъ между двумя державами. Пруссія и Россія заключили союзъ противъ императора французовъ. Кампанія окончилась столь же быстро, какъ и война 1805 г. Битвы подъ Іеной, Ауэрштедтомъ и Фридландомъ принудили союзниковъ заключить Тильзитскій миръ (9-го іюля 1807 г.). Пруссія была низведена на степень второклассной державы; территорія ея уменьшена на половину. Другія обременительныя условія надолго лишили ее возможности предпринять что либо для самостоятельности Германіи и собственнаго спасенія. Прочія государства одно за другимъ присоединялись къ Рейнскому союзу. Къ нему принадлежали теперь всѣ государства бывшей Германской имперіи, за исключеніемъ Австріи, Пруссіи, Шведской Помераніи и Гольштейна. Не-

---

[1]) Викаріатъ имперіи принадлежалъ двумъ государямъ—пфальцграфу Рейнскому и герцогу Саксонскому. Въ итальянскихъ земляхъ викаріатъ принадлежалъ герцогу Савойскому.

смотря на признанный парижскимъ договоромъ суверенитетъ отдѣльныхъ государей Рейнскаго союза, дѣйствительнымъ повелителемъ его былъ Наполеонъ, управлявшій имъ чрезъ своего намѣстника, архиканцлера Дальберга. До чего доходило самовластіе Наполеона, видно, между прочимъ, изъ того, что въ 1810 году опредѣленіемъ французскаго сената (senatus-consulte organique) часть территоріи Рейнскаго союза была присоединена къ Франціи, въ качествѣ нѣсколькихъ ея департаментовъ. Сеймъ членовъ союза, мѣстопребываніе котораго было назначено во Франкфуртѣ, никогда не открывался. Распоряженія французскаго императора замѣняли волю союза. Австрія, послѣ несчастной для нея войны 1809 года, кончившейся тягостнымъ вѣнскимъ (Шёнбруннскимъ) миромъ, ничего не могла предпринять на пользу Германіи и на свою собственную.

VII. Политическія условія войны постоянно направляли императора французовъ къ новымъ завоеваніямъ. Главнымъ центромъ сопротивленія противъ его могущества являлась Англія, гдѣ торійское министерство и послѣ смерти Питта настойчиво поддерживало борьбу противъ завоевателя. Битва при Трафальгарѣ (21 октября 1805) уничтожила морскія силы Франціи и отдала моря въ полное владѣніе Великобританіи. Тѣмъ настойчивѣе Наполеонъ долженъ былъ стремиться утвердить свою власть на континентѣ Европы и заставить всѣхъ государей присоединиться къ „континентальной системѣ". Послѣ подчиненія Италіи и Германіи, настала очередь государствъ пиренейскаго полуострова. Внутреннія условія этихъ государствъ, повидимому, благопріятствовали замысламъ императора.

Престолъ Испаніи [1]) былъ занятъ слабымъ и неспособнымъ Карломъ IV, представителемъ выродившейся династіи испанскихъ Бурбоновъ. Управленіе государствомъ находилось въ рукахъ легкомысленнаго и тщеславнаго любовника королевы—Годои, носившаго пышный титулъ „князя Мира". Частью угрозами, частью ласкательствомъ, Наполеонъ побуждалъ испанскій дворъ слѣдовать своимъ приказаніямъ и въ 1807 году увлекъ его въ войну противъ Португаліи. Престолъ этой небольшой державы былъ занятъ впавшею въ безуміе королевою Маріею, именемъ которой правилъ ея сынъ Іоаннъ (VI). Слабая держава, съ слабыми правителями, была поставлена между двумя могучими соперниками. Англія старалась обратить

---

[1]) Для новѣйшей исторіи Испаніи важенъ трудъ Баумгартена, *Geschichte Spaniens*, I—III, 1865—1871. Въ русской литературѣ имѣется обстоятельно и живо написанное сочиненіе проф. Трачевскаго, *Испанія XIX вѣка*. 1872. Къ сожалѣнію, авторъ довелъ его только до 1824 года. Наконецъ, можетъ быть рекомендованъ довольно полный очеркъ Рейнальда (Reynald), *Histoire de l'Espagne, depuis la mort de Charles III jusqu'à nos jours*. Paris, 1873.

страну въ нѣкоторый базисъ для борьбы съ Наполеономъ; послѣдній требовалъ отъ португальскаго правительства разрыва союза съ Англіею и закрытія ея портовъ англійскимъ судамъ. Вліяніе Англіи пересилило на этотъ разъ страхъ предъ императоромъ французовъ, и ему посланъ былъ отказъ. Тогда Наполеонъ, въ союзѣ съ Годои, послалъ въ Португалію (чрезъ Испанію) маршала Жюно. Королевское семейство на англійскихъ корабляхъ бѣжало въ Бразилію. Жюно овладѣлъ Португаліею и объявилъ (1 февраля 1808 года), что „Браганцскій домъ пересталъ царствовать".

Участіе Испаніи въ этой войнѣ было вызвано пышными обѣщаніями, данными Годои и самому Карлу IV. Послѣднему былъ обѣщанъ титулъ „императора Америки" и небольшое королевство въ Португаліи, подъ именемъ „Сѣверной Лузитаніи", долженствовавшее вознаградить „этрурскую королеву" (дочь Карла IV), за отнятую у нея Тоскану. Годои было обѣщано составленное изъ разныхъ областей Португаліи княжество Альгарвія. Обѣщаніе это было закрѣплено договоромъ, заключеннымъ въ Фонтенебло.

Но императоръ не торопился исполнять этотъ договоръ, который онъ приказалъ держать въ секретѣ. Тайныя инструкціи, данныя Жюно, предписывали ему, проходя чрезъ испанскія провинціи, составлять и присылать императору подробное описаніе дорогъ, почвы и т. д. Конечно, не одно любопытство побуждало Наполеона имѣть эти описанія. Громкій скандалъ въ королевскомъ семействѣ далъ императору предлогъ вмѣшаться въ испанскія дѣла и свергнуть эту послѣднюю вѣтвь Бурбоновъ.

Сынъ и наслѣдникъ Карла IV, ограниченный и жестокій Фердинандъ (будущій король), нетерпѣливо сносилъ власть временщика. Онъ былъ популяренъ въ народѣ, подобно ему ненавидѣвшемъ Годои. Заискивая у Наполеона, Фердинандъ и его партія поддерживали или, лучше сказать, создавали популярность императора; по смерти своего старшаго брата, Фердинандъ началъ сношенія съ Наполеономъ и искалъ въ немъ поддержки. Льстя честолюбію императора, онъ въ письмѣ (11 октября 1807) просилъ руки одной изъ его родственницъ. Наполеонъ не спѣшилъ отвѣтомъ, но въ концѣ октября, Фердинандъ по настоянію королевы, подозрѣвавшей его замыслы, былъ арестованъ. Униженіемъ предъ Годои онъ спасъ себя, а суды оправдали мнимыхъ его сообщниковъ. Тѣмъ временемъ императоръ подготовлялъ рѣшительный ударъ.

Отъ Люціана Бонапарта была вытребована одна изъ его дочерей, на случай, если бы Наполеонъ согласился на предложеніе Фердинанда. Императоръ заявилъ, однако, испанскому двору, что онъ отдаетъ руку своей племянницы только въ томъ случаѣ, если Ферди-

нандъ примирится съ своими родителями, ибо не хочетъ родниться съ обезчещеннымъ сыномъ (fils déshonoré). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ двигать войска въ предѣлы Испаніи. Генералы Монсей и Дюпонъ заняли дорогу въ Мадридъ; Дюгемъ вошелъ въ Каталонію, Дарманьякъ въ Наварру (январь 1808 г.). Затѣмъ, среди безплодныхъ переговоровъ съ Карломъ IV, Мюратъ получилъ приказаніе занять Пампелуну, Барселону и С. Себастьянъ (мартъ 1808 г.). Никто изъ генераловъ не зналъ, однако, цѣли движенія. Мюрату сообщались приказанія, касавшіяся военной части; „остальное васъ не касается", сухо добавилъ императоръ.

Можно предположить, что военныя операціи имѣли цѣлью принудить королевское семейство къ бѣгству, послѣ чего Наполеонъ могъ бы распорядиться „вакантнымъ престоломъ". Король, королева и Годои готовы были къ бѣгству. Но Фердинандъ, думая, что все дѣло кончится изгнаніемъ Годои, воспротивился этому. Народъ сталъ на его сторону, держалъ королевское семейство подъ надзоромъ, 17 марта произвелъ мятежъ, во время котораго былъ разграбленъ дворецъ временщика. Послѣдній въ теченіе двухъ дней скрывался отъ народной ярости. Теперь Фердинандъ могъ достигнуть своей цѣли. Отецъ его принужденъ былъ отказаться отъ престола въ его пользу. Народъ съ увлеченіемъ привѣтствовалъ новаго короля: онъ ненавидѣлъ Годои и не зналъ еще качествъ Фердинанда. Торжество послѣдняго продолжалось, однако, недолго.

Въ ту минуту, какъ Карлъ IV отрекался отъ престола въ пользу Фердинанда, Мюратъ былъ на разстояніи одного дня перехода отъ Мадрида. Будущій неаполитанскій король менѣе всего склоненъ былъ признать Фердинанда. Онъ понималъ, что Наполеону невыгодно будетъ имѣть дѣло съ популярнымъ пока королемъ, занявшимъ мѣсто слабаго Карла IV; ясно было также, что военныя приготовленія Наполеона не могли имѣть цѣлью только низверженіе Годои. Мюратъ предчувствовалъ, что „Бурбоны перестанутъ царствовать въ Испаніи" такъ же, какъ они перестали царствовать въ Неаполѣ; и если императоръ пожаловалъ неаполитанскій престолъ своему брату, то почему испанскій не могъ быть пожалованъ Мюрату, уже владѣтельному князю Клевэ-Бергъ? Сверхъ того, самъ Карлъ IV, со слезами на глазахъ, отдался подъ покровительство Мюрата. Руки у императора и его полководца были развязаны.

Императоръ, не признавъ Фердинанда, сдѣлалъ видъ, что желаетъ стать въ роли посредника между родителями и ихъ сыномъ. Для этой цѣли и старая королевская чета и Фердинандъ были приглашены (или, вѣрнѣе, завлечены) въ Байонну, гдѣ находился императоръ и куда явился и Годои, отомстившій теперь Фердинанду

за его кратковременное торжество. Здѣсь, притворствомъ и угрозами, послѣдній заставилъ Карла IV отречься отъ своихъ правъ въ пользу Наполеона „какъ единственнаго государя, способнаго, при теперешнихъ условіяхъ, возстановить порядокъ". Фердинандъ долженъ былъ подписать два акта отреченія: одинъ въ качествѣ фактическаго короля, другой—въ качествѣ наслѣдника престола.

Бурбоны „перестали царствовать въ Испаніи". Наполеону открывалась корона, съ обладаніемъ которой были связаны права на богатыя американскія колоніи. Но не Мюратъ получилъ эту корону. Наполеонъ отдалъ испанскій престолъ Іосифу Неаполитанскому; Неаполь былъ предоставленъ Мюрату. Подобіе хунты признало Іосифа королемъ Испаніи; 6 іюля 1808 г. была обнародована и конституція, на основаніи которой Наполеонидъ долженъ былъ управлять своимъ королевствомъ [1]).

Покинутая королевскимъ семействомъ, захваченная искусно подготовленнымъ нашествіемъ, нація была предоставлена самой себѣ. Между тѣмъ въ ней Наполеонъ встрѣтилъ первое рѣшительное сопротивленіе, поколебавшее его могущество. Сила сопротивленія, независимо отъ патріотическаго духа, пробудившагося въ націи, объяснялась и крѣпостью мѣстной, общинной и провинціальной жизни, неподавленной въ Испаніи, не смотря на вѣка деспотизма. Борьба поддерживалась и велась главнымъ образомъ мѣстными хунтами и, естественно, приняла видъ той грозной партизанской войны „гверильясовъ", въ которой изсякали силы французской арміи.

Но разъединенныя дѣйствія мѣстныхъ хунтъ, покрывшихъ всю Испанію, привели страну въ состояніе анархіи или, точнѣе, разложенія. Необходимость центральной хунты была очевидна. Послѣ долгихъ переговоровъ, она возникла, наконецъ, 25 сентября 1808 года, въ качествѣ органа мѣстныхъ хунтъ, составленнаго изъ ихъ депутатовъ. Но направленіе и дѣйствіе хунты не оправдывали возложенныхъ на нее надеждъ. Президентъ ея, Флорида-Бланка, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ (80), сдѣлался игрушкою въ рукахъ консерваторовъ, считавшихъ патріотическимъ дѣломъ защиту и возстановленіе злоупотребленій абсолютизма изъ ненависти къ французамъ и къ либеральничавшему въ послѣдніе дни своего могущества Годои. Оппозиція была слаба и еще слабѣе представлялась старымъ и измученнымъ преслѣдованіями Ховельяносомъ. Два почти года прошло прежде, чѣмъ успѣла образоваться и овладѣть національнымъ движеніемъ либеральная партія (поэтъ-публицистъ Квинтана, Аргуельесъ, Эстрада и друг.), побороть реакціонные происки хунты

---

[1]) Эту бонапартовскую конституцію см. у Дюфо, V, стр. 65—83.

и замѣнившаго ее „регентства“ и, наконецъ, созвать учредительные кортесы.

Тѣснимое со всѣхъ сторонъ, временное правительство Испаніи перенесло свое мѣстопребываніе на „Львиный Островъ“ (недалеко отъ Кадикса); 24 сентября 1810 г. открылись засѣданія кортесовъ. Вслѣдствіе ненависти „регентства“ къ бывшей хунтѣ, указъ послѣдней, предписывавшій созвать кортесы въ формѣ *двухъ* палатъ, не былъ исполненъ. Выбранные безъ опредѣленнаго плана, кортесы составили *одну* палату, въ которой преобладали наиболѣе передовые люди Испаніи. Первый указъ (24 сентября), изданный собраніемъ по предложенію депутата Торреро, указывалъ на направленіе кортесовъ. Онъ призналъ верховенство за народомъ; онъ отвергъ байонскій договоръ, какъ неутвержденный волею націи; нація признала права монархической власти за Фердинандомъ VII, но оставляла за собою право дать странѣ конституцію и управлять Испаніей до возвращенія Фердинанда. „Регентство“ должно было немедленно присягнуть кортесамъ. Такимъ образомъ, конституція должна была явиться актомъ учредительной власти кортесовъ.

Конституція 1812 года была дѣломъ той части испанскаго общества, въ которой патріотизмъ, возбужденный борьбою съ врагомъ, соединялся съ освободительными идеями вѣка, съ стремленіемъ возродить устройство глубоко павшей монархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на работѣ кортесовъ отражалась та же политическая неопытность, тѣ же теоретическія увлеченія, которыя обратили въ ничто французскую конституцію 1791 года. Послѣдняя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми началами старой аррагонской конституціи, послужила руководствомъ и для учредительныхъ кортесовъ Испаніи [1])

Въ видахъ возрожденія страны, конституція 1812 года провозглашала начала, которыхъ король, возвратившись изъ плѣна, не могъ признать. Подобно конституціи 1791 года, она провозглашаетъ суверенитетъ народа и признаетъ за нимъ однимъ учредительную власть [2]). Управленіе организовано на началахъ строгаго раздѣленія властей. Законодательная власть предоставлена кортесамъ совмѣстно съ королемъ [3]). Послѣднему дано (въ отличіе отъ конституціи 1791) право иниціативы [4]), но онъ лишенъ права абсолютнаго veto [5]).

---

[1]) Дюфо́, V, стр. 84 и слѣд. Эта обширная конституція содержитъ въ себѣ 384 статьи.

[2]) Ст. 3.

[3]) Ст. 15.

[4]) Ст. 171, п. 14.

[5]) Ст. 142—151.

Право предписывать исполненіе законовъ принадлежитъ королю [1]); право примѣнять ихъ въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ предоставлено судамъ [2]).

Кортесы образуются въ видѣ *одной* палаты, составленной изъ депутатовъ, избранныхъ по одному на 70,000 населенія [3]). Для избранія кортесовъ установлены *многостепенные* выборы; первую степень образуютъ избирательныя хунты приходовъ; вторую — хунты округовъ; третью — провинцій. Приходскія хунты составляются изъ гражданъ прихода; они избираютъ делегатовъ (отъ 11 до 31), которые избираютъ выборщиковъ отъ прихода, въ числѣ по 1 на 200 жителей. Окружныя хунты, составленныя изъ выборщиковъ въ провинціальныя хунты, въ тройномъ числѣ противъ числа депутатовъ, приходящихся на провинцію, избираютъ послѣднихъ. Провинціальныя хунты, довольно сложнымъ порядкомъ, избираютъ депутатовъ [4]).

Депутаты избираются на два года. По печальному примѣру французскаго учредительнаго собранія и кортесы 1812 года постановили, что члены ихъ не могутъ быть избраны въ слѣдующіе кортесы. Затѣмъ конституція постановляла, что депутаты вообще могутъ быть вновь избраны послѣ двухлѣтняго промежутка. Раздѣляя общій тогда взглядъ на „исполнительную власть“, кортесы лишили права быть депутатами министровъ, членовъ государственнаго совѣта и придворныхъ должностныхъ лицъ [5]). Министрамъ дозволено присутствовать при преніяхъ въ кортесахъ и представлять свои объясненія, но они обязаны были удаляться во время голосованія [6]).

Кортесамъ были предоставлены широкія права по законодательству, финансовому управленію, контролю надъ министрами, по ратификаціи договоровъ, и т. д. [7]). Сверхъ того, конституція учреждала „постоянную депутацію“ кортесовъ изъ 7 членовъ; она, въ числѣ прочихъ обязанностей, должна была наблюдать за соблюденіемъ конституціи и законовъ и докладывать кортесамъ о случаяхъ ихъ нарушенія; кромѣ того, ей принадлежало право созывать кортесы въ чрезвычайныя сессіи, въ случаѣ вакансіи престола, или когда король поставленъ въ невозможность управлять, или желаетъ отречься отъ престола, или, наконецъ, по желанію короля [8]).

[1]) Ст. 16.
[2]) Ст. 17.
[3]) Ст. 27, 29, 31.
[4]) Ст. 38, 41, 42, 59, 63, 78.
[5]) Ст. 95, 110, 129.
[6]) Ст. 125.
[7]) Ст. 131.
[8]) Ст. 157, 159, 162.

Королю предоставлены права, составляющія обыкновенные аттрибуты „исполнительной власти". Но въ статьяхъ, опредѣляющихъ его права, наибольшій интересъ представляютъ правила объ ограниченіи королевской власти, характеризующія обстоятельства, при которыхъ была составлена конституція 1812 г. [1]). Король лишенъ права роспуска кортесовъ и отсрочки ихъ засѣданій; лица, посовѣтовавшія королю одну изъ такихъ мѣръ, или содѣйствующія ему въ томъ, „объявляются измѣнниками и преслѣдуются какъ таковые". Король не можетъ вступать въ бракъ безъ согласія кортесовъ; иначе онъ считается отказавшимся отъ престола (то же относительно царствующей королевы) [2]). Кортесамъ вмѣнено въ обязанность отрѣшать отъ престолонаслѣдія лицъ, неспособныхъ къ управленію или совершившихъ поступокъ, за который они заслуживаютъ потери короны [3]).

Въ порядкѣ отправленія исполнительной власти, конституція установила не только то общее въ ограниченныхъ монархіяхъ правило, что король дѣйствуетъ чрезъ отвѣтственное министерство, но и создала особый государственный совѣтъ [4]). Онъ долженъ былъ состоять изъ 40 лицъ, назначенныхъ королемъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ кортесами въ тройномъ числѣ. Въ составъ его должны были входить не болѣе 4 духовныхъ, не болѣе 4 грандовъ и 32 другихъ гражданъ. Члены совѣта могли быть смѣщены съ своей должности только по приговору верховнаго суда. Совѣтъ долженъ былъ представлять королю свои мнѣнія по всѣмъ важнымъ дѣламъ, особенно по санкціи законовъ, по объявленію войны и заключенію трактатовъ. Онъ представлялъ также кандидатовъ (въ тройномъ числѣ) на должности духовныя и судебныя.

Эти постановленія конституціи [5]) предвозвѣщали будущую судьбу ея, когда Фердинандъ VII, освободившись изъ плѣна, возвратился въ Испанію. Сверхъ того, она представляла соединеніе самыхъ разнообразныхъ началъ: суверенитетъ народа съ трехъ-степенными выборами, наслѣдственную монархію съ монархомъ, отданнымъ подъ бдительный надзоръ кортесовъ, даже въ отношеніи воспитанія наслѣдника престола [6]), широкую политическую свободу, съ религіозною нетер-

---

[1]) Ст. 172.

[2]) Настойчивость, съ которою конституція 1812 г. провозглашаетъ это правило, объясняется опасеніемъ, чтобы Фердинандъ VII не вступилъ въ бракъ съ родственницей Бонапарта.

[3]) Ст. 181. Тотчасъ же были исключены отъ престолонаслѣдія нѣкоторые родственники короля, какъ слишкомъ подчиненные иноземному вліянію.

[4]) Ст. 231—241.

[5]) Здѣсь приведены наиболѣе характерныя статьи.

[6]) Ст. 131, п. 22.

нимостью. Католическая религія, „единая истинная“, признана національною религіею; „нація покровительствуетъ ей мудрыми и справедливыми законами и *воспрещаетъ* отправленіе всѣхъ другихъ“ [1]).

Не смотря, однако, на неудачную комбинацію политическихъ учрежденій, кортесамъ удалось сдѣлать довольно много на пользу гражданскаго равенства, отмѣнить разныя сословныя преимущества, уничтоживъ повинности и стѣсненія, тяготѣвшія надъ земледѣліемъ и промыслами, и упразднить инквизицію.

Созданная въ моментъ сильнѣйшаго народнаго возбужденія, конституція 1812 года погибла въ періодъ реакціи 1814 года; уничтоженная насильственно, она осталась знаменемъ для народовъ южной Европы и играла, какъ мы увидимъ ниже, большую роль въ революціяхъ 1820 года.

Конституція 1812 года была издана для испанскихъ областей „двухъ полушарій“, слѣдовательно, и для американскихъ владѣній королевства. Но событія испанской войны явились сигналомъ къ возстанію этихъ богатыхъ и обширныхъ областей, издавна тяготившихся утѣснительнымъ и жаднымъ правительствомъ метрополіи [2]). Испанскія владѣнія въ Америкѣ въ то время состояли изъ четырехъ вице-королевствъ: Новой Испаніи (Мексики), Новой Гренады, Ріо-де-ла-Платы и Перу, и изъ 5 генералъ-капитанствъ: Чили, Венесуелы, Гватемалы, Гаванны, Порто-Рико. Жестокое и раззорительное правленіе испанскихъ властей еще съ конца прошлаго вѣка вызывало попытки возстанія креоловъ. Но рѣшительный толчокъ движенію данъ былъ событіями 1810 года, когда Наполеонъ, утвердивъ на время своего брата на испанскомъ престолѣ, потребовалъ признанія его власти и въ заатлантическихъ владѣніяхъ королевства. Такъ же, какъ и въ Испаніи, мѣстныя хунты организовали возстаніе противъ намѣстниковъ Іосифа во имя правъ Фердинанда VII. Но имя Фердинанда было только знаменемъ, которымъ прикрывались стремленія къ политической независимости и свободѣ. Истинныя стремленія возставшихъ выразились и въ собраніи испанскихъ кортесовъ 1812 года, куда явились делегаты и отъ колоній. Неудовлетворенныя уступками, сдѣланными кортесами, колоніи организовали свои мѣстныя правительства, дѣйствія которыхъ не могли быть вполнѣ успѣшны, благодаря соперничеству партій и анархіи, охватившей эти области.

Жестокое управленіе Фердинанда VII, возстановленнаго на испан-

---

[1]) Ст. 12.

[2]) Исторія южно-американскихъ республикъ изложена въ небольшомъ, но обстоятельномъ трудѣ Деберла (Deberle), *Histoire de l'Amérique du Sud*, Paris, 1876.

скомъ престолѣ (1814), дало новую силу возстанію, имѣвшему теперь цѣлью полное отдѣленіе отъ Испаніи. Борьба колоній за независимость, прославленная въ южной Америкѣ именемъ Боливара, длилась много лѣтъ, но завершилась образованіемъ независимыхъ республикъ [1]).

VIII. Событія войнъ имперіи косвенно отразились и на судьбѣ скандинавскихъ государствъ. Изъ нихъ Швеція [2]) непрерывно сохраняла свое сословное представительное устройство съ аристократическимъ характеромъ, за исключеніемъ періода отъ 1680 до 1718 года, когда сеймъ, недовольный аристократическою партіею государственнаго совѣта, отдалъ въ руки Карла XI абсолютную власть. Знаменитый Карлъ XII былъ абсолютнымъ королемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. По смерти его (1718 г.) власть возвратилась въ руки сейма и аристократическаго государственнаго совѣта. Періодъ шведскихъ вольностей продолжался до 1772 г., когда государственный переворотъ, произведенный Густавомъ III, усилилъ власть короля, далъ ему широкое участіе въ законодательствѣ, право созывать сеймъ по своему усмотрѣнію и назначать членовъ государственнаго совѣта. Эта новая конституція (Regeringsform) была дополнена актомъ „единства и безопасности", предоставлявшимъ одному королю иниціативу законовъ, право назначенія судей и расширявшимъ его административныя права (1789 г.).

Трагическая смерть Густава III, застрѣленнаго на балѣ Анкарстрёмомъ (1792 г.), отдала эту усиленную королевскую власть въ руки его наслѣдника, Густава IV (1792—1809 г). Одаренный нѣкоторыми хорошими качествами, молодой король слишкомъ легко увлекался, однако, фантастическими планами и цѣлями, вовлекая страну, истощенную уже расточительностью его отца, въ безполезныя и разорительныя войны. Общее въ представителяхъ историческихъ династій нерасположеніе къ Наполеону дошло у него до ненависти, сочетавшейся съ представленіемъ о таинственномъ его призваніи уничтожить этого „апокалиптическаго звѣря". Грандіозности такой цѣли не соотвѣтствовали, однако, ни матеріальныя средства, ни полководческія дарованія короля. Полная почти потеря Шведской Помераніи была прямымъ послѣдствіемъ войны, въ которую вмѣшался

---

[1]) Историческій ихъ очеркъ будетъ изложенъ въ отдѣлѣ: О республикахъ и федераціяхъ. Здѣсь мы упоминаемъ о возстаніи испанскихъ колоній только для общей связи.

[2]) Для исторіи шведской конституціи важно сочиненіе Норденфлихта, *Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung*, 1861 года. Общія исторіи Швеціи: Гейера, продолженная Карлсономъ, въ нѣм. перев. Леффлера, 4 тома; Штрингольма, три тома (1857—1860).

Густавъ IV. Онъ не отступился отъ своихъ плановъ и послѣ того, какъ Пруссія и Россія, послѣ битвы подъ Фридландомъ (14 іюня 1807 г.), должны были заключить съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (7—9 іюля 1807 г.). Густавъ, оставленный союзниками, которые одни могли вести борьбу съ Наполеономъ, рѣшился продолжать ее одинъ, надѣясь на англійскія субсидіи. Негодуя на заключеніе мира, онъ возвратилъ прусскому королю и русскому императору ихъ ордена и выслалъ ихъ посланниковъ. Послѣдствія не заставили себя ждать. Французы овладѣли остатками шведскихъ владѣній на материкѣ, а война съ Россіею, въ которую легкомысленно вовлекъ Швецію Густавъ, повела за собою потерю Финляндіи. Страна находилась въ страшномъ разстройствѣ; казна была пуста, войска почти не было. Данія, новый союзникъ Наполеона (см. ниже), поддержанная присланнымъ Наполеономъ 18,000 испанскимъ корпусомъ, угрожала Швеціи съ одной стороны; русскія войска угрожали ей съ другой. Между тѣмъ, король не хотѣлъ слышать о мирѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ составился военный заговоръ подъ предводительствомъ полковника Адлерспарре, съ цѣлью низложить Густава. Король былъ арестованъ (13 марта 1809 г.), а сеймъ объявилъ его, вмѣстѣ съ потомствомъ, лишеннымъ престола, который былъ отданъ дядѣ короля—герцогу Зюдерманландскому, Карлу, воцарившемуся подъ именемъ Карла XIII. Миръ, столь необходимый Швеціи, могъ быть заключенъ. Онъ состоялся на разныхъ условіяхъ. Россія окончательно пріобрѣла Финляндію. Но Наполеонъ, вниманіе котораго было уже поглощено событіями на пиренейскомъ полуостровѣ, возвратилъ Швеціи отнятую у нея Померанію, съ тѣмъ, чтобы Карлъ XIII отказался отъ союза съ Англіею и приступилъ къ континентальной системѣ. Данія не могла вести войны одна, тѣмъ болѣе, что испанскій вспомогательный корпусъ возвратился въ отечество при извѣстіи о вторженіи французовъ. Швеція могла обратиться къ внутреннимъ дѣламъ своимъ.

Хотя олигархическое устройство Швеціи съ 1718 по 1772 г. и было обременительно для народа, сочувствовавшаго поэтому монархическому перевороту Густава III, но управленіе какъ Густава III, такъ и его сына показало, что страна нуждается въ устройствѣ, въ которомъ права монархической власти были бы согласованы съ правами народнаго представительства. Этой цѣли должна была удовлетворить новая конституція (Regeringsform), редактированная Андерсомъ-афъ-Гакансономъ и обнародованная 6 іюня 1809 года. Съ нѣкоторыми измѣненіями, она остается дѣйствующимъ уставомъ Швеціи. Конституція 1809 г. имѣла цѣлью опредѣлить взаимныя отношенія государственныхъ властей и ихъ организацію, не касаясь

устройства представительства. Послѣднее было оставлено на старыхъ основаніяхъ, въ видѣ *сословнаго* сейма, раздѣленнаго на четыре палаты: дворянства, духовенства, городского сословія и крестьянъ. Порядокъ дѣйствій сейма былъ опредѣленъ особымъ уставомъ 10 февраля 1810 г. (Riksdagsordning). Эта часть шведской конституціи подверглась существенному измѣненію въ 1866 году. Новая Riksdagsordning (22 іюня 1866) замѣнила сословный сеймъ настоящимъ народнымъ представительствомъ, образованнымъ изъ двухъ палатъ, одинаково выборныхъ.

Третій конституціонный законъ установилъ порядокъ *престолонаслѣдія*. При бездѣтности Карла XIII, законъ долженъ былъ опредѣлить ему наслѣдника и установить порядокъ престолонаслѣдія въ новой династіи. Первоначально старый король усыновилъ родственника короля датскаго, гольштинскаго принца, Христіана Августа. Но 18 марта 1810 года принцъ внезапно умеръ [1]). Государственные чины, по предложенію короля, приняли законъ объ усыновленіи Карломъ XIII извѣстнаго маршала Бернадота, князя Понте-Корво. Чрезъ этотъ выборъ сеймъ думалъ сблизиться съ Бонапартомъ и, сверхъ того, Бернадотъ былъ извѣстенъ шведамъ по своимъ дѣйствіямъ въ Помераніи, гдѣ онъ (не безъ тайныхъ инструкцій Наполеона) обращался съ шведскими войсками человѣколюбиво, такъ какъ страна была вовлечена въ войну единственно по прихоти Густава IV [2]). Наполеонъ уже подозрѣвалъ въ Бернадотѣ одного изъ своихъ соперниковъ, а потому неохотно далъ свое согласіе на избраніе его. Дѣйствительно, новый наслѣдный принцъ, какъ показали событія, не согласился принести въ жертву пользы новаго своего отечества выгодамъ императора. Законъ 26 сентября 1810 года подтвердилъ избраніе Бернадота и установилъ порядокъ престолонаслѣдія (Successionsordning). Послѣднимъ конституціоннымъ актомъ Швеціи явился законъ 16 іюля 1812 года о свободѣ печати (Tryckfrihetsförordning).

Чрезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ Швеція преобразовала свое устройство, появилась совершенно новая конституція въ странѣ, находящейся нынѣ въ реальномъ соединеніи съ Швеціею—въ Норвегіи.

Эта часть Скандинавскаго полуострова, съ 1387 года, находилась

---

[1]) Смерть его приписывали отравленію, въ которомъ обвиняли французскую партію и спеціально графа Ферзена, вмѣстѣ съ сестрою его—графинею Пиперъ. Подозрѣнія эти вызвали даже мятежъ, во время котораго Ферзенъ былъ убитъ.

[2]) Наполеонъ вообще относился къ этому „смертельному“ врагу своему съ снисходительной ироніей, говоря, что онъ наслѣдовалъ отъ своего образца, Карла XII, только ботфорты и безразсудство.

подъ властью Даніи[1]); вмѣстѣ съ послѣднею, она подчинилась абсолютной монархіи, созданной извѣстнымъ переворотомъ 1660 года[2]). Несмотря на это, въ Норвегіи, при отсутствіи дворянства, развились демократическія начала, и идеи XVIII столѣтія имѣли здѣсь больше успѣха, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Европы. Небольшая страна заявила о своемъ независимомъ духѣ при очень трудныхъ обстоятельствахъ, когда ходъ военныхъ событій привелъ ее къ соединенію со Швеціей.

Въ 1807 году, когда французскія войска безъ труда овладѣли Шведской Помераніею, и Наполеонъ готовъ былъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ, англичане рѣшились на возмутительное самоуправство надъ слабой Даніею. Когда ихъ требованіе, чтобы Данія приступила къ союзу противъ Наполеона и отдала англійскому правительству свой флотъ, было отвергнуто, англійская эскадра явилась у Копенгагена, разрушила его бомбардировкой и увела съ собой весь датскій флотъ (5 сентября 1807 г.). Это разбойническое нападеніе вызвало общее негодованіе и содѣйствовало принятію державами континентальной системы. Тѣмъ болѣе возмущенъ былъ датскій король—Фридрихъ VI (тогда еще регентъ). Сохраняя прежде строгій нейтралитетъ, онъ сдѣлался теперь горячимъ союзникомъ Наполеона. Участіе, принятое имъ въ войнѣ противъ Швеціи, кончилось какъ мы видѣли, миромъ 1809 года. Но императоръ французовъ, требуя отъ Швеціи отказа отъ союза съ Англіею и, послѣ отказа въ томъ, занявъ вновь Померанію, заставилъ и Данію раздѣлить его судьбу. Войну велъ теперь не Густавъ IV, а Бернадотъ, и Данія, подавленная силами шведовъ, поддерживаемыхъ Англіею, расчитывалась за свою вѣрность Наполеону, въ то время, какъ послѣдній проигрывалъ свою корону. По Кильскому договору (14 января 1814 года), Фридрихъ VI принужденъ былъ уступить Бернадоту Норвегію.

Норвежцы, однако, не были расположены подчиниться договору. Громко говорили ихъ представители, что „они не стадо", которымъ

---

[1]) Вслѣдствіе того, что Маргарита, дочь датскаго короля, Вальдемара IV, бывшая въ супружествѣ за Гакономъ VIII, королемъ норвежскимъ, по смерти сына своего, Олафа (1387 г.), сдѣлалась королевой датской и норвежской. Въ слѣдующемъ году, по низверженіи шведскаго короля Альбрехта, она заняла и шведскій престолъ. Три короны были соединены въ одно цѣлое актомъ Кальмарской уніи (1397 г.). Швеція отдѣлилась окончательно отъ Кальмарской уніи только съ избраніемъ на престолъ Густава Вазы (1523 г.).

[2]) Переворотъ 8 сентября 1660 года совершился на сеймѣ при королѣ Фридрихѣ III, которому духовенство и городское сословіе, изъ противодѣйствія аристократіи, предоставили полную власть. Права неограниченной монархіи были утверждены и развиты посредствомъ lex regia 1665 г.

можно распоряжаться по усмотрѣнію. Любимый въ Норвегіи намѣстникъ (Statholder) короля датскаго, Христіанъ Фридрихъ [1]), былъ объявленъ регентомъ и созвалъ (10 апрѣля 1814 г.) учредительное собраніе въ Эйдсвольдѣ. Конституціонныя работы въ собраніи были ведены людьми, проникнутыми демократическими идеями, въ томъ преимущественно видѣ, какъ онѣ выразились во французской конституціи 1791 г. Въ числѣ авторовъ конституціи первое мѣсто занимали—юристъ Фальзенъ, предсѣдательствовавшій въ коммиссіи, изготовлявшей проектъ, и Адлеръ, также законовѣдъ. Фальзенъ и Адлеръ еще раньше созванія учредительнаго собранія выработали свой проектъ конституціи; нѣкоторыя части его вошли въ окончательный проектъ, принятый собраніемъ 17 мая 1814 г.

Постановленія этой конституціи будутъ разсмотрѣны въ догматической части. Здѣсь мы укажемъ только на главныя ея особенности. Подобно конституціи 1791 года, и норвежскій уставъ принялъ начало *одной* палаты. Стортингъ (большой совѣтъ), въ принципѣ, образуетъ одно цѣлое и избирается разомъ. Но затѣмъ онъ самъ выдѣляетъ изъ своей среды 1/4 депутатовъ, образующихъ лагтингъ, въ отличіе отъ одельстинга, составляющаго первую палату. Затѣмъ, какъ и по конституціи 1791 года, королю предоставлено одно задерживающее veto. Но въ отличіе отъ первыхъ французскихъ конституцій, норвежскій уставъ не провозглашаетъ „правъ человѣка“, какъ совокупности началъ, первенствующихъ надъ конституціею. Постановленія, касающіяся личной и общественной свободы норвежцевъ, изложены въ отдѣлѣ „общихъ постановленій“ (ст. 96—109).

Тотчасъ послѣ того, какъ конституція была принята учредительнымъ собраніемъ, Христіанъ Фридрихъ избранъ былъ королемъ. Но Карлъ XIII или, вѣрнѣе, Бернадотъ, рѣшились настаивать на исполненіи кильскаго договора; норвежцы попрежнему отрицали право распоряжаться ими „какъ стадомъ“. Шведскія войска, подъ предводительствомъ Бернадота (принца Карла Іоанна), явились въ Норвегію для поддержанія правъ Швеціи. Но война скоро прекратилась, и распря кончилась взаимными уступками. Съ одной стороны, Швеція отказалась отъ присоединенія Норвегіи въ силу Кильскаго договора, т.-е. *по праву завоеванія;* она довольствовалась соединеніемъ двухъ странъ на началахъ свободнаго *двусторонняго договора.* Норвегія, съ своей стороны, отказалась отъ мысли образовать независимое государство. По акту перемирія 14 августа (заключенному въ Моссѣ), чрезвычайный стортингъ долженъ былъ собраться для обсужденія

[1]) Впослѣдствіи датскій король Христіанъ VIII (1839—1848).

началъ шведско-норвежской уніи и соотвѣтствующаго измѣненія въ только что обнародованной норвежской конституціи.

Недавно избранный король Христіанъ Фридрихъ отрекся отъ престола (10 октября) и затѣмъ въ стортингѣ начались работы по пересмотру конституціи 17 мая, съ участіемъ шведскихъ уполномоченныхъ. Существо послѣдовавшей перемѣны выразилось въ 1-ой статьѣ пересмотрѣнной конституціи, въ которой сказано:

„Королевство Норвегія есть государство свободное, независимое, нераздѣльное и неотчуждаемое, *соединенное съ Швеціею подъ властью одного короля.* Форма правленія есть монархическая, ограниченная и наслѣдственная".

Соотвѣтственно этому, постановлено, что въ Норвегіи и въ Швеціи дѣйствуютъ общіе законы о престолонаслѣдіи, регентствѣ, избраніи новой династіи, въ случаѣ если царствующая династія угаснетъ, и т. д. Стортингъ принялъ эти перемѣны, и 4 ноября 1814 года новая конституція были вотирована, а 10 утверждена Карломъ XIII, занявшимъ теперь престолъ Норвегіи по *праву избранія.* Но для того, чтобы шведско-норвежская унія получила полную силу, требовалось формальное соглашеніе между законодательными властями обѣихъ странъ. Оно выразилось въ актѣ соединенія (Riksakt) 6 августа 1815 года, коимъ относящіяся къ этому предмету статьи норвежской конституціи или выраженныя въ нихъ начала были приняты шведскимъ сеймомъ.

Швеція и Норвегія, получившія теперь новое устройство остались однѣ въ сторонѣ отъ бурь реакціи, послѣдовавшей за паденіемъ Наполеона, точно такъ же какъ Карлъ Іоаннъ Бернадотъ былъ единственнымъ изъ маршаловъ Наполеона, сохранившимъ посланный имъ дивными судьбами того времени престолъ. Въ 1818 году, по смерти усыновившаго его Карла XIII, онъ мирно вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла Іоанна XIV, и въ 1844 г., въ глубокой старости [1]), окончилъ свою многотрудную жизнь. Основанная имъ династія до сихъ поръ обезпечиваетъ Швеціи ея благосостояніе, спокойствіе, свободу и просвѣщеніе. Иную судьбу испытали прочія государства европейскаго континента.

---

[1]) Бернадотъ родился въ 1764 году.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Періодъ Конституціонныхъ Монархій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РЕСТАВРАЦІЯ.

I. Время отъ 1815 по 1848 годъ можетъ быть названо періодомъ господства конституціонно монархическихъ идей. Политическая система, установленная вѣнскимъ конгрессомъ, и усилія реакціи только на время задержали торжество ихъ и, притомъ, болѣе наружно, чѣмъ въ существѣ. Подъ формами внѣшняго порядка и общаго мира, въ европейскихъ обществахъ неудержимо шло умственное и политическое движеніе, которое не только не было остановлено низверженіемъ Наполеона и французской гегемоніи, но получило новый толчокъ отъ событій 1813—1815 годовъ. Причины этого явленія весьма сложны.

Во-первыхъ, философское и политическое движеніе XVIII столѣтія оставило во всѣхъ государствахъ Европы слѣдъ настолько глубокій, что рѣшительный поворотъ къ „старому порядку" былъ невозможенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, владычество французовъ въ разныхъ странахъ Европы, при всей своей тягости, содѣйствовало распространенію началъ гражданскаго равенства, вѣротерпимости, новыхъ формъ судоустройства и судопроизводства. Если управленіе Наполеона I вызвало всеобщую ненависть къ завоевателю, то ненависть эта не распространялась на идеи и учрежденія, поскольку они были связаны съ началами политической свободы. Въ самой Франціи паденіе „узурпатора" было привѣтствовано какъ предвѣстіе политической свободы, и надежды выдающихся либераловъ, каковы Ройе-Коларъ, Б. Констанъ, Гизо и друг., обратились первоначально къ Бурбонамъ, принесшимъ съ собою конституціонную хартію. Такое же значеніе имѣли начала политической свободы и для другихъ народовъ Европы. Идеи свободы — плодъ просвѣщенія XVIII вѣка—не

могли быть отождествлены ни съ терроромъ конвента, ни съ деспотизмомъ Наполеона I. Напротивъ, паденіе послѣдняго и геройская борьба народовъ за освобожденіе возбуждали общія надежды на осуществленіе началъ свободнаго государственнаго устройства.

Во-вторыхъ, владычество Наполеона разрушило старую систему государствъ, и для двухъ великихъ странъ — Германіи и Италіи — предстояло найти новыя формы политическаго союза. Въ Италіи старый порядокъ былъ возстановленъ волею вѣнскаго конгресса; Германіи дано было новое союзное устройство, не напоминавшее старой имперіи, но и не обезпечивавшее національнаго единства. Такимъ образомъ, въ двухъ странахъ данъ былъ новый толчокъ тому *національному* движенію, которому суждено было не останавливаться, несмотря на всѣ усилія вѣнскаго двора, сдѣлавшагося центромъ реакціи.

Въ-третьихъ, указанныя стремленія къ политической свободѣ и къ національной независимости обострялись репрессивною политикою правительствъ, руководимыхъ вѣнскимъ дворомъ [1]). Идеямъ политической свободы были противопоставлены не только система строгой опеки, подобной правительству Наполеона I, но и злоупотребленія „стараго порядка" во всей ихъ наготѣ, какъ, напримѣръ, въ Испаніи и Неаполѣ. Между людьми, боровшимися съ Наполеономъ и обсуждавшими въ Кадиксѣ конституцію 1812 года, съ одной, и Фердинандомъ VII, возстановившимъ инквизицію, съ другой стороны, не было почвы для соглашенія. Національному движенію была противопоставлена система искусственныхъ государствъ, составленная съ тѣмъ же пренебреженіемъ къ національнымъ интересамъ и достоинству народовъ, съ какимъ Наполеонъ составлялъ, раздѣлялъ, дарилъ и отнималъ подвластныя ему королевства и герцогства.

Направляемое національными и либеральными идеями вѣка, общественное движеніе, совершавшееся главнымъ образомъ въ *среднихъ классахъ*, имѣло по преимуществу *политическій* характеръ. Оно не было еще связано съ соціалистическими требованіями: либеральныя начала господствовали въ экономическихъ ученіяхъ такъ же, какъ и въ ученіяхъ политическихъ; свобода труда и торговли, подчиненная естественнымъ законамъ спроса и предложенія, защищалась экономистами, подобными Сею, такъ же, какъ политическая свобода защищалась Констаномъ. Принципъ народнаго суверенитета не былъ

---

[1]) Кромѣ обширнаго труда Гервинуса, *Исторія XIX вѣка*, подробную характеристику эпохи „Реставраціи" представляетъ трудъ профессора Надлера, *Меттернихъ и европейская реакція*, Харьковъ, 1882. Ср. также мою статью, *Система Меттерниха*, пом. въ *Вѣстникѣ Европы*, №№ 1 и 2 за 1884 годъ (см. *Собраніе сочиненій* А. Д. Градовскаго, III, стр. 545—613).

уже безусловнымъ догматомъ представителей конституціонализма; на первый планъ были выставлены права личной, экономической, религіозной и умственной свободы, коими должны быть ограничены права суверенитета, въ чьихъ бы рукахъ онъ ни находился. Условій свободы искали теперь не въ народовластіи, а въ извѣстномъ раздѣленіи и комбинаціи властей, въ ряду коихъ было отведено важное мѣсто власти *королевской*. Если не въ силу историческихъ преданій, то въ интересахъ равновѣсія властей, королевская власть (какъ, напримѣръ, въ ученіи Констана) облекалась правомъ власти *умѣряющей* и, даже теоретически, получала самостоятельное значеніе.

При этихъ условіяхъ явилась возможность сочетанія началъ историческихъ съ извѣстными принципами 1789 года. Больше того: историческіе элементы, въ понятіяхъ тогдашнихъ конституціоналистовъ, явились однимъ изъ условій обезпеченія политической свободы. Король, назначающій отвѣтственныхъ министровъ, пользующійся правомъ veto, роспуска нижней палаты и назначенія новыхъ членовъ въ верхнюю, есть незыблемая сила, умѣряющая и направляющая дѣйствія другихъ государственныхъ властей. Верхняя палата, составленная изъ наслѣдственныхъ или пожизненныхъ членовъ, независимыхъ и вліятельныхъ, есть противовѣсъ нижней палатѣ и посредникъ между демократическою частью правительства, съ одной, и короною, съ другой стороны. Такимъ образомъ, *конституціонная монархія* явилась для огромнаго большинства тогдашнихъ политическихъ классовъ идеаломъ государственнаго устройства и предметомъ всѣхъ стремленій. Республиканскія идеи, связанныя съ воспоминаніями о 1793 годѣ, надолго отошли на второй планъ. Но и принципы конституціонной монархіи были задержаны въ своемъ развитіи могущественною реакціею 1815 и слѣдующихъ годовъ. Тѣмъ не менѣе, эта государственная форма была установлена во Франціи, которая сохранила свое нравственное вліяніе въ Европѣ, не смотря на полное пораженіе свое въ войну 1813—1814 года.

II. Судьба Франціи, послѣ вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ (31 марта 1814 г.) зависѣла главнымъ образомъ отъ императора Александра I. Онъ пользовался наибольшимъ авторитетомъ между всѣми союзными монархами. Съ другой стороны, онъ смягчилъ для Франціи послѣдствія ея пораженія и не допустилъ до конечнаго раззоренія и разграбленія. Къ вліянію, которое онъ имѣлъ на союзниковъ, присоединилась и популярность его въ парижскомъ населеніи. Взгляды его на будущее устройство Франціи опредѣлились съ первыхъ дней. Если возвращеніе Бурбоновъ было политическою необходимостью, то обезпеченіе французскому народу нѣкоторыхъ пріобрѣтеній революціи было другою, не менѣе настоятельною, по-

требностью. Возстановленіе Бурбоновъ вмѣстѣ съ учрежденіями „стараго порядка" возстановило бы противъ нихъ не только средніе классы, но и крестьянство, освобожденное революціею отъ феодальныхъ повинностей, десятинъ и другихъ тягостей. Императоръ Александръ I, настойчиво боровшійся противъ Наполеона и революціонныхъ началъ, былъ, однако, другомъ *октроированныхъ* хартій; впослѣдствіи онъ самъ далъ конституцію Царству Польскому (1818 г.). Но въ осуществленіи этихъ плановъ встрѣтились важныя затрудненія. Они вытекали изъ общаго положенія вещей. Хартія, которая явилась бы актомъ новаго учредительнаго собранія и имѣла бы характеръ договора между націею и королемъ, означала бы примиреніе Людовика XVIII съ началами революціи, между тѣмъ какъ онъ твердо рѣшился принять корону въ силу наслѣдственныхъ своихъ правъ; возвращеніе Бурбоновъ, безъ предварительныхъ условій, представляло опасности, указанныя выше. Согласіе короля на октроированную хартію было еще сомнительно.

Въ этихъ обстоятельствахъ избранъ былъ образъ дѣйствій, оказавшійся наименѣе удачнымъ. Ближайшій изъ французскихъ совѣтниковъ императора Александра, знаменитый дипломатъ, князь Талейранъ, воспользовался для установленія новаго порядка властью сената, т.-е. наименѣе популярнаго и наиболѣе угодливаго изъ учрежденій Наполеона. Сенатъ, вышедшій теперь изъ летаргическаго сна, назначилъ (1 апрѣля 1814 года) временное правительство, объявилъ (3 апрѣля) о низложеніи Наполеона и его династіи и, затѣмъ, 5—7 апрѣля, разсмотрѣлъ и вотировалъ конституцію.

Не касаясь ея содержанія, укажемъ на три существенные пункта, дѣлавшіе ее невозможною. Во-первыхъ, сенатъ присвоилъ себѣ право учредительной власти; во-вторыхъ, онъ возбудилъ всеобщее негодованіе, введя въ конституцію статью, въ силу которой наличные сенаторы наслѣдственно сохраняли мѣста и содержаніе во второй палатѣ; въ-третьихъ, онъ, какъ бы по изволенію народному, *призывалъ* на престолъ Louis-Xavier Bourbon, т.-е. предлагалъ ему вступить на престолъ предковъ въ силу избранія, тогда какъ реставрація Бурбоновъ могла имѣть смыслъ только во имя ихъ наслѣдственнаго права. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, говоритъ Гизо, „достоинъ и благоразуменъ былъ одинъ образъ дѣйствій: открыто признать монархическое право дома Бурбоновъ и потребовать отъ него открытаго признанія національныхъ правъ, поскольку ихъ требовали положеніе страны и духъ времени. . Вмѣсто этого сенатъ, одновременно упрямый и робкій, желая поставить реставрированную монархію подъ знамя республиканскаго выбора, только вызвалъ деспотическое на-

чало, въ виду начала революціоннаго, и противопоставилъ абсолютному праву народа абсолютное право короля“ [1]).

Но Людовикъ XVIII не думалъ отказываться отъ послѣдняго. Только благодаря настояніямъ императора Александра, онъ, предъ въѣздомъ въ Парижъ, обнародовалъ (2 мая 1814 г.) изъ Сентъ-Уэна прокламацію, въ которой обѣщалъ націи *октроированную* конституцію. Права французской націи явились плодомъ свободнаго пожалованія короля. Обѣщанная конституція была обнародована 4 іюня 1814 г.

Если конституціи 1791 года предшествовала „декларація правъ“, провозглашавшая учредительную власть народа, то конституціи 1814 г. предшествовало введеніе, содержавшее въ себѣ декларацію божественнаго права королевской власти. „Божественное Провидѣніе“, говорилось здѣсь, „призвавшее насъ *послѣ долгаго отсутствія* въ наше государство, возложило на насъ великія обязанности. Миръ былъ первою потребностью нашихъ подданныхъ; мы неустанно занялись имъ: этотъ миръ, столь необходимый для Франціи такъ же, какъ и для Европы, подписанъ. Конституціонная хартія требовалась современнымъ состояніемъ государства: мы ее обѣщали и нынѣ обнародуемъ. Мы приняли въ соображеніе, *что, хотя вся полнота власти сосредоточивается во Франціи въ особѣ короля*. наши предшественники, не колеблясь, измѣняли ея *отправленіе* (exercice), согласно различію времени; что общины обязаны своимъ освобожденіемъ Людовику Толстому, подтвержденіемъ и расширеніемъ своихъ правъ Людовику Святому и Филиппу Красивому; что судебный порядокъ установленъ и развитъ законами Людовика XI, Генриха II и Карла IX; наконецъ, что Людовикъ XIV устроилъ почти всѣ части управленія разными ордоннансами, которыхъ мудрость еще ничто не превзошло“.

Такимъ образомъ, и „конституціонная хартія“ являлась плодомъ той же власти, которая нѣкогда, въ лицѣ Людовика XIV, благоустрояла „почти всѣ части правленія“. Сравненіе шло еще дальше: „мы“, говорилось во введеніи, „*замѣнили* палатою депутатовъ старинныя мартовскія и майскія поля (!) и палаты „трехъ сословій“. Эти историческія ссылки являются основаніемъ къ слѣдующимъ заключительнымъ словамъ введенія:

„По этимъ причинамъ, мы, добровольно и свободнымъ дѣйствіемъ нашей королевской власти, даровали и даруемъ, уступаемъ и жалуемъ (fait concession et octroi) нашимъ подданнымъ, какъ за насъ,

---

[1]) *Mémoires*, etc. I, стр. 33.

такъ и за преемниковъ нашихъ, нижеслѣдующую конституціонную, хартію".

Однако, хартія содержала въ себѣ признаніе важныхъ правъ, добытыхъ революціею. Первый ея отдѣлъ (ст. 1—12) содержитъ въ себѣ „публичное право французовъ" — иначе говоря, ихъ личныя и общественныя права. Постановленія этого отдѣла освящаютъ *равенство* всѣхъ французовъ предъ закономъ, установляютъ равную для всѣхъ обязанность участвовать въ финансовыхъ тягостяхъ, допускаютъ всѣхъ одинаково къ занятію гражданскихъ и военныхъ должностей [1]). Ст. 4 обезпечиваетъ личную свободу; ст. 5—свободу исповѣданій, съ тѣмъ, что только католическая вѣра признается государственною; однако, и это ограниченіе не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ служители *всѣхъ* христіанскихъ исповѣданій получаютъ содержаніе отъ государства. Ст. 8 провозглашаетъ свободу печати, ст. 9 — неприкосновенность собственности, гарантированную и для пріобрѣтателей бывшихъ національныхъ имуществъ. Начала гражданскаго равенства не видоизмѣнялись, вслѣдствіе признанія и возстановленія *титуловъ*, какъ чисто *почетныхъ* наименованій. Хартія дозволила старому дворянству принять свои титулы, а новому (т.-е. пожалованному Наполеономъ) сохранить свои.

Государственное устройство основано на началахъ монархическихъ. Король (ст. 14) объявляется верховнымъ главою (chef suprême) государства. Онъ начальствуетъ всѣми вооруженными силами, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, договоры союзные и торговые, назначаетъ на всѣ должности и издаетъ *всѣ распоряженія и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства*. Эта часть 14 статьи имѣла, какъ мы увидимъ ниже, роковое значеніе для наслѣдника Людовика XVIII.

Король отправляетъ свою власть при участіи палатъ и чрезъ отвѣтственныхъ министровъ. Законодательная власть отправляется при участіи палатъ. Право инициативы принадлежитъ королю, съ тѣмъ, что палатамъ предоставляется *ходатайствовать* (supplier) предъ королемъ о внесеніи законопроекта, признаннаго ими необходимымъ. Никакая *поправка* не можетъ быть сдѣлана въ законопроектѣ безъ согласія короля. Королю принадлежитъ право санкціи и обнародованія законовъ.

Онъ облеченъ правомъ созывать палаты, но обязанъ собирать ихъ ежегодно; онъ можетъ распустить палату депутатовъ, но долженъ созвать новую въ теченіе 3 мѣсяцевъ.

Народное представительство установлено въ видѣ *двухъ* палатъ.

---

1) Ст. 1—3.

Палата пэровъ составлена изъ лицъ, пожалованныхъ этимъ званіемъ королемъ, которому предоставлялось жаловать его наслѣдственно или пожизненно. Принцы крови засѣдали въ палатѣ пэровъ по праву. Сверхъ законодательныхъ функцій ей предоставлено право суда надъ министрами, собственными членами и государственными преступниками. Палата „депутатовъ отъ департаментовъ“ образована изъ представителей, избранныхъ по департаментамъ, на пять лѣтъ съ частичнымъ возобновленіемъ по $^1/_5$ ежегодно. Право избранія (активное право) предоставлено лицамъ, достигшимъ 30-лѣтняго возраста и платящимъ не менѣе 300 фр. прямыхъ налоговъ.

Право быть избраннымъ (пассивное право) предоставлялось лицамъ, достигшимъ 40-лѣтняго возраста и платящимъ 1000 фр. прямыхъ налоговъ. Президентъ палаты назначался королемъ изъ числа 5 кандидатовъ, представленныхъ палатой. Послѣдней предоставлялись преимущества въ разсмотрѣніи финансовыхъ законовъ; всякій законопроектъ, касавшійся налоговъ, вносился предварительно въ палату депутатовъ. Поземельные налоги вотируются на одинъ годъ; косвенные могутъ быть вотированы на нѣсколько лѣтъ.

Министерство приведено въ органическую связь съ палатами въ силу правила (ст. 54), дозволявшаго пэрамъ и депутатамъ занимать министерскія мѣста. Во всякомъ случаѣ, министрамъ данъ доступъ въ засѣданія палатъ, съ правомъ быть выслушанными во всякое время. Вмѣстѣ съ тѣмъ палатѣ депутатовъ предоставлено право (по рѣдкимъ, впрочемъ, поводамъ) возбуждать обвиненія противъ министровъ и предавать ихъ суду пэровъ.

Судоустройство сохранено въ видѣ, установленномъ имперіею. Судьи объявлены несмѣняемыми. Въ видахъ огражденія личной свободы, постановлено, что никто не можетъ быть изъятъ изъ вѣдѣнія своихъ естественныхъ судей; соотвѣтственно этому, конституція воспрещала учрежденіе чрезвычайныхъ судилищъ, за исключеніемъ судовъ превотальныхъ [1]), „если возстановленіе ихъ будетъ признано необходимымъ“ [2]).

Наконецъ, конституція требовала, чтобы король и его наслѣдники при коронаціи, клялись „вѣрно соблюдать конституціонную хартію“.

Этого одного постановленія было достаточно для сообщенія конституціи, „октроированной“ Людовикомъ XVIII, характера *договора*, мысли о которомъ король такъ тщательно избѣгалъ во введеніи. Можетъ быть, для судебъ Франціи и дома Бурбоновъ было бы лучше, если бы „договоръ“ этотъ былъ заключенъ откровенно и со-

---

1) Т.-е. военныхъ.

2) Весьма скоро оно оказалось необходимымъ.

блюдался съ точностью. Достоинство хартіи выиграло бы отъ такой откровенности тѣмъ болѣе, что по содержанію своему она удовлетворяла началамъ представительнаго правленія гораздо больше, не только „конституцій“ Наполеона, но и устава 1791 года.

Судьба государства зависѣла теперь отъ того, насколько „хартія будетъ истиною“, какъ выразился впослѣдствіи Людовикъ-Филиппъ.

III. Хартія, октроированная Людовикомъ XVIII, представляла попытку наружнаго, по крайней мѣрѣ, примиренія революціонныхъ началъ съ историческими учрежденіями страны. Конституціонализмъ, бывшій въ 1791 году плодомъ революціи, теперь былъ освященъ хартіею, данною свободнымъ изволеніемъ короля. Сверхъ того, она октроировала націи такія права и такую долю участія въ управленіи, которыя и практически могли быть согласованы съ началами монархическими. Въ этомъ видѣ конституціонализмъ для другихъ народовъ Европы былъ заманчивѣе учрежденій революціонной Франціи. Въ Европѣ, послѣ потрясеній, произведенныхъ революціею и имперіею, возродилась сила преданія, симпатіи къ прошлому. Романтизмъ въ поэзіи, историческое направленіе въ наукѣ выражали новое міросозерцаніе. Средніе вѣка, бывшіе для раціоналистовъ XVIII вѣка временемъ варварства и „попранія человѣческихъ правъ“, сдѣлались теперь временемъ процвѣтанія національной свободы. Умъ и воображеніе обратились къ „лѣсамъ Германіи“, въ которыхъ Монтескьё искалъ зачатковъ свободныхъ учрежденій. Въ созерцаніи прошедшихъ вѣковъ новыя поколѣнія искали опоры своимъ національнымъ стремленіямъ. Свобода представлялась исконнымъ достояніемъ народа, но содержаніе этой свободы опредѣлялось не революціонными началами, а преданіями, согласовавшими свободу народовъ съ силою королевской власти, какъ установленія національнаго. Романтизмъ и историческое направленіе, мечты, воодушевлявшія молодыя поколѣнія, были еще не ясны и представляли много оттѣнковъ, нерѣдко радикальныхъ. Но многіе перевороты были бы предупреждены, и политическое развитіе Европы пошло бы болѣе нормальнымъ путемъ, если бы правительства, установившіяся послѣ 1815 года, искали указаній для своей дѣятельности въ этомъ направленіи вѣка, а не въ принципахъ чистыхъ контръ-революціонеровъ —Бональда, де-Местра, Галлера, Генца—и въ программѣ первенствующаго министра Австріи, князя Меттерниха.

Ближайшее направленіе въ европейской политикѣ зависѣло отъ собранія государей и дипломатовъ, собравшихся въ Вѣнѣ (1814) для установленія новаго порядка[1]). Не говоря о борьбѣ партій

[1]) Представителями первенствующихъ европейскихъ державъ на вѣнскомъ конгрессѣ были:

изъ за интересовъ своекорыстныхъ, которая едва не довела до новой войны, если бы извѣстіе о высадкѣ Наполеона во Францію (1 марта 1815 г.) не заставило державы дѣйствовать дружно, можно указать на два главныхъ направленія въ конгрессѣ. Съ одной стороны, идеи умѣренныя и благопріятныя внутренней свободѣ находили поддержку въ императорѣ Александрѣ, пользовавшемся совѣтами знаменитаго Штейна. Послѣдній былъ представителемъ и дѣятелемъ великой для Пруссіи эпохи, открывшейся послѣ Іенскаго погрома (14 октября 1806 г.). Раздавленная и обезсиленная завоевателемъ, Пруссія искала своего спасенія во внутреннихъ преобразованіяхъ, руководителемъ которыхъ былъ Штейнъ (съ 1807 г.). Смѣлый и разумный реформаторъ сдѣлался, наконецъ, подозрителенъ Наполеону, преслѣдованія котораго принудили его бѣжать въ Россію, подъ покровительство Александра I. Но дѣло его не погибло. Въ Пруссіи оно осталось въ рукахъ его единомышленниковъ—князя Гарденберга, В. Гумбольдта и Альтенштейна; въ Россіи онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Александра I, при помощи котораго онъ служилъ общему своему отечеству—Германіи. На вѣнскомъ конгрессѣ уполномоченными отъ Пруссіи явились Гарденбергъ и знаменитый В. Гумбольдтъ[1]), извѣстный своими либеральными убѣжденіями. Существенными пунктами программы Штейна явились: 1) обезпеченіе посредствомъ сильной союзной власти нѣкоторыхъ основныхъ правъ (Grundrechte) всему германскому народу и точно опредѣленныхъ правъ народнаго представительства (Landstände); 2) обезпеченіе возможно большаго единства Германіи чрезъ ограниченіе правъ отдѣльныхъ (партикулярныхъ) правительствъ. Многое обѣщало успѣха идеямъ Штейна, по крайней мѣрѣ для Германіи. Прибывъ вмѣстѣ съ русскимъ императоромъ на вѣнскій конгрессъ и пользуясь его поддержкой, баронъ Штейнъ пріобрѣлъ такое вліяніе, что его стали называть „шестой великой державой". Но, несмотря на это, текущія событія скоро выдвинули человѣка, который отъ паденія Наполеона до французской революціи 1848 г. давалъ тонъ европейской политикѣ. Это былъ князь Меттернихъ (1773—1859 г.). Штейнъ былъ

Отъ Англіи—Веллингтонъ и Кэсльре.
„ Австріи—Меттернихъ.
„ Пруссіи—Гарденбергъ и В. Гумбольдтъ.
„ Россіи—Разумовскій, Штакельбергъ, Каподистрія и Нессельроде.
„ Франціи—Талейранъ и Дальбергъ.

Дѣлопроизводителемъ конгресса былъ Генцъ. Особое по своему значенію мѣсто занималъ баронъ Штейнъ, хотя онъ и не былъ уполномоченнымъ какой либо державы.

[1]) Братъ Александра Гумбольдта. Род. въ 1767 г., ум. въ 1835 г.

министромъ государства, которое изъ своего пораженія извлекло указаніе на необходимость внутреннихъ преобразованій. Меттернихъ былъ министромъ державы, которая всѣмъ внѣшнимъ переворотамъ противопоставляла свою косность (за исключеніемъ короткаго періода управленія Стадіона), а теперь сдѣлалась оплотомъ европейской реакціи. Сначала министръ иностранныхъ дѣлъ австрійской монархіи (1809), затѣмъ канцлеръ и самое приближенное лицо австрійскаго императора Франца I, онъ пережилъ всю эпоху войнъ революціи и имперіи. Основаніемъ его политики являлись мотивы, которые, по внѣшней оцѣнкѣ тогдашнихъ обстоятельствъ, могутъ быть признаны правильными. Конечною цѣлью всего переустройства Европы, которое онъ предлагалъ, являлся „миръ", въ которомъ Европа дѣйствительно нуждалась. Для того же, чтобы всюду былъ водворенъ миръ, князь Меттернихъ провозглашалъ необходимость противодѣйствія двумъ элементамъ, которые въ теченіе всего прошлаго періода являлись главными причинами европейскихъ войнъ. Эти два элемента суть революція и завоевательныя стремленія. Они, по его мнѣнію, тѣсно связаны другъ съ другомъ. И, дѣйствительно, опытъ недавней европейской исторіи подтверждалъ это. Всякая революція, говорилъ онъ, ведетъ къ войнѣ, а война—въ свою очередь—къ внутреннимъ переворотамъ. Поэтому, всякій государственный человѣкъ, если только онъ хочетъ порядка, долженъ, насколько только возможно, противодѣйствовать одинаково тому и другому элементу. Эта цѣль вытекала изъ тогдашняго положенія вещей. Но для достиженія ея необходимо было удовлетворить нѣкоторымъ законнымъ потребностямъ и стремленіямъ народовъ, въ противномъ же случаѣ они дѣлались зернами будущихъ революцій и войнъ. Къ сожалѣнію, нужды народовъ не были приняты въ расчетъ. Дипломаты вѣнскаго конгресса имѣли въ виду обезпеченіе внѣшняго мира, наружной тишины, а не мира, основаннаго на удовлетвореніи законныхъ интересовъ. Средствомъ осуществленія ихъ цѣли явилось возможно большее возстановленіе стараго порядка. Лозунгомъ этихъ стремленій является слово, изобрѣтенное Талейраномъ, la légitimité [1]). Слово légitimité нельзя передать словомъ „законность", потому что оно означало совокупность, такъ сказать, историческихъ правъ, въ противоположность революціоннымъ началамъ [2]). Возстановленіе этихъ историче-

---

[1]) Талейранъ былъ членомъ учредительнаго собранія 89-го года, опередилъ здѣсь весьма многихъ по части революціонныхъ идей, сбросилъ съ себя одежду епископа, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ, затѣмъ предалъ его и явился на вѣнскій конгрессъ по порученію уже Людовика XVIII.

[2]) Подробное изслѣдованіе этого начала представляетъ сочиненіе Фр. Брокгауза (Brockhaus), *Das Legitimitätsprinzip*, Lpz. 1868. Полезно также соч. проф.

скихъ правъ есть первая задача, которую старался разрѣшить вѣнскій конгрессъ. Вторымъ началомъ, руководившимъ конгрессомъ при новомъ распредѣленіи европейской территоріи, было начало *политическаго равновѣсія*, требовавшее такой комбинаціи государствъ, при которой ни одна держава не могла бы захватить гегемоніи въ Европѣ (подобно французской имперіи). Этимъ международнымъ началамъ должны соотвѣтствовать и принципы внутренняго управленія. Второе средство для осуществленія указанной общей цѣли, на которомъ особенно настаиваетъ Меттернихъ (въ запискѣ, поданной имъ императору Александру въ 1820 г.), состоитъ въ устойчивости, въ рѣшимости не заводить ничего новаго, удерживать, по возможности, все существующее, избѣгать всякихъ нововведеній, хотя бы они вызывались потребностями жизни, для того, чтобы нельзя было подумать, что правительство вынуждено къ этому духомъ времени. Но для того, чтобы всѣ европейскія государства дѣйствовали согласно съ этимъ принципомъ, чтобы и правительства не склонялись къ нововведеніямъ, и народы не вынуждали ихъ къ тому своими требованіями, оказалось необходимымъ начало *вмѣшательства*, въ силу котораго первенствующія державы признали за собою право охраненія европейскаго мира, путемъ дипломатическаго и военнаго вмѣшательства въ дѣла тѣхъ государствъ, гдѣ происходили событія, дающія поводъ къ перевороту или войнѣ. Эта программа должна была осуществиться, какъ въ актахъ вѣнскаго конгресса, такъ и въ дѣйствіяхъ священнаго союза, основаннаго Россіею, Австріею и Пруссіею, и, наконецъ, въ политикѣ Меттерниха, который руководилъ всѣми дѣлами Европы въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ (1815—1848 г.).

Но, несмотря на провозглашеніе начала легитимности, вѣнскій конгрессъ долженъ былъ признать извѣстные факты совершившимися и самъ создать нѣсколько новыхъ фактовъ. Иначе быть не могло. Старая германская имперія, въ виду фактическихъ перемѣнъ, совершившихся при Наполеонѣ, не воскресла; мѣсто ея заняло новое государство: тридцать восемь мелкихъ и крупныхъ государствъ соединились въ извѣстный германскій союзъ (1815 г.). Нѣсколько ближе къ началу легитимности устроена Италія. Австрія, взамѣнъ австрійскихъ Нидерландовъ, получила двѣ богатыя итальянскія провинціи—Венецію и Ломбардію—и утвердилась на сѣверѣ Италіи. Папѣ, послѣ освобожденія его отъ французскаго плѣна, возстанавливается свѣтская власть, и онъ дѣлается попрежнему самостоятель-

---

Даневскаго, *Системы политическаго равновѣсія и легитимизма* и. т. д., СПБ. 1882.

нымъ государемъ въ Римѣ. Прочія государства Италіи получаютъ владѣтелей изъ австрійскаго дома: близкій родственникъ австрійскаго дома, Францъ IV, получилъ моденское герцогство, а братъ императора—тосканское; дочь Франца I-го, Марія-Луиза (жена Наполеона I) сдѣлалась правительницей герцогства пармскаго; Неаполь былъ возстановленъ Фердинанду IV-му, который, явившись туда, провозгласилъ соединеніе двухъ частей этого королевства—Сициліи и Неаполя — и сталъ править въ королевствѣ обѣихъ Сицилій подъ именемъ Фердинанда I-го. Испанію получилъ Фердинандъ VII; Португалія возстановлена Браганцкому дому, въ лицѣ Іоанна VI Повидимому, начала легитимности восторжествовали. Но для другихъ странъ установлены новыя комбинаціи. Для того, чтобы сдерживать Францію на сѣверѣ, необходимо было учредить новое особое государство, болѣе или менѣе сильное; для этой цѣли австрійскіе Нидерланды соединяются съ Голландіей и получаютъ общегосударственное устройство. Голландія, возстановленная Оранскому дому, получила отъ короля Вильгельма Фридриха конституцію (28 марта 1814 г.). Получивъ, по парижскому трактату (30 мая 1814 г.) Бельгію, король распространилъ измѣненную конституцію и на эту страну, хотя собраніе бельгійскихъ нотаблей отвергло ее (24 августа 1815 г.). Насильственно соединенная страна ждала времени своего освобожденія. На югѣ Франціи королевство сардинское, возстановленное Виктору Эммануилу, усиливается возсоединеніемъ Савойи и Генуи. Этимъ создаются какъ бы нѣкоторые форпосты для огражденія Италіи отъ вторженія Франціи. Даніи, сверхъ подтвержденія ея правъ на герцогство Шлезвигъ и Гольштейнъ, предположено было отдать Шведскую Померанію въ вознагражденіе за утраченную Норвегію. Но, вмѣсто того, Померанія была отдана Пруссіи, а Данія получила небольшое герцогство Лауэнбургъ и милліонъ талеровъ. Швейцаріи былъ обезпеченъ вѣчный нейтралитетъ, территорія ея увеличена тремя новыми кантонами, медіаціонный актъ отмѣненъ и аристократической реставраціи открыто широкое поприще. Такимъ образомъ, эта система государствъ представляла значительныя новости, сравнительно, конечно, съ порядкомъ, существовавшимъ до революціи. Современникъ Іосифа II не узналъ бы Европы, вышедшей изъ актовъ вѣнскаго конгресса. Оставалось примѣнить общія начала къ частностямъ: цѣлямъ европейскаго мира и территоріальнымъ измѣненіямъ долженъ былъ соотвѣтствовать и внутренній политическій бытъ каждаго отдѣльнаго государства.

IV. Мы уже выдѣли раньше, что учрежденія германской имперіи настолько уже успѣли выродиться, что при первомъ столкновеніи съ французской республикой она рушилась. Возстановить ее

въ прежнемъ видѣ было невозможно. Но вопросъ о бо̀льшемъ или меньшемъ политическомъ единствѣ Германіи представлялся чрезвычайно важнымъ для всѣхъ германскихъ патріотовъ въ виду того горькаго опыта, что политика раздѣленной Германіи привела ее къ положенію, въ которомъ она находилась при Наполеонѣ. Нужно было поэтому сплотить всѣ ея разрозненныя части, составить изъ нихъ одно цѣлое для отраженія внѣшняго нападенія и обезпеченія безопасности. Затѣмъ, внутреннее управленіе въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ выродилось до того, что лучшіе германскіе умы изливали горькія жалобы на злоупотребленія, произволъ и т. п. явленія, которыя Штейнъ обозначалъ общимъ именемъ „султаната". Однако, широкіе планы Штейна относительно преобразованія Германіи, и по недостаточной ихъ опредѣленности, и по противодѣйствію другихъ государствъ, не могли осуществиться. Дѣло устройства Германіи досталось въ руки Меттерниха, восторжествовавшаго особенно послѣ того, какъ возвращеніе Наполеона произвело всеобщую панику и побудило конгрессъ торопиться съ работой.

Союзное устройство Германіи было опредѣлено актомъ 1815 года и затѣмъ довершено постановленіями „вѣнскаго заключительнаго акта" 1820 года, составленнаго подъ вліяніемъ торжествовавшей реакціи, усиленной убійствомъ Коцебу фанатикомъ Зандомъ (1819).

Германскій союзъ былъ соединеніемъ извѣстнаго числа *независимыхъ* государствъ *для внѣшней и внутренней безопасности*. Установленный для сохраненія внѣшней и внутренней безопасности—задачи отрицательной,—союзъ не могъ взять на себя обезпеченія, общими средствами, условій общаго благосостоянія, духовнаго и экономическаго прогресса всего германскаго народа. Осуществленіе задачъ этого рода совершалось помимо союза, по иниціативѣ и добровольному соглашенію отдѣльныхъ государствъ. Таково учрежденіе таможеннаго союза [1]). Притомъ въ данномъ случаѣ, понятіе безопасности должно принимать въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Какъ союзный актъ, такъ и заключительный актъ подъ именемъ безопасности разумѣютъ огражденіе Германіи отъ внѣшняго нападенія и сохраненіе внѣшняго мира между отдѣльными государствами союза. Въ рѣдкихъ случаяхъ союзъ могъ принимать мѣры для сохраненія спокойствія внутри отдѣльныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого союзъ былъ конфедераціей даже не международною, а междуправительственною.

Союзъ состоялъ изъ опредѣленнаго числа независимыхъ государствъ, владѣнія которыхъ были расположены въ предѣлахъ гер-

---

[1]) Zollverein, см. ниже.

манской территоріи. Такихъ государствъ первоначально было 38, а впослѣдствіи 35 [1]). Германская территорія распредѣлена между этими отдѣльными владѣніями чрезвычайно неравномѣрно. Трудно было установить какую нибудь соразмѣрность между нѣмецкими владѣніями Австріи и Пруссіи, съ одной стороны, и территоріей мелкихъ герцогствъ и княжествъ, съ другой. Если прибавить къ этому, что главные члены союза имѣли еще и обширныя владѣнія, непринадлежавшія къ составу германской территоріи, то эта несоразмѣрность увеличится еще больше. Отсюда понятно, что далеко не всѣ члены союза желали и могли отождествить свои частные интересы съ интересами союза.

Къ числу такихъ государствъ, кромѣ Голландіи [2]) и Даніи [3]), принадлежали именно сильнѣйшія державы союза—Австрія и Пруссія. Онѣ являлись не только сильнѣйшими членами германскаго союза, но первоклассными державами въ европейскомъ междуна-

---

[1]) См. статью 6 союзнаго акта. Независимость нѣкоторыхъ государствъ, пользовавшихся ею въ моментъ созванія вѣнскаго конгресса, не была признана, именно—герцогства Аремберга, княжествъ Изенбурга и Лейена и графства Бентинка. Засимъ, въ 1815 году, вошли въ составъ союза: 1) Австрія, 2) Пруссія, 3) Баварія, 4) Саксонія, 5) Ганноверъ, 6) Виртембергъ, 7) Баденъ, 8) Кургессенъ, 9) великое герцогство Гессенское, 10) Гольштейнъ, 11) Люксембургъ, 12) Брауншвейгъ, 13) Мекленбургъ-Шверинъ, 14) Нассау, 15—19) герцогства: Саксенъ-Веймаръ, -Гота,-Кобургъ,-Мейнингенъ,-Гильдбурггаузенъ, 20) Мекленбургъ-Стрелицъ, 21) Гольштейнъ-Ольденбургъ, 22—24) Ангальтъ-Дессау,-Бернбургъ и-Кётенъ, 25—26) Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и-Рудольфштадтъ, 27) Гогенцоллернъ-Гёхингенъ, 28) Лихтенштейнъ, 29) Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, 30) Вальдекъ, 31—32) Рейссъ старшей линіи и Рейссъ младшей линіи, 33) Шаумбургъ-Липпе, 34) Липпе, 35—38) вольные города: Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Бременъ и Гамбургъ. Впослѣдствіи сократились: Саксенъ-Гота (№ 16, въ 1825 году), два Гогенцоллерна (№№ 27 и 29, въ 1849 году) и Ангальтъ-Кётенъ, присоединенный къ Ангальтъ-Дессау (№ 24, въ 1847 году). Но въ 1817 году въ составъ союза вступилъ Гессенъ-Гомбургъ. Въ 1866 году союзъ состоялъ изъ 35 членовъ. Изъ нихъ:

1 имперія (Австрія).

5 королевствъ (Пруссія, Саксонія, Баварія, Ганноверъ, Виртембергъ).

1 курфирщество (Гессенъ).

7 великихъ герцогствъ (Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Люксембургъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксенъ-Веймаръ, Ольденбургъ, Мекленбургъ-Стрелицъ).

8 герцогствъ (Гольштейнъ-Лауэнбургъ, Брауншвейгъ, Нассау, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Мейнингенъ-Гильдбурггаузенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Ангальтъ-Дессау-Кётенъ, Ангальтъ-Бернбургъ).

8 княжествъ (Шварцбургъ-Рудольфштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, два Рейсса, Лихтенштейнъ, Вальдекъ, Шаумбургъ-Липпе и Липпе).

1 ландграфство (Гессенъ-Гомбургъ).

4 вольные города.

[2]) Бывшей членомъ союза за Люксембургъ и Лимбургъ.

[3]) Бывшей членомъ союза за Гольштейнъ и Лауэнбургъ.

родномъ союзѣ, съ своими самостоятельными интересами, своимъ призваніемъ и традиціонной политикой, которыя не всегда могли быть отождествлены съ интересами германскаго союза и, тѣмъ болѣе, принесены имъ въ жертву.

Союзная конституція не учредила центральной власти, которая стояла бы *выше* правительствъ отдѣльныхъ государствъ и имѣла бы извѣстныя *непосредственныя* отношенія ко всей массѣ народонаселенія Германіи. *Субъектомъ* союзной власти являлись *сами союзныя правительства*, вступавшія другъ съ другомъ въ соглашеніе чрезъ своихъ уполномоченныхъ на сеймѣ. Каждый изъ этихъ уполномоченныхъ не только de facto, но и de jure представлялъ интересы только своего правительства, инструкціями котораго онъ былъ связанъ. Это прямо противорѣчило идеѣ общаго представительства, въ которомъ депутаты отдѣльныхъ частей цѣлаго представляютъ не эти части, а всю націю, и потому не могутъ быть связаны какими либо инструкціями. Конечно, о примѣненіи началъ дѣйствительнаго представительства къ германскому союзу не могло быть и рѣчи, потому что конституція не допускала главнаго его условія—народнаго представительства, которое бы выражало волю всей націи въ противоположность партикуляристическому составу сейма.

Характеромъ субъекта союзной власти опредѣлялся и ея объектъ, или, лучше сказать, отсутствіе этого объекта. Сеймъ не имѣлъ и не могъ имѣть правъ, отдѣльныхъ отъ правъ каждаго правительства, и которыми онъ могъ бы пользоваться независимо отъ нихъ, обращая свои требованія непосредственно ко всей массѣ германскаго народа. Въ этомъ отношеніи новое союзное правительство было поставлено въ условія, невыгодныя даже сравнительно съ старою имперіей. Имперское правительство, во всякомъ случаѣ, имѣло разныя прерогативы предъ мѣстными властями. Оно имѣло въ отдѣльныхъ земляхъ разныя непосредственныя права; въ другихъ отношеніяхъ, его власть соперничала съ властями мѣстными. Союзный сеймъ не имѣлъ ни территоріальнаго верховенства, ни малѣйшей доли общенароднаго главенства.

Правда, союзъ былъ объявленъ учрежденіемъ непреходящимъ и неразрывнымъ; отдѣльный членъ не могъ отложиться отъ него по своей волѣ [1]). Слѣдовательно, территорія союза объявлялась нераздѣльнымъ цѣлымъ. Но статья 5 заключительнаго акта установляла только международную цѣльность территоріи; изъ нея не возникало

---

[1]) Закл. актъ 1820 г., ст. 5. Der Bund ist als ein unauflöslicher Verein gegründet, und es kann daher der Austritt aus diesem Verein keinem Mitgliede desselben frei stehen.

никакихъ правъ территоріальнаго верховенства для союзной власти. Масса германскаго народонаселенія не пользовалась никакими общими правами, обезпеченными непосредственно союзною властью, и не имѣла никакихъ обязанностей непосредственно же по отношенію къ союзу. По началамъ конституціи, германскій народъ не былъ однимъ политическимъ цѣлымъ, организованнымъ на основахъ извѣстныхъ общеподданническихъ обязанностей и общности нѣкоторыхъ правъ.

Германскій сеймъ былъ *органомъ* союзной власти, субъектами которой являлись отдѣльныя государства. Поэтому онъ состоялъ изъ *уполномоченныхъ* отъ государствъ, дѣйствовавшихъ по инструкціямъ своихъ правительствъ и подъ условіемъ отвѣтственности предъ сими послѣдними. Сеймъ можно, слѣдовательно, назвать *постояннымъ конгрессомъ* германскихъ государствъ [1]). Мѣстопребываніемъ его былъ Франкфуртъ-на-Майнѣ [2]).

Устройство сейма опредѣлялось въ подробностяхъ: а) юридическимъ отношеніемъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ между собою и б) юридическимъ положеніемъ самого сейма.

Союзный актъ призналъ, и заключительный актъ подтвердилъ начало *равенства* германскихъ государствъ [3]) въ томъ смыслѣ, что всѣ они одинаково независимы и всѣ имѣютъ право на участіе въ союзномъ управленіи. Но *степень* этого участія не была и не могла быть одинакова для всѣхъ государствъ, принимая во вниманіе ихъ различную величину, а слѣдовательно, и различный объемъ представляемыхъ ими интересовъ.

По плану, предложенному въ 1815 году Австріей, совмѣстно съ Пруссіей [4]), государства, признанныя членами союза, раздѣлялись на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ получали самостоятельный голосъ на сеймѣ (Virilstimme); другія (мелкія) государства для образованія полнаго голоса соединялись между собою (Gesammt- или Curiatstimmen). Самостоятельные голоса даны 11 государствамъ; прочія составили 6 собирательныхъ голосовъ. Такимъ образомъ, въ обыкновенныхъ рѣшеніяхъ сейма принимали участіе 17 голосовъ. Но мелкія государства и вольные города нашли, что ихъ независимость недостаточно обезпечена этою мѣрою вліянія на общія дѣла. Могли ли 6 предо-

---

[1]) Считаемъ лишнимъ объяснять, что подъ именемъ **конгресса** мы разумѣемъ установленіе *международнаго* характера, то-есть собраніе уполномоченныхъ нѣсколькихъ независимыхъ державъ.

[2]) Союзный актъ, ст. 9.

[3]) Союзный актъ, ст. 3: Alle Bundesglieder haben als solche gleiche Rechte. Ср. закл. актъ, ст. 1 и 2.

[4]) Когда послѣдняя приняла уже систему Меттерниха.

ставленныхъ имъ голосовъ противостоять намѣреніямъ 11 полноправныхъ державъ, неуваженіе которыхъ къ правамъ слабѣйшихъ ясно обнаружилось во время разгрома старой имперіи—въ поглощеніи однихъ и медіатизаціи другихъ? Протестъ князей и вольныхъ городовъ былъ представленъ 25 мая 1815 года и имѣлъ успѣхъ. Постановлено было рѣшеніе дѣлъ исключительной важности предоставить особому собранію сейма, въ которомъ каждое государство имѣло бы не менѣе одного самостоятельнаго голоса (Virilstimme); но зато главныя государства получали здѣсь по нѣскольку голосовъ, во всякомъ случаѣ не болѣе четырехъ. Такъ установилось различіе между двумя *формами засѣданій* сейма и двумя способами постановляемыхъ въ немъ опредѣленій — совѣтомъ тѣснымъ (engerer Rath) и полнымъ собраніемъ (Plenum). Они признаны какъ союзнымъ, такъ и заключительнымъ актами. Plenum и тѣсный совѣтъ не были двумя различными установленіями. На основаніи статьи 6 союзнаго акта, тѣсный совѣтъ *обращался* въ Plenum для принятія рѣшенія по нѣкоторымъ дѣламъ особой важности. Сюда относились: 1) измѣненіе основныхъ законовъ, изданіе новыхъ постановленій, принятіе въ союзъ новыхъ членовъ, учрежденіе новыхъ союзныхъ установленій (Organische Einrichtungen, das heisst, bleibende Anstalten, als Mittel zur Erfüllung der ausgesprochenen Bundeszwecke); эти вопросы требовали *единогласнаго* рѣшенія; 2) объявленіе войны, заключеніе мирныхъ договоровъ отъ имени союза; эти вопросы надлежало рѣшать большинствомъ $^2/_3$ голосовъ [1]). Въ Plenum'ѣ не происходило преній, всѣ пренія заканчивались въ тѣсномъ совѣтѣ и поступали въ Plenum единственно для голосованія [2]). Въ такомъ видѣ Plenum являлся только условіемъ ограниченія того преобладанія, какое въ тѣсномъ совѣтѣ имѣли 11 большихъ государствъ. Учрежденіе его выражало слѣдующую мысль: ни одно существенно важное измѣненіе въ союзѣ не можетъ произойти въ немъ безъ согласія или всѣхъ его членовъ, или большинства $^2/_3$ голосовъ. Самое учрежденіе служило цѣлямъ довольно крайняго партикуляризма. Настоятельно необходимыя измѣненія въ конституціи, проекты полезнѣйшихъ установленій союзной администраціи, проекты, одобренные Пруссіей, Австріей, Баваріей, Виртембергомъ, Баденомъ и огромнымъ большинствомъ прочихъ державъ въ „тѣсномъ совѣтѣ", могли не пройти въ случаѣ несогласія Вальдека или Лихтенштейна.

---

[1]) См. ст. 12 и 13 закл. акта.

[2]) Тамъ же, ст. 12: ...Im Plenum findet keine Erörterung, noch Berathung statt, sondern es wird nur darüber abgestimmt, ob ein im engeren Rathe vorbereiteter Beschluss angenommen oder verworfen werden soll.

Отсюда само собою понятно, что союзная конституція не допускала никакого серьезнаго улучшенія и дальнѣйшаго развитія, требуемаго условіями времени. Даже рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, требующихъ иногда быстроты и рѣшительности, было обставлено такъ, что главныя государства Германіи, вмѣстѣ взятыя, не могли предпринять ничего при оппозиціи однѣхъ мелкихъ державъ [1]). Если прибавить къ этому, что важнѣйшіе изъ вопросовъ, входившихъ въ кругъ вѣдомства тѣснаго союза [2]), требовали здѣсь также единогласнаго рѣшенія, то понятно будетъ, почему германскій сеймъ былъ обреченъ на бездѣйствіе по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ германское общество съ 1815 по 1866 г., и почему всякая преобразовательная попытка дожна была совершаться *мимо* сейма—именно *мимо*, даже не противъ него: онъ не имѣлъ возможности отнестись къ дѣйствительно серьезному движенію ни положительно, ни отрицательно; онъ стоялъ въ сторонѣ.

V. Актъ вѣнскаго конгресса мало говоритъ о *внутреннемъ устройствѣ* отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Правда, статья 13 его гласила, что во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ *будетъ* введено земское представительство—landständische Verfassung. Но это выраженіе могло быть понято различно. Оно могло означать *парламентское* устройство такъ же, какъ и *средневѣковое* народное сословное представительство. Оно могло означать, наконецъ, и *провинціальные* чины. Все зависѣло отъ того, какъ поймутъ эти слова отдѣльныя правительства. Опытъ показалъ, что партикуляризмъ привелъ въ этомъ отношеніи не къ тѣмъ результатамъ, какихъ ожидалъ Меттернихъ. Политическая свобода медленно, но неудержимо водворялась и крѣпла въ отдѣльныхъ государстахъ Германіи.

Первенство во внутренней политикѣ союза не только de jure, но и de facto принадлежало Австріи. Идеи ея правительства давали общій тонъ и направленіе политикѣ другихъ государствъ. Этому способствовало не только естественное и традиціонное преобладаніе австрійскаго дома въ Германіи, но и то важное обстоятельство, что представители крайнихъ принциповъ 1815 года имѣли достаточно времени утвердить господство своей системы. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ представители власти смѣнялись, системы ихъ отмѣнялись и колебались, австрійская система въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній представлялась одними и тѣми же лицами.

---

[1]) Большинство $^2/_3$ въ Plenum составлялось изъ 44 голосовъ. Слѣдовательно, рѣшеніе, принятое государствами 1-го и 2-го разряда, имѣвшими по 4 и 3 голоса (всего 39), могло быть отвергнуто державами 3-го и 4-го разряда, имѣвшими по 2 и по 1 голосу (всего 27).

[2]) Религіозныя дѣла и такъ называемыя jura singulorum.

Князь Меттернихъ стоялъ во главѣ австрійской политики съ 1809 года до 13 марта 1848 года, когда онъ бѣжалъ въ Англію 75-лѣтнимъ старцемъ. Императоръ Францъ I [1]), возвысившій Меттерниха, царствовалъ съ 1792 до 1835 года, оставивъ въ преемникѣ своемъ, Фердинандѣ I, государя, совершенно расположеннаго къ руководству Меттерниха. Такимъ образомъ, до 1848 года политика австрійскаго двора не потерпѣла измѣненія въ существенныхъ своихъ чертахъ, и Австрія вѣрно хранила залогъ, оставленный 1815 годомъ.

Этимъ началомъ собственно и опредѣляется австрійская политика. Сохранить status quo, установленный вѣнскими трактатами и старыми преданіями Австріи; предохранить какъ это государство, такъ и государства союзныя отъ новыхъ идей и формъ, приходившихъ изъ Франціи — такова была цѣль, неуклонно преслѣдуемая австрійскою политикою въ теченіе 33 лѣтъ, отдѣляющихъ вѣнскій конгрессъ отъ потрясеній 1848 года. Ничего творческаго она не заключала въ себѣ; для осуществленія предположенныхъ ею цѣлей достаточно было мѣръ отрицательныхъ. Онѣ примѣнялись какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

Внутренняя политика имѣла цѣлью оградить Австрію отъ наплыва новыхъ ученій и какихъ бы то ни было реформъ въ государственномъ хозяйствѣ и администраціи. Экономическія идеи Австріи держались на почвѣ самаго узкаго протекціонизма, и это постоянно препятствовало ей приступить къ знаменитому таможенному союзу, руководимому мудрою политикою Пруссіи. Ничего не было сдѣлано для улучшенія экономическаго быта низшихъ классовъ народонаселенія; даже крѣпостное право процвѣтало въ разныхъ областяхъ имперіи. Производство и отпускная торговля не соотвѣтствовали богатымъ естественнымъ средствамъ страны. Система казенныхъ монополій стѣсняла и безъ того слабую торговлю. Монетная система и состояніе государственнаго кредита были вполнѣ неудовлетворительны. Не смотря на свои превосходные порты на Адріатическомъ морѣ, Австрія не имѣла флота и для купеческихъ кораблей своихъ должна была исходатайствовать покровительство турецкаго флота. Система образованія была поставлена въ весьма невыгодныя условія. Количество народныхъ школъ было номинально велико. Но изъ $2^1/_2$ милл. дѣтей, обязанныхъ посѣщать ихъ, въ дѣйствительности посѣщали ихъ менѣе $^3/_5$ этого числа. Гимназіи и университеты, поставленные подъ строгій полицейскій надзоръ, были стѣснены какъ въ преподаваніи, такъ и въ выборѣ предметовъ для преподаванія. Преподаваніе философіи, исторіи, даже древнихъ языковъ

[1]) Какъ императоръ бывшей священной имперіи—Францъ II.

было ограничено; покровительствовалось преподаванiе естественныхъ наукъ и, такъ сказать, прикладная ихъ сторона. Затѣмъ всѣ учебныя заведенiя были ввѣрены ближайшему надзору духовенства, значительно стѣснявшему и безъ того ограниченныя рамки преподаванiя. Этими мѣрами Австрiя вполнѣ выдѣлилась изъ духовнаго и экономическаго движенiя, такъ или иначе совершавшагося въ остальной Германiи.

Во внѣшней политикѣ Австрiю, конечно, нельзя было упрекнуть въ какихъ нибудь завоевательныхъ планахъ и рѣшительныхъ мѣрахъ. Она вполнѣ довольствовалась удобствами, доставляемыми ей раздробленiемъ Германiи. Для обезпеченiя ея преобладанiя, наиболѣе цѣлесообразною была система государствъ *средней* величины, недостаточно сильныхъ, чтобы противостоять ей, но достаточно сильныхъ, чтобы сломить сопротивленiе мелкихъ государствъ и составить оплотъ противъ Пруссiи, соперничества которой всегда опасался австрiйскiй дворъ. Въ системѣ среднихъ, разъединенныхъ государствъ открывалось обширное поле для дипломатическаго искусства, въ которомъ князь Меттернихъ долгое время не зналъ себѣ соперниковъ. Являясь „охранительницею“ союза, Австрiя всегда имѣла средства направлять и внутреннюю политику этихъ государствъ въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ началамъ 1815 года, какъ это показали событiя 1820 и 1832 годовъ.

Прочiя государства, кромѣ Пруссiи, не могли, въ такой степени какъ Австрiя, предохранить себя отъ наплыва новыхъ идей. Многiя изъ нихъ выступили на путь представительныхъ учрежденiй,—одни вскорѣ послѣ образованiя союза, другiя позже [1]).

---

[1]) Для удобства читателей, здѣсь не безполезно будетъ представить таблицу постепеннаго развитiя представительныхъ учрежденiй въ Германiи въ хронологическомъ порядкѣ. Мы будемъ означать и *родъ* введеннаго представительства—именно *сословнаго* или *представительнаго* въ новомъ смыслѣ.

Названiе государствъ.

(До 1830 г.).

2-го сентября 1814 г.—Нассау (сослов. у.).
15-го января 1816 г.—Шаумбургъ-Липпе (тоже).
19-го апрѣля 1816 г.—Вальдекъ (тоже).
5-го мая 1816 г.—Саксенъ-Веймаръ (парл. устр., улучш. въ 1850 и 1852 гг.).
19-го марта 1818 г.—Гильдбурггаузенъ (сосл. у.).
26-го мая 1818 г.—Баварiя (парл. у., улучш. въ 1848 и 1850 гг.).
22-го августа 1818 г.—Баденъ (парл. у.).
9-го ноября 1818 г.—Лихтенштейнъ (сосл. у.).
25-го сентября 1819 г.—Виртембергъ (парл. устр.).
7-го декабря 1819 г.—Ганноверъ (сосл. у.).
25-го апрѣля 1820 г.—Брауншвейгъ (тоже).
17-го декабря 1820 г.—Гессенъ-Дармштадтъ (парл. у.).

Въ этомъ отношеніи должно различать государства, ближайшія къ Франціи, отъ державъ центральной и восточной Германіи. Юго-западныя государства, коренные и главные члены бывшаго Рейнскаго союза, были поставлены въ особенныя условія. Они, подъ покровительствомъ Франціи, обезпечили и развили полную свою независимость отъ имперіи, которую потомъ ревниво охраняли и противъ плановъ Пруссіи на вѣнскомъ конгрессѣ. Эта „мѣстная независи-

---

29-го іюня 1821 г.—Кургессенъ (сосл. у.).

8-го августа 1821 г.—С.-Кобургъ (пред. у.).

4-го сентября 1824 г.—С.-Мейнингенъ (тоже).

23-го августа 1829 г.—Общій основной законъ для соединенныхъ въ 1826 г. С. Мейнингена и—Гильдбургъгаузена.

(Послѣ 1830 г.).

5-го января 1831 г. — Кургессенъ (пред. у. Эта конст. изм. въ 1849 г. и отмѣнена сеймомъ въ 1852 г. Конфликтъ не разрѣшился вполнѣ до присоединенія Кургессена къ Пруссіи).

29-го апрѣля 1831 г.—С.-Альтенбургъ (пред. у.).

4-го сентября 1831 г.—Кор. Саксонія (пред. у.; до того времени старинныя сосл. учр., не обновленныя въ XIX ст.).

12-го октября 1832 г.—Брауншвейгъ (тоже).

26-го сентября 1833 г. — Ганноверъ (тоже, отм. въ 1837 г. кор. Эрнстомъ-Августомъ).

15-го мая 1834 г.—Шлезвигъ-Гольштейнъ (сосл. мѣстное предст.).

6-го іюля 1836 г.—Липпе-Детмольдъ (пред. у., нов. избират. зак. 1849 г. Отм. правит. въ 1853 г. Конституція 1836 г. возстановлена).

12-го октября 1841 г.—Люксембургъ (до того онъ пользовался учрежденіями нидерланд. конст. 1815 г., въ 1841 г. получ. отдѣльное устройство, видоизмѣненное конституціею 1848 года и затѣмъ конституціею 27-го ноября 1856 года.

(Послѣ 1848 г.).

29-го октября 1848 г.—Ангальтъ-Дессау (парл. изм. въ 1850 г.).

5-го декабря 1848 г.—Пруссія (изм. и обнародовано въ новомъ видѣ 31-го января 1850 г.).

14-го декабря 1848 г.—Ангальтъ-Бернбургъ (пред. у., изм. въ 1850 г. Общая конст. для двухъ Ангальтовъ 1859 г.).

5-го сентября 1848 г.—Ганноверъ (пред. устр., пріостановлено въ 1851 г. и отм. въ 1855 г., замѣн. октроир. конст.).

Кромѣ того, въ 1848 г. произошли видоизмѣненія въ конституціяхъ разныхъ германскихъ государствъ, имѣвшихъ уже представ. устройство, напримѣръ, въ Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ, Кургессенѣ и т. д.

17-го марта 1849 г.—Австрія (пред. у., отмѣнено въ 1851 г.).

26-го марта 1849 г. — С.-Гота (тоже, въ 1852 г. мая 3-го изд. общая конст. для Сакс.-Готы и Кобурга).

18-го февраля 1849 г.—Ольденбургъ (тоже, изм. въ 1852 г. ноября 22-го).

12-го декабря 1849 г. — Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ (тоже, изм. 1852, 1854, 1856 и 1857 гг.).

23-го мая 1849 г.—Вальдекъ (тоже, изм. 1852 г.).

23-го января 1850 г.—Гомбургъ (отм. 1852 г.).

мость“ воплотилась въ полновластіи монарховъ, которые успѣли уничтожить въ своихъ владѣніяхъ всѣ остатки средневѣковыхъ земскихъ чиновъ. На вѣнскомъ конгрессѣ они протестовали противъ обязательнаго введенія народнаго представительства въ отдѣльныхъ державахъ. Виртембергское правительство не участвовало даже въ совѣщаніяхъ; баварскій уполномоченный вышелъ изъ конференціи послѣ 6-го засѣданія. Подобнымъ же образомъ велъ себя Баденъ. Между тѣмъ, эти три государства, вмѣстѣ съ Гессенъ-Дармштадтомъ, первыя получили обновленное народное представительство. Этотъ фактъ объясняется различно. Во-первыхъ, государи этихъ странъ протестовали противъ общеобязательнаго введенія представительства, главнымъ образомъ, во имя своего мѣстнаго самодержавія, но вовсе не изъ вражды къ конституціоннымъ учрежденіямъ. Баденъ издавна сдѣлался центромъ либеральныхъ идей; короля виртембергскаго, Вильгельма, величали при вѣнскомъ дворѣ коронованнымъ якобинцемъ. Независимо отъ этого, новое представительство, основанное на октроированной хартіи, привлекало ихъ гораздо больше, чѣмъ основанное на историческихъ привилегіяхъ сословное представительство, борьба котораго (особенно въ Виртембергѣ) съ королевскою властью была еще памятна и чувствовалась живо. Можно было ожидать, что новое представительство, дарованное милостью короля, меньше стѣснитъ его власть, чѣмъ строптивые полу-феодальные чины (что̀ дѣйствительно и случилось). Не безъ вліянія было и то обстоятельство, что новыя государственныя формы могли выдѣлить юго-западную Германію изъ массы государствъ реакціоннаго сѣверо-востока, придать имъ особенное значеніе въ глазахъ націи и надолго задержать унитарныя стремленія въ подданныхъ. Вводя у себя новыя учрежденія, юго-западныя государства рисковали весьма немногимъ, а относительно своего значенія въ Германіи выигрывали много. Виртембергъ, Баварія, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ составили теперь особую систему государствъ, съ особыми политическими интересами и особою ролью въ союзѣ.

Сѣверо-восточная Германія въ массѣ подчинилась политикѣ австрійскаго двора. Реакція восторжествовала вездѣ, хотя не вездѣ приняла одинаковыя формы. Въ Ганноверѣ она упрочила могущество землевладѣльческой аристократіи, съ потребностями которой сообразовалось государственное устройство 1819 года. Подобный же характеръ приняла она и въ Мекленбургѣ, который и донынѣ является хранителемъ средневѣковой старины. Въ Кургессенѣ курфюрстъ тщательно возстановилъ свои старыя прерогативы, объявивъ все, совершившееся съ 1806 по 1814 годъ, несовершившимся. Дѣло дошло тамъ до „возстановленія“ косъ и пудры. Въ Саксоніи король Фрид-

рихъ-Августъ I, прозванный Справедливымъ, поддержалъ учрежденія, къ которымъ онъ привыкъ въ теченіе 59-лѣтняго царствованія своего (1768—1827). Двѣ главныя державы востока и всей Германіи, Австрія и Пруссія, не допустили общегосударственнаго представительства даже въ сословной его формѣ. Обѣщанная королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ 1815 году конституція не была дана; реформы ограничились введеніемъ областного представительства (Provinzialstände, 1823 г.). Австрія ограничилась тѣмъ же [1]). Даже три вольныхъ города, Бременъ, Любекъ и Гамбургъ, возстановили у себя средневѣковыя муниципальныя учрежденія, тогда какъ Франкфуртъ преобразовалъ свое устройство.

Событія двадцатыхъ годовъ положили конецъ движенію политической жизни въ Германіи. Идеи возстановителей стараго порядка—Галлера, Генца и друг.—были въ полномъ ходу. Только изъ Бадена, съ его болѣе демократическимъ государственнымъ устройствомъ и сравнительною свободою преподаванія, исходило нѣкоторое противодѣйствіе реакціоннымъ стремленіямъ. Оппозиція въ нижней палатѣ баденскаго великаго герцогства и литературная дѣятельность профессоровъ Роттека и Велькера являлись слабымъ, конечно, противовѣсомъ идеямъ противоположнымъ. Сигналъ новому политическому движенію былъ поданъ изъ Франціи. Іюльская революція 1830 года подала поводъ къ волненіямъ одновременно въ различныхъ частяхъ Германіи.

VI. Южно-европейскія государства были еще меньше обезпечены отъ внутреннихъ потрясеній, чѣмъ Германія. Здѣсь старый порядокъ возстановлялся во всей его чистотѣ, безъ какихъ бы то ни было гарантій противъ злоупотребленій, съ нимъ связанныхъ. Сверхъ того, личныя качества нѣкоторыхъ государей, каковы Фердинандъ VII Испанскій и Фердинандъ I Неаполитанскій, должны были усугубить бѣдствія слѣпой реакціи.

Рѣдкій изъ королей возвращался на престолъ своихъ предковъ въ условіяхъ большей популярности, чѣмъ Фердинандъ VII Испанскій. Онъ имѣлъ ее при своемъ отцѣ, когда надежды націи, ненавидѣвшей „князя мира", обратились къ наслѣднику престола; онъ сохранилъ ее въ качествѣ плѣнника императора французовъ. Возвращеніе его было привѣтствовано съ энтузіазмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народное чувство явно высказалось противъ ограниченій, наложенныхъ на королевскую власть конституціею 1812 г. Даже въ засѣданіи кортесовъ раздались голоса, требовавшіе возстановленія абсолютной власти;

---

[1]) О венгерской конституціи будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

партія такъ называемыхъ „раболѣпныхъ“ или „персовъ“ [1]) была близка къ своему торжеству, народъ громко требовалъ el rey neto; многіе начальники войска (особенно генералъ-капитанъ Валенсіи— Эліо) — предлагали королю свое содѣйствіе для возстановленія его власти.

Мы видѣли, что конституція 1812 года была построена на слишкомъ шаткихъ началахъ и противорѣчила преданіямъ Испаніи. Но положеніе страны требовало разумнаго и осторожнаго отношенія къ ея основнымъ законамъ. Фердинандъ возвращался въ страну, истерзанную непріятельскимъ нашествіемъ и принесшую великія жертвы въ народной войнѣ. Послѣ переворотовъ, какіе пережила Испанія въ послѣдніе годы, въ ней естественно образовалось много партій, для умиротворенія которыхъ требовались осторожность и благоразуміе. Правительство короля Іосифа имѣло довольно много приверженцевъ, благодаря разумной его политикѣ; еще больше имѣла такихъ приверженцевъ конституція 1812 года—актъ, въ которомъ выразился энтузіазмъ народа, боровшагося за свое освобожденіе. При такихъ условіяхъ, широкая амнистія и разумныя реформы въ управленіи были единственными средствами къ умиротворенію страны. Онѣ были вполнѣ возможны для такого сильнаго популярностью правительства, какимъ было правительство Фердинанда VII.

Вмѣсто того, было сдѣлано все, чтобы возстановить не только старый порядокъ, но и его злоупотребленія. Конституція 1812 года была отмѣнена, при чемъ подъ страхомъ смертной казни воспрещалось защищать ее дѣйствіями, словомъ или печатно [2]). Съ другой стороны, король, заявляя о своей „ненависти къ деспотизму“, обѣщалъ въ близкомъ будущемъ собрать кортесы, обезпечить личную свободу и свободу печати. Но обѣщанія эти были даны съ такими оговорками, при которыхъ трудно было ожидать ихъ исполненія. Вскорѣ и оговорки сдѣлались излишними. Преслѣдованіе „офранцуженныхъ“ (т.-е. сторонниковъ бывшаго короля Іосифа), гоненіе на авторовъ и сторонниковъ конституціи 1812 г. производились съ жестокостью, напомнившею Филиппа II. Въ ночь съ 10 на 11 мая 1814 г. Эгвія, генералъ-капитанъ Кастиліи, по приказанію Фердинанда, арестовалъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, всѣхъ депутатовъ, бывшихъ на сторонѣ конституціи, бывшихъ министровъ и

---

[1]) „Раболѣпные“ получили прозваніе „персовъ“ по начальнымъ словамъ адреса, поданнаго королю 70 изъ нихъ и заключавшаго въ себѣ просьбу возстановить абсолютную власть. Адресъ начинался со словъ „у древнихъ персовъ былъ обычай“ и т. д.

[2]) Манифестъ, обнародованный изъ Валенсіи, 4 мая 1814.

т. д. [1]). Арестованные были брошены въ тюрьмы, чтобы дожидаться тамъ рѣшенія своей участи; 13 мая Фердинандъ вступилъ во всѣ свои права.

Съ этого дня началось управленіе, ошибки и злоупотребленія котораго привели къ революціи 1820 года. Министерскія мѣста были распредѣлены между усердными сторонниками реакціи (Гарридо, Лабрадоръ, потомъ Цевальосъ и друг.); но независимо отъ министерства, король подпалъ подъ вліяніе кружка (камарильи), составленнаго изъ самыхъ недостойныхъ его любимцевъ. Здѣсь можно было найти знатныхъ товарищей Фердинанда по ночнымъ похожденіямъ рядомъ съ шутомъ (Педро-Калладо) и лакеемъ (Монтенегро); двухъ инфантовъ (донъ-Антонія и донъ-Карлоса) съ человѣкомъ низкаго происхожденія и качествъ (Угарте); духовника дона Карлоса (Остоласа) съ докторомъ (Регато) и т. д. Вліяніе духовенства, представителями интересовъ котораго были Ортоласа и папскій нунцій Гравина, было всесильно. Инквизиція, уничтоженная французами, была возстановлена [2]). Всѣ газеты были запрещены, за исключеніемъ клерикальныхъ, въ родѣ *Аталайи*, въ которой монахъ Августинъ-де-Кастро призывалъ Фердинанда выступить въ роли „второго Камбиза". Въ провинціяхъ генералъ-капитаны дѣйствовали подобно коммиссарамъ конвента 1793 г. Сами державы „священнаго союза" старались удерживать Фердинанда отъ слишкомъ опаснаго пути. Русскій посолъ Татищевъ дѣлалъ, что̀ могъ, но и его вліянію скоро положенъ былъ конецъ.

Дѣйствія жадной и порочной камарильи и общій характеръ управленія дали свои плоды. Больнымъ мѣстомъ подобныхъ правительствъ являются прежде всего финансы. Разстройство ихъ дошло до крайности. Государственныя бумаги теряли въ обращеніи до 80%; расходы превышали доходы на 230 милліоновъ реаловъ; упадокъ кредита не дозволялъ думать о новомъ займѣ. Платежи по прежнимъ займамъ равнялись уже 150 милл. реаловъ, при бюджетѣ въ 600 милл. Возстаніе американскихъ колоній лишало Испанію ея рессурсовъ; сверхъ того, реакціонное правительство отказалось отъ одной изъ разумныхъ мѣръ учредительныхъ кортесовъ—уничтоженія финансовыхъ и экономическихъ привилегій духовенства и дворянства.

Въ совершенной крайности и подъ вліяніемъ русскаго посла

---

[1]) Въ числѣ ихъ были два регента королевства и депутаты Квинтана, Мартинесъ де-ла-Роза, Аргуельесъ и другіе—всего до 30.

[2]) Не лишено интереса то обстоятельство, что жертвою ея сдѣлался, между прочимъ, одинъ изъ возстановителей этого судилища — Ортоласа, осужденный за систематическое развращеніе женскаго монастыря, состоявшаго подъ его надзоромъ. Къ 1816 году въ тюрьмахъ инквизиціи томилось до 50,000 человѣкъ.

Татищева, Фердинандъ VII призвалъ къ управленію одного изъ либераловъ, Мартина Гарая, хорошаго знатока финансоваго дѣла. Но первыя же серьезныя реформы встрѣтили противодѣйствіе въ камарильѣ, и вскорѣ Гарай былъ смѣщенъ и высланъ изъ Мадрида (15 сентября 1818 г.).

Возраставшее недовольство и возрождавшіяся идеи политической свободы, не имѣя законнаго и правильнаго выхода, выражались въ организаціи тайныхъ обществъ и заговорахъ. Попытки открытаго возстанія въ разныхъ частяхъ Испаніи возобновлялись непрерывно. Бывшіе вожди гверильясовъ (Мина, Порлье и друг.) становились во главѣ возстаній, подавляемыхъ съ безпощадною жестокостью. Но рѣшительный ударъ политикѣ Фердинанда VII былъ нанесенъ возстаніемъ американскихъ колоній. Отпаденіе ихъ уже само по себѣ лишало Испанію большей доли ея средствъ. На борьбу съ возставшими требовались новыя средства и армія. Экспедиціи, снаряженныя подъ главнымъ начальствомъ Морильо, сначала дѣйствовали успѣшно, но затѣмъ всѣ усилія испанцевъ разбились объ энергію Боливара. Средства испанцевъ истощались; Морильо тщетно просилъ подкрѣпленій; между тѣмъ, Боливаръ, едва державшійся въ Каракасѣ, рѣшился на отчаянный шагъ (май 1819). Съ слабыми сравнительно силами, онъ совершилъ свой знаменитый семидесятидневный переходъ черезъ степи, болота и горы, явился въ Новой-Гренадѣ и разбилъ испанскія войска. Новая Гренада, соединенная съ Каракасомъ, образовала „единую и нераздѣльную республику“—Колумбію.

Испанское правительство прибѣгло къ пышнымъ обѣщаніямъ для образованія новой арміи, которою предполагалось подкрѣпить Морильо. Съ величайшимъ трудомъ было собрано до 20,000 человѣкъ, отправленныхъ въ Кадиксъ, откуда они должны были переправиться въ Америку. Но здѣсь они не нашли кораблей: морское министерство находилось въ такомъ же упадкѣ, какъ и военное. Въ невольномъ бездѣйствіи оставалась эта армія въ Кадиксѣ, ожидая времени отправленія, негодуя на безпорядки управленія, терпя нужду и охотно слушая революціонную проповѣдь агентовъ тайныхъ обществъ и клубовъ. Результаты не заставили себя ждать: армія, предназначенная для подавленія мятежа въ колоніяхъ, обратилась противъ собственнаго правительства и совершила революцію 1820 года, подъ предводительствомъ Ріего, Кироги и друг. Успѣхъ возстанія былъ обезпеченъ измѣною Абисбаля, который первоначально, въ качествѣ главнокомандующаго кадикскою арміею, донесъ Фердинанду VII о готовившемся возстаніи и арестовалъ нѣкоторыхъ заговорщиковъ (въ томъ числѣ Кирогу). Но король, не безъ основанія не довѣрявшій Абисбалю, перевелъ его на мѣсто генералъ-капитана Анда-

лузіи. Эта мѣра не спасла Фердинанда отъ измѣны честолюбиваго генерала, приставшаго къ возстанію въ самую критическую минуту. Король долженъ былъ принять конституцію 1812 года и присягнуть ей (9 марта 1820 г.).

Революція 1820 года была однимъ изъ тѣхъ военныхъ переворотовъ (pronunciamentos), которыми такъ богата новѣйшая исторія Испаніи. Успѣхъ ея объясняется жалкимъ состояніемъ управленія, одновременно самовластнаго и безпорядочнаго, неспособнаго къ воспитанію гражданскаго духа и открывающаго дорогу военнымъ переворотамъ, поддерживаемымъ хроническимъ недовольствомъ населенія. Учрежденія 1820 г., построенныя на такой шаткой почвѣ, не могли, какъ мы увидимъ ниже, удержаться. Но въ первое время, успѣхъ испанской революціи немедленно отозвался въ двухъ другихъ государствахъ, находившихся въ одинаковомъ съ Испаніею положеніи— въ Неаполѣ и въ Португаліи.

VII. Событія въ Испаніи отразились прежде всего въ Неаполѣ, гдѣ духъ реакціи и абсолютизма, олицетворившійся въ правительственной системѣ, вызвалъ мимолетную революцію 1820 г. Королевская власть, реставрированная въ Неаполѣ въ лицѣ Фердинанда I, объявила войну даже самымъ скромнымъ требованіямъ и установила правленіе на старинныхъ государственныхъ началахъ, со всѣми злоупотребленіями прежняго времени. Не смотря, однако, на жестокія мѣры правительственной администраціи, неаполитанское королевство дѣлается съ 1815 года по 1820 центромъ агитаціи и главнымъ театромъ дѣйствія тайныхъ политическихъ обществъ и революціонныхъ партій. Въ концѣ XVIII ст., въ Капуѣ, на югѣ Италіи, образовалось тайное общество, принявшее въ 1811 году имя карбонаріевъ (угольщиковъ); оно распространило свою стройную и искусно обдуманную іерархію на значительную часть Европы; самое названіе долгое время было символомъ революціи. Образованіе его предшествовало возстановленію Фердинанда I въ его правахъ. Карбонаріи не хотѣли дѣйствовать противъ бывшаго короля, Мюрата, расчитывая, весьма основательно, что съ возвращеніемъ Бурбоновъ къ послѣднимъ будутъ предъявлены бóльшія притязанія. Послѣдующія событія оправдали ихъ соображенія. Какъ только было получено извѣстіе о возмущеніи въ Испаніи, тотчасъ вспыхнуло возстаніе и въ неаполитанскомъ королевствѣ подъ руководствомъ генерала Гилельмо Пепе, который, опираясь на дружное содѣйствіе карбонаріевъ и массы населенія и вооруженную силу возставшихъ войскъ, разбилъ королевскую армію, побѣдоносно вступилъ въ Неаполь и заставилъ Фердинанда I присягнуть продиктованной конституціи, списанной съ испанской (7 іюля 1820 г.).—Но утвержденіе конституціи встрѣтило

препятствія въ Сициліи и, затѣмъ, въ священномъ союзѣ. Послѣ изгнанія Наполеономъ королевской четы изъ Неаполя (см. выше), Сицилія сдѣлалась убѣжищемъ королевы Каролины, отдавшейся подъ защиту англичанъ. Но поведеніе королевы сдѣлалось, наконецъ, тягостнымъ для самихъ ея покровителей. Наконецъ она принуждена была удалиться въ Австрію, гдѣ и умерла. Лордъ Бентинкъ, правившій островомъ, далъ ему (1812 г.) конституцію, отчасти основанную на древнихъ правахъ Сициліи и обсужденную земскими чинами. Воцареніе Фердинанда I, подъ именемъ короля „Обѣихъ Сицилій", сопровождавшееся отмѣною конституціи, было тягостно для сицилійцевъ, вообще неохотно сносившихъ власть неаполитанскихъ королей. Вѣсть о революціи 1820 года пришла въ Палермо 14 іюля, во время знаменитаго праздника св. Розаліи. Сицилійцы рѣшились воспользоваться переворотомъ, чтобы провозгласить свою независимость и возстановить конституцію 1812 года. Временное правительство (хунта) отправило въ Неаполь депутацію съ требованіемъ особаго парламента и признанія мѣстной конституціи съ соединеніемъ Сициліи и Неаполя подъ властью одного короля. Отвѣтомъ на это предложеніе явилась посылка Флористана Пепе и 6000 войска для подавленія возстанія.

Междоусобная война, поглотившая множество жертвъ и ввергнувшая страну въ бѣдственное положеніе, заранѣе обезпечила успѣхъ вмѣшательства священнаго союза во внутреннія дѣла Неаполя. Дѣйствія священнаго союза руководились княземъ Меттернихомъ, сообразно съ австрійскими интересами и видами. Меттернихъ ясно видѣлъ, что успѣхъ революціи въ одномъ изъ итальянскихъ государствъ отразится и въ австрійскихъ владѣніяхъ въ сѣверной Италіи. Въ интересахъ Австріи было, чтобы ни одно государство на полуостровѣ не имѣло болѣе свободныхъ учрежденій, чѣмъ тѣ, какія даны ею въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ [1]), чтобы ея подданные не имѣли основанія упрекать свое правительство, сравнивая свои политическія учрежденія съ учрежденіями сосѣднихъ странъ. Поэтому князь Меттернихъ преслѣдовалъ въ своихъ дипломатическихъ протестахъ не только карбонаризмъ, революціонные взрывы, но и установленіе системы правильной и законной свободы. Видамъ австрійскаго правительства служилъ и самый священный союзъ, эксплоатируемый искуснымъ дипломатомъ, союзъ, заключенный императоромъ Александромъ I съ королемъ прусскимъ и императоромъ австрій-

[1]) Указомъ 24 апрѣля 1815 года Ломбардія и Венеціанская область получили подобіе мѣстнаго представительства, въ видѣ двухъ провинціальныхъ и одной центральной конгрегаціи. Дюфó, ук. соч., IV, стр. 321 и слѣд.

скимъ (впослѣдствіи къ нимъ присоединились и другіе европейскіе государи) съ цѣлью охраненія и поддержанія тѣхъ началъ, которыя имѣли преобладающее значеніе при австрійскомъ дворѣ. Понятно, что введеніе либеральныхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ, и притомъ такимъ насильственнымъ путемъ, встревожило австрійское правительство, и потому, едва пришло извѣстіе о возстаніи въ Италіи, какъ Меттернихъ обратился съ дипломатическою нотою ко всѣмъ дворамъ священнаго союза, представляя въ ней необходимость принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Результатомъ этого представленія былъ рядъ конгрессовъ, предпринятыхъ европейскими монархами для обсужденія положенія дѣлъ на континентѣ Европы. Первый конгрессъ состоялся въ гор. Троппау (1820 г.); на немъ державы должны были выработать ту программу дѣйствій, которую намѣрены были принять по отношенію къ неаполитанскому королевству. Князь Меттернихъ предлагалъ вооруженное вмѣшательство для подавленія возстанія, распространившагося и на кор. Сардинію, гдѣ былъ замѣшанъ даже принцъ Карлъ-Альбертъ Кариньянскій, будущій пьемонтскій король. Императоръ Александръ I первоначально былъ противъ рѣшительныхъ мѣръ; но извѣстіе о безпорядкахъ въ С.-Петербургѣ (исторія Семеновскаго полка), которымъ воспользовался князь Меттернихъ, положило конецъ колебаніямъ Александра I. Вооруженное вмѣшательство было принято, какъ средство, долженствующее умиротворить Италію и всю Европу. На слѣдующій конгрессъ въ Лайбахѣ (1821) рѣшено было пригласить неаполитанскаго короля, для участія въ обсужденіи дѣлъ его государства. Парламентъ согласился на отъѣздъ короля, выразивъ надежду, что „сердце сына Карла III есть храмъ вѣрности“. Но король покинулъ Неаполь съ твердою увѣренностью возвратиться въ него абсолютнымъ монархомъ Безъ труда подчинился онъ требованіямъ союзниковъ и принялъ ихъ вооруженную помощь (январь 1821 г.). Герцогъ Галло, сопровождавшій короля въ числѣ депутатовъ отъ парламента, тотчасъ же былъ отправленъ въ Неаполь съ ультиматумомъ, требовавшимъ безусловнаго подчиненія королю подъ угрозою вооруженнаго вмѣшательства. Вслѣдъ затѣмъ (5 февраля) австрійскій генералъ Фримонтъ былъ отправленъ въ Неаполь съ сильнымъ экзекуціоннымъ войскомъ.

Неаполитанская армія, слабая численно, не имѣвшая правильнаго устройства и лишенная лучшихъ своихъ полковъ, находившихся въ Сициліи, безъ труда была разбита; 24 марта австрійцы вступили въ столицу, а 9 мая возвратился туда и Фердинандъ I. Хотя Меттернихъ и разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ начерталъ Фердинанду планъ умѣреннаго монархическаго правленія, на который

король согласился, но дѣйствія Фердинанда, возстановленнаго въ своихъ правахъ, показывали, что онъ принялъ совѣты Меттерниха столь же искренно, какъ и конституцію 1820 года. Жестокости реакціи въ Неаполѣ и Сициліи равнялись мѣрамъ Фердинанда VII въ Испаніи, если не превзошли ихъ.

Революція въ Сардиніи завершилась-было столь же безуспѣшно. Король Викторъ-Эммануилъ принужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу брата своего, бездѣтнаго Карла-Феликса, находившагося за-границей. Регентомъ государства, на время отсутствія короля, былъ назначенъ Карлъ-Альбертъ, принцъ Кариньянскій, предполагаемый наслѣдникъ престола. Двусмысленное поведеніе его въ возстаніи, во главѣ котораго стоялъ патріотъ Санта-Роза и которое имѣло цѣлью возстановленіе „Итальянскаго Королевства" (см. выше), и провозглашеніе испанской конституціи, лишило революцію всякой опоры. Сверхъ того силы инсургентовъ были слишкомъ слабы для борьбы съ австрійцами и съ частью королевскихъ войскъ, оставшихся вѣрными Карлу-Феликсу. Австрійскій генералъ Бубна и пьемонтскій Де-ла-Торре безъ труда разбили инсургентовъ при Новарѣ и возстановили власть Карла-Феликса.

Не лучше шли дѣла и въ Португаліи. Когда войска Наполеона заняли Португалію (1807 г.), португальскій престолъ номинально принадлежалъ Маріи I. Такъ какъ она, вслѣдствіе утраты супруга и трехъ дѣтей, страдала умственнымъ разстройствомъ, то управленіе государствомъ (съ 1792 г.) перешло къ ея сыну, Іоанну VI[1]), человѣку, не обладавшему энергичной волей и неспособному къ такой борьбѣ, какая открывалась въ 1807 году (см. выше). Въ паническомъ страхѣ предъ войсками Жюно, Іоаннъ VI бѣжалъ въ Бразилію, предоставивъ счастливому генералу трудъ объявить, что „Браганцкая династія перестала царствовать". Іоаннъ оставался тамъ до низверженія Наполеона; во все время борьбы съ послѣднимъ Португалія пользовалась покровительствомъ и защитою англійскихъ войскъ и флота, охранявшаго ея предѣлы отъ нападенія. При генералѣ Веллингтонѣ была одержана не одна побѣда надъ французскими войсками. Даже и послѣ того, какъ вѣнскій конгрессъ торжественно провозгласилъ низложеніе Наполеона, Іоаннъ VI оставался въ Бразиліи, поручивъ управленіе въ Португаліи номинально своей женѣ, сестрѣ Фердинанда VII, въ дѣйствительности же англійскому лорду Бересфорду. Извѣстіе объ удачномъ возстаніи въ Испаніи (въ 1820 г.), облетѣвшее всю страну, вызвало и здѣсь революцію, начавшуюся въ Опорто (24 августа 1820 г.). Лордъ Бересфордъ принужденъ былъ

---

[1]) Марія I скончалась только въ 1816 г.

бѣжать, и 15 сентября Лиссабонъ былъ въ рукахъ возставшихъ. Временное правительство созвало учредительные кортесы, выработавшіе конституцію на подобіе испанской (1821 г.). Іоаннъ VI воротился въ Португалію, давъ конституцію Бразиліи, по настоянію старшаго сына своего донъ-Педро, и согласился признать конституцію (1822 г.)[1]. Но рѣшеніе короля встрѣтило сильную оппозицію отъ королевы (сестры Фердинанда VII испанскаго) и его младшаго сына, донъ-Мигуэля, горячаго приверженца абсолютизма. Французское вмѣшательство въ испанскія дѣла (1823 г., см. ниже) дало ему поводъ къ перевороту. При помощи друзей и части войска, онъ попытался произвести контръ-революцію, объявилъ конституцію отмѣненною и поднялъ оружіе противъ собственнаго отца, котораго взялъ даже въ плѣнъ и заставилъ отмѣнить хартію. Но Іоанну удалось бѣжать. Опираясь на Англію, онъ изгналъ донъ-Мигуэля, нашедшаго себѣ покровительство въ Австріи у князя Меттерниха. Затѣмъ въ 1825 году, Іоаннъ призналъ независимость Бразиліи, корона которой досталась донъ-Педро. Среди этихъ событій смерть унесла Іоанна VI (10 марта 1826 г.). Престолъ по наслѣдству долженъ былъ перейти къ старшему сыну, донъ-Педро; но такъ какъ послѣдній царствовалъ уже въ Бразиліи, а соединеніе 2-хъ государствъ въ одномъ лицѣ воспрещалось по закону, изданному Іоанномъ VI (1825 г.), то явилось затрудненіе въ замѣщеніи португальскаго престола. донъ-Педро нашелъ выходъ изъ этого положенія, оставивъ за собой Бразилію и предоставивъ Португальское королевство своей семилѣтней дочери Маріи да-Глорія, за малолѣтствомъ которой къ управленію и опекѣ надъ нею былъ призванъ въ качествѣ регента изгнанный донъ-Мигуэль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даровалъ Португаліи конституцію (такъ назыв. Carta de lei). Но донъ-Мигуэль, вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, въ качествѣ полномочнаго правителя страны, объявилъ конституцію уничтоженною, Марію низложенною, а себя королемъ (25 іюля 1828 г.). Это событіе было началомъ междоусобной войны, кончившейся только послѣ іюльской революціи (см. ниже).

Настала, наконецъ, очередь и Испаніи, гдѣ конституціонный порядокъ, примѣняемый враждебно къ нему относившимся королемъ и лишенными политическаго смысла кортесами, привелъ страну къ анархіи. Умѣренная партія въ кортесахъ, составленная изъ теоретиковъ, не могла имѣть практическаго вліянія, не смотря на то, что въ числѣ ея членовъ были лучшіе люди Испаніи, испытанные

---

[1]) Окончательный текстъ конституціи 1822 г. принятъ 23 сентября, въ 229 статьяхъ. См. Дюфб, ук. соч., V, стр. 148—192.

дѣятели въ кортесахъ 1812 года, много пострадавшие потомъ за свои убѣжденія. Таковы были знаменитый ораторъ Августинъ Аргуельесъ, Мартинесъ-де-ла-Роза, Торреро, и друг. Теперь, послѣ тяжкихъ политическихъ испытаній, они представляли начала умѣренной партіи (moderados). Но они не въ силахъ были сдержать революціонныя партіи, опиравшіяся на содѣйствіе самого вождя переворота 1820 года — Ріего. Въ кортесахъ партія дѣйствія была представлена людьми крайнихъ мнѣній (exaltados), энтузіастами, напоминавшими якобинцевъ. Своими крутыми и безразсудными мѣрами они вызывали и вызвали отчаянный отпоръ со стороны приверженцевъ стараго порядка. Всеобщее раздраженіе, недовольство, возмущеніе сѣверныхъ провинцій подъ руководствомъ духовенства, мстившаго съ оружіемъ въ рукахъ за ограниченіе своего авторитета, было отвѣтомъ на крайнія мѣры кортесовъ. Возстаніе нѣкоторое время подавлялось вооруженною силою. Генералу Минѣ удалось выгнать изъ Испаніи и членовъ „регентства“, учрежденнаго „арміею вѣры“ на время „плѣненія“ Фердинанда.

Но участь испанской конституціи была рѣшена на конгрессѣ въ Веронѣ (1822 г.), гдѣ возстановленіе Фердинанда было поручено Франціи, несмотря на протестъ герцога Веллингтона и Каннинга, англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Во Франціи, политика Людовика XVIII, принявшая либеральное направленіе въ министерство Деказа, съ 1820 года, послѣ убійства герцога Беррійскаго (см. ниже), обратилась на реакціонную дорогу. Революція 1820 г. приводилась ультра-роялистическими органами въ связь съ убійствомъ герцога. Представитель Франціи на веронскомъ конгрессѣ, Монморанси, радостно принялъ мысль о „вмѣшательствѣ“. Вліяніе Монморанси и Шатобріана, вмѣстѣ съ настояніями „ультра“, не могло быть устранено вліяніемъ болѣе разсудительнаго Виллеля. Неохотно, впрочемъ, согласился Людовикъ XVIII на эту мѣру. Въ 1823 г. французская стотысячная армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго (племянника короля), завоевала Испанію для Фердинанда VII, не установивъ, однако, порядка, способнаго успокоить страну. Власть была возвращена Фердинанду безъ всякихъ условій, и страна была оставлена въ прежнемъ анархическомъ положеніи, длившемся еще много лѣтъ. Каннингъ отомстилъ за пораженіе Англіи на веронскомъ конгрессѣ признаніемъ независимости американскихъ колоній Испаніи. Бывшая монархія Карла V была низведена на степень незамѣтной державы.

VIII. Подавленіе революціи въ Италіи и Испаніи, репрессивныя мѣры въ Германіи и временное торжество донъ-Мигуэля въ Португаліи, повидимому, обезпечивали полный успѣхъ политикѣ Меттер-

ниха. Но первый ударъ его системѣ былъ нанесенъ страной, не только не принадлежавшей къ кругу европейскихъ государствъ, но находившейся подъ турецкимъ игомъ. Въ то время, какъ австрійскія войска готовились идти въ Неаполь, на югѣ Балканскаго полуострова начиналось возстаніе грековъ.

Вызванное деспотическимъ правленіемъ турокъ, оно быстро распространилось по Мореѣ. Главною силою, двигавшею возстаніемъ и руководившею имъ до конца, было тайное, въ началѣ, общество— гетерія. Графъ Каподистрія и князь Александръ Ипсиланти, занимавшіе важныя мѣста при Александрѣ I, принадлежали къ нему. Европейскія правительства, по большей части, относились къ гетеріи равнодушно; исключеніе составляла Австрія, откуда Меттернихъ неустанно доносилъ Портѣ о дѣйствіяхъ общества и предлагалъ принять соотвѣтствующія мѣры. Но національное движеніе грековъ возбудило въ европейскомъ образованномъ обществѣ живое сочувствіе, перешедшее въ энтузіазмъ. Многіе частные люди изъ разныхъ странъ спѣшили въ Грецію, чтобы принять участіе въ этой борьбѣ, или составляли общества съ цѣлью помогать возставшимъ деньгами и оружіемъ; образовалось цѣлое общество филэллиновъ. Байронъ связалъ съ дѣломъ грековъ свое великое имя. Увлеченіе филэллинизмомъ объясняется, съ одной стороны, тѣми условіями политической жизни, при которыхъ жило тогда и дѣйствовало образованное европейское общество; при господствѣ реакціонной Меттерниховской системы, филэллинизмъ служилъ какъ бы выходомъ для сдерживаемыхъ чувствъ и стремленій. Съ другой стороны, страна, богатая классическими преданіями, возбуждавшими благоговѣйное поклоненіе передовыхъ умовъ, страна Ѳемистокловъ, Аристидовъ, великихъ художниковъ, поэтовъ, не могла не привлекать къ себѣ лучшія силы человѣчества. Возмущеніе въ Греціи вспыхнуло въ мартѣ 1821 г.; извѣстіе о немъ пришло прямо на конгрессъ въ Лайбахъ, гдѣ разсуждали о мѣрахъ противъ неаполитанскаго движенія. Меттернихъ говорилъ о необходимости подавить и это возстаніе вооруженной силой, причисляя его къ категоріи возмущеній, являющихся плодомъ карбонаризма, тайныхъ обществъ въ Германіи и др. ассоціацій, дѣйствующихъ противъ законнаго правительства. Въ этой формѣ взглядъ Меттерниха не могъ имѣть успѣха. Но благодаря своимъ дипломатическимъ проискамъ и, въ особенности, системѣ устрашенія, Меттернихъ добился того, что императоръ Александръ I не только не сдѣлалъ никакой серьезной попытки для разрѣшенія этого вопроса, но даже отнесся къ нему недружелюбно и оставилъ грековъ на произволъ судьбы. Борьба продолжалась съ тѣмъ же успѣхомъ, не смотря на то, что греки лишились одного изъ своихъ дарови-

тыхъ вождей, Ипсиланти, который бѣжалъ изъ турецкаго плѣна въ австрійскія владѣнія, гдѣ онъ былъ арестованъ по распоряженію властей и отведенъ въ крѣпость. Но на помощь турецкимъ силамъ явилась египетская армія подъ начальствомъ молодого Ибрагима-паши, сформированная по образцу европейскихъ регулярныхъ войскъ мѣстнымъ вице-королемъ, заботившимся много о разныхъ преобразованіяхъ въ правительствѣ, войскѣ, управленіи. Опустошеніе Греціи и истребленіе населенія приняли чудовищные размѣры; наконецъ, послѣдній оплотъ греческой силы, крѣпость Миссолунги пала въ 1826 году, послѣ геройской защиты, предъ соединенными усиліями турокъ и египтянъ. Но 1826 годъ былъ моментомъ важнаго поворота въ европейской политикѣ. Самъ Меттернихъ, опредѣляя его значеніе, далъ ему особенное мѣсто въ ряду другихъ. Во-первыхъ, на русскій престолъ вступилъ молодой государь (1-го декабря 1825 г.), свободный отъ того вліянія вѣнскаго двора, которое было такъ сильно при Александрѣ I, и рѣшившійся самостоятельно вести важное для Россіи дѣло грековъ и турецкихъ христіанъ. Во-вторыхъ, въ Англіи заканчивалось господство чистыхъ торіевъ, и геніальный Каннингъ пролагалъ пути реформамъ Пиля и господству виговъ. Уже въ 1825 г. онъ нанесъ тяжелый ударъ системѣ священнаго союза, признавъ независимость южно-американскихъ колоній Испаніи. Теперь онъ сближался съ Россіею и поддерживалъ симпатіи къ грекамъ. Соглашеніе между Россіею и Англіею состоялось уже 4 апрѣля 1826 г. при посредничествѣ герцога Веллингтона. Въ слѣдующемъ году къ этому союзу присоединилась и Франція (6 іюля 1827 г.). Когда Порта отказала союзнымъ державамъ въ ихъ требованіяхъ относительно пріостановки военныхъ дѣйствій, къ берегамъ Греціи были посланы соединенныя эскадры [1]). Здѣсь разыгралось (20 октября 1827 года) знаменитое Наваринское дѣло, въ коемъ былъ уничтоженъ турецко-египетскій флотъ.

Шумною радостью была привѣтствована блестящая побѣда всею Европою, за исключеніемъ вѣнскаго двора. Но само по себѣ она не имѣла вліянія на окончательное рѣшеніе дѣла. Расчитывая на несогласіе державъ, Порта упорствовала и отказывалась отъ выполненія ихъ требованій. Для того, чтобы принудить Ибрагима-пашу очистить Морею, французскій генералъ Мэзонъ долженъ былъ высадиться съ 14,000 арміею. Только въ 1828 году явился въ Грецію признанный союзными державами президентъ временного правительства графъ Каподистрія.

---

[1]) Русскою эскадрою начальствовалъ графъ Гейденъ, англійскою сэръ Кодрингтонъ, французскою Риньи.

Но окончательное освобожденіе Греціи послѣдовало только послѣ русско-турецкой войны и славнаго для Россіи Адріанопольскаго мира. 3 февраля 1830 г. Греція была признана *независимымъ* отъ Порты государствомъ.

Устройство правительства въ странѣ, выходившей изъ вѣкового политическаго рабства, было чрезвычайно трудно. По преданію о славныхъ временахъ Греціи, вслѣдъ за возстаніемъ на Пелопонесѣ, была провозглашена республика, сначала (1821 г.) находившаяся подъ управленіемъ „пелопонесскаго“ сената и назначеннаго имъ временного правительства (изъ 7 членовъ), во главѣ котораго стоялъ Мавромихалисъ. Въ томъ же году (октябрь) Дмитрій Ипсиланти, начальствовавшій греческими войсками, созвалъ учредительное собраніе въ Аргосъ. Засѣданія его были, однако, въ видахъ безопасности, перенесены въ Піаду (близъ древняго Эпидавра). Здѣсь подъ вліяніемъ Маврокордато была выработана и обнародована (1 января 1822 года) первая республиканская конституція Греціи, подъ именемъ „эпидаврскихъ органическихъ законовъ“. Законодательная власть ввѣрялась палатѣ депутатовъ, исполнительная правительству изъ 5 лицъ, отвѣтственныхъ предъ палатой, облеченной правомъ назначать министровъ. И палата и правительство избирались на 1 годъ. Но въ странѣ, такъ долго находившейся подъ игомъ турокъ, раздираемой войной и мѣстными партіями, республиканская конституція не могла имѣть серьезнаго примѣненія. Напрасны были попытки поправокъ къ конституціи, сдѣланныя въ 1823 и 1826 годахъ. Очевидна была необходимость единоличнаго и достаточно крѣпкаго правительства. Новое собраніе въ Трезенѣ (1827 г.) избрало извѣстнаго графа Каподистрію президентомъ республики съ широкими полномочіями на 7 лѣтъ. Соотвѣтственно этому была измѣнена и конституція. Но Каподистрія управлялъ страною съ диктаторскими полномочіями, при содѣйствіи зависѣвшаго отъ него совѣта изъ 27 членовъ и министровъ. Права его были утверждены новою аргосскою конституціею 1829 года. Но чрезъ два года онъ былъ убитъ. Король Оттонъ I [1]), призванный на престолъ въ 1832 году, управлялъ страною безъ конституціи, которую онъ вынужденъ былъ дать Греціи только въ 1843 году. Безкровная, хотя и военная, революція 1843 года принесла Греціи конституцію, составленную по образцу бельгійской и французской 1830 года (см. ниже). Законодательная власть предоставлена королю, совмѣстно съ сенатомъ (γερουσία) и палатой депутатовъ (βουλή). Сенатъ образованъ изъ 27 членовъ, назначенныхъ пожизненно королемъ; члены палаты депутатовъ изби-

---

[1]) Братъ баварскаго короля—горячаго филэллина.

ралисъ по провинціямъ (епархіямъ) пропорціонально населенію (1 деп. на 10,000; 2 на 10—20 т.; 3 на 20—30 т.; 4 на 30 т.). Палаты собираются ipso jure къ 1 ноября каждаго года. Королю принадлежитъ исполнительная власть; онъ отправляетъ ее чрезъ отвѣтственныхъ министровъ. Граждане равны предъ закономъ; конституція не признаетъ дворянства и наслѣдственныхъ отличій. Православная церковь признана государственною; но вмѣстѣ съ тѣмъ конституція подтвердила начало вѣротерпимости.

Независимость грековъ была первымъ ударомъ преобладанію вѣнскаго двора. Вскорѣ онъ долженъ былъ почувствовать новые удары, направленные на существенные пункты вѣнскихъ трактатовъ 1815 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ІЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I. Новый толчекъ къ распространенію представительныхъ учрежденій данъ былъ событіями іюльской революціи. Характеръ послѣдней имѣлъ важное значеніе для революціонныхъ попытокъ въ другихъ странахъ. Реставрированная монархія Бурбоновъ продержалась во Франціи 16 лѣтъ; около 10 лѣтъ царствовалъ Людовикъ XVIII (1814—1824), остальныя 6 лѣтъ Карлъ X, братъ Людовика XVIII, не оставившаго послѣ себя прямого наслѣдника. Оба государя, различные по своему характеру и направленію, должны были, однако, служить интересамъ классовъ, погубившихъ монархію въ 1789 году и теперь стремившихся возстановить старый порядокъ въ свою пользу. Людовикъ XVIII по своему характеру, уму и образованію не былъ способенъ къ энергической реставраціи. Взгляды и образъ мыслей его сложились подъ вліяніемъ просвѣщенія XVIII столѣтія. Хотя ему и приходилось уступать притязаніямъ клерикальной партіи, но самъ онъ не принадлежалъ къ вѣрующимъ католикамъ. Рядомъ съ его вольномысліемъ въ немъ уживалось представленіе о значеніи и происхожденіи королевской власти, преемственное въ династіи Бурбоновъ. Но въ отправленіи своей власти, о которой онъ имѣлъ такое высокое понятіе, онъ не напоминалъ Генриха IV или Людовика XIV Онъ неспособенъ былъ противиться вліянію своихъ любимцевъ, изъ числа которыхъ особенно видное мѣсто занималъ сначала Блака, подъ конецъ царствованія Виллель и всю жизнь г-жа Кайла. Его умъ и тактъ часто сдерживали, правда, увлеченія такъ называемыхъ „ультра“. Онъ прошелъ тяжелую школу, проживъ 22

года въ изгнаніи, и не вынесъ изъ него раздраженія, которое овладѣло прошедшимъ такую же суровую школу братомъ его Карломъ X. Франція получила отъ него хартію, весьма хорошую по обстоятельствамъ того времени; опираясь на нее, династія могла долго управлять государствомъ. Но для того, чтобы дѣйствовать на основахъ этой хартіи, нужно было опереться на тѣ средніе классы народа, въ которыхъ было еще живо воспоминаніе о бѣдствіяхъ французской революціи, о войнахъ, о деспотизмѣ Наполеона I, и которые, слѣдовательно, относились враждебно къ республиканской и бонапартистской партіямъ. Для того, чтобы опереться на эту умѣренно-либеральную партію, Людовику XVIII слѣдовало обладать сильною волею, которой у него недоставало, и отказаться отъ партіи эмигрировавшаго дворянства, которое требовало для себя неумѣренныхъ наградъ за свои лишенія во время изгнанія и за свою вѣрность дѣлу короля; ему слѣдовало отказаться также отъ духовенства, которое хотѣло распространить свою власть не только на политическія дѣла, но и на всѣ сферы общественной жизни. Реакціонная партія группировалась при дворѣ наслѣдника Людовика XVIII, т.-е. брата его, графа Артуа, будущаго Карла X. Уже съ 1789 г. графъ д'Артуа руководилъ эмиграціею, центромъ которой былъ Кобленцъ. Послѣ реставраціи, французскимъ Кобленцомъ сдѣлался Pavillon Marsan—дворецъ графа Артуа. Какъ бы для полноты реставраціи „стараго порядка", друзья конституціи попрежнему нашли себѣ центръ въ Палэ-Роялѣ, и хитрый герцогъ Орлеанскій занялъ мѣсто, которое нѣкогда занималъ его отецъ—Филиппъ-Эгалитэ.

II. Съ первой минуты возстановленія Бурбоновъ сдѣлалось ясно, что Людовикъ XVIII не въ силахъ будетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть: королемъ Франціи, правящимъ ею на основаніи хартіи. Первое министерство, составленное Людовикомъ XVIII, должно было, повидимому, служить доказательствомъ его примирительной политики. Въ составъ министерства были призваны Талейранъ (иностр. дѣлъ) и аббатъ Монтескью (внутр. дѣлъ); баронъ Луи (финансы) и Д'Амбрэ (юстиція); генералъ Дюпонъ (военныя дѣла) и Малуэ (морское мин.). Такимъ образомъ, старые конституціоналисты, прежніе бонапартисты и люди „стараго порядка" нашли себѣ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были людьми выдающимися. Но видимое безпристрастіе въ выборѣ министровъ въ дѣйствительности парализировалось преобладающимъ вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ министромъ двора, графомъ Блака́, личнымъ другомъ короля, но совершенно не понимавшимъ новой Франціи [1]).

---

[1]) „Онъ остался въ Тюльери", говоритъ Гизо, „тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ Гартвелѣ (убѣжище Людовика XVIII въ Англіи): провинціальнымъ дворяниномъ, эми-

Рядъ мѣръ, не всегда правильно задуманныхъ и безтактно проводимыхъ, скоро вызвалъ общее недовольство и охладилъ восторгъ, съ которымъ былъ встрѣченъ Людовикъ. Наибольшее вниманіе правительства, конечно, должно было обратиться на армію. Здѣсь сильнѣе всего сохранилась привязанность къ павшему императору; армія въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ рѣшала судьбы Франціи. Новому правительству необходимо было утвердить свою власть въ рядахъ войска. Но цѣль эта осуществлялась не рядомъ послѣдовательныхъ и осторожныхъ мѣръ, а изгнаніемъ цѣлыхъ тысячъ наполеоновскихъ офицеровъ, быстро замѣненныхъ молодыми, не имѣвшими никакой военной опытности дворянами, возстановленіемъ полковъ старой королевской гвардіи, съ старыми ея отличіями и огромнымъ содержаніемъ. Трехцвѣтное знамя, съ которымъ было соединено столько военной славы, было замѣнено бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ.

Другое чувство, которое слѣдовало щадить не меньше, чѣмъ воинскую щекотливость старыхъ солдатъ и офицеровъ, было чувство цѣлаго класса новыхъ собственниковъ, владѣвшихъ распроданными національными имуществами. Для успокоенія его, въ конституціи была помѣщена статья 9, провозглашавшая неприкосновенность собственности, не исключая „имуществъ, называющихся національными“. Но часть этихъ имуществъ осталась *непроданною*. Правительство справедливо сочло себя въ правѣ возвратить ее бывшимъ собственникамъ и внести о томъ законопроектъ въ палаты, которыя его приняли. Правительственный докладчикъ законопроекта, графъ Ферранъ, съумѣлъ, однако, сдѣлать изъ этой мѣры нѣкоторую угрозу собственникамъ національныхъ имуществъ, распространившись объ обязанности и желаніи правительства вознаградить всѣхъ эмигрантовъ, какъ только къ тому представится возможность. Правительство поспѣшило успокоить общественное мнѣніе и опровергнуть слова своего оратора. Но неосторожное заявленіе по такому важному предмету не могло пройти безслѣдно.

Направленіе правительства въ области церковной политики не показывало серьезныхъ намѣреній возвратиться къ временамъ исключительности и нетерпимости. Но отдѣльныя проявленія не совсѣмъ искренней набожности, парадныя процессіи, безплодный законъ о соблюденіи воскреснаго дня, гоненія на отдѣльныхъ лицъ возбуждали общественную подозрительность и давали обильную пищу массѣ недовольныхъ.

грантомъ, придворнымъ и фаворитомъ—вѣрнымъ и мужественнымъ, не безъ личнаго достоинства и не безъ житейской ловкости, но безъ политическаго смысла, безъ честолюбія и дѣятельности государственнаго человѣка, и столь же чуждымъ Франціи, какъ и до возвращенія въ нее“. *Mémoires*, I, стр. 40.

Новый законъ о печати, столь важной въ условіяхъ конституціоннаго правленія, возстановлялъ въ значительной мѣрѣ предварительную цензуру и вызвалъ бурю еще во время его обсужденія.

Но опаснѣе всего для новаго правительства были дѣйствія аристократической и клерикальной партій. Они какъ бы оправдывали слова Ламартина: „новыя монархіи гибнутъ отъ ихъ враговъ, реставрированныя отъ ихъ друзей". Тысячи людей, „ничего не забывшихъ и ничему не научившихся въ изгнаніи", явились во Францію съ увѣренностью, что страна завоевана для нихъ. Послѣ многихъ лѣтъ, страна увидѣла вновь дерзость, высокомѣріе и жадность бывшихъ „привилегированныхъ", полагавшихъ, что король дѣлаетъ слишкомъ мало для монархіи (plus royalistes que le roi). Уже въ октябрѣ 1814 года одинъ изъ ревностнѣйшихъ роялистовъ, Шатобріанъ, счелъ необходимымъ предостеречь различныхъ „ультра" своей партіи отъ опасныхъ для монархіи увлеченій.

Если ничто не предвозвѣщало отмѣны хартіи 1814 года, то, съ другой стороны, ничто не давало увѣренности, что ея обѣщанія будутъ выполнены. Возраставшее недовольство нашло себѣ исходъ въ тайныхъ обществахъ, стремившихся низвергнуть Бурбоновъ ради республики или имперіи. Приверженцы послѣдней были еще сильны, но, безъ сомнѣнія, всѣ ихъ происки не имѣли бы успѣха безъ личнаго участія Наполеона, внезапно покинувшаго островъ Эльбу и явившагося во Францію (1 марта 1815 г.).

III. Походъ Наполеона на Парижъ былъ похожъ на тріумфальное шествіе; чрезъ 20 дней послѣ высадки, онъ былъ уже въ Тюльери; Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Бельгію. Но власть, легко возвращенная императору, была теперь тяжкимъ для него бременемъ. Независимо отъ предстоявшей борьбы съ европейскими державами, онъ долженъ былъ сдѣлать много уступокъ либерально-конституціонной партіи, т.-е. отказаться отъ диктатуры, организованной „конституціями" консульства и имперіи.

Противъ желанія и съ недовольствомъ, выражавшимся во многихъ гнѣвныхъ выходкахъ, согласился онъ замѣнить „конституціи имперіи", такъ называемымъ „дополнительнымъ актомъ" [1]), 22 апрѣля 1815 года, принятымъ 1.300.000 голосовъ.

Подобно тому, какъ Людовикъ XVIII во введеніи къ хартіи 1814 года старался связать преданія монархіи съ духомъ вѣка, такъ и возвратившійся императоръ старался показать, что „дополнительный актъ" есть только видоизмѣненіе „конституцій имперіи", вызванное потребностями времени и новыми цѣлями императорской политики.

---

[1]) Acte additionnel aux constitutions de l'empire.

„Тогда“, говорилось во введеніи, „мы имѣли въ виду организовать великую *систему европейской федераціи* (т.-е. завоевать Европу), которую мы усвоили, какъ согласную съ духомъ вѣка и благопріятную успѣхамъ просвѣщенія. Для того, чтобы выполнить эту систему и дать ей распространеніе и прочность, къ которымъ она была способна, мы *отсрочили* (?) установленіе многихъ внутреннихъ учрежденій, болѣе спеціально предназначенныхъ для охраненія *свободы* гражданъ. Отнынѣ наша цѣль состоитъ въ увеличеніи благосостоянія Франціи чрезъ утвержденіе общественной свободы“.

Согласно съ этою цѣлью, „конституціи имперіи“ были видоизмѣнены учрежденіями, взятыми преимущественно изъ хартіи Людовика XVIII. Двѣ палаты—пэровъ и депутатовъ—вотирующихъ налоги и, по предложенію правительства, законы и бюджетъ; отвѣтственность министровъ и перспектива измѣненія ст. 75 конституціи VIII года; несмѣняемость судей и отмѣна исключительныхъ судовъ, кромѣ военныхъ; рядъ „правъ гражданъ“, исчисленныхъ теперь въ особой (VI) главѣ—таковы перемѣны, допущенныя Наполеономъ и внесенныя въ дополнительный актъ либеральнымъ публицистомъ Констаномъ, призваннымъ къ участію въ составленіи этого акта.

Тѣмъ не менѣе, искреннее усвоеніе императоромъ „новыхъ цѣлей“ въ управленіи, такъ же, какъ и во внѣшней политикѣ, подлежало сомнѣнію, въ виду частыхъ его заявленій, болѣе согласныхъ съ понятіями Наполеона, чѣмъ „обезпеченіе гражданской свободы“.

Судьба новой конституціи рѣшилась, впрочемъ, битвою при Ватерлоо (18 іюня 1815 г.). „Конституціонная имперія“ Наполеона I мелькнула такимъ же метеоромъ, какъ и либеральная имперія (1869—1870) его племянника: Ватерлоо и Седанъ останутся надгробными памятниками той и другой.

IV. Вторая реставрація повлекла за собою болѣе тяжелыя внѣшнія и внутреннія послѣдствія для Франціи, чѣмъ первая. Новый мирный договоръ (20 ноября 1815 г.) ввелъ ее въ границы 1790 г., обложилъ огромною контрибуціею, до уплаты которой въ пограничныхъ крѣпостяхъ было оставлено 150.000 оккупаціонной арміи. Внутри реакціоннымъ партіямъ открылось широкое поприще для преслѣдованія бонапартистовъ, республиканцевъ и протестантовъ. „Бѣлый терроръ“, произведенный на югѣ (въ Тулузѣ, Марсели, Тулонѣ, Нимѣ и друг.), не уступалъ террору 1793 г. Мѣстныя власти не только не противодѣйствовали насиліямъ, убійствамъ и грабежамъ, но даже потакали имъ, а осторожный запросъ д'Аржансона, по поводу избіенія протестантовъ, вызвалъ въ „незамѣнимой палатѣ“, о которой мы сейчасъ скажемъ, цѣлую бурю. Его призвали къ порядку и заставили замолчать.

Выборы въ новую палату принесли въ нее большинство, составленное изъ крайнихъ сторонниковъ стараго порядка. Повидимому, настроеніе его давало правительственной партіи право назвать нижнюю палату „незамѣнимой“ (chambre introuvable). Но въ слѣдующемъ году Людовикъ XVIII принужденъ былъ распустить ее. Причины разлада палаты съ правительствомъ были настолько глубоки, что роспускъ послѣдней казался современникамъ роковою ошибкою правительства. Шатобріанъ громко порицалъ министерство, посовѣтовавшее королю распустить „единственную палату, которая послѣ 1789 года была проникнута чисто монархическими убѣжденіями“.

Но именно качество „монархическихъ убѣжденій“ палаты подлежало сомнѣнію. Гизо справедливо замѣчаетъ, что „незамѣнимая палата“ прежде всего представляла интересы прежнихъ *привилегированныхъ сословій,* и что характеръ борьбы, начавшейся въ 1815 г., былъ сословный. Пышнымъ лозунгомъ „тронъ и алтарь“ прикрывались своекорыстные интересы классовъ, стремившихся возстановить свое прежнее значеніе и видѣвшихъ въ королевской власти одно изъ орудій для этой цѣли. Руководителями палаты являлись лица, осуждавшія хартію 1814 г. и представлявшія принципы „стараго порядка“ во всей ихъ чистотѣ. Органомъ страстей палаты, говоритъ Гизо, былъ Лабурдонне, выразителемъ ея теорій — Бональдъ, представителемъ ея интересовъ — Виллель. При этихъ условіяхъ, правительство имѣло основаніе видѣть въ палатскомъ большинствѣ 1815 г. одностороннюю партію, факцію, ставившую правительство въ невозможность управлять страной.

Разладъ палаты съ правительствомъ обнаружился не сразу. Напротивъ, и палата, и правительство единодушно приняли исключительныя мѣры, признанныя необходимыми для утвержденія власти короля. Быстро прошли законы, пріостанавливавшіе гарантіи личной свободы, учреждавшіе „превотальные“ суды и ограничивавшіе печать. И въ этомъ, впрочемъ, случаѣ, ревность палатъ шла дальше намѣреній правительства. Иногда усердіе „ультра“ готово было оскорбить королевское достоинство. Такъ, внесено было предложеніе, чтобы король не имѣлъ права миловать лицъ, осужденныхъ превотальными судами иначе, какъ по представленію послѣднихъ.

Но дальнѣйшее поведеніе палаты показало, что правительство, для удовлетворенія ея желаній, должно будетъ обратиться въ безмолвное орудіе партіи, требовательной и опасной. Въ палатѣ реакціонная партія находила слабый еще противовѣсъ въ „центрѣ“, къ которому принадлежали Ройе-Колларъ, де-Серръ и другіе. Въ кабинетѣ она нашла противника въ лицѣ Деказа, новаго любимца короля, человѣка искренно преданнаго послѣднему и имѣвшаго болѣе

правильный взглядъ на условія тогдашняго управленія. Постепенно Деказъ привлекъ къ себѣ герцога Ришельё, перваго министра, и Ленэ, министра внутреннихъ дѣлъ. Король, который самъ ясно видѣлъ положеніе дѣлъ, согласился на роспускъ палаты (14 августа 1816 г.); 6 сентября былъ обпародованъ объ этомъ ордоннансъ.

V. Въ новой палатѣ большинство принадлежало „центру", составленному изъ лицъ умѣренной партіи и рѣшившихся поддерживать министерство. Руководительницею центра явилась небольшая группа людей, получившая названіе *доктринеровъ*. Ихъ программа довольно близко подходила къ началамъ хартіи 1814 г. или, по крайней мѣрѣ, облегчала ихъ примѣненіе. Они не вычеркивали, подобно Бональду и Лабурдонне, французской революціи изъ исторіи послѣднихъ лѣтъ; они видѣли въ ней результатъ предшествующей исторіи Франціи, давшій ей извѣстныя пріобрѣтенія, которыя она должна была сохранить. Но они отвергали революціонное стремленіе перестроить общество по началамъ чистаго разума и безъ историческихъ основъ. Въ ихъ понятіяхъ, французское общество являлось плодомъ всей исторіи Франціи, которая началась не съ 1789 года. Самыя пріобрѣтенія революціи могли быть прочны только подъ тѣмъ условіемъ, если государственное устройство будетъ опираться на историческіе элементы націи. Королевская власть является однимъ изъ такихъ элементовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она есть прочный оплотъ законной свободы. Затѣмъ французская революція, какъ результатъ всей исторіи Франціи, дала ей гражданское равенство и призвала къ власти средніе ея классы. Королевская власть въ сочетаніи съ средними классами, историческая династія въ соединеніи съ извѣстными пріобрѣтеніями революціи—таковы существенные пункты этой системы, являвшейся плодомъ теоретическаго взгляда на исторію Франціи и неисторическаго взгляда на революцію, дальнѣйшее развитіе которой предполагалось остановить примѣненіемъ хартіи 1814 года, т.-е. неудачнымъ компромиссомъ между историческими преданіями и революціонными принципами.

Но для потребностей минуты и съ точки зрѣнія „компромисса", содѣйствіе „центра", руководимаго доктринерами, было полезно для правительства Людовика XVIII: безъ нихъ оно было бы отдано на жертву страстной и беззастѣнчивой партіи.

Герцогъ Ришельё оставался во главѣ кабинета до окончанія работъ ахенскаго конгресса (1818 г.); но руководящая роль во внутренней политикѣ перешла къ Деказу, занявшему мѣсто Ришельё въ 1819 году; на него выпала задача руководить либеральною партіею, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сдерживать ее. Въ теченіе этихъ лѣтъ страна нѣсколько успокоилась относительно ближайшей судьбы своихъ

политическихъ учрежденій. Законъ о выборахъ (1817 г.), хотя и удерживавшій высокій цензъ [1]), давалъ классу плательщиковъ прямое и дѣйствительное вліяніе на составъ представительства. Дѣйствіе разныхъ исключительныхъ законовъ, вотированныхъ „незамѣнимою палатою", прекратилось. Вступивъ во власть, Деказъ побудилъ короля укрѣпить правительственное большинство въ палатѣ пэровъ посредствомъ возведенія въ пэрское достоинство 60 маршаловъ и другихъ высшихъ чиновъ временъ имперіи, составившихъ противовѣсъ стародворянской партіи. Наконецъ и *печать*, пріобрѣвшая въ періодъ реставраціи большое общественное значеніе, была поставлена въ лучшія условія, благодаря закону 1819 г.— одному изъ самыхъ льготныхъ, какіе только знала Франція со времени революціи.

Политическимъ партіямъ открывалось широкое поле для борьбы. Либеральный „центръ" расчитывалъ на новые успѣхи. Но рядомъ съ нимъ и въ наружномъ съ нимъ союзѣ, дѣйствовали ассоціаціи и тайныя общества, возникшія еще въ темные дни реставраціи. Независимо отъ различія своихъ взглядовъ на формы правленія, они одинаково представляли начала революціи, не вступавшей въ соглашеніе съ легитимною монархіею. Во главѣ вліятельнѣйшихъ союзовъ стояли Лафайетъ, генералы Тріаръ, Ламаркъ и друг. Но центральному комитету либеральнаго союза былъ противупоставленъ легитимистическій союзъ, извѣстный подъ именемъ конгрегаціи. Руководимая знаменитымъ клерикальнымъ философомъ Бональдомъ, конгрегація видѣла въ числѣ своихъ членовъ представителей древнѣйшихъ фамилій Франціи — Полиньяка, Монморанси, Ларошфуко и друг. Могущественнымъ орудіемъ „конгрегаціи" явилось духовенство, возбуждавшее націю тенденціозными процессіями, фанатическими проповѣдями, угрозами на исповѣди и т. д.

Обѣ стороны подготовлялись къ рѣшительной борьбѣ. Выборы 1819 г. принесли побѣду либераламъ, получившимъ теперь 90 голосовъ изъ 257. Въ числѣ избранныхъ лицъ оказался и извѣстный аббатъ Грегуаръ, бывшій членъ конвента, одобрившій казнь Людовика XVI. Избраніе Грегуара произвело потрясающее впечатлѣніе при дворѣ и въ средѣ палатскаго большинства. Деказъ, положеніе котораго колебалось, рѣшился уступить. Хотя выборы Грегуара не были кассированы, но онъ не былъ допущенъ въ палату. Въ то же время Деказъ обѣщалъ измѣненіе избирательнаго закона, который обезпечивалъ бы палатѣ консервативное большинство. Три члена кабинета подали въ отставку [2]) и замѣнены другими.

---

[1]) Подробно этотъ законъ будетъ разсмотрѣнъ въ догматической части.

[2]) Баронъ Луи, Дессоль и Гувіонъ-де-С.-Сиръ.

Но Деказъ не спасъ себя этими уступками. Одно случайное и печальное событіе свергло его и надолго отдало власть правой сторонѣ. Ограниченный фанатикъ Лувель, сѣдельный подмастерье, рѣшился „пресѣчь“ династію Бурбоновъ, поразивъ того изъ ея принцевъ, который, по своимъ физическимъ качествамъ, одинъ могъ продолжать свой родъ—именно герцога Беррійскаго. Онъ подстерегъ свою жертву 13 февраля 1820 года и нанесъ герцогу смертельный ударъ кинжаломъ.

Событіе, само по себѣ ужасное, имѣло печальное послѣдствіе для Франціи, благодаря во многихъ отношеніяхъ искусственной ревности правой стороны. Одинъ изъ депутатовъ поспѣшилъ, безуспѣшно впрочемъ, внести обвиненіе Деказа въ соучастіи съ Лувелемъ и въ государственной измѣнѣ.

Тщетно старался Деказъ успокоить бурю предложеніемъ законовъ противъ печати, относительно права административныхъ арестовъ и новой системы выборовъ. Графъ д'Артуа, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе настояли у короля на отставкѣ Деказа. Послѣ двухлѣтняго (второго) министерства Ришельё (1820—1822), не успѣвшаго удовлетворить желаніямъ ревностныхъ роялистовъ, составленіе кабинета было поручено, по настоянію графа д'Артуа, Матьё Монморанси и Виллелю. Послѣдній былъ дѣйствительнымъ главою кабинета и остался таковымъ до 1827 года. Ему выпала роль, которую выполнялъ Деказъ по отношенію къ либеральной партіи. Виллель призванъ былъ сдерживать консерваторовъ, дабы новая палата не обратилась въ „незамѣнимую“. Но не всегда онъ могъ выполнить эту задачу. Знаменательнѣйшимъ событіемъ послѣдняго года царствованія Людовика XVIII была, какъ мы видѣли, экспедиція въ Испанію, возстановившая неограниченную власть Фердинанда VII. Она породила страшный расколъ въ палатѣ. Большинство исключило изъ палаты депутата Мануэля, въ рѣчи котораго усмотрѣно было косвенное оправданіе казни Людовика XVI. Оппозиція, въ числѣ 62 лицъ, представивъ президенту палаты протестъ, не допущенный къ чтенію, вышла изъ палаты на все продолженіе сессіи. Это событіе оставило глубокій слѣдъ въ обществѣ.

Для будущей судьбы государства было печально то обстоятельство, что Людовикъ XVIII, въ умѣ и умѣренности котораго находили преграду реакціонныя увлеченія, теперь окончательно ослабѣлъ, отдавшись въ руки графа д'Артуа, руководимаго клерикальною партіею. 16 сентября 1824 года онъ скончался, слабымъ голосомъ совѣтуя брату своему держаться примирительной и умѣренной политики.

VI. Вступленіе Карла X на престолъ оживило нѣсколько на

первое время французское общество, такъ какъ новый король началъ съ амнистіи и далъ свободу печати. Но вліяніе могущественной клерикальной партіи, восторжествовавшей еще въ концѣ царствованія Людовика XVIII, привело къ катастрофѣ 1830 года. Первый министръ—Виллель, человѣкъ большихъ правительственныхъ способностей и расширившій свои взгляды въ правительственной практикѣ, тщетно боролся противъ требованій клерикальной камарильи и „конгрегаціи“. Основавъ свою власть на поддержкѣ клерикаловъ и ультра-роялистовъ, онъ, по необходимости, долженъ былъ поддерживать законы, противные его взглядамъ. Наиболѣе тягостное впечатлѣніе произвели: во-первыхъ, законъ о вознагражденіи эмигрантовъ, которымъ палата, несмотря на тяжелое положеніе казначейства, назначила милліардъ франковъ; во-вторыхъ, законъ о святотатствѣ, усилившій наказанія за это преступленіе. Хотя уже раньше наказанія за кражу священныхъ предметовъ были довольно строги, но теперь, подъ вліяніемъ духовенства, предполагалось усилить ихъ; назначалась вѣчная ссылка на галеры за похищеніе церковныхъ сосудовъ, смертная казнь за ограбленіе церкви, и т. д. Пейроннэ, министръ юстиціи, защищая проектъ, сослался на примѣръ египтянъ, индусовъ и прочихъ древнихъ народовъ. „Горе намъ“, говорилъ онъ, „если мы покажемъ меньше благоговѣнія и страха предъ истиннымъ Богомъ, чѣмъ язычники предъ своими идолами“.

Министръ не отвѣтилъ, однако, на вопросъ: требуетъ ли Богъ истинный такихъ знаковъ благоговѣнія, какъ боги языческіе. Шатобріанъ, графъ Монлозье и другіе искренніе роялисты возражали противъ законопроекта; онъ, тѣмъ не менѣе, прошелъ. Много неудовольствій возбудилъ также законъ, возстановлявшій въ скромныхъ формахъ право первородства. Покровительство іезуитамъ, монашескимъ орденамъ, возраставшее вліяніе конгрегаціи возбудили, наконецъ, противодѣйствіе въ самой аристократической партіи. Памфлетъ графа Монлозье противъ іезуитовъ и конгрегаціи жадно читался и выдержалъ нѣсколько изданій. Но необузданность реакціонной партіи должна была найти первую преграду въ томъ учрежденіи, которое создано было съ цѣлями консервативными — въ палатѣ пэровъ. Въ угоду клерикальной партіи, министерство внесло въ палату депутатовъ (1827 г.) законопроектъ о печати, превосходившій все, что́ до тѣхъ поръ было изобрѣтаемо министерствомъ для стѣсненія прессы какъ періодической, такъ и непеpіодической. Не смотря на всѣ усилія оппозиціи, на блестящую рѣчь Ройе-Коллара, сдѣлавшуюся событіемъ дня, проектъ былъ принятъ палатой депутатовъ большинствомъ $^{2}/_{3}$ голосовъ. Но въ палатѣ пэровъ законопроектъ встрѣтилъ такое сопротивленіе, что министерство поспѣшило взять его назадъ

(17 апрѣля 1827 г.). Парижъ и другіе города отпраздновали это событіе иллюминаціями, факельными шествіями и другими изъявленіями радости.

Министерство рѣшилось, однако, не покидать своего поста, не испытавъ новыхъ способовъ сохранить власть. Рѣшительныя мѣры были неизбѣжны, въ виду того, что недовольство министерствомъ и его клерикальнымъ направленіемъ обнаруживалось настойчиво. Оно выразилось во время смотра національной гвардіи (29 апрѣля), произведеннаго королемъ. Хотя король лично былъ встрѣченъ шумными виватами, но мѣстами раздавались виваты хартіи, а подъ конецъ нѣкоторые батальоны, проходя по улицамъ, кричали: „долой министерство! долой іезуитовъ!“ Манифестація національной гвардіи имѣла своимъ послѣдствіемъ ея распущеніе, возбудившее сильное неудовольствіе въ среднихъ классахъ, изъ которыхъ она составлялась.

Сессія палатъ 1827 года закончилась подъ впечатлѣніемъ этихъ событій (28 іюня). Министерство Виллеля подготовлялось къ послѣдней борьбѣ въ глубокой тайнѣ, обезпеченной молчаніемъ журналистики, которая была подчинена строгой цензурѣ, возстановленной простымъ королевскимъ ордоннансомъ. Распоряженія, подготовленныя Виллелемъ, были, наконецъ, обнародованы 5 ноября. Въ верхнюю палату назначено было 76 новыхъ пэровъ; палата депутатовъ распущена, при чемъ для новыхъ общихъ выборовъ назначенъ былъ краткій срокъ; какъ бы въ видѣ вознагражденія за эти мѣры, цензура была отмѣнена.

Но послѣднія усилія министерства не увѣнчались успѣхомъ. Его усиліямъ была противупоставлена напряженная дѣятельность политическаго общества „Aide-toi, le ciel t'aidera“, къ которому примкнули теперь всѣ партіи, враждебныя министерству. Выборы въ нижнюю палату, особенно въ Парижѣ, были произведены въ оппозиціонномъ духѣ. Виллель долженъ былъ, наконецъ, подать въ отставку; въ началѣ января 1828 года, былъ образованъ новый кабинетъ, въ которомъ первенствующая роль принадлежала Мартиньяку.

Новый кабинетъ не въ состояніи былъ остановить развитіе оппозиціи. Подъ вліяніемъ раздраженія, оставленнаго многолѣтнимъ министерствомъ Виллеля, цѣли ея шли гораздо дальше простой „перемѣны кабинета“; имъ не могло удовлетворить министерство Мартиньяка. Съ другой стороны, и король, вынужденный на отставку Виллеля и неохотно передавшій управленіе Мартиньяку, не смотря на монархическія убѣжденія послѣдняго, слабо поддерживалъ новый кабинетъ. Время управленія послѣдняго являлось моментомъ роздыха въ великой борьбѣ, развязка которой приближалась. Въ теченіе этого короткаго срока было, правда, сдѣлано нѣсколько уступокъ либе-

ральной оппозиціи. Порядокъ выборовъ въ палату депутатовъ былъ улучшенъ новыми правилами, обезпечивавшими бо̀льшую ихъ свободу; законы о печати измѣнены въ благопріятномъ для нея духѣ; одно изъ наслѣдій наполеоновскаго времени, „черный кабинетъ“, предназначенный для перлюстраціи, упраздненъ; школы, учрежденныя іезуитами, были подчинены государственному надзору, къ великому негодованію клерикальной партіи, выражавшей его въ самыхъ жесткихъ словахъ и статьяхъ; экспедиція генерала Мэзона довершала освобожденіе Мореи отъ Египетскихъ войскъ [1]). Но всѣ эти мѣры не давали министерству прочнаго большинства въ палатѣ и принимались королемъ (особенно мѣры противъ іезуитовъ) противъ воли. Положеніе министерства могло быть поколеблено незначительнымъ даже обстоятельствомъ. Такимъ обстоятельствомъ явилось довольно случайное пораженіе министерства по законопроекту о преобразованіи мѣстнаго управленія. Продержавшись до конца сессіи, оно, послѣ закрытія палатъ, было замѣнено (9 августа 1829 г.) ультра-реакціоннымъ министерствомъ князя Полиньяка [2]).

Прошлое князя, его религіозныя и политическія убѣжденія, слухи о которыхъ были во многомъ преувеличены его врагами; мнѣніе объ ограниченности его способностей, основанное на отзывахъ самого Виллеля, скорбѣвшаго, что министерскій переворотъ совершился не въ его пользу—все это содѣйствовало крайней непопулярности министерства съ первыхъ дней его существованія. Имена и прошлое другихъ его членовъ не могли успокоить взволнованную страну. Страстный ораторъ реакціонной оппозиціи—Лабурдонне, получилъ министерство внутреннихъ дѣлъ [3]). Новый военный министръ, генералъ Бурмонъ, навлекъ на себя негодованіе измѣною подъ Ватерлоо. Министръ юстиціи, Курвуазье, принадлежалъ къ клерикальной партіи. Единственное популярное имя принадлежало адмиралу Риньи, герою Наварина, получившему морское министерство. Но адмиралъ отказался отъ этого мѣста, которое было предоставлено неизвѣстному въ морскомъ управленіи Госсэ.

---

[1]) См. выше.

[2]) Князь Жюль Полиньякъ былъ сынъ одной изъ самыхъ приближенныхъ къ королевѣ Маріи Антуанетѣ придворныхъ дамъ — герцогини Полиньякъ. Въ началѣ революціи, онъ, вмѣстѣ съ другими аристократическими семействами, эмигрировалъ. Въ 1804 году онъ явился во Францію, былъ замѣшанъ въ дѣло Кадудаля (см. выше), приговоренъ къ тюремному заключенію, въ которомъ оставался до паденія Наполеона. Впослѣдствіи онъ сдѣлался ревностнымъ членомъ „конгрегаціи“.

[3]) Онъ, впрочемъ, скоро оставилъ кабинетъ, убѣдившись, что гораздо легче дѣлать реакціонную оппозицію страстными рѣчами, чѣмъ проводить свои начала въ практической области управленія.

Справедливо или нѣтъ, но назначеніе такого кабинета было сочтено за явное предвѣстіе государственнаго переворота, задуманнаго правительствомъ. Общественная подозрительность и раздраженіе выражались недвусмысленно. Въ однѣхъ частяхъ Франціи составлялись общества, члены коихъ обязывались не платить налоговъ, установленныхъ безъ согласія палатъ; въ другихъ частяхъ послѣдовалъ рядъ манифестацій при проѣздѣ Лафайета; печать возвысила тонъ до угрожающихъ нотъ; многіе члены государственнаго совѣта, назначенные при Мартиньякѣ, вышли въ отставку.

VII. Въ теченіе 1829 года министерство Полиньяка не обнаружило, однако, никакихъ стремленій къ „государственному перевороту“, въ коихъ его подозрѣвали. Но отдѣльные поступки, можно сказать, выходки, какъ со стороны двора, такъ и неосторожныхъ друзей его, усиливали всѣ подозрѣнія. Такъ, на привѣтствіе, принесенное парижскимъ судомъ на новый 1830 годъ, король отвѣтилъ сухо, а супруга дофина, когда первый президентъ суда началъ свое привѣтствіе, прервала его словами: „passez, passez!“ Лица, близкія къ министерству, печатали брошюры, оправдывавшія государственные перевороты. Такіе поступки, не служа интересамъ монархіи, давали оппозиціи сильное оружіе, ибо ставили ее на почву *хартіи*, которую готовилось нарушить правительство. Однимъ изъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ органовъ этой конституціонной оппозиціи сдѣлался основанный въ 1830 году *National*, редактировавшійся молодымъ человѣкомъ большихъ талантовъ и игравшимъ потомъ видную роль въ исторіи своего отечества — Адольфомъ Тьеромъ. Дополнительные выборы дали, сверхъ того, палатской оппозиціи знаменитаго историка Гизо, избраннаго, благодаря покровительству Лафайета и общества „Aide-toi“.

Сессія палатъ была открыта 2 марта 1830 г. Правительство рѣшилось, съ одной стороны, показать свою твердость предъ оппозиціею, а съ другой, занять общественное мнѣніе предпріятіемъ, льстившимъ славѣ французскаго оружія. Къ той и другой цѣли была направлена тронная рѣчь короля. Она возвѣщала объ экспедиціи въ Алжиръ, приглашала палаты содѣйствовать правительству, заявляла, что хартія поставлена подъ защиту короля, и увѣщевала представителей не вѣрить „коварнымъ инсинуаціямъ“ (perfides insinuations). „Но“, заключалъ король, „если бы преступные происки создали моему правительству препятствія, которыхъ я не могу и не хочу предвидѣть, я найду силу преодолѣть ихъ въ моемъ рѣшеніи поддержать общественное спокойствіе, въ справедливомъ довѣріи французовъ и въ той любви, которую они всегда показывали своимъ королямъ“. Эти угрожающія слова были произнесены, по свидѣ-

тельству Гизо, съ аффектаціею больше, чѣмъ съ энергіею. Виваты правой стороны были болѣе шумны, чѣмъ радостны; остальные члены палатъ безмолвствовали.

Обѣ палаты приняли рѣшеніе въ отвѣтныхъ адресахъ раскрыть предъ королемъ истинное положеніе страны, возбужденіе которой зависѣло пока отъ свойствъ министерства Полиньяка. Но адресъ палаты пэровъ былъ безцвѣтенъ и составленъ въ уклончивыхъ выраженіяхъ. Тѣмъ энергичнѣе взялась за дѣло палата депутатовъ. Проектъ адреса, составленный главнымъ образомъ либеральнымъ журналистомъ Этьеномъ съ участіемъ Дюпена и Готье, заключалъ въ себѣ, во-первыхъ, заявленіе чувствъ вѣрности и любви къ престолу, одушевляющихъ націю и въ которыхъ король могъ убѣдиться во время своей поѣздки по Франціи (1828 г.).

„Но, Государь", продолжалъ проектъ, „среди общихъ чувствъ уваженія и преданности, коимъ окружаетъ Васъ Вашъ народъ, въ умахъ проявляется сильное безпокойство, нарушающее безопасность, которою Франція начала пользоваться, истощающее источники ея благосостоянія и могущее (если бы оно продолжалось) сдѣлаться роковымъ для ея спокойствія. Наша совѣсть, наша вѣрность, въ которой мы Вамъ присягнули и которую мы всегда сохранимъ, налагаетъ на насъ обязанность указать на *причину* этого безпокойства".

„Хартія", продолжалъ адресъ, „допустила скромное, но благотворное участіе націи въ управленіи. Участіе это дѣлаетъ изъ взаимодѣйствія (concours) политическихъ видовъ правительства и желаній народа необходимое условіе правильнаго хода общественныхъ дѣлъ".

„Государь, наша вѣрность и преданность вынуждаютъ насъ [1]) сказать, что этого взаимодѣйствія не существуетъ".

„Несправедливое недовѣріе къ чувствамъ и разуму націи является теперь основною мыслью правительства; Вашъ народъ огорчается ею, потому что она для него оскорбительна; онъ обезпокоенъ ею, потому что она угрожаетъ его свободѣ".

„Это недовѣріе не можетъ имѣть доступа къ благородному сердцу Вашему. Нѣтъ, Государь, Франція столь же не хочетъ анархіи, сколько Вы деспотизма; она достойна, чтобы Вы довѣряли ея вѣрности такъ же, какъ она вѣритъ Вашимъ обѣщаніямъ".

„Пусть Высокая мудрость Вашего Величества рѣшитъ между незнающими этой спокойной и вѣрной націи и нами, приносящими Вамъ съ глубокимъ убѣжденіемъ горести цѣлой націи, ревнующей объ уваженіи и довѣріи своего короля! Ваши прерогативы дали

---

[1]) Въ подлинникѣ „nous condamnent", что̀ еще сильнѣе.

Вамъ, между всѣми другими государственными властями, средство обезпечить конституціонное согласіе—первое и необходимое условіе силы престола и величія Франціи".

Пренія, вызванныя въ палатѣ проектомъ адреса, были бурны. Они дали поводъ Гизо сказать его первую блестящую рѣчь. Наконецъ, адресъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181. Депутація, предводимая Ройе-Колларомъ, представила его королю (18 марта). Отвѣтъ послѣдняго былъ сухъ, но не высокомѣренъ; онъ принадлежалъ человѣку, твердо рѣшившемуся продолжать свою политику.

На другой день по представленіи адреса, сессія палатъ была отсрочена до 1 сентября; 16 мая она была распущена, что́ служило яснымъ признакомъ рѣшительной борьбы, къ которой готовилось министерство. Составъ послѣдняго также былъ измѣненъ. Двое изъ болѣе умѣренныхъ его членов (Курвуазье и Шаброль) вышли изъ него; одинъ изъ авторовъ законовъ о „святотатствѣ", Пейроннэ, получилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ.

Настроеніе избирателей не измѣнилось, однако, отъ этой мѣры; вѣсти о быстрыхъ успѣхахъ арміи въ Алжирѣ лишь на время оживили надежды министерства. Усилія префектовъ влiять на избирателей остались тщетными; безполезна была и прокламація короля, обращенная къ народу. Выборы не только возобновили полномочія 221 депутатовъ, подавшихъ голоса за адресъ, но и увеличили оппозицію многими новыми членами. Министерству оставалось на выборъ или отставка, или государственный переворотъ. Послѣдній, впрочемъ, былъ уже рѣшенъ въ умѣ Карла X, несмотря на совѣты дружественныхъ ему державъ—Россіи и Австріи.

„За нѣсколько дней до іюльскихъ ордоннансовъ", разсказываетъ Гизо, „русскій посолъ, Поццо-ди-Борго, имѣлъ аудіенцію у короля. Онъ засталъ его за рабочимъ столомъ, съ глазами, устремленными на хартію, открытую на 14 статьѣ. Карлъ X читалъ и перечитывалъ эту статью, ища въ ней съ честнымъ безпокойствомъ ея смыслъ и значеніе, какіе ему нужно было найти. Въ этихъ случаяхъ всегда находишь то, что́ ищешь; и разговоръ короля, хотя колеблющійся и неясный, оставилъ въ послѣ мало сомнѣній относительно того, что́ готовилось".

Статья 14 давала, какъ мы видѣли, королю право издавать ордоннансы, необходимые для безопасности государства. Но гдѣ были предѣлы этой распорядительной власти? Не подлежало сомнѣнію, что путемъ распоряженій не могло быть пріостановлено дѣйствіе *конституціи*, какъ основного закона, утвержденнаго присягою короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конституція опредѣлительно постановляла,

что *законодательная власть* отправляется совмѣстно королемъ и палатами. Въ хартіи не было также постановленія, подобнаго ст. 63 нынѣшней прусской конституціи, по которой королевскія распоряженія въ иныхъ случаяхъ могутъ имѣть силу временныхъ *законовъ*. Между тѣмъ, въ силу широкаго толкованія статьи 14, королевскими ордоннансами была поколеблена сила конституціи и установлены новыя *законодательныя* правила. Именно, 26-го іюля появилось пять ордоннансовъ, изъ которыхъ первые три были существенно важны: 1) палата, только что выбранная, но еще неоткрытая, распускалась и назначались новые выборы; слѣдовательно, палата была распущена не по поводу *ея* дѣйствій, но по поводу неблагопріятныхъ для министерства *выборовъ*, чѣмъ нарушалась ихъ свобода; 2) своей властью король измѣнилъ избирательный законъ [1]), и 3) была возстановлена предварительная цензура. Два послѣдніе ордоннанса заключали въ себѣ распоряженія: 1) чтобы вновь избранная палата собралась къ сентябрю и 2) нѣкоторые члены государственнаго совѣта (Conseil d'Etat), обвиняемые въ разныхъ стремленіяхъ, несогласныхъ съ видами министерства, были удалены и на мѣсто ихъ назначены другія лица. Эти пять ордоннансовъ были окончательнымъ поводомъ къ возстанію [2]). Послѣ трехдневной уличной борьбы (27, 28 и 29 іюля) монархія Бурбоновъ пала, и престолъ былъ предоставленъ Людовику-Филиппу Орлеанскому палатами, созванными имъ въ качествѣ „намѣстника королевства", званіе котораго было предоставлено ему „депутатами, находившимися въ Парижѣ".

Палата депутатовъ, въ засѣданіи 7 августа, объявила тронъ вакантнымъ, измѣнила нѣкоторыя статьи хартіи 1814 года и постановила, что „всеобщій и настоятельный интересъ французскаго народа призываетъ на престолъ Е. К. В. Людовика-Филиппа Орлеанскаго", и что онъ „будетъ приглашенъ *присягнуть* на приведенныя выше условія, на соблюденіе хартіи и послѣдовавшія въ ней измѣненія и, по принесеніи присяги, принять титулъ *короля французовъ* [3]).

Палата *пэровъ* подчинилась рѣшенію депутатовъ. Оставляя пока характеристику новой монархіи, замѣтимъ, что особенно существенныхъ перемѣнъ въ устройствѣ Франціи не произошло. Хартія 9-го августа 1830 г. представляла тѣ же начала, что и хартія 1814 г. Она была видоизмѣнена только въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Укажемъ

---

[1]) Избирательныя права землевладѣльцевъ были расширены на счетъ промышленнаго класса.

[2]) Министры Карла X, послѣ установленія новаго правительства, были преданы суду. Объ ихъ процессѣ будетъ сказано въ догматической части.

[3]) Вмѣсто стараго титула „короля Франціи и Наварры", напоминавшаго „старый порядокъ".

на существеннѣйшіе: 1) выпущено было введеніе, которое заключало указаніе на октроированіе хартіи; 2) королю были предоставлены приблизительно тѣ же права, что и по хартіи 14 года, но съ ограниченіями: ст. 14 была видоизмѣнена въ томъ смыслѣ, что король можетъ давать распоряженія, но не можетъ остановить дѣйствія существующихъ законовъ. Инициатива законовъ была раздѣлена между королемъ и палатой. Закономъ 1831 года былъ видоизмѣненъ составъ палаты пэровъ: она должна была состоять изъ лицъ, назначенныхъ королемъ, при чемъ онъ долженъ былъ избрать лицъ изъ извѣстныхъ категорій, отличившихся на государственномъ поприщѣ или на поприщѣ торговли, промышленности, наукъ,—словомъ, изъ notabilités du pays. Назначенія пэровъ, состоявшіяся при Карлѣ X, кассированы. Составъ палаты депутатовъ оставался тотъ же, но вышедшій вскорѣ послѣ обнародованія хартіи избирательный законъ понизилъ избирательный цензъ. Въ послѣднее время царствованія Бурбоновъ, благодаря высокому цензу всѣхъ избирателей—на 30-ти милліонное народонаселеніе Франціи приходилось 80 тысячъ, вслѣдствіе пониженія съ 300 франковъ на 200—число ихъ увеличилось до 225 тысячъ, хотя и это число не представлялось достаточнымъ для такой густо-населенной страны, какъ Франція. Возрастъ, требуемый отъ депутатовъ, былъ пониженъ съ 40 на 30; для избирателей—съ 30 на 25. Такимъ образомъ, съ измѣненіями, хартія 14-го года обратилась въ хартію 30-го года. Но если въ отношеніи своего *содержанія* эта хартія почти тождественна съ своею предшественницею, то она рѣзко отступаетъ отъ нея въ условіяхъ ея изданія и въ нѣкоторыхъ началахъ. Во-первыхъ, она явилась актомъ *учредительной власти*, осуществленной палатами (и даже одной палатой). Во-вторыхъ, престолъ былъ предоставленъ новой династіи волею палаты во имя націи; этимъ дѣйствіемъ было *отвергнуто начало легитимности*, провозглашенное вѣнскимъ конгрессомъ, и измѣнялись соотвѣтствующія постановленія вѣнскаго и другихъ трактатовъ. Послѣ долгаго перерыва, начало народовластія, хотя и въ болѣе скромныхъ формахъ, было противопоставлено принципамъ, усвоеннымъ другими державами. Это было тѣмъ болѣе важно, что проявленіе революціонныхъ началъ не могло быть подавлено во Франціи иноземнымъ вмѣшательствомъ, какъ въ Испаніи и Италіи. Напротивъ, революція 1830 года дала толчекъ къ подобнымъ же движеніямъ въ другихъ странахъ.

VIII. Вліяніе революціи 1830-го года на окружающія страны не было, однако, такъ сильно, какъ этого можно было ожидать сначала. Это зависѣло, во-первыхъ, отъ того, что самъ Людовикъ-Филиппъ принялъ всѣ мѣры, чтобы устранить Францію отъ дѣятельнаго вмѣ-

шательства въ дѣла окружающихъ государствъ. Новый король, получившій неожиданно престолъ, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы зарекомендовать себя предъ руководящими дворами, между которыми австрійскій занималъ первое мѣсто. Уже въ августѣ король отправилъ въ Вѣну генерала Бельяра для переговоровъ съ Меттернихомъ. Изъ разговора, опубликованнаго въ запискахъ послѣдняго, видно, что генералу поручено было выразить твердое намѣреніе короля сохранить порядокъ во Франціи и воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ. И дѣйствительно, Франція по возможности воздерживалась отъ дѣйствія. Но почва для политическаго движенія была настолько подготовлена, что въ нѣкоторыхъ государствахъ перевороты совершились самостоятельно. Если Франція не взялась за революціонную проповѣдь, какъ это было въ 1792 году, то, съ другой стороны, развитіе конституціонныхъ учрежденій въ другихъ государствахъ не встрѣчало теперь противодѣйствія со стороны державы, являвшейся главнымъ оплотомъ контръреволюціи во время республики и имперіи. Господство ультра-торійскихъ началъ въ Англіи, объяснявшееся условіями борьбы съ Наполеономъ, потеряло почву съ паденіемъ послѣдняго. Страна, остановленная въ своемъ внутреннемъ развитіи, нетерпѣливо ожидала преобразованій, необходимость которыхъ была ясно сознана еще въ XVIII вѣкѣ. Парламентское представительство требовало коренныхъ преобразованій, заявленныхъ еще министерствомъ Питта; экономическое состояніе страны, изнуренной продолжительными войнами, застоемъ въ промышленности и торговлѣ, нуждалось въ серьезныхъ мѣрахъ, на которыя указывали грозныя волненія рабочихъ; Ирландія, сдерживаемая исключительными законами, была далека отъ умиротворенія. Разрѣшать всѣ внутренніе вопросы однѣми репрессивными мѣрами становилось затруднительнымъ уже потому, что, слѣдуя реакціонной политикѣ послѣ 1815 года, Англія низводилась на положеніе второстепенной державы, получающей указанія отъ священнаго союза.

Господство строгихъ торіевъ продолжалось, однако, еще нѣсколько лѣтъ. Самоубійство Каслье (12 августа 1822 г.) образовало въ этой партіи брешь, настолько значительную, что поворотъ въ политикѣ явился возможнымъ. Онъ совершился, вслѣдствіе вступленія въ министерство геніальнаго Каннинга [1]), занявшаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ возсоздалъ для своего отечества независимое и вліятельное положеніе, разорвавъ съ политикою свя-

---

[1]) Джонъ Каннингъ, род. въ 1770 г., ум. въ 1827 г. Получилъ портфель министра иностр. дѣлъ въ сентябрѣ 1822 г.

щеннаго союза и поддерживая либеральныя партіи въ другихъ государствахъ. Признаніе независимости американскихъ колоній Испаніи, образованіе англо-франко-русскаго союза для поддержки грековъ были его дѣломъ. Судьба не дала ему дожить до Наваринской битвы: онъ скончался 8 августа 1827 г.

Дѣло Каннинга не погибло съ его смертью. Толчокъ, имъ данный, былъ настолько силенъ, и общественное мнѣніе настолько пробудилось, что консервативное министерство герцога Веллингтона должно было пойти по пути преобразованій. Недостатокъ политическихъ способностей „желѣзнаго герцога“ восполнялся геніемъ и проницательностью другого члена его кабинета, знаменитаго Роберта Пиля [1]). Устройство ирландскихъ дѣлъ было ближайшею задачею кабинета; распространеніе политическихъ правъ на католиковъ, лишенныхъ этихъ правъ въ силу test act'а [2]) — настоятельнѣйшею необходимостью. Не смотря на оппозицію собственной партіи и противодѣйствіе короля Георга IV, билль объ эманципаціи католиковъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ и получилъ королевское утвержденіе (13 апрѣля 1829 г.).

Эманципаціею католиковъ были исчерпаны уступки, которыя въ данную минуту способна была сдѣлать прогрессивная часть торійской партіи. Менѣе всего готова была она уступить по вопросу о парламентской реформѣ, такъ какъ при существовавшей системѣ представительства вліяніе землевладѣльческой аристократіи было обезпечено чрезъ господство ея въ графствахъ и въ избирательныхъ мѣстечкахъ. Между тѣмъ, ростъ промышленно-торговаго класса требовалъ участія его въ народномъ представительствѣ, права котораго были лишены богатѣйшіе центры англійской промышленности, развившіеся въ теченіе XVIII столѣтія [3]).

Уже въ XVIII ст. была сознана необходимость измѣненія основаній представительства. Даже министерство Питта младшаго готовилось приступить къ этому дѣлу. Но борьба съ французскою революціею, аристократическая реакція, вызванная страхомъ предъ демократическими идеями, нашедшими сильный отголосокъ въ Англіи, остановили всѣ начинанія. Друзья парламентской реформы были смѣшаны съ сторонниками революціонныхъ идей и подвергались одинаковому преслѣдованію. Одинъ изъ главнѣйшихъ виговъ, кото-

---

[1]) Peel, род. въ 1788, ум. въ 1850 г. Въ кабинетѣ Веллингтона занималъ мѣсто министра внутр. дѣлъ.

[2]) См. выше стр. 367.

[3]) Причины, вызвавшія парламентскую реформу въ Англіи, подробно будутъ изложены въ догматической части.

рый въ началѣ своей политической карьеры выступилъ горячимъ защитникомъ реформы — графъ Грей — долженъ былъ ожидать 46 лѣтъ осуществленія завѣтной своей цѣли [1]).

Смерть Георга IV (26 іюня 1830 г.) и вступленіе на престолъ Вильгельма IV открыли вигамъ дорогу къ власти. Министерство Грея было образовано 16 ноября 1830 г., и 1 марта 1831 г. членъ Греевскаго кабинета, Джонъ Россель, внесъ въ нижнюю палату билль о реформѣ. Послѣ упорной борьбы съ палатою лордовъ, сопровождавшейся грозными народными волненіями, вызвавшей даже кратковременную отставку министерства Грея, билль былъ принятъ лордами и утвержденъ королемъ 4 іюня 1832 г. [2]).

Билль 1832 года былъ сигналомъ къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ, поколебавшимъ старый аристократическій складъ Англіи. Тѣмъ менѣе желало министерство парализовать послѣдствія іюльской революціи въ другихъ странахъ Европы.

Наиболѣе сильно было движеніе въ Бельгіи. По вѣнскому трактату, Бельгія была присоединена къ Нидерландамъ для того, чтобы образовать на сѣверо-восточной границѣ Франціи сильное государство, которое было бы въ силахъ останавливать завоевательныя попытки послѣдней. Но вѣнскій конгрессъ не принялъ во вниманіе глубокой національной розни между этими странами. Голландія была населена народомъ германскаго племени. Она осталась страной протестантской, и ея политическая исторія есть часть протестантской исторіи. Напротивъ, Бельгія, страна католическая и въ массѣ населенія родственная Франціи, издавна была отдѣлена отъ Голландіи: сперва она находилась подъ владычествомъ Испаніи, затѣмъ — австрійскаго дома и только въ 1815 году была присоединена къ Нидерландамъ. Вліяніе католическаго духовенства въ этой странѣ было и осталось чрезвычайно сильно. Оно играло первенствующую роль въ борьбѣ противъ преобразовательныхъ попытокъ Іосифа II. Въ 1815 году, какъ мы видѣли, бельгійскіе нотабли отвергли общую для новаго королевства конституцію. Только силою могло быть поддержано соединеніе двухъ народностей, столь различныхъ.

Противодѣйствіе голландскому правительству исходило отъ двухъ совершенно различныхъ по своимъ принципамъ партій, которыя донынѣ борятся за власть, съ перемѣннымъ успѣхомъ и какъ бы чередуясь въ управленіи: отъ партіи, *либеральной*, съ одной, и *католической*, съ другой стороны.

---

[1]) Графъ Карлъ Грей родился въ 1764 г. Въ 1784 г. онъ выступилъ въ парламентѣ въ рядахъ виговъ. Скончался въ 1845 г.

[2]) Постановленія этого билля будутъ разсмотрѣны въ догматической части.

Либеральная партія по своимъ началамъ была родственна французскимъ либераламъ; ихъ связывала и общность принциповъ французской революціи, укрѣпившихся въ Бельгіи въ періодъ ея соединенія съ Франціею. Она находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главами французской оппозиціонной партіи. Независимо отъ раздраженія противъ насильственнаго соединенія съ чуждой для Бельгіи страной, неудовольствіе ея возбуждалось крутымъ и, часто, придирчивымъ управленіемъ Вильгельма I, уничтоженіемъ нѣкоторыхъ французскихъ учрежденій (суда присяжныхъ), стѣснительными мѣрами противъ печати, заносчивостью голландцевъ, игравшихъ роль „господствующаго племени", и тяжестью налоговъ, зависѣвшею отъ того, что часть большого государственнаго долга Голландіи была возложена и на Бельгію.

Католическое духовенство и клерикальная партія, ревниво относившаяся къ своему господству надъ народонаселеніемъ, нетерпѣливо переносили вмѣшательство протестантской администраціи въ церковное управленіе и въ народное образованіе, которое духовенство упорно хотѣло держать въ своихъ рукахъ. Государственный надзоръ, необходимый въ дѣлахъ этого рода и требуемый либеральными партіями въ другихъ странахъ, являлся нѣкоторымъ нарушеніемъ національныхъ интересовъ, исходя отъ чуждаго массѣ народа правительства.

Общая ненависть къ голландскому правительству содѣйствовала союзу этихъ двухъ противоположныхъ партій. Меньше чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ іюльскихъ событій во Франціи, 25 августа 1830 года, вспыхнула революція въ Брюсселѣ, въ нѣсколько дней охватившая почти всю страну. Отдѣленіе отъ Голландіи сдѣлалось общимъ лозунгомъ. Попытки примиренія не привели ни къ какому результату, а послѣ того, какъ голландскій генералъ Шассе разрушилъ Антверпенъ безжалостною бомбардировкою изъ цитадели, которую хотѣли отнять у него возставшіе, національный конгрессъ (10 ноября 1830 г.) провозгласилъ независимость Бельгіи.

Судьба Бельгіи, поскольку она зависѣла отъ первенствующихъ державъ, подписавшихъ вѣнскіе трактаты, должна была рѣшиться въ Лондонѣ, на конференціи изъ уполномоченныхъ Англіи, Австріи, Пруссіи, Франціи и Россіи. Національный конгрессъ въ Брюсселѣ занялся новымъ государственнымъ устройствомъ страны.

Въ періодъ революціоннаго возбужденія, руководящая роль въ странѣ принадлежала *республиканской* партіи, предводитель которой, Поттеръ, былъ главнымъ двигателемъ возстанія. Но уже въ коммиссіи, назначенной временнымъ правительствомъ для изготовленія плана конституціи (изъ 12 членовъ), большинство высказалось за

конституціонную монархію. Это же мнѣніе восторжествовало въ учредительномъ конгрессѣ, изъ котораго Поттеръ удалился, покинувъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Бельгію.

Конституція, выработанная на основаніи плана коммиссіи 12-ти, была принята конгрессомъ 7 февраля 1831 г. Учреждая монархическое правленіе, она, въ отличіе отъ другихъ тогдашнихъ конституцій, провозглашаетъ принципъ *народовластія*, въ томъ смыслѣ, что всѣ власти происходятъ отъ народа [1]) и отправляются порядкомъ, указаннымъ конституціею [2]). Основанная на демократическихъ началахъ, бельгійская конституція сдѣлалась впослѣдствіи образцомъ для многихъ монархій Европы. Замѣчательно, сверхъ того, что эта конституція, съ момента ея обнародованія, не была измѣнена ни въ одной буквѣ. Въ этомъ смыслѣ она есть самая старая изъ нынѣшнихъ европейскихъ конституцій, кромѣ Норвежской.

Хотя конституціонный актъ и датированъ 7 февраля 1831 г., но прошло еще нѣсколько времени прежде, чѣмъ страна получила короля въ лицѣ принца Саксенъ-Кобургскаго, Леопольда I (4 іюня 1831 г.); еще дольше длилось опредѣленіе отношеній Бельгіи къ Голландіи, не отказавшейся отъ мысли силою возстановить свою власть.

Причина этихъ задержекъ заключалась главнымъ образомъ въ политикѣ вѣнскаго двора. Не имѣя возможности вмѣшаться вооруженною рукою въ бельгійскія дѣла и негодуя на Пруссію, не сдѣлавшую этого съ самаго начала, Меттернихъ не могъ расчитывать на успѣхъ и лондонской конференціи. Англія управлялась теперь либеральнымъ министерствомъ; Франція поддерживала Бельгію; ни Россія, ни Пруссія не обнаруживали ревности къ защитѣ интересовъ Голландіи. Но дипломатія могла затянуть рѣшеніе вопроса и дать голландскому правительству время, при новомъ оборотѣ обстоятельствъ, возстановить свою власть. Дѣйствительно, не успѣлъ новый король бельгійцевъ вступить на престолъ, какъ голландскія войска наводнили страну, а флотъ опустошалъ ея берега.

Вооруженное вмѣшательство Англіи и Франціи оградили, однако, молодое королевство. Демонстрація, произведенная англійскимъ флотомъ, остановила голландскій флотъ; французскія войска, подъ предводительствомъ Жерара, изгнали голландцевъ изъ Бельгіи и отняли у нихъ Антверпенъ, послѣднее убѣжище Шассе (24 декабря 1832 г.). До 1839 г. тянулись, однако, переговоры по окончательному опредѣленію границъ новаго государства.

---

[1]) Ст. 25: „Tous les pouvoirs émanent de la nation“.

[2]) Тамъ же.

IX. Іюльская революція вызвала политическое движеніе и въ Германіи, гдѣ оно первоначально привело къ извѣстнымъ результатамъ. Успѣхъ его былъ обезпеченъ явною несостоятельностью учрежденій и правительствъ. Въ Кургессенѣ курфюрстъ Вильгельмъ II навлекъ на себя всеобщее неудовольствіе крайнею расточительностью и неблаговидными отношеніями къ графинѣ Рейхенбахъ, для которой онъ оставилъ всѣми любимую и уважаемую жену свою—сестру прусскаго короля. Въ 1830 году (6 сентября) вспыхнулъ мятежъ; курфюрстъ долженъ былъ уступить и подписать конституціонный актъ (5 января 1831 г.). Вслѣдъ затѣмъ онъ навсегда оставилъ свое государство и передалъ управленіе въ руки своего сына. Въ Брауншвейгѣ управленіе, по смерти герцога Фридриха-Вильгельма, находилось въ рукахъ англійскаго и ганноверскаго короля Георга IV, назначеннаго опекуномъ двухъ малолѣтнихъ сыновей покойнаго герцога — Карла и Вильгельма (съ 1815 г.). Ганноверскій министръ, графъ Мюнстеръ, управлявшій Брауншвейгомъ именемъ Георга IV, далъ странѣ *сословное* представительство и ввѣрилъ правительственную власть тайному совѣту. Карлъ, докончивъ въ Вѣнѣ свое воспитаніе, сдѣлавшее изъ него поверхностнаго, расточительнаго и своевольнаго юношу, въ 1823 году вступилъ въ управленіе. Тайный совѣтъ былъ имъ отмѣненъ; конституція 1820 года—также, на томъ основаніи, что Карлъ признавалъ ее аристократическою; но о новой не было и рѣчи. Расточительность и произволъ въ управленіи достигли крайнихъ размѣровъ. Въ сентябрѣ 1830 года началось формальное возстаніе. Карлъ бѣжалъ изъ государства; его братъ Вильгельмъ былъ призванъ на его мѣсто (25-го апрѣля 1831 года) и издалъ новую конституцію (12-го октября 1832 года).— Въ Саксоніи король пользовался общимъ уваженіемъ. Но правительственная система, въ которой вліяніе іезуитовъ чувствовалось весьма сильно и тяжко, средневѣковое устройство народнаго представительства, вполнѣ безполезное и обременительное — вызывали всеобщее неудовольствіе. Возстаніе началось съ уличныхъ безпорядковъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ и, мало по малу, вынудило короля дать народу конституцію (4-го сентября 1831 г.). Подобныя же обстоятельства вызвали возстаніе и въ Ганноверѣ, гдѣ аристократическая реакція привела къ учрежденію олигархическаго представительства 1819 года. Новыя требованія не вызвали особеннаго сопротивленія въ королѣ ганноверскомъ и англійскомъ Вильгельмѣ IV (26-го іюня 1830—20 іюня 1837 гг.). Прямодушный и смѣлый морякъ, онъ содѣйствовалъ осуществленію знаменитой парламентской реформы въ Англіи (1832 года). Требованія ганноверцевъ также были удовлетворены изданіемъ конституціи 1833 года.

Но эти частные успѣхи казались разнымъ политическимъ мечтателямъ предвѣстіемъ всеобщей и болѣе радикальной германской революціи. Они рѣшились на поступки, вызвавшіе общегерманскую реакцію. Именно, 27-го мая 1832 года къ развалинамъ Гамбахскаго замка стеклась толпа, въ 30.000 человѣкъ, для устройства общенаціональнаго праздника. Трудно представить, сколько несообразностей было здѣсь сдѣлано и сказано! Здѣсь была, между прочимъ, высказана мысль объ учрежденіи республиканскихъ соединенныхъ штатовъ изъ всей Европы, раздавались крики о низверженіи всѣхъ монарховъ и т д. Во Франкфуртѣ, 3-го апрѣля 1833 года, горсть заговорщиковъ рѣшилась ниспровергнуть весь существующій порядокъ силою, полагая, что къ ней присоединятся единомышленники изъ всѣхъ странъ Европы. Дѣло кончилось, однако, неудачнымъ нападеніемъ на двѣ франкфуртскія гауптвахты, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито.

Оба эти событія, выказавшія безсиліе и даже нелѣпость „всеобщей революціонной партіи", вооружили бдительнаго князя Меттерниха сильными доказательствами въ пользу его системы. Подъ его вліяніемъ снова начались министерскія конференціи, результатъ которыхъ былъ сходенъ съ послѣдствіями карлсбадскихъ конференцій 1819 г. Во Франкфуртѣ была учреждена центральная сыскная коммиссія для преслѣдованія демагогическихъ происковъ; цензурныя строгости были усилены; даже въ Баденѣ, гдѣ до тѣхъ поръ господствовала свобода печати, сеймъ заставилъ ввести цензурный уставъ. Фрейбургскій университетъ былъ закрытъ; Роттекъ и Велькеръ лишены мѣстъ. Права народнаго представительства, гдѣ оно существовало, были стѣснены тѣмъ, что, во-первыхъ, отказъ въ утвержденіи бюджета приравненъ къ мятежу противъ правительства, во-вторыхъ, тѣмъ, что обнародованіе преній обставлено ограничительными условіями.

Въ отдѣльныхъ государствахъ реакція привела къ самымъ печальнымъ результатамъ. Въ Баваріи король Людвигъ I (1825—1848 гг.), прежде либерально настроенный, щедрый покровитель наукъ и художествъ [1]), теперь, опираясь на олигархическую и клерикальную партію, сдѣлался орудіемъ реакціонныхъ мѣръ, приведенныхъ въ систему знаменитымъ министерствомъ Абеля (1837—1847 г.). Въ Ганноверѣ только что пріобрѣтенныя учрежденія были утрачены безъ особеннаго сопротивленія. Въ 1837 году скончался

---

[1]) Ему Баварія вообще и Мюнхенъ въ особенности обязаны такими учрежденіями, какъ Пинакотека, знаменитая библіотека и т. п. Онъ содѣйствовалъ также процвѣтанію мюнхенскаго университета.

бездѣтный король Англіи и Ганновера Вильгельмъ IV. Отнынѣ два государства, до тѣхъ поръ соединенныя [1]), должны были раздѣлиться. Порядокъ престолонаслѣдія въ Англіи и Ганноверѣ былъ различенъ. Англійскіе законы признаютъ преимущество лицъ мужескаго пола предъ лицами женскаго только въ одной и той же линіи; но женщина, принадлежащая къ старшей линіи имѣетъ право заступленія и потому исключаетъ агнатовъ младшихъ линій. На этомъ основаніи юная Викторія наслѣдовала своему дядѣ, Вильгельму IV [2]). Напротивъ, ганноверскій порядокъ совершенно устранялъ женщинъ отъ престола; герцогъ Кумберландскій, дядя Викторіи, сдѣлался королемъ [3]). Если ганноверцы и радовались, что отнынѣ ихъ небольшое королевство будетъ „вполнѣ независимо“, то ихъ кратковременная радость вскорѣ обратилась въ печаль. Изъ всѣхъ сыновей Георга III, Эрнстъ-Августъ наиболѣе напоминалъ старшаго своего брата, бывшаго короля Георга IV, который, еще при жизни отца, отличался разгульнымъ образомъ жизни, приводилъ въ ужасъ своихъ кредиторовъ и потомъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе неблаговиднымъ процессомъ противъ своей жены [4]). Эрнстъ-Августъ, покидая Англію въ качествѣ новаго ганноверскаго короля, оставилъ по себѣ неблагопріятныя воспоминанія; какъ членъ верхней палаты, онъ принадлежалъ къ ультра-торійской партіи; какъ сотоварищъ своего старшаго брата, онъ оставилъ въ прежнемъ отечествѣ страшную цифру долговъ. Маленькое королевство, престолъ котораго отнынѣ принадлежалъ ему, казалось достаточнымъ источникомъ для покрытія грѣховъ первыхъ 66 лѣтъ его жизни. Между тѣмъ въ новомъ своемъ отечествѣ онъ нашелъ конституцію, значительно ограничивавшую прерогативу короля. Первымъ его актомъ было непризнаніе конституціи 1833 года, подъ тѣмъ предлогомъ, что она

---

[1]) Съ призваніемъ ганноверской династіи на англійскій престолъ (1714—1837). Изъ этого времени должно вычесть періодъ чужеземнаго занятія (1801—1813).

[2]) Слѣдующая таблица лучше всего уяснитъ дѣло:

Георгъ III.
(1760—1820 гг.)

Георгъ IV. (бездѣт.) † 1830 г.	Вильгельмъ IV. (бездѣт.) † 1837 г.	Эдуардъ, герцогъ Кентскій.	Эрнстъ-Августъ, герцогъ Кумберландскій.
		Викторія.	Георгъ.

Такимъ образомъ, Викторія заступила мѣсто отца своего, герцога Эдуарда Кентскаго, умершаго еще при жизни Георга IV (23-го января 1820 года), и исключила дядю своего, герцога Кумберландскаго, и его сына Георга (род. въ Англіи 27-го мая 1819 года, въ 1851 году сдѣлался ганноверскимъ королемъ подъ именемъ Георга V).

[3]) Эрнстъ-Августъ Кумберландскій род. въ 1771 году, ум. въ 1851 году.

[4]) Каролина-Амалія-Елисавета род. въ 1768 году, ум. въ 1821 году.

была дана безъ его согласія. Благодаря этому дѣйствію, обширныя имущества короны, объявленныя по конституціи государственною собственностью, перешли снова въ личное распоряженіе короля, который и могъ удовлетворить своихъ кредиторовъ ими. Произвольная отмѣна конституціи обошлась безъ особеннаго сопротивленія. Государственные чины обратились къ сейму, но сеймъ принялъ сторону короля. Только семь профессоровъ гёттингенскаго университета признали невозможнымъ согласить присягу, данную ими конституціи, съ вѣрностью королю, отмѣнившему ее; они обнародовали свой протестъ и были удалены. Это были: Альбрехтъ, Веберъ, Гервинусъ, Вильгельмъ и Яковъ Гриммы, Дальманъ и Эвальдъ. Затѣмъ Эрнстъ-Августъ односторонне далъ государству новое устройство 1840 года, принятое вновь созванными сословными чинами.

X. Южно-европейскія государства, въ отношеніи вліянія на нихъ іюльской революціи, находились въ различныхъ условіяхъ. Итальянскія государства настолько входили въ область прямого вліянія Австріи, что при отсутствіи внѣшней помощи, всякая попытка измѣнить государственный порядокъ должна была кончиться неудачей. Напротивъ, оба государства пиренейскаго полуострова были ограждены отъ австрійскаго вмѣшательства силами Англіи и Франціи, а „вмѣшательство“ послѣднихъ не могло теперь имѣть цѣлью поддержаніе абсолютизма и клерикальныхъ интересовъ.

Итальянскіе карбонаріи, потерпѣвшіе въ 1821 году такія неудачи въ Неаполѣ и въ Сардиніи, сосредоточились теперь, несмотря на всѣ строгія противъ нихъ мѣры, въ средней Италіи: въ Моденѣ, Пармѣ и въ Папской области. Центромъ заговора сдѣлалась Болонья. Участіе въ немъ приняли также два сына бывшаго голландскаго короля — Людовика Бонапарта, изъ коихъ младшій сдѣлался впослѣдствіи императоромъ французовъ. Политическое поприще автора государственнаго переворота 1851 года началось въ качествѣ „карбонарія“, увлеченнаго въ заговоръ моденскимъ патріотомъ Менотти.

Изъ всѣхъ итальянскихъ правителей, моденскій герцогъ Францъ IV вызывалъ наибольшія жалобы [1]). Въ Моденѣ же произошла и первая попытка къ возстанію (4 февраля 1831 г.). Хотя руководители мятежа, въ томъ числѣ и Менотти, были арестованы, но возстаніе такъ быстро распространилось въ герцогствѣ, что Францъ IV бѣжалъ, увезя съ собою и своихъ плѣнниковъ, въ Вѣну. Вслѣдъ затѣмъ (13 февраля) возстаніе принудило къ бѣгству и пармскую эрцгерцогиню, Марію-Луизу. Но центромъ возстанія оставался значительнѣйшій послѣ Рима городъ папской области — Болонья. Папа Пій VIII

---

[1]) Фердинандъ I Неаполитанскій умеръ въ 1825 году.

скончался 30 ноября 1830 года; преемникъ его—папа Григорій XVI—былъ избранъ только 2 февраля 1831 г. Время междуцарствія представляло удобство для подготовленія революціоннаго взрыва. Онъ послѣдовалъ черезъ нѣсколько дней послѣ возстанія въ Моденѣ, и 8 февраля болонское временное правительство провозгласило отмѣну свѣтской власти папы. Возстаніе угрожало самому Риму.

Быстро двинулись австрійскія войска для подавленія мятежа, въ полномъ убѣжденіи, что Людовикъ-Филиппъ не поддержитъ силою провозглашенное имъ начало „невмѣшательства". Въ три недѣли было подавлено возстаніе, но австрійцы оставались въ папской области до іюня. Присутствіе ихъ было даже полезно, такъ какъ оно сдерживало Григорія XVI и его кардиналовъ отъ излишнихъ жестокостей. Не успѣли они выступить, какъ кардиналъ Албани, съ „арміею", набранною изъ бандитовъ и каторжниковъ, вступилъ въ мятежныя области, производя всевозможныя неистовства. Австрійскія войска снова должны были занять эти области (январь 1832 г.), на этотъ разъ для защиты населенія. Но самовластныя распоряженія Австріи вызвали, наконецъ, демонстрацію со стороны Франціи. Въ видахъ обезпеченія французскихъ интересовъ, Людовикъ-Филиппъ велѣлъ занять войскамъ Анкону (22 февраля 1832 г.), гдѣ они оставались шесть лѣтъ.

Въ Испаніи послѣдствія іюльской революціи не отозвались непосредственно. Фердинандъ VII оставался на престолѣ до своей смерти (1833 г.) и пользовался властью, возстановленною французскимъ вмѣшательствомъ. Но предъ смертью его совершились измѣненія, которыя, при новыхъ условіяхъ въ Англіи и Франціи, дали испанской исторіи другой оборотъ.

Хотя правительство Фердинанда VII вполнѣ соотвѣтствовало духу реставраціи, но не оно было идеаломъ клерикальной или, такъ называемой, *апостолической* партіи. Надежды ея возлагались на младшаго брата короля, донъ-Карлоса, который, по бездѣтности Фердинанда, долженъ былъ наслѣдовать престолъ. „Апостолическая" партія, въ образѣ своихъ дѣйствій, не отставала отъ революціонеровъ. У нея были свои общества, въ родѣ союза „Ангела Истребителя" (либераловъ), своя „армія вѣры", составленная изъ крайнихъ роялистовъ и фанатическихъ монаховъ. Не было недостатка и въ попыткахъ ускорить торжество „апостолическихъ" принциповъ чрезъ низложеніе Фердинанда и возведеніе на престолъ донъ-Карлоса. Такъ, въ 1824 году въ Аррагоніи составился открытый во̀время заговоръ, во главѣ котораго стоялъ Капа́пе, получавшій внушенія отъ инфанта. Но въ 1826 году, апостолическая партія, недовольная недостаточно рѣшительнымъ поведеніемъ Фердинанда въ

португальскихъ дѣлахъ [1]), положила низвергнуть его. Въ декабрѣ 1826 г. появился манифестъ къ испанской націи о необходимости „возвести на престолъ свѣтлѣйшаго инфанта донъ-Карлоса“. Въ началѣ слѣдующаго года, въ Каталоніи и Аррагоніи началось возстаніе, подавленное жестокими мѣрами, обрушившимися, впрочемъ, не столько на „апостолическую“ партію, сколько на „либераловъ“, остатки которыхъ усердно истреблялись жестокими мѣрами.

Ограниченіе апостолической партіи умѣрялось надеждою скораго воцаренія донъ-Карлоса, вслѣдствіе естественной смерти Фердинанда VII; королю было уже за 40 лѣтъ [2]), а образъ его жизни не обѣщалъ ему долголѣтія: онъ былъ бездѣтенъ; въ маѣ 1829 года скончалась третья жена его [3]). Приверженцы инфанта ликовали. Но надежды ихъ были разрушены королемъ. Въ томъ же году онъ вступилъ въ четвертый бракъ съ красивой и страстной дочерью Франца I Неаполитанскаго, Маріею-Христиною. Молодая королева быстро измѣнила постный и монастырскій видъ двора. Праздники смѣнялись праздниками, и король сдѣлался неузнаваемъ. Но тревога апостолической партіи превзошла всякое описаніе при извѣстіи о беременности королевы.

У партіи донъ-Карлоса оставалась теперь одна надежда: что королева разрѣшится не сыномъ, а дочерью. По *салическому* закону, введенному въ Испанію первымъ изъ испанскихъ Бурбоновъ, Филиппомъ V (1713), дочери не допускались къ престолонаслѣдію. Но старый кастильскій законъ, отмѣненный Филиппомъ V, допускалъ женщинъ и женскія поколѣнія къ престолонаслѣдію. Изабелла, супруга Фердинанда Католическаго, наслѣдовала Кастилію по этому праву; Карлъ V (I) занялъ испанскій престолъ, какъ сынъ Іоанны Безумной. Въ 1789 г., въ собраніи нотаблей, называвшихся по старой памяти кортесами, Карлъ IV принялъ рѣшеніе возвратиться къ старому порядку, приказавъ, однако, хранить это рѣшеніе въ тайнѣ. Конституція 1812 г. призывала къ престолонаслѣдію мужчинъ и женщинъ одинаково.

Конечно, Фердинандъ не обратился къ постановленіямъ послѣдней; но неприведенное въ исполненіе распоряженіе Карла IV послужило основаніемъ для прагматической санкціи, обнародованной королемъ 29 марта 1830 года и отмѣнявшей салическій законъ. Въ октябрѣ того же года королева разрѣшилась отъ бремени дочерью—памятною для Испаніи Изабеллою.

---

[1]) Въ борьбѣ „апостолическаго“ донъ-Мигуэля съ его отцомъ, см. выше.
[2]) Онъ родился въ 1784 г.
[3]) Марія-Амалія Саксонская.

Апостолическая партія протестовала противъ закона, отнимавшаго у нея всѣ надежды. Но она не рѣшалась на открытое сопротивленіе, надѣясь, можетъ быть, на одинъ изъ тѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, которыми такъ богата исторія Испаніи. Они едва не достигли своей цѣли въ 1832 г. Король, тяжко больной, подпалъ подъ вліяніе одного изъ тѣхъ любимцевъ, которые составляютъ позоръ его царствованія. Человѣкъ низкаго происхожденія Каломáрде занималъ постъ первенствующаго министра. По взглядамъ своимъ, онъ вполнѣ принадлежалъ къ апостолической партіи; къ вліянію королевы онъ относился враждебно. Въ сентябрѣ 1832 года, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда король чувствовалъ себя худо, онъ уговорилъ его подписать указъ объ отмѣнѣ прагматической санкціи. Нѣсколько дней послѣ того, королю было такъ худо, что его сочли мертвымъ и даже телеграфировали объ его смерти въ Парижъ. Королева готовилась къ бѣгству. Но внезапно король пришелъ въ себя и сталъ поправляться. Узнавъ, какъ Каломáрде воспользовался его слабостью, онъ вышелъ изъ себя. Любимецъ былъ изгнанъ съ позоромъ и замѣненъ человѣкомъ умѣреннаго направленія (уже занимавшимъ однажды постъ министра) — Зеа-Бермудесомъ, находившимся тогда въ Лондонѣ. Регентство, на время болѣзни короля, было ввѣрено Христинѣ.

Регентша начала съ широкой амнистіи политическимъ преступникамъ, открыла университеты, запертые Каломáрде, и вообще оживила надежды либеральной партіи. Но и она, и ея министръ были далеки отъ конституціонныхъ учрежденій. Зеа-Бермудесъ вмѣнялъ себѣ въ славу быть представителемъ того, что̀ называлось „просвѣщеннымъ деспотизмомъ“ (despotismo illustrado). Фердинандъ, оправившійся, наконецъ, также не допустилъ бы перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ. Но забота о судьбѣ Изабеллы побудила Фердинанда утвердить прагматическую санкцію въ народномъ собраніи кортесовъ, созванныхъ въ старой формѣ. Кортесы (1833 г.) принесли присягу наслѣдницѣ престола. Донъ-Карлосъ, „уволенный“ королемъ отъ явки въ собраніе, прислалъ Фердинанду письмо, заключавшее въ себѣ протестъ противъ новаго закона. Король отвѣчалъ своему брату „позволеніемъ“ оставить Испанію, съ воспрещеніемъ возвращаться въ королевство.

XI. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого (29 сентября 1833 г.) Фердинандъ скончался. „Прагматическая санкція“ должна была выдержать практическое испытаніе. Претендентъ явился въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи, тайно поддерживаемый Австріею и дружественными ей державами, не признавшими Изабеллу и королеву-правительницу. Возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ приняло грозные

размѣры и нашло храбраго и искуснаго вождя въ лицѣ Сумала-Каррегви, а послѣ его смерти (1835 г.) Гомеца и Кабреры. Съ перерывами, междоусобіе длилось почти семь лѣтъ, пока сильнѣйшій изъ генераловъ Христины—Эспартеро, не принудилъ Кабреру удалиться съ остаткомъ своихъ войскъ во Францію (6 іюля 1840 г.).

Какъ и вездѣ, продолжительное междоусобіе явилось дурною политическою школой; раздоръ партій, фанатизмъ, разгаръ всѣхъ дурныхъ страстей, во имя которыхъ оправдываются всѣ злодѣянія, и, что всего хуже, привычка рѣшать всѣ вопросы военной силой — обыкновенныя послѣдствія междоусобій. Въ Испаніи, вслѣдствіе ея жалкаго внутренняго состоянія, они выразились съ большею силой. Въ этихъ условіяхъ не могли утвердиться ни государственная власть, ни политическая свобода. Судьба той и другой зависѣла отъ военныхъ переворотовъ (pronunciamentos), при чемъ каждый переворотъ влекъ за собою новую конституцію, столь же непрочную, какъ и прежняя.

Въ началѣ своего правленія, Марія-Христина оставила власть въ рукахъ Зеа-Бермудеса, политика котораго не могла удовлетворить ни одной партіи, въ особенности же наиболѣе способной оказать дѣятельную поддержку новому правительству—партіи конституціонной. Послѣдняя имѣла больше всего причинъ жаловаться на перваго министра. Недовольство проникло и въ армію; генералъ-капитанъ Каталоніи—Ллаудеръ письменно заявлялъ правительницѣ, что „непопулярность министерства угрожаетъ общественному спокойствію и даже трону Изабеллы“. Бермудесъ получилъ отставку 15 января 1834 г.; мѣсто его было отдано лицу, принадлежавшему къ умѣреннымъ либераламъ, извѣстному намъ Мартинесу-де-ла-Роза. Онъ былъ членомъ учредительныхъ кортесовъ 1812 г., въ царствованіе Фердинанда испыталъ долголѣтнее тюремное заключеніе и ссылку, появился снова на политическомъ поприщѣ съ 1820 г. по 1823 г., и съ 1824 года жилъ за-границей. Отличный публицистъ и профессоръ, онъ не былъ созданъ, однако, для борьбы съ событіями, которыя переживала Испанія.

Нѣсколько удачныхъ распоряженій и составленная въ крайне умѣренномъ духѣ конституція 10 апрѣля 1834 года [1]) были результатомъ его управленія. Послѣдняя мѣра представляла ту важность, что связывала правительство Христины съ принципами либеральной партіи. „Статутъ“ содержалъ въ себѣ, главнымъ образомъ, постановленія о народномъ представительствѣ. Послѣднее было установлено въ формѣ двухъ палатъ: верхней (estamento de proceres) и депута-

[1]) Извѣстная подъ именемъ „королевскаго статута“—Estatuto Real.

товъ (estamento de procuradores). *Первая палата* была организована по принципамъ палаты пэровъ. Въ составъ ея должны были входить: 1) архіепископы и епископы; 2) гранды Испаніи, съ доходомъ въ 200,000 реаловъ (отъ 12—13 тысячъ руб.), по достиженіи ими 25-лѣтняго возраста; 3) совершеннолѣтніе представители Кастильской знати съ доходомъ въ 80,000 реаловъ; 4) выдающіеся представители крупной поземельной собственности, промышленности, торговли и науки, имѣющіе доходъ въ 60,000 реаловъ. *Палата депутатовъ* должна была состоять изъ представителей, избранныхъ на три года. Избранными могли быть лица, достигшія 30 лѣтъ и имѣющія доходъ въ 12,000 реаловъ.

Согласіе кортесовъ требовалось на изданіе новыхъ законовъ и для установленія налоговъ. Послѣдніе могли быть установляемы на срокъ не свыше *двухъ* лѣтъ. Право созывать кортесы, открывать и закрывать ихъ сессіи, а равно и распускать ихъ, принадлежало королю, въ послѣднемъ случаѣ съ тѣмъ ограниченіемъ, что король долженъ былъ созвать новые кортесы въ теченіе *года*. Сверхъ этихъ важныхъ правъ, королю принадлежало право назначенія президентовъ и вице-президентовъ обѣихъ палатъ. Наконецъ, кортесы могли обсуждать только вопросы, предложенные имъ королемъ.

Въ этомъ видѣ „статутъ“ не могъ удовлетворить либеральныя партіи. Палатамъ не представлялось право иниціативы законовъ; онъ открывалъ широкую возможность правительственнаго вліянія на выборы; въ немъ не было постановленій, обезпечивавшихъ свободу печати, свободу личную и независимость судовъ.

Недовольство конституціонной партіи въ первое время не представлялось опаснымъ, благодаря довольно успѣшному ходу военныхъ дѣйствій, независѣвшему, впрочемъ, отъ способностей карлистскихъ вождей. Христина, равно какъ и несчастная португальская королева (см. ниже), нашла поддержку въ Англіи и Франціи, заключившими съ двумя пиренейскими державами, такъ называемый, четвертной союзъ (22-го апрѣля 1834 г.) съ цѣлью поддержать конституціонныя правительства двухъ королевъ. Португальскій узурпаторъ донъ-Мигуэль[1]), разбитый при Томарѣ, принужденъ былъ покориться, и по договору, заключенному при Эвора-Монтѣ (26 мая 1834 г.), отказаться отъ притязаній на престолъ и удалиться изъ Португаліи[2]). Донъ-Карлосъ послѣдовалъ его примѣру и уѣхалъ въ Англію.

Но испанскій претендентъ не былъ такъ уступчивъ, какъ донъ-Мигуэль. Не безъ тайной помощи отъ австрійскаго двора, онъ скоро

---

¹) См. выше.

²) Онъ умеръ въ Германіи въ 1866 году.

покинулъ Англію, тайно проѣхалъ Францію и 9 іюля явился въ Наваррѣ. Междоусобная война началась съ новою силою. Сумала-Каррегви выказывалъ замѣчательныя способности, тогда какъ правительственные генералы оказывались ниже своего призванія. Недовольство правительствомъ возрастало съ каждымъ днемъ; тщетно правительница мѣняла министровъ: Мартинесъ-де-ла-Роза былъ замѣненъ Торено, однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ кортесахъ 1810—1812 гг. Но либеральная партія и, особенно, „экзальтадосы" подозрѣвали министровъ въ потворствѣ абсолютизму и приписывали неуспѣхи войскъ тайному вліянію духовенства. Въ іюнѣ 1835 года начались возстанія, сопровождавшіяся избіеніемъ монаховъ, сожженіемъ и разграбленіемъ монастырей. Милиція приставала къ мятежникамъ, требуя упраздненія монастырей, смѣны всѣхъ подозрительныхъ чиновниковъ, свободы печати и другихъ реформъ. Начавшись въ Сарагоссѣ, мятежъ быстро охватилъ почти всѣ провинціи; почти во всѣхъ образовались революціонныя хунты, прекратившія всякое повиновеніе правительству и требовавшія упраздненія монастырей, десятинъ, нѣкоторыхъ барщинъ и провозглашенія конституціи 1812 года.

Пало и министерство Торено. Мендизабалъ, принадлежавшій къ прогрессистамъ, замѣнилъ его, получивъ отъ правительницы диктаторскія полномочія. Смѣлыми и, во многомъ, необдуманными уступками онъ на время остановилъ революціонное движеніе. Но въ отношеніи возстанія, онъ велъ дѣло такъ же неудачно, какъ и его предшественники; въ кортесахъ ожесточенная борьба „умѣренныхъ" и радикаловъ дѣлала положеніе министерства невозможнымъ. Власть снова перешла къ умѣреннымъ, въ лицѣ Истурица. Новый кабинетъ былъ еще несчастнѣе: 1836 годъ ознаменовался успѣхами карлистовъ, вызвавшихъ образованіе новыхъ революціонныхъ хунтъ и, наконецъ, военнымъ мятежемъ, вынудившимъ королеву, находившуюся въ Гранхѣ [1]), согласиться на пересмотръ конституціи (12 августа).

Конституція 1837 года содержала въ себѣ начала, заимствованныя какъ изъ конституціи 1812 г., такъ и изъ французской хартіи 1830 г. Во введеніи провозглашалось, что кортесы „декретировали" новую конституцію, исполняя волю народа, желавшаго, чтобы конституція 1812 года была пересмотрѣна. Такимъ образомъ, конституція 1837 года была пересмотрѣнною конституціею 1812 г. Ею былъ признанъ народный суверенитетъ и учредительная власть кортесовъ.

---

[1]) Лѣтняя резиденція близъ С.-Ильдефонсо.

Но въ постановленіяхъ своихъ конституція 1837 г. умѣреннѣе своей предшественницы.

Она установляла двѣ „созаконодательствующія (colegisladores) палаты: сенатъ и палату депутатовъ (конгрессъ). Сенатъ [1]) состоялъ изъ лицъ, назначенныхъ королевой, каждое изъ числа трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ избирателями провинцій. Число сенаторовъ равнялось 3/5 числа депутатовъ. Право быть предложеннымъ въ кандидаты принадлежало лицамъ, достигшимъ 40-лѣтняго возраста и удовлетворявшимъ другимъ условіямъ (приблизительно тѣмъ же, какія требовались отъ пэровъ по французской хартіи 1830 г.). Возобновленіе сената совершалось по третямъ. *Депутаты* избирались по провинціямъ, въ пропорціи 1 на 80,000 населенія, на 3 года. Право быть избраннымъ въ депутаты принадлежало лицамъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста и платящимъ 1000 реаловъ прямыхъ налоговъ [2]). Исполнительная власть предоставлялась королевѣ, отправлявшей ее чрезъ отвѣтственное министерство. Королева имѣла право созывать кортесы, открывать и закрывать ихъ сессію (пророгація) и распускать ихъ [3]). Но эти прерогативы короны были ограничены слѣдующими постановленіями: 1) королева должна созывать кортесы ежегодно [4]); если она не созвала ихъ до 1 декабря, то имъ предоставлялось право собраться собственною властью; 2) въ случаѣ роспуска палатъ, новые выборы должны быть произведены и палаты созваны въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; 3) бюджетъ утверждался палатами на одинъ годъ, равно какъ и законъ о вооруженныхъ силахъ страны [5]). Конституція обезпечивала также права гражданъ: личную свободу, имущественную неприкосновенность, свободу печати и право петицій [6]).

Такимъ образомъ, Испанія получила конституціонное устройство съ условіями *парламентскаго управленія.* Но въ практическомъ примѣненіи и эта конституція не принесла желаемыхъ результатовъ. Въ глазахъ королевы она явилась вынужденной уступкой крайней партіи—уступкой, необходимой для борьбы съ карлистами. Предводитель королевскихъ войскъ, Эспартеро, принадлежавшій къ „экзальтадосамъ“, энергически и успѣшно велъ войну. Сами баскскія провинціи охладѣли къ дѣлу бездарнаго и жестокаго претендента. Раздѣленіе началось въ самомъ его лагерѣ. Хитрый Марото, овла-

---

[1]) Ст. 14—20.
[2]) Ст. 21—25.
[3]) Ст. 26.
[4]) Ст. 26 и 27.
[5]) Ст. 71 и 75.
[6]) Ст. 2, 3, 7, 9, 10.

дѣвшій было полнымъ довѣріемъ донъ-Карлоса и начальствовавшій главными его силами, первый отдѣлился отъ его дѣла. Эспартеро и нѣкоторые другіе правительственные генералы были его товарищами по оружію. Марото, потерявшій вѣру въ возстаніе и въ претендента, рѣшился вступить въ сношеніе съ Эспартеро, пожалованнымъ уже громкимъ титуломъ „герцога побѣды". Ближайшею цѣлью переговоровъ Марото было обезпеченіе судьбы своихъ офицеровъ и привилегій (fueros) сѣверныхъ провинцій, коими онѣ особенно дорожили: признаніе Изабеллы было главнымъ условіемъ, поставленнымъ Эспартеро. На этихъ основаніяхъ былъ заключенъ между Марото и Эспартеро Бергарскій договоръ 31 августа 1839 г. Баскскимъ провинціямъ обѣщано сохраненіе ихъ фуэросовъ; карлистскимъ офицерамъ—ихъ чиновъ. Изабелла II признана королевой Испаніи. Требованія Марото, чтобы Марія-Христина оставила Испанію одновременно съ донъ-Карлосомъ и чтобы Изабелла вышла замужъ за сына послѣдняго, были отвергнуты.

Донъ-Карлосъ тщетно протестовалъ противъ Бергарскаго договора и измѣны Марото, онъ принужденъ былъ удалиться во Францію, гдѣ и водворенъ на жительство въ Буржѣ [1]). Изъ двухъ другихъ предводителей карлистовъ, графъ д'Эспанья погибъ насильственною смертью отъ людей собственной партіи, а Кабрера, послѣ годового почти сопротивленія, принужденъ былъ удалиться во Францію.

Конституціонный тронъ Изабеллы былъ теперь огражденъ; но судьба конституціи 1837 года далеко не была обезпечена. Раздоръ партій въ кортесахъ, вмѣшательство генераловъ въ дѣла управленія, паденіе министерствъ по требованію Эспартеро и собственная политика правительницы, слѣдовавшей совѣтамъ Людовика-Филиппа французскаго, дѣлали существованіе ея весьма шаткимъ. Пока генералы боролись съ возстаніемъ, правительство Маріи-Христины подготовляло торжество умѣренной партіи посредствомъ распущенія кортесовъ, давленія на выборы и другими мѣрами. Наконецъ, благопріятный правительству составъ кортесовъ позволилъ ему провести новый законъ о муниципальномъ управленіи (ayuntamientos), ограничивавшій права общинныхъ совѣтовъ и предоставлявшій королевѣ назначеніе алькадовъ (мэровъ). Однимъ изъ немногихъ старинныхъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Испаніи, были ея муниципальныя вольности; ни однимъ она не дорожила въ такой степени. Законъ 1839 г.

---

[1]) Онъ оставался здѣсь до 1845 года. Затѣмъ, уступивъ свои „права" сыну своему, графу Монтемолино, онъ получилъ разрѣшеніе уѣхать въ Италію и умеръ въ Тріестѣ (1855).

года вызвалъ возстаніе въ Мадридѣ (1 сентября 1840 г.) и другихъ городахъ; „экзальтадосы“ снова показали свою силу.

Вліяніе ихъ на массы объяснялось, между прочимъ, противодѣйствіемъ французскому вліянію, имѣвшему такую силу въ совѣтахъ королевы и въ партіи „модерадосовъ“. Популярность Мендизабаля была основана на томъ, что онъ до конца отвергалъ французскую помощь въ борьбѣ съ карлистами. Въ свою очередь, экзальтадосы опирались на содѣйствіе Англіи, изъ своихъ расчетовъ поддерживавшей испанскихъ радикаловъ. Такимъ образомъ, соперничество двухъ великихъ державъ вліяло на внутреннія дѣла Испаніи.

На первый разъ англійское вліяніе одержало верхъ. Христина, потерявшаяся предъ возстаніемъ, обратилась къ Эспартеро, какъ къ единственному человѣку, способному остановить революцію. „Герцогъ побѣды“ поставилъ свои условія и, въ качествѣ министра-президента, торжественно въѣхалъ въ Мадридъ (29 сентября 1840 г.). Судьба Христины была рѣшена въ этотъ день. Непопулярная какъ правительница, она дала много поводовъ къ осужденію своего поведенія и въ другихъ отношеніяхъ. Ея открытая связь съ бывшимъ гвардейскимъ офицеромъ Муньосомъ (Munoz), пожалованнымъ титуломъ герцога Ріансареса, лишила ее послѣдняго уваженія. Она принуждена была сложить съ себя регентство и удалиться во Францію съ Муньосомъ и прижитыми отъ него дѣтьми (12 октября).

Собравшіеся кортесы предоставили регентство Эспартеро (8 мая 1841 г.). Но „герцогъ побѣды“, столь знаменитый на войнѣ, оказался неспособнымъ правителемъ, державшимся военными и жестокими мѣрами противъ партій, грозившихъ его власти. Сама партія „прогрессистовъ“, достигшая теперь власти, разбилась теперь на много кружковъ, борьба и своекорыстныя интриги которыхъ дѣлали правильное управленіе невозможнымъ. Послѣ трехлѣтняго управленія, онъ долженъ былъ уступить предъ новымъ pronunciamento, произведеннымъ старымъ врагомъ его Нарваэсомъ [1]), и бѣжать въ Англію (30 іюля 1843 г.).

Переворотъ 1843 г. былъ дѣломъ партіи Христины, французскаго вліянія и открывалъ путь къ новому конституціонному перевороту. Новое министерство Лопеца имѣло, однако, осторожность не допустить къ управленію Христину. Тринадцатилѣтняя Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею [2]). „Нація“, говорилъ Лопецъ предъ

---

[1]) Въ числѣ лицъ, игравшихъ видную роль въ этомъ возстаніи, кромѣ Нарваэса и Кончи, должно назвать молодого офицера, Прима, начавшаго мятежъ въ Каталоніи. Черезъ 25 лѣтъ Примъ изгналъ Изабеллу.

[2]) По конституціи 1837 года, совершеннолѣтіе королевы было положено въ 14 лѣтъ.

началомъ церемоніи, „желаетъ и нуждается, чтобы В. В. сами управляли ею. Политическій вопросъ конченъ конституціею 1837 г.; вопросъ законности рѣшенъ концомъ междоусобной войны; вмѣстѣ съ регентствомъ исчезаютъ поводы и побужденія для буйныхъ и злыхъ честолюбій; да будетъ дано В. В., принявъ въ единственное руководство начала парламентскаго правленія, избѣгать ошибокъ и заблужденій власти, или подавлять ихъ такъ же, какъ и народныя волненія, и царствовать долгіе дни на счастье и славу Испаніи“.

Ни одно изъ ожиданій, высказанныхъ въ рѣчи Лопеца, не оправдалось. Прежде всего онъ самъ, какъ только собрались кортесы, долженъ былъ уступить мѣсто прогрессистскому министерству Олозаги, которое, въ свою очередь, встрѣтилось съ преобладающимъ при дворѣ вліяніемъ Нарваэса и Серрано. Въ короткое время Олозага былъ замѣщенъ [1]) сначала Гонзалесомъ Бра̀во, а потомъ, подъ вліяніемъ возвратившейся въ Испанію Христины, Нарваэсомъ. Съ этого момента „истинныя начала“, коими намѣрено было руководствоваться правительство молодой королевы, обнаружились вполнѣ. Уже отдѣльныя мѣры министерства Гонзалеса подготовили почву къ конституціоннымъ перемѣнамъ. Но Нарваэсъ вмѣстѣ съ престарѣлымъ Мартинесомъ-де-ла-Розою, Мономъ и Пидалемъ [2]) осуществили „ревизію“ конституціи при помощи вновь избранныхъ кортесовъ, въ коихъ они располагали огромнымъ большинствомъ.

Плодомъ означеннаго пересмотра явилась конституція 1845 г.[3]). Она отличалась отъ конституціи 1837 года въ слѣдующихъ существенныхъ пунктахъ. Во-первыхъ, введеніе къ послѣдней, въ которомъ признавалось начало народнаго суверенитета, было опущено. Назначеніе сенаторовъ предоставлено королевѣ непосредственно, съ указаніемъ категорій, изъ коихъ они могутъ быть назначаемы, причемъ званіе сенаторовъ сдѣлано пожизненнымъ. Устройство палаты депутатовъ измѣнено въ томъ отношеніи, что срокъ депутатскихъ полномочій продленъ съ трехъ лѣтъ на пять; депутаты, въ числѣ 349, избираются въ соотвѣтствующемъ числѣ избирательныхъ округовъ. Кортесы лишены права собираться сами собою къ 1 декабря каждаго года. Но это измѣненіе не имѣло существеннаго значенія, такъ какъ по конституціи 1845 г. кортесы должны быть созываемы ежегодно. Право избирать регента въ случаѣ малолѣтства короля или

---

[1]) Самъ онъ, въ виду (невѣроятнаго, впрочемъ) обвиненія, возбужденнаго противъ него въ палатѣ, бѣжалъ переодѣтый въ Португалію.

[2]) Отличавшимися, впрочемъ, правительственными способностями, доказанными ими въ финансовомъ управленіи и въ преобразованіи мѣстныхъ учрежденій.

[3]) Текстъ ея статей въ сборникѣ Батби и Лаферрьера, *Les constitutions d'Europe et d'Amérique*, стр. 474—485.

въ другихъ случаяхъ отнято у кортесовъ: конституція 1845 года призываетъ къ регентству отца или мать монарха или ближайшаго къ наслѣдію престола совершеннолѣтняго принца. Учрежденіе національной гвардіи отмѣнено; печать изъята отъ суда съ участіемъ присяжныхъ.

Несмотря на эти измѣненія, конституція 1845 года могла бы обезпечить Испаніи правильное парламентское правленіе, если бы другія условія страны способствовали этому. Опытъ показалъ, однако, что министерство всякой партіи стремилось къ диктатурѣ, распускало кортесы, производило давленіе на выборы при помощи многочисленнаго чиновничества и держалось во власти, пока или интриги придворной камарильи не свергали его, или пока другая партія, обыкновенно при помощи pronunciamento, не заставляла его покинуть свои мѣста. Кортесы дѣлались игрушкою въ рукахъ министерства; министерство становилось такою же игрушкою въ рукахъ камарильи или военныхъ партій. Игра, какъ показалъ опытъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, заходила и дальше; посредствомъ pronunciamento часто мѣнялись и самыя формы правленія [1]. Правительство Изабеллы существовало дольше другихъ. Въ данную минуту оно сдѣлалось орудіемъ внутренней реакціи и средствомъ вліянія Людовика-Филиппа, мечтавшаго о тѣснѣйшемъ соединеніи съ Испаніей посредствомъ такъ называемыхъ испанскихъ браковъ (см. ниже).

XII. Борьба за конституцію въ Португаліи грозила принять такой же оборотъ, какъ въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что узурпаторъ, донъ-Мигуэль, какъ мы видѣли выше, овладѣлъ престоломъ своей племянницы, опека надъ которой была ввѣрена ему непонятною довѣрчивостью его старшаго брата, донъ-Педро Бразильскаго. Послѣдній, не поддержанный бразильцами, не имѣлъ пока средствъ бороться съ похитителемъ престола, пользовавшагося открытой поддержкой „апостолической“ партіи въ Испаніи и симпатіями вѣнскаго двора. Марія-да-Глорія, отправленная въ Европу (іюнь 1828 г.), не могла уже явиться въ Португалію и была отвезена въ Англію. Тогдашнее министерство Веллингтона, признавая королеву, не рѣшилось, однако, оказать ей поддержку; юная королева отправилась обратно въ Бразилію (1829 г.). Власть донъ-Мигуэля была, повидимому, упрочена. Но внезапное рѣшеніе донъ-Педро измѣнило положеніе дѣлъ.

Въ 1831 году онъ отказался отъ бразильскаго престола въ пользу малолѣтняго сына своего (нынѣ царствующаго) донъ-Педро II и отплылъ съ супругою и дочерью въ Европу, гдѣ положеніе вещей измѣнилось. Въ Англіи министерство Веллингтона уступило мѣсто

---

[1]) Эти перемѣны будутъ указаны ниже.

вигамъ—Грею и Росселю; іюльская революція создала правительство, благожелательное либеральнымъ учрежденіямъ на пиренейскомъ полуостровѣ; въ Испаніи прагматическая санкція произвела окончательный разрывъ между „апостолическою“ партіею и правительствомъ Фердинанда VII. Донъ-Педро нашелъ хорошій пріемъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. При поддержкѣ французскаго и англійскаго правительствъ, онъ могъ заключить заемъ, вооружить войско, снарядить флотъ и занять Опорто (7 іюля 1832 г.). Два года тянулась еще борьба, окончившаяся, какъ мы видѣли, благодаря „четвертному союзу“, окончательнымъ пораженіемъ узурпатора и отреченіемъ его (26 мая 1834 г.).

Наконецъ, донъ-Педро могъ возложить на свою дочь корону и возстановить данную имъ въ 1826 году конституцію. Кортесы, немедленно созванные имъ, предоставили ему регентство на время несовершеннолѣтія королевы. Но онъ скончался въ томъ же году (24 сентября), озаботившись, чтобы 15-лѣтняя Марія была объявлена совершеннолѣтнею.

Власть молодой королевы была, однако, не прочна. Конституція, октроированная донъ-Педро, не изгладила воспоминаній о демократической конституціи 1822 года, которой присягнулъ король Іоаннъ. Кромѣ того, второй супругъ королевы, Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій, занимая постъ главнокомандующаго, возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе. Демократическая партія, находившаяся въ связи съ испанскими радикалами, при извѣстіи о революціонной демонстраціи въ Гранхѣ (см. выше), произвела, 9 сентября 1836 г., возстаніе, имѣвшее цѣлью возстановленіе прежней конституціи. Страна раздѣлилась на „сентябристовъ“, требовавшихъ демократическихъ реформъ, и „хартистовъ“, защищавшихъ конституцію 1826 года. Подобно тому, какъ Марія-Христина принуждена была согласиться на ревизію „королевскаго статута“, такъ и Марія-да-Глорія уступила „сентябристамъ“. Но такъ же, какъ испанская конституція не была воспроизведеніемъ конституціи 1812 г., такъ и португальская конституція 1838 г. не была снимкомъ съ закона 1822 г. Обѣ имѣли непродолжительное существованіе.

Въ январѣ 1842 года возстаніе „хартистовъ“ возвратило имъ власть и повело къ возстановленію конституціи 1826 года. Эта конституція, вмѣстѣ съ „дополнительнымъ актомъ“ 1852 года, заключающимъ въ себѣ нѣкоторыя поправки въ демократическомъ духѣ, принятыя по предложенію извѣстнаго министра, герцога Сальданхи (Saldanha), оставалась до послѣдняго времени основнымъ закономъ Португаліи.

XIII. Дѣйствіе *демократическихъ* идей, остановленное на пиреней-

скомъ полуостровѣ и въ самой Франціи, обнаружилось въ Швейцаріи. Паденіе Наполеона I повело здѣсь къ отмѣнѣ „медіаціоннаго акта“ 1803 года. Обезпеченная *нейтралитетомъ*, признаннымъ за нею вѣнскими трактатами, Швейцарія могла на свободѣ устраивать свой политическій бытъ. Какъ и вездѣ въ Европѣ, время отъ 1815 до 1830 года было для Швейцаріи временемъ реакціи и торжества идей, главнымъ представителемъ которыхъ былъ бернскій „патрицій“ Людвигъ фонъ Галлеръ, съ своею *Реставраціею государственныхъ наукъ*. Для Швейцаріи реакція означала: 1) партикуляризмъ кантоновъ въ противоположность унитарнымъ или федеративнымъ стремленіямъ демократовъ и либераловъ; 2) возстановленіе господства привилегированныхъ сословій (патриціевъ) и аристократическихъ формъ правленія; 3) союзъ съ клерикальною партіею въ католическихъ кантонахъ; 4) преобладаніе городовъ надъ селами. Въ этомъ направленіи и совершился „пересмотръ“ конституцій въ отдѣльныхъ кантонахъ [1]); по этимъ же вопросамъ и возникла впослѣдствіи борьба между либерально-демократическою и аристократическою партіями.

Іюльская революція во Франціи была сигналомъ къ давно готовившейся борьбѣ. Успѣхъ либерально-демократической партіи въ отношеніи пересмотра конституцій въ отдѣльныхъ кантонахъ былъ повсемѣстенъ. Начиная съ Тессинскаго кантона, который подалъ первый примѣръ измѣненія конституціи (23 іюня 1830 г.), всѣ кантоны, сохранявшіе свой аристократическій складъ, получили новые основные законы въ теченіе 1831 и 1832 годовъ. Старая распря между Базелемъ-городомъ и Базелемъ-сельскимъ кончилась отдѣленіемъ послѣдняго отъ перваго (1832 г.); въ томъ же году онъ получилъ и особую конституцію (27 апрѣля).

Но попытка укрѣпить федеративную связь между кантонами для обезпеченія силами федеральнаго правительства нѣкоторыхъ общихъ политическихъ началъ и интересовъ окончилась неудачно. Хотя реформа союзнаго устройства была поддержана семью могущественнѣйшими кантонами [2]), но она была отвергнута на сеймѣ 1833 года союзомъ мелкихъ кантоновъ [3]), страшившихся за свою самостоятельность, съ консервативными и клерикальными партіями другихъ, боявшихся подчиненія церкви государству и утраты церковныхъ привилегій.

Борьба не остановилась, однако, на неудачѣ 1833 г. Либерально-демократическая партія настойчиво продолжала свое дѣло, встрево-

---

[1]) Онѣ будутъ разсмотрѣны въ отдѣлѣ о республикахъ и федераціяхъ.
[2]) Бернъ, Цюрихъ, Люцернъ, Тургау, С. Галленъ, Солотурнъ и Ааргау.
[3]) Каковы: Ури, Швицъ, Унтервальденъ.

жившее, наконецъ, сосѣднія державы—Австрію, Пьемонтъ и Францію. Внутренній раздоръ партій въ Швейцаріи представлялся угрозою для окрестныхъ державъ потому, что, независимо отъ успѣха демократическихъ идей въ самой Швейцаріи, послѣдняя изстари была убѣжищемъ для эмигрантовъ всѣхъ странъ и партій. Сюда стекались итальянскіе выходцы; здѣсь пребывалъ глава итальянской демократической партіи — Мадзини, руководившій революціонными движеніями не въ одной Италіи; отсюда была сдѣлана легкомысленная по замыслу и плачевная по исходу попытка поднять Италію подъ предводительствомъ бывшаго польскаго генерала Раморино (1834 г.). Здѣсь же на время укрылся и опасный для Людовика-Филиппа бонапартистскій претендентъ—Людовикъ-Наполеонъ.

При условіяхъ иноземнаго воздѣйствія, вызывавшагося указаннымъ обстоятельствомъ, внутренняя борьба партій усиливалась и обострялась. Она перешла теперь на почву церковныхъ отношеній. Съ одной стороны, либерально-демократическіе кантоны стремились къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, упраздненію монастырей, подчиненію церкви государственному надзору и свѣтскому устройству школъ. Рѣшительнѣе всѣхъ, въ этомъ отношеніи, дѣйствовалъ кантонъ Ааргау, гдѣ въ 1841 году были упразднены всѣ монастыри, въ томъ числѣ старый и богатый Мури.

Католическіе кантоны отвѣчали на эти мѣры приглашеніемъ іезуитовъ, которымъ и ввѣрено было образованіе юношества. Во главѣ іезуитской партіи сталъ теперь Люцернъ, гдѣ интересы ордена и католицизма представлялись фанатическимъ Зигвартомъ Мюллеромъ. Іезуиты водворились также въ Швицѣ и въ Фрейбургѣ. Остатки либеральной партіи, побѣжденной въ Люцернѣ, обратились за помощью къ своимъ единомышленникамъ въ другихъ кантонахъ. Изъ многихъ мѣстъ собрались „вольныя дружины“, имѣвшія цѣлью свергнуть клерикальныя правительства и изгнать іезуитовъ. Но походъ „вольныхъ дружинъ“ (1845 г.), предпринятый изъ Берна, кончился полною неудачею.

Католическіе кантоны [1]) торжествовали. Уполномоченные ихъ на сеймѣ, надѣясь на поддержку другихъ консервативныхъ кантоновъ, требовали наказанія лицъ, участвовавшихъ въ „вольныхъ дружинахъ“, возстановленія ааргаускихъ монастырей и другихъ мѣръ для огражденія церковно-католическихъ интересовъ. Сеймъ отвергъ, однако, эти требованія. Семь католическихъ кантоновъ [2]) составили тогда отдѣльный отъ обще-швейцарскаго союзъ (Зондербундъ). Вопросъ

[1]) Люцернъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ, Фрейбургъ, Валлисъ.
[2]) См. пред. прим.

„о іезуитахъ“ пріобрѣталъ общее политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что Зондербундъ встрѣтилъ поддержку въ Меттернихѣ и въ Гизо.

Демократическая партія направила теперь всѣ усилія къ общему изгнанію іезуитовъ и къ реформѣ союзнаго устройства. Ей необходимъ былъ сеймъ, способный къ общимъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ ея духѣ. Для этого ей предстояло свергнуть консервативныя правительства въ кантонахъ, въ коихъ они еще остались, и обезпечить себѣ большинство на сеймѣ. Демократическіе перевороты совершились въ Женевѣ и Ваадтѣ. Общій сеймъ представлялъ теперь интересы демократической партіи и могъ поддержать ея требованія. Послѣднія были выражены категорически: высылка іезуитовъ, расторженіе Зондербунда и пересмотръ федеральной конституціи. Требованія сейма были отвергнуты Зондербундомъ.

Вопросъ долженъ былъ рѣшиться оружіемъ; сеймъ не могъ медлить, такъ какъ Австрія, Франція и Пруссія уже соглашались между собою относительно вмѣшательства, и поддержка, оказывавшаяся ими Зондербунду, давала послѣднему преувеличенныя надежды. Дѣло кончилось, однако, скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ (съ 4 ноября по 1 декабря 1847 г.) предводитель союзныхъ войскъ, генералъ Дюфуръ, овладѣлъ „обособившимися“ кантонами. Послѣдніе должны были смѣнить свои правительства, изгнать іезуитовъ, отказаться отъ „особаго“ союза и уплатить контрибуцію.

Вмѣшательство Гизо опоздало. Его курьеръ не засталъ уже предводителей Зондербунда: они бѣжали за границу, куда, неизвѣстно зачѣмъ, бросился догонять ихъ и посланецъ французскаго премьера. Но время для вмѣшательства вообще прошло. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ Дюфуръ раздавилъ Зондербундъ, февральская и мартовская революціи свергли какъ Гизо, такъ и Меттерниха.

Швейцарскій сеймъ могъ теперь обратиться къ пересмотру союзной конституціи въ духѣ *федеративномъ*. Плодомъ его трудовъ явилась конституція 12 сентября 1848 г.[1]).

---

[1]) Мы возвратимся къ ней въ догматической части, въ отдѣлѣ о республикахъ и федераціяхъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Февральская Революція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДВѢСТІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

I. Всеевропейская революція 1848 года не была послѣдствіемъ событій 24 февраля во Франціи; въ другихъ странахъ перевороты были подготовлены раньше и, въ нѣкоторыхъ государствахъ, революція вспыхнула прежде, чѣмъ пала монархія Людовика-Филиппа. Но во Франціи съ особенною силою проявились двѣ основныя черты революціоннаго движенія, предвѣщавшія новую эпоху въ общественномъ и политическомъ развитіи Европы въ 1789 году.

Во Франціи революція была произведена во имя чисто *демократическихъ* принциповъ, и право *всеобщей подачи голосовъ* утвердилось здѣсь въ видѣ символа и обезпеченія политической равноправности всѣхъ классовъ народа. Во Франціи же коренной демократическій переворотъ сопровождался провозглашеніемъ новыхъ принциповъ *экономическаго* строя общества, въ коемъ должны быть обезпечены интересы рабочихъ и неимущихъ классовъ—словомъ, начала *соціальнаго* переустройства. Вопросъ, возбужденный еще въ эпоху первой революціи, разработанный впослѣдствіи С. Симономъ, Фурье и ихъ многочисленными послѣдователями, былъ поставленъ теперь въ рядъ очередныхъ, практическихъ вопросовъ. Революція политическая встрѣтилась съ соціальною; политическіе принципы буржуазіи столкнулись съ программою „четвертаго сословія“, противопоставившаго себя господствовавшимъ до тѣхъ поръ среднимъ классамъ и объявившаго себя „всѣмъ“ народомъ, подобно тому, какъ „третье сословіе“ провозгласило себя „всею націею“ въ 1789 году.

Въ этихъ отношеніяхъ ходъ событій во Франціи наложилъ отпечатокъ не только на 1848 годъ, но и на всю новѣйшую эпоху. Ростъ демократіи и соціальный вопросъ являются, какъ мы видѣли [1]), важнѣйшими изъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ видоизмѣняются понятія о государственномъ строѣ, о призваніи государственной власти и предѣлахъ ея дѣятельности. Конституціонныя формы выдерживаютъ испытаніе среди новыхъ требованій, предъявляемыхъ уже не во имя тѣснаго круга политическихъ классовъ, круга, очерченнаго цензомъ или наслѣдственными преимуществами, но во имя многомилліонныхъ массъ, постепенно получающихъ политическія права. Программа старыхъ либеральныхъ партій, исчерпывавшаяся провозглашеніемъ обезпеченій для личной и политической свободы. восполняется и видоизмѣняется требованіемъ государственнаго и общественнаго покровительства интересамъ низшихъ и экономически зависимыхъ классовъ. Самыя формы и начала экономической жизни— институтъ собственности, капиталъ и капиталистическое производство, частно-контрактныя отношенія между предпринимателями и рабочими—словомъ, все, являвшееся столь безспорнымъ и основаннымъ на „естественныхъ законахъ“ въ ученіяхъ либеральной политической экономіи, становится предметомъ критики, руководимой началами, въ иныхъ отношеніяхъ противоположными „принципамъ 1789 года“.

При перерожденіи европейскихъ обществъ, коснувшемся теперь коренныхъ гражданскихъ и экономическихъ ихъ учрежденій, вопросы *политическіе* и, въ особенности, вопросы *конституціонные утратили прежнее преобладающее значеніе.* Но *распространеніе* конституціонныхъ учрежденій продолжалось, независимо отъ новыхъ общественныхъ задачъ, постепенно выдвигавшихся на первый планъ.

Этотъ фактъ зависѣлъ отъ двухъ главныхъ причинъ.

Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Италіи, политическая свобода представлялась главнѣйшимъ средствомъ къ достиженію *національной независимости и единства.* Принципы абсолютизма представлялись здѣсь австрійскимъ правительствомъ и покровительствуемыми имъ династіями, между которыми была раздѣлена эта страна, обратившаяся въ „географическій терминъ“, по выраженію Меттерниха. Въ такомъ же положеніи находились и „народы“ австрійской монархіи (особенно венгры и чехи), національные интересы которыхъ могли быть обезпечены противъ централизаціонной и бюрократической системы только развитіемъ свободныхъ политическихъ учрежденій. Наконецъ, и въ Германіи политическая

---

[1]) См. введеніе, гл. III.

свобода была тѣсно связана съ стремленіями къ національному единству, противодѣйствіе которому шло отъ главнаго оплота западно-европейскаго абсолютизма, т.-е. отъ Австріи.

Во-вторыхъ, конституціонныя формы удовлетворяли издавна развившимся требованіямъ личной, промышленной, религіозной и умственной свободы, обезпечиваемой свободою политическою. Онѣ являлись готовою формулою послѣдней и представлялись первымъ шагомъ, который должно было сдѣлать при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Для правительствъ, застигнутыхъ революціоннымъ движеніемъ, онѣ являлись мѣрою уступокъ; для возставшаго населенія—готовою программою требованій. Въ 1848 году сигналъ къ этимъ требованіямъ былъ поданъ изъ Италіи, подготовленной къ революціи дѣйствіями тайныхъ обществъ и возбужденной либеральными реформами новаго папы.

II. Въ 1846 году скончался папа Григорій XVI (1831—1846 гг.), жестокое и недоступное преобразованіямъ управленіе котораго оставило самыя тяжелыя воспоминанія въ Римской области. Самый конклавъ настолько сознавалъ необходимость реформъ въ управленіи, что не далъ своихъ голосовъ вліятельному кардиналу Ламбрускини, воззрѣнія котораго были сходны съ понятіями Григорія XVI. На престолъ св. Петра былъ возведенъ кардиналъ Мастаи Ферретти, подъ именемъ Пія IX [1]). Новый папа не проявилъ еще своихъ правительственныхъ способностей. Онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ чистыхъ нравовъ, кроткаго характера и человѣчныхъ понятій, которыя онъ проявилъ, между прочимъ, въ качествѣ архіепископа Сполетскаго, облегчая участь лицъ, замѣшанныхъ въ возстаніи 1831 г. [2]). Но избраніе его было неожиданностью для конклава, въ средѣ котораго имѣлись болѣе вліятельные кандидаты на папскій престолъ. Еще неожиданнѣе были первыя дѣйствія первосвященника.

Первымъ изъ нихъ была *амнистія* политическимъ преступникамъ или, точнѣе, жертвамъ безразборчиваго преслѣдованія Григорія XVI. Тысячи лицъ были выпущены изъ тюремъ или получили позволеніе возвратиться въ отечество. Затѣмъ папа приступилъ къ довольно широкимъ для духовнаго государя реформамъ административнаго и государственнаго устройства папской области.

Послѣ длиннаго періода застоя и господства австрійскихъ вліяній, реформы Пія IX были первымъ примѣромъ преобразованій, на-

---

[1]) Род. въ 1792 году; вступилъ въ ряды духовенства въ 1816 г. Избранъ на папскій престолъ 16 іюня 1846 г.

[2]) См. выше.

чатыхъ свободнымъ изволеніемъ государя. Пылкая нація увидѣла въ нихъ начало новой эры, возвѣщавшей освобожденіе Италіи; новый папа какъ бы подтверждалъ надежды значительной партіи патріотовъ, выразившіяся въ сочиненіи знаменитаго пьемонтскаго писателя Джіоберти *Del primato morale e civile degli italiani*, въ коемъ развивалась теорія „гвельфскаго“ папства, призваннаго къ изгнанію иноземцевъ [1]). Но если Пій IX призывался къ роли „гвельфскаго“ папы, то Австрія, силою вещей, была осуждена на „неогибеллинскую“ политику. Съ самаго начала воцаренія Пія IX, князь Меттернихъ не уставалъ подавать ему совѣты, иногда угрожающаго свойства, чтобы воздержать его отъ „поспѣшныхъ“ преобразованій [2]). Прочія итальянскія правительства, за исключеніемъ сардинскаго, не отставали въ своихъ представленіяхъ отъ вѣнскаго двора. Тѣмъ сильнѣе возбуждались чувства итальянцевъ; 25 марта 1847 года десятки тысячъ народа, при проѣздѣ папы въ квиринальскій дворецъ, криками своими убѣждали Пія IX мужаться и довѣрять народу [3]).

Военная демонстрація австрійскаго гарнизона, занимавшаго феррарскую цитадель, имѣвшая цѣлью напомнить итальянцамъ о могуществѣ Австріи, только усилила броженіе. Имя папы и его реформы сдѣлались лозунгомъ для всей Италіи уже потому, что преобразованія первосвященника открывали поле для всѣхъ партій дѣйствія. Виваты Пію IX скоро получили значеніе кликовъ революціонныхъ.

Преобразованія, выполненныя папой и отчасти возвѣщенныя имъ, не представляли, однако, ничего угрожающаго австрійской системѣ. Свѣтскимъ лицамъ былъ открытъ доступъ къ государственнымъ должностямъ; положеніе печати нѣсколько улучшено; муниципальное устройство Рима преобразовано въ духѣ самоуправленія; болонскій университетъ былъ открытъ; число народныхъ школъ увеличено; наконецъ, былъ учрежденъ государственный совѣтъ (consulta di stato), составленный изъ нотаблей отъ провинцій, для обсужденія предстоявшихъ реформъ. Планы Пія IX относительно общаго устройства Италіи не шли дальше образованія конфедераціи изъ существующихъ итальянскихъ державъ, съ центральнымъ совѣтомъ, въ коемъ обсуждались бы вопросы войны и мира, таможенныя, торговыя и другія общія дѣла.

---

[1]) Книга Джіоберти явилась еще въ 1843 году; подобныя же воззрѣнія можно найти у пьемонтскаго историка Бальбо.

[2]) Ноты и записки Меттерниха по этому предмету напечатаны въ VII томѣ изданія *Aus Metternichs nachgelassenen Papieren*. Вѣна, 1883 г.

[3]) „Corragio, santo padre! Confidate vi al vostro populo“.

Но движеніе, разъ начатое, не могло уже остановиться и скоро вышло изъ рукъ папы. Конституціонная и радикальная партіи (Мадзини), располагавшія силами тайныхъ обществъ, вели свою работу успѣшнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Послѣ папы, надежды итальянскихъ патріотовъ возлагались болѣе всего на Пьемонтское королевство, хотя король Карлъ-Альбертъ, въ дѣлахъ внутренняго управленія, мало отличался отъ другихъ итальянскихъ государей. Бывшій карбонарій и участникъ въ возстаніи 1820 года [1]), онъ загладилъ въ глазахъ Австріи свое прошлое участіемъ во французской экспедиціи въ Испанію (1823 г.) для возстановленія Фердинанда VII [2]). Вступивъ на престолъ (1831 г.), онъ сдѣлался орудіемъ реакціонной политики и іезуитовъ. Но у него было важное преимущество предъ другими итальянскими государями: онъ происходилъ изъ единственной національной итальянской династіи. Ненависть его къ австрійскому господству на полуостровѣ была извѣстна. Въ Туринѣ находили убѣжище итальянскіе патріоты; отсюда распространялись патріотическія сочиненія, поддерживавшія національный духъ. Джіоберти, Бальбо, Массимо д'Азеліо дѣйствовали на націю своими трудами и памфлетами. Ботта, Кавуръ, Руффино и друг. дѣйствовали на практической почвѣ и подготовляли преобразованія.

Охлажденіе отношеній Карла-Альберта къ Австріи началось еще въ 1846 году [3]), при чемъ Меттернихъ вѣрно понялъ, что причиною его являются не таможенные вопросы, поднятые Пьемонтомъ, а возрожденіе національныхъ надеждъ, обращенныхъ теперь въ сторону Турина. Карлъ-Альбертъ продолжалъ, однако, играть двойственную роль. Безмолвно допустилъ онъ (30 сентября 1847 г.) шумную демонстрацію въ честь Пія IX, но тотчасъ прекратилъ ее, какъ только она приняла угрожающее для австрійскаго посольства направленіе. Поддерживая подъ рукой надежды патріотовъ, онъ, въ 1847 году, сдѣлалъ лишь немногія уступки либеральной партіи. Но скоро наступила минута, когда его дѣйствія перестали зависѣть отъ его воли.

Успѣшнѣе, на первый разъ, были дѣйствія національныхъ партій въ Тосканѣ. Здѣсь, уже въ теченіе 1846 года, партія дѣйствія, руководимая Гверацци, Монтанелли и друг., успѣла добиться отъ великаго герцога облегченій для печати, давшихъ возможность основать много новыхъ газетъ и развить литературу памфлетовъ, учрежденія національной гвардіи и образованія либеральнаго мини-

---

[1]) См. выше.

[2]) См. выше.

[3]) *Бумаги Меттерниха*, т. VII, №№ 1550—1553 и другіе.

стерства, представившаго великому герцогу планъ преобразованія въ арміи и мѣстномъ управленіи, съ обѣщаніемъ центральнаго представительства.

Такимъ образомъ, реформа коснулась нѣкоторыхъ государствъ Италіи; но двѣ ея области представляли особенныя трудности для болѣе или менѣе мирныхъ преобразованій: королевства Ломбардо-Венеціанское и Обѣихъ Сицилій. Первое находилось подъ властью Австріи; второе управлялось Фердинандомъ II [1]). Австрійское правительство, даровавшее въ 1815 г. Ломбардо-Венеціанской области подобіе мѣстнаго представительства, муниципальныя учрежденія и другія мѣстныя привилегіи, быстро обратило эти законы въ мертвую букву. Фердинандъ II, упорно отказывавшійся отъ всякихъ нововведеній, поддерживалъ свой режимъ жестокими мѣрами, вызывавшими, съ другой стороны, развитіе заговоровъ и тайныхъ обществъ, во главѣ которыхъ стояли Мазолино [2]), Массари и друг., сносившіеся какъ съ Мадзини [3]), стоявшимъ во главѣ республиканской партіи, такъ и съ руководителями тайныхъ обществъ въ другихъ государствахъ.

Толчокъ, данный итальянскому движенію реформами Пія IX, отозвался, однако, во владѣніяхъ Австріи и Фердинанда II.

Въ Миланѣ, по поводу пріѣзда новаго архіепископа, 8 сентября была устроена внушительная демонстрація въ честь Пія IX; толпа была разсѣяна оружіемъ. Миланцы прибѣгаютъ къ иной демонстраціи. Продажа табаку была казенною монополіею и доставляла казнѣ 8 милліоновъ лиръ; народонаселеніе уговаривается не курить и привести это рѣшеніе въ исполненіе съ начала 1848 года. Въ Венеціи, два лица, игравшія видную роль въ революціи 1848 года, Даніилъ Манинъ [4]) и его другъ Томазео, подали (декабрь 1847 г.) сигналъ къ легальной оппозиціи, требуя исполненія существующихъ, но обращенныхъ въ мертвую букву законовъ и расширенія свободы печати; 1848 годъ принесъ имъ сначала тюремное заключеніе, а потомъ поставилъ во главѣ революціоннаго правительства.

---

[1]) Сынъ Франца I (внукъ Фердинанда I), род. въ 1810 г., вступилъ на престолъ въ 1830 г. Вначалѣ обнаружилъ преобразовательныя стремленія, скоро оставленныя имъ подъ вліяніемъ Австріи и духовенства.

[2]) Одинъ изъ основателей общества „Южная Италія“.

[3]) Джузеппе Мадзини (Mazzini) род. въ 1805 г. въ Генуѣ. Вступилъ въ общество карбонаріевъ и послѣ возстанія 1831 г. (см. выше) бѣжалъ изъ Италіи въ Швейцарію. Отсюда, вмѣстѣ съ Раморино, совершилъ онъ неудачный набѣгъ на Савойю, съ цѣлью поднять революцію въ Италіи (1834 г.). Затѣмъ онъ основалъ демократическое общество „Южная Италія“ и до 1848 г. жилъ въ Лондонѣ, руководя тайными обществами своего отечества.

[4]) Manin, род. въ 1804, скончался въ Парижѣ въ 1857 году.

Въ королевствѣ „Обѣихъ Сицилій“ обнаружились симптомы, болѣе грозные. По почину одного изъ главъ революціоннаго комитета, Доменико Ромео, здѣсь были произведены попытки возстанія въ Мессинѣ [1]) 1-го и въ Реджіо [2]) 2 сентября 1847 г. Обѣ попытки кончились неудачами. Ромео погибъ трагическою смертью; но въ началѣ января 1848 года на улицахъ Палермо появилась зловѣщая прокламація, возвѣщавшая, что „если къ 12 января правительство не дастъ Сициліи конституціи, на которую она имѣетъ право, то ея добьются силою оружія“. Мы увидимъ, что эта угроза не была тщетной.

III. Однихъ итальянскихъ дѣлъ было достаточно для возбужденія вниманія австрійскаго кабинета. Но и въ собственныхъ земляхъ Австріи, при наружномъ спокойствіи этой монархіи, подготовлялись опасные для нея элементы. Въ этомъ искусственномъ и механически связанномъ государствѣ возрождались національныя стремленія, съ такою силою проявившіяся въ событіяхъ 1848 года. Въ то время, какъ вниманіе Меттерниха было обращено главнымъ образомъ на Италію, пробужденіе Венгріи и возрожденіе славянскихъ народностей подготовили для имперіи другіе вопросы, болѣе важные, чѣмъ господство на апеннинскомъ полуостровѣ.

Для объясненія политическаго движенія въ Венгріи, необходимо обратиться назадъ и представить главныя начала государственнаго устройства этой страны, представлявшей значительныя особенности сравнительно съ другими австрійскими землями [3]).

Венгерская конституція, въ своихъ основаніяхъ, можетъ быть названа самою старинною въ Европѣ; главныя изъ этихъ основаній связаны съ именемъ св. Стефана (997—1038 г.), оказавшаго такія заслуги въ распространеніи христіанства [4]). Къ его времени относится учрежденіе *комитатовъ*, поставленныхъ, въ отношеніи военнаго и гражданскаго управленія, подъ управленіе ispan'овъ [5]), сдѣ-

---

[1]) Главный городъ сицилійской провинціи того же имени.

[2]) Reggio городъ въ нижне-итальянской провинціи Калабріи.

[3]) Въ виду важности историческаго права Венгріи при изученіи современнаго ея устройства, приводимъ важнѣйшія къ нему пособія: Вирошилъ (Viroszil), *Das Staats-Recht des Königreichs Ungarn* etc., т. I—III; Салай (Szalai), *Geschichte Ungarns*, (нѣм. перев.), т. I—III; Крайнеръ, *Die ursprüngliche Staatsverfassung Ungarns, etc., bis zum Jahre 1382.* Краткій, но обстоятельный очеркъ политической исторіи Венгріи имѣется въ соч. Louis Leger, *Histoire de l'Autriche-Hongrie*, Paris, 1879. Здѣсь читатель найдетъ и добросовѣстно составленную библіографію австро-венгерской исторіи.

[4]) Стефанъ, сынъ Гейзы, былъ крещенъ св. Адальбертомъ (Войтехомъ) въ 994 г. Хотя Гейза былъ уже крещенъ, но онъ не отказался отъ многихъ языческихъ наклонностей и обрядовъ.

[5]) Славянское—жупанъ, нѣмецкое Gespan, впослѣдствіи обергешпанъ.

лавшихся постепенно *наслѣдственными*, несмотря на воспрещеніе законовъ. Комитаты сдѣлались центромъ того аристократическаго самоуправленія, которое удержалось въ Венгріи въ теченіе вѣковъ. Привилегіи, данныя церкви, создали могущественное духовенство, образовавшее вмѣстѣ съ дворянствомъ сильную венгерскую аристократію. Служилая и духовная знать участвуетъ въ королевскомъ совѣтѣ, собиравшемся подъ знакомыми намъ изъ англійской исторіи именами commune consilium, primatum conventus, regale consilium, и т. д. Такъ же, какъ и „большой совѣтъ" англійскихъ королей, въ regale consilium призывались прелаты, графы и важнѣйшія должностныя лица. „Совѣтъ и согласіе" этого собранія въ принципѣ требовались, вѣроятно, по всѣмъ важнымъ дѣламъ, хотя королевская власть и не была еще юридически ограничена. Одною изъ главныхъ функцій короля являлось отправленіе *правосудія*, и для этой цѣли созывался сеймъ въ Штульвейссенбургѣ (Alba Regia) подъ предсѣдательствомъ самого короля или его палатина (nador, слав. nadvor). Собраніе это, въ коемъ разсматривались и рѣшались въ послѣдней инстанціи всѣ дѣла, восходившія изъ судовъ комитатскихъ и духовныхъ, имѣло особенное значеніе для всего рядового дворянства, не имѣвшаго мѣста въ „королевскомъ совѣтѣ", но приглашавшагося въ Альбу. Составъ Штульвейссенбургскаго собранія тождественъ съ составомъ *сеймовъ*, созывавшихся по другимъ поводамъ и развившихся при преемникахъ св. Стефана.

Въ числѣ послѣднихъ, важное мѣсто въ исторіи Венгріи занимаетъ Андрей II (1205—1235 г.), второй сынъ Бэлы III (1173—1196 г.). Въ личныхъ качествахъ Андрея есть нѣкоторое сходство съ Іоанномъ Безземельнымъ. Бэла III оставилъ престолъ старшему своему сыну Эмериху (Imrè); умирая, онъ взялъ слово съ Андрея исполнить обѣтъ, который самъ Бэла не успѣлъ выполнить: отправиться въ св. Землю. Андрей собралъ войско, но повелъ его противъ брата, съ цѣлью завладѣть его престоломъ. Имрэ удержался, благодаря вмѣшательству папы Иннокентія III. Но онъ долженъ былъ уступить Андрею Кроацію и Далмацію [1]). По смерти Имрэ и его малолѣтняго сына (Ладиславъ III), Андрей получилъ венгерскую корону. Но она не принесла ему счастья. Позорная исторія съ его женою [2]), ея дядей Бертольдомъ, развратнымъ епископомъ Колоши и ихъ жадной родней, вызвала возстаніе, кончившееся бѣгствомъ Бертольда и убійствомъ королевы съ ея фаворитами. Андрей, занятый въ то время галицкими дѣлами, гдѣ онъ хотѣлъ воспользоваться смутами,

---

[1]) Соединенныя съ Венгріею при королѣ Коломанѣ въ 1089 и 1102 году.

[2]) Гертрудою.

начавшимися по смерти знаменитаго Романа Волынскаго, и затѣмъ крестовымъ походомъ, ради котораго онъ долженъ былъ заложить даже церковные сосуды и окончательно уступить венеціанцамъ Цару (1217 г.), оставилъ страну на произволъ магнатовъ.

По возвращеніи изъ крестоваго похода, онъ засталъ Венгрію въ печальномъ положеніи. Власть магнатовъ, усилившаяся уже при прежнихъ короляхъ, теперь почти упраздняла власть королевскую. Расхищеніе земель, утѣсненіе народа и рядового дворянства ознаменовывали господство свѣтской и духовной олигархіи, обратившей королевскую власть въ свое орудіе. Король принужденъ былъ признать наслѣдственность должностей и земельныхъ пожалованій, находившихся въ рукахъ магнатовъ (1219 г.). Но безчинства олигархіи вызвали, наконецъ, реакцію со стороны мелкаго дворянства; самъ Андрей искалъ опоры въ его рядахъ. Въ 1222 г. былъ созванъ тотъ знаменитый сеймъ, по настоянію котораго Андрей II пожаловалъ духовенству и дворянству Золотую Буллу [1]).

Золотая булла была дарована духовенству и дворянству; слѣдовательно, она не измѣнила аристократическихъ началъ венгерской конституціи. Но въ ней содержатся постановленія, коими обезпечиваются общіе интересы дворянства противъ своеволія олигархіи.

Такъ, во-первыхъ, король, или отъ имени его палатинъ, обязуется ежегодно держать сеймъ въ Альбѣ [2]), на который могутъ являться всѣ благородные (servientes).

Комитаты и другія должности не могутъ быть жалуемы наслѣдственно [3]), но, съ другой стороны, никто не можетъ быть лишенъ владѣній, пріобрѣтенныхъ службою [4]). Палатину ввѣряется отправленіе правосудія надъ всѣми сословіями, но онъ не можетъ приговорить благороднаго къ смертной казни и конфискаціи имуществъ, не доложивъ королю. Ispan'ы [5]) ограничены въ гражданской юрисдикціи надъ благородными [6]). Ни одинъ благородный не можетъ быть взятъ или казненъ по настоянію магната, не будучи позванъ

---

[1]) Текстъ „Золотой Буллы“ (сомнительной, впрочемъ, подлинности), напечатанъ въ *Corpus juris Hungarici* и въ различныхъ сборникахъ венгерскихъ законовъ. Главнѣйшіе документы, въ нѣмецкомъ переводѣ, напечатаны въ сборникѣ Manz'а, *Staatsgrundgesetze der Oesterreichischen Monarchie.* Wien, 1861. Болѣе подробную библіографію см. у Дареста, *Les Constitutions modernes*, I, стр. 415.

[2]) Штульвейссенбургъ. При Андреѣ III собранія сейма были перенесены въ Пештъ.

[3]) Ст. 16.

[4]) Ст. 17.

[5]) Comes parochianus.

[6]) Ст. 5.

къ суду и уличенъ въ законномъ порядкѣ [1]). Но никто изъ осужденныхъ законнымъ порядкомъ не можетъ быть защищаемъ кѣмъ либо изъ магнатовъ.

Права короля надъ дворянствомъ ограничиваются въ томъ, что онъ не можетъ собирать съ нихъ подать (collectam) или добровольные займы (liberos dinarios), имѣть постой въ ихъ жилищахъ, и требовать отъ нихъ военной службы внѣ предѣловъ государства [2]). Имѣнія благородныхъ наслѣдуются ихъ сыновьями; если благородный не оставитъ сыновей, то 1/4 имущества наслѣдуетъ дочь, а остальнымъ собственникъ можетъ распорядиться по усмотрѣнію. Имущество умершаго безъ завѣщанія поступаетъ въ его родъ; при отсутствіи родственниковъ—королю [3]).

Иностранцы не могутъ получать государственныхъ должностей безъ согласія королевскаго совѣта. Имъ не могутъ быть жалуемы земельныя владѣнія [4]). Должности по финансовой администраціи могутъ занимать только дворяне; евреи исключаются отъ нихъ [5]).

Такими постановленіями имѣлось въ виду обезпечить интересы дворянства противъ насилій и своеволія магнатовъ. Золотая булла создавала нѣкоторыя условія равенства въ средѣ политическаго сословія страны. Но она лишь мимоходомъ говоритъ о низшихъ классахъ. Имперскимъ баронамъ воспрещается, во время разъѣздовъ, угнетать бѣдныхъ; графамъ воспрещается угнетать людей ихъ зàмковъ подъ страхомъ лишенія должности; духовенству воспрещается требовать десятину деньгами [6]). Но интересы дворянства остаются на первомъ планѣ. Для бòльшаго обезпеченія ихъ, ст. 31 признаетъ за дворянствомъ *право сопротивленія* королю и его наслѣдникамъ (jus resistendi et contradicendi Nobis et Nostris successoribus), если „булла“ будетъ ими нарушена. Jus resistendi могло быть осуществляемо магнатами безъ опасенія обвиненія ихъ въ измѣнѣ — sine nota alicujus infidelitatis [7]). Это право играло большую и часто печальную роль въ позднѣйшей исторіи Венгріи.

Золотая булла положила основаніе политическимъ вольностямъ Венгріи. Представительныя учрежденія, не смотря на тяжкое поло-

---

1) Ст. 2.
2) Ст. 3, 7.
3) Ст. 4.
4) Ст. 11, 26.
5) Ст. 24.
6) Ст. 13, 14, 20.
7) Право возстанія было однимъ изъ важныхъ правъ и нѣмецкихъ чиновъ (Landstände), подтверждавшееся мѣстными хартіями. Ср. Гирке, назв. соч., I, стр. 564, прим. 142.

женіе Венгріи при послѣднихъ короляхъ изъ династіи Арпадовъ (пресѣкшейся въ 1301 году со смертью Андрея III), развивались какъ при нихъ, такъ и при короляхъ Анжуйской династіи (1307—1458). Организація *сейма* установилась при короляхъ избирательныхъ, въ особенности при Сигизмундѣ Люксембургскомъ (1392—1437 г.), соединившемъ въ своемъ лицѣ короны чешскую, венгерскую и императорскую (съ 1411 г.). При немъ утверждаются начала *представительства;* съ одной стороны, *личное участіе* мелкаго дворянства, невозможное при многочисленности послѣдняго, замѣнено участіемъ чрезъ депутатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ сейма были призваны и депутаты отъ *вольныхъ городовъ*—civitates liberae regiae [1]). Въ концѣ XV вѣка (1495 г.), при Владиславѣ II [2]), законодательство возвратилось къ началу *личнаго участія* дворянства въ сеймѣ, но чрезъ сто лѣтъ (въ 1608 г.) первый законъ, изданный послѣ коронаціи короля (императора) Матвѣя II, опредѣлилъ, „кого должно разумѣть подъ именемъ status и ordines государства, и кто изъ нихъ имѣетъ мѣсто и голосъ въ сеймѣ [3]).

Сословіями королевства признаны: 1) прелаты; 2) свѣтскіе имперскіе бароны, т.-е. магнаты; 3) дворянство, и 4) вольные города [4]); соотвѣтственно этому, королю не дозволяется призывать въ сеймъ кого либо непринадлежащаго къ этимъ сословіямъ [5]).

Ordo прелатовъ составляется: а) изъ епископовъ, имѣющихъ подъ своею юрисдикціею капитулъ съ собственнымъ пробстомъ; они имѣютъ право лично засѣдать въ *палатѣ магнатовъ;* пробстамъ и аббатамъ предоставлены голоса въ палатѣ депутатовъ нераздѣльно съ ихъ капитулами (unam et conjunctam). Магнаты и имперскіе бароны составляютъ особый ordo, засѣдающій въ палатѣ магнатовъ. Нунціи рядового дворянства, вмѣстѣ съ уполномоченными отсутствующихъ магнатовъ, засѣдали въ *палатѣ сословій.* Здѣсь же имѣли мѣста и уполномоченные отъ вольныхъ городовъ.

Раздѣлялись ли эти сословія на двѣ палаты? Названіе двухъ „столовъ“ — стола магнатовъ (excelsa tabula procerum) и стола сословій (inclyta tabula statuum)—встрѣчается довольно рано, равно

---

[1]) Законъ 1405 года. Подъ вольными городами въ Венгріи разумѣлись общины, неподчиненныя *частной* юрисдикціи, но поставленныя подъ непосредственную юрисдикцію короля, а потому занявшія мѣста въ ряду государственныхъ сословій. Вирошилъ, ук. соч., II, стр. 364 и слѣд.

[2]) 1490—1516 г. изъ дома Ягеллоновъ, государь слабаго и нерѣшительнаго характера. При немъ Венгрія пережила много бѣдствій.

[3]) См. Манцъ, назв. сборн., стр. 83 и слѣд.

[4]) § 2.

[5]) Также исчислены эти сословія въ мирномъ договорѣ съ Матвѣемъ II 1606 г. (вѣнскій договоръ), I, § 1; см. Manz, назв. сборн., стр. 68.

какъ и примѣры ихъ раздѣльныхъ совѣщаній. Въ вышеприведенномъ законѣ 1608 г. прямо подтверждается это раздѣленіе и указывается мѣсто каждаго ordo. Но окончательное раздѣленіе двухъ палатъ, какъ самостоятельныхъ элементовъ сейма, совершилось, повидимому, въ концѣ XVII вѣка (1681 г.).

Сеймъ явился органомъ господствующихъ и политическихъ классовъ Венгріи. Функціи и права его напоминали права средневѣковыхъ парламентовъ Англіи. Но главною опорою вольностей венгерскаго дворянства являлись *комитатскія* собранія и учрежденія, чрезъ которыя обезпечивались какъ мѣстные, такъ и политическіе интересы господствующихъ классовъ.

IV. Внѣшнія условія, въ которыя было поставлено королевство, не допускали, однако, правильнаго, органическаго роста политическихъ учрежденій. Возраставшее могущество турокъ, съ одной, и австрійскаго дома, съ другой стороны, въ связи съ внутренними раздорами, заставляли націю помышлять о сохраненіи своего политическаго бытія и древняго государственнаго устройства. Правленіе Матвѣя Корвина (1458—1490 г.) было послѣднимъ временемъ венгерской славы. При Владиславѣ II (1490—1516 г.), успѣхи турокъ приводили уже въ трепетъ венгерскую аристократію. Неудачи венгерскаго оружія приписывались слабой и своекорыстной политикѣ королей-иноземцевъ. Благодаря имъ, еще прежде Венгрія утратила Сербію, Галицію, Далмацію. Теперь турки могли вторгнуться въ исконныя области королевства. Но жалобы не помогали дѣлу тѣмъ болѣе, что внутреннее состояніе Венгріи угрожало аристократіи съ другой стороны.

Въ условіяхъ аристократической конституціи, могущество магнатовъ и дворянства тяжко отражалось на судьбѣ низшихъ классовъ, особенно крестьянства, подавленнаго крѣпостнымъ правомъ. Долго сдерживаемое недовольство прорвалось, наконецъ, страшнымъ крестьянскимъ возстаніемъ 1513 года. По распоряженію папы, его легатъ явился въ этомъ году въ Венгрію проповѣдывать крестовый походъ противъ турокъ. Крестьяне вооружались толпами; но, подъ предводительствомъ трансильванскаго крестьянина Дожи (Dosza), обратили свое оружіе противъ дворянства [1]). Возстаніе было подавлено съ обычною жестокостью. Но не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ „политическая нація“ Венгріи понесла тяжкое наказаніе за событія 1513 года.

Владиславъ II скончался въ 1516 году; на престолъ сѣлъ его

---

[1]) Отсюда и названіе возставшихъ: куручь, куручи (kurucz), испорченное cruciati—крестоносцы.

малолѣтній сынъ—Людовикъ II. Смуты и раздоры аристократическихъ партій привели страну въ состояніе анархіи; этимъ печальнымъ положеніемъ воспользовался одинъ изъ способнѣйшихъ турецкихъ султановъ—Солиманъ Великолѣпный. Подъ незначительнымъ предлогомъ, онъ взялъ Бѣлградъ (1521 г.) и окончательно утвердился на Дунаѣ. Даже это предостереженіе не умиротворило партій; молодой король тщетно взывалъ о помощи къ иностраннымъ государямъ. Солиманъ задумалъ нанести рѣшительный ударъ не только Венгріи, но и нѣмецкой имперіи. Стотысячная армія его встрѣтилась съ венгерскимъ войскомъ, предводимымъ королемъ, при Могачѣ [1]) и почти истребила его (1526 г.). Король, главнѣйшіе начальники и 22,000 войска остались на полѣ. Венгрія была опустошена.

Магнаты сдѣлали послѣднее усиліе для спасенія независимости страны чрезъ избраніе національнаго короля. Сеймъ, собранный въ Токаѣ, избралъ Іоанна Заполи, оказавшаго аристократіи важныя услуги при усмиреніи „куручей". Но другой сеймъ, въ Пресбургѣ, руководимый заклятымъ врагомъ Заполи, палатиномъ Баторіемъ, провозгласилъ Фердинанда Австрійскаго [2]). Двукоролевье открыло широкое поле внутреннимъ раздорамъ и вмѣшательству Солимана, на помощь котораго долженъ былъ опереться Іоанъ. Послѣ продолжительной борьбы и долгихъ переговоровъ, между Заполи и Фердинандомъ состоялся, наконецъ, договоръ (1538 г.) въ Варадѣ. Фердинандъ и братъ его, императоръ Карлъ V, признали Заполи венгерскимъ королемъ, съ тѣмъ, что, по смерти его, престолъ долженъ перейти къ Фердинанду, хотя бы у Іоанна родился сынъ.

Договоръ не былъ выполненъ. Сынъ Заполи, отъ второго его брака [3]), Іоаннъ-Сигизмундъ, родившійся незадолго до смерти своего отца (1540 г.), былъ провозглашенъ королемъ, и попечители его обратились за помощью противъ Фердинанда къ Солиману. Султанъ изгналъ австрійцевъ, занялъ Буду, но вслѣдъ затѣмъ оставилъ эту часть Венгріи за собою, отправивъ молодого короля княжить въ Трансильваніи. Такъ раздѣлилось единое и могущественное нѣкогда королевство. Часть его областей осталась за австрійскимъ домомъ; другая—во владѣніи турокъ; Трансильванія оставлена во владѣніи Іоанна-Сигизмунда († 1571 г.), по смерти котораго трансильванскій сеймъ избралъ знаменитаго Стефана Баторія, будущаго (съ 1575 г.) короля польскаго.

---

[1]) Венгерскій городъ на Дунаѣ.

[2]) Женатаго на дочери Владислава II—Аннѣ.

[3]) Съ Изабеллою, дочерью Сигизмунда Стараго, Польскаго, и королевы Бонны.

Здѣсь не мѣсто излагать дальнѣйшія политическія судьбы Венгріи, исторію постепеннаго изгнанія турокъ и возсоединенія земель „короны св. Стефана". Но ходъ этихъ событій приводилъ къ утвержденію владычества австрійскаго дома. До 1687 года Венгрія (т.-е. свободная отъ турецкаго ига часть этой страны) оставалась юридически *избирательною монархіею;* но силою вещей, корона не выходила изъ австрійскаго дома. Нація должна была употребить много усилій, чтобы отстоять свои историческія учрежденія отъ централизаторскихъ стремленій Австріи; еще больше усилій нужно было, чтобы оградить въ Венгріи интересы реформаціи (кальвинизма), сильно распространявшагося въ этой странѣ, противъ католической нетерпимости австрійскихъ государей, руководимыхъ іезуитами.

Національныя надежды венгровъ покоились на возраставшемъ могуществѣ трансильванскихъ князей, умѣвшихъ занять независимое положеніе среди сильныхъ сосѣдей и даже распространять свою власть на сѣверныя части австрійской Венгріи. Они пользовались своею силою для поддержанія старинныхъ учрежденій Венгріи и защиты протестантизма. Такъ, въ 1606 году, возстаніе, во главѣ котораго сталъ трансильванскій князь Стефанъ Бочкай (Bocskai), принудило императора Рудольфа II, при посредничествѣ своего брата, эрцгерцога Матвѣя, заключить вѣнскій мирный договоръ, коимъ обезпечивались права венгерскихъ протестантовъ и старинныя учрежденія Венгріи. Постановленія эти были подтверждены закономъ, предшествовавшимъ коронаціи самого Матвѣя (1608 г.), и упомянутымъ выше закономъ о составѣ сейма. Интересы протестантизма, въ началѣ тридцатилѣтней войны, нашли защитника въ даровитомъ трансильванскомъ князѣ Бетленѣ Габорѣ (1613—1629 г.). Онъ снова поднялъ сѣверные комитаты и оказалъ дѣятельную, хотя и безплодную поддержку Богеміи. Битва при Бѣлой Горѣ рѣшила участь Богеміи. Габоръ долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ въ Никольсбургѣ. Но относительно благопріятнымъ исходомъ тридцатилѣтней войны Венгрія обязана также Трансильваніи. Именно при Фердинандѣ III, возстаніе, вызванное постоянными нарушеніями вѣнскаго мира и руководимое трансильванскимъ княземъ, Георгіемъ Ракоци, несмотря на слабый успѣхъ его, повело при поддержкѣ Франціи къ заключенію Линцскаго мира (1645 г.) и къ изданію диплома, въ коемъ подтверждались постановленія 1608 года относительно свободы исповѣданій [1]) и обѣщано созваніе сейма для разсмотрѣнія и рѣшенія разныхъ спорныхъ дѣлъ.

[1]) Ст. 5—9, см. Manz, назв. сборн., стр. 85 и слѣд.

Долголѣтнее царствованіе Леопольда I (1657—1705 г.), воплотившаго въ себѣ всѣ начала „австрійской“ политики, окончательно закрѣпило Венгрію за австрійскою короною. Могущество Трансильваніи было сломлено. Общая опасность со стороны турокъ соединила венгровъ и „цесарцевъ“. Венгерскій герой, Црини, вмѣстѣ съ Монтекукули и при поддержкѣ французскихъ войскъ, одержалъ блистательную побѣду надъ турками (1664 г.). Но побѣда не принесла пользы венграмъ. Съ турками было заключено двадцатилѣтнее перемиріе, а въ Венгріи водворилась система управленія, соотвѣтствовавшая католическимъ и деспотическимъ планамъ Леопольда. Она вызвала возстаніе, руководимое графами Црини [1]) и Франгепаномъ. Едва оно было подавлено, какъ вспыхнуло другое, болѣе грозное, подъ предводительствомъ Тэкели, женатаго на дочери Георгія Ракоци II. Тэкели стремился къ полному освобожденію Венгріи и разсчитывалъ на поддержку турокъ, шедшихъ на Вѣну. Но Леопольдъ былъ спасенъ Яномъ Собѣсскимъ (1683 г.), королемъ польскимъ. Дѣло Тэкели было проиграно; неслыханно жестокими мѣрами было подавлено возстаніе. Долго сохранялась въ памяти венгровъ страшная Пряшская (Eperies) бойня, произведенная генераломъ Караффою, назначеннымъ для подавленія мятежа. Смущенный сеймъ, созванный въ 1687 году, призналъ *наслѣдственность* венгерской короны въ мужскомъ потомствѣ Леопольда и отмѣнилъ 31 ст. „золотой буллы“, признававшую право сопротивленія [2]).

Побѣды императорскихъ войскъ надъ турками лишали венгровъ и трансильванцевъ послѣдней поддержки, къ которой они обращались въ крайнемъ случаѣ. Успѣхи принца Евгенія привели къ заключенію карловичскаго мира (1699 г.), въ силу котораго Порта обязалась не поддерживать венгерскихъ мятежниковъ, отказалась отъ своихъ верховныхъ правъ на Трансильванію и оставила за собою лишь немногія части венгерской территоріи. Трансильванія также перешла во владѣніе австрійскаго дома. Молодой трансильванскій воевода, Михаилъ Апафи, былъ отвезенъ въ Вѣну; Трансильванія управлялась намѣстникомъ императора. Привилегіи княжества были подтверждены Леопольдомъ, а карловичскій миръ утвердилъ его верховныя права надъ страной. Но изъ Трансильваніи же вышла послѣдняя попытка сопротивленія австрійскому владычеству. Возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Францъ Ракоци и въ которомъ участвовало крестьянство, значительная часть магнатовъ, поколе-

---

[1]) Братомъ предыдущаго.

[2]) См. выше, стр. 625.

бало австрійское владычество. Ракоци былъ поддерживаемъ субсидіями Людовика XIV, въ то время боровшагося съ Англіею и австрійскимъ домомъ за наслѣдство испанскаго престола. Наслѣдникъ Леопольда I, Іосифъ I, былъ отрѣшенъ отъ венгерскаго престола сеймомъ 1707 года. Но сеймъ терялъ время въ переговорахъ о коронѣ, имперскіе генералы одержали нѣсколько побѣдъ надъ возставшими; Людовикъ XIV, истощенный въ войнѣ за испанское наслѣдство, не могъ поддерживать Ракоци, и сеймъ, собранный въ Сатмарѣ (Szathmar), заключилъ (1711 г.) миръ съ Іосифомъ I подъ условіемъ общей амнистіи и подтвержденія венгерскихъ вольностей [1]).

V. Съ 1705 года, на основаніи закона 1687 г., Венгрія обратилась въ наслѣдственное владѣніе Габсбурговъ. Собственно Венгрія, Трансильванія и Кроація сохранили свое отдѣльное устройство, съ мѣстными сеймами и привилегіями. Новыя побѣды надъ турками, принудившія Порту заключить миръ въ Пожаровцѣ (Пассаровичъ), въ 1718 г., отдали Австріи лѣвый берегъ Дуная. Наслѣдственныя права австрійскаго дома надъ землями венгерской короны были еще разъ подтверждены по поводу принятія „прагматической санкціи" Карла VI.

Карлъ VI (1711—1740 г.), младшій братъ Іосифа I, вступилъ на престолъ въ силу закона, исключавшаго женщинъ отъ престолонаслѣдія; онъ устранилъ, такимъ образомъ, двухъ дочерей своего старшаго брата [2]). Но самъ онъ употребилъ всѣ усилія для измѣненія порядка престолонаслѣдія въ пользу своей дочери Маріи-Терезіи [3]). Кромѣ того новый порядокъ, расширявшій условія престолонаслѣдія, давалъ возможность скрѣпить всѣ австрійскія земли и не ставить цѣлость монархіи въ зависимость отъ различія этихъ законовъ. Въ 1713 году Карлъ объявилъ своему тайному совѣту прагматическую санкцію, въ коей постановлялось, что австрійскія земли составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, что престолъ наслѣдуется по праву первородства въ мужскомъ поколѣніи, но что, за недостаткомъ послѣдняго, къ наслѣдію призываются сначала дочери Карла VI, затѣмъ Іосифа I и, наконецъ, женское поколѣніе императора-родоначальника, т.-е. Леопольда I.

Но внесеніе „прагматической санкціи" въ журналъ тайнаго совѣта не было достаточно для ея силы. Необходимо было обезпе-

---

[1]) Ракоци удалился сначала въ Польшу, затѣмъ во Францію и, наконецъ, въ Турцію.

[2]) Марію-Амелію († 1756 г.) и Марію-Іозефину, жену Августа III, короля польскаго († 1757 г.).

[3]) Единственный сынъ Карла VI—Леопольдъ, скончался въ 1716 г., но уже и раньше здоровье его озабочивало его отца.

чить ея дѣйствіе согласіемъ членовъ императорскаго дома и мѣстныхъ сеймовъ. Постепенно Карлъ VI достигъ своей цѣли. Послѣдними изъ сеймовъ, на утвержденіе которыхъ была предложена „санкція", были сеймы земель венгерской короны, какъ наиболѣе строптивые. Сверхъ того Карлъ VI, коронуясь венгерской короной, подписалъ пять „коронаціонныхъ" статей, одна изъ которыхъ постановляла, что если Карлъ скончается безъ наслѣдниковъ мужского пола, то венграмъ предоставляется избрать себѣ короля.

Карлъ VI началъ съ второстепенныхъ земель. „Прагматическая санкція" была принята сначала кроатскимъ сеймомъ (1721 г.), затѣмъ трансильванскими чинами (1722 г.). Венгерскій сеймъ былъ склоненъ къ тому же краснорѣчіемъ и ловкостью нѣкоторыхъ приверженцевъ императора, а также личнымъ появленіемъ послѣдняго на сеймѣ и нѣкоторыми уступками венграмъ. Сеймъ 1722—1723 г.г. вотировалъ всеподданнѣйшую благодарность императору за личное присутствіе его въ сеймѣ и за подтвержденіе вольностей и привилегій Венгріи. Прагматическая санкція была утверждена, съ тѣмъ, однако, что на случай пресѣченія указанныхъ въ ней линій австрійскаго дома, „сословія" удерживаютъ за собою право на избраніе и коронованіе ихъ королей". Самостоятельность Венгріи въ дѣлахъ ея внутренняго управленія была обезпечена учрежденіемъ особаго намѣстническаго совѣта (Statthaltereirathes), подъ предсѣдательствомъ палатина, изъ 22 совѣтниковъ, назначенныхъ изъ прелатовъ, магнатовъ и дворянъ венгерскихъ земель. Совѣтъ поставленъ въ зависимость непосредственно отъ короля [1]).

Судьба Венгріи была отнынѣ неразрывно связана съ судьбами австрійской монархіи. Несмотря на торжественныя подтвержденія „вольностей" и „привилегій" этой страны, опасность онѣмеченія и успѣховъ бюрократическаго абсолютизма грозила ей, какъ и прочимъ землямъ австрійской короны. Нельзя не признать, что австрійское правительство въ своихъ дѣйствіяхъ противъ венгерскаго сейма имѣло довольно твердую точку опоры. Органъ господствующей аристократіи, сеймъ, обнаруживалъ своекорыстные и узко-сословные интересы всякій разъ, когда рѣчь шла объ улучшеніи быта крестьянъ; поддерживая вольности своей страны, венгерская аристократія высокомѣрно и деспотически относилась къ другимъ народностямъ венгерской короны, къ славянамъ, румынамъ и друг. Австрійское правительство имѣло предъ собою благодарныя задачи— поддержаніе низшихъ классовъ, задавленныхъ крѣпостнымъ правомъ, и народностей, подавляемыхъ мадьярами. „Урбаріальные" законы,

---

[1]) Манцъ, ук. сборн., стр. 93—101.

опредѣлявшіе положеніе крестьянъ, обязаны своимъ происхожденіемъ австрійскимъ государямъ; мѣстныя привилегіи разныхъ земель венгерской короны находили защиту въ ихъ власти. Но это выгодное положеніе австрійской власти искажалось вслѣдствіе ея стремленій уничтожить не только національныя учрежденія Венгріи, но и германизировать страну, имѣвшую столь крѣпкую народность.

Марія-Терезія (1740—1780 г.), съ самаго начала своего царствованія, умѣла привлечь къ себѣ венгровъ различными уступками, сдѣланными ею на сеймѣ 1741 года, на которомъ, между прочимъ, было постановлено, что какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла королевства будутъ завѣдываться природными венграми [1]). Нуждаясь въ поддержкѣ сейма для борьбы съ Фридрихомъ II Прусскимъ, уже наводнившимъ своими войсками Силезію, королева умѣла возбудить энтузіазмъ мадьяръ настолько, что магнаты поклялись „умереть за своего *короля*—Марію-Терезію“ [2]) и вотировали наборъ въ 100.000 человѣкъ. Личное ея вліяніе и впослѣдствіи привлекало венгерскую знать въ Вѣну. Но общая система ея управленія клонилась къ умаленію правъ мѣстныхъ сеймовъ, усиленію центральнаго правительства и онѣмеченію разныхъ австрійскихъ земель. Искусная и хитрая политика королевы проложила путь „просвѣщенному абсолютизму“ ея сына, Іосифа II, котораго она въ 1740 году показывала венграмъ для возбужденія ихъ энтузіазма

Іосифъ II (1780—1790 г.), вдохновленный идеями XVIII вѣка, былъ однимъ изъ виднѣйшихъ представителей того „просвѣщеннаго абсолютизма“, который во многихъ отношеніяхъ былъ предвѣстникомъ „революціоннаго абсолютизма“ 1793 года [3]). Подобно послѣднему, онъ, исходя изъ возвышенныхъ и великодушныхъ идей, приводитъ къ вмѣшательству въ самыя священныя человѣческія отношенія и къ попранію лучшихъ историческихъ преданій. Императоръ былъ воодушевленъ идеями религіозной терпимости; во имя ея онъ началъ борьбу съ папскимъ престоломъ и отмѣнилъ много постановленій, стѣснявшихъ свободу вѣры въ коренныхъ австрійскихъ земляхъ. Разомъ закрылъ онъ до 600 монастырей, конфисковалъ и распродалъ ихъ имущество, обратилъ бракъ въ гражданскій договоръ и дозволилъ разводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вторгся въ самое

---

[1]) Манцъ, ук. сборн., стр. 101—103. Названіе закона: De rebus et negotiis Hungaricis per Hungaros tractandis.

[2]) Moriamur pro rege nostro Maria-Theresia.

[3]) Императоръ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ усердно изучалъ труды энциклопедистовъ и физіократовъ и, во время своего пребыванія въ Парижѣ, познакомился лично съ Неккеромъ, Тюрго, д'Аламберомъ и друг.

отправленіе культа, направилъ свои мѣры къ подчиненію церкви государству и установилъ ту систему ихъ взаимныхъ отношеній, которыя извѣстны подъ характеристическимъ названіемъ „Іозефинизма“ [1]). Врагъ средневѣковыхъ привилегій, онъ настойчиво стремился къ отмѣнѣ крѣпостного права и барщинныхъ повинностей; въ этомъ, какъ мы замѣтили, былъ источникъ силы австрійскихъ государей. Но, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, предметомъ преслѣдованія сдѣлались и другіе „остатки старины“: мѣстные сеймы, политическія вольности, народные языки.

Введеніе нѣмецкаго языка во всѣхъ земляхъ, обращеніе всѣхъ земель въ простыя провинціи, управляемыя пассивными органами центральной власти, отмѣна всѣхъ мѣстныхъ привилегій во имя „раціональныхъ началъ“ усовершенствованной бюрократіи — таковы были цѣли, предъ осуществленіемъ которыхъ не остановился Іосифъ II. Всѣ земли монархіи были раздѣлены на 13 губерній, подраздѣленныхъ на округи (Kreise), во главѣ которыхъ были поставлены окружные начальники — Kreishauptmänner [2]).

Подобно другимъ „областнымъ“ сеймамъ, не созывались сеймы Венгріи и Трансильваніи. Іосифъ пренебрегъ обрядомъ вѣнчанія короною св. Стефана; самая корона была отвезена въ Вѣну. Палатинъ не былъ назначенъ. Указомъ 1784 г. предписано было замѣнить латинскій языкъ, употреблявшійся въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, нѣмецкимъ [3]). Не были пощажены и учрежденія комитатовъ, столь дорогія и важныя для массы мадьярскаго дворянства. Страна была раздѣлена на 10 комитатовъ съ Kreishauptmänner'ами во главѣ.

Въ Венгріи, равно какъ въ Богеміи и Бельгіи, подобныя мѣры подняли противъ себя всѣ вліятельные классы населенія. Царствованіе Іосифа II является временемъ, когда національное чувство „народовъ“ Австріи пробуждается въ видѣ реакціи нивеллирующей и онѣмечивающей политикѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Бельгія возстала, и уже близко было время отдѣленія этой страны отъ владѣній Габсбурговъ [4]). Венгрія и Богемія были близки къ возстанію. Хотя венгерскій сеймъ и не былъ созываемъ, но комитатскія со-

---

[1]) Вторженіе правительства въ церковныя дѣла доходило до запрещенія (въ силу „экономическихъ соображеній“!) имѣть въ церквахъ металлическіе подсвѣчники и хоронить покойниковъ въ деревянныхъ гробахъ.

[2]) Этими губерніями были: 1) Галиція; 2) Богемія; 3) Моравія и Силезія; 4) Нижняя Австрія; 5) Штирія, Каринтія и Карніолія; 6) Верхняя Австрія; 7) Тироль; 8) Трансильванія; 9) Венгрія; 10) Кроація; 11) Ломбардія; 12) Тріестъ, Горицъ и Градишка; 13) Бельгія.

[3]) Ср. интересное изслѣдованіе г. Гумпловича, *Das Recht der Nationalitäten und Sprachen in Oesterreich-Ungarn*. 1879 года, стр. 21 и слѣд.

[4]) См. выше.

бранія умѣли противиться эдиктамъ Іосифа II. Онъ самъ, незадолго предъ своею смертью, долженъ былъ отмѣнить большинство своихъ распоряженій.

Его преемникъ, Леопольдъ II (1790 — 1792 г.) [1]), въ теченіе своего короткаго царствованія долженъ былъ примирить съ собою венгровъ рядомъ подтвержденій ихъ привилегій и новыхъ уступокъ. Онъ короновался вѣнцомъ св. Стефана, возстановилъ должность палатина [2]), созвалъ сеймъ (1790—1791 гг.) и утвердилъ нѣсколько принятыхъ послѣднимъ органическихъ законовъ [3]). Первый изъ нихъ провозглашалъ независимость Венгріи и соединенныхъ съ нею земель отъ другихъ земель австрійской короны, другими словами, установлялъ реальное соединеніе Венгріи съ австрійскою монархіею чрезъ общность *династіи*. Венгрія должна быть управляема по своимъ законамъ и королемъ законно-вѣнчаннымъ (т.-е. короною св. Стефана). Второй законъ постановлялъ, что право издавать и отмѣнять законы принадлежитъ королю, совмѣстно съ сеймомъ, и что судебная и исполнительная власть будутъ отправляться по законамъ Венгріи. Третій законъ подтверждаетъ, что право установленія налоговъ и повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, принадлежитъ королю съ согласія сейма. Четвертый законъ постановлялъ, что сеймъ долженъ быть созываемъ каждые три года и чаще, если въ томъ представится надобность. Пятый воспрещалъ введеніе въ Венгрію какого либо чужого (т.-е. нѣмецкаго) языка; оффиціальнымъ языкомъ оставленъ латинскій, но въ общественныхъ школахъ предписано обученіе венгерскому языку. Шестой и седьмой законы подтверждали узаконенія о венгерскомъ намѣстническомъ совѣтѣ и о порученіи венгерскихъ дѣлъ венграмъ [4]). Сверхъ того, тѣмъ же сеймомъ были изданы законы о церковныхъ дѣлахъ, касающіеся какъ католической и протестантской церквей, такъ и православной (не уніатской). Лицамъ, принадлежащимъ къ послѣдней, подтверждены ихъ права пріобрѣтать недвижимыя имущества и занимать всякія должности. Точно такъ же были подтверждены учрежденія и права Трансильваніи [5]).

VI. Леопольдъ II скончался 1 марта 1792 года; австрійскій престолъ перешелъ къ сыну его Францу II [6]). Событіе это совпало съ

---

[1]) Братъ Іосифа II, великій герцогъ тосканскій, прославившійся здѣсь своимъ просвѣщеннымъ управленіемъ.

[2]) Сеймъ избралъ на эту должность сына его, молодого Александра.

[3]) Манцъ, ук. сборн., стр. 103—116.

[4]) См. выше.

[5]) Манцъ, ук. сборн., стр. 539—560.

[6]) Род. въ 1768 г., ум. 1835 г., какъ австрійскій императоръ—Францъ I.

великими усложненіями въ отношеніяхъ Австріи и Пруссіи къ Франціи. Война между Австріею и Пруссіею, съ одной, и Франціею, съ другой стороны [1]), готова была открыться. Страхъ предъ революціею понудилъ даже Леопольда II измѣнить свою политику. Печать, пользовавшаяся нѣкоторою свободою при Іосифѣ II, снова была стѣснена; съ Пруссіею, послѣ извѣстнаго пильницскаго свиданія Леопольда съ Фридрихомъ Вильгельмомъ II (27 авг. 1791 г.), былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Франціи (7 февраля 1792 г.); чрезъ нѣсколько недѣль императора не стало. Царствованіе его сына было временемъ упорной, всеевропейской борьбы противъ революціонной Франціи и всеобщей реакціи. Венгерскіе магнаты и дворянство стали на сторону австрійскаго дома. Хотя демократическія идеи революціонной Франціи и увлекли часть венгерской молодежи, но аристократическія преданія взяли верхъ надъ „идеями вѣка". Съ великими пожертвованіями деньгами и людьми, Венгрія вѣрно служила своему королю, несмотря на всѣ военныя его неудачи и на льстивую прокламацію Наполеона, призывавшаго венгровъ (въ 1809 г.) отложиться отъ Австріи.

Вѣрность венгровъ не вознаграждалась, однако, доброжелательнымъ отношеніемъ Франца II (I) къ ихъ національнымъ учрежденіямъ. Сеймъ, столь много сдѣлавшій для него во время борьбы съ Наполеономъ, былъ забытъ послѣ 1815 года. Притѣснительная система управленія, созданная государственными людьми Австріи, была распространена и на Венгрію. Лишенная центральнаго своего органа, страна громко выражала свое недовольство чрезъ комитатскія собранія. Несмотря на большую популярность палатина, эрцгерцога Іосифа, оппозиція становилась съ каждымъ годомъ настойчивѣе. Въ 1820 году, когда Австрія нуждалась въ деньгахъ и въ войскѣ для подавленія итальянскихъ революцій [2]), Францъ I тщетно старался успокоить оппозицію обѣщаніемъ „любить" ея старинную конституцію и приглашеніемъ держаться старыхъ законовъ [3]). Его слова не произвели впечатлѣнія, такъ какъ они не измѣнили системы правленія. Нѣкоторые комитаты отказывались платить подати и выставлять рекрутъ; правительство смѣняло обергешпановъ и замѣняло ихъ своими чиновниками; въ отвѣтъ на это,

---

[1]) См. выше.

[2]) См. выше.

[3]) Приводимъ эти исторически знаменитыя слова императора (рѣчь была сказана по латыни, послѣ военныхъ маневровъ): „Весь міръ безумствуетъ и, оставя старые свои законы, требуетъ воображаемыхъ конституцій. Вы имѣете конституцію, ненарушенно полученную отъ предковъ; любите ее, и я буду ее любить и хранить и передамъ ее наслѣдникамъ".

должностныя лица подавали въ отставку; суды отказывались разсматривать политическіе процессы, вчинавшіеся вѣнскими властями. Послѣ долгаго промежутка, сеймъ былъ, наконецъ, созванъ въ Пресбургѣ (Pozsoni) въ 1825 году.

Настроеніе и дѣйствія сейма показали, что въ Венгріи совершился нѣкоторый поворотъ, предвѣщавшій измѣненія въ политическомъ направленіи націи. Князь Меттернихъ, столь прозорливо разглядывавшій враговъ его „системы", вѣрно опредѣлилъ положеніе вещей слѣдующими словами:

„Въ Венгріи правительству предстоитъ теперь бороться съ *двумя оппозиціями*. Одна есть *старая* и вытекающая изъ природы (мѣстныхъ) отношеній—*венгерская* оппозиція. *Другая—представляетъ духъ времени*" [1]).

Дѣйствительно, изъ рядовъ магнатовъ и дворянства, державшихся за сословныя формы старой конституціи и сословные интересы, выходили уже лица, представлявшія болѣе широкія національныя и гражданскія идеи. Первымъ изъ нихъ былъ Сечени (Szechenyi), прозванный „великимъ мадьяромъ" и увлекавшій своимъ краснорѣчіемъ палату магнатовъ [2]). Въ нижней палатѣ появился будущій вождь національной и преобразовательной партіи Францъ Деакъ [3]), занявшій видное положеніе вмѣстѣ съ блестящимъ ораторомъ Павломъ Надь (Nagy), и другими представителями молодой Венгріи.

Въ виду „двухъ оппозицій", императоръ, по совѣту Меттерниха, сталъ на „конституціонную почву", т. е. удовлетворилъ нѣкоторымъ желаніямъ „венгерской" оппозиціи, представленной партіею магнатовъ. На сеймѣ 1825—1827 годовъ были подтверждены обѣщанія хранить основные законы Венгріи, не установлять никакихъ налоговъ и сборовъ безъ согласія сейма и созывать послѣдній каждые три года, такъ какъ „опытъ столѣтій доказываетъ, что созваніе сейма есть вѣрнѣйшее средство къ споспѣшествованію благосостоянія государства и къ удовлетворенію жалобъ" [4]).

Но оппозиція, представлявшая „духъ времени", постепенно повела Венгрію къ другимъ цѣлямъ. Съ одной стороны, она выступила съ требованіями признанія правъ венгерской народности и національнаго языка, съ другой, она приняла въ свою программу улучшеніе быта низшихъ классовъ и уравненіе сословій въ ихъ пра-

---

[1]) *Бумаги Меттерниха*, т. IV, № 784. См. также т. VII, № 1492.

[2]) Меттернихъ опредѣлилъ направленіе „великаго мадьяра", тогда еще молодого человѣка, на основаніи его письма, адресованнаго князю. *Бумаги*, т. IV, №№ 784 и 785.

[3]) Род. въ 1803 году.

[4]) Манцъ, ук. сборн., стр. 116—117.

вахъ. Рядомъ съ конституціонно-національною партіею, руководимою главнымъ образомъ Деакомъ, образовалась и радикальная партія, органомъ которой явился пламенный и даровитый Кошутъ [1]). Уже на сеймѣ 1832—1836 гг. было положено начало признанія венгерскаго языка оффиціальнымъ [2]). По смерти Франца I (1835 года), въ правленіе малоспособнаго сына его Фердинанда I (1835—1848 г.), національная оппозиція дѣлала быстрые успѣхи. Постановленіями сеймовъ 1840 и 1843 г., венгерскій языкъ былъ признанъ обязательнымъ во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ и на сеймѣ; евреи получили различныя гражданскія права, и свобода христіанскихъ исповѣданій расширена новыми правами; право занимать общественныя должности было распространено на не-дворянъ; имъ же предоставлено было право пріобрѣтать не-дворянскія имѣнія [3]). Но предложеніе Сечени объ уравненіи сословій въ податяхъ не прошло въ палатѣ магнатовъ. Оно было принято въ болѣе бурные дни.

Демократическія идеи съ каждымъ годомъ распространялись въ средѣ венгерской молодежи, кумиромъ которой сдѣлался Кошутъ. Знаменитый агитаторъ, успѣвшій уже подвергнуться тюремному заключенію за свои изданія, съ 1840 года основалъ постоянный органъ демократической партіи *Pesti-Hirlap*. Даровитые ораторы поддерживали эти идеи въ комитатахъ и въ сеймѣ. Дѣйствія вѣнскаго правительства и особенно органа кн. Меттерниха канцлера графа Аппони усиливали раздраженіе. Для подавленія оппозиціи въ комитатахъ, правительство прибѣгло къ замѣнѣ алигешпановъ [4]) правительственными коммиссарами. Нація вспомнила о временахъ Іосифа II и его Kreishauptmänner. Деакъ организовалъ оппозицію въ комитатахъ; городъ Пештъ выбралъ Кошута своимъ депутатомъ на сеймъ 1847 года. Событія 1848 года предвозвѣщались настроеніемъ и нѣкоторыми дѣйствіями этого сейма. Сечени, котораго такъ опасался Меттернихъ въ 1825 г., явился теперь представителемъ умѣренной партіи. Идеи національной оппозиціи выразились въ знаменитой программѣ Деака, въ которой ясно и настойчиво провозглашалась самостоятельность Венгріи въ ряду другихъ австрійскихъ земель [5]). Кошутъ и его партія шли въ своихъ требо-

---

[1]) Людвигъ Кошутъ (Kossuth) род. въ 1802 году въ Монокѣ; началъ свое поприще съ адвокатуры.

[2]) Манцъ, ук. сборн., стр. 118.

[3]) Тамъ же, стр. 120—125.

[4]) Вице-Гешпановъ, исправлявшихъ должность обергешпановъ — аристократовъ, часто не жившихъ въ комитатахъ.

[5]) „Венгрія“, говорилось здѣсь, „есть страна свободная и независимая; въ ея законодательствѣ и управленіи, она не подчинена никакой странѣ. Мы не желаемъ

ваніяхъ еще дальше, подготовляя почву для революціи, потрясшей въ слѣдующемъ году австрійскую монархію. Если въ 1844 году, когда венгерскія дѣла не усложнились еще до такой степени, Меттернихъ писалъ, что „Венгрія стоитъ на порогѣ революціи“ [1]), то, при обозрѣніи положенія вещей въ концѣ 1847 года, онъ имѣлъ основаніе написать: „для меня ясно, что дѣла потерпятъ великія измѣненія“ [2]).

VII. Въ программѣ Деакистовъ имѣлось одно знаменательное заявленіе. „Мы убѣждены“, говорилось здѣсь, „что если бы *наслѣдственныя земли* (Австріи) пользовались своею старинною свободою, или, если бы, согласно потребностямъ нашего вѣка и справедливости, онѣ заняли мѣсто въ ряду *конституціонныхъ націй*, ихъ и наши интересы, теперь часто раздѣленные, а иногда и противоположные, могли бы быть легче примирены“.

Другими словами, венгерскіе патріоты пришли къ сознанію, что существованіе и развитіе конституціонныхъ учрежденій Венгріи не можетъ быть обезпечено безъ установленія или возрожденія политической свободы въ другихъ австрійскихъ земляхъ—мысль, которая была усвоена и Кошутомъ. Но солидарность въ политической свободѣ, какъ показалъ опытъ, не можетъ устранить „различія интересовъ“, вытекающаго изъ болѣе глубокой причины—изъ различія *національныхъ* интересовъ. Въ этомъ отношеніи, какъ Австрія, такъ и венгры пренебрегали правами славянскихъ народностей, подчиненныхъ венграмъ по сю, австрійскимъ нѣмцамъ—по ту сторону Лейты. Антагонизмъ народностей далъ свои плоды въ 1848 году.

Не излагая исторіи возрожденія славянскихъ народностей въ хронологическомъ порядкѣ, мы укажемъ главнѣйшія его черты въ отдѣльныхъ австрійскихъ земляхъ.

Между всѣми славянскими землями австрійской монархіи, первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ Богеміи. Ея былое могущество, ея великая роль къ общей исторіи Европы и въ судьбахъ протестантизма, ея свободныя учрежденія и трагическая судьба

поставить наши интересы въ противорѣчіе съ интересами единства монархіи и обезпеченностью ея существованія. Но мы считаемъ противнымъ законамъ и справедливости, чтобы интересы Венгріи были подчинены пользамъ какой бы то ни было земли. Мы не потерпимъ, чтобы они были принесены въ жертву единству правительственной системы.

[1]) Ungarn steht bereits in der Vorhölle der Revolution. *Бумаги*, т. VII, № 1492.

[2]) Ce qui est clair pour moi, c'est que les choses subiront de grands changements. *Бумаги*, т. VII, № 1577.

сообщали ея исторіи тотъ отпечатокъ величія, который такъ важенъ въ воспитаніи національнаго чувства. Между тѣмъ, рѣдкая изъ австрійскихъ земель испытала такое угнетеніе. Съ 1526 года, по смерти Людовика II, короля венгерскаго и чешскаго [1]), Богемія, подобно Венгріи, должна была перейти къ Фердинанду австрійскому. Но послѣдній утвердился въ Богеміи тверже, чѣмъ въ Венгріи [2]); Габсбурги сдѣлались наслѣдственными обладателями короны св. Венцеслава. Съ ними эта страна, отчизна Гусситовъ, предвѣстница реформаціи, вступила въ эпоху религіознаго переворота и войнъ. Такъ же какъ въ Венгріи, сильныя протестантскія партіи въ Богеміи встрѣтились съ католическою и централизирующею политикою императоровъ [3]). Въ теченіе XVI вѣка чехи умѣли, однако, ограждать свою политическую и религіозную свободу; въ началѣ XVII вѣка (1609 г.) императоръ Рудольфъ II принужденъ былъ подписать грамоту (Majestätsbrief), которою подтверждалась свобода христіанскихъ исповѣданій. Въ правленіе его преемника, Матвѣя II (1612—1619 гг.), обнаружилось, однако, что религіозный миръ держится на шаткихъ основаніяхъ. Распря богемскихъ чиновъ и протестантовъ съ императоромъ повела къ пражскому перевороту 1618 года, послужившему сигналомъ къ тридцатилѣтней войнѣ (1618—1648 гг.).

Первою жертвою войны была несчастная Богемія, раздавленная, разграбленная и опустошенная войсками новаго императора, Фердинанда II [4]). Битва при Бѣлой Горѣ (8 ноября 1620 г.) навсегда рѣшила участь чеховъ. Страшная расправа постигла ихъ вождей (1621 г.). Права католической церкви были возстановлены во всей ихъ полнотѣ; іезуиты овладѣли университетомъ и народнымъ образованіемъ. Погибли или оставили отечество великія чешскія фамиліи. Имѣнія ихъ, конфискованныя императоромъ [5]), были розданы католическимъ авантюристамъ, жадно слетѣвшимся на богатую добычу. Тысячами оставляли протестанты свою родину [6]); нѣмецкіе колонисты заняли

---

1) Убитаго въ сраженіи подъ Могачемъ; см. выше, стр. 628.

2) См. выше, тамъ-же.

3) Краткій, но полный очеркъ судебъ богемскаго государственнаго права съ 1527 по 1848 г. см. у Томана (Hugo Toman), *Das bömische Staatsrecht*, etc. Prag. 1872 г.

4) Фердинандъ II, сынъ эрцгерцога Карла, младшаго сына брата императора Максимиліана II (1564—1576 г.). Сынъ послѣдняго, императоръ Матвѣй II (см. выше), не имѣвшій прямыхъ наслѣдниковъ, настоялъ на избраніи его какъ чешскими (1617 г.), такъ и венгерскими (1618 г.) чинами.

5) Болѣе 750 аристократическихъ и рыцарскихъ фамилій лишились своихъ имуществъ.

6) Насчитывалось до 36,000 эмигрировавшихъ семействъ. Вообще вслѣдствіе

ихъ мѣсто. Пали и старинныя вольности Богеміи. Привилегіи прежнихъ королей и грамота Рудольфа II были вытребованы Фердинандомъ, собственноручно изрѣзаны имъ въ куски и брошены въ огонь. Затѣмъ, 15 марта 1627 года была обнародована новая „конституція" Богеміи. Королевство еще разъ было объявлено наслѣдственнымъ въ домѣ Габсбурговъ; къ тремъ „чинамъ" сейма (магнаты, рыцари, города) были присоединены прелаты; сеймъ былъ лишенъ законодательной власти, всецѣло предоставленной королю [1]). За чинами оставлено было только право давать согласіе на налоги. Совѣщанія ихъ могли касаться только предметовъ, предложенныхъ правительствомъ. Нѣмецкій языкъ былъ признанъ равноправнымъ съ чешскимъ въ судахъ и оффиціальныхъ актахъ. Но затѣмъ привилегіи сословій, по сколько онѣ согласны съ новымъ „уставомъ", были подтверждены Фердинандомъ II, за себя и своихъ наслѣдниковъ, новою грамотою (Majestätsbrief) 29 мая 1627 года.

Богемія обращалась, такимъ образомъ, въ подчиненную часть монархіи Габсбурговъ. Резиденція ея королей была перенесена въ Вѣну. Здѣсь установляются центральныя учрежденія, чрезъ которыя король-императоръ правитъ страною. Мѣстныя должности приходятъ въ упадокъ и обращаются въ простыя орудія центральной власти. Какъ и въ другихъ земляхъ, централизирующая и онѣмечивающая политика Австріи доходитъ до своего кульминаціоннаго пункта при „просвѣщенномъ абсолютизмѣ" Іосифа II. Соправитель Маріи-Терезіи съ 1765 г., король съ 1780 г., Іосифъ II оставилъ Богемію въ томъ же состояніи, какъ и Венгрію: съ одной стороны, подавленною его централизаторскими мѣрами, съ другой, оскорбленною и возбужденною въ ея національныхъ чувствахъ. Возбужденіе духа народностей относится ко времени Іосифа II, но на первый разъ оппозиція германизаторской политикѣ остается на почвѣ защиты политическихъ привилегій и старыхъ уставовъ страны. Идеи французской революціи дали, впрочемъ, особенный тонъ оппозиціи, съ которою встрѣтился наслѣдникъ Іосифа, Леопольдъ II.

Мы видѣли, что при вступленіи на престолъ, Леопольдъ созвалъ земскіе чины отдѣльныхъ земель своихъ, чтобы положить конецъ ихъ возбужденію, близкому къ возстанію; 2 марта 1790 года былъ созванъ и чешскій сеймъ. Ревностно воспользовался онъ предоставленнымъ ему правомъ представить императору о своихъ нуждахъ и

„католическаго" рвенія, въ Богеміи изъ 3.000.000 населенія къ 1648 году оставалось не болѣе 800.000.

[1]) „Мы удерживаемъ за собою и нашими наслѣдниками... установлять въ этомъ наслѣдственномъ королевствѣ нашемъ законы, и права, и все, что принадлежитъ къ *jus legis ferendae*".

жалобахъ. Изложеніе историческихъ правъ Богеміи было оживлено фразеологіею французскаго учредительнаго собранія; напоминанія о привилегіяхъ страны были перемѣшаны со ссылками на права „человѣка и гражданина“ и вольности „націи“ [1]. Сеймъ требовалъ не только возстановленія своихъ историческихъ правъ, но и просилъ „чрезъ подтвержденіе прочихъ, касающихся jus publicum, статей, даровать вѣрнымъ чинамъ Богеміи *неизмѣнную конституцію*, которую императоръ и его наслѣдники обязались бы соблюдать подъ присягою“.

Леопольдъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки сейму. Онъ короновался чешской короной; права сейма по изъявленію согласія на налоги и ихъ взысканію были расширены; право его на обсужденіе законопроектовъ, предложенныхъ правительствомъ, возстановлено; возстановлены были и нѣкоторыя старинныя учрежденія страны. Но не на почвѣ сословныхъ привилегій, съ одной, и не на космополитическихъ идеяхъ французской революціи, съ другой стороны, могли быть возстановлены павшія вольности Богеміи. Притомъ событія французской революція и война 1792 года скоро положили конецъ либерализму сейма. Аристократическій духъ господствующихъ классовъ и ихъ сословные интересы взяли верхъ надъ сочувствіемъ „правамъ человѣка и гражданина“. Событія міровой важности заслонили вопросы мѣстнаго значенія. Богемія понесла свои жертвы на войны съ Наполеономъ такъ же, какъ и другія земли австрійской державы. Подобно другимъ землямъ, она подчинилась вѣнскому абсолютизму, утвердившемуся съ 1815 года.

Но потрясенія, произведенныя войнами съ Наполеономъ, и общій гнетъ правительственной системы Франца I возбудили національныя чувства славянскихъ народностей. Внутренніе вопросы ихъ бытія и свободы переносились теперь на единственную почву, на которой можетъ утвердиться (если это суждено) самостоятельность этихъ народовъ—на почву *славянской взаимности*. Эта идея, подобно всѣмъ великимъ идеямъ, возникла и распространилась незамѣтно, первоначально въ формѣ литературно-научнаго общенія и чрезъ историческіе труды, имѣвшіе цѣлью изслѣдованіе прошлыхъ судебъ славянства.

Чрезъ идею взаимности и подъ вліяніемъ пробуждавшагося самосознанія, славянскія народности приходили постепенно къ пониманію своего особеннаго положенія во всѣхъ земляхъ австрійской монархіи. Германизирующая политика въ коронныхъ австрійскихъ земляхъ представляла для славянъ такую же опасность, какъ и притязанія мадьяръ въ земляхъ короны св. Стефана. Съ другой стороны, съ

---

[1]) Томанъ, ук. соч., стр. 184 и слѣд.

точки зрѣнія *славянскихъ* интересовъ, существованіе австрійскаго государства представлялось въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ съ точки зрѣнія интересовъ венгерскихъ. Для славянъ, существованіе австрійской монархіи, подъ условіемъ признанія ихъ національныхъ правъ, являлось залогомъ ихъ мѣстной самостоятельности; стремленія ихъ не только не доходили до требованія раздѣленія австрійской державы, но, какъ мы увидимъ ниже, славянскія народности стали на сторону правительства для противодѣйствія венграмъ. Угорскіе славяне не были прельщены формами новой политической свободы, предлагавшейся мадьярами. Уже въ тѣ времена образовывались направленія, борющіяся теперь въ австрійской монархіи: *централистическое*, соотвѣтствующее притязаніямъ *нѣмецкой* части населенія на безраздѣльное господство въ имперіи, *дуалистическое* (восторжествовавшее въ 1867 году), предполагающее раздѣленіе господства между мадьярами и нѣмцами, и *федералистическое*, соотвѣтствующее интересамъ славянскихъ народностей.

Національное возрожденіе проявилось одинаково, какъ въ земляхъ австрійской короны, такъ и въ земляхъ венгерскихъ. Къ числу послѣднихъ относится Кроація, составляющая „тріединое королевство“ (Trojjedina Kraljevina) съ Славоніей и Далмаціей. Юридическія отношенія ея къ Венгріи до сихъ поръ составляютъ предметъ спора и даютъ поводъ къ ожесточенной борьбѣ. Венгры разсматриваютъ ее какъ подчиненную часть своей монархіи. Но страна имѣла и имѣетъ свои учрежденія и законы, свой сеймъ, собирающійся въ Загребѣ (Аграмъ), своего представителя центральной власти (бана). Для обсужденія съ Венгріею общихъ дѣлъ, сеймъ посылаетъ одного депутата въ венгерскую палату магнатовъ, двухъ въ палату „сословій“, кромѣ кроатскихъ магнатовъ, по праву засѣдающихъ въ венгерскомъ сеймѣ. Эти начала указываютъ на признаки *реальнаго* соединенія двухъ странъ подъ властью одного государя. Но это не мѣшало мадьярамъ относиться къ хорвато-сербской народности, какъ къ элементу подчиненному и, добившись признанія венгерскаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ (см. выше), не задумываясь потребовать введенія его и въ „тріединомъ королевствѣ“. Но славянскіе языки не были теперь простыми „нарѣчіями“ угнетенныхъ и презираемыхъ народностей. Они сдѣлались уже символомъ и знаменемъ пробуждавшихся къ политической жизни народовъ. Сигналъ къ этому движенію былъ поданъ изъ славянскаго юга.

Въ 1805 и, затѣмъ, въ 1809 годахъ Австрія, раздавленная Наполеономъ, должна была, въ числѣ прочихъ областей, уступить ему часть своихъ южно-славянскихъ владѣній; сюда вошли Каринтія, Карніолія, Горица, Истрія, части Кроаціи и Далмаціи, т.-е. страны

41*

славянской, хорватской и сербской народностей. Наполеонъ соединилъ ихъ въ одно цѣлое, подъ классическимъ именемъ Иллиріи, назначивъ центромъ провинціи Люблявы (Лайбахъ). Маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій [1]), былъ поставленъ во главѣ управленія. Французская администрація настолько благопріятствовала славянскимъ стремленіямъ, что одинъ изъ видныхъ представителей тогдашней литературы, Валентинъ Водникъ [2]) возложилъ свои надежды на Наполеона и выразилъ ихъ въ одѣ Воскресшая Иллирія. Водника должно, кажется, считать предвозвѣстникомъ того національно-литературнаго направленія, которое извѣстно подъ именемъ Иллиризма, и внѣшнимъ представителемъ котораго сталъ Людевитъ Гай [3]), родомъ хорватъ. Выдающійся публицистъ и поэтъ, онъ началъ свою дѣятельность (1834 г.) изданіемъ въ столицѣ Кроаціи, Загребѣ, политической *Хорватской Газеты* [4]) съ литературнымъ къ ней прибавленіемъ *Хорвато-Словенско-Далматинской Зари* [5]). Но такъ какъ эти изданія на хорватскомъ языкѣ не могли имѣть достаточнаго вліянія на кругъ юго-славянскихъ племенъ, то чрезъ два года молодой публицистъ воспользовался для своихъ изданій именемъ *Иллирія* и сербо-хорватскимъ языкомъ. Вмѣсто названной выше газеты и прибавленія къ ней, явилась *Иллирійская народная газета* и *Иллирійская Заря.* Труды Гая пали на благодарную почву. Идея литературнаго общенія славянъ дѣлала быстрые успѣхи. У хорватовъ, сербовъ и другихъ славянскихъ народностей являются литературныя общества (матицы), въ коихъ сосредоточивались ихъ научныя и литературныя силы. Хорватскій Загребъ сдѣлался для „иллирійскихъ“, т.-е. юго-славянъ главнымъ центромъ ихъ національнаго и литературнаго движенія. Для чешскихъ и моравскихъ славянъ такимъ центромъ сдѣлалась Прага.

Старинное средоточіе славянской образованности, чешская Прага, и въ эту важную минуту оказала большія услуги общему дѣлу. Она уже обладала важнымъ условіемъ научно-литературнаго возрожденія своего. Въ 1784 году здѣсь было основано королевское научное

---

[1]) Рагуза, древній Дубровникъ, знаменитая въ старое время республика, основанная итальянскими и сербскими выходцами, и важный литературный центръ южныхъ славянъ.

[2]) Vodnik (1758—1819 г.). Народный славянскій поэтъ и ученый. Въ 1809 году былъ назначенъ завѣдывать средними и низшими школами въ Люблянахъ. Преслѣдуемый австрійскимъ правительствомъ послѣ 1815 года, онъ умеръ въ 1819 г.

Для исторіи литературныхъ движеній этой эпохи, см. Пыпина и Спасовича, *Исторія славянскихъ литературъ*, т. I, изд. 1879 г.

[3]) Род. въ 1809 г., ум. 1872 г.

[4]) *Novine Horvatzke.*

[5]) *Danicza Horvatzka, Slavonzka i Dalmatinzka.*

общество; съ 1793 года въ пражскомъ университетѣ, „германизированномъ“ Іосифомъ II, была учреждена каѳедра чешскаго языка. Въ Прагѣ дѣйствовалъ знаменитый основатель науки славянской филологіи, Іосифъ Добровскій (1753—1829 г.). Памятники чешской литературы и законодательства сдѣлались предметомъ ревностнаго изученія. Такъ же какъ въ Германіи, археологическіе и историческіе труды служили для воспроизведенія чертъ древняго права и свободы германцевъ и могущественно вліяли на образованіе идеи „общаго отечества“, такъ и работы славянскихъ антикваріевъ служили „славянской взаимности“, указывая на общія черты общественнаго быта славянъ и противопоставляя славянскія начала формамъ и принципамъ иноземной культуры. Древнее сказаніе о „Судѣ Любуши“ и „Краледворская рукопись“ произвели въ славянскомъ мірѣ не меньшее впечатлѣніе, какъ и памятники нѣмецкаго народнаго творчества, обнародованные Гриммомъ и другими. Научное движеніе выдвинуло такихъ представителей, какъ Шафарикъ, Палацкій, Ганка и друг. Поэзія помогала наукѣ. Въ центрѣ мадьярства, въ Пештѣ, идея „славянской взаимности“ нашла богато одареннаго пѣвца въ лицѣ Коллара [1]).

Изъ области литературы и науки славянскія стремленія перешли на почву политическую. „Юго-славяне“ вступили въ борьбу съ *мадьярскими* притязаніями, отстаивая особенности своего мѣстнаго устройства и права славянскаго языка; послѣдній вопросъ получилъ особенно важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ венгерскій сеймъ (1843 г.) настоялъ на устраненіи изъ оффиціальныхъ сношеній и изъ сеймовыхъ преній *латинскаго* языка съ замѣною его венгерскимъ [2]). „Соединеннымъ“ съ Венгріею землямъ угрожала мадьяризація, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что ихъ власти обязаны были принимать бумаги венгерскихъ властей на нѣмецкомъ языкѣ, хотя могли отвѣчать по латыни; затѣмъ правительство обязывалось ввести преподаваніе венгерскаго языка во всѣхъ высшихъ и среднихъ школахъ „соединенныхъ“ земель [3]). Въ отвѣтъ на это, въ хорватскомъ сеймѣ, извѣстный патріотъ Кукульевичъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы оффиціальнымъ языкомъ былъ признанъ хорватскій. Консервативная партія удержала латинскій языкъ; но съ этой минуты въ предѣлахъ

---

[1]) Іосифъ Колларъ (Kollár) род. въ 1793 году, ум. въ 1852 г. Родомъ изъ Венгріи. Кромѣ собственныхъ поэтическихъ произведеній (*Дочери Славы—Slávy dcera*), извѣстенъ собраніемъ народныхъ пѣсенъ (*Narodové spěvanky* и книгой (на нѣм. языкѣ) *О литературномъ общеніи между славянскими племенами и нарѣчіями* (1837 г.).

[2]) Манцъ, ук. сборн., стр. 121 и слѣд.

[3]) Зак. 1843 г., §§ 7 и 8.

„короны св. Стефана“ начинается та борьба народностей, въ исторіи которой событія 1848 года являются лишь кровавымъ эпизодомъ.

Не меньше горючихъ матеріаловъ подготовлялось и въ Трансильваніи. Оффиціально, знаменитое „Семиградское княжество“ было отдѣлено отъ Венгріи еще 1699 года [1]. Оно имѣло свой сеймъ, собиравшійся въ Клаузенбургѣ (Колошварѣ); въ Вѣнѣ ея дѣлами завѣдывала особая канцелярія; но и здѣсь мадьяры или мадьяризированное меньшинство тяготѣло надъ румынскимъ большинствомъ, которое, однако, начало заявлять о своихъ правахъ и, чрезъ нѣсколько времени, причинило не мало безпокойствъ господствующему племени.

Въ Богеміи оппозиціонныя стремленія, одинаково направленныя противъ онѣмеченія страны и вѣнской централизаціи, шли различными путями и имѣли различные органы. Чешскій сеймъ, образованный на началахъ *сословныхъ*, представлялъ собою преданія страны и направлялъ свои усилія на удержаніе и возстановленіе такихъ привилегій, которыя не могли удовлетворить массы населенія. Узко-сословный духъ отличалъ эту оппозицію, и только въ послѣдніе годы, предшествовавшіе революціи, въ представленіяхъ сейма слышатся нѣкоторыя „желанія“ общаго значенія [2]. Но идеи народно-демократическаго направленія представлялись и проводились такимъ же литературнымъ обществомъ (матицей), какія мы видѣли и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Число членовъ чешской „матицы“, при ея основаніи въ 1831 году, не превышало 15; въ 1846 году превышало 1700. Періодическая печать получила съ этого года особенное значеніе, благодаря публицисту необыкновенныхъ дарованій и остраго, сатирическаго ума, Карлу Гавличеку [3]. Онъ нашелъ способъ говорить о чешскихъ дѣлахъ подъ видомъ изображенія дѣйствій Ирландіи, также боровшейся за свою народность и автономію. Поэтому и выраженіе *repeal*, обозначавшее программу ирландскихъ автономистовъ, было принято и чехами національной партіи, выступившей въ 1848 году.

---

[1]) См. выше, стр. 630.

[2]) Ср. Томанъ, назв. соч., стр. 217 и слѣд., особ. стр. 221 и слѣд., статьи ходатайства, представленнаго сеймомъ въ 1845 году.

[3]) Havlíček род. въ 1821 году и окончилъ курсъ въ пражскомъ университетѣ. Съ 1842—1843 г. былъ домашнимъ учителемъ въ Москвѣ, что и дало ему матеріалы для его книги *Obrazy z Rus*. Возвратившись въ Прагу, онъ писалъ въ единственной тогда оффиціальной газетѣ, а въ бурные 1848—1851 г. издавалъ *Народную Газету* (*Národní Noviny*). Дѣятельность его навлекла на него преслѣдованія австрійскихъ властей и высылку въ Бриксенъ (Тироль). Только въ 1855 г., тяжко больной, получилъ онъ позволеніе возвратиться въ Прагу, гдѣ и умеръ въ 1856 г.

На восточной окраинѣ имперіи, въ Галиціи, присоединенной къ Австріи отъ Польши, и въ Краковской республикѣ, учрежденной вѣнскими трактатами 1815 года, революціонныя движенія обнаружились уже въ 1846 году, хотя источникъ ихъ былъ не въ возникавшей взаимности славянской, а въ историческихъ отношеніяхъ польской народности. Но заговоръ и попытка къ возстанію 1846 года кончились занятіемъ и присоединеніемъ къ имперіи Краковской республики, а въ Галиціи крестьяне, подавленные крѣпостнымъ правомъ, тяжесть котораго усиливалась разновѣрностью помѣщиковъ и крѣпостныхъ, произвели страшное избіеніе польскаго дворянства. Но событія 1846 г. оставили глубокій слѣдъ въ этой странѣ, потрясенной возстаніемъ, рѣзней и кровавыми способами подавленія мятежа.

Въ такихъ условіяхъ встрѣчала Австрія 1848 годъ. Къ нимъ присоединялось и крайнее разстройство самой правительственной машины. Система бюрократическаго абсолютизма держалась еще при Францѣ I, котораго личныя, если не правительственныя, то административныя способности поддерживали внѣшній порядокъ въ управленіи. Но по смерти его (1835 г.), слабый и больной сынъ его, Фердинандъ I. не могъ стать во главѣ управленія. Для отправленія высшей правительственной власти было учреждено фактическое регентство, подъ именемъ „государственной конференціи“ (Staatskonferenz); въ составъ ея вошли всесильный князь Меттернихъ, графъ Коловратъ (по внутреннимъ дѣламъ), эрцгерцоги Лудвигъ и Францъ-Карлъ и Кламъ-Мартиницъ (по военнымъ дѣламъ). Установленная на время болѣзни императора, впредь до его выздоровленія, конференція дѣйствовала до отреченія императора, въ 1848 году. По необходимости она сохранила характеръ „временного“ учрежденія, безъ точно опредѣленной компетенціи. Она не могла замѣнить единую, руководящую власть императора; раздоры между ея членами, на которые такъ откровенно жаловался князь Меттернихъ, парализировали единство ея дѣйствій. Но, въ свою очередь, она парализировала дѣятельность нормальныхъ учрежденій, усилила разстройство администраціи и ея произволъ, не сдержанный даже формами внѣшняго порядка.

„Духъ вѣка“ проникъ, наконецъ, и въ нѣмецкія земли Австріи. Какъ ни тщательно ограждались онѣ отъ иноземнаго вліянія, но возрожденіе національныхъ стремленій въ Германіи, ея политическая и историческая литература, ея философскія ученія неудержимо измѣняли настроеніе какъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи, такъ и въ самой Вѣнѣ, обратившейся, повидимому, въ городъ беззаботнаго веселья и чувственныхъ наслажденій. Важнѣйшій вопросъ эпохи, вопросъ о преобразованіи германскаго союза и новыхъ формахъ

національнаго единства имѣлъ для австрійскихъ нѣмцевъ такое же значеніе, какъ и для другихъ членовъ нѣмецкой народности. Сила событій ставила этотъ вопросъ на очередь; Австріи, какъ „первенствующему“ члену союза, предстояло участвовать въ его разрѣшеніи. Но имперія, разстроенная въ своихъ финансахъ, отставшая въ своихъ учрежденіяхъ и раздираемая борьбою народностей. едва могла спасти собственное существованіе и лишь на время отсрочить исключеніе его изъ состава Германіи. Надежды нѣмецкихъ патріотовъ переносились уже на старую соперницу Габсбургскаго дома — на Пруссію.

VIII. Пруссія послѣ 1815 года сохранила свой типъ абсолютной монархіи. Но эту монархію никакъ нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ прочими абсолютными монархіями Германіи, реставрированными въ 1815 году. Реставрація принесла однимъ государствамъ ненавистныя всѣмъ средневѣковыя учрежденія, бережно сохраненныя до разгрома 1801—1814 гг.; въ другихъ явились конституціонныя учрежденія, быстро выродившіяся въ призрачный конституціонализмъ, особенно тяжело дѣйствовавшій на людей опредѣленныхъ и твердыхъ убѣжденій. Въ Пруссіи издавна начался процессъ глубокаго и разумнаго государственнаго развитія, который былъ прерванъ событіями 1791—1807 гг., но возобновился подъ твердою рукою Штейновъ и Гарденберговъ и не останавливался до нашихъ дней. Для прусскаго народа „реставрація“ далеко не имѣла того значенія, какъ для другихъ народовъ Германіи. Она не означала здѣсь возстановленія дикихъ феодальныхъ привилегій, тягостныхъ повинностей, отжившихъ корпорацій, даже косъ и пудры. Идея новаго государства, выясненная Фридрихомъ II, неуклонно шла къ своему торжеству. Реформы Штейна улучшили положеніе низшихъ классовъ и положили начало мѣстному самоуправленію; всеобщая воинская повинность, организованная Шарнгорстомъ [1]), всеобщее обязательное обученіе воспитывали совершенно новое общество. Монархическая власть не была солидарна съ нѣкоторыми сословіями и не становилась орудіемъ ихъ интересовъ; она *возвышалась* надъ ними, wie ein Rocher de bronze [2]), въ качествѣ представительницы новой государственной идеи, и опиралась на свою собственную силу. Независимость и сила королевской власти дозволяли ей производить коренныя общественныя реформы, двигать

[1]) Гергардъ-Давидъ ф. Шарнгорстъ род. въ 1755 году; въ 1801 году онъ поступилъ въ прусскую службу; съ 1807 г. по 1810 г. управлялъ всею военною частью; † въ 1813 году.

[2]) Извѣстное выраженіе прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I (1713—1740): „Ich stabilire die Souveraineté wie ein Rocher de bronze“. Эта смѣсь французскаго съ нѣмецкимъ объясняется обычаями берлинскаго двора и завоеваніями, сдѣланными французскимъ языкомъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ во всѣхъ государствахъ Европы.

впередъ законодательство не только безъ малѣйшаго ущерба своему авторитету, но къ явному его возвеличенію. Этой силѣ королевской власти содѣйствовали и личныя качества ея представителей, лучше сказать, традиціонныя свойства знаменитой династіи Гогенцоллерновъ.

При такихъ условіяхъ неудовольствіе, порожденное реакціею во всей Германіи, въ Пруссіи было низведено до minimum'а.

Конечно. Пруссія, въ періодъ времени отъ 1815 до 1848 года, далеко не свободна отъ упрековъ въ различныхъ, весьма печальныхъ заблужденіяхъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III (1797—1840 г.) во многихъ отношеніяхъ подпалъ вліянію австрійской политики. Послѣ событій, вызвавшихъ карлсбадскую конференцію, онъ отказался отъ услугъ такихъ людей, какъ В. Гумбольдтъ, Гарденбергъ, Бейме и друг.; мѣсто ихъ заняли Витгенштейнъ. Камицъ и т. п. Началось преслѣдованіе отдѣльныхъ лицъ, указанныхъ изъ Вѣны въ качествѣ опасныхъ. Такъ пострадали патріоты Арндтъ, Янъ, Гёрресъ и друг. Цензурныя строгости доходили иногда до странности. Такъ, цензурѣ велѣно было не пропускать выраженія „протестантъ" и „протестантское вѣроисповѣданіе", замѣняя его выраженіемъ „евангелическій".

Бюрократическая опека часто заслуживала упрековъ, дѣлаемыхъ ей Штейномъ. Во время событій 1832 и 1834 гг. Пруссія слишкомъ усердно осуществляла на сеймѣ идеи вѣнскаго кабинета.

Но всѣ эти мѣры имѣли, такъ сказать, спорадическій, отрывочный характеръ. Онѣ не были плодомъ общей, глубоко усвоенной, системы, какъ въ Австріи. Ни одно истинно уважающее себя и вѣрящее въ свою силу правительство (а такимъ было правительство Гогенцоллерновъ) не рѣшится возвести застой въ принципъ политики и не ограничитъ своей дѣятельности мѣрами отрицательными. Явнымъ доказательствомъ этому служитъ царствованіе Фридриха-Вильгельма III. Къ этому времени относятся реформы, видоизмѣнившія общественный и административный бытъ Пруссіи.

Хотя Штейна и Гарденберга не было уже въ администраціи. но все совершенное ими сохранилось. Право пріобрѣтенія поземельной собственности всѣхъ видовъ, одинаково открытое для всѣхъ [1]), уничтоженіе поземельной зависимости [2]), крѣпостного права [3]), утвержденіе права собственности за крестьянами, поселенными на коронныхъ земляхъ въ восточной и западной Пруссіи, также въ Бранденбургѣ [4]).

[1]) Эдиктъ 9-го октября 1807 года.

[2]) Тамъ же.

[3]) Кабинетскій указъ 28-го октября 1807 года, обязательный для всѣхъ прусскихъ провинцій.

[4]) Эдиктъ 27-го іюня 1808 года. Имъ было надѣлено 125.000 крестьянскихъ семействъ.

городовое положеніе [1]), законъ о свободѣ промышленности [2]), — всѣ эти реформы, долженствовавшія обновить Пруссію, остались неприкосновенными. Но творческая сила прусскаго государства проявляла себя и послѣ реставраціи. Во-первыхъ, всеобщая воинская повинность, организованная Шарнгорстомъ въ видѣ временной мѣры, была возведена 3-го сентября 1814 года на степень общаго закона. Это примѣненіе принципа равноправности къ отправленію одной изъ самыхъ тягостныхъ повинностей показало, какъ мало общаго имѣла Пруссія съ феодальными государствами остального сѣвера Германіи. Затѣмъ царствованіе Фридриха Вильгельма III было плодотворно относительно организаціи народнаго образованія, благодаря дѣятельности человѣка, память котораго, конечно, не изгладится въ Пруссіи, именно министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Альтенштейна [3]). Благодаря его усиліямъ, начало *обязательнаго обученія* получило въ Пруссіи практическое примѣненіе. Уже въ 1822 году, въ королевствѣ, при населеніи въ 11.664.133 д. имѣлось начальныхъ школъ 20.440, обязательно посѣщаемыхъ 1.427.045 учащихся. Количество гимназій и ихъ средства были увеличены. Новые университеты были основаны въ Берлинѣ и въ Боннѣ-на-Рейнѣ. При поддержкѣ Альтенштейна Берлинъ обратился въ нѣмецкія Аѳины.

Не менѣе успѣховъ представляла область государственнаго хозяйства, поставленнаго подъ руководство фонъ Мотца (Motz) и Маассена (Maassen). Здѣсь задача администраціи была еще труднѣе, чѣмъ въ области народнаго образованія. Пруссія вышла изъ войны за освобожденіе со славою, но обремененная долгами и ослабленная въ экономическомъ отношеніи. Раззоренные города и селенія, пріостановленныя въ своемъ развитіи земледѣліе, промышленность и торговля требовали содѣйствія государства, которое, кромѣ того, должно было озаботиться восполненіемъ своихъ собственныхъ средствъ. Къ 1820 году государственный долгъ представлялъ цифру въ 218 милл. талеровъ. Отъ финансоваго управленія требовалась величайшая бережливость и находчивость. Король началъ сокращеніе расходовъ съ своего собственнаго двора. На поощреніе производительныхъ силъ страны было обращено особенное вниманіе. Внутреннія таможни, затруднявшія торговлю, были уничтожены. Тарифъ былъ пересмотрѣнъ, а законъ 1818 года положилъ въ основу его принципъ большей свободы торговли. Усиліями финансовой администраціи государственный долгъ былъ пониженъ къ 1848 году до $137^1/_2$ милл.

---

[1]) 19-го ноября 1808 года.

[2] Законъ 28-го октября 1810 года (въ министерство Гарденберга).

[3]) Karl Freiherr Stein zum Altenstein, 1770—1840 гг. Къ сожалѣнію, полной и подробной біографіи Альтенштейна не существуетъ.

Наконецъ, самый механизмъ администраціи былъ значительно улучшенъ. Сюда относятся улучшенія, сдѣланныя въ порядкѣ провинціальнаго и окружного управленія (распоряженія 1808 и 1815 гг.).

При этихъ условіяхъ Пруссія могла спокойно выслушивать упреки, дѣлаемые ей за отсутствіе конституціонныхъ учрежденій. Упреки эти, впрочемъ, имѣли болѣе формальный характеръ. Въ дѣйствительности же надежды патріотовъ обращались къ этому сильному государству, способному, какъ они справедливо полагали, стать во главѣ будущаго общегерманскаго движенія. Пруссія сама подготовляла его. Конечно, правительство Фридриха Вильгельма III было далеко отъ рѣшительной политики новѣйшей Пруссіи. Обаяніе вѣнской дипломатической системы при берлинскомъ дворѣ было слишкомъ велико, и патріоты часто жаловались, что Пруссія ведетъ себя какъ вассальное государство Австріи. Потребность мира, во что бы то ни стало, заглушала традиціонное чувство соперничества съ старымъ врагомъ Гогенцоллерновъ; настоятельныя внутреннія преобразованія поглощали вниманіе возрождавшагося государства, и оно предоставляло во внѣшней политикѣ полную свободу дипломатическому искусству вѣнскаго правительства, не думавшаго о внутреннихъ реформахъ. Если Пруссія и выступала въ это время на дипломатическомъ поприщѣ, то въ качествѣ вѣрнаго союзника Австріи, которая и пользовалась значеніемъ ея для своихъ цѣлей. Такъ было на знаменитыхъ министерскихъ конференціяхъ 1834 года [1]).

Но былъ одинъ вопросъ внѣшней политики, — вопросъ до такой степени тѣсно связанный съ экономическими интересами Пруссіи, что самостоятельная политика, свободная отъ указаній Австріи, одна могла разрѣшить его. Это—вопросъ *таможенный*.

Раздробленіе Германіи на множество независимыхъ государствъ вредно отразилось на интересахъ внутренней и транзитной торговли союза. Каждое государство было обнесено таможенною границею, неудобства которой увеличивались значительнымъ количествомъ внутреннихъ заставъ, издавна существовавшихъ между отдѣльными провинціями и даже округами каждаго государства. Трудно сосчитать, сколько таможенныхъ линій долженъ былъ пройти товаръ, направлявшійся, напримѣръ, изъ Бадена въ восточную Пруссію; сколько различныхъ пошлинъ, основанныхъ на самыхъ разнообразныхъ тарифахъ, нужно было уплатить за него; сколько затрудненій представляли различные административные обычаи каждой таможенной линіи. Къ этимъ общимъ неудобствамъ присоединялись нѣкоторыя спеціальныя для каждаго отдѣльнаго государства. Территорія мно-

---

[1]) См. выше.

гихъ изъ нихъ не была закругленнымъ и законченнымъ цѣлымъ; трактаты вѣнскаго конгресса не устранили сильной черезполосицы. Нѣкоторыя провинціи были отдѣлены отъ главной территоріи владѣніями чужого государства; съ другой стороны, въ территоріи отдѣльныхъ государствъ вмѣщались области другихъ. Особенно тяжко отзывались эти условія на интересахъ Пруссіи. Ея прирейнскія провинціи были отдѣлены отъ главной территоріи владѣніями Ганновера, Кургессена, Гессенъ-Дармштадта и Франкфурта-на-Майнѣ; внутри ея территоріи помѣщались чужія владѣнія, напримѣръ, Ольденбурга, Ангальтскихъ герцогствъ и друг.; нѣкоторые, принадлежавшіе ей, участки лежали при южныхъ границахъ Виртемберга.

Статья 19 союзнаго акта обѣщала, что союзныя правительства обсудятъ этотъ вопросъ; но скоро для всѣхъ стало ясно, что сеймъ не въ силахъ разрѣшить его. Онъ могъ быть разрѣшенъ только частнымъ соглашеніемъ между отдѣльными правительствами.

Послѣ продолжительныхъ усилій, поддержанныхъ агитаціею знаменитаго экономиста, Фридриха Листа (1789—1846 г.), Пруссія успѣла достигнуть учрежденія знаменитаго таможеннаго союза (Zollverein) въ 1833 году. Основанія его были слѣдующія:

Въ составъ союза вошли Пруссія Баварія, Виртембергъ, два Гессена, королевство Саксонія, саксонскія герцогства, два Ангальта и нѣкоторыя другія. По учрежденіи союза, къ нему присоединились Гессенъ-Гомбургъ, Баденъ и Нассау (1835 г.), Франкфуртъ (1836 г.) и Люксембургъ (1842 г.). Союзный трактатъ долженъ былъ вступить въ силу съ 1-го января 1834 года и сохраняться до 1842 г. (первый періодъ Zollverein'а). Затѣмъ онъ долженъ былъ возобновляться на двѣнадцати-лѣтній срокъ. Государства, желавшія измѣненія трактата, имѣли заявлять объ этомъ за два года; если ни одно изъ нихъ не сдѣлало подобнаго заявленія, трактатъ ipso jure возобновлялся на новый срокъ [1]).

Союзныя государства подчинялись единообразнымъ правиламъ касательно ввоза, вывоза и транзита товаровъ. Основаніемъ союзнаго законодательства принятъ прусскій законъ 1818 года, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Торговля между союзными государствами объявлена свободною (за нѣкоторыми исключеніями). Ввозныя пошлины собираются и распредѣляются союзными правительствами сообща. Организація общей таможенной администраціи, порядокъ взаимнаго контроля и т. д. опредѣлялись особыми правилами, общія начала которыхъ изложены въ трактатѣ. Трактатъ призналъ полное равенство всѣхъ членовъ союза. Высшее управленіе и законодательство тамо-

---

[1]) Трактатъ 1833 года былъ возобновленъ въ 1841 году, срокомъ по 1853 годъ.

женнаго союза были ввѣрены собранію уполномоченныхъ союзныхъ правительствъ. Они должны были собираться каждый годъ въ іюнѣ, въ одномъ изъ городовъ союза (первое собраніе происходило въ Мюнхенѣ). Уполномоченные сами выбирали своего предсѣдателя.

Послѣдствія таможеннаго союза были необыкновенно благопріятны. Не говоримъ уже о выгодахъ общей администраціи, сдѣлавшейся дешевле и удобнѣе. Таможенные сборы быстро возвысились; съ 1835 по 1845 годъ цифра ихъ увеличилась на 60%. Благодаря расчетливой уступчивости Пруссіи, таможенные доходы отдѣльныхъ членовъ союза увеличились въ $1^1/_2$ или 2 раза. Быстрое развитіе промышленности и внутренней торговли было естественнымъ результатомъ свободнаго обмѣна между союзными государствами и возможности пользоваться водными и сухопутными путями сообщенія каждаго государства безъ прежнихъ препятствій. Богатый таможенный союзъ могъ теперь лучше обезпечить условія и внѣшней торговли. Въ періодъ времени съ 1840 по 1847 годъ онъ заключилъ нѣсколько выгодныхъ торговыхъ трактатовъ съ Турціею, Англіею, Бельгіею, Сардиніею и нѣкоторыми другими государствами. Наконецъ, и условія *политическаго* единства были подготовлены этимъ практическимъ союзомъ и притомъ подготовлены въ смыслѣ, самомъ благопріятномъ для Пруссіи.

X. Оставивъ австрійскому кабинету полную свободу руководить политическими отношеніями союза, Пруссія разрѣшила своими средствами одинъ изъ существенныхъ вопросовъ внутренней жизни Германіи. На этомъ полѣ она устранила соперничество Австріи. Послѣдняя, съ своимъ отсталымъ экономическимъ законодательствомъ, не могла даже приступить къ таможенному союзу, принявшему въ основаніе своей политики болѣе раціональную прусскую систему. Богатая, просвѣщенная и сильная Пруссія заняла фактически первенствующее положеніе въ Германіи. Вліяніе Австріи держалось еще преданіемъ; но истинное соотношеніе двухъ соперницъ должно было обнаружиться при первомъ серьезномъ кризисѣ въ Германіи.

Конечно, этотъ будущій кризисъ не долженъ бы былъ застать Пруссію врасплохъ. Между тѣмъ, и въ этомъ состояло великое горе Германіи, буря 1848 года застала прусское государство безъ надлежащей подготовки. Правительство, поглощенное своею трудною и полезною работою внутренняго перерожденія страны, занятое экономическими вопросами, въ разрѣшеніи которыхъ оно не имѣло соперниковъ, совершенно уклонилось отъ вопросовъ политическихъ. Между тѣмъ, наставало время, когда и въ этой сферѣ нужно было выйти изъ роли учениковъ вѣнскаго кабинета. Трудные политическіе вопросы, требовавшіе самостоятельной политики, рождались для Пруссіи съ двухъ сторонъ—извнутри и извнѣ. Внутри стремленія къ по-

литической свободѣ росли съ каждымъ годомъ. Они не были результатомъ какихъ либо легкомысленныхъ увлеченій нѣсколькихъ горячихъ головъ, но естественнымъ результатомъ непрерывнаго роста общества въ отношеніи экономическомъ и умственномъ. Нельзя было увеличивать богатство страны, распространять просвѣщеніе и не ожидать естественныхъ результатовъ богатства и просвѣщенія — требованія политическихъ реформъ. Съ другой стороны, нельзя было занять первое мѣсто въ Германіи, сдѣлаться центромъ ея единенія по самому жизненному вопросу, стать надеждою и опорою всѣхъ промышленныхъ классовъ Германіи, и не предвидѣть, что въ случаѣ передѣлки союзнаго устройства, вся страна будетъ ждать помощи и совѣта изъ Берлина, а не изъ Вѣны. Между тѣмъ, и то, и другое случилось. Пруссія была совершенно не подготовлена къ событіямъ 1848 года, и это имѣло неотразимое вліяніе на ихъ исходъ.

Эпоха наружнаго спокойствія, поддерживаемаго репрессивными мѣрами, не остановила развитія національныхъ идей въ Германіи. Устраненное отъ участія въ политической жизни, нѣмецкое общество съ жаромъ бросилось въ область метафизики, теоретической политики, политической экономіи, исторіи, поэзіи. Идеалы, не осуществлявшіеся въ дѣйствительности, переносились въ область „чистаго мышленія" и здѣсь возводились въ принципы жизни. Возведенные на высоту „безусловныхъ требованій разума", они становились основою для критики всего существующаго. Идея „единой Германіи", оффиціально признававшаяся вымысломъ нѣсколькихъ демагоговъ, была въ наукѣ и поэзіи живою дѣйствительностью. О ней твердили многотомныя ученыя сочиненія, идеализировавшія старую имперію, юристы, настаивавшіе на существованіи общегерманскаго права, поэты, заставлявшіе дѣйствовать героевъ „общаго отечества". Ее провозглашали въ видѣ ѣдкой насмѣшки надъ „шутомъ, одѣтымъ въ арлекинскій кафтанъ изъ 35-ти лоскутковъ", какъ это дѣлалъ Гейне. Къ этому присоединялось неотразимое вліяніе французскихъ идей. Южныя государства, особенно Баденъ, были посредствующимъ звеномъ между Франціею и остальною Германіей. Демократическія идеи, принявшія по ту сторону Рейна столь характерную форму, дали новое направленіе и германскимъ политическимъ стремленіямъ. Южныя государства, къ концу сороковыхъ годовъ, насчитывали уже многихъ, такъ-называемыхъ, соціальныхъ демократовъ, каковы Гекеръ, Струве, Цитцъ и друг. Соціалистическія идеи сдѣлались предметомъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, каково, напримѣръ, знаменитое сочиненіе Л. Штейна, *Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs* [1]). Развитіе обществъ, не смотря на всѣ стѣсненія,

[1]) Вышло въ 1844 году. Штейнъ жилъ въ то время въ Парижѣ.

не прекращалось. Каждое изъ нихъ жило надеждами на преобразованіе политическаго быта Германіи. Чѣмъ возвышеннѣе, можно сказать, недосягаемѣе становились идеалы, выработанные мыслью, не сдержанною политическимъ знакомствомъ съ практическими условіями (чего и быть не могло при отсутствіи политической жизни), тѣмъ сильнѣе чувствовались недостатки дѣйствительности. Тогдашнее положеніе Германіи казалось рѣшительною невозможностью для огромнаго большинства общества.

Сами правительства сознавали, что политическое устройство Германіи требовало серьезныхъ улучшеній. Уже въ ноябрѣ 1847 года, въ прусскомъ мемуарѣ были изложены горькія жалобы на безсиліе и безполезность союза. „На вопросъ“, говорилось въ мемуарѣ, „что сдѣлалъ союзъ въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ своего существованія, во время почти безпримѣрнаго мира, для усиленія и содѣйствія Германіи,—трудно дать отвѣтъ. Вредныя послѣдствія этого неисчислимы. Можно даже оставить въ сторонѣ матеріальный ущербъ, какъ онъ ни чувствителенъ; но нравственный вредъ, вліяніе на настроеніе и мнѣніе націи—чрезмѣренъ“.

Но вмѣстѣ съ требованіемъ переустройства германскаго союза, естественно ставился вопросъ о политическихъ преобразованіяхъ въ той державѣ, къ которой, очевидно, переходила первенствующая роль въ Германіи. Требованія политическихъ реформъ не заявлялись до кончины Фридриха-Вильгельма III, безпредѣльное уваженіе къ которому заставляло молчать всѣ партіи. Но при наслѣдникѣ его, Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV (1840—1861 г.), они начались при самомъ вступленіи его на престолъ и не прекращались болѣе. По своимъ личнымъ качествамъ, новый король былъ меньше всего способенъ устранить эти требованія крутыми мѣрами. Его отличное образованіе и мягкій характеръ способны были сдѣлать изъ него скорѣе примирителя партій, чѣмъ защитника исключительныхъ мѣръ. Притомъ политическій вопросъ, какъ кажется, не былъ серьезно поставленъ въ оффиціальныхъ сферахъ Пруссіи. Видоизмѣнить ея вѣковое устройство казалось посягательствомъ на всѣ ея преданія; новое политическое устройство, какъ говорили, должно было разорвать тѣсную нравственную связь между королемъ и народомъ, связь, соединявшую ихъ въ горькія минуты бѣдствій и въ моменты народнаго торжества. Дать конституцію, значило—отнять короля у народа и народъ у короля. Другое дѣло—допустить совѣщаніе короля съ выборными отъ народа. Дѣствительно, въ 1842 году были призваны въ Берлинъ выборные отъ провинціальныхъ чиновъ (die ständischen Ausschüsse). На нѣсколько времени вопросъ о народномъ представительствѣ былъ отложенъ, и прусская политика съ 1844 года

приняла реакціонный оттѣнокъ, выразившійся, между прочимъ, въ дѣятельности министра Эйхгорна [1]). Подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій, король рѣшился, наконецъ, созвать соединенный ландтагъ (der vereinigte Landtag), 3-го февраля 1847 года. Составъ и компетенція ландтага были опредѣлены примѣнительно къ устройству провинціальныхъ чиновъ, то-есть согласно съ ихъ сословнымъ и совѣщательнымъ характеромъ. Съ самаго начала королевскій патентъ подвергся всестороннему обсужденію. Между оппозиціонными брошюрами появился памфлетъ молодого юриста Симона (1805—1860 г.). По общему убѣжденію, „соединенный ландтагъ" былъ только предвѣстіемъ парламента, какъ собраніе нотаблей 1788 года было предвѣстіемъ національнаго собранія; 11-го апрѣля засѣданія его были открыты королемъ, тронная рѣчь котораго ясно показала все различіе его коренныхъ убѣжденій со взглядами прусскихъ либераловъ. „Никакой власти въ мірѣ", говорилъ король, „не удастся принудить меня превратить *естественное* отношеніе короля къ народу въ *договорное*, конституціонное, и я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ и этою страной втерся *писанный листъ* въ качествѣ второго Провидѣнія, чтобы замѣнить старую святую вѣрность"…. „Корона можетъ и имѣетъ право управлять по законамъ Божіимъ и страны и собственному свободному изволенію, но не по волѣ большинства (der Majoritäten). Пруссія не можетъ вынести такого состоянія. Бросьте взглядъ на карту Европы, на положеніе нашей страны и, прежде всего, на нашу исторію!". Прямодушный король ясно указалъ, что онъ твердо стоитъ на почвѣ *историческаго прошлаго* Пруссіи. Оппозиція поспѣшила высказать свои желанія съ трибуны ландтага, въ газетахъ и памфлетахъ. Но всѣ ея усилія были безплодны. Въ іюнѣ 1847 года ландтагъ былъ закрытъ, оставивъ во всѣхъ умахъ сильнѣйшее раздраженіе. Таково послѣдствіе всѣхъ полумѣръ: онѣ возбуждаютъ общественное мнѣніе больше, чѣмъ рѣшительная политика, хотя бы ея мѣры не были согласны съ общимъ настроеніемъ.

X. Національный вопросъ, готовившій бури въ славянскомъ и германскомъ мірахъ, не обошелъ и скромнаго уголка Европы – маленькаго датскаго королевства. Кильскій договоръ, какъ мы видѣли, лишилъ Данію старой области ея на скандинавскомъ полуостровѣ—Норвегіи. Сверхъ того, утвержденныя по вѣнскимъ трактатамъ за датскимъ домомъ нѣмецкія герцогства, Шлезвигъ-Голь-

[1]) Joh. Albr. Friedr. Eichhorn (1779—1856 г.) занялъ мѣсто Альтенштейна въ 1840 году. Его не должно смѣшивать съ знаменитымъ юристомъ-историкомъ Карломъ-Фридрихомъ Эйхгорномъ (1781—1854 г.), который былъ, между прочимъ, наставникомъ Фридриха-Вильгельма IV.

штейнъ и Лауэнбургъ, сдѣлались для королевства источникомъ раздоровъ. По нѣмецкимъ своимъ владѣніямъ, Фридрихъ VI вступилъ въ число членовъ германскаго союза, и вслѣдствіе этого, въ значительной степени связалъ судьбу своей монархіи съ національными вопросами Германіи. „Герцогства" имѣли свои привилегіи; въ нихъ находили они почву для сопротивленія всякимъ попыткамъ создать изъ датскихъ и нѣмецкихъ частей королевства одно цѣлое. Оппозиція герцогствъ всегда находила живой отголосокъ, если не въ германскомъ сеймѣ, то въ нѣмецкой націи, охотно вѣрившей жалобамъ на „угнетеніе" ихъ единоплеменниковъ грубымъ „Matrosenvolk". Области монархіи не были связаны даже общимъ закономъ о престолонаслѣдіи. Между тѣмъ, какъ въ Даніи lex regia 1665 г. [1]) допускала къ наслѣдованію женщинъ и женскія поколѣнія, по гольштинскимъ законамъ къ наслѣдованію престола допускались одни агнаты.

При Фридрихѣ VI (1808—1839 г.) раздоръ не принималъ угрожающихъ размѣровъ. Бѣдная страна, вышедшая изъ войнъ имперіи истощенною и съ громаднымъ долгомъ, имѣла слишкомъ много экономическихъ заботъ, чтобы возбуждать болѣе сложные вопросы. Симптомъ пробужденія нѣмецкихъ частей государства обнаружился въ томъ, что „рыцарство" Шлезвигъ-Гольштейна потребовало возстановленія привилегій 1460 г. [2]), въ силу которыхъ обѣ земли были признаны нераздѣльными. Получивъ отказъ въ своихъ требованіяхъ, онѣ обратились съ жалобою въ германскій сеймъ (1823 г.), ссылаясь, между прочимъ, и на ст. 13 союзнаго акта, обѣщавшую, какъ мы видѣли, всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ „landständische Verfassung". Сеймъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Только послѣ событій іюльской революціи, Фридрихъ VI, въ 1831 году, издалъ законъ объ учрежденіи „провинціальныхъ чиновъ", по образцу прусскихъ. Они были открыты, по провинціямъ, въ 1834 г. Но въ то время какъ „провинціальные чины" нѣмецкихъ герцогствъ являлись орудіемъ для защиты привилегій мѣстнаго рыцарства и правъ нѣмецкой народности, въ самой Даніи возрождались національныя

---

[1]) Законъ, утвердившій и организовавшій абсолютную власть короля. См. выше, стр. 537.

[2]) По смерти королевы Маргариты (1412 г.), наслѣдникъ ея, Эрихъ, возбудившій противъ себя общее неудовольствіе въ скандинавскихъ земляхъ, былъ свергнутъ съ престола (1439 г.). Его преемникъ, Христофоръ баварскій, царствовалъ не долго и скончался въ 1448 году. По смерти его датчане избрали Христіана I Ольденбургскаго (1448—1481 г.), который затѣмъ былъ избранъ въ Норвегіи и въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ (1460 г.). При избраніи своемъ послѣдними, онъ подтвердилъ и расширилъ ихъ привилегіи.

стремленія, связанныя съ пробужденіемъ скандинавизма, въ трехъ народностяхъ этого племени.

Такъ же какъ въ Германіи и въ славянскихъ земляхъ, развитію скандинавизма содѣйствовали археологическія и историческія работы,—развитіе національной литературы, какъ изящной, такъ и политической. Сверхъ проектовъ общенія между скандинавскими народностями, проектовъ довольно туманныхъ, національная партія въ Даніи имѣла и ближайшую цѣль: *инкорпорацію* Шлезвига, смѣшанное населеніе котораго давало основаніе признавать его частью датской земли (южная Ютландія); Эйдеръ—рѣка, отдѣляющая Шлезвигъ отъ Гольштиніи, должна была сдѣлаться границею собственно датскихъ земель; лозунгомъ датскихъ патріотовъ сдѣлалась формула „Данія до Эйдера". Плугъ, Леманъ и друг. стояли во главѣ этой партіи, органомъ которой была газета *Отечество* (*Fädrelandet*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общественномъ отношеніи, датская партія представляла демократическіе принципы, въ противоположность по преимуществу дворянскимъ интересамъ нѣмецкихъ герцогствъ.

Борьба народностей и вопросъ о единствѣ датской монархіи усложнялись, какъ мы видѣли, различіемъ законовъ о престолонаслѣдіи въ отдѣльныхъ ея земляхъ. Это различіе могло повести къ печальнымъ для монархіи практическимъ послѣдствіямъ. Бездѣтный Фридрихъ VI оставилъ престолъ своему двоюродному брату, Христіану VIII [1]). Единственный сынъ его, Фридрихъ [2]), не имѣлъ потомства, и не было никакихъ надеждъ, чтобы оно у него было; наконецъ, и второй братъ Христіана VIII, принцъ Фердинандъ, также не имѣлъ мужского потомства. По датской lex regia, право на престолонаслѣдіе должно было перейти въ родъ сестры Христіана VIII—Шарлотты, состоявшей, съ 1810 года, въ супружествѣ съ принцемъ Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Но право на шлезвигъ-гольштинскую корону открывалось для младшей линіи Гольштинскаго дома—именно линіи Гольштейнъ-Августенбургской.

При этихъ условіяхъ, какъ король (Христіанъ VIII), такъ и датская національная партія стремились упрочить единство королевства. Король старался подготовить общій для всѣхъ земель его монархіи законъ о престолонаслѣдіи. „Открытое письмо" (der offene Brief) 8 іюля 1846 г. возвѣщало объ этомъ намѣреніи; въ положи-

---

[1]) Христіанъ VIII род. въ 1786 г.; вступилъ на престолъ въ 1839 г. Онъ былъ, какъ мы видѣли, послѣднимъ датскимъ намѣстникомъ въ Норвегіи.

[2]) Род. въ 1808 г.

тельной формѣ это намѣреніе было выражено относительно Шлезвига и Лауэнбурга. „Открытое письмо“ встрѣтило отпоръ въ мѣстныхъ нѣмецкихъ чинахъ, въ представителяхъ Августенбурговъ и въ самомъ сеймѣ германскомъ. Христіанъ VIII долженъ былъ (7 сентября 1846 г.) представить разныя успокоительныя увѣренія. Но тѣмъ тѣснѣе сближался онъ съ датскою партіею, искавшею выхода изъ усложненій въ инкорпораціи Шлезвига и въ общей для всѣхъ частей монархіи конституціи, которая дала бы королевству не только общій законъ о престолонаслѣдіи, но и общія центральныя учрежденія и политическую свободу. Христіанъ VIII приступилъ уже къ работамъ по проекту общей конституціи; но онъ скончался 20 января 1848 года, наканунѣ грозныхъ событій, бремя которыхъ легло на его наслѣдника Фридриха VII.

XI. Національные интересы были главнымъ двигателемъ переворотовъ, готовившихся въ Италіи, Германіи и Австріи. Конечно, демократическія и соціальныя идеи вѣка играли большую роль во всѣхъ революціяхъ 1848 года. Но въ чистомъ своемъ видѣ онѣ выразились во Франціи, гдѣ демократія и соціальный вопросъ достигли несравненно большаго развитія, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Въ то время, какъ въ Италіи, Австріи и Германіи народы боролись за право національности и политическую свободу, во Франціи готовилось крушеніе тѣхъ конституціонныхъ формъ, которыя были идеаломъ для поколѣній 1815—1848 годовъ. Въ этомъ отношеніи февральская революція во Франціи была началомъ новаго періода политической исторіи Европы.

Послѣ вступленія на престолъ Людовика-Филиппа соотношеніе партій во Франціи измѣнилось. Легитимисты, послѣ плачевной попытки герцогини Беррійской поднять легитимистическое возстаніе (1832 г.), удалились отъ дѣлъ, оставаясь въ деревняхъ или проживая въ предмѣстьѣ Парижа Сенъ-Жерменъ.

Гораздо серьезнѣе были дѣйствія партіи республиканской, силы которой возросли съ 1815 по 1830 г. Благодаря ей, въ 1830 году, едва не была провозглашена республика. Только поддержка популярнаго Лафайета, назвавшаго Людовика-Филиппа „лучшею изъ республикъ“, дала возможность основать конституціонную монархію. Самъ Людовикъ-Филиппъ называлъ свое правительство „монархіею, обставленною республиканскими учрежденіями“. Но основное условіе послѣднихъ—широкое избирательное право—не имѣло мѣста въ системѣ „короля-буржуа“. Республиканская партія не могла бы разсчитывать на торжество, если бы въ условіяхъ тогдашняго народнаго представительства не было важныхъ недостатковъ, устраненіе которыхъ сдѣлалось лозунгомъ не только республиканской, но и либе-

ральной партіи. Первымъ требованіемъ, выставленнымъ послѣднею, была, такъ называемая, избирательная реформа. Хотя цензъ для права избирать и былъ пониженъ, такъ что число избирателей съ 80—100 тысячъ увеличилось до 225 тысячъ, но тѣмъ не менѣе это количество представлялось незначительнымъ при населеніи въ 30 милліоновъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, четвертая часть (отъ 6—7 милліоновъ) должна бы пользоваться правомъ выборовъ. При такомъ высокомъ цензѣ, избраніе сосредоточилось въ рукахъ весьма ограниченнаго, богатаго класса людей—буржуазіи. Правительство Людовика-Филиппа, исходя изъ различныхъ теоретическихъ и практическихъ соображеній, настойчиво держалось противъ всякаго расширенія избирательнаго права. Іюльскій переворотъ, говорили главные представители новаго порядка, утвердилъ за французскою націею всѣ пріобрѣтенія 1789 года; начала 1789 вошли въ гражданскій кодексъ, въ устройство администраціи; они выразились въ гражданскомъ равенствѣ, въ народномъ представительствѣ, въ свободѣ печати и другихъ видахъ общественной свободы, въ отвѣтственности министерствъ и въ ограниченіи королевской власти.

Теперь, казалось, настало время закончить періодъ революціи и дать Франціи прочное и твердое устройство. Для этого необходимо было опереться на преобладающій классъ,—на классъ, способный сохранить пріобрѣтенія революціи 1789 г. и въ то же время остановить дальнѣйшее ея развитіе. Развитіе англійской конституціи совершалось при помощи поземельной аристократіи. Аристократическіе элементы во Франціи были уничтожены революціей. Но, какъ говорили доктринеры (см. выше), въ ней имѣется соотвѣтственный классъ—буржуазія, которая совершила французскую революцію и сдѣлалась господствующимъ классомъ. Поэтому система политическихъ учрежденій должна опираться на него.

Событія показали, что это соображеніе построено было на весьма шаткой почвѣ. Классъ, вліяніе котораго опиралось на богатствѣ и поддерживалось цензомъ, не могъ замѣнить англійской аристократіи съ ея вѣковымъ значеніемъ Затѣмъ трудно было ожидать, чтобы демократія, сдѣлавшая такіе успѣхи съ конца прошлаго вѣка и ниспровергшая вѣковыя привилегіи, имѣвшія за собою славныя историческія преданія, остановилась предъ денежною аристократіею.

Практическія послѣдствія указаннаго начала выражались въ двойственной политикѣ Людовика-Филиппа. Прежде всего онъ старался придать, въ глазахъ великихъ державъ, іюльскому перевороту возможно меньшій революціонный характеръ и тѣмъ побудить державы „священнаго союза“ признать его монархію. Но если, съ одной стороны, онъ старался дать своей политикѣ характеръ искусственно

консервативный, то, съ другой стороны, онъ не могъ отказаться отъ началъ, на которыхъ въ дѣйствительности былъ основанъ его престолъ, т.-е. началъ 1789 года, освященныхъ іюльскимъ переворотомъ. Онъ долженъ былъ сочетать призрачный консерватизмъ съ призрачнымъ демократизмомъ; конечною цѣлью такого сочетанія было единственно удержаніе власти и сохраненіе наружнаго мира. Поддержкою такой политики естественно являлся средній классъ, теперь снова восторжествовавшій надъ легитимизмомъ и привилегированными сословіями и успѣвшій остановить провозглашеніе демократической республики. Принципы его естественно были удалены отъ легитимистическихъ и демократическихъ началъ одинаково. Политическая его формула не имѣла самостоятельнаго содержанія и опредѣлялась характеристическимъ терминомъ *juste milieu*, по выраженію характернаго представителя этого направленія, Казиміра Перье. Но принципы juste milieu, въ свою очередь, опредѣлялись *матеріальными* интересами буржуазіи. Людовикъ-Филиппъ въ своемъ правленіи не опирался ни на какія твердыя, опредѣленныя идеи; онъ не управлялъ ни во имя демократическихъ, ни во имя абсолютическихъ началъ; онъ правилъ не во имя божественнаго права и не во имя народовластія, но во имя извѣстныхъ матеріальныхъ интересовъ, представленныхъ буржуазіею. Поэтому и единственнымъ значеніемъ въ его глазахъ пользовался этотъ средній классъ. Совокупность избирателей, выходившая изъ этого сословія, была тѣмъ, что́ Людовикъ-Филиппъ называлъ „pays légal“ — оффиціальная страна; съ нею считалось правительство, а все, что́ по цензу стояло внѣ этого круга, не имѣло для него никакого значенія.

Въ личномъ характерѣ короля были черты, которыя возбуждали противъ него не только тѣхъ, которые стояли внѣ pays légal, но также многихъ, состоявшихъ „въ цензѣ“. Людовикъ-Филиппъ сдѣлался королемъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ. Близкій свидѣтель бурь первой революціи, изгнанникъ, прошедшій суровую житейскую школу, онъ вынесъ изъ послѣдней такой страхъ предъ возможностью переворотовъ, который многое объясняетъ въ его политикѣ, приведшей къ катастрофѣ 1848 года [1]). Подъ вліяніемъ этого чувства, какъ у самого короля, такъ и у лицъ, раздѣлявшихъ его мнѣнія, сложился неправильный взглядъ и на революцію 1830 г. и на призваніе іюльскаго правительства. Революція 1830 года не была только династическимъ переворотомъ; она совершилась во имя извѣстныхъ началъ,

---

[1]) „Вы слишкомъ молоды“, говорилъ онъ однажды Одилону Барро, „вы не видѣли революціи“. „Я начинаю бояться, государь“, отвѣтилъ ему Барро, „что вы слишкомъ стары и слишкомъ видѣли эту революцію“. *Mémoires posthumes de Odilon Barrot*, I, стр. 218, изд. 1875 г.

наслѣдованныхъ „третьимъ сословіемъ“ отъ 1789 года. По мнѣнію короля и его приближенныхъ, Людовикъ-Филиппъ былъ призванъ на престолъ, чтобы остановить революцію и возстановить порядокъ, потрясенный событіями іюльскихъ дней [1]). Съ этой точки зрѣнія, правительство короля фатально должно было воздѣйствовать противъ силъ, давшихъ тронъ Людовику-Филиппу, и началъ, во имя которыхъ онъ былъ призванъ управлять Франціею.

Король, съ первыхъ же недѣль, разошелся съ дѣйствительными вождями переворота 1830 г.: Лафайетомъ, Лафитомъ и друг. Министерство Казиміра Перье (13 марта 1831 г.) было настоящимъ представителемъ juste milieu и искусственно мирной политики. Хотя смерть унесла скоро этого, во всякомъ случаѣ, даровитаго человѣка, но король, въ выборѣ своихъ министровъ, настойчиво слѣдовалъ разъ усвоенному взгляду и успокоился на Гизо [2]), не только раздѣлявшемъ его взгляды, но и служившемъ послушнымъ орудіемъ личной воли короля [3]).

Послѣднее условіе имѣло важное значеніе въ глазахъ Людовика-Филиппа, хотя и не содѣйствовало упроченію его трона. Король, превосходившій всѣхъ своихъ министровъ опытомъ, силою воли и внѣшнимъ искусствомъ управленія, не могъ, конечно, усвоить себѣ конституціонную формулу Тьера: „король царствуетъ, но не управляетъ“. Но Людовикъ-Филиппъ не мирился и съ простою независимостью характера въ своихъ министрахъ. Въ противность условіямъ конституціоннаго управленія, онъ хотѣлъ имѣть въ кабинетѣ пассивное орудіе своей воли.

Личное вліяніе короля, при его умѣ и опытности, могло бы оказать большія услуги странѣ, если бы цѣли его политики соотвѣтствовали благу и достоинству націи. Но дѣйствія короля опредѣлялись, главнымъ образомъ, его династическими интересами. Усиленіе своей власти, хотя бы не прямыми и не всегда одобрительными средствами [4]), увеличеніе матеріальнаго благосостоянія своего

---

[1]) „Несчастье этой страны“, говорилъ Казиміръ Перье Одилону Барро, „состоитъ въ томъ, что есть много людей, подобно вамъ, воображающихъ, что во Франціи (въ 1830 г.) была революція. Нѣтъ, м. г., революціи не было: произошла простая *перемѣна* главы государства“.

[2]) Знаменитый историкъ François-Pierre-Guillaume Guizot, род. въ 1787 году.

[3]) Гизо окончательно утвердился въ кабинетѣ съ 29 октября 1840 г. Онъ оставался первенствующимъ министромъ до революціи 1848 г.

[4]) Эта черта дала Одилону Барро (ук. соч., I, стр. 221) поводъ провести параллель между Карломъ X и Людовикомъ-Филиппомъ, къ выгодѣ перваго. „Карлъ X“, говоритъ Барро, „сильный тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ священное право, открыто требовалъ полновластія; Людовикъ-Филиппъ думалъ достигнуть его окольными пу-

дома, утвержденіе династическаго вліянія въ другихъ государствахъ, были цѣлями его политики, для достиженія которыхъ правительство прибѣгало къ способамъ, отталкивавшимъ отъ него націю и иноземныя державы. Внутреннія мѣры усиливали оппозицію; внѣшняя политика раздражала другія державы и изолировала Францію, какъ это случилось по знаменитому дѣлу объ „испанскихъ бракахъ“ [1]).

Начавъ съ „сердечнаго согласія“ съ Англіею, Людовикъ-Филиппъ кончилъ болѣе сердечнымъ согласіемъ съ вѣнскимъ дворомъ, подавая Пію IX совѣты быть умѣреннымъ въ реформахъ и поддерживая клерикальный „Зондербундъ“ [2]) въ Швейцаріи.

Внутри страны все болѣе и болѣе ограничивался кругъ классовъ, на которые могло опираться правительство. Съ одной стороны, высокій цензъ не дозволялъ замкнутому pays légal обновляться притокомъ свѣжихъ силъ изъ народа; съ другой стороны, въ самомъ pays légal все сохранившее либеральныя убѣжденія и вѣрное началамъ революціи 1830 г. переходило въ оппозиціонный лагерь. Въ результатѣ правящій классъ составился изъ лицъ, руководившихся матеріальными выгодами и искавшихъ на политическомъ поприщѣ способовъ наживы. Правительство не оставалось глухо къ этимъ интересамъ, и скоро система подкуповъ избирателей и депутатовъ сдѣлалась нормальнымъ средствомъ политики. Палата депутатовъ, въ свою очередь, терпѣливо относилась къ хищничеству

тями. Первый не побоялся выступить противъ революціи лицомъ къ лицу и съ открытою силою; другой хитрилъ съ нею“, и т. д.

[1]) Вопросъ о выборѣ супруга для молодой испанской королевы Изабеллы (см. выше) занималъ какъ Англію, такъ и Францію. Ни одна изъ этихъ державъ не хотѣла допустить брака, который усилилъ бы вліяніе одной изъ нихъ въ Испаніи. По взаимному соглашенію, Англія обѣщала не поддерживать кого либо изъ принцевъ Кобургскаго дома; Франція обѣщала не допускать брака королевы съ кѣмъ либо изъ принцевъ дома Орлеанскаго. Но Франція добилась согласія Англіи на бракъ герцога Монпансье съ сестрою королевы. Глава тогдашняго англійскаго кабинета далъ свое согласіе подъ тѣмъ условіемъ, что бракъ Монпансье состоится послѣ того, какъ королева вступитъ въ бракъ и родитъ дитя. Французское правительство передѣлало это условіе въ томъ смыслѣ, что бракъ королевы и инфанты произойдетъ „не одновременно“. Найденъ былъ и женихъ для Изабеллы въ лицѣ инфанта Франциско-де-Ассизъ. Но послѣ новыхъ переговоровъ и уловокъ съ той и другой стороны при новомъ министрѣ, лордѣ Пальмерстонѣ, Гизо устроилъ „двойной бракъ“ (10 октября 1846 г.) королевы съ Ассизомъ, а инфанты съ Монпансье. Формально условіе было соблюдено; бракосочетаніе происходило не одновременно. Но „дружеское согласіе“ (entente cordiale) Франціи съ Англіею, установленное въ началѣ правленія Людовика-Филиппа, рушилось. Французы негодовали на то, что это „согласіе“ принесено въ жертву династическимъ интересамъ безъ всякихъ выгодъ для страны.

[2]) См. выше, стр. 614 и 615.

правительственныхъ лицъ. Только изрѣдка отдавались на жертву раздраженному общественному мнѣнію личности, подобныя Тесту [1]).

Вырождавшаяся буржуазія не могла образовать нравственной силы, способной поддержать правительство и остановить успѣхъ демократическихъ идей. Для *политической* демократіи она представлялась своекорыстнымъ классомъ, основавшимъ свое преобладаніе на власти богатства; для нарождавшейся соціалистической партіи она являлась представительницею эгоистическихъ интересовъ капитала; для массы населенія, страдавшей отъ усиливавшейся дороговизны, неурожаевъ, промышленныхъ кризисовъ и возраставшей тяжести налоговъ, она была чужда, такъ какъ за все время іюльской монархіи, ни правительство, ни палаты не принимали серьезныхъ мѣръ къ улучшенію экономическаго положенія народа; наконецъ, чувство національной гордости, столь сильное во Франціи, было оскорблено тою второстепенною ролью, на которую была осуждена страна, благодаря политикѣ „мира во что бы то ни стало“, которой держался Людовикъ-Филиппъ. Успѣхи надъ арабскими племенами въ Алжирѣ были слабымъ удовлетвореніемъ за дипломатическія пораженія Франціи по вопросамъ общеевропейской важности. Поэтому „наполеоновская легенда“, созданію которой благопріятствовалъ наиболѣе предпріимчивый изъ всѣхъ министровъ іюльской монархіи—Тьеръ, нашла для себя благопріятную почву, какъ показали послѣдствія.

Въ этихъ условіяхъ не могли удержаться и начала *формальной* свободы, заключавшіяся въ хартіи 1830 года. Объявляя въ 1830 году о принятіи на себя должности „намѣстника королевства“, Людовикъ-Филиппъ заключилъ свою прокламацію словами: „отнынѣ хартія будетъ истиной“ [2]). Но положеніе, созданное іюльской монархіей, обстоятельствами и собственною политикою правительства, во многомъ оставило хартію на степени „обѣщанія“. Ст. 69 хартіи 1830 г., шумно возвѣщавшая о преобразованіяхъ во внутреннемъ управленіи и въ политическихъ законахъ, въ исполненіи дала самые скромные результаты. Но и эти результаты были поколеблены регрессивною политикою правительства, вызванною серьезными опасностями.

Въ началѣ царствованія Людовика-Филиппа, грозное возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ (1831 г.) и республиканская манифестація въ Парижѣ

---

[1]) Тестъ былъ министромъ общественныхъ работъ въ министерствѣ Сульта-Гизо 29 октября 1840 года и затѣмъ президентомъ кассаціоннаго суда. Вслѣдствіе разоблаченій, появившихся въ печати, онъ былъ преданъ суду палаты пэровъ и приговоренъ къ наказанію за взятки. Нужно замѣтить, что Гизо лично стоялъ выше всякихъ подозрѣній въ участіи въ подобныхъ дѣлахъ. Но его упрямое доктринерство мѣшало ему видѣть истинное положеніе вещей.

[2]) „La Charte sera désormais une vérité“.

на похоронахъ либеральнаго депутата, генерала Ламарка (1832 г.), были подавлены силою. Демократическая партія на время пріостановила политику открытаго дѣйствія. Но скрытая ея работа шла чрезъ политическія ассоціаціи и клубы (общество „Правъ человѣка" и друг.). Встревоженное дѣйствіями этихъ обществъ, правительство рѣшилось издать болѣе строгіе законы относительно политическихъ союзовъ. Новыя возстанія въ Ліонѣ и въ Парижѣ были послѣдствіемъ этихъ попытокъ. Правительству удалось подавить возстанія и, на нѣкоторое время, лишить демократическія партіи средствъ совокупнаго дѣйствія. Но съ 1835 года начинается рядъ покушеній на жизнь короля, примѣръ которыхъ былъ поданъ Фіески (28 іюля 1835 г.).

Злодѣяніе Фіески [1]) въ дѣйствительности наносило республиканской партіи ударъ, болѣе сильный, чѣмъ всѣ репрессивныя мѣры правительства. Но послѣднее воспользовалось выгодою своего положенія для того, чтобы провести законы, ограничивавшіе свободу печати, измѣнявшіе правила о постановленіи присяжными ихъ вердиктовъ и расширявшіе полномочія прокуратуры и судовъ по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ (такъ называемые „сентябрьскіе законы"). Новые законы произвели неблагопріятное впечатлѣніе въ обществѣ, но не остановили ни покушеній [2]), ни развитія тайныхъ обществъ.

Неудовольствіе, возраставшее въ странѣ, усиленіе парламентской оппозиціи и тягость общаго положенія были приняты радикальною партіею, главныя силы которой были сосредоточены въ „Обществѣ четырехъ временъ года", за благопріятныя условія къ открытому возстанію въ Парижѣ (1839 г.). Мятежники были разогнаны; главные ихъ предводители: Арманъ Барбесъ, Бланки, Мартенъ Бернаръ и другіе заключены въ тюрьму. Но съ этого года усилія всѣхъ оппозиціонныхъ партій соединяются для достиженія одной общей цѣли—*реформы избирательнаго права.*

Дѣйствія демократической партіи заслоняли въ общемъ вниманіи слабые еще происки другой партіи, впослѣдствіи овладѣвшей Франціею—бонапартистовъ. Прямой представитель династіи Наполеона, несчастный герцогъ Рейхштадтскій, сынъ императора, скончался въ 1832 году. Племянникъ великаго дяди, сынъ бывшаго

---

[1]) Его адская машина, не причинивъ вреда королю, убила, однако, маршала Мортье, генерала Лашасса, четырехъ національныхъ гвардейцевъ и многихъ зрителей смотра, производившагося королемъ.

[2]) Алибо (25 іюня 1836 г.); Мёнье (27 декабря 1836 г.); Дармесъ (15 октября 1840 г.) и другіе.

голландскаго короля [1]), Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, рѣшился выступить претендентомъ на французскій престолъ. Бывшій „карбонарій", участвовавшій въ итальянскомъ возстаніи 1831 года [2]), онъ рѣшился попытать счастья при помощи нѣсколькихъ заговорщиковъ изъ страсбургскаго гарнизона, которыхъ ему удалось завербовать изъ своего швейцарскаго убѣжища [3]). Но попытка военнаго возстанія въ Страсбургѣ (30 октября 1836 г.), произведенная горстью „заговорщиковъ", не могла имѣть успѣха. Принцъ былъ арестованъ, но скоро выпущенъ и высланъ въ Шербургъ [4]); сообщники его частью бѣжали, частью были оправданы судомъ. Затѣмъ, въ 1840 году, министерство Тьера оживило надежды принца, устроивъ, для своихъ политическихъ цѣлей, торжественныя похороны останковъ Наполеона I, привезенныхъ съ острова св. Елены. Въ энтузіазмѣ, съ какимъ былъ встрѣченъ гробъ императора пылкими французами, Людовикъ-Наполеонъ увидѣлъ хорошее предзнаменованіе для новой попытки овладѣть престоломъ Франціи. Она была произведена въ Булони и кончилась столь же плачевно, какъ и первая, сверхъ того, на этотъ разъ, „претендентъ" былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости Гамѣ, изъ которой ему удалось потомъ бѣжать. Февральская революція открыла, однако, „гамскому узнику" двери Франціи и дорогу къ престолу.

Политическая агитація давала формулу будущей революціи, попытки Бонапарта готовили почву для будущаго ея наслѣдника, а *соціалистическая* проповѣдь предопредѣляла характеръ переворота. Рѣдкая эпоха была такъ богата изслѣдованіями экономическаго характера, какъ время іюльской монархіи. Ни одна страна не испытала такого глубокаго хозяйственнаго переворота, какъ Франція въ эпоху первой революціи, нигдѣ экономическія отношенія прежняго времени не были измѣнены съ такою силою; нигдѣ интересы „средняго класса" не достигали такого полнаго торжества, какъ во Франціи; нигдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, умамъ не открывалось такого широкаго поприща для критики основъ экономическаго порядка общества, политическій строй котораго передѣлывался сверху до низу. Въ произведеніяхъ литературы XVIII вѣка, заключавшихъ въ себѣ принципы „естественнаго" строя государствъ, содержались также „естественныя" начала ихъ экономическаго строя. Въ разсужденіи Руссо „о происхожденіи неравенства между людьми", и въ произведеніяхъ Морелли, Мабли, Бриссо и друг. заключались черты ученій *соціа-*

---

[1]) См. выше, стр. 521.

[2]) См. выше, стр. 600.

[3]) Замокъ Арененбергъ въ кантонѣ Тургау.

[4]) Отсюда онъ отправился въ Америку.

лизма и *коммунизма*. Возстаніе, произведенное Бабёфомъ [1]) и его послѣдователями въ 1796 году, уже противопоставило идею нарождавшагося „четвертаго сословія“ складу буржуазнаго общества, вышедшаго изъ революціи. Законодательство имперіи утвердило этотъ строй и выразило его принципы въ знаменитомъ гражданскомъ уложеніи Франціи. Но во время реставраціи два писателя создали соціалистическія школы, различныя по направленію, но давшія сильный толчекъ къ развитію и распространенію этихъ идей. Это были Сенъ-Симонъ и Карлъ Фурье [2]). С. Симонизмъ, привлекшій вначалѣ не многихъ послѣдователей (Анфантенъ и Базаръ), въ эпоху іюльской монархіи образовалъ школу, немногочисленную, но замѣчательную по талантамъ ея послѣдователей [3]). Фурьеризмъ нашелъ замѣчательнаго представителя въ лицѣ Виктора Консидерана, сдѣлавшагося центромъ для послѣдователей Фурье. Но какъ попытка устройства сенъ-симонской „семьи“, такъ и „фаланстера“, по ученію Фурье, кончились неудачами. „Менильмонтанская семья“ [4]) сенъ-симонистовъ навлекла на себя судебное преслѣдованіе, кончившееся тюремнымъ заключеніемъ нѣкоторыхъ ея членовъ. Послѣ этого с.-симонисты разсѣялись, а фурьеристы не показали способностей къ дѣятельной роли. Полумистическія школы Сенъ-Симона и Фурье были предтечами болѣе практическаго соціализма, постановленнаго на почву положительныхъ фактовъ. Главнымъ предметомъ его критики сдѣлалось положеніе рабочихъ классовъ и ихъ отношеній къ предпринимателямъ, къ общимъ условіямъ „производства“.

Виднѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Луи Бланъ [5]). Основное положеніе Луи Блана состоитъ въ томъ, что

---

[1]) Франсуа-Ноэль Бабёфъ, назвавшійся Кайемъ-Гракхомъ, родился въ 1764 году, казненъ въ 1796 г.

[2]) Графъ Клавдій-Генрихъ С. Симонъ, происходившій изъ знаменитаго рода герцоговъ С. Симоновъ, род. въ 1760 г., ум. въ 1825 г. Главныя его сочиненія: *Système industriel* (1821 г.); *Catéchisme des industriels* (1823 г.); *Nouveau christianisme* (1825 г.) и множество другихъ.

Карлъ Фурье род. въ 1772 г., умеръ въ 1837 г. Главныя произведенія его: *Théorie des quatre mouvements ect.* (1808 г.), *Traité de l'association domestique agricole* (1822 г.) и *Nouveau monde industriel* (1829 г.).

[3]) Къ ней принадлежали извѣстный экономистъ Мишель Шевалье, талантливый, хотя и туманный философъ Пьеръ Леру, композиторъ Фелисьенъ Давидъ, три банкира еврейскаго происхожденія, Родригезъ, Перейра и Эйхталь, и другіе.

[4]) Менильмонтанъ — помѣстье Анфантена (одного изъ „отцовъ“ общины), въ которомъ поселилась часть сенъ-симонистовъ для практическаго осуществленія своихъ принциповъ, послѣ разрыва ихъ съ Базаромъ и другою частью школы.

[5]) Louis Blanc родился въ 1818 году въ Мадридѣ. Въ молодыхъ годахъ началъ онъ свою публицистическую дѣятельность участіемъ въ газетѣ *National* (1844 г.),

какъ современное общество, такъ и производство не имѣютъ *организаціи.* Въ основѣ общественныхъ учрежденій лежитъ *индивидуализмъ,* естественное послѣдствіе котораго—*эгоизмъ;* индивидуалистическій строй промышленныхъ предпріятій поставленъ въ условія *конкурренціи,* эгоистической борьбы личностей, въ которой сильный одолѣваетъ слабаго. Бѣдствія общества зависятъ, слѣдовательно, отъ отсутствія въ немъ дѣйствительнаго начала *общественности,* т.-е. *солидарности.* Возстановить послѣднее и дать обществу прочную связь возможно при новой *организаціи труда* (organisation du travail). Послѣдняя должна быть дѣломъ *государства,* призваннаго поддерживать слабѣйшіе классы общества. Оно должно быть руководителемъ производства и, путемъ безпроцентныхъ ссудъ, поддерживать предпріятія, основываемыя рабочими, участвующими въ предпріятіяхъ на равныхъ условіяхъ. Предпріятія, поддерживаемыя государствомъ, неизбѣжно убьютъ „конкурренцію" индивидуалистическаго производства. Въ этомъ планѣ содержались уже начала „національныхъ мастерскихъ", опытъ которыхъ, въ 1848 году, привелъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Но теорія Луи Блана, имѣвшая огромный успѣхъ, указывала на новое направленіе соціалистическихъ доктринъ: на стремленіе разрѣшить соціальный вопросъ путемъ *государственнаго вмѣшательства* въ область экономическихъ предпріятій и отношеній. Оставляя здѣсь въ сторонѣ другія направленія тогдашней обширной соціалистической литературы, коммунистическое (Кабе), критическое (Прудонъ), религіозное (Ламенэ), многочисленныя произведенія изящной литературы, распространявшія новыя понятія о семейныхъ отношеніяхъ, мы указываемъ на направленіе, представленное Луи Бланомъ, какъ на наиболѣе важное для исторіи переворота 1848 г.

Если государство должно быть призвано къ поддержанію слабѣйшихъ классовъ и разрѣшенію соціальнаго вопроса, то оно должно быть выразителемъ всѣхъ интересовъ общества, а потому всѣмъ его классамъ должно быть дано равное участіе въ составленіи „государственной воли". *Всеобщая подача голосовъ* явилась такимъ же требованіемъ политической демократіи, какъ и демократіи соціальной. Затѣмъ *реформа избирательнаго права* сдѣлалась лозунгомъ всѣхъ оппозиціонныхъ партій, какъ династической оппозиціи, представленной Одилономъ Барро и ограничивавшейся требованіями умѣренной

а затѣмъ въ *Revue républicaine*; (съ 1838 г.) онъ основалъ собственный журналъ: *Revue du progrès*, въ которомъ онъ началъ излагать свои соціалистическія теоріи. Изъ статей, помѣщавшихся въ *R. d. Pr.*, составилась знаменитая его книга *Organisation du travail* (1839 г.). Л. Бланъ пріобрѣлъ себѣ также извѣстность своими историческими трудами.

реформы, такъ и другихъ оттѣнковъ оппозиціи до крайнихъ соціально-демократическихъ партій включительно.

Агитація въ пользу реформы выразилась въ видѣ банкетовъ, устраивавшихся въ разныхъ городахъ Франціи и привлекавшихъ множество участниковъ. Общественное мнѣніе высказывалось настойчиво и недвусмысленно въ палатѣ, въ печати, въ собраніяхъ. Но правительство Людовика-Филиппа рѣшилось не уступать. Всѣ самые скромные проекты реформы отвергались правительствомъ и искусно составленнымъ имъ палатскимъ большинствомъ. Почти накануне революціи, въ тронной рѣчи, которою 28 декабря 1847 года открылась сессія палатъ, содержались слѣдующія знаменательныя слова: „Среди возбужденія, *производимаго враждебными и слѣпыми страстями,* меня оживляетъ и поддерживаетъ убѣжденіе, что мы въ конституціонной монархіи, въ согласіи главныхъ государственныхъ властей, имѣемъ вѣрнѣйшія средства для того, чтобы устранить всякія препятствія и удовлетворить умственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ нашего дорогого отечества“.

Конечно, „возбужденіе, производимое враждебными и слѣпыми“ страстями, было бы не опасно для государственнаго порядка, если бы „согласіе главныхъ государственныхъ властей“ постоянно и серьезно было направлено къ удовлетворенію умственныхъ и матеріальныхъ потребностей Франціи. Но слова тронной рѣчи выражали, въ данную минуту, только твердую рѣшимость правительства не уступать по вопросу объ избирательной реформѣ. Эта рѣшимость имѣла своимъ послѣдствіемъ крушеніе трона, утвержденнаго на слишкомъ узкомъ основаніи pays légal.

Положеніе вещей представляло еще бо́льшую опасность. Переворотъ, готовившійся во Франціи, повлекъ за собою не только перемѣну династіи и провозглашеніе новой хартіи, какъ въ 1830 г., но крушеніе правящаго класса, того „средняго сословія“, на которое опиралась конституціонная монархія. Февральская революція была крушеніемъ не только извѣстнаго политическаго, но и общественнаго порядка, крушеніемъ, причины котораго коренились прежде всего въ свойствахъ правящаго класса. Политическіе нравы, своекорыстная и узкая политика, которой слѣдовалъ pays légal, дали свой плодъ.

Позднимъ предостереженіемъ этому классу явилась знаменитая рѣчь Токвиля [1]), сказанная имъ въ засѣданіи палаты депутатовъ 27 января 1848 года. Оставивъ въ сторонѣ всѣ политическіе вопросы, онъ со всею силою обратилъ вниманіе палаты „на болѣзнь,

---

[1]) Автора *Демократіи въ Америкѣ.*

которую нужно излѣчить во что бы то ни стало, ибо иначе она унесетъ всѣхъ насъ". Болѣзнь эта въ правящихъ классахъ состоитъ въ порчѣ нравовъ, дѣлающей страшные успѣхи каждый день; она состоитъ въ томъ, что все болѣе и болѣе начала общей пользы, государственнаго блага уступаютъ мѣсто частнымъ, своекорыстнымъ взглядамъ и цѣлямъ.

Представивъ, затѣмъ, потрясающую картину этой порчи, какъ въ правящихъ классахъ, такъ и въ правительствѣ, ораторъ напомнилъ палатѣ, что, по свидѣтельству исторіи, истинная причина паденія правящихъ классовъ состоитъ въ томъ, что они дѣлаются недостойными власти.

„Подумайте", говорилъ онъ, „о старой монархіи: она была сильнѣе васъ—сильнѣе своимъ происхожденіемъ; она тверже васъ опиралась на старые обычаи, на старые нравы, на древнія вѣрованія. Она была сильнѣе васъ и, однако, пала въ прахъ. Почему она пала? Вслѣдствіе ли случайнаго обстоятельства? Думаете ли вы, что это было дѣломъ такого-то лица, дефицита, присяги въ мячевомъ залѣ, Лафайета, Мирабо? Нѣтъ, мм. гг., есть причина, болѣе глубокая и болѣе дѣйствительная: эта причина въ томъ, что тогдашній правящій классъ сдѣлался, по своему равнодушію, эгоизму и порокамъ, неспособнымъ и недостойнымъ править.

„Вотъ истинная причина.

„О, мм. гг., если во всѣ времена справедливо имѣть эту патріотическую заботу, то до какой степени она необходима во времена, подобныя нашему? Развѣ не ощущаете вы, въ силу безотчетнаго, но вѣрнаго инстинкта, что почва снова колеблется въ Европѣ? Развѣ вы не чувствуете... какъ сказать это... дуновенія революціи въ воздухѣ? Не знаешь, гдѣ рождается этотъ вѣтеръ, откуда онъ несется и кого онъ унесетъ: и въ это время вы остаетесь спокойными предъ развращеніемъ общественныхъ нравовъ?"

Предостереженіе было сдѣлано поздно. Уже изъ Италіи пришли вѣсти о возстаніи въ Сициліи, въ Неаполѣ, въ Миланѣ; меньше, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ рушилась и іюльская монархія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ 1848 Г.

I. Въ депешѣ графу Аппони [1]), отъ 6 февраля 1848 года, князь Меттернихъ, перефразируя извѣстный стихъ изъ баллады Бюргера—

---

[1]) Австрійскому послу въ Парижѣ.

Ленора—„Die Todten reiten schnell“ —говорилъ: „революціи идутъ скоро“ [1]). Дѣйствительно, какъ мы сейчасъ увидимъ, революціи 1848 года слѣдовали быстро одна за другой. Менѣе чѣмъ въ три мѣсяца, Италія и главныя государства серединной Европы были охвачены переворотомъ, угрожавшимъ болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ революція 1789 года. Новое распредѣленіе государствъ по принципу *національностей,* широкое примѣненіе *демократическихъ* началъ къ формамъ народнаго представительства; видоизмѣненіе существующихъ экономическихъ отношеній общества по началамъ *соціальныхъ* ученій, — таковы могли быть послѣдствія революцій 1848 года. Но въ этихъ же началахъ заключалась и причина успѣшной реакціи 1849 года. Борьба народностей открыла дорогу къ возстановленію прежней системы государствъ; борьба общественныхъ классовъ, особенно во Франціи, открыла дорогу диктатурѣ, въ видѣ второй имперіи.

Событія революціоннаго 1848 года представляютъ великій интересъ для общей исторіи Европы; ими объясняется и большинство событій, пережитыхъ западною Европою въ новѣйшее время. Но для исторіи политическихъ *учрежденій,* имѣющей дѣло главнымъ образомъ съ *результатами* политическихъ движеній, періодъ времени съ 1848 по 1853 годъ представляется, въ значительной степени, безплоднымъ. Безпримѣрное, по своей общности, революціонное движеніе вначалѣ; торжество реакціи, выразившееся въ учрежденіи второй имперіи во Франціи, въ возстановленіи учрежденій германскаго союза, владычества Австріи и прежнихъ государственныхъ порядковъ въ Италіи, въ усиленіи абсолютизма въ австрійскихъ владѣніяхъ—такова, въ немногихъ словахъ, картина этого періода. Главныя черты ея не измѣнялись тѣмъ, что Пьемонтъ получилъ конституціонное устройство, такъ же какъ и важнѣйшее послѣ Австріи нѣмецкое государство — Пруссія. Пьемонтъ, оставшійся надеждою итальянскихъ патріотовъ, былъ слишкомъ слабъ, чтобы возсоединить Италію безъ иноземной помощи. Пруссія, отодвинутая на второй планъ Австріею, при поддержкѣ Россіи, и предоставленная реакціонному министерству Мантейфеля, должна была отказаться отъ дѣятельной роли въ Германіи до вступленія въ регентство нынѣ царствующаго Вильгельма I. Поэтому мы остановимся на событіяхъ 1848 года настолько, насколько это необходимо для объясненія *положительныхъ* перемѣнъ, происшедшихъ въ занимающій насъ періодъ, и насколько идеи и начала 1848 года находятся въ связи съ событіями современной исторіи Европы.

---

[1]) „Les révolutions marchent vite!“ *Бумаги,* № 1667.

II. Первые три мѣсяца 1848 года могутъ быть названы революціонными по преимуществу. Главные народы европейскаго континента, одинъ за другимъ, выступали на путь переворотовъ, и революція, произведенная въ одной странѣ, вызывала ее и въ другой.

Январь принадлежалъ Италіи. Въ Ломбардіи и въ Венеціи признаки переворота обнаружились въ началѣ мѣсяца; лига „некурильщиковъ“ [1]) начала свои дѣйствія съ 2 января; 3-го, между членами лиги и „курильщиками“, нанятыми, какъ говорили, правительствомъ, начались столкновенія, кончившіяся уличными безпорядками и вмѣшательствомъ войска. Въ схваткѣ съ войсками, нѣсколько человѣкъ было убито и много ранено, что еще больше возбудило народонаселеніе. Безпорядки начались и въ другихъ городахъ: въ Бергамо, въ Бресчіи и въ Мантуѣ. Строгія мѣры и грозный приказъ по войскамъ, изданный знаменитымъ генераломъ Радецкимъ (15 января), только на время задержали успѣхи революціи въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи. Занятое въ собственныхъ владѣніяхъ, австрійское правительство не могло сдерживать революціонныхъ попытокъ въ другихъ частяхъ Италіи. Но изъ всѣхъ отдѣльныхъ попытокъ переворота (Генуя, Ливорно и друг.) выдѣлилось предвозвѣщенное уже [2]) возстаніе въ Сициліи; 12 января въ Палермо началась отчаянная уличная борьба съ войсками, кончившаяся (13 января) изгнаніемъ послѣднихъ. Въ тотъ же день мятежники въ Мессинѣ взяли фортъ Гонзага. Неаполитанское правительство отправило противъ палермскихъ инсургентовъ флотъ; 18 января началъ онъ бомбардировку города; но, не смотря на усилія флота и королевскихъ войскъ, мятежники (25 января) взяли цитадель (фортъ Монреале) и затѣмъ (27 января) отбили штурмъ войскъ. За день до пораженія королевскихъ войскъ въ Палермо, 26 января, вспыхнуло возстаніе и въ Неаполѣ. Правительство Фердинанда II имѣло дѣло съ двойною революціею. Часть его военныхъ силъ находилась въ Сициліи, гдѣ инсургенты одерживали надъ ними новыя побѣды. Бомбардировка Мессины была безуспѣшна, а въ Палермо (30 января) былъ взятъ фортъ Кастеламаре. Фердинандъ II принужденъ былъ уступить. Ненавистные народу министры были удалены, образовано новое министерство герцога Серра Капріола и обѣщана конституція. „La révolution est consommée à Palerme et à Naples“ [3]), писалъ Меттернихъ къ Аппони 6 февраля 1848 г. Дѣйствительно, 10 февраля Фердинандъ II принужденъ былъ провозгласить въ Неаполѣ

---

[1]) См. выше, стр. 621.

[2]) См. выше, стр. 622.

[3]) „Революція совершилась въ Палермо и въ Неаполѣ“.

конституцію, а 24 февраля, въ день парижской революціи, присягнулъ ей. Великій герцогъ тосканскій также октроировалъ народу конституцію 15 февраля 1848 г. Извѣстіе объ успѣхѣ революціи въ Палермо и въ Неаполѣ произвело сильнѣйшее дѣйствіе въ Европѣ. Оно подняло надежды революціонныхъ партій и смутило всѣ правительства. Ближайшая опасность для австрійскихъ владѣній въ Италіи была предотвращена на время объявленіемъ осаднаго положенія (20 февраля), а также арестомъ вождей оппозиціи Гонзаго и Сонджини въ Миланѣ, Манена и Томазео въ Венеціи. Но революція въ „Обѣихъ Сициліяхъ" была только прологомъ къ февральской революціи во Франціи.

Избирательная реформа сдѣлалась, какъ мы видѣли, лозунгомъ всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій. Удаленіе министерства Гизо-Дюшателя, упорно сопротивлявшагося даже *пониженію* избирательнаго ценза, было ближайшею цѣлью какъ палатской оппозиціи, такъ и республиканскихъ союзовъ. О низверженіи монархіи и провозглашеніи республики не было еще рѣчи между самыми горячими республиканцами. Несмотря на то, что республиканская и соціалистическая партіи располагали силами тайныхъ обществъ (общества „человѣческихъ правъ" и „семейное"), дисциплинированныхъ ловкими заговорщиками (Лагранжъ, Коссидьеръ, Собріе), но открытое провозглашеніе республиканской программы казалось невозможнымъ. Правительство располагало значительнымъ числомъ линейныхъ войскъ; на сторонѣ монархіи была еще національная гвардія, составленная изъ зажиточныхъ классовъ. Боевыя силы республиканцевъ были ничтожны. Поэтому требованія „реформы" и отставки Гизо исчерпывали, повидимому, требованія всѣхъ партій, какъ династической оппозиціи, представленной въ палатѣ Одилономъ Барро, министерской оппозиціи Тьера, политической демократіи Ледрю-Роллена, Ламартина, Армана Марра, такъ и партіи соціальной демократіи. Средствомъ мирнаго воздѣйствія на правительство оставалась агитація посредствомъ „реформистскихъ банкетовъ".

Послѣ тронной рѣчи короля, открывшей сессію палатъ, трудно было ожидать какихъ нибудь уступокъ отъ правительства Людовика-Филиппа, тѣмъ болѣе, что отвѣтный адресъ палаты, составленной въ большинствѣ изъ приверженцевъ кабинета Гизо-Дюшателя, одобрялъ выраженные въ рѣчи взгляды правительства. Оппозиціонные депутаты рѣшились на послѣдній шагъ, остававшійся въ ихъ власти: на устройство особенно многолюднаго банкета въ одномъ изъ садовъ на Елисейскихъ Поляхъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ Дюшатель заранѣе объявилъ, что онъ не допуститъ больше банке-

товъ, „искусственно возбуждающихъ страну“. Право свое на запрещеніе такихъ собраній министръ основывалъ на одномъ законѣ 1790 года, примѣненіе котораго къ данному случаю подлежало спору.

Несмотря на это, коммиссія, избранная оппозиціонными депутатами, объявила 19 февраля, что банкетъ назначается на 21. „Умѣренная партія“ предложила свои услуги для посредничества, имѣвшаго цѣлью дать банкету возможно мирный характеръ. Условлено было, что правительство не будетъ препятствовать участникамъ банкета собраться въ назначенномъ помѣщеніи, но что затѣмъ полиція составитъ протоколъ о нарушеніи ими „закона 1790 года“ и представитъ дѣло въ судъ. Трудно судить, что̀ вышло бы изъ „демонстраціи“, устроенной по предварительному соглашенію „оппозиціи“ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но возможность соглашенія была устранена волею короля, твердо рѣшившагося не допускать банкета.

Коммиссія оппозиціонныхъ депутатовъ рѣшилась тогда на шагъ, вовсе не входившій въ разсчеты оппозиціи: 21 февраля она обнародовала програму реформистскаго праздника, составленную Арманомъ Марра [1]). Парижское населеніе, вмѣстѣ съ національною гвардіею, приглашалось устроить торжественную, хотя и мирную процессію для сопровожденія участниковъ банкета, назначеннаго на 22 февраля, до мѣста ихъ собранія. Вопросъ о „банкетѣ“ переносился на другую почву. Манифестъ приглашалъ парижское населеніе на сборище, а разрѣшеніе сборищъ, по французскимъ законамъ, зависѣло отъ мѣстной полицейской власти. Сверхъ того, въ тонѣ „программы“ слышался голосъ власти, возникавшей рядомъ съ установленнымъ правительствомъ. Министръ объявилъ, что онъ не допуститъ народнаго сборища. Парижскій префектъ полиціи Делессеръ тотчасъ издалъ распоряженіе, въ которомъ ясно выразились воззрѣнія правительства на предположенную манифестацію [2]).

---

[1]) Armand Marrast, род. въ 1801 году. Въ 1831 г. сдѣлался редакторомъ республиканской газеты *Tribune*. Въ 1834 г. былъ заключенъ въ тюрьму за участіе въ республиканскомъ заговорѣ, бѣжалъ изъ тюрьмы въ Лондонъ, гдѣ и оставался до амнистіи 1838 года, давшей ему право возвратиться въ Парижъ. По возвращеніи, онъ былъ главнымъ редакторомъ *National'я*, послѣ революціи членомъ временного правительства и президентомъ національнаго учредительнаго собранія съ 15 мая 1848 г. Умеръ въ 1852 г.

[2]) „Манифестомъ отъ сегодняшняго утра“, говорилось въ распоряженіи, „чрезъ который публика приглашается къ демонстраціи, созывается національная гвардія, и назначаются ей мѣста, подымается *противу правительства*, узурпируется государственная власть и открыто нарушается конституція“. Населеніе приглашалось воздержаться отъ всякаго участія въ манифестаціи.

Впрочемъ, Одилонъ Барро, въ своихъ мемуарахъ, старается придать „программѣ“ болѣе безобидный характеръ. По его словамъ, она имѣла цѣлью обезпе-

Оппозиціонные депутаты, собравшись у Одилона Барро, не желая давать предлога къ вооруженному столкновенію между народомъ и войсками, рѣшились отказаться отъ банкета [1]). Рѣшеніе это было принято съ крайнимъ раздраженіемъ въ разныхъ кружкахъ Парижа, но произвело живѣйшую радость въ королѣ. „Ну“, сказалъ онъ Сальванди [2]), явившемуся вечеромъ въ Тюльери, „вы говорили вчера, что мы стоимъ на волканѣ: хорошъ вашъ волканъ. Они отказываются отъ банкета, любезный; да, они отказываются; я говорилъ вамъ, что все это разсѣется какъ дымъ“ [3]). Королю казалось, что побѣда надъ оппозиціонными депутатами есть побѣда надъ всѣми затрудненіями. Событія не оправдали этихъ ожиданій. Банкетъ былъ отмѣненъ, но состоялась революція 24 февраля. Вмѣсто избирательной реформы явилась республика, со всеобщею подачею голосовъ; вмѣсто финансовыхъ и экономическихъ преобразованій—соціальная революція.

Въ три дня (22, 23 и 24 февраля) Людовикъ-Филиппъ пережилъ то, что̀ его предшественникъ испыталъ въ три другіе дня (27, 28 и 29 іюля). Не смотря на запрещеніе полиціи, утромъ 22 февраля, толпы народа, въ большинствѣ незнавшаго объ отмѣнѣ банкета, стали собираться въ мѣста, назначенныя „программой“ Армана Марра. Манифестаціи сначала мирныя, роковымъ образомъ перешли въ революціонный взрывъ, особенно послѣ залпа, безъ всякаго приказа пущеннаго въ толпу у зданія министерства иностранныхъ дѣлъ (гдѣ жилъ Гизо), въ отвѣтъ на выстрѣлъ, сдѣланный изъ толпы (вечеръ, 23 февраля). Король, не придававшій сначала серьезнаго значенія манифестаціямъ, увидѣлъ необходимость спасать себя и свою династію уступками. Гизо получилъ отставку; образованіе новаго министерства было поручено Моле́, депутату правительственной партіи. Но король не могъ согласиться съ Моле́ относительно состава кабинета, въ который послѣдній хотѣлъ ввести нѣкоторыхъ членовъ лѣваго центра. Событія подвигали, однако, короля впередъ. Онъ рѣшился на крайнюю, съ его точки зрѣнія, уступку: поручить образованіе кабинета Одилону Барро [4]), Тьеру, Дювержье-де-Горанну,

---

чить порядокъ въ готовившейся манифестаціи. Марра только дурно редактировалъ принятыя рѣшенія. Ук. соч., I, стр. 507 и слѣд.

[1]) Тамъ же, I, стр. 511 и слѣд.

[2]) Одному изъ министровъ.

[3]) Тамъ же, I, стр. 513.

[4]) Camille-Hyacinthe-Odilon Barrot, имя котораго мы такъ часто упоминали, родился въ 1791 году. Во время реставраціи сдѣлался выдающимся адвокатомъ и членомъ либеральной оппозиціи; игралъ видную роль въ политическомъ обществѣ Aide-toi. Ближайшими политическими друзьями его были Лаффиттъ и Дюпонъ-де-л'Еръ. Вмѣстѣ съ послѣдними вступилъ онъ, послѣ іюльской революціи, на

Ремюза и нѣкотор. др. Но уступка пришла поздно. Не успѣлъ Одилонъ Барро объявить о своемъ министерствѣ, какъ король, испуганный успѣхами возстанія, подписалъ отреченіе отъ престола, въ пользу внука своего, графа Парижскаго [1]). Регентство предположено было предоставить его матери, любимой либеральною партіею, герцогинѣ Орлеанской [2]). Но пока палата совѣщалась объ этомъ предметѣ, толпы народа ворвались въ залу ея засѣданій, продиктовали низложеніе орлеанской династіи и учрежденіе временного правительства. Людовикъ-Филиппъ спасся бѣгствомъ и кончилъ свою жизнь въ Англіи [3]).

III. Имена членовъ „временного правительства" вышли изъ нѣкотораго подобія голосованія, произведеннаго разнообразной толпой и частью депутатовъ. Выборъ палъ на республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ. Одни изъ нихъ, какъ старѣйшій между ними, Дюпонъ-де-л'Еръ [4]) и вліятельнѣйшій — Ламартинъ [5]), вмѣстѣ съ физикомъ Араго [6]), Гарнье-Пажесомъ [7]), Мари, Кремьё [8]) и Марра принадлежали къ умѣренной республиканской партіи и, въ сущности, не желали переворота 1848 г. Радикальныя республиканскія идеи были представлены Ледрю-Ролленомъ [9]) и Флокономъ. Наконецъ, присоединенные позже къ составу временного правительства Луи-Бланъ и рабочій Альберъ представляли начала соціальной демократіи. Разнородный составъ правительства предвѣщалъ будущіе въ немъ раздоры; что̀ еще важнѣе, онъ указывалъ на глубокій расколъ въ самихъ республиканскихъ партіяхъ.

службу къ новому правительству. Ему было поручено мѣсто сенскаго префекта. Но онъ оставилъ службу, какъ только король разошелся съ Лаффиттомъ (1831 г.). Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предводителемъ конституціонной и династической оппозиціи. Его *Мемуары* (Paris, 1875—1877 г., четыре тома)—одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія этой эпохи.

[1]) Сына рано умершаго (отъ паденія съ лошади) прекраснаго герцога Орлеанскаго.

[2]) Въ противность закона 1842 г., вотированнаго консервативною партіею и предоставлявшаго регентство ближайшему къ наслѣдію престола принцу крови. Либеральная партія вотировала противъ этого закона, главнымъ образомъ, изъ нерасположенія къ герцогу Немурскому, вѣроятному регенту. Но офиціальнымъ ея доводомъ было нежеланіе распространять принципъ наслѣдственности на правила о регентствѣ. Ср. Одилонъ Барро, ук. соч., I, стр. 375 и слѣд. Рѣчи Ламартина, *La Politique de Lamartine*, Paris, 1878 г., II, стр. 30—58.

[3]) Въ 1850 году. Онъ родился въ 1773 г.

[4]) Род. въ 1767 году.

[5]) Знаменитый поэтъ и историкъ, родился въ 1790 г., ум. въ 1869 г.

[6]) Доминикъ-Франсуа Араго, род. въ 1786 г., ум. въ 1853 г.

[7]) Род. въ 1803 г.

[8]) Знаменитый адвокатъ, род. въ 1796 г.

[9]) Род. въ 1808 г.

Задачи временного правительства превышали силы людей, даже болѣе способныхъ въ политическомъ отношенiи, чѣмъ тѣ, изъ коихъ оно составилось. Организовать *демократiю* въ странѣ, только что вышедшей изъ условiй высокаго ценза, приступить къ рѣшенiю *соцiальнаго вопроса* средствами правительства, не имѣвшаго еще прочнаго положенiя ни внутри, ни внѣ государства — таковы были двѣ главныя задачи. Ихъ было достаточно для поглощенiя всѣхъ силъ правительства, дѣйствовавшаго среди ожесточенной борьбы партiй.

Монархiя Людовика-Филиппа была свергнута неожиданно; столь же неожиданно поставленъ былъ вопросъ о новой формѣ правленiя. Толпы народа, вторгавшiяся въ залу палаты депутатовъ, требовали республики. Но воля одной части парижскаго населенiя вмѣстѣ съ волей части депутатовъ не могла быть признана за волю нацiи, особенно при установленiи демократической республики. Самъ Ламартинъ, игравшiй такую роль въ эти дни, требовалъ учрежденiя правительства, которое не „предрѣшало бы ничего" [1]). Но временное правительство, засѣдавшее въ ратушѣ (hôtel de ville) было осаждено толпами, только что совершившими переворотъ; съ угрозами требовали онѣ немедленнаго провозглашенiя республики.

Временное правительство, составлявшее прокламацiю къ народу, послѣ тщетныхъ попытокъ къ соглашенiю, помѣстило, наконецъ, въ прокламацiю фразу: „временное правительство *хочетъ* республики (veut la république), подъ условiемъ утвержденiя ея народомъ, который немедленно будетъ спрошенъ".

Эта оговорка тотчасъ же сдѣлалась излишнею. Прокламацiя къ армiи, изданная въ тотъ же день. начиналась словами: „Французская Республика". 26-го, у подножiя iюльской колонны, правительство, именемъ французскаго народа, объявило, что монархiя, въ какой бы то ни было формѣ, отмѣнена навсегда.

„Странѣ" осталось только „утвердить" рѣшенiе, принятое въ Парижѣ, и выбрать „учредительное собранiе", которое облекло бы республику въ конституцiонныя формы. Декретъ временного правительства призвалъ страну къ этому дѣлу, провозгласивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *прямую и всеобщую подачу голосовъ* (suffrage universel). Статья 5 декрета постановляла, что *всѣ* французы, достигшiе 21 года, жительствующiе въ теченiе полугода въ общинѣ, неограниченные, по судебному приговору, въ своихъ гражданскихъ правахъ, имѣютъ право *быть избирателями;* право *быть избранными* дано всѣмъ фран-

[1]) „Я требую учрежденiя временного правительства, которое не предрѣшало бы ничего (qui ne préjuge rien), ни относительно нашихъ правъ, ни нашихъ неудовольствiй, ни нашихъ симпатiй къ *окончательному* правительству, которое странѣ угодно будетъ дать себѣ, когда она будетъ спрошена".

цузамъ, достигшимъ 25 лѣтъ и удовлетворяющимъ указаннымъ выше условіямъ. Другими словами, *цензъ*, во всѣхъ его степеняхъ и формахъ, былъ отмѣненъ. Учредительное собраніе должно было состоять изъ 900 депутатовъ.

Но обезпечивали ли демократическія основанія выборовъ торжество республики? Отвѣтъ на этотъ вопросъ казался сомнительнымъ самимъ членамъ временного правительства. Республика могла оказаться „безъ республиканцевъ", если не считать незначительной еще республиканской партіи, вышедшей изъ тайныхъ обществъ и клубовъ. Въ этихъ условіяхъ, такъ же какъ и послѣ 10 августа 1792 года, республиканская *диктатура* представлялась главнымъ способомъ провозглашенія республики. Принципъ диктатуры нашелъ рѣшительнаго представителя въ лицѣ Ледрю-Роллена, взявшаго на себя министерство внутреннихъ дѣлъ.

По преданію, темпераменту и отчасти изъ подражанія, Ледрю-Ролленъ явился представителемъ якобинскихъ принциповъ, въ томъ числѣ всевластія центральнаго правительства и его агентовъ въ дѣлѣ утвержденія республиканской формы правленія. Послѣ 24 февраля, большинство прежнихъ префектовъ и подпрефектовъ было удалено или подало въ отставку; на смѣну имъ явилась толпа „коммиссаровъ" правительства, полномочія которыхъ, по толкованію Ледрю-Роллена, были *неограниченны*. „Неограниченность" полномочій не повела, конечно, къ возобновленію актовъ, создавшихъ такую дурную славу „коммиссарамъ" національнаго конвента. Но она привела къ сильнѣйшему разстройству всей административной машины, увеличившему общее смятеніе. Сверхъ того, Ледрю-Ролленъ ясно выразилъ намѣреніе воспользоваться „полномочіями" коммиссаровъ для давленія на предстоявшіе выборы [1]). Министръ народнаго просвѣщенія, Карно, обратился съ подобнымъ же циркуляромъ къ учителямъ народныхъ школъ, приглашая ихъ образовывать „новыхъ людей" для республики.

Впечатлѣніе, произведенное такими циркулярами на общество,

---

[1]) Циркуляръ 12 марта свидѣтельствуетъ о несчастномъ стремленіи, отъ котораго до сихъ поръ не освободилась французская демократія — утверждать „свободу" посредствомъ насилія.

„Выборы", писалъ Ледрю-Ролленъ своимъ коммиссарамъ, „ваша великая задача: отъ состава національнаго собранія зависитъ наша судьба. *Нужно, чтобы оно было одушевлено революціоннымъ духомъ*: иначе мы прійдемъ къ междоусобной войнѣ и къ анархіи (?). Знайте, что для того, чтобы добиваться чести засѣдать въ національномъ собраніи, *нужно быть чистымъ отъ всѣхъ преданій прошлаго*. Да будетъ вашимъ девизомъ: *вездѣ новые люди*, по возможности, вышедшіе изъ народа. *Просвѣщайте избирателей*; вы понимаете, какъ велика ваша задача; *политическое воспитаніе народа не совершено*: вы должны руководить имъ". Революціонное воспитаніе, руководимое правительственными коммиссарами!

было чрезвычайно тягостно. Ламартинъ, отъ имени временного правительства, поспѣшилъ заявить, что оно никого не уполномочивало говорить съ націею; что оно не намѣрено подражать правительствамъ, узурпировавшимъ народное самодержавіе и развращавшимъ избирателей; что оно желаетъ „царства общественнаго сознанія“ [1]). „Имѣйте“, восклицалъ онъ, „довѣріе къ здравому смыслу страны; дайте ей свободу, и она пришлетъ вамъ республику!“

Какъ ни успокоителенъ казался манифестъ Ламартина, но онъ обнаружилъ предъ страной раздоры, происходившіе въ средѣ правительства, по принципамъ существенной важности. Они не замедлили обнаружиться по вопросамъ, еще важнѣйшимъ. Демократическая, *трехцвѣтная* республика столкнулась, какъ мы видѣли, съ республикою соціальною, *красною*. На многихъ баррикадахъ, въ томъ числѣ въ улицѣ С. Дени, крайняя партія, принадлежавшая къ обществу „правъ человѣка“, выставила *красное* знамя, какъ символъ новыхъ общественныхъ требованій, какъ стягъ „четвертаго сословія“. Временное правительство, провозглашая республику, удержало трехцвѣтное знамя. Инсургенты, возбужденные прокламаціею Бланки [2]), съ угрозами требовали отъ правительства его принятія. Ламартину удалось остановить толпу остроумной выходкой [3]). Но въ средѣ самого правительства Луи Бланъ и Альберъ настояли, чтобы кокарда на знамени была красная и чтобы члены временного правительства носили красныя розетки „въ знакъ соединенія (?) и благодарности за послѣднее дѣйствіе народной революціи“, какъ сказано было въ *Монитёръ*.

Споръ о „знамени“ и „розеткахъ“ прикрывалъ, конечно, болѣе существенные вопросы. Соціальный вопросъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей революціи 1848 г.; рабочіе шли на баррикады не для того, чтобы отдать министерскій портфель Одилону Барро: представитель теоріи „организаціи труда“ былъ теперь членомъ временного правительства, и послѣднее, вооруженное средствами власти, могло, казалось, приступить къ рѣшенію соціальнаго вопроса государственными мѣрами.

Подъ давленіемъ вооруженной толпы рабочихъ и подъ диктовку

---

[1]) „Le gouvernement veut que la conscience publique règne“.

[2]) Заключеннаго въ тюрьму за возстаніе 1839 г. (см. стр. 665) и освобожденнаго революціею.

Прокламація была обращена къ „временному правительству“, осуждала его за возстановленіе трехцвѣтнаго знамени и оканчивалась объявленіемъ, что „побѣдоносный народъ не сдастъ своего флага“.

[3]) „Трехцвѣтное знамя“, сказалъ онъ, „обошло побѣдоносно весь свѣтъ, а красное—одно Марсово поле, влачимое въ грязи и въ крови“.

Луи Блана, временное правительство составило и обнародовало (25 февраля) манифестъ къ рабочимъ, преисполненный самыхъ пышныхъ обѣщаній.

„Правительство обязуется (s'engage)", говорилось здѣсь, „обезпечить существованіе рабочаго трудомъ; оно обязуется доставить работу всѣмъ гражданамъ (!)". Рабочіе приглашались составлять промышленные союзы, для пользованія прибылями своего труда (pour jouir du bénéfice de leur travail). Въ заключеніе, правительство объявляло, что оно отдаетъ (rend) рабочимъ милліонъ, остающійся отъ королевскаго содержанія.

Этихъ заявленій было достаточно для возбужденія въ рабочихъ массахъ самыхъ несбыточныхъ надеждъ. Но, какъ бы для поддержанія постоянной агитаціи правительственными средствами, временное правительство устроило особую коммиссію, подъ именемъ „правительственной коммиссіи для рабочихъ" [1]). Луи Бланъ былъ назначенъ предсѣдателемъ, Альберъ—вице-предсѣдателемъ коммиссіи, засѣдавшей въ люксембургскомъ дворцѣ. Это и была та знаменитая люксембургская коммиссія, игравшая такую печальную роль въ социалистическомъ движеніи 1848 года, кончившемся іюньскою бойнею [2]).

Коммиссія была назначена для „изученія" рабочаго вопроса, но обстоятельства требовали нѣкоторыхъ безотлагательныхъ мѣръ. Каждый большой общественный переворотъ оставляетъ послѣ себя многія тысячи нуждающихся, оставленныхъ безъ хлѣба и работы, вслѣдствіе пріостановки дѣлъ, вызванной паникою въ торгово-промышленномъ мірѣ. Февральская революція сдѣлала то же. Правительство, „обязавшееся" дать каждому гражданину возможность жить своимъ трудомъ, естественно должно было прежде всего принять мѣры къ обезпеченію многихъ тысячъ рабочихъ, оставшихся безъ работы. По

---

[1]) „Принимая во вниманіе", говорилось въ декретѣ, „что революція, совершенная народомъ, должна быть сдѣлана *для него*, что настало время положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ, и т. д.... правительство декретируетъ: будетъ назначена постоянная коммиссія для рабочихъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ заняться ихъ участью".

„Чтобы показать, какую важность временное правительство придаетъ разрѣшенію этой задачи, оно назначаетъ предсѣдателемъ этой коммиссіи одного изъ своихъ членовъ, г. Луи Блана, ея президентомъ, а другого своего члена, г. Альбера, рабочаго, вице-президентомъ. Коммиссія будетъ засѣдать въ люксембургскомъ дворцѣ" (прежде здѣсь засѣдала палата пэровъ).

[2]) Должно замѣтить, что, по показаніямъ Араго, люксембургская коммиссія была учреждена правительствомъ, чтобы удалить Луи Блана изъ своей среды и дать ему „особое занятіе". Если это справедливо, то расчетъ оказался невѣренъ. Одилонъ Барро, ук. соч., II, стр. 57 и слѣд. Барро былъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи, въ которой Араго давалъ свои показанія.

формѣ своей, правительственная помощь должна была соотвѣтствовать началамъ „организаціи труда“ и принципамъ „права на трудъ“. Опытомъ примѣненія этихъ началъ и явились знаменитыя „національныя мастерскія“.

Учрежденіе ихъ не было дѣломъ Луи Блана. Онѣ были устроены декретомъ временного правительства, поручившаго ихъ организацію министру публичныхъ работъ Мари. Въ глазахъ самого правительства, „мастерскія“ являлись мѣрою временною, формою общественной помощи. Но тѣмъ опаснѣе было ихъ учрежденіе. Неразумно дѣлать изъ мѣры *временной* опытъ примѣненія общихъ принциповъ, особенно такихъ спорныхъ, какъ „право на трудъ“. Вдвойнѣ неосторожны предпріятія, въ коихъ смѣшаны начала разнородныя: принципы „организаціи труда“ съ началами *благотворительности*. „Національныя мастерскія“ не были способомъ организаціи труда, потому что правительство само не знало, чѣмъ занять десятки тысячъ рабочихъ рукъ, коимъ были даны „тачки, заступы и лопаты“; онѣ не были и формою благотворительности, потому что поступленіе въ нихъ и полученіе задѣльной платы разсматривалось, какъ *право* нуждающихся гражданъ. Въ итогѣ онѣ не сдѣлались средствомъ помощи дѣйствительно нуждающимся, но способомъ отвлеченія рабочихъ изъ фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній. Фактически даровое вознагражденіе естественно предпочиталось задѣльной платѣ за дѣйствительный трудъ. Конечно, это не было средствомъ оживленія промышленности, безъ того переживавшей тяжелый кризисъ. Затѣмъ толпы рабочихъ, собранныхъ въ мастерскихъ и невольно праздныхъ, являлись не только средствомъ соціалистической агитаціи, исходившей изъ люксембургскаго дворца, но, какъ показали послѣдствія — ея боевою силою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертвою, такъ какъ эти толпы, подавленныя нуждой, легковѣрныя и воспламененныя страстною агитаціею, были, наконецъ, подведены подъ картечь въ печальные іюньскіе дни.

Временное правительство съ величайшимъ трудомъ выходило изъ затрудненій, дѣлая уступки, лавируя и оттягивая время до созыва національнаго собранія. Были минуты, когда его существованію грозила опасность. Такъ, 16 апрѣля 1848 г., „клубъ клубовъ“ (т.-е. делегаты всѣхъ революціонныхъ клубовъ) устроилъ манифестацію съ цѣлью ниспроверженія временного правительства и устройства комитета общественнаго спасенія. Мѣры, принятыя Ламартиномъ, и поддержка національной гвардіи спасли правительство; 20-го былъ произведенъ торжественный смотръ многочисленной національной гвардіи, привѣтствовавшей теперь правительство (особенно Ламартина) и восклицавшей à bas le communisme.

Настроеніе національной гвардіи предвѣщало исходъ выборовъ въ „учредительное собраніе“. Самъ городъ Парижъ далъ большинство своихъ голосовъ людямъ умѣренныхъ мнѣній. Въ другихъ мѣстахъ, несмотря на насильственныя иногда дѣйствія соціальныхъ демократовъ, вызвавшія вмѣшательство военной силы (напримѣръ, въ Руанѣ), восторжествовали также представители умѣренныхъ партій. Знаменательно было, что въ числѣ партій, снова выступившихъ на политическое поприще, были *легитимисты*; послѣ долгаго отсутствія, въ палатѣ появились представители старыхъ фамилій и духовные—епископы, священники и монахи. Suffrage universel далъ имъ около $^1/_4$ голосовъ въ учредительномъ собраніи. Другая четверть принадлежала крайней и соціально-демократической партіи, немедленно назвавшейся, по преданію, „Горой“. Голоса другой половины распредѣлялись между представителями умѣренной республики и сторонниками конституціонной монархіи. Таковъ былъ составъ учредительнаго собранія, открывшагося, наконецъ, 4 мая 1848 года. Условія, въ которыхъ оно призвано было дѣйствовать, объясняютъ, почему Франція не могла принять активной роли въ событіяхъ революціи, распространившейся теперь во всей Европѣ.

IV. Конечный исходъ февральской революціи въ Парижѣ былъ еще впереди. Но февральскіе дни, вмѣстѣ съ январскими днями въ Палермо и въ Неаполѣ, открывали, казалось, новую эру общественной и политической жизни Европы. Неотразимо было впечатлѣніе, производимое декретами „временного правительства“ и торжественною обстановкою нарождавшейся республики, не только демократической, но и соціальной. Послѣ „февральскихъ дней“ въ Парижѣ, настали „мартовскіе дни“ для Германіи, Австріи и Италіи.

Въ Германіи, съ неудержимою силою, прорвалось *два* долго сдерживавшихся движенія: общенаціональное, имѣвшее цѣлью единство Германіи, и мѣстныя, направленныя къ политической свободѣ. Оба движенія были нераздѣльно связаны и являлись дѣломъ однѣхъ и тѣхъ же партій.

Еще 12 февраля 1848 года, оппозиціонный депутатъ баденской палаты, Бассерманъ (1811—1855 гг.), внесъ въ палату предложеніе: „создать чрезъ *представительство германскаго народа* при союзномъ сеймѣ вѣрное средство для осуществленія общаго законодательства и общихъ учрежденій“. Потребовать дополнительнаго учрежденія, въ видѣ общенаціональнаго представительства при сеймѣ, состоявшемъ единственно изъ уполномоченныхъ отъ правительства (см. выше), значило одновременно указать на больную сторону союзнаго устройства и на средство реформы.

Послѣ февральской революціи, 27 февраля, Генрихъ Гагернъ

внесъ въ гессенскую палату предложеніе, требовавшее уже сосредоточенія права внѣшнихъ сношеній и воинской власти въ рукахъ центральнаго правительства, общаго законодательства по нѣкоторымъ вопросамъ и избранія общаго главы союза.

Эти планы предполагалось осуществить путемъ конституціоннымъ, т.-е. путемъ соглашенія правительства и народныхъ представителей. Но рядомъ съ преобразовательными попытками, въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи началось *революціонное движеніе*; требованія его вождей были радикальнѣе, и имъ должны были подчиниться руководители конституціонной оппозиціи. Съ точки зрѣнія революціонной партіи, устройство Германіи долженствовало быть создано актомъ народной воли и основано на принципѣ народнаго верховенства. Слѣдовательно, его должно было обсудить собраніе, поставленное внѣ правительствъ и выше ихъ, въ качествѣ представителя общенароднаго полновластія. Въ этомъ духѣ и началось преобразовательное движеніе; этимъ же обусловливалось первое затрудненіе для людей, взявшихся за преобразованіе Германіи.

На первый разъ все, повидимому, благопріятствовало успѣху плана. Народное движеніе побудило баденское правительство даровать свободу печати, ввести судъ присяжныхъ, учредить національную гвардію и согласиться на общегерманскій парламентъ. Подобныя же движенія произошли въ другихъ мелкихъ государствахъ и привели къ аналогическимъ результатамъ; реакціонныя министерства были смѣщены и составленіе новыхъ поручено оппозиціоннымъ депутатамъ—Рёмеру въ Виртембергѣ [1]), Эбергарди и Випперману въ Кургессенѣ [2]), Стюве въ Ганноверѣ [3]) и Генриху Гагерну въ Гессенѣ [4]). Затѣмъ революціонныя движенія подготовлялись въ двухъ главныхъ державахъ Германіи и, наконецъ, разразились въ Вѣнѣ 13-го марта и въ Пруссіи 17-го марта 1848 года. Въ Баваріи исходъ дѣла былъ наиболѣе плачевенъ. Старый король увлекся до самозабвенія извѣстною танцовщицею Лолою Монтесъ, которая пріобрѣла рѣшительное вліяніе не только на особу короля, но даже на государственное управленіе. Какъ ни уступчиво было министерство Абеля, но и его терпѣніе истощилось. Послѣ непродолжительной борьбы съ Лолою, ставшею теперь графинею Ландсфельдъ, оно было удалено

---

[1]) Фридрихъ Рёмеръ (1794—1864 г.) сдѣланъ министромъ юстиціи въ маѣ 1848 года.

[2]) Мартъ 1848 года.

[3]) Карлъ-Бертрамъ Стюве (1798—1872 г.) призванъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ мартѣ 1848 года.

[4]) Въ мартѣ 1848 года.

и пріобрѣло неожиданную популярность [1]). Новое министерство вооружило противъ себя всѣхъ. Открытый мятежъ заставилъ графиню бѣжать, а 20-го марта 1848 года король отказался отъ престола. Такимъ образомъ, будущее національное собраніе пока могло дѣйствовать свободно. Каждому отдѣльному государству было брошено на руки революціонное движеніе, которое въ главномъ центрѣ реакціонной политики, въ Австріи, принимало грозные размѣры. Конечно, не въ слабомъ сеймѣ могло оно ожидать оппозиціи. Еще 1-го марта перепуганный сеймъ издалъ прокламацію, преисполненную самоосужденія, съ одной, и пышныхъ обѣщаній, съ другой стороны. Постановленіемъ 3-го марта 1848 года „разрѣшено" было союзнымъ правительствамъ отмѣнить цензуру, провозглашена необходимость общенаціональныхъ герба и цвѣтовъ и признана настоятельность *ревизіи союзной конституціи* на дѣйствительно современныхъ и національныхъ основахъ. 10-го марта къ правительствамъ отправлено приглашеніе прислать 17 [2]) довѣренныхъ лицъ (Vertrauensmänner) для составленія проекта новыхъ учрежденій.

Таково было положеніе вещей, когда 5-го марта въ Гейдельбергѣ сошлись (въ числѣ 51) оппозиціонные члены разныхъ палатъ для обсужденія способовъ преобразованія конституціи волею германскаго народа. Было принято рѣшеніе созвать довѣренныхъ людей отъ всѣхъ германскихъ племенъ для предварительнаго совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія было возложено на комитетъ изъ семи лицъ. Комитетъ разослалъ приглашеніе къ бывшимъ и дѣйствительнымъ членамъ палатъ и земскихъ чиновъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, занимавшимъ общественныя должности; въ то же время, Максъ Гагернъ съ графомъ Лербахомъ начали объѣздъ германскихъ дворовъ, съ цѣлью привести ихъ къ соглашенію относительно будущаго парламента и федеративнаго устройства. Въ однихъ мѣстахъ Гагернъ получилъ согласіе, въ другихъ не встрѣтилъ сопротивленія.

31-го марта во Франкфуртѣ, въ церкви св. Павла, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго криминалиста Миттермайера [3]), открылись засѣданія этого предварительнаго парламента (Vorparlament). Съ юридической точки зрѣнія, положеніе его было весьма неопредѣленно. Онъ не могъ считаться представителемъ германскаго

[1]) Февраль 1847 года.

[2]) По числу голосовъ въ тѣсномъ совѣтѣ.

[3]) Родился въ 1787 г., умеръ въ 1867 году. Миттермайеръ пріобрѣлъ всемірную извѣстность, какъ профессоръ уголовнаго права въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Онъ прославился горячею проповѣдью противъ смертной казни. Достоинство его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ извѣстно всѣмъ.

народа, потому что его члены не имѣли избирательныхъ полномочій; еще менѣе былъ онъ органомъ правительственнымъ. Но въ эту минуту, конечно, менѣе всего думали и можно было думать о юридическихъ формулахъ. При неограниченной слабости правительствъ, предварительный парламентъ былъ единственною фактическою силою, составлявшею надежду всей Германіи. Онъ кончилъ свое дѣло изумительно быстро. Къ 4-му апрѣля онъ опредѣлилъ порядокъ составленія и задачу будущаго національнаго собранія. Національное собраніе имѣло состоять изъ депутатовъ, избранныхъ *всеобщею* подачею голосовъ [1]), при чемъ на 50.000 жителей полагался 1 депутатъ. Національное собраніе одно (einzig und allein) должно было рѣшить вопросъ объ устройствѣ Германіи и дать ей соотвѣтствующую конституцію. Оно должно было собраться къ 1-му мая. Для наблюденія за исполненіемъ этихъ постановленій и веденія текущихъ дѣлъ, составленъ, впредь до открытія національнаго собранія, комитетъ изъ 50 лицъ (Fünfzigerausschus). Этотъ комитетъ фактически сдѣлался на 6 недѣль не только законодательною, но и правительственною властью союза. Сеймъ, издавъ нѣсколько либеральныхъ прокламацій, не подавалъ болѣе признаковъ жизни. „Довѣренные люди“ кончили свой проектъ союзнаго устройства (26-го апрѣля), но это не имѣло никакихъ послѣдствій.

Положеніе дѣлъ усложнялось съ каждымъ днемъ. Скорѣйшее собраніе германскаго парламента было необходимо, потому что иначе онъ рисковалъ столкнуться еще съ бо̀льшими затрудненіями. Собраніе, опирающееся на революціонный принципъ, вынуждено пользоваться, такъ сказать, медовымъ мѣсяцемъ движенія, когда требованія исключительныхъ сторонниковъ революціоннаго начала не дошли до крайности и слишкомъ продолжительная анархія не вызываетъ неизбѣжной реакціи. Между тѣмъ, сборы парламента были слишкомъ продолжительны. Вмѣсто того, чтобы собраться 1-го мая, какъ было назначено, онъ собрался, и то не въ полномъ числѣ, лишь къ 18-му мая.

Въ теченіе этого времени успѣли обнаружиться многіе симптомы угрожающаго свойства. Радикальная партія, находя постановленія предварительнаго парламента слишкомъ умѣренными и настаивая на необходимости немедленнаго провозглашенія „соціально-демократической“ республики, возбудила мятежъ въ Баденскомъ Оберландѣ. Геккеръ и Струве сформировали вольные отряды, къ которымъ присоединились нѣмецкіе рабочіе, бѣжавшіе изъ Франціи. Союзныя войска должны были подавить мятежъ силою. Битвы при Кандернѣ

---

[1]) Безъ всякаго стѣсненія цензомъ и условіями вѣроисповѣданія.

и Доссенбахѣ разсѣяли мятежниковъ и на время подавили революціонныя силы [1]). Двѣ главныя германскія державы были, правда, слишкомъ заняты своими внутренними смутами, но эти движенія грозили перейти въ полную и продолжительную анархію.

V. Въ Австріи революціонное движеніе началось 13-го марта. Столичная учащаяся молодежь и толпа народа шумно потребовали различныхъ конституціонныхъ гарантій. Руководители движенія вошли въ сношеніе съ извѣстнымъ венгерскимъ патріотомъ Кошутомъ, который, организовавъ революціонное движеніе въ Венгріи, 15 марта, прибылъ въ Вѣну. Меттернихъ бѣжалъ въ Англію. Министерство [2]), не желая созывать требуемаго учредительнаго собранія, присовѣтовало императору издать отъ себя императорскую конституцію (25 апрѣля). Въ то же время оно сообщило сейму свой рѣшительный отказъ на устройство германской федераціи, приступить къ которой „не дозволяли разнообразные интересы земель австрійской монархіи“ (21 апрѣля). Для поддержанія порядка оно прибѣгнуло къ репрессивнымъ мѣрамъ, вызвавшимъ новое возстаніе, заявлявшее рѣшительныя демократическія требованія (15 мая). Императоръ бѣжалъ 17 мая въ Инсбрукъ.

Революція въ Вѣнѣ дала сигналъ другимъ землямъ австрійской монархіи къ предъявленію своихъ требованій. Конституція 25 апрѣля, либеральная въ своихъ формахъ, не могла удовлетворить страны австрійской короны, такъ какъ она установляла общее для нихъ представительство (кромѣ земель короны венгерской). Въ этомъ видѣ, она неизбѣжно сдѣлалась бы орудіемъ централизаціонныхъ *нѣмецкихъ* стремленій. Богемія первая почувствовала эту опасность.

Опасность грозила „коронѣ св. Вячеслава“ съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, Австрія входила въ составъ германскаго союза, какъ съ своими нѣмецкими землями [3]), такъ и съ славянскими: Богеміей, Моравіей и Силезіей. Теперь, когда „предварительный парламентъ“ возвѣстилъ преобразованіе германскаго союза, согласно требованіямъ *нѣмецкой народности,* для Богеміи открывалась роковая для славянскаго племени перспектива войти въ составъ возрожденной нѣмецкой имперіи. Комитетъ 50 (см. выше), признавая Богемію

---

[1]) Въ битвѣ при Кандернѣ былъ убитъ Фридрихъ Гагернъ, братъ Генриха, командовавшій правительственными войсками.

[2]) Новое министерство было составлено, 17-го марта, слѣдующимъ образомъ: Графъ Коловратъ—президентъ совѣта министровъ; графъ Фикельмонъ—минист. иностранныхъ дѣлъ; Пиллерсдорфъ (душа кабинета)—минист. внутреннихъ дѣлъ; баронъ Кюбекъ—минист. финансовъ; графъ Таафе—минист. юстиціи.

[3]) Эрцгерцогство Австрія, герцогства Штирія, Каринтія, графство Тироль и другія.

и Моравію составною частью будущей имперіи, прислалъ знаменитому Палацкому приглашеніе участвовать въ его работахъ. Палацкій, письмомъ, исполненнымъ достоинства и высокаго патріотизма, отклонилъ эту честь [1]); онъ былъ, сверхъ того, убѣжденъ въ необходимости австрійской монархіи для интересовъ славянскихъ народностей, подъ условіемъ ихъ мѣстной автономіи.

Еще за два дня до вѣнской революціи, либеральная партія гереаl'я представляла свои желанія относительно соединенія подъ общимъ управленіемъ Богеміи, Моравіи и Силезіи, улучшенія быта крестьянъ и національной реформы школъ. Подъ вліяніемъ вѣнской революціи, вызвавшей сильное движеніе въ Прагѣ, императору была представлена новая петиція, ходатайствовавшая о возстановленіи правъ короны св. Вячеслава, соединеніи Богеміи, Моравіи и Силезіи, учрежденіи общаго сейма въ Прагѣ, установленіи общаго отвѣтственнаго министерства и признаніи равноправности нѣмецкой и чешской національностей.

Австрійское правительство, находившееся въ данную минуту въ затруднительномъ положеніи, приняло депутацію довольно благосклонно. Правда, рѣшеніе существеннаго вопроса о соединеніи земель „короны св. Вячеслава“ было отложено. Но депутаціи было обѣщано созваніе учредительнаго сейма, избраннаго прямою и всеобщею подачею голосовъ, и возстановленіе разныхъ національныхъ учрежденій (8 апрѣля 1848 г.). Чешскіе славяне были обнадежены въ своихъ стремленіяхъ и ожидали своего возрожденія отъ будущаго сейма, какъ внезапно октроированная конституція 25 апрѣля указала имъ на другую опасность: отъ централизаторскихъ стремленій австрійскихъ нѣмцевъ, поддерживаемыхъ симпатіями чешскихъ нѣмцевъ, мечтавшихъ теперь о сліяніи съ „велико-германскимъ“ отечествомъ. Неудачный опытъ „всеславянскаго съѣзда“ (см. ниже) долженъ былъ служить отвѣтомъ на пангерманскія притязанія, исходившія какъ изъ Франкфурта, гдѣ засѣдалъ первый обще-германскій парламентъ, такъ и изъ Вѣны.

---

[1]) „Ваша цѣль“, писалъ онъ комитету, „поставить федерацію народовъ на мѣсто прежней федераціи государей, привести нѣмецкую націю къ дѣйствительному единству, усилить національное нѣмецкое чувство и обезпечить величіе Германіи внутри и во внѣ. Я уважаю эти усилія и чувства, ихъ внушающія, *но именно поэтому я* не могу къ нимъ присоединиться... Я чехъ, происхожденія славянскаго, и то малое, чего *я* стою, принадлежитъ нераздѣльно моему народу. Эта нація, конечно, мала, но она съ самаго своего начала образуетъ *историческую личность;* ея государи вступили въ среду монарховъ нѣмецкихъ, но народъ никогда не считалъ себя нѣмецкимъ“...

Національный франкфуртскій парламентъ подтвердилъ дальновидность Палацкаго, вотировавъ благодарность Виндишгрецу за бомбардировку Праги (см. ниже).

Венгрія была поставлена въ лучшее положеніе. Ея историческія права издавна были признаны. Затрудненія, въ которыя было поставлено австрійское правительство, обезпечивало мадьярамъ возможность новыхъ уступокъ. Сильная сознаніемъ своего превосходства, либеральная венгерская партія доброжелательно пока относилась къ аналогическимъ требованіямъ въ другихъ земляхъ Австріи. Коштутъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ вѣнскими демократами. Сеймъ, руководимый теперь представителями либеральныхъ партій и поддерживаемый народными демонстраціями, могъ приступить къ многочисленнымъ преобразованіямъ. Требованія либеральныхъ партій выразились въ адресѣ 15 марта, содержавшемъ въ себѣ програму реформъ.

Требованія либеральной оппозиціи клонились къ одной общей цѣли: къ преобразованію старо-сословнаго строя Венгріи въ формы новой конституціонной монархіи, которыя обезпечивали бы также и самостоятельность мадьярской народности. Для достиженія этой цѣли представлялись необходимыми, во-первыхъ, измѣненія общественнаго строя, въ духѣ равноправности сословій; во-вторыхъ, новыя гарантіи личной и общественной свободы; въ-третьихъ, расширеніе правъ сейма.

Правительство уступило представленіямъ; главные пункты программы были осуществлены въ цѣломъ рядѣ законовъ, вотированныхъ сеймомъ въ сессію 1848 года.

Барщины (Robot), натуральныя и денежныя повинности, лежавшія на крестьянахъ, были отмѣнены „на вѣчныя времена", подъ условіемъ вознагражденія владѣльцевъ, поскольку они имѣли на то право; право вотчиннаго суда отмѣнено, съ замѣною его, впредь до изданія новаго закона, юрисдикціею окружнаго судьи (Stuhlrichter) по дѣламъ гражданскимъ и по дѣламъ уголовнымъ судовъ комитатскихъ (Comitats-Gerichtsstühle) [1]. Десятый законъ той же сессіи регулировалъ права по сервитутамъ; тринадцатый законъ отмѣнилъ *церковныя десятины*, безъ вознагражденія, въ виду того, что духовенство добровольно отказалось отъ нихъ. Наконецъ, государственныя повинности распространены одинаково на всѣхъ жителей Венгріи и „связанныхъ съ нею земель".

Главнѣйшими *политическими* законами явились законы: 1) о народномъ представительствѣ, и 2) объ отвѣтственномъ венгерскомъ министерствѣ.

Четвертый законъ 1848 года опредѣлялъ срокъ и порядокъ созванія сейма. Постановлялось, что послѣдній долженъ быть созы-

[1]) IX законъ сессіи 1847—48 г.

ваемъ каждый годъ; представители избираются на три года. Королю предоставлялось право пророгаціи сессій и роспуска сейма, но съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ созванъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Бюджетъ долженъ быть вотируемъ ежегодно, и сеймъ не могъ быть распущенъ прежде вотированія росписи [1]). Королю предоставлено назначать президента и вице-президента палаты магнатовъ (förendi tabla) изъ числа ея членовъ; но палата депутатовъ (képviselök tàbloja) получила право избирать своего предсѣдателя и его товарища [2]).

Пятый законъ 1848 года установлялъ новыя правила относительно основаній народнаго представительства и выборовъ. Не имѣя намѣренія нарушить законно-пріобрѣтенныя права, уставъ 1848 года оставилъ избирательныя права тѣмъ, кто пользовался ими, по прежнимъ законамъ, въ комитатахъ и „вольныхъ городахъ". Но затѣмъ онъ предоставилъ ихъ всѣмъ жителямъ королевства, которые, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста и не будучи ограничены въ своихъ правахъ за преступленія: 1) владѣютъ въ городахъ домомъ или участкомъ цѣною въ 300 флор., а въ прочихъ общинахъ опредѣленнымъ участкомъ лично или совмѣстно съ женою или съ несовершеннолѣтними дѣтьми; 2) отправляютъ самостоятельный промыселъ, при помощи по крайней мѣрѣ одного подмастерья; 3) если они, не принадлежа къ этимъ классамъ, получаютъ съ недвижимаго или съ движимаго имущества доходъ въ 100 флор.; 4) *безъ условій ценза,* право голоса предоставлено лицамъ, получившимъ высшее образованіе, и учебныхъ профессій. *Пассивное* право (быть избраннымъ) предоставлено лицамъ, достигшимъ 24 лѣтъ и владѣющимъ *венгерскимъ языкомъ.*

Такимъ образомъ, за исключеніемъ четвертой категоріи, для всѣхъ избирателей установленъ былъ цензъ; но и при этихъ условіяхъ, число избирателей было доведено до 1.200.000.

Измѣняя *устройство* сейма, новые законы измѣняли и его отношенія къ королю. Конституціонное начало, въ силу котораго монархъ отправляетъ свою власть чрезъ *отвѣтственное* предъ палатами министерство, было положено въ основаніе третьяго закона той же сессіи. Провозглашая личность короля священною и неприкосновенною, законъ опредѣлялъ, что монархъ отправляетъ исполнительную власть чрезъ отвѣтственное министерство, имѣющее пребываніе въ Буда-Пештѣ. Вѣдѣнію министерства предоставлены всѣ дѣла, до

[1]) Послѣднее постановленіе измѣнено въ 1867 году.

[2]) До 1848 года, предсѣдательство въ палатѣ „сословій" принадлежало президенту верховнаго суда (kiràlyi tabla), члены котораго ex officio засѣдали въ этой палатѣ.

сихъ поръ подлежавшія вѣдѣнію королевской венгерской канцеляріи (въ Вѣнѣ), намѣстническаго совѣта [1]) и королевскаго казначейства. Сверхъ того, постановлялось, что при особѣ короля долженъ постоянно находиться министръ, участвующій, подъ своею отвѣтственностью, въ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, касающихся Венгріи.

Указанные политическіе законы являются въ настоящее время (послѣ 1867 г.) основными законами королевства [2]). Но событія революціи и реакціи на много лѣтъ пріостановили ихъ дѣйствіе, равно какъ и дѣйствіе самой венгерской конституціи. Въ медовые мѣсяцы 1848 г., все, однако, предвѣщало имъ долговѣчность. Фердинандъ I не только утвердилъ указанные законы, но и назначилъ первое венгерское министерство подъ президентствомъ либеральнаго графа Батьяни [3]). Въ составъ его вошли вожди умѣренно-либеральной и радикальной оппозицій: Деакъ (юстиція), Сечени (публичныя работы), извѣстный литераторъ и публицистъ Этвешъ (народное образованіе), Кошутъ (финансы).

VI. Но перерожденіе венгерской монархіи встрѣтило неожиданныя препятствія въ другихъ ея народностяхъ. Патріотическія чувства венгровъ и чуткое пониманіе интересовъ своей національности совмѣщались съ тѣмъ высокомѣріемъ относительно другихъ національностей, отъ котораго они не излѣчились до настоящаго времени. Хорвато-словены въ Кроаціи, румыны въ Трансильваніи, сербы и словаки въ самой Венгріи видѣли, какъ развитіе политической свободы въ этой странѣ являлось средствомъ упрочить за мадьярами права господствующей народности, навязывающей свой языкъ народностямъ славянскимъ и румынскимъ. Уже въ самомъ пештскомъ сеймѣ хорватскій депутатъ Ожеговичъ защищалъ особыя права своей родины противъ венгерскихъ притязаній. Образованіе венгерскаго министерства грозило хорвато-сербамъ централизаціею и мадьяризаціею.

Юго-славяне противупоставили венгерской программѣ 15 марта свою программу, выработанную Гаемъ и Кукульевичемъ. Программа тотчасъ была разослана по всѣмъ жупаніямъ (комитатамъ). Для руководства народнымъ движеніемъ былъ образованъ комитетъ, во главѣ котораго стояли Гай, Враницапій и Кукульевичъ. Затѣмъ 25

[1]) Должность палатина (Nàdor) была удержана закономъ 1848 года; но фактически она утратила свое значеніе и, при возстановленіи венгерской конституціи въ 1867 году, упразднена.

[2]) Конечно, съ извѣстными измѣненіями.

[3]) Графъ Людовикъ Батьяни (Batthyany), род. въ 1809 году. Съ 1840 года въ палатѣ магнатовъ отличался въ рядахъ оппозиціи. Въ январѣ 1849 года былъ арестованъ Виндишгрецомъ (см. ниже) и разстрѣлянъ (6 октября).

марта главные вожаки хорватскаго движенія собрались въ Загребѣ для обсужденія своихъ нуждъ. Настоятельнѣйшею изъ нихъ было признано немедленное возстановленіе, по старому праву, должности кроатскаго бана. По предложенію Гая положено ходатайствовать о назначеніи на эту должность Іелачича. Послѣ того Кукульевичъ прочелъ собранію „требованія хорватскаго народа“. Они не имѣли цѣлью разорвать связь между „тріединымъ королевствомъ“ и Венгріею, но въ нихъ содержались желанія большей мѣстной автономіи. Общими дѣлами государства признавались единственно внѣшнія сношенія, армія и финансы. Аграмскій съѣздъ соглашался посылать депутатовъ въ обѣ палаты венгерскаго сейма, но съ тѣмъ, чтобы законы, вотированные въ послѣднемъ, были утверждаемы сеймомъ аграмскимъ. „Тріединое королевство“ должно было имѣть своего архіепископа и свой высшій судъ; въ странѣ могли быть расположены только кроатскія войска. Кроація, Славонія и Далмація и Военная Граница должны быть соединены въ одно цѣлое. Венгры послали хорватамъ „братское увѣщаніе“. Отвѣтъ на него былъ написанъ Мажураничемъ, доказывавшимъ право хорватовъ на автономію и собственнаго бана, не подчиненнаго венгерскому палатину и министерству. Власть послѣднихъ, по словамъ Мажуранича, не должна переходить Дравы (пограничной рѣки).

Колеблющееся вѣнское правительство было осаждено депутаціями венгровъ и южныхъ славянъ, предъявлявшими противоположныя требованія. Но въ этомъ раздорѣ народностей правительство нашло средство выиграть время и, позднѣе, восторжествовать надъ революціею. Оно ласкало венгровъ обѣщаніями новыхъ уступокъ и, въ то же время, не отвергало требованій аграмской депутаціи. По желанію аграмскаго сейма, кроатскимъ баномъ былъ назначенъ извѣстный противникъ мадьяръ — Іосифъ Іелачичъ [1]). Всѣ попытки соглашенія между Батьяни и Кошутомъ, съ одной, и Іелачичемъ, съ другой стороны, остались безъ результата.

Кроація имѣла свою древнюю конституцію, историческое значеніе которой не уступало венгерской. Но пробужденіе національнаго духа подняло теперь и обездоленныя въ политическомъ отношеніи народности. На юго-востокѣ Венгріи, въ древней „Сирміи“, населенной, по преимуществу, сербами и сопредѣльной со старымъ Банатомъ, національныя требованія проявились съ такою же силою, какъ и въ Аграмѣ. Они скоро перешли въ возстаніе, и въ началѣ мая 1848 года, сербское собраніе, созванное въ Карловцѣ, предъявило

---

[1]) Іелачичъ-Бузимъ род. въ 1801 году, въ Петервардинѣ, ум. въ 1859 г. въ Аграмѣ.

свои требованія, состоявшія въ томъ, чтобы сербская часть Венгріи составила особое „воеводство", соединенное съ Кроаціею, чтобы права сербской народности были признаны и возстановлены должности патріарха и воеводы. Требованія сербовъ, подъ рукою, поддерживались Іелачичемъ. Инсургенты нашли способныхъ предводителей, между которыми первое мѣсто занималъ Стратимировичъ. Венгерское правительство тщетно старалось остановить возстаніе. Война въ болотистыхъ мѣстностяхъ „Сирміи" была трудна, венгерское войско было неорганизовано, волонтеры стекались къ Стратимировичу со всѣхъ сторонъ, а возвѣщенное венгерскимъ правительствомъ отрѣшеніе Іелачича [1]) не имѣло никакихъ послѣдствій.

Даже въ старинномъ оплотѣ венгерской народности—въ Трансильваніи обнаружились угрожающіе признаки. Въ началѣ 1848 г., господствующія народности этой страны, мадьяры, родственные имъ секлеры и потомки нѣмецкихъ поселенцевъ — саксы, не только поддерживали начинанія венгровъ, но и вотировали въ сеймѣ соединеніе страны съ Венгріею (30 мая). Но подавленная, хотя и сильная численностью, румынская народность [2]), значительная часть которой исповѣдуетъ православную вѣру, заявила о своихъ правахъ возстаніемъ и рядомъ требованій. Признаніе правъ румынскаго языка, равенство исповѣданій, право представительства на сеймѣ и отсрочка венгро-трансильванской уніи до удовлетворенія этихъ требованій— таковы были главные пункты румынской программы.

Венгерскому сейму, собравшемуся 5 іюня, предстояло теперь не столько развивать политическія вольности страны, сколько думать о средствахъ „подавленія возстанія" народностей, предъявлявшихъ свои права. Монархіи „св. Стефана" грозило разложеніе такъ же, какъ и коронѣ Габсбурговъ.

VII. Власть Фердинанда I была поколеблена, какъ мы видѣли выше, въ самой Вѣнѣ. Революція 13 марта заставила Меттерниха бѣжать въ Англію. Новое министерство тщетно искало выхода въ „октроированной" конституціи 25 апрѣля, никого неудовлетворившей. Фактически власть находилась въ рукахъ „центральнаго комитета",

---

[1]) Іелачичъ еще раньше (19 апрѣля) объявилъ политическую связь Кроаціи съ Венгріею уничтоженною и созвалъ такъ называемую банскую конференцію, для приготовленій по созыву *сейма*.

[2]) Численное отношеніе народностей въ Трансильваніи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

мадьяръ и секлеровъ	573.000
саксовъ	235.000
румынъ	1.200.000
другихъ народностей	107.000

студенческаго легіона и національной гвардіи; комитетъ явился не только противоправительствомъ, но и настоящею властью, опиравшеюся на революціонизированныя толпы низшихъ классовъ. Попытка министерства закрыть комитетъ кончилась бурною манифестаціею, въ которой приняло участіе болѣе 15.000 человѣкъ, осадившихъ Гофбургъ (мѣстопребываніе императора) съ требованіемъ „учредительнаго собранія", избраннаго прямою и всеобщею подачею голосовъ и образованнаго въ видѣ одной палаты. Министерство, не имѣвшее ни вооруженныхъ силъ, ни опоры въ умѣренныхъ классахъ населенія, терроризированныхъ революціонными партіями, должно было уступить. Императоръ, смущенный бурными сценами „манифестаціи", покинулъ столицу и удалился (17 мая) въ Инсбрукъ [1]).

Бѣгство императора произвело тяжелое впечатлѣніе на значительную часть вѣнскаго населенія; само революціонное правительство, повидимому, готово было на уступки. Министерство поставило распущеніе „студенческаго легіона" условіемъ возвращенія императора. Декретъ о распущеніи легіона былъ уже готовъ, какъ *третье* возстаніе (26 мая) заставило министерство не только взять назадъ декретъ и удалить изъ города войско, но и фактически предоставить власть „Комитету Безопасности", составленному изъ національныхъ гвардейцевъ, общинныхъ совѣтниковъ и студентовъ. Столица осталась, такимъ образомъ, въ рукахъ революціоннаго правительства.

Лишившееся собственной столицы, австрійское правительство было почти изгнано изъ Италіи. Вѣсть о февральской революціи въ Парижѣ быстро подняла итальянцевъ, подготовленныхъ къ возстанію событіями въ Палермо и въ Неаполѣ. Пьемонтскій король, Карлъ-Альбертъ, несмотря на всѣ свои колебанія, долженъ былъ выйти на новый путь; 4 марта 1848 г. былъ обнародованъ знаменитый „Статутъ", впослѣдствіи [2]) сдѣлавшійся конституціею итальянскаго королевства. Вслѣдъ затѣмъ, папа Пій IX, долго несоглашавшійся на преобразованія въ свѣтскомъ духѣ, долженъ былъ уступить народнымъ требованіямъ. Уже 10 марта онъ составилъ новое министерство [3]); 14 было имъ утверждена, а 15 обнародована конституція. Существенная перемѣна, внесенная ею въ государственное устройство, состояла въ томъ, что, рядомъ съ коллегіею кардиналовъ, образовано народное представительство, въ формѣ двухъ палатъ. Первая составлялась изъ пожизненныхъ членовъ, назначенныхъ папой; вторая изъ депутатовъ, избранныхъ гражданами, удовлетворяющими усло-

---

[1]) Въ Тиролѣ.

[2]) Послѣ событій 1860, 1867 и 1870 годовъ (см. ниже).

[3]) Подъ предсѣдательствомъ знаменитаго впослѣдствіи кардинала Антонелли.

віямъ возраста и ценза [1]); на 30.000 гражданъ полагался одинъ представитель. Сверхъ того, уставъ 15 марта содержалъ въ себѣ и другія постановленія, касавшіяся гарантіи личной свободы, права петицій, свободы печати, независимости судовъ и т. д. Такимъ образомъ, теократическія учрежденія папской области сочетались съ установленіями либерально-буржуазной монархіи Людовика-Филиппа.

Вездѣ итальянскіе властители или уступали народнымъ требованіямъ, или бѣжали изъ своихъ владѣній, оставляя власть въ рукахъ временныхъ правительствъ. Въ Пармѣ и Пьяченцѣ возстаніе 20 апрѣля принудило герцога Карла бѣжать, оставивъ власть въ рукахъ регентства, которому предоставлено было право „издавать законы и принимать мѣры, сообразныя съ совершающимися событіями" (20 марта). Бѣжалъ также и в. герцогъ Моденскій, устрашенный торжествомъ революціи въ Моденѣ, Реджіо, Каррарѣ и другихъ городахъ (21 марта).

Но провозглашеніе политической свободы въ отдѣльныхъ государствахъ Италіи, для итальянскихъ патріотовъ было только половиною дѣла; лучше сказать, оно было его началомъ. Нельзя было думать о единствѣ и независимости Италіи до тѣхъ поръ, пока Австрія владѣла двумя лучшими областями этой страны. „Ломбардо-венеціанское королевство" являлось опорнымъ пунктомъ австрійскаго господства на полуостровѣ; изгнаніе „тедесковъ" было главнѣйшимъ условіемъ возрожденія итальянской народности. Но „тедески" имѣли въ „Ломбардо-Венеціи" сильное войско, владѣли крѣпостями, цитаделями, арсеналами. Въ Ломбардіи во главѣ войскъ стоялъ заслуженный фельдмаршалъ Радецкій, съ увѣренностью говорившій своимъ солдатамъ, что силы мятежниковъ „разобьются о нихъ, какъ стекло о скалу". Но такова была сила народнаго движенія, что въ нѣсколько дней (съ 17 по 22 марта), возстаніе побѣдило австрійцевъ и въ Венеціи, и въ Миланѣ. Въ Венеціи народное возстаніе, руководимое Маниномъ, Томазео и другими, принудило австрійцевъ къ отступленію и заставило коменданта, графа Зичи, подписать капитуляцію (22 марта), въ силу которой австрійскіе полки обязывались очистить городъ и форты; Венеціи предоставлялись всѣ боевые запасы и касса. Венеція была объявлена республикою. Манинъ былъ избранъ президентомъ правительства [2]. Въ Миланѣ, гдѣ патріоты имѣли дѣло съ храбрымъ и искуснымъ Радецкимъ, положеніе было затруд-

---

[1]) Возрастъ 25 лѣтъ, цензъ — 300 скуди имущества *или* платежъ налога въ 12 скуди. Отъ *избираемыхъ* требовалось имущество въ 3.000 скуди *или* платежъ налога въ 100 скуди.

[2]) По странному совпаденію, послѣднимъ дожемъ Венеціи былъ также Манинъ.

нительнѣе. Но миланцы и населеніе другихъ ломбардскихъ городовъ не только одолѣли превосходныя силы австрійцевъ, но и принудили Радецкаго отступить, чтобы сосредоточить оставшіяся у него силы въ знаменитомъ „четыреугольникѣ", образованномъ главными крѣпостями Ломбардо-Венеціи [1]).

Временный успѣхъ возстанія не могъ, конечно, дать прочныхъ результатовъ безъ поддержки *всей* Италіи. Миланское временное правительство понимало это, обращаясь ко всѣмъ народамъ и правительствамъ Италіи и спеціально къ пьемонтскому королю Карлу-Альберту [2]). Послѣдній не могъ долѣе медлить. Ставъ во главѣ движенія, онъ могъ надѣяться на корону Италіи и на прекращеніе революціонныхъ движеній, грозившихъ ему въ собственномъ королевствѣ. Отказъ отъ итальянскаго дѣла грозилъ ему большими опасностями отъ собственныхъ революціонеровъ и окончательною утратою обаянія савойскаго дома въ Италіи. Моментъ для вмѣшательства въ дѣло былъ, повидимому, благопріятенъ. Ломбардія почти освободилась собственными средствами; Радецкій отступилъ; все позволяло надѣяться на дѣятельную помощь отъ другихъ итальянскихъ государствъ. Наконецъ, 23 марта, онъ издалъ свою знаменитую прокламацію къ народамъ „Ломбардіи и Венеціи", возвѣщавшую, что „судьба Италіи приспѣла" и что Богъ, давшій Италіи Пія IX, даетъ ей возможность самой устроить свою судьбу — posi l'Italia in grado di fare da se. Это „l'Italia farà da se" облетѣло всю страну. На трехцвѣтномъ итальянскомъ знамени войскъ, вступившихъ въ Ломбардію, красовался савойскій щитъ съ изображеніемъ креста. Съ 31 марта началась національная война противъ „варваровъ": отъ исхода ея зависѣла участь австрійской власти въ этой странѣ.

VIII. Германіи также предстояла fare da se. Все, повидимому, обѣщало ей успѣхъ. Въ то время, какъ главная препона къ союзной реформѣ — австрійская монархія — разлагалась на свои составныя части, Пруссія переходила въ пангерманскій и конституціонный лагерь.

Пруссія не избѣжала кровавыхъ дней. Мы видѣли, въ какомъ расположеніи духа король распустилъ „соединенный ландтагъ" и какое раздраженіе овладѣло всѣми умами. Происшествія во Франціи и въ южной Германіи дали сигналъ къ новымъ смутамъ. 6-го марта начались уже сборища и частныя столкновенія народа съ войсками. Вѣсть о революціи въ Вѣнѣ произвела панику въ оффиціальныхъ сферахъ. 17-го марта были снова заявлены правительству просьбы

---

[1]) Пескьера, Мантуя, Верона, Леньяно.
[2]) Прокламація 21 марта и посланіе королю 23 марта.

объ отмѣнѣ цензуры, объ улучшеніи прусскаго государственнаго устройства и организаціи германской федераціи. Король на этотъ разъ изъявилъ полное свое согласіе. 18-го толпы народа собрались къ дворцу привѣтствовать монарха и благодарить его. Дворецъ былъ окруженъ войскомъ. Изъ толпы раздались требованія объ удаленіи полковъ. Тогда войска двинулись на народъ, и въ толпу было пущено два выстрѣла. Мгновенно въ толпѣ раздались крики; „измѣна!, къ оружію!“ и сотни баррикадъ запрудили улицы Берлина. Кровопролитіе продолжалось 18-го и цѣлую ночь на 19-е марта. Конечно, не такой монархъ, какъ Фридрихъ - Вильгельмъ IV, могъ желать продолженія кровавыхъ сценъ. Изъ окна своего дворца онъ скомандовалъ свое знаменитое: Halt! и остановилъ кровопролитіе. Войска были удалены изъ Берлина, и народу обѣщано удовлетвореніе всѣхъ его желаній. Разъ рѣшившись уступить, король не хотѣлъ дѣйствовать подобно двоедушнымъ политикамъ, разрушающимъ одною рукою то, что̀ другая создала. 21-го марта издалъ онъ прокламацію къ „Германскому народу“, въ которой объявлялось, что отнынѣ Пруссія принадлежитъ Германіи и король станетъ во главѣ общаго отечества для его спасенія!—восклицаніе, которое Австрія не могла простить своему сопернику. Для преобразованія прусскаго государственнаго устройства было созвано учредительное собраніе, открывшее свои засѣданія 22-го мая. Но этотъ моментъ долженъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи описываемаго движенія. Учредительное собраніе и народонаселеніе Берлина, фактически сосредоточившія въ своихъ рукахъ власть, не разрѣшили великаго государственнаго вопроса. Первое чрезвычайно медленно обсуждало проектъ конституціи и было занято раздорами партій, запросами министерству, составъ котораго безпрерывно мѣнялся, больше, чѣмъ прямою своею задачей. Второе, освободившись отъ строгой административной опеки, не привыкшее къ правильной политической жизни, предавалось теперь революціоннымъ безчинствамъ, производило незаконный гнетъ на учредительное собраніе и подготовляло реакцію (см. ниже).

Германское національное собраніе сошлось, наконецъ, хотя не въ полномъ числѣ [1]), 18-го мая. Торжественною процессіею направилось оно въ церковь св. Павла и объявило свои засѣданія открытыми. Предсѣдателемъ его былъ избранъ Генрихъ Гагернъ. По внѣшности,

---

[1]) Въ числѣ 320. Всѣхъ членовъ національнаго собранія было 566. Изъ нихъ 104 принадлежали къ ученому сословію, 100—къ судейскому, 95—къ адвокатамъ и докторамъ правъ, 124—къ чиновничеству; остальные принадлежали къ числу писателей, духовныхъ, врачей и т. д. Землевладѣльцевъ, купцовъ и фабрикантовъ было всего 72. Замѣчательное явленіе, сравнительно, напримѣръ, съ составомъ англійскаго парламента.

это было самое величественное конституціонное собраніе, когда-либо собиравшееся на германской почвѣ. Здѣсь сошлись старые ветераны политическихъ движеній, лучшія силы германской науки, передовые вожди всѣхъ партій, начиная отъ консервативной до крайней республиканской. Глубокая ученость Дальмана, Велькера, Моля, Гервинуса, Дункера [1]), Дройзена [2]) встрѣтились здѣсь съ пламеннымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ князя Лихновскаго [3]), Брентано [4]), Бассермана, Г. Симона и друг. Общее настроеніе его могло внушить довѣріе и уваженіе какъ народу, такъ и правительствамъ. Большинство принадлежало къ умѣренно-либеральной партіи. Старые бойцы за единство Германіи, заподозрѣнные прежде въ демагогическихъ стремленіяхъ, какъ старикъ Арндтъ, пристали теперь къ правому центру. Все въ этомъ собраніи ручалось, повидимому, за основательность и безпристрастіе въ рѣшеніи конституціонныхъ вопросовъ.

Но общее положеніе дѣлъ превратило это знаменитое собраніе въ безсильное учрежденіе, которое, пройдя всѣ степени униженія, приняло, наконецъ, смерть отъ одного изъ чадъ своихъ, либеральнаго министра Рёмера. Въ данную минуту, однако, судьба величайшихъ державъ западной Европы зависѣла, повидимому, отъ *учредительныхъ собраній*, открывавшихъ свои засѣданія въ Парижѣ 4 мая, во Франкфуртѣ 18 мая, въ Берлинѣ 22 мая и въ Вѣнѣ 10 іюля.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РЕВОЛЮЦІЯ И РЕАКЦІЯ 1848—1851 гг.

I. Революціонное движеніе 1848 года было остановлено въ своемъ развитіи прежде всего во Франціи. Торжество Фердинанда неаполитанскаго (см. ниже) было частною побѣдою надъ демократическимъ переворотомъ сравнительно съ принципіальною побѣдою

---

[1]) Максимиліанъ Вольфгангъ Дункеръ, извѣстный историкъ, род. въ 1811 г.

[2]) Іог. Густ. Дройзенъ (род. въ 1808 г.), знаменитый профессоръ берлинскаго университета, извѣстный своими трудами по древней и новой исторіи. Для новой исторіи замѣчателенъ его огромный трудъ *Исторія прусской политики* (нач. печат. въ 1855 г.).

[3]) Князь Филиппъ Лихновскій, род. въ 1814 г., убитъ революціонерами во Франкфуртѣ въ 1848 г. Членъ правой стороны.

[4]) Лоренцъ Брентано, сынъ извѣстнаго поэта романической школы, Клементія Брентано, род. въ 1810 г., умеръ въ Америкѣ въ 1853 г. Въ палатѣ принадлежалъ къ демократической партіи.

надъ „соціально-демократическою“ республикою, одержанною національнымъ собраніемъ въ Парижѣ. Сигналъ къ реакціи былъ поданъ изъ Франціи такъ же, какъ и сигналъ къ революціи, охватившей германскія государства и австрійскія владѣнія. Затѣмъ общій ходъ европейской реакціи привелъ къ президентству Людовика Бонапарта во Франціи, къ возстановленію австрійскаго владычества въ Италіи и Венгріи, къ отмѣнѣ октроированной австрійскимъ императоромъ конституціи 1849 года и къ реставраціи стараго союзнаго устройства Германіи. Учрежденіе второй имперіи во Франціи, съ одной стороны, довершаетъ дѣло реакціи, а съ другой, открываетъ эпоху новыхъ войнъ, потрясеній и передѣлокъ „карты Европы“.

II. Французское учредительное собраніе открыло свои засѣданія 4 мая 1848 года. Составъ его, какъ мы видѣли, не оправдывалъ надеждъ соціально-демократической партіи. Если выборы, по выраженію Ламартина, и принесли Франціи республику, то никакъ не ту, о которой мечтали партіи, совершившія переворотъ 24 февраля. Большинство собранія относилось къ республикѣ, какъ къ *факту*, который въ данную минуту необходимо было признать. Въ первомъ же засѣданіи собранія, республика была не столько провозглашена, сколько признана. „Гора“, настаивавшая на немедленномъ признаніи республики, безъ предварительныхъ преній, могла считать себя удовлетворенною [1]). Но собраніе, шумно привѣтствовавшее республику, не сдѣлалось чрезъ это болѣе республиканскимъ.

Первыя дѣйствія собранія показывали, однако, что между „республикой“, долженствовавшей выйти изъ его среды, и „республикою“, носившейся въ умахъ парижскихъ республиканцевъ и даже нѣкоторыхъ членовъ временного правительства, имѣлось существенное различіе. Правда, собраніе одобрительно приняло отчетъ временного правительства, внимательно выслушало отчетъ Ламартина, часто впадавшаго въ фразеологію [2]), и даже вотировало постановленіе, гласившее, что члены правительства оказали великія услуги отечеству [3]). Но при назначеніи членовъ „исполнительной коммиссіи“, которой (подъ контролемъ собранія) ввѣрялась исполнительная

---

[1]) „Республика, восклицалъ Барбесъ, не имѣетъ нужды въ новомъ провозглашеніи; первымъ дѣломъ народа, возвратившаго себѣ 24 февраля суверенитетъ, было провозглашеніе республики: никто не въ правѣ подвергать сомнѣнію ея существованіе; мы слуги народа и должны привѣтствовать его волю. Да здравствуетъ республика, единая, нераздѣльная, демократическая и соціальная!“

Но какой же смыслъ имѣло тогда назначеніе *учредительнаго собранія*, избраннаго *всѣмъ* народомъ, а не парижскимъ только?

[2]) „Революція 24 февраля“, говорилъ онъ, между прочимъ, „начатая величіемъ души, чиста, какъ идея, возвышенна, какъ чувство, и свята, какъ добродѣтель“.

[3]) „Que le gouvernement provisoir avait bien mérité de la patrie“.

власть, собраніе показало, что, въ его глазахъ, не всѣ члены правительства оказали отечеству одинаковыя услуги. Коммиссія была составлена изъ пяти членовъ; изъ нихъ три (Араго, Гарнье Пажесъ, Мари) принадлежали къ умѣренной партіи въ бывшемъ временномъ правительствѣ: они получили наибольшее число голосовъ. Два другихъ (Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ) получили относительно меньше голосовъ [1]). Затѣмъ два другіе члена временного правительства, наиболѣе важные для соціально-демократической партіи — Луи Бланъ и Альберъ—не были избраны въ исполнительную коммиссію. Они не вошли также и въ составъ министерства [2]), образованнаго приблизительно изъ членовъ временного правительства. Луи Бланъ сложилъ съ себя званіе президента Люксембургской коммиссіи. Предложеніе его объ учрежденіи особаго „министерства труда" было отвергнуто.

При этихъ условіяхъ положеніе дѣлъ было неясно только для „исполнительной коммиссіи", игравшей въ послѣдующихъ событіяхъ роль довольно двойственную. Но національное собраніе знало, что оно осуждено парижскими клубами и тайными обществами еще въ моментъ своего зарожденія. Клубы почти нескрываемо вели приготовленія къ государственному перевороту; положеніе правительства было крайне ненадежно, въ виду того, что должность префекта полиціи занималъ одинъ изъ виднѣйшихъ революціонеровъ — Коссидьеръ, а начальство надъ національною гвардіею принадлежало его другу, Куртэ. Національное собраніе приняло нѣкоторыя мѣры для обезпеченія своей безопасности, но онѣ не спасли его отъ мятежа 15 мая. Подготовленныя Бланки, Собріé, Гюберомъ и друг., толпы мятежниковъ, подъ предлогомъ манифестаціи въ пользу Польши, вторглись въ залу національнаго собранія и нѣсколько часовъ держали его въ осадѣ. Въ самомъ собраніи толпы встрѣтили поддержку въ лицѣ депутатовъ Барбеса, Альбера и Луи Блана. Требованія ихъ, первоначально выраженныя Бланки, состояли: въ немедленномъ объявленіи войны за Польшу; въ преданіи суду лицъ, приказавшихъ стрѣлять по рабочимъ въ Руанѣ [3]); въ предоставленіи хлѣба и труда рабочимъ. Но подъ вліяніемъ ли общаго раздраженія, столь обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ, или вслѣдствіе того,

---

[1]) Араго получилъ 725, Ламартинъ 641, а Ледрю-Ролленъ 458, т.-е. едва былъ избранъ.

[2]) Портфели были даны: Кремьё (юстиція), Бастиду (иностранныя дѣла), Кавеньяку (военное; временно, до его прибытія изъ Алжира, должность его исправлялъ полковникъ Шарра̀), Карно (народное просвѣщеніе), Трела̀ (публичныя работы) и т. д.

[3]) Во время безпорядковъ при выборахъ (см. выше).

что дѣйствительная цѣль манифестаціи состояла въ низверженіи правительства и въ учрежденіи соціально-демократическаго комитета общественнаго спасенія, около 5 часовъ дня, Гюберъ, отъ имени „самодержавнаго народа, обманутаго своими представителями“ [1]), объявилъ національное собраніе распущеннымъ.

Изъ толпы провозглашаются имена членовъ новаго временного правительства. Во главѣ ихъ поставлено имя Барбеса, котораго толпа съ тріумфомъ несетъ на рукахъ; затѣмъ слѣдовали имена Бланки, Луи Блана, Ледрю-Роллена [2]), Гюбера, Распайля, Собріé, Коссидьера, Этьена Араго, Альбера и друг. Во время этихъ выборовъ послышались барабаны приближавшейся національной гвардіи и части линейныхъ войскъ. Толпа и новое временное правительство бросается къ ратушѣ; Собріé овладѣваетъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но національное собраніе было, наконецъ, освобождено. Порядокъ былъ возстановленъ на этотъ разъ безъ кровопролитія; новое временное правительство не успѣло овладѣть властью.

Дѣло 15 мая было погублено самими его руководителями—Бланки, Собріé и другими. Но было другое дѣло, подготовленное временнымъ правительствомъ 24 февраля и расчетъ за которое приближался. Національное собраніе получило въ наслѣдство отъ прежняго правительства „національныя мастерскія“, существованіе которыхъ становилось дѣйствительною опасностью. Число рабочихъ, записанныхъ въ мастерскія, возрастало быстро. Съ 17.000 человѣкъ, записанныхъ въ февралѣ, оно, къ 15 марта, повысилось до 49.000; въ іюнѣ оно дошло до 120.000; производительнаго *труда* правительство не могло имъ предложить; давая имъ подаяніе подъ видомъ поденной платы, правительство содержало праздную массу, явившуюся удобнымъ элементомъ возстанія. Новый министръ публичныхъ работъ, Трелà, тянулъ дѣло, испрашивалъ кредитъ за кредитомъ и совершенно потерялъ голову. Наконецъ, собраніе рѣшилось принять мѣры къ постепенному закрытію мастерскихъ. Но мѣры эти отличались тою же необдуманностью, безтактностью, а часто и грубостью, которая вообще характеризуетъ борьбу общественныхъ классовъ. Искусно пользовались руководители клубовъ оскорбительными для рабочихъ словами и предложеніями, раздававшимися въ національномъ собраніи.

Возстаніе, подготовлявшееся первоначально въ день взятія Бастиліи (14 іюля), началось съ 22 іюня и, на слѣдующій день,

---

[1]) „Au nom du peuple, trompé par ses représentants“.

[2]) Ледрю-Ролленъ во время этой сцены укрылся въ одномъ изъ бюро собранія. Когда его отыскали, онъ пригрозилъ застрѣлиться, если его будутъ принуждать войти въ составъ „временного правительства“.

приняло грозные размѣры. Національное собраніе поняло опасность; оно рѣшилось покончить съ „исполнительною коммиссіею“ и ввѣрить власть одному лицу. По предложенію президента собранія — Сенара, въ засѣданіи 23 іюня, было постановлено: 1) принять на счетъ республики воспитаніе дѣтей гражданъ, павшихъ въ борьбѣ съ мятежниками; 2) объявить Парижъ на осадномъ положеніи; 3) предоставить исполнительную власть генералу Кавеньяку. Сверхъ того, по предложенію Сенара, депутаты, въ знакахъ своего званія, должны были отправиться на мѣсто возстанія для одушевленія національной гвардіи и войскъ.

Нѣсколько дней продолжался уличный бой, кровавый и безпощадный; наконецъ, 26 іюня, президентъ собраніи объявилъ ему о сдачѣ послѣдняго убѣжища возставшихъ — с. антуанскаго предмѣстья; 28 генералъ Кавеньякъ сложилъ свои полномочія. Но обстоятельства измѣнились такъ, что національное собраніе не могло и думать о возвращеніи къ „исполнительной коммиссіи“, члены которой были подозрительны въ его глазахъ.

Исполнительная власть осталась въ рукахъ Кавеньяка. Онъ сохранилъ ее до 20 декабря, т.-е. до того времени, когда вновь избранный президентъ республики, Людовикъ Бонапартъ, вступилъ въ свою должность. Характеръ мѣръ, принятыхъ новымъ правительствомъ и декретированныхъ собраніемъ, соотвѣтствовалъ свойству власти. Мѣры „общественнаго спасенія“ снова были пущены въ ходъ и оправдывались тѣми же аргументами, какими пользовались Кутонъ и директорія [1]). Даже законы *осаднаго положенія* оказались стѣснительными для собранія. По закону, лица, взятыя въ плѣнъ на баррикадахъ, подлежали военнымъ дивизіоннымъ судамъ. Но такъ какъ число плѣнниковъ простиралось до 12.000, то собраніе приказало депортировать въ колоніи и алжирскія владѣнія какъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, такъ и участвовавшихъ въ устройствѣ баррикадъ. Къ ряду другихъ мѣръ, необходимыхъ въ данную минуту (закрытіе наиболѣе опасныхъ клубовъ, нѣкоторыхъ газетъ и т. д.) присоединились общіе законы, возстановлявшіе залоги для изданія газетъ (до 24.000 фр.), усиливавшіе наказанія за проступки, совершаемые путемъ печати, расширены права полицейскихъ властей и т. д. Осадное положеніе продолжено на неопредѣленное время [2]).

---

[1]) „Мы думали“, говорилъ докладчикъ по одному изъ такихъ декретовъ,Méоль (Méaulle), „что, находясь въ періодѣ революціонномъ, необходимо, въ теченіе нѣкотораго времени, заставить умолкнуть начала законности; первое дѣло, предстоящее намъ, *суверенной власти*, есть спасеніе республики“ и т. д. Робеспьеръ, Кутонъ и директорія, какъ мы видѣли, не говорили другимъ языкомъ.

[2]) Оно было снято только въ октябрѣ.

Такимъ образомъ, и вторая республика утверждалась диктатурой и исключительными мѣрами, подобно первой. Подобно ей, она подготовляла дорогу иной, болѣе прочной, „диктатурѣ“. Новый глава исполнительной власти, генералъ Кавеньякъ [1]), принадлежалъ къ партіи умѣренныхъ республиканцевъ и искренно хотѣлъ установленія „честной“ республики. Но республика вообще теряла почву въ націи, а „умѣренная“ республика, послѣ іюньскихъ дней, сдѣлалась ненавистна радикальнымъ и краснымъ республиканцамъ.

Въ то время, какъ умѣренная республика боролась за свое существованіе, подготовлялась почва для другой партіи, пожавшей плоды іюньскихъ дней. Въ числѣ лицъ, избранныхъ въ учредительное собраніе, было *три* члена фамиліи Бонапартовъ, изгнанныхъ изъ Франціи законами 1816 и 1832 годовъ [2]). Собраніе утвердило выборы, убѣжденное горячими заявленіями „сочувствія“ республикѣ избранныхъ. Затѣмъ, во время обсужденія закона объ изгнаніи членовъ Орлеанской фамиліи (принятаго собраніемъ 17 мая), нѣкоторые члены *лѣвой* стороны выразили мнѣніе, что законы 1816 и 1832 гг. *отмѣнены* революціею 1848 г. Пользуясь этимъ настроеніемъ или, точнѣе, равнодушіемъ собранія, Піетри [3]) внесъ предложеніе о формальной отмѣнѣ закона 1832 г. Оно было поддержано Луи Бланомъ и даже министромъ „исполнительной коммиссіи“, Кремьё. Но чрезъ нѣсколько дней до свѣдѣнія собранія были доведены тревожныя свѣдѣнія о бонапартистскихъ манифестаціяхъ въ войскѣ и въ народѣ, манифестаціяхъ, возбуждавшихся несомнѣнно агентами „претендента“, явившагося въ Парижъ послѣ февральской революціи. Ламартинъ внесъ отъ имени правительства предложеніе о примѣненіи закона 1832 года къ Людовику-Напо-

---

[1]) Евгеній Кавеньякъ (Cavaignac) родился въ 1802 г. въ Парижѣ. Отецъ его, Жанъ-Батистъ (1762—1829 г.) былъ дѣятельнымъ членомъ конвента. Старшій его братъ, Годфруа (1801—1845 г.), извѣстный публицистъ и горячій республиканецъ, игралъ довольно видную роль въ революціи 1830 г. Послѣ того, онъ былъ виднымъ членомъ республиканской партіи и былъ осужденъ палатою пэровъ по дѣлу о возстаніи 1834 г. Отъ приговора палаты онъ спасся бѣгствомъ въ Англію, гдѣ и оставался до 1841 г. По возвращеніи, основалъ республиканскій журналъ *Réforme*. Умеръ въ 1845 г. Евгеній К. унаслѣдовалъ отъ брата не столько республиканскія убѣжденія, сколько республиканское имя. Впрочемъ, онъ принадлежалъ къ умѣренной партіи *Насьоналя*. По своей личной честности и твердости характера, онъ заслуживалъ полнаго уваженія своихъ согражданъ. Умеръ въ 1857 г.

[2]) Мюратъ и сыновья Люціана и Жерома Бонапартовъ. Относительно дѣйствій бонапартистовъ въ это время, см. Таксиль Делоръ, *Histoire du second empire*, I, стр. 53 и слѣд.; Одилонъ Барро, ук. соч., II, стр. 214 и слѣд.

[3]) Знаменитый впослѣдствіи префектъ полиціи.

леону [1]). Рѣшеніе собранія должно было имѣть тѣмъ большее значеніе, что принцъ былъ избранъ депутатомъ въ двухъ округахъ Парижа и двухъ другихъ департаментахъ. Собраніе вело себя крайне нерѣшительно; колебанія его объяснялись и тѣмъ, что въ самомъ правительствѣ этотъ „инцидентъ“ породилъ расколъ. Если одна часть правительства поддерживала Ламартина, то другая, въ томъ числѣ Жюль Фавръ [2]), Кремьё и нѣкоторые другіе, изъ личной непріязни къ исполнительной коммиссіи, ратовали за право Бонапарта. Конецъ распри былъ, на этотъ разъ, положенъ самимъ претендентомъ, отказавшимся отъ депутатскаго званія и уѣхавшимъ на время въ Лондонъ (15 іюня).

II. При такихъ условіяхъ, національное собраніе работало надъ конституціею, долженствовавшею дать республикѣ ея форму и опредѣлить ея „идею“. Коммиссія, которой поручено было составленіе проекта, была образована изъ элементовъ разнородныхъ. Въ числѣ ея членовъ были представители старой династической оппозиціи сороковыхъ годовъ (Од. Барро, Токвиль, Вивьенъ, Дюфоръ, Дюпенъ); умѣренные республиканцы *Насьоналя* — Марра, Гарнье-Пажесъ; представители радикальныхъ мнѣній — Ламенэ, Консидеранъ. Наибольшее довѣріе было оказано собраніемъ талантливому публицисту Корменену [3]); онъ, при избраніи членовъ коммиссіи, получилъ наибольшее число голосовъ. Но, обладая большими публицистическими дарованіями, Корменenъ не отличался устойчивостью убѣжденій и замѣнялъ ихъ логическимъ до абсурда проведеніемъ тѣхъ взглядовъ, которымъ онъ служилъ въ данную минуту. Попеременно бонапартистъ, конституціоналистъ и республиканецъ, снова превратившійся въ бонапартиста [4]), онъ, въ данную минуту, заботился о составленіи конституціи, наиболѣе согласной съ республиканскими принципами. Вполнѣ „логичный“ проектъ его представлялъ, однако, столько практическихъ неудобствъ, что коммиссія тотчасъ отвергла его. Но нельзя сказать, чтобы проектъ коммиссіи и окончательно принятая (4 ноября 1848 г.) національнымъ собраніемъ конституція давали республикѣ прочную форму.

Подобно всѣмъ республиканскимъ конституціямъ Франціи, и конституція 1848 г. начинается съ „введенія“. Но въ первыхъ двухъ конституціяхъ роль введенія играла „декларація правъ“, что имѣло какое-нибудь практическое значеніе, а во введеніи (préambule) 1848

---

[1]) Текстъ предложенія у Одилона Барро.

[2]) Тотъ самый, который 4 сентября 1870 года внесъ предложеніе о *низложеніи* Наполеона III.

[3]) Писавшему подъ именемъ Тимона.

[4]) Онъ умеръ членомъ наполеоновскаго государственнаго совѣта.

года возвѣщались философскіе „принципы“, коими, по волѣ собранія, должна была руководствоваться Франція [1]). Собраніе, именемъ республики, объявляло, что оно признаетъ „права и обязанности, предшествующія законамъ положительнымъ и стоящія выше ихъ“; что республика имѣетъ своимъ принципомъ „свободу, равенство и братство, а основаніями — семью, трудъ, собственность и общественный порядокъ“; что граждане должны любить свое отечество, „защищать его цѣною жизни, участвовать въ государственныхъ повинностяхъ, пропорціонально своему имуществу, *обезпечивать себѣ трудомъ средства къ существованію и предусмотрительностью способы для будущаго*“ и т. д. Рядомъ съ такими риторическими принципами, республика давала обѣщанія, которыхъ она не могла выполнить. Такъ, возвѣщалось, что „республика“ никогда „не употребитъ своихъ силъ противъ свободы другихъ народовъ“. Римская экспедиція 1849 года блистательно опровергла это заявленіе.

Тайный мотивъ, побудившій собраніе принять подобное введеніе, состоялъ въ томъ, что, по мнѣнію республиканской партіи (особенно Горы), народъ, 24 февраля, завоевалъ себѣ нѣкоторыя *новыя* права, неизвѣстныя прежнимъ декларацiямъ. Права эти, какъ легко понять, относились къ области *соціальныхъ* отношеній; *право на трудъ* (droit au travail) занимало между ними первое мѣсто. Но именно эти права не были и, въ той формѣ, какъ они предлагались, не могли быть внесены въ конституцію. Собраніе довольно опредѣлительно провело границу между республикою, имъ учреждаемою, и республикою „красною“. Республика признана „демократическою, единою и нераздѣльною“, но не „соціальною“. Затѣмъ, „право на трудъ“, послѣ долгихъ преній, было отвергнуто. „Соціальныя обязанности“ республики были признаны въ формѣ общественной благотворительности, содѣйствія начальному и профессіональному образованію, уравненія правъ рабочихъ и патроновъ, поощренія учрежденій кредитныхъ и сберегательныхъ и учрежденія въ департаментахъ и общинахъ „общественныхъ работъ“, способныхъ дать работу незанятымъ рабочимъ [2]). Такимъ образомъ, принципы, громко возвѣщенные временнымъ правительствомъ, получили весьма скромное выраженіе.

---

[1]) Въ самой коммиссіи Марра, опровергая мнѣніе Консидерана, утверждавшаго, что „конституція, сверхъ положительныхъ опредѣленій, должна заключать въ себѣ тотъ *идеалъ*, къ которому постоянно *стремятся* общества, не будучи въ состояніи его достигнуть“, сказалъ: „я не люблю театральныхъ принциповъ: должно говорить и обѣщать только то, что́ можно выполнить; хорошо составленный законъ лучше отвлеченныхъ декларацій“. Въ собраніи „введеніе“ было сильно оспариваемо. Тѣмъ не менѣе, собраніе приняло его.

[2]) Введеніе, VIII; конституція, ст. 13.

Политическая сторона конституціи не свидѣтельствовала о проницательности ея составителей. Первый ея отдѣлъ содержалъ въ себѣ опредѣленіе правъ гражданъ. Въ числѣ ихъ не было постановленій новыхъ, за исключеніемъ указанныхъ выше соціальныхъ обѣщаній и постановленія, отмѣнявшаго смертную казнь по дѣламъ политическимъ [1]). Это великодушное постановленіе звучало, однако, нѣкоторымъ диссонансомъ послѣ происшествій іюньскихъ дней. Но самою слабою частью конституціи являлись постановленія объ организаціи *государственныхъ властей*.

Провозгласивъ суверенитетъ народа и признавъ, что „раздѣленіе властей" есть первое условіе свободнаго правительства [2]), конституція ввѣряетъ эти власти учрежденіямъ, составленнымъ въ духѣ коллективной и единоличной диктатуръ, противопоставленныхъ другъ другу: законодательному собранію и президенту республики.

Въ порядкѣ *составленія* національнаго собранія, конституція логически проводитъ начала демократическія. Собраніе образуется изъ 750 депутатовъ [3]), избранныхъ прямою, всеобщею и тайною подачею голосовъ на три года. Депутатамъ положено вознагражденіе за отправленіе ими своихъ обязанностей; такимъ образомъ, и недостаточные граждане получали возможность принимать на себя депутатскія полномочія. Но существеннымъ вопросомъ для судебъ народнаго представительства оставался вопросъ о *числѣ палатъ*. Будетъ ли законодательная власть ввѣрена *одной* или *двумъ палатамъ*?

Въ коммиссіи, изготовлявшей проектъ конституціи, мнѣнія раздѣлились. Сторонники конституціоннаго порядка (Одилонъ Барро, Токвиль, Вивьенъ) высказались за двѣ палаты, какъ за лучшее средство обезпечить правильность и спокойствіе въ отправленіи законодательныхъ дѣлъ [4]). Республиканцы (Марра), вѣрные преданіямъ первой республики и идеямъ 1789 года, доказывали, что „два представительства не нужны единому народу", и что „должна быть одна палата, такъ же какъ имѣется единый народъ". Другіе члены коммиссіи, соглашаясь „въ принципѣ" съ необходимостью двухъ палатъ, доказывали практическую необходимость одной въ силу условій времени. Въ собраніи мнѣнія склонились къ единой палатѣ, въ особенности, подъ вліяніемъ рѣчи Ламартина [5]), высказавшаго истинный

---

[1]) Ст. 5.

[2]) Ст. 18, 19.

[3]) Собраніе, призываемое для ревизіи конституціи (если это окажется нужнымъ) составляется изъ 900 депутатовъ.

[4]) Въ догматической части мы возвратимся къ этимъ разнообразнымъ мнѣніямъ, при разсмотрѣніи вопроса о системахъ народнаго представительства.

[5]) *La politique de Lamartine*, II, стр. 385—404.

мотивъ такого рѣшенія: необходимость *диктатуры* единаго собранія, въ виду всеевропейскихъ усложненій и внутреннихъ опасностей отъ происковъ партій [1]).

Но если учредительное собраніе хотѣло создать „диктатуру“ законодательнаго собранія, то тѣмъ осторожнѣе должно было отнестись оно къ учрежденію власти *исполнительной*. Всѣ системы образованія этой власти были разсмотрѣны. Справедливо отвергнута была система *коллегіальной* власти, удобная въ Швейцаріи, но непригодная для Франціи. Система *единоличнаго* президентства была признана единственно удобною. Но кѣмъ долженъ быть избираемъ президентъ республики? Избраніе его могло быть предоставлено національному собранію, тѣмъ болѣе, что послѣднее облекалось диктатурой; оно могло быть предоставлено особымъ избирательнымъ коллегіямъ, какъ въ Америкѣ. Но Ламартинъ увлекъ собраніе тою же фразеологіею, какою онъ воспользовался и при разсужденіи о единствѣ палаты. „Энергическія эпохи“, восклицалъ онъ, „не хотятъ среднихъ правительствъ; онѣ хотятъ власти, созданной по своему подобію: энергическимъ временамъ должна соотвѣтствовать энергическая власть“. Такая власть можетъ быть создана только *всенароднымъ* избраніемъ президента республики. „Исполнительная власть“, восклицалъ Ламартинъ, „должна имѣть собственную силу и чувствовать себя солидарною съ народомъ, изъ котораго она вышла. При избраніи президента палатой, онъ сдѣлался бы лишнею пружиною въ конституціи; онъ обратился бы въ стрѣлку, предназначенную показывать часъ вашей воли и капризовъ на циферблатѣ конституціи (!)“. Ораторъ заботливо устранилъ также и опасенія, возникавшія въ собраніи по поводу возможности избранія въ президенты Людовика Бонапарта, который предъ этимъ былъ вновь избранъ депутатомъ и, на этотъ разъ, занялъ мѣсто въ собраніи (26 сентября). Имя Бонапарта и возможность „переворота“ естественно представлялись каждому. „Но“, восклицалъ Ламартинъ, „чтобы дойти до 18 брюмера, въ наше время нужны двѣ вещи: длинная эпоха террора сзади, Маренго и Аустерлицъ впереди“. Опытъ показалъ, что достаточно было краснаго призрака „сзади“, Севастополя и Сольферино „впереди“, чтобы осуществить 2 декабря 1851 года.

Такою аргументаціею увлеклось собраніе, опредѣливъ, что президентъ республики будетъ избираемъ прямою и всеобщею подачею голосовъ, т.-е. *одинъ* будетъ имѣть за себя столько голосовъ, сколько всѣ члены національнаго собранія, вмѣстѣ взятые. Притомъ „солидарность“ народа съ лицомъ и именемъ *одного* избранника станови-

---

[1]) Тамъ же, см. особ. стр. 401 и слѣд.

лась крѣпче, чѣмъ съ анонимнымъ собраніемъ изъ 750 лицъ. Создавая такое полномочіе, или, точнѣе сказать, такое фактическое преобладаніе президента надъ собраніемъ, конституція тщетно, какъ показали послѣдствія, старалась ослабить силу этого факта разными ограниченіями.

Президентъ избирался на четыре года, по истеченіи которыхъ онъ могъ быть избранъ только послѣ четырехлѣтняго промежутка; въ теченіе того же промежутка не могли быть избраны на должность президента ни вице-президентъ, ни одинъ изъ родственниковъ или свойственниковъ президента до *шестой* степени включительно [1]). Президенту предоставлено право распоряжаться (disposer) военными силами, но безъ права командовать ими лично [2]). Онъ долженъ былъ отправлять свою власть чрезъ отвѣтственныхъ предъ національнымъ собраніемъ министровъ [3]). Наравнѣ съ министрами, президентъ отвѣчалъ за дѣйствія правительства и администраціи. Какъ бы въ предвидѣніи переворота 2 декабря 1851 г., конституція особо постановляла, что:

„Всякое распоряженіе, коимъ президентъ распускаетъ національное собраніе, отсрочиваетъ его (сессію) или препятствуетъ ему отправлять свои обязанности, *есть государственная измѣна* (est un crime de haute trahison).

„Этимъ дѣйствіемъ президентъ отрѣшается отъ должности; граждане обязаны отказывать ему въ повиновеніи; исполнительная власть немедленно переходитъ къ національному собранію. Судьи верховнаго суда [4]), подъ страхомъ наказанія, немедленно собираются и созываютъ присяжныхъ въ назначенное ими мѣсто для производства суда надъ президентомъ и его сообщниками; они сами назначаютъ должностныхъ лицъ къ отправленію обязанностей прокуроровъ“ [5]).

Но не этими постановленіями могъ быть предупрежденъ государственный переворотъ; сама конституція ставила президента въ положеніе, представлявшее слишкомъ много соблазновъ; препятствія, ею установленныя, были ничтожны для всенароднаго избранника, „располагавшаго“ вооруженными силами и „командовавшаго“ ими чрезъ своихъ креатуръ. Что̀ могъ сдѣлать „верховный судъ“ предъ полками президента? И могли ли „граждане“ отказать въ повино-

---

1) Ст. 45.

2) Ст. 50.

3) Ст. 67 и 68.

4) Haute cour de justice. Судъ, установленный для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и преступленіяхъ должности, совершенныхъ президентомъ и министрами. Ст. 91 и слѣд.

5) Ст. 68, пп. 2 и 3.

веніи побѣдителю? Переворотъ 1851 года далъ подробный отвѣтъ на эти вопросы.

Конституція была вотирована 4 ноября 1848 г. большинствомъ 739 голосовъ противъ 30. На 10 декабря были назначены выборы президента. Изъ 7.300.000 поданныхъ голосовъ 5.430.000 высказалось за Людовика Бонапарта; 1.448.000 досталось Кавеньяку; остальные распредѣлились между другими кандидатами [1]). Наконецъ, 20 декабря Людовикъ Бонапартъ былъ провозглашенъ президентомъ республики впредь до 2-го декабря 1852 г. Франція вступила въ періодъ продолжительной агоніи „второй республики", кончившей свое существованіе въ 1851 г. Агонія революціи въ другихъ государствахъ Европы шла быстрѣе.

III. Различныя „учредительныя собранія", призванныя къ переустройству Германіи, отдѣльныхъ нѣмецкихъ и австрійскихъ земель, были тѣсно связаны въ своей судьбѣ. Успѣхъ общегерманскаго парламента, засѣдавшаго во Франкфуртѣ, обусловливался успѣхомъ учредительныхъ ландтаговъ, созванныхъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; сверхъ того, общій успѣхъ нѣмецкаго дѣла зависѣлъ отъ хода итальянскихъ событій. Но вездѣ соперничество правительствъ и народностей вмѣстѣ съ анархическими движеніями подготовили торжество реакціи.

Изъ Италіи, подавшей первый сигналъ къ возстанію, пришло и первое извѣстіе объ успѣшной попыткѣ возстановленія стараго порядка. Въ первые мѣсяцы 1848 года, итальянскія правительства, увлеченныя народнымъ движеніемъ, стали на сторону Карла-Альберта, съ цѣлью освобожденія страны отъ иноземцевъ. Первымъ присоединился къ сардинскому королю в. герцогъ тосканскій. Пій IX (30 марта) обнародовалъ посланіе къ „народамъ Италіи", въ которомъ косвенно благословлялъ войну за освобожденіе, призывая, въ то же время, народы и государей къ умѣренности и справедливости. Неясное посланіе папы было истолковано въ воинственномъ духѣ командующимъ его войсками, генераломъ Дурандо, двинувшимся на помощь къ Карлу-Альберту. Хотя Пій IX и отказался оффиціально отъ мыслей, приписанныхъ ему Дурандо, но послѣдній фактически могъ оказать дѣятельную помощь Сардиніи и Ломбардіи. Въ Неаполѣ, новое народное волненіе свергло министерство Бозелли (заподозрѣннаго въ расположеніи къ Австріи) и вынудило правительство принять участіе въ войнѣ; 7 апрѣля, Фердинандъ II издалъ прокламацію, въ которой возвѣщалъ, что „участіе въ войнѣ за свободу, независимость и славу отечества есть священный долгъ

[1]) Ледрю-Ролленъ получилъ 370.000; Распайль 37.000; меньше всѣхъ получилъ Ламартинъ—17.900.

всѣхъ государей и народовъ Италіи". Тосканскіе отряды пошли въ Ломбардію подъ предводительствомъ Феррари, римскіе, подъ начальствомъ генерала Дурандо, неаполитанскіе подъ предводительствомъ престарѣлаго вождя революціи 1820 года [1]), Гилельмо Пепе, возвратившагося теперь въ отечество. Волонтеры стекались въ Ломбардію со всѣхъ сторонъ.

Но отдѣльные итальянскіе государи, вынужденные къ войнѣ народными движеніями, не могли искренно поддерживать Карла-Альберта; они опасались возраставшей его популярности, страшились и другъ друга. Народы Италіи не имѣли единаго центра, даже подобнаго франкфуртскому парламенту, и энтузіазмъ къ общему дѣлу не могъ замѣнить организаціи ихъ силъ. Наконецъ, внутренніе раздоры партій и борьба ихъ съ правительствами за политическія права увеличивали затрудненія.

Первымъ отступился отъ итальянскаго дѣла его начинатель — папа. Поставленный въ двойственное положеніе первосвященника, обязаннаго „обнимать одинаковою любовью всѣ народы", и свѣтскаго государя, представляющаго интересы Италіи, колеблясь между страхомъ предъ успѣхами демократической партіи, которая могла лишить его престола, и опасеніями предъ Сардиніею, Австріею и Германіею, католическое населеніе которой грозило ему расколомъ, Пій IX наглядно показалъ, что національныя надежды Италіи не могутъ покоиться на власти папъ. Допустивъ, сначала, участіе войскъ изъ папскихъ владѣній въ національной войнѣ, папа въ смущеніи остановился предъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, котораго отъ него потребовали событія. Министерство сочло, наконецъ, необходимымъ умолять папу о какой-либо опредѣленной программѣ дѣйствій. Папа, говорилось въ представленіи министерства, могъ избрать одно изъ трехъ рѣшеній: 1) открыто дозволить своимъ подданнымъ принять участіе въ войнѣ; 2) объявить, что онъ не желаетъ войны; 3) объявить, что онъ, не желая войны, не можетъ, однако, ей противиться. Первое рѣшеніе, по мнѣнію министерства, было единственно согласное съ достоинствомъ и выгодами власти, такъ какъ прочный миръ возможенъ былъ только послѣ того, какъ Италія завоюетъ себѣ національную независимость. Второе—грозило свѣтской власти папы, такъ какъ оно вызвало бы мятежъ въ Римѣ и въ провинціяхъ; третье—уронило бы авторитетъ власти: оно было бы равносильно отреченію отъ ея правъ и породило бы анархію.

Отвѣтъ папы былъ изложенъ въ „аллокуціи", произнесенной имъ въ засѣданіи консисторіи 29 апрѣля. Она содержала въ себѣ прямой

---

[1]) См. выше, стр. 566 и слѣд.

отказъ участвовать въ войнѣ, несогласной съ высокимъ призваніемъ намѣстника того, кто созидаетъ миръ. Предсказаніе министерства сбылось. Рѣшеніе папы вызвало мятежъ, принудившій его призвать къ управленію чисто свѣтское министерство подъ президентствомъ вождя либеральной партіи, графа Маміани (4 мая) [1]). Содѣйствіе итальянскому дѣлу было обезпечено еще на нѣкоторое время. Но нравственный авторитетъ Пія IX былъ окончательно подорванъ. События 1848 года показали, что свѣтская власть папы есть одно изъ существеннѣйшихъ препятствій для національнаго дѣла Италіи; 1870 годъ былъ прямымъ результатомъ 1848 г.

Вѣсть объ „аллокуціи“ 29 апрѣля, вызвавшая такое раздраженіе въ національныхъ партіяхъ, произвела радостное впечатлѣніе при дворѣ Фердинанда II сицилійскаго и въ самомъ королѣ, противъ воли увлеченнаго въ народную войну и на путь конституціонныхъ преобразованій.

Внутреннее состояніе „Обѣихъ Сицилій“ само по себѣ грозило катастрофой. Такъ же, какъ и въ 1820 году, Сицилія не хотѣла соединиться съ неаполитанскимъ королевствомъ подъ дѣйствіемъ общей конституціи. Она настаивала на сохраненіи своей конституціи 1812 г. и мѣстной автономіи. Переговоры короля съ временнымъ правительствомъ остались безъ результата. На манифестъ короля (23 марта), объявлявшаго незаконными всѣ дѣйствія временного правительства, сицилійскій парламентъ отвѣтилъ (26 марта) избраніемъ Руджіеро Сеттимо президентомъ королевства и образованіемъ самостоятельнаго министерства. Эта мѣра была первымъ шагомъ къ полному отдѣленію Сициліи отъ Неаполя. Ускоренію послѣдняго содѣйствовала и сильная непопулярность Фердинанда II, особенно послѣ усиленныхъ бомбардировокъ, которымъ его войска подвергали Палермо, Мессину и другіе города [2]). Дѣйствительно, 13 апрѣля въ парламентъ было внесено предложеніе о низложеніи Фердинанда съ престола и объ избраніи на послѣдній одного изъ итальянскихъ принцевъ; 19 апрѣля декретъ былъ принятъ и распубликованъ правительствомъ [3]).

---

[1]) Графъ Теренцій Маміани-делла-Ровере, род. въ въ 1800 г. Въ 1831 г., по поводу участія въ возстаніи, былъ изгнанъ изъ Папской области и жилъ во Франціи. Возвратился въ отечество въ 1848 году. Извѣстенъ своими литературными и философскими трудами.

[2]) По поводу этихъ бомбардировокъ Фердинандъ получилъ въ народѣ прозвище „il re bombardatore“ или просто „il re bomba“.

[3]) Декретъ гласилъ, что 1) Фердинандъ II и его династія навсегда лишаются правъ на сицилійскую корону; 2) что Сицилія, преобразовавъ свою конституцію, призоветъ на престолъ одного изъ итальянскихъ принцевъ.

Въ данную минуту, это рѣшеніе было пагубно и для Сициліи, и для итальянскаго дѣла. Актъ о низложеніи Фердинанда давалъ послѣднему полное основаніе обратить свое оружіе противъ Сициліи и отступиться отъ итальянскаго дѣла, тѣмъ болѣе, что сицилійскій престолъ, очевидно, готовился одному изъ сыновей Карла-Альберта [1]). Наконецъ, раздоръ двухъ частей королевства былъ благопріятенъ и для внутренней реакціи въ Неаполѣ, задуманной Фердинандомъ.

Къ 15 мая должны были собраться неаполитанскія палаты. Но споръ между королемъ и либеральною партіею изъ-за ревизіи конституціи 29 января, которою были недовольны неаполитанскіе демократы, перешелъ на баррикады, и день, назначенный для открытія палатъ, сдѣлался днемъ кровавой реакціи. При помощи наемныхъ швейцарскихъ войскъ и черни (лаззарони), увлеченной перспективой безнаказаннаго грабежа, Фердинандъ подавилъ мятежъ и, затѣмъ, распустилъ палаты, члены которыхъ разошлись подъ прикрытіемъ жандармовъ и сопровождаемые криками лаззарони: „смерть конституціи!“ Созваніе новыхъ палатъ было обѣщано королемъ на 1 іюля. Но обѣщаніе это осталось мертвой буквой. Вопросъ объ участии Неаполя въ національной войнѣ также былъ рѣшенъ: новое министерство отозвало войска, находившіяся подъ начальствомъ Пепе [2]), и флотъ, посланный на помощь Венеціи.

Покидаемый итальянскими правительствами, слабо поддерживаемый итальянскими демократами и поставленный между разными теченіями, Карлъ-Альбертъ не могъ расчитывать на успѣшное окончаніе кампаніи. Напротивъ, Радецкій собирался съ силами; Австрія ловко умѣла возбудить нѣмецкое національное чувство противъ итальянцевъ. Австрійское дѣло въ Италіи было представлено общимъ дѣломъ Германіи. Отряды, образованные въ нѣмецкомъ Тиролѣ подъ начальствомъ Нугента, вторглись во Фріуль и шли на соединеніе съ Радецкимъ. Отдѣльные и даже блестящіе успѣхи Карла-Альберта, прозваннаго теперь „мечомъ Италіи“, Дурандо, волонтеровъ Гарибальди и другихъ не могли остановить конечнаго успѣха австрійскихъ войскъ. Въ іюнѣ Радецкій перешелъ въ наступленіе, 10 іюля взялъ онъ Виченцу, 17—Тревизу и Падую, а 24 нанесъ рѣшительное пораженіе Карлу-Альберту при Кустоццѣ. Король принужденъ былъ заключить перемиріе (9 августа) и очистить Ломбардію. Возстановленіе австрійскаго владычества въ Ломбардіи

---

[1]) Дѣйствительно, въ іюлѣ на него былъ избранъ сынъ Карла-Альберта, герцогъ Генуэзскій. Конечно, это избраніе не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій.

[2]) Самъ Пепе, съ немногочисленными остатками своей арміи, не возвратился въ Неаполь.

пошло быстрыми шагами. Только Венеція, хотя и сильно стѣсненная, отстаивала еще свою независимость. Мысль о поддержкѣ Франціи, прежде оказывавшей Италіи небезкорыстныя услуги, была отвергнута, когда существовало еще временное правительство и исполнительная коммиссія, готовыя на эту помощь. Впослѣдствіи, послѣ іюльскихъ дней, генералъ Кавеньякъ былъ далекъ отъ мысли о дѣятельной роли въ итальянской революціи.

IV. Въ то время, какъ Фердинандъ II въ Неаполѣ и Радецкій въ Ломбардіи наносили первые удары революціи, на сѣверѣ австрійской имперіи рушились надежды славянъ. Чехи, послѣ бѣгства императора въ Инсбрукъ, отказали въ повиновеніи оставленному имъ министерству Пиллерсдорфа [1]), а равно и конституціи 25 апрѣля. Въ ожиданіи учредительнаго пражскаго сейма, созывъ котораго былъ обѣщанъ императоромъ, въ Прагѣ былъ учрежденъ намѣстническій совѣтъ—родъ временного правительства, раздѣлявшій власть съ намѣстникомъ королевства—гр. Туномъ. Сверхъ того, идея „славянской взаимности" должна была получить выраженіе въ всеславянскомъ съѣздѣ, созванномъ на 1 іюня 1848 г. въ Прагу лучшими представителями славянскихъ народностей [2]).

Депутаты отъ всѣхъ славянскихъ народностей имперіи явились на призывъ. Наиболѣе многочисленны были представители отъ чеховъ, моравцевъ и словаковъ (237); сербо-кроаты прислали 42, поляки и русины 41 депутатовъ. Съѣздъ былъ раздѣленъ на три отдѣла: чешско-моравско-словацкій, польско-русскій и кроато-сербскій. Но не успѣлъ съѣздъ приступить къ обсужденію предложенныхъ ему вопросовъ, какъ несчастныя событія 12 іюня положили конецъ его совѣщаніямъ. Вооруженное столкновеніе между студенческимъ легіономъ и солдатами австрійскаго гарнизона, неизвѣстно кѣмъ и какъ вызванное, перешло въ возстаніе. Жена командующаго войсками, князя Виндишгреца, находившаяся у окна своего дома, была застрѣлена. Виндишгрецъ подавилъ возстаніе. Хотя вначалѣ его войска должны были отступить предъ мятежниками и укрыться въ цитадели, но бомбы, игравшія такую роль въ Сициліи, рѣшили дѣло и въ Прагѣ. Послѣ трехдневной, безпощадной бомбардировки (15, 16 и 17 іюня), городъ сдался. Славянскій съѣздъ былъ распущенъ, „учредительный сеймъ" не былъ созванъ, и Прага объявлена на осадномъ положеніи.

Виндишгрецъ одолѣлъ возстаніе и возстановлялъ порядокъ жестокими мѣрами; но іюньскія событія оставили глубокій слѣдъ въ австрій-

---

[1]) См. выше, стр. 693.

[2]) Воззваніе къ славянамъ было подписано Шафарикомъ, Ригеромъ, Миклошичемъ, Любомірскимъ и друг.

ской монархіи. Взаимное ожесточеніе славянской и нѣмецкой народностей въ Чехіи и Моравіи, озлобленіе кроато-сербовъ противъ мадьяръ, подозрѣваемыхъ въ тайномъ подстрекательствѣ пражскихъ революціонеровъ, взаимное недовѣріе всѣхъ племенъ, искусно поддерживаемое австрійскимъ правительствомъ для своихъ цѣлей—таковы были условія, при которыхъ производились выборы въ учредительный рейхстагъ, собравшійся въ Вѣнѣ, 22 іюля 1848 г., „для совершенія великаго дѣла возрожденія отечества и утвержденія свободы“, какъ было сказано въ тронной рѣчи, которою открыта была сессія рейхстага [1]).

Несмотря на предостереженія, данныя въ Прагѣ, славяне явились на рейхстагъ съ надеждами выполнить свою программу: сохраненіе цѣлости австрійской монархіи, при развитіи мѣстной автономіи и свободныхъ учрежденій. Судя по составу рейхстага, они могли расчитывать на успѣхъ. Изъ общаго числа 383 депутатовъ, значительное большинство принадлежало славянскимъ землямъ. Но уже въ отношеніи племенного состава рейхстагъ былъ настоящею смѣсью языковъ. Русинскіе депутаты, по преимуществу крестьяне, не знали нѣмецкаго языка. Между славянскими языками ни одинъ не могъ быть признанъ оффиціальнымъ. Собраніе думало выйти изъ затрудненія, предоставивъ депутатамъ, не знавшимъ по нѣмецки, говорить чрезъ переводчика. Но это одно усиливало негодованіе нѣмецкаго населенія столицы, привыкшаго къ „первенству“ своего племени. Кромѣ того, подобная мѣра мало облегчала работы разноязычнаго рейхстага.

Послѣднему предстояла почти невыполнимая задача—дать имперіи конституцію, способную примирить требованія различныхъ ея народностей. Славянскій федерализмъ сталкивался съ нѣмецкимъ централизмомъ; ни то, ни двугое направленіе не могли быть согласованы съ требованіями мадьяръ, оставшихся въ сторонѣ съ своею конституціею и съ возраставшимъ безпокойствомъ слѣдившихъ за славянскимъ движеніемъ въ своихъ и въ австрійскихъ земляхъ.

Трудности положенія рейхстага увеличивались и настроеніемъ столицы, не выходившей изъ революціоннаго состоянія. Попрежнему „комитетъ безопасности“ и студенческій клубъ, собиравшійся въ университетѣ (Aula), были фактическими въ ней властями; гражданская стража слабо поддерживала порядокъ среди возбужденія клубовъ и сборищъ рабочихъ, терпѣвшихъ большую нужду отъ безработицы и разжигаемыхъ анархическою проповѣдью клубныхъ ораторовъ и многихъ газетъ. Министерство Пиллерсдорфа [2]), истощившее всѣ

[1]) Эрцгерцогомъ Іоанномъ, въ отсутствіи императора.

[2]) См. выше, стр. 686.

свои силы, незадолго до созванія рейхстага, было замѣнено министерствомъ Доблъгоффа [1]), едва сдерживавшимъ общее возбужденіе. Для успокоенія рабочихъ прибѣгли къ тому же страшному пальятиву, который далъ уже такіе горькіе плоды во Франціи—къ устройству „общественныхъ работъ", съ поденною платою въ 15 крейцеровъ. Въ Австріи, съ ея до крайности разстроенными финансами, несостоятельность этой мѣры должна была обнаружиться еще скорѣе, чѣмъ во Франціи.

Настроеніе вѣнскихъ радикаловъ имѣло мало общаго съ стремленіями рейхстага. Съ одной стороны, они симпатизировали радикальной партіи въ франкфуртскомъ парламентѣ (см. ниже), съ другой, они поддерживали стремленія венгерскихъ демократовъ и состояли въ прямыхъ сношеніяхъ съ Кошутомъ. Рейхстагъ, составленный изъ значительнаго числа славянскихъ депутатовъ, не могъ сочувствовать ни тому, ни другому направленію.

Въ первыя недѣли его существованія, спокойствіе и надежды на будущее воскресли, однако, настолько, что императоръ Фердинандъ могъ возвратиться въ столицу къ общей радости населенія (12 августа). Но миръ былъ непроченъ и непродолжителенъ. Венгерскія дѣла показали, что имперія далеко не вышла изъ революціоннаго кризиса.

Мы видѣли, что уже въ первые мѣсяцы 1848 года, новое венгерское министерство столкнулось съ требованіями славянскихъ и румынскихъ народностей. Сейму, открывшемуся въ Пештѣ 5 іюля, предстояла трудная задача возстановить миръ въ королевствѣ, удержавъ за мадьярами ихъ господствующее положеніе. Австрійское правительство, безсильное удержать національное движеніе, ласкало всѣ народности, обѣщало имъ удовлетвореніе ихъ желаній и подъ рукою поддерживало раздоръ, изъ котораго оно извлекло потомъ такія выгоды. Попытки личныхъ соглашеній Батьяни и Кошута съ баномъ Іелачичемъ въ началѣ іюля были безплодны; 11 іюля Кошутъ, въ страстной рѣчи, указалъ сейму на изолированность Венгріи, обвиняя даже Россію въ подстрекательствѣ славянъ къ мятежу противъ мадьяръ [2]), и потребовалъ большихъ жертвъ для защиты

---

[1]) Въ составъ его вошли: Добльгоффъ (внутр. д.), Латур (военныя д.), Швейцеръ (публичныя работы), Горнбостель (торговля), Краусъ и друг.

[2]) Нечего и говорить, что „панславистская пропаганда", ведомая Россіею, не входила въ планы императора Николая. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ вымысловъ, коими и донынѣ питаются мадьярскіе политики. Вмѣшательство Россіи въ венгерскія дѣла въ 1849 году было вызвано мотивами, не имѣющими ничего общаго съ „панславизмомъ". Но при общемъ возбужденіи сейма, рѣчь Кошута должна была произвести сильное впечатлѣніе. „Сограждане", восклицалъ онъ, „не заблуждайтесь; мадьяры стоятъ въ этомъ мірѣ одиноко противъ заговора властителей и народовъ, ихъ окружающихъ. Императоръ русскій осаждаетъ насъ чрезъ дунайскія

Венгріи. Сеймъ вотировалъ наборъ въ 200.000 арміи и гонведовъ (ополченія) и 40 милліоновъ флориновъ.

Сербское возстаніе (см. выше) было подавлено въ августѣ 1848 года. Но рѣшительныя мѣры сейма не остановили, однако, столь же рѣшительнаго Іелачича; 25 августа онъ издалъ манифестъ объ объявленіи войны Венгріи, ради „освобожденія венгерской націи изъ рукъ крамолы, лишившей корону всякой власти, разрушившей согласіе между народами и ослабившей связь Венгріи съ другими областями". Войска Іелачича перешли Драву 9 сентября; съ нимъ соединился и Стратимировичъ, снова набравшій до 30.000 войска. Но „объявленіе войны" Іелачичемъ безъ согласія императора было поступкомъ самовольнымъ и только запутывавшимъ общее положеніе дѣлъ.

Венгерская депутація отправилась въ Вѣну, чтобы услышать послѣднее слово правительства (19 сентября). Она не была принята рейхстагомъ, по настоянію славянскихъ депутатовъ. Правительство дѣйствовало уклончиво, поддерживая, въ то же время, Іелачича. Венгерскій палатинъ, эрцгерцогъ Стефанъ, поставленный въ невозможное положеніе двойственностью политики собственнаго двора, тайно оставилъ Венгрію. Событія толкали націю на путь революціонный. Они устраняли отъ власти не только умѣренную партію Деака, но и наиболѣе умѣренныхъ членовъ министерства 15 марта. Батьяни и Этвешъ сложили съ себя министерскія полномочія (25 сентября); власть перешла въ руки комитета обороны, подъ предсѣдательствомъ Кошута, пламенное краснорѣчіе котораго увлекало страну на путь отчаянныхъ мѣръ.

Въ то же время, императоръ назначилъ своимъ коммиссаромъ и командующимъ венгерскими войсками графа Ламберга. Но не успѣлъ новый коммиссаръ явиться въ Пештъ, какъ онъ былъ звѣрски убитъ на мосту. Вскорѣ затѣмъ императорскій коммиссаръ при Іелачичѣ, графъ Зичи, былъ схваченъ венгерскимъ генераломъ Гёргеемъ и повѣшенъ какъ измѣнникъ. Въ отвѣтъ на это, Іелачичъ былъ назначенъ полномочнымъ коммиссаромъ въ Венгріи, сеймъ распущенъ и страна объявлена на военномъ положеніи. Разрывъ венгровъ съ Австріею былъ подготовленъ. Но венгерскія событія отозвались и въ Вѣнѣ.

княжества, и вездѣ, даже въ Сербіи, открываемъ мы его руку и его золото (!). На сѣверѣ вооруженныя шайки славянъ пытаются поддержать кроатскихъ мятежниковъ (!) и направляются противъ насъ; въ Вѣнѣ царедворцы и современные политики разсчитываютъ уже время, когда они будутъ въ состояніи надѣть цѣпи на своихъ старыхъ рабовъ—мадьяръ. Они называютъ насъ мятежною породою, безъ дисциплины. О, сограждане, тираны всегда говорили такъ о людяхъ свободныхъ. Повторяю вамъ: вы одни. Рѣшились ли вы и готовы ли вы бороться?"

Вѣнскіе радикалы, какъ мы видѣли, сочувствовали венграмъ. Революціонное броженіе поддерживалось въ Вѣнѣ и другими обстоятельствами. Во-первыхъ, обсужденіе въ рейхстагѣ законопроектовъ объ отмѣнѣ барщинъ и другихъ вотчинныхъ повинностей, объ уравненіи сословій въ повинностяхъ, особенно воинской, дали демократической партіи какъ въ сеймѣ, такъ и внѣ его, поводъ выразить свои стремленія и поддержать ихъ. Затѣмъ, волненія рабочихъ, не успокоенныхъ, но привлеченныхъ въ Вѣну „общественными работами", не только не прекращались, а росли, не встрѣчая противодѣйствія. Когда, въ виду крайнихъ финансовыхъ затрудненій, министръ Швейцеръ понизилъ задѣльную плату на 5 крейцеровъ, рабочіе клубы произвели манифестацію, едва остановленную гражданскою стражею (11 и 12 сентября). Волненія продолжались, однако, то по одному, то по другому поводу.

Вѣсть о венгерскихъ событіяхъ окончательно подняла на ноги вѣнскую демократію. Часть австрійскихъ войскъ, находившихся въ столицѣ, получила приказаніе отправиться въ Венгрію. Демократическіе клубы, студенческій легіонъ и часть національной гвардіи, заявившіе свое сочувствіе венграмъ, рѣшились воспрепятствовать войскамъ выступить изъ города. Баррикады, страшный уличный бой, звѣрское убійство военнаго министра Латура ознаменовали день 6 октября, послѣ котораго императоръ бѣжалъ въ Ольмюцъ (въ Моравіи). Оставили столицу и многіе депутаты рейхстага. Столица осталась во власти революціоннаго правительства. Отъ судьбы Вѣны зависѣлъ теперь и успѣхъ партій въ общегерманскомъ парламентѣ. Два депутата правой стороны (Велькеръ и Мосле) отправились одинъ ко двору императора, другой въ станъ главнокомандующаго для предложенія услугъ посредничества — оба безъ успѣха. Два другіе депутата демократической партіи (Блумъ и Фрёбель) отправились въ Вѣну, для поддержанія мѣстной демократіи.

Дѣятельно готовилась Вѣна къ защитѣ. Организація ополченія была предоставлена польскому генералу Бему, Мессенгаузеру и Феннебергу. Венгры обѣщали свою поддержку дружественному имъ городу. Но Вѣна пала, наконецъ, предъ соединенными силами Ауэрсперга, Іелачича, вызваннаго изъ Венгріи, и Виндишгреца (30 октября). Венгры, по необъясненнымъ до сихъ поръ причинамъ, опоздали и были разбиты при Швехатѣ. Послѣ усмиренія возстанія, начались казни главныхъ его руководителей, въ томъ числѣ и Блума, котораго не спасло и его званіе депутата франкфуртскаго парламента. Другіе спаслись бѣгствомъ [1]). Вѣнская революція была окончательно подавлена.

[1]) Бемъ бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ онъ составилъ польскій легіонъ.

Безсильный сеймъ игралъ плачевную роль въ эти дни. Оставленный значительнымъ числомъ депутатовъ (особенно чешскими), покинутый императоромъ, онъ тщетно старался разыграть подобіе власти и выступить въ роли примирителя. Императорскій указъ (22 октября) отсрочилъ его засѣданія и назначилъ имъ другое мѣсто, именно въ скромномъ моравскомъ городкѣ Кромеришѣ (Кремзиръ). Здѣсь собрался онъ подъ предсѣдательствомъ польскаго депутата Смолки; но ему не суждено было кончить своихъ работъ (15 ноября).

Смѣнилось и министерство Доблыгоффа, выдержавшее такія тяжкія испытанія въ октябрьскіе дни. Новый кабинетъ былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ князя Шварценберга, принявшаго портфель иностранныхъ дѣлъ; Шварценбергъ и Бахъ (см. ниже) довели впослѣдствіи дѣло реакціи до конца. Въ данную минуту, министерство въ своей программѣ (27 ноября) высказалось за конституціонныя реформы. Но и программѣ 27 ноября суждено было остаться мертвою буквой.

Прежде всего, новому министерству необходимо было устранить отъ управленія слабаго Фердинанда I, силы котораго окончательно упали въ этотъ революціонный годъ. На семейномъ совѣтѣ, въ которомъ приняли участіе министры Виндишгрецъ и Іелачичъ, было рѣшено отреченіе Фердинанда отъ престола въ пользу племянника его, восемнадцатилѣтняго Франца-Іосифа; 2 декабря рѣшеніе это было обнародовано и объявлено сейму.

Такъ кончился 1848 годъ для Австріи. Революція была подавлена въ одной части монархіи. Но венгерскія дѣла только начинались. Венгры не сложили оружія предъ Виндишгрецомъ и Іелачичемъ. Они не признали отреченія Фердинанда. Кошутъ энергически организовалъ средства для борьбы. Къ его гонведамъ присоединились „иностранные“ легіоны, наполненные польскими выходцами. Гёргей, Мессарошъ, Перцель, Кисъ, Клапка, Дембинскій начальствовали войсками. Первоначально они не могли устоять предъ силами Виндишгреца, вступившаго въ Пештъ, гдѣ были казнены нѣкоторые венгерскіе патріоты (въ томъ числѣ Батьяни). Но Кошутъ, 1 января 1849 года, удалился, съ временнымъ правительствомъ, въ Дебречинъ, окруженный болотистыми и трудно проходимыми мѣстностями. Отсюда организовалъ онъ эту отчаянную борьбу, которая кончилась въ пользу Австріи, только благодаря русскому вмѣшательству.

V. Почти параллельно съ вѣнскими событіями шли дѣла и въ Берлинѣ, хотя, по мѣстнымъ условіямъ и благодаря характеру Фридриха-Вильгельма IV, революціонный годъ далъ въ Пруссіи иные результаты, чѣмъ въ Австріи.

Исполняя обѣщаніе, данное имъ 18 марта, король еще разъ созвалъ „соединенный ландтагъ“ (2 апрѣля) съ специальною цѣлью выработать законъ, на основаніи котораго предстояло избрать учредительное собраніе. Послѣднее, по соглашенію съ королемъ, должно было выработать конституцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, король призвалъ къ управленію новое министерство [1]). Избирательный законъ былъ обнародованъ 8-го апрѣля. Начала его соотвѣтствовали демократическимъ требованіямъ времени. Активное право было предоставлено каждому 24-лѣтнему пруссаку; пассивное — каждому 30-лѣтнему гражданину. Хотя начала будущей конституціи предстояло выработать созываемому собранію, но уже законъ 8 апрѣля опредѣлилъ нѣкоторыя конституціонныя его права. Именно, сверхъ прямой своей задачи—обсужденія конституціи,—оно получило право разсмотрѣнія и утвержденія государственныхъ налоговъ и займовъ. Наконецъ, особо были признаны свобода союзовъ и сходокъ и гражданская равноправность лицъ разныхъ исповѣданій.

Учредительное собраніе, созванное 22 мая, состояло изъ лицъ, въ большинствѣ проникнутыхъ демократическими воззрѣніями. Съ перваго же шага оно сдѣлало крупную ошибку, вооружившую противъ него короля. Вмѣсто того, чтобы придать будущей конституціи характеръ дѣйствительнаго „соглашенія“ между короною и представительствомъ, оно объявило, что 18 марта совершилась *революція*, имѣющая прямое вліяніе на государственное развитіе Пруссіи. Такимъ образомъ, будущая конституція косвенно ставилась на почву „народнаго самодержавія“, менѣе всего примѣнимаго къ этой глубокомонархической странѣ. Затѣмъ, и само собраніе должно было работать среди общаго возбужденія революціонныхъ страстей, подъ вліяніемъ уличныхъ сценъ и схватокъ, смущавшихъ покой столицы, изъ которой выведены были войска. Такъ же, какъ и въ Вѣнѣ, министерства быстро уставали въ эти бурные дни. Составленное въ апрѣлѣ министерство Кампгаузена вышло въ отставку, уступивъ мѣсто кабинету Ауэрсвальда.

Проектъ конституціи былъ выработанъ коммиссіею изъ 24 лицъ, избранныхъ собраніемъ [2]). Предсѣдательство въ коммиссіи было предоставлено демократу Вальдеку [3]). Коммиссія представила свои работы 26 іюля; обсужденіе конституціи началось въ отдѣленіяхъ палаты и въ центральномъ ея комитетѣ подъ вліяніемъ возраставъ-

---

[1]) Кампгаузена-Шверина-Ауэрсвальда.

[2]) По 3 отъ каждой изъ 8 секцій, на которыя раздѣлялась палата, примѣнительно къ системѣ французскихъ *бюро* (объ этомъ предметѣ будетъ сказано въ догматической части).

[3]) Бенедиктъ-Францъ-Лео Вальдекъ, род. въ 1802 г., ум. въ 1870 г.

шаго господства радикальной партіи, быстро усиливавшейся какъ во франкфуртскомъ собраніи, такъ и въ Вѣнѣ. Франкфуртскій мятежъ 18 сентября (см. ниже) нашелъ отголосокъ и въ Берлинѣ. Распря министерства съ палатой по поводу постановленій о національной гвардіи, гражданской стражѣ въ Берлинѣ и законѣ о возмущеніи, дошла теперь до крайнихъ предѣловъ. Чрезъ три дня послѣ франкфуртскихъ событій, министерство Ауэрсвальда получило отставку (21 сентября).

Новый кабинетъ Пфюля (Pfuel) встрѣтился съ болѣе серьезными затрудненіями. Съ 12 октября началось обсужденіе конституціи въ полномъ составѣ палаты (Plenum). Радикальная партія получила теперь рѣшительный перевѣсъ въ собраніи. Вѣсти о вѣнскихъ событіяхъ 6-го октября [1]) приводили ее къ отчаяннымъ рѣшеніямъ. По требованію ея, изъ королевскаго титула (во введеніи къ конституціи), были вычеркнуты слова „Божіею милостью". Однимъ росчеркомъ пера были уничтожены дворянскіе титулы и всякіе знаки отличія. Король доказалъ, однако, собранію, что онъ остается королемъ „Божіею милостью", отвергнувъ представленный ему законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Вскорѣ онъ отвергъ и самое собраніе.

Съ отчаяніемъ встрѣтила радикальная партія въ столицѣ и въ палатѣ вѣсть о близкомъ паденіи Вѣны, осажденной Виндишгрецомъ и Іелачичемъ. 31 октября, по ея настоянію, былъ представленъ королю адресъ объ оказаніи скорой помощи вѣнскимъ инсургентамъ. Адресъ былъ вотированъ подъ давленіемъ многочисленнаго сборища, осадившаго палату. Такъ же, какъ въ дни французскаго конвента, толпа грозила местью депутатамъ правой стороны. Уступки правительства по этому дѣлу дѣйствительно могли положить конецъ монархіи „Божіею милостью".

Быстро было составлено реакціонное министерство Бранденбурга и Мантейфеля, и 9 ноября собраніе получило королевскій указъ о перенесеніи его засѣданій въ небольшой городокъ Бранденбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшія засѣданія собранія въ Берлинѣ были объявлены незаконными. Правая сторона повиновалась приказу и оставила собраніе. Но большинство осталось на своихъ мѣстахъ. Безсильны, однако, были его протесты и воззванія къ народу: фельдмаршалъ Врангель съ 15.000 войска усмирилъ столицу и заставилъ собраніе разойтись. Медленно собирались депутаты въ Бранденбургъ: только къ 1 декабря образовался законный составъ палаты. Но и онъ собрался какъ бы для того, чтобы быть распущеннымъ.

---

[1]) См. выше, стр. 716.

Указъ о роспускѣ собранія послѣдовалъ 5 декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ король, отъ своего имени, *октроировалъ* первую прусскую конституцію, основанную, главнымъ образомъ, на проектѣ распущеннаго собранія. Конституція, согласно 112 ея §, должна была подвергнуться пересмотру въ созванныхъ, на основаніи ея, палатахъ.

Такимъ образомъ, Пруссія, несмотря на революціонныя событія октябрьскихъ дней, вступила на путь конституціонныхъ учрежденій. Хотя, какъ мы увидимъ ниже, конституція 5 декабря 1848 года подверглась перемѣнамъ и была окончательно замѣнена октроированною хартіею 31 января 1850 года, но Фридрихъ-Вильгельмъ IV исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ не отступился отъ пожалованной имъ хартіи, какъ это сдѣлалъ Францъ-Іосифъ (см. ниже). Причина этого, независимо отъ личныхъ качествъ Фридриха-Вильгельма и уступчивости собранія 1849 года, заключалась главнымъ образомъ въ условіяхъ положенія Пруссіи въ Германіи. Въ то время, какъ Австрія, въ глазахъ Германіи, представлялась главнымъ препятствіемъ къ достиженію политическаго единства и политической свободы, и австрійская политика дѣлала все, чтобы утвердить „общее отечество“ въ этомъ мнѣніи, Пруссія оставалась предметомъ всѣхъ надеждъ. Сохраненіе за нею первенствующаго положенія въ обновлявшейся Германіи во многомъ зависѣло отъ однородности ея государственныхъ учрежденій съ политическими формами, усвоенными прочими нѣмецкими государствами. Условіе не было, конечно, единственнымъ. Во многихъ отношеніяхъ справедливо было замѣчаніе кн. Бисмарка, сдѣланное имъ въ 1863 году, что Германія смотритъ не на либерализмъ, а на могущество Пруссіи. Но *принципіальное* различіе государственнаго строя этой страны съ политическими формами прочихъ нѣмецкихъ государствъ воспрепятствовало бы ей стать во главѣ Германіи впослѣдствіи. Если въ шестидесятыхъ годахъ Пруссія могла совершить свое великое дѣло, то этимъ она, въ числѣ прочихъ условій, обязана тому, что въ 1849 году Фридрихъ-Вильгельмъ IV не пошелъ по той дорогѣ, какую избралъ Францъ-Іосифъ. Но особенно важно для Пруссіи было удержать свое мѣсто въ то время, когда при напряженномъ ожиданіи всей Германіи франкфуртское національное собраніе работало надъ имперскою конституціею.

VI. Задача франкфуртскаго національнаго собранія, въ томъ видѣ, какъ она была опредѣлена *предварительнымъ* парламентомъ [1]), состояла въ реформѣ союзной конституціи. Задача была не изъ легкихъ. Собранію предстояло не только дать союзу новое устройство, но и создать *самое государство*, поставивъ *федерацію*, на мѣсто кон-

---

[1]) См. выше, стр. 684 и слѣд.

федераціи, органомъ которой является не упраздненный еще сеймъ. Поэтому собраніе должно было немедленно создать и *свою* исполнительную власть, способную дѣйствовать до окончательнаго установленія союза.

Изготовленіе проекта конституціи было поручено (24 мая) комитету изъ 30 членовъ, обязанному вносить въ собраніе свои работы по мѣрѣ ихъ окончанія. Но уже въ этой работѣ обнаружилась практическая слабость собранія. Оно состояло изъ депутатовъ, собравшихся вмѣстѣ со всѣхъ концовъ Германіи въ первый разъ и не согласившихся относительно основныхъ началъ будущей конституціи. Собраніе представляло нѣсколько партій со многими оттѣнками. *Правая сторона* [1]); *правый центръ*, составленный изъ либеральныхъ монархистовъ [2]), отъ котораго потомъ отдѣлилась фракція партикуляристовъ и т. наз. партія Финке, примыкавшая къ правой сторонѣ; *лѣвый центръ* [3]); *лѣвая сторона*, съ многими оттѣнками, начиная умѣренными республиканцами и кончая радикалами [4])—таковы были партіи, изъ соглашенія которыхъ должна была выйти германская конституція. Въ виду такого различія партій и простого незнакомства депутатовъ другъ съ другомъ, комитетъ 30-ти рѣшился предложить на обсужденіе собранія прежде всего проектъ „основныхъ правъ нѣмецкаго народа“ [5]), какъ вопросъ, болѣе легкій и менѣе способный задѣть интересы партій. Но этотъ педагогическій пріемъ въ данную минуту былъ неудобенъ въ виду того, что собраніе призвано было не только разсуждать, но и дѣйствовать, а для послѣдняго оно нуждалось въ исполнительной власти. Несмотря на это, собраніе съ особою ревностью принялось за обсужденіе „основныхъ правъ“; но къ концу іюля было обсуждено всего 4 параграфа.

Только 19 іюня собраніе приступило къ разсмотрѣнію проекта о временной исполнительной власти. Шесть дней продолжались бурныя пренія относительно способа ея учрежденія; 27 іюня принято было предложеніе Гагерна, что исполнительная власть должна быть создана самимъ собраніемъ, безъ соглашенія съ отдѣльными правительствами. Нѣсколько дней продолжались еще пренія относительно

---

[1]) Радовицъ, Лихновскій и друг.

[2]) Главою его былъ Гагернъ. Къ нему принадлежали: Бассерманъ, Арндтъ, Дальманъ, Гервинусъ, Яковъ Гриммъ и друг. Сборнымъ мѣстомъ его было „Казино“.

[3]) Виртембергскій министръ Рёмеръ, историкъ и публицистъ Фальмерейеръ и друг.

[4]) Къ послѣднимъ принадлежали Р. Блумъ (разстрѣлянный потомъ въ Вѣнѣ), Фрёбель, Іорданъ, Брентано, Цитцъ, Руге и друг. Сборнымъ ихъ мѣстомъ было подворье „Доннерсбергъ“.

[5]) Grundrechte des deutschen Volkes.

выбора главы исполнительной власти, его прерогативъ, титула и т. д. Наконецъ, собраніе рѣшилось ввѣрить исполнительную власть безотвѣтственному „Блюстителю имперіи“ (Reichsverweser), который управлялъ бы чрезъ отвѣтственное министерство. Блюстителемъ имперіи (29 іюня) былъ избранъ 436 голосами изъ 536 популярный эрцгерцогъ Іоаннъ Австрійскій [1]); 6 іюля онъ торжественно въѣхалъ во Франкфуртъ, а 12-го старый сеймъ сложилъ съ себя полномочія къ общей радости населенія. Къ 9 августа образовалось и первое „имперское“ министерство, душою котораго былъ австрійскій депутатъ Шмерлингъ.

Радость населенія не могла быть продолжительна. Собраніе создало исполнительную власть, поставленную *выше* отдѣльныхъ правительствъ Германіи. Но эта мѣра не ослабила силы словъ Велькера, сказанныхъ имъ во время іюньскихъ преній: „вы не имѣете ни казны, ни арміи, ни исполнительныхъ чиновъ; все это находится въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ... не обманывайтесь силою словъ: мы желаемъ и повелѣваемъ именемъ самодержавнаго народа“. Дѣйствительно, первая же серьезная задача должна была обнаружить слабость средствъ центральной власти.

Такая задача скоро представилась въ видѣ Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса, на которомъ „имперское правительство“ могло попытать свои силы. Мы видѣли [2]), въ какомъ положеніи находилась Данія относительно герцогствъ вслѣдствіе различія законовъ о престолонаслѣдіи. Въ началѣ „революціоннаго года“ (20 января 1848 г.) Христіанъ VIII скончался. Наслѣдникъ его, Фридрихъ VII, какъ бы исполняя завѣщаніе отца, обнародовалъ (28 января) общее для всѣхъ частей монархіи учрежденіе центральнаго ландтага. Но, съ одной стороны, это учрежденіе не удовлетворило національно-демократическую партію въ Даніи, а съ другой, вызвало бурю въ „герцогствахъ“. Событія февральской революціи во Франціи отразились и въ Даніи. Національно-либеральная партія (партія „Казино“) шумно

---

[1]) Іоаннъ, эрцгерцогъ Австрійскій (1782—1879 г., сынъ императора германскаго Леопольда II и испанской инфанты Маріи-Луизы), чрезвычайно любимый народомъ за свои личныя качества и образъ мыслей, въ жизни общественной зналъ лишь неудачи. Въ несчастную войну 1801 года онъ, еще юношей, командовалъ австрійскими войсками и былъ разбитъ при Гогенлинденѣ и Зальцбургѣ. То же случилось въ 1809 году. Затѣмъ онъ жилъ уединенно, вдали отъ двора, преимущественно въ восхитительномъ, по своему мѣстоположенію, Грацѣ. Женившись на бѣдной дѣвушкѣ, онъ былъ счастливъ своимъ положеніемъ частнаго человѣка. Революція 1848 г. вызвала его изъ уединенія. Перепуганный вѣнскій дворъ, спасаясь бѣгствомъ, назначилъ его намѣстникомъ въ Вѣну, гдѣ онъ и успѣлъ сдѣлать коечто для умиротворенія столицы. Затѣмъ онъ принялъ выборъ національнаго собранія.

[2]) См. стр. 657 и слѣд.

выступила съ требованіями свободной конституціи и немедленной инкорпораціи Шлезвига („Данія до Эйдера!"). Король, 24 марта, долженъ былъ уступить и ввѣрить управленіе національно-либеральному министерству (министерство „Казино"). 4 апрѣля изданъ былъ указъ о выборахъ въ учредительное собраніе и провозглашена инкорпорація Шлезвига. Депутаты отъ „герцогства" немедленно обратились въ Франкфуртъ, гдѣ засѣдалъ „предварительный парламентъ" [1]). Послѣдній, вмѣстѣ съ сеймомъ, сталъ на сторону герцогствъ и назначилъ противъ Даніи союзную экзекуцію, возложивъ это порученіе на Пруссію. Прусскія войска двинулись въ герцогства, находившіяся уже въ возстаніи и управлявшіяся временнымъ правительствомъ. Сухопутная война была ведена съ успѣхомъ. Но Данія, пользуясь своимъ флотомъ, наносила большой вредъ нѣмецкой и особенно прусской торговлѣ. Кромѣ того, датскій вопросъ былъ не только германскимъ, но и *международнымъ* европейскимъ вопросомъ. Державы, подписавшія вѣнскіе трактаты, имѣли полное основаніе вмѣшаться въ эту распрю. Наконецъ, и Швеція готовилась оказать дѣятельную помощь одноплеменной Даніи. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Пруссія (26 августа) рѣшилась заключить съ Даніею семимѣсячное перемиріе въ Мальмё, на условіяхъ, выгодныхъ для Даніи [2]).

Вѣсть о перемиріи пришла во Франкфуртъ въ началѣ сентября. Она сразу возбудила всѣ партіи. Дѣйствительно, это былъ первый „обще-германскій вопросъ", на которомъ собраніе могло показать свое значеніе; и онъ былъ рѣшенъ мимо центральной власти. Для радикальной партіи перемиріе въ Мальмё было доказательствомъ своекорыстной политики правительствъ и средствомъ возбудить революціонныя страсти. Для всѣхъ умѣренныхъ партій исходъ этого дѣла во многомъ предрѣшалъ какъ ихъ собственную судьбу, такъ и результатъ пангерманскихъ стремленій. Рѣшеніе было, однако, не легко. Палатское большинство страшилось не принять перемирія, ибо за этимъ послѣдовалъ бы неминуемый разрывъ съ Пруссіею; оно страшилось и принять, потому что радикальная партія грозила мятежомъ. Десять дней откладывалось обсужденіе этого важнаго вопроса, и палата занималась безобидными преніями объ „основныхъ правахъ".

---

[1]) См. выше, стр. 684 и слѣд.

[2]) На основаніи этого договора, военныя дѣйствія не должны были возобновляться до 1-го апрѣля 1849 года; всѣ акты временного правительства, учрежденнаго въ герцогствахъ, по занятіи ихъ германскими войсками, объявлены ничтожными; новое правительство составлено изъ лицъ, назначенныхъ на половину Пруссіей, на половину Россіей, и войска Шлезвига отдѣлены отъ войскъ Гольштейна.

Съ 14 по 16 сентября длились пренія о перемиріи; оно было *принято* слабымъ большинствомъ [1]). Въ самомъ собраніи это рѣшеніе вызвало горячіе протесты. Внѣ собранія, радикалы подняли народныя сборища и революціонные клубы. Шумныя сходки буйствовали на улицахъ 17 сентября; 18-го, возбужденныя толпы хотѣли ворваться въ церковь св. Павла, гдѣ засѣдалъ парламентъ; онѣ были остановлены войсками. Внѣ собранія мятежъ принялъ грозные размѣры. Толпа убила двухъ депутатовъ,—князя Лихновскаго и генерала Ауэрсвальда. Возстаніе было усмирено войсками; но съ этого момента началось паденіе собранія. Нравственная сила его была подорвана [2]), и въ тотъ моментъ, когда началось обсужденіе имперской конституціи (19 октября), оказалось, что силы его изсякли.

Австрія и Пруссія, двѣ могущественнѣйшія державы Германіи, подъ вліяніемъ октябрьскихъ событій въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ [3]), должны были отнестись къ задачѣ франкфуртскаго собранія съ еще бо̀льшимъ недовѣріемъ, чѣмъ прежде. Не говоря о соперничествѣ съ Пруссіею, и объ органическомъ отвращеніи къ „общегерманскому представительству", Австрія не могла содѣйствовать образованію единой и сильной Германіи уже потому, что эта цѣль была противоположна цѣлямъ, которыя въ данную минуту преслѣдовало австрійское правительство. Поддерживая у себя дома племенную рознь, возстановляя мадьяръ противъ славянъ, славянъ противъ нѣмцевъ и послѣднихъ противъ всѣхъ, оно преслѣдовало одну цѣль: созданіе *централизованной* имперіи. Между тѣмъ образованіе германской имперіи не допустило бы такого тѣснаго соединенія не-нѣмецкихъ земель Австріи съ нѣмецкими. Одно изъ первыхъ постановленій франкфуртскаго собранія гласило: „что никакая часть германской имперіи не можетъ быть соединена съ не-нѣмецкими землями въ одно государство. Буде нѣмецкая и не-нѣмецкая земли подчинены одной верховной власти, ихъ отношенія должны быть опредѣлены по началамъ *личнаго* соединенія (Personalunion)".

Австрія не могла согласиться на включеніе въ германскую имперію своихъ нѣмецкихъ земель уже потому, что это значило бы обречь славянъ, мадьяръ и итальянцевъ на служебную роль въ строго нѣмецкомъ государствѣ. Но, съ другой стороны, она не хотѣла и выйти изъ союза, въ которомъ ей до сихъ поръ принадле-

---

[1]) 258, пр. 237.

[2]) Лучше сказать, обнаружилось то, чего не видѣли въ минуту общаго возбужденія—*отсутствіе силы* у собранія.

[3]) См. выше, стр. 716 и слѣд.

жала такая важная роль. Присутствіе же ея въ союзѣ дѣлало невозможнымъ всякія серьезныя улучшенія въ его устройствѣ.

Это понимали и во Франкфуртѣ. Исходъ октябрьской революціи въ Вѣнѣ, казнь Блума, въ которой увидѣли вызовъ, брошенный національному собранію, послужили поводомъ къ предложенію, въ коемъ въ первый разъ была высказана мысль объ образованіи имперіи не только безъ венгро-славяно-итальянскихъ земель Австріи, но и безъ нѣмецкихъ ея владѣній. Отношенія Австріи къ имперіи предполагалось опредѣлить особымъ договоромъ. Предложеніе было сдѣлано профессоромъ Безелеромъ. Генрихъ Гагернъ сталъ на сторону предложенія. Но оно, какъ и слѣдовало ожидать, произвело расколъ въ собраніи; къ этому времени относится зарожденіе двухъ партій въ Германіи: велико-германской и мало-германской (т.-е. стремившейся къ преобразованію германскаго союза *безъ* Австріи).

Но мало-германская программа не могла осуществиться безъ согласія Пруссіи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, также пережившій „октябрьскіе дни" и обратившійся къ услугамъ Бранденбурга и Мантейфеля, не выказывалъ уже такого расположенія къ дѣлу собранія, какъ въ мартовскіе дни. Сверхъ того, традиціи старой имперіи и союза имѣли надъ нимъ слишкомъ большую власть. Генрихъ Гагернъ, явившійся къ нему для переговоровъ, получилъ въ отвѣтъ, что имперія безъ Австріи немыслима [1]). Тѣмъ временемъ и въ Австріи произошла значительная перемѣна. Новый императоръ и министерство Шварценберга-Стадіона энергически взялись за осуществленіе централизаціонныхъ плановъ. Франкфуртскому правительству было сообщено, что Австрія приступила къ своему обновленію и, до выполненія этой задачи, будетъ свято исполнять свои союзныя обязанности [2]). Имперское министерство, руководимое австрійцемъ Шмерлингомъ, готовилось защищать интересы Австріи. Но рѣшительная оппозиція въ палатѣ заставила его уступить мѣсто министерству Гагерна (16 декабря). Заключительныя пренія по конституціи происходили при мрачныхъ предзнаменованіяхъ.

---

[1]) „Дому Габсбурговъ", говорилъ король, „принадлежитъ первенство, и я лично не имѣю такого призванія, я не Фридрихъ I и не Фридрихъ II. Если бы Австрія вышла изъ союза, Германія была бы раздѣлена и уменьшена, и я, по возстановленіи имперіи, не хотѣлъ бы быть первымъ императоромъ, надѣвшимъ искалѣченную корону".

[2]) Смыслъ этого заявленія, по вѣрному замѣчанію Клюпфеля, состоялъ въ томъ, что „Германія должна хорошенько подождать (hübsch warten) съ окончаніемъ своей конституціи, пока Австрія справится съ своимъ „возрожденіемъ". *Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen*, I, стр. 84.

VII. Характеристическою чертою 1849 года является упадокъ и устраненіе со сцены тѣхъ умѣренныхъ элементовъ общества, которые выступили въ 1848 году съ такою вѣрою въ близкое осуществленіе ихъ идеаловъ. Въ 1849 году элементы революціонные и силы „стараго порядка" были противопоставлены другъ другу непосредственно. Поэтому и революціонныя движенія принимаютъ болѣе грозный, неистовый, такъ сказать, характеръ, а съ другой стороны, реакціонныя силы безпощадно подавляютъ революцію, выродившуюся въ рядъ мятежей, и надолго останавливаютъ осуществленіе даже тѣхъ законныхъ требованій, какія содержались въ программѣ людей 1848 года.

Въ Италіи начались попытки послѣдней, отчаянной борьбы за дѣло, покинутое почти всѣми. Сицилійцы снова возстали противъ Фердинанда II подъ предводительствомъ призваннаго ими польскаго выходца Мѣрославскаго. Но неаполитанскія войска на этотъ разъ быстро и жестоко подавили возстаніе; 15 мая Филанджіери вступилъ въ Палермо и объявилъ всю страну на военномъ положеніи. Пьемонтскій король, Карлъ-Альбертъ, не могшій перенести прошлогоднихъ пораженій и осаждаемый требованіями и укорами патріотовъ, рѣшился снова попытать счастья. Перемиріе было имъ прервано (20 марта) въ разсчетѣ на поддержку ломбардцевъ. Но Радецкій быстро перешелъ Тичино и въ четыре дня кончилъ кампанію, разбивъ королевскія войска въ сардинскихъ предѣлахъ.

Послѣдняя, рѣшительная битва при Новарѣ [1]) отняла у Карла-Альберта всякую надежду. Тщетно искалъ онъ смерти въ рядахъ враговъ. Въ ночь съ 23 на 24 марта онъ отрекся отъ престола въ пользу своего молодого сына, Виктора-Эммануила [2]), того прекраснаго и рыцарскаго короля, которому суждено было совершить великое дѣло объединенія Италіи. Но въ данную минуту, молодой король поспѣшилъ заключить перемиріе (24 марта), за коимъ послѣдовалъ миръ (6 августа), условія котораго были не особенно тяжки, благодаря посредничеству Франціи и Англіи. Несчастный Карлъ-Альбертъ уѣхалъ въ Португалію, гдѣ и умеръ (въ Опорто) отъ удара (28 іюля 1849 г.).

Пораженія, понесенныя Карломъ-Альбертомъ въ 1848 году, развязали руки *республиканской* партіи, во главѣ которой стоялъ Мадзини, руководившій союзомъ „Молодой Италіи". Пораженная на сѣверѣ и югѣ Италіи, она сосредоточила свои силы въ папской области, гдѣ было достаточно революціонныхъ и демократическихъ

---

[1]) Главный городъ пьемонтской (нынѣ итальянской) провинціи того же имени.
[2]) Викторъ-Эммануилъ II родился въ 1820 году.

элементовъ. Они уже одержали побѣду надъ Піемъ IX, принудивъ его образовать радикальный кабинетъ, подъ предсѣдательствомъ Маміани [1]). Но министерство Маміани не долго могло удержать власть въ своихъ рукахъ. Среди борьбы партій, папа искалъ человѣка, который могъ бы удовлетворить требованіямъ эпохи и сдерживать анархическія стремленія. Онъ думалъ найти его въ знаменитомъ экономистѣ и криминалистѣ, графѣ Росси (1787—1848 г.); 17 сентября Росси занялъ постъ перваго министра. Но революціонная партія не дала ему и двухъ мѣсяцевъ для осуществленія его либеральной программы; 15 ноября Росси отправился въ засѣданіе палатъ, которымъ онъ хотѣлъ представить планъ преобразованій въ управленіи папскою областью и проектъ мѣръ къ единству и независимости Италіи. Едва вышелъ онъ изъ кареты, какъ изъ толпы выскочилъ человѣкъ, поразившій его на смерть кинжаломъ. Смерть Росси и возстаніе, руководимое „радикальнымъ" княземъ Канино (сыномъ Луціана Бонапарта), заставили Пія IX бѣжать изъ Рима въ Гаэту [2]) подъ защиту неаполитанскаго короля (24 ноября).

Республиканская партія овладѣла „вѣчнымъ городомъ". Учредительное собраніе, созванное вскорѣ послѣ бѣгства папы, провозгласило отмѣну свѣтской его власти и учредило республику (5 февраля 1849 г.). Примѣру Рима послѣдовала и Флоренція, гдѣ республиканская партія принудила къ бѣгству в. герцога Леопольда II. Провозгласивъ республику, тосканцы присоединились къ Риму. Но бѣгство папы возбудило католическія державы. Фердинандъ II Неаполитанскій и Изабелла Испанская послали войска для защиты правъ св. отца. Эти войска, можетъ быть, и не оказали бы существенныхъ услугъ папскому престолу безъ вмѣшательства Франціи. Римскими войсками начальствовалъ народный герой Гарибальди; послѣ вторичнаго пораженія Карла-Альберта, въ Римъ спѣшили волонтеры, не отчаявшіеся въ дѣлѣ Италіи. Неаполитанскія войска едва ли могли одолѣть городъ при этихъ условіяхъ. Французское вмѣшательство рѣшило дѣло. Хотя ст. V конституціи 1848 года и гласила, что республика не будетъ посягать на свободу другихъ народовъ, но Людовикъ-Наполеонъ, желавшій пріобрѣсти поддержку французскаго духовенства для дальнѣйшихъ своихъ цѣлей, смѣло обошелъ эту статью [3]). Большинство новаго законодательнаго собранія поддержало его [4]). Генералъ Удино высадился 24 апрѣля въ Чивита-

[1]) См. выше, стр. 710.

[2]) Укрѣпленный городъ въ южно-италійской провинціи Terra-di-Lavoro.

[3]) Несмотря на безсильные протесты республиканскихъ депутатовъ, въ томъ числѣ Жюля Фавра и Ледрю-Роллена.

[4]) По словамъ Наполеона, онъ былъ вынужденъ къ этой экспедиціи неотступ-

Веккіи съ 8000 отрядомъ. Но онъ былъ отраженъ отъ римскихъ стѣнъ съ такою силою, что принужденъ былъ отступить (2 мая) и вступить въ переговоры съ римскимъ правительствомъ.

Послѣднему удалось заключить съ Удино перемиріе, во время котораго Гарибальди (19 мая) успѣлъ разбить неаполитанцевъ и изгнать ихъ изъ римскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, Удино получилъ сильныя подкрѣпленія и началъ осаду Рима. Неравная борьба продолжалась нѣсколько недѣль, и только 3 іюля Римъ сдался на условіяхъ. Власть папы была возстановлена; но долго еще не рѣшался онъ возвратиться въ свою столицу. Только 4 апрѣля 1850 года рѣшился онъ вступить въ городъ, съ которымъ пережилъ столько испытаній. Горько раскаиваясь въ сдѣланныхъ имъ „ошибкахъ", Пій IX возстановилъ старый порядокъ, и нѣкогда либеральный наперсникъ его, кардиналъ Антонелли, пріобрѣлъ такую же извѣстность, какъ кардиналъ Ламбрускини при Григоріи XVI. Возстановился старый порядокъ и въ другихъ государствахъ средней Италіи. Одинъ только Пьемонтъ сохранилъ конституціонныя учрежденія, данныя ему Карломъ-Альбертомъ, и трехцвѣтное знамя съ савойскимъ крестомъ, которое чрезъ десять лѣтъ сдѣлалось знаменемъ итальянскаго королевства.

VIII. „Возрожденіе" Австріи, о которомъ Шварценбергъ возвѣщалъ франкфуртскому собранію, должно было совершиться, по словамъ манифеста новаго императора, путемъ укрѣпленія единства монархіи, съ одной, и конституціонныхъ реформъ, съ другой стороны. Императоръ, объявляя о своемъ вступленіи на престолъ, выражалъ надежду, что „отечество возродится на основахъ истинной свободы, на основахъ *равноправности всѣхъ* народностей монархіи и равенства всѣхъ гражданъ предъ закономъ, а равно участія народныхъ представителей въ законодательствѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выражалъ твердое намѣреніе „сохранить непотемненнымъ блескъ короны и единство монархіи не умаленнымъ", но изъявлялъ готовность „раздѣлить свои права съ народными представителями" [1]).

Практически эта программа означала; *централизованное* государственное устройство, хотя и видоизмѣненное началами конституціонными, съ допущеніемъ извѣстныхъ мѣстныхъ особенностей, подъ именемъ „равноправности народностей". Программа эта осуществилась въ „октроированной" конституціи 4 марта 1849 года (см. ниже). Но она далеко не соотвѣтствовала истинному положенію вещей и

ными требованіями членовъ національнаго собранія. Таксиль Делоръ, ук. соч., I, стр. 141 и слѣд.

[1]) Манцъ, указ. сбор., I, стр. 38 и слѣд.

не сходилась съ настроеніемъ „учредительнаго собранія", засѣдавшаго еще въ Кремзирѣ. Въ немъ, во-первыхъ, не было венгерскихъ депутатовъ, и междоусобная война, длившаяся въ Венгріи, указывала, что мадьяры намѣрены стойко держаться, по крайней мѣрѣ, *дуализма*. Во-вторыхъ, славянскіе депутаты, вмѣстѣ съ представителями нѣкоторыхъ *нѣмецкихъ* земель, державшихся за свои старые обычаи (Тироль), поддерживали начала *федерализма*, программа котораго была разработана Палацкимъ. Идея централизованной монархіи поддерживалась нѣмецкими централистами, т.-е. такъ называемою партіею „черно-желтыхъ" (Schwarzgelb — австрійскіе цвѣта).

Но исходъ этой борьбы прямо зависѣлъ отъ германскихъ событій, такъ какъ Австрія твердо рѣшилась остаться въ союзѣ. Между тѣмъ „мало-германская" партія дѣлала во Франкфуртѣ большіе успѣхи, поддерживаемая министерствомъ Гагерна. Само прусское правительство въ циркулярной нотѣ къ нѣмецкимъ державамъ (январь 1849 г.) высказывало мысль о возможности образованія „союзнаго государства въ союзѣ" (eines Bundesstaats innerhalb des Bundes), т.-е. чисто нѣмецкой федераціи въ предѣлахъ прежнихъ союзныхъ земель, въ коихъ оставалась бы и Австрія.

Министерство рѣшилось быстро покончить съ „возрожденіемъ" собственной монархіи, чтобы развязать себѣ руки для дѣлъ германскихъ и венгерскихъ. Кремзирское собраніе было распущено [1]), и 4 марта 1849 года народы Австріи получили октроированную конституцію.

Содержаніе ея, по скольку оно касается *устройства* государственнаго, не представляло ничего новаго. Въ подраженіе франкфуртскому собранію, правительство предпослало конституціи объявленіе основныхъ правъ (Grundrechte) австрійскихъ гражданъ; въ подражаніе всѣмъ конституціоннымъ монархіямъ, и особенно бельгійской, оно учредило народное представительство (рейхстагъ) въ видѣ двухъ палатъ — верхней (Oberhaus) и нижней (Unterhaus). Верхняя должна была составиться изъ депутатовъ, избранныхъ мѣстными ландтагами каждой земли изъ лицъ, удовлетворяющихъ особымъ, для нихъ установленнымъ, условіямъ. Нижняя—образовывалась изъ депутатовъ, избранныхъ прямою и, приблизительно, всеобщею подачею голосовъ, въ пропорціи 1 депутата на 100.000 душъ.

---

[1]) Впрочемъ, кремзирское собраніе выработало проектъ конституціи для невенгерскихъ земель Австріи, въ федералистическомъ духѣ. Обсужденіе его должно было начаться 15 марта. Проектъ напечатанъ, между прочимъ, у Рауха, *Parlamentarisches Taschenbuch*, вып. III, стр. 60 и слѣд., изд. 1867 г.

Конституціонныя отношенія палатъ къ правительству были опредѣлены по общимъ принципамъ представительнаго правленія [1]).

Но характеристическими чертами конституціи 4 марта являлись, во-первыхъ, ея всеобщность. Она была объявлена для всѣхъ земель монархіи, не исключая и венгерскихъ [2]). Во-вторыхъ, создавая сильную центральную власть, она въ видахъ *мѣстнаго* разъединенія народностей (divide et impera), шла дальше федералистическихъ плановъ кремзирскаго собранія. Кроація и Славонія вмѣстѣ съ Фіуме объявлялись вполнѣ независимыми отъ Венгріи; сербскому воеводству возстановлялись его церковныя и національныя права. Трансильванія отдѣлялась отъ Венгріи, съ признаніемъ равноправности ея народностей и особенно саксовъ. Сохранялось и учрежденіе Военной Границы. Но „равноправность" народностей нисколько не означала ихъ мѣстной автономіи. Компетенція обѣщанныхъ имъ „ландтаговъ" уже въ самой конституціи [3]) была ограничена тѣсными предѣлами преимущественно хозяйственныхъ пользъ и нуждъ страны. Венгерская конституція сохранялась, по скольку она соотвѣтствовала новой Reichsverfassung [4]), при чемъ отношенія этого государства къ имперіи имѣли быть опредѣлены особымъ закономъ. Обѣщанъ былъ и особый статутъ для Ломбардо-Венеціанскаго королевства.

По всѣмъ этимъ признакамъ можно было судить, что октроированная конституція являлась политическимъ маневромъ опытнаго „военнаго дипломата", князя Шварценберга. Она не могла удовлетворить федералистовъ, такъ какъ обѣщанные ландтаги низводились на степень мѣстныхъ хозяйственныхъ собраній. Въ Венгріи она содѣйствовала только новому возбужденію страстей. Для центральнаго правительства она являлась только декорумомъ, полезнымъ для политическихъ его цѣлей въ Германіи, но который терялъ смыслъ послѣ того, какъ Австрія возстановила учрежденія стараго германскаго союза (см. ниже).

На первый разъ, октроированіемъ конституціи была, впрочемъ, достигнута важная практическая цѣль: положенъ былъ конецъ спорамъ партій объ устройствѣ монархіи, и правительство могло обратить все свое вниманіе на подавленіе возстанія въ Венгріи и въ Венеціи. Венгерская революція была подавлена при помощи русскихъ войскъ. Капитуляція Гёргея при Вилагошѣ (13 августа) отняла у Кошута

[1]) Сборникъ Рауха, вып. III, стр. 87 и слѣд.

[2]) ...für das einige und untheilbare Kaiserthum Oesterreich, какъ сказано въ манифестѣ.

[3]) § 35.

[4]) Она ни въ чемъ ей не „соотвѣтствовала".

всѣ надежды. Онъ, вмѣстѣ съ Бемомъ, бѣжалъ въ Турцію. Кисъ сдалъ Петерварадъ 27 августа; 27 сентября сдался и Клапка. Военные законы и военные суды вступили въ силу.

Въ странѣ, только что вышедшей изъ подобнаго потрясенія, трудно было думать о серьезномъ примѣненіи конституціи. Тѣмъ не менѣе, она сохранялась формально до улаженія нѣмецкихъ дѣлъ. Послѣ того, какъ старый сеймъ былъ возстановленъ (май 1851 г.), даже формальное существованіе конституціи сдѣлалось излишнимъ. Реакція сдѣлала въ послѣдніе два года такіе быстрые успѣхи, что оставалось только „увѣнчать зданіе" отмѣною конституціи. У молодого императора не было недостатка въ рѣшительныхъ совѣтникахъ. Князь Шварценбергъ продолжалъ свою энергическую политику; Стадіонъ, сошедшій съ ума, былъ замѣненъ Александромъ Бахомъ, нѣкогда дѣятельнымъ радикаломъ, но теперь усвоившимъ иное направленіе [1]).

Государственный переворотъ 2 декабря 1851 года во Франціи былъ горячо привѣтствованъ оффиціозною вѣнскою печатью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послужилъ примѣромъ рѣшительнаго образа дѣйствій. 31 декабря 1851 года явился императорскій указъ, отмѣнявшій конституцію 1849 года, какъ несогласную съ основаніями устройства имперіи и непримѣнимую въ отдѣльныхъ ея постановленіяхъ [2]). Другимъ патентомъ, изданнымъ въ тотъ же день, мѣстныя привилегіи, обѣщанныя землямъ Цислейтаніи (т.-е. не-венгерскимъ), также отмѣнены, за исключеніемъ правилъ о вѣротерпимости [3]).

Затѣмъ для всѣхъ земель возвѣщены одинаковыя мѣстныя учрежденія, главныя основанія которыхъ обнародованы тогда же [4]).

Въ *административномъ* отношеніи эти „основанія" вполнѣ удовлетворяли началамъ бюрократической централизаціи. Въ каждой „коронной" землѣ учреждались для завѣдыванія уѣздами (Bezirke) коронныя уѣздныя должности (landesfürstliche Bezirksämter); надъ ними были поставлены окружныя начальства (Kreisbehörden), въ свою очередь, подчиненныя намѣстническому правленію (Statthalterei) и губернатору (Landeschef) каждой коронной земли. „Мѣстныя осо-

---

[1]) Бахъ (Александръ-Антоній-Стефанъ), род. въ 1813 г. въ небольшомъ городѣ Нижней Австріи. Въ 1848 году былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей радикальной партіи и, послѣ отставки кабинета Пиллерсдорфа, получилъ мѣсто министра юстиціи въ кабинетѣ Доблъгоффа. Съ этого времени его убѣжденія измѣнились, что помогло ему вступить и въ министерство Шварценберга-Стадіона, также въ качествѣ министра юстиціи. Послѣ отставки Стадіона, онъ занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ и сохранялъ его до 1859 года.

[2]) Манцъ, ук. сбор. I, стр. 44 и слѣд.

[3]) Манцъ, ук. сбор. I, стр. 46 и слѣд.

[4]) „Grundsätze für organische Einrichtungen in den Kronländern des österreichischen Kaiserstaates". Манцъ, ук. сбор. I, стр. 48 и слѣд.

бенности“ удержаны только для *наименованія* должностей и дѣленій (комитаты, делегаціи и т. д.). При намѣстникахъ допущены совѣщательные комитеты изъ мѣстнаго дворянства, землевладѣльцевъ и торгово-промышленнаго сословія.

Въ отношеніи судоустройства и судопроизводства отмѣнены начала несмѣняемости судей, гласность судоговоренія, участіе присяжныхъ. Въ высшихъ судахъ установлена письменная форма процесса. Свобода печати также была отмѣнена, наравнѣ съ другими законами, сопровождавшими многообѣщавшую хартію 1849 г.

Одинъ только важный законъ оставался неприкосновеннымъ: законъ, заключавшій въ себѣ правила объ отмѣнѣ барщинъ, выкупѣ повинностей и регулированіи сервитутовъ. Въ примѣненіи этого закона, Бахъ дѣйствовалъ рѣшительно и оказалъ большія услуги государству [1].

Въ общемъ, Австрія не только *возвратилась* къ формамъ стараго управленія, но создала новыя формы абсолютизма, неизвѣстныя прежнему времени, когда историческія особенности и привилегіи „земель“ были признаны. Особенно тяжело было положеніе Венгріи, о которомъ мы скажемъ ниже. Новое зданіе было, однако, построено на ненадежныхъ основаніяхъ, какъ это показали событія 1859 и 1866 годовъ.

IX. Реакціонное движеніе въ Пруссіи привело, какъ мы сказали, къ болѣе умѣреннымъ результатамъ. Подавляя революціонныя попытки у себя дома и въ другихъ государствахъ Германіи, прусское правительство не упускало изъ виду и другой цѣли: удержанія своего мѣста и вліянія въ Германіи. Послѣ роспуска учредительнаго собранія и октроированія конституціи [2], король издалъ также (6 декабря 1848 г.) избирательный законъ, на основаніи котораго имѣли быть избраны новыя палаты. Послѣднія были созваны 26 февраля 1849 года.

Сессія палатъ совпадала съ временемъ сильнѣйшаго кризиса въ Германіи. Франкфуртское собраніе окончило и обнародовало имперскую конституцію [3]; оно предложило корону Фридриху Вильгельму IV, который отказался взять ее изъ рукъ собранія (3 апрѣля). Общегерманскія событія давали обильную пищу къ оппозиціи въ палатахъ; демократія напрягала послѣднія свои силы для поддержанія рѣшеній франкфуртскаго собранія и своей программы. Многочисленные конфликты съ правительствомъ привели, наконецъ, къ роспуску палатъ (27 апрѣля 1849 г.).

---

[1]) Раухъ, ук. сбор., вып. III, стр. 121—132.

[2]) См. стр. 720.

[3]) См. ниже.

Пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ издавать распоряженія съ силою временныхъ законовъ, когда палаты не въ сборѣ [1]), правительство издало новый *избирательный законъ*, установившій знаменитую *трехклассную систему*, нынѣ дѣйствующую въ Пруссіи [2]). Палаты, избранныя на основаніи этого закона, были собраны 9-го августа 1849 г. Эти палаты пришли, наконецъ, къ „соглашенію“ относительно ревизіи конституціи 1848 г. Работы палатъ были кончены къ 18-му декабря, о чемъ онѣ и довели до свѣдѣнія короля. Но правительство, 7 января, предложило палатамъ еще нѣсколько поправокъ, которыя и были ими приняты. Наконецъ, королевское посланіе (Botschaft) 31 января 1850 года объявило ревизію конституціи конченною [3]), и обѣ палаты были созваны на 6 февраля для принятія присяги отъ короля и принесенія таковой.

Конституція 31 января 1850 г., вмѣстѣ съ избирательнымъ закономъ 30 мая 1849 г., королевскимъ распоряженіемъ 12 октября 1854 года, относительно образованія верхней палаты, остается, за немногими измѣненіями, основнымъ закономъ прусской монархіи.

Не такъ легко было устроить „компромиссъ“ по дѣламъ *германскимъ*. Фазисъ, въ который они вступили, требовалъ не только рѣшительности, но и благопріятныхъ условій. Ни того, ни другого недоставало тогдашнему прусскому правительству. Австрія, послѣ „октроированной“ конституціи 1849 года, поддерживаемая Россіею и въ вѣрномъ расчетѣ на соперничество среднихъ нѣмецкихъ державъ, смѣло выступила противъ *федеративнаго* устройства Германіи. Къ ея взглядамъ не замедлили, вскорѣ, присоединиться и другія государства.

Отнынѣ собранію оставалось одно—доканчивать на удачу свое дѣло, въ надеждѣ, что, *можетъ быть*, прусскій король возьметъ на себя роль объединителя Германіи, по волѣ собранія.

Но и эта неблагодарная работа была затруднительна для парламента. Въ виду рѣшительнаго сопротивленія Австріи, Баваріи и Ганновера, всѣ австрійскіе члены и партикуляристы были противъ федеративной монархической формы союза. Надо еще удивляться, какъ въ виду этой пестрой смѣси партикуляристовъ, клерикаловъ, феодаловъ и республиканцевъ, дружно сплотившихся, могло состояться какое нибудь противное имъ большинство. Конечно, это большинство не могло довести своихъ плановъ до конца. Исключеніе Австріи, формально предложенное Велькеромъ, было отвергнуто и, такимъ

---

[1]) Ст. 105 конст. 1848 г.; ст. 63 дѣйствующей конституціи.

[2]) Она будетъ разсмотрѣна въ догматической части.

[3]) „Die in der Verfassungsurkunde vom 5 December 1848 vorbehaltene Revision sehen Wir jetzt als beendigt an“.

образомъ, заранѣе были связаны руки каждому, кто рѣшился бы принять императорскую корону. Министерство Гагерна подало въ отставку (21-го марта). Тѣмъ не менѣе, до 27-го марта конституція была вотирована, а 28-го марта собраніе приступило къ выбору наслѣдственнаго императора. Въ собраніи присутствовало 568 членовъ. Изъ нихъ 247 (австрійцы, баварцы, ультрамонтаны и вся лѣвая сторона) воздержались отъ подачи голосовъ. Изъ остальныхъ членовъ 290 подали голосъ за Фридриха-Вильгельма IV.

Конституція, принятая собраніемъ, была обработана весьма тщательно, но заключала въ себѣ много такого, что́ не могло быть принято королемъ [1]). Союзная власть должна была состоять изъ императора, управляющаго чрезъ отвѣтственное министерство, и сейма. Сеймъ предполагалось составить изъ двухъ палатъ: палаты государствъ (Staatenhaus) и народной палаты (Volkshaus). Въ первой палатѣ засѣдали бы уполномоченные отъ правительствъ (первая половина) и выборные отъ мѣстныхъ палатъ (вторая половина). Члены народной палаты избирались бы всеобщею подачей голосовъ по одному на 100.000 жителей. Кромѣ того, ради охраненія конституціи и юридическаго порядка во всей Германіи, учреждался имперскій судъ. Въ рукахъ союзнаго правительства сосредоточивалось право внѣшнихъ сношеній, завѣдываніе арміею и флотомъ, главными путями сообщенія, таможеннымъ и монетнымъ дѣломъ и т. д. Отдѣльныя правительства сохраняли за собою только права, спеціально непредоставленныя имперской власти. Наконецъ, существенную часть конституціи составляли такъ называемыя „основныя права“.

Два постановленія новаго устройства въ особенности не благопріятно подѣйствовали на короля. Будущему императору давалось только задерживающее veto (veto suspensivum)—уступка, сдѣланная республиканской партіи. Во-вторыхъ, король съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на избирательный законъ, основанный на началѣ всеобщей подачи голосовъ. Но нечего говорить о частностяхъ, когда все зданіе будущей конституціи, съ самаго фундамента, противорѣчило кореннымъ убѣжденіямъ Фридриха-Вильгельма. Проникнутый благоговѣніемъ къ преданіямъ старинной имперіи, устройство которой представлялось ему въ какомъ-то романтическомъ свѣтѣ, онъ былъ непріятно изумленъ этою конституціею, составленною по самоновѣй-

---

[1]) Имперская конституція состояла изъ 197 §§, расположенныхъ въ семи отдѣлахъ. Кромѣ конституціоннаго закона, національное собраніе издало нѣсколько спеціальныхъ узаконеній, именно: 1) избирательный законъ; 2) законъ о германскихъ флагахъ; 3) законъ объ отвѣтственности членовъ собранія; 4) объ охраненіи національнаго собранія; 5) вексельный уставъ, сохранившій свое значеніе и впослѣдствіи; 6) нѣсколько финансовыхъ законовъ.

шимъ началамъ и образцамъ. Вмѣсто князей, рыцарства и гражданства, вѣнчавшихъ Фридриха Барбароссу и Рудольфа Габсбургскаго, онъ долженъ былъ принять корону отъ „учредительнаго собранія", составленнаго во вкусѣ 1789 года. Не было ли это нарушеніемъ всѣхъ преданій? Къ этимъ субъективнымъ препятствіямъ присоединялась масса внѣшнихъ. Что станетъ дѣлать государь, принявшій корону безъ согласія правительствъ, теперь окрѣпшихъ послѣ революціоннаго потрясенія? Не долженъ ли онъ будетъ начать междоусобную войну, съ цѣлью подчиненія ихъ своей волѣ? Какъ устранить противодѣйствіе Австріи? Какъ обойти трактаты 1815 года, все еще считавшіеся основаніемъ европейскаго международнаго права?

Въ виду этихъ соображеній, нельзя было сомнѣваться въ отвѣтѣ короля; само собраніе врядъ ли было увѣрено въ успѣхѣ. Но послѣ избранія 28-го марта, оно должно было сдѣлать послѣднюю попытку. 2-го апрѣля прибыла въ Берлинъ депутація изъ 34 членовъ собранія, между которыми находились Симсонъ, Арндтъ, Дальманъ, Миттермайеръ, Раумеръ [1]) и Цахаріэ [2]). На другой день она была принята королемъ.

X. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ депутацію съ выраженіями благодарности и сочувствія, но объявилъ, что онъ не можетъ принять предложенія безъ согласія прочихъ правительствъ. „Я готовъ", говорилъ онъ, „доказать фактами, что члены собранія не ошиблись, возлагая свое упованіе на мою преданность, вѣрность и любовь къ общему отечеству. Но, господа, я не соотвѣтствовалъ бы духу германскаго народа, я не установилъ бы единства Германіи, принявъ рѣшеніе, долженствующее имѣть важныя послѣдствія для всѣхъ ея частей, съ нарушеніемъ всѣхъ священныхъ правъ и моихъ прежнихъ опредѣлительныхъ и торжественныхъ заявленій, безъ свободнаго соглашенія коронованныхъ главъ и вольныхъ городовъ Германіи".

Депутація уѣхала изъ Берлина ни съ чѣмъ. Послѣдняя попытка сдѣлать для отечества что нибудь кончилась печальною неудачей. Но отказъ короля не былъ, однако, *безусловенъ*. Король отрицалъ за собраніемъ право предлагать корону, такъ какъ его единственною задачею было изготовленіе проекта конституціи; слѣдовательно, онъ не долженъ былъ принимать депутаціи вовсе, или, принявъ, отвѣчать

---

[1]) Фридрихъ Раумеръ (родился въ 1781 году), знаменитый авторъ *Исторіи Гогенштауфеновъ* и множества другихъ трудовъ.

[2]) Генрихъ Цахаріэ (родился въ 1806 году), извѣстный юристъ, авторъ *Учебника нѣмецкаго уголовнаго процесса* и *Нѣмецкаго государственнаго и союзнаго права*.

ей рѣшительнымъ отказомъ. Между тѣмъ, онъ прямо сказалъ, что выборъ 28-го марта даетъ ему *право* (Anrecht) на корону, но что онъ не можетъ воспользоваться этимъ правомъ безъ согласія прочихъ правительствъ. Послѣдствія такого отвѣта легко было предвидѣть. Для лицъ, желавшихъ германскаго единства, а къ числу ихъ принадлежало и прусское правительство, необходимо было добиться согласія отдѣльныхъ государствъ. Этого можно было достигнуть двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, путемъ дипломатическихъ сношеній съ правительствами, во-вторыхъ, путемъ вліянія на нихъ народныхъ массъ и мѣстныхъ палатъ. И тѣ, и другія средства были пущены въ дѣло.

На другой же день послѣ пріема депутаціи, прусскій кабинетъ отправилъ ко всѣмъ дворамъ ноту, въ которой заявлялъ, что его величество, король, сознавая историческое призваніе Пруссіи и потребности общаго отечества, готовъ стать во главѣ союзнаго государства, если на то воспослѣдуетъ согласіе гоударей и вольныхъ городовъ. Затѣмъ, объемъ и форма этого союза будутъ зависѣть отъ того, какое количество государствъ рѣшится къ нему приступить. Эта нота заключаетъ въ себѣ двѣ идеи, изъ которыхъ одна имѣла большое значеніе для національнаго собранія, а другая—для будущаго Германіи. Провозглашая, что *форма* союза будетъ зависѣть отъ количества государствъ, желающихъ къ нему приступить, прусская нота объявляла ничтожною всю конституціонную работу собранія. Затѣмъ, она, на первый разъ робко, высказала мысль, что *единство Германіи должно быть дѣломъ Пруссіи.* Эта мысль не умерла ни въ прусскомъ кабинетѣ, ни въ Германіи.

Національное собраніе рѣшилось отстаивать свое дѣло. 11-го апрѣля оно постановило торжественно объявить о своемъ намѣреніи твердо держаться принятой имъ конституціи. Теперь все зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ правительства подчинятся этому заявленію. Благодаря вліянію всѣми уважаемаго Гагерна, 28 второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ объявили, что они признаютъ конституцію, выборъ императора и требуютъ, чтобы прусскій король, для блага родины, принялъ на себя новыя обязанности. Но не такъ пошло дѣло въ главныхъ государствахъ. Вторая палата въ Пруссіи рѣшилась настаивать предъ правительствомъ на принятіи имперской конституціи. Она была распущена (27-го апрѣля; см. выше). Въ Виртембергѣ король уступилъ только послѣ долгой борьбы съ палатами (24-го апрѣля). Короли баварскій и саксонскій высказались рѣшительно и противъ конституціи, и противъ главенства прусскаго короля. То же произошло и въ Ганноверѣ (23-го, 26-го и 28-го апрѣля).

Въ виду этого противодѣйствія, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился

безусловно отказаться отъ предложенной ему короны. Въ прокламаціи, изданной 27-го апрѣля, объявлялось, что главныя государства Германіи не желаютъ принять конституціи, предложенной собраніемъ; что, съ своей стороны, прусское правительство несогласно съ ея основаніями (veto suspensivum, всеобщая подача голосовъ), и что затѣмъ собранію предстоитъ выработать проектъ государственнаго устройства, согласный съ видами всѣхъ правительствъ.

Собраніе рѣшилось на послѣднюю отчаянную мѣру. Постановленіемъ 4-го мая [1]) оно пригласило весь германскій народъ, всѣ правительства и общины привести въ исполненіе изданную имъ конституцію. Новый рейхстагъ долженъ собраться къ 22-му августа. Если Пруссія не согласится принять на себя главенство въ имперіи, эти права будутъ предоставлены главному изъ государей, признавшихъ конституцію, съ званіемъ имперскаго намѣстника (Reichsstatthalter). Если бы это воззваніе исходило отъ сильнаго собранія, въ родѣ англійскаго парламента 1641 года, оно породило бы междоусобную войну; изданное безсильною горстью людей, оно равнялось воззванію къ мятежу, котораго послушались лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Самъ парламентъ, который, по точному смыслу прокламаціи 4-го мая, долженъ былъ разойтись, поневолѣ остался пассивнымъ зрителемъ жалкой революціонной драмы и собственнаго разложенія.

Возстаніе вспыхнуло въ Баденѣ, Саксоніи, прирейнской Баваріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Вездѣ оно было подавлено вооруженною силою, причемъ прусскія войска играли главную роль. Положеніе самого собранія было особенно невыгодно потому, что его мѣра призвала къ дѣятельности именно тѣ силы, противъ которыхъ оно боролось — силы, едва не уничтожившія его 18-го сентября 1848 года. Зигели, Мѣрославскіе, Бакунины и т. д. взялись за „приведеніе въ дѣйствіе конституціи“, которую они ненавидѣли, можетъ быть, больше, чѣмъ Мантейфель и Эрнстъ-Августъ ганноверскій. Разложеніе собранія шло быстро. Главныя правительства, прежде всего Австрія, признавая, что задача собранія исчерпана, отозвали своихъ депутатовъ. Большинство повиновалось этому призыву. Другіе депутаты сами убѣдились, что путь мирной и законной реформы теперь невозможенъ, что реакція и революція снова противостоятъ другъ другу, какъ въ худшія времена священнаго союза, и сложили свои полномочія. Таковы были, между прочимъ, Симсонъ, Дункеръ, Дройзенъ, Арндтъ, Велькеръ, Дальманъ и Гагернъ (21-го мая).

---

[1]) Оно было принято весьма незначительнымъ большинствомъ.

Большинство оставшихся членовъ собранія принадлежало къ лѣвой сторонѣ. Но собраніе мало выиграло отъ того, что не захотѣло разойтись. Количество депутатовъ уменьшилось до такой степени, что собранію пришлось уменьшить законное число присутствующихъ депутатовъ до 100. Скоро затѣмъ послѣдовалъ разрывъ собранія съ блюстителемъ имперіи и бѣгство перваго въ Штутгартъ, въ виду приближенія къ Франкфурту прусскихъ войскъ [1]). Въ Штутгартѣ остатокъ парламента думалъ быть въ безопасности, такъ какъ Виртембергъ и Баденъ были центрами революціонной агитаціи. Но надежды его не осуществились. Виртембергскій министръ Рёмеръ, бывшій депутатъ въ собраніи [2]), запретилъ ему собираться и поддержалъ свой запретъ военною силой (18-го—21-го іюня). Собраніе рѣшилось перевести свое мѣстопребываніе въ Карлсруэ, но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

XI. Несмотря на неудачу этого знаменитаго собранія, нельзя сказать, что его дѣятельность прошла для Германіи безплодно и безслѣдно. Напротивъ, событія 1848 г., съ одной стороны, сблизили всѣ элементы нѣмецкаго общества, дружественные идеѣ германскаго единства, а съ другой—уяснили ихъ отношеніе къ элементамъ враждебнымъ. Всѣ мечты о возстановленіи „священной римской имперіи" пали; огромное большинство патріотовъ пришло къ убѣжденію, что образованіе „союзнаго государства" возможно только подъ условіемъ исключенія изъ него Австріи. Кениггрецъ былъ подтвержденіемъ этой теоріи. Затѣмъ, *ни одна* изъ идей, воодушевлявшихъ франкфуртское собраніе, не пропала даромъ. Мысль о необходимости народнаго представительства рядомъ съ учрежденіемъ, составленнымъ изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, осуществлена въ 1867 году. Избирательный законъ, казавшійся опаснымъ Фридриху-Вильгельму IV, принятъ княземъ Бисмаркомъ. Задачи и границы центральной власти „сѣверо-германскаго" союза (потомъ имперіи) опредѣлены по началамъ имперской конституціи 1849 г.

Не менѣе плодотворны, въ отрицательномъ отношеніи, были и годы реакціи 1850 и слѣд. Если франкфуртское собраніе оказалось безсильно создать „союзное государство" актомъ народной воли, то столь же безсильнымъ оказалось и прусское правительство создать его путемъ соглашенія между отдѣльными правительствами. Главнымъ дѣятелемъ и органомъ короля Фридриха-Вильгельма былъ ближайшій другъ его, отлично образованный генералъ Радовицъ

---

[1]) Столкновеніе между блюстителемъ имперіи и собраніемъ началось еще 17 мая.

[2]) Онъ сложилъ съ себя званіе депутата 8-го іюня.

(1797—1853 г.). Хотя ближайшее прошлое (онъ былъ вождемъ крайней правой стороны во франкфуртскомъ парламентѣ) и могло внушить довѣріе всѣмъ консервативнымъ партіямъ, но всѣ его попытки, самыя разнообразныя [1]), не имѣли успѣха, несмотря на поддержку нѣкоторыхъ правительствъ и членовъ бывшаго центра франкфуртскаго парламента [2]). Князь Шварценбергъ [3]) шагъ за шагомъ вытѣснялъ Пруссію со всѣхъ позицій, пользуясь рѣшительною поддержкою русскаго двора и окончаніемъ венгерской войны, развязавшимъ ему руки. Всѣ попытки федеративнаго устройства кончились возстановленіемъ стараго сейма (май 1850 г.).

Другой вопросъ, являвшійся предметомъ раздора между Пруссіею и Австріею—вопросъ о нарушеніи гессенской конституціи курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и его министромъ Гассенпфлугомъ—кончился подавленіемъ сопротивленія при помощи союза. Въ существѣ своемъ, „гессенскій вопросъ" оставался неразрѣшеннымъ до 1866 года, когда Гессенъ, во время австро-прусской войны стоявшій на сторонѣ Австріи, былъ присоединенъ къ Пруссіи, въ качествѣ одной изъ ея провинцій.

Не въ пользу Германіи разрѣшился теперь и датскій вопросъ, такъ долго волновавшій франкфуртское собраніе. Пользуясь перемиріемъ [4]), королевство дало себѣ первую конституцію, выработанную 25 мая и обнародованную 5 іюня 1849 года. Дѣйствіе этой конституціи распространялось на собственную Данію и должно было распространиться на Шлезвигъ, по заключеніи мира. Сверхъ того, сейму (Rigsdag) представлялись нѣкоторыя общія для всей монархіи дѣла [5]).

Но война была еще на очереди. Срокъ перемирія истекалъ въ апрѣлѣ 1849 года. Съ двухъ сторонъ дѣлались приготовленія къ упорной борьбѣ. Нечего говорить, что слабая Данія напрягла на этотъ разъ всѣ свои силы. Франкфуртское правительство назначило въ герцогствѣ намѣстничество (Statthalterschaft), состоявшее изъ

---

[1]) Эти попытки, представляющія теперь исключительно историческій интересъ, подробно изложены въ моемъ сочиненіи *Германская конституція*, I, стр. 116—132.

[2]) Прозванныхъ готскою партіею, такъ какъ они, въ концѣ іюня 1849 года, въ числѣ 150 лицъ, собрались въ Готѣ и здѣсь, по почину Гагерна и Дальмана, составили резолюцію, приглашавшую націю поддерживать прусскій проектъ.

[3]) См. выше, стр. 717.

[4]) См. выше, стр. 723.

[5]) *Общее* устройство и управленіе по дѣламъ королевства были опредѣлены впослѣдствіи конституціею 1855 года. Конституція 1849 г. сохранила свое значеніе для собственной Даніи, въ качествѣ мѣстнаго ея закона.

двухъ лицъ [1]), и ввело туда союзную армію, состоявшую изъ контингентовъ Пруссіи, Баваріи, Виртемберга и Ганновера. Наконецъ, сами герцогства составили армію въ 14.000 человѣкъ, начальство надъ которою было поручено прусскому генералу Бонину [2]). Результаты этого новаго похода были, однако, неудачны. Мы не говоримъ о военныхъ успѣхахъ, которые, конечно, были на сторонѣ преобладающей силы нѣмецкихъ войскъ. Но эти успѣхи остались безъ послѣдствій. Дипломатическое вмѣшательство Англіи и Россіи напомнило германскимъ правительствамъ, что датская территорія обезпечена трактатами вѣнскаго конгресса. Главнокомандующій союзными войсками, прусскій генералъ Притвицъ [3]), не обнаруживалъ особенной энергіи. 10-го іюля Пруссія заключила новое перемиріе, кончившееся берлинскимъ миромъ 2-го іюля 1850 года. Въ силу мирнаго договора, Шлезвигъ отданъ былъ въ распоряженіе Даніи и отдѣленъ отъ Гольштейна. Датскій король обязывался дать Шлезвигу особое устройство, но герцогство признано было составною частью датской монархіи (Данія до Эйдера). Гольштейнъ былъ пока предоставленъ собственной судьбѣ; нѣмецкія войска не защищали его болѣе. Намѣстничество не признало берлинскаго мира и рѣшилось продолжать сопротивленіе своими силами. Нѣтъ ничего удивительнаго, если впослѣдствіи борьба гольштинцевъ была приравнена къ мятежу противъ правительства.

Возстановленный и руководимый Австріей германскій сеймъ вознамѣрился покончить съ *внутренними* отношеніями Гольштейна къ Даніи. Союзнымъ коммиссарамъ поручено было, такъ сказать, усмирить Гольштейнъ и водворить въ немъ повиновеніе законному правительству. Они прибыли сюда еще въ январѣ 1851 года. Въ теченіе года, они возстановили старый порядокъ и 18-го января 1852 года передали управленіе въ руки датскаго правительства. Предрѣшеніе же дальнѣйшей судьбы Даніи сдѣлалось предметомъ совѣщанія и соглашенія первенствующихъ европейскихъ державъ. 8-го мая 1852 года уполномоченные Австріи, Англіи, Франціи, Россіи и Швеціи подписали въ Лондонѣ трактатъ [4]), въ силу котораго герцогства признавались неразрывно связанными съ датскою короною. На случай бездѣтной кончины короля Фридриха VII, на-

---

[1]) Графа Ревентловъ-Преца и Вильгельма Безелера, брата извѣстнаго намъ депутата.

[2]) Эдуардъ Бонинъ (1793—1865 г.), съ 1852—1854 г. и съ 1858—1859 г. прусскій военный министръ.

[3]) Карлъ-Эрнстъ Притвицъ (1790—1871 г.), ветеранъ войны за освобожденіе 1813-го и слѣдующихъ годовъ.

[4]) Извѣстный подъ именемъ лондонскаго протокола.

слѣдованіе переносилось на принца Христіана Глюксбургскаго [1]) и его мужское потомство. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и прусскій уполномоченный подписалъ этотъ трактатъ. Такимъ образомъ, сеймъ даже не былъ спрошенъ по вопросу, конечно, касавшемуся общихъ германскихъ интересовъ. Ниже мы увидимъ, какое употребленіе сдѣлалъ Бисмаркъ изъ этого обстоятельства.

XII. Успѣхи общеевропейской реакціи завершились, во Франціи, государственнымъ переворотомъ 2 декабря 1851 года. Исторія второй французской республики съ 1848 г. до переворота 1851 г. есть исторія ея агоніи. Она не имѣла поддержки ни въ большинствѣ законодательнаго собранія, ни въ исполнительной власти. Законодательное собраніе, избранное въ 1849 году, въ большинствѣ состояло уже не изъ умѣренныхъ республиканцевъ или депутатовъ, склонныхъ признать республику какъ фактъ, но изъ легитимистовъ и орлеанистовъ, приверженцевъ павшихъ династій и враждебныхъ республикѣ. Глава исполнительной власти постепенно, но настойчиво подготовлялъ торжество бонапартизма. Обѣ государственныя власти сходились въ общемъ нерасположеніи къ республикѣ, искусно отождествленной съ „краснымъ призракомъ" іюньскихъ дней. Сами республиканцы давали поводъ къ такому отождествленію. Не имѣя серьезной поддержки въ странѣ, сдѣлавшейся теперь равнодушной къ формѣ правленія, они отвѣчали на реакціонныя мѣры собранія и правительства тѣми революціонными вспышками и манифестаціями, которыя еще больше свидѣтельствовали объ ихъ безсиліи. Въ странѣ, оффиціально носившей имя „республики", представители націи и ея исполнительная власть говорили о республиканской „партіи" и даже „факціи".

Опасеніе „краснаго призрака" сдѣлалось руководящимъ мотивомъ мѣръ собранія и исполнительной власти, которая искусно пользовалась этими мѣрами для привлеченія союзниковъ, необходимыхъ для дальнѣйшихъ ея цѣлей. Римская экспедиція должна была расположить въ пользу президента клерикальную партію; законы относительно народнаго образованія, отдававшіе послѣднее въ руки духовенства, новые и строгіе законы относительно печати и правъ сходокъ, о депортаціи и объ осадномъ положеніи—таковы были постановленія, которыми собраніе думало возстановить порядокъ, но коими оно подготовляло собственное паденіе. Непопулярность этихъ мѣръ падала на него, а не на президента, прикрытаго со-

[1]) Принцъ Христіанъ (род. въ 1818 г.), сынъ герцога Фридриха-Вильгельма Гольштейнъ-Глюксбургскаго, женился на принцессѣ Луизѣ, дочери ландграфа Вильгельма Гессенскаго и жены его Луизы-Шарлотты, рожденной принцессы датской, дочери короля Христіана VIII, т.-е. сестры Фридриха VII.

браніемъ и не упускавшаго случая выиграть въ популярности на счетъ „законодательной власти".

Одинъ изъ законовъ собранія въ особенности далъ президенту сильное оружіе противъ палаты. Къ 1850 году, она утратила уже всякое довѣріе страны. Парижскіе избиратели, какъ это часто бывало и бываетъ съ ними, вознамѣрились дать ей „предостереженіе", посредствомъ избранія нѣсколькихъ радикальныхъ депутатовъ въ дополнительныхъ выборахъ 10 марта. Депутатами были избраны Карно [1]), Ла-Флотъ [2]) и Видаль [3]). Перепуганное собраніе отвѣчало на эти выборы новыми строгостями противъ печати и новыми ограниченіями права сходокъ, даже *избирательныхъ*. Но эти законы привели къ противоположному результату. Видаль, избранный одновременно въ Парижѣ и въ департаментѣ Верхняго-Рейна, принялъ полномочіе отъ послѣдняго. Парижъ (28 апрѣля) избралъ на мѣсто его соціалистическаго романиста Евгенія Сю.

По инициативѣ Тьера, Монталамбера и другихъ членовъ собранія, назначена была коммиссія изъ 17 лицъ для составленія проекта объ *ограниченіи* избирательнаго права. Барошъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, не желалъ, какъ онъ говорилъ, предоставить кому либо иному *честь* представленія этого закона [4]). Проектъ предоставлялъ право голоса лицамъ, доказавшимъ трехлѣтнее свое пребываніе (domicile) въ кантонѣ или общинѣ на основаніи податныхъ списковъ. Срокъ „пребыванія" и сложный способъ его доказательства были настолько обременительны, что до 3 милліоновъ гражданъ лишалось выборнаго права.

Пренія въ собраніи были чрезвычайно бурны. Ораторы большинства, поддерживавшіе проектъ, доказывали его пользу съ такою страстью, какъ будто новый законъ дѣйствительно долженъ былъ спасти Францію. „Крикъ, раздавшійся со всѣхъ сторонъ Франціи", восклицалъ почтенный экономистъ Леонъ Фоше, „проситъ и требуетъ отъ правительства рѣшимости" [5]). „Я говорю", восклицалъ

[1]) Бывшій министръ народнаго просвѣщенія при временномъ правительствѣ (см. выше, стр. 678).

[2]) Офицеръ морской службы, депортированный послѣ іюльскихъ событій.

[3]) Бывшій секретарь „люксембургской коммиссіи".

[4]) Самъ Людовикъ-Наполеонъ, предлагая, въ посланіи своемъ отъ 4 ноября 1851 года, *отмѣнить* означенный законъ, признавалъ, что онъ былъ внесенъ по инициативѣ правительства. „Я не думаю", говорилъ онъ, „отрицать одобренія (approbation), даннаго мною министру внутреннихъ дѣлъ, требовавшаго отъ вождей большинства, дѣломъ котораго былъ этотъ законъ, чести его представить". Политика президента представляется, въ виду этого заявленія, особенно двойственною.

[5]) Въ дѣйствительности, петиціи, представленныя въ собраніе *противъ* закона, были покрыты 527.000 подписей; на петиціяхъ въ *пользу* закона насчитывалось 2.618 подписей.

Монталамберъ, „что нужно возобновить *римскую экспедицію* внутрь страны; нужно предпринять противъ соціализма, который намъ грозитъ и насъ пожираетъ, кампанію, подобную римской". Республиканскіе ораторы (Кавеньякъ, Ж. Фавръ, Ламартинъ, Мишель изъ Буржа и друг.) напрасно предостерегали собраніе. Законъ былъ принятъ и сдѣлался опаснымъ орудіемъ въ рукахъ президента, когда онъ задумалъ государственный переворотъ.

Постепенно, но успѣшно, передавалъ президентъ управленіе въ руки своей партіи и укрѣплялъ свою власть. Начавъ съ „парламентскаго" министерства Одилона Барро, которое, впрочемъ, усердно служило дѣлу реакціи, онъ пользовался каждымъ случаемъ для составленія кабинета изъ личныхъ своихъ приверженцевъ. Армія сдѣлалась главной средой проповѣди бонапартизма. Объѣзжая страну, президентъ умѣлъ воспользоваться каждымъ случаемъ, для возвеличенія „наполеоновской идеи" и для утвержденія народонаселенія въ мысли, что Франція можетъ быть спасена отъ предстоящей анархіи только имъ.

По мѣрѣ приближенія рокового срока его полномочій, онъ самъ поднялъ вопросъ о *ревизіи* конституціи, т.-е. въ дѣйствительности объ отмѣнѣ постановленія, воспрещавшаго переизбраніе президента республики на новое четырехлѣтіе [1]. Вопросъ о пересмотрѣ конституціи имѣлъ большую важность и въ глазахъ страны, потому что въ виду нескончаемыхъ пререканій между собраніемъ и президентомъ, въ виду шаткаго положенія всей администраціи, судьба страны, по истеченіи срока президентскихъ полномочій, внушала основательное безпокойство. Многіе департаментскіе совѣты представили собранію ходатайство о ревизіи основного закона. Въ средѣ самаго собранія, ревизія имѣла многочисленныхъ сторонниковъ, такъ какъ монархическія партіи надѣялись этимъ путемъ возстановить одну изъ павшихъ монархій — орлеанскую или легитимную. Посланіе президента республики отъ 12-го ноября 1850 года указывало на необходимость ревизіи.

Въ собраніе было, наконецъ, внесено пять различныхъ предложеній, требовавшихъ пересмотра конституціи. Палата поручила предварительное разсмотрѣніе ихъ особой коммиссіи, докладчикомъ которой былъ избранъ Токвиль. Дѣятельно шла работа монархическихъ партій, надѣявшихся выиграть битву въ свою пользу. Республиканцы рѣшились отвергнуть ревизію. Тѣмъ временемъ президентъ весьма недвусмысленно высказалъ свои взгляды при открытіи желѣзной дороги въ Дижонѣ. Открыто указывалъ онъ на своеко-

[1]) Т.-е. ст. 45 конституціи.

рыстіе собранія и намекалъ на благодѣянія, которыя Франція могла бы получить отъ него [1]).

Большинство коммиссіи высказалось (9 голосовъ противъ 6) за пересмотръ. Токвиль, указывая на главныя неудобства конституціи, на способъ всеобщей подачи голосовъ и на антагонизмъ властей, возникающій изъ самаго ихъ устройства, высказался въ пользу пересмотра, какъ необходимаго зла, во избѣжаніе анархіи или узурпаціи. Но, заключилъ онъ, если собраніе отвергнетъ пересмотръ, необходимо будетъ всѣми мѣрами защищать конституцію существующую.

Послѣ нѣсколькихъ дней преній, которыя велись съ большимъ спокойствіемъ, можетъ быть потому, что результатъ ихъ заранѣе предусматривался, 19 іюля 1851 года, собраніе приступило къ подачѣ голосовъ. Въ вотированіи участвовало 724 члена; изъ нихъ 446 подали голосъ въ пользу ревизіи; 278 (принадлежавшихъ республиканцамъ и нѣкоторымъ монархистамъ, присоединившимся къ республиканцамъ изъ боязни бонапартизма) — противъ. По ст. 111 конституціи 1848 года, учредительное собраніе для пересмотра конституціи созывалось только въ томъ случаѣ, если необходимость его была признана законодательнымъ собраніемъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. Такимъ образомъ, предложеніе о ревизіи было *отвергнуто*. Затѣмъ, 10 августа собраніе отсрочило свои засѣданія до ноября.

Президентъ воспользовался этимъ промежуткомъ для новой агитаціи противъ собранія, въ пользу отмѣны закона 31 мая 1850 года и образованія (26 октября) министерства, составленнаго изъ рѣшительныхъ бонапартистовъ [2]).

Собраніе, открывшее свои засѣданія 4 ноября, было встрѣчено президентскимъ посланіемъ, прочитаннымъ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и предлагавшимъ отмѣну закона 31 мая. Президентъ, вполнѣ основательно [3]) доказывалъ необходимость отказаться отъ закона, который былъ мѣрой „общественнаго спасенія", и, подобно

---

[1]) „Въ теченіе трехъ лѣтъ", говорилъ онъ, „можно было замѣтить, что я всегда содѣйствовалъ собранію, когда дѣло шло о подавленіи безпорядковъ репрессивными мѣрами; но когда я хотѣлъ дѣлать добро, улучшать положеніе народонаселенія, собраніе отказывало мнѣ въ своемъ содѣйствіи".

„Если Франція признаетъ, что ею нельзя было распоряжаться безъ нея—ей стоитъ только сказать это: у меня не будетъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ энергіи. Какія бы обязанности ни возложила на меня страна, она всегда найдетъ меня готовымъ слѣдовать ея волѣ и, повѣрьте мнѣ, господа, Франція *не пропадетъ въ моихъ рукахъ*".

[2]) С. Арно (военный министръ), Манъ (финансовъ), Казабіанка (торговли) Ториньи (внутр. дѣлъ) и т. д.

[3]) Припомнимъ, что эти соображенія не пришли ему въ голову, когда онъ „одобрилъ" инициативу Бароша по закону 31 мая (см. выше).

всѣмъ такимъ мѣрамъ, могъ имѣть только временное значеніе; что законъ лишилъ избирательнаго права три милліона гражданъ, принадлежащихъ, въ большинствѣ, къ мирнымъ жителямъ деревень; что онъ является орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій.

Независимо отъ соображеній справедливости, собраніе легко могло понять, что въ случаѣ государственнаго переворота, три милліона голосовъ будетъ подано въ пользу человѣка, возстановившаго всеобщее избирательное право [1]). Но большинство собранія желало въ этомъ случаѣ показать свою самостоятельность; предложеніе было отвергнуто большинствомъ 355 противъ 348, т.-е. 7 голосами. Это слабое большинство показывало, что въ самомъ собраніи не было достаточно увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ бы извиняясь за свою смѣлость, собраніе изъявило готовность удовлетворить желаніямъ президента другимъ путемъ. Именно, по поводу обсужденія закона *о муниципальныхъ* выборахъ, положено было установить правила примѣнительно къ министерскому предложенію и, затѣмъ, распространить ихъ на *политическіе* выборы. Всеобщая подача голосовъ, гонимая въ одни двери, входила въ другія. Эта жалкая увертка не возвысила достоинства собранія. Республиканская партія въ этотъ день (13 ноября) окончательно отреклась отъ консервативнаго большинства и покинула его по вопросу, очень серьезному, въ важный моментъ для собранія.

На основаніи ст. 32 конституціи 1848 г., собранію принадлежало право *опредѣлять* число войскъ, назначенныхъ для его защиты, и *распоряжаться* ими. Въ виду возможности coup d'état, это право было далеко не лишнимъ. Между тѣмъ, новый военный министръ, С. Арно, издалъ приказъ, строго воспрещавшій войскамъ повиноваться кому либо, кромѣ прямого ихъ начальства. Въ этомъ нельзя было не видѣть косвеннаго отрицанія правъ собранія. Квесторы послѣдняго внесли въ него предложеніе о предоставленіи президенту собранія права требовать военныхъ силъ для защиты собранія и обращаться съ этими распоряженіями непосредственно къ начальствующимъ надъ частями. Пренія 17 ноября были бурны. Но правительственная партія, поддержанная „горою“, отвергла его. Сверхъ нерасположенія къ „правой“ сторонѣ собранія, гора руководилась также непонятными надеждами на „соціально-демократическую миссію Бонапарта“. Наканунѣ государственнаго переворота, она не вѣрила въ честолюбивые замыслы президента, вѣрила въ республиканскія чувства арміи и,

---

[1]) Тьеръ, въ 1872 году, сознавался въ коммиссіи 30 (работавшей надъ проектомъ республиканской конституціи), что его личное упорство и неуступчивость собранія по дѣлу о законѣ 31 мая были величайшею ошибкою.

устами одного изъ пылкихъ ораторовъ своихъ (Мишеля изъ Буржа), восклицала: „нѣтъ, опасности не существуетъ, и я позволю себѣ прибавить, что если бы опасность существовала, имѣется также невидимый стражъ (sentinelle invisible), насъ охраняющій; этотъ стражъ— народъ!“ Но этотъ „невидимый стражъ“ освятилъ переворотъ 2 декабря 1851 года, сдѣлавшійся неизбѣжнымъ.

Быстро приведено было въ дѣйствіе рѣшеніе президента при помощи вѣрнѣйшихъ его сообщниковъ [1]). Національное собраніе было распущено; многіе депутаты арестованы; попытка „верховнаго суда“ приступить къ суду надъ президентомъ на основаніи ст. 68 конституціи [2]) прекращена „полицейскимъ коммиссаромъ“; протесты депутатовъ, обращенные къ народу, были безсильны; попытки вооруженной защиты конституціи подавлены войскомъ, въ которое такъ вѣрилъ Мишель изъ Буржа, а „невидимому стражу конституціи“, народу, предложено было голосовать по слѣдующимъ пяти пунктамъ, изложеннымъ въ прокламаціи президента отъ 2 декабря 1851 г., въ качествѣ *основаній* будущей конституціи:

1. Отвѣтственный глава государства, избираемый на десять лѣтъ.
2. Министры, зависимые единственно отъ исполнительной власти.
3. Государственный совѣтъ, составленный изъ отличныхъ заслугами лицъ, изготовляющій законопроекты и поддерживающій ихъ въ преніяхъ законодательнаго корпуса.
4. Законодательный корпусъ, обсуждающій и вотирующій законы, избранный всеобщею подачею голосовъ безъ вотированія по спискамъ [3]), искажающаго избраніе.
5. Второе собраніе, составленное изъ всѣхъ знаменитостей страны, власть умѣряющая, хранитель основного договора (pacte fondamental, т. е. конституціи) и общественныхъ вольностей.

„Пять основаній“ будущей конституціи объяснялись двумя главными аргументами: отрицательнымъ и положительнымъ. Первый состоялъ въ томъ, что, по убѣжденію президента, преобладаніе единаго собранія является постоянною причиною распри и смятенія; второй, — что „система“ государственнаго устройства, предложенная въ про-

---

[1]) Главными дѣятелями 2-го декабря были Персиньи (Фіаленъ), старый клевретъ Бонапарта, участвовавшій въ попыткахъ въ Страсбургѣ и въ Булони; С. Арно (Леруа), при Карлѣ X попавшійся въ предосудительномъ дѣлѣ, заставившемъ его покинуть службу и прежнюю фамилію, съ 26 октября 1851 г. военный министръ; Морни (впослѣдствіи герцогъ); Мопа (полицейскій префектъ); Маньянъ (впослѣдствіи маршалъ).

[2]) См. выше, стр. 707.

[3]) Въ отличіе отъ избранія *единоличнаго* (scrutin individuel), предложеннаго президентомъ; объ этомъ предметѣ будетъ сказано въ догматической части.

кламаціи 2-го декабря, „созданная *первымъ консуломъ* въ началѣ столѣтія, дала уже Франціи покой и благосостояніе и снова дастъ ей ихъ“.

Вслѣдъ затѣмъ (14 декабря) народъ былъ призванъ вотировать слѣдующій *плебисцитъ*:

„Французскій народъ хочетъ сохраненія власти Людовика-Наполеона Бонапарта и ввѣряетъ ему полномочія, необходимыя для установленія конституціи, на началахъ, предложенныхъ въ прокламаціи 2 декабря“.

Отчасти равнодушный къ павшей республикѣ, въ значительной степени терроризованный событіями 2—4 декабря и мѣстными властями, народъ далъ 7.439.216 голосовъ въ пользу плебисцита; только 646.737 было подано противъ. Новая конституція, комментированная особою прокламаціею, была обнародована 14 января 1852 г.

Какъ прокламація, такъ и конституція содержали въ себѣ начала, дѣйствительно установленныя „въ началѣ вѣка“ первымъ консуломъ; но они были теперь возведены на степень *теоріи* его племянникомъ. Политическая доктрина, изложенная въ прокламаціи 14 января, является теоріею системы управленія, занимающей особое мѣсто въ ряду конституціонныхъ ученій, именно, теоріею *имперіализма* или „призрачнаго конституціонализма“, представляющею сочетаніе принципа „народовластія“ съ учрежденіями единоличнаго правленія.

Конституція, гласитъ ея первая статья, „признаетъ, подтверждаетъ и обезпечиваетъ великіе принципы, провозглашенные въ 1789 г. и составляющіе основаніе публичнаго права французовъ“ [1]).

Но первымъ изъ этихъ „великихъ принциповъ“ является *народное самодержавіе*. Конституція воспользовалась имъ, насколько это нужно было для утвержденія новой власти на широкихъ основаніяхъ всенароднаго голосованія. Президентъ получилъ свою власть отъ народа. Но этимъ актомъ почти и ограничивается *отправленіе* народнаго самодержавія, ибо въ силу конституціи, народъ ввѣряетъ управленіе республики *президенту*, который *управляетъ* при посредствѣ (au moyen) министровъ, государственнаго совѣта, сената и законодательнаго корпуса [2]).

Значеніе „народнаго самодержавія“ выражается, повидимому, въ томъ, что глава государства является *отвѣтственнымъ* предъ народомъ [3]). Прокламація 14 января особенно настаиваетъ на этомъ пунктѣ, объясняя его необходимость историческими условіями Фран-

---

[1]) Т. е. „конституція“ обезпечиваетъ декларацію правъ 1789 г.

[2]) Ст. 2 и 3.

[3]) Ст. 5.

ціи. „Въ этой странѣ *централизаціи*", говоритъ прокламація, „общественное мнѣніе непрерывно относило на счетъ главы государства все—какъ дурное, такъ и хорошее. Поэтому написать во главѣ хартіи, что глава государства неотвѣтственъ, значитъ обманывать общественное чувство и желать установленія фикціи, которая три раза исчезала подъ шумъ революцій".

Республиканская конституція, подобная американской, дѣйствительно провозглашаетъ отвѣтственность президента. Но она предоставляетъ палатѣ депутатовъ право возбуждать противъ него обвиненіе, и сенату—право судить его. Отвѣтственность же „главы государства" по конституціи 1852 г. состояла въ томъ, что онъ во всякое время могъ „апеллировать къ народу" [1]), т.-е. въ особыхъ случаяхъ, по собственному усмотрѣнію, предлагать на всенародное голосованіе „плебисцитъ", причемъ исходъ голосованія заранѣе былъ извѣстенъ.

Такая оригинальная „отвѣтственность" влекла за собою очень важное и выгодное для президента послѣдствіе—*безотвѣтственность министровъ*, т.-е. зависимость ихъ исключительно отъ главы государства.

„Такъ какъ послѣдній отвѣтственъ (!)", поясняла прокламація, „необходимо, чтобы дѣйствіе его было свободно и безпрепятственно. Отсюда—необходимость имѣть министровъ, которые были бы уважаемыми и могущественными (?) сотрудниками *его* мысли, но не составляли бы отвѣтственнаго совѣта изъ членовъ солидарныхъ,—ежедневнаго препятствія личному направленію главы государства, выраженія политики, исходящей изъ палатъ и чрезъ это подверженной частымъ измѣненіямъ, препятствующимъ всякому духу послѣдовательности, всякому примѣненію правильной системы".

Полномочный глава государства, сверхъ прямыхъ орудій его воли, нуждается также „въ просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ совѣтахъ". Этой цѣли долженъ былъ служить государственный совѣтъ, составленный изъ лицъ, назначаемыхъ (въ числѣ 40 до 50) президентомъ. Призваніе его опредѣляется конституціею кратко: оно состоитъ въ составленіи законопроектовъ, главнѣйшихъ административныхъ распоряженій и въ разрѣшеніи трудностей, возникающихъ въ области управленія [2]). Изъ членовъ государственнаго совѣта назна-

---

[1]) De faire appel au peuple, ст. 5. Въ прокламаціи сказано: „онъ (глава государства) всегда имѣетъ право апеллировать къ вашему верховному приговору, дабы въ торжественныхъ случаяхъ вы могли сохранить ему ваше довѣріе или отнять таковое у него".

[2]) Сюда въ особенности должны быть отнесены дѣла по *административной юстиціи*.

чаются также коммиссары для защиты въ законодательномъ корпусѣ законопроектовъ, представленныхъ правительствомъ [1]). Прокламація обѣщала, что государственный совѣтъ „отнынѣ будетъ настоящимъ совѣтомъ правительства, собраніемъ людей практическихъ, вырабатывающихъ законопроекты въ спеціальныхъ коммиссіяхъ и разсматривающихъ ихъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ (à huis clos) общаго собранія, безъ ораторскихъ соблазновъ, и представляющихъ таковые къ принятію въ законодательный корпусъ“.

При содѣйствіи министровъ и государственнаго совѣта, президентъ отправляетъ всѣ важнѣйшія права государственной власти. Ему предоставлено начальствованіе надъ вооруженными силами страны, право объявленія войны и заключенія договоровъ мирныхъ, союзныхъ и торговыхъ, право назначенія на всѣ должности, и изданія распоряженій, необходимыхъ для исполненія законовъ. Отъ его имени отправляется правосудіе; онъ имѣетъ право помилованія; ему одному принадлежитъ *инiціатива* законовъ; онъ утверждаетъ и обнародуетъ законы и сенатусъ-консульты. Ему принадлежитъ право объявлять „осадное положеніе“ въ одномъ или въ нѣсколькихъ департаментахъ. Всѣ министры, члены сената, законодательнаго корпуса и государственнаго совѣта, офицеры арміи и флота, судьи и должностныя лица, предъ вступленіемъ въ должность, обязаны были приносить присягу „въ повиновеніи конституціи и *вѣрности президенту*“.

Такова была доля правъ, предоставленныхъ конституціею президенту. По ней можно судить о томъ, что̀ предоставлялось „депутатамъ“, избираемымъ „самодержавнымъ народомъ“ въ законодательный корпусъ. Взглядъ на это учрежденіе опредѣлительно высказанъ въ прокламаціи. Законодательный корпусъ, говорится здѣсь, вотируетъ *законы* и *налоги*. Онъ избирается всеобщею подачею голосовъ [2]), по округамъ и индивидуально, дабы народъ могъ лучше оцѣнить достоинство избираемаго. Число депутатовъ, опредѣляемое по числу *избирателей* (а не жителей), не было велико. Оно низводилось до 260, ибо, какъ объясняла прокламація, живость и пылкость страстей въ собраніи возрастаютъ вмѣстѣ съ числомъ ихъ членовъ.

Законодательный корпусъ не имѣлъ права *инiціативы* законовъ, всецѣло предоставленной правительству, ибо это право, по словамъ прокламаціи, было „источникомъ важныхъ злоупотребленій, дозволяя „каждому депутату“ при всякомъ случаѣ становиться на мѣсто правительства“, представляя незрѣлые и неразработанные проекты.

---

[1]) Ст. 50, 51.

[2]) На 35.000 *избирателей* положенъ одинъ депутатъ.

Призванный къ „обсужденію“ законовъ, законодательный корпусъ былъ лишенъ права *поправокъ*, столь важнаго въ условіяхъ парламентарнаго управленія. Онъ не видѣлъ въ своей средѣ и *министровъ*, такъ какъ присутствіе ихъ въ собраніи, при непосредственномъ ихъ подчиненіи президенту, дѣлалось излишнимъ. Взгляды же правительства въ преніяхъ по законопроектамъ поддерживались „коммиссарами государственнаго совѣта“. „Поэтому“, говорилось въ прокламаціи, „время не будетъ теряться въ пустыхъ запросахъ, легкомысленныхъ обвиненіяхъ, въ страстныхъ распряхъ, которыхъ единственною цѣлью было низверженіе министровъ, чтобы стать на ихъ мѣсто“. Прокламація забыла прибавить, что этимъ также отнимались у народнаго представительства всѣ средства контроля надъ управленіемъ.

Если прибавить къ этому, что законодательный корпусъ могъ вотировать бюджетъ не по *статьямъ*, а по *министерствамъ*, что распорядокъ суммъ по статьямъ предоставлялся главѣ государства, что самые выборы въ законодательный корпусъ производились въ условіяхъ „оффиціальныхъ кандидатуръ“ и могущественнаго вліянія администраціи, то понятно будетъ, какое значеніе сохранило въ новой конституціи народное представительство.

Оставалось еще одно учрежденіе, также „созданное“ въ свое время первымъ консуломъ—сенатъ. Прокламація 14 января объявляла, что „сенатъ не будетъ, подобно палатѣ пэровъ, *блѣднымъ отраженіемъ* палаты депутатовъ, повторяющимъ, чрезъ нѣсколько дней промежутка, тѣ же пренія въ другомъ тонѣ“. Но это не помѣшало сенату сдѣлаться „блѣднымъ отраженіемъ“ видовъ президента, а послѣ императора, и притомъ „въ тонѣ“ правительства. Уже *составъ* его не предвѣщалъ ему самостоятельности.

По ст. 19 и 20 [1]) онъ состоялъ изъ членовъ *по праву* (кардиналы, маршалы и адмиралы) и „гражданъ“, *назначенныхъ* пожизненно президентомъ республики. Въ этомъ составѣ онъ призывался быть „хранителемъ конституціи и публичныхъ вольностей“, съ правомъ противиться обнародованію законовъ, нарушающихъ конституцію, противныхъ религіи, нравственности, личной свободѣ, равенству гражданъ, неприкосновенности собственности и несмѣняемости судей, а также могущихъ компрометировать защиту территоріи республики. Опытъ показалъ, что эти права сената остались во время второй имперіи столь же безплодны, какъ и во времена первой, наравнѣ съ правомъ „отмѣны“ неконституціонныхъ актовъ, по представленію правительства или по петиціи гражданъ (ст. 29).

[1]) Измѣненнымъ сенат. конс. 25 декабря 1852 г., возвысившимъ число *назначенныхъ* сенаторовъ до 150.

Болѣе практическое и выгодное для президента республики значеніе имѣли другія, *законодательныя* и даже учредительныя права сената, а именно:

1) Право опредѣлять посредствомъ сенатусъ-консультовъ а) конституцію колоній и Алжира; б) все не предусмотрѣнное конституціею и необходимое для ея дѣйствія; в) смыслъ сомнительныхъ статей конституціи.

2) Право представлять президенту республики основанія *законопроектовъ* „великаго національнаго интереса".

3) Право предлагать измѣненія въ *конституціи* и совершать таковыя съ согласія президента, посредствомъ сенатусъ-консультовъ. Но поправки конституціи, касавшіяся указанныхъ выше *5 пунктовъ*, должны были утверждаться плебисцитами [1]).

4) Въ случаѣ *роспуска* законодательнаго корпуса, до его созыва [2]), сенатъ, по предложенію президента, имѣлъ право принимать чрезвычайныя мѣры, необходимыя для отправленія правительственной власти [3]).

Другими словами, власть сената являлась, въ рукахъ президента республики, средствомъ обходиться *безъ* законодательнаго корпуса по вопросамъ законодательнымъ и *безъ* „народнаго голосованія" по конституціоннымъ вопросамъ, не касавшимся „пяти пунктовъ".

Первое примѣненіе этой „конституціонной инициативы" сената послѣдовало въ томъ же году. „Органическій сенатусъ-консультъ" 7 ноября 1852 года возстановилъ наслѣдственное императорское достоинство въ лицѣ Наполеона III и его дома. Такъ какъ эта перемѣна касалась перваго изъ пяти пунктовъ, то народъ былъ спрошенъ, и 7.800.000 голосовъ (противъ 253.000) было подано за возстановленіе имперіи, созданной уже конституціею 1852 г.

Хотя возстановленіе имперіи и было прямымъ нарушеніемъ трактатовъ 1815 года, но оно безъ особеннаго труда было признано всѣми европейскими державами. Только императоръ Николай I, вѣрный преданіямъ 1815 года, отказался дать новому императору названіе „брата", замѣнивъ его „другомъ". Это имѣло, какъ извѣстно, большое вліяніе на роль Франціи въ распрѣ Россіи съ Турціею и на начало крымской войны.

---

[1]) Ст. 25, 26, 30, 31, 32.

[2]) Распустивъ законодательный корпусъ, президентъ обязывался созвать новый въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Ст. 46.

[3]) Ст. 33.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Обзоръ позднѣйшихъ перемѣнъ.

I. Событія, слѣдовавшія за крымскою войною, въ ихъ отношеніи къ исторіи *распространенія* конституціонныхъ учрежденій, являются нѣкоторымъ эпилогомъ великой драмы 1848—1851 гг. Интересъ этихъ событій сосредоточивается, главнымъ образомъ, на Австріи, долго служившей оплотомъ стараго порядка и, наконецъ, принужденной вступить на путь конституціонныхъ преобразованій.

Политика Австріи во время крымской войны 1853—1856 г., двойственная и враждебная по отношенію къ Россіи, оказавшей ей такую помощь въ 1849 году, оттолкнула отъ нея давнюю и принципіальную ея союзницу. Идея единства консервативныхъ интересовъ, которые призваны были поддерживать три первенствующія державы священнаго союза и во имя которыхъ Россія такъ долго служила интересамъ другихъ государствъ, оказалась несостоятельною. Сверхъ того, Россія, призванная волею государя Александра II къ великимъ внутреннимъ преобразованіямъ, надолго отказалась отъ дѣятельнаго участія въ европейскихъ дѣлахъ. Австрія была предоставлена собственной ея судьбѣ, и годы, слѣдовавшіе за парижскимъ миромъ, были временемъ полнаго крушенія политики, усвоенной ею съ 1849 года.

Парижскій миръ 1856 г. былъ сигналомъ къ преобразованіямъ не въ одной Россіи. Національныя надежды и стремленія къ политической свободѣ оживились вездѣ, гдѣ они были подавлены въ 1849 и 1850 гг. Конституціонные и національные вопросы возникали для Австріи со всѣхъ сторонъ: со стороны Италіи, дѣло которой было поставлено на очередь парижскою конференціею 1856 г., со стороны Германіи, гдѣ національныя стремленія возрождаются съ

новою силою, подъ вліяніемъ итальянской войны 1859 г.; въ собственныхъ владѣніяхъ Австріи національныя требованія приводятъ къ постепенной „ликвидаціи“ системы, установленной Шварценбергомъ и Бахомъ. Но прежде чѣмъ началась ликвидація этой системы въ Италіи, Германіи и въ самой Австріи, на юго-восточной границѣ имперіи возникло конституціонное государство, одноплеменное съ значительною частью австрійскихъ подданныхъ въ Трансильваніи и въ другихъ мѣстахъ—Румынія.

II. Княжества Молдавія и Валахія, соединившіяся впослѣдствіи подъ общимъ именемъ Румыніи, на основаніи адріанопольскаго мира (1829 г.), находились подъ покровительствомъ Россіи. Оба княжества имѣли свои привилегіи, родъ органическаго устава и управлялись выборными пожизненно господарями. Преобладаніе Россіи въ этихъ земляхъ было, конечно, противно интересамъ Англіи и Франціи. Парижская конференція поспѣшила устранить протекторатъ Россіи, поставивъ оба княжества подъ общее покровительство первенствующихъ державъ, съ удержаніемъ вассальной ихъ зависимости отъ Турціи. Но вопросъ о внутреннемъ устройствѣ ихъ и взаимныхъ отношеніяхъ былъ оставленъ открытымъ, такъ какъ на самой конференціи 1856 г. были высказаны противоположные взгляды. Франція, поддерживавшая національныя стремленія румынъ [1]), была готова, вмѣстѣ съ Англіею, удовлетворить двумъ желаніямъ княжествъ: 1) *соединенію* ихъ въ одно государство и 2) избранію ими государя изъ числа иностранныхъ владѣтельныхъ домовъ. Но ни то, ни другое требованіе не входило въ расчеты какъ Австріи, такъ и Турціи [2]).

Съ точки зрѣнія Австріи, образованіе единой Румыніи вызвало бы къ жизни государство, которое начало бы стремиться къ округленію своихъ границъ и, за неимѣніемъ матеріальной къ тому силы, воспользовалось бы *революціонными* элементами въ сосѣднихъ державахъ, словомъ, явилось бы для нея вторымъ Пьемонтомъ. Предоставленіе соединенныхъ княжествъ наслѣдственному государю изъ иностранной династіи также было бы „ферментомъ“ для стремленій къ полной независимости отъ Порты. Въ итогѣ — удержаніе княжествъ на степени вассальныхъ владѣній Турціи, съ извѣстною мѣстною автономіею, было цѣлью австрійскихъ предложеній, къ коимъ присоединилась и Турція.

---

[1]) Вліяніе Франціи въ княжествахъ и взаимныя симпатіи двухъ странъ поддерживались значительною частью румынской молодежи, получавшей образованіе въ Парижѣ.

[2]) Поведеніе Австріи въ этомъ вопросѣ изложено въ соч. Ад. Бэра (Beer): *Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774.* Prag-Leipzig, 1883 г.

Судьба княжествъ не была рѣшена въ 1856 году. Опредѣленіе ихъ устройства и отношеній было предоставлено особой коммиссіи „покровительствующихъ" державъ, которая должна была собраться по выслушаніи мнѣній населенія княжествъ. Послѣдняя мѣра была важна въ томъ отношеніи, что, по заявленію Австріи, унитарныя стремленія поддерживались въ княжествахъ исключительно вольномыслящею и революціонною по французскому образцу молодежью.

Европейская коммиссія, отправившаяся въ Бухарестъ въ мартѣ 1857 года, созвала, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ работъ, два собранія (дивана), избранныхъ въ обоихъ княжествахъ. Оба дивана (въ октябрѣ 1857 г.) представили державамъ единодушно принятыя ими резолюціи [1]), заключавшія въ себѣ желанія: 1) признаніе *автономіи* княжествъ, согласно прежнимъ ихъ капитуляціямъ съ Портой; 2) *соединеніе* Молдавіи и Валахіи въ одно государство, котораго нейтралитетъ и неприкосновенность были бы признаны и обезпечены державами; 3) избраніе *наслѣдственнаго* князя изъ числа принцевъ царствующихъ династій, съ тѣмъ, чтобы наслѣдники его были воспитаны въ православной вѣрѣ; 4) народное представительство, въ видѣ *одной палаты*.

Въ виду сопротивленія Австріи и Турціи, а также колебавшейся политики Англіи, эти желанія „дивановъ" не были удовлетворены, и плодомъ „соглашенія" державъ была конвенція 19 августа 1858 года, установлявшая для княжествъ оригинальное устройство; оно не было ни соединеніемъ, ни раздѣленіемъ двухъ странъ.

Княжества получали наименованіе „соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи". Каждое изъ нихъ должно было избрать своего господаря, утверждаемаго Портой, и свое законодательное собраніе. Но для отправленія *общихъ* дѣлъ княжествъ: 1) учреждалась центральная коммиссія, составленная на половину изъ представителей Молдавіи и на половину изъ представителей Валахіи (по 8 лицъ). Мѣстопребываніемъ ея былъ назначенъ пограничный между двумя княжествами городъ Фокшаны. Ей предоставлялась разработка законопроектовъ по предметамъ общаго интереса и регулированіе отношеній почтовыхъ, телеграфныхъ, таможенныхъ, монетныхъ, и т. д.; 2) въ Фокшанахъ учреждался общій для княжествъ кассаціонный судъ; 3) милиціи обоихъ княжествъ получали одинаковое устройство.

Конвенція 1858 года столько же задерживала, сколько подготовляла соединеніе княжествъ, которое сдѣлалось неизбѣжнымъ при общемъ настроеніи народонаселенія. Представители послѣдняго ясно

---

[1]) Извѣстныя подъ именемъ „деклараціи четырехъ пунктовъ".

выразили его желанія. Выборы въ господари, какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи (17 января и 5 февраля 1859 г.) пали на одно и то же лицо: на полковника Александра Кузу [1]). Дипломатіи, создавшей трудно выполнимую конвенцію 1858 г., осталось признать совершившійся фактъ: 6 сентября 1859 г. державы, новымъ протоколомъ, утвердили выборы. Куза вступилъ на престолъ подъ именемъ Александра-Іоанна I. Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ полному слiянію княжествъ (см. ниже), хотя, вопреки опасеніямъ Австріи, Румынія и не сдѣлалась для нея „Пьемонтомъ".

III. Новымъ указаніемъ на пробужденіе національнаго духа въ земляхъ, сосѣднихъ съ Австріею, являлся также династическій переворотъ, совершившійся въ княжествѣ сербскомъ. Со времени великаго сербскаго возстанія 1804—1815 г., двѣ фамиліи, коимъ соотвѣтствовали и двѣ національныя партіи, боролись за преобладаніе и чередовались во власти: фамилія Карагеоргіевичей и Обреновичей. Подобно учрежденіямъ Сербіи, обѣ династіи были тѣсно связаны съ событіями новѣйшей національной исторіи этой страны.

Сербское возстаніе 1804 и слѣдующихъ годовъ не было отголоскомъ обще-европейскихъ революцій или плодомъ тайныхъ обществъ. Вызванное обычно-жестокимъ управленіемъ турокъ, угнетавшихъ нѣкогда свободную страну, обращенную теперь въ пашалыкъ, возстаніе было дѣломъ людей, вышедшихъ изъ народа, и осталось народнымъ дѣломъ. Первымъ его вождемъ былъ знаменитый Георгій Петровичъ, прозванный Чернымъ [2]), происходившій изъ бѣднаго крестьянскаго семейства, долго служившій въ австрійскихъ войскахъ и потомъ составившій себѣ состояніе торговлею скотомъ. Въ ночь съ 12 на 13 февраля 1804 года скупщина изъ 300 лицъ, собравшаяся въ Орашацѣ, избрала его вождемъ ополченія. Возстаніе быстро распространилось въ странѣ. Карагеоргій билъ турокъ на всѣхъ пунктахъ, и турецкія войска, послѣ паденія Семендріи (1805 г.), держались только въ Бѣлградѣ, Шабацѣ и Ужицѣ. Но освобожденіе

[1]) Александръ-Іоаннъ Куза род. въ 1820 г. въ Молдавіи и получилъ образованіе въ Парижѣ. Въ 1848 году онъ принималъ участіе въ революціонномъ движеніи, начавшемся въ княжествахъ, и былъ изгнанъ господаремъ Михаиломъ Стурдзой. При слѣдующемъ господарѣ, Григоріи Гикѣ, онъ возвратился на родину и занималъ разныя должности въ администраціи. Затѣмъ поступилъ въ армію, скоро получилъ чинъ полковника и въ 1858 году былъ военнымъ министромъ при временномъ правительствѣ (каймакаміи). Избранный княземъ въ 1859 г., онъ занималъ престолъ до 1866 г., когда его заставили отречься и бѣжать (см. ниже). Умеръ въ 1873 году въ Гейдельбергѣ.

[2]) Или Карагеоргій; отсюда Карагеоргіевичи. Георгій Черный род. въ 1766 г., измѣннически убитъ 17 іюля 1817 г.

сербовъ, въ данную минуту, не могло совершиться безъ иноземной помощи. Надежды возставшихъ дѣлились между двумя державами: Австріею и Россіею. Но ни та, ни другая, занятыя общеевропейскими дѣлами и борьбою съ Наполеономъ, не могли оказать дѣятельной помощи возрождавшемуся племени. Австрійская партія [1]), къ которой принадлежалъ и Карагеоргій, получала отъ вѣнскаго двора тѣ уклончивые и близкіе къ равнодушію отвѣты, которые характеризуютъ австрійскую политику того времени [2]). Русская партія [3]) безуспѣшно отправляла депутаціи въ Петербургъ. Возстаніе поддерживалось исключительно сербскими силами, истощавшимися въ неравной борьбѣ. Въ 1809 году, съ объявленія Россіею войны Турціи, надежды сербовъ воскресли. Русскій главнокомандующій призналъ Карагеоргія главноначальствующимъ надъ сербскими войсками, и онъ мужественно сражался за свободу своей родины. Разрывъ съ Франціею принудилъ, однако, Россію заключить съ Турціею миръ въ Бухарештѣ, въ силу котораго Россія получала Бессарабію и часть Молдавіи [4]). Но желаніе, неоднократно высказывавшееся Россіею, „обезпечить жребій Сербіи сколь можно согласно съ желаніемъ сербской націи“, не осуществилось, хотя сербамъ и было выговорено обѣщаніе мѣстной автономіи и общей амнистіи. Перемиріе продолжалось не долго.

Предоставленная себѣ, Сербія не долго могла продолжать борьбу. Послѣ пораженія сербскихъ войскъ подъ Делиградомъ (іюнь 1813 г.) и тщетныхъ попытокъ собрать новыя силы, Карагеоргій (3 октября 1813 г.) бѣжалъ въ Австрію; въ ней же нашли убѣжище другіе вожди возстанія—Ненадовичъ, Марковичъ, вмѣстѣ съ 9.000 другихъ бѣглецовъ. Положеніе сербовъ было отчаянное; побѣды турокъ сопровождались извѣстными всему свѣту звѣрствами побѣдителей. Въ эту минуту избавителемъ Сербіи явился также крестьянинъ, Милошъ Обреновичъ [5]).

Весною 1815 года онъ снова призвалъ сербовъ къ возстанію, и на этотъ разъ турки узнали силу „славянскаго воеводы“ [6]). Разби-

---

[1]) Ненадовичъ, Юговичъ и друг.

[2]) Срав. Бэръ, назв. соч., стр. 180—259.

[3]) Сербскій митрополитъ Стратоміровичъ, Новаковичъ, Стоичъ и друг.

[4]) Исторію заключенія этого мира см. въ превосходномъ изслѣдованіи покойнаго А. Н. Попова: *Сношенія Россіи съ европейскими державами предъ войною 1812 г.*, СПБ. 1876 г., стр. 243—325.

[5]) Милошъ Обреновичъ (1773—1860 г.) началъ свою службу подъ начальствомъ старшаго его брата Милана, одного изъ воеводъ во время возстанія 1804 и слѣдующихъ годовъ.

[6]) Къ сожалѣнію, исторія этой славной борьбы омрачена трагическою смертью Георгія Чернаго, который явился въ Сербію, но измѣннически былъ выданъ

тые повсюду, они должны были признать мѣстную автономію Сербіи (1817 г.). Скупщина (созванная въ ноябрѣ 1817 г.) единодушно признала своимъ господаремъ освободителя страны. Но еще долго не были опредѣлены отношенія ея къ Турціи. Дополненіемъ къ аккерманской конвенціи (1826 г.) Россія настояла на признаніи Сербіи вассальнымъ княжествомъ Порты, съ полною автономіею ея во внутреннемъ управленіи. Эти начала были подтверждены адріанопольскимъ мирнымъ договоромъ, поставившимъ Сербію, такъ же какъ и Дунайскія княжества, подъ покровительство Россіи.

Адріанопольскій миръ подтверждалъ постановленія какъ аккерманской конвенціи, такъ и актъ скупщины 1827 г. (въ Крагуевцѣ), избравшей Милоша *княземъ* сербскимъ. Султанскій гатти-шерифъ 3 августа 1830 года опредѣлилъ какъ границы новаго княжества, такъ и вассальныя отношенія его къ Портѣ; указомъ (бератомъ) того же дня, Милошъ былъ признанъ *наслѣдственнымъ* княземъ Сербіи.

Вмѣстѣ съ Милошемъ, въ Сербіи утверждалось вліяніе Россіи, которой сербскій герой всегда былъ вѣренъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вѣрнымъ представителемъ своего народа. Но князь-пастухъ, выросшій и образовавшійся въ войнахъ противъ турокъ, вносилъ свои привычки и взгляды въ управленіе. Его патріархально-диктаторскіе пріемы привели, наконецъ, къ требованію законовъ, которые опредѣлили бы власть князя и порядокъ управленія.

Князь въ 1834 г. объявилъ въ скупщинѣ о своемъ намѣреніи дать странѣ уставъ (конституцію); проектъ устава былъ принятъ скупщиною и обнародованъ 15 февраля 1835 года. Но конституція 1835 года, хотя и оставляла князю широкую власть, не соотвѣтствовала желаніямъ Россіи и Австріи. Она была отмѣнена, и, подъ вліяніемъ Россіи, былъ изданъ султанскій гатти-шерифъ, обнародованный въ Бѣлградѣ 2 марта 1839 года. Князь долженъ былъ отправлять свою законодательную и, отчасти, правительственную власть при участіи и съ согласія совѣта (сената). Скупщина осталась національнымъ учрежденіемъ Сербіи, но права ея и отношенія къ князю не были точно опредѣлены.

Несмотря на изданіе устава, Милошъ не могъ отказаться отъ прежнихъ своихъ пріемовъ въ управленіи. Поэтому въ томъ же 1839 г. онъ принужденъ былъ отказаться отъ престола въ пользу старшаго своего сына, Милана. Но послѣдній умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (7 іюля). Престолъ долженъ былъ перейти ко второму сыну Милоша—Михаилу [1]). Несмотря на попытки стараго князя возвра-

---

туркамъ и звѣрски казненъ. Голова его была послана въ Константинополь. Тѣло похоронено въ мѣстѣ его рожденія—въ Тополѣ.

[1]) Михаилъ Обреновичъ род. въ 1825 году въ Крагуевцѣ.

тить себѣ утраченную власть, пятнадцатилѣтній Михаилъ, впослѣдствіи со славою правившій Сербіею, былъ признанъ въ своемъ достоинствѣ. Но условія переворота и молодость Михаила открывали дорогу интригамъ Турціи и партіи Карагеоргіевичей, вошедшихъ въ соглашеніе съ турками. Чрезъ два года, вожакамъ этой партіи (Вучичу и Петроневичу) удалось произвести возстаніе, принудить Михаила къ бѣгству и отдать престолъ Александру Карагеоргіевичу [1]).

Обязанный престоломъ партіи, дружественной Турціи и Австріи, Александръ Карагеоргіевичъ долженъ былъ дѣйствовать въ духѣ, несогласномъ съ общимъ настроеніемъ своего народа. Самое вступленіе его на престолъ принесло ущербъ независимости Сербіи: *наслѣдственность* княжескаго достоинства была отмѣнена; количество *дани*, платимой Турціи [2]), увеличено; паша, командовавшій бѣлградскимъ гарнизономъ, долженъ былъ участвовать въ совѣтѣ. Хотя Александръ много содѣйствовалъ распространенію образованія въ Сербіи учрежденіемъ гимназій и высшей школы, улучшалъ всѣ части управленія и поощрялъ развитіе промышленности, но внѣшняя его политика и подчиненіе австрійскому вліянію дѣлали его непопулярнымъ. Народонаселеніе инстинктивно сознавало значеніе австролюбивой политики и истолковывало не въ пользу правительства даже „славянофильскіе", повидимому, шаги его. Участіе сербскихъ волонтеровъ въ арміяхъ Іелачича (1848 г.) объяснялось не симпатіею къ австрійскимъ славянамъ, а угодливостью по отношенію къ Австріи. Безучастіе къ борьбѣ черногорцевъ съ турками (1852 г.), нейтралитетъ Сербіи во время крымской войны, оставили въ народѣ тяжелое впечатлѣніе.

Неудовольствіе росло быстро, тѣмъ болѣе, что независимость Сербіи ни въ чемъ не была расширена парижскимъ трактатомъ 1856 г. Послѣдній [3]), отмѣняя русскій протекторатъ, ставилъ вольности Сербіи подъ защиту всѣхъ договаривавшихся державъ. Княжество сохранило независимость во внутреннемъ управленіи, свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства по Дунаю. Военное вмѣшательство въ сербскія дѣла не могло имѣть мѣста безъ предварительнаго согласія державъ-покровительницъ. Но парижскій трактатъ еще разъ подтверждалъ сюзеренныя права Порты. Послѣдняя, попрежнему, сохранила право держать свои горнизоны въ Бѣлградѣ, Семендріи (Смедерево), Шабацѣ, Кладовѣ и Ада-Кале. Объ округленіи сербской территоріи не было и рѣчи. Съ отмѣною исключи-

---

[1]) А. Карагеоргіевичъ род. въ 1806 году. Россія съ трудомъ и подъ условіемъ нѣкоторыхъ уступокъ согласилась признать его княземъ.

[2]) $2^1/_3$ милл. піастровъ.

[3]) Ст. 28 и 29.

тельнаго протектората Россіи, князь Александръ больше, чѣмъ когда нибудь, подчинился австрійскому вліянію.

Въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ заключенія парижскаго мира, національная партія стремилась вывести политику правительства на другую дорогу. Наконецъ, скупщина, созванная 30 ноября 1858 года, провозгласила низложеніе князя Александра (22 декабря) и призвала вновь старца Милоша, который и былъ утвержденъ Портой (12 января 1859 г.).

Австрія готова была вступиться за князя Александра; въ Землинѣ былъ сосредоточенъ обсерваціонный корпусъ подъ начальствомъ графа Коронини. Онъ ждалъ приглашенія паши, командовавшаго бѣлградскимъ гарнизономъ, подъ защиту котораго укрылся низложенный князь. Но приглашенія не послѣдовало.

Представители Россіи, Англіи и Франціи настояли на утвержденіи Милоша, который и въѣхалъ въ родной Бѣлградъ 6-го февраля 1859 г. Сербскія событія показали Австріи, что она теперь изолирована въ „концертѣ“ европейскихъ державъ. Скоро другія и болѣе важныя событія доказали эту изолированность еще нагляднѣе.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ „декабрьской революціи“ въ Сербіи, 1-го января 1859 года, Наполеонъ III, при пріемѣ дипломатическаго корпуса, сказалъ австрійскому послу, барону Гюбнеру: „я сожалѣю, что наши отношенія къ вашему правительству не такъ хороши, какъ прежде. Я прошу васъ сказать императору, что мои личныя къ нему чувства не измѣнились“. Слова эти были поняты и въ Туринѣ, и въ Вѣнѣ въ смыслѣ нѣкотораго сигнала къ разрѣшенію итальянскаго вопроса. Для Турина вѣроятный смыслъ ихъ былъ подтвержденъ совершившимся чрезъ двѣ недѣли послѣ того бракосочетаніемъ двоюроднаго брата императора (принца Наполеона) на дочери Виктора-Эммануила—принцессѣ Клотильдѣ. Король Викторъ-Эммануилъ, возвѣщая объ этомъ событіи палатамъ, сказалъ: „годъ начинается хорошо; надѣюсь, что онъ кончится еще лучше; этотъ бракъ можетъ сдѣлаться источникомъ выгодъ для будущихъ случайностей“. Но война 1859 года не была уже „случайностью“.

IV. Послѣ разгрома пьемонтской арміи подъ Новарою [1]) страна пришла въ полное разстройство матеріальное и нравственное. Крайнимъ партіямъ открылось широкое поприще. Въ то время, какъ реакціонеры восклицали о необходимости возстановить старый порядокъ, радикалъ Брофферіо предлагалъ организовать всеобщую революцію и учредить комитетъ общественнаго спасенія, а генуэская демагогія произвела возстаніе, съ трудомъ подавленное Ламарморою.

[1]) 23 марта 1849 г.; см. выше, стр. 726.

Положеніе молодого короля, Виктора-Эммануила, было затруднительно. Только его честной натурѣ Пьемонтъ обязанъ сохраненіемъ „статута" (конституціи). Статутъ не могъ, однако, оставаться мертвою буквою. Нужны были еще люди, умѣющіе править по статуту. На первый разъ король собралъ людей, способныхъ сохранить конституціонное равновѣсіе. Таковы были Азеліо, Сиккарди, Палеокопа, Ламармора, Нигра. Но только въ 1850 году въ составъ министерства Азеліо вошелъ человѣкъ, способный не только къ поддержанію равновѣсія, но и къ энергическому *дѣйствію*—Камиллъ-Бензо, графъ Кавуръ (1810—1861 г.).

Не было государственнаго человѣка, который осуждалъ бы съ такою силою революціонныя средства; но еще меньше можно было найти людей, которые были бы сильнѣе преданы дѣлу конституціонной свободы. Особенное положеніе Пьемонта среди подчиненныхъ австрійскому вліянію итальянскихъ государствъ, обращало эту преданность въ патріотическій долгъ. „До тѣхъ поръ", писалъ онъ вскорѣ послѣ событій 1848 года, „пока свобода существуетъ въ одномъ углу итальянскаго полуострова, не слѣдуетъ отчаиваться въ будущемъ. Пока Пьемонтъ сохранитъ свои учрежденія отъ деспотизма и анархіи, мы будемъ имѣть средство съ пользою потрудиться надъ возрожденіемъ отечества".

Поэтому широкія внутреннія преобразованія сдѣлались задачею Кавура, пока обстоятельства не призвали его на иное поприще. „Реформы, произведенныя во-время", писалъ онъ въ 1850 году, „не ослабляютъ власти—онѣ укрѣпляютъ ее и обезсиливаютъ революціонный духъ. Я говорю министрамъ: подражайте откровенно Веллингтону, Грею, Пилю; идите смѣло по пути реформъ, не страшась, что онѣ будутъ преждевременны. Не думайте, чтобы тронъ отъ того поколебался; напротивъ, онъ укрѣпится, онъ пуститъ въ нашей почвѣ такіе глубокіе корни, что въ тотъ день, когда революція поднимется вокругъ насъ, онъ будетъ не только въ состояніи владычествовать надъ нею, но соберетъ вокругъ себя всѣ живыя силы Италіи и поведетъ націю къ ожидающимъ ея судьбамъ".

Дѣйствительно, широкія преобразованія и полезныя предпріятія, преимущественно въ области экономической и финансовой, слѣдовали одно за другимъ, останавливая на себѣ вниманіе Европы. Независимо отъ непосредственныхъ выгодъ, Пьемонтъ извлекъ изъ нихъ и большую нравственную пользу. Торговая его политика завоевала ему симпатію двухъ сильнѣйшихъ державъ запада—Англіи и Франціи; истинно либеральное его направленіе во внутреннихъ дѣлахъ подняло значеніе савойскаго дома и отнимало почву у республиканской партіи и тайныхъ обществъ, руководимыхъ Мадзини. Съ каждымъ

годомъ кредитъ старыхъ вожаковъ демократической партіи падалъ, и вскорѣ послѣ крымской войны возникло и быстро развилось, подъ руководствомъ сицилійскаго эмигранта Ла-Фарина, „національное общество“, не имѣвшее ничего общаго съ мадзинизмомъ. На сторону Кавура сталъ и доблестный эксдиктаторъ Венеціи, Манинъ [1]), помогавшій ему изъ своего изгнанія въ Парижѣ. „Любя Италію больше республики“, онъ увѣщевалъ всѣхъ патріотовъ стать на сторону пьемонтской монархіи; къ голосу Манина присоединился и голосъ страдальца Паллавичини, такъ долго томившагося въ Шпильбергской крѣпости. Наконецъ, и старый боецъ республиканской партіи, Гарибальди, отдалъ себя, когда настало время, въ распоряженіе Виктора-Эммануила.

Но для возбужденія итальянскаго вопроса нужны были благопріятныя условія и точки опоры. Средствомъ найти эту почву явилось участіе Пьемонта въ важномъ *внѣшнемъ* предпріятіи, которое ввело бы Пьемонтъ въ кругъ великихъ европейскихъ державъ. Такимъ предпріятіемъ была крымская война. Кавуръ, приступая къ англо-французскому союзу противъ Россіи, не имѣлъ въ виду (какъ это доказало его позднѣйшее поведеніе), нанести ущербъ нашему отечеству; притомъ 15.000 сардинскихъ войскъ не много прибавили къ силамъ союзниковъ. Ударъ былъ направленъ въ сторону Вѣны.

Австрія, 2 декабря 1854 г., заключила съ Англіею и Франціею двусмысленный договоръ, ни къ чему ее необязывавшій. Она, очевидно, хотѣла продать свое участіе въ войнѣ за европейскую гарантію ея итальянскихъ владѣній. Въ эту минуту Кавуръ рѣшился прямо и открыто стать на сторону союзниковъ и тѣмъ опередить Австрію. Черезъ мѣсяцъ послѣ заключенія австрійскаго договора, 10 января 1855 г. былъ подписанъ союзный трактатъ Пьемонта съ Англіею и Франціею. Прусскій уполномоченный, Узедомъ, назвалъ его „пистолетнымъ выстрѣломъ надъ ухомъ Австріи“.

Участіе въ войнѣ дало Пьемонту право участвовать въ парижской конференціи для обсужденія договора о мирѣ. Несмотря на противодѣйствіе Австріи которая хорошо понимала, что сардинскій уполномоченный явится на конгрессъ не для „восточныхъ дѣлъ“, Франція, Англія и Россія настояли на допущеніи Пьемонта. Уполномоченнымъ его былъ Кавуръ.

Онъ понималъ, что „итальянскій вопросъ“ не можетъ быть не только рѣшенъ, но и поставленъ какъ слѣдуетъ въ конференціи, имѣвшей другое назначеніе. Но онъ воспользовался ею для большаго сближенія съ представителями и государственными людьми ве-

---

[1]) См. выше, стр. 694.

ликихъ державъ, въ томъ числѣ и Россіи. Понимая, что старинный союзъ Россіи съ Австріею, уже разстроенный крымскою войною, долженъ рушиться на парижскомъ конгрессѣ, Кавуръ постоянно поддерживалъ умѣренныя предложенія относительно Россіи противъ „строгихъ" австрійскихъ проектовъ. Затѣмъ онъ умѣлъ добиться нѣкотораго „обмѣна мыслей" на дополнительномъ засѣданіи конгресса 8 апрѣля 1856 года. „Обмѣнъ мыслей" основывался на серьезныхъ соображеніяхъ, представленныхъ Кавуромъ.

Война, только что конченная на одномъ концѣ Европы, не могла ли вспыхнуть на другомъ? Положеніе Италіи не представляло ли серьезныхъ поводовъ къ войнѣ въ ближайшемъ будущемъ? Ненормальность этого положенія доказывалась очевидными фактами. Свѣтская власть папы держалась присутствіемъ французскихъ войскъ въ Римѣ, австрійскихъ въ Болоньѣ. Въ Моденѣ, Пармѣ и Тосканѣ правительства поддерживались австрійскою силою. Въ Неаполѣ порядокъ обезпечивался страшными полицейскими мѣрами и тюрьмами, отъ описанія которыхъ, сдѣланныхъ впослѣдствіи Гладстономъ, пришла въ ужасъ Европа. Все это, вмѣстѣ взятое, питало революціонныя стремленія, и Пьемонтъ не могъ отвѣчать ни за одинъ часъ спокойствія въ Италіи.

Таково было основаніе, на которомъ Кавуръ построилъ свою систему переговоровъ. На первый случай для него, какъ онъ заявлялъ въ палатѣ, было довольно того, что „въ первый разъ, въ теченіе нашей исторіи, итальянскій вопросъ былъ поднятъ и разсмотрѣнъ на европейскомъ конгрессѣ не такъ, какъ нѣкогда въ Лайбахѣ и въ Веронѣ". Но прошло еще три года въ упорной и искусной работѣ, прежде чѣмъ Кавуръ успѣлъ пріобрѣсти содѣйствіе императора французовъ. Многотрудная работа Кавура едва не потерпѣла крушенія, вслѣдствіе покушенія на жизнь Наполеона III, произведеннаго итальянскимъ революціонеромъ Орсини (14 января 1858 г.). Только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ было улажено это несчастное дѣло; 20 іюля 1858 г., при свиданіи Наполеона съ Кавуромъ въ Пломбьерѣ, установлены были основанія будущаго союза.

V. Неизбѣжность войны понималась какъ Пьемонтомъ, такъ и Австріею. Съ обѣихъ сторонъ шли дѣятельныя приготовленія; „недоразумѣнія", столкновенія и споры—обыкновенные предвѣстники войны—были многочисленны. Наконецъ, Австрія, 19 апрѣля 1859 г., послала барона Келлесберга въ Туринъ съ ультиматумомъ, въ коемъ требовалось немедленное обезоруженіе Пьемонта и распущеніе волонтеровъ, стекавшихся подъ знамена Виктора-Эммануила со всѣхъ концовъ Италіи. Кавуръ отвергъ ультиматумъ, и чрезъ три дня (29 апрѣля) австрійскія войска выступили подъ предводительствомъ

генерала Гіулая. Наполеонъ III, державшій уже армію на-готовѣ, 3 мая издалъ прокламацію къ народу, въ которой объявлялось, что „Италія должна быть свободна до Адріатическаго моря“; въ прокламаціи солдатамъ (12 мая—въ Генуѣ), императоръ говорилъ: „мы будемъ поддерживать борьбу народа, требующаго себѣ независимости, и освобождать его отъ ига иноземцевъ. Это—святое дѣло, которому сочувствуетъ весь образованный міръ“.

Но ближайшіе результаты войны не соотвѣтствовали словамъ прокламаціи. Быстрые успѣхи франко-итальянской арміи, разгромъ австрійцевъ при Мадджентѣ и Сольферино возбудили тревогу въ Пруссіи, остававшейся вначалѣ безучастною къ судьбѣ своей соперницы. Послѣ битвы подъ Сольферино (24 іюня 1859 г.) до императора дошли слухи о мобилизаціи прусскихъ войскъ. Война могла принять новые и неожиданные размѣры. Не было недостатка и въ представленіяхъ со стороны французскаго министерства, опасавшагося внѣшнихъ и внутреннихъ усложненій.

Императоръ сразу кончилъ войну; 11 іюля были подписаны предварительныя условія мира въ Виллафранкѣ, подтвержденныя потомъ (10 ноября) цюрихскимъ мирнымъ договоромъ. Ломбардія отходила къ Пьемонту, но безъ Мантуи и Пескьеры, входившихъ въ составъ знаменитаго „четыреугольника“ [1]); владѣтели Тосканы, Модены и Пармы, бѣжавшіе изъ своихъ государствъ, должны были получить ихъ обратно. Венеціанская область оставалась за Австріею. Провинціи папской области (Умбрія и Мархія), гдѣ уже учредились временныя правительства, возвращались папѣ, подъ условіемъ „реформъ“.

Кавуръ не могъ подписать этихъ условій; онъ подалъ въ отставку и оффиціально оставался не у дѣлъ до января 1860 года. Но Италія могла теперь осуществить девизъ fare da se. Виллафранкскія условія были неосуществимы. Владѣтели тосканскій, пармскій и моденскій могли быть возстановлены только военною силою; но Франція не взяла бы на себя эту задачу и не допустила бы къ ней Австрію. Затѣмъ, въ средней Италіи могущественное народное движеніе было организовано уже въ началѣ войны и получило оффиціальное, такъ сказать, признаніе, будучи поставлено подъ руководство пьемонтскихъ „уполномоченныхъ“. Теперь эти уполномоченные [2]) сдѣлались диктаторами, опиравшимися на волю мѣстнаго населенія, которое жило однимъ лозунгомъ: „Италія и Викторъ-Эммануилъ“.

---

[1]) См. выше, стр. 695.

[2]) Фарини въ Моденѣ и въ Пармѣ, Чиприани въ Болоньѣ, баронъ Рикасоли въ Тосканѣ.

Пока оффиціальная дипломатія наружно стремилась выполнить условія виллафранкскаго перемирія, „диктаторы“ и вожди „національнаго общества“ подготовляли центральную Италію къ соединенію съ Пьемонтомъ. Кавуръ, остававшійся душою неоффиціальной политики, въ то же время устранялъ внѣшнія препятствія достиженію своей цѣли. Англія стала теперь рѣшительно на сторону Италіи; самъ Наполеонъ шагъ за шагомъ отступалъ отъ виллафранкскихъ условій. Наконецъ, въ разговорѣ съ „неоффиціальнымъ“ повѣреннымъ Кавура, онъ высказался довольно опредѣленно.

Замѣтивъ, что оффиціально онъ не можетъ сказать ничего, кромѣ того, что́ уже сказано, Наполеонъ прибавилъ: „но пусть населеніе *вотируетъ*, и когда будетъ доказано, что виллафранкскія условія не могутъ быть осуществлены безъ нарушенія народнаго права, *отъ котораго я самъ получилъ власть*, я могу измѣнить мнѣніе“.

Оставалось, слѣдовательно, пустить въ ходъ *плебисцитъ*, и къ концу 1859 года дѣло созрѣло настолько, что Кавуръ могъ снова вступить во власть и начать рѣшительныя дѣйствія. Прежде всего онъ принесъ Франціи жертву, о которой заходила рѣчь еще въ Пломбьерѣ, но на которую онъ рѣшился, скрѣпя сердце теперь— именно на уступку Наполеону III Савойи и Ниццы. Чрезъ это онъ, по собственнымъ его словамъ, сдѣлалъ Францію своею сообщницею, заплативъ ей свой долгъ не только за среднюю Италію, но, какъ показали событія, и за Неаполь. Уже до подписанія трактата, Кавуръ быстро воспользовался „плебисцитомъ“. 11 марта послѣдовало голосованіе въ Эмиліи [1]) и въ Тосканѣ. Декретами 18—22 марта „возсоединеніе“ было утверждено и закономъ; 15 апрѣля на эти области распространено дѣйствіе пьемонтскаго статута [2]); 24 марта былъ подписанъ трактатъ объ уступкѣ Франціи Ниццы и Савойи; 25 уже происходили выборы въ первый *итальянскій* парламентъ.

Несмотря на бурную оппозицію противъ уступки Савойи, палата, понимавшая цѣли Кавура, утвердила трактатъ большинствомъ 229 голосовъ противъ 35 [3]). „Сообщничество“ Франціи понадобилось скоро по дѣлу болѣе важному: 5 мая 1860 года изъ виллы Кварто близъ Генуи, отплыли два корабля Piemonte и Lombardo. На нихъ находилась знаменитая „тысяча“ гарибальдійцевъ, отправлявшихся съ

---

[1]) Эмилія, область средней Италіи, названная по воспоминанію о древней Aemilia (и via Aemilia), заключала въ себѣ герцогства Парму, Модену и Романью (съ Болоньей). Теперь въ составъ ея входитъ 9 провинцій: Парма, Пьяченца, Модена, Масса-Каррара, Реджіо, Феррара, Болонья, Равенна и Форли.

[2]) На Ломбардію дѣйствіе этого статута было распространено декретомъ 7-го декабря 1859 г.

[3]) 23 депутата воздержалось отъ подачи голоса.

своимъ доблестнымъ вождемъ на завоеванiе „Обѣихъ Сицилiй". 11 мая „дружина" явилась въ Марсалѣ, на западномъ берегу Сицилiи. Появленiе гарибальдiйцевъ подняло весь островъ, и Гарибальди, принявшiй званiе диктатора во имя короля Виктора-Эммануила, быстро очистилъ островъ отъ неаполитанскихъ войскъ, остатокъ которыхъ укрылся въ мессинской цитадели. Гарибальди переправился на континентъ, гдѣ новый король, Францискъ II [1]) могъ оказать ему только слабое сопротивленiе; 7 сентября Гарибальди торжественно въѣхалъ въ Неаполь; королевскiя войска укрылись частью въ Капуѣ, частью въ Гаэтѣ, гдѣ нашелъ убѣжище и король. Но трудно было утилизировать подвигъ Гарибальди. Европейскiе дворы принимали угрожающее положенiе въ виду намѣренiя, заявленнаго Гарибальди, идти на Римъ; двѣ провинцiи папской области,—Умбрiя и Мархiя (т.-е. Романья)—возстали, а усиленiе папскихъ войскъ иноземными волонтерами, поставленными подъ начальство французскаго генерала Ламорисьера (1806—1865 г.), не могло содѣйствовать успокоенiю страны. Само неаполитанское королевство находилось въ полномъ безначалiи. Кавуръ рѣшился быстро „легализировать" движенiе.

Въ день въѣзда Гарибальди въ Неаполь, Кавуръ послалъ папскому правительству ультиматумъ, требовавшiй распущенiя иностранныхъ полковъ. Получивъ отказъ, онъ ввелъ (11 сентября) въ область сардинскiя войска. Ламорисьеръ былъ разбитъ (18 сентября) при Кастельфидардо; остатки его армiи должны были капитулировать въ Анконѣ (29 сентября). Затѣмъ, 9 октября, сардинскiя войска вошли въ неаполитанское королевство, взяли Капую и разсѣяли остатки королевскихъ войскъ. Только въ трехъ пунктахъ держались еще защитники Франциска II [2]). „Плебисциты" во всѣхъ этихъ областяхъ утвердили совершившiеся факты и признали Виктора-Эммануила королемъ; 7 ноября онъ торжественно въѣхалъ въ Неаполь.

Дѣло итальянскаго единства, насколько оно могло быть выполнено въ 1860 году силою пьемонтскаго оружiя, волонтеровъ Гарибальди и плебисцитами, было кончено. Венецiанская область охранялась еще силою Австрiи, Римъ—французскими войсками. Все, что́ можно было сдѣлать внѣ Рима и Венецiи, было сдѣлано Викторомъ-Эммануиломъ, Кавуромъ и Гарибальди. „Король, графъ и диктаторъ" были теперь нацiональными героями Италiи. Закономъ 17 декабря 1860 года, дѣйствiе пьемонтскаго статута было распространено на Неаполь, Сици-

---

[1]) Фердинандъ II умеръ 22 мая 1859 г.

[2]) Они сдались въ слѣдующемъ году; Гаэта капитулировала 13 февраля 1861 г., мессинская цитадель 13, Чивиттело-делъ-Тронто 20 марта того же года.

лію, Умбрію и Мархію; законъ 17-го марта 1861 г. далъ Виктору-Эммануилу титулъ короля Италіи. Гигантскія работы по организаціи новаго королевства сломили Кавура; 6 іюня 1861 года онъ скончался. Но два другіе героя, 1859—1861 гг., Викторъ-Эммануилъ и Гарибальди, дожили до полнаго единства ихъ отечества [1]).

VI. Неудачи въ итальянской войнѣ раскрыли и внутреннія язвы австрійской монархіи. Несостоятельность режима, установленнаго съ 1849 года, обнаружилась вполнѣ. Въ дѣйствительности, это былъ не „режимъ", а усиленная диктатура, направленная къ германизаціи всѣхъ частей имперіи и къ подавленію всѣхъ народностей одинаково. Наиболѣе тяжело, съ формальной стороны, отозвалась эта система въ Венгріи. Отмѣна старой венгерской конституціи казалась естественнымъ отвѣтомъ странѣ, провозгласившей, во время междоусобной войны, низложеніе Габсбурговъ.

Высшее управленіе страной было ввѣрено австрійскому министерству. На мѣстѣ, представителемъ правительства былъ извѣстный своими жестокостями въ Италіи и Венгріи — генералъ Гайнау. Страна была раздѣлена на пять военныхъ округовъ [2]), начальники которыхъ были облечены полномочіями по военной и гражданской части. Хотя съ 1850 года Гайнау былъ замѣненъ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ, но положеніе Венгріи не улучшилось. Она была раздѣлена на пять намѣстничествъ (Statthaltereien); коммиссары и множество нѣмецкихъ чиновниковъ, явившихся съ ними, не знали ни венгерскаго языка, ни мѣстныхъ условій и проводили инструкціи, данныя имъ изъ Вѣны, съ слѣпою послѣдовательностью, порождавшею множество неудовольствій и хаосъ во всѣхъ отношеніяхъ. Консервативная и умѣренная партіи, несочувствовавшія Кошуту, были раздражены не меньше демократовъ.

Не лучше было положеніе и другихъ народностей, даже вѣрныхъ Австріи славянъ, сражавшихся противъ мятежныхъ венгровъ. Всѣ національныя стремленія сдѣлались одинаково подозрительны въ глазахъ вѣнскаго правительства. Оно рѣшилось, повидимому, руководствоваться взглядомъ, высказаннымъ въ постановленіи собранія католическихъ прелатовъ (1849 г.), что „національности суть остатокъ *язычества*, и различіе языковъ есть послѣдствіе грѣхопаденія".

Внутреннее управленіе областей было уже организовано по системѣ Баха [3]). Введеніе нѣмецкаго языка въ оффиціальныя отношенія и въ школы совершалось съ настойчивостью Іосифа II. Лите-

---

[1]) Викторъ-Эммануилъ скончался въ 1878 году. Гарибальди 10 іюня 1882 г. (онъ родился въ 1807 г.).

[2]) Пештскій, Кашаускій, Дебречинскій, Пресбургскій и Öденбургскій.

[3]) См. выше, стр. 731.

ратурное движеніе, столь сильное въ славянскихъ земляхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, замерло, какъ вслѣдствіе общаго утомленія и разочарованія [1]), такъ и вслѣдствіе цензурно-полицейскаго режима. „Матицы“ приходили въ упадокъ; на всемъ пространствѣ Австріи удержались только двѣ независимыя славянскія газеты. Лучшія литературныя силы гибли. Гавличекъ былъ „интернированъ“ въ Тиролѣ и получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Прагу, какъ бы для того, чтобы умереть. Другой безкорыстный и неутомимый дѣятель славянства, словакъ Людевитъ Штуръ [2]), боровшійся въ 1849 г. за Австрію, противъ венгровъ и революціи, кончалъ свою жизнь подъ гнетомъ преслѣдованій и въ глубокой бѣдности († 1856 г.,); большинство его сотрудниковъ было принуждено отказаться отъ литературы.

Свѣтская диктатура заключила союзъ съ церковною, отказавшись не только отъ преданій „Іозефинизма“, но и отъ обезпеченій государственнаго интереса. Конкордатъ 15 августа 1855 года возстановлялъ многія средневѣковыя привилегіи католической церкви и папы. Послѣднему была предоставлена полная свобода въ управленіи церковью, безъ согласія (placet) императора. Юрисдикція епископовъ не только надъ духовными, но и надъ свѣтскими лицами расширена. Но больше всего завоеваній, на основаніи конкордата, сдѣлало духовенство въ области народнаго образованія. Въ интересахъ церкви, только католики допускались къ занятію учительскихъ мѣстъ; во всѣхъ школахъ преподаваніе должно было вести въ духѣ ученій католической церкви; общій надзоръ надъ школами отданъ въ руки духовенства; права духовной цензуры въ отношеніи литературы расширены новыми полномочіями. Всѣ подобныя права предоставлялись властямъ, которыя, съ своей стороны, были эманципированы изъ подъ верховной власти гасударства: епископы приносили присягу на вѣрность императору по формулѣ, заключавшей въ себѣ существенную оговорку [3]).

Единственная область, въ которой проявлялся еще преобразовательный духъ сороковыхъ годовъ, была область народнаго хозяйства и финансовъ. Она находилась въ рукахъ одного изъ геніальнѣйшихъ министровъ, какіе когда либо появлялись въ Австріи — Карла Брука [4]). Онъ соединялъ въ себѣ огромныя правительственныя спо-

---

[1]) Собраніе сочиненій Гильфердинга, II, стр. 98, изд. 1868 г.

[2]) Изъ сочиненій его особенно замѣчательно: *Славянство и міръ будущаго,* переведенное на русскій языкъ проф. Ламанскимъ въ 1867 г.

[3]) „Ego juro et promitto ad sancta Dei evangelia, *sicut decet episcopum*, obedientiam et fidelitatem“.

[4]) Род. въ 1798 г., ум. въ 1860 г.

собности съ сильнымъ духомъ предпріимчивости, который онъ проявилъ въ своихъ собственныхъ коммерческихъ дѣлахъ и въ качествѣ основателя знаменитаго „австрійскаго Ллойда“. Въ 1848 году онъ былъ избранъ депутатомъ въ франкфуртскій парламентъ [1]), а вѣнское правительство назначило его своимъ уполномоченнымъ при „блюстителѣ имперіи“ [2]). Послѣ октябрьскихъ дней въ Вѣнѣ [3]) онъ получилъ портфель министра торговли, который и остался за нимъ до 1851 года. Въ два года онъ сдѣлалъ столько, что человѣкъ, не знавшій другихъ сторонъ австрійскаго быта, могъ бы повѣрить, что имперія „возрождается“.

Оживленіе различныхъ отраслей промышленности и торговли, улучшеніе путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ; учрежденіе торговыхъ и промышленныхъ палатъ; измѣненіе общей системы торговой политики настолько, что Австрія, пользуясь плодами его трудовъ, могла впослѣдствіи заключить договоръ съ нѣмецкимъ таможеннымъ союзомъ—таковы главныя черты этой всеобъемлющей дѣятельности. Но единичная дѣятельность геніальнаго министра и даже его личность не гармонировали съ общими началами австрійской политики. Брукъ просилъ объ отставкѣ и, получивъ ее (май 1851 г.), возвратился къ своему „Ллойду“.

Еще разъ воспользовались его услугами въ 1853 году для заключенія торговаго договора съ Пруссіею и таможеннымъ союзомъ. Затѣмъ, онъ былъ назначенъ австрійскимъ „интернунціемъ“ (посломъ) въ Константинополь. Только послѣ крымской войны, когда Австрія почуяла симптомы „итальянскаго вопроса“, Брукъ былъ призванъ занять постъ министра финансовъ. Но было уже поздно. Нѣсколько лѣтъ реакціоннаго режима было достаточно для полнаго истощенія страны. Самъ Брукъ утратилъ прежнюю энергію. Въ условіяхъ гнетущей финансовой нужды, онъ придалъ своей политикѣ характеръ спекулятивный, прибѣгая къ мѣрамъ, часто опаснымъ. Хорошо понимая корень зла, онъ постоянно указывалъ на необходимость измѣнить общую политическую систему. Его представленія не имѣли успѣха.

Послѣдствія итальянской войны доказали справедливость словъ Брука. Свидѣтельствомъ страшнаго упадка австрійскаго кредита служила неудача съ выигрышнымъ займомъ въ 200 милліоновъ; подписка дала только 70 милліоновъ. Подавленный неуспѣхомъ, Брукъ былъ окончательно убитъ слухами (которые оказались невѣрными) объ

---

[1]) Отъ Тріеста, гдѣ онъ жилъ и велъ свои торговыя дѣла.
[2]) См. выше, стр. 722.
[3]) См. выше, стр. 716.

участіи его въ злоупотребленіяхъ по провіантской части, совершенныхъ генераломъ Эйнатеномъ. Императоръ не поддержалъ своего министра; онъ получилъ отставку и зарѣзался въ припадкѣ отчаянія (23 апрѣля 1860 г.).

VII. Трагическая смерть Брука не разрѣшала, конечно, вопросовъ, связанныхъ съ австрійскими финансами и съ общею системою управленія. Пораженная въ Ломбардіи, Австрія не только должна была присутствовать при дальнѣйшемъ объединеніи Италіи, но и опасаться серьезныхъ событій у себя дома, особенно въ Венгріи, гдѣ Францъ-Іосифъ, некоронованный вѣнцомъ св. Стефана, не признавался законнымъ государемъ. Императоръ рѣшился, наконецъ, приступить къ измѣненію „системы".

Уже 22 августа 1859 г. Бахъ получилъ отставку; въ составъ новаго министерства вошли графъ Рехбергъ [1]), баронъ Гюбнеръ [2]) и графъ Голуховскій [3]). Надежды либераловъ оживились съ назначеніемъ Гюбнера; федералисты возлагали надежды на гр. Голуховскаго. Ожиданія оправдались отчасти. Печать получила нѣкоторыя облегченія; венгерскимъ и трансильванскимъ протестантамъ даны нѣкоторыя льготы, которыя, впрочемъ, далеко не равнялись ихъ историческимъ привилегіямъ. Вліятельнѣйшая теперь партія въ Венгріи—деакисты—вмѣстѣ съ своимъ вождемъ рѣшилась твердо оставаться на почвѣ исторической конституціи и указанныхъ выше законовъ 1848 г.

Но „историческая почва", какъ въ Венгріи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, не признавалась удобною австрійскимъ правительствомъ. Централизмъ оставался руководящею ею цѣлью, хотя формы его постепенно измѣнились: централизмъ Баха уступалъ мѣсто централизму конституціонному. Нерѣшительны были шаги правительства и по этому пути.

На первый разъ (5 марта 1860 г.) было объявлено, что составъ государственнаго совѣта „усиливается" нотаблями (въ числѣ 38), призванными отъ разныхъ коронныхъ земель; 31 мая были открыты его засѣданія. Но и здѣсь правительство услышало то же, что говорилъ ему и Брукъ: что безъ коренного преобразованія „системы" не улучшатся государственные финансы и не устранятся общія затрудненія. Правительство рѣшилось еще нѣкоторое время ограничиться „усиленнымъ государственнымъ совѣтомъ", права котораго были расширены указомъ 17 іюля 1860 г. [4]).

---

[1]) Первый министръ.

[2]) Министръ полиціи.

[3]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

[4]) Манцъ, назв. сбор., стр. 54.

Но быстрые успѣхи Пьемонта въ Италіи и полная изолированность Австріи заставляли правительство обращаться на путь внутреннихъ преобразованій. Въ то время, какъ пьемонтскія войска вступали въ неаполитанскія владѣнія, вѣнское правительство подготовляло для „народовъ" имперіи конституціонныя реформы, основанія которыхъ были изложены въ императорскомъ дипломѣ 20 октября 1860 г.

Принципы октябрьскаго диплома и первыя распоряженія къ его исполненію подавали надежду федералистамъ, т.-е. преимущественно славянскимъ народностямъ Австріи [1]). Дипломъ исходитъ изъ того начала, что общіе интересы и цѣлость монархіи могутъ быть обезпечены только учрежденіями, соотвѣтствующими историческому сознанію и существующимъ особенностямъ отдѣльныхъ королевскихъ земель, съ одной, и требованіямъ ихъ неразрывнаго союза, съ другой стороны.

Соотвѣтственно этому, дипломъ возвѣстилъ учрежденіе мѣстныхъ представительствъ и образованіе представительства центральнаго (рейхсрата), составленнаго изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ ландтаговъ. Общія права первыхъ и послѣдняго опредѣлялись правиломъ, что:

„Право давать, измѣнять и отмѣнять законы будетъ отправляться Нами (императоромъ) при содѣйствіи законно-собранныхъ ландтаговъ или, въ опредѣленныхъ случаяхъ, рейхсрата".

Отношеніе компетенціи рейхсрата къ таковой же ландтаговъ было опредѣлено въ духѣ федеративномъ; именно, кругъ вѣдомства рейхсрата былъ ограниченъ предметами, исчисленными въ дипломѣ [2]); обсужденіе другихъ предметовъ оставалось въ вѣдѣніи мѣстныхъ ландтаговъ и сеймовъ.

Рейхсратъ долженъ былъ состоять изъ ста членовъ [3]); его предполагалось распредѣлить между землями соотвѣтственно ихъ пространству, населенію и количеству платимыхъ ими податей. Съ измѣненіемъ общихъ началъ управленія, существованіе нѣкоторыхъ центральныхъ министерствъ дѣлалось излишнимъ. Рескриптомъ на имя гр. Рехберга были упразднены министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и вѣроисповѣданій. Для дѣлъ венгерскихъ и трансильван-

---

[1]) Октябрьскій дипломъ и относящіеся къ нему рескрипты см. у Манца, стр. 2—16.

[2]) Обсужденію въ рейхсратѣ подлежали законы о монетѣ, о кредитѣ, дѣла таможенныя и торговыя, почтовыя, телеграфныя, желѣзнодорожныя, о воинской повинности, о новыхъ налогахъ, объ общегосударственныхъ займахъ, общемъ бюджетѣ и дѣла по распоряженію государственными имуществами.

[3]) Рескриптъ на имя гр. Рехберга.

скихъ были возстановлены придворныя канцеляріи (Hofkanzlei), а для завѣдыванія общими дѣлами другихъ земель учреждено „государственное министерство“, глава котораго получилъ титулъ государственнаго министра. Въ Венгріи возстановленъ былъ высшій ея судъ (курія) и должность верховнаго судьи (judex curiae); для прочихъ земель учрежденъ кассаціонный судъ въ Вѣнѣ, президентъ котораго входилъ въ составъ совѣта министровъ, „представляя въ немъ интересы юстиціи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были распоряженія по организаціи и возстановленію разныхъ мѣстныхъ учрежденій. Графъ Голуховскій получилъ порученіе выработать статуты для не-венгерскихъ земель. Вновь назначенный „гофканцлеръ“ по венгерскимъ дѣламъ, баронъ Вай, получилъ много порученій относительно возстановленія разныхъ частей венгерской конституціи. Первый рескриптъ извѣщалъ его о распоряженіи императора относительно образованія въ Гранѣ [1]) коммиссіи для выработки избирательнаго закона, долженствовавшаго измѣнить разныя постановленія закона 1848 г. Коммиссія должна была представить свой проектъ чрезъ придворную канцелярію. Второй рескриптъ повелѣвалъ, на основаніи закона 1741 года [2]), представить кандидатовъ для замѣщенія должностей верховнаго судьи и коронпаго казначея [3]); послѣдній, впредь до назначенія намѣстника королевства, долженъ былъ исправлять его должность. Третьимъ рескриптомъ верховному судьѣ предписывалось представить кандидатовъ для назначенія членовъ „куріи“; четвертымъ повелѣвалось составить, подъ предсѣдательствомъ обергешпановъ, коммиссію для изготовленія проектовъ о возстановленіи комитатскаго устройства, окончательное обсужденіе коихъ предоставлялось сейму. Пятый рескриптъ возстановлялъ оффиціальныя права венгерскаго языка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кроатскій банъ, баронъ Сокчевичъ, получилъ повелѣніе образовать коммиссію для обсужденія началъ мѣстнаго правительства и отношеній этой страны къ Венгріи. Трансильванскому канцлеру предписано было составить такое же совѣщаніе по устройству этого княжества. Наконецъ, „имѣя въ виду, съ одной стороны, законныя желанія венгерскаго королевства на инкорпорацію сербской „воеводины“ и Баната, а съ другой, старинныя привилегіи мѣстнаго населенія“, императоръ поручилъ своему коммиссару, гр. Менсдорффу-Пульи, изучить на мѣстѣ этотъ сложный вопросъ и,

---

[1]) Главный городъ венгерскаго комитата того же имени, при впаденіи рѣки Гранъ въ Дунай. Резиденція архіепископа-примаса Венгріи.

[2]) Относительно отправленія венгерскихъ дѣлъ природными венграми, см. выше, стр. 633.

[3]) Tavernicus или tavernicorum regiorum magister.

по совѣщаніи съ выдающимися представителями всѣхъ національностей и исповѣданій [1]), представить проектъ разрѣшенія его къ „общему удовольствію“.

VIII. „Основанія“ октябрьскаго диплома не могли, однако, удовлетворить различныя народности имперіи. Нѣмецкіе централисты увидѣли въ нихъ опасную уступку федерализму и славянамъ; венгры, руководимые Деакомъ, рѣшились не сходить съ почвы своей исторической конституціи и не вступать ни въ какія соглашенія; успѣхъ федерализма зависѣлъ отъ выполненія графомъ Голуховскимъ возложеннаго на него порученія.

Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, рушились надежды славянъ. Проекты Голуховскаго, относительно устройства мѣстныхъ ландтаговъ, вызвали озлобленные крики централистовъ; 13 декабря 1860 года онъ получилъ отставку; спасеніе имперіи было ввѣрено Шмерлингу. Удаленный изъ министерства Шварценберга-Баха въ 1851 г. вмѣстѣ съ Брукомъ, въ качествѣ либерала, онъ теперь явился человѣкомъ, пригоднымъ для проведенія централизаціонной политики въ конституціонной формѣ. Плодомъ новаго направленія австрійской политики явилась конституція 26 февраля 1861 года [2]).

Отличительною чертою новой конституціи должно считать образованіе общеавстрійскаго представительства, которому предоставлено было обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ общаго интереса. Въ отличіе отъ рейхсрата, предположеннаго по октябрьскому диплому, новый рейхсратъ долженъ былъ состоять изъ *двухъ* палатъ; палаты господъ (Herrenhaus) и палаты депутатовъ (Haus der Abgeordneten). Палата господъ составлялась: 1) изъ совершеннолѣтнихъ принцевъ императорскаго дома; 2) совершеннолѣтнихъ представителей знатныхъ фамилій, удовлетворяющихъ имущественнымъ условіямъ и жалуемыхъ императоромъ этимъ званіемъ *наслѣдственно*; 3) ex officio въ составъ палаты входили прелаты княжескаго ранга; 4) императору предоставлялось право жаловать званіе члена палаты господъ *пожизненно*, лицамъ, отличившимся на поприщахъ служенія государству и церкви, наукѣ и искусствамъ [3]).

Палата депутатовъ составлялась изъ лицъ, избранныхъ ландтагами каждой земли въ пропорціи, опредѣленной конституціею [4]).

---

[1]) „...nach Anhörung hervorragender Persönlichkeiten aller Nationalitäten und Confessionen...“

[2]) Конституцію 26 февраля 1861 г. съ относящимися къ ней законами см. у Манца, назв. сбор., стр. I—LXXIX.

[3]) §§ 2—5.

[4]) Отдѣльныя королевства и земли избирали депутатовъ въ слѣдующей пропорціи (§ 6):

Рейхсрату, созываемому каждый годъ (§ 9), поручалось обсужденіе: 1) всѣхъ законовъ, касающихся воинской повинности; 2) дѣлъ по регулированію монетной системы, денежныхъ знаковъ обращенія, кредита банковъ, таможенныхъ правилъ, торговли, почтъ, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ; 3) дѣлъ, касающихся вообще имперскихъ финансовъ и управленія ими.

Какъ бы въ предвидѣніи того, что венгерскія земли не пожелаютъ участвовать „въ общемъ представительствѣ имперіи", уже октябрьскій дипломъ установилъ, а конституція 26 февраля провела различіе между *большимъ* и *малымъ* рейхсратами. Въ составъ послѣдняго входили только депутаты не-венгерскихъ земель для обсужденія дѣлъ, ихъ касавшихся [1]).

Спеціально для славянскихъ (не-венгерскихъ) земель и для Ломбардо-Венеціи значеніе новой конституціи опредѣлялось выполненіемъ обѣщаній относительно мѣстныхъ статутовъ. Земли венгерскія получили обѣщаніе сохраненія ихъ историческихъ особенностей. Но нѣмецкія и славянскія земли получили новые статуты (Landesordnungen), въ изготовленіи которыхъ открывался просторъ для усмотрѣнія вѣнскаго правительства [2]).

Съ внѣшней стороны, мѣстные ландтаги являлись истинно представительными и правящими учрежденіями. Иные изъ нихъ были весьма многолюдны: богемскій сеймъ имѣлъ 241, моравскій 100, галиційскій 150 членовъ. Каждый сеймъ избиралъ комитетъ (Landesausschuss), въ числѣ отъ 4 до 8 членовъ, для завѣдыванія текущими дѣлами администраціи. Но *компетенція* сейма была ограничена преимущественно хозяйственными дѣлами, и лишь въ слабой степени

Королевства и земли:	Число депутат.	Королевства и земли:	Число депутат.
Венгрія	85	Герцогство Штирія	13
Богемія	54	„ Каринтія	5
Ломбардо-Венеція	20	„ Крайна	6
Далмація	5	„ Буковина	5
Кроація и Славонія	9	Вел. княж. Трансильванія	26
Галиція и Лодомирія	38	Маркграфство Моравія	22
Нижняя Австрія	18	Г-ва Верхн. и Нижн. Силезія	6
Верхняя Австрія	10	Тироль и Форарльбергъ	12
Герцогство Зальцбургъ	3	Истрія, Гёрцъ, Градишка и Тріестъ	6
		Итого	343

[1]) § 11.

[2]) Мѣстные статуты получили: 1) Нижняя Австрія; 2) Верхн. Австрія; 3) Зальцбургъ; 4) Тироль; 5) Форарльбергъ; 6) Штирія; 7) Каринтія; 8) Крайна; 9) Тріестъ Гёрцъ, Градишка, Истрія; 10) Богемія; 11) Моравія; 12) Силезія; 13) Галиція; 14) Буковина; 15) Далмація. Ломбардо-Венеція получила особый статутъ, оставшійся мертвою буквой.

было допущено участіе въ дѣлахъ законодательныхъ. Во всякомъ случаѣ, объ „историческихъ правахъ“ отдѣльныхъ земель не было и рѣчи. Еще существеннѣе были правила относительно *основаній* представительства, такъ какъ этимъ обусловливался и составъ рейхсрата, избиравшагося ландтагами.

Статуты остановились на системѣ представительства *интересовъ;* депутаты сеймовъ избирались: 1) отъ крупныхъ землевладѣльцевъ [1]); 2) отъ большихъ городовъ; 3) отъ торговыхъ палатъ; 4) отъ городовъ, и 5) отъ сельскихъ общинъ. Сверхъ того, въ сеймахъ засѣдали нѣкоторыя лица, съ правомъ личнаго голоса безъ выборовъ; на всѣ земли такихъ голосовъ приходилось 39.

Съ теоретической точки зрѣнія и въ примѣненіи къ странѣ съ *однороднымъ* населеніемъ, такая система представляетъ извѣстныя выгоды, сравнительно съ механическимъ началомъ „всеобщей подачи голосовъ“. Но министерство Шмерлинга воспользовалось ею для созданія *искусственнаго* преобладанія нѣмецкаго населенія въ не-нѣмецкихъ земляхъ, давъ перевѣсъ крупному землевладѣнію и, въ особенности, *городамъ* надъ сельскими общинами [2]). Затѣмъ всѣ категоріи избирателей, кромѣ сельскихъ, получили право избирать своихъ депутатовъ *непосредственно*; для сельскихъ избирателей введена *двустепенная* подача голосовъ, чрезъ выборщиковъ (по 1 на 500 жителей). Наконецъ, при *распредѣленіи* депутатовъ города съ нѣмецкимъ населеніемъ поощрены сравнительно съ городами славянскими [3]).

Неудивительно, если славяне считали свои надежды обманутыми. „Прошелъ годъ“, восклицалъ органъ словаковъ, *Пештъ-Будимскія*

---

[1]) Т.-е. платящихъ съ своихъ „рыцарскихъ“ имѣній отъ 100—250 (смотря по провинціи) гульденовъ поземельной подати.

[2]) Именно, изъ общаго числа 1014 мѣстныхъ депутатовъ приходилось:

I. на членовъ съ личнымъ голосомъ	39
II. на крупныхъ землевладѣльцевъ	260
III. на большіе города	53
IV. на торговыя палаты	59
V. на города	210
VI. на сельскія общины	393

Такимъ образомъ, на города (причисляя къ нимъ и торговыя палаты) приходилось 322 депутата, тогда какъ городское населеніе во *всей* имперіи составляло 35% общаго числа.

[3]) Напримѣръ, въ Богеміи славянскіе города получили 1 депутата на 12.020 жит., нѣмецкіе 1 на 10.315. Въ славянскихъ сельскихъ округахъ 1 депут. приходился на 53.200 избир., а въ нѣмецкихъ на 40.800. Нѣмецкій городъ Рейхенбергъ, съ 19.000 жит., имѣлъ 3 депут., а Прага съ 150.000—десять, нѣмецкое мѣстечко Пархенъ, съ 500 жит., получило депутата, а славянскій городъ Кладно, съ 8.000 жит., не получилъ. Леже, назв. соч., стр. 545 и 546.

въдомости, „прошелъ годъ, какъ изданъ императорскій дипломъ 20 октября. Къ этой грамотѣ обращалъ свои взоры каждый изъ народовъ Австріи, какъ къ древу жизни, надѣясь тотчасъ вкусить отъ его плода.... Вскорѣ, однако, оказалось, что только нѣкоторые народы, какъ-то нѣмцы и мадьяры, были призваны и избраны подѣлить между собою сокровища октябрьскаго диплома“ [1]).

Но венгры, какъ легко было ожидать, также не были удовлетворены. Общій „рейхсратъ“ означалъ медіатизированіе ихъ сейма и низведеніе королевства на степень области. Правда, возстановленіе ихъ древнихъ учрежденій было обѣщано, но оно обусловливалось пересмотромъ ихъ въ духѣ новой конституціи. Этого было достаточно, чтобы венгры отвергли мысль о „соглашеніи“ съ имперіею. Столь же рѣшительно, хотя и по другимъ мотивамъ, отвергла ее Ломбардо-Венеція, видѣвшая свое отечество въ объединенной Италіи.

Шмерлингъ не могъ собрать „общаго рейхсрата“; депутаты отъ Венгріи, Трансильваніи, Кроаціи и Венеціи не явились на призывъ; слѣдовательно, почти $^1/_3$ депутатовъ (140 изъ 343) отказалась участвовать въ „думѣ“. Въ Венгріи начали обнаруживаться тревожные признаки, побудившіе императора обратиться къ „комитатамъ и магистратамъ королевства“ съ угрожающимъ рескриптомъ 16 января 1861 года [2]), предшествовавшимъ созванію сейма на 2 апрѣля 1861 г. Настроеніе сейма было таково, что только Деаку удалось остановить слишкомъ рѣшительныя проявленія неудовольствія. Императору былъ представленъ адресъ, въ которомъ еще разъ объявлялось, что Венгрія не можетъ поступиться своими историческими правами. „Король“, говорилось въ заключеніи адреса, „становится законнымъ королемъ только чрезъ *коронацію*. Коронація же связана съ предписанными закономъ условіями, *предварительное* исполненіе которыхъ безусловно необходимо. Ненарушимое сохраненіе нашей конституціонной независимости, территоріальная и политическая цѣлость нашей страны, возобновленіе нашего сейма, полное возстановленіе нашихъ основныхъ законовъ, призваніе къ жизни нашего парламентскаго управленія и нашего отвѣтственнаго министерства, такъ же какъ устраненіе остающихся еще послѣдствій системы абсолютизма — таковы *предварительныя* условія, безъ исполненія которыхъ невозможны ни совѣщанія, ни соглашенія“.

Тщетно правительство старалось достигнуть „соглашенія“ на новыхъ условіяхъ, признавая, что они отступаютъ отъ началъ старин-

---

[1]) Гильфердингъ, ук. соч., стр. 257.

[2]) Манцъ, назв. сбор., стр. 145 и слѣд.

ной конституціи и законовъ 1848 г. Сеймъ остался непреклоненъ; 21 августа онъ былъ распущенъ и разошелся, изложивъ свой протестъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „фактически мы не можемъ противиться силѣ; но мы торжественно протестуемъ противъ того, что̀ дѣлается этимъ путемъ, и объявляемъ, что, вѣрные нашимъ существующимъ законамъ, а также утвержденнымъ сеймомъ и неизмѣненнымъ законамъ 1848 года, будемъ считать каждый шагъ власти, направленный противъ нихъ, противоконституціоннымъ“.

Оппозиція, изгнанная изъ сейма, возобновилась въ комитатскихъ собраніяхъ. Шумное собраніе пештскаго комитата было распущено, и комитатскій домъ былъ занятъ войсками; въ другіе комитаты были посланы полномочные коммиссары правительства, смѣщавшіе непокорныхъ должностныхъ лицъ въ комитатахъ и городахъ. Конституціонное министерство Шмерлинга обратилось къ средствамъ Баха; назначенный (5 ноября) венгерскимъ намѣстникомъ графъ Пальфи распустилъ всѣ комитатскіе комитеты и городскіе совѣты, замѣнилъ ихъ королевскими чиновниками и учредилъ военные суды для нарушителей общественнаго спокойствія. Не лучше шло дѣло и въ Кроаціи, стремившейся сохранить свою автономію какъ относительно Австріи, такъ и Венгріи; въ Трансильваніи боязнь мадьярской оппозиціи долгое время препятствовала собранію сейма.

X. Плоды „февральской конституціи“ для коронныхъ земель Австріи были также скудны. Конституціонализмъ Шмерлинга обращался имъ въ призракъ въ Вѣнѣ съ такимъ же успѣхомъ, какъ одновременно съ нимъ дѣлалъ это кн. Бисмаркъ въ Берлинѣ (см. ниже). Но кн. Бисмаркъ, подавляя оппозицію въ прусскомъ ландтагѣ, имѣлъ въ виду важныя и осуществленныя имъ въ 1866 году цѣли; австрійскій министръ прибѣгалъ къ подобнымъ же средствамъ, чтобы искусственно продлить существованіе ложной и никого неудовлетворявшей системы.

Исправленіе австрійскихъ финансовъ было главною цѣлью либеральныхъ уступокъ 1861 года. Но бюджетные вопросы, согласно постановленію февральской конституціи, были предметомъ *большого* рейхстага. Мы видѣли, что венгерскіе, кроатскіе и ломбардо-венеціанскіе уполномоченные отказывались явиться въ него. „Мы можемъ ждать“ (wir können warten), говорилъ Шмерлингъ въ 1861 году. Но съ 1863 г. ему приходилось уже „ждать“ и чешскихъ депутатовъ, отказавшихся отъ участія въ рейхсратѣ. Правительство утѣшалось тѣмъ, что ему, послѣ устраненія мадьяръ отъ выборовъ въ Трансильваніи, удалось составить сеймъ (въ Германштадтѣ) изъ уполномоченныхъ отъ саксовъ и румынъ, надѣленныхъ теперь политическими правами. Германштадтскій сеймъ послалъ своихъ уполномо-

ченныхъ въ рейхсратъ, который, безъ особеннаго, впрочемъ, основанія, могъ объявить себя полнымъ.

Но какъ полный, такъ и малый рейхсратъ не могли проявить своей дѣятельности по финансовымъ вопросамъ. Всякія исправленія въ бюджетѣ встрѣчали неизмѣнное сопротивленіе въ министерствѣ, и послѣднее, пользуясь „недомолвками“ въ конституціи, правило безъ бюджета, вотированнаго палатой. Если прибавить къ этому, что конституція 1861 г., учреждая представительство, не обезпечила обыкновенныхъ условій представительнаго управленія—свободы печати, ассоціацій и собраній, понятно будетъ, почему она не удовлетворила и нѣмецкихъ либеральныхъ централистовъ.

Непризнанная венграми и кроатами, ненавистная федералистамъ и неудовлетворившая централистовъ, конституція 1861 года держалась диктаторскими мѣрами Шмерлинга. Но, подъ конецъ, эта „конституціонная диктатура“ дѣлалась опасною и для правительства, въ виду усложненія германскихъ дѣлъ, гдѣ Австрія имѣла теперь противъ себя не Мантейфеля, а князя Бисмарка (см. ниже). Система централизованной имперіи явно шла къ крушенію. „Соглашеніе“ съ Венгріею дѣлалось необходимымъ, и Шмерлинговскій рецептъ „wir können warten“, по существу своему *срочный*, должно было замѣнить другимъ.

Въ половинѣ 1865 года императоръ рѣшился измѣнить свою политику. На первый планъ было выдвинуто примиреніе съ Венгріею. Два гофканцлера по венгерскимъ и трансильванскимъ дѣламъ, графъ Зичи и Надажди, сторонники конституціи 1861 г., были уволены. Венгерское канцлерство было поручено члену венгерской консервативной партіи — графу Майлату; другой членъ той же партіи— князь Маврикій Эстергази—былъ назначенъ венгерскимъ министромъ безъ портфеля. Должность трансильванскаго канцлера не была замѣщена, и это показывало, что правительство намѣрено сдѣлать Венгріи уступки и по трансильванскому вопросу.

Новыя назначенія были первымъ предостереженіемъ не только Шмерлингу, но и конституціи 1861 г. Шмерлингъ тотчасъ подалъ въ отставку. Но существованіе его министерства продлилось до конца безплодной сессіи рейхсрата, который былъ распущенъ 27 іюля; въ тотъ же день получило отставку и министерство Шмерлинга. Новое министерство было составлено изъ представителей консервативныхъ партій—венгерской и федеративной. Постъ перваго министра занялъ графъ Белькреди, братъ моравскаго магната, до того времени бывшій намѣстникомъ въ Богеміи; графъ Менсдорффъ-Пульи, другой моравскій магнатъ, получилъ министерство иностранныхъ дѣлъ; графъ Ларишъ, богатый силезскій землевладѣ-

лецъ, занялъ постъ министра финансовъ [1]). Князь Эстергази остался венгерскимъ министромъ безъ портфеля.

Паденіе министерства Шмерлинга вызвало живую радость въ Венгріи и въ славянскихъ земляхъ. Но задача новаго министерства была весьма трудна. Въ государствѣ, подобномъ Австріи, удовлетвореніе однѣхъ народностей обыкновенно обусловливается неудовлетвореніемъ другихъ. Конституція 1861 года была расчитана на либерально-централистическія стремленія нѣмецкихъ земель. Министерство Белькреди-Эстергази обратилось, главнымъ образомъ, къ венграмъ, лаская, до извѣстной степени, и надежды чешскихъ федералистовъ. Дипломомъ 18 сентября дѣйствіе конституціи 1861 г. было пріостановлено, причемъ возвѣщался пересмотръ ея согласно законнымъ требованіямъ, непредставленныхъ въ рейхсратѣ (т.-е. венгерскихъ) земель. Въ областныхъ нѣмецкихъ сеймахъ это рѣшеніе вызвало живую оппозицію, и они настаивали, въ адресахъ коронѣ, на необходимости единой конституціи. Чешскій сеймъ, гдѣ побѣдила славянская партія, адресомъ выражалъ надежду на возстановленіе правъ короны „св. Вячеслава". Но для министерства важнѣе всего былъ голосъ Венгріи. Въ угоду венграмъ, новый уставъ Трансильваніи, которую только что привлекли къ представительству въ рейхсратѣ, былъ отмѣненъ и возстановленъ прежній. Аграмскій сеймъ, послѣ упорной оппозиціи, согласился вступить въ переговоры съ венграми. Но исходъ дѣла зависѣлъ отъ того, *что́* будетъ предложено венграмъ.

Надежды министерства возлагались на консервативную партію, расположенную къ примиренію Майлатомъ и Эстергази. Венгерскій сеймъ собрался 14 декабря 1865 года и былъ открытъ императоромъ лично. Тронная рѣчь открывала перспективу различныхъ уступокъ, хотя правительственная теорія была построена на шаткой почвѣ. Съ одной стороны, въ тронной рѣчи признавалось юридическое значеніе венгерской конституціи и законовъ 1848 года, съ другой—заявлялось, что возстановленіе этихъ законовъ невозможно безъ измѣненій.

Національная партія, руководимая Деакомъ, поняла выгоды своего положенія. Если сила венгерской конституціи признавалась принципіально, то деакисты пріобрѣтали твердую юридическую почву и не видѣли поводовъ къ измѣненію законовъ. Затѣмъ, такъ же

---

[1]) Вслѣдствіе этого, министерство Белькреди, непопулярное между нѣмцами, было прозвано „министерствомъ трехъ графовъ" (Drei-Grafen-Ministerium). Въ числѣ прочихъ его членовъ должно назвать Комерса, министра юстиціи, и Франка—военнаго.

какъ въ 1848 году, они сознавали, что главнымъ ихъ союзникомъ являлась нѣмецкая либеральная партія, категорически высказавшаяся въ областныхъ сеймахъ 1865 г. Въ этомъ духѣ и былъ составленъ отвѣтный адресъ нижней палаты. Попрежнему палата настаивала на неприкосновенности венгерской конституціи и на независимости Венгріи. Она изъявила готовность опредѣлить закономъ отношенія Венгріи къ имперіи и подвергнуть зрѣлому обсужденію перемѣны въ законахъ 1848 г., когда правительство ближе опредѣлитъ свои желанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, палата изъявляла желаніе, чтобы и въ австрійской части имперіи „истинный конституціонализмъ былъ призванъ къ жизни какъ можно скорѣе". Сеймъ назначилъ комитетъ изъ 67 лицъ для разсмотрѣнія правительственныхъ предложеній.

Такимъ образомъ, черты *дуализма* были намѣчены уже въ началѣ 1866 г. Централизмъ былъ испытанъ съ 1861 по 1865 г.; внѣ его оставались федерализмъ или дуализмъ; но правительство не имѣло серьезныхъ намѣреній удовлетворить желаніямъ славянъ. Наконецъ, если бы оно и имѣло эти намѣренія, то событія 1866 года вывели Австрію на другую дорогу.

XI. Событія итальянской войны отразились въ Германіи и, особенно въ Пруссіи, возрожденіемъ національнаго движенія, остановленнаго въ 1850 году. По примѣру итальянскаго „Національнаго общества", образовался „Національферейнъ", имѣвшій свои отдѣлы во всѣхъ частяхъ Германіи. Предсѣдателемъ его центральнаго комитета былъ глава оппозиціонной партіи въ Ганноверѣ, Рудольфъ ф. Беннигсенъ; въ цвѣтущее время союзъ насчитывалъ до 20.000 членовъ. Такъ же какъ и въ 1849 г., надежды патріотовъ обращались къ Пруссіи, хотя, въ виду партикуляристическихъ интересовъ, вопросъ о главенствѣ въ союзѣ оставался открытымъ. „Національферейнъ" выражалъ стремленія большинства нѣмецкаго населенія. Партикуляристы, допускавшіе реформу союза только на почвѣ конфедеративныхъ началъ, образовали такъ называемый Reformverein, возлагавшій свои надежды на Австрію. Независимо отъ этихъ союзовъ идея реформы вырабатывалась и распространялась торговыми ассоціаціями, съѣздами юристовъ, стрѣлковыми и гимнастическими обществами, и т. д.

Но которое изъ двухъ первенствующихъ государствъ могло взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ? Мы видѣли, что внутреннее положеніе Австріи не позволяло ей взяться энергически за общегерманское дѣло. Внутреннее состояніе Пруссіи также не предвѣщало рѣшительной политики кн. Бисмарка.

Тяжкая болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV заставила его (1858 г.) сложить съ себя управленіе и ввѣрить *регентство* наслѣднику пре-

стола, брату своему, принцу Вильгельму [1]). Первою мѣрою регента было увольненіе реакціоннаго министерства Мантейфеля и назначеніе, подъ президентствомъ либеральнаго принца Антона Гогенцоллернскаго, новаго министерства, въ составъ котораго вошли члены „старо-либеральной“ партіи, Шлейницъ и графъ Шверинъ. Оно было названо „министерствомъ новой эры“.

„Новая эра“ открывалась, однако, для Пруссіи весьма медленно. Изъ первой рѣчи принца-регента, сказанной имъ въ совѣтѣ министровъ, нельзя было вывести опредѣлительныхъ заключеній относительно направленія правительственной политики. Только одинъ пунктъ ясно выдѣлялся изъ общихъ заявленій: твердая рѣшимость правительства дѣйствовать независимо отъ постороннихъ вліяній. Въ связи съ этимъ заявлялось о неотложности *воинской* реформы, необходимой для обезпеченія могущества Пруссіи, и необходимости „нравственныхъ завоеваній, чрезъ мудрое законодательство у себя, чрезъ возвышеніе всѣхъ нравственныхъ элементовъ и пользованіе элементами германскаго единства, каковъ таможенный союзъ“.

Практически программа правительства была выполнена, на первый разъ, въ одномъ отношеніи—въ отношеніи эманципаціи Пруссіи отъ австрійскаго вліянія. Во время войны 1859 года, правительство, несмотря на всѣ quasi-патріотическіе возгласы, раздававшіеся въ Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ и Ганноверѣ, не признало австрійскаго дѣла въ Италіи общегерманскимъ и сохраняло нейтралитетъ, и затѣмъ, предписавъ мобилизацію шести корпусовъ, предложило свое посредничество на такихъ условіяхъ, которыя были отвергнуты Австріею.

Но этотъ отрицательный результатъ не былъ достаточенъ во время начавшейся уже агитаціи въ пользу союзной реформы. Правда, агитація „Національферейна“ вызвала репрессивныя мѣры, и только либеральный герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій далъ союзу пріютъ. Но правительства не могли уже ограничиваться однѣми репрессивными мѣрами. Реформа союза, или, по крайней мѣрѣ, возбужденіе этого вопроса, сдѣлалась для нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимостью. Австрія видѣла въ немъ средство спасти свое убывающее въ Германіи вліяніе. Предпріимчивый министръ саксонскаго королевства, баронъ Бейстъ [2]), искалъ въ союзной реформѣ средство

---

[1]) Нынѣ царствующему императору германскому и королю прусскому.

[2]) Фридрихъ-Фердинандъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Бейстъ, род. въ 1809 году. Въ 1849 и слѣд. годахъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей реакціонной политики и, впослѣдствіи, всегда склонялся на сторону австрійской политики. Мы встрѣтимся съ нимъ ниже.

эманципировать второстепенныя государства отъ гегемоніи Австріи и Пруссіи. Онъ успѣлъ привести къ соглашенію Саксонію, Баварію и Гессенъ-Дармштадтъ (знаменитую „тріаду") и предложить въ 1861 году проектъ союзной реформы.

Пруссія оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Это объяснялось, во-первыхъ, тѣмъ, что, по убѣжденію правительства, единство Германіи должно было осуществиться чрезъ Пруссію, и уже при обсужденіи проектовъ реформы, прусскіе уполномоченные высказывали мысль объ образованіи „тѣснѣйшаго союза" подъ главенствомъ ихъ короля. Во-вторыхъ, внутреннія дѣла этой страны принимали оборотъ, не дозволявшій думать о внѣшнихъ предпріятіяхъ.

Въ 1861 году Фридрихъ-Вильгельмъ IV скончался; принцъ-регентъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Вильгельма I. Стремленія партій выразились теперь съ новою силою. Подъ вліяніемъ возраставшаго недовольства, въ Пруссіи образовалась новая партія, готовившаяся занять мѣсто старой либеральной. Она назвала себя „партіею прогресса" — Fortschrittspartei. Избирательная программа ея заключала въ себѣ требованіе рѣшительной внѣшней политики и широкихъ внутреннихъ преобразованій. Между тѣмъ, извѣстнымъ пунктомъ программы правительственной оставалась *воинская* реформа, въ смыслѣ усиленія военныхъ средствъ страны. Въ другихъ отношеніяхъ заявленія и дѣйствія правительства согласовались съ началами партіи консервативной. При этихъ условіяхъ, правительственные проекты относительно преобразованія и усиленія арміи возбуждали недовѣріе и противодѣйствіе въ нижней палатѣ, гдѣ „прогрессистская" и либеральная партіи имѣли перевѣсъ надъ консервативной („юнкерской"), господствовавшей въ палатѣ господъ.

Распря между палатой депутатовъ и правительствомъ началась, такимъ образомъ, на почвѣ *военнаго бюджета*, но она быстро развилась въ „бюджетный вопросъ" и въ знаменитый парламентскій „конфликтъ", разрѣшившійся фактически только послѣ событій 1866 года [1]). Уже въ 1862 году, въ виду отказа палаты вотировать чрезвычайный кредитъ на военное вѣдомство, министерство (8 марта) подало въ отставку, а вслѣдъ затѣмъ (11 марта) распущена была и палата депутатовъ.

Новое министерство, подъ предсѣдательствомъ принца Гогенлоэ-Ингельфингена, состояло изъ лицъ, готовыхъ продолжать борьбу. Но, съ другой стороны, выборы не дали прави-

---

[1]) Относительно подробностей „конфликта", см. мое соч. *Германская конституція*, I, стр. 151 и слѣд.

тельству болѣе уступчивой палаты: она состояла изъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Всѣ правительственныя предложенія, касавшіяся увеличенія средствъ по военному вѣдомству, были отвергнуты (23 сентября). Министерство, на-скоро сложившееся 18 марта, отступило предъ перспективою новой борьбы; король назначилъ (23 сентября) министромъ-президентомъ г. Бисмарка [1]). Новый премьеръ, опираясь на букву прусской конституціи, создалъ теорію и практику *безбюджетнаго* управленія.

Порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія государственной росписи опредѣляется ст. 99 конституціи, на основаніи которой роспись ежегодно утверждается *закономъ*; законы, на основаніи ст. 62, издаются по соглашенію двухъ палатъ и короля, причемъ *финансовые* законопроекты первоначально разсматриваются въ нижней палатѣ, а палата господъ принимаетъ или отвергаетъ ихъ въ цѣломъ составѣ (im Ganzen), т.-е. безъ права измѣненій. Но затѣмъ общія правила законодательнаго порядка остаются неизмѣнными: для утвержденія росписи необходимо *соглашеніе* двухъ палатъ и короля. Конституція не указываетъ способовъ на случай, если бы такого соглашенія не послѣдовало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ст. 100 и 109 конституціи даютъ правительству право *взимать* существующіе налоги, пока они не будутъ отмѣнены законодательнымъ порядкомъ. Отъ права *взиманія*, до права *расходованія* былъ уже одинъ шагъ, и онъ оправдывался теоріею, изложенною въ одной изъ рѣчей новаго премьера.

„Конституція", говорилъ онъ, „твердо настаиваетъ на *равновѣсіи* трехъ законодательныхъ властей во всѣхъ вопросахъ, также и въ государственной росписи; ни одна изъ этихъ властей не можетъ принудить другую къ уступкѣ; поэтому, конституція указываетъ на компромиссъ, какъ на путь къ соглашенію. Одинъ опытный въ подобныхъ вопросахъ государственный человѣкъ сказалъ, что конституціонная жизнь слагается постоянно изъ компромиссовъ. Если возможность компромисса устраняется тѣмъ, что одна изъ властей желаетъ провести свой взглядъ съ доктринерскимъ абсолютизмомъ, то этимъ самымъ порождаются конфликты, а такъ какъ теченіе госу-

---

[1]) Карлъ-Оттонъ Бисмаркъ (съ 1866 г. графъ, а съ 1871 г. — князь) род. въ 1815 г. На политическое поприще выступилъ въ 1847 году, въ качествѣ депутата „соединеннаго ландтага" (см. выше), гдѣ принадлежалъ къ крайней правой сторонѣ. Этого же направленія держался онъ и въ теченіе 1848 — 1850 г. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства, а чрезъ 3 мѣсяца — уполномоченнымъ Пруссіи во франкфуртскомъ сеймѣ. Отсюда вынесъ онъ убѣжденіе въ необходимости реформы союза и вражду къ Австріи. Широкое дипломатическое воспитаніе его закончилось на постахъ посланника въ Петербургѣ (1859—1862 г.) и въ Парижѣ (1862 г.).

дарственной жизни не можетъ прекратиться, то конфликты становятся вопросами силы. Кто обладаетъ силою, тотъ идетъ впередъ по своему усмотрѣнію, ибо государственная жизнь не можетъ остановиться ни на одну минуту“.

Примѣненіе этой теоріи было тѣмъ возможнѣе, что хотя ст. 44 и 61 прусской конституціи возвѣщали *отвѣтственность министровъ*, но „ближайшее“ опредѣленіе случаевъ отвѣтственности, порядка процесса и наказаній предоставлялось „особому закону“, который никогда не былъ изданъ.

Министръ настойчиво и послѣдовательно примѣнялъ свою теорію и совершенно парализировалъ на время значеніе не только оппозиціи, но и самой палаты депутатовъ. Но, созидая для правительства небывалую до тѣхъ поръ силу, онъ имѣлъ въ виду употребить ее на рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые волновали Германію въ 1848 г., хотя и другими средствами.

Собственная его теорія, въ этомъ отношеніи, отличалась отъ идей 1848 г. Если Фридрихъ-Вильгельмъ IV сказалъ 18 марта 1848 г., что „Пруссія должна войти въ Германію“, то Бисмаркъ ясно высказывалъ противоположное. Но, для достиженія этой цѣли, Пруссіи необходимо прежде всего *военное могущество*. Въ рѣчи своей, 29 сентября 1862 г., онъ опредѣленно высказалъ этотъ взглядъ. „Германія“, говорилъ онъ, „смотритъ не на либерализмъ, а на могущество Пруссіи; пусть Баварія, Виртембергъ и Баденъ потворствуютъ либерализму; изъ-за этого никто не придастъ имъ роли Пруссіи... Великіе вопросы нашего времени разрѣшаются не рѣчами и постановленіями большинства—въ этомъ состояла ошибка 1848 и 1849 гг.— *но желѣзомъ и кровью*“.

Къ первому примѣненію политики „желѣза и крови“ скоро представился случай. Отвергнувъ проектъ союзной реформы, предложенный Австріею въ 1863 году, Бисмаркъ успѣлъ увлечь ее въ другое предпріятіе, въ итогѣ погубившее старый союзъ и Австрію, какъ нѣмецкую державу. Этимъ предпріятіемъ была датская война 1864 года.

Мы видѣли выше, что лондонскій протоколъ 1852 г. утвердилъ цѣлость датской монархіи на основаніи общихъ законовъ о престолонаслѣдіи. Престолъ, по смерти Фридриха VII, долженъ былъ перейти къ Христіану Глюксбургскому. Протоколъ былъ подписанъ Австріею и Пруссіею. Ближайшій наслѣдникъ герцогства (по агнатическому порядку), Христіанъ-Августъ Аугустенбургскій, отказался отъ своихъ правъ за $2^1/_2$ милліона талеровъ; только одинъ изъ сыновей его, Фридрихъ, протестовалъ противъ этого отреченія, безъ всякаго, впрочемъ, успѣха.

Логическимъ послѣдствіемъ цѣлости датской монархіи долженствовало быть единство политическое, съ соблюденіемъ, впрочемъ, выговоренныхъ въ протоколѣ особенностей нѣмецкихъ герцогствъ. Но ни Германія, ни сами герцогства не допускали возможности общей для всего королевства конституціи. Когда, въ 1855 году, датскій ригсдагъ принялъ общую конституцію, „чины" герцогствъ обратились съ жалобою къ германскому сейму. Послѣдній долго велъ переговоры съ Фридрихомъ VII и, наконецъ, въ 1858 г., пригрозилъ ему экзекуціею. Король отчасти уступилъ требованіямъ сейма, пріостановивъ введеніе конституціи въ Гольштейнѣ и Лауэнбургѣ, но не въ Шлезвигѣ. „Чины" этой области снова протестовали и, на этотъ разъ, Австрія и Пруссія адресовали копенгагенскому кабинету сильную ноту, объявивъ, что будутъ ждать его рѣшенія до начала 1862 г.

Но національно-демократическая партія въ Даніи продолжала настойчиво требовать инкорпораціи Шлезвига, и 28 сентября 1863 года министерство внесло въ ригсдагъ проектъ общей конституціи. Забота объ ея утвержденіи и введеніи пала уже на наслѣдника Фридриха VII, скончавшагося 15-го ноября. Христіанъ IX утвердилъ конституцію 18-го ноября.

Вся Германія пришла въ волненіе. Сеймъ, безъ согласія котораго былъ подписанъ лондонскій протоколъ, не только назначилъ союзную экзекуцію (принятую на себя Саксоніею и Ганноверомъ) для защиты *привилегій* герцогства, но и поддержалъ кандидатуру Фридриха Августенбургскаго, что̀ прямо противорѣчило лондонскому протоколу.

Съ точки зрѣнія кн. Бисмарка, политика Пруссіи, какъ державы, подписавшей лондонскій протоколъ, не могла опредѣляться постановленіями сейма, тѣмъ болѣе, что его дѣйствія противорѣчили договору, обязательному для Пруссіи и Австріи. Самъ договоръ, въ принципѣ, признавался имъ во всей силѣ. Но исполненіе его обусловливалось соблюденіемъ привилегій Шлезвига, выговоренныхъ въ договорѣ. На этой почвѣ кн. Бисмаркъ основывалъ право Пруссіи *самостоятельно* и независимо отъ союза вмѣшаться въ дѣло. На эту же почву увлекъ онъ и Австрію или, точнѣе говоря, малоспособнаго ея министра, графа Рехберга.

Но когда вопросъ переносился на эту почву, то, въ случаѣ отказа Даніи, открывалась перспектива *войны* и, слѣдовательно, возможность занятія герцогствъ по праву *завоеванія*, что̀ представляло выгоды для Пруссіи, которая могла овладѣть важнымъ для нея шлезвигскимъ портомъ—Килемъ. Планъ кн. Бисмарка осуществился.

Съ 1 января 1864 г. „общая" датская конституція вступила въ силу; 16-го, Австрія и Пруссія послали Даніи требованія отмѣнить

ее въ теченіе 48 часовъ; датское правительство отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ. Въ концѣ января, въ Шлезвигъ явились австро-прусскія войска подъ главнымъ начальствомъ прусскаго фельдмаршала Врангеля.

Здѣсь не мѣсто слѣдить за ходомъ этой войны. Изъ „временного занятія“ Шлезвига, она обратилась въ настоящую *завоевательную войну*, кончившуюся вѣнскимъ миромъ 30 октября 1864 года, на основаніи котораго датскій король уступилъ союзникамъ Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ. „Завоевавъ“ герцогства, союзники быстро устранили изъ нихъ войска „экзекуціи“ и охранявшагося ими „претендента“.

Раздѣлъ добычи представлялъ, однако, важныя затрудненія. „Герцогства“ имѣли не одинаковое значеніе для союзниковъ. Для Пруссіи они приносили округленіе границъ и важную гавань. Для Австріи они представлялись неудобнымъ и отдаленнымъ владѣніемъ. На первый разъ трудно было даже опредѣлить *форму* владѣнія герцогствами. Союзники остановились на мысли о совмѣстномъ владѣніи (condominium), но она, при различіи интересовъ двухъ державъ, повела къ нескончаемымъ спорамъ. Въ 1865 году, Бисмарку удалось прійти къ нѣкоторому компромиссу, выразившемуся въ гаштейнскомъ договорѣ (14 августа); на основаніи его, Лауэнбургъ былъ уступленъ Пруссіи за $2^1/_2$ милл. тал.; Пруссія получала въ „управленіе“ Шлезвигъ; Гольштейнъ оставался за Австріею. Договоръ вступилъ въ силу 14 сентября.

Но и это соглашеніе не устранило причинъ распри. Окончательное рѣшеніе шлезвигъ-гольштинскаго вопроса интересовало кн. Бисмарка уже потому, что парламентскій „конфликтъ“ не только не былъ разрѣшенъ, но усложнился, вслѣдствіе гаштейнскаго договора, вызвавшаго неодобреніе въ нижней палатѣ. Австрія, равнодушная къ судьбѣ Гольштейна, охотно пользовалась имъ, какъ средствомъ либеральной агитаціи противъ Пруссіи, вводившей въ Шлезвигѣ свое строгое управленіе. Австрійскій намѣстникъ, Габленцъ, не только не стѣснялъ общественныхъ манифестацій, но даже поддерживалъ ихъ. Принцъ Августенбургскій проживалъ въ Гольштейнѣ и безпрепятственно агитировалъ въ свою пользу. Въ январѣ 1866 года въ Альтонѣ собралась сходка въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, постановившая ходатайствовать о скорѣйшемъ созваніи шлезвигъ-гольштинскаго сейма и заявившая о своей непоколебимой вѣрности „Фридриху VIII“. Прусское правительство препроводило въ Вѣну грозную ноту, наполненную упреками за поведеніе австрійскаго кабинета.

Съ этого момента, обѣ стороны поняли, что „переговоры“ по шлезвигъ гольштинскому дѣлу являются прелиминаріями къ неиз-

бѣжной войнѣ. Съ обѣихъ сторонъ происходили дѣятельныя къ ней приготовленія. Австрія, изолированная со стороны Италіи, Франціи и Россіи, расчитывала на поддержку среднихъ нѣмецкихъ государствъ, опасавшихся возраставшаго могущества Пруссіи и руководимыхъ саксонскимъ министромъ Бейстомъ. Бисмаркъ успѣлъ обезпечить нейтралитетъ Россіи и Франціи и заключить наступательно-оборонительный союзъ съ Италіей.

Наконецъ, 1 іюня 1866 года Австрія объявила сейму, что она передаетъ гольштинское дѣло на его усмотрѣніе, и предписала Габленцу созвать гольштинскій ландтагъ на 5 іюня. Прусское правительство немедленно заявило, что оно считаетъ гаштейнскій договоръ отмѣненнымъ и condominium возстановленнымъ; вслѣдъ затѣмъ генералъ Мантейфель ввелъ свои войска въ Гольштейнъ и изгналъ какъ Габленца, такъ и принца Августенбургскаго (12 іюня).

Разсмотрѣніе австро-прусской тяжбы на сеймѣ въ дѣйствительности имѣло значеніе группировки среднихъ и мелкихъ государствъ въ виду предстоявшей войны. Большинство [1]) подало голосъ за Австрію. Прусскій уполномоченный призналъ постановленіе сейма *объявленіемъ войны* и объявилъ, что его правительство считаетъ германскій союзъ распавшимся и предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій.

Голосованіе происходило 14 іюня, а 17-го послѣдовало формальное объявленіе войны, событія которой пошли съ неслыханной быстротой. Битва подъ Кениггрецомъ [2]) 3 іюля 1866 г. рѣшила участь Австріи, причемъ плодами прусскихъ побѣдъ воспользовалась и Италія, хотя войска ея были разбиты австрійцами на сушѣ и на морѣ.

Предварительный миръ былъ подписанъ въ замкѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Менсдорффа-Пульи, извѣстномъ Никольсбургѣ, 26 іюля; онъ подтвержденъ окончательнымъ договоромъ въ Прагѣ (23 августа). Условія договора были плодомъ компромисса, между требованіями прусскаго правительства и желаніями Наполеона III, не предусмотрѣвшаго быстраго возвышенія Пруссіи и стремившагося теперь ослабить послѣдствія ея успѣховъ.

Условія кн. Бисмарка, принятыя сторонами, состояли: 1) *въ исключеніи* Австріи изъ Германіи; 2) въ образованіи новаго союза между срединными и сѣверными государствами; 3) въ инкорпораціи Шлезвигъ-Гольштейна; 4) въ округленіи границъ Пруссіи на сѣверѣ Гер-

---

[1]) Австрія, Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Гессенъ-Дармштадтъ, Кургессенъ, Нассау и нѣсколько мелкихъ государствъ.

[2]) Городъ въ Богеміи. Бой происходилъ подъ деревней Садовой, недалеко отъ города.

маніи [1]). Уступкою въ пользу Франціи и Австріи служили: 1) цѣлость Австріи. кромѣ Венеціи, уступленной Италіи; 2) цѣлость Саксоніи [2]); 3) обязательство возвратить Даніи сѣверный Шлезвигъ, если народное голосованіе выскажется въ пользу этого предложенія [3]); 4) признаніе рѣки Майна раздѣльною чертою между будущимъ сѣверо-германскимъ союзомъ и южными государствами.

Быстро справилась потомъ Пруссія съ союзниками Австріи. Многіе изъ нихъ потеряли свои владѣнія; съ другими (южно-нѣмецкими) государствами были заключены льготные договоры, въ виду будущихъ судебъ учреждавшагося союза. Со всею энергіею приступило теперь прусское правительство къ образованію сѣверо-германскаго союза [4]), при общемъ восторгѣ населенія, охватившемъ и палату депутатовъ, закончившую свой конфликтъ. Менѣе чѣмъ въ годъ, конституція новаго союза была разсмотрѣна и утверждена учредительнымъ рейхстагомъ и мѣстными ландтагами (24 іюня 1867 г.), а съ 1 іюля 1867 г. вступила въ силу. Должность союзнаго канцлера была предоставлена творцу союза—графу Бисмарку [5]). Все предвѣщало, вмѣстѣ съ тѣмъ, что майнская линія, проведенная Наполеономъ III, будетъ, по выраженію депутата Микеля, станціею на пути къ полному единству Германіи.

XII. Австріи, послѣ понесенныхъ ею пораженій, необходимо было торопиться съ окончаніемъ ея внутренняго устройства. Выраженія народнаго неудовольствія были недвусмысленны. Вѣнскій городской совѣтъ 17 іюня представилъ императору адресъ съ ходатайствомъ объ увольненіи „реакціоннаго" министерства Белькреди; въ предупрежденіе волненій, правительство принуждено было объявить столицу на осадномъ положеніи. Но во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ громко раздавались требованія возстановить конституцію 1861 года. Чехи, поддерживаемые другими славянскими народностями, выступали съ требованіями переустройства имперіи на началахъ федералистическихъ. Но опаснѣе всего было настроеніе Венгріи, гдѣ нѣкоторыя партіи

---

[1]) Пруссія, по праву завоеванія, присоединила къ себѣ: Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Гессенъ-Гомбургъ и нѣкоторыя части Баваріи и Гессенъ-Дармштадта — всего 1.308 кв. миль съ 4 милл. жит.

[2]) Раздражавшей Пруссію, благодаря политикѣ Бейста.

[3]) Эта (V) статья пражскаго трактата осталась неисполненною.

[4]) Въ составъ его, кромѣ Пруссіи, вошло 21 государство. Всѣ они, за исключеніемъ Саксоніи, относились къ разряду мелкихъ. Ни одно не имѣло свыше 300 кв. м. и (кромѣ Саксоніи) болѣе 500 т. жит.; среди нихъ, Пруссія, съ 6.438 кв. м. и 24.000.000 жит., имѣла дѣйствительно подавляющую силу.

[5]) Конституція 1867 г., обратившаяся съ немногими измѣненіями въ *имперскую* конституцію 1871 г., будетъ разсмотрѣна въ догматической части.

предлагали свои услуги кн. Бисмарку. Въ самомъ правительствѣ обнаружилось раздвоеніе, вслѣдствіе перемѣнъ въ личномъ его составѣ и различія направленій отдѣльныхъ министровъ.

Одинъ изъ „трехъ графовъ“, Менсдорффъ-Пульи, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ замѣненъ (30 октября 1866 г.) барономъ Бейстомъ, котораго положеніе въ „сѣверо-германскомъ союзѣ“ сдѣлалось невозможнымъ. Въ то время какъ Белькреди считался надеждою федералистовъ и, съ точки зрѣнія „либеральной“ нѣмецкой партіи, представителемъ „феодальныхъ и клерикальныхъ интересовъ“, Бейстъ обратилъ все свое вниманіе на „соглашеніе“ съ Венгріею, гдѣ національная партія деакистовъ получила рѣшительный перевѣсъ. Возможность соглашенія съ нею была облегчена отставкою Эстергази, представителя консервативной партіи. На рождество 1866 г., Бейстъ лично отправился для переговоровъ съ вождями оппозиціи и, особенно, съ Деакомъ. Здѣсь положены были основанія „соглашенія“ и дуализма, которыя не замедлили осуществиться.

Белькреди, остававшійся одинъ предъ дружною оппозиціею нѣмецкихъ партій, требовавшихъ возстановленія конституціи 1861 г., и стремленіями федералистовъ, употребилъ остатокъ своего вліянія для изданія манифеста 2 января 1867 года, призывавшаго мѣстные ландтаги къ избранію депутатовъ въ *чрезвычайный*, т.-е. учредительный рейхсратъ. Конституція 1861 года чрезъ это отмѣнялась.

Манифестъ 2 января, открывавшій перспективу новой конституціи 1861 года, оживилъ надежды федералистовъ. Но дни министерства Белькреди уже были сочтены. Дружныя усилія нѣмецкой партіи, рѣшившейся настоять на созваніи *очередного* рейхсрата, на основаніи конституціи 1861 г., усилія, поддержанныя венграми, увѣнчались успѣхомъ. Венгерскій комитетъ 67 [1]) кончилъ свои работы по „соглашенію“, и венгры понимали, что ихъ проекты легче будутъ приняты „очереднымъ“ рейхсратомъ съ его нѣмецкимъ большинствомъ, нежели рейхсратомъ учредительнымъ, въ которомъ легко могли получить перевѣсъ федералисты. При содѣйствіи Андраши [2]), который былъ уже намѣченъ на постъ перваго министра Венгріи, Бейстъ былъ склоненъ убѣдить императора созвать очередной рейхсратъ.

[1]) См. выше, стр. 779.

[2]) Графъ Юлій Андраши (Andrassy) род. въ 1823 г. Въ молодости принадлежалъ къ демократической партіи. Въ 1848 году, въ качествѣ обергешпана, начальствовалъ ополченіемъ своего комитата въ битвѣ при Швехатѣ (см. выше); потомъ былъ посланникомъ дебречинскаго правительства въ Константинополѣ и послѣ паденія Венгріи бѣжалъ въ Парижъ. Въ 1860 г. возвратился въ Венгрію и присталъ къ партіи деакистовъ. Съ 1867 г. былъ первымъ министромъ Венгріи. Съ 1871 года долгое время, былъ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Белькреди (7 февраля 1867 г.) получилъ отставку; Бейстъ занялъ мѣсто перваго министра. При его посредничествѣ, Деакъ, приглашенный въ Вѣну, въ личныхъ переговорахъ съ императоромъ опредѣлилъ послѣдніе пункты соглашенія; 17 февраля императорскій рескриптъ извѣстилъ венгерскій сеймъ о состоявшемся рѣшеніи, вмѣстѣ съ чѣмъ было назначено особое венгерское министерство, съ графомъ Андраши во главѣ.

Другой указъ созывалъ цислейтанскіе ландтаги для избранія депутатовъ въ *очередной* рейхсратъ, которому „будутъ предложены необходимыя конституціонныя перемѣны въ виду соглашенія съ Венгріею". Болѣзненно отозвался этотъ указъ въ славянскихъ земляхъ, почувствовавшихъ, что онѣ снова „принесены въ жертву", хотя указъ и обѣщалъ разныя либеральныя дополненія къ конституціи 1861 г. Въ Богеміи, Моравіи и въ Крайнѣ сеймы [1]) отказались признать силу конституціи 1861 г., отмѣненной указомъ 2 января, и объявили, что они готовы приступить къ выборамъ подъ условіемъ удовлетворенія ихъ національныхъ требованій. Правительство немедленно распустило сеймы, и, подъ вліяніемъ администраціи, въ новыхъ ландтагахъ образовалось нѣмецкое большинство, которое и выбрало депутатовъ въ очередной рейхсратъ; 22 мая 1867 г. рейхсратъ собрался.

Предоставивъ народному представительству оканчивать, преимущественно въ формальномъ отношеніи, договоры съ Венгріею, императоръ отправился въ Пештъ для *коронаціи*, а слѣдовательно, и для торжественнаго подтвержденія независимости и историческихъ правъ Венгріи. Коронаціи (8 іюня 1867 г.) предшествовало изданіе „коронаціоннаго диплома" 6 іюня [2]). Объявляя, что коронація не могла состояться до настоящаго времени, вслѣдствіе трудныхъ обстоятельствъ, дипломъ признавалъ полное юридическое ея значеніе по венгерскому праву. Затѣмъ въ дипломѣ содержались обѣщанія: 1) соблюдать и хранить законы о престолонаслѣдіи, о коронаціи, равно и всѣ старинные обычаи и вольности королевства; 2) хранить корону св. Стефана въ Венгріи; 3) возсоединить съ Венгріею и союзными съ нею землями (т.-е. Кроаціею и Славоніею) всѣ принадлежавшія имъ части; 4) дипломъ подтверждалъ сейму право *избирать* короля, въ случаѣ, если царствующая династія угаснетъ. Въ удостовѣреніе этихъ обѣщаній императоръ принесъ торжественную присягу [3]).

---

[1]) Въ Богеміи большинствомъ 156 пр. 76, въ Моравіи больш. 57 пр. 37.

[2]) См. Дарестъ, *Les constitutions modernes,* I, стр. 410 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 414.

Такимъ образомъ, Венгрія достигла своей давнишней цѣли: императоръ не только призналъ ея самостоятельность, но и возсоединилъ съ землями венгерской короны „земли“, самостоятельность которыхъ еще недавно поддерживалась австрійскимъ правительствомъ. Трансильванія вошла въ составъ земель венгерскихъ; о привилегіяхъ „сербской воеводины“ и Баната не было уже и рѣчи; Кроація-Славонія, сохраняя свою мѣстную автономію, сдѣлалась нераздѣльною частью земель „короны св. Стефана“. Въ итогѣ—означенныя земли составили вторую, независимую теперь половину имперіи—Транслейтанію, въ отличіе отъ Цислейтаніи, въ составъ которой вошли *наслѣдственныя* славяно-нѣмецкія земли дома Габсбурговъ.

„Соглашеніе“ (Ausgleich) между двумя частями имперіи было формулировано, послѣ совѣщаній, происходившихъ между депутаціями венгерскаго сейма, съ одной, и австрійскаго рейхсрата, съ другой стороны, въ 1867 году. Начала Ausgleich'а опредѣлены двумя разрядами законовъ. Первые имѣютъ въ виду *политическую* сторону „соглашенія“; вторые опредѣляютъ его *финансовую* и *экономическую* стороны.

Къ первому разряду относятся австрійскій законъ 21 декабря 1867 г., „касающійся общихъ дѣлъ австрійской монархіи и порядка ихъ отправленія“ [1]), и соотвѣтствующій ему венгерскій XII законъ 1867 г., „относящійся къ предметамъ общихъ интересовъ, существующихъ между землями венгерской короны и другими землями, подвластными Е. В., и способъ ихъ отправленія“.

Политическія правила соглашенія, въ главныхъ чертахъ, состоятъ въ слѣдующемъ [2]). Венгерскія и австрійскія земли соединяются общностью царствующей династіи, на основаніи прагматической санкціи 1723 г. [3]), и образуютъ одно нераздѣльное цѣлое. Вслѣдствіе этого, защита имперіи и охраненіе ея безопасности являются общею и взаимною обязанностью ея частей. Но, на основаніи той же прагматической санкціи, конституціонная и внутренняя независимость Венгріи должны быть свято соблюдаемы [4]).

Соотвѣтственно этому опредѣлялись общія дѣла имперіи. Таковыми были признаны: 1) иностранныя дѣла, со включеніемъ дипломатическаго и коммерческаго (консульской части) представительства и заключеніе международныхъ договоровъ, съ сохраненіемъ за

---

[1]) „Gesetz, betreffend die allen Ländern der österreichischen Monarchie gemeinsamen Angelegenheiten und die Art ihrer Behandlung“.

[2]) Подробно они будутъ разсмотрѣны въ догматической части.

[3]) См. выше, стр. 632.

[4]) Венгерскій зак., ст. 1—3.

палатами [1]) права утверждать ихъ, когда такое утвержденіе требуется конституціями; 2) военныя дѣла, по управленію арміею и флотомъ, за исключеніемъ: а) опредѣленія размѣра контингента, б) правилъ объ отбываніи воинской повинности, в) распредѣленія и содержанія арміи и г) опредѣленія гражданскихъ правъ военнослужащихъ, опредѣляемыхъ законодательною властью каждой части имперіи; 3) опредѣленіе финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для покрытія указанныхъ выше отраслей общаго управленія и завѣдываніе ими. Размѣръ расходовъ, падающихъ на каждую часть имперіи, опредѣляется особымъ соглашеніемъ, съ утвержденія императора, на опредѣленный срокъ [2]).

Сверхъ того, изъ дѣлъ, не признанныхъ общими, должны быть регулированы на общихъ основаніяхъ и по взаимному соглашенію: 1) дѣла торговыя, особенно таможенныя; 2) косвенные налоги, имѣющіе прямое отношеніе къ промышленному производству; 3) монетное дѣло; 4) направленіе желѣзнодорожныхъ путей, интересующихъ обѣ части имперіи, и 5) установленіе системы защиты имперіи.

Для завѣдыванія общими дѣлами учреждается общее, отвѣтственное *министерство*, не имѣющее, впрочемъ, права вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждой части имперіи [3]). *Законодательная* власть по указаннымъ дѣламъ отправляется не общимъ парламентомъ—такъ какъ Венгрія, образующая самостоятельную часть имперіи, объявила, что она можетъ сноситься „съ другими землями только на равной ногѣ“ [4]), но делегаціями, избираемыми палатами каждой половины на срокъ сессіи, т.-е. на годъ. Палаты каждой половины имперіи избираютъ по 60 делегатовъ: 20 отъ палаты господъ (магнатовъ въ Венгріи) и 40 отъ палаты депутатовъ. Делегаты отъ австрійской нижней палаты избираются съ тѣмъ расчетомъ, чтобы на каждую „землю“ приходилось опредѣленное ихъ число [5]). Для обезпеченія полнаго равенства между двумя половинами имперіи, обѣ делегаціи совѣщаются не совмѣстно [6]), а раздѣльно. Только въ крайнихъ случаяхъ, когда соглашеніе между ними не можетъ быть достигнуто въ раздѣльныхъ совѣщаніяхъ и вслѣдствіе безуспѣшности трехъ письменныхъ сообщеній, допускается общее ихъ собраніе [7]).

---

[1]) Венгерскимъ сеймомъ и австрійскимъ рейхсратомъ.

[2]) Финансовое „соглашеніе“ было утверждено на 10 лѣтъ; см. ниже.

[3]) Австр. зак., ст. 5; венгерск. зак., ст. 27. Такія общія министерства суть: иностранныхъ дѣлъ, военное и финансовъ.

[4]) Венгерскій зак., ст. 28.

[5]) На Богемію 10, на Галицію 7, на нижнюю Австрію 3, на верхнюю 2, и т. д. Австр. зак., ст. 8.

[6]) Хотя онѣ засѣдаютъ въ одномъ городѣ—поперемѣнно въ Пештѣ и Вѣнѣ.

[7]) Австр. зак., ст. 30, 31 и слѣд.; венгерск. зак., ст. 33—36.

Установивъ эти политическія начала Ausgleich'a, представительства двухъ половинъ имперіи вотировали и финансовое соглашеніе на десять лѣтъ. На основаніи его, австрійская половина принимала на себя 70% общихъ расходовъ, венгерская 30%. Въ 1878 году „соглашеніе" возобновлено до 1887 г. Сверхъ того, было издано нѣсколько общихъ экономическихъ и торговыхъ законовъ.

Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ отношеній къ Венгріи, австрійскій рейхсратъ выполнилъ и другую свою задачу—относительно ревизіи конституціи 1861 года, или, точнѣе сказать, ея дополненія законами, установлявшими конституціонный и парламентарный строй „Цислейтаніи". Плодомъ этихъ работъ явились *основные* законы 21 декабря 1867 г. *Первый* изъ нихъ опредѣлялъ форму представительства австрійскихъ земель въ рейхсратѣ и измѣнилъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законъ 1861 года [1]). *Второй* постановлялъ правила объ отправленіи исполнительной власти чрезъ отвѣтственное цислейтанское министерство. *Третій* установлялъ имперскій трибуналъ (Reichsgericht) для разсмотрѣнія дѣлъ по пререканіямъ властей и дѣлъ административной юстиціи. *Четвертый* опредѣлялъ устройство судебной части на началахъ устности и гласности судопроизводства, съ обезпеченіемъ несмѣняемости судей и предоставленіемъ присяжнымъ участвовать въ судѣ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, а равно по дѣламъ политическимъ и преступленіямъ, совершаемымъ путемъ печати. *Пятый* законъ содержалъ въ себѣ опредѣленіе „общихъ правъ гражданъ королевства и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ". Сверхъ знакомыхъ намъ опредѣленій, касавшихся обезпеченій личной и общественной свободы, законъ 21-го декабря провозглашалъ равноправность всѣхъ національностей и языковъ [2]) и свободу вѣроисповѣданій и церквей [3]). Послѣднее постановленіе повлекло за собою сначала ограниченіе, а потомъ и полную отмѣну конкордата 1885 года [4]).

Австрія обратилась, такимъ образомъ, въ конституціонное государство, и Европа сочувствовала новому ея направленію. Но свободныя по наружности формы не смягчали послѣдствій австро-венгерскаго соглашенія для *славянскихъ* народностей имперіи. Подъ либеральными формами, „соглашеніе" явилось *сдѣлкою* нѣмцевъ и мадьяръ для подчиненія славянъ; новыя учрежденія, во многихъ отношеніяхъ, сдѣлались орудіемъ угнетенія славянскаго большинства двумя меньшинствами—нѣмецкимъ и мадьярскимъ [5]).

---

[1]) Основанія представительства и порядокъ выборовъ измѣнены законами 1873 г. и 1882 г., о которыхъ будетъ сказано въ догматической части.

[2]) Ст. 19.

[3]) Ст. 14, 15.

[4]) См. выше, стр. 767.

[5]) Въ свое время, Бейсту, творцу Ausgleich'a, приписывались выраженія, въ

Уже съ самаго начала нѣкоторыя обѣщанія Ausgleich'а не были выполнены. Далмація не была присоединена къ „тріединому королевству“ Кроаціи и Славоніи и доселѣ остается въ неопредѣленномъ положеніи. Особое „соглашеніе“ Венгріи съ Кроаціей и Славоніей было достигнуто только послѣ того, какъ загребскій (аграмскій) сеймъ былъ дважды распущенъ въ 1867 г. венгерскимъ министерствомъ, патріотическій прелатъ Штроссмайеръ изгнанъ и подтасованный сеймъ 1868 года вотировалъ законъ. Впослѣдствіи (1873 г.) кроатамъ удалось добиться нѣкоторыхъ уступокъ [1]). Въ Австріи—новѣйшая исторія Богеміи представляетъ рядъ постоянныхъ, но безплодныхъ въ большинствѣ случаевъ усилій возстановить историческія и національныя права этой страны. Надежда на нѣкоторое соглашеніе, мелькнувшая во время министерства Гогенварта (1871 г.), быстро исчезла; корона „св. Вячеслава“ такъ же лежитъ подъ спудомъ, какъ долгое время лежала корона „св. Стефана“.

Различіе народностей, ихъ борьба, съ одной стороны, за независимость, а съ другой, за преобладаніе, являются однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ правильному примѣненію законовъ 1867 года, которые установили въ Австріи конституціонный порядокъ.

XIII. Установленіемъ конституціоннаго порядка въ Австріи кончился процессъ распространенія новыхъ политическихъ формъ, поскольку онъ имѣлъ значеніе для *главныхъ* государствъ западной Европы. Утвержденіе конституціонализма (независимо отъ практическаго его примѣненія) въ странѣ, которая до тѣхъ поръ была послѣднимъ оплотомъ стараго порядка, имѣло рѣшающее значеніе для системы западно-европейскихъ державъ. Принятіе конституціонныхъ учрежденій нѣкоторыми государствами балканскаго полуострова и перемѣна формъ правленія въ другихъ государствахъ, гдѣ конституціонная монархія замѣнялась конституціонною республикою или, наоборотъ, мало измѣняли значеніе общаго факта — однородности формъ всѣхъ важнѣйшихъ государствъ Запада. Поэтому, въ заключеніе, мы можемъ ограничиться указаніемъ на важнѣйшія перемѣны, происшедшія въ другихъ государствахъ.

Въ отношеніи этихъ перемѣнъ, время, отдѣляющее крымскую войну отъ нашихъ дней, можетъ быть раздѣлено на *три* періода: 1) отъ заключенія парижскаго мира 1856 г. до франко-прусской войны 1870 г., т.-е. до паденія второй имперіи во Франціи; 2) отъ

родѣ: „нужно прижать славянъ къ стѣнѣ“ или (какъ онъ говорилъ венграмъ) „стерегите ваши стада, а мы будемъ стеречь свои“. Если Бейстъ и не произносилъ этихъ словъ, то все-таки они вѣрно выражаютъ послѣдствія Ausgleich'а: мадьяры „стерегутъ“ своихъ славянъ, австрійскіе нѣмцы—своихъ.

[1]) Объ отношеніи Кроаціи къ Венгріи будетъ сказано въ догматической части.

паденія второй имперіи до русско-турецкой войны 1877 г.; 3) отъ русско-турецкой войны до нашихъ дней.

XIV. Первый періодъ, независимо отъ указанныхъ выше перемѣнъ въ Германіи и Австріи, характеризуется переворотами, происшедшими въ Румыніи, Греціи, Сербіи, Даніи и Испаніи.

1. Мы видѣли, что одновременное избраніе Александра Кузы въ Молдавіи и Валахіи подготовило соединеніе двухъ княжествъ; чрезъ два года оно осуществилось. Правительство князя встрѣтилось съ большими препятствіями внутри страны. Ему предстояло отмѣнить остатки барщинныхъ повинностей, ввести уравнительность въ податяхъ, поднять промышленность и торговлю, стѣсненныя привилегіями и монополіями. Но оно встрѣтило сильную оппозицію въ палатахъ Молдавіи и Валахіи, тѣмъ болѣе, что князь Александръ уже проявлялъ въ своихъ пріемахъ черты, сходныя съ пріемами Наполеона III. Князь распустилъ оба собранія; но и новыя палаты столь же враждебно встрѣтили правительственную программу. Для поправленія своего положенія, князь отправился въ Константинополь (1860 г.) и тамъ приготовилъ почву для соединенія княжествъ. По его представленію, „державы-покровительницы" согласились на унію, которая и была провозглашена въ декабрѣ 1861 г. съ тѣмъ, чтобы она продолжалась по жизнь Кузы. Соединенныя княжества получили имя Румыніи. Затѣмъ, 5 февраля 1862 года, было созвано общее законодательное собраніе въ Букарештѣ.

Но и въ этомъ собраніи важнѣйшіе для княжества законы не могли быть вотированы, за исключеніемъ временного закона о печати. Убійство перваго министра, Катарджи, положило конецъ сессіи; палата поспѣшила, въ виду общественной опасности, предоставить князю диктатуру на шесть мѣсяцевъ.

Диктатура вообще была въ духѣ князя, и управленіе его осталось вѣрнымъ этому типу даже послѣ того, какъ срокъ чрезвычайныхъ полномочій истекъ. Правительство успѣло, правда, начать и провести важное дѣло о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, которое вызвало вмѣшательство державъ-покровительницъ. Но внутреннее положеніе княжества не улучшалось; князь обвинялъ палату въ противодѣйствіи правительственнымъ проектамъ и въ своекорыстной оппозиціи. Палата обвиняла правительство въ произволѣ и расточительности. Сверхъ того, боярская партія не могла простить князю его „темнаго" происхожденія. Но примѣръ 2 декабря 1851 г. не былъ забытъ: 14 мая 1864 года князь, при помощи войска, разогналъ собраніе и издалъ прокламацію къ народу, вмѣстѣ съ двумя декретами, измѣнявшими конституцію.

„Плебисцитъ", такъ же какъ и во Франціи, освятилъ перево-

ротъ [1]). Число государственныхъ учрежденій было увеличено сенатомъ, составленнымъ изъ креатуръ князя, и государственнымъ совѣтомъ, на подобіе французскаго. Демократическая диктатура принесла нѣсколько полезныхъ крестьянству законовъ, но общая система управленія привела страну въ совершенное разстройство и вооружила противъ князя даже недавнихъ его приверженцевъ. Въ ночь съ 23 на 24 февраля 1866 г., около 40 заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стояли генералъ Голеско [2]) и полковникъ Кречулеско, проникли во дворецъ Кузы и принудили его къ отреченію. Онъ былъ отвезенъ подъ конвоемъ до границы и затѣмъ отправился въ Вѣну и въ Парижъ.

Свергнувъ Кузу, румыны поставили себѣ цѣлью избрать на престолъ иностраннаго принца и утвердить за нимъ престолъ *наслѣдственно*. Первоначально престолъ былъ предложенъ брату бельгійскаго короля, графу Фландрскому. Послѣ его отказа, выборъ палъ на Карла-Лудвига Гогенцоллернскаго, который былъ признанъ Турціею (фирманъ 23 октября 1866 г.) и державами-покровительницами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народное собраніе вотировало и новую конституцію, обнародованную 12 іюля (30 іюня ст. ст.) 1866 года.

2. Сербія, со вступленіемъ на престолъ князя Михаила, получила правителя, чутко относившагося къ національнымъ нуждамъ и умѣвшаго оберегать національное достоинство. Князь былъ окруженъ опытными и способными совѣтниками. Илья Гарашанинъ (1812—1874 г.), занявшій съ 1860 года постъ перваго министра и завѣдывавшій внѣшними сношеніями [3]), честолюбивый, но способный военный министръ Блазнавацъ [4]), Ристичъ, занимавшій мѣсто дипломатическаго агента въ Константинополѣ [5]), были главными его сотрудниками. Внутреннее благосостояніе страны возвысилось, и внѣшняя политика Сербіи получила самостоятельное направленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, была значительно улучшена военная часть.

Однимъ изъ важнѣйшихъ національныхъ дѣлъ князя было очищеніе Сербіи отъ турецкихъ гарнизоновъ, занимавшихъ нѣкоторыя сербскія крѣпости. Сербы издавна относились къ этой оккупаціи съ понятнымъ раздраженіемъ, тѣмъ болѣе, что турецкій гарнизонъ занималъ и бѣлградскую цитадель, на которой развѣвался турецкій

---

[1]) Большинствомъ 682.621 голосовъ противъ 1307.

[2]) Либеральной молдавской партіи.

[3]) Илья Гарашанинъ, отецъ нынѣшняго сербскаго премьера, который держится иного направленія въ политикѣ.

[4]) Миливой Петровичъ изъ Блазнавы (крагуевскаго округа), род. въ 1826 г., ум. въ 1873 г.

[5]) Однофамилецъ извѣстнаго Іована Ристича.

флагъ. Въ 1862 году уличное столкновеніе между сербами и турецкими солдатами разрослось въ возстаніе, вслѣдствіе котораго бѣлградскій паша два дня бомбардировалъ городъ. Князь воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать „державамъ-покровительницамъ", что присутствіе турокъ и турецкихъ войскъ на сербской территоріи всегда будетъ источникомъ подобныхъ столкновеній. Голоса, въ собравшейся по этому поводу европейской конференціи, раздѣлились. Турція упорно настаивала на сохраненіи гарнизоновъ и была поддержана Австріею и Англіею. Россія, Франція и, отчасти, Пруссія поддерживали требованія сербовъ. Совѣщанія кончились компромиссомъ (сентября 1862 г.), на основаніи котораго турки согласились очистить Соколъ и Ужицу, оставивъ за собою цитадели въ Бѣлградѣ, Шабацѣ, Смедеревѣ и Фетъ-Исламѣ. „Турецкій кварталъ" въ Бѣлградѣ также положено было срыть, вознаградивъ домовладѣльцевъ. Только въ 1867 г., князю, воспользовавшемуся осложненіемъ, произведеннымъ критскимъ возстаніемъ, удалось настоять на очищеніи крѣпостей отъ всѣхъ турецкихъ гарнизоновъ. На этотъ разъ и Австрія, въ лицѣ барона Бейста, поддержала требованія сербовъ и положила основаніе своихъ „добрыхъ" къ ней отношеній, которыми потомъ такъ ловко воспользовались вѣнскіе дипломаты [1]).

Очищеніе крѣпостей было послѣднимъ національнымъ дѣломъ князя Михаила. Чрезъ годъ послѣ того (10/22 іюня 1868 года) онъ былъ убитъ. Обстоятельства этого убійства остались загадочными, хотя ближайшіе его виновники понесли заслуженное наказаніе. Было ли оно дѣломъ Карагеоргіевичей или сербскихъ революціонеровъ? Были ли убійцы орудіемъ честолюбиваго Блазнаваца, стремившагося проложить себѣ путь къ престолу послѣ смерти бездѣтнаго Михаила? Но какіе бы планы ни имѣли въ виду убійцы князя—они должны были отъ нихъ отказаться, въ виду взрыва народнаго негодованія. Временное правительство, членами котораго были Блазнавацъ, Гавриловичъ и Ристичъ, должно было провозгласить княземъ Милана, сына двоюроднаго брата убитаго князя. Вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ избранъ и скупщиной, созванной въ 1868 г. На этотъ разъ Порта уступила настоянію державъ и признала, хотя и не прямо, *наслѣдственныя* права молодого князя [2]).

---

[1]) Характеристична депеша, написанная по этому случаю Бейстомъ. „Мы имѣемъ", говорилось здѣсь, „слишкомъ много побужденій поддерживать отношенія добраго сосѣдства съ сербами, чтобы не противиться удовлетворенію ихъ желаній, согласныхъ съ правами Порты. *Мы не желали бы, чтобы въ Бѣлградѣ думали, что только русское правительство склонно заботиться о положеніи Сербіи*".

[2]) Именно, въ фирманѣ, утверждавшемъ Милана въ его достоинствѣ, слово

До совершеннолѣтія князя, управленіе государствомъ было ввѣрено регентству, составленному изъ указанныхъ выше трехъ лицъ. Регентство приступило немедленно къ пересмотру конституціонныхъ законовъ, отчасти измѣненныхъ уже при покойномъ князѣ [1]). Разработка проекта, съ 20 декабря 1868 г., была поручена коммиссіи изъ 70 членовъ, работавшей подъ руководствомъ Ристича. Затѣмъ проектъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе „великой" скупщины 12 іюня 1869 г.; скупщина окончила свои работы въ нѣсколько дней, и 29 іюня новая конституція, создавшая для Сербіи главныя условія представительнаго управленія, была обнародована регентствомъ [2]).

3. Въ Греціи событія крымской и итальянской войнъ повлекли за собою перемѣну династіи и пересмотръ конституціи. Пассивное положеніе, занятое правительствомъ короля Оттона I во время этихъ событій, когда и въ Греціи возникли „панэллинскія" стремленія, вмѣстѣ съ жалкимъ состояніемъ страны, въ которомъ, впрочемъ, были виновны всѣ партіи, по очереди бравшіяся за управленіе, уменьшали и безъ того слабую его популярность. Французская экспедиція въ Сирію, предпринятая для защиты тамошнихъ христіанъ, возбудила надежды грековъ на расширеніе границъ королевства со стороны Македоніи, и полковникъ Каратассо началъ уже вербовку волонтеровъ для этой цѣли. Предпріятіе было остановлено въ самомъ началѣ и, Каратассо былъ заключенъ въ тюрьму. Точно такъ же, греческое правительство, конечно, подъ давленіемъ европейскихъ кабинетовъ, дѣйствовало во время возстанія христіанъ въ Ливанѣ; всѣ выраженія сочувствія единовѣрцамъ должны были ограничиться посылкою врачей и съѣстныхъ припасовъ. Особенною непопулярностью пользовалась супруга короля, ольденбургская принцесса Амалія, имѣвшая, по мнѣнію національно-демократической партіи, вредное вліяніе на правительство.

Признаки близкаго переворота обнаружились уже въ ноябрѣ 1860 г., при открытіи палатъ. Въ отвѣтъ на „виватъ" въ честь короля, предложенный министерскимъ депутатомъ, раздались крики „да здравствуетъ конституція!" Въ іюнѣ былъ раскрытъ военный заговоръ противъ династіи, и правительство принуждено было прибѣгнуть къ многочисленнымъ арестамъ; затѣмъ аѳинскій студентъ

„избранный", было выпущено. Законы о *престолонаслѣдіи* были включены въ конституцію 1869 года.

[1]) При немъ были измѣнены права и кругъ дѣятельности совѣта и скупщины. Раздѣленіе послѣдней на обыкновенную и чрезвычайную или великую—оригинальная черта сербскаго представительства—относится къ его времени (1861 г.).

[2]) Мы возвратимся къ ней въ догматической части.

Дрозіосъ покусился на жизнь королевы [1]); наконецъ, въ февралѣ 1862 г. вспыхнуло военное возстаніе въ Навпліи. Оно было подавлено, но, несмотря на снисходительное отношеніе правительства къ его участникамъ, волненіе продолжалось.

Король, вмѣстѣ съ своею супругою, отправился въ Пелопоннесъ (1/13 октября 1862 г.), думая подѣйствовать на народъ личнымъ своимъ присутствіемъ. Народонаселеніе встрѣчало его сочувственно, но въ другихъ частяхъ королевства началось возстаніе (10/22 октября), восторжествовавшее и въ Аѳинахъ, гдѣ войска побратались съ народомъ. Руководители его, сенаторъ Булгарисъ, адмиралъ Канарисъ и Руфосъ уже 11/23 октября составили временное правительство, немедленно издавшее декретъ о низложеніи Оттона и созывѣ учредительнаго собранія. Король, при извѣстіи о возстаніи, прибылъ въ Пирей, но такъ какъ революція уже совершилась въ Аѳинахъ, то онъ отправился на Саламинъ и отсюда, на англійскомъ кораблѣ, отплылъ въ отечество, покинувъ навсегда страну, которою управлялъ тридцать лѣтъ.

Временное правительство долго искало для Греціи короля. Положеніе страны и отчаянный раздоръ партій не содѣйствовали привлекательности греческаго престола.

Первоначально избранный народомъ [2]), принцъ Альфредъ, второй сынъ королевы Викторіи, отказался отъ предложенія, уже потому, что, въ силу договоровъ 1830 г., державы-покровительницы исключили членовъ своихъ династій отъ права занимать греческій престолъ. Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, герцогъ Омальскій и король Фердинандъ, отецъ царствовавшаго короля Португаліи, также отклонили эту честь. Наконецъ, по соглашенію съ Англіею, избранъ былъ принцъ Вильгельмъ (Георгъ), второй сынъ принца Христіана Глюксбургскаго, въ то время наслѣдника датскаго престола [3]). Старшая сестра молодого принца, принцесса Александра, съ 10 марта 1863 г., была уже замужемъ за наслѣдникомъ англійскаго престола; сверхъ выгодъ родственнаго союза съ Англіею, избраніе принца открывало Греціи перспективу обѣщанной Англіею уступки Іоническихъ острововъ, до тѣхъ поръ находившихся подъ протекторатомъ Англіи.

Національное собраніе избрало принца Вильгельма 18/30 марта 1863 г. [4]). Онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Георга I и

---

[1]) Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которую король замѣнилъ пожизненнымъ заключеніемъ.

[2]) 230.000 голосовъ изъ 249.000 голосовъ.

[3]) Съ 1863 г. короля Христіана IX; см. выше, стр. 741.

[4]) Принцъ родился въ 1845 г.

принесъ Греціи Іоническіе острова Затѣмъ, національное собраніе приступило къ ревизіи конституціи 1843 г. и кончило свою работу къ 29 октября 1864 г. Новая конституція была обнародована 16/28 ноября. Главное ея отличіе отъ предыдущей (кромѣ болѣе демократическаго характера ея вообще) состоитъ въ учрежденіи *одной* палаты (Βουλή), вмѣсто прежнихъ двухъ. Въ 1865 году были измѣнены ея постановленія относительно государственнаго совѣта. Затѣмъ, вмѣстѣ съ законами о регентствѣ (1871 г.), объ отвѣтственности министровъ (1877 г.) и закономъ избирательнымъ (1864 г., пересмотрѣннымъ въ 1877 г.), она дѣйствуетъ и теперь [1].

4. Данія, лишившаяся „герцогствъ", безъ надежды возвратить себѣ даже часть Шлезвига, нуждалась въ новой конституціи. Учрежденіе общаго для всего королевства Rigsraad'a, образованнаго конституціею 2 октября 1855 г. [2]), становилось излишнимъ; съ другой стороны, права Rigsraad'a по общимъ дѣламъ королевства, ограничившія права собственно датскаго Rigsdag'a, который самъ ограничилъ ихъ постановленіемъ 29 августа 1855 г., должны были перейти къ послѣднему. Соотвѣтственно этимъ условіямъ, и была пересмотрѣна датская конституція 1849 г., обнародованная въ новомъ видѣ 28 іюля 1866 г. Сверхъ того, нѣкоторыя части датской монархіи имѣютъ свои конституціи.

Такъ, Исландія имѣетъ особенное конституціонное устройство, основанное въ настоящее время на двухъ законахъ: 1871 года „о конституціонныхъ отношеніяхъ Исландіи къ датской монархіи" и 5 января 1874 г. „объ особыхъ дѣлахъ Исландіи". Островъ Ферро имѣетъ свой лагтингъ, на основаніи закона 1854 г.; островъ св. Ѳомы и св. Креста управляются на основаніи особаго колоніальнаго закона 1853 г.

5. Конституціонная жизнь Испаніи, вслѣдствіе указанныхъ выше условій, представляла такую неустойчивость, что ни одна правительственная система не могла удержаться въ ней сколько-нибудь продолжительное время [3]). Среди борьбы разнообразныхъ партій, придворныхъ и министерскихъ интригъ, чрезвычайно трудно было опредѣлить общее направленіе государственной жизни, даже послѣ того, какъ конституція 1845 года упрочила, повидимому, умѣренныя начала въ управленіи. Условіями, рѣшавшими, ближайшимъ образомъ, исходъ распрей, были: 1) вліяніе королевской камарильи и 2) распри

---

[1]) Мы возвратимся къ ней въ догматической части.

[2]) См. выше, стр. 739, прим. 5.

[3]) Достаточно сказать, что съ 1833 по 1858 годъ, здѣсь перемѣнилось 47 первыхъ министровъ, 61 министръ иностранныхъ дѣлъ, 78 министровъ финансовъ, 96 военныхъ министровъ, и т. д.

отдѣльныхъ генераловъ, представлявшихъ интересы разныхъ партій и соперничавшихъ между собою.

Изабелла, выданная замужъ за своего двоюроднаго брата, Франциска де Ассизи[1]), скоро разошлась съ своимъ физически и нравственно слабымъ мужемъ. Успѣхъ при королевѣ первоначально, выпалъ на долю молодого и привлекательнаго генерала Серрано[2]), друга демократической партіи. Впослѣдствіи, расположеніе королевы перешло на человѣка, довольно низкаго происхожденія — Карлоса Марфори[3]), въ политическомъ отношеніи, сдѣлавшагося орудіемъ реакціонной политики Нарваэса[4]). Сверхъ того, подъ вліяніемъ политическихъ переворотовъ, пережитыхъ Испаніею, королева приблизила къ себѣ лицъ ультраклерикальнаго направленія, каковы были толедскій архіепископъ Ла Аламеда[5]), „отецъ“ Кларетъ, и всемощная одно время „сестра“ Патроциніо. Много вредила королевѣ ея мать, возвратившаяся въ Испанію (1844 г.) вмѣстѣ съ законнымъ теперь мужемъ своимъ „герцогомъ Ріансаресомъ“[6]).

Между оффиціальными представителями власти, столь многочисленными и часто мѣнявшимися, выдавались генералъ Нарваэсъ[7]), предводитель правой стороны „умѣренныхъ“ (модерадосовъ), во многомъ соприкасавшійся съ абсолютистами; и О'Доннель[8]), руководитель такъ называемой „либеральной уніи“.

Послѣ изданія конституціи 1845 г., власть перешла въ руки правой стороны—„модерадосовъ“, которые не умѣли, однако, ею пользоваться. Нарваэсъ дважды призывался на постъ перваго министра, и оба раза его военные пріемы въ управленіи вызывали оппозицію, предъ которой онъ долженъ былъ отступать. Только въ 1847 г., ему удалось составить парламентское министерство и благоразумными мѣрами не только примирить партіи, но и улучшить экономическое положеніе государства, при помощи способнаго министра финансовъ,

---

[1]) Объ „испанскихъ бракахъ“ см. выше, стр. 663.

[2]) Франциско Серрано и Домингесъ, герцогъ де-ла-Торре, род. въ 1810 г. Храбро сражался во время войны съ карлистами (см. выше) и содѣйствовалъ регентству Эспартеро. Впослѣдствіи участвовалъ въ низверженіи регента и игралъ важную роль въ новѣйшей исторіи Испаніи (см. ниже). Умеръ 15 ноября 1885 г.

[3]) Род. въ 1818 г.

[4]) См. ниже.

[5]) Прежде совѣтникъ донъ-Карлоса.

[6]) Христина оставалась въ Испаніи до 1853 года.

[7]) Рамонъ-Марія Нарваэсъ, герцогъ Валенсійскій, род. въ 1800 г., ум. 23 апрѣля 1868 года.

[8]) Донъ Леопольдъ О'Доннель, графъ Люцена, герцогъ Тетуанскій, сынъ О'Доннеля, графа Абисбаля (см. выше, стр. 565), род. въ 1809 г., ум. 5 ноября 1867 г.

мона. Испанія благополучно пережила грозные для остальной Европы 1848—1849 года. Отдѣльныя революціонныя попытки были подавлены, и еще въ 1849 году правительство объявило общую амнистію. Но, подъ вліяніемъ общей европейской реакціи, ультрамонтанская партія, поддерживаемая придворною камарильею, подняла голову и въ Испаніи.

Съ 1851 года въ королевствѣ снова началась борьба партій, на этотъ разъ за конституціонный порядокъ, которому грозила опасность со стороны „апостолической" партіи. Министерство Браво Мурильо, подъ вліяніемъ покушенія, произведеннаго на жизнь королевы полусумасшедшимъ монахомъ Мерино, и ободренное государственнымъ переворотомъ во Франціи, послѣ ряда реакціонныхъ мѣръ и роспуска кортесовъ, пошло прямо къ измѣненію конституціи. Прогрессисты и модерадосы соединенными усиліями свергли министерство. Послѣ кратковременныхъ министерствъ Ронкали и Лерсунди, министерство Сарторіуса было настолько увѣрено въ своихъ силахъ, что смѣло пошло впередъ. Уже значительная часть Испаніи была объявлена на осадномъ положеніи, и изданы были приказы объ арестованіи О'Доннеля, Серрано и друг., какъ въ 1854 году эта политика вызвала, наконецъ, революцію, во главѣ которой сталъ О'Доннель. Побѣдивъ генерала Блазера, онъ провозгласилъ конституцію 1837 г. Плоды революціи достались, однако, не либеральной партіи О'Доннеля; королева обратилась къ прежнему регенту — Эспартеро [1]), который и принялъ постъ перваго министра (іюль 1854 г.). О'Доннель получилъ въ его кабинетѣ мѣсто военнаго министра.

Страна находилась въ сильномъ возбужденіи. Демократическія и соціалистическія партіи дѣйствовали безпрепятственно. Кортесы должны были пересмотрѣть конституцію 1845 года, въ духѣ демократическомъ. Два года продолжалась ревизія конституціи, такъ же какъ и управленіе Эспартеро. Но ни Эспартеро не могъ справиться съ представлявшимися ему трудностями, ни кортесы не могли довести до конца своего дѣла. Борьба между „прогрессистами", представителями которыхъ въ министерствѣ были Эспартеро и назначенный въ январѣ 1856 года министръ внутреннихъ дѣлъ Эскосура [2]) и консервативными либералами (О'Доннель), кончилась въ пользу послѣднихъ. Прогрессистскіе члены кабинета, вмѣстѣ съ

[1]) Возстановленный въ своихъ титулахъ королевскимъ декретомъ, Эспартеро возвратился изъ своего изгнанія въ 1848 г.

[2]) Донъ Патриціо де-ла-Эскосура, извѣстный испанскій романистъ и историкъ. Род. въ 1807 г., ум. въ 1878 г. Подъ конецъ жизни занималъ мѣсто испанскаго посла въ Берлинѣ (1872—1874 г.).

Эспартеро, вышли въ отставку (14 іюля 1856 г.); О'Доннель сдѣлался первымъ министромъ.

Новая конституція Испаніи осталась на степени проекта, и декретъ 15 сентября 1856 года возстановилъ конституцію 1845 г., введя въ нее нѣкоторыя измѣненія, посредствомъ „дополнительнаго акта". Но министерство О'Доннеля держалось недолго; 12 октября оно было замѣнено удовлетворявшимъ снова восторжествовавшимъ реакціоннымъ стремленіямъ министерствомъ Нарваэса.

Послѣдній не былъ уже похожъ на прежняго представителя умѣренной политики. Перевороты послѣднихъ лѣтъ измѣнили его взгляды, и онъ отдался дѣлу реакціи, которому усердно служилъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Носедаль, прославившійся жестокимъ закономъ о печати (13 іюля 1857 г.). „Дополнительный актъ" къ конституціи 1845 года былъ отмѣненъ и замѣненъ закономъ 17 іюля 1857 г., стѣснявшимъ права кортесовъ и видоизмѣнившимъ устройство сената въ реакціонномъ духѣ. Реакція пошла такими быстрыми шагами, что Нарваэсъ потерялъ поддержку въ кортесахъ и даже при дворѣ.

Королева снова обратилась къ опыту умѣренныхъ министерствъ: Монъ и Истурицъ одинъ за другимъ получили порученіе составить кабинеты. Но ни тотъ, ни другой не могли справиться съ реакціонною партіею въ кортесахъ, созданною предшествующимъ министерствомъ. Кортесы были распущены, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и министерство получило отставку. Образованіе новаго кабинета было поручено О'Доннелю (1 іюля 1858 г.).

Вмѣстѣ съ О'Доннелемъ, въ управленіе вступала теперь „либеральная унія"; въ его кабинетѣ нашли себѣ мѣсто люди разныхъ направленій [1]). Страна на нѣкоторое время отдохнула. Оживленіе торговли и промышленности, полезныя реформы въ отношеніи избирательнаго закона и разныхъ частей управленія привлекали къ министерству всѣ главныя партіи. Національное самолюбіе испанцевъ было также удовлетворено экспедиціею въ Марокко, за которую О'Доннель получилъ титулъ герцога Тетуанскаго. Энергически отстояло министерство и права Испаніи на Кубу противъ притязаній С.-Американскихъ Штатовъ. Попытки карлистскихъ возстаній были быстро подавлены.

Многое въ дѣйствіяхъ кабинета давало пищу и оппозиціи. Въ отношеніи Италіи, онъ не удовлетворялъ ни прогрессистовъ, ни модерадосовъ, такъ какъ онъ, не признавая „итальянскаго королевства", въ то же время ничего не предпринималъ въ пользу папы

---

[1]) Истурицъ, генералъ Примъ, Пидаль, старикъ Мартинесъ-де-ла-Роза и друг.

и павшихъ государей Италіи. Затѣмъ, онъ поспѣшно принялъ предложеніе президента с. домингской республики [1]), Санта-Анны, о возсоединеніи острова съ испанскою монархіею. „Возсоединеніе“ вовлекло Испанію въ безславную и разорительную экспедицію. Наконецъ, подъ вліяніемъ Наполеона III, мечтавшаго о созданіи въ Мексикѣ „Латинской Имперіи“ для противовѣса С.-Американскимъ Штатамъ, кабинетъ предпринялъ, въ союзѣ съ Англіею и Франціею, экспедицію въ Мексику, съ которой у Испаніи были старые счеты. Но, послѣ взятія Вера-Круца испанскими войсками, коими начальствовалъ Примъ, Испанія, получивъ удовлетвореніе своихъ претензій, отозвала свои войска назадъ (25 декабря 1861 г.).

Этотъ шагъ вызвалъ сильное раздраженіе въ Наполеонѣ III, который выразилъ его испанскому послу Essentially Кончѣ. Въ кортесахъ оппозиція воспользовалась имъ для своихъ цѣлей. Кромѣ того, въ политикѣ кабинета обнаруживались нѣкоторыя черты „диктатуры“, отъ которыхъ не было свободно ни одно изъ правительствъ испанскихъ генераловъ. Можетъ быть, и для сохраненія своего положенія, О’Доннель долженъ былъ дѣлать разныя уступки камарильѣ, въ которой первое мѣсто принадлежало „сестрѣ“ Патроциніо. Преслѣдованіе протестантовъ, возстановленіе военныхъ судовъ противъ демократической партіи, строгія мѣры противъ оппозиціонной печати сдѣлались поводами къ нападеніямъ на министерство. Въ мартѣ (2) 1863 г. оно подало въ отставку.

Управленіе О’Доннеля было послѣднею попыткою конституціоннаго режима, способнаго соединить партіи. Исторія послѣднихъ пяти лѣтъ правленія Изабеллы есть исторія „смѣны кабинетовъ“, не могущихъ справиться съ своею задачею, причемъ, однако, ясно обнаруживалось, что „камарилья“ успѣшно предоставляла власть представителямъ реакціи. Послѣдними кабинетами временъ Изабеллы были министерства Нарваэса, а послѣ его смерти (23 апрѣля 1867 г.) Гонзалеса Браво и, наконецъ, генерала Кончи, соперничавшихъ въ террористическихъ мѣрахъ противъ „либеральной уніи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, проявлялись и попытки возстанія. Неудачная попытка генерала Прима (1866 г.) была сигналомъ къ новымъ репрессивнымъ мѣрамъ, настойчиво выполненнымъ Нарваэсомъ, а потомъ Гонзалесомъ Браво. Въ іюлѣ 1868 года нѣсколько генераловъ, въ томъ числѣ Серрано, Дульче, Кордоба и другіе, были схвачены и отправлены на Канарскіе острова. Изгнанъ былъ и герцогъ Монпансье, женатый на сестрѣ королевы и возбуждавшій подозрѣнія въ правительствѣ. Но несмотря на эти мѣры, жалкое состояніе

---

[1]) Санъ-Доминго отдѣлился отъ Испаніи въ 1808 г.

финансовъ, безпорядки и произволъ въ управленіи, клерикальное направленіе правительства возбуждали неудержимое неудовольствіе.

Адмиралъ Топете, командовавшій кадикcской эскадрой, раздраженный безпорядками морского управленія и жалкимъ состояніемъ флота, 18 сентября 1868 года, началъ возстаніе. Къ нему присоединились Примъ, возвратившійся изъ изгнанія, Серрано и другіе генералы, бѣжавшіе съ Канарскихъ островов. Возстаніе быстро распространилось въ южныхъ провинціяхъ; 28 сентября королевскія войска, подъ начальствомъ Навалихеса, были разбиты маршаломъ Серрано при алькол ейскомъ мосту. Изабелла (30 сентября) бѣжала во Францію, а 3 октября Серрано вступилъ въ Мадридъ, гдѣ революціонная хунта назначила его главнокомандующимъ арміею и главою временного правительства. Въ составъ послѣдняго вошли Примъ (военный министръ), Дульче, Олозага, Риверо, Фигверола, Фигверасъ и Кантеро. Пять членовъ правительства принадлежали къ „прогрессистамъ", четыре—къ „либеральной уніи".

Въ странѣ установилось относительное спокойствіе. Представители иностранныхъ державъ вступили съ временнымъ правительствомъ въ правильныя отношенія. Но еще довольно много прошло времени прежде, чѣмъ опредѣлилось, какая *форма правленія* установится въ Испаніи. Республиканская партія была уже сильна, хотя въ учредительныхъ кортесахъ, созванныхъ 11 февраля, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ, монархисты располагали большинствомъ. Только благодаря вліянію Олозаги, предсѣдательствовавшаго въ конституціонной коммиссіи, Серрано и Прима, удалось довести до окончанія проектъ новой конституціи. Онъ былъ принятъ кортесами и обнародованъ 6 іюня.

Не менѣе трудно было найти для Испаніи короля. Всѣ кандидаты, съ которыми Серрано и Примъ вступали предварительно въ переговоры, отвѣчали отказомъ [1]). Кортесы, обнародовавшіе монархическую конституцію, должны были ограничиться избраніемъ Серрано въ *регенты* государства (14 іюня 1869 г.), оставивъ его въ трудномъ положеніи среди борьбы партій, начавшихъ возстаніе ради различныхъ цѣлей. Въ іюлѣ вспыхнуло карлистское возстаніе въ пользу „претендента", донъ-Карлоса (Карла VII); оно скоро было подавлено. Въ октябрѣ начались республиканскія возстанія въ Андалузіи, Валенсіи, Каталоніи и въ другихъ мѣстахъ. Куба, эта важная для Испаніи колонія, также возстала. Правительство съ трудомъ

---

[1]) Въ томъ числѣ Фердинандъ, отецъ португальскаго короля, отвѣчавшій оскорбительнымъ отказомъ, и престарѣлый Эспартеро. Послѣдній скончался 10 янв. 1879 г.

держалось нравственнымъ авторитетомъ Серрано и его перваго министра Прима [1]).

Въ 1870 году, вопросъ о кандидатурѣ былъ, повидимому, улаженъ. Принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій [2]) согласился на предложеніе; но эта кандидатура явилась, какъ мы увидимъ ниже, ближайшимъ поводомъ къ франко-прусской войнѣ 1870 года. Принцъ долженъ былъ взять свою кандидатуру назадъ, и только въ ноябрѣ 1870 года, Испаніи удалось найти короля въ лицѣ Амедея (или Амадея) Савойскаго, второго сына короля Виктора-Эммануила. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать въ Испанію (2 января 1871 г.), главная его опора, генералъ Примъ, былъ измѣннически убитъ. Смерть его была дурнымъ предзнаменованіемъ для короля, вступившаго въ чуждую ему страну, хотя онъ и приносилъ ей свою добрую волю и честное сердце Савойскаго дома.

Но пока Серрано и Примъ искали для Испаніи короля, въ центрѣ Европы разыгралась страшная война, вслѣдствіе которой военная гегемонія отъ Франціи перешла къ Пруссіи.

XV. Трудно найти въ новой исторіи войну, истинныя причины которой были бы до такой степени скрыты, какъ прусско-французская война 1870 года. Конечно, только въ будущемъ разъяснится она вполнѣ, но и теперь никто не рѣшится признать истиннымъ предлогомъ къ ней кандидатуру принца Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ. Правда, обѣ стороны одинаково настойчиво выставляли этотъ предлогъ. Франція доказывала, что ея интересы компрометированы кандидатурой принца, получившаго согласіе прусскаго короля; Пруссія доказывала, что истинная причина войны заключается въ непомѣрномъ тщеславіи французскаго правительства, неудовлетворившагося сдѣланными ею объясненіями. Эта „общая ссылка“ на предлогъ, не особенно важный, доказываетъ, что ни одна изъ сторонъ не имѣла осязательныхъ предлоговъ къ войнѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы каждая изъ нихъ не имѣла сильныхъ причинъ искать ее.

Начнемъ съ Германіи. Движеніе къ единству, вспыхнувшее послѣ событій 1866 года, остановилось въ виду той формы, въ которой сложилось это единство. Унитарныя стремленія въ южной Германіи сильно охладѣли; майнская линія могла сдѣлаться реальною истиною. Только новое обширное предпріятіе могло снова пробудить національное чувство Союзное правительство нуждалось не только во

---

[1]) Донъ-Хуанъ Примъ, о которомъ мы столько разъ упоминали выше, род. въ 1814 году въ Рейсѣ (Каталонія), скончался 30 декабря 1870 г. отъ раны, нанесенной ему 27 декабря.

[2]) Братъ румынскаго князя Карла (см. выше).

внѣшнемъ предпріятіи вообще, но въ предпріятіи, направленномъ именно противъ Франціи, ибо только эта страна обнаруживала намѣреніе поставить препоны возраставшему могуществу Германіи. Она провела между сѣверомъ и югомъ Германіи майнскую линію; она тревожила спокойствіе новаго союза постоянными требованіями „вознагражденія", то на берегахъ Рейна, то на счетъ Бельгіи или Люксембурга; въ ней, наконецъ, находили точку опоры всѣ партикуляристическія партіи южно-германскихъ государствъ, начиная съ клерикаловъ и кончая демократами. Не даромъ графъ Бисмаркъ съ гнѣвомъ говорилъ о людяхъ, желавшихъ видѣть вражескіе штыки обагренными кровью „своихъ сѣверныхъ братьевъ". Сломить на долгое время могущество Франціи значило устранить единственную силу, еще поддерживавшую значеніе майнской линіи,—силу, сдерживавшую дальнѣйшее развитіе Германіи, и лишить партіи, противныя германскому единству, всякой внѣшней точки опоры. Изолированныя въ своемъ отечествѣ, партіи эти становились ничтожными фракціями, неопасными для видовъ союзнаго правительства. Южная Германія могла быть завоевана только во Франціи.

Не менѣе сложны были побужденія къ войнѣ и во Франціи. Они вытекали изъ самаго положенія императорскаго правительства. Каждый изъ двухъ Наполеоновъ, царствовавшихъ во Франціи, былъ фатально обреченъ выкупать утрату политической свободы и невыгоды административнаго гнета блескомъ внѣшнихъ предпріятій и международнымъ могуществомъ своего отечества; каждый изъ нихъ имѣлъ свой героическій періодъ: и тотъ, и другой разыгрывали, въ свое время, роль рѣшителей судебъ всей Европы; на нашихъ глазахъ Европа тревожно прислушивалась къ словамъ повелителя Франціи—къ словамъ, отъ которыхъ зависѣли миръ или война, повышеніе или паденіе биржевыхъ курсовъ, застой или прогрессъ въ торговлѣ. Но такая политика порождала опасныя стремленія во французской націи. Правительство, держащееся исключительно блескомъ внѣшняго могущества, не можетъ опираться на здоровые, истинно патріотическіе инстинкты массъ и образованнаго общества. Прочныя политическія добродѣтели, дѣйствительный патріотизмъ враждебны ему; оно нуждается во внѣшнемъ, оффиціальномъ патріотизмѣ, который получилъ во Франціи характерное названіе *шовинизма*; источникъ его въ безпредѣльномъ самомнѣніи, требующемъ признанія безусловнаго первенства, не выносящемъ чужихъ успѣховъ, чужой силы. Чужіе успѣхи служили оскорбленіемъ для „первой націи въ мірѣ"; они вызывали требованіе вознагражденія, безъ чего нація потерпѣла бы ущербъ въ своемъ первенствѣ.

Значительная масса общества развивалась подъ вліяніемъ этихъ

опасныхъ идей. Выродившаяся и подкупленная журналистика усердно поощряла развитіе такого ложнаго чувства. Затменіе умовъ доходило до того, что, по всеобщему убѣжденію, Франція должна была выигрывать безъ всякаго труда при каждой перемѣнѣ въ политическомъ мірѣ. Понятно само собою, что императорское правительство не могло всегда удовлетворять такимъ неумѣреннымъ требованіямъ. Война 1853—1856 годовъ, итальянская война 1859 года, сирійская экспедиція, нѣкоторыя другія предпріятія, конечно, льстили національному тщеславію французовъ, но послѣ мексиканской экспедиціи значеніе Франціи понизилось. События 1866 года выдвинули впередъ другую державу, о которой во Франціи имѣли смутное понятіе. Блескъ Садовы затмилъ славу Севастополя и Сольферино. Съ этого момента имперіи грозила опасность съ двухъ сторонъ.

Во-первыхъ, оппозиціонные элементы, слабые послѣ разгрома 1852 года, теперь организовались и заявили свое требованіе съ новою силою. Ихъ нельзя было уже удовлетворить незначительными уступками, дѣлаемыми постепенно съ 1860 года. Въ концѣ 1869 года императоръ рѣшился „увѣнчать зданіе“, превратиться въ конституціоннаго монарха съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Послѣднее было составлено однимъ изъ членовъ прежней оппозиціи Э. Олливье [1]). Плебисцитъ 7.500.000 голосами закрѣпилъ и увѣнчалъ реформу; но новое зданіе далеко не было прочно. Законодательный корпусъ былъ составленъ изъ людей, преданныхъ имперіи, но подъ условіемъ славы и блеска, которыми она должна была себя окружать. Масса представителей и ихъ избирателей горѣла желаніемъ отомстить за Садову, не дававшую покоя національному тщеславію французовъ. Правительство, руководимое человѣкомъ, отличавшимся исключительно легкостью рѣчи, было поставлено между двумя огнями: между непримиримою оппозиціею радикаловъ и настойчивыми требованіями правительственной партіи поддержать первенство Франціи.

Съ 1866 года правительство испытывало всѣ средства „успокоить“ общественное мнѣніе по поводу успѣховъ сѣверной Германіи. Лавалеттъ разными софизмами старался доказать, что старый германскій союзъ былъ страшнѣе для Франціи, чѣмъ твореніе графа Бисмарка! [2]). Въ 1867 году думали загладить дѣло покупкой Люксембурга. Французская печать осмѣивала этотъ проектъ, сравнивая Наполеона съ охотникомъ, который, ничего не настрѣлявъ на охотѣ, тайкомъ покупаетъ дичь, чтобы не прійти домой съ пустыми руками.

---

[1]) Эмиль Олливье род. въ 1825 году. Съ 1857 года оппозиціонный членъ законодательнаго корпуса; съ 2-го января 1870 года первый министръ.

[2]) См. циркулярную депешу Лавалетта отъ $^{4}/_{16}$ сентября 1866 г.

Франція едва добилась очищенія крѣпости Люксембурга отъ прусскаго гарнизона. Планы относительно Бельгіи и лѣваго берега Рейна имѣли еще меньше удачи. Министерство Олливье было лишено всякихъ рессурсовъ для „успокоенія“ общественнаго мнѣнія съ этой стороны и было лишено ихъ именно въ ту минуту, когда ему нужно было укрѣпиться во мнѣніи партіи, почитавшей славу и внѣшнее первенство за единственный признакъ хорошаго правительства. Поэтому, оно съ великою горячностью ухватилось за первый предлогъ для доказательства, что дорожитъ преданіями французской славы.

Такимъ предлогомъ и послужила кандидатура принца Гогенцоллернскаго, въ которой хотѣли видѣть униженіе Франціи въ пользу Пруссіи. Она привела къ войнѣ, въ которую такъ легкомысленно бросилась Франція. Ходъ и результаты ея достаточно извѣстны. Общеевропейскія ея послѣдствія могутъ быть изложены въ немногихъ словахъ.

XVI. Извѣстіе о седанской катастрофѣ 2-го сентября 1870 года и плѣнѣ императора было сигналомъ къ низложенію его съ престола, отрѣшенію его дома и къ провозглашенію республики возмутившимся парижскимъ народомъ (4 сентября 1870 г.). Но еще много прошло времени прежде, чѣмъ Франція, нравственно-униженная, обремененная контрибуціею, пережившая возстаніе парижской коммуны и страстную борьбу партій, получила (1875 г.) „органическіе законы“, давшіе внѣшнюю форму фактически существовавшей республикѣ [1]. Напротивъ, „сѣверо-германскій союзъ“, надолго уничтожившій значеніе „наслѣдственнаго врага“ (Erbfeind) Германіи, уничтожилъ майнскую линію. Возстановленная германская имперія была провозглашена въ Версали, 18 января 1871 года, въ тотъ самый день, когда за 170 лѣтъ предъ этимъ, прусскій курфюрстъ надѣлъ на себя королевскую корону. Его потомокъ принялъ императорскій титулъ [2].

Италія, избавленная отъ французской опеки, охранявшей Римъ въ интересахъ папы, могла теперь занять „вѣчный городъ“ и осуществить полное свое единство. Въ сентябрѣ (8) итальянскія войска вступили въ предѣлы папской области, а 20-го Римъ былъ ими занятъ. Всенародное голосованіе (133.000 гол. пр. 1.500) высказалось за присоединеніе Рима къ Италіи (8 октября), и 22 октября Римъ былъ объявленъ столицею Италіи. Викторъ-Эммануилъ въѣхалъ въ него 2 іюля 1871 г.

---

[1]) Историческій очеркъ установленія третьей французской республики будетъ данъ въ догматической части, въ отдѣлѣ о республикахъ.

[2]) Конституція германской имперіи будетъ разсмотрѣна въ догматической части.

Отношенія государства къ папѣ были опредѣлены закономъ 13 мая 1871 г., признавшимъ за первосвященникомъ внѣшнія преимущества, необходимыя для его личной независимости и полную свободу въ отправленіи его *духовной* власти. Ему были обезпечены общія прерогативы царствующихъ государей: неприкосновенность, почести, содержаніе [1]), право пользованія дворцами Ватиканскимъ и Латеранскимъ, съ принадлежащими къ нимъ сооруженіями, садами и т. д. Безъ разрѣшенія папы, ни одинъ представитель гражданской власти не можетъ вступить, для отправленія своихъ обязанностей, въ мѣста, назначенныя для резиденціи первосвященника. При *отправленіи* духовной власти, папѣ предоставлено право безпрепятственно обнародовать свои распоряженія, выставляя ихъ у дверей римскихъ церквей, и духовныя лица не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за распространеніе этихъ распоряженій. Послы иностранныхъ державъ при римской куріи пользуются всѣми привилегіями дипломатическихъ агентовъ. Папа безпрепятственно сносится со всѣми епископами католическаго міра, для чего онъ пользуется особыми привилегіями по телеграфной и почтовой корреспонденціи. Епископы освобождены отъ обязанности приносить присягу королю. Для распоряженій духовныхъ властей (за исключеніемъ распоряженій по духовнымъ имуществамъ и бенефиціямъ) отмѣнено предварительное разрѣшеніе правительства (exequatur и placet). Отмѣнены также апелляціи и жалобы на распоряженія и рѣшенія духовныхъ властей въ дѣлахъ ихъ компетенціи. Но, съ другой стороны, государство слагаетъ съ себя обязанность приводить ихъ въ исполненіе. Разсмотрѣніе юридической силы этихъ актовъ принадлежитъ гражданскимъ судамъ. Акты, противные государственнымъ законамъ и нарушающіе права частныхъ лицъ, лишаются юридической силы; акты, содержащіе въ себѣ признаки преступленія, подлежатъ дѣйствію уголовныхъ законовъ.

Въ этой формѣ осуществилась завѣтная мысль графа Кавура: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“. Идея великаго министра вытекала не столько изъ теоретическихъ, сколько изъ практическихъ и глубоко-національныхъ соображеній. Папа, глава католической церкви, въ Италіи являлся еще однимъ изъ *свѣтскихъ* ея государей и, въ этомъ отношеніи, имѣлъ вліяніе на историческія ея судьбы; оно было, какъ мы видѣли, пагубно. Папская власть, какъ сказалъ еще въ XVI вѣкѣ патріотъ Маккіавелли, была слишкомъ слаба, чтобы собрать во-едино Италію, но достаточно сильна, чтобы (особенно при иноземной помощи) воспрепятствовать

---

[1]) Въ 3.225.000 ежегодно.

сдѣлать это кому либо другому. Многовѣковая исторія Италіи служитъ доказательствомъ словъ Маккіавелли: она оправдывалась и собственною исторіею Пія IX. *Денаціонализировать* церковь, оставивъ папу въ положеніи главы католическаго міра, свободно отправляющаго свою духовную власть, и отдать Италію ея національному королю — таковъ практическій смыслъ знаменитой формулы Кавура, выразившейся въ законѣ 1871 года.

Не такъ удачно сложились обстоятельства для второго сына Виктора-Эммануила, вступившаго на испанскій престолъ. Амедей, чуждый народу, которымъ призванъ былъ управлять, истощивъ всю свою добрую волю въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними препятствіями, наконецъ, отрекся отъ престола (11 февраля 1873 г.). На другой день, кортесы провозгласили республику. Судьба послѣдней неспособна внушить вѣру въ пригодность этой формы правленія въ странѣ, подобной Испаніи. Приверженцы единой и нераздѣльной республики въ борьбѣ съ республиканцами-федералистами; карлисты, возставшіе теперь съ значительнымъ успѣхомъ; соціалистическая партія, нашедшая для себя новую форму и новыя силы въ „интернаціонали“ — таковы были силы, дѣйствовавшія въ этотъ промежутокъ времени. Страна колебалась между деспотизмомъ и анархіею; личныя способности вождей отдѣльныхъ республиканскихъ партій не могли установить нормальнаго правительства. Представители власти мѣнялись безпрестанно, вмѣстѣ съ программами. Фигверасъ, представитель умѣренной республики, уступилъ мѣсто Пи-и-Маргалю, одному изъ вождей федералистовъ. Новыя опасности и новый оборотъ мнѣнія отдали власть консервативной партіи Сальмерона, который, въ свою очередь, уступилъ мѣсто Эмилію Кастелару.

Одинъ изъ способнѣйшихъ государственныхъ людей и блестящихъ публицистовъ Испаніи, Кастеларъ, былъ облеченъ диктаторскими полномочіями (7 сентября 1873 г.). Онъ воспользовался своей гражданской диктатурой для возстановленія порядка и упроченія дисциплины въ арміи, подавилъ „кантоналистское“ (радикально-федеративное) возстаніе въ Картагенѣ и одержалъ нѣсколько успѣховъ надъ карлистами. Испанія вступала, казалось, на новый путь. Но тѣ же кортесы свергли Кастелара (январь 1874 г.). Въ свою очередь, они были разогнаны гренадерами генерала Павіи, который, посредствомъ pronunciamento, создалъ военную диктатуру. Во главѣ правленія былъ поставленъ Серрано. Но, къ концу года, республика окончательно утратила почву. Генералъ Мартинецъ-Кампосъ, предъ этимъ занимавшій должность генералъ-капитана Кубы, возвратился въ Испанію и, 29 декабря, провозгласилъ королемъ сына

Изабеллы, Альфонса, въ пользу котораго королева отреклась отъ престола еще 25 іюня 1870 г. Армія приняла сторону Мартинецъ-Кампоса. Серрано сложилъ съ себя полномочія, и 14 января 1875 г. Альфонсъ XII въѣхалъ въ Мадридъ.

Республика оставила послѣ себя только проектъ конституціи, обсужденію котораго помѣшало pronunciamento генерала Павіи. Новое правительство, назначенное королемъ подъ президентствомъ Кановаса-де-Кастильи, еще годъ не созывало кортесовъ. Только 15-го февраля 1876 года собрались кортесы, избранные всеобщею подачею голосовъ. Проектъ новой, монархической конституціи былъ выработанъ Кановасомъ-де-Кастильей, принятъ почти безъ измѣненій кортесами и обнародованъ 30 іюня 1876 г. Конституція была дополнена законами 8 февраля 1877 г. (о выборахъ избирательной части сената) и 28 декабря 1878 г. (о выборахъ депутатовъ).

Въ теченіе десяти лѣтъ Альфонсъ XII управлялъ Испаніей, положеніе которой начало поправляться. Но смерть его (14 ноября 1885 г.) опять можетъ открыть періодъ смутъ. Такъ же какъ и въ 1833 году, престолъ достался ребенку [1]); такъ же, какъ въ 1833 г., регентство предоставлено вдовствующей королевѣ, по странному совпаденію, носящей имя Маріи-Христины. Для блага Испаніи должно желать, чтобы новая Марія-Христина была счастливѣе прежней.

Въ годъ возстановленія Альфонса XII на испанскомъ престолѣ, въ двухъ турецкихъ областяхъ—Герцеговинѣ и Босніи, началось возстаніе, снова поставившее на очередь „восточный вопросъ". Дипломатическіе переговоры не могли остановить его развитія. Въ слѣдующемъ году, единоплеменныя возставшимъ, Сербія и Черногорія объявили войну Турціи. Черногорцы, вѣрные славнымъ преданіямъ своимъ, наносили туркамъ пораженіе за пораженіемъ. Но успѣхи турецкихъ войскъ въ Сербіи, послѣ взятія Дьюниша, были остановлены русскимъ ультиматумомъ Портѣ. Занятія константинопольской конференціи, которой было предоставлено обсужденіе дѣлъ балканскихъ, остались безплодными, если не считать плодомъ „турецкой конституціи", обнародованной 23 декабря 1876 г., ради отвлеченія вниманія конференціи, и столь же скоро забытой какъ и созданной.

Въ 1877 году Россія начала освободительную войну за славянъ. Результаты ея, несмотря на успѣхи русскаго оружія, далеко не соотвѣтствовали жертвамъ Россіи. Противодѣйствіе Англіи и Австріи заставило русское правительство предоставить окончательное обсужде-

---

[1]) Дочери короля—Марія-де-ласъ-Мерседесъ; род. въ 1880 г.

ніе балканскаго дѣла конгрессу, собравшемуся въ Берлинѣ $^1/_{13}$ іюля 1878 г. Берлинскій трактатъ, несогласный съ первоначальными и законными желаніями Россіи, создалъ, однако, новый порядокъ вещей на полуостровѣ.

Получивъ территоріальныя приращенія, Румынія и Сербія были объявлены *независимыми* отъ Турціи государствами. Независимость Черногоріи также подтверждена. Затѣмъ, изъ сѣверной части Болгаріи образовано зависимое отъ Порты государство; южная Болгарія (и въ этомъ состояло главное отступленіе отъ предварительнаго с.-стефанскаго договора), образовала автономную провинцію Турціи, подъ именемъ Восточной Румеліи.

Постановленія берлинскаго трактата касались и внутреннихъ отношеній названныхъ государствъ. Во-первыхъ, трактатъ опредѣлилъ, что различіе вѣроисповѣданій не должно служить основаніемъ къ ограниченію гражданскихъ правъ, и что свобода богослуженія обезпечивается всѣмъ исповѣданіямъ одинаково. Соотвѣтственно этому, Румынія, Сербія и Черногорія должны были измѣнить свои законы.

Впослѣдствіи, князья Румыніи и Сербіи (въ 1882 г.) были провозглашены королями и признаны въ этомъ достоинствѣ иностранными державами. Въ Румыніи, сверхъ того, пересмотрѣны и измѣнены (въ 1883 г.) многія статьи конституціи [1]. Болгарское княжество получило конституцію, окончательно принятую учредительнымъ собраніемъ въ Тырновѣ, въ 1879 г. Послѣ перерыва, произведеннаго государственнымъ переворотомъ 1881 г., она, въ 1883 г. возстановлена въ своей силѣ. Восточная Румелія получила свой органическій уставъ, выработанный международною коммиссіею на основаніи ст. 18 берлинскаго трактата. Восточно-румелійскій переворотъ 6 сентября 1885 г. поставилъ для обѣихъ частей Болгаріи тотъ же вопросъ, какой былъ поставленъ для Молдавіи и Валахіи въ 1859 г. Въ какой мѣрѣ удастся рѣшить его—покажетъ будущее. Для полноты обзора упомянемъ, что въ 1874 году въ Швейцаріи состоялся пересмотръ конституціи, въ смыслѣ новаго расширенія правъ федеральной власти.

XVII. Такимъ образомъ, конституціонныя учрежденія распространились по всей западной Европѣ и проникли на балканскій полуостровъ. Вездѣ ихъ примѣненіе, развитіе и успѣхъ поставлены въ зависимость отъ тѣхъ національныхъ, религіозныхъ, экономическихъ и международныхъ отношеній, о коихъ мы говорили выше. Но, обращаясь къ догматическому изученію государственнаго права европейскихъ державъ, необходимо имѣть въ виду главныя черты консти-

---

[1]) Эти перемѣны будутъ указаны въ догматической части.

туціоннаго строя, общія всѣмъ государствамъ этого типа. Такими чертами являются:

1) Наличность основныхъ законовъ (конституціи), коими опредѣляются главныя начала государственнаго устройства и отношенія государственной власти къ подданнымъ. Они (въ силу закона или по обычаю) не могутъ быть измѣнены обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ, вслѣдствіе чего они поставлены выше законовъ обыкновенныхъ и обязательны для самой законодательной власти.

2) Обезпеченіе правъ личной, имущественной, религіозной и общественной свободы подданныхъ посредствомъ постановленій, включенныхъ въ конституцію.

3) Раздѣленіе властей, въ смыслѣ отправленія разныхъ функцій государственной власти (законодательной, судебной и административной) отдѣльными и различно устроенными установленіями, съ участіемъ народныхъ или общественныхъ представителей.

Въ этихъ главныхъ началахъ выразилась общая идея конституціонныхъ учрежденій, выработанная предшествующимъ движеніемъ философскимъ, экономическимъ, религіознымъ и политическимъ. Отдѣльныя формы и порядокъ примѣненія этихъ началъ, равно какъ и подробное разсмотрѣніе общихъ принциповъ конституціоннаго устройства составляютъ предметъ догматической части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

